КРЮКОВ
Владимир Викторович

Генеральный директор производственного предприятия «Сугдак». Соредактор журнала «Казаки за камнем». С 2005 года издатель региональной газеты «Казачий Дозор». Организатор крупного издательского проекта «Библиотека Дальневосточного казачества». В числе многих книг этой серии – «Большой толковый словарь донского казачества» (2003), «Краткая история Амурского Казачьего Войска» (2009), четырёхтомное энциклопедическое издание «Освоение Юго-Восточных окраин России» (2014-2015).

Идеолог возрождения традиционных Казачьих Войск на Дальнем Востоке. Атаман Амурского Казачьего Войска с 2005 по 2008 гг., казачий полковник. В настоящее время – Почётный атаман АКВ.

Родился в казачьей семье в поселке Быстринск Ульчского района Хабаровского края. Воспитанник Находкинской мореходной школы (Находка, Приморский край). Выпускник Института технологий бизнеса (Хабаровск).

Родовые станицы – Усть-Быстрянская, Новочеркасская Всевеликого Войска Донского. В 1929 году дед В.В. Крюкова был объявлен кулаком и сослан на Нижний Амур. Другое ответвление древнего казацкого рода Крюковых участвовало в формировании казаков-линейцев Кубанского Войска.

ЛЫСЕНКО
Николай Николаевич

Российский историк, специалист по древней истории арийских кочевников Центральной Азии и военно-политической истории России XIX – середины XX века. Идеолог опережающего развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, последовательный сторонник политической концепции А.И.Солженицына «Как нам обустроить Россию?» Опубликовал свыше 150 научных и научно-популярных статей по истории казацкого народа, истории Великой войны 1914-1918 гг., оружиеведению.

Активный участник защиты суверенитета Республики Южная Осетия в 1991-1993 гг. Депутат Государственной Думы РФ первого созыва (1993-1996). Доктор исторических наук. Автор четырех научных монографий, в том числе фундаментального исследования «Военно-политическая история аланов» (СПб.: Ариана, 2007).

Родился в городе Киренск Иркутской области. Выпускник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Долгое время жил и работал на Крайнем Севере – Таймыр и Камчатка.

Родовая станица – Баталпашинская Кубанского Войска. Прадед Н.Н. Лысенко – Мефодий Лысенко – в 1928 году был раскулачен и сослан, вместе с семьей, в Ленск (Якутия).

ГЕНОЦИД КАЗАКОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР. 1918–1933 гг.

Николай ЛЫСЕНКО

ГЕНОЦИД КАЗАКОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР 1918-1933 гг.

Опыт этнополитического исследования

Ростов-на-Дону
Альтаир
2017

ДК 94(3/9)
ББК 63.3(2)6-2
Л88

ISBN 978-5-91951-428-2

Рецензенты:
М.К. Арчаков,
доктор политических наук, профессор кафедры
всеобщей истории, философии и культурологии
Благовещенского Государственного Педагогического Университета
Д.В. Колупаев,
доктор исторических наук, профессор кафедры
Правоведения и Политологии Алтайского
Государственного Технического Университета имени И.И. Ползунова
С.С. Оганесян,
доктор педагогических наук, профессор, государственный
советник РФ 1 класса, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России
Ф.М. Ибятов,
кандидат исторических наук, доцент Института Государственного
Управления и Права ГУУ

Лысенко Н.Н.

Л88 Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918—1933 гг. Опыт этнополитического исследования. — Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 2017. — 636 с.

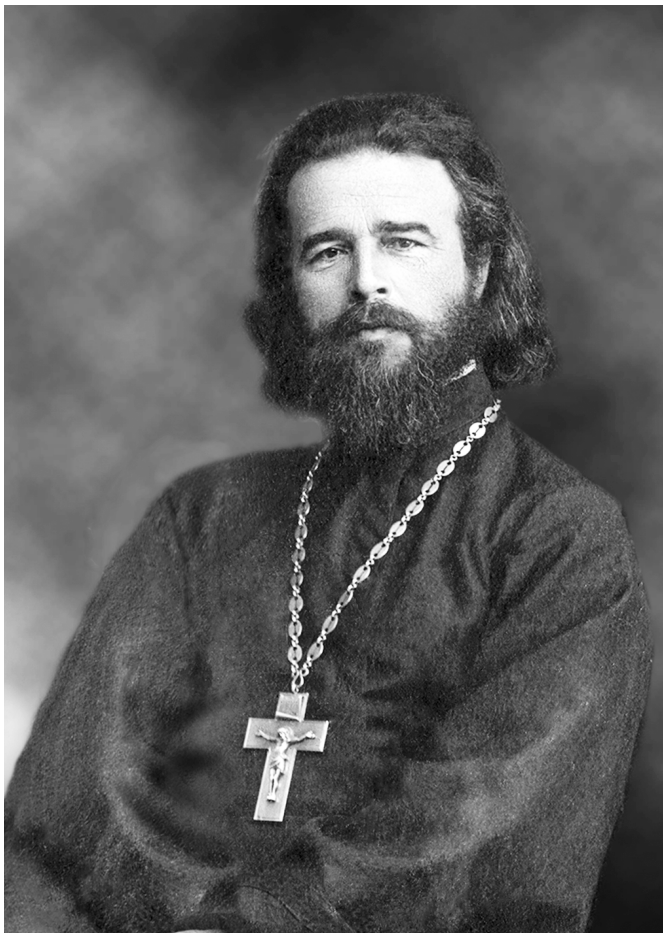
ISBN 978-5-91951-428-2

В монографии рассматривается концепция преднамеренной, насильственной аннигиляции казаков как самобытного этноса (этнокультурного сообщества) в период становления государственной системы РСФСР и СССР в 1918—1933 гг. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексной оценки различных технологий государственного подавления и террора (демоцид, этноцид, культуроцид и т.д.), осуществленных против казацкого населения Юга и Востока России карательными органами Советского государства. Подробно рассматриваются международно-правовые аспекты квалификации геноцида казаков как события преступления против человечества. Исследование основано на традиционной методологии анализа и сопоставления сведений обширного корпуса документов из государственных архивов Российской Федерации, историографической литературы, свидетельских и мемуарных материалов. Издание адресовано специалистам в области отечественной истории, политологии и международного права, а также широкому кругу читателей, заинтересованных в постижении этнополитических аспектов российской истории первой трети XX в.

УДК 94(3/9)
ББК 63.3(2)6-2

© Лысенко Н.Н., 2017.
© Оформление: Альтаир, 2017

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ КАЗАКОВ,
погибших в упорной борьбе
с Красным Драконом Интернационала,
ПАМЯТИ ПОБРАТИМОВ,
кто навсегда покинул Казацкий Присуд,
но не смирился, не сдался,
не поклонился чудовищу большевизма –
ПОСВЯЩАЮ!



Священник Илия Попов 1871-1937

Священник Илия Попов, сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц трех округов области Войска Донского, с 1916 года — в станице Великокняжеской (с 1925 года — станица Пролетарская). После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма Мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года.

В настоящее время материалы к канонизации священника Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении в Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. (Мф. 5:10)

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

В 2013 году была создана Донская региональная благотворительная общественная организация имени священника Илии Попова, которая осуществляет научную, культурно-просветительскую, благотворительную деятельность, способствующую прославлению подвига новомучеников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КАЗАЦКАЯ ПАМЯТЬ О ГЕНОЦИДЕ: вместо предисловия..... 9

Глава I. КАЗАКИ: самобытный народ или русское сословие?..... 23

Российские историки-энциклопедисты о происхождении казацкой этничности. — Историк Русского Зарубежья Н.И. Ульянов об этнополитической сущности казаков Запорожской Сечи.— Академическая наука Российской империи XVIII — середины XIX вв. не усматривала в казаках русский субэтнос. — Конструирование «казачьего сословия» в период царствования Александра II.— Различие этнопсихологических мотиваций казаков и великорусов. — Кровавые казацко-русские эксцессы накануне Революции 1917 г. — Казацкое чувство Гавриила Солодухина. — Размышления очевидцев о казацкой этничности. — Архетипы казаков и великорусов, предопределившие ход и исход Русской Революции.

Глава II. «РАСКАЗАЧИВАНИЕ» КАЗАКОВ: факты этнополитики против пропаганды и лжи 51

«Расказачивание» — универсальный термин или постсоветский эвфемизм? — Ухудшение социально-экономического положения казаков в Российской империи к рубежу XX в. — Бытие казаков в фокусе «Законов о воинской повинности казачьих войск». — Роковые последствия переселенческого законодательства Александра II.— Великая бессмысленная война. — «Расказачивание» казацкого сословия не имело альтернативы. — Подмена квалификации преступления геноцида терминологией «расказачивания». — «Декрет о земле» как онтологическая причина государственного террора Советского режима. — Расказачивание: действительный смысл исторического события.

Глава III. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР: формы и этапы геноцида народа казаков 71

Крах надежд на справедливую оценку советского тоталитаризма в современной Росфедерации. — Смысловая девальвация термина «репрессии» в российской исторической науке. — Репрессии и геноцид: основные смысловые различия. — Репрессивная политика Петра I в отношении казаков. — Миф об отсутствии документальных свидетельств события геноцида казаков. — Государственный террор РСФСР в Горной Кубани в период окончания Гражданской войны. — Совместная повстанческая борьба казаков и горцев на Кубани. — Целенаправленное уничтожение мужской части казацкого этноса. — Преступление геноцида: смысл термина и аспекты квалификации. — Формы преступления геноцида. — Косвенный геноцид и демонизация казацкого сообщества Советским режимом. — Стадии уничтожения казацкого народа государственной системой РСФСР-СССР.

Глава IV. НА НАКОВАЛЬНЕ СОВЕТОВ ПОД МОЛОТОМ «ИНОГОРОДНИХ»: этнополитические противоречия на землях Присуда 109

Фактор империи: немцы, казаки и украинцы под флагом Российской державы. — «Империя наоборот». — Миф о «господствующей в государстве нации». — Имперская фобия о «казацком сепаратизме». — Трагическая судьба историка-энциклопедиста Василия Сухорукова. — Имперская идея о «русификации» казаков. — Массовый поток мигрантов на земли Присуда на рубеже XIX-XX вв. — Эвфемизмы империи в борьбе с казацкой этничностью. — Межэтнические противоречия: причина поддержки режима РКП(б) неказацким населением Присуда. — «Иногородние» переселенцы в борьбе против «народа-помещика». — Девиантность великорусской этносоциальной среды на рубеже XX века. — Резкое нарастание межэтнической напряженности на землях Присуда в 1918 г. — Борьба за сохранение казацких начал в азиатских Войсках. — «Русская сущность» политики РКП(б) на землях Присуда: 1918-1922 гг. — Единое мнение Сталина и Быкадорова при оценке вклада русского населения в победу режима РКП(б) в Гражданской войне. — Главная причина военно-политического разгрома Белого движения.

Глава V. НАКАНУНЕ ГЕНОЦИДА: роковой жребий атамана Каледина..... 159

В истоке геноцида: Закон РСФСР от 27 января 1918 г. о социализации земли. — Невнятная политическая позиция казацкой военной элиты по вопросу восстановления автономий Казацких Войск. — Старт Русской Революции: первые этнополитические инициативы казацкого сообщества и натиск «иногородних». — Донской Войсковой Круг и восстановление демократической процедуры избрания Войскового атамана ВД. — «Русский путь» генерала Алексея Каледина. — «Атаман-Печаль». — Исчерпанность геополитического проекта «Национальная Россия». — Фатальная этнополитическая ошибка Донского правительства Каледина. — Иллюзорность надежд Белого движения на «неминуемое восстание русского народа против иудо-большевиков». — Потерянный шанс на создание этнополитического союза казаков с коренным крестьянством Присуда. — Политический крах «Атамана-Печаль».

Глава VI. «УНИЧТОЖИТЬ КАЗАЧЕСТВО В ЦЕЛОМ»: карательный период геноцида казаков 1918-1922 гг. 199

Гаагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны. — Юрисдикция Международного военного трибунала. — Зверства Красной Гвардии на Дону: зима-весна 1918 г. — Курс РКП(б) на раскол казацкого сообщества. — Национальная война казаков на Дону. — Красный террор на Кубани в 1918 г. — Миф о «еврейской доминанте» в зверствах большевиков. — Всевеликое Войско Донское и попытка решения проблемы «иногородних». — Донбюро ЦК РКП(б), Сергей Сырцов и доктрина геноцида казачества. — Трагедия казацких этнических коллаборантов. — Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. о поголовном истреблении казачества. — Геноцид казаков в зоне

оккупации войск РККА в 1919 г. — Ставка на демоцид: генеральная линия «казачьей» политики РКП(б). — Миф о «приостановке» действия январской 1919 г. директивы Оргбюро ЦК о «поголовном истреблении». — Обреченность военно-политического курса командования ВСЮР. — «Косметические поправки» в программе геноцида: конец 1919 — начало 1920 гг. — Официальное признание казаков «русскими» и конец иллюзий о «советской автономии казаков». — Резкое усиление демоцида на землях бывших Казацких Войск: 1920 г. — Государственный террор, система заложничества и концлагеря на Кубани: 1920-1922 гг. — Этнические казаки: основа повстанческих формирований на Юге России. — Уничтожение казацкого населения Уральского Войска. — Процессы этнополитической аннигиляции казачества в Оренбуржье и Сибири. — Геноцид славянского населения в Прибалхашье. Семиреченская земельно-водная реформа 1921-1922 гг. — Этнические чистки и депортации казаков Терского Войска: 1920-1921 гг. — Особенности демоцида казацкого населения Алтая и Восточной Сибири в период завершения Гражданской войны. — Демографическая катастрофа казаков как результат государственной политики РСФСР 1918-1922 гг.

Глава VII. «НАЦИОНАЛЬНОСТЬ МЕШАЕТ СОВЕТИЗАЦИИ»: этноцид казацкого народа 1922-1928 гг. 373

Отрицательная «селекция» демоцида Советского режима и витальная усталость казаков в результате поражений и потерь в Гражданской войне. — Курс на этнокультурную аннигиляцию казаков: переход Советского режима к политике этноцида в казацких регионах Юга и Востока России. — Идеологическая подготовка режима РКП(б) к использованию методик этноцида для уничтожения традиционных ценностей «казацкого мира». — Специальная комиссия ЦК РКП(б) для изучения положения казачества: попытка Советского режима объективно оценить состояние казацкой этнокорпоративной системы. — Органичные антисоветские настроения казаков. Демографическое и этнополитическое положение казацкого населения Юга России на рубеже 1925 г. — Формула «казацкого наказа» для установления лояльного отношения казаков к Советскому режиму. — Иллюзорность казацких надежд на обретение равных с другими народами СССР политических прав и условий для этнического развития. — Военная служба в рядах РККА как эффективный механизм этнокультурной аннигиляции казацкой молодежи в русско-советской среде. — Советские амнистии для «белоказаков»: изощренная методика режима РКП(б) по максимально полному ослаблению генофонда казацкого народа. — Уничтожение всех основ традиционной казацкой культуры: важная этнополитическая задача Советского режима на Юге России во второй половине 1920-х гг. — Крах усилий советского агитпропа по провоцированию внутреннего раскола в казацком сообществе. — Отказ казацкого

населения от «ценностей» интернационального советского пролеткульта. — Этнополитические меры Советского режима по подготовке преступления Голодомора в основных хлебородных регионах России и Украины. — Нищета, унижение и безысходность: страшное бытие казаков в «интернациональном гетто» Страны Советов. — На старте «великого перелома»: новый этап повстанческой борьбы казаков с оккупационным режимом ВКП(б) на рубеже 1930-х гг.

Глава VIII. УБИЙСТВО ГОЛОДОМ: Голодомор казаков 1930-1933 гг. 437

Голодание, голод, Голодомор: смыслы и критерии применения терминов. — Этнополитическая специфика Голодомора 1932—1933 гг. — Миф о непредумышленном, ситуационно возникшем летальном голоде. — Превентивный удар Советского режима по казацкому и украинскому сопротивлению коллективизации. — 1928-1929 гг.: период окончательной ликвидации состоятельного слоя казацкого народа. — 1930-1931 гг.: период «массовых операций» административно-карательной машины СССР против казаков-середняков. — Процесс разрушения казацкой этносферы накануне Голодомора. — Начало Голодомора: полное разграбление продовольственных запасов селян Северного Кавказа и Украины. — «Скотская работа» казацкого населения Кубани и Дона. — Оккупационно-колонизаторская политика Советского режима в Украине и на Юге России. — «Сталинский апостол» Лазарь Каганович. — Государственный террор комиссии Кагановича и ОГПУ на Северном Кавказе. — Тихорецкое восстание: последнее массовое вооруженное сопротивление казаков Кубани. — Система «черных досок»: технология изощренного геноцида. — Массовые этнические чистки в казацких станицах Северного Кавказа. — Массовые депортации казаков как преступление геноцида. — Дискриминация казацкого населения на землях Присуда в период Голодомора. — Декабрь 1931 г.: системно организованный старт Голодомора на Юге России. — Специальные меры Советского режима по усилению летального эффекта системы Голодомора. — Людоедство и трупоедство на Кубани в 1932-1933 гг. — Детская смертность на Юге России в период Голодомора. — Демографические потери населения Северного Кавказа в 1932-1933 гг. — Уничтожение народа казаков: основная этнополитическая задача системы Голодомора на Юге России. — Код смерти: целенаправленное уничтожение Советским режимом трех поколений казацкого населения Дона, Кубани и Терека. Всеобщее разрушение казацкой этносферы.

Заключение 605

Список сокращений 612

Библиография 616

КАЗАЦКАЯ ПАМЯТЬ О ГЕНОЦИДЕ:
вместо предисловия

Скопище людей превращает в нацию две вещи —
общее великое прошлое и общие планы на будущее.
Уинстон Черчилль

Проблематика геноцида казацкого народа в отечественной историографии никогда не входила в сферу научного мейнстрима. В эпоху Советского Союза как-то дозволялись, а по случаю очередной «круглой даты» победы советских войск в Великой Отечественной войне даже поощрялись научные публикации по проблеме Холокоста еврейского населения Восточной Европы, который осуществили нацисты Третьего Рейха. В этот же период усилиями в основном армянских историков время от времени публиковались статьи и материалы об актах геноцида армянского населения Османской империи в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. Этими двумя этнополитическими дискурсами практически исчерпывались все сколько-нибудь основательные научные штудии преступлений геноцида, совершенных в зоне геополитической ответственности Союза ССР.

Причина лояльного отношения советских идеологов к попыткам изучения геноцида армян и евреев очевидна: к геноциду и первых, и вторых политическое руководство Союза ССР ни в какой мере не было причастно. В то же самое время изучение государственного террора Советского режима в отношении казацкого населения Юга России (или, в качестве другого примера, — в отношении немцев Поволжья) находилось под постоянным, весьма жестким «табу». Сделано это было по причине непосредственного участия большевистского государственного аппарата в этих преступных деяниях и нежелания, по понятной причине, даже рассматривать вопрос об ответственности Советского государства и конкретных лидеров РКП(б)-ВКП(б) за них.

Было логично предположить, что после крушения Советского Союза в 90-х годах прошлого столетия в общественной и научной жизни России возникнут предпосылки для самого тщательного и непредвзятого изучения так называемой «репрессивной политики» в отношении казаков, поволжских немцев, чеченцев, ингушей и других народов. К сожалению, эти надежды сбылись только отчасти. Российской государственной властью, в то время еще не окрепшей и не возвратившейся на привычные для нее тоталитарные рельсы, был принят противоречивый и не подкрепленный какими-то реальными финансово-структурными механизмами Закон «О реабилитации репрессированных народов». Инициаторы этого закона постарались перепутать буквально все, что только можно было на тот момент перепутать. Данный закон можно приводить в качестве юридического нонсенса: реабилитация калмыков, чеченцев, ингушей и других народов Кавказа, которая фактически состоялась еще на рубеже 60-х годов прошлого столетия, была уравнена в духе и букве этого Закона с реабилитацией казаков, которая *de facto* еще и не начиналась. После принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов» государственная власть Российской Федерации сделала все

возможное для того, чтобы из российского правового поля на официальном уровне исчезли какие-либо упоминания о казаках как о самобытном этнокультурном сообществе.

В научной сфере сложилась похожая ситуация. Подлинный прорыв в изучении процесса государственного террора над некоторыми народами в годы Советской власти последовал только в отношении неславянских этносов России. В основном этот прорыв обеспечила научная общественность национальных республик Кавказа и Поволжья, которая опиралась в своей деятельности на благожелательное отношение и деятельную помощь государственных структур собственных национальных администраций. Этнические казаки вновь, как и в предыдущие периоды российской истории, оказались в незавидном положении пасынков России. Невинно пролитая кровь, осквернённое национальное достоинство и разграбленное достояние казацкого народа оказались никому в новоявленной Российской Федерации, кроме потомков самих казаков, не интересны.

Это кажется парадоксальным, но полная индифферентность российской власти к проблематике геноцида и реабилитации казацкого народа оказалась бы, как это очевидно сейчас, наверное, более оптимальным решением. Однако, провозгласив тренд «возрождения казачества», Кремль сделал максимум возможного, чтобы погасить все крупные неформальные инициативы по изучению геноцида казаков, которые возникли в казацкой этнической среде и не требовали, казалось, от государственной системы РФ ни финансов, ни сочувствия. Постоянными административными придирками была, например, максимально затруднена деятельность авторитетной среди этнических казаков общественной организации «Национальный Совет донских казаков» (НСК). В 2004–2011 гг. НСК сумел привлечь к изучению геноцида казаков ряд видных российских историков, регулярно проводил научно-практические конференции, издал несколько профессионально подготовленных сборников официальных документов по данной проблеме[1]. Были опубликованы аналитические материалы для осмысления событий государственного террора на Юге России. НСК издавал ежемесячный информационный «Вестник НСК», в котором находили отражение настойчивые попытки «Национального Совета казаков» привлечь внимание общественности к методичному саботированию чиновниками Закона «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казацкого населения[2].

Приблизительно в тот же период, благодаря меценатской деятельности этнического казака Владимира Мелихова, сразу в двух регионах — в станице Еланской Ростовской области и в подмосковном Подольске — стал создаваться Научный центр и Мемориал-музей «Донские казаки в борьбе с большевиками». Инициатива В.П. Мелихова через некоторое время привела к созданию крупного, академического уровня хранилища аутентичных документов Гражданской и Второй мировой войн, имеющих отношение к казацкой этнополитической истории, в том числе, и по проблеме геноцида казаков в Советской России. В 2009–2011 гг. на базе филиала Мемориала-музея в Подольске усилиями профессионального редакционного

---

[1] См., напр.: Необходимые условия и пути сохранения казацкого народа в исторической перспективе: Сб. науч. трудов V Юбилейной международной научно-практ. конф. (Выпуск II). – Ростов н/Д., 2006; Сохранение и развития казацкого народа. Программа НСК: Материалы конференции НСК 03.05.2008 (Ростов н/Д.). – Ростов н/Д., 2008.

[2] Час скорби. Хронология казачьего геноцида. – Ростов н/Д., 2004; Казаки: геноцид казацкого народа. (Автор-составитель М.М. Болдырев). – М., 2008; Казаки: мы хотим выжить – и жить как народ. (Материалы НСК). – М., 2009; *Касьянов А.А.* Казацкий народ (краткая история). – Ростов н/Д., 2010.

коллектива издавался научный альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». По критерию качества исследовательских работ, по своему превосходному иллюстративному оформлению данный научный сборник существенно превосходил многие профильные издания РАН[3]. Инициатива В.П. Мелихова должна была получить, по логике, хотя бы демагогическую поддержку официальных государственных и научных структур Российской Федерации. Однако на деле Научному центру «Донские казаки в борьбе с большевиками» политическая система «вставшей с колен» России объявила самую настоящую административную и юридическую войну, которую казацкий меценат вынужден стоически вести до сих пор.

Негативное отношение актуальной государственной системы Российской Федерации к проблеме геноцида казацкого населения не могло не сказаться на освещении данной проблематики авторитетными научными учреждениями и специалистами за пределами РФ. Так, например, в обобщающем труде профессора восточноевропейской истории Стэнфордского университета (США) Нормана Неймарка вопрос государственного террора Советской власти в отношении казачества вообще не нашел никакого отражения. В основательной работе американского исследователя «Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века» обобщены сведения о геноциде и этнических чистках в отношении армян и греков Турецкой Анатолии, евреев Германии, чеченцев, ингушей и крымских татар СССР. Здесь приводятся малоизвестные российской публике факты, свидетельствующие о насильственном изгнании немцев из чехословацких Судет и чудовищной по жестокости дегерманизации некоторых районов Польши в период Второй мировой войны. В значительной степени отражена в работе Н. Неймарка проблематика острой межнациональной борьбы в бывшей Югославии. Однако события страшных этнических чисток казаков на Тереке в 1920–1921 гг. или гибель около 10 миллионов восточных славян Юга России и Украины, произошедшая в течение всего двух лет (Голодомор 1932–1933 гг.), в книге американского профессора оказались отчего-то совершенно забыты[4].

Первопричина демонстративно несправедливого отношения современного российского государства к национальной проблематике и законным интересам казаков, в сущности, не является секретом. Она заключена в самих онтологических основах, на которых в канун 90-х годов прошлого столетия группа близких к системе КГБ кремлевских функционеров воссоздавала, после глобального катаклизма разрушения СССР, новую формацию государственной власти в России.

Крушение огромной коммунистической сверхдержавы привело к образованию на ее обломках ряда независимых национальных государств. Одновременно в качестве нового независимого государства возникла Российская Федерация, провозгласившая себя в международном аспекте правопреемницей сразу трех былых государственных субъектов: Российской империи, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза ССР. Этим неоднозначным решением новое политическое руководство Кремля закрепило за Россией не только зарубежную собственность СССР, былые долги и займы имперского и советского периодов истории, но в значительной степени, — антиславянскую идеологию уже навсегда канувшей в Лету большевистской государственности.

---

[3] Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками»: сб. науч. трудов. Изд-во НП «Центр изучения истории Белого Движения». № 1 (2009); № 2, 3, 4 (2010); № 5, 6 (2011).

[4] *Неймарк Норман М.* Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. — М.: АИРО-XX; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005.

Важно отметить, что все новые постсоветские государства — от Украины до Узбекистана, с самого первого дня независимого существования, стали формироваться именно как национальные государства — в смысле ориентирования государственной идеологии и политической стратегии на интересы одной, вполне конкретной, титульной нации. Только Российская Федерация продолжила использовать в этнополитической сфере главную идеологему КПСС о наличии «новой исторической общности — советского народа». В изменившихся постсоветских условиях кремлевские идеологи стали утверждать наличие «многонационального и поликонфессионального российского народа», что, по сути дела, означало продолжение застарелого интернационалистского тренда Союза ССР. Однако, восприняв главный миф советской эпохи — о возможности долговременного успешного государственного бытия «многонационального и поликонфессионального народа» — Российская Федерация не могла не воспринять, уже в силу элементарной логики, и две других, тоже некогда структурных советских идеологемы.

Первая идеологема провозглашала государственную власть в России — как несомненное благо для всех народов страны во все периоды ее истории. С этой позиции даже кровавые тирании Петра I или Иосифа Сталина получили неотъемлемое право на историческую «индульгенцию», — мол, не появись эти два тирана на авансцене российской государственной власти — не было бы сейчас страны по имени Россия.

Вторая идеологема (третья в общем зачете главных идеологических «китов» актуальной российской политики) также была получена Российской Федерацией в наследство от Советского Союза и прямо затрагивает сферу этнополитического бытия всех народов страны. Эта идеологема получила свое почти «сакральное» обоснование в знаменитой статье Владимира Путина «Россия: национальный вопрос». Смысл ее в том, что русские как основной государствообразующий народ никогда не принуждали другие этносы к этнической аннигиляции. «Великая миссия русских — утверждал баллотирующийся тогда на новый президентский срок В.В. Путин, — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар…»[5]. Нетрудно убедиться, что в своей статье по национальному вопросу В.В. Путин, по большому счету, не сказал ничего нового — что решительно расходилось бы с былыми постулатами советского интернационализма. Еще во времена существования коммунистической империи все народы страны заучивали слова гимна СССР — про то, как Великая Русь сплотила, якобы, «Союз нерушимый республик свободных».

В совокупности все три вышеприведенные советские идеологемы, унаследованные Российской Федерацией, можно назвать, вероятно, российским «неоимперским мифом». В условиях авторитарной государственной системы Российской Федерации этот миф постепенно приобретает черты идеологического фундаментализма — почти теологической априорности. Трудно прогнозировать — каким будет исторический генезис российского «неоимперского мифа» уже в среднесрочной перспективе? Как известно, его советский аналог не сумел сохранить Советский Союз — несмотря на значительный демографический потенциал советской державы и выдающиеся мобилизационные возможности социалистического строя.

---

[5] *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 23.01.2012, № 7 (5493).

Автор настоящего исследования не ставит перед собой задачи подвергнуть критике российский «неоимперский миф». Вместе с тем, нельзя не отметить, что эта явно устаревшая идеологическая конструкция, получившая признание на самом высоком этаже актуальной государственной иерархии, немедленно оказала парализующее влияние на изучение научным сообществом России процесса геноцида казаков[6]. «Миф» также внес жесткую коррекцию в традиционные для российской научной сферы дебаты о том, кто же такие есть казаки — имперское сословие, субэтнос великорусов или самобытный славянский народ? При этом идеологически важнейший аспект процесса реабилитации казацкого этнокультурного сообщества — вопрос признания события геноцида казаков в Советской России — вообще оказался вытеснен на периферию общественного и научного внимания.

Метаморфозы в вышеприведенных аспектах, на которые оказалась способна российская научная общественность в первое десятилетие 2000-х годов, впечатляют. «Ученые, мыслители, доценты с кандидатами» — как пел когда-то незабвенный Владимир Высоцкий — которые еще вчера всерьез изучали этнические особенности казаков как самобытного этнокультурного сообщества, сразу же обнаружили, что казаки, оказывается, всегда являлись «полиэтнической общностью», да и вообще, по большому счету, были «русскими». Словосочетание «геноцид казаков» почти мгновенно было заменено в российском научном лексиконе двусмысленным термином «расказачивание». А при описании особо страшных преступлений красных карателей термин «государственный террор» был легко замещен таксоном «репрессии». Поразительно, но является фактом: мужество утверждать, что государственные репрессии Советской власти против казаков являлись именно этническими репрессиями и геноцидом, сохранили в России в основном ученые неславянского происхождения[7].

Примеры противоположного исследовательского подхода подчас выглядят удручающе. В 2000 году, например, известный исследователь «казацкого вопроса» С.А. Кислицын констатировал: «24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло директиву об отношении к казачеству, в которой предписывалось проведение активной репрессивной политики в отношении контрреволюционной части казачества. Однако эта мера, в общем логичная для жестокой гражданской войны, была изложена в формулировке, позволяющей трактовать эту директиву как указание **проводить огульное уничтожение казачества как народа** [*выделено нами. — Н.Л.*]». Ниже, в результирующей части своей статьи, историк подчеркивал: «Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в 1919 году большевизм осуществил массовый антиказачий террор на **ГРАНИ геноцида** [*выделено автором.— Н.Л.*]. Представляется, что эта формула — «террор на грани геноцида» позволяет наиболее адекватно передать смысл данных событий»[8]. Таким образом, в 2000 году С.А. Кислицын фактически признавал казаков отдельным народом, а в вопросе квалификации преступления геноцида казаков занимал некую промежуточную позицию, не исключавшую, в принципе, признание

---

[6] См. об иных возможных последствиях возврата к «неоимперскому» дискурсу: *Лысенко Н.Н.* Необольшевизм: опасность дискурса по реабилитации государственного террора режима РКП(б)-ВКП(б)// Казачество России от Ермака до наших дней: материалы Всероссийской научно-практической конференции: Тюмень, 26-28 октября 2017 г. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2017. — С. 152—164.

[7] *Дзидзоев В.Д.* Национальная политика: уроки опыта. — Владикавказ: Алания, 2007. — С. 138; *Алиев И.И.* Этнические репрессии. — М.: «Радиософт», 2008. — С. 106—110.

[8] *Кислицын С.А.* К вопросу о понятиях: геноцид казачества или антиказачий террор на грани геноцида// Казачий сборник. Выпуск 2. — Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000. — С. 71, 80—81.

массового государственного террора против казаков, развязанного режимом РКП(б), именно геноцидом.

С тех пор прошло без малого 20 лет: за это время были опубликованы десятки вновь открытых архивных документов и сотни свидетельств очевидцев, которые со всей очевидностью показывают, что так называемый «антиказачий террор» не только находился на грани геноцида, но и далеко переходил все мыслимые границы нечеловеческого зверства — **преступления против человечества.**

Изменилась ли за эти годы научная позиция ростовского профессора?

В полном соответствии с означенным в Кремле государственным идеологическим трендом, о котором мы упоминали выше, С.А. Кислицын окончательно «самоопределился» в ключевом вопросе казацкой истории периода Революции. «Не было геноцида казаков в прямом смысле этого понятия, — резюмирует свои долголетние научные штудии историк. — Если использовать это понятие, то надо говорить об общей геноцидальной ситуации в период кульминационного обострения Гражданской войны, когда одна часть русского народа неистово уничтожала другую»[9].

Способ решения «неудобной» для Российской Федерации дилеммы: происходил ли в 20-е и 30-е годы XX века геноцид казаков или дело все-таки ограничилось одними лишь репрессиями — был, таким образом, успешно найден. Логика С.А. Кислицына понятна: если рассматривать казаков как «часть русского народа», то, с учетом имеющихся мировых прецедентов, — применять понятие «геноцид» для квалификации преступных действий Советского режима в отношении казацкого населения станет значительно сложнее. Нарочитое муссирование российскими историками тезиса о русской субэтничности казаков, а также попытки создать на этой основе специальное научное направление, возникли, по-видимому, отнюдь неслучайно. Таким стал, к сожалению, ответ значительной части научного сообщества России, озадаченной штудиями в области казацкой истории, на запрос актуальной идеологической доктрины «неоимперского мифа».

«В современных условиях, — размышляет по схожему поводу историк С.М. Маркедонов, — невозможно говорить о прямом влиянии государственных установок на историческую науку. Но заметно косвенное воздействие на взгляды историков государственных концепций возрождения казачества, проявляющееся в спрямлении острых углов казачьей истории. Отсюда обобщающие выводы о патриотизме и верности государству (русской идее) как о чертах, имманентно присущих казакам»[10].

Складывается впечатление, что внутренний «редактор» настойчиво требует от любого российского историка, задействованного в государственных научных учреждениях РФ, ни в коем случае не признавать двух аспектов казацкой истории. Во-первых, ни при каких обстоятельствах не признавать казаков этнически самобытным народом. А во-вторых, всегда и во всех случаях «наукоемко» аргументировать, что геноцида казаков в Советской России никогда не было, а отдельные акты государственного террора против них следует рассматривать — в максимальном варианте — как преходящие, ситуационно возникшие репрессии.

---

[9] *Кислицын С.А.* Указ и шашка: политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — С. 339.

[10] *Маркедонов С.М.* Казачество: единство или многообразие? Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ// Общественные науки и современность. Издание РАН. 2005. № 1. — С. 97.

В качестве иллюстрации этой печальной реальности приведем весьма характерный пример. Относительно недавно в одном из выпусков специализированного журнала РАН «Этнографическое обозрение» была опубликована статья известного исследователя казацкой проблематики М.А. Рыбловой (старший научный сотрудник ЮНЦ РАН). Статья готовилась в рамках гранта РГНФ «Социокультурные трансформации на Дону и их отражение в исторической памяти донских казаков». Заявленная тема подразумевала, в частности, ответ на один из важнейших вопросов современного казаковедения: какой этносоциальный статус в наибольшей степени соответствует состоянию донского казачества накануне Революции — народ, сословие или субэтнос русских? Казалось бы, столь ответственный вопрос должен был, уже сам по себе, подвигнуть удачливую соискательницу государственных грантов на самый тщательный обзор существующих в историографии основных версий о происхождении казаков.

В целом, нужно признать: М.А. Рыблова написала весьма обстоятельную, качественную статью о социокультурных трансформациях донского казачества. Однако, в своем обзоре историографии о самобытном этническом статусе казаков, исследователь самым недвусмысленным образом «не заметила» все серьезные, авторитетные труды, аргументирующие эту версию. С трудом верится, что профессиональный историк из Волгограда не знакома с классическими трудами И.А. Билого[11], Ис.Ф. Быкадорова[12] по проблеме казацкой этничности, или, хотя бы, с компилятивной современной работой В.Ф. Никитина[13].

На фоне такой «необъяснимой забывчивости» автора было очень странно читать в этом же историографическом обзоре о саркастической «версии» каких-то дилетантов-энтузиастов об отслеживании «рода казачьего от Рождества Христова». Вдвойне странно было ознакомиться с подробным разбором бульварных, квазинаучных построений на страницах «Этнографического обозрения» — академического издания, претендующего на исследовательский материал высокой пробы[14].

Итак, вряд ли можно усомниться в том, что этническая история казаков, а особенно та ее часть, которая связана с кризисными аспектами взаимодействия этого народа с Российским государством, всегда будет находиться в современной Росфедерации под сильным воздействием актуального идеологического прессинга. Именно воздействием этого прессинга вызваны многочисленные попытки представить российских казаков неким отрядом беззаветных «воинов Христовых»[15] или «лучшим человеческим материалом русского народа» (выражение известного русского этнолога-националиста А.Н. Севастьянова). Кажется очевидным, что к реальным этническим казакам Днепра, Дона, Волги, Кубани, Терека, Яика, которые многие десятилетия отдавали Российской империи «барщину кровью», равно как к их современным потомкам, — ни первое, ни второе определение никакого отношения не имеют. Не имеют, впрочем, никакой реальной основы и попытки представить народ казаков неким разбойным скопищем «нагаечников», которых,

---

[11] *Билый И.А.* Казачьи земли: Территория и народонаселение. — Прага, 1928.

[12] *Быкадоров Ис.Ф.* История казачества. Кн.I. — Прага: Библиотека вольного казачества — вільного козацтва, 1930.

[13] *Никитин В.Ф.* Казачество: нация или сословие? — М.: Яуза, Эксмо, 2007.

[14] *Рыблова М.А.* Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях// Этнографическое обозрение. 2010. № 6. — С. 158–159.

[15] *Шамбаров В.Е.* Казачество: путь воинов Христовых. — М.: Алгоритм, 2013.

дескать, только жесткая, а при необходимости жесточайшая центральная власть России могла привести «в чувство»[16].

Казаки — самобытное, с исторически сложившимися традициями народоправства, милитаризированное уже на ментальном уровне этническое сообщество — всегда являлись одним из самых «неудобных» народов в России. До кровавого рубежа большевистского геноцида народ казаков можно было с полным основанием называть этносом славянских самураев. Самобытный казацкий народ, для которого идеалы человеческого достоинства, духовной свободы, взаимной этнокорпоративной поддержки являлись не отвлеченными фикциями, а повседневной реальностью бытия, никогда не мог стать в полной мере «своим» для монархической и крепостнической России[17]. Чудовищная Россия Ленина-Троцкого-Сталина тем более не могла признать казаков «своими».

В органичной отчужденности казаков от «среднестатистического» российского бытия, окружающего их на протяжении нескольких веков, и кроется, на наш взгляд, онтологическая первопричина того, что политика геноцида в отношении этого народа стала, в конечном счете, неизбежной. Троцкий и Ленин, а затем Сталин сумели выполнить то, что по объективным причинам не смог бы выполнить император Петр I — «первый большевик на русском престоле» (М. Волошин). С этнической казацкой особостью могло еще как-то примиряться (не прекращая, впрочем, настойчивых попыток удушить казаков в объятиях) европеизированное, христианское, идеологически гуманное государство поздних Романовых. Однако, когда на авансцену российской истории выскочила чудовищная химера большевизма — «русское тело с еврейской головой» (выражение Владимира Шульгина) — иных шансов, кроме как уничтожить этого монстра или погибнуть самим, для казаков, увы, не осталось.

Усталость от многолетней бессмыслицы Великой войны 1914–1918 гг., состоявшаяся значительная «русификация» (явно в ущерб казацкому этнополитическому чувству) не позволили значительному большинству этнических казаков быстро осознать страшную опасность для них так называемой Русской Революции. Интернациональная коммунистическая империя, сколачиваемая усилиями Троцкого, Ленина и Сталина, априори не могла допустить возникновения у южных границ Советской России преуспевающего, политически и экономически независимого казацкого государства. В борьбе с большевистским чудовищем для казаков действительно спасительным мог быть только единственный лозунг: «Победа или смерть!» Когда же это осознание пришло, наконец, к широкому слою казацкого сообщества — было уже слишком поздно. Интернациональная хунта РКП(б) уже располагала мозгами русских офицеров-коллаборационистов и многомиллионной ордой распропагандированного крестьянского мужичья...

Специально отметим немаловажный аспект настоящей работы: автор не ставил себе задачи объединить в четкие хронологические рамки буквально все известные факты преступления геноцида, совершенные режимом РКП(б)-ВКП(б) в отношении казаков в 1918–1933 гг. При сегодняшнем состоянии архивно-историографической базы сделать это, по большому счету, вряд ли реально. Массовость, даже обыденность кровавых эксцессов, осуществленных

---

[16] *Биров Э.* Майданная Сечь. Казаки 21 века // Взгляд (деловая газета). 21.03.2014. См. электронная версия: http://www.vz.ru/opinions/2014/3/21/678369.html

[17] *Морозова О.М.* О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в.–1920г.) // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 2. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 105–119.

или инспирированных Советской властью на казацких землях, не означает детальной или, хотя бы, удовлетворительной документированности этих преступлений. В годы Гражданской войны все механизмы учета и контроля, сохранившиеся со времен империи, были полностью разрушены, а новые, советские, либо еще не учреждены, либо находились в стадии становления. В период прямой борьбы с Белым движением арестовать именем Советской власти любого человека, показавшегося враждебным, мог каждый красноармеец; впоследствии это мог сделать любой чекист. Органы ВЧК-ОГПУ, ревкомы, другие советские административно-карательные структуры зачастую подвергали аресту («изымали» – на большевистском сленге) казаков целыми семьями и хуторами. Арестованных людей большевики «пускали в расход» (убивали) руководствуясь при этом, особенно в годы Гражданской войны, почти исключительно «революционным правосоз- нанием», т.е. без всяких следственных и судебных процедур. Часто имело место изощренное, даже сатанинское по сути, сокрытие следов преступлений: сжигание расчлененных трупов в паровозных и заводских топках, расстрелы в песчаных дюнах (тела убитых быстро заносило песком), спускание жертв под лед или утопление еще живых людей в трюмах барж на фарватере крупных рек.

Учитывая вышеозначенные обстоятельства, автор настоящей книги не мог ставить в качестве основной задачи статистически точное перечисление всех преступных актов машины террора Советского государства по отношению к народу казаков. Вместе с тем, автор убежден, что неизбежно придет время, когда на новом процессе Международного трибунала по расследованию преступления геноцида казаков (назовем его «Новочеркасским процессом») обязательно будет предъявлен и максимально документированный в событийном и хронологическом аспектах (прокурорский) список актов геноцида казацкого населения, совершенных административно-карательной машиной режима РКП(б)-ВКП(б).

Основная цель настоящей книги — постичь не только исторические, но, прежде всего, этнополитические реалии событий геноцида казаков, важнейшие этнологические последствия этого преступления в целом. Подобную задачу, насколько нам известно, до сих пор не решала ни российская, ни зарубежная историография. Соответственно, в первую очередь, мы пытаемся очертить здесь круг и понять природу основных этнополитических и социально-экономических факторов, приведших к возникновению самой идеи геноцида — добиться насильственной этнокультурной аннигиляции казаков в среде русского этносоциума. Конкретные события сложных, часто противоречивых и всегда трагичных взаимоотношений казацкого сообщества рухнувшей Российской империи с новым, узурпаторским Советским режимом мы всегда старались показывать в широком историческом контексте. Это обстоятельство зачастую *volens-nolens* приводило автора к необходимости перемежать «советско-террористическую» фактографию детальными политическими, этнологическими и даже историософскими экскурсами.

Важно подчеркнуть красной линией — в настоящей работе автор старался в наименьшей степени обсуждать крайние мнения о процессе советской оккупации Казацкого Присуда и характере преступлений большевиков по отношению к казацкому населению. Эта необходимая, на наш взгляд, «резекция» коснулась как произведений современных адептов диктатуры русского пролетариата, так и конспирологических трактатов националистов, причем как русских, так и казацких. Подлинная природа исторических событий всегда лучше видна из центральной части спектра мнений современников этих событий и последующих исследователей. По этой причине автор заранее отвергает возможные обвинения в концептуальной

тенденциозности — материал данной монографии сформирован таким образом, чтобы заинтересованный читатель нашел возможность сопоставить взгляды автора книги с альтернативными мнениями. Разумеется, мы сознаем, что не во всех случаях эта система была выдержана исчерпывающе полно: в иных случаях достоверность конкретного документального материала чрезвычайно трудно, а подчас и невозможно уже проверить с соблюдением всех методологических критериев исторической науки. По этой причине значительную часть информационного блока данной книги составляют свидетельства очевидцев событий — воспоминания людей, которые видели собственными глазами: какими чудовищными методами Советский режим уничтожал казацкое население Юга и Востока России.

Мы также считаем необходимым подчеркнуть, что в предлагаемой книге обозначена **именно казацкая точка зрения** на события преступления геноцида в отношении казаков в период 1918—1933 гг. Автор попытался взглянуть на процесс последовательного уничтожения казацкого народа глазами человека, являющегося по своему происхождению этническим казаком. **Стремление к научной объективности не противоречит, на наш взгляд, неотъемлемому праву казаков иметь собственное мнение о тех или иных событиях своей национальной истории.** Полагаем, что подобно этническим немцам, армянам, евреям или великорусам, народ казаков может и должен иметь собственную оценку такого эпохального события своей этнической истории как геноцид, организованный политическим режимом РКП(б)-ВКП(б).

Чтобы избежать смысловых нестыковок при чтении материала книги, полагаем необходимым специально уточнить применяемые здесь основные этнополитические термины. (Ключевые понятия, определяющие формы государственного террора и отдельные стадии преступления геноцида, будут подробно разъяснены в соответствующих главах).

Этнические казаки, казацкий народ — этносоциальное сообщество восточных славян, обладавшее до середины 30-х годов XX века консолидированным в этническом аспекте генофондом и уникальной национальной спецификой. Правомерно считать это сообщество самобытным казацким этносом, имеющим свои субэтнические уровни — казаки Донского, Уральского, Терского и Кубанского Казацких Войск. Остальные семь войск Российской империи, сохранившиеся к 1917 году (Амурское, Астраханское, Забайкальское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уссурийское), имели, по-видимому, более верифицированный генофонд и отличались значительной степенью русификации. Тем не менее, в событиях Революции и Гражданской войны в России все семь вышеупомянутых войск действовали, в основном, в русле общеказацкого этнополитического потока.

К началу XX в. этнические казаки, обладавшие с середины XV века самобытной историко-культурной традицией, в полной мере сохранили свои коренные культурные, социальные и ментально-психологические отличия от всех других восточнославянских народов. В настоящее время самоидентификация казацкого народа опирается на этноним «казаки», сохраненную национальную память и попытки восстановить популяционную основу этноса на основе возрождаемого института мононациональной казацкой семьи[18].

---

[18] В 1947 г. американский исследователь Г. Нейдель впервые высказал верную, как признается сегодня большинством этнологов, мысль о том, что в ситуациях взаимопроникающей этнолингвистической мозаики, при территориальной «черезполосице» относительно близких этнических культур наименее двусмысленным, а иногда и единственным реальным критерием в определении того, где кончается одна этническая общность и начинается

Этнический казак — представитель казацкого народа, обладающий в личном геноме существенной частью генетического кода исторического казацкого этноса, осуществляющий личную национальную идентификацию только на основе этнонима «казак» и сохраняющий живое чувство персональной сопричастности к исторической судьбе народа казаков.

Казацкое сословие — особое военное сословие Российской империи, сформированное на основе этнических казаков-славян и обладавшее социальными привилегиями за несение обязательной, фактически пожизненной военной службы. В состав казацкого сословия могли входить представители инонациональных этнических групп (славянского и неславянского происхождения), которые приобретали в этом случае статус приписных казаков.

Приписные казаки — представители инонациональных этнических групп, отличающиеся по генетике и культуре от казацкого народа, но включенные (поверстанные) на временной или постоянной основе в казацкое воинское сословие. Численность приписных казаков в составе Донского, Уральского, Терского и Кубанского войск всегда была весьма незначительной. Например, в Войске Донском существовала этнически отличная от казаков-славян группа «донских татар», преимущественно ногайского происхождения, численностью около 5 тыс. человек (вместе с женщинами и детьми). В этом же Войске в составе приписных казаков находились донские калмыки — их общее число по данным переписи населения 1897 г. составляло 27,2 тыс. человек[19].

Субэтнос — социокультурная общность, обладающая исторически устойчивым своеобразием региональной культуры, языка и определенным самосознанием. Одновременно субэтнос является органичным элементом общей структуры данного этноса[20]. Характерным примером субэтносов в составе казацкого этноса являются донские и уральские казаки, а также казаки Черноморского Войска (переселенные в 1788 году на Кубань запорожские казаки — потомки вольного Запорожского Низового Войска).

Этнический коллаборационизм — данный термин, впервые предлагаемый нами, имеет универсальный характер и может быть применен для характеристики антинациональной, антиэтнической (предательской по отношению к собственному народу) деятельности людей на любом континенте, на территории любого государственного образования. Государство и народ (этнос) не являются тождественными понятиями, поэтому конкретный этнический индивидуум может быть лояльным, даже полезным гражданином какой-либо государственной системы. Одновременно, этот же самый человек способен осуществлять крайне вредоносную, изменническую деятельность по отношению к своим этническим соплеменникам, т.е. выступать в неблаговидной роли этнического коллаборанта

другая, является самоидентификация народа, опирающаяся на этноним. Нейдель подчеркивал в этой связи: «Культура и даже язык не могут предоставить безошибочный критерий племенной принадлежности, ибо культура и язык допускают степени и оттенки единообразия или различия, в то время как представление о принадлежности к племени [т.е. этническое самосознание. — Н.Л.] имеет тенденцию к более резкой кристаллизации — некто либо является членом племени, либо нет». См. подробнее: *Moerman M.* Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue? // American Anthropologist. 1965. Vol. 67. — P. 1219–1220.

[19] См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 12 (Область Войска Донского). — СПб. 1905.

[20] *Семенов Ю.И.* Социально-исторические организмы, этносы, нации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. — С. 11; *Рыбаков С.Е.* О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. № 5; *Он же.* Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. — С. 56–58.

(предателя) по отношению к витальному потенциалу и исторической судьбе своего народа[21].

Казацкий Присуд — территориальное этнополитическое пространство казацкого народа, священные земли казаков, издавна завоеванные и заселенные их пращурами. В этом смысле к землям Казацкого Присуда следует относить полосу лесостепи, степи и гор, протянувшуюся в широтном направлении с запада на восток — от бассейна реки Днепр до бассейна реки Яик (Урал) и гор Алтая включительно.

Реестровое казачество России — объединение граждан Российской Федерации, действующее на основании Указа Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» (1995 г.), Указа «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» (1996 г.). В составе Реестрового казачества России присутствуют как этнические казаки, так и в значительном числе приписные казаки — граждане других национальностей (в основном русские), имеющие в большинстве случаев только самое поверхностное представление об истории, этнической культуре и национальной памяти казацкого народа.

Казачество — сложный, многоплановый этнополитический и социокультурный феномен истории Евразии. Казачество, имевшее в своей основе этносоциальный стержень казацкого народа, существовало в контексте мировой истории в форме отдельных сообществ, различающихся в некоторых случаях по целям, задачам, идеологическим и геополитическим установкам. История казачества не является достоянием одной лишь российской истории или производным ответвлением от этнической истории русского народа. В историческом аспекте казачество является этнополитически самодостаточным и культурологически самоценным феноменом, поскольку могло существовать, сохраняя все свои основные отличительные черты, на территории разных стран, в очень разнящихся политических и географических условиях. В настоящее время феномен казачества обнимает самые различные, подчас даже антагонистические этнополитические и социокультурные тенденции, отражающие процессы этнического самовосстановления казацкого народа и одновременные попытки организации интернационального реестрового казачества Российской Федерации.

Несколько слов об особенностях использования шрифтовых обозначений в тексте настоящего исследования. Все цитаты аутентичных текстов до рубежа XX века даются нами ***жирным курсивом***. Этим же шрифтом автор выделяет цитаты из выступлений и публикаций вождей и адептов большевизма, а также тексты официальных документов государственной власти Российской империи, РСФСР и Советского Союза. **Простой жирный шрифт** используется в тех случаях, когда нам представляется важным специально выделить, подчеркнуть какое-либо суждение, а также акцентировать внимание читателя на особо важном, по

---

[21] В настоящем исследовании термин «коллаборационизм» впервые применяется в концептуальном смысле для этнополитической характеристики конкретных фигур российской истории. При своем возникновении на французском этнополитическом субстрате термин «коллаборационизм» означал вовсе не измену французской государственной системе, но прежде всего, — предательскую деятельность в отношении национального единства и исторической судьбы французского народа. Однако позднее, в 60-х годах XX столетия, понятийный контент этого термина расширился и стал приобретать не столько этнополитическую, сколько «государственную» артикуляцию. В практике советской исторической школы термин «коллаборационизм» всегда трактовался исключительно в контексте предательской деятельности по отношению к «советской социалистической родине». Неправомерность абсолютизации «государственного акцента» при использовании данного термина, на наш взгляд, очевидна.

мнению автора, выводе. Наконец, свидетельства очевидцев событий, имеющих отношение к этнополитическому бытию казацкого народа в XX веке, а также к преступлению геноцида казаков, во всех случаях выделены нами *обычным (светлым) курсивом*.

Завершая предисловие к книге, автор с искренней благодарностью вспоминает тех людей, без разноплановой поддержки которых этот исследовательский труд был бы невозможен.

Вначале с особой признательностью упомяну о том человеке, имя которого с полным основанием следовало бы поместить на обложке настоящей монографии как имя моего первого соавтора. Донской казак по происхождению, настоящий сын Амур-реки **Владимир Викторович Крюков** явился не только идейным вдохновителем данного комплексного исследования геноцида казаков, но и человеком, который взял на себя немалый труд финансово обеспечить как проведение необходимых академических исследований по теме монографии, так и типографское издание научной рукописи. Независимые исследователи хорошо понимают, **ЧТО ОЗНАЧАЕТ такая поддержка** в наше время, в Российской Федерации, где независимая от государственной системы историография уже давно подвергается методичному удушению. В среде этнических казаков В.В. Крюков не нуждается в специальном представлении — многолетняя, поистине подвижническая деятельность Почетного атамана Амурского Войска, открытые им музейные экспозиции, несколько десятков наименований книг по истории казацкого народа, издание интереснейшего научно-популярного альманаха «Казаки за камнем», меценатская помощь современным литераторам-казакам — вот только малая часть добрых дел, которые бескорыстно и безвозмездно взял под свою отеческую опеку Владимир Викторович!

Большой вклад в практическую реализацию замысла создания первого в отечественной и зарубежной историографии обобщающего труда по истории политики геноцида против казацкого населения Советской России внес **Валерий Иванович Степанченко** — этнический кубанский казак в восьмом поколении, уроженец станицы Пашковской ККВ, атаман Обско-Полярной казачьей линии. Авиатор в прошлом, руководитель различных структур муниципальной и государственной власти на Ямале, В.И. Степанченко стоял у истоков возрождения казацкого движения в начале 1990-х, занимая высокие выборные должности в Союзе казаков России. Депутат Законодательного Собрания ЯНАО, Заслуженный юрист ЯНАО, председатель научного Координационного Совета ТюмГУ по изучению казачества Урала и Сибири Валерий Иванович оказал автору настоящего исследования значительную консультативную помощь в части истолкования весьма непростых аспектов международного права при квалификации признаков преступления геноцида. Одновременно автору были предоставлены все возможности для использования историографических материалов по «казацкому вопросу» из богатейшей личной библиотеки В.И. Степанченко. На завершающем этапе подготовки рукописи исследования в печать Валерий Иванович приложил самые активные усилия к тому, чтобы издание настоящего труда вышло более значимым тиражом, приобрело качественный полиграфический облик.

Искренне благодарю за помощь **Владимира Петровича Мелихова** — казака донской станицы Еланская — создателя уникального Научного центра «Донские казаки в борьбе с большевиками». Научный центр В.П. Мелихова обеспечил автору настоящего исследования все возможности для долговременной работы со своими архивными и библиографическими фондами. Значительная часть фотоматериалов, которые используются здесь в качестве иллюстраций, подобраны, тщательно подготовлены в техническом плане и безвозмездно предоставлены для публикации Научным центром «Донские казаки в борьбе с большевиками».

Я также приношу свою благодарность нашему старейшине **Михаилу Михайловичу Болдыреву** — казаку донской станицы Мариинской — идеологу, многолетнему организатору, а теперь уже и патриарху общественной борьбы за международное признание геноцида казацкого народа. Без ценных научных материалов, любезно предоставленных М.М. Болдыревым, и его своевременных советов настоящее исследование основывалось бы на существенно более узкой фактической базе.

Значительную помощь автору, которая выразилась в предоставлении редких историографических материалов и ценных консультаций по значимым, но противоречивым вопросам казацкой истории и Гражданской войны оказали кубанские казаки: известный исследователь Казацкого Зарубежья **Павел Николаевич Стрелянов-Калабухов** и многолетний редактор известной общеказацкой газеты «Станица» **Георгий Валентинович Кокунько**.

По просьбе автора большую работу по подготовке иллюстративных фотоматериалов для настоящей книги взял на себя терский казак станицы Пришибской, кандидат исторических наук, известный казацкий общественный деятель **Эдуард Владимирович Бурда**. Аналогичную поддержку оказала автору **Лариса Александровна Прокопенко**, этническая казачка станицы Ассиновской ТКВ. На основе уникальных коллекций Э.В. Бурда и Л.А. Прокопенко мы попытались показать читателю объективный обобщающий фотопортрет казацкого народа, — каким застала героический народ-воин страшная, человеконенавистническая эпоха большевистского геноцида. На завершающем этапе работы над рукописью известный алтайский исследователь, кандидат исторических наук **Виктор Викторович Исаев** любезно согласился предоставить автору настоящей книги ряд ценных фотографий казаков Сибирского Войска начала XX в. из личного архива. Значение этой добровольной помощи научному замыслу автора невозможно переоценить!

Приношу также свою искреннюю признательность **Владимиру Асоргину, Сергею Василенко, Елене Кодяковой** и **Айгуль Насыровой** за их безвозмездный вклад в успех нашей общей работы, в частности за помощь в разрешении технических затруднений, подчас возникавших у автора при работе с электронными носителями архивной и библиографической информации. Вместе со всеми перечисленными выше соратниками, автор надеется, что настоящий исследовательский труд станет определенным вкладом в общий потенциал борьбы народа казаков за восстановление исторической справедливости, благосостояния и национального достоинства на земле Казацкого Присуда.

Замечания и оценки настоящего исследования со стороны этнических казаков, друзей и коллег, равно как и конструктивную критику неравнодушных оппонентов, с благодарностью прочту в своей электронной почте: rusasia777@gmail.com.

Автор
Москва — Хабаровск
2017 г.

Глава I

КАЗАКИ: самобытный народ или русское сословие?

Российские историки-энциклопедисты о происхождении казацкой этничности. — Историк Русского Зарубежья Н.И. Ульянов об этнополитической субъектности казаков Запорожской Сечи.— Академическая наука Российской империи XVIII — середины XIX вв. не усматривала в казаках русский субэтнос. — Конструирование «казачьего сословия» в период царствования Александра II.— Различие этнопсихологических мотиваций казаков и великорусов. — Кровавые казацко-русские эксцессы накануне Революции 1917 г. — Казацкое чувство Гавриила Солодухина. — Размышления очевидцев о казацкой этничности. — Архетипы казаков и великорусов, предопределившие ход и исход Русской Революции.

Исследование о геноциде казацкого населения Советской России с полным основанием, на первый взгляд, может не рассматривать вопрос о происхождении и этническом статусе казаков. Действительно, коль скоро законодательство Российской Федерации признает казаков «исторически сложившейся культурно-этнической общностью людей»[1], то проблема применимости понятия «геноцид» к целенаправленной антиказацкой политике большевиков в период 1918—1933 гг. отпадает сама собой. Международный правовой статус термина «геноцид» определяет это тягчайшее преступление как **«действия, совершенные (или совершаемые) с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую, религиозную или иную сложившуюся группу людей»**[2]. Ведущая современная тенденция в квалификации геноцида: отсутствие нарочитого акцента на «национальном факторе» в определении юридического события этого преступления. В современном мире — целенаправленное, сознательное уничтожение значительных человеческих групп уже само по себе классифицируется как преступление против человечества[3]. В некоторых трудах западных правоведов подчеркивается, в этой связи, аморализм советской дипломатии, яростно сопротивлявшейся в 1948 году включению в международную «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» категории преступлений, совершенных в отношении политических и социальных групп[4].

Казаки — вне зависимости от признания этого сообщества народом (или сословием) — обладали весьма выраженной этнокультурной спецификой. Этнокультурная обособленность казаков, сформировавшаяся на генетическом базисе и исторической традиции

---

[1] Закон РСФСР «О реабилитации народов» №1107-1 от 26 апреля 1991 (по состоянию на 01.01.2008). Ст. 2.

[2] *Черновицкая Ю.В.* Геноцид в условиях глобализации — от прямого к косвенному // Философские исследования. № 1. — М., 2006.

[3] *Ervin Staub*. The Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence. — Cambridge, VK: Cambridge University Press, 2001.

[4] *Robert Gellately, Ben Kieman*. The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective. — Cambridge, VK: Cambridge University Press, 2003. — P. 267—268, 406.

Запорожской Сечи и Войска Донского, позволяла им в реалиях Российской империи ощущать себя своего рода «государством в государстве» — непризнанным, но оттого еще более сильным внутренними скрепами самобытным народом. Двухвековая политика целенаправленного размывания древней казацкой этничности в навязываемой казакам «русскости», которую проводили имперские администраторы путем внедрения в казацкую общность «сословности», «дворянства», «приписного казачества», оказалась в реальности (при сопоставлении с сизифовыми усилиями власти) малоэффективной. Русификация казацкой общности так и не сделала, в конечном счете, из казаков настоящих великорусов — этот факт со всей очевидностью зафиксировала Гражданская война 1917—1920 гг. Даже современное российское законодательство, долгие годы последовательно игнорирующее действительные проблемы реабилитации казацкой общности, вынуждено признавать казацкую этнокультурную специфику.

Вышеуказанные очевидные факторы освобождают, казалось бы, автора настоящего исследования от необходимости специального обзора проблемы казацкой этничности, тем паче, что библиография научных и историко-популярных баталий на тему: «казаки — народ или сословие?» выглядит безграничной. Однако, именно очевидность юридической применимости термина «геноцид» к характеристике политики РКП(б)-ВКП(б) на землях Казацкого Присуда побуждает нас, тем не менее, продолжить дискуссию о природе казацкой этничности. Дело в том, что в российской историографии прочно утвердился спекулятивный, ведущий свое начало из сталинской дипломатической кухни конца 40-х годов XX века миф о неприменимости термина «геноцид» в тех случаях, когда одна, малая часть какой-либо этносоциальной группы уничтожает другую, существенно бóльшую часть этой же группы. Один из современных российских популяризаторов данного мифа рассуждает, например, так: «...Называть насильственное расказачивание геноцидом неверно, хотя бы потому, что около 20% казаков сражались на стороне красных»[5]. С этой странной для профессионального историка точки зрения кровавому режиму Пол Пота и Иенг Сари, уничтожившему в 1975—1979 гг. в Камбодже до трех миллионов человек, нельзя предъявить обвинения в геноциде — ведь красные кхмеры убивали не только вьетнамцев и мусульман, но и этнических кхмеров. Однако международная юрисдикция однозначно классифицировала массовые убийства и насилия, совершенные режимом Пол Пота как геноцид[6], а в 2009 году Чрезвычайная палата (трибунал) Камбоджи предъявила бывшему министру Иенг Сари официальное обвинение в геноциде[7].

Уничтожение казацкого населения бывшей Российской империи, идеологически обоснованное руководством РКП(б)-ВКП(б) и систематически осуществляемое государственными органами Советского режима, являлось **геноцидом** с любой точки зрения. Следует подчеркнуть, вместе с тем, что стало бы большим, заведомо тенденциозным упрощением проблемы геноцидальных преступлений Советского государства объяснение самого факта

---

[5] *Перехов Я.А.* О расказачивании и геноциде (некоторые дискуссионные вопросы)// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всерос. научн. конф. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 150.

[6] Genocide in Cambodia: Documents from the Trial from of Pol Pot and Ieng Sary (Pennsylvania Studies in Human Rights). — University of Pennsylvania Press, 2008.

[7] Genocide charges for two former Khmer Rouge Leaders//news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/8415496.stm.

этих преступлений деятельностью враждебных инонациональных акторов. Попытки такого рода, исполняемые с разной степенью шовинистической экспрессии, к сожалению, нередки. В одном из современных энциклопедических изданий утверждается, например, что жестокость так называемого расказачивания возникла по причине того, что «значительную часть проводников политики Центра составляли лица нерусского происхождения (евреи, прибалты, венгры, чехи и словаки…)»[8]. Данное утверждение, с научной точки зрения, некорректно сразу в нескольких аспектах. Прежде всего, потому, что снимает ответственность за геноцид мирного казацкого населения с сотен и тысяч комиссаров, чекистов и красноармейцев вполне «патриотичного» — великорусского происхождения. За скобками остается и важнейшая этносоциальная причина возникновения геноцида казаков — предельно актуализированная большевистской партией жажда «черного передела» казацких войсковых земель, которая обуревала отнюдь не еврейские общины Юга и Востока России, а так называемое «иногороднее», в своей основе — великорусское крестьянское большинство, вселившееся на земли Казацкого Присуда после периода «Великих реформ» Александра II.

Вышеуказанные концептуальные casus belli побуждают автора предварить основные материалы нашего исследования кратким очерком по проблеме этничности казаков. Мы попытаемся понять — насколько соответствовали действительности в 1917 году утверждения казацкой национальной интеллигенции о том, что казаки являются самобытным восточнославянским народом, весьма отличным по основным этническим критериям от великорусского населения Российской империи.

Российские историки-энциклопедисты о происхождении казацкой этничности. Научная и околонаучная литература изобилует различными версиями о причинах и механизмах возникновения первичной этничности казаков. Замечательный русский историк-энциклопедист В.Н. Татищев, обладавший, в отличие от всех прочих историографов, уникальным собранием древнерусских манускриптов, погибших затем в пожаре Москвы в 1812 году, уверенно выводил родословную донских казаков от запорожцев, которые во главе с гетманом Дмитрием Вишневецким сражались, вместе с войсками царя Ивана Грозного, за обладание Астраханью. Татищев допускал, вместе с тем, что еще одним компонентом при формировании первичного этносоциального массива донского казачества выступали, возможно, так называемые мещерские казаки, т.е. принявшие Православие тюркоязычные мангыты («татары»)[9]. Великорусского ядра при первичном формировании казацкого этносоциума, судя по Татищеву, не просматривалось.

Важно подчеркнуть, что этногенетическую концепцию В.Н. Татищева в целом разделял бесспорно крупнейший специалист XIX века по истории казачества В.Д. Сухоруков[10].

Отсутствие значимой великорусской составляющей в начале казацкой этнической истории констатировал и другой русский энциклопедист XIX века — Николай Карамзин. «Русский Геродот», как именовали Карамзина современники, писал: ***«Откуда произошло казачество, точно неизвестно, но оно, во всяком случае, древнее Батыева нашествия в***

---

[8] Казачество. Энциклопедия (издание 2-е). — М., 2008. — С. 484.

[9] *Татищев В.Н.* Лексикон Российский исторический, этнографический и политический// Избранные произведения. — Л., 1979. — С. 267—284.

[10] *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского// Дон. 1989. № 4. — С. 151.

1223 году. Рыцари эти жили общинами, не признавая над собой власти ни поляков, ни русских, ни татар»[11].

Татищев и Карамзин в своих умозаключениях опирались, бесспорно, на общий контент известных им древних и средневековых письменных источников, в которых невозможно найти упоминаний о «русскости» казаков. Даже отмечая, что «казаци» — народ христианский и православный, русские источники XIV — XVII вв., тем не менее, никогда не отождествляют их с собственно великорусским, московским людом. Русский исторический хронограф, описывая деяния казаков, находит возможность в десятках деталей подчеркнуть принципиальные различия в этнической природе великорусов Московии и казаков.

«Гребенская летопись», составленная в Москве в 1471 г., хранившаяся в Донском монастыре и пропавшая в революционные 20-е годы XX века, так, например, повествует о казаках: ***«… Там, в верховьях Дона, народ христианский воинского чина, зовомии казаци, в радости сретающе*** [встречающие. — Н.Л.] ***его*** [великого князя Дмитрия Донского] ***со святыми иконами и со кресты, поздравляюще ему об избавлении своем от супостатов <…> и, приносяще ему дары от своих сокровищ…»***[12].

Следует отметить, что на раннем этапе формирования казацкой этносоциальной общности письменные источники называют этот народ ***«черкасами»*** или же ***«черными клобуками»*** (от казацкой смушковой черной папахи). В Московском летописном своде XV века под 1152 годом читаем: ***«Все Черные Клобуки еже зовомые Черкасы»***.

Посол германского императора в Московии в 1517 и 1526 гг. Сигизмунд Герберштейн утверждает в своей книге, что территориальная прародина казаков находилась в горах Западного Кавказа. Этногеографическая карта Московии и сопредельных территорий, которую приводит в своем трактате немецкий дипломат, отличается исключительной детализацией. Столь же основательно, очень тщательно исполнены и этнологические описания Герберштейна. Его характеристика казаков в деталях соответствует позднейшим описаниям бытия и военных походов запорожцев. Герберштейн называет предков казаков «черкасами» (Circasi) и отмечает: ***«Полагаясь на неприступность своих гор, они*** [черкасы. — Н.Л.] ***не подчиняются ни туркам, ни татарам. Однако русские*** [четкое противопоставление русских и черкасов. — Н.Л.] ***свидетельствуют, что они*** [черкасы] ***христиане, живут по своим законам, согласны с греками в вере и обрядах и совершают богослужение на славянском языке, который у них в употреблении. Это крайне дерзкие морские разбойники, ибо по рекам, стекающим с гор*** [очевидно, что речь идет о реке Кубань. — Н.Л.], ***они спускаются на судах в море и грабят всех, кого могут, в особенности купцов, плывущих из Кафы*** [современная Феодосия. — Н.Л.] ***в Константинополь»***. Выше С. Герберштейн специально подчеркивает, что черкасы-пятигорцы (Circasi-Quinquemontan) ***«причисляют себя к славянам»***, дезавуируя, таким образом, заявления современных казакофобов о том, что под этнонимом Circasi следует понимать не черкасов (казаков), а черкесов (современных адыгейцев)[13].

На протяжении нескольких столетий не вступая в тесные контакты с народами Присуда, великорусские люди неожиданно столкнулись с массовым наплывом казаков, преимущественно

---

[11] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — Калуга, 1993. Т. 4. — С. 126.

[12] Цит. по: *Быкадоров Ис.Ф.* История казачества. Кн. 1. — Прага, 1930. — С. 86.

[13] Напомним: этноним «черкес» не известен в языках абхазо-адыгской языковой группы. Он имеет внешнее происхождение, а стал общеупотребительным в европейских и русских источниках только в XV—XVI вв.

Пластуны 1-го Кубанского пластунского батальона ККВ в день уничтожения передового турецкого пикета из 16 янычар у реки Кинтиш в Закавказье. Русско-Турецкая война 1877–1878 гг. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

донцов и запорожцев, на рубеже XVI–XVII вв. — в период Смутного времени. Впечатление, которое произвел этот межэтнический контакт на представителей великорусской элиты (бояре, дворяне, духовенство) трудно назвать позитивным. Чувства, которые испытывали московиты при наблюдении бытовых обычаев и социальных взаимоотношений в казацкой среде, напоминали, по-видимому, впечатление современных русских Москвы при контактах с представителями чеченской диаспоры. Это неудивительно — войсковая казацкая организация, сложившаяся в «городках» Присуда, сформировала совершенно особый, в корне отличный от великорусского стереотип общественного поведения, другой этнический менталитет. В аутентичном документе эпохи — «Повести о Земском соборе 1613 года» читаем:

«Донских же и польских [т.е. запорожских, с «запольных» границ. — Н.Л.] ***казаков въехаше в Москву тогда сорок тысящ, а поборники по царствующему граду Москве и по православной вере християнской. И хожаху казаки в Москве толпами, где ни двигнутся гулять в базар — человек 20 или 30, а все вооружены, самовластны*** [т.е. не имеют привычки к подчинению. — Н.Л.]***, а меньше человек 15 или десяти никако же не двигнутся. От боярска же чина нихто же с ними впреки*** [впоперек, против. — Н.Л.] ***глаголети не смеюще и на пути встретающе и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы своя поклоняюще»***[14].

Сворачивать при виде казаков в ближайшую подворотню?! Преклонять перед сбродом «безродных» разбойников свою родовитую голову?! Можно только представить —

Самоназванием адыгов (черкесов) всегда служил этноним «адыгэ». Напротив, у запорожских казаков этноним «черкас» долгое время использовался в качестве основного этнического самоназвания. См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии.— М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 58, 181.

[14] Повесть о Земском соборе 1613 г.// Вопросы истории, 1985, № 5. См. также о казацком путче в Москве, приведшем к власти династию Романовых: *Волков В.А.* Собор национальной демократии// Вопросы национализма. 2013. Вып. 13. — С. 196–200.

какой «девятый вал» негодования, бессильной ярости поднимался в душах заносчивых, спесивых московских бояр, привыкших с детства к искреннему низкопоклонству своих холопов и смердов, к безоговорочному произволу над великорусскими «людишками»! Демонстративно презрительное, дерзкое отношение казаков к великорусской боярско-дворянской элите имело, по-видимому, ментально-психологическую основу. За долгие годы Смуты казаки привыкли видеть в «стане русских воинов» полный организационный раздрай, повальное предательство, корыстолюбие и почти рабское холуйство. Даже князь Дмитрий Пожарский, являвший собой воплощенный, почти утраченный в Смуту образ национального достоинства русского человека, уже тем самым вызывал у казацкой старшины настороженное отношение. Казацкая старшина, бесспорно, уважала Пожарского, однако при этом справедливо усматривала в князе своего главного политического конкурента.

В позднейшее время — в конце XVII века — великорусы и казаки еще более четко осознавали взаимное этнопсихологическое отчуждение. Известный историк Русского Зарубежья Н.И. Ульянов в одной из своих работ приводит путевые впечатления некоего московского попа Лукьянова, посетившего казацкий городок Хвастов — атаманскую ставку прославленного казацкого полководца Семена Палия.

«Вал земляной, по виду не крепок добре, да сидельцами крепок, — повествует московский священник, — ***а люди в нем, что звери*** <…> ***страшны зело, черны, что арапы и лихи, что собаки: из рук рвут. Они на нас*** [московитов. — Н.Л.] ***стоя дивятся, а мы им и втрое, что таких уродов мы отроду не видали. У нас на Москве и в Петровском кружале не скоро сыщешь такого хочь одного»***[15].

Ниже мы еще будем иметь возможность убедиться, что отчужденное, настороженное отношение к казакам, столь ярко запечатленное в путевых заметках попа Лукьянова, в последующие десятилетия стало в Российской империи скорее правилом, нежели исключением. Россия при Романовых, как, впрочем, и Российская Федерация в наши дни, не имела, увы, осмысленной национальной политики, ориентированной на изучение и развитие стратегического потенциала славянского большинства страны. От ситуационных, спонтанных, зачастую противоречивых решений центральной власти в XVIII— XX вв. страдали в России все славянские народы, причем великорусы, возможно, в первую очередь. Этот факт во многом объясняет отсутствие целенаправленного академического интереса к постижению древней истории казаков. Российская Академия наук, Императорское Русское Географическое Общество были готовы организационно и материально поддерживать проекты изучения самых дальних и экзотических народов (вспомним, хотя бы, экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая), однако для систематического изучения казацких древностей бюджет РАН практически всегда был закрыт. Такое отношение официальной исторической науки Российской империи к

---

[15] Цит. по: *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. — М.: Изд-во «Индрик», 1996. — С. 17.

Великий русский писатель Лев Толстой, специально изучавший историю казачества, имел совершенно иное мнение о казаках атамана Палия. «… Вся история России сделана казаками, — писал Толстой. — Голицын при Софии [канцлер Голицын при правлении царицы Софии. — Н.Л.] ходил в Крым — осрамился, а от Палия просили пардона крымцы, и Азов взяли всего 4000 казаков и удержали, — тот самый Азов, который с таким трудом взял Петр [Первый] и потерял…». См. подробнее: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 48. — М., 1952. — С. 123.

проблеме изучения древней истории казаков во многом предопределило обилие авторских версий происхождения феномена казачества[16].

В рамках исследования о геноциде казацкого населения в Советской России мы не имеем возможности (как бы нам этого ни хотелось) для детального рассмотрения наиболее значимых исследовательских версий о происхождении казацкого народа. Очевидно, что это проблематика, достойна специального, самого глубокого изучения. Отметим лишь с прискорбием, вслед за замечательным казацким историком Е.П. Савельевым, что *«едва ли можно встретить в Европе народ, который бы не знал своей истории, а казаки, в большинстве, как это ни странно, истории своей не знают...»*[17]. Кстати, сам Евграф Петрович Савельев — видный представитель казацкой национальной интеллигенции — историю казаков и Казацкого Присуда знал превосходно, являлся автором многих исторических исследований, талантливых художественных эссе, стихотворений. Основная работа Савельева — «Древняя история казачества», несмотря на очень широкий разброс авторского внимания и неизбежный при этом схематизм в изложении, остается на сегодняшний день наиболее полным сводом нарративного материала о происхождении народа казаков[18].

Историк Русского Зарубежья Н.И. Ульянов об этнополитической сущности казаков Запорожской Сечи. История любого народа отчетливо троична: в ней всегда можно выделить древнейший этап — становление этноса; некую среднюю полосу, более-менее продолжительную; последняя, согласно логике историософии, переходит в историю новую, а уже ее новейшая часть представляет, в сущности, обобщенное жизнеописание трех-четырех ближайших к современности поколений. Значительный круг исторических источников, хронологически относящихся к тем или иным этапам казацкой национальной истории, убедительно показывает — каким образом, начиная с XII века, на землях Казацкого Присуда постепенно формировалась самобытная этничность казацкого народа.

Современный исследователь обоснованно усматривает в этногенезе казаков «существенную роль скифо-аланского, половецкого, отчасти горского элементов»[19]. Известный историк Н.И. Ульянов, размышляя о процессе формирования казацкой этносоциальной общности, отмечал: *«Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссиянина* [т.е. украинца. — Н.Л.], *они представляют два разных мира. Один — оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями, унаследованными от киевских времен. Другой — гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь, выработавший совершенно иной темперамент и характер под влиянием образа жизни и*

---

[16] См. по проблеме: *Ригельман А.И.* История или повествование о донских казаках. — М., 1846; *Он же.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. — Киев: Либідь, 1994; *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. — М., 1884; *Каманин И.М.* К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого. — Киев, 1894; *Любавский М.К.* Начальная история малорусского казачества// Журнал Министерства народного просвещения. 1895, № 7; *Певнев А.П.* Кубанские казаки. Пособие для учеников станичных школ. — Екатеринодар, 1911; *Щербина Ф.А.* История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х т. (Репринтное издание) — Екатеринодар, б/и., 1910—1913.

[17] *Савельев Е.П.* Как нужно писать историю вообще, а донского казачества в частности// Донские областные ведомости. 12.10.1908. № 219. — С. 3—4.

[18] *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. Историческое исследование. В VI выпусках. — Новочеркасск, 1913—1918. См. также современное переиздание: Древняя история казачества/ Е.П. Савельев. — М.: Вече, 2008.

[19] *Ибятов Ф.М.* О казачестве без пристрастий и мифов// Вопросы национализма. 2012. № 11. — С. 144.

смешения со степными выходцами. Казачество порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею»[20]. Николаю Ивановичу Ульянову, талантливому историку Русского Зарубежья, можно доверять — он был последовательным противником казацкой национальной идеи, а потому, будучи честным человеком, с особой основательностью выверял исторические факты.

Казацкий род Головко из станицы Прохладной ТКВ. Конец XIX в. Станица Прохладная была основана в 1765 г. в результате переселения казаков с Днепра и Дона. На снимке глава рода, его жена и десять сыновей. Род Головко явно отрицал имперское «регулярство»: ни на одной черкесске не видно армейских погон — столь ненавистных казакам «старого обряда». (*Архив Л.А. Прокопенко*)

Другой историк, в отличие от Н.И. Ульянова, — убежденный сторонник казацкой государственности, генерал Ис.Ф. Быкадоров пришел в своих научных штудиях к тем же, в сущности, выводам, что и его непримиримый идеологический противник. «*Смешение казаков (черкасов) с Кавказа*, — указывает Быкадоров, — *и вообще тюркских народностей с русами в Поднепровье привело к образованию особой народности — приднепровских черкасов, из которых, главным образом, и образовалось Запорожское Войско, этнически слившееся большей своей частью с украинским народом, передавшим свое название, особый характер и бытовые особенности приднепровской части населения Украины*»[21].

---

[20] *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. — Нью-Йорк, 1966. Цит. по российскому переизданию: *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. — М.: Индрик, 1996. — С. 28.

[21] *Быкадоров Ис.Ф.* История казачества. Кн.I. — Прага: Библиотека вольного казачества — вільного козацтва, 1930. — С. 38. Мнение Быкадорова разделяется сегодня практически всеми историками, отрицающими тенденциозную версию о «беглых крестьянах» Руси-России, которые якобы сумели создать в Диком Поле милитаризованное, обладающее собственной воинской философией и уникальной культурой, казацкое сообщество Присуда. «Этнос казаков Днепра и Приднепровья, — подчеркивает современный историк В.Ф. Никитин, — зарождался в недрах древней славянской народности, из которой впоследствии сформировались три крупных братских народа: русские, украинцы, белорусы. Поэтому казаков можно рассматривать как обособленную общность, единый народ, родственный всем трем братским народам». См. подробнее: *Никитин В.Ф.* Казачество. Нация или сословие? — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — С. 52.

Далее генерал Быкадоров специально подчеркивает, что именно запорожцы сформировали демографическую основу территориальной общности донских казаков, а последние, в свою очередь, составили этническое ядро всех остальных Казацких Войск Российской империи.

Объективные исследователи, вне зависимости от своего положительного или отрицательного отношения к казакам, вне зависимости от своих политических взглядов, часто противоположных, в вопросах казацкой этнической идентичности приходили, по существу, к одинаковым выводам. Например, признанный знаток казацкой древней истории Е.П. Савельев на всем протяжении своей творческой биографии был весьма далек от каких-либо политико-идеологических схваток[22]. Однако, его резюме по проблеме казацкой этничности артикулировано весьма недвусмысленно.

«*Казаки прежних веков*, — подчеркивает Е.П. Савельев, — *как это ни странно звучит для историков, не считали себя русскими, т.е. великороссами или москвичами; в свою очередь и жители московских областей, да и само правительство* [Московской Руси. — Н.Л.] *смотрели на казаков, как на особую народность, хотя и родственную им по вере и языку. Вот почему сношения верховного правительства России с казаками в XVI и XVII вв. происходили через Посольский Приказ, т.е. по-современному — через Министерство иностранных дел, чрез которое вообще сносятся с другими государствами*».

Чуть ниже, в комментарии к этому выводу Е.П. Савельев добавляет: «*...Историк А. Филимонов в «Очерках Дона» в пятидесятых годах прошлого столетия* [1850-е годы. — Н.Л.] *и В.Ф. Соловьев в своей брошюре «Особенности говора Донских казаков» в 1900 г. писали, что казаки, несмотря на то, что стоят за Русь, что полки их оберегают ее окраины и что все они имеют рвение постоять за Царя, сами себя не считают русскими; что если любому казаку предложить вопрос: «Разве ты не русский?» — он всегда с гордостью ответит: «Нет, я казак!» Филимонов и Соловьев не были казаками*»[23].

Академическая наука Российской империи XVIII—середины XIX вв. не усматривала в казаках русский субэтнос. Отметим красной чертой: до начала царствования в России императора Александра II (коронация в 1856 г.) русское образованное общество по существу не задавалось вопросом — являются ли казаки органичной частью великорусского этносоциума? Вплоть до периода «Великих реформ» (1857—1874) не существовало политического повеления центральной власти государства — считать всех казаков русскими. Отсутствовал до Александра II и политический заказ имперского правительства по проблеме казацкой этнической идентификации, адресованный отечественной исторической науке — традиционно избыточно чуткой к повелениям и даже полунамекам государственной власти. Отсутствие политизации «казацкого вопроса» позволяло российским историкам XVIII — середины XIX вв. оставаться на позиции исторической объективности, т.е. всесторонне и беспристрастно, с точки зрения историографии, оценивать феномен казачества. Такая методология приводила всех российских историков указанного периода к единому, по существу, выводу — казаки являются особым народом, который во всем отличен от великорусов. Ученые мужи констатировали, что казаки и великорусы отличны друг от друга и по историческим

[22] Политическая индифферентность, нарочитая осторожность помогли Е.П. Савельеву выжить в годы тотального большевистского террора и даже опубликовать в РСФСР, в 1930 году, несколько краеведческих работ.

[23] *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. — М.: Вече, 2008. — С. 17—18.

особенностям формирования, и по обрядово-бытовой традиции, и по ментально-психологическому типу, и, конечно, по чувству этнической принадлежности.

Историк Александр Ригельман — бесспорно «первый среди равных» исследователей казачества — создал во второй половине XVIII в. два фундаментальных труда, не потерявших, вплоть до сегодняшнего дня, своего научного значения[24]. В «Истории или повествовании о донских казаках», а также в «Летописном повествовании о Малой России и ее народе и казаках вообще» можно найти самые разные, зачастую уникальные сведения по истории и быту казаков, вот только утверждения (или хотя бы предположения), что казаки являются частью великорусского этносоциума здесь отыскать невозможно. Напротив, резюмируя свой пространный рассказ о древнем периоде формирования казацкого народа, А.И. Ригельман четко отделяет козаков (черкас) от россиян (т.е. великорусов). Исследователь подчеркивает: ***«…По вышеописанному описанию, надлежало б им*** [казакам. — Н.Л.] ***себя прямо называть славянами, аланского роду, а не козарского*** [хазарского], ***так равно, как мы, россияне*** [т.е. русские. — Н.Л.]***, от славянского ж рода себя именуем. А если б вести им*** [казакам] ***имя особое, то следовало б им называться черкасами, по пришедшим потом в Украйну из Черкеской Кабарды, черкесам, которые, смесившись с украинцами вообще, проименовались тем именем, коим и доныне еще именуются. Притом*** [это] ***доказывает и то, что*** [казаки] ***сходство лица, одежды и несколько жительство, обычай и во многом обряды, равные*** [одинаковые] ***с черкесами имеют»***[25].

В период, близкий к написанию основных трудов Ригельмана (1780-е годы), в академических кругах Российской империи царил полный консенсус по проблеме этнической идентификации казаков — этот народ единодушно признавался самобытным и кардинально отличным от великорусов. Например, профессор истории и географии Главного Педагогического института в Санкт-Петербурге Е.Ф. Зябловский в своем фундаментальном «Статистическом описании Российской Империи» недвусмысленно описывает разные территориальные ветви казацкого этноса как единый, причем отличный от великорусов, народ:

«Сей [казацкий. — Н.Л.] ***народ разделился ныне на три части, из которых первая есть запорожских козаков, вторая — донских козаков, а третья — яицких козаков. Запорожские козаки первенствуют между прочими двумя частями, а живут они около реки Днепра от 48 градуса до 51,30 минут широты.*** <…> ***И как россияне*** [т.е. великорусы. — Н.Л.] ***то называют порогами*** [место на Днепре]***, то от того и козаки, которые там живут, называются запорожскими, то есть козаки, которые за порогами, — для различения с другими обоими козаками*** [частями. — Н.Л.] ***сего народа»***[26].

С профессором Е.Ф. Зябловским в вопросе казацкой этнической идентификации были солидарны его коллеги по научному цеху. Академический справочник «Начертание статистики

---

[24] *Ригельман А.И.* История или повествование о донских козаках. — М.: Университетская типография, 1846; *Он же.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. — М.: Университетская типография, 1847. См. современное репринтное переиздание: *Ригельман А.И.*,1847. Указ. соч. — Киев: Либідь, 1994.

[25] *Ригельман А.И.*, 1847. Указ.соч. — С. 42. Здесь и далее тексты А.И. Ригельмана приводятся по украинскому переизданию 1994 года.

[26] *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской Империи с обозрением Европы в статистическом виде. 2-е изд. — СПб., 1808-1815. — С. 63.

Хорунжий 1-го Кубанского пластунского батальона Кубанского Казацкого Войска Виктор Баранов. 1909 г. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

Российского государства», составленный в 1818 году адъюнкт-профессором К.А. Арсеньевым, констатировал следующий состав славянского населения России:

«Российская Империя, превосходящая и пространством и числом жителей все Европейские державы, заключает в себе много народов, различных по происхождению, по языкам и по нравам. В России считается до 100 разных племен, кои говорят 40 разными языками. Главными, впрочем, племенами почесться должны следующие:

1. Славянское племя. Сюда относятся русские, поляки, казаки и славянские поселенцы в южных губерниях»[27].

Оценки этнического статуса казацкого населения Юга России в региональных статистических справочниках империи Романовых XVIII — середины XIX вв. полностью соответствуют аналогичным сведениям центральных академических изданий. Например, «Статистическое описание Саратовской губернии», изданное в 1839 году, четко различает проживающих на территории данной губернии казаков от соседствующих с ними великорусов и украинцев:

«Волжские казаки суть отрасль донских [казаков. — Н.Л.], ***с которыми имеют и одинаковые права; Главное Управление их*** [волжских казаков] ***находится в городе Камышине. Великороссияне обитают по всей губернии; малороссияне*** [украинцы. — Н.Л.] ***— в уездах Царицынском, Камышинском, Саратовском, Новоузенском, Царевском, Аткарском и Балашевском. Казаки содержат кордонную линию на границе и живут в Дубовке, Камышине, Царицыне и Саратове»***[28].

Известный государственный деятель Российской империи — князь Сергей Павлович Гагарин начал свою служебную карьеру в Статистическом совете при Министерстве внутренних дел России, завершил ее в качестве губернатора Саратова. Князя Гагарина трудно назвать научным деятелем в точном значении этих слов, однако неоспорим факт, что он являлся выдающимся организатором науки, административным «мотором» для реализации масштабных научных программ. В 1843 году под общей редакцией князя С.П. Гагарина был

---

[27] *Арсеньев К.А.* Начертание статистики Российского Государства. Часть первая: о состоянии народа. — СПб., 1818. — С. 58. Остается непонятным: к какой этнической группе профессор Арсеньев отнес украинцев — к русским или же к «славянским поселенцам в южных губерниях»? Под ними понимаются, по-видимому, греки, сербы и болгары, в разное время переселявшиеся на территорию России, начиная с царствования Екатерины II.

[28] *Леопольдов А.* Статистическое описание Саратовской губернии: в двух частях. — СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1839. — С. 40.

издан фундаментальный «Всеобщий географический и статистический словарь» — уникальная энциклопедия по географии и этносоциальной статистике России и сопредельных стран. Информационный масштаб этого издания впечатляет — только одна интересующая нас «Часть третья» словаря (буквы от Н до Ф) включает 645 страниц мелкого убористого текста!

Как же оценивает этнический статус казацкого населения России словарь князя Гагарина? Бесспорно, что вся фактография этого издания, прошедшего утверждение в Цензурном Комитете империи, полностью соответствовала официальной линии администрации Дома Романовых и опиралась на самые авторитетные научные исследования того времени. В разделе «Жители Российской Империи» читаем:

«Они [жители Российской империи. — Н.Л.] ***простираются числом до 61,5 мил***[лионов]***, из которых 56 мил***[лионов] ***населяют собственно Россию, 4.188.000 — царство Польское, а 1,5 мил***[лиона] ***Великое княжество Финляндию. Относятся к следующим племенам: Славянскому (великороссияне, малороссияне, казаки и поляки); Финскому (эсты, ливы, лопари, пермяки, зыряне, вотяки, мордва, ижорцы, чуваши, черемисы, вогуличи, обские и нарымские остяки, югра и заволоцкая чудь) <…>»***[29].

Перечень народов России, по данным «Всеобщего географического и статистического словаря», включает этносы, которых ныне, в XXI столетии фактически не существует, и, напротив, там отсутствуют нации, которые ныне активно участвуют в мировой политике в качестве независимых субъектов (например, латыши). Мировой этногенез не стоит на месте: процессы угасания народов, равно как и процессы нового нациестроительства являются органичным свойством антропосферы[30]. Для нашего исследовательского интереса примечательно другое: **в середине XIX века этническая субъектность военных паладинов Дома Романовых — казаков — являлась столь же априорной истиной для научных и политических кругов Российской империи, как и этничность вечно бунтующих против российской государственности поляков**.

Только позднее, в период «Великих реформ» Александра II, несомненно под влиянием испуга от феномена быстро крепнущей украинской этничности, имперские власти домыслили до «соломонова решения» проблемы этнополитического единства всех восточных славян: малорусы (украинцы), белорусы и казаки были, ничтоже сумняшеся, объявлены русскими. Этнокультурный аспект «общерусскости» при этом ликвидировался начисто, будучи заменен инфантильной «поповской» формулой: «Все русские — православные, а все православные — русские». Эта близорукая политика, подменившая живую ткань общерусского славянского нациестроительства монархической буколикой и православной (по смыслу интернациональной) схоластикой, рикошетом ударила и по великорусам — их превосходный этноним стал растворяться в прилагательном «русский»[31].

Конструирование «казачьего сословия» в период царствования Александра II. Самые большие потери от «нациестроительных» потуг царской России периода «Великих

---

[29] Всеобщий географический и статистический словарь. Часть III (Н — Ф). — СПб., 1843. — С. 274.

[30] *Барышная Н.А.* Нациестроительство как способ формирования межэтнических отношений// Власть. Вып. 3. 2014. — С. 43—47. См. также: Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. — М.: Алгоритм, Научный эксперт, 2014.

[31] Современное этносоциальное бытие великорусов в Российской Федерации ярко свидетельствует о том, — как много потерял этот народ, согласившись на перевод своего этнонима с имени существительного (великорусы)

реформ» понесли именно казаки — самобытный народ, в этнической субъектности которого доселе, казалось бы, невозможно было усомниться. Казаков не просто поверстали в «русских», но и определили в особое сословие, т.е. абсолютный, декларативно неизменяемый (национальный) статус казаков был попросту украден у них — лукаво заменен на категорию искусственную, произвольно конструируемую государственными указами. «С точки зрения дореволюционного законодательства, — отмечает современный этнолог, — казачество это не народ, а особое воинское сословие Российской империи, имевшее привилегии за несение обязательной военной службы. С этой позиции в «казаки» можно было зачислить хоть эскимоса, хоть китайца, а после прохождения этими индивидуумами необходимых формальностей зачисления с полным основанием именовать их казаками. <…> Таким образом, исторически никакой полиэтничности казачества не было. Было административное «верстание» в казаки инонациональных людей, этническая сущность и этническое самосознание которых от этого действия не менялись»[32].

Некоторые российские историки, рассуждая об исторических условиях формирования казачества, весьма часто делают тенденциозный акцент на терминах «полиэтничность», «исконная сословность», «этническая толерантность». Эти определения, всуе истрепанные пропагандистским официозом Росфедерации, являются, по мнению таких специалистов, ключевыми, дискурсивными для историко-этнологической характеристики казацкой общности в имперский период[33]. Тенденциозность подобных оценок, на наш взгляд, очевидна, поскольку вступает в противоречие со всем корпусом историографических (до середины XIX века) и этнологических сведений о казацком народе. Пресловутая «полиэтничность», назойливо афишируемая в трактатах некоторых современных специалистов в качестве квазианалога «русскости», никогда не являлась основным конструктом традиционного казацкого общества. Этнической доминантой этого общества был синтез запорожско-донских генетических и культурологических основ, исторически формировавшихся, по-видимому, с X века и окончательно утвердившихся на территории Присуда к середине XIV века. В разные исторические периоды некоторые, относительно небольшие части казацкого этнического сообщества включались петербургскими администраторами в состав вновь создаваемых на востоке страны Казацких Войск. Туда же включались и представители иных народов — от великорусов до бурят, которые от этой административной разверстки подлинными казаками, конечно, не становились. Казацкая папаха и шаровары с лампасами не могли сделать

в прилагательное (русские). За «чечевичную похлебку» мнимого «общерусского единства» была променяна подлинная этническая субъектность великорусского народа. Ныне этнополитический удел современных русских можно оценивать только со скорбью — быть склеивающей стратой для удержания неславянских (ибо все другие славяне уже разбежались) народов в государственной федералистской системе — что может быть более неблагодарной миссией? Однако, именно эту незавидную функцию отводит русскому этносоциуму политическая элита Росфедерации. Неудивительно поэтому, что в неизбежной этнополитической конкуренции, которая реально происходит в национально-федеративной системе современной России, русские постоянно оказываются аутсайдерами.

[32] *Ибятов Ф.М.*, 2012. Указ. соч. — С. 136.

[33] См., например, характерные образцы указанного тренда: *Кортунов А.И.* Особенности формирования полиэтничной казачьей общины на Южном Урале в XVI — XIX веках// Сибирское казачество: история и современность: сб. науч. ст. — Омск: Изд. дом «Наука», 2011. — С. 89—98; *Он же*. К вопросу о многонациональности и поликонфессиональности казачества// Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. — Тюмень: Изд-во ТГУ, 2012. — С. 127—132.

из великоруса или бурята подлинного казака — поскольку с внешней атрибутикой не передаются, как известно, ни ментально-психологические свойства личности, ни целостная, органично усвоенная культурно-бытовая традиция. В равной мере монгольский халат на семиреченском казаке, — прямом потомке переселившегося в Центральную Азию донца, отнюдь не превращал последнего в монгола. Живое, яркое осознание своих подлинных запорожко-донских корней никогда не покидало этнических казаков азиатских Казацких Войск, долгой линией протянувшихся у юго-восточных и восточных границ России.

Замечательная казацкая поэтесса Мария Волкова, дочь полковника Сибирского Казацкого Войска Вячеслава Ивановича Волкова, героически погибшего в 1920 году в борьбе с большевиками, так описала эту неизбывную, очень глубокую любовь казаков азиатских Войск к своей исконной родине — Казацкому Присуду.

Есть напевы, есть воспоминанья,
Звуки слов, и шорохи, и сны,
Что волнуют нас очарованьем,
Скрытого волнения полны.

Далеко моя осталась юность,
Но с тех пор, как колокольный звон,
Некие таинственные струны
Задевает в сердце слово — ДОН.

Отчего? Я даже не соседка,
И донской воды я не пила!
Но в крови чрез кровь далеких предков
Память о минувшем залегла…

Жили три столетья с половиной
Прадеды и деды в том краю,
Где перед исходом на чужбину
Провела я молодость мою.

Север мой… Его ли позабуду?
Юг забыли родичи мои,
Но пришли — пришли они оттуда,
Из придонской солнечной земли!

Потому, как вечное наследье —
Через даль просторов и времен —
Полновесной колокольной медью
Отдается в сердце слово — ДОН!

Даже украинцы — народ наиболее близкий к казакам в генетическом и культурно-бытовом аспектах, и те испытывали значительные сложности при инкорпорации в традиционное

Большая семья донских казаков. Глава семейства, трое его взрослых сыновей, дедушка и внуки на ступеньках донского куреня. Начало XX в.

казацкое общество. Механизм быстрого распыления и последующей аннигиляции в казацкой среде украинских селян достоверно (хотя и с явным антиказацким рефреном) описан историком Н.И. Ульяновым.

«В Запорожье, как и в самой Речи Посполитой, хлопов [украинских крестьян. — Н.Л.] *презрительно называли «чернью». Это те, что, убежав от панского ярма, не в силах оказались преодолеть своей хлеборобной мужицкой породы и усвоить казачьи замашки, казачью мораль и психологию. Им не отказывали в убежище, но с ними никогда не сливались: запорожцы знали случайность их появления на Низу и сомнительные казачьи качества. Лишь небольшая часть хлопов, пройдя степную школу, бесповоротно меняла крестьянскую долю на профессию лихого добытчика. В большинстве же своем хлопский элемент распылялся: кто погибал, кто шел работниками на хутора к реестровым казакам»*[34].

В качестве резюме наших размышлений о формировании этничности казаков, приведем мнение о «казацко-великорусской дилемме» известного русского ученого, профессора Дерптского университета Ивана Яковлевича Павловского. В 1843 г. в своем фундаментальном труде «География Российской Империи» (книга получила официальное Монаршее благоволение императора Николая I) И.Я. Павловский четко обозначил существующее кардинальное этнологическое различие между казаками и россиянами (т.е. великорусами):

«Казаки имеют с россиянами [т.е. с великорусами. — Н.Л.] ***только два общие элемента: веру и язык; ВСЕМ ПРОЧИМ в народном быту своем они РАЗИТЕЛЬНО ОТЛИЧАЮТСЯ*** [заглавными буквами выделено нами. — Н.Л.] ***от последних, как, например, физиогномиею, нравами, одеждой, жилищами и проч.***

Татары издавна называли казаками тех из наездников, которые защищали свое имущество от неприятельских набегов, или занимались грабежом и разбоем, делая нападения на татар и турок. Около XI и XII столетий жили на островах Днепра некоторые шайки этих наездников и грабили, без разбора, поляков, турков и русских. Таковые наезды, удальство, охотничество и привольная жизнь мало по малу образовали

[34] *Ульянов Н.И.*, 1996. Указ.соч. — С. 27—28.

казачество; имя казаков сделалось собственным именем народа казацкого, и приводило в ужас каждого, проезжавшего по южным степям России»[35].

Можно предположить, что профессор Павловский, подчеркивая разительные отличия казаков от россиян, имеет в виду не только собственно великорусов, но также и малорусов (украинцев), и белорусов. На странице 193 своей «Географии» И.Я. Павловский отмечает, что ***«три главные поколения славяно-русского племени населяют большую часть Европейской России, именно: восточное поколение, или великороссияне, составляющие собственно русский народ; юго-западное, или малороссияне; и северо-западное, или белорусы»***. Таким образом, по большому счету, Павловский вообще выводит казаков за пределы «славяно-русского племени», исключая для казацкого народа какую-либо этническую близость с «русскостью». Все вышеозначенные аспекты «казацко-великорусской дилеммы», вновь подчеркнем это, были аксиоматичны для российских научных кругов вплоть до середины XIX в. В период «Великих реформ» Александра II ситуация изменилась кардинально: отвечая на русификаторские устремления центральной власти, русские ученые, за немногими исключениями, стали твердить о «беглокрестьянской» основе казачества. «Научных дел мастера» активно изыскивали в казацких национальных традициях, а особенно в бытовой культуре, малейшие намеки на «русскость» и назойливо муссировали в академических публикациях и прессе эти обстоятельства.

Наш дальнейший этнологический экскурс целесообразно, по-видимому, продолжить по тому вектору, который несколько раз пунктирно обозначался выше, а именно — попытаться более детально сравнить основные ментально-психологические особенности казаков и русских (великорусов). В свое время американский исследователь Т. Парсонс охарактеризовал этнический феномен как совокупность «поведенческого и культурного символов», тесно связанных с «физиологической данностью», т.е. с биологическим родством, с конкретной генетической популяцией людей, объединенных в рамках единого социально-исторического организма[36]. Важно подчеркнуть, что задолго до Т. Парсонса на важнейшее значение устоявшегося комплекса поведенческих реакций (стереотип поведения) для формирования конкретного этноса указывал Л.Н. Гумилев. Выдающийся русский этнолог рассматривал укорененный в народном сознании и безотчетных реакциях стереотип поведения, принятый данным сообществом как национальный идеал, — как важнейшее определяющее свойство реально существующего этноса[37]. Л.Н.Гумилев, развивая далее эту мысль, ввел в научный оборот **понятие этнической комплиментарности** (две категории: положительная и отрицательная), которая определялась исследователем как — **ощущение подсознательной взаимной симпатии (или антипатии) этнических индивидуумов, определяющее деление на «своих» и «чужих»**. Если воспользоваться предложенным Гумилевым научным инструментарием, то окажется, что по основному комплексу поведенческих реакций, возникающих как на основе личного менталитета конкретных людей, так и на основе стереотипа этнического поведения национальных общин, казаки и великорусы — это совершенно разные, подчас некомплиментарные друг другу народы.

---

[35] См. подробнее: *Павловский И.Я.* География Российской Империи. — СПб., 1843. — С. 193 сл.

[36] *Parsons T.* Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Ghange Ethnicity// Ethnicity: Theory and Experience. — NY., 1998. — P. 74—75.

[37] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Собр. соч. — М.: Евразия, 1997. Т. III. — С. 611 сл.

Различие этнопсихологических мотиваций казаков и великорусов. Если энергичные, социально пластичные украинцы с трудом доказывали свою конкурентоспособность в казацкой этнической среде, то, конечно же, вряд ли возможно всерьез размышлять о какой-то «русскости» (т.е. о великорусской этничности) самих казаков. Для последних всегда оставались чужды все ведущие ментально-психологические доминанты великорусов (социальное долготерпение, аполитичность и покорность любой власти, фактическое доминирование женщины в обществе, полное отсутствие военных мотиваций). Столь же диаметрально противоположными являлись и культурно-бытовые традиции великорусского и казацкого этнических сообществ. Даже не углубляясь в научные штудии, только на материале литературных трудов А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова можно вполне отчетливо уяснить себе то огромное, принципиально не могущее быть совмещенным различие между казаками и великорусами, которое существовало в XIX — начале XX вв. Разность, подчас противоположность этнических характеров казаков и великорусов нашла свое ярчайшее отражение в художественной литературе: образы, конкретные персонажи литературных произведений можно рассматривать как устоявшиеся, признанные народной традицией этнические архетипы.

Русского крестьянина Герасима из рассказа И.С. Тургенева «Муму» никогда не перепутаешь с казаком — в казацкой этносоциальной среде появление подобного персонажа было невозможным. Какие бы мотивы не лежали в основе поступков Герасима по отношению к хозяйке-барыне, девице Татьяне и собственной собачке Муму — очевидно, что в среде казаков все действия немого крестьянина могли вызвать только презрение. Покорность барской воле, смирение в ситуации, когда отнимают любимую женщину, собственноручное убийство своей собачки по приказу «свыше» — во всех поступках тургеневского героя казаки не усмотрели бы ни патетики, ни достоинства мужчины, ни духовной силы. Однако русские литературные критики, особенно те, что причисляли себя к националистам, увидели в главном герое рассказа «Муму» яркий общерусский национальный образ. ***«В нем*** [Герасиме] ***есть олицетворение русского народа, —***восторженно восклицал известный славянофил Иван Аксаков, ***— его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений»***[38].

Реальные, живые аналоги персонажей, столь понятных великорусскому менталитету, такие, как немой Герасим, Платон Каратаев в «Войне и мире», князь Мышкин в «Идиоте», Иван Флягин в «Очарованном страннике», «холоп примерный — Яков верный» в поэме «Кому на Руси жить хорошо» — не могли появиться в среде казаков, они органично чужды казацкой среде. Казацкое станичное общество никогда не восприняло бы людей, подобных князю Мышкину или «Якову верному», как равных, — настолько чужды, непонятны, дики, даже враждебны их мироощущение, их действия традиционному стереотипу поведения казаков, национальному казацкому менталитету[39]. Знаток национальной истории казаков, боевой генерал и мыслитель Ис.Ф. Быкадоров так размышлял о соотносимости казацкой и

---

[38] *Аксаков И.С.* Критика// Русское обозрение. 1894. № 8. — С. 475.

[39] Сюжет про «холопа примерного — Якова верного» стоит, вероятно, вспомнить. Жил да был помещик Поливанов, очень скупой и очень больной — подагра «съела» его суставы, ходить не мог. Служил у Поливанова холоп Яков — верный и смиренный. Когда у помещика окончательно отнялись ноги, Яков стал ходить за ним, как за ребенком. В благодарность помещик бил Якова в зубы каблуком, чем вызывал, по-видимому, в душе холопа

великорусской культур: ***«Идеологическое, моральное, психологическое и культурное содержание и сущность казачества, с одной стороны, и великорусского народа — с другой, еще более утверждают, что это совершенно различные народы. Даже единая религия между ними*** [казаками и великорусами. — Н.Л.] ***является различной в восприятии ее, в религиозном миропонимании и ощущении; у казачества нет «богоносительства», нет «богоискательства», но нет и окаянства»***[40].

Мысль генерала Быкадорова о глубоком различии между казацкой и великорусской национальными культурами можно подкрепить еще десятком подобных же цитат из эпистолярного наследия российских интеллектуалов как дореволюционного, так и советского периода. Показательна в этом смысле психологическая реакция на пребывание в среде казачества известного путешественника по Дальнему Востоку Михаила Ивановича Венюкова, мелкопоместного дворянина из села Никитино Пронского уезда Рязанской губернии. В работе «Описание реки Уссури и земель к востоку от нее до моря» М.И. Венюков отмечает:

«… Во все время моего путешествия по Сибири и Амурскому краю я сознательно пытался уклониться от постоя, или даже ночевки в домах здешних казаков, предпочитая всякий раз постоялые дворы, казенные учреждения или, по необходимости, избы русских переселенцев. Пусть в казачьих домах и богаче и чище, но мне всегда была невыносима эта внутренняя атмосфера, царящая в семьях казаков — странная, тяжелая смесь казармы и монастыря. Внутренняя недоброжелательность, которую испытывает всякий казак к русскому чиновнику и офицеру, вообще к русскому европейцу, почти нескрываемая, тяжелая и язвительная, была для меня невыносима, особенно при более-менее тесном общении с этим странным народом»[41].

Неприязнь М.И. Венюкова к ментальным и бытовым особенностям казацкого населения была вызвана, конечно же, отнюдь не «антиевропеизмом» казачества. «Антиевропеизм» казаков возник в сознании русского путешественника совершенно безотчетно — просто как удобной ответ на внутренний вопрос: отчего так глубоко не нравятся ему национально-бытовые особенности казаков? Проблема возникшей неприязни лежит, по-видимому, совершенно в иной плоскости: отчуждение возникло ввиду разности, несхожести великорусской и казацкой культурно-этнических доминант, ввиду значительного несовпадения казацкого и великорусского стереотипов социально-бытового поведения.

Мнимая антиевропейская настроенность казаков никогда не стала бы, конечно, предметом научных штудий чешского исследователя казачества Станислава Ауского. Анализируя этнические взаимоотношения русского и казацкого населения Юга России с немецкими переселенцами на рубеже XX века, С. Ауский подчеркивает: «Третье поколение немецких колонистов

еще большую любовь. Никогда ни о чем не просил Яков своего барина, но вот подрос его племянник Гриша и захотел жениться. Однако невеста — крепостная красавица Ариша — барину тоже нравилась, поэтому он не разрешил Грише жениться, а отдал его в рекруты. Яков решил отомстить Поливанову, только вот месть оказалась такой же гнусной, как и жизнь крепостного раба. Яков отвез обезноженного барина в лес и повесился на его глазах. Барин всю ночь провел в овраге, а наутро был спасен проходившими мимо охотниками.

[40] Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — М.: Рус.импульс, 2006. — С. 88.

[41] *Венюков М.И.* Описание реки Уссури и земель к востоку от нее до моря// Архив ИРГО (СПб). Папка 135 (Венюков) Л. 52.

Семья кубанского казака из станицы Расшеватской. Глава семьи держит в руках трофейный австрийский карабин Маннлихер образца 1895 г. Фотография сделана в 1919 г. — в период временного очищения Кубани от большевиков белыми войсками ВСЮР

уже заметно отличалось от русского окружения добротными кирпичными домами, церквями и школами, а главное — хорошо возделанной землей, дававшей значительно бо́льшие урожаи, чем земли соседей. Нельзя сказать, что подобные различия способствовали развитию добрососедских отношений. <…> Экономические успехи немецких колонистов вызывали неприязнь в первую очередь у российских властей, а вслед за ними — у всего русского населения. Нельзя сказать, что немецкое меньшинство выказывало какие-либо ощутимые политические амбиции. Немцы поддерживали национальную самобытность лишь в своих школах и церквях. **Показательно, что в среде казачества не наблюдалось антинемецких настроений** [выделено нами. — Н.Л.]»[42].

Впрочем, можно согласиться, что казаки действительно крепко недолюбливали именно «русских европейцев», если понимать под этим термином распоясавшихся, хамоватых русских барчуков, не забывших и к рубежу XX века былых ухваток крепостников. Деление общества на господ и рабов, на высокомерную «белую кость» и унижаемое «быдло» (исторически сложившееся в среде великорусского этносоциума, а потому воспринимавшееся этническими русскими как социальная норма) — вот что вызывало у казаков особую неприязнь, граничащую с ненавистью.

Кровавые казацко-русские эксцессы накануне Революции 1917 г. Иллюстрацией к сказанному может служить исторический очерк казацкого писателя Гария Немченко, описавшего действительно произошедший в 1914 году инцидент. После объявления Россией войны Германскому блоку из станицы Отрадной на Кубани началась передислокация на запад Хоперского полка ККВ. Вслед за уходящим на войну казацким воинством, как это было издавна принято у казаков, какое-то время, иногда достаточно долгое (два-три дня), ехали провожающие — старики и женщины. Так было и в этот раз: за полковым строем и параллельно ему ехали подводы и брички провожающих станичников. Одна из казачек, спеша поравняться с полком, выехала за пределы дороги и промяла колесами брички край

---

[42] *Ауский С.* Казаки. Особое сословие. — М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: Издат. дом «Нева», 2002. — С. 91–92. Весьма симптоматично, что при переиздании книги Станислава Ауского в Росфедерации в ее названии неожиданно появилось словосочетание «Особое сословие», волюнтаристски присовокупленное российским издательством. В авторском названии чешского издания книги никакого «Особого сословия» не обнаруживается. См.: *Ausky Stanislav A.* Kozaci. — Praha: Academia, 1999.

колосящегося помещичьего поля. Заметив сию «недозволительную дерзость», к женщине подскакал один из офицеров штаба, русский дворянин Эрдели, и наотмашь хлестнул казачку плетью. Возмездие за унижение казацкой женщины не замедлило свершиться: из походного строя выломился молодой казак и, не вступая в пререкания и выяснение обстоятельств, зарубил шашкой офицера Эрдели.

Аналогичный случай описывает в своих мемуарах знаменитый русский террорист Борис Савинков. На одной из площадей Петербурга, накануне отречения императора Николая II от престола, происходил многолюдный митинг рабочих какого-то завода. По приказу свыше на площадь выехало до полусотни казаков, которые, по мысли градоначальников, должны были разогнать и вытеснить с площади людское сборище. Однако казаки не спешили пускать в дело нагайки, они растянулись цепью вдоль края площади и наблюдали. Видя полное отсутствие «державного рвения» у казаков, власти выдвинули на площадь русский полицейский патруль, офицер которого обрушился на сгрудившихся людей, среди которых были женщины и дети, с грязной бранью. Тогда один из казаков молча, без всяких объяснений и предупреждений, вскинул винтовку и убил полицейского офицера наповал. После этого казаки, под восторженные крики оторопевших было работяг, выстроились в походную колонну и ускакали с площади[43].

В драматических событиях русской Революции 1917 г. аналогичные трагические эксцессы между казаками и великорусами стали, по-видимому, уже не редкостью. Историк В.П. Трут в своей монографии описывает документально зафиксированные события, произошедшие 25 февраля 1917 года на Знаменской площади Петербурга. Против собравшегося здесь большого числа митингующих великорусских рабочих были направлены полицейские и жандармы. Вскоре на площадь к ним прибыло 50 казаков 6-й сотни 1-го Донского полка. Ситуация на площади быстро накалялась и грозила вылиться в серьезное столкновение. Тогда командовавший жандармский ротмистр отдал приказ казакам открыть огонь по манифестантам. Однако казаки открыто проигнорировали этот приказ. В бессильной ярости разгневанный ротмистр ударил по лицу казака. Увидев унижение побратима, подхорунжий М.Г. Филатов, который за мужество и героизм на германском фронте был награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней, выхватил шашку и, сбив конем, зарубил жандарма[44].

Очевидно, что описанные Г. Немченко, Б. Савинковым и В. Трутом эксцессы иллюстрируют ненависть казаков отнюдь не к офицерам вообще, — например, в связи с их более высоким иерархическим статусом в армии. Эта ненависть адресована и не русской этничности как таковой — в быту, а тем более на службе казаки никогда не отличались агрессивным национализмом. Здесь перед нами, как видится, предстает картина глубинной брезгливости, даже онтологической нетерпимости казачества по отношению к явлению, пользуясь терминологией М.И. Венюкова, — «русского европейства». По-видимому, именно это: причудливая смесь общеевропейской лощености и исторически русских ухваток разнузданного барства вызывала в казацких душах такой мощный пароксизм отчуждения и ненависти, что при определенных обстоятельствах это вело к стремительным кровавым расправам с русскими соотечественниками.

---

[43] *Савинков Б.В.* Избранное. — Л.: Худож. лит., 1990. — С. 129.

[44] *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — С. 196–197.

Тяжесть бессмысленной и кровавой войны с Германским блоком, дискредитация и слом традиционной для России идеологии монархизма, крушение ранее казавшихся незыблемыми социальных идеалов — эти и другие социально-политические факторы предельно обострили в 1917 году все подспудные противоречия Российской империи. Страшно раскалилась и сфера межнациональных отношений. Чувство подданства императорскому Дому Романовых, государственная «русскость» рухнули, уступив свое место все более крепнущим национальным чувствам — это касалось всех национальных меньшинств развалившейся Российской империи, включая, конечно же, и казаков. В условиях тотального социально-политического переформатирования все народы бывшей империи, в том числе и восточнославянские, вели себя по-разному — в соответствии со своими органичными ментально-психологическими особенностями. Например, в революционных событиях 1917—1918 гг. в казацких воинских формированиях не произошло ни одного случая бессудной расправы рядовых казаков с казацким по этническому происхождению офицером. В эти же годы в армейских полках, сформированных из великорусов, подобные инциденты исчислялись десятками, если не сотнями. На русском флоте, где казаков вообще не было, офицеров расстреливали, топили, подымали на штыки еще в бóльших масштабах, чем в сухопутной армии.

Свою этническую обособленность, самобытность в самом точном значении этого слова — казацкий народ остро чувствовал во все времена. Яркое чувство этнополитической самостийности, бесспорно присущее казакам, объяснялось отнюдь не желанием противопоставить себя русскому народу как некий недостижимый для последнего образец. Со времен борьбы с польским шляхетством казак был чужд этнического высокомерия, а его отношение к русским людям в целом всегда было благожелательным и уважительным. Вместе с тем, твердое убеждение в том, что «казаки — не русские» всегда существовало в казацкой среде. Сила этого убеждения определялась только одним: желанием сохранить свой этнический казацкий «остров» в том поистине безбрежном великорусском море, которое неудержимо накатывалось с севера на земли Присуда под водительством «русских европейцев», немецких управляющих и еврейских комиссаров.

Казацкое чувство Гавриила Солодухина. Для постижения подлинной природы казацкого национального чувства представляют значительный интерес бытовые зарисовки Гавриила Алексеевича Солодухина — этнического казака, уроженца станицы Ильинской Кубанского Войска. Гавриил Солодухин родился в 1900 году и по молодости лет счастливо избежал непосредственного участия в братоубийственной Гражданской войне. Летом 1920 г. он был мобилизован в Красную Армию и направлен для службы в гарнизон Кронштадта. Здесь он принял активное участие в антибольшевистском Кронштадтском восстании. После разгрома повстанцев карательными частями РККА, Гавриил Солодухин, вместе с другими солдатами гарнизона, ушел по льду в Финляндию. С 1926 г. Солодухин жил в Америке, организовывал блестящие турне казаков-джигитов по США, Мексике, Гавайским островам, одновременно работал наездником-виртуозом в лучших мировых цирках. После Второй мировой войны казак из Ильинской становится постоянным участником эмигрантского Донского хора имени атамана Платова. Гавриил Солодухин оставил после себя превосходные воспоминания — очень теплые и глубоко личные, адресованные узкому кругу друзей, в основном этническим казакам. Лишенные каких-либо идеологических и политических инвектив,

эти воспоминания представляют значительную ценность для верного суждения о ментально-психологических основах казацкого национального самосознания, о глубоко этническом мировосприятии, которое было присуще даже самым обыкновенным, «среднестатистическим» казакам и казачкам.

Вот, например, любопытная зарисовка о психологической реакции этнической казачки Людмилы Владимировны Мищенко на попытку директора американского цирка назвать ее «настоящей русской».

Людмила Мищенко происходила из семейства кубанской казацкой старшины, ее родной дядя, генерал Василий Васильевич Мищенко до Революции был атаманом Таманского отдела Кубанского Войска. В эмиграции Людмила Мищенко стала супругой Гавриила Солодухина, который в своих воспоминаниях ласково именует ее — «Лапи». Превосходная наездница Л.В. Мищенко-Солодухина принимала участие в сложнейшей казацкой джигитовке на аренах лучших цирков США. Предлагаемая психологическая зарисовка повествует о неожиданной конфликтной ситуации в цирке, когда американский администратор попытался по-хамски «застроить» Людмилу Мищенко, разговаривая с казачкой очень грубо — в стиле южанина-плантатора.

«Моей Лапи дали только что купленного коня, — повествует об инциденте Г.А. Солодухин. — *Конь горячий. Выехали на репетицию. Лапи ехала в одном строю с шестью барышнями-артистками. Вышли слоны, верблюды, заиграл оркестр в 40 человек. Ее лошадь испугалась и стала взвиваться на дыбы — то туда, то сюда крутится. В общем — разбила строй. И вдруг директор арены закричал на Лапи, да так заорал, даже неприличными словами выругался. Но моя Лапи, хотя и была небольшого роста, но сердце имела казачье и большую гордость. Лапи сразу же соскочила со своего дурного коня, бросила его, подошла к этому директору, который стоял посреди арены, и, как могла громко, ему сказала: «Ты что, старая мышь, так орешь на дамочку? Сам садись на эту лошадь!» <...> И все были уверены, что эту девочку сегодня же выгонят из цирка, так как никто не знал, кто она. Даже сам директор арены не знал, что она казачка. Я прижал ее к себе, поцеловал и говорю: «Не бойся, мое золотко. Мы — гордые казаки! Молодец! Не допускай, чтобы на тебя кричали...». <...>* [Понимая, что неизбежен неприятный разговор с директором] *я нарочно оделся в казачью форму, чтобы показать директору — мы казаки, а не кто-нибудь!*

Старшая дама [администратор цирка. — Н.Л.] *указала нам, где директор арены, мистер Фред Бранде. Он стоял со своей супругой. Мы* [Гавриил Солодухин и Лапи. — Н.Л.] *подошли к ним и сказали: «Здравствуйте». Моя Лапи прямо спрашивает:*

— Вы хотели нас видеть?

Директор с улыбкой говорит:

— Это вы там меня обругали?

А Лапи ему отвечает:

— А вы что же, джентльмен — и так кричать на дамочку?

Мистер Фред Бранде еще улыбнулся и чуть не рассмеялся. Потом спрашивает Лапи:

— Вы будете настоящая русская?

Казачата Бекешевского двуклассного училища со своим дядькой-наставником. Станица Бекешевская Баталпашинского отдела ККВ, 1915 г. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

Лапи отвечает:

— Нет, я настоящая казачка! [Выделено нами. — Н.Л.].

Директор раза два кивнул и говорит: «За 35 лет моей работы нашлась одна русская казачка, чтобы жестко защитить себя, как женщину, — и добавил: — Вы извините меня за мою несдержанность». И познакомил нас со своей супругой, которая, стоя рядом с ним, улыбалась...»[45].

Воспоминания Гавриила Солодухина лишены какой-либо воинственности, политического агитпропа, в них нет даже намека на этнический шовинизм. Литературный стиль близок к разговорному — солодухинский текст очень теплый, подчас трогательный, явно рассчитан на станичников-побратимов. Вместе с тем, при чтении этих мемуаров внимательный читатель то и дело наталкивается на весьма жесткую, последовательно прочерченную границу: казаки — не великорусы, у казака и русского мужика не может быть ничего общего ни в менталитете, ни в традиционной культуре, ни в образе жизни. Вот, как яркий луч света на потемневшем холсте, — зарисовка Гавриила Солодухина о его несостоявшейся женитьбе:

«Осенью 1917 года мне пошел восемнадцатый год. Мать решила меня женить. Услышал об этом Федор Иванов, очень богатый казак нашей станицы. Он имел две

---

[45] *Солодухин Г.А.* Жизнь и судьба одного казака// Джигитовка казаков по Белу Свету/ Составление, предисловие, научная редакция П.Н. Стрелянова-Калабухова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — С. 256–257.

двенадцатисилковые паровые молотилки, до дюжины хороших упряжных лошадей и красивого орловского рысака. У него одна-единственная дочь Леночка. Он хотел выдать ее замуж. Но с условием, чтобы зять после свадьбы перешел жить в его дом.

Он думал, что наша мать-вдова, с небольшим хозяйством, с удовольствием отдаст своего сына к нему в зятья. С таким планом он и подлетел к нашему дому на своем рысаке орловской породы.

Мать знала его хорошо, еще с детства. И они были друзьями. Она любезно пригласила его в дом. Войдя в дом, Федя Иванов объяснил матери — зачем он приехал. Своим предложением он так обидел мою мать, что она закричала: «Да за кого ты меня считаешь, что я, русская мужичка, что ли? Я не дожила до такого позора, чтоб сыны мои пошли жить под чужой фамилией и под чужой крышей! Народи себе сыновей. А теперь убирайся «под-черты» вон с моего двора!»

Так поступила казачка, вдова и мать с шестью малолетними детьми и небогатым хозяйством. Разве это не пример казачьей гордости?»[46]

Книга воспоминаний казака станицы Ильинской Гавриила Солодухина буквально пропитана казацкой этничностью — как хорошее вино всегда имеет своей основой добрый, зрелый виноградный сок.

Здесь можно прочитать, что в 1917 году любимым запевом кубанских казаков оставалась старинная песня запорожцев: «*Ой гук Маты — гук! Цэ козаки идуть... Та вэсэлая, та дориженька — Куда воны йдуть...*». Читатель может искренне посмеяться над зарисовкой потешной семейной драмы: мать-казачка в ночной тиши тайком срезает волосы на голове спящего сына (чтобы он со своими длинными кудрями, упаси Бог, не походил на русского мужика). «*Ведь отец твой такой был гордый казак и вот этих пришельцев-мужиков терпеть не мог*». Много ценных, часто веселых воспоминаний очевидца о национальных традициях дореволюционного казачества, словно ядра жемчуга в старинном ожерелье, искрятся в тексте мемуаров казака Солодухина. Вместе с тем, здесь невозможно найти упоминаний, подтверждающих лукавую «беглокрестьянскую» версию происхождения казацкого народа. Нет здесь и квазипатриотических заклинаний, что казаки это, дескать, такая вот вольнолюбивая, затерявшаяся в предкавказских степях ветвь крестьян-великорусов...

---

[46] Казацкий национальный мир во все времена был патриоцентричным: дед, отец, сын, мужчина, воин — вот нерушимый фундамент, вечная основа традиционного казацкого общества. Отсутствие сыновей в конкретной семье считалось у казаков величайшим, наибольшим несчастьем, очевидным признаком проклятости рода. Поэтому поступок Федора Иванова, с казацкой точки зрения, очень понятен и, по большому счету, абсолютно правилен: взять казака-зятя в свой дом, дать ему свою фамилию — с расчетом во внуках возродить угасающий род. Другое дело, что уважающий себя казак-молодожен никак не может пойти, без потери достоинства своего рода, жить в дом жены — это жена должна прийти в дом супруга. Кроме того, страшным, несмываемым позором является для казацкого мужчины потеря родовой фамилии — предательство памяти предков считалось у казацкого народа худшим видом предательства. Поэтому гнев матери Гавриила Солодухина также имел в основе непререкаемый национальный идеал: ясное, четкое представление о том, что может позволить себе и чего никогда не должен допускать в своей жизни этнический казак. Сосед-станичник предложил ее сыну стать, по сути дела, «невестой» — обменять честь рода Солодухиных на возможность породниться с выморочным, но богатым родом. Истая казачка посчитала оскорблением уже сам факт обращения к ней с таким позорным предложением. См. подробнее: *Солодухин Г.А., 2006*. Указ. соч. — С. 161.

Размышления очевидцев о казацкой этничности. В недавнее время двумя российскими издательствами был переиздан сборник материалов-размышлений по проблемам казачества, впервые вышедший в свет в 1928 г. в Париже по инициативе атамана А.П. Богаевского. В этом сборнике, помимо прочих важных сведений, есть весьма ценные наблюдения по проблеме этничности казачества, причем сделанные как самими казаками, так и близко знающими этот народ инонациональными наблюдателями.

«У казаков было, да и есть еще, выраженное сознание своего единства, того, что они, и только они, составляют Войско Донское, Войско Кубанское, Войско Уральское и другие казачьи Войска... Мы совершенно естественно противопоставляли себя — казаков — русским; впрочем, не казачество — России. Мы часто говорили о каком-либо чиновнике, присланном из Петербурга: «он ничего не понимает в нашей жизни, он не знает наших нужд — он русский», или о казаке, женившемся на службе, мы говорили: «он женат на русской». (И.И. Ефремов, этнический казак).

«Я знаю, что в глазах простого народа воин идеальный, воин по преимуществу — мыслим всегда как казак. Так было в глазах великороссов, так и малороссов. Немецкое влияние на строй и народные понятия всего менее отразились па нравах казачества. В начале еще XX века, когда я спрашивал одного юнкера Константиновского училища, — участвуют ли юнкера-казаки в их ночных похождениях, он отвечал: «Не без того, но казаки никогда не хвалятся друг перед другом своим распутством и никогда не кощунствуют». (Митрополит Антоний Храповицкий, русский).

«Нам, русским, нечего распространяться о казачьих доблестях. Мы знаем историческую колонизационную и окраинно-оборонительную миссию казачества, его навыки к самоуправлению и воинские заслуги на протяжении многих веков. Многие из нас, жителей северной и центральной части России, ближе познакомились с укладом казачьей жизни, найдя вместе с Белым движением убежище в казачьих областях юго-востока России. В эмиграции мы оценили солидарность и спаянность казаков, выгодно отличающих их от общерусской «людской пыли». (Князь П.Д. Долгоруков, русский).

«Казачество всегда едино, цельно в разрешении и понимании своих внутренних казачьих вопросов. Во мнениях же, взглядах, отношениях к вопросу внешнему для него — русскому — казачья интеллигенция разделяется, распыляется, забывая о главном, единственно незыблемом, — об интересах своего народа — народа казачьего.

...Казаки никогда себя не осознавали, не ощущали и не считали великороссами (русскими), — считали русскими, но исключительно в государственно-политическом смысле (как подданные Русского государства)». (Ис. Ф. Быкадоров, этнический казак)[47].

Вышеприведенной цитатой из статьи генерала Быкадорова можно, по-видимому, завершить наш этнологический экскурс в части развернутого ответа на вопрос: являлось ли казачество накануне Октябрьского переворота 1917 года самобытным этносом? Ответ очевиден: конечно же, являлось, чему есть масса свидетельств как источниковедческого, так и чисто этнографического порядка. **Казаки ни на минуту в своем индивидуальном или общественном сознании не позволяли заместить этноним «казак» на этноним «русский»**

[47] Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 30, 37–38, 42, 105–107.

— и уже по одному этому факту, безусловно, являлись самобытным этносоциальным сообществом, НАРОДОМ — в самом прямом и точном значении этого слова.

Известный американский этнограф Г. Нейдель еще в середине XX века высказал верную, как признается сегодня большинством специалистов, мысль, что в ситуациях взаимопроникающей этнолингвистической мозаики, при чересполосице относительно близких этнических культур наименее двусмысленным, а иногда и единственным реальным критерием в определении того, где кончается одна этническая общность и начинается другая, является самоидентификация народа, опирающаяся на этноним. Нейдель писал: **«Культура и язык не могут предоставить безошибочный критерий племенной принадлежности, ибо культура и язык допускают степени и оттенки единообразия или различия, в то время как представление о принадлежности к племени** [т.е. этническое самосознание. — Н.Л.] **имеет тенденцию к более резкой кристаллизации — некто либо является членом племени, либо нет»**[48].

Казацкий народ никогда не путал самое себя с великорусами, не забывая, впрочем, отдавать дань уважения великому северному соседу. Отношение этнических казаков к настойчивым попыткам убедить их в исконной «русскости» казачества всегда было настороженным. С гениальной лаконичностью это отношение описано Михаилом Шолоховым в «Тихом Доне». Поистине хрестоматийна даже для современного казачества сцена, где на реплику комиссара Штокмана о том, что казаки, дескать, от русских произошли, — казак пренебрежительно, даже с вызовом бросает: «Казаки произошли от казаков!» Этот гордый девиз всего казачества — от Запорожского Войска до Семиреченского — сохранился незыблемым и доныне. Собственно, только эта фундаментальная платформа казацкого мироощущения обеспечила физическое выживание казацкого этнического сообщества, несмотря на десятилетия большевистского геноцида.

Казаки ощущали себя отдельным, отрицающим статус субэтноса великорусов, самобытным народом и в чисто политическом плане. Даже в условиях империи этносоциальные интересы казаков осознавались (и, при возможности, отстаивались) казацкой интеллигенцией именно как этнические (национальные) интересы, а не как интересы некоего умозрительного военно-служилого сословия. Здесь стоит отметить, что энциклопедический «Всеобщий географический и статистический словарь» саратовского губернатора, князя С.П. Гагарина, на сведения которого мы выше уже ссылались, пунктуально перечисляет все сословия Российской империи на период 1843 года: ***«Сословия: дворянство, духовенство, почетные граждане, гражданство, однодворцы и крестьянство, которое делится на государственных, экономических, белопашцев, обеленных, помещичьих, однодворческих, Императорских Удельных»***. Легко убедиться, что «казачества», как сословия — в академическом списке сословий России на период 1843 г. не зафиксировано[49].

Архетипы казаков и великорусов, предопределившие ход и исход Русской Революции. Даже краткий анализ некоторых ключевых императивов мировосприятия и поведенческих реакций казаков и великорусов непредвзято подводит к выводу о том, что перед

---

[48] Цит. по: *Moerman M.* Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue? // American Anthropologist. 1965. Vol. 67. P. 1219–1220.

[49] Вплоть до середины XIX века государственный аппарат Российской империи даже не помышлял о наличии некоего «казачьего сословия» — такое понятие вообще отсутствует в законоприменительной практике этого

Проводы станичников на фронт. Станица Дербентская Кубанского Казацкого Войска, 1914 г. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

нами два совершенно разных народа, сформировавшихся в совершенно разных исторических, этногенетических и географических (ландшафтных) условиях.

Один народ — великорусы — сформирован архетипом земли, земледельческий в своей сути, с генетически закрепленным в подсознании культом женщины-домоправительницы, склонный к безграничному терпению и социальному выживанию в любых условиях, упорный в монотонном труде, при наличии внешних организующих начал способный к длительной обороне[50]. Выдающийся русский философ XX века Николай Бердяев так характеризовал этнопсихологическую сущность великорусов: *«Русский народ — самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. <...> Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия — земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении государственной власти так характерна для русского народа и для русской истории.*

периода. См.: Всеобщий географический и статистический словарь. Часть III (Н–Ф). Состав.: Кн. С.П. Гагарин. – СПб., 1843. – С. 273.

[50] Для оценки весьма мощного, фактически доминирующего влияния женщин на внутреннюю жизнь великорусской крестьянской общины полезно ознакомиться со следующей работой: *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем: 1872–1887 гг. – М.: Образование, 1987.

Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа»[51]. Невозможно, по-видимому, привести более краткую, и, одновременно, очень точную характеристику основного ментального императива великорусского этносоциума.

Другой восточнославянский народ — казаки — сформирован архетипом пространства, это народ, выпестованный и вскормленный набеговой системой, олицетворяющий начала мужской инициативы и дерзости, способный уверенно находиться на гребне бушующей военной стихии, но которому с трудом удаются долговременные и методичные усилия в условиях серого, бренного существования. Людовик Грондис, философ, математик, военный корреспондент французской газеты «L'lustration», прошедший с казаками практически всю Великую и Гражданскую войны, так определял основной императив казацкого национального характера: *«Во время моего четырехлетнего пребывания в прежней, царской, а позднее в Белой Армии, я часто жил среди казачьих полков и был в лучших отношениях с казачьими офицерами. Имея связь со всеми известными казачьими племенами России (казаками Дона, Кубани, Терека, Урала, Оренбурга, Забайкалья и Уссури), я изучил их организации, их нравы; мне приходилось наблюдать их и на поле битвы, и в станицах. <...> Институт казачества — один из редких примеров, оставшихся нам от античного военного наследия, классическое представление о котором всех древних цивилизаций возводит класс воинов в высшую социальную группу, стоящую над сословием торговцев и капиталистов. <...> Наилучшие примеры храбрости и военного подвига я встречал именно у казаков; впрочем, противное меня бы удивило»*[52].

Внутриэтническая разобщенность великорусов (ввиду утраты идеала собственно национального образа жизни), этнокультурная дряблость этого сообщества (национальный обряд практически утрачен, а православный ритуал собственно русским никак не назовешь), постоянные мировоззренческие метания русской интеллигенции — все эти негативные факторы во многом предопределили крах исторической государственности России в 1917 г. На фоне «общерусской людской пыли» (определение князя П.Д. Долгорукова) казацкий народ поражал всех сторонних наблюдателей (причем как доброжелательных, так и враждебных) прочно укорененным в народном менталитете собственно казацким мировосприятием, полноценно сформированным стереотипом поведения, признаваемым всеми казаками как национальный идеал, отсутствием каких-либо внутренних метаний в пользу смены своей этнической идентичности.

Объективная оценка ментально-психологических, культурологических и социальных явлений, свойственных на рубеже XX столетия внутренней среде казачества, убеждает: казацкое сообщество в период исторического краха Российской империи обладало всеми признаками, особенностями и этнополитическими свойствами весьма мощного этносоциального организма. Наличие всех элементов развитой этносоциальной системы убедительно свидетельствует о полноценной, завершенной в своем формировании этничности казацкого народа.

---

[51] *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М., 1918. — С. 4—5.

[52] Казачество: мысли современников., 2006. Указ. соч. — С. 26—27.

Глава II

«РАСКАЗАЧИВАНИЕ» КАЗАКОВ:
факты этнополитики против пропаганды и лжи

«Расказачивание»: универсальный термин или постсоветский эвфемизм? — Ухудшение социально-экономического положения казаков в Российской империи к рубежу XX в. — Бытие казаков в фокусе «Законов о воинской повинности казачьих войск». — Роковые последствия переселенческого законодательства Александра II. — «Расказачивание» казацкого сословия не имело альтернативы. — Подмена квалификации событий геноцида терминологией «расказачивания». — «Декрет о земле» как онтологическая причина государственного террора Советского режима. — Расказачивание: действительный смысл исторического события.

Основная цель настоящей книги заключается в том, чтобы показать (и доказать) читателю, что геноцид казаков в период 1918—1933 гг. был именно геноцидом — т.е. осознанным, последовательным, комплексно реализованным преступлением большевистского государства, преследующим цель этнополитического и демографического уничтожения казацкого народа. Для развенчания постсоветского мифотворчества об отсутствии события геноцида казаков важно определиться с терминологией: читатель должен четко понимать, например, какое значение вкладывает автор в смысловые дефиниции «расказачивание», «репрессии», «этноцид» и т.д. Историческая литература о казаках соответствующего периода истории СССР буквально пестрит подобными терминами, однако при этом разность в их смысловом содержании наблюдается очень значительная. Истории казачества, как верно отмечается всеми специалистами, несвойственен, увы, терминологический консенсус. Поэтому в некоторых случаях, для детальной аргументации смысла предлагаемой терминологии, нам придется совершать более-менее основательные исторические экскурсы.

«Расказачивание» — универсальный термин или советский эвфемизм? Одним из наиболее спорных — при кажущейся абсолютной ясности — является термин **«расказачивание»**. Закономерно получивший в историографии весьма негативный оттенок этот термин во многих случаях не проясняет, а, наоборот, затемняет, даже искажает действительный смысл некоторых фактов казацкой национальной истории. Существует мнение, что автором термина «расказачивание» является Председатель Революционного военного совета РСФСР Лев Троцкий. В январе 1919 г. на совещании сотрудников политотделов 8-й и 9-й армий Южного фронта Троцкий четко артикулировал этнополитический курс большевиков на «расказачивание»: ***«Казачество — это класс, который избрало царское правительство себе в союзники, опора трона. Казаки подавили восстание 1905 г. Их история запятнана кровью рабочего класса. Они никогда не станут союзниками пролетариата. Уничтожить как таковое, расказачить казачество — вот наш лозунг! Снять лампасы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области. Только***

так мы можем утвердиться здесь…»[1]. Очевидно, что Троцкий озвучил будущий план геноцида казацкого народа, но никак не процесс расказачивания — процесс лишения определенной группы населения ее сословных преимуществ. В действительности же термин «расказачивание» — причем исключительно в социальном смысле — стал использоваться в политическом лексиконе России сразу же после революции 1905 г. В депутатских кругах уже первого созыва Государственной Думы Российской империи (1906 г.) этот термин применялся весьма широко.

При первой попытке использования термина «расказачивание» возникает неизбежный вопрос: что означает «расказачить» казака? Лишить конкретного индивидуума его сословных прав и обязанностей? Или лишить его права именоваться «казаком», депортировать из родной станицы в крайне неблагоприятные для проживания регионы страны, запретить развивать национальную культуру? Если справедливо второе, то такое «расказачивание» правильнее — поскольку намного точнее — именовать «этноцидом». А если речь идет о лишении казацкого сообщества его сословных обязанностей и «привилегий» — то уже на рубеже XX столетия для подавляющего большинства станичников этот процесс стал бы, наверное, не бедой, а благом. К началу революционного лихолетья казацкий народ уже так пресытился своей функцией «защитника Царствующего Дома Романовых» — особенно после четырех лет участия в совершенно бессмысленной для восточных славян Великой войне — что хотел только покоя и мирного труда на своей земле. Этнические казаки, по крайней мере интеллектуально развитая часть народа, прекрасно понимали, что так называемые «привилегии казачества», якобы милостиво дарованные им российскими самодержцами, с самого первого дня их «дарования» являлись, по-существу, фикцией. Попробуем рассмотреть эту проблематику подробнее.

Основная «привилегия» казака как представителя казацкого сословия состояла в том, что за изнурительную, фактически пожизненную военную службу он освобождался от поземельного налога — за свою же землю! Напомним, что свои земельные паи казаки получали на территории исторических Казацких Войск — Донского, Терского, Уральского и т.д., то есть на территориях, которые либо с незапамятных времен являлись родовыми землями казацкого народа, либо были приобретены для Российского государства казацким оружием. Восторженные идеологические побасенки: о «добром Белом царе», об августейшем Атамане-наследнике, о щедром «даровании казакам земли», которыми имперская администрация Дома Романовых веками потчевала казаков, были призваны, на самом деле, затушевать совершенно иную, гораздо более прозаическую реальность.

Ухудшение социально-экономического положения казаков в Российской империи к рубежу XX в. Эту реальность, как и многое другое в России, заложил Петр I. Первый российский император, который около двадцати лет боролся со Швецией (значительную часть этого времени — за интересы польского короля), не слишком жаловал казаков. Однако опыт подавления национального восстания донских казаков под руководством атамана Кондратия Булавина, а паче — опыт неудачных для него военных столкновений с Турцией, убедил русского самодержца в том, что с казаками целесообразнее не воевать, а включить их в состав вооруженных сил империи в качестве иррегулярного войска. Разумеется, ни о каком

[1] *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. — М., 1926. Т.2. Кн. 1. — С. 158.

паритетном военном союзе с казаками Петр I не помышлял, а методично повел дело к удушению былых казацких вольностей в имперских военно-административных «объятиях». Ключевым направлением антиказацких по сути реформ Петра I было избрано крупнейшее и сильнейшее (после тотального погрома русскими войсками Запорожской Сечи) Войско Донское.

По реформе территориального управления 1708 г. донскую часть Казацкого Присуда включили в состав Азовской губернии. В 1716 году вопросы взаимодействия с Войском Донским были переданы из Посольского приказа в распоряжение Сената, а с 1721 г. — в ведение Военной коллегии. Одновременно жесткими административно-полицейскими методами сократили полномочия Войскового Круга донцов — его прежнее значение как органа верховной власти в донской части Присуда фактически упразднили. С 1723 г. Круг утратил право избирать Войсковых атаманов Дона, а с 1754 г. — уже и войсковых старшин. В итоге к концу XVIII века все земли Войска Донского оказались под пятой Российской империи, а сообщество донских казаков окончательно потеряло даже видимость былых вольностей и стало иррегулярным войском. Казаков фактически превратили в «крепостных армии», с той лишь разницей, что рекрутчина для русских крепостных была избирательной, а все взрослые мужчины казацкого этноса стали военнообязанными поголовно. С учетом бесконечных и, во многих случаях, бессмысленных войн, которые вела императорская Россия, тяжелая «барщина кровью» очень негативно воздействовала на этническое здоровье и социальное развитие казацкого народа, фактически иссушала его. Отметим, что в некоторых других Войсках Российской империи (например, в Уральском и Терском) тяжесть так называемых «привилегий» казацкого сословного статуса существенно превосходила соответствующее имперское бремя донцов.

Доктор исторических наук Наталья Великая на обширном фактическом материале убедительно показала: насколько тяжким, в каких-то аспектах даже невыносимым, стало к началу XX века социальное положение казаков Терского Войска[2]. Исследователь приходит к выводу, что, начиная с XVIII века, постоянно возрастали государственные повинности терских казаков, однако при этом почти синхронно ликвидировались их исконные права и свободы. Законодательной практикой империи постепенно усиливалось административное принуждение, обязательное прикрепление к месту жительства, жестко ограничивались право на владение частной собственностью, свобода выбора занятий и т.д. «Многочисленные обязанности, — констатирует Н.Н. Великая, — которые постоянно возлагались на терское казачество, позволяют утверждать, что исторически оно эволюционировало в сторону непривилегированных сословий, и лишь сопротивление казачества, принимавшее различные формы — от подачи прошений до побегов за рубеж, и Великие реформы Александра II не позволили этому процессу окончательно завершиться»[3].

К рубежу XX века казацкая национальная элита стала четко осознавать очевидный уже факт, что административное давление государственной системы Российской империи на казацкое сообщество превышает все разумные пределы. Историограф конца XIX века,

---

[2] *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII—XIX вв. — Ростов н/Д., 2001; *Она же*. Казаки и иногороднее население Терека: парадигмы развития (вторая половина XIX — начало XX в.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 2. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАИ, 2008. — С. 120—130.

[3] *Великая Н.Н., 2008*. Указ. соч. — С. 122.

этнический казак И.Д. Попко на основе анализа постойной, гужевой, дорожной, паромной и других как натуральных, так и денежных повинностей, налагаемых государством на казаков, пришел к выводу, что повинностей у казаков ***«гораздо больше, чем в каком бы то ни было гражданском сословии или обществе»***[4].

Действительно, начиная с конца XVIII века, терские казаки стали в буквальном смысле «слугами двух господ», оказавшись в подчинении и военной, и гражданской администраций Российской империи. При этом губернское гражданское правление постепенно изымало у терцев права на их же казацкую землю, рыболовные угодья, добычу соли, продажу вина и т.д. Одновременно усиливались денежные подати — крепкая хватка российских «государевых мытарей», которые сплошь подбирались из лиц инонационального происхождения, буквально не давала казакам Терека свободно вздохнуть. Все мужское казацкое население (кроме строевых казаков на службе) обязано было платить до 1 руб. 90 коп. с души на содержание почтовых станций в Кавказской губернии — ***«так же, как и поселянин, в податном состоянии живущий»*** — плюс по 10 копеек с души на содержание сторожа при Кизлярском земском суде и иной прислуги в гражданских присутственных местах. К началу XX века абсолютное большинство земских повинностей в Терской области было возложено только на казаков — и это при наличии на территории ТКВ огромной массы русских переселенцев, **численность которых к 1914 году более чем в два раза превысила число этнических терских казаков**[5]. Только казаки для казенных крепостных и дорожных работ обязаны были безвозмездно поставлять тягловых лошадей и подводы. За счет казачества содержались на Тереке паромы и перевозные каюки, строились постовые укрепления, прорубались в предгорных лесах просеки и артиллерийские визиры, укреплялся постоянно подмываемый вешней водой левый берег Терека и т.д.

Даже в сфере военного обеспечения Российское государство старалось, при малейшей возможности, дополнительно нагрузить казаков «патриотическим долгом». Уже с рубежа XIX века Терское Войско за свой счет содержало войсковую конную артиллерию. Из войсковой казны ТКВ оплачивалось приобретение лошадей с упряжью и их содержание, ремонт орудий, зарядных ящиков и т.п. Если прибавить к этому обязанность казаков размещать по своим куреням отряды прибывающих солдат регулярной армии, предоставлять для армейской конницы часть своих пастбищ и сенокосов — станет совершенно ясно, что обывательское мнение о невероятной выгоде социального статуса казацкого сословия, мягко говоря, не соответствует истине. Неслучайно все наказные атаманы ТКВ (назначаемые, отметим, исключительно из лиц неказацкого происхождения) неоднократно обращались в Петербург — с предложениями существенно уменьшить систему земских и военных повинностей казаков. Даже этим имперским чиновникам, подчас весьма далеким от осознания подлинных проблем

---

[4] *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. Гребенское войско. (Репринтное издание). — Нальчик, 2001. — С. 214, 216–219.

[5] Реформы Столыпина вызвали волну массового переселения великорусских крестьян из центральных губерний России на Северный Кавказ. К 1914 г. в Терской области оказалось более полумиллиона (521.240) русских переселенцев. Для сравнения: численность терских казаков в 1916 г. составила только 255 тыс. человек. См. подробнее: *Рукосуев Е.Ю.* Казачество: права и обязанности сословия// Вопросы истории. 1998. № 5. — С. 138–139.

Казак Сунженско-Владикавказского полка Терского Войска с родными. Справа его супруга с сыном, слева — с платком в руках, по-видимому, сестра. Платок, который держит в руках казачка, означал, что ее муж в военном походе и она его ждет. Фото начала XX в.

казацкого народа, государственные повинности терцев казались чрезмерными.

Итак, к 1917 году социально-экономическое наполнение сословного статуса «казак» трудно было признать, с казацкой точки зрения, удовлетворительным. Экономическое обеспечение этого статуса было, по большому счету, иллюзорным. Конечно, можно считать «привилегией» факт законодательно гарантированного получения каждым казаком мужского пола индивидуального земельного надела (пая). Однако при этом не следует забывать, что Российская империя гарантировала передачу казакам **казацкой же земли**, неотъемлемое право на общенародное владение которой самодержавие Романовых отняло у казацкого народа силой оружия — последовательно разгромив все попытки казаков отстоять свой собственный национальный путь развития.

Отметим, вместе с тем, что правами в области землевладения не исчерпывались особые экономические права казаков. К ним относились также — освобождение казаков от уплаты прямых государственных, в том числе и поземельных, налогов и подушной подати, а также земского сбора. Во время нахождения казаков на военной службе они освобождались от всех личных денежных и натуральных повинностей. Впрочем, последнее «дарованное право» являлось декларативным: находясь на службе казак мог добыть деньги для каких-то выплат государству только занимаясь грабежом или мародерством — что вряд ли соответствовало интересам армейского командования.

Как соответствовали уровню весьма эфемерных социально-экономических «привилегий» основные (военные) обязанности казацкого населения перед Российской империей? К сожалению, практически никак — издержки 20-летней службы казаков (и это в начале техногенного XX века!) настолько далеко перекрывали «дарованные» права, что реальная польза последних, при объективном сопоставлении, кажется почти незаметной.

Бытие казаков в фокусе «Законов о воинской повинности казачьих войск». В 1901 году все нормативные документы о воинских обязанностях казаков были сведены в единый общероссийский свод «Законы о воинской повинности казачьих войск»[6]. Анализ этого свода, проведенный одним из ведущих российских казаковедов, показывает, что во-

[6] Законы о воинской повинности казачьих войск. — СПб., 1901.

енная система Российского государства удивительно цепко держала в своей орбите всех казаков-мужчин самого лучшего репродуктивного возраста[7].

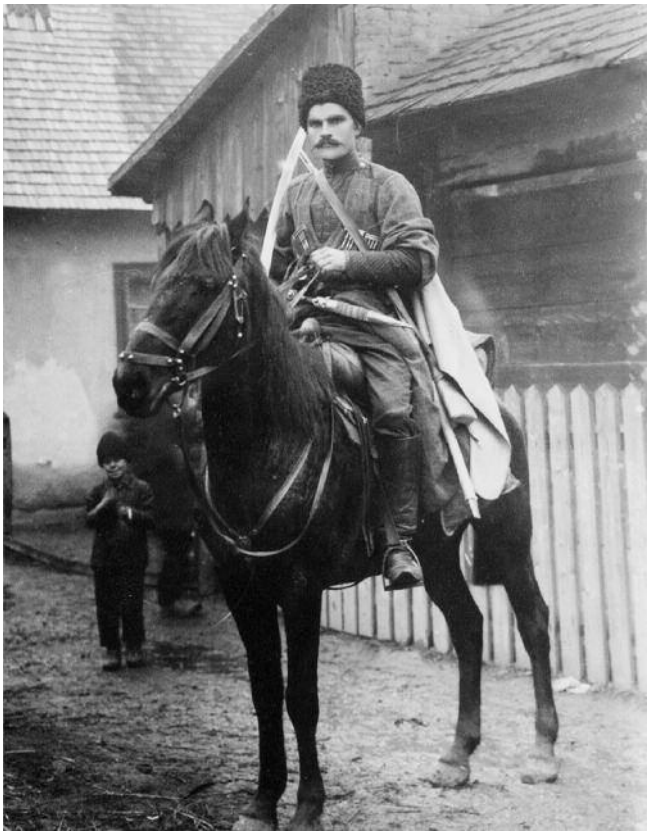
В соответствии с законодательством империи казаки всех Войск, кроме Уральского, обязывались нести военную службу в течение 20 лет. Уральские казаки служили 22 года. Весь период службы был разбит на три разряда. В первом, приготовительном, казаки служили 3 года, из них последний, 3-й год они находились в специальных тренировочных военных лагерях. После этого переходили в следующий — строевой разряд, служба в котором продолжалась в течение 12 лет. Этот разряд подразделялся на три очереди, по четыре года в каждой. Действительную военную службу непосредственно в армии в течение 4-х лет несли казаки 1-й очереди (на Кубани — частью и 2-й очереди) строевого разряда. Затем, указывает В.П. Трут, казаки выходили на так называемую «льготу», т.е. переводились в воинские подразделения 2-й очереди. Проходя службу в них, казаки находились в постоянной мобилизационной готовности — содержали строевых коней, полные комплекты исправного снаряжения и обмундирования, каждый год проходили 5-недельные военные лагерные сборы. Потом они переходили в части 3-й очереди, где также находились в течение четырех лет. По истечении 12 лет службы в строевом разряде казаки переводились в запасной разряд, в котором числились еще 5 лет. Только после этого, когда завершался цикл 20-летней службы, казаки выходили в полную отставку и могли призываться в армию лишь во время войны — в ополчение. Поскольку каждый молодой казак впервые призывался к присяге в 19 лет, становится понятным, что лучшую часть своей жизни — в плане физического здоровья и деловой активности — казаки проводили в походных лагерях и казармах.

«Барщина кровью», которую казацкий народ отдавал России на протяжении без малого трех веков, наложила неизгладимый отпечаток на быт, национальные традиции, семейный строй и даже на менталитет казаков. Бесконечная военная служба, когда поколения за поколениями сменяли друг друга в казацком боевом седле, запечатлелась даже в мужском национальном костюме донцов (равно и казаков большинства остальных Войск). Обычный однотонный армейский китель, шаровары с лампасами и армейская фуражка — вот национальный костюм казацкого мужчины на рубеже XX века. Однако, рассматривая сохранившиеся «парсуны» (портреты) донских казаков XVII в. или гравюры к трактатам А.И. Ригельмана (середина XVIII в.), можно понять, что исконная национальная одежда казаков выглядела, на самом деле, совершенно иначе. В стилистическом плане это была одежда запорожцев XVI века, — с ее яркими атласными бешметами, широчайшими шароварами, цветным длинным матерчатым поясом «монгольского типа». Одежда казацкой старшины XVI–XVII вв. искрилась золотым шитьем, красовалась серебряным позументом, оторочкой из меха соболя и куницы… Куда исчезло, спустя всего одно столетие после присоединения Запорожья и Дона к России, все это великолепие? Его поглотил унылый армейский мундир, который казак не успевал снять, придя в свой курень или хату на краткосрочную побывку, — перед выездом на службу следующей «очереди»!

Воинская служба финансово иссушала бюджеты значительного числа казацких семей, особенно те фамилии, в которых родилось подряд несколько сыновей-погодков. Никакие

---

[7] *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — С. 41–42.



Отъезд в службу. Казак 2-го Лабинского полка 2-й казачьей дивизии ККВ в походной справе. Ст. Лабинская. 1913 г. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

земельные паи, полученные на сыновей от «щедрот» российского царя, были не в состоянии компенсировать главе семейства те огромные для трудового человека деньги, которые безвозвратно нужно было несколько лет подряд изымать из бюджета семьи, чтобы достойно — с казацкой честью и по закону — проводить сыновей в службу.

В.П. Трут приводит в своем исследовании так называемый арматурный список — длиннейший перечень вещей и предметов (более 40 позиций!), которыми в обязательном порядке должна была снабдить сына-призывника за счет своего бюджета казацкая семья[8]. Российская империя, небогатая и неразвитая, но упорно стремящаяся в своих военных амбициях догнать промышленные страны Западной Европы, скаредно требовала от казака-призывника не только боевого коня и седло, всю мыслимую номенклатуру холодного оружия, строевую и походную одежду, но даже иголки с нитками и ухнали (гвозди для конских подков)!

Атаман одной из донских станиц, вахмистр Иван Афонин, уже находясь в эмиграции, подсчитал, что накануне Первой мировой войны для исправного выхода в службу донскому казаку требовалось затратить около 307 рублей[9]. По данным советского историка Г.В. Пожидаевой, начало боевых действий Первой мировой войны вызвало скачок цен на лошадей и походное снаряжение, в результате чего выход в службу стал обходиться казаку Оренбургского войска в 350 — 400 рублей[10]. Более дорогая «справа» кубанских казаков (в нее, помимо парадной черкески, входил еще и кинжал) стоила накануне 1914 г. около 500 рублей[11], По мнению Л.И. Футорянского, затраты на исполнение своей воинской повинности ежегодно требовали от донских и оренбургских казаков примерно половину средств, получаемых с пая середняцкого хозяйства[12]. Как видим, доля «защитника Царствующего Дома Романовых» обходилась простому станичнику весьма недешево.

---

[8] *Трут В.П., 2007*. Указ. соч. — С. 43.

[9] *Афонин И*. Еще один ответ. Шанхайцам — далеким и близким// Вольное казачество. 1931. № 84–85. — С. 25.

[10] *Пожидаева Г.В*. Разложение казачьей общины накануне 1917 года. (По материалам Южного Урала)// Вопросы аграрной политики Урала и Западной Сибири. — Курган: изд-во КГПИ, 1971. — С. 458–459.

[11] *Лебедик Н.И*. Кризис аграрной политики царизма в казачьих районах (на материалах Кубанского войска)// Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне. — Материалы Всесоюзной научной конференции. — Черкесск: Изд-во Карач.-Черк. НИИ истории, филологии и экономики, 1984. — С. 164.

[12] *Футорянский Л.И*. Казачество России на рубеже веков. — Оренбург: ДИМУР, 1998. — С. 59.

Неслучайно, именно на рубеже XX века в казацкой этнической среде вначале подспудно, а затем все более открыто стало проявляться недовольство своим положением в Российской империи. «Слава казачья — да только жизнь собачья!» — эта горькая поговорка получила в станицах широчайшее распространение. За бутафорскими «вольностями», циничным «монаршим дарованием» казакам казацкой же земли, елейными речами о «верных стражах Престола» повсюду в России проступало фактическое бесправие рядовых станичников. Даже в структуре русской императорской армии, как это ни странно, казаки являлись во многом людьми «второго сорта». Писатель Федор Крюков с трибуны I-й Государственной Думы (1906) с гневом констатировал: «*...Казак, и находясь в казармах, и находясь дома, должен, прежде всего, помнить, что он не человек в общепринятом высоком смысле слова, а нижний чин, только нижний чин, так называемая «серая святая скотина». <...> Казак не имеет права войти в общественное помещение, где хотя бы случайно находится офицер; старик-казак не может сесть в присутствии офицера, хотя бы очень юного; казак не имеет права продать свою лошадь, не спросясь начальства, хотя бы эта лошадь пришла в совершенную негодность; но зато казак имеет право быть посаженным на несколько дней в кутузку за невычищенные сапоги или запыленное седло*»[13].

Член Донского Войскового Круга, генерал-майор Ис.Ф. Быкадоров — георгиевский кавалер, ставший в эмиграции талантливым историком, в 1928 году с горечью констатировал: «*Никакая власть российская (центральная) не сможет быть благой для казачества, какая бы она ни была: монархическая, кадетская (Милюковская), эсеровская (Керенского или Чернова) или евразийская (есть и такая претензия, обещающая создать Сверх-Россию), — отношение к казачеству будет сводиться к закреплению расхищения и обращению достояния казачьих краев «в общий котел» так, что казачество оттуда не получит и объедков*»[14].

Горькие слова генерала Быкадорова основывались, увы, на реалиях казацкой жизни: самодержавие Романовых своей неуклюжей социальной и национальной политикой, действительно, подготовило почву для того, чтобы казацкому народу из общероссийского «котла» в итоге не досталось и объедков. **Советская власть не изобрела в этом смысле ничего нового. Большевики только подвели соответствующий идеологический базис под предшествующую де-факто антиказацкую политику Российской империи, смогли довести эту политику «расхищения достояния казачьих краев» до абсолюта геноцида.**

Прямая преемственность антиказацкой политики от империи к большевикам была понятна даже простым станичникам. В декабре 1925 года, уроженец хутора Арпачин бывшей Области Войска Донского, этнический казак В.И. Зерщиков, возмущенный лицемерием большевиков, с гневом писал в редакцию «Крестьянской газеты»: «*Стали говорить, да так неохотно, что казачеству возвратят демократию. Возвращены какие-то старые привилегии. Казачья форма, даже холодное оружие. Что толку с этого? А средство к существованию отняли! Нас-то, казаков, выгнали со своих земель, дали по 1-й десятине земли, а иным и этого не попадает. Царское правительство отнимало у казаков земли, но всю не успело отнять — так советское правительство постаралось отнять.*

---

[13] *Крюков Ф.Д.* Рассказы. Публицистика. — М., 1990. — С. 516—517.

[14] Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — М.: Русский импульс, 2006. — С. 95.

Теперь остановка за одним. ***Заставить казака по-прежнему справляться на военную каторгу*** [выделено нами. — Н.Л.]»[15].

Как видим, этнические казаки отнюдь не испытывали иллюзий по поводу своих так называемых «привилегий», якобы дарованных династией Романовых. Не испытывал казацкий народ и ностальгии по своим военным повинностям во славу Дома Романовых — даже после чудовищной «кровавой бани», устроенной казакам в 1918—1921 гг. большевиками. Простой станичник, приученный с детства к воинской дисциплине, мог с усмешкой воспринимать все официальные россказни о своих «привилегиях» (и даже порой поддакнуть в этом плане начальству), однако — по сохраненным родовым преданиям и нелегкой доле своей — казак хорошо знал подлинную цену этой незатейливой пропаганды.

Российская верховная власть, вплоть до реформ Петра Столыпина, в основном вела себя как недалекий рантье. Ее «банком» были неистощимые природные богатства России и беспросветный, безропотный, без преувеличения — каторжный труд многомиллионного великорусского крестьянства. «Проценты на средства в банке» русская элита с размахом прожигала в своих двух столицах и обетованной для нее Западной Европе. Интеллектуальные и организационные флуктуации, связанные с деятелями кружка «славянофилов», подвижническая работа графа Муравьева-Амурского и еще некоторых чиновников подобной же харизмы, так и остались только флуктуациями и не превратились в осмысленную, стратегически выверенную политику по сбалансированному освоению всей территории страны. Гениальный Михаил Ломоносов был уверен, что «Россия будет прирастать Сибирью». Однако, вплоть до крестьянской реформы Петра Аркадьевича Столыпина, Россия Сибирью не прирастала, а лишь методично ссылала в безграничные сибирские дали матерых преступников. В результате отсутствия осмысленной переселенческой политики исключительные по протяженности и плодородию земли Зауралья, Западной и Южной Сибири оставались нераспаханными. При наличии колоссального, никак не используемого фонда сельскохозяйственных земель в азиатской части России, несчастное крестьянство на европейской Русской равнине многими поколениями изнывало от малоземелья, копило лютую ненависть к помещикам, вырождалось от хронического детского недоедания, вырабатывало психологию и ритуалы нищенства[16].

Роковые последствия переселенческого законодательства Александра II. В 1868 году правительство Российской империи утвердило Закон «*О дозволении русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях Казачьих войск, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества*»[17]. Этот провокационный законодательный акт, впоследствии рикошетом нанесший

---

[15] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 795. Л. 403—403 об.

[16] В превосходной книге русского помещика, успешного сельскохозяйственного дельца А.Н. Энгельгардта имеется леденящее душу описание ритуалов нищенства, которые на рубеже XX в. практиковались крестьянами Смоленской, Тверской и других центральных губерний Великороссии. Поздней осенью, после сбора урожая, местные крестьяне, подчас целыми деревнями, уходили по окрестным городам и весям на нищенский промысел — «в кусочки». В это же время во всех крестьянских домах выпекали особые хлеба — с отрубями, из некачественной муки — чтобы в любой момент можно было подать нищему отдельный кусочек хлеба весом в 100—120 гр. См.: *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем: 1872—1887. — М., 1987.

[17] Закон "О дозволении русским подданным..." — СПб.: Тип. Мин. Внут. Дел. (Отд. оттиск), 1868.

страшный удар по исторической государственности России, по мысли имперской администрации Александра II должен был решить две основных задачи. Во-первых, предполагалось, что прилив массы великорусского населения на казацкие земли раз и навсегда снимет гипотетическую угрозу казацкого сепаратизма. Во-вторых, самостоятельное переселение крестьян-великорусов на свободные земли Присуда позволяло в какой-то мере снизить «земельный» голод в освобожденных от крепостного рабства деревнях Центральной России. Существовал и еще один немаловажный фактор, подтолкнувший правительство Российской империи к вышеозначенному решению, — необходимость обеспечить дешевой рабочей силой железнодорожные концессии, промышленные и сырьевые предприятия, которые в период «Великих реформ» стали бурно развиваться на Юге страны.

После вступления в силу вышеуказанного Закона над родовой земельной собственностью казацкого народа на тонком волоске на постоянной основе был подвешен «дамоклов меч». Правда, так называемым «иногородним» приобретать в собственность пахотные и луговые угодья казаков не разрешалось, им предоставлялось лишь право аренды. Однако приобретать в собственность усадебную землю (домовые участки) в казацких станицах «иногородние» могли совершенно свободно. В результате, начиная с 1868 г., на казацкие земли хлынул поток переселенцев с севера, который устойчиво возрастал с каждым годом, тем более что войсковые и станичные правления с целью пополнения своих бюджетов охотно сдавали в аренду прибывающим «кацапам» земли Войскового запаса и станичных юртов. Не отставали в этом роковом процессе и рядовые станичники — необходимость крупных расходов на подготовку сыновей к службе фактически принуждала казаков сдавать часть своего земельного пая в аренду «иногородним» переселенцам. Скоропалительным, вредоносным уже в среднесрочной перспективе решением петербургские администраторы заложили мину замедленного действия и под казацкой этничностью, и под инфантильным в стратегических вопросах Домом Романовых. Вынужденное переселение на земли Присуда не принесло счастья и обездоленной массе великорусских крестьян. За мнимое благо переселения на казацкие земли, а через полвека, с опорой на штыки красноармейцев РККА, временное хозяйствование на них — русские мужики рассчитались ужасом Голодомора в начале 30-х гг. большевистской эры.

В одной из последующих глав нашего исследования мы подробно рассмотрим негативные социальные и межнациональные аспекты массового вселения великорусских крестьян на земли Казацкого Присуда. Пока же ограничимся констатацией очевидного факта: правительство Александра II, стимулируя поселение на казацких землях «иногородних», не решило ни одной проблемы — ни социальной, ни демографической — во внутренних областях Великороссии, однако создало на Юге страны потенциальную угрозу межнационального конфликта значительного масштаба. Правящий кабинет Царя-Освободителя неспроста, по-видимому, инициировал массовое переселение великорусского населения на земли исконного проживания казаков. Как уже отмечалось выше, в этот период имперский Петербург впервые стал преследовать на Юге России «русификаторскую» этнополитическую цель — наполнить земли Присуда новым, более предсказуемым по менталитету русским населением, постепенно, но необратимо усилить «окрестьянивание» Казацких Войск.

В более позднее время, кабинеты Александра III и Николая II, хотя и неуклюже, но последовательно продолжили начатую в правление Александра II политику «русификации»

казаков. В 80-х годах XIX века постепенно были закрыты все войсковые казацкие учебные заведения, в которых по целевому набору обучались дети этнических и приписных казаков. В 1906 году, в разгар Первой русской революции, располагая крайне узкой базой социальной поддержки, которую, по большому счету, составляло лишь казачество, монархисты «Черной сотни» и офицерский состав Лейб-гвардии, император Николай II, тем не менее, **упразднил одну из главных реальных привилегий Войска Донского — право иметь собственные, отдельные от государства, войсковую казну и бюджет.** Одновременно были официально запрещены (фактически запрещены еще в царствование Петра I) традиционные Войсковые Круги на территориях Войск. И, самое вызывающее, — николаевское самодержавие упразднило казацкий Приказ общественного призрения, который ведал вопросами этносоциальной защиты на землях Войск: выплачивал денежные пособия вдовам и сиротам погибших казаков. Вырождающаяся династия Романовых постепенно впадала в политический маразм — последовательно уничтожала как раз те основы, на которые почти три столетия опиралась Российская империя.

После 1868 г. волна обездоленного великорусского крестьянства буквально затопила казацкий Юг. «Иногороднее» неказацкое население в этот период уже составляло большинство — 80,4% от всех жителей Терского Войска. На территории Войска Донского «иногородние» составляли больше половины населения — 57,2%; в Кубанском Войске — 55,4%; в Уральском — 45,6%; в Сибирском — 42,3%. Несколько медленнее поток русских крестьян-переселенцев накатывал на восточные (азиатские) Войска, однако все они были в значительной мере русифицированы уже на первоначальном этапе своего создания[18]. Безземельные, вынуждаемые хронической нищетой к выселению из родных деревень, крестьяне несли в глубинах своего массового сознания неизбывную ненависть к любым, более-менее обеспеченным землевладельцам. Пользуясь на правах аренды казацкой землей и не выплачивая на территории Войск значительную часть общероссийских налогов, «иногородние», тем не менее, не испытывали к казакам ни малейшей благодарности, но относились к ним приблизительно так же, как на родном севере относились к своим русским помещикам, — крайне враждебно, даже непримиримо.

На фоне быстрого роста амбиций огромной массы пришлого инонационального элемента, который жаждал стать не только арендатором, но и полноправным владельцем казацких земель, собственно войсковое земельное обеспечение этнических казаков неуклонно ухудшалось. Положение о казацких Войсках 1869 г. устанавливало общевойсковую норму земельного надела (пая) казака в 30 десятин. Однако рост численности населения Войск (при неизменности начертания их границ) привел к тому, что в начале XX столетия казацкий земельный пай сократился в Оренбургском Войске до 24,6, а в Донском — до 16,9 десятин. В Терском и Кубанском Войсках ситуация с земельным обеспечением стала и вовсе критической: в 1914 г. здесь имелось соответственно от 12,3 до 12,5 десятин на казака[19].

---

[18] В Семиреченском Войске так называемые «иногородние» в 1910 г. составляли 19,9% от всего населения, в Оренбургском Войске — 17,5%, в Астраханском — 14,2%, в Амурском — 12,1%, в Забайкальском — 3,4%, в Уссурийском — 2,2%. См.: Статистический обзор современного положения казачьих войск. СПб.: Б.и.,1910. — С. 18.

[19] *Абрамовский А.П., Кобзов В.С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. — Челябинск: Изд-во ЧГУ, 1999. — С. 262; Терский календарь на 1912 год. Вып. 21. Статистический ежегодник. — Владикавказ: Б.и., 1911. — С. 20.

Семья урядника Никиты Ершёва. Станица Ермаковская, 1-й Донской Округ Войска Донского. Около 1914 г. (*Архив В.П. Мелихова*)

В 1905 году в Терском Войске земельное обеспечение на одного казака составляло 13,7 десятин, — т.е. за восемь лет индивидуальный земельный пай казака на Тереке сократился почти на 1,5 десятины[20]. Тенденция к быстрому сокращению земельного обеспечения казацкого населения к началу XX века стала общей для всех Войск империи, исключая только Уссурийское Войско.

Обременяемые регулярными, очень длительными выездами из станиц, не имея возможностей для сторонних заработков, вынужденные расходовать значительную часть заработанных денег на военную справу, покупку оружия и строевых лошадей, выполняя различные земские повинности, казаки постепенно проигрывали экономическое соревнование с окружающим русским крестьянским населением. Этот фактор в огромной степени подогревал алчные надежды «иногородних» в части «черного передела» родовых казацких земель. Архивные исследования недавнего времени убедительно показывают, что в европейских (наиболее казацких в генетическом аспекте) Войсках, усадьбы этнических казаков по хозяйственной эффективности уступали дворам соседствующих с ними великорусских крестьян[21]. Поскольку доходы средней казацкой семьи, получаемые от постоянно уменьшающихся земельных наделов, с трудом (и не всегда) покрывали расходы для снаряжения сыновей-призывников на службу, складывалась парадоксальная ситуация: чем больше сыновей рождалось в казацкой семье — тем ниже был уровень ее благосостояния. Нередки были случаи, когда одновременный или ежегодный выход на службу нескольких сыновей (близнецов или погодков) доводил даже «середняцкие» хозяйства этнических казаков до полного разорения. В великорусских крестьянских семьях подобная семейная ситуация приводила к прямо противоположному — позитивному экономическому эффекту.

---

[20] Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области за 1905 год. — Владикавказ: Б.и., 1906. — С. 22.

[21] *Герман О.Б.* Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861—1920 гг. — Ростов н/Д., 2003. — С. 111—112.

Донские казаки в Галиции во время Луцкого (Брусиловского) прорыва. Август 1916 г. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

Затянувшаяся, очень кровопролитная Великая война еще более усугубила и без того тяжелую социально-демографическую ситуацию в Казацких Войсках. Мобилизационный план Генерального штаба Российской империи, разработанный еще в мирное время на случай начала крупномасштабных военных действий, предусматривал мобилизацию до 12,5% взрослого казацкого мужского населения[22]. (Важно подчеркнуть в этой связи, что процентная норма мобилизации славянского (неказацкого) населения России была в предвоенный период в три раза меньше — всего 4,2%[23]). Однако Молох глобальной войны ненасытно требовал все новых и новых войсковых контингентов, — в результате предвоенная норма мобилизации казаков была превышена в 5,5 раз! Это привело к отрыву от производительного труда и семей около 67,5% мужчин-казаков (лучшего репродуктивного возраста!), многие из которых погибли или стали инвалидами[24].

Казаки умели хорошо, грамотно, действительно «малой кровью» воевать, поэтому потери казацких полков в годы Великой войны не идут, конечно, ни в какое сравнение с

---

[22] *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Первой мировой войне 1914–1918. — М.: Изд-во Российской киновидеокомпании, 1994. — С. 31.

[23] «Барщина кровью», которую казацкий народ стал регулярно оплачивать с момента распространения российской юрисдикции на земли Казацкого Присуда, продолжалась, таким образом, весь период существования Российской империи.

[24] История казачества Азиатской России : в 3-х томах. Т. 3. XX век. — Екатеринбург, 1998. — С. 24.

действительно массовыми потерями в подразделениях, укомплектованных представителями других славянских народов. Однако, для относительно небольшого народа, каковым являлись казаки к 1914 году, и эти потери оказались весьма чувствительными. Суммарные потери Казацких Войск за период Великой войны составили 44.799 человек, в том числе — 8314 чел. убитыми и умершими от ран, 30.032 — ранеными и контуженными, 6453 — пленными и без вести пропавшими[25]. Подчеркнем, что боевые потери в конском составе и полевом снаряжении сражавшихся казацких частей восполнялись, главным образом, за счет станичных ресурсов и казны Войск, то есть, по сути дела, казаки воевали за счет дополнительных поборов с их же родовых усадеб.

«Расказачивание» казачьего сословия не имело альтернативы. Мы предприняли этот подробный обзор социально-экономической и демографической составляющих казацкой этносферы накануне Февральского переворота 1917 года неслучайно. Даже самый общий анализ серьезнейших проблем, с которыми столкнулся казацкий народ в середине второго десятилетия XX века, убедительно доказывает, что процесс подлинного **«расказачивания»— т.е. ликвидации сословных прав и государственных обременений казацкого населения России** — давно назрел. С учетом социально-экономических итогов Великой войны 1914—1918 гг., абсолютно провальных для империи Романовых, «расказачивание» казачьего сословия фактически не имело альтернативы. «Расказаченные» казаки — уже в силу высокой этнической конкурентоспособности этого народа — отнюдь не потерялись бы среди других этносов России. Демократическая революция в Российской империи и связанное с ней упразднение всех сословий открыли бы, наконец, новый шлюз, по которому мог двинуться поток мощных этнических энергий казацкого народа, веками искусственно сдерживаемых бесконечной имперской военщиной. Даже в условиях кровавого хаоса Русской Революции (и после него) казаки, тем не менее, смогли показать: насколько конкурентоспособным оказался бы их «расказаченный» народ в других, лучших условиях. Превосходные литераторы Федор Крюков, Николай Туроверов, Петр Краснов, талантливые историки Исаак Быкадоров, Сергей Сватиков, Игнат Билый, Григорий Губарев, сотни деятелей культуры и экономики казацкого происхождения, блистательно проявивших себя в эмиграции в Старом и Новом Свете, убедительно продемонстрировали, что сословное «расказачивание», в конечном счете, стало бы благом для казацкого народа, а отнюдь не трагедией.

Накануне Революции тяжесть возложенных на Войска непомерных сословных повинностей воспринималась казаками уже очень остро. С трибуны I-й Государственной Думы о необходимости коренной ревизии социального статуса казака заговорили депутаты, избранные от Донского и Оренбургского Войск. Депутат-донец М.И. Кирьянов, опираясь на мнение своих казацких побратимов, предложил упразднить подготовительный разряд и практику проведения ежегодных учебных лагерных сборов для находившихся в льготном разряде казаков, отслуживших действительную службу в первоочередных полках. В предложенном Кирьяновым проекте нового Устава воинской повинности предполагалось освобождение от обязательной срочной службы единственных в семьях сыновей, а также предоставление переселяющимся из одних станиц в другие казакам трехгодичных отсрочек от призыва для хозяйственного обустройства на новых местах. Предусматривался и механизм компенсации за

[25] *Герман О.Б., 2003*. Указ. соч. — С. 137.

государственный счет расходов на приобретение обмундирования и снаряжения для казацкого призывника[26].

Представитель Оренбургского Войска, депутат Т.И. Седельников выступил с думской трибуны с еще более радикальной программой. Он призвал правительство вообще ликвидировать казацкое воинское сословие, с предоставлением казакам гражданских прав наравне с прочим населением России. По проекту Седельникова, казаки получали полную свободу передвижения (вне зависимости от текущего мобилизационного статуса), свободу выбора рода деятельности и службы[27]. Мнение этого депутата от ОКВ основная масса российского казачества не разделяла: в среде казаков (особенно среди офицеров) оставались еще очень сильны представления о высоком статусе звания «царской служивой рати». Имперская пропаганда за многие десятилетия крепко вколотила идеологему «сословного служения» в казацкие головы. Однако, сам факт появления такого, весьма радикального предложения, озвученного с трибуны Государственной Думы этническим казаком, — уже является ярким свидетельством того, что «расказачивание» (как процесс коренного изменения сословного статуса казаков) стало актуальным пунктом политической повестки дня в угасающей Российской империи.

Таким образом, с разным уровнем понимания проблемы и, конечно, с разной степенью предполагаемой радикальности реформы, но уже к рубежу 1907 года мыслящая часть казачества вполне осознавала необходимость процесса сословного «расказачивания». Для такого «расказачивания» — в смысле ликвидации более чем сомнительных «привилегий» казаков, с одновременной ликвидацией их весьма обременительных военных и гражданских повинностей, требовалась, в сущности, только добрая воля верховной власти. Накануне Революции широко обсуждалось предложение: создать единую Общевойсковую согласительную комиссию, вдумчиво и последовательно — с учетом интересов и Российского государства, и казацкого народа — провести необходимые реформы. Конечно, никаких расстрельных списков, никакого террора, никаких депортаций — т.е. всех тех механизмов геноцида, сквозь которые пропустил казацкий народ оккупационный Советский режим, для процесса социального, сословного «расказачивания» не требовалось.

Подмена квалификации событий геноцида терминологией «расказачивания». Анализ исторической ретроспективы со всей очевидностью показывает, что все разрушительные экономические и этнополитические события, которые, начиная с 1918 г., стал моделировать Советский режим на землях Казацких Войск, не имеют никакого отношения к процессу сословного «расказачивания». Данный процесс был начат и фактически завершен Временным правительством еще до прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. Отчего же, в таком случае, некоторая часть российских историков с упорством, явно заслуживающим лучшего применения, продолжает использовать этот эвфемистский термин для характеристики массового государственного террора Советского режима? Подчас этим термином пытаются охватить самые разнородные и никак не связанные с сословной сферой геноцидальные события, происходившие на казацких землях на протяжении около двадцати послереволюционных лет.

---

[26] ГАОО. Ф.10. Оп.4. Д.10/4. Л.17.

[27] *Абрамовский А.П., Кобзов В.С., 1999*. Указ. соч. — С. 259.

Например, ростовский исследователь С.А. Кислицын охватывает термином «расказачивание» вообще весь процесс уничтожения народа казаков, начиная от событий Гражданской войны и вплоть до этапа борьбы с «вредителями и саботажниками» в конце 1930-х гг. По мнению историка, «расказачивание» осуществлялось Советской властью в четыре этапа. На начальном этапе, в ситуации массового насилия Гражданской войны — «способом репрессий на грани геноцида» — физически ликвидировались представители казацкого сословия. Затем, в 1919–1924 гг. — осуществлялось ограничение казаков в правах (не только гражданских, но и имущественных). Следующий этап, с 1925 по 1929 гг., историк характеризует как «скрытое расказачивание»[28]. И, наконец, в период с 1929 по 1939 гг. исследователь отмечает систематические преследования оппозиционно настроенных казаков методами раскулачивания, а также прямые репрессии против членов казацких повстанческих организаций[29].

Экстраполяцию термина «расказачивание» практически на весь период взаимоотношений Советского государства с уничтожаемым казацким народом (т.е. на период, когда казаки еще являлись консолидированным этносоциальным сообществом) нельзя признать оправданной. Подобная экстраполяция противоречит, на наш взгляд, фактографии казацкой истории периода Революции, неубедительно она и в методологическом аспекте. Впрочем, прием нарочитого смыслового расширения термина «расказачивание» в российской историографии применяется, увы, весьма часто.

Историк Р.Г. Тикиджьян убежден, например, что расказачивание «как процесс и государственная (квазигосударственная) политика» включало целый комплекс тенденций — от изменения политико-правового и территориально-административного статуса казачества до «умирания, исчезновения казачества не только, как сословно-корпоративной группы населения, но и как этнокультурной общности»[30]. Нетрудно заметить, что такое, еще более масштабное, распространяемое практически на всю историю пребывания казачества под юрисдикцией Российского государства (включая его советскую формацию), толкование термина «расказачивание» — точно так же, как и предыдущее, в значительной мере ретуширует проблематику этноцида и государственного террора, обрушенного на казацкое население режимом РКП(б)-ВКП(б). Изучение процесса этнополитического уничтожения казаков Советским режимом с использованием юридически четкого международно-правового

---

[28] В недавнее время С.А. Кислицын постарался дезавуировать свои былые утверждения о наличии этапа «скрытого расказачивания». «РКП(б) уже в 1925 году прекратила политическую дискриминацию казачества, — с явным необольшевистским пафосом констатирует историк, — возвратила ему гражданские права в полном объеме и даже разрешила прием казаков в комсомол, кооперативные организации и даже в партию — в рамках курса вовлечения казачества в советское строительство. Более того, были реабилитированы рядовые белоказаки, разрешено возвращение казаков-эмигрантов на родину, созданы казачьи территориальные воинские формирования и др.». См. подробнее: Кислицын С.А. О мифе «геноцида казачества» в историографии донского казачества// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской научной конференции. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 96.

[29] Донские казаки в прошлом и настоящем. — Ростов н/Д., 1998. — С. 22.

[30] *Тикиджьян Р.Г.* Расказачивание как понятие, процесс и государственная политика: актуальные проблемы изучения// Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 3. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 219–220.

инструментария подменяется в этом случае широчайшим историографическим обзором весьма разнородных событий. Очевидно, что с использованием такой амбивалентной методологии невозможно проводить объективную квалификацию геноцида казацкого населения административно-карательной машиной Советского режима.

«Применять термин «расказачивание» (как бы мы его ни понимали), — отмечают в схожем контексте историки А.П. Скорик и В.А. Бондарев, — по отношению к периоду коллективизации, характеризовать данную политику как завершающий этап «расказачивания» неправомерно. Если понимать «расказачивание» как ликвидацию сословных пережитков, то очевидно, что к моменту начала коллективизации казаков как сословия уже не существовало. Если же считать «расказачивание» ликвидацией казаков как особой общности или субэтноса, то и здесь возникает ряд неразрешимых вопросов, порождаемых несоответствием теоретических построений и конкретно-исторических материалов»[31].

Полагаем, что «наукоемкое» рассуждение о наличии, якобы, «неразрешимых вопросов, порождаемых несоответствием теоретических построений», использовано авторами только лишь с целью ухода от дальнейшего обсуждения советского «расказачивания» как формы целенаправленного уничтожения казацкого населения Советской России, т.е. геноцида. **Приходится признать, к сожалению, что значительная часть российских исследователей обнаруживает высокую степень готовности не замечать, что многоплановый и методичный государственный террор, обрушенный административно-карательной машиной РСФСР на казацкий народ, с самого первого дня приобрел характер геноцида. Массовая этнополитическая «зачистка» казацкого населения Советского государства не преследовала и не могла преследовать цели социального (сословного) расказачивания.**

Следует заметить, что вплоть до окончания Гражданской войны для определения процесса «расказачивания» отсутствует какой-либо понятийный критерий, кроме констатации факта жесточайшего террора казацкого населения со стороны военно-административных структур большевиков. Однако и сам факт террора, и этнополитический вектор его применения четко указывают не на **расказачивание** (социальную антисословную законодательную процедуру), а на **геноцид** (механизм уничтожения нежелательной этносоциальной группы населения). Сами большевики признавали, что события Революции ликвидировали какие-либо законодательные и имущественные основания для сословного деления народонаселения России. Ростовская газета «Молот» прямо разъясняла позицию Советской власти на этот счет — ***«…Ныне нет места сословиям. Есть только трудящиеся и нетрудящиеся»***[32]. При этом для обозначения казацкой проблематики большевики продолжали спекулятивно использовать уже окончательно отжившую, казалось бы, «сословную» терминологию, поскольку в противном случае пришлось бы признавать казаков отдельным от великорусов этносом, что прямо противоречило и «русскому», и «нацменскому» векторам национальной политики Советского режима.

---

[31] *Скорик А.П., Бондарев В.А.* Коллективизация и расказачивание на Юге России в 1930-х гг. Основные проблемы и перспективы исследования// Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 2. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. — С. 303.

[32] О казачестве// Молот (газета). — Ростов н/Д. 1925. 15 мая.

С другой стороны, выглядит излишне оптимистичным утверждение некоторых исследователей, что в 1920-х гг. произошло «уравнение в правах казаков и иногородних»[33]. Формальное «уравнение в правах» действительно наступило, однако фактически это «уравнение» произошло в форме беспощадного противозаконного ограбления казаков в пользу инонациональных «иногородних» — причем как в сфере земельной собственности, так и имущественного (движимого и недвижимого) достояния казацких усадеб. Советский режим РКП(б) на начальном этапе своего господства на землях Казацких Войск действительно оказался подлинно «русской властью», поскольку действовал исключительно в интересах «иногородних», т.е. в интересах великорусских и русифицированных украинских крестьян.

«Декрет о земле» как онтологическая причина государственного террора Советского режима. Законодательная основа для массового ограбления казацкого народа была создана известным «Декретом о земле», провозглашенным на II Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г. Концептуальной основой этого Декрета стали положения «Крестьянского наказа о земле», который сами большевики характеризовали как ***«выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России»***. Поскольку «огромное большинство» крестьян России являлось в этническом аспекте великорусами, становится ясно — **в пользу какой именно группы населения Юга России** могли реализовываться конкретные положения «Декрета о земле» на территориях Казацких Войск. Пункт седьмой «Крестьянского наказа», нашедший свое прямое отражение в ленинском «Декрете», манифестировал исполнение вековечной мечты русских крестьян о «черном переделе» земли. В целом же «Декрет о земле» являлся, конечно, смертным приговором национальной казацкой системе землепользования[34]. ***«Землепользование должно быть уравнительным,*** — писали крестьяне в своем «Наказе», — ***т.е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, — по трудовой или потребительской норме»***[35].

Воплощение в жизнь «Декрета о земле», составленного на основе *de facto* средневековых представлений великорусских крестьян, могло привести на территории Казацкого Присуда только к вспышке межнационального насилия, а затем и вооруженной борьбы между казаками и «иногородними». Гражданская война на Юге России действительно являлась «гражданской» для русских офицеров и солдат формирований ВСЮР генерала Деникина и «Русской армии» генерала Врангеля. Для казацкого народа с самых первых дней боевых действий эта война приобрела характер национально-освободительной эпопеи, и даже более — тотальной войны за национальное самосохранение. ***«Можно ли будет разбить у казака те***

---

[33] *Скорик А.П., Бондарев В.А.* Расказачивание на Юге России в 1930-х годах: исторические мифы и реальность// Отечественная история. 2008. № 5. — С. 97—98.

[34] «Черным переделом» в России традиционно называлась уравнительная система перераспределения земли в великорусских крестьянских общинах. В данном контексте само слово «передел» восходит не к глаголу «переделывать», а к «переделять» — делить заново. Принцип «черного передела» заключался в разделе всей земли сельскохозяйственного назначения на участки приблизительно сходного качества и последующем уравнительном распределении их по определенной процедуре на всех членов крестьянской общины. «Черный передел» мог быть реализован только в ситуации отсталых, экстенсивных форм землепользования.

[35] Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «О земле» от 26 октября 1917 г.// История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР: 1917—1958 гг. В 2-х томах. Т. I. — М., 1959. — С. 18.

глухие неприязненные отношения к Советской власти и Коммунистической партии, которые он держит у себя?» — обращался к своим партийцам в 1927 году, т.е. уже после победы большевиков в Гражданской войне, один из руководителей Донского округа Северо-Кавказского края. И сам же констатировал, что преодолеть ненависть казачества к Советской власти будет ***«при таком положении невозможно»*** — когда в пользовании казаков осталась только четвертая часть былого фонда сельскохозяйственных земель Войска Донского[36].

Таким образом, несложно, как будто бы, понять — отчего в российской историографии возник странный феномен широчайшего использования термина «расказачивание»? Причина этого лежит, на наш взгляд, не столько в историографической, сколько в идеологической плоскости.

Политика сознательного уничтожения народа казаков в период 1918—1933 гг. является одним из самых антигуманных явлений в мировой истории, а с точки зрения международного права — безусловно преступным деянием, не имеющим для своего осуждения срока давности. Особо негативный оттенок, по крайней мере, для исторического реноме России — придает этому деянию очевидный факт, что на протяжении около 20 лет политика государственного террора и этноцида в отношении казацкого населения осуществлялась преимущественно бойцами Красной Армии и сотрудниками ВЧК-ОГПУ-НКВД, которые по своему этническому происхождению не являлись казаками. Государственный террор против казаков, особенно на первоначальном этапе (до 1928 года), осуществлялся в интересах укрепления политического альянса режима РКП(б)-ВКП(б) с «иногородними» переселенцами, которые прибыли на земли Войск из великорусских деревень в результате реформ Александра II, либо были целенаправленно переселены сюда Советской властью из центра и севера России, а также из Белоруссии. Именно фактор очевидности преступления этноцида заставляет, по-видимому, российских историографов настойчиво искать некий «примиряющий» термин, который, с одной стороны, — фиксировал бы аннигиляцию казаков как самобытной общности, а с другой стороны, — позволил бы не использовать при описании этого процесса такие необратимые (в международно-правовом поле) термины как «государственный террор», «этноцид» и «геноцид». Одним из таких «удобных» таксонов, с точки зрения официальной историко-идеологической доктрины современной России, и стал термин «расказачивание» — обнимающий, казалось бы, все аспекты советской антиказацкой политики, и, одновременно, не артикулирующий ее преступные геноцидальные дискурсы.

Возможно также, что употребление термина «расказачивание» в широком хронологическом контексте 20-30-х годов XX века является некой данью устоявшийся историографический «традиции» — особенно в работах тех историков, которые верно расценивают смысл государственного террора Советской власти против казаков[37]. Нет ни малейших сомнений, что когда-то эта «традиция» в российской историографии будет, наконец, упразднена. Коллективизация на территории бывших Казацких Войск не может быть охарактеризована как «расказачивание», отмечает в этой связи историк В.Е. Щетнев, поскольку к периоду 1930-х гг. казацкого сословия просто не существовало — казаки уже утратили свои сословные и даже значительную часть этнических признаков в результате

---

[36] ГАРО. Ф.5. Оп.1. Д.145. Л.104.

[37] *Трут В.П.* Истребить поголовно. Как организовать расказачивание// Родина. 2004. — С. 96 сл.

предшествующей политики Советской власти. Действия Советского режима на казацких землях со второй половины 1920-х и в 1930-х гг. можно расценить, весьма точно подчеркивает В.Е. Щетнев, только как «добивание казачества», но отнюдь не как заключительный этап «расказачивания»[38].

Расказачивание: действительный смысл исторического события. Резюмируя вышеизложенное, вновь подчеркнем, что подлинное расказачивание завершилось до Октябрьского переворота 1917 г., когда в результате политического Февраля и упразднения монархии Временным правительством были ликвидированы все сословия и провозглашено равноправие всех граждан России перед законом. После законодательных актов Февраля никаких казаков как представителей военно-служилого сословия уже не было. Однако на территории России продолжило свое существование казацкое сообщество, в котором подавляющее большинство этнических казаков идентифицировало себя, в этнополитическом аспекте, — в качестве самобытного, имеющего собственные национальные интересы казацкого народа. Соответственно, — и по основным методологическим критериям исторической науки, и по характеру конкретных преступных актов, и по этнополитическому результату этих преступлений, — политика тотального государственного террора, обрушенная Советским режимом на казацкое население с рубежа 1918 года, должна квалифицироваться только в терминологии международной юрисдикции — как преступление геноцида. Очевидно, что использование эвфемистского термина «расказачивание» в данном контексте выглядит неубедительно и может быть расценено как свидетельство тенденциозности.

Завершая данную главу нашего исследования, попытаемся сформулировать непротиворечивое, с этнополитической точки зрения, определение термина «расказачивание».

Расказачивание — это длительный процесс социальной трансформации казацкого сообщества, в результате которого этнические казаки вначале постепенно, а затем все более быстро стали освобождаться от бремени государственных повинностей, навязанных казацкому народу Российской империей в XVIII веке. Процесс расказачивания, инициированный volens-nolens имперским правительством во второй половине XIX века в рамках политики «русификации» казаков, резко ускорился в связи с нарастанием революционной ситуации в России и завершился законодательной ликвидацией всех сословий бывшей Российской империи революционным Временным правительством. В результате расказачивания были упразднены все существенные элементы функционирования казацкого сословия: фактически пожизненная военная служба, индивидуальный земельный пай (надел) за службу, снаряжение казака на службу за собственный счет, а также иные государственные льготы, преимущества и повинности.

---

[38] *Щетнев В.Е.* Была ли сплошная коллективизация заключительным этапом расказачивания? // Казачество России: история и современность. Тезисы межд. научн. конф., Геленджик (8–11 октября 2002 г.). — Краснодар, 2002. — С. 143.

Глава III

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР:
формы и этапы геноцида народа казаков

Крах надежд на справедливую оценку советского тоталитаризма в современной Росфедерации. — Смысловая девальвация термина «репрессии» в российской исторической науке. — Репрессии и геноцид: основные смысловые различия. — Репрессивная политика Петра I в отношении казаков. — Миф об отсутствии документальных свидетельств события геноцида казаков. — Государственный террор РСФСР в Горной Кубани в период окончания Гражданской войны. — Совместная повстанческая борьба казаков и горцев на Кубани. — Целенаправленное уничтожение мужской части казацкого этноса. — Преступление геноцида: смысл термина и аспекты квалификации. — Формы преступления геноцида. — Косвенный геноцид и демонизация казацкого сообщества Советским режимом. — Стадии уничтожения казацкого народа государственной системой РСФСР-СССР.

Слово «репрессия» попало в словарный фонд российской исторической науки из сленга большевиков-ленинцев — до событий Революции 1917 года это слово очень редко употреблялось в России в официальных и научных публикациях. Однако вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. понятие «репрессии» и «Советская Россия» фактически стали синонимами. Причину этого легко понять: в мировой истории можно отыскать только единичные тоталитарные режимы, которые могут быть сопоставимы с Советской Россией по развитой идеологии государственного террора. По масштабу же изуверской жестокости, кровопролитности и цинизма репрессивных актов против собственного населения «родина пролетарской революции», по-видимому, уже никогда и никому в мире не уступит страшного лидерства.

Понятие **«репрессия/репрессии»** является на сегодняшний день абсолютно доминирующим в практике исследований российскими историками карательной деятельности Советского государства. Этот термин в равной мере применяют и в тех случаях, когда хотят обозначить квазизаконное насилие (какая, в принципе, может быть «законность» в государственной системе, возникшей в результате вооруженного путча), и для обозначения террористического (беззаконного) произвола карательных органов Страны Советов[1].

Такая историографическая практика применения понятия «репрессии» возникла в начале 1990-х гг. — как результат крушения тоталитарной системы СССР и настойчивых попыток значительной части российского общества отыскать утерянный в 1917 году, да так и не обретенный вновь «магистральный» путь России. В указанный исторический период эта понятийная

---

[1] См. например: *Алексеенко И.И.* Репрессии на Кубани и Северном Кавказе. 30-е годы XX века. — Краснодар, 1993; *Бугай Н.Ф.* Депортации с юга России в 40-е гг. Причины, ход, последствия. — М., 1995; *Гонов А.М.* Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20—90-е годы XX века). — Нальчик, 1998; *Петров А.Г.* Реабилитация жертв политических репрессий: опыт историко-правового анализа. — М., 2005; *Уйманов В.Н.* Массовые репрессии в Западной Сибири в конце 20-х - начале 50-х гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. — Томск, 1995.

дефиниция несла в себе, бесспорно, огромный прогрессивный заряд — способствовала возвращению исторической грамотности населения, могла послужить процессу обретения российским обществом утраченного достоинства и действительных демократических свобод. Однако уже в то время некоторые исследователи высказывали сомнение в целесообразности широчайшего применения понятия «репрессия/репрессии» для точной характеристики преступных деяний советской государственной машины в отношении стиснутого ее тоталитарным прессом населения бывшей Российской империи. Вскоре эти опасения, к сожалению, подтвердились: стало ясно, что термин «репрессия» является суррогатным — очень приблизительно, неточно обозначающим и сущность, и масштаб насилия карательных органов Советского государства над действительными и мнимыми противниками режима РКП(б)-ВКП(б)[2].

Крах надежд на справедливую оценку советского тоталитаризма в современной Росфедерации. Философ Р. Декарт не зря утверждал в свое время, что если «определиться в терминах — половина человеческих споров исчезнет». Позорный развал Советского Союза в конце XX века, казалось, давал надежду, что новая Россия, выбравшись из-под обломков красной империи, действительно сумеет «определиться в терминах» и, окончательно отвергнув страшные кровавые «термины» большевизма, решительно изберет для своего развития новые — национальные и демократические. К сожалению, этого не произошло. После произошедших в распадающемся СССР в 1990-е годы эпохальных событий, в Российской Федерации осталось немало людей, занимавших весьма ответственные государственные и общественные посты, которые были категорически против полного развенчивания Советского режима РКП(б)-ВКП(б), как системы органически антиславянской, фактически оккупационной. Хотя эти люди действовали в высших эшелонах государственной власти постперестроечной России, однако в данной своей позиции они опирались не столько на элитарные круги общества, сколько на широчайшие слои так называемого «русскоязычного» населения. Именно многомиллионный массив «советоидов» во всех социальных эшелонах страны, которые уже в 70-х годах XX столетия практически утратили все связи с былым русским этнокультурным базисом, и стал социальным заказчиком постепенно происходящего в современной Российской Федерации необольшевистского ренессанса.

Феномен упрямой, можно сказать — органичной «советскости» славянского, преимущественно русского населения России еще ожидает своего вдумчивого исследователя. Парадоксально, но является фактом: значительная часть великорусского населения (в отличие от всех прочих народов бывшего СССР) вплоть до сегодняшнего дня готова защищать изваяния Ленина и прочих вождей большевизма на улицах своих городов, требовать политической реабилитации кровавых палачей ВЧК, подобных Феликсу Дзержинскому, искренне почитать «гений» Сталина и т.п. При этом «русскоязычные» старательно не замечают очевидный факт, что именно великорусский народ являлся, наряду с другими восточнославянскими народами, основным объектом чудовищных этнополитических экспериментов большевизма. Забывается также, причем, как ни странно, в первую очередь современными русскими, что богатейшее национальное достояние имперской России стало объектом самого масштабного разграбления, учиненного в 1920—1930-х гг. оккупационным Советским режимом.

---

[2] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. — СПб., 1992; Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. — М., 1999.

Ростовский исследователь А.Н. Усенко, размышляя о генезисе общественного сознания современной России, справедливо отмечает: «в конце 90-х гг. широкие слои общества открыто обнаружили свою морально-психологическую усталость от постоянной критики тоталитаризма и многочисленных разоблачений сталинской эпохи»[3]. Этнополитическая инфантильность русскоязычного населения сделала, к сожалению, безрезультатными настойчивые попытки некоторых известных общественных деятелей (например, А.И. Солженицына) призвать руководство Кремля к политике осознанного формирования русской политической нации, к обустройству России в форме современного национального государства[4]. Логичным результатом общественного запроса на необольшевизм стало постепенное свертывание систематических архивных и научных исследований преступлений Советского режима. И, напротив, резкое увеличение числа публикаций, в которых заведомо антигуманные, террористические деяния административно-карательной машины большевиков получили своего рода «реабилитацию» — мол, в сложные годы Революции и Гражданской войны распадающуюся Россию, иначе, чем гекатомбой трупов и потоками крови заново скрепить было невозможно[5].

Позднее, в 2000-е годы стали появляться целевые работы, в которых деятельность репрессивных органов Советского режима и оккупационные, карательные практики Красной Армии уже не только не осуждались, но, напротив, выставлялись как некий образец государственной добродетели. В этих же штудиях непримиримые борцы с Советским режимом — совершенно в духе большевистских представлений 1920-1930-х гг. — стали именоваться не «повстанцами», но «бандитами», а последовательная антисоветская деятельность обездоленных, терроризированных Советским режимом людей стала объясняться только одной — махрово уголовной мотивацией. Вот как характеризуется, например, в недавней необольшевистской компиляции деятельность казацких «бело-зеленых» повстанцев на Дону в период Малой Гражданской войны. «На территории Донского края в 1920—1921 гг., — утверждает краевед Ю.И. Галкин, — действовало более 100 известных по названиям и безымянных банд, одни зарождались на месте, другие были проходящими, одни имели в своем составе 10—20 человек, а некоторые насчитывали сотни и тысячи человек. <…> Злостные дезертиры, грабители, убийцы составляли небольшое, но крепкое ядро любой банды. По

---

[3] *Усенко А.Н.* Массовые политические репрессии 1930-х годов на Дону. Автореферат дис. канд. ист. наук. — Ростов н/Д., 2006. — С. 15.

[4] Статья Александра Исаевича Солженицына «Как нам обустроить Россию?» была опубликована 18 сентября 1990 г. одновременно в «Литературной газете» и «Комсомольской правде». Общий тираж двух изданий достиг фантастической, даже для позднего Советского Союза, величины: 27 млн экземпляров. Кремлевская элита и широкие слои великорусского этносоциума остались, в сущности, глухи к основной идее политического манифеста Солженицына: воссоздать национальную государственность России, а на основе единства «национальной модели общества» сохранить стратегический союз трех славянских республик бывшего СССР и Казахстана. Позднее, Александр Солженицын с горечью признавал: «Услышан я, к сожалению, не был. Не был понят».

[5] Впервые, насколько нам известно, осторожную попытку реабилитации тоталитарного режима РКП(б)-ВКП(б) предприняли сотрудники журнала «Полис» в 1995 г. (См.: «Полис», 1995, № 2. — С. 147). Впоследствии, число подобных публикаций существенно возросло. См. подробнее: *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. — СПб., 2001. — С. 62; *Козлов В.А.* Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности// ОНС, 2003. № 4. — С. 81—97.

окончании боевых действий мятежное крестьянство обыкновенно оставалось на месте, прятало до случая оружие, а уголовное ядро вместе со своим «батькой» перебазировалось в следующий район и снова обрастало повстанцами нового района. Волна восстаний перекатывалась из района в район и в этом секрет неуловимости бандитов, их живучести и тех трудностей какие приходилось испытывать Красной Армии в борьбе с бандитизмом»[6]. Вот в чем, оказывается, заключалась истинная причина неистребимости антибольшевистского сопротивления Малой Гражданской — отнюдь не в массовой поддержке борцов-антикоммунистов со стороны ограбленных и терроризированных Советским режимом селян, а в «перекатывании уголовного ядра» из района в район! На фоне подобных откровений уже не приходится удивляться тому, что с рубежа 2000-х в Российской Федерации стала в целом переосмысливаться террористическая деятельность ОГПУ-НКВД, а чекистские палачи в некоторых историографических штудиях неожиданно предстают в тогах высокоидейных «борцов в рамках законности»[7].

В национально-государственном аспекте попытка скрестить «ужа и ежа» — чуть приоткрыть преступления большевизма и тут же их оправдать для сохранения мнимого авторитета власти и пресловутых «державных скреп» — уже оказало современной России самую черную услугу. Весьма вероятно, что в среднесрочной перспективе именно фактор необольшевизма и связанная с ним разбалансировка массового общественного сознания станет причиной нового, очень серьезного по последствиям кризиса российской государственности. Однако, уже сегодня, благодаря нежеланию (или инфантильности) решительно перерезать «пуповину», связывающую современную систему государственной власти России с большевизмом, страна осталась без внятной, конкурентоспособной в XXI столетии национальной идеологии. Российская держава, чье народонаселение более чем на 80% состоит из славян, до сих пор не может преодолеть в сфере идеологии и, соответственно, в образовательной сфере всех последствий былых мифологем советского интернационализма — фактически антирусских и антиславянских. Более чем странной инициативой по ретушированию реального образа режима РКП(б)-ВКП(б) стала фактическая установка Министерства образования и науки России на изъятие из новых школьных учебников всех сколько-нибудь значимых сведений о массовых, кровавых преступлениях большевизма. В результате, по данным Левада-Центра, примерно половина граждан России демонстрирует терпимое отношение к истории террористического произвола советских органов госбезопасности, наряду с полным равнодушием вообще к трагическим страницам истории Отечества, связанным с деятельностью режима РКП(б)-ВКП(б). При этом четверть опрошенных респондентов считают государственный террор в СССР исторически оправданным событием[8].

«В российском обществе, — констатирует в этой связи кубанский историк А.Ю. Рожков, — до сих пор публично не осуждена политика государственного террора и массовых

---

[6] *Галкин Ю.И.* Сборник документов о Гражданской войне в Донском крае, на Кубани и Приазовье в 1920—1921 гг. — М., 2004. — С. 5—6.

[7] См. напр.: 80 лет на страже Родины. Управление Федеральной службы безопасности по Хабаровскому краю. 1921—2001. — Хабаровск, 2001; *Епихин А.Ю., Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921—1928). — М., 2007; *Север А.* Великая миссия НКВД. — М., 2008.

[8] *Мухаметшина Е.* Злонамеренное безразличие//Ведомости. № 4326 от 23.05.2017.

репрессий, в частности, инициаторов и исполнителей Голодомора. **Забвение советской разновидности «маккартизма» грозит нашему обществу устойчивым манкуртизмом, в результате чего мы рискуем надолго остаться народом со спутанной коллективной и национальной идентичностью** [выделено нами. — Н.Л.]»[9].

В этой связи вряд ли можно удивляться тому, что сообщество российских историков весьма специфично (в подчеркнуто интернационалистском ключе) трактует события чудовищного Голодомора 1932—1933 гг. и категорически отказывается признавать эти события как геноцид украинского народа. Вряд ли такая позиция способствует укреплению актуальной российской государственности, но совершенно точно — демонстративное непризнание Голодомора украинцев геноцидом стало очень значимым фактором в возникновении нынешнего глубочайшего разлома в русско-украинских взаимоотношениях.

Смысловая девальвация термина «репрессии» в российской исторической науке. Вышеперечисленные обстоятельства негативно сказались на методологии научного применения термина «репрессия/репрессии». Научный статус этого важного таксона весьма существенно, даже неоправданно возрос, однако, вместе с тем, произошло значительное смысловое размывание этого термина. «Репрессиями» стали называть буквально все волюнтаристские, насильственные эксцессы Советского режима — вне зависимости от кровопролитности и масштабов совершенных преступлений. Запрещение занятий творческим трудом, увольнения «царской» профессуры из «пролетарских» университетов, внутренние чистки в ОГПУ-НКВД, массовые депортации целых народов, массовые бессудные расстрелы мирных людей — все эти акции Советской власти, очень разные по масштабам, степени жесткости и трагическим последствиям, получили в российской исторической науке единое наименование «репрессий». Попытаемся, в связи с этим, детализировать терминологическую шкалу в отношении государственного террора Советского режима — применительно к событиям истории казацкого народа периода Гражданской войны, НЭПа и «Великого перелома» 1930-х годов.

Слово «репрессия» переводится с латинского (repressio) как «подавление». Академический «Словарь синонимов русского языка» З.Е. Александровой выстраивает следующий синонимический ряд: репрессия — наказание как кара; репрессивный — карательный[10]. Заметим, что толкование «репрессии» как «кары» очень точно соответствует духу советской репрессивной машины, к действиям которой невозможно применить западноевропейское осмысление данного термина — «насильственное воздаяние Закона за совершенное преступление».

Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» приводит следующее толкование указанного таксона: репрессии — **«различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, а также иное лишение или ограничение прав и**

---

[9] *Рожков А.Ю.* «Мыши съели людей…»: память о голоде 1932-1933 годов в откликах на публикации И.И. Алексеенко// Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 г. Материалы науч.-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 53—55.

[10] *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов. М.: — "Сов. энциклопедия", 1968. — С. 469.

свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями»[11].

Как видим, понятийный смысл термина «репрессия» четко увязывается с подавлением, принуждением, карающим наказанием, совершенным **по решениям судебных или квазисудебных инстанций государства.** Последнее уточнение применительно к истории карательных деяний Советского государства имеет, на наш взгляд, особую важность — поскольку значительную часть актов террора (особенно массовых и кровавых) большевики осуществили, не обременяя себя даже бутафорскими судебными процедурами.

Репрессии и геноцид: основные смысловые различия. Попытки диверсификации термина «репрессия/репрессии» стали предприниматься в недавнее время в некоторых публикациях российских историков и юристов. В частности, в основательной диссертационной работе А.А. Савочкина предложено дифференцировать виды репрессий по масштабу (индивидуальные и массовые), по субъектам (судебные и внесудебные), по объектам (уголовные преступники, политические противники, этносы, иноверцы, инаковерцы), а также по методам (лишение жизни или свободы, лишение гражданства, депортация, высылка из страны, привлечение к принудительному труду). Означенная классификация, при всей ее несомненной детальности, выглядит несколько тяжеловесной, а сам термин «репрессия» по-прежнему остается перегруженным разными, подчас даже противоположными смыслами. Например, в тяжких реалиях Советской России лишение гражданства и высылка из страны почти всегда оказывались для конкретного индивидуума отнюдь не карающим наказанием, а явным, исключительным благом — подлинно счастливым «лотерейным билетом». С другой стороны, даже по гуманистическим соображениям (не говоря уже об очевидных юридических аспектах) недопустимо, на наш взгляд, рассматривать в едином понятийном контексте репрессивные преследования уголовных преступников вместе с государственным террором против инакомыслящих и политических оппонентов.

В этой же работе А.А. Савочкин делает попытку распространить термин «репрессии» также и на геноцид против групп населения (народов), т.е. на преступные действия, предпринятые с целью уничтожения людей по этническим или религиозным мотивам. Нам представляется, что подобная терминологическая амбивалентность также не может быть принята: геноцид, с точки зрения международного права, является преступным событием совершенно другого плана — значительно более тяжким как по смыслу преступного деяния, так и по юридическим последствиям[12].

Существует и еще один заметный аспект проблемы, с учетом которого геноцид (этноцид) неправомерно считать формой массовой репрессии. Закон РСФСР 1991 г. четко обозначил критерий подзаконности процедуры репрессий, а именно — последние осуществляются

---

[11] Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.// Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993. — С. 196.

[12] *Савочкин А.А.* Массовые репрессии 30-40-х гг. XX в. на Северном Кавказе как способ утверждения и поддержания исключительной самостоятельности государства. Автореф. дис. канд. юр. наук. — Владимир, 2008. — С. 15.

Красный террор, объявленный Советским режимом осенью 1918 г., на землях казаков немедленно стал политикой геноцида

«по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями». О правовом (или квазиправовом) порядке применения Советским государством репрессивных мер свидетельствуют и специалисты[13]. Конечно, любая форма обеспечения законности в Советской России и СССР ретроспективно воспринимается как некая «гримаса» советской юриспруденции, — как постановочное мероприятие, главной целью которого является отнюдь не обеспечение законности, а скорее циничной беззаконности под личиной «пролетарского закона». И, тем не менее, наличие даже такой, заведомо ущербной квазисудебной процедуры во многих случаях не позволяло большевистским сатрапам раскрутить маховик государственного террора против различных групп населения Советской России до чудовищных оборотов явного геноцида.

Таким образом, применительно к тематике нашего исследования, существует, очевидно, объективная потребность четко отграничить (и в юридическом, и в историографическом аспектах) советские репрессии против казаков от геноцида (локальные формы данного преступления — демоцид и этноцид), осуществленного административно-карательной машиной Страны Советов.

Репрессиями следует называть, как нам представляется, — карательные акты и террор, которые были осуществлены Советским государством против казаков, с целью установить новый советский социальный и правовой порядок на землях бывших

[13] См. напр.: *Жуков Ю.Н.* Репрессии и Конституция СССР 1936 г.// Вопросы истории. 2002. № 1; *Петров А.Г.* Реабилитации жертв политических репрессий: опыт историко-правового анализа. — М., 2005; *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «большим»?// Свободная мысль — XXI. 2003. № 9; 50 лет без Сталина. Материалы «круглого стола»// Отечественная история. 2004. № 1.

Казацких Войск. Репрессии не преследовали цель уничтожить казаков как самобытную этносоциальную общность и постепенно прекращались — как только этнополитическое сопротивление казаков установлению советской действительности прекращалось или уменьшалось до приемлемого для большевиков уровня. Масштаб, кровожадность и цинизм советских репрессивных актов против казаков трудно преувеличить — это была подлинная фантасмагория государственного террора. Однако, помимо репрессий, на землях Казацкого Присуда осуществлялись акции и политика геноцида — в самом прямом и точном значении этого термина.

Геноцид казаков изначально принял форму последовательной политики — целенаправленных действий, ориентированных вначале на частичное ослабление витальных сил, а впоследствии — и на полную аннигиляцию казацкого народа как самобытной этнокультурной общности в среде окружающего великорусского населения. Существование народа казаков было признано большевиками несовместимым с существованием Советского государства, а для достижения цели этнического уничтожения казаков была применена вся «классическая», если можно так выразиться, номенклатура геноцида, включавшая резню, этнические чистки, депортации и этноцид.

Ясное представление о том, в чем заключается разница между репрессиями и геноцидом, можно получить при ретроспективном взгляде на другие события истории тоталитаризма в России. В частности, сравнивая преступные деяния большевистских карателей с антиказацкими репрессиями Петра I, который, как известно, весьма неприязненно относился к казакам, а особенно к демократическим традициям их общественного устройства.

Репрессивная политика Петра I в отношении казаков. 5 марта 1688 г. в Москве, по личному приказу Петра I, в полном составе была арестована посольская Зимовая станица донских казаков во главе с атаманом Киреем Чурносовым. 10 апреля того же года на Дону московитами был схвачен старообрядческий иерей Самойло Ларионов, служивший в приделе Св. Иоанна Предтечи главного храма Черкасска. Сразу после ареста священника тайно доставили в столичный Сыскной приказ. Еще через месяц казацких послов и авторитетного на Дону священника, предварительно подвергнув жесточайшим пыткам в московских застенках, казнили. Вся вина посольства Чурносова и священника Ларионова состояла в отправке письма своим казацким побратимам на Яик и Терек с советом ***«чтоб не слушали ни царей, ни патриархов, но крепко держались за веру старую»***[14].

Одновременно с этими событиями петровские воеводы в Царицыне (Дмитриев-Мамонов) и в Саратове (Кологривов) стали натравливать горские народы Кавказа на колонию донских казаков-старообрядцев, ускользнувших из рук царских сатрапов и осевших на реке Куме (Северный Кавказ, впадает в Каспийское море). В 1691 году, по приказу Петра I, астраханский воевода П. Хованский направил для уничтожения казацких «раскольнических» городков в Предкавказье карательный отряд рейтар. Выдавленные московитами с Кумы, казаки попытались прорваться на Кубань, однако на пути следования, по наущению российских воевод, их атаковали черкесы — только около 200 человек сумели достичь берегов Кубани, а еще около 150 казакам удалось прорваться на Терек[15] .

---

[14] *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследования по истории государственного и административного права и политических движений. — Белград, 1924. — С. 126–127.

[15] *Шкваров А.Г.* Петр I и казаки. — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 37.

Все эти действия самодержавия, бесспорно, весьма жесткие, российские историки обычно объясняют целесообразностью защиты интересов официальной никонианской Церкви, которая в этот период яростно сражалась с так называемым «расколом». Другое объяснение, на наш взгляд гораздо более близкое к истине, принадлежит современнику этих событий, одному из ближайших сподвижников Петра, генералу Патрику Гордону. Генерал полагал, что казацкая «фронда» только использовала религиозные лозунги как знамя, а на самом деле боролась за сохранение традиционных вольностей и политического суверенитета казачества[16]. Как бы там ни было на самом деле, очевидно главное: администрация Петра I не ставила перед собой цель — уничтожить донское казачество как одну из центральных ветвей казацкого народа. Задача уничтожить в среде донских казаков всех адептов старообрядчества, по-видимому, также не выдвигалась. В ходе вооруженного подавления казацких староверов на Дону и в Предкавказье петровская Московия наносила удары, в основном, по конкретным группам казацкого населения: репрессиям подвергались только явные, непримиримые противники самодержавного режима. Репрессии не были обрушены огульно на всех старообрядцев — авторитетные казацкие старшины (Илья Зерщиков, Иван Терской, Лев Епифановский и многие другие), которые открыто придерживались старой веры, но покаялись и стали лояльны Москве, — были прощены[17].

Другой эксцесс кровавых репрессий самодержавного режима Петра I против казацкого народа связан с подавлением национальной войны атамана Кондратия Булавина. Эта национально-освободительная война казаков получила, по понятным соображениям, в дореволюционной российской историографии негативное наименование «бунта», а в советское время обрела позитивный статус «восстания против угнетателей». Булавинской эпопее посвящена весьма значительная литература, даже краткий обзор которой выходит за тематические рамки нашего исследования[18]. В данном событии нас интересуют, по существу, только два аспекта. Первый — оценка масштабности государственного террора, обрушенного на казаков военной машиной нарождающейся русской империи. И второй аспект — оценка этнокультурных и демографических последствий этого террора, т.е. можно ли считать, что репрессии государственной машины петровской России стали событием геноцида казаков?

Попытаемся оценить известные исторической науке факты. Царь Петр I прозорливо оценил выступление атамана Кондратия Булавина отнюдь не как «бунт» или «восстание», а как полновесную войну казацкого народа за свободу своего национально-государственного развития. Русский царь никак не мог допустить даже потенциальную возможность генезиса этнополитических вольностей Казацкого Присуда по вектору создания демократического казацкого государства, примыкающего к южному «подбрюшью» России. Только такое объяснение позволяет понять: отчего в самый тяжелый период Северной войны, получая весьма

---

[16] *Гордон Патрик*. Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской службы от 1655 до 1661 г. и во время пребывания в России от 1661 до 1699 г. Ч. I—II. — М., 1851. — С. 216.

[17] Грамота Петра I от 14 августа 1688 г. ПСЗ II, № 1310.

[18] См.: *Буганов В.И*. Булавин. — М.,1988; Булавинский бунт. 1708. Материалы// Русская старина. 1870. Издание 3. Т. 2. — СПб., 1875; *Задонский Н.А*. Кондрат Булавин. — М., 1959; *Петров (Бирюк) Д*. Кондрат Булавин. — М., 1951; *Подъяпольская Е.П*. Восстание Булавина 1707—1709 гг. — М., 1962; *Половиненко Г.Г*. Бунтівный Булавін. — Луганск, 2007; *Усенко О.Г*. К уточнению биографии Булавина// Россия в XVIII столетии. — М., 2002. — С. 103 сл.

чувствительные удары от шведов, Петр I направляет в карательную экспедицию на юго-восточный рубеж страны фактически целую армию. Против казацких войск Булавина было направлено не менее 53–54 русских полков, что соизмеримо с количеством регулярных войск, задействованных в Полтавском сражении[19].

Директива царя-реформатора, направленная командующему экспедиционным корпусом, князю Василию Долгорукому ничем не уступала по своему кровожадному пафосу будущим директивам ВЧК-ОГПУ. ***«Самому же ходить***, — приказывал Петр I князю Долгорукову, — ***по тем*** [донским. — Н.Л.] ***городкам и деревням, которые пристают к воровству и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков — на колесы и колья*** [казнь «колесованием» и «посажением на кол». — Н.Л.]***, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанию воровства у людей, ибо сия сарынь, кроме жесточи,*** [никак] ***унята не может быть»***[20].

Высокородный палач с державной ревностью отнесся к порученному делу. «В самые сжатые сроки солдаты разорили множество казачьих городков, — печально резюмирует историк А.Г. Шкваров, — пытали, били кнутом, рвали ноздри, насиловали женщин, убивали младенцев и стариков. Арестовывали даже тех женщин, чьи мужья находились в составе полков русской действующей армии в Польше»[21]. Каратели с севера уничтожали казаков с подлинно зверской жестокостью: пресловутая «христолюбивость» русского воинства, о которой так любят рассуждать современные адепты самодержавия Романовых, была оптом и в розницу утоплена в окровавленной воде донских рек. ***«Милостью Божией, их Донецкий городок взял,*** — доносил князь Долгорукий в ставку Петра, — ***их, воров, разбил*** <…> ***и многие в воду метались и потопились, а драгуны побили их воров на воде, и живьем взяли с полтораста человек, — тех всех повесили.*** <…> ***А Донецкий*** [городок]***, государь, весь выжгли…»***[22]. Если бы не архаичный сленг этого послания, то можно было бы подумать, что перед нами не донесение великорусского вельможи, а рапорт в центральный аппарат ВЧК какого-то полпреда советской «охранки» в 1919 г.

Каким же оказался итог «операции по принуждению к миру» казацкого населения Дона в 1707–1709 гг.? По самым скромным подсчетам: по Дону, Донцу (с притоками), по Бузулуку, Медведице и Хопру армейскими подразделениями Московии было полностью уничтожено (сожжено дотла) 49 казацких городков. Земли Войска Донского сократились на треть — за попытку отстоять свою национальную свободу донские казаки расплатились не только кровью уничтоженных побратимов, но и своими родовыми землями[23]. Войско Донское лишилось своего основополагающего национального узаконения — права свободно

---

[19] По данным А.А. Васильева в составе русской армии под Полтавой (включая гарнизон крепости) находилось 40 пехотных и 27 драгунских полков, 3 эскадрона. — См. подробнее: *Васильев А.А.* О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении// Военно-исторический журнал. 1989. № 7. — С. 61–62.

[20] Дополнения к деяниям Петра Великого. — М., 1875. Т. VIII. — С. 45–59.

[21] *Шкваров А.Г.* Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям»казачьим. — СПб.: RME Group Оу; Алетейя, 2012. — С. 224.

[22] Королев В.Н. Старые Вешки. — Ростов н/Д., 1991. — С. 89.

[23] От исконных земель казаков, находившихся с древнейших времен под юрисдикцией Войска Донского, был отторгнут бассейн Северского Донца — его отнесли к землям так называемой Бахмутской провинции. Аналогичная судьба постигла казацкие земли по реке Айдар. Значительные территории в верхней трети реки Хопра были включены самодержавием в состав Воронежской губернии.

выдвигать и избирать Войскового атамана. Общее число погибших казаков историки оценивают от 7 тыс. до 37 тыс. человек. Первая цифра, которую озвучили еще в дореволюционной России, выглядит явно заниженной — не слишком желал позднейший Дом Романовых углубляться в детали: сколько конкретно русские солдаты уничтожили «русских» казаков, их жен и детей? Вторая цифра, возможно, завышена, но вряд ли слишком сильно. По мнению зарубежных, а значит, менее ангажированных внутрироссийскими мотивациями исследователей, в результате карательных операций войск петровской России казацкий Дон лишился от половины до двух третей своего коренного населения[24]. Потери, конечно, колоссальные, — очень нескоро казацкий народ смог залечить кровоточащие раны, нанесенные ему «птенцами гнезда Петрова».

Однако означают ли эти потери, что Российское государство уже при Петре I перешло в отношении донского казачества тонкую грань, отделяющую пусть даже самые тяжкие и жестокие государственные репрессии от того преступного явления, которое в середине XX столетия назовут геноцидом?

По-видимому, нет — не перешло. В капитальном труде по истории донского казачества, профессор, этнический казак С.Г. Сватиков отметил, что донская и более восточные части Казацкого Присуда не испили при Петре I той горькой чаши, которую в начале XVIII столетия на штыках драгунских полков Московия поднесла казакам Запорожской Сечи. Несмотря на колоссальный по силе удар, который нанесла народившаяся империя по исконным политическим правам и институтам казацкого народа, несмотря на грабительское изъятие части родовых земель и огромные утраты в народонаселении, казаки сохранили свое неотъемлемое право быть казаками — продолжать развивать в новых, пусть и в гораздо более стесненных условиях свою этничность. Петр I, пожалуй, в меньшей степени, чем какой-либо из последующих российских монархов, хотел видеть в казаках некую степную разновидность великорусов. Первому русскому императору для его наступательных планов была необходима превосходная казацкая конница, а потому, даже включив казаков в малопочетный для них разряд «государевых слуг», Петр I разумно оставил в неприкосновенности огромный «пакет» казацкой этничности — не стал разрушать формировавшийся долгими столетиями «казацкий мир» станиц и хуторов Присуда.

Большевики, в отличие от Петра I, стремились к противоположному — они хотели убить в казаках казаков. Главная цель большевизма на землях Присуда — это не столько гекатомба казацких трупов, но прежде всего — разрушение всех и всяческих национальных скреп, которые веками сковывали казацкий народ в единое целое — в устойчиво развивающуюся даже в самых тяжких социальных условиях, очень конкурентоспособную в межнациональном аспекте этническую общность.

Подлинный смысл запуска процесса этноцида казаков Советским режимом лаконично, но очень точно сформулировал в уже далеком 1928 году казацкий историк, генерал Ис.Ф. Быкадоров. *«У русской интеллигенции здесь, за рубежом,* — подчеркивал Быкадоров, — *и у Советской власти, там, в СССР, получилась удивительная согласованность в*

[24] *Boeck J.Brian*. Imperial Boundaries: Cossacks Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge University Press. — New York, 2009. — P. 184.

устремлениях внедрить в сознание казачества — у первой в эмиграции, у второй — в родных наших краях, — убеждение, что казаки являются русским (великорусским) народом, а казак и крестьянин — тождественные понятия.

Заботы Советской власти о подобном «воспитании» казачества вполне понятны: они преследуют практические цели — затемнением национального сознания у казачества, внедрением психологии великоросса ослабить сопротивление наплыву с севера тех же великороссов на казачьи земли, расколоть образовавшийся единый фронт коренного населения края — казачьего и крестьянского (украинского), оправдать расхищение земель, естественных богатств, обращение их в единый «государственный фонд», «русский котел», уничтожить сопротивление советскому строительству...»[25].

Миф об отсутствии документальных свидетельств события геноцида казаков. В работах некоторых российских исследователей, посвященных поиску тенденциозных «доказательств» отсутствия события геноцида казаков, часто используется аргумент, что целостного, документально подтвержденного в архивных источниках, плана Советской власти по уничтожению народа казаков не существовало. Отсутствие в определенных архивах (доступных для изучения на сегодняшний день) документов, подтверждающих наличие такого плана, действительно, является фактом. Однако при этом мы должны учитывать и другие факты — противоположного значения.

Первый — засекреченность абсолютного большинства архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД, относящихся как к периоду Революции и Гражданской войны, так и ко времени «Великого перелома» 30-х годов XX века. Какие именно документы, насквозь пропитанные человеческой кровью, наличествуют в подвалах известного комплекса зданий на Лубянской площади Москвы, остается только гадать. Очевидно, что с учетом не только декларированного, но и последовательно реализуемого в политической сфере правопреемства Российской Федерации от Советской России и СССР физическая сохранность этих архивов не может быть гарантирована. **«Чистота» советоидной Росфедерации — реликтового осколка Советского Союза — не может быть обеспечена вне «чистоты» прародителя, сам феномен возникновения которого был бы немыслим вне людоедской деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД**. А раз так, то центральные ведомственные архивы советской охранки должны быть, как минимум — закрыты, а как максимум — «оптимизированы» ввиду явного отсутствия в них ценных исторических сведений, представляющих интерес для современных властных кланов страны. В актуальной государственной системе Российской Федерации даже ограниченный доступ к центральным архивам ВЧК-ОГПУ-НКВД может быть обеспечен только для самой узкой группы специалистов — чья персональная лояльность сформированной неототалитарной системе не вызывает у современных наследников Феликса Дзержинского ни малейших сомнений. «Существующая ныне Российская Федерация — еще не Россия, — с грустью констатирует известный русский историк, профессор С.В. Волков, — а лишь государственное образование, существующее на части территории последней и не имеющее к ней никакого отношения, — ни политически, ни юридически, ни культурно. **Это все еще обломок созданного коммунистической партией на развалинах уничтоженной ею Рос-**

---

[25] Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — М.: Рус. импульс, 2006. — С. 87.

сии Советского Союза — нереализованной заготовки «земшарной республики Советов» [выделено нами. — Н.Л.]»[26].

Мнение профессора Волкова кажется вполне объективным: действительно, развал СССР не привел к возрождению исторической российской государственности. Правда о реально-исторической России оказалась никому не нужной, а этнополитическое наследие погибшей русской империи не было востребовано русскоязычными «советоидами». Актуальную власть в чахнущей Росфедерации подхватили выходцы из темных недр КГБ, которые использовали в своих интересах какие-то отдельные внешние атрибуты навсегда погибшей «Русской Земли». При этом, даже с учетом использования этой внешней бутафории, уровень «уподобления» исторической России в целом остался для Росфедерации на предельно низкой отметке.

Антиславянская в своих основных стратегиях политическая система Советского Союза знала, как минимум, три общегосударственные кампании по уничтожению секретных ведомственных документов советской «охранки». Массовые уничтожения документов ВЧК-ОГПУ-НКВД происходили всякий раз, когда над большевистской системой нависала реальная угроза разрушения, а значит, появлялась потенциальная возможность ознакомления с чекистскими архивами для антикоммунистически настроенных историков и общественных структур. Правда о том, как «народная» Советская власть руками чекистских палачей методично уничтожала интеллектуальные и демографические основы этнополитической конкурентоспособности восточных славян, должна была, по мнению обитателей Лубянки, навсегда кануть в Лету.

Первая массовая кампания по уничтожению чекистских архивов состоялась осенью 1941 года — в преддверии наступления германских войск на Москву. Тогда, в панике чекисты сожгли на Лубянке огромное множество своих ведомственных материалов. Одновременно фонды столичного управления НКВД неожиданно оказались затоплены при перевозке на барже[27]. Какие документы в первую очередь уничтожили красные палачи? Можно предположить, что это были, конечно, не ведомости на получение персональных спецпайков или заурядные «стукаческие» донесения. Уничтожались, по-видимому, наиболее чудовищные документы планирования и осуществления массового террора, из которых явствовало — по каким именно мотивам и как именно Красный Дракон выгрызал из исторической России ее славянскую, общерусскую сущность. В целом, немецкое наступление 1941—1942 гг. стало для чекистов редким, очень удобным поводом, чтобы разом освободиться от наиболее кровавых, явно компрометирующих «детей Дзержинского» документов: практически все региональные архивы этой спецслужбы, при невозможности их эвакуировать, были уничтожены в зоне боевых действий и даже в тылу.

Следующая кампания планомерного уничтожения архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД пришлась на середину 50-х годов (конец сталинской эпохи), когда были сожжены многие миллионы дел, включая и сотни тысяч архивно-следственных, подлежавших постоянному

---

[26] *Волков С.В.* Почему РФ — еще не Россия. Невостребованное наследие империи. — М.: Вече, 2010. — С. 343.

[27] *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. — М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. — С. 20.

хранению. Как указывает известный историк системы советской «охранки» А.Г. Тепляков: 19 января 1955 г. МВД СССР особым приказом предписало уничтожить все имевшиеся в его архивах прекращенные следственные дела по ст. 58 УК (контрреволюционная деятельность), возбужденные ОГПУ-НКВД. Исследователь полагает, что передача чекистами в систему МВД своих уголовных дел по ст. 58 УК была осуществлена, по-видимому, именно с целью их последующего уничтожения «чужими руками»[28].

В начале 1990-х гг., в последние месяцы официального существования КГБ (фактически эта организация никуда не исчезла) вновь состоялась массовая «зачистка» ведомственных архивов чекистов. Планомерно сжигались основные личные и рабочие дела агентуры, кроме того, были варварски сожжены многотомные досье на известных общественных деятелей, в частности: 500 томов следственного дела на академика А.Д. Сахарова, 100-томное дело — на писателя А.И. Солженицына, 10-томное — на В.Н. Войновича[29]. **Целенаправленная «зачистка» следов по-советски законной, но де-факто преступной деятельности чекистов коснулась, по-видимому, в 90-е годы не только досье известных диссидентов, но, прежде всего, тех важнейших документов, которые могли стать доказательной базой для обвинения ведущей спецслужбы СССР и Российской Федерации в геноциде населения собственной страны.**

В регионах Юга России ситуация с сохранностью чекистских и партийных архивов РКП(б)-ВКП(б) столь же печальна. Как отмечают специалисты, многие документы из региональных партийных архивов в конце 30-х годов могли попасть под нож в ходе проводимых в то время в стране «макулатурных кампаний». Во время административного функционирования Северо-Кавказского края фонды райкомов ВКП(б) в необработанном виде перевозились из всех районов огромного края в Ростов-на-Дону. Затем, после образования в 1937 г. отдельного Краснодарского края, партийные архивы кубанских районов двинулись в обратном направлении — в город Краснодар. Весьма вероятно, что в ходе этих и других перемещений из партийных фондов целенаправленно изымались и уничтожались наиболее одиозные документы, способные бросить тень на «народность» Советской власти. В частности, в Краснодаре в 1941 году, перед отправкой документов партийного архива в эвакуацию в Казахстан, специальная комиссия крайкома ВКП(б) провела экспертизу материалов партархива. Достоверно известно, что в ходе этой экспертизы были выделены к уничтожению без составления отборочного списка 65 тысяч единиц хранения, якобы не представлявших, с точки зрения региональных структур ВКП(б), практической и научно-исторической ценности[30]. Ввиду того, что в это время почва под режимом ВКП(б) отчаянно шаталась не только в Краснодаре, но и в Москве, можно предположить, что в ходе этой ревизии в первую очередь уничтожили те документы режима, в которых были отражены события массовых депортаций казацкого населения края и сведения о Голодоморе.

---

[28] *Тепляков А.Г., 2008*. Указ. соч. — С. 21.

[29] *Папчинский А.А., Тумшис М.А.* Рецензия на книгу Н.В. Петрова и К.В. Скоркина «Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник» // Новый часовой. 2000. № 10. — С. 434.

[30] *Бондарь И.Ю.* Архивные документы о голоде на Кубани 1932—1933 гг. // Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 гг. Материалы науч.-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 90.

Существует и еще один аспект проблемы мнимого отсутствия директивных документов РКП(б)-ВКП(б) по инициированию и проведению геноцида казаков. Понять смысл это аспекта можно по аналогии с юриспруденцией. Последняя, как известно, имеет две составляющих: законоположение и правоприменительную практику. Мировая юриспруденция знает немало примеров, когда формальный закон неясен или его практически нет вовсе, однако правоприменительная практика неукоснительно реализуется в течение долгого времени и подчас весьма сурово. Правоприменительная практика в XIX веке в США, например, опережала формальные законы порой на 20—25 лет.

Если в этом контексте мы внимательно проанализируем публичные выступления видных большевиков и целеполагающие документы РКП(б)-ВКП(б), то легко сможем убедиться: **вплоть до 1936 г. задача уничтожения казаков как органично враждебного Советам этносоциального сообщества подразумевалась не только как важный идеологический постулат, но и как безусловная директива к исполнению, не требующая, ввиду своей априорности, никаких дополнительных разъяснений.** Даже самые «человеколюбивые» члены большевистского руководства никогда не скрывали своего желания уничтожить казаков — если не физически, то обязательно в социальном и этнокультурном аспектах, недвусмысленно ставили перед региональными структурами партии задачу превратить казаков в подобие великорусских крестьян. Например, один из самых «травоядных» большевиков Михаил Калинин, назначенный по указке Льва Троцкого в 1919 году «всероссийским старостой», так вещал на I Всероссийском съезде трудового казачества (29.02.1920): ***«Советская власть нравственно обязана расказачивать казачество, и она будет его расказачивать»***[31]. На момент доклада «всероссийского старосты» казацкий народ давно был лишен сословного статуса, фактически лишился национальной элиты, потерял до 30—35% от былой численности этноса, был полностью уравнен в земельном наделе с «иногородним» великорусским крестьянством. В условиях реально осуществленной политики демоцида, — о каком же дальнейшем «расказачивании» могла идти речь? Очевидно, что только о единственной форме «расказачивания», которая еще была доступна административному воздействию партии большевиков, — о лишении казаков возможности оставаться казаками в этнокультурной сфере, т.е. об этноциде.

Цель этноцида казаков никогда не скрывалась большевиками. На том же I Всероссийском съезде трудового казачества, (созванном, как представляется, для решения единственной задачи — директивно утвердить курс на этноцид казацкого сообщества от имени самих казаков), была принята весьма симптоматичная резолюция. ***«Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией,*** — утверждал съезд «трудовых казаков», — ***а составляет неотъемлемую часть русского народа. Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, тесно спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи»***[32]. Смысл резолюции предельно конкретен: статус национальной автономии (будь то республика, область или даже район) недоступен для казаков, их удел — ускоренная аннигиляция в среде великорусов.

---

[31] Речь тов. М.И. Калинина на первом заседании Всероссийского съезда трудового казачества. 29 февраля 1920 г.// Голос трудового казачества. 1920. 15 марта.

[32] ГАРФ. Ф.1235. Оп.84. Д.31. Л.52.

Другим фактом, свидетельствующем о преступном событии геноцида казаков, является множественность, последовательность и событийная целесообразность государственного террора против казацкого народа. Анализ значительного числа последовательных, в смысловом аспекте весьма целесообразных мероприятий режима РКП(б) (центральных и региональных узаконений, репрессий, государственного террора) логично приводит к мысли, что всю эту систему многоплановых геноцидальных деяний Советский режим осуществлял с единственной конкретной целью — полностью уничтожить этносоциальное сообщество казаков[33]. Отнюдь не репрессии — метод подзаконного государственного принуждения к лояльности, или ситуативная кара за агрессивную нелояльность — составляли основу политики режима РКП(б)-ВКП(б) в отношении казацкого народа. «Лицом» большевистской оккупационной власти на казацких землях стали совершенно иные деяния: беспощадный (поголовный) террор, массовые ограбления казацких семей, депортации, искусственно организованный голод. Данный фактор убедительно свидетельствует не только об онтологической репрессивной сущности режима РКП(б)-ВКП(б), но также о наличии внутри этой системы принципиально еще более антигуманной политической линии, в рамках которой и осуществлялось систематическое, осознанное уничтожение казацкого населения страны.

Приведем характерный для рассматриваемой проблемы пример, относящийся к истории геноцида казаков Кубани.

Государственный террор РСФСР в Горной Кубани в период окончания Гражданской войны. 22 июля 1920 г. командующий 9-й Кубанской армией М.К. Левандовский подписал специальный Приказ для информирования командного состава. Документ четко предписывал: ***«… Если население какой-либо станицы или хутора будет уличено в активной помощи агентам Врангеля или бело-зеленым бандам, то к таким хуторам и станицам будут применены самые жесткие меры воздействия, включительно до уничтожения дотла этих хуторов и станиц»***[34].

На следующий день, в новом Приказе, последовало подробное разъяснение: с помощью какой именно технологии террора эти «жесткие меры воздействия» следовало осуществлять. После занятия красноармейцами станицы, которую признали неблагонадежной, следовало немедленно взять заложников «из более влиятельных и зажиточных лиц». Далее населению станицы объявлялся ультиматум: в течение 2—3 часов выдать участников антибольшевистской борьбы и сдать все имеющееся оружие. В случае невыполнения ультиматума часть заложников предписывалось расстрелять на месте и дать на размышление станичникам еще 2—3 часа. При нерасторопности в исполнении ультиматума следовало расстрелять всех заложников и предоставить станице последний шанс в течение еще нескольких часов. **После этого вся станица уничтожалась огнем артиллерии или сжигалась дотла.**

Приказ М.К. Левандовского предписывал в обязательном порядке уничтожить станицу вместе с населением даже в том случае, если просто возникали сомнения — всех ли повстанцев и все ли оружие выдали станичники? Всех выданных повстанцев — без какой-либо процедуры дознания или суда — ожидал немедленный расстрел на глазах населения станицы.

---

[33] В данном случае подразумевается, конечно, «целесообразность» с большевистской, враждебной казакам точки зрения.

[34] РГВА. Ф.192. Оп.1 Д.96. Л.22, 22-об.

Командующий 9-й армией РККА Михаил Левандовский лично ответственен за организацию геноцида казаков Юга России

Близкие родственники повстанцев, а также все лица, которые оказывали им какую-либо помощь, также расстреливались на месте без суда[35].

Приказ М.К. Левандовского выглядит особенно людоедским (даже на общем преступном фоне антиказацкой политики большевиков) с учетом факта, что сам Михаил Карлович имел некоторое личное отношение к казачеству и получил в Российской империи военное образование именно как выходец из казацкой семьи[36].

От армейского командования Страны Советов не отставала и большевистская «охранка». В середине июля 1920 года по всей Кубани было распространено «Обращение ВЧК к населению Кубанской области и Черноморского побережья» за подписью Особоуполномоченного ВЧК по Северному Кавказу К.И. Ландера[37]. Документ информировал казаков Кубани, что ***«все станицы и селения,***

---

[35] РГВА. Ф.192. Оп.3 Д.696. Л.241.

[36] *Левандовский Михаил Карлович* (15.05.1890 – 29.07.1938) являлся сыном поляка и русской. После смерти мужа мать М.К. Левандовского сумела вновь выйти замуж за малоимущего казака из станицы Николаевской Сунженского отдела Терского Войска. В казацкой этнической среде прошло отрочество и юность будущего красного палача. В 1910 году Михаил Левандовский сумел использовать свой статус приписного казака для обучения за счет войсковой казны ТКВ во Владимирском военном училище, которое он закончил в 1912 г. В годы Гражданской войны проявил себя умелым командиром красноармейцев, мастером неожиданных для противника тактических ударов. Сражался храбро. Старался всячески дистанцироваться от своего «казацкого» прошлого, а потому проводил политику террора в отношении казацкого населения самыми беспощадными методами. Расстрелян как участник троцкистского, военно-фашистского заговора в РККА 23 февраля 1938 г.

[37] *Ландер Карл Иванович* (05.04.1883 – 29.07.1937) – латышский историк, профессиональный революционер, член РСДРП с 1905 г. Активный участник Московского вооруженного путча в декабре 1905 г. Собственноручно стрелял в казаков, в русских солдат и полицейских. В 1908–1909 гг. сумел издать в Российской империи трехтомный труд «История Латвии», написанный с демонстративно антирусских позиций. В 1920 г. поступил на службу в ВЧК по Донской области и Северному Кавказу. Начальник Особого отдела ВЧК Кавказского фронта. На этом поприще стал известен крайней жестокостью по отношению к казацкому населению. Руководствуясь указаниями центральных органов ВЧК, Карл Ландер сформировал специальные «тройки» с внесудебными полномочиями на проведение массовых расстрелов. Только за 40 дней – с 20 сентября по 1 ноября 1921 г. – «тройки» Ландера на Кубани привели в исполнение свыше 6000 смертных приговоров. Расстреливалась подлинная элита казацкого народа – офицеры, станичная и городская интеллигенция, зажиточные и многодетные казаки. Карл Иванович не утруждал себя чтением текстов расстрельных постановлений – списки приговоренных к расстрелу он обычно утверждал по телефону. В 1937 году большевистский палач был арестован в ходе спецоперации ГУГБ НКВД, как организатор «троцкистского бандподполья». 29 июля 1937 г. Карла Ландера расстреляли его бывшие соратники по «заплечным делам». В 1957 г. его признали «жертвой сталинского террора» и полностью реабилитировали. Имя этого страшного человека до сих пор носят улицы в Ростове-на-Дону, Ставрополе и других городах России.

которые укрывают белых и зеленых, будут уничтожены, все взрослое население — расстреляно, все имущество конфисковано». Расстрелу подлежали также все взрослые родственники повстанцев[38].

На гребень волны государственного террора быстро всплыли патологические садисты, для которых бессудные расстрелы мирных людей стали подлинным «делом всей жизни». Одним из таких «пламенных революционеров» оказался уполномоченный Реввоенсовета (РВС) 9-й Кубанской армии Николай Алексеевич Черемухин. Малограмотный сын крестьянина из Ковенской области, закоренелый уголовник, прошедший еще при царском режиме тюрьмы Ковно, Варшавы, Пскова и Шлиссельбурга, Черемухин стал на казацкой земле убежденным организатором самого бесчеловечного террора.

Процесс выдвижения Николая Черемухина на ответственный пост уполномоченного члена Реввоенсовета 9-й армии позволяет понять основные принципы кадровой политики большевиков. Согласно собственным показаниям палача, которые Черемухин дал 9 октября 1920 г. следственным органам в связи с обвинениями в бессудных расстрелах мирных жителей и грабежах, служить Советской власти он пошел из самых прозаичных побуждений — ***«принужденный материальными обстоятельствами искать средства к существованию»***. Получив 1 июня 1919 г. мандат комиссара Саратовского губернского продовольственного комитета (Губпродкома) Н.К. Черемухин уже 27 июня дотла сжег большое село Белая Малиновка Балашовского уезда Саратовской губернии (всего 283 двора). ***«Нет сомнений,*** — с гордостью подчеркивает в своем следственном заявлении Н.А. Черемухин, — ***что это обстоятельство*** [варварское уничтожение села. — Н.Л.] ***обратило на меня внимание Центра, и я по предложению военкома т. Соколова***[39] ***был назначен т. Крыленко***[40] ***начальником укрепленного района Аркадак-Ртищево-Сердобск и командующим отрядами по очистке Саратовской области от разного рода банд»***[41].

На новой должности красный комиссар Николай Черемухин развернулся во всю «русскую ширь»: по личному признанию негодяя только с 18 июля по 22 сентября им было расстреляно в уездах Саратовской губернии 130 человек. Палач не гнушался грабежа — ***«взыскано мною 7.703.587 руб. 45 коп. контрибуции*** [так называли большевики денежные средства, изъятые у мирных селян под угрозой расстрела. — Н.Л.] ***в Балашовском, Сердобском и Аткарском уездах, множество лошадей, скота, упряжи и повозок»***.

Масштабы террора и грабежа, которые производил отряд Н.А. Черемухина в беззащитных русских деревнях, в конечном счете, взволновали даже вполне привыкших к подобным действиям большевистских функционеров. ***«В Балашовском уезде Черемухин творит***

---

[38] Зеленая книга. История крестьянского движения Черноморской губернии. Сборник материалов и документов, собранных Н. Вороновичем. — Прага, 1921. — С. 152–154.

[39] *Соколов Владимир Николаевич* (1896 – 15.04.1939) – советский военный деятель, главный инспектор Комитета обороны СНК СССР. Русский, выпускник Императорского Александровского военного училища. Расстрелян 15 апреля 1939 г. по приговору Военного трибунала войск НКВД Московского военного округа как участник контрреволюционной организации. Реабилитирован.

[40] *Крыленко Николай Васильевич* (2/14.05.1885 – 29.07.1938) – советский государственный и партийный деятель, из обрусевших украинских крестьян. Верховный Главнокомандующий Российской армии с 12.11.1917 по 14.03.1918. Народный комиссар юстиции РСФСР (1931–1936); народный комиссар юстиции СССР (1936–1938). Расстрелян 29 июля 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован.

[41] Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002. — С. 297. См. также: ГАСО. Ф.Р-521. Оп.1. Д.445. Л.4–5 об.

такие вещи, о которых в двадцатом веке приходится содрогаться, — указывает в телеграмме № 322 в Саратовский Губвоенком окружной продовольственный комиссар 9-й армии И.В. Орлов. — ***Ни в чем невинное население расстреливается им десятками, телесное наказание применяется вовсю. Нашей агентуре и уполномоченному он под страхом расстрела приказывает производить аресты, конфискации, выполнять все его капризы. Зернобанкам Аркадакского района им отдан приказ не платить населению за сдаваемый им хлеб»***. Далее в телеграмме подчеркивалось, что коллегия Продовольственного комитета Аркадакского района Саратовской области ***«в самой категорической форме»*** требует убрать из района ***«позорящего социалистическое знамя Черемухина, расследовать его действия»***[42].

Расследование, инициированное Губвоенкомом Саратова только осенью 1919 года, кровавый «боевой путь» ковенского уголовника, конечно же, не пресекло. Ревтрибунал не мог осудить Н.А. Черемухина, поскольку его преступные деяния были «фирменным стилем» большевиков в годы Гражданской войны. Просто из русского Поволжья красного изувера откомандировали в казацкую Кубань — т.е. в регион, где Советское государство было заинтересовано в расстрелах уже не десятков, а сотен и тысяч людей.

Ровно через год после «категорической» телеграммы совестливого опродкома Орлова, уполномоченный РВС 9-й армии Н.А. Черемухин отнюдь не сидит в «кутузке», но помпезно проводит чрезвычайное совещание Баталпашинского отдельского ревкома Кубани, посвященное директивам командарма М.К. Левандовского и полпреда ВЧК на Кавказе К.И. Ландера. На этом совещании Черемухин в самой жесткой форме потребовал от местных чекистов — ***«изъять всех обнаруженных в отделе бывших белогвардейцев»*** — и передать их ему для расстрела. Это распоряжение было немедленно исполнено — к вечеру 31 июля 1920 г. только в одной Баталпашинской станице было расстреляно без всякого следствия и суда (даже без решения ландеровской «тройки») 22 казака[43].

Через неделю, 6 августа, командуя красноармейцами 305-го и 306-го полков 102-й бригады 34-й стрелковой дивизии, уполномоченный Черемухин сжег практически дотла станицу Кардоникскую. ***«Войдя эскадроном в станицу в 17 часов,*** — писал в своем донесении изувер, — ***я разослал кавалеристов по улицам станицы, разбив их по кварталам, и поджег другую часть станицы, где еще не было пожара»***. Далее Черемухин указывает, что в целом уничтожено 3/4 строений станицы. Этот страшный результат расценивался им как неудовлетворительный, поскольку ***«поджог проходил второпях, так как было приказано немедленно преследовать отступающего противника, почему полностью станица не была сожжена»***[44]. Важно отметить, что большевистский палач считал «отступающим противником» семьи мирных станичников Кардоникской, которые в ужасе бежали в предгорные леса при первом известии о приближающихся отрядах красноармейцев.

Государственный террор на землях Верхней Кубани набирал обороты: только за август и только в трех станицах — Старомышастовской, Пластуновской и Елизаветинской — во время сбора продналога отряды ЧОН без следствия и суда расстреляли 300 человек. Такие садисты, как Николай Черемухин, в составе продотрядов и ВЧК были, увы, не исключением,

---

[42] Крестьянское движение в Поволжье. Указ. соч. — С. 289.

[43] РГВА. Ф.192. Оп.1. Д.124. Л.18.

[44] РГВА. Ф.192. Оп.3. Д.1064. Л.132

а напротив, говоря революционным сленгом, — основным кадром. В благодатных регионах Юга России дьявол большевизма все перевернул вверх ногами: осень, время радостной уборки урожая, становилась для истязаемого чекистами казацкого населения временем изощренного измора — чудовищным калейдоскопом пыток, грабежей, изнасилований, бессудных расстрелов. В следующем 1921 году, как было указано выше, только за период с 20 сентября по 1 ноября, чекистские «тройки», учрежденные Карлом Ландером, вынесли на Кубани свыше 6000 смертных приговоров[45].

В «мясорубку» государственного террора, которую большевики задействовали для уничтожения преимущественно казацкого населения, затягивало подчас и представителей других народов Кубани. В адрес осетин — жителей села Георгиевско-Осетинского Особый отдел 9-й армии направил ультиматум, который предписывал в трехдневный срок выдать ***«всех белогвардейцев, и явных, и скрытых врагов советской власти»***, а также ***«все огнестрельное и холодное оружие и военное имущество»***. Невыполнение ультиматума грозило ***«населению Георгиевско-Осетинского селения еще худшими последствиями, чем станице Кардоникской»***. Сегодня уже невозможно точно установить — насколько полно осетины Георгиевско-Осетинского выполнили требования Особого отдела 9-й армии, однако до тотального сжигания села и массовых расстрелов дело здесь не дошло. Советская власть привычно предпочла продолжать уничтожение этнических казаков. Особотдел 9-й армии выпустил предписание, которым требовалось: ***«Арестовывать всех лиц с документами из станиц Кардоникской, Зеленчукской, Сторожевой»***[46]. В подавляющем большинстве случаев такой арест означал только одно — расстрел.

Совместная повстанческая борьба казаков и горцев на Кубани. Весной 1920 г. на территории соседнего с Кубанью Терского Войска усилиями главного сатрапа ЦК РКП(б) на Кавказе Серго Орджоникидзе был запущен механизм резни и этнических чисток в отношении терских казаков. Регулярные части Красной Армии под угрозой массовых расстрелов вначале разоружали казацкие станицы, а затем беззащитное казацкое население отдавалось на полный произвол вооруженных до зубов банд вайнахов.

Этот «передовой опыт» Реввоенсовет Кубанской 9-й армии решил, по-видимому, применить против станиц верхнекубанского казачества. На казаков Верхней Кубани и поддерживающих их осетин решено было натравить карачаевцев. За дело взялся все тот же ковенский уголовник, особуполномоченный РВС 9-й армии Николай Черемухин. 26 августа 1920 г., в сопровождении председателя Ревкома Баталпашинского отдела А. Метелева и военного комиссара отдела Н. Осташенко, Черемухин выехал в Большой Карачай. Здесь, на собрании карачаевских старейшин Николай Черемухин в ультимативной форме потребовал выделить ему отряд из 400 карачаевцев-добровольцев, пообещав взамен, что ***«освобожденные земли после уничтожения мятежных казачьих станиц, а также от переселения казаков в другие места, перейдут к безземельным карачаевцам»***[47]. Раздухарившись, потомок ковенских крепостных стал вести себя в горах Кавказа как пьяный барин на Русской

---

[45] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.176. Л.111-об. См. также: *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.Л. и друг.* Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. — М., 2001. — С. 171.

[46] Народы Карачаево-Черкессии: история и культура. — Черкесск, 1998. — С. 151.

[47] *Алиев У.Д.* Карачай (Карачаевская автономная область). — Черкесск, 1991. — С. 182.

Генерал-лейтенант Михаил Архипович Фостиков. Герой казацкого национального сопротивления режиму РКП(б) на Кубани. Командир повстанческой «Армии Возрождения России»

равнине: Черемухин публично обвинил карачаевских старейшин в «заячьей трусости» и сравнил их с ослами. Венцом «дипломатического искусства» малограмотного палача стал собственноручный расстрел им двух осетин, которые гостили в Учкулане у своих карачаевских кунаков, — несчастные горцы были заподозрены в шпионаже. За нарушение всех мыслимых законов кавказского этикета, особуполномоченный Черемухин очень скоро рассчитался кровью своих красноармейцев.

Первого сентября 1920 г., на обратном пути в станицу Баталпашинскую, у рудника «Эльбрус» отряд Черемухина попал в карачаевскую засаду. Патологический убийца оказался никудышным военачальником: основная часть красноармейцев (103 человека) была уничтожена, а меньшая (около 50 человек) — позорно бежала[48]. Ковенскому уголовнику также удалось скрыться.

Уничтожение «миссии» Черемухина означало открытый переход карачаевского народа на сторону антибольшевистского сопротивления. Уже на следующий день, 2 сентября, повстанческий отряд полковника М. Крым-Шамхалова, ранее скрывавшийся в предгорных лесах, спустился в долину Кубани и вошел в Учкулан. Третьего сентября 1920 г. в Учкулане на первом Чрезвычайном съезде карачаевского народа было принято решение об организации народного ополчения для борьбы с Советской властью. Выступление карачаевцев поддержали казаки повстанческой «Армии освобождения России», под командованием этнического казака, генерал-лейтенанта М.А. Фостикова[49]. Неожиданным ударом казакам удалось захватить станицу Баталпашинскую — центр одноименного отдела Кубанского Войска и практически очистить от власти большевиков всю территорию Верхней Кубани.

---

[48] ЦДОДП КчР (Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики). Р-364. Оп.1. Д.35а. Л.103.

[49] *Фостиков Михаил Архипович* (25.08.1886 — 29.07.1966) — генерал-лейтенант, этнический казак из станицы Баталпашинской ККВ, в эмиграции — активный деятель казацкого национального движения. Окончил Императорское Александровское военное училище (1907) и Академию Генерального штаба (1917). Является подлинным национальным героем казацкого народа. Блестяще проявил себя в годы Первой мировой войны. Весь период Гражданской войны мужественно боролся с оккупационным Советским режимом: с лета 1918 и вплоть до эвакуации казаков Черноморско-Кубанского отряда из Крыма в ноябре 1920 г. В боях 1914—1920 гг. был семь раз ранен. 31 июля 1920 г. в станице Баталпашинской чекисты арестовали бабушку, отца, старшую сестру, ее малолетних детей, а также других родственников Михаила Фостикова. Всех этих людей, ставших заложниками, даже малолетних казачат, красные палачи впоследствии расстреляли.

Отметим, что с первых же дней восстания карачаевцев, обнаружился диаметрально противоположный подход большевиков к поиску путей умиротворения казацких и карачаевских повстанцев. Казацкие станицы, попавшие в зону контроля повстанческой «Армии освобождения России», большевики сразу же объявили вне закона — против казацкого населения был запущен механизм массового жесточайшего террора. В противоположность этому, Советский режим изначально рассматривал горцев как легитимную «сторону конфликта» — признавалось, что с горскими повстанцами перспективнее, ввиду «казацкой угрозы», договориться о разумном компромиссе.

Красная Армия не стала вступать в пределы Большого Карачая. В оккупированной станице Красногорской, при посредничестве влиятельных карачаевских старейшин, 27 октября 1920 г. начались переговоры между представителями Повстанческого правительства Карачая и Реввоенсовета большевистского Кавказского фронта. Итогом переговоров стало заключение Соглашения, в котором стороны декларировали немедленное «прекращение военных действий между красными войсками и карачаевским народом на основе полного забвения всех прошлых недоразумений». Большевики не стали требовать от карачаевцев ни разоружения, ни выдачи заложников, более того, им разрешалось сформировать вооруженный отряд карачаевской милиции в числе 150 человек из «лояльных к Советской власти» граждан.

Карачаевцы, со своей стороны, также вынуждены были пойти на уступки. Декларативно заявлялось, что «все вооруженные силы Карачая распускаются». Повстанческие вожди — генерал Султан Клыч-Гирей и полковник Магомет-Гирей Крым-Шамхалов — объявлялись вне закона. Было провозглашено, что карачаевцы прекращают «всякие сношения с Грузией». По итогам переговоров стороны констатировали, что Советская власть может считаться на землях карачаевского народа полностью восстановленной[50].

В последующие годы НЭПа, а особенно в начале 30-х годов, на горной территории Верхней Кубани действовало немало повстанческих групп карачаевцев, абазинцев и черкесов. Однако Советская власть во всех случаях старалась избегать применения к неславянским горским народам акций массового террора. Отдельные репрессивные акты имели место, но почти всегда избирательно — в основном по отношению к конкретным лицам, крайне редко к представителям конкретного горского родового клана. Карачаевские и другие национальные селения практически не подвергались поджогам, тотальному расстрелу из артиллерийских орудий, случаи массовых убийств мирных горцев не зарегистрированы[51]. Исключение из этого правила «народная» Советская власть делала только для подавления вооруженного сопротивления восставших против большевизма чеченских аулов.

Примерно в те же самые дни, когда руководство большевиков на Кубани готовилось к почетному миру с карачаевским народом «на основе полного забвения всех прошлых

---

[50] Архив КЧНИИ. Ф.8. Д.25. Л. 162–165.

[51] Даже в крайне напряженный период коллективизации Советский режим старался, по возможности, избегать массовых карательных мер по отношению к неславянским горским народам Кавказа. За 1930 г. по обвинению в антисоветских выступлениях было арестовано около 1 тыс. горцев, однако из них к смертной казни был приговорен только один человек, примерно одна треть получила фиксированные сроки ссылки в Казахстан и Северный Урал, а остальные были отправлены по домам. В подобных случаях этнических казаков ожидала, в лучшем случае, бессрочная ссылка вместе с семьями, а их курени и хаты передавались переселенцам из центральных губерний России. См. подробнее: Народы Карачаево-Черкессии: история и культура. — Черкесск, 1998. — С. 285.

недоразумений», жизнь в большинстве кубанских станиц превратилась в ад. Ревтрибунал СКВО и Первой конной армии 21 октября 1921 г. подготовил доклад, который способен повергнуть в ужас любого психически нормального человека. В докладе, в частности, констатировалось:

«Политкомиссии [карательных войск РККА. – Н.Л.] ***наделены широчайшими правами. <…> Приехав в станицу, командир отряда и его сотрудники созывают сход, на коем объясняют населению задачи отряда, требуют выдачи оружия и бандитов. Затем тут же на сходе выясняют личность исполкома, а также арестовывают по списку подозрительных лиц, коим дается название «заложники» и таковые при первом же неподчинении населения приказом отряда расстреливаются. После этого еще раз объявляется населению, чтобы все бандиты, оружие и прочее было выдано, в противном случае укрыватели также будут расстреляны. Тогда начинается выдача подозрительного по бандитизму элемента и действительных бандитов и таковые, по постановлению политкомиссии, расстреливаются. При выдаче главной опорой служат демобилизованные красноармейцы, исполком и комячейка*** [коммунистическая ячейка. – Н.Л.]***, если таковая имеется. Социальный состав расстрелянных: есть много кулаков, середняков, встречаются бедняки»***[52].

Большинство бойцов формирований РККА, все демобилизованные красноармейцы, расселяемые по директиве ВЧК в казацких станицах, практически все члены исполкомов и станичных коммунистических ячеек – являлись по этнической принадлежности неказаками (в основном великорусами). С учетом этого факта становится очевидным, что в докладе Ревтрибунала СКВО подробно описана процедура **этнической чистки** в самом точном значении этого термина. Несложно представить – как реализовывались на практике положения доклада Ревтрибунала СКВО. Казацкую станицу окружали регулярные части РККА и спецотряды ЧОН. Затем ударами прикладов все взрослое казацкое население сгонялось на станичный майдан. На импровизированной авансцене появлялись инонациональные по этническому происхождению члены комячейки и станичного исполкома, хамоватые дембили-переселенцы, уже обжившие реквизированные казацкие дома. Объявлялся первичный «расстрельный список», заранее заготовленный неказацкими по этническому происхождению жителями станицы. Все фигуранты этого страшного списка оказывались этническими казаками – это были представители старинных казацких кланов, офицеры, казацкая интеллигенция, зажиточные и независимые люди. Далее начиналась двух или трехступенчатая расстрельная экзекуция, избежать которой уже арестованные или заранее намеченные жертвы геноцида не имели ни малейшей возможности.

Мы подробно рассмотрели всего один, хронологически очень узкий отрезок истории геноцида казацкого народа и притом только в одной географической точке Казацкого Присуда – на Верхней Кубани. Однако примерно такие же процессы, различающиеся только числом бессудно расстрелянных казаков и депортированных казацких семей, продолжались пароксизмальными волнами на всем пространстве казацких земель с середины 1918 года и вплоть до второй половины 30-х гг. Целью этих процессов был подрыв социально-

[52] РГВА. Ф.25896. Оп.1. Д.11. Л.22.

экономического благосостояния казацкого населения, разрушение его семейных, духовных и этнических скреп, в конечном счете — этническая аннигиляция казаков в среде пришлого, враждебного по отношению к казакам «иногороднего» населения.

Целенаправленное уничтожение мужской части казацкого этноса. Со времени страшного циркуляра Оргбюро ЦК РКП(б) — о «массовом терроре по отношению ко всем казакам», подписанным Яковом Свердловым 24 января 1919 г., демоцид казацкого народа постоянно усиливался, становился изощреннее, захватывал все без исключения социальные слои. Например, на той же Кубани краевое военное совещание 18 февраля 1922 г. признало недостаточно эффективными действия регулярных частей РККА против казацкого населения. Решено было ***«в местах наиболее зараженных бандитизмом усилить карательные органы»***[53] . В рядах красноармейцев, составленных, в основном, из малограмотных крестьян Центральной России, подчас недоставало профессиональных, хладнокровных убийц, идеологически убежденных садистов. Такие «железные кадры партии» были в избытке только в ВЧК, преобразованной в этот период в Главное политическое управление (ГПУ). Пользуясь предоставленным в апреле 1922 года правом «внесудебной расправы вплоть до расстрела» и возможностью бессудной высылки «уголовных элементов», именно чекисты стали теперь основой «айнзацгрупп» советской административно-карательной машины[54].

Передача основного механизма террора от армии в «чистые» руки чекистов немедленно повысила людоедскую производительность механизма геноцида. В начале лета 1922 года в равнинном Ейском отделе Кубани в ходе собственно военной операции по ликвидации повстанческого восстания сотника Е. Дубины было убито 82 повстанца. Одновременно органы ВЧК-ГПУ расстреляли 575 мирных станичников, которые были признаны «соучастниками, пособниками и заложниками»[55]. В ходе «профилактических» мероприятий ГПУ всего за два месяца 1922 года (май—июнь) в Ейском отделе бессудно расстреляли около 680 человек, причем из них «бандитами», т.е. настоящими повстанцами были признаны только 90 человек. Остальные жертвы террора — 586 человек — обозначались в расстрельных списках чекистов как «пособники и заложники»[56].

Таким образом, на одного расстрелянного казака-повстанца приходилось фактически шесть человек, «изъятых» органами ВЧК-ГПУ из состава мирного населения станиц. Целесообразность столь масштабного террора невозможно объяснить «пособничеством». Очевидно, что перед нами процесс превентивного, сознательного уничтожения людей, — всех тех, кто, по мысли чекистов, был потенциально готов на оппозиционные действия. **В результате спецоперации ВЧК-ГПУ, лишь формально связанной с уничтожением**

---

[53] РГВА. Ф.25896. Оп.1. Д.9. Л.53.

[54] Айнзацгруппы полиции безопасности и СД — военизированные организации в нацистской Германии, которые осуществляли массовые убийства и выселение гражданских лиц на оккупированных Третьим Рейхом территориях. Полностью совпадали по методам осуществления геноцида со структурами ВЧК-ОГПУ-НКВД, поскольку (по мнению некоторых историков) были созданы нацистским руководством на основании тщательного изучения советского опыта государственного террора. Расследование деятельности айнзацгрупп проводилось в ходе отдельного судебного процесса в рамках работы Нюрнбергского трибунала, осудившего некоторых руководителей этих подразделений как военных преступников.

[55] РГВА Ф.25896. Оп.1. Д.9. Л.106.

[56] *Баранов А.В.* Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921—1929). — СПб., 1996. — С. 192.

повстанческого отряда сотника Е. Дубины, во многих станицах Ейского отдела было практически выбито все мужское население репродуктивного возраста. Важно подчеркнуть, что даже пожилых казаков — носителей бесценного этнокультурного опыта, закончивших военную службу еще в царское время, к началу 1930-х гг. станицах Ейского отдела ККВ практически не осталось.

Подобные, типологически полные картины демоцида не слишком часто, к счастью, имели место в недавней истории человечества. Пожалуй, только последовательное уничтожение индейских племен на территории США в середине XIX века, геноцид армян в турецкой Анатолии и Холокост евреев в Восточной Европе могут быть сопоставимы по масштабу циничного, абсолютно бесчеловечного террора с деятельностью чекистских «айнзацгрупп» против обезоруженного, экономически ограбленного, духовно сломленного казацкого населения.

Профессор Йоркского университета, доктор Шейн О' Рурк в одной из своих работ весьма точно обозначил сущность политики этноцида, которую методично проводила Советская власть по отношению к казакам. Обратим внимание, что над английским исследователем не довлеет тяжкий прессинг российского историографического канона, согласно которому казаки во всех случаях должны обозначаться как сословие и субэтническая составляющая великорусов.

«Вопросы идеологии и государственной политики Советов, — указывает Шейн О' Рурк, — **решались ценой гибели тысяч людей. Казакам суждено было оказаться первыми в длинном списке народов и этнических групп, обреченных испытать безудержное насилие со стороны Советского государства на том лишь основании, что их причислили к числу врагов режима по факту происхождения. <…> Казаки тогда уже поняли, что никакая служба Советскому государству не могла очистить их от этой стигмы и служить гарантией от потери имущества и жилища, а для многих тысяч из них — жизни** [выделено нами. — Н.Л.]»[57].

Перед нами безупречно точное определение причины возникновения политики геноцида в отношении казацкого народа. Казаки уничтожались Советским государством не потому, что они были более воинственны, чужды всему советскому, менее восприимчивы к социалистическим формам хозяйствования, чем, например, чеченцы или украинцы. **Казаки уничтожались режимом РКП(б)-ВКП(б) прежде всего потому, что они являлись казаками. Политическое руководство большевиков на рубеже 1918-1919 гг. пришло к выводу, что казацкий народ по совокупности своих культурных, социальных и ментально-психологических особенностей не может быть встроен в государственную ткань Советской России.**

Аналогичные выводы были сделаны, по-видимому, также в отношении вайнахов (чеченцев и ингушей) и украинцев, поскольку особенности менталитета и мощные этнополитические потенциалы этих этнических групп также создавали значительные сложности для национальной политики большевиков. Однако, Страна Советов, полуразрушенная Гражданской войной и преступной экономической политикой, не имела необходимых ресурсов

---

[57] *Шейн О' Рурк*. Как отрабатывался механизм репрессий: высылка терских казаков в 1920 году// Отечественная история. 2008. № 5. — С. 94.

для решения украинского и вайнахского вопросов по сценарию «казацкого геноцида». В связи с этим было решено встраивать вайнахов и украинцев в государственную ткань СССР на основе автономистской модели. Это встраивание оказалось, с точки зрения большевиков, весьма ненадежным, поэтому для украинцев организовали в начале 1930-х гг. катастрофу Голодомора, а чеченцев (совместно с ингушами), при первом удобном предлоге, военными методами депортировали в азиатскую часть страны.

Преступление геноцида: смысл термина и аспекты квалификации. Сегодня уже нет особого смысла размышлять — было ли реалистичным встраивание казаков в государственную систему СССР на основе автономистской модели. История, как принято утверждать, не имеет сослагательного наклонения. Такой процесс вряд ли мог состояться по многим объективным и субъективным причинам, значительная часть которых будет обозначена в дальнейшей части настоящей работы. Нам видится гораздо более актуальной другая задача: необходимо определить критерии и категории состоявшегося геноцида казацкого народа. Весьма важно выявить конкретное содержание действий, образующих в своей совокупности указанное преступное событие, предусмотренное нормами и санкциями международного уголовного права. Также немаловажно, на наш взгляд, обозначить возможность квалификации геноцида казацкого народа как преступления против человечества. Последний аспект имеет особое значение в связи с вопросом о применении сроков давности по преступлениям, относящимся к категории «геноцид». Деяния этой категории, являющиеся преступлениями против человечества, как известно, не имеют по ответственности за них срока давности.

Термин **«геноцид»**, как признается большинством исследователей, впервые получил вербальное обоснование в 1944 году в книге американского юриста Рафаэля Лемкина (Raphael Lemkin), изданной в Вашингтоне[58]. Автор пытался найти социофилософское понятие, которое было бы адекватно по смысловому масштабу процессу массового истребления евреев нацистами в Европе. Таким принципиально новым таксоном стало определение «геноцид», полученное путем соединения древнегреческого слова genos (род, племя) и латинского caedo (убиваю). В исторических и юридических трудах разных авторов конкретное смысловое наполнение этого таксона нередко дается с определенными отличиями. В специальной литературе, в основном в России, можно и по сей день встретить сетования, что не имеется, якобы, «четкого понятия геноцида»[59]. На постсоветском пространстве обычны, к сожалению, произвольные толкования термина «геноцид» или нарочито служебное использование этого понятия для демонизации действий враждебной стороны конкретного межнационального конфликта[60]. В целом, для российской науки являются характерными неуклюжие попытки вообще уйти от обсуждения детальной квалификации массовых преступлений Советского режима, — под прикрытием ссылки на непредсказуемость жестоких коллизий в период катастрофы Революции.

Между тем, обстоятельное определение смысла термина «геноцид» было дано еще в 1944 году самим Рафаэлем Лемкиным — выдающимся специалистом в области междуна-

---

[58] *Lemkin Raphael*. Axis Rule in Occupied Europe:Laws of Occupation? Analysis of Government, Proposals for Redress. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.

[59] *Черновицкая Ю.В.* Геноцид — как явление политики (социально-философский аспект). Автореф. дис. канд. фил. наук. — Москва, 2006. — С. 6.

[60] См. подробнее: *Акопян С.Ю.* Этнополитические и международно-правовые последствия геноцида армян в Турции. Автореф. дис. канд. полит. наук. — Ростов н/Д., 2006. — С. 11–12.

Выдающийся правовед Рафаэль Лемкин добился четкой международной квалификации для преступления геноцида

родного права, свободно говорящим на девяти языках. Преступление геноцида определялось Р. Лемкиным как — **«скоординированный план действий, направленных на уничтожение основ жизни национальной группы с целью ее истребления. Целью такого плана был бы распад политических и социальных учреждений, ущемление национальных чувств, уничтожение культуры, языка, религии и экономической базы национальной группы, а также отсутствие личной безопасности, свободы, достоинства, безопасности здоровья и даже жизни людей, принадлежащих такой группе»**[61]. Нетрудно заметить, что данное определение американского юриста весьма точно соответствует совокупности террористических, фискальных и пропагандистских действий Советского государства, предпринятых в период 1918—1933 гг. против казацкого сообщества — с целью добиться этнокультурной аннигиляции казаков в среде великорусского населения Советского Союза.

Признанная международным сообществом квалификация преступления геноцида существует с 1948 г. Это определение сформулировано в Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г.). В Преамбуле Конвенции даны ссылки на резолюцию Генеральной ассамблеи ООН № 96(I) от 11 декабря 1946 г., согласно которой геноцид признавался преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций. Также провозглашалось, что цивилизованный мир осуждает геноцид, признавая, что на протяжении всей истории это преступление являлось причиной наиболее массовых потерь человечества.

Согласно указанной Конвенции геноцидом признается **«одно из тягчайших преступлений против мира и безопасности человечества, действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую — путем убийства членов этой группы; причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; предумышленного создания для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; меры, рассчитанные**

[61] *Lemkin R.* Axis Rule in Occupied Europe.— P. 80

на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»[62].

Отметим красной линией: буквально все квалифицирующие признаки геноцида, поименованные в Международной Конвенции ООН 1948 г., в конкретных акциях государственного террора Советской России и СССР против казаков в полной мере присутствуют.

Не может вызвать вопросов и такой юридический аспект: к какой именно группе, поименованной в Конвенции, следует отнести казаков — к национальной или этнической[63]. Очевидно, что преступление геноцида казаков предусмотрено положениями вышеуказанной Конвенции и в случае отнесения последних к национальной группе (если казаки признаются отдельным народом), и в случае применения к ним критерия этнической группы (если казаки признаются субэтносом великорусов)[64]. Напомним, что в толковании данного аспекта Конвенции мы использовали понятийную систему, принятую в Восточной Европе, где термин «национальный» обычно употребляется в значении, близком к термину «этнический». Однако эксперты ООН — авторы текста Конвенции 1948 г. — применили определение «национальный», вне сомнения, в том смысле, в котором этот термин используется в странах Запада. Термин «национальный» используется в странах Западной Европы и США для обозначения принадлежности той или иной группы людей (общности) к определенному политико-административному (государственному) образованию, вне зависимости от этнической принадлежности, религии или расы данной группы. Таким образом, и с позиций западного осмысления положений Конвенции преступление геноцида, совершенное Советским государством против казаков, подлежит юрисдикции Международного уголовного Суда.

Следует обратить внимание, что в Конвенции 1948 г. ничего не говорится о полном уничтожении конкретной человеческой группы (или намерении это сделать) как единственном условии для установления события геноцида. Уже один только факт массового террора и уголовных репрессий за использование этнонима «казак» в качестве самоназвания, — что методично практиковала Советская власть в казацких регионах в период 1919—1924 и 1928—1935 гг., является достаточным квалифицирующим основанием для предъявления режиму РКП(б)-ВКП(б) обвинения в геноциде. Известно, что прочная основа этнической самоидентификации закладывается в самом раннем детстве и формируется на основе широкого,

---

[62] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.// Международное право в документах/Сост. Н.Т. Блатова, Г.Н. Мелков. — М.: Проф. образование, 2003. — С. 331.

[63] *Национальной группой* признается исторически сложившаяся группа людей, характеризующаяся общностью языка, экономической жизни, национального характера, проявляющегося в особенностях ее традиций, культуры и быта. Под национальной группой также понимается связанная принадлежностью к определенной нации группа людей — независимо от территории ее проживания, а под нацией — исторически сложившаяся группа людей, характеризующаяся общностью языка, психического склада и культуры, территории проживания и другими особенностями быта и традиций.

Этническая группа представляет собой группу людей, относящуюся к какому-либо народу, характеризующуюся компактным расселением, единым культурно-историческим наследием, особенностью культуры, быта, религии, обычаев, языка. Этническая группа — это исторически возникший вид устойчивой социальной группы людей, представленной племенем, народностью, нацией. Этим понятием обозначают также обособленные группы людей внутри какого-либо народа.

[64] См. подробнее о данном аспекте квалификации преступления геноцида в современном международном праве: *Рогожкин А.В.* Проблемы квалификации преступления геноцида и ее имплементации в международном праве. — www.proza.ru/2016/09/03/1589.

практически повседневного использования родного этнонима. Поэтому запрет на использование самоназвания «казак» под угрозой государственного террора фактически означал насильственное перемещение детей «из одной человеческой группы (казаки) в другую (русские)» — что является, согласно Конвенции 1948 г., пятым квалифицирующим признаком геноцида.

Важно подчеркнуть, что статья I Конвенции 1948 г. закрепляет неприменение сроков давности к преступлению геноцида. Статья IV Конвенции обязала государства — участников Конвенции принять в соответствии с их конституционной процедурой любые законодательные и иные меры, необходимые для обеспечения того, чтобы срок давности, установленный законом или иным путем, не применялся к судебному преследованию и наказанию за преступления, указанные в ст. I и II Конвенции. Более того, эта же статья IV требует обязательного изменения национального законодательства в тех случаях, когда срок давности де-юре или де-факто применяется к преступлениям такого рода. В настоящее время является общепринятой точка зрения, что все преступления геноцида, даже в тех случаях, когда они происходили до принятия Конвенции ООН 1948 г., должны быть изучены и получить юридическую оценку в соответствии с нормами международного права[65].

В Конвенции ООН 1948 г. имеется очень важный юридический нюанс, который делает несостоятельным излюбленный аргумент некоторых российских адвокатов сталинизма, утверждающих, что ввиду отсутствия систематических директив РКП(б)-ВКП(б) о тотальном геноциде против казаков, Советское государство не имело, якобы, «намерения» уничтожить казацкое население Советской России. Подчеркнем в этой связи, что в Конвенции 1948 года не рассматривается такое понятие как «мотив преступления», который заставил преступника совершить геноцид. И если знание мотивов может привести к пониманию причин совершения геноцида, то доказательство этого преступления, согласно юридическим положениям Конвенции, не требует выяснения этих мотивов. Иными словами, причина (и, соответственно, документация ее подтверждающая), которая заставила Советское государство уничтожить многие сотни тысяч казаков, не имеет особого значения при рассмотрении проблемы геноцида казацкого народа и определении вины за это преступление.

Советский Союз — бесспорный мировой лидер, наравне с нацистской Германией, по числу и масштабам преступлений геноцида — ратифицировал Конвенцию 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР только в 1954 г. Этим же Указом ратифицировались и оговорки, сделанные при подписании Советским Союзом текста Конвенции 16 декабря 1949 г. Оговорки касались статьи IX Конвенции — об обязательности юрисдикции Международного Суда ООН по преступлению геноцида. Возникновению такой оговорки вряд ли можно удивляться, зная специфику отношения Советского Союза к нормам международного права: когда выгодно — назойливо требовать их исполнения; когда не выгодно — не признавать или игнорировать. В начале так называемой «перестройки», в русле общего дискурса по нормализации отношений с Западом, оговорка о «непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН» была аннулирована Указом Президиума ВС СССР

---

[65] *Сербин Р.* Осмысление проблемы голода на Украине в свете конвенции ООН по вопросам геноцида и анализа трудов Рафаэля Лемкина// Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. Сб. науч. ст. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 196.

от 10 февраля 1989 г. В настоящий момент Российская Федерация в качестве субъекта-правопреемника Советского Союза декларативно признает все юридические аспекты Конвенции 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

Формы преступления геноцида. Специалисты выделяют следующие конкретные формы геноцида, которые, при совершении данного преступления, могут быть проявлены в индивидуальном качестве или же в сочетании с другими преступными эксцессами[66].

Демоцид — различные формы массовых убийств, осуществляемых по указанию правящей власти. Обычно понимается, что такие убийства были осуществлены в среде невооруженного гражданского населения.

Депортация — насильственное изгнание или насильственное перемещение в другие места людей из мест их постоянного (природненного) проживания.

Этническая чистка — преследует те же цели, что и депортация, но сам процесс этнической чистки сопровождается изощренными зверствами над изгоняемыми из родных мест людьми (происходят бессудные убийства, издевательства на этнической почве, изнасилования, нанесение тяжких увечий, ограбления, пытки).

Резня — массовые убийства без разбора невооруженных (или предварительно разоруженных) людей, которые намеренно собраны в определенное время в определенном месте.

Этноцид — уничтожение политических и общественных институтов конкретного этноса, разрушение его культуры, языка, национального самосознания, традиционной религии и экономических основ существования. Под этноцидом также понимают лишение людей по этническому признаку личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и жизни.

Политицид — массовые убийства, направленные на политическую группу, а не этническое или какое-либо другое сообщество.

Из вышеприведенного списка Советское государство **применило к казацкому населению Юга и Востока России все формы преступных действий** (причем в комплексе, а зачастую и одновременно), за исключением, может быть, политицида. Под удары административно-террористической ммашины Советского государства последовательно подводили интеллектуальный (уничтожение казацкой национальной элиты), экономический, этнокультурный, и даже репродуктивный потенциалы казацкого населения. В значительном числе в период 1918—1930-х гг. фиксируются факты изменения традиционного облика антропогенного ландшафта в казацких станицах (инонациональный элемент, переселенный большевиками из северных регионов, тотально вырубал «на дрова» бережно культивируемые казаками приусадебные сады и водоохранные рощи на берегах рек). Очевидный факт последовательных стадий уничтожения казаков, быстрое угасание этнодемографического потенциала этого народа наиболее убедительно свидетельствует именно о событии геноцида — тяжкого преступления против человечества. Репрессии и военные преступления против казаков, как уже отмечалось выше, также имели место, но эти действия являлись только служебным инструментом — одним из способов (причем далеко не основным) для достижения главной цели

---

[66] Геноцид и массовые репрессии: истребление по национальным и религиозным мотивам/ Под ред. *Т.И. Ревяко, Н.В. Труе*. — Мн.: Литература, 1996; *Котек Ж., Ригуло И. Век* лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний/Пер. с фр. — М., 2003; *Черновицкая Ю.В.* «Косвенный геноцид» в современном обществе (социально-философские аспекты)// Вопросы философии. 2008. № 10. — С. 167 сл.

геноцида казацкого народа. **Для Советского режима такой целью являлось уничтожение, или же, как минимум, — глубокая и необратимая деградация казацкого этносоциального сообщества, которая в своем развитии неминуемо привела бы к этнокультурной и демографической аннигиляции казаков в инонациональных средах Советской России.**

Во многих современных работах в области исследований преступных актов против человечества специально подчеркивается, что событие геноцида не всегда означает моментальное или же осуществленное за короткий срок уничтожение народа. Гораздо чаще это преступление предполагает совокупность скоординированных действий, направленных на разрушение основ существования национальных (этнических) групп с целью их постепенного искоренения. Действительно, если проанализировать совокупные меры политики большевистского режима РКП(б)-ВКП(б) по отношению к казакам нетрудно заметить, как последовательно (а в иные периоды одновременно) применялись различные методы насильственного слома всех сфер традиционного «казацкого мира» — экономической, национально-культурной, демографической и даже природно-экологической. Одним из таких методов, возможно, самым эффективным в геноцидальном плане, стало насильственное фрагментирование ареала этнической локализации народа казаков: перемещение на земли казаков значительного инонационального контингента, целенаправленное смешение в станицах казацкого и русского населения, депортация целых станиц за пределы территорий Присуда. Результатом этих преступных действий стала сравнительно быстрая и многоуровневая деградация этноса казаков, исчезновение самобытной казацкой этнокультурной среды (этносферы), вымирание и этническое растворение казацкого этноса среди других народов Советского Союза[67].

Косвенный геноцид и демонизация казацкого сообщества Советским режимом. Во второй половине XX века в мире появляются разнообразные политические, культурологические, социальные и экономические практики, которые могут быть расценены как дополнение или продолжение нелетальными методами преступления прямого (непосредственного) геноцида. Такую категорию этого тягчайшего преступления в настоящее время принято называть косвенным геноцидом.

Косвенный геноцид — это направленное воздействие (и/или умышленное бездействие) на конкретную группу населения путем изменения природных условий, культурно-исторической среды, биологических и экономических факторов и т.п., приводящее к созданию для этой группы таких жизненных условий, которые могут привести к ее частичному или полному физическому уничтожению[68].

В качестве примера самого длительного геноцида в мировой истории, который в косвенной форме продолжается вплоть до сегодняшнего дня, некоторые специалисты называют геноцид коренного индейского населения Американского континента[69]. А.С. Панарин считает, например, что «проводящаяся на протяжении многих десятков лет политика насильственной

---

[67] Общая численность казацкого народа в Российской империи на рубеже XX века составляла свыше 5 млн. человек. Донских казаков — бесспорно центральных в этнической структуре казацкой общности — было немногим более 1 млн. чел. Перепись 2002 года показала, что только около 140 тысяч человек в Российской Федерации называют себя этническими казаками. См. подробнее: Геноцид. Материалы IV науч.-практ. конф. «Восстановление в правах казачьего народа» (Станица Гниловская, 30.10.2004). — Ростов н/Д.: Изд. дом «Птица», 2005.

[68] *Черновицкая Ю.В.* Геноцид — как явление политики (социально-философский анализ). Автореф. дисс канд.филос.наук: 09.00.11. — М., 2006. — С. 34.

ассимиляции индейцев в Америке, означает культурную, духовную, психическую форму геноцида»[70]. Ю.В. Черновицкая, исследуя возникновение косвенной формы геноцида, указывает, что в некоторых случаях этому преступлению предшествует стадия идеологической подготовки. Внешний враждебный актор, который намеревается совершить геноцид конкретной группы, должен объяснить своим адептам — тем, кто непосредственно будет уничтожать людей, — «неискупаемую вину» тех, кого предстоит уничтожить. Исследователь подчеркивает, что официальные власти североамериканских штатов последовательно создавали миф о крайне воинственном и кровожадном характере американских индейцев. Индейцы, не обладавшие новейшим оружием, созданным для массового летального воздействия на людей, цинично были объявлены «дьяволами кровожадности». Цель создания подобного ложного образа очевидна — колонизаторы психологически готовили окружающее население (в том числе и белых переселенцев) к масштабным этническим чисткам и последующим депортациям индейцев в резервации[71].

Если мы обратимся к казацкой истории советского периода, то увидим, что точно такой же метод предварительной демонизации казацкого сообщества был осуществлен Советским государством. Даже современные пропагандисты мифологемы об отсутствии геноцида казаков в годы Революции и «Великого перелома» не могут скрыть факта, что с середины 1918 г. большевистская партийная элита стала целенаправленно культивировать в Советской России самую непримиримую казакофобию. «Это проявлялось, — отмечает, в этой связи, известный борец за признание геноцида казаков репрессиями, — в публикации целого ряда статей в коммунистической прессе, в которых на все лады расписывались негативно-утрированные качества «казаков-нагаечников», «сторожевых псов» самодержавия в годы Первой русской революции»[72]. Что ж, с этим мнением С.А. Кислицына трудно не согласиться. ***«Казачья масса настолько некультурна,*** — писала, например, в 1918 г. большевистская газета «Известия народного комиссариата по военным делам», — ***что при исследовании психологических сторон этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и некоторых представителей зоологического мира. <…> Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции»***[73].

Не пройдет и 20 лет — и точно в таких же выражениях о «некультурности», «врожденной дегенерации», «патологической кровожадности» евреев будут писать все газеты Германии. Точно так же, как миллионам великорусов в 1918 году, миллионам немцев будет внушаться психопатологическая мысль, что уничтожение евреев — если и не подвиг, то уж точно — тяжкая обязанность арийской расы. Сегодня такие действия нацистов в Германии правомерно называют Холокостом — геноцидом евреев.

Отчего же в России, почти через столетие после кровавой гекатомбы казацких трупов, которую воздвигли на землях Казацкого Присуда большевики-интернационалисты, по-преж-

---

[69] *Churchill W.* A Little Matter of Genocide. Holocaust and Denial in the Americas 1492 to the Present. — San Francisco: City lights, 1997; Davis M. Late Victorian Holocausts: El Nino Famines and the Making of the Third World. — London: Verso, 2001.

[70] *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. — М.: ЭКСМО-пресс, 2002. — С. 70.

[71] *Черновицкая Ю.В.* Глобальные проблемы и социальное насилие// Универсальный эволюционизм и глобализация. — М., 2006. — С. 55–56.

[72] *Кислицын С.А., 2015.* Указ. соч. — С. 192.

[73] Известия народного комиссариата по военным делам [Москва]. 1918. 24 ноября.

нему господствуют лукавые, фактически оправдывающие коммунистических палачей штампы об «идеологических перегибах» и детерминированных революционной смутой «вынужденных репрессиях»?! Нет, по-видимому, разумных, логичных доводов для объяснения этой странной приверженности «ценностям» большевизма многих миллионов русскоязычных «советоидов». Очевидно, что подлинная причина этой приверженности никак не связана с отсутствием информации о чудовищных, массовых преступлениях Советского режима против большинства народов бывшего СССР. За прошедшие с начала 1990-х гг. без малого тридцать лет в российском информационном поле появилось весьма значительное количество архивных материалов и исследовательских работ, в которых с максимально возможной подробностью прорисовано страшное, сатанинское лицо русского большевизма. Размышляя над неисповедимостью идеологических метаний народного большинства России, невольно хочется развести руками и повторить вслед Александру Солженицыну: «Я не раз задумывался над капризностью Истории: *над непредвиденностью последствий* [курсив А.И. Солженицына. — Н.Л.], которую она подставляет нам, последствий наших действий… Казаки в Петрограде были нейтральны в Феврале и в Октябре — и через полтора года получили свой геноцид…»[74].

Стадии уничтожения казацкого народа государственной системой РСФСР-СССР. Тягчайшее преступление большевистского Советского государства в отношении казацкого народа — геноцид казаков — с известными хронологическими поправками (в зависимости от региона Присуда) можно дифференцировать на четыре периода.

Демоцид (карательный период геноцида казаков: 1918 — 1922 гг.) — первая фаза массированного государственного террора, когда казацкий народ уничтожался буквально по площадям — под истошные вопли красной пропаганды о неизбежной борьбе с «представителями зоологического мира». В эту фазу регулярными воинскими частями Красной Армии и карательными бригадами ВЧК-ГПУ, которые действовали рука об руку с вооруженными бандами так называемых «иногородних» переселенцев, широко практиковались методы этнических чисток и депортаций. Расстреливалось и депортировалось казацкое население подчас целых станиц. Затем, в опустевшие казацкие курени и хаты массами переселяли великорусских крестьян из северных и центральных губерний РСФСР, а также жителей Белоруссии.

На Кавказе в эту стадию геноцида — для быстрейшего уничтожения казацкого населения — большевики в отдельных случаях практиковали резню и этнические чистки с помощью бандформирований «красных горцев». Регулярные подразделения Красной Армии, сформированные из неказацкого инонационального контингента, под угрозой артиллерийского обстрела станиц и массовых «изъятий» заложников вначале полностью разоружали казаков. Затем, по наущению официальных партийных и военных органов Советского режима, на безоружных людей (при полном невмешательстве войск РККА) нападали вооруженные до зубов банды «красных горцев». Ограбления и убийства этнических казаков считались в этот период на Кавказе негласным элементом официальной политики большевиков. Этнические чистки дополнялись массовыми депортациями казацкого населения из родных станиц на Русский Север и в азиатскую часть России.

---

[74] *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. Часть I. — М., 2006. — С. 466.

В начальный период **демоцида (карательной фазы геноцида)** этнически полнокровный казацкий народ еще не утратил свой демографический потенциал и этнополитическую волю к прямой вооруженной борьбе с оккупационным Советским режимом. Только укоренившийся за период Великой войны в массе фронтового казачества синдром «психологии великоруса» (по определению Ис.Ф. Быкадорова), а также грубейшие стратегические ошибки штаба генерала Деникина не позволили мобилизовать значительный боевой потенциал казаков для полного разгрома еще только формирующейся Красной Армии. При иных обстоятельствах монстр большевизма мог быть уничтожен «в своей купели». Однако, несмотря на конечный проигрыш казацкой борьбы с вооруженными силами Советского государства, есть основание считать, что именно эта отчаянная, а с некоторого рубежа — уже безнадежная борьба позволила казакам продлить свое этнополитическое существование в истории. Именно непримиримость, ожесточенность казаков, проявленные ими при защите «казацкого мира» от интернационального Красного Дракона, позволила этому народу отстоять и сохранить хотя бы некоторые осколки своей древней самобытной культуры.

Демоцид (карательный период геноцида казаков), характеризуемый массовыми расстрелами, этническими чистками, депортациями, а нередко и резней, продолжался до середины 1922 г. В отдельных частях Присуда избирательные кровавые акции устрашения казацкого населения большевики практиковали и позднее. В эту стадию геноцида в наибольшей степени пострадало казацкое население Донского, Терского, Кубанского, Уральского и Семиреченского Войск. Впрочем, и казакам остальных Войск в полной мере выпала та же кровавая доля. К концу карательного периода казацкий народ был очень сильно обескровлен в демографическом отношении: в неравных боях с полчищами РККА погибла наиболее активная, пассионарная часть казацкого сообщества, весьма значительные группы казаков-эмигрантов навсегда покинули земли Присуда. Оставшееся в Советской России казацкое население в духовно-психологическом плане оказалось настолько надломленным, что фактически лишилось витальных сил для самостоятельного продолжения (без внешней помощи) прямой вооруженной борьбы с оккупационным режимом РКП(б). Резко ослабевший витальный потенциал казацкого народа позволил большевикам перейти к следующей фазе геноцида, переместив вектор ударов своей административно-карательной машины с физического уничтожения казаков на уничтожение этнокультурных и социальных скреп казацкой этносферы. «С окончательным установлением Советской власти, — констатирует историк О.В. Губенко, — государство приступило к повсеместной и полной правовой унификации, а через это в казачьих областях было положено начало процессу этнической «коррозии» — самому действенному механизму расказачивания — культурной ассимиляции»[75].

Этноцид — вторая половина 1922-1928 гг. — последующая (вторая) фаза геноцида характеризуется экономическим, административным и политическим прессингом русских крестьян-переселенцев (в первую очередь из числа так называемых «иногородних» и демобилизованных красноармейцев) на имущественные и политические права этнических казаков, еще остающихся на землях Присуда. Этот прессинг был бы априорно невозможен, если бы не целенаправленное провоцирование шовинистических настроений и бытового произвола «иного-

[75] *Губенко О.В.* Терское казачье войско в XV—XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). — Ессентуки: ООО «Издательский Дом», 2007. — С. 121—122.

Пасхальная служба для юных казачат в станице Новопавловской ККВ (апрель 1917 г.). Судьбы этих детей будут изломаны Гражданской войной — практически все они станут сиротами или погибнут от эпидемий и голода в страшных тисках Советского режима

родних» по отношению к казакам со стороны административно-карательной машины Советского государства. В эту фазу Советское государство активно стимулирует экономическое расслоение и духовный раскол в казацком народе. Партийные идеологи и региональные функционеры РКП(б)-ВКП(б) методично противопоставляют «трудовое казачество» (на большевистском сленге — «казаков-бедняков») и основной массив казацкого народа, еще сохраняющий чувство национального достоинства и крепкую этнокорпоративную спайку. Одновременно в этот период активно продолжается политика избирательных депортаций, террористическое преследование наиболее последовательных носителей казацкой национальной идеи. По всем станицам бывших Войск органы ОГПУ методично проводят «изъятия», т.е. аресты последних представителей национальной интеллигенции и офицерства, казацких «стариков» — уважаемых в казацкой среде старейшин, завершивших свою военную службу еще в царское время. В этот период продолжается дальнейшее ограбление основной массы казацкого народа в пользу «иногородних» переселенцев. У казаков продолжают под тем или иным предлогом безвозмездно изымать родовую землю. Бывшие войсковые пашни, сенокосы и пастбища волюнтаристски передаются Советской властью массово переселяемым на территорию Присуда крестьянам севера и центра России, а также целенаправленно расселяемым здесь демобилизованным красноармейцам неказацкого происхождения. Советское государство в эту стадию геноцида по-прежнему стремится прервать естественный ход казацкого этногенеза, искусственно ускоряя ассимиляцию казачества в великорусской крестьянской среде. Путем решительного изменения этнодемографического баланса в казацких станицах в пользу инонациональных переселенцев Советский режим стремится разрушить (катастрофически ослабить) этнический менталитет казаков. Этой же цели — приучить молодое поколение казаков к мысли, что они

являются «русскими» — служит организация нового, «советского» строя жизни в станицах, а также призыв молодых казаков в территориальные воинские части РККА.

В эту стадию геноцида на Дону остается не более 50% от дореволюционного казацкого населения, другие Войска Советский режим сумел обескровить в еще бóльшей степени — в некоторых станицах число этнических казаков уменьшилось до 25% от уровня 1917 г. Наиболее страшная катастрофа постигла казацкое население Уральского Войска. Длительная военная эпопея Гражданской войны, массовый исход и гибель беженцев, тягчайшая эпидемия тифа, поголовные аресты и уничтожение в концлагерях казаков-мужчин сократили численность этнических казаков на территории бывшего Уральского Войска до 2,5% от прежнего состава войскового населения[76]. Во всех бывших Войсках катастрофически сократилось число казаков-мужчин старше 60 лет — большевики целенаправленно выбивали в казацком сообществе наиболее последовательных носителей национальной памяти и воинских традиций.

В фазу **этноцида** казацкий народ растерял многие былые национальные скрепы. Под тяжким прессом воинствующей «русификации», облеченной в форму принудительного, антиславянского по сути интернационализма, рушились, искажались и постепенно забывались многовековые национальные обычаи, ценности воинской культуры, этническая бытовая традиция. Однако в каком-то отчаянном порыве казаки продолжали чувствовать себя единым национальным целым, продолжали удерживать в общественном сознании станичных обществ былые идеалы казачества, а в быту — пытались сохранить хотя бы основные фрагменты прежнего стереотипа национального поведения.

Голодомор — 1929—1933 гг. — третья, наиболее разрушительная в социально-демографическом отношении стадия геноцида казацкого народа. Старт этой фазы геноцида связан с проведением Советским государством политики коллективизации, которую на землях Казацкого Присуда фактически стали осуществлять на рубеже 1928—1929 гг. Полное обобществление земли, сельскохозяйственного инвентаря и лошадей, принудительные реквизиции товарного хлеба, семенного зерна и даже корнеплодов, бездарная организация сельскохозяйственных работ в новообразованных колхозах, которыми во многих случаях руководили потомственные рабочие, рекрутированные ВКП(б) в промышленных центрах Великороссии, — совокупность всех этих негативных факторов привела к самому чудовищному голоду за всю историю России. Трудно усомниться в том, что Голодомор был организован искусственно, поскольку массовый летальный голод охватил всегда хлебородные в прошлом территории Российской империи — Дон, Кубань, Украину, Нижнее и Среднее Поволжье, Южный Урал и Южную Сибирь. Многие историки полагают, что целенаправленная организация голодного мора — это осознанная политика большевистского руководства СССР, которое всерьез опасалось сплоченной, жесткой реакции всех земледельцев Юга страны, в первую очередь украинцев и казаков, на преступную авантюру принудительной коллективизации.

Современные исследования показывают, что в период Голодомора в Советском Союзе по причине глубокого (летального) голода погибло не менее 10 млн. человек. Хотя потери казацкого населения в этот период никто специально уже не считал, очевидно, что в общем числе жертв Голодомора весьма значительную часть составили этнические казаки.

---

[76] *Балмасов С.С.* Антибольшевистское движение в Уральском Войске. Краткий исторический очерк// Альманах «Белая гвардия». Вып. № 8. Казачество в Белом движении. — М.: Посев, 2005. — С. 151 —152.

Изнуренные голодом славянские дети. На фото хорошо виден синдром "пухлого живота" — показатель хронического голода. Юг России. 1921-1922 гг.

В период **Голодомора** административно-карательная машина СССР в широких масштабах использовала террористические методы из арсенала **карательной стадии** геноцида: расстрелы «вредителей», «саботажников» и «белобандитов», массовые депортации казацких семей и мужчин репродуктивного возраста из родных мест, длительные сроки заключения людей в концлагеря и т.п.

Голодомор с последующим заселением вымерших казацких станиц и хуторов инонациональным элементом (переселенцами из северных областей России и Белоруссии) стал *de facto* заключительной стадией уничтожения казацкого народа, как самобытного и жизнеспособного этнического сообщества. До стадии Голодомора казацкое население, по крайней мере, на Юге России, еще сохраняло витальную способность, при условии невмешательства Советского режима в социально-экономическую жизнь станиц, к процессу демографической и этнокультурной репродукции традиционного общества. **После чудовищной трагедии Голодомора казаков как демографически динамичного, территориально консолидированного и экономически самодостаточного народа, по существу, не стало. Территориальное единство казацкого этнического ареала (в этногеографическом аспекте) подверглось катастрофическому разрушению. Этнические казаки стали наиболее разделенным, насильственно раздробленным — в плане этногеографической локализации — славянским народом Советской России.** Голодомор стал подлинной катастрофой для казацкого населения Кубани. До 1929 года Кубань оставалась последним регионом Казацкого Присуда, в котором казаки продолжали оставаться демографически заметным, а в некоторых районах края и преобладающим элементом в составе местного населения. После Голодомора анклавов этнически гомогенного казацкого населения на Кубани практически не осталось.

Летальная фаза **Голодомора** продолжалась фактически до 1935 г. Начиная со следующего, 1936 года, Советское правительство, сознавая, что с казачеством, как со значимым этнополитическим сообществом, покончено навсегда, существенно уменьшило прессинг антиказацких мероприятий. В этот период стало трудно не только в административном плане,

но и в бытовом отношении четко различать казацкие семьи от рядом живущих семей великорусских и белорусских переселенцев. Фактор этнополитической «неразличимости» казацкого населения стал причиной дальнейшей «либерализации» Советского режима в «казацком вопросе». В частности, в комплексе мер по подготовке Советского Союза к войне с Германией большевики предусмотрели ликвидацию всех ограничений на службу потомков казаков в рядах РККА. Впоследствии военное руководство СССР стало формировать из славянского контингента Юга России кавалерийские псевдоказацкие симулякры, в их составе число этнических казаков было сравнительно небольшим.

Косвенный геноцид потомков казаков начался в 1936 году и является четвертой и финальной, по-видимому, стадией уничтожения казацкого народа. Начиная с 1936 г. Советское государство, ввиду исчезновения казаков как консолидированной этносоциальной общности, пытается гальванизировать русское (и в целом — славянское) крестьянское население, заселившее земли Казацкого Присуда, так называемыми «военно-патриотическими традициями казачества». Обращение Советов к этим квазитрадициям, которые начинались и заканчивались внешней бутафорикой, — в виде несуразных черкесок, полицейского типа папах и широченных «кацапских» (как говорили в 40-е годы этнические казаки) лампасов, — произошло, разумеется, неслучайно. Режим ВКП(б), ожидая неизбежную схватку с нацистской Германией, в числе прочих мер пропаганды, решил укрепить «казацкими традициями» весьма невысокие военные мотивации крестьянской молодежи.

Поворот Советского государства в сторону внешних казацких симулякров, не имеющих ничего общего с подлинной национальной культурой казаков, являлся от начала и до конца спекулятивным приемом, предпринятым под давлением внешних суровых обстоятельств. Призыв во вновь созданные псевдоказацкие воинские части денационализированной русской молодежи не помешал сталинскому Политбюро осуществить в 1937—1938 гг. масштабную террористическую чистку РККА от большинства офицеров казацкого происхождения. В 1946 году — сразу после победы Советского Союза в глобальной битве с Германским Рейхом — все псевдоказацкие армейские формирования РККА были немедленно расформированы, а этноним «казак» вновь стал автоматически бросать на конкретного человека тень неблагонадежности.

В фазе **косвенного геноцида** региональные сообщества генетических потомков казаков, наравне с представителями великорусского народа, целенаправленно лишались исторической памяти, а их национальные чувства систематически демонизировались. Национальное самосознание — важнейшая духовная субстанция гармоничной человеческой личности — усиленно заменялось на территории РСФСР интернациональными советскими мифологемами. Важнейшей мифологемой такого рода стала центральная идея коммунистической пропаганды — о якобы возникшей на территории Советского Союза в послеоктябрьский период «новой исторической общности — советского народа».

Автор настоящей работы вынужден констатировать, что идеологические и социальные элементы косвенного геноцида, уже в иной, «россиянской» упаковке, — сохраняются, к сожалению, и сегодня. Спонтанная и противоречивая политика Российской Федерации по отношению к казачеству и потомкам этнических казаков, последовательно профанирующая исполнение закона «О реабилитации репрессированных народов», к сожалению, не дает оснований даже для сдержанного оптимизма в отношении будущности последних анклавов казацкого населения в России.

Глава IV

НА НАКОВАЛЬНЕ СОВЕТОВ ПОД МОЛОТОМ «ИНОГОРОДНИХ»: этнополитические противоречия на землях Присуда

Фактор империи: немцы, казаки и украинцы под флагом Российской державы. — «Империя наоборот». — Миф о «господствующей в государстве нации». — Имперская фобия о «казацком сепаратизме». — Трагическая судьба историка-энциклопедиста Василия Сухорукова. — Имперская идея о «русификации» казаков. — Массовый поток мигрантов на земли Присуда на рубеже XIX-XX вв. — Эвфемизмы империи в борьбе с казацкой этничностью. — Межэтнические противоречия: причина поддержки режима РКП(б) неказацким населением Присуда. — «Иногородние» переселенцы в борьбе против «народа-помещика». — Девиантность великорусской этносоциальной среды на рубеже XX века. — Резкое нарастание межэтнической напряженности на землях Присуда в 1918 г. — Борьба за сохранение казацких начал в азиатских Войсках. — «Русская сущность» политики РКП(б) на землях Присуда: 1918-1922 гг. — Единое мнение Сталина и Быкадорова при оценке вклада русского населения в победу режима РКП(б) в Гражданской войне. — Главная причина военно-политического разгрома Белого движения.

Национальный фактор во все периоды истории Российского государства одновременно являлся и слабостью, и преимуществом этой системы. Огромную значимость национального фактора для России хорошо иллюстрирует следующий пример.

Великорусская, т.е. по преимуществу этнически гомогенная Московская Русь на арене межгосударственной борьбы в Евразии выступала в роли на редкость малоуспешного государства. За период с 1228 по 1462 гг. (более чем за два столетия!) из около 60 битв с внешними врагами московиты выиграли лишь 23 сражения, то есть были разбиты почти в 2/3 случаев крупных боестолкновений (свыше 60%). Из каждых 10 битв было проиграно шесть. Если исключить из этого списка сражения с народами Азии и Юга, то картина результативности вооруженной борьбы московитов только лишь с народами Европы станет еще более удручающей. В войнах с европейцами, великорусы из около 50 сражений проиграли почти 3/4 сражений (свыше 70%) — т.е. были разбиты в 7 сражениях из каждых десяти[1].

В начале XVI века результативными для Московской Руси стали только две войны с Литвой: 1500—1503 гг. (были возвращены Северские земли) и девятилетняя война 1513—1522 гг., когда, после долгих мытарств, удалось возвратить Смоленск. Все остальные военные кампании этого столетия окончились для московитов неудачно: войны с Литвой

---

[1] См. подробнее: *Волков С.В.* Почему РФ — еще не Россия. Невостребованное наследие империи. — М.: Вече, 2010. — С. 18 сл.

1507–1509 гг. и Швецией 1554–1556 гг. были фактически проиграны. Следующая война с Литвой 1534–1537 гг. привела к утрате Гомеля (с огромным трудом отвоеванного московитами в 1503 г.), а бессмыслица 25-летней Ливонской войны 1558–1583 гг. оставила великорусов без Иван-города, стратегически значимых крепостей Ямм и Копорье.

XVII век с его Смутным временем принес Москве новые военные конфузии: была потеряна огромная часть Карелии с крепостью Корела — шведы на очень долгий срок отрезали московитов от выхода к Балтийскому морю. Поляки вновь захватили и удержали Смоленск. Очередная война со Швецией 1656–1658 гг. завершилась полным фиаско. Затем произошла кровавая «польская баня» под Конотопом, завершившаяся очень скромным по результатам Андрусовским перемирием — с огромным трудом Москве удалось удержать днепровское Левобережье. Однако и этот успех был бы невозможен в принципе, если бы не жесткая промосковская позиция, заявленная запорожскими казаками на Переяславской раде. В итоге к началу царствования Петра I, если не считать днепровского Левобережья (присоединенного к Москве не саблей московита, а волей гетмана Богдана Хмельницкого), западная граница России, в стратегическом отношении, была существенно хуже, нежели в период восшествия на престол Ивана Грозного.

Фактор империи: немцы, казаки и украинцы под флагом Российской державы. На фоне таких перманентных поражений с трудом можно было ожидать значительных территориальных приращений Российского государства. Между тем, территориальное расширение Московской Руси, начиная с XVI века, происходило поистине геополитическими темпами. Общеизвестен факт: только между серединой XVI — концом XVII вв. Московская Русь в среднем ежегодно приобретала земли, равные по площади современной Голландии. К началу XVII века Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а завоеванная этническими казаками во главе с донским атаманом Ермаком Западная Сибирь по масштабу территорий вдвое превышала площадь Европы. Вообще, при внимательном изучении географической карты Сибири и Дальнего Востока, *volens-nolens* приходишь к мысли, что без этнических казаков — без их воли, боевой выучки, способности к самоорганизации — Российское государство вряд ли бы состоялось в истории как евразийская держава. Для преодоления инерции колоссальных пространств Северо-Востока Евразии (включая существенное военное сопротивление аборигенных народов) нужен был адекватный этому вызову мощный этнополитический актор, — народ, способный осуществить колоссальный по энергетике мобилизационный рывок. Из всех восточнославянских народов, если реалистично оценивать их этнополитические потенциалы периода XVI-XVII вв., — реализовать столь высокую степень самоорганизации, обеспечить такое военное сверхусилие мог, по-видимому, только народ казаков. **Этнополитический потенциал инонационального (по отношению к великорусам) казацкого народа стал, таким образом, не фактором ослабления и дезорганизации Российского государства, а долговременным фактором его силы и успешности.**

Позднее военный успех вернулся к России и на западном стратегическом театре — когда в результате структурных реформ и территориальных приобретений Петра I в состав империи влились значительные массы украинского и немецкого населения. Обычно стратегические достижения вновь возникшей империи Дома Романовых связывают исключительно

с преобразованиями в военной сфере. В какой-то мере эта точка зрения верна, однако, необходимо учитывать, что печальной традицией российской историографии является постоянная недооценка значимости этнополитического фактора. Анализ же этого фактора убедительно показывает, что без массового прихода в реформированную армию Петра I генетически иных этнических контингентов — немцев, казаков и украинцев — вряд ли удалось бы очень быстро, всего за десяток лет, поднять на качественно лучший уровень боевую результативность российской военной машины.

«Империя наоборот». Последними словами императора Петра I на его смертном одре стали сакраментальные слова: «Отдайте все…». Кому именно вознамерился отдать «все» в созданном его пароксизмальной энергией огромном государстве этот странный и страшный самодержец осталось неизвестным. Однако, совершенно точно известно, что Российская империя, созданная волевым гением Петра I, стала одной из самых противоречивых (в этническом и социальном аспектах) мировых держав. Претензиям Российской империи и русской элиты на некую «вселенскую» миссию — на «значение светоча для государств и народов» (Н.Я. Данилевский) посвящена поистине безбрежная литература. Столь же значительная по объему литература отражает уже не духоподъемные построения русских патриотов, а суровую реальность того печального факта, что «российское государство пухло, а народ хирел» (В.О. Ключевский).

Современные исследователи подчас характеризуют Российскую империю как «империю наоборот», т.е. как государственное образование, где номинальная метрополия (центральные губернии на Русской равнине) и номинально первенствующий имперский народ (великорусы) десятилетиями целенаправленно дискриминировались в пользу национальной, причем неславянской периферии. Например, в обстоятельном исследовании Б.И. Миронова приводятся весьма показательные цифры: с 1868 по 1881 гг. из Туркестана в Государственное казначейство Российской империи поступило около 54,7 млн. рублей дохода, а было израсходовано на социальные и инфраструктурные потребности Туркестана 140,6 млн. рублей, т.е. почти в 3 раза больше. В отчете ревизии Министерства финансов за 1882–1883 гг. без всяких околичностей указывалось, что дефицит финансовых ресурсов для Туркестанского края был покрыт за «счет податных сил русского народа»[2]. Аналогичным образом развивалась ситуация и на Кавказе. В 1890-х годах Российская империя ежегодно вкладывала в развитие Кавказского региона до 45 млн. рублей, а получала доходов оттуда только около 18 млн., — дефицит покрывался за счет изъятия финансовых ресурсов из славянского центра страны[3].

Характеризуя этническое положение великорусов во второй половине XIX века, историки Т.Д. Соловей и В.Д. Соловей отмечают: «Великорусские крестьяне были закабалены сильнее других народов и, в среднем, хуже обеспечены землей. Накануне крестьянской реформы 1861 г. политические права, уровень образования и доходов среди русских крестьян центральных губерний были ниже, чем среди поляков, финнов, украинцев, сибирских поселенцев [*под этим эвфемизмом авторы понимают, возможно, казаков. — Н.Л.*] и даже,

---

[2] *Миронов Б.И.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2-х томах. 3-е изд. Т.1. — М., 2003. — С. 33. См. также: Центральная Азия в составе Российской империи. — М., 2008. — С. 136–137.

[3] *Суворин А.С.* В ожидании века XX. Маленькие письма (1889–1903). — М., 2005. — С. 248.

вероятно, ниже, чем среди татар. Если представители «великорусского господствующего племени» легко могли стать крепостными дворян-мусульман и даже дворян-иудеев, то православные дворяне владеть крестьянами-мусульманами не могли, а крепостных иудеев в природе и вовсе не существовало»[4].

Далее авторы подчеркивают, что даже на рубеже XX века показатели детской смертности среди великорусов были почти в два раза выше, чем у латышей, эстонцев и молдаван, почти в полтора раза выше, чем у украинцев, белорусов и евреев, и существенно выше, чем у татар, башкир и чувашей. Связано это было, конечно, не с отсутствием витальных сил в великорусском народе, а с ужасающей убогостью и антисанитарией русского деревенского быта, с архаичной дорожной инфраструктурой, с хроническим дефицитом больниц, родильных палат, врачей, почти полным отсутствием в сельской местности аптек. Отметим также, что и перед Первой мировой войной (т.е. накануне 1914 г.) ситуация с просвещением и национальным здоровьем великорусского народа существенно так и не улучшилась. Например, к 1914 г. доля элементарно грамотных (т.е. умеющих читать по слогам и знающих простой арифметический счет) среди великорусов, по самым оптимистическим оценкам, не превышала 30%. В это же время, остзейское и поволжское немецкое население Российской империи было грамотным на 100%, латыши, эстонцы и финны имели до 95% грамотных, даже уровень грамотности украинских селян превышал таковой у великорусских крестьян почти в два раза.

Хронически недокормленный, малорослый, почти всегда малограмотный русский призывник из крестьян, конечно, никак не дотягивал до уровня потомка былинного богатыря Микулы Селяниновича. По причине физической непригодности в Российской империи накануне Первой мировой войны освобождалось от призыва на действительную военную службу от 15 до 20% призывников. Для сравнения, — в Германии «комиссованных» от армии было только 3%; а во Франции — 1%[5].

Миф о «господствующей в государстве нации». На рубеже 1914 года низкая этническая конкурентоспособность великорусского большинства Российской империи стала уже самоочевидным явлением. Однако, этот фактор, на удивление, не привел к этнополитической консолидации элитарной прослойки великорусов, не привел к политической мобилизации великорусского народа для решительного преодоления такого нетерпимого этносоциального отставания. Уровень политической самоорганизации великорусской элиты стремился к абсолютному нулю. Русская «образованщина» двух столиц привычно думала о чем угодно — о самоценности монархии, о «богоносности» грядущей русской цивилизации, о нелегкой судьбе западных славян, о благе марксизма и т.д., и т.п., — но только не о насущных национальных проблемах собственного народа, и не о борьбе за политические рычаги для его развития.

Непонимание, подчас даже воинствующее отторжение проблематики собственной этничности среди великорусского образованного слоя на рубеже XX столетия действительно поражает. ***«Что такое племя? За что его любить?*** — с негодованием восклицал в одной из

---

[4] *Соловей Т.Д., Соловей В.Д.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. — М.: Феория, 2009. — С. 42–43.

[5] См. подробнее: *Цимбаев Н.И.* Россия и русские: Национальный вопрос в Российской империи// Русский народ: историческая судьба в XX веке. — М., 1993. — С. 48; *Хоскинг Д.* Россия: народ и империя (1552-1917). — Смоленск. 2000. — С. 55 сл.

своих статей «поздний славянофил» К.Н. Леонтьев. — ***За кровь? Но кровь ведь, с одной стороны, ни у кого не чиста, и Бог знает, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации очень смешанной крови… Идея национальностей чисто племенных есть идея, в сущности, вполне космополитическая, антигосударственная, противорелигиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидающего»***[6].

Нельзя утверждать, конечно, что подобные странные взгляды — своего рода «катехизис дворняги» — разделяли на рубеже XX века все, без исключения, великорусские интеллектуалы. Были, конечно, среди великорусов и состоявшиеся национальные мыслители (например, круг столичных интеллигентов, группировавшихся вокруг историка и политического деятеля П.Б. Струве), которые осознавали огромную роль этничности для грядущего развития Российского государства в целом, и великорусского народа в частности. Однако даже совокупное влияние таких национал-прогрессистов на генезис российской государственной системы и великорусского общества было, по сути, ничтожным. Властная система Российской империи сторонилась развития великорусской этничности как черт ладана, крайне вяло актуализировала для общественного сознания концепты и собственно великорусской, и восточнославянской (общерусской) идеологических парадигм. Лишь в самых опасных для себя ситуациях (например, во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. и во время последующей революции) политические владетели империи поднимали на щит предельно искусственную, бутафорскую православно-монархическую версию русского национализма.

Весьма симптоматично, что подобные действия имперской властной иерархии не вызывали сколько-нибудь организованного сопротивления великорусского этносоциума: сотни тысяч среднестатистических русских интеллектуалов (профессоров, помещиков, офицеров и т.п.) оставались политически совершенно безучастным к проблеме развития этнической доминанты собственного народа.

Русская культура высших слоев общества, которая изначально являлась, в лучшем случае, — эпигоном, вторичной копией с культуры западноевропейских наций, продолжала и в первое десятилетие XX века пребывать приблизительно в том же качестве. Великорусы продолжали оставаться субстанционально разломленным надвое (реформами Никона и Петра I), этнически несформированным народом. Высшие слои великорусского общества были предельно вестернизированы, а низший, широчайший слой народа прозябал в средневековой, по сути, этнической субкультуре, не имеющей ничего общего со стандартами общенациональных культур развитых наций Европы. Неудивительно поэтому, что на рубеже XX века, в собственном (формально) государстве великорусы оказались на порядок менее конкурентоспособны в этническом плане, нежели остзейские немцы, евреи или подчиненные силой оружия поляки[7].

---

[6] *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 томах. Т. 8. Кн. 1. — СПб., 2007. — С. 528.

[7] Известный современный историк и публицист С.М. Сергеев посвятил проблематике русско-немецкой и русско-польской этнической конкуренции две превосходные по информативности и научной обстоятельности статьи. См.: *Сергеев С.М.* «Хозяева» против «наемников»: Русско-немецкое противостояние в императорской России// Вопросы национализма. Выпуск № 3. 2010. — С. 38—78; *Он же*. Столетняя война с «воскресающими мертвецами»: Польский вопрос и русский национализм в XIX — начале XX в.// Вопросы национализма. Выпуск № 6. — С. 39—67.

Слабость и незрелость великорусской этнической парадигмы порождали в интеллектуальных средах Петербурга и Москвы постоянные тревоги, в какой-то степени фобии по поводу реального и даже гипотетического сепаратизма других народов, особенно славянских — поляков, украинцев, казаков. Парадоксальным образом эти фобии интеллектуалов провоцировали опасения правительственного аппарата Российской империи по поводу вообще любой формы славянского национализма, включая и собственный, казалось бы, вполне монархический по внутреннему содержанию великорусский национализм. Противоположные, даже антагонистические тенденции, как это весьма часто случалось в российской истории, начинали к рубежу XX века действовать в едином русле.

Глубокая неуверенность властного аппарата Российской империи (и, как ни странно, самих русских националистов) в силе и привлекательности великорусской этничности нашла свое любопытное отражение в патриотическом творчестве Михаила Никифоровича Каткова. Многолетний издатель «Московских ведомостей», крупнейшей русской консервативной газеты второй половины XIX века, М.Н. Катков считался в свое время весьма влиятельной фигурой — концептуальные передовицы его газеты обсуждались не только в светских салонах, но и в кабинетах Зимнего дворца.

«Пятьдесят шесть миллионов цельной чисто русской народности[8]: какая другая народность может соперничать с ней в составе Русского государства? — запальчиво вызывал на интеллектуальный поединок своего гипотетического оппонента Михаил Катков. — ***Возьмем ли мы три миллиона польских народонаселений в Царстве Польском, или сто семьдесят тысяч лиц немецкого языка в прибалтийских губерниях, или двести тысяч шведов в Финляндии, — все это и порознь, и вместе совершенное ничтожество в сравнении с русским народом. Могут ли эти элементы оспаривать у русского народа Русскую державу?»***[9].

Любопытно, конечно, что М.Н. Катков называет «народом» только русских (великорусов). Все другие народы, которые вместе «ничтожество», именуются им совершенно иначе: «народонаселение», «лица немецкого языка», «элементы». История впоследствии, увы, все расставила на свои места. «Польское народонаселение», оказавшееся на поверку весьма консолидированным польским народом, стремительно создало после 1917 г. достаточно мощное Польское государство. «Лица немецкого языка» в это же самое время создали хотя и небольшие, но преуспевающие прибалтийские государства, приютившие, кстати, сотни тысяч этнических великорусов, которые опрометью бежали за рубеж из своей «Русской державы» вместо того, чтобы мужественно сражаться с большевиками. Шведы, вместе с финнами, окончательно конституировали независимую государственность Финляндии…

Нас интересует в приведенном отрывке из большого эпистолярного наследия Михаила Каткова, конечно же, не разоблачение его личных претензий, граничащих порой с шовинизмом. Гораздо важнее понять — откуда произрастают корни очевидной, тревожной неуверенности весьма близкого к власти журналиста в способность великорусского народа дейст-

[8] М.Н. Катков, в полном соответствии с традицией имперской «русификации», включал в состав русского этноса не только собственно великорусов, но и украинцев с белорусами, и, по-видимому, казаков.

[9] *Катков М.Н.* Собр. соч.: В 6 томах. Т. 2. Русский консерватизм: Государственная публицистика. Деятели России. — СПб., 2011. — С. 175.

вительно стать ***«господствующей в государстве нацией»***[10]. Зачем, казалось бы, вообще нужно было начинать обсуждение проблемы самореализации мощного этнического массива в «пятьдесят шесть миллионов цельной чисто русской народности», — особенно в сопоставлении с периферийной прослойкой каких-то там нерусских «народонаселений», «элементов» и «лиц»? В другой передовице «Московских ведомостей» М.Н. Катков полностью раскрывается в этой своей боязни — почти униженно и, во всяком случае, очень странно для представителя «господствующей нации» заявляя, что ***«не предпочтения, а только равенства, вот чего приходится просить русской народности в Русском государстве»***[11].

В публицистике Михаила Каткова, буквально как в зеркале, отразилась вся невнятица, непоследовательность, бестолковость, очевидная противоречивость того многолетнего политического курса, который некоторыми историографами явно с избыточным значением именуется «национальной политикой Российской империи». Приходится признать, к сожалению, что никакой стратегически выверенной национальной политики Российская империя не имела, во многом именно поэтому «господствующая нация» великорусов в суровую революционную годину оказалась полностью недееспособной в части этнополитической самоорганизации. Даже глобальная встряска Великой войны не смогла подвигнуть русскую элиту на прочную политическую консолидацию во имя реалистической программы желательного «русского будущего». В результате в годину Революции великорусский этносоциум *volens-nolens* стал одновременно главным ландскнехтом и самым большим «жертвенным агнцем» Советского режима большевиков — наиболее антиславянской административной системы в тысячелетней истории России.

Роковой 1917 год убедительно доказал, что Российскую империю держала на своих могучих плечах отнюдь не «господствующая нация», а исключительно и только монархическая система власти. Рухнула в России монархия — и «господствующая нация» оптом и в розницу разбежалась по ближним и дальним углам, предоставив всем желающим политическим акторам (в первую очередь — инонациональным) определять, в числе прочего, и формат своего собственного национального бытия.

Имперская фобия о «казацком сепаратизме». К национальной истории казацкого народа все вышеприведенные негативные дискурсы этнополитики Российской империи имеют самое непосредственное отношение. Можно утверждать даже, что казацкий народ оказался первой жертвой многолетней инфантильности так называемой национальной политики Дома Романовых, которая в долгое правление царя Николая II постепенно деградировала до крайнего предела. В царствование Петра I (при всем кровавом тиранстве его правления по отношению к казакам) было хотя бы понятно: чего хочет самодержавная власть России от казацкого народа и каким видит его будущее. Эта ясность этнополитики оказалась почти полностью утраченной в царствование трех последних Романовых. Начиная с периода «Великих реформ» Александра II к регулярной «барщине кровью» на полях сражений империи прибавился «оброк землями Присуда»: имперская власть стала все более щедро распределять родовые земли казацкого народа среди инонационального, генетически отличного от казаков населения.

---

[10] *Катков М.Н., 2011.* Указ. соч. — С. 197.

[11] *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1864 год. — М., 1887. — С. 733.

Печать Войска Донского XVII в., сохранившая древнюю национальную символику казаков

Главной целью Петра I, как это видится сегодня с учетом реально произошедших исторических событий, было использование военного потенциала запорожско-донского казачества для реализации своих экспансионистских военных планов в отношении турецких владений в Северном Причерноморье. Петр I рассчитывал, по-видимому, на наступательный потенциал казацкой конницы, по своему опыту зная, что хороших кавалеристов из рекрутируемых великорусских крестьян никогда не получится. Попутно первый русский император предполагал разобщить органичные военно-политические связи донцов и запорожцев, а также прочно инкорпорировать Украину в состав Российской империи. Ни одна из вышеперечисленных задач не предполагала полное уничтожение казачества как самобытного этносоциального сообщества, хотя все они могли быть достигнуты только при существенном подрыве политических традиций казацкого народа и ликвидации «самостийных» амбиций казацкой старшины.

Чешский исследователь истории казачества Станислав Ауский так характеризует политику Петра I в отношении казаков: «…Войско Донское и в мирное время имело для империи огромное значение, располагая крупнейшей кавалерией. Поэтому царское правительство стремилось ввести его в состав регулярной армии, оставив от былой автономии казаков чисто символические элементы самоуправления. **Цари не остановились даже перед тем, чтобы отнять у донских казаков их государственный герб — скачущего оленя, пронзенного стрелой** [*выделено нами. — Н.Л.*]. При Петре I он был заменен символикой, которую вряд ли можно считать достойной казачества: полуголый казак сидит на плывущей бочке. Однако задуманные в столице реформы не были реализованы, поскольку могли спровоцировать бунты, подобные тем, что уже бывали в прошлом — при Разине, Пугачеве и Булавине»[12]. В итоге Петр I решил закрепить промежуточный этап «русификации» казаков: утопив в крови Батурин — гетманскую столицу Украины, спалив дотла Запорожскую Сечь, пройдя огнем и мечом по землям Войска Донского, имперская военная машина постепенно остановила массовый террор. Этнокультурные и экономические основы для восстановления потенциала казацкого народа были сохранены.

«Если ту глубокую ломку всех сторон жизни, которую вызвали Петровские реформы, — отмечает в этой связи известный историк казачества А.Г. Шкваров, — сравнить на Левобережье Украины и в России, то нельзя не признать, что в Великороссии она была гораздо глубже, резче и болезненнее. <…> На Украине ломки жизни и быта казачества практически не было. Веками устоявшиеся казацкие обычаи никто насильственно не менял: усы, чубы с

[12] *Ауский С.* Казаки. Особое сословие. — М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: Изд. Дом «Нева», 2002. — С. 42.

Казаки Кубанского Войска на марше. Великая война. 1915 г.

«оседлецем» остались в неприкосновенности и никто на них не посягал, как на великорусские бороды; пышные одежды старшины никто не перекраивал на «немецкий» лад; детей старшины не забирали принудительно для обучения и на царскую службу, а их жен и дочерей не заставляли проводить время на «ассамблеях» с пьяными иностранными матросами. Казацкая администрация оставалась такой же, какой она установилась во времена Хмельницкого…»[13]. Аналогичная в принципе ситуация сохранилась при Петре I и на Дону, и в других казацких Войсках тоже. Новоявленному цезарю была крайне необходима превосходная казацкая конница и, как рачительный хозяин вновь создаваемой империи, он не пытался «резать курицу, несущую золотые яйца».

Возникает ощущение, что ближе узнав боевые качества казаков, Петр I всерьез озаботился социальной консервацией казацких Войск как своего рода территориального анклава потомственных воинов. Первого русского императора всерьез заботило, например, заселение левых притоков Северского Донца выходцами с Левобережной и Слободской Украины. В грамоте императора от 7 июля 1707 г. отмечалось, что ***«чюгуевцы, харьковцы, золоченцы, змиевцы, мояченя, служилые и жилецкие люди многие, оставя домы свои з женами и з детьми, а иные-де оставя и жен, явно идут на Дон и в донецкие*** <…> ***городки».*** Далее в царской директиве следовала команда киевскому воеводе, князю Д.М. Голицыну по возможности препятствовать самовольному переселению украинцев в Область Войска Донского.

Царствующие преемники Петра I, вплоть до периода «Великих реформ», в основных чертах сохраняли петровскую политику во взаимоотношениях с казачеством. Не слишком резко, но последовательно наступая на национальные права и традиционные демократические институты казаков, постепенно усиливая военную составляющую возложенной на этот народ «барщины кровью», императорская власть, вплоть до царствования Александра II, не пыталась

[13] *Шкваров А.Г.* Петр I и казаки. — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 208—209.

провозгласить казаков органичной частью великорусского народа и стеснить традиционную систему казацкого землепользования. В этот же период официальный Петербург не помышлял, по-видимому, о перспективе растворения на землях Войск численно небольшого казацкого этноса во все возрастающем потоке великорусских и украинских переселенцев.

Все изменила тотально проигранная Россией Крымская война (1853—1856 гг.). Основы российской государственности были потрясены этим событием с чрезвычайной силой — неожиданно оказалось, что Россия является отнюдь не «жандармом Европы», а всего лишь ее восточным, весьма косным в технологическом отношении придатком, почти аутсайдером. Архаичные гладкоствольные мушкеты в руках русской пехоты, героически оборонявшей Севастополь, воочию продемонстрировали технологическую отсталость Российской империи — особенно на фоне современного нарезного оружия, которым изобильно был обеспечен враждебный англо-французский десант. Разочарование, чувство безысходности, желание как можно скорее преодолеть «крымский позор» охватили буквально все слои русского общества. Всеобщее смятение после Крымской войны оказалось столь велико, что проницательный Лев Толстой, современник событий, вынужден был отметить в своем дневнике: «Кто не жил в 1856 году, тот не знает, что такое жизнь». Эпоха Александра II, которая наступила сразу вослед проигранной крымской эпопеи, подвигла властные круги Российской империи не только на реформы в технологическом оснащении российской промышленности, но и на реформы этнополитического плана. Именно с периода царствования Александра II начинаются последовательные попытки принудительной «русификации» Украины (тогда называвшейся Малороссией) и областей Казацких Войск.

Важно подчеркнуть, что имперская администрация России и в более раннее время предпринимала попытки «русифицировать» казаков, однако эти меры имели в основном запретительный характер, а потому были малоэффективными. Наиболее мощным разрушительным ударом по этническому менталитету казацкого народа стал Указ императора Павла I (1798 г.) о введении в казацких формированиях армейских офицерских чинов с одновременным присвоением офицерам-казакам дворянского звания. Этнический казак приобретал личное дворянство после производства в первый офицерский чин или продвинувшись в гражданской службе до чина IX класса (титулярный советник). Право на потомственное дворянство приобреталось казаком, дослужившимся до чина действительного статского советника в гражданской или до чина полковника в военной службе. Потомственное дворянство сопутствовало также награждению казака каким-либо орденом первой степени — орденом Св. Георгия, орденом Св. Владимира и т.д. Награждение казака крупным поместьем за особые заслуги в военном и государственном служении переводило его в состав так называемого поместного дворянства.

В исторической ретроспективе хорошо просматривается, что новоявленное «казацкое дворянство» рекрутировалось, в основном, из состава традиционной старшины Войск. В «дворяне» постепенно переходил исторически сформировавшийся слой казацких полковников и атаманов, который и без этой сомнительной царской «милости» был узнаваем и авторитетен в своей этнической среде. В целом, учреждение дворянства оказалось, бесспорно, разрушительной мерой для казацкого народа. В пору своего независимого бытия казацкое сообщество категорически не допускало внутриэтнического разделения на «высших» и

«низших» по факту рождения от титулованных предков. После 1798 г. казацкий народ — впервые в его истории — попытались искусственно разделить на два потенциально антагонистических слоя. Только древнейшая традиция народоправства — весьма сильная и в сознании новоявленных «дворян», и в сознании простых станичников — не позволила казацкому сообществу зеркально скопировать все барско-холопские пороки своего северного соседа. Казаки всех социальных страт Присуда хорошо понимали всю условность и двусмысленность очередной царской «привилегии». Однако социальный яд искусственной «родовитости», тем не менее, постепенно разлагал старинные казацкие фамилии, отрывая их «силою вещей» от родного народа и ускоренно нивелируя с великорусской знатью. *«Привыкнув к положению «начальных людей»*, — отмечал в этой связи известный энциклопедист Казацкого Зарубежья Г.В. Губарев, — *новые дворяне отходили от казачьей народной среды, роднились с русским дворянством и все крепче прирастали к русскому быту*»[14].

Давление пресса «русификации», запущенного Указом Павла I о предоставлении казакам прав дворянства, значительно усилилось в царствование Александра II — теперь это давление было направлено на самые широкие круги казацкого народа. Здесь следует подчеркнуть, что сам по себе термин «русификация» в понятийном отношении является весьма условным, поскольку в российских условиях он отражает не столько процесс аннигиляции (растворения) казацкой этничности в этничности великорусской, сколько процесс непродуктивной трансформации исторически сложившегося «казацкого мира» в интернациональный по сути, общеевропейский мир, хотя и обладавший некоторыми общерусскими чертами. «Русификаторство» имперской элиты России в принципе не могло быть эффективным, поскольку сама она только со значительными оговорками могла считаться русской в этнокультурном аспекте[15]. Сегодня, обладая знаниями об уже состоявшихся исторических событиях, можно только со смятением констатировать невероятную самонадеянность администрации Александра II в ее попытках подверстать все славянские народы империи под единый «квазирусский» эталон. Петербургские администраторы, которые в значительной части являлись остзейскими и лифляндскими немцами, всерьез полагали, что административно-полицейских указов будет вполне достаточно, чтобы уже в среднесрочной перспективе поляки, украинцы и казаки почувствовали себя «русскими». **«С 1866 г. государственная политика была направлена на возможно более полное слияние казачества с остальным населением Российской империи,** — отмечает Станислав Ауский. — **Подобное давление оказывалось тогда на все нерусские народы** [*здесь и далее выделено нами. — Н.Л.*]. Для достижения этой цели правительство решило подчинить казаков полицейским, административным и

---

[14] Энциклопедия казачества/ Сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов. — М.: Вече, 2007. — С. 117.

[15] После реформ Петра I, которые разломили великорусское сообщество на два антагонистичных «народа» — предельно европеизированных дворян и так называемые «подлые» сословия, этническая конкурентоспособность великорусов и, соответственно, их русифицирующий потенциал упали до весьма низкого уровня. Известный современный этнолог В.Д. Соловей в этой связи указывает: «...Понятия «русского национального характера», «родовых ценностей» и культурных «архетипов» (а также любые их эквиваленты и производные), которыми пытаются оперировать социогуманитарные науки, суть интеллектуальные фикции». Очевидно, что народ, этнокультурная доминанта (архетип) которого практически равна нулю, вряд ли способен производить этническую «русификацию» — в точном значении данного термина. См. подробнее: *Соловей В.Д.* Кровь и почва русской истории. — М.: Русский миръ, 2008. — С. 36.

судебным государственным органам Российской империи. Казачьи Войска были подвергнуты административному делению без учета традиционных исторических границ территорий отдельных Войск. <…> **Впервые казачество было причислено к сословиям, что понижало его статус до группы лиц, объединенных по профессиональному признаку (как, например, купеческое сословие). В 1870 г. неказакам было разрешено покупать казачью землю и селиться на ней»**[16] .

«Русификаторская» политика Александра II нашла значительную поддержку в просвещенной части русского общества, в котором в этот период были весьма широко распространены инфантильные фобии по поводу эфемерного украинского национализма и совсем чахоточного казацкого «сепаратизма». Во второй половине XIX века русские по происхождению государственные и общественные деятели России очень последовательно демонстрировали жесткое неприятие любого иного образца восточного славянства, за исключением петербургско-московского «эталона». ***«Глубоко сочувствуя всему разноплеменному славянскому, мы убеждены только в особенном превосходстве начала великорусского пред прочими и, следовательно, здесь мы более исключительны <…> исключительны даже до некоторой подозрительности, особенно к началам ляхитскому и хохлацкому»***. Так недвусмысленно — от лица всего великорусского сообщества — писал в середине XIX века поэт и переводчик Аполлон Григорьев, ведущий литературный критик авторитетных «почвеннических» журналов «Москвитянин», «Время» и «Эпоха» (два последних издавались Ф.М. Достоевским)[17].

«Казацкое начало» в среде единомышленников поэта А.А. Григорьева прямо сопоставлялось либо с «особенно диким степным варварством», либо с легкостью относилось ими к «началу хохлацкому». Сам Аполлон Григорьев с подкупающей прямотой характеризовал прямого потомка запорожских казаков Николая Гоголя-Яновского как «чисто хохлацкую натуру». Отсюда уже логично следовало его дальнейшее резюме, что бессмертная казацкая поэма «Тарас Бульба» была, оказывается, написана ***«великим ненавистником великорусского начала и племени»***[18].

Нежелание идеологов и чиновников Российской империи понять и принять реальность, что стратегически перспективная **русскость** не может быть создана на ветхих старомосковских или интернационалистских петербургских стапелях, неизбежно приводила деятелей «русского охранительства» к изоляции от возможных союзников из числа казаков и украинцев. Более того, — инфантильный великорусский этноцентризм не мог купировать идеи казацкого изоляционизма и украинской незалежности, а, напротив, являлся очень сильным раздражителем для их развития.

В середине 70-х годов XIX века, например, этнический казак, генерал-майор Иван Самойлович Ульянов, живший в родовом поместье на Дону, попытался найти поддержку в

---

[16] *Ауский С.*Казаки. Особое сословие. — М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: Изд. Дом «Нева», 2002. — С. 43.

[17] Сразу после смерти А.А. Григорьева (25 сентября 1864 г. — ст.ст.) Федор Достоевский опубликовал некролог о нем в журнале «Эпоха»: «Может быть, из всех своих современников он был наиболее русский человек как натура». Эту оценку разделял поэт Яков Полонский, который в своих воспоминаниях также подчеркивал особую русскость А.А. Григорьева — «он был чисто русский по природе своей — какой-то стихийный мыслитель, невозможный ни в одном западном государстве».

[18] *Сергеев С.М.* «Наиболее русский человек»: К 190-летию Аполлона Григорьева (1822—1864)// Вопросы национализма. Выпуск №10. 2012. — С. 183.

Будущий идеолог Вольно-Казацкого Движения, генерал-майор Исса Быкадоров. Штаб Донской армии ВВД. 1918 г.

своих «охранительных» общерусских размышлениях у известных русских «почвенников» того времени И.С. Аксакова и М.Н. Каткова. Написав серию очерков о быте и культуре донских казаков, Иван Ульянов попытался опубликовать их в многотиражной по тому времени газете Аксакова «День», а затем в «Московских ведомостях» Каткова. В обоих случаях казацкий материал русские редактора категорично отвергли. Причину отказа И.С. Ульянов раздраженно объяснил в письме сослуживцу: ***«…В казачьей обороне прав своих видит он*** [Катков. – Н.Л.] ***то сепаратизм, то государство в государстве и т.п. чепуху»***. Причина отрицательной реакции редактора «Дня» точно такая же и явно вызывает неприязнь старого казацкого ветерана: ***«Не можете представить даже — какому дикому толкованию подвержена самая миролюбивая, самая законная оборона прав и жизни Донцов!»***[19].

Доктор исторических наук Ольга Морозова, комментируя вышеупомянутую коллизию, отмечает, что противоречие между русской «национальной правой» (консерваторами) и поборниками особого «казацкого пути» носило системный, по существу онтологический характер. «Причина отрицательной реакции известных русских издателей, – разъясняет исследователь, – в казакофильстве Ульянова. Заметьте, русским славянофилам не понятны, более того – кажутся опасными охранительные идеи донского публициста! **В консервативно-национальной среде существовало мнение об однообразии всех частей великорусского народа, среди которых тогда числились не только жители казачьих областей, но и поморы, сибиряки, малороссияне; всякие разговоры о своеобразии, пусть даже древнем и исконном, почитались крамольными** [*выделено нами. – Н.Л.*]»[20].

---

[19] ГАРО. Ф.243. Оп.1. Д.31. Л.63, 65, 71 об. См. подробнее: *Морозова О.М.* О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в. – 1920 г.)// Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 2. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 105–119.

[20] *Морозова О.М.* Цари, казаки, красные командиры… Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 23.

Поползновения «прикатать всех казаков великорусским катком» — как остроумно означил впоследствии это странное «однообразие» историк Ис.Ф. Быкадоров[21], не могли вызвать в душе казацкого народа ничего, кроме неприязни и брезгливости, в лучшем случае — насмешки.

Именно как насмешливую издевку над упрямыми попытками официальных властей империи задержать развитие казацкого народа на уровне «диких степных варваров», можно расценить следующие строки из письма другого представителя казацкой элиты середины XIX века — генерала Ивана Ивановича Краснова[22]. ***«Все благодетели, налетающие на нас с севера,*** — писал генерал И.И. Краснов своему приятелю, — ***первою чертою Донской народности считают простоту и хотят исключить все иноземные знания, как для Дона лишние и запретительные, даже самый французский язык, который на Руси сделался народным более чем русский»***[23].

Трагическая судьба историка-энциклопедиста Василия Сухорукова. Имперская власть пыталась затормозить (или направить в русло бутафорских псевдорусских стереотипов) развитие казацкой этничности не только в сфере народного образования. Мощному прессингу «охранки» под тем или иным предлогом подвергались даже профессиональные исследователи национальной казацкой истории, особенно из числа этнических казаков. Очень показательна в этой связи трагическая в творческом плане судьба казацкого энциклопедиста, историка Василия Дмитриевича Сухорукова.

Уроженец Войска Донского, В.Д. Сухоруков в 1812 г. окончил Новочеркасскую гимназию, после чего поступил в Харьковский университет, который блистательно окончил в 1815 году с присвоением степени кандидата права. Для великоруса или украинца в этом случае открылись бы самые дальние горизонты для продолжения карьеры на гражданском поприще, а особенно на ниве университетской науки. Однако в Российской империи все этнические казаки — «крепостные армии» — *volens-nolens* обязаны были продолжать двадцатилетнюю военную службу. В 1816 г. будущего историка казачества произвели в хорунжего и на долгих пять лет отправили в казарму — Сухоруков служил в разных войсковых учреждениях вплоть до 1821 г. В этом году император Александр I назначил председателем «Комитета для составления положения об устройстве Войска Донского» одного из наиболее

---

[21] *Быкадоров Исаак Федорович* (19.05.1882 – 20.09.1957) — генерал-майор, историк, товарищ председателя Донского Войскового Круга, член Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Последовательно и мужественно боролся с нашествием большевиков на земли Присуда. В эмиграции стал одним из организаторов и первым председателем Доно-Кубанской инициативной группы, организовавшей в 1927 г. Вольно-казачье движение. В 1930-х гг. заявил о себе как о глубоком, интересном историке, опубликовал в Париже два фундаментальных исследования: «История казачества» (1930) и «Донское Войско в борьбе за выход к морю» (1937).

[22] *Краснов Иван Иванович* (1800–1871), генерал-лейтенант, общественный деятель, публицист, поэт. Принадлежал к старинному роду национальной казацкой старшины. Его отец — Иван Кузьмич Краснов — отличился в знаменитом сражении на Кинбургской косе (1787): возглавил штыковую атаку оставшихся без командиров русских батальонов, был ранен. В Мачинской битве (1791) он захватил два неприятельских знамени, за что был награжден золотой медалью на Георгиевской ленте. Иван Кузьмич Краснов героически погиб в Бородинском сражении — ядро раздробило его правую ногу, до этого дважды раненую в прежних сражениях. Генерал Иван Иванович Краснов являлся родным дедом генерала Петра Краснова — последнего легитимного атамана Всевеликого Войска Донского.

[23] ГАРО. Ф.243. Оп.1 Д.34 Л.371.

приближенных к трону военачальников — генерал-адъютанта Александра Ивановича Чернышева. Хотя по своему происхождению А.И. Чернышев происходил из коренных великорусских дворян, на родном русском языке будущий граф и гонитель декабристов изъяснялся с большим трудом. Возможно потому, что его основным воспитателем в юности был француз — аббат Перрен. Не имея ничего общего с казаками и вообще с трудом понимая специфику национального быта Войск, генерал Чернышев поручил хорунжему Сухорукову составить для Комитета обширную справку — историческое и статистическое описание земель Войска Донского.

Здесь важно пояснить: отчего воспитаннику аббата Перрена потребовалась не просто обычная канцелярская справка об отданной в чиновное «кормление» территории, населенной «странным народом», а именно свод детализированной информации — своего рода статистическая и этнографическая энциклопедия о Войске Донском.

Назначение генерала Александра Чернышева председателем Комитета по устройству Войска Донского (фактически по его переустройству) стало итогом почти двухлетней борьбы русских по происхождению дворянских кланов Петербурга, которые имели собственные земельные интересы на территории Войска Донского. В этой борьбе основной атаке подвергся прославленный военачальник, герой эпохи Наполеоновских войн, Войсковой атаман Андриан Карпович Денисов (1763—1841). В конце 1819 года А.К. Денисов подготовил проект реформирования Области Войска Донского, который во многом усиливал национальный статус казачества — в ущерб «русификаторской» политике имперского центра. Сразу же после ознакомления Государственного Совета в Петербурге с этим проектом реформы Войска, против атамана Денисова и близких к нему представителей казацкой национальной элиты была начата кампания интриг и наветов. Инициатором борьбы за смещение А.К. Денисова с поста Войскового атамана донских казаков (бесспорно, с ведома Александра I) стал генерал Чернышев.

В 1821 г. очередной виток дискриминации казацкого народа завершился успехом: атаман Денисов в знак протеста против попыток урезать внутреннее самоуправление, экономическую автономию и традиционные права донских казаков подал в отставку со своего поста. Немедленно вслед за отставкой против бывшего атамана и других заслуженных донских военачальников из числа этнических казаков возбудили следственное дело. Хотя Петербург и не решился (из-за опасений вызвать национальное восстание на Дону) предъявить Денисову и другим казацким старшинам официальные обвинения, судебное дело не закрывали еще в течение нескольких лет. Трагическая судьба исследований В.Д. Сухорукова выглядит на фоне масштабной борьбы атамана Андриана Денисова, казалось бы, только малозначительным эпизодом. Однако заглушенный костер научной энергии почти безвестного хорунжего, который на протяжении десятков лет тщательно вытаптывала «охранка» огромной империи, — убедительно доказывает насколько «привольно-весело» жилось этническим казакам на «Святой Руси».

После победы в аппаратной войне генералу Чернышеву нужно было все же «дать результат»: т.е. урезать в очередной раз политические и экономические права Войска Донского, но при этом не вызвать на Дону общественных волнений. Специфика казацкого народа постоянно требовала знаний о ней. Видимо, только этим объясняется факт, что малоизвестному

хорунжему В.Д. Сухорукову создали все условия для составления требуемой, детализованной справки. В 1821 году казацкий историк лично объезжает практически все станицы Хоперского, Донецкого, Усть-Медведицкого, 2-го Донского и отчасти 1-го Донского округов, работает в архиве бывшей крепости Новохоперск. Направленные в помощь В.Д. Сухорукову войсковые писари оперативно делали необходимые копии в местных архивах Войска, а известный столичный археограф П.И. Строев — по просьбе самого Чернышева — отбирал материалы по истории казачества в архивах Петербурга и Москвы.

В начале 1823 года Василий Сухоруков сдал весьма объемную справку — «Описание земли Войска Донского» — в личную канцелярию своего вельможного патрона, и чуть позже получил за свои труды чин поручика, полторы тысячи рублей ассигнациями и орден Св. Анны III степени. Тут бы — ввиду интересов дальнейшей личной карьеры — поручик Сухоруков должен был остановиться, однако Василий Дмитриевич с истинно казацким пылом продолжил свои ученые штудии.

В 1823—1825 гг. состоялся первый и единственный за всю жизнь Сухорукова научный бенефис. Один за другим в разных журналах начинают публиковаться труды казацкого историографа: «Краткое известие о бывшем на Дону городе Черкасске» («Северный Архив», 1823 г., № 20); «О внутреннем состоянии Донских Казаков в XVII и XVIII столетиях» («Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, выпуск 26); «Общежитие Донских Казаков в XVII и XVIII столетиях» («Русская Старина», издание А. Корниловича, СПб., 1824); «Записки о достопримечательностях Донской области» («Северный Архив», 1825, № 17). Надо полагать, что некоторые чины Государственного Совета, и, конечно же, жандармская «охранка» Российской империи очень внимательно читали тексты Василия Сухорукова. И вряд ли высокие оценки демократического устройства традиционного казацкого общества, объективные характеристики таких политических фигур, как Степан Разин и Кондратий Булавин, которые имелись в этих текстах, остались незамеченными. В рапорте одного из интеллектуальных фискалов III-го отделения жандармов прямо указывалось, что очерки Василия Сухорукова есть ***«подстрекательство к мечтательным мыслям насчет самостоятельности их казацкой отчизны»***. Современное прочтение текстов В.Д. Сухорукова убеждает — исследователь не только не призывал казаков к сепаратизму, но даже не позволял себе осторожных намеков на желательность развития казацкой автономии. Однако в чаду «русификаторства» официальные лица российской власти твердо ставили знак равенства между органичной национальной гордостью казака и антигосударственным этническим сепаратизмом.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения петербургских «держиморд», стало появление в конце 1826 г. первых глав капитального труда «Историческое описание земли Войска Донского», которые В.Д. Сухоруков разослал по некоторым редакциям столичных журналов с надеждой их публикации в виде серии очерков. В начале января 1827 г. казацкий историк неожиданно получает предписание немедленно составить подробную опись всех имеющихся у него документов, а также всех наличных копий архивных справок по истории Войска Донского. У Сухорукова берут личную расписку, что он ***«не выдал кому-то по службе или в частном порядке копий с актов, трактующих о правах и привилегиях Войска»***. Жандармский наряд, принимая от Сухорукова по описи все исторические документы, с которыми он работал, одновременно изъял — без всяких объяснений и обоснований — все

рабочие записи историка, его черновые тетради и даже записки личного характера. «Матушка-Россия» ни в своем жандармском, ни в большевистском обличии, как выяснилось, свободомыслия не любила…

После изъятия у Василия Сухорукова всего эпистолярного материала, накопленного годами неустанных научных штудий, историка немедленно выслали в зону боевых действий — обычным сотником в Отдельный Кавказский корпус. С 1827 г. началась бесконечная одиссея Василия Сухорукова — военное ведомство, побуждаемое «охранкой», целенаправленно мотало его по армейским гарнизонам необъятной России. Война в Закавказье, затем служба в Финляндии (крепость Або), потом вновь ссылка на Кавказскую линию — в 20-й донской полк Евсеева. Трудно избавиться от мысли, что благодарная Родина намеренно хотела поставить казацкого историографа под горские и турецкие пули. Но казака, очевидно, берег казацкий Бог — сотник Сухоруков воевал храбро, а для опального «самостийника» даже результативно: за кампанию 1828 г. он был награжден крестом Св. Владимира 4-й степени с бантом, а за героическое участие в штурме турецкой крепости Ахалцихе получил золотую саблю с надписью «за храбрость». В условиях постоянной гарнизонной жизни Василий Сухоруков не смог, конечно же, подготовить ни одного, более-менее целостного исторического исследования. Существовал негласный запрет военного начальства о недопущении Сухорукова к копиям архивных документов. В 1837 году командующий войсками Кавказской линии, генерал-лейтенант Алексей Вельяминов, вообще благоволивший к Сухорукову, намеревался назначить его секретарем Ставропольского статистического комитета и поручить приведение в порядок местных архивов. Однако на рапорте Вельяминова, военный министр А.И. Чернышев недрогнувшей рукой начертал: ***«Евсеева полка сотника Сухорукова употреблять только по кордонной службе»***, при этом слово «только» было многозначительно подчеркнуто! Только в 1839 году — через 12 лет! — Василию Дмитриевичу удалось добиться откомандирования на Дон, в распоряжение Новочеркасского войскового статистического комитета. А 14 апреля 1841 г. по выслуге лет есаул Василий Дмитриевич Сухоруков был уволен со службы — без наград…

Известно, что большевистская власть имела обыкновение выпускать своих узников из тюрем и лагерей буквально накануне смерти — коммунистические «доктора Менгеле» умели безошибочно определять, что физическая оболочка конкретного человека уже исчерпана, а смерть стоит у него за плечами. Об этой позднейшей отечественной «традиции» невольно вспоминается, когда видишь дату смерти казацкого историографа — 13 августа 1841 года. С момента отставки до дня смерти Василия Сухорукова прошло ровно 4 месяца![24]

---

[24] Александр Пушкин, пребывая в своеобразной ссылке на Кавказе, имел случай близко познакомиться с Василием Сухоруковым в Тифлисе. Впоследствии, в комментарии к своему очерку «Путешествие в Арзрум» поэт писал: «Вечера я проводил с умным и любезным Сухоруковым, сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностию и удачей. Ограниченность его личных желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены». Увы, предчувствие (а вернее — знание Петербурга) не обмануло великого русского поэта: «матушка-Россия» с маниакальной методичностью не позволила казацкому энциклопедисту реализовать свой редкостный дар исследователя. В 1871 г., в тридцатую годовщину смерти В.Д. Сухорукова, известный казацкий историк А.А. Карасев писал: «Имя его до сих пор с благоговением произносят в донских палатах и хижинах. Эта личность, обязанная своей известности единственно своему светлому уму, прекрасному образованию и постоянному труду, испытала много горя, в котором и сошла в могилу». См. подробнее: *Карасев А.А.* Василий Дмитриевич Сухоруков — донской писатель// Русская старина. 1871. Т. 3. — С. 236–240.

Среди казацких офицеров и национальной интеллигенции В.Д. Сухоруков еще при жизни пользовался большой известностью и искренними симпатиями. С помощью почти детективной схемы, казакам удалось получить разрешение Военного министерства на изготовление списка-копии с рукописи «Исторического и статистического описания Войска Донского», хранящейся в Петербурге. В 1841 году — накануне смерти В.Д. Сухорукова — чиновники военного ведомства отослали, наконец, копию рукописи в распоряжение войскового статистического комитета в Новочеркасске. Однако получение рукописи о национальной истории народа казаков еще не означало возможность ее публикации в Российской империи. 26 лет — свыше четверти века — российское самодержавие под тем или иным предлогом запрещало издание книги Сухорукова. Только в 1867 г., уже после отмены крепостного права и некоторой либерализации государственной цензуры, стараниями донских краеведов — этнических казаков Х.И. Попова, А.М. Савельева и А.А. Карасева удалось опубликовать существенно сокращенную и «подчищенную» первую часть фундаментального труда казацкого историографа.

Навязчивая идея «русификации» казаков. Обзор этнокультурной политики Российской империи и господствующих общественных настроений второй половины XIX века в отношении казачества демонстрирует, увы, не слишком оптимистическую картину. На всех этажах собственно великорусского общества (от националистов-славянофилов до ориентированных на Европу, близких ко двору либералов) казацкий народ рассматривался только в одной смысловой парадигме: как архаичный осколок беглокрестьянского сообщества, который следовало постепенно «русифицировать». Каждая политическая страта великорусской столичной элиты усматривала свои собственные резоны в «русификации» казаков. Националисты-славянофилы рассчитывали тем самым укрепить весьма эфемерное (как показали грядущие революционные события) единство русского народа. Либералы и социалисты видели в «русификации» казаков надежное средство для лишения самодержавия внутренней милитаристской опоры. Примечательно, что даже государственники-монархисты выступали за «русификацию» казаков: им казалось, что тем самым будет ликвидирована потенциальная возможность для возникновения на Юге России республиканских, основанных на казацкой демократической традиции, социальных движений.

Заметим вновь, что подлинная русификация казаков (равно как и других, этнически уже сформировавшихся к XIX столетию народов), конечно же, была невозможна. К этому процессу не был готов ни сам великорусский народ, не сумевший выработать приемлемой для других восточнославянских народов «общерусской» парадигмы, ни интернациональная по крови и духу монархическая система Российской империи. Великорусский этнос, надломленный псевдореформой патриарха Никона и не менее катастрофичными в этническом плане реформами Петра I, даже к рубежу XX века не смог обрести внутренний стержень гармонично сформированной нации. Великорусы не обладали, к сожалению, внятной общенациональной парадигмой даже своего собственного этнического развития. Русское общество не имело ни общепризнанного единого этнического стереотипа поведения, ни навыков эффективной этнополитической самоорганизации. Интернациональная государственная система Российской империи продуцировала в идеологическом аспекте только ретроградные православно-старомосковские мифологемы, не способные увлечь даже самих великорусов, не говоря уже о казаках и украинцах.

Жесточайшая антиказацкая политика Советского государства методом «от противного» доказала: только массированным применением практик геноцида казацкий народ можно было «перелицевать в русских». Для успеха такой «русификации» большевикам потребовалось страшными методами демоцида и этноцида полностью разрушить традиционную культуру казачества, демонизировать и исковеркать этнопсихологический менталитет казацкого населения. Симптоматична и такая деталь: в итоге «красной вивисекции» так называемые «советские люди» Юга России (в генетическом отношении русско-украинско-казацкий микст) оказались начисто лишены всякой внятной этничности (в том числе и великорусской).

Во второй половине XIX в. противоречие между умозрительной потребностью в русификации казаков и объективной невозможностью практически реализовать этот процесс привело к возникновению практики квазирусификации или «русификации» в кавычках. Великорусская интеллигенция в идеологической сфере ушла в «глухую защиту», т.е. бездоказательно, бесперспективно, но очень последовательно стала отрицать наличие самобытной этнической субъектности казацкого народа — упорно именовать казаков «ветвью великорусов». Чиновники Российской империи действовали столь же последовательно в административном дискурсе: казаков методично лишали суверенных прав и демократических традиций, одновременно обременяя их все более тяжкими формами «барщины кровью» и неподъемными государственными повинностями.

Массовый поток мигрантов на земли Присуда. В 1868 году, в тяжелой атмосфере взаимного русско-казацкого недоверия последовало роковое решение кабинета Александра II, разрешающее переселенцам неказацкого происхождения свободно приобретать собственность (усадьбы) на землях Казацких Войск[25]. Негативный эффект нового закона был усилен предоставлением крестьянам права свободного отказа от собственного земельного надела на территории Великороссии и Малороссии (Указ 1870 г.). Эти скоропалительные «крестьянские» инициативы Петербурга привели, в конечном итоге, к тяжелейшим этнодемографическим диспропорциям на казацких землях Юга и Востока России.

С 1868 года с территории внутренних областей Великороссии и Слободской Украины на Дон, Кубань, Терек и Урал потянулся бесконечный поток частью обездоленных, а частью просто желающих устойчивого заработка людей, которые по своей этнической культуре и менталитету не имели ничего общего с «казацким миром». Поток генетически и ментально чуждых казачеству переселенцев с каждым годом все ширился, достигнув к началу второго десятилетия XX века состояния переселенческого «цунами». Спонтанное, никак неподготовленное в материальном плане прибытие сотен тысяч крестьянских «колонистов» на земли Войск стало причиной резкого усиления здесь русско-казацких межэтнических противоречий. Как оказалось впоследствии, имперская власть собственными руками создала на казацких землях России обширную социальную базу для военных формирований большевиков. Рассмотрим, в качестве примера, как складывались к рубежу XX столетия межнациональные отношения на территории Войска Донского — старейшего и, бесспорно, центрального во всех отношениях Войска Казацкого Присуда.

[25] Закон 1868 г. «О дозволении русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях Казачьих войск, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества». — СПб.: Тип. Министерства Внут. Дел. Отд. оттиск: 1868.

Первоначально самым массовым переселенческим элементом на Дону стали украинцы. Первые «хохлы» (впоследствии это наименование перешло вообще на всех инонациональных переселенцев славянского происхождения) бежали со своей родины из-за резко ухудшившихся условий жизни в Украине после включения последней в состав империи. С 1719 по 1763 гг. приток украинцев на Дон беспрерывно увеличивался. Если с 1719 по 1730 гг. в выборочно взятых восьми донских станицах (Усть-Аксайская, Манычская, Багаевская, Бессергеневская, Мелеховская, Усть-Медведицкая, Луганская, Каменская) поселился всего 21 украинец, то в период 1731–1740 гг. — в эти станицы перебралось уже 86 «хохлов», с 1741 по 1750 гг. — 235, с 1751 по 1763 гг. — 522 украинских переселенца. Аналогичные процессы наблюдались и в других станицах. Особенно массово заселялись «хохлами» приграничные с Украиной районы Войска Донского: бассейн реки Донец, Миусский и Донецкий войсковые округа[26].

Вторая массовая волна переселения украинцев на Дон началась после 1775 года — с черной даты уничтожения и разграбления имперскими войсками Запорожской Сечи[27]. Распродажа великорусским, остзейским, польским и всем прочим помещикам земельных владений Запорожской Сечи вызвала невиданный исход украинского населения со своих родовых земель. Органично присущее народу Украины свободолюбие не позволяло даже самым беднейшим слоям населения идти в кабалу к новым владельцам земель запорожского казачества. Косвенно способствовала оттоку украинского населения на земли Войска Донского и центральная власть. 10 июля 1774 г. Россия и Турция подписали Кючук-Кайнарджийский мирный договор, согласно которому во владение Российской империи переходило черноморское побережье с крепостями Керчь, Еникале, Кинбурн. Официальное присоединение Северного Причерноморья побудило Россию начать активное освоение южнодонских земель в районе Таганрога и Миусского округа, переданных в административное управление Войску Донскому. Для заселения этих плодородных земель русское правительство приглашало всех желающих, однако первыми на земли близ Таганрога очень скоро пришли именно украинцы. Расселение малороссиян (так имперская власть именовала украинцев) на землях Войска Донского было узаконено Указом императрицы Екатерины II от 24 мая 1779 г. Сразу же после выхода Указа 300 украинских семей переселились в Миусский округ Войска Донского, основав существующие доныне села Покровское, Троицкое и Никольское. После введения в 1783 году на Украине крепостного права уход, а вернее бегство украинцев на Дон приняло лавинообразный характер. В результате к 1796 г. — последнему году царствования Екатерины II, на землях донских казаков уже проживало 54.628 «хохлов» только мужского пола. С учетом женщин и детей эту цифру можно смело увеличить втрое. Катастрофичность размывания казацкого народа пришлым населением станет понятна, если учесть, что все население земель Войска Донского к этому времени составляло всего 300 тысяч человек (обоего пола)[28].

---

[26] *Тикиджьян Р.Г.* История и культура народов Донского края и казачества. — Ростов н/Д: ООО «Донской издательский дом», 2010. — С. 272.

[27] Генерал-губернатор Новороссийского края Григорий Потемкин 20 апреля 1776 г. специальной депешей сообщил Екатерине II, что при уничтожении Запорожской Сечи русскими войсками было конфисковано ценностей (золота, драгоценностей, валюты) на 120 тысяч рублей золотом. Основную часть этой огромной по тем временам суммы составляла войсковая казна Запорожской Сечи, хранившаяся казаками в образцовом порядке.

[28] *Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ.соч. — С. 279.

Уходить с разоренной, стиснутой в крепостническом ярме Украины, действительно, было куда. Немецкий ученый, академик Иоганн Гильденштедт, путешествуя по территории Войска Донского, был восхищен благоустройством и изобильностью земли донских казаков. ***«Здешняя земля,*** — отмечал академик, — ***создает роскошные условия для жизни: почва плодородна, сенокосы обильные и доброкачественные, полнейшая возможность разводить виноград и семенные породы деревьев, как дуб, берест и граб. Много чистейшей ключевой воды и в колодцах можно находить очень хорошую воду. <…> Ночью мы ловили рыбу: одним неводом в тысячу саженей длины и в полторы сажени ширины вытащили 60.000 штук рыбы. Большой судак длиною в пол-аршина называется на Дону сулою, а маленький подсулком. Цены на рыбу мизерные. Свежая сула продается по 5 руб. — тысяча штук, а подсулок по 1 руб. 50 коп. <…> Весною, во время метания икры, всей этой рыбы множество. Особенно тарани такая бездна заходит в Дон, что ее на берегу загребают лопатами. Всю эту мелкую рыбешку, эту тарань, когда она только не больше фута в длину, называют здесь просто «боковней». На воз, запряженный парою волов, наваливают этой боковни до 5000 штук и продают на Украине по 10 рублей за 1000»***[29].

Стимулировала переселение украинцев на Дон и та атмосфера духовной и социальной свободы, которая — как ни силились ее уничтожить петербургские администраторы — объективно присутствовала на землях Войска. Немалое значение для вектора миграции имела, по-видимому, и единая в своих основах генетическая субстанция донских казаков и украинцев, восходящая, в значительной мере, — к древнему генофонду казаков-запорожцев. Замечательный казацкий историк Ис.Ф. Быкадоров в своем главном труде «История казачества» неоднократно подчеркивал, что так называемые «малорусы» — исторические черкасы Поднепровья — стали демографической основой «из которой составилось Донское казачество».

Заселение берегов Дона казаками-черкасами началось, по-видимому, еще в эпоху Средневековья. В грамоте царя Федора Иоанновича — сына Ивана Грозного, отправленной в 1586 году турецкому султану Мураду III, указывалось, что ***«живут на Дону и на Донцу многие черкасы литовского короля»***. Даже Черкасский городок, первую столицу Войска Донского (с 1644 по 1805 гг.), основали казаки — выходцы с Днепра. Василий Сухоруков, в этой связи, отмечал: ***«В одном акте XVII века сказано, что черкасы из Запорог, со всею рухлядью своею*** [с имуществом. — Н.Л.], ***являлись сюда человек по 10, по 20 и по 50, селились особо, как с достоверностью полагать должно, близь главного городка, ибо их беспрерывно видим в оном городке участвующих в предприятиях и торжествах удалых донцов. Их-то поселение, городок, думаю, казаки назвали Черкасским, то есть принадлежавшим черкасам»***[30].

Можно, по-видимому, согласиться с известным историком Южной Руси Н.И. Костомаровым в его оценке вклада украинских казаков в становление «казацкого мира» на

---

[29] *Гильденштедт И.А.* Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773—1774 гг. (Перевод с немецкого М. Шугурова)// Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Т. 11. — С. 198.

[30] Цит. по: *Астапенко М.А., Астапенко Е.М.* История Донского края. — Ростов н/Д, 2005. — С. 587.

Дону. ***«Украина подала помощь этому обществу*** [донских казаков. — Н.Л.] ***и населила берега Дона своими детьми. Как ни темна первая история донского казачества, но что малороссийская народность участвовала в его закладке и воспитании — это лучше всяких исторических памятников доказывает нынешний язык донских казаков: среднее наречие между малороссийским и великорусским языками».*** Украинцы, переселившиеся на Дон до катастрофичного по последствиям закона Александра II (1868 г.) о свободе приобретения на казацких землях усадебной недвижимости, составили абсолютное большинство так называемых коренных крестьян.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и пояснить основные социально-демографические термины, которыми оперировали государственные чиновники Российской империи на землях Казацких Войск.

Эвфемизмы империи в борьбе с казацкой этничностью. В рамках политики имперской «русификации» казацких земель официальный Петербург старался в максимальной степени затушевать объективные этнические отличия казаков от все более массово прибывающего на их родовые земли инонационального славянского населения. Для этой цели в официальную административную лексику настойчиво внедрялись невнятные, в смысловом отношении даже странные эвфемизмы, призванные замаскировать фразеологической ретушью существенные отличия казацкой этничности от национальных особенностей других славянских народов, прежде всего великорусов[31].

Российские чиновники использовали, в основном, два термина: **коренное крестьянское** население и **иногороднее** население. Создателей этих эвфемизмов совершенно не смущала их смысловая противоречивость, даже нелепость. На землях Войска Донского, например, в принципе не могло быть **«коренного крестьянского»** населения, поскольку все земледельческие работы у казаков, вплоть до эпохи Петра I, осуществляли либо ясыри (пленные чужаки, фактически рабы), либо нанятые инонациональные батраки. В исторической ретроспективе крестьянское население никак не могло быть «укоренено» ни на Дону, ни в других Войсках Присуда. Под диктатом империи в новом для них, крестьянском быту вынуждены были «укореняться» сами казаки, поскольку после присоединения Присуда к Российской империи традиционная для казаков набеговая система оказалась под полным запретом. Кроме того, обязательная многолетняя служба всего мужского населения Казацких Войск требовала значительных и регулярных денежных поступлений, возможных только при систематическом функционировании сельскохозяйственного производства. В позднейшие времена, в Приазовье и Донбассе украинские «коренные крестьяне» — в полном противоречии со своим наименованием — зачастую работали на заводах и шахтах, постоянно жили в городах и рабочих поселках.

Продираясь сквозь завесу эвфемизмов, с известной, но допустимой долей обобщенности можно понимать под «коренным крестьянским населением» земель Войска Донского,

---

[31] Эвфемизм — невнятное по смыслу и вялое по эмоциональной нагрузке слово или словосочетание, используемое в публичной политике для обозначения объективных, очевидных явлений, которые невозможно скрыть и одновременно крайне нежелательно обозначить для общественного сознания их подлинный смысл. Обычно эвфемизмы используются для введения в заблуждение тех социальных (или этнических) групп населения, негативной реакции которых наиболее опасаются власть предержащие. В политической сфере России, причем при всех исторических генерациях этого государства, использование эвфемизмов являлось постоянной практикой.

прежде всего, значительный массив обрусевших украинцев, осевших до 1887 года на землях Нижнего Дона, Приазовья и Восточного Донбасса. Украинские переселенцы, как уже отмечалось выше, стали причиной появления на Дону бытовой клички «хохол», которой в просторечии казаки-станичники «награждали» всех неказаков вообще, включая русских переселенцев[32]. В состав «коренного крестьянского населения» локальными этническими анклавами входили также греческие и немецкие колонисты, небольшие поселения великорусов. Однако эти локальные вкрапления в целом не могли изменить преимущественно украинскую основу донского «коренного крестьянства».

Невероятным по своей нелепости был другой эвфемистский шедевр империи — «иногороднее население». Этим термином на землях Войск обозначали, в основном, крестьян-переселенцев из обнищавших деревень Великороссии, которые вынужденно переселились на казацкий Юг и никогда не имели никакого отношения к городской среде. Эвфемизм «иногородние» с особой последовательностью навязывался имперскими чиновниками общественному сознанию кавказских Казацких Войск. На рубеже XX века этот эвфемизм очень прочно вошел в северокавказский, а с началом революционных событий 1917 года — и в общероссийский политический сленг. По общей демографической массе «иногородние» существенно превосходили «коренных крестьян». Можно предположить, что своим возникновением этот эвфемизм обязан крайне неприязненным, почти враждебным взаимоотношениям, которые постепенно установились на землях Присуда между казаками и крестьянами-переселенцами из Великороссии. Не придумай кто-то из царских администраторов этот «спасительный» термин — пришлось бы признавать наличие постоянных этнических противоречий, а то и острой вражды между переселенцами-великорусами и казаками (т.е. согласно русификаторской мифологеме Петербурга другими «русскими»).

Межэтнические противоречия: причина поддержки режима РКП(б) неказацким населением Присуда. Бессмысленная «русификация» казаков, сковавшая государственным «вето» развитие самобытной казацкой этничности дорого обошлась, в конечном счете, и самодержавию Романовых, и в целом — славянскому населению Юга России. Массовый наплыв переселенцев с севера не способствовал межнациональному согласию на землях Казацкого Присуда. Напротив, закон 1868 г. создал на землях казаков очаг межэтнической напряженности высокой интенсивности. Самообман «общерусскости» помешал увидеть без прикрас все более крепнущую, почти антагонистическую враждебность между казаками и русскими переселенцами. Имперская власть не пыталась купировать русско-казацкие противоречия методами своевременного государственного регулирования. Межэтническую рознь «заговаривали» ура-патриотическими словесами, круто замешанными на православной буколике и ретроградном монархизме. В конечном счете, пресловутая «православная симфония» претерпела на землях всех Казацких Войск полный крах. А в Области Войска

[32] В очерках «Русская Вандея» генерал-майор, этнический казак А.В. Голубинцев описывает одного такого «хохла» по фамилии Капустин — ярого сторонника большевиков. Капустин работал сапожником в станице Усть-Хоперской. Судя по географическому расположению этой станицы на северо-востоке Войска Донского и подчеркнуто великорусской фамилии, «хохол» Капустин (в числе прочих таких же «хохлов» Усть-Хоперской) не имел к этническим украинцам никакого отношения. См. подробнее: *Голубинцев А.В.* Казачья Вандея: (современное переиздание). — М.: Вече, 2012. — С. 17.

Донского вызрел жесточайший этнополитический русско-казацкий кризис, разрешившийся в 1918 году отчаянной и бесперспективной для обеих сторон национальной войной.

Катализатором нарастания русско-казацкого противоборства на Дону выступил, как ни странно, «украинский фактор». Дело в том, что переселившиеся на земли Войска Донского украинцы достаточно быстро утрачивали собственную (малороссийскую) этничность. Под воздействием одновременно и казацкой, и великорусской этничности (также широко представленной на Юге России) украинцев отчаянно «шатало», если можно так выразиться, между двумя противоположными этническими берегами. В преимущественно казацком окружении украинцы — их облик, жилище, быт и даже обычаи постепенно «оказачивались», становились практически идентичными таковым у этнических казаков. В великорусской среде украинцы, напротив, искренне и очень быстро русифицировались, органично усваивали не только внешние проявления, но и внутреннее содержание русского мироощущения — зачастую становясь при этом в ментальном отношении более «русскими людьми», чем сами великорусы. Эти две противоречивые, на первый взгляд, но объективно присутствующие тенденции отмечали практически все историки и этнографы, работавшие в предреволюционные годы на земле Войска Донского.

Превосходное по наблюдательности описание указанных этнопсихологических тенденций имеется в капитальном труде известного казацкого географа и историка Владимира Богачева «Очерки географии Всевеликого Войска Донского»[33]. Вот, например, этнографическая зарисовка взаимного позитивного влияния казаков и украинцев — практически культурной синергии двух, очень близких по генофонду и культуре, народов. «*Население Донецкого округа*, — отмечает В.В. Богачев, — *состоит из 183.000 казаков и 385.000 неказаков. Среди казаков сильно заметны следы малороссийского происхождения одних родов и малороссийского влияния на другие. Хуторские постройки иногда ничем существенно не разнятся от малороссийских хат. Здесь многие предметы домашнего обихода имеют чисто малороссийские названия и неотличимы от малороссийских, хотя бы даже и сделаны мастерами-казаками. Преобладающая в округе масса крестьян, за малыми исключениями, выходцы из Малороссии*». Очевидно, что в таких этнополитических реалиях невозможно даже предположить наличие неразрешимых межнациональных противоречий между казаками и так называемыми «коренными крестьянами», т.е. украинцами.

Совершенно иное — настороженное и скорее враждебное отношение к казакам проявляли украинцы, жившие в северо-восточных округах Войска Донского с преобладающим «иногородним», т.е. великорусским населением. Органичная «русификация» украинцев явно не способствовала возникновению между последними и казаками заинтересованного, конструктивного межнационального диалога.

«*Большинство донских крестьян*, — обобщает свои полевые изыскания 1917 г. Владимир Богачев, — *малорусского происхождения, но язык их значительно уже приблизился к великорусскому. <...> В одежде не сохранилось ничего самобытного. Нам не приходилось слышать малорусских песен, равным образом, в значительной степени утратились, почти совсем исчезли, обряды, народные обычаи. <...> Природное благо-*

[33] *Богачев В.В.* Очерки географии Всевеликого Войска Донского. — Новочеркасск: Типография Управления Артиллерии ВВД, 1919.

душие и спокойный характер малороссов прошлых веков изменились под влиянием нужды и тяжелой судьбы, их постигшей. Переселившись с родины в надежде на полную волю и богатство, крестьяне обманулись в расчетах, хотя все-таки на Дону было жить легче и сытнее. ***Отношение крестьян к казачеству очень сдержанное и мало дружелюбное*** [выделено нами. — Н.Л.]».

Чуть ниже, характеризуя этническую ситуацию в Таганрогском округе Войска В.В. Богачев специально подчеркивает, что на украинцев «*сильно сказывается влияние великороссийское*», а причина этого — «*влияние школы, военной службы и отхода молодых женщин и девушек на заработки*».

В эпопее вооруженной борьбы этнических казаков с режимом РКП(б) украинцы Юга России заняли двойственную позицию. С одной стороны, имели место случаи добровольного перехода украинцев, причем целыми селами — особенно на Кубани, на сторону героически сражавшихся казацких повстанцев. С другой стороны, очевиден факт, что значительное большинство украинских «коренных крестьян» в ходе Гражданской войны приняли сторону победителей, т.е. Красной Армии, основной социальной базой которой на территории Казацкого Присуда (и в других областях Российской империи) стало великорусское крестьянское население.

Двойственность и первоначальная нерешительность украинцев в вопросе — на чьей же стороне принять участие в развернувшейся грандиозной борьбе 1918—1920 гг. — в значительной мере были компенсированы для Красной Армии высоким качеством командного состава, которое обеспечили именно «хохлы». Без преувеличения можно утверждать, что наиболее эффективный командный состав был представлен в РККА именно донскими украинцами. Вне участия в Гражданской войне на стороне «красных» фактического организатора Первой Конной армии Бориса Думенко (1888—1920)[34], его преемника, будущего маршала Советского Союза Семена Буденного (1883—1973), командира «Стальной дивизии» Дмитрия Жлобы (1887—1938), члена РВС 1-й и 2-й Конных армий Ефима Щаденко (1885—1951) трудно, а вернее — невозможно представить финальную победу большевиков.

Весьма примечательна в этой связи личная позиция Бориса Думенко по отношению к Советской власти: ***«Мы боремся на Дону, пока Советская власть поддерживает нас в борьбе против казаков, если Советская власть этого делать не будет, — мы уйдем в Сибирь, получим там такие же наделы земли, но тогда уже нам Советская власть не нужна»***[35]. Позиция Думенко заявлена предельно четко — на Дону идет этническая война, и эта война ведется

---

[34] *Думенко Борис Мокеевич* (1888 — 11.05.1920) — уроженец хутора Казачий Хомутец Области Войска Донского. До призыва в армию работал по найму табунщиком. С детства блестяще овладел казацкими приемами сабельного боя. Участник Первой мировой войны, с 1917 года — вахмистр. Фанатично ненавидел этнических казаков. Являясь убежденным антисемитом, тем не менее, всецело поддержал Советскую власть как эффективный военно-политический механизм борьбы с казаками. Сформировал 1-ю Донскую кавалерийскую бригаду, развернутую затем в Конно-сводный корпус РККА. Открыто высказывал антисемитские взгляды, пытался изжить в своем корпусе «засилье комиссаров». Остро конкурировал за влияние в РККА с Буденным и Жлобой. Арестован весной 1920 г., по наиболее обоснованной версии — по личному указанию Льва Троцкого. Расстрелян глубокой ночью 11 мая 1920 г., вместе с другими членами своего штаба, на окраине Братского кладбища Ростова-на-Дону. Постановление о расстреле подписал председатель судебной «тройки» Антон Розенберг.

[35] Цитируется в интерпретации председателя Ростово-Нахичеванской парторганизации ВКП(б) С.Ф. Васильченко. — ГАРО. Ф.4. Оп.1. Д.4. Л.44.

с казаками. Роль Советской власти, по мнению красного комкора, только служебная: она признается «своей» — пока и поскольку с ее помощью уничтожается этнополитическое доминирование казаков на Юге России. Любопытно, что в случае проигрыша войны с казаками, украинец Думенко планирует переселение не в родную Украину, а в русскую Сибирь. Очевидно, что в плане личной этнической самоидентификации, такие большевистские деятели, как Думенко, Буденный, Щаденко, Жлоба, Васильченко и другие украинцы-большевики, прочно отождествляли себя именно с великорусами, но никак не с украинцами-самостийниками.

Если русифицированные украинцы, вместе с волевыми еврейскими комиссарами и «железными» латышскими стрелками, являлись мозгом и нервами Красной Армии, то основным этносоциальным мускулом, «пушечным мясом» РККА стали, бесспорно, русские простолюдины, а на Юге России, в первую очередь, — «иногородние». Сотни тысяч распропагандированных великорусских крестьян, рабочих и батраков оказались в годину революции для Казацких Войск подлинным «тяжким молотом» — как поется в известной революционной песне. Этим «молотом» большевики безжалостно дробили в куски традиционный казацкий миропорядок, пытаясь создать новый коммунистический мир, в котором «тот, кто был ничем — станет всем». Увы, в этом созданном на костях казацкого народа «новом мире» ни великорусы, ни донские украинцы так «всем» и не стали.

«Иногородние» переселенцы в борьбе против «народа-помещика». Крестьяне-переселенцы из Великороссии стали особенно интенсивно прибывать на Дон в пореформенный период (1868–1900 гг.), а затем в период аграрной реформы Петра Столыпина. Этот долговременный этнодемографический процесс, который в итоге привел к самым роковым последствиям для казацкого народа, имел в основе несколько объективных социально-экономических факторов. Основной из них, как указывалось выше, был связан с экономическими последствиями освобождения крестьян Великороссии от крепостной зависимости в условиях недостатка пахотной земли. Внезапно появившаяся огромная «орда» фактически безземельных, но лично свободных русских крестьян севера и центра России была вынуждена искать заработок вдали от родных деревень, а потому активно перетекала на Юг страны, где уровень жизни сельского населения был существенно выше.

С другой стороны, к рубежу XX века резко обозначилась экономическая несостоятельность традиционной (феодальной в сущности) практики самоснаряжения этнических казаков на военную службу империи. На материальное обеспечение воинской повинности (покупку воинской «справы», холодного оружия и строевых коней) у рядовых станичников уходила примерно половина средств, полученных с так называемого «середняцкого» хозяйства. Земельное же (паевое) обеспечение казака за 75 лет (до 1917 года) сократилось примерно в три раза — и это притом, что расходы среднеобеспеченной казацкой семьи на обмундирование и снаряжение сына в службу также возросли более чем в три раза. В предреволюционные годы постоянно увеличивалось число казацких семей, неспособных снарядить своих сыновей на службу за собственный счет и вынужденных прибегать к финансовой помощи станичной, либо войсковой казны. Чтобы избежать постепенного обнищания многие семьи казаков были вынуждены сдавать свои земляные паи (наделы) в обработку «иногородним». Сложная экономическая ситуация в Казацких Войсках была хорошо известна

Большая семья казаков из ст. Ставропавловской Терского Войска. 1913 г.
(Архив Э.В. Бурда)

имперскому правительству. По данным комиссии генерала Н.А. Маслаковца уже к 1897 г. только 52% семей донских казаков самостоятельно обрабатывали свои земляные наделы. Остальным казацким семьям приходилось сдавать свои земельные паи в аренду «иногородним» переселенцам[36]. Нередко арендное землепользование вводилось в принудительном порядке — по решению станичных правлений, а доходы от арендных выплат направлялись для погашения уже накопленных долгов конкретных хозяйств перед Войском[37]. Так, помимо своей воли — силою неодолимых, вызванных многолетним измором «барщины кровью»

---

[36] В 1897 г. на Дону работала специальная комиссия по изучению экономического положения Войска Донского во главе с генерал-лейтенантом Н.А. Маслаковцом. По итогам этого обследования члены комиссии пришли к заключению, что только 21% донского казацкого населения существуют в благоприятных экономических условиях, позволяющих нести все тяготы воинской повинности, для 45% семей казаков это сопряжено «со значительными потрясениями хозяйственного быта», а 34% казацкого населения было отнесено к несостоятельному. Особенностью военной машины Российской империи являлась крайняя инертность в принятии инфраструктурных решений, поэтому изучение социальных тягот донских казаков было продолжено. В 1900 г. на Дон прибыла уже специальная инспекция Военного министерства, лично возглавляемая военным министром, будущим «героем» Русско-японской войны, генералом А.Н. Куропаткиным. Итоговые выводы этой инспекции ничем не отличались от заключения комиссии генерала Маслаковца.

[37] *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — С. 74.

обстоятельств, казаки сами отрывали «волчью яму» для своей этничности. Многочисленный инонациональный элемент, попадая на земли Присуда, не испытывал, конечно, никакого пиетета по поводу неотъемлемых прав казацкого населения на владение землей своих предков. «Иногородние» крестьяне чурались воинских традиций казачества и совершенно искренне считали казаков «народом-помещиком».

Отсутствие специальных исследований не позволяет однозначно утверждать, что казаки и «иногороднее» великорусское население проявляли в межэтнических отношениях отрицательную комплиментарность на землях Войск[38]. Вместе с тем, многочисленные свидетельства очевидцев русско-казацких межнациональных контактов показывают, что эти взаимоотношения в начале XX века вряд ли можно оценить как братские или хотя бы партнерские. Эта печальная реальность сформировалась, конечно, в результате объективных исторических процессов, предопределенных, в свою очередь, этнополитической стратегией имперского Петербурга. За долгие века крепостной зависимости от помещиков, за многие десятилетия экономической скудости, политического и социального бесправия в русском крестьянском слое сформировалась устойчивая, закрепленная, возможно, на ментальном уровне ненависть к обеспеченным, успешным землевладельцам. Эту ненависть великорусский крестьянин при определенных условиях облекал в бунты, сожжение помещичьих усадеб, в жестокие физические расправы над всеми, кто только мог попасть под известное русское определение «мироед». В реальной истории России жертвами этой, часто иррациональной, крестьянской ненависти становились и помещики, и богатые арендаторы, и выделившиеся из деревенской общины великорусы-хуторяне, и даже просто состоятельные односельчане — так называемые «кулаки». Историк И.С. Полищук в обстоятельной статье, посвященной русскому этническому менталитету, отмечает: «Социальный мир крестьянской бедноты питался общинно-уравнительной психологией, отрицательным отношением к состоятельности, собственности, зажиточности тех людей, которые успешно вели свое хозяйство. **Именно на бедноту, батраков Советская власть делала ставку как на свою опору в деревне. Это были антикулацки и антинэповски настроенные люди, которые несли в своем ментальном сознании завистливую озлобленность, классовую непримиримость, нетерпение** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[39].

В случае с казаками органичная озлобленность русского крестьянства подогревалась еще и сознанием резких различий между казацкой и великорусской этничностью. Стереотипы поведения, общенациональные этнопсихологические мотивации этих двух народов демонстрировали значительное несовпадение, а в иных случаях даже взаимное отторжение, особенно в ситуации тесного межэтнического контакта. Практически все наблюдатели, кто имел возможность воочию наблюдать за бытовыми взаимоотношениями этнических казаков и крестьян-великорусов констатировали взаимную неприязнь, плохо скрываемую враждебность друг другу этих двух этносов.

Во второй половине XIX в. Лев Толстой, наблюдая на Кавказе за взаимоотношениями казаков и русских солдат, констатировал: ***«казак, по влечению*** [своего менталитета. — Н.Л.], ***менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который***

[38] Комплиментарность — подсознательное ощущение взаимной симпатии (или антипатии) контактирующих этносов, которое определяет принципиальное деление на «своих» и «чужих». (По Л.Н. Гумилеву).

[39] *Полищук И.С.* О русском менталитете // КЛИО. Журнал для ученых. № 1(28). 2005. — С. 209.

стоит у него, чтобы защищать его станицу». Резюме великого писателя и вовсе неутешительное: ***«русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо»***[40]. В те далекие годы эта нелицеприятная характеристика казацко-русских взаимоотношений, увы, отражала реальную межэтническую коллизию.

Этнограф Михаил Харузин, идеологически близкий к славянофилам, имел возможность во время своих полевых экспедиций по землям Войска Донского в последней четверти XIX века близко наблюдать взаимоотношения великорусов и казаков. Эти картины были, к сожалению, совсем не безоблачными…

«Иногородних казаки не любят, — без ложной «политкорректности» объясняет М.Н. Харузин, ***— обзывают «русскими», «русью» и всячески притесняют, хотя, по словам самих же станичников, не могут без них обойтись.*** <…> ***Особенно в прежние времена тяжело было положение русских, — завидя, например, казака «иногородний» еще издали обязан был поклониться ему, если же он этого не сделает, то «самый последний казачишка» мог совершенно безнаказанно побить его*** <…> ***Со своей стороны и «иногородние» терпеть не могут казаков, обзывая их (особенно в верховых станицах) «чигой проклятой» и завидуя их богатству и обилию плодородных земель».***

Взаимная неприязнь между казаками и русскими проявлялась, как свидетельствует М.Н. Харузин, по самому незначительному поводу, а подчас и вовсе без повода. В станице Аннинской этнографу пришлось наблюдать очень неприглядную сцену взаимного казацко-русского отторжения.

«В праздник около шинка, — повествует Харузин, ***— столпились казаки, уже несколько подвыпившие. В это время к шинку пробирался один из иногородних крестьян, живущих при станице. Завидя его, некоторые из казаков стали браниться.***

— Ишь — русь-то!.. Русь ты проклятая!

Крестьянин остановился и, обернувшись, обратился к стоявшему ближе всех казаку:

— Ну, русь; добро. Да ты-то кто? Ведь и ты оттуда же, и ты русь…

— Как это я русь? — удивился казак.

— Ругаться лезешь?!.. Русь! Ишь ты… Мы тебе такую «русь» покажем, — зашумели в толпе казаки.

— Расея ты, говорю, — продолжал крестьянин, обращаясь все к тому же казаку: — что ж, коли не Расея?

— Нечего финтить-то: казак — так и называй, а то знаем и сами, что Расея»[41].

Перед нами типичный случай, позволяющий понять — отчего политика «русификации» казаков, призванная, по мысли имперских идеологов, сгладить имеющиеся противоречия в этнической идентичности казаков и русских, — в реальной обстановке, наоборот, провоцировала межнациональный конфликт. Великорус-крестьянин так много слышал от местных

---

[40] *Толстой Л.Н.* Казаки. Повести и рассказы. — М., 1981. — С. 158.

[41] *Харузин М.Н.* Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права. Вып. I. — Москва: Тип. М.П. Щепкина, 1885. — С. 128. См. также современное переиздание: *Он же*. Сведения о казачьих общинах на Дону: Материалы по обычному праву, собранные Михаилом Харузиным. — Ростов н/Д.: ООО «Издательство Артель», 2010.

чиновников, что казак — это такой же русский, как и он сам, что, в конечном итоге, искренне поверил в эту «русификаторскую» мифологему. Однако, в реальной обстановке брутальная пропагандистская схема немедленно пришла в противоречие с объективно ощущаемой национальной идентичностью конкретных людей. В результате несовпадения ожиданий и реальности возник бытовой конфликт, весьма далекий от межнациональной идиллии…

К началу революционной эпохи враждебные отношения между этническими казаками и переселенцами из Великороссии, к сожалению, не претерпели изменений в лучшую сторону. Казацкий писатель Федор Крюков в год празднования 300-летия Дома Романовых (1913) с грустью констатировал: «*...Вражда к русским здесь* [на Дону] *давняя, прочная и не меньшая, чем к «жиду» — в других местах. И также — упорная мечта выслать всех русских «за грань». И даже представители власти не прочь иногда поддержать и подогреть это заветное желание, дабы охранить девственное казачество, воинский дух его от тлетворного влияния иногороднего наплыва. <...> На почве этой «национальной» — как это ни странно звучит — вражды нередки и кровавые столкновения между казаками и иногородними. А мелкие стычки в обыденной жизни — обычное явление*»[42]. Как видим, даже Ф.Д. Крюков — глубокий, неординарный мыслитель, и тот оказался, в какой-то мере, в плену пропагандистского официоза о «русскости» казаков, коль скоро слово «национальный», характеризующее русско-казацкие межэтнические отношения на Дону, поставлено им в кавычки.

Отметим, что и в более раннее время (в начале XIX века) этнические казаки никогда не отождествляли себя с великорусским народом. Как подчеркивал историк Ис.Ф. Быкадоров казаки «*были русскими по отношению принадлежности к Русскому государству, но никогда — по отношению принадлежности к великороссам*». Выдающийся казацкий историк Е.П. Савельев, ссылаясь на этнографические наблюдения начала XIX века, разъяснял: «*...Казаки, несмотря на то, что стоят за Русь, что полки их оберегают ее окраины и что все они имеют рвение постоять за Царя, сами себя не считают русскими; если любому казаку предложить вопрос: «Разве ты не русский?» — он всегда с гордостью ответит: «Нет, я — казак!»*»[43].

Замкнутость этнического «казацкого мира», завидная монолитность казацкого народа перед лицом социальных и инонациональных вызовов настораживала, а подчас и пугала «иногороднее» великорусское население Дона, Терека, Кубани, других земель Присуда. Великорус-переселенец не усматривал даже в рядовом «середняцком» станичнике социального партнера, а суровые, имеющие военно-феодальные корни национальные обычаи казаков вызывали в крестьянской среде только раздражение. Казаки рассматривались «иногородними» переселенцами как своего рода милитаризованные помещики, способные в любую минуту применить вооруженную силу для защиты якобы узурпированного ими права на владение большими наделами плодородной земли.

Большевики сумели эффективно воспользоваться господствующим в косной крестьянской массе убеждением, что всякий казак — это милитаризованный помещик. Этот пропагандистский штамп активно насаждался большевиками в Красной Армии — по своему

---

[42] *Крюков Ф.Д.* «Колдовской процесс» // Русское богатство. 1913. № 12.

[43] *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. — М.: Вече, 2008. — С. 17–18.

составу в основном русской и крестьянской. Например, Иосиф Сталин в своей статье периода Гражданской войны, адресованной красноармейцам Южного фронта, гневно клеймил казачество как ***«коллективного, народного помещика»***[44]. После победного перелома в борьбе с Белым движением, на I Донской областной партийной конференции (2–5 июня 1920 г.) Советский режим официально закрепил за казаками контрреволюционный статус – «мелкие помещики». Некоторые особо ретивые делегаты этого большевистского форума специально подчеркивали, что термин «трудовое казачество» вообще не должен использоваться при разработке региональной политики РКП(б), поскольку все казаки ***«имели возможность эксплуатировать чужой труд»***[45].

Русские крестьяне-переселенцы, в отличие от петербургских интеллектуалов и чиновников, более трезво оценивали этнополитическую реальность, с которой они столкнулись на землях Казацкого Присуда. В своей абсолютной массе «иногородние» категорически не хотели считать казаков «русскими». Постепенно на землях Войск создались своего рода «качели» взаимного отторжения. Если казак видел в русском мужике «чуждое, дикое и презренное существо», то крестьянин оценивал казака как «помещика–мироеда», «вооруженного, наглого абрека», все отличие которого от чеченца или ингуша состояло только в том, что казак исповедовал Православие и сносно говорил по-русски. «Иногородние» на Дону чувствовали свое моральное превосходство уже и в том, что все промышленные производства региона создавались почти исключительно трудом русских рабочих, либо обрусевших украинцев. «Казаку только бы плетью махать, да добрых людей стращать!» – эту расхожую поговорку «иногородних» приводит в своих воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, генерал-майор И.А. Поляков.

Такая оценка имела, увы, объективное основание. За период с 1898 по 1917 гг., в ходе интенсивной индустриализации земель Войска Донского, резко выросло число переселенцев-рабочих, задействованных на промышленных предприятиях Ростова-на-Дону, Таганрога, Александр-Грушевска, других городов региона. К 1917 году, вместе с горнорабочими шахт Донбасса и железнодорожниками, на территории Войска Донского уже находился внушительный 225-тысячный отряд донских пролетариев. После революции 1905–1907 гг., в разгроме которой казацкие формирования приняли самое активное участие, русские рабочие стали крайне негативно относиться к особому статусу казаков на земле Дона. Любые проявления казацкого этнического менталитета встречали нетерпимое отношение в среде великорусского простонародья. «Иногородние» рабочие видели в казаках исключительно «нагаечников» – полицейскую обслугу царского режима, всегда исполненную решимости обрушиться на якобы угнетенного ими простолюдина. В равной степени с «иногородними» из крестьян, денационализированный русский пролетарий не мог простить этническим казакам их нарочитую приверженность своим национальным традициям, их веру в особую воинскую миссию казацкого народа, нежелание допускать этнически чуждых людей в свою этносоциальную среду.

Девиантность великорусской этносоциальной среды на рубеже XX века. Антагонистическая разобщенность противоположных социальных страт великорусского народа,

---

[44] *Сталин И.В.* К военному положению на Юге//Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. – М., 1947. – С. 286–287.

[45] ГАРО. Ф.4. Оп.1. Д.4. Л.71–72.

исторически возникшая после реформ патриарха Никона и Петра I, привела в своем генезисе к возникновению значительной девиантности великорусской этносоциальной среды в целом. Противоречивость ментальных стереотипов поведения у разных социальных групп великорусов, неразвитость общенационального архетипа, агрессивное отторжение традиционного православного мировоззрения, отсутствие четкой парадигмы национального идеала — эти и некоторые другие проявления этнических искривлений привели на рубеже XX века к стремительной интернационализации великорусского этносоциума. Интернационализация бытия и сознания великорусов («всемирность» — по Ф.М. Достоевскому) предопределила, в свою очередь, поразительную «глухоту» этого сообщества в части осознания и защиты собственно русских национальных интересов. Одновременно великорусы демонстрировали и весьма низкий уровень адекватного восприятия самобытности и этнических устремлений других народов. «В России веками не интересовались ментальностью народов, ее населяющих, — констатирует историк И.С. Полищук. — Вспоминали об этом, как правило, на крутых поворотах истории. Кровь того или иного человека, национальные идеалы и духовность не стали определяющими факторами в жизни российского общества»[46].

Американский этнолог Давид Бранденбергер в своем капитальном исследовании о формировании русского национального сознания в начале XX века отмечает: **«Из-за отсутствия последовательного массового национального самосознания — у русских не осталось практически ничего общего, кроме тенденции идентифицировать себя через оппозицию к нерусским народам. Действительно, насколько можно судить о проявлениях этнического самосознания у простых русских людей по архивным записям 1920-х — начала 1930-х годов, эти чувства были смутными и направленными скорее на отрицательную характеризацию других этнических групп, чем на положительные определения того, что значит быть русским. Объединенные в большей степени шовинизмом, нежели ясно выраженным национальным самосознанием, русские, когда они все-таки приписывали себе какие-то отличительные признаки, представляли собой этническое сообщество, которое определяло абстрактное, почти сентиментальное любование своими национальными страданиями и способностью переносить тяготы жизни** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[47].

Русско-казацкая межэтническая коллизия рубежа 20-х годов XX века может служить, к сожалению, убедительным примером научной объективности американского исследователя. Действительно, этнический стереотип поведения казаков, их воинские традиции, особое мировоззрение и бытовые обычаи — на несколько порядков более ярко выраженные, характеристичные, нежели аналогичные проявления этнической харизмы великорусов — вызывали у «иногородних» только жгучую неприязнь и последовательное, почти религиозное оттор-

---

[46] *Полищук И.С., 2005. Указ. соч. — С. 207.*

[47] *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального сознания (1931–1956). — СПб.: ДНК, 2006. См. электронная версия: krotov.info/Libr_min/02_b/ra/ndenberger_1.htm#t1. Российские этнологи Т.Д. и В.Д. Соловей отмечают, что даже среди современных русских «различным формам этнофобии подвержены около 60% населения», причем эта часть русского сообщества «настаивает на ужесточении политического и уголовного преследования любых националистических проявлений, не исключая русский национализм». См. подробнее: *Соловей Т.Д., Соловей В.Д.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. — М.: Феория, 2009. — С. 16.

Русские крестьяне-переселенцы на Южном Урале. Земли Оренбургского Войска. Начало XX в.

жение. «Иногородние» с энтузиазмом, достойным лучшего применения, «смаковали» собственные социально-экономические невзгоды — недостаток пахотной земли, скудость бытовых условий, «униженность и оскорбленность» своего политического статуса. Вина за эти реальные и надуманные страдания всецело возлагалась на казацкий народ и традиционное устройство Войск. При этом легко забывалось, что казаки обладали на территории Присуда именно **своей казацкой землей**, — которой с незапамятных времен владели их пращуры, а относительно лучшая социальная обеспеченность казаков, в сравнении с «иногородними», веками оплачивалась казацкой кровью на имперской военной «барщине». Забывалось также, что казаки отнюдь не приглашали «иногородних» к постоянному проживанию на землях Присуда, а переселение последних на казацкие земли осуществлялось исключительно по их собственной инициативе.

Отрицательная этническая комплиментарность между казаками и «иногородними» не носила, конечно же, заведомо фатального, катастрофического характера. При всех различиях в культуре и этнической психологии казаки и великорусы продолжали оставаться весьма близкими восточнославянскими народами, объединенными многовековой общей историей. Энергичная государственная переселенческая политика, направленная на стимулирование миграции «иногороднего» населения в те регионы Российской империи (прежде всего в Зауралье и Южную Сибирь), где имелись избыточные сельскохозяйственные угодья, могла бы очень быстро снять напряженность в русско-казацких взаимоотношениях. Однако официальный Петербург регулированием этнодемографического баланса на землях Присуда не озадачивался, пребывая, до самых последних дней самодержавия, в инфантильных иллюзиях

«о единении всех православных у подножия престола трехсотлетней монархии». В Зимнем дворце даже не задумывались, по-видимому, о ликвидации причин постепенно вызревающего на Дону (и практически во всех остальных Войсках) острого межэтнического конфликта. А своевременно задуматься, конечно, стоило: к 1917 году казаки оказались на территории Казацкого Присуда, т.е. на своих родовых землях, многократно оплаченных пролитой кровью их предков, в значительном меньшинстве.

Резкое нарастание межэтнической напряженности на землях Присуда к началу 1918 г. Всероссийская сельскохозяйственная перепись населения 1916 года показала следующую демографическую структуру Области Войска Донского: казаки — 1.281.446 человек; «иногородние» (преимущественно великорусы) — 1.210.856 чел.; «коренные крестьяне» (преимущественно украинцы) — более 950 тыс. чел. **Таким образом, накануне Революции коренное казацкое население на собственных землях Войска Донского в два раза уступало по демографической массе инонациональным переселенцам.**

Особенно катастрофичным для сохранения казацкой этничности и традиционного образа жизни станиц оказалось демографическое положение в нижнедонских округах ВД. Здесь, за счет быстрого развития городской и промышленной инфраструктуры, только городское (преимущественно русское) население шести крупнейших городов выросло до 22% всего населения Войска. Станицы нижнедонских казаков выглядели как мозаичные вкрапления в огромный демографический пласт так называемых «иногородних» (около 690 тыс. чел.). В нижнедонских округах проживала также большая часть «коренного крестьянского» населения (т.е. украинцев) — более 660 тысяч человек. **Казаки (около 123 тыс. чел.) оказались на своих родовых землях Нижнего Дона буквально в положении североамериканских индейцев, поскольку уступали в численности генетически неказацкому населению более чем в 10 раз!**[48].

Накануне Революции «земельный вопрос» на территории Войска Донского быстро эволюционировал в сторону этнополитического катаклизма огромной силы: пребывая в численном отношении в значительном меньшинстве, донские казаки оставались основными держателями сельскохозяйственных земель Войска. К 1917 г. казаки, составляя около 38% населения Области Войска Донского, располагали более 82% сельскохозяйственных пахотных земель (около 12 млн. десятин из 15 млн. десятин всех сельскохозяйственных земель ВД). При этом «иногородние» крестьяне при их значительной численности имели немногим более 10% земли[49]. Казацкий земельный пай (надел) в среднем в 5—6 раз превышал надел «иногороднего». Еще более несправедливая ситуация с землей (с точки зрения «иногородних» переселенцев) сложилась в Задонских степях Сальского округа. Здесь значительными сельскохозяйственными угодьями владели приписные казаки-калмыки, которые проживали в 13 станицах (общая численность более 30 тысяч человек). Калмыки занимались скотоводством, а их земельные наделы несколько превышали общедонской казачий пай — до 35 десятин на хозяйство. Вместе с этническими казаками Сальских степей (16 тыс. человек), калмыки располагали до

[48] *Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ. соч. — С. 380—381.

[49] Аналогичная ситуация сложилась к 1917 г. на территории Кубанского Войска: здесь «иногородние», составляя 56% сельского населения, располагали только около 9% земельной площади. В значительно бóльшей степени царские администраторы заставили поделиться родовой землей терских казаков: составляя 19,5% населения ТКВ терцы владели только 29,6% пахотной земли.

90% всей удобной земли. Этнические казаки владели в Сальском округе всеми крупными частновладельческими конными заводами и прилегающими зимовниками, привлекая для работ в целом по округу до 87 тыс. рабочих-батраков. Сельскохозяйственных земель батраки практически не имели, а весьма значительное местное «иногороднее» крестьянство (43 тыс. чел.), которое постепенно образовалось от как-то закрепившихся в Сальских степях батраков, жестоко страдало от малоземелья.

В целом, к концу 1917 года этнополитические отношения на землях Войска Донского, быстро разогреваемые острым «земельным вопросом», стали приближаться к взрывоопасному рубежу. Этот факт вынуждены признавать даже современные российские исследователи, вообще крайне неохотно признающие наличие межэтнических противоречий и, по укорененной в историографии еще советской традиции, тенденциозно выпячивающие уже не существующий после Февральского переворота 1917 г. «сословный» (социальный) фактор. На Дону, отмечает в этой связи историк Р.Г. Тикиджьян, — «явно просматривались возможности острых конфликтных коллизий в борьбе за равенство прав и свободу казачьего и неказачьего, инонационального населения, в том числе и в решении одного из основных для того времени — земельного вопроса»[50].

К началу 1918 г. на территории других Казацких Войск нарастающий кризис во взаимоотношениях казаков и «иногородних» также чувствовался весьма явственно. На землях Кубанского Войска противостояние казаков и великорусов-переселенцев по уровню этнополитической напряженности ничуть не уступало аналогичному кризису на Дону. В трудах кубанских историков и экономистов, в газетных и журнальных статьях рубежа XX века описаны многочисленные эксцессы неприязненных отношений казаков и «иногородних». Историк Л.М. Мельников в своем труде, посвященном этносоциальному положению «иногородних» на Кубани, подчеркивает, что взаимная антипатия между казаками и переселенцами основывалась, прежде всего, на причинах «психологического происхождения». Весьма существенный дисбаланс в казацко-русские взаимоотношения привносил экономический фактор: уменьшение паев земли в станицах, соперничество «иногородних» и казаков в выпасе скота на общинных пастбищах, обвесы (обман) казаков в лавках и магазинах, принадлежащих «иногородним». По мнению Л.М. Мельникова, — «*...все эти причины, действуя издавна и постепенно усиливаясь, породили, развили и укрепили в казаке ненависть к иногороднему*»[51].

Взаимная неприязнь казаков и «иногородних» на Кубани, якобы нелояльное отношение к чужакам войсковой и станичных администраций вели к огромному потоку жалоб, в составлении которых особенно поднаторели переселенцы с севера. Газета «Северный Кавказ», являвшаяся в конце XIX века пропагандистским рупором русских переселенцев, в 1888 году с гневом писала: ***«...Вся масса иногородних, крестьян — безземельна, бесправна и загнана, <...> хроника станичных судебных процессов переполнена обоюдными тяжбами крестьян и казаков. Виновными всегда почти оказываются крестьяне»***[52]. В другом

---

[50] *Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ. соч. — С. 382.

[51] *Мельников Л.М.* Иногородние в Кубанской области// Кубанский сборник. Т.VI. — Екатеринодар, 1900. — С. 97—110, 118.

[52] Северный Кавказ. 1888. № 82.

Казаки 1-го Кизляро-Гребенского полка ТКВ. Владикавказ, канун Великой войны.
(Архив Э.В. Бурда)

выпуске «Северного Кавказа» автор редакционной передовицы, открыто защищая русских переселенцев, вынужденных под прессингом казаков принять решение о переезде с Кубани в Семиречье, называет первых ***«эмигрантами родной земли»***[53]. При этом журналист лукаво опускает важную деталь — подлинная «родная земля» всех переселенцев осталась далеко на севере, на просторах Русской равнины.

Впрочем, следует подчеркнуть, что в своем негативном отношении к инонациональным переселенцам этнические казаки зачастую действительно переходили некоторые «красные линии». Так, например, в станице Казанской ККВ станичный сход утвердил приговор ***«О праве убивать домашних животных, принадлежащих иногородним, раз эти животные будут захвачены на общественной*** [т.е. казацкой. — Н.Л.] ***земле»***. За короткий срок, как сообщал все тот же «Северный Кавказ», казаками было убито — 4 кабана, 18 гусей, 5 индеек, 28 кур, 1 цесарка[54]. Газета «Вестник Казачьих Войск» в 1901 году с оторопью констатировала: ***«…враждебное отношение*** [казаков к «иногородним». — Н.Л.] ***дошло до того, что среди станичников возникает вопрос о том, можно ли хоронить на станичном кладбище умершего иногороднего»***[55].

Современный исследователь А.В. Беликов отмечает, что психологический прессинг со стороны казаков Кавказа принуждал «иногородних» принимать решение о переезде в азиатскую

[53] Северный Кавказ. 1889. № 27.
[54] Северный Кавказ. 1888. № 26.
[55] Вестник Казачьих Войск. 1901. № 38.

часть России, в основном — на Дальний Восток[56]. Осуществить такой переезд могли, конечно, только состоятельные семьи русских переселенцев. Крестьянская беднота и обездоленные батраки выехать с территории казацкой Кубани не имели экономической возможности, а потому продолжали перемещаться из одной станицы в другую, по возможности устраивая мелкие пакости этническим казакам и накапливая по отношению к ним лютую злобу. В тяжкую годину Революции именно отчаявшаяся крестьянская беднота стала массовым, наиболее убежденным адептом оккупационного режима РКП(б)-ВКП(б) на Юге и Востоке России.

В Уральском Войске русско-казацкая дилемма также выглядела весьма тревожно. В начале XX века на землях исторического Яика фиксировался административно никак не регулируемый миграционный поток «иногородних» из Великороссии, сопровождавшийся все более дерзкими претензиями переселенцев на «черный передел» в свою пользу войсковых земель. Такие настроения «иногородних» вызывали, конечно, острое недовольство и отпор со стороны казаков. 19 декабря 1904 г. местная газета «Уральские Войсковые Ведомости» с явной тревогой писала: «*Иногородцы в Уральском казачьем Войске: в 1801 году на 29.588 душ войскового населения* [казаков. — Н.Л.] *приходилось 6392 иногородца. В 1885 г. на 99.971 казака — иногородцев уже 36.950. А в 1903 г. только в одном Уральском уезде числилось 73.819 иногородцев, а всего иногороднего населения в Войске значилось 107.945 душ — на войсковое* [т.е. казацкое. — Н.Л.] *население до 131.480 душ...*»[57].

Впоследствии демографический баланс в Уральском Войске в еще бóльшей степени изменился в пользу «иногородних»: к 1917 г. доля так называемого «невойскового» населения достигла здесь без малого 51%. Никак не регулируемая мощная волна мигрантов с севера подхлестнула ожидания «черного передела» казацких земель, которые давно муссировали в своей среде местные «иногородние». Жажда казацкой земли стала приобретать характер шовинистической антиказацкой идеологии — чем успешно воспользовались в своих целях большевики. Партийные эмиссары РКП(б) П. Петровский, А. Лежава, М. Струппе, откомандированные на территорию Уральского Войска, в начале 1920 г. докладывали в ЦК партии: ***«В отличие от казаков других областей, уральское казачество представляет собой особый, худший тип сословно-классовой группировки, владеющей целым рядом привилегий: рыболовных, земельных, пастбищных и т.д., представляющей в своем большинстве паразитический элемент, эксплуатирующий остальные элементы этого края: киргиз, переселенцев и т.д., почему происходящая здесь жестокая борьба имеет глубокую социальную прокладку»***[58].

Симптоматично, что элементарное право собственности уральских казаков на сельскохозяйственные и промысловые угодья их родовой земли, которой они владели задолго до распространения на эти земли юрисдикции Российской империи, большевистские эмиссары однозначно расценивали как «привилегию». Большевики, чутко улавливая местные полити-

---

[56] Беликов А.В. Взаимоотношения казаков и иногородних Кубанской области во второй половине XIX в.// Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 4. — Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. — С. 40—41.

[57] Социально-экономическая и духовная жизнь уральской казачьей общины в XIX-XX вв. (По материалам «Уральских Войсковых Ведомостей)/Сост. Е.И. Коротин. — СПб.: Реноме, 2011. — С. 116.

[58] Цит. по: *Кислицын С.А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — С. 204.

ческие настроения, «силою вещей» руководствовались в земельном вопросе стародавними установками великорусской крестьянской общины. «А земельку делить равноместно на все животы» — с этой извечной программой русского «черного передела» казацкий народ в принципе не мог согласиться, тем более, когда речь заходила о передаче родовых казацких земель враждебному инонациональному элементу. Ликвидировать мнимую казацкую «привилегию» эмиссары ЦК РКП(б) на Яике предлагали опять-таки именно тем способом, которым в исторической ретроспективе обычно пытались решать «земельный вопрос» русские крестьяне. Родовое достояние уральцев предлагалось попросту разграбить — с принудительным, силовым перераспределением казацкого земельного фонда на всех переселенцев, включая даже тех, кто прибыл на территорию Яика совсем недавно.

Межнациональный кризис в Донском, Кубанском, Уральском и прочих Войсках в начале XX века был весьма глубок, однако острота противоречий между казаками и «иногородними» наиболее болезненно чувствовалась на Тереке. К 1914 г. в Терской области оказалось 521.240 «иногородних», бóльшая часть которых прибыла из Великороссии[59]. В результате мощной миграционной волны с севера к 1916 г. терские казаки (255 тыс. чел.) уступали «иногородним» в численности более чем в два раза. Общая доля казаков в составе всего населения края (включая неславянские горские народы) к началу Революции едва достигала 20%. Как и в других Войсках Присуда, казацкая старшина Терека стала сравнительно вовремя бить тревогу по поводу складывающихся здесь этнодемографических диспропорций. Однако инфантильные чиновники Владикавказа и Петербурга не предприняли никаких мер по сдерживанию переселенческого потока. Например, в 1909 г. атаман Пятигорского отдела Терского Войска в рапорте Наказному атаману докладывал: «*...В настоящее время нет ни одной станицы, в которой не было бы иногородних. В некоторых станицах их численность уже настолько избыточна, что сами эти селения потеряли всякий характер казачий. В станице Горячеводской на 4460 казаков приходится 3782 иногородних, в станице Ессентукской на 8503 казака — 5110 иногородних, в станице Незлобной на 3172 казака — 1271 иногородний, и последние продолжают прибывать*».

Атаман крайне негативно расценивал присутствие «иногородних» в казацких станицах, отмечая, что именно пагубное влияние переселенцев на казаков привело к появлению в среде станичников ранее не свойственных им пороков: воровства, пьянства, неуважения к власти. Объясняя, отчего переселенцы живут подчас богаче казаков, атаман Пятигорского отдела пояснял, что «иногородние», не связанные долговременной военной службой, все свое время отдают сельскому хозяйству, причем хищнически истощают (поскольку земля не своя) арендуемые у казаков наделы. «*Было время*, — с горечью сетовал атаман, — *когда казаки охотно принимали к себе иногородних, видя в них даровых работников, так как много казачьей земли оставалось не использованной самими казаками и иногородние, арендуя свободную землю и обрабатывая ее, платили дань казакам хлебом и сеном, а последним оставалось только радоваться, что находились кормившие их работники*»[60]. Такое

---

[59] *Гасанов М.М.* Русские в Дагестане. История формирования диаспоры// Наука: гипотезы, открытия. — Махачкала, 2002. — С. 77—78.

[60] *Гриценко Н.П.* Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Грозный, 1972. — С. 80—82.

Переселенцы из центральных губерний России приносили на землю Войск чуждый для казаков стереотип общественного поведения. Батраки на Нижнем Дону в ожидании найма на работу. Начало XX в.

положение теперь немыслимо, констатировал далее атаман Пятигорского отдела, поскольку наличный фонд станичных земель не обеспечивает нужд даже самого казацкого населения. Размеры индивидуальных паев станичников становятся все более малыми, а доходы, полученные с казацких паев, не компенсируют финансовые затраты семейств на экипировку сыновей в службу. В резюме своего рапорта атаман предлагал: для оздоровления обстановки в Пятигорске и обеспечения чистоты казацкого населения — «*очистить станицы от иногородних и запретить казакам смешанные браки с ними*».

Важно подчеркнуть, что опасность постепенного растворения казацкого народа в массе переселяющихся на земли Присуда инонациональных чужаков, казаки остро чувствовали задолго до рубежа XX века. Приказ войскового атамана Войска Донского Степана Ефремова от 17 апреля 1755 г. четко предписывал: ***«Чтобы казаки, как сами, так и дети их, на беглых и на протчих малороссийских женках и девках не женились.*** *<…>* ***И к таковому замужеству овдовевших казацких жен не допускали»***. Этим же приказом на станичных и хуторских атаманов, допустивших подобные браки, возлагались крупные штрафы и прочие «жестокие наказания». Донским священникам также строго приказывалось, чтобы ***«соглашающихся итить в замужество за малороссиян*** *<…>* ***казацких жен и дочерей не венчали»***[61].

[61] Цит. по: *Астапенко М.А., Астапенко Е.М.* История Донского края. — Ростов н/Д., 2005. — С. 598.

Борьба за сохранение казацких начал в азиатских Войсках. В Сибири и на Дальнем Востоке коллизии русско-казацких межэтнических противоречий проявлялись порой также остро, как на Дону, Тереке и Кубани, хотя и по-разному в разных азиатских Войсках. Неприязненное отношение к политико-экономическим претензиям «иногородних» (и, соответственно, наиболее резкие антибольшевистские настроения) проявляли казаки тех Войск, в которых в наибольшей степени сохранился исконный запорожко-донской геном и самобытная казацкая культура. Русифицированные Войска, т.е. сформированные при значительном участии великорусского контингента, какое-то время вели двойственную политику, лавируя между центрами противостоящих политических сил. Например, казаки очень русифицированного Амурского Войска длительное время занимали де-факто просоветскую позицию, инфантильно ссылаясь на свое нежелание принимать участие в «братоубийственной войне» с Советами. После Октябрьского переворота казаки-амурцы активно пытались сблизить свои этнополитические позиции с требованиями переселенческого неказацкого элемента. Тенденция казаков АКВ к добровольной русификации достигла столь высокого градуса, что в конце марта 1918 г. на Пятом казачьем съезде АКВ делегатам от левых партий удалось протащить резолюцию об упразднении Амурского Войска и полном уравнении казаков с крестьянами в земельных и прочих правах[62]. Только волна антиказацкого геноцида, докатившаяся к началу 1920-х до «высоких берегов Амура», подвигла, наконец, амурских казаков к решительной вооруженной борьбе с Советским режимом.

В Забайкалье крах самодержавия запустил процессы, схожие с ситуацией на Амуре, которые осложнялись наличием в Забайкальском Войске значительного числа приписных казаков — этнических бурятов. Как только рухнула навязываемая империей сословность, так немедленно все приписные казаки сразу же вспомнили о своей подлинной этничности и стали энергично формулировать задачи своего собственного нациестроительства. В апреле 1917 г. в Чите состоялся первый общенациональный съезд бурятов, который образовал, впервые в бурятской истории, собственно национальный орган самоуправления — Бурнацдуму (Бурятскую национальную думу). Бурнацдума сразу же отменила славянское наименование «станица» для некоторых бурятских поселений, а органы местного самоуправления в бурятских районах Забайкалья стали перекраиваться по национальным лекалам. Несколько бурятских улусов (кочевий) составили сомон (поселок); несколько сомонов — хошун (административный округ); несколько хошунов — аймак (район). В итоге, как только собственная национальная система самоуправления была создана — все приписные казаки-буряты немедленно, без всякого сожаления, распрощались со своим «казачеством» и вышли из Забайкальского Войска.

16 апреля 1917 г. в Чите начал работу Первый съезд Забайкальского Войска, на котором не присутствовали делегаты от забайкальских полков, находившихся на фронте. Выступивший по первому вопросу повестки съезда делегат А.И. Большаков предложил

---

[62] *Головин С.А., Шиндялов Н.А.* Трагедия амурского казачества // Россия и АТР. Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). № 4(26). 1999. — С. 41. Атаман ВВД Петр Краснов в своей книге «На внутреннем фронте» отметил политическую инфантильность казаков-амурцев: « 28 октября [1917 г.] к нам подошли три сотни 1-го Амурского казачьего полка, но амурцы заявили, что в братоубийственной войне принимать участия не будут, что они держат нейтралитет, и отказались даже выставить заставы для охраны Царского Села и сменить усталых донцов…».

Старейшие казаки станицы Черлаковская Сибирского Войска. Начало XX в. ***(Архив В.В. Исаева)***

ликвидировать казацкое сословие. Большинство делегатов съезда (за исключением 15 воздержавшихся) поддержало это предложение. Принятая по итогам обсуждения резолюция гласила: «*Казачье сословие, как пережиток старины и следствие существования постоянных армий, должно быть уничтожено и сравнено со всеми свободными гражданами России*». Съезд постановил: «*ввести общее* [с крестьянами-переселенцами. — Н.Л.] *областное самоуправление, упразднить должность наказного атамана, образовать уездные земства по районам экономического тяготения*». В целом решения съезда были ориентированы на резкое ускорение ассимиляции казаков-славян в окружающей их переселенческой русской среде. Возможно, именно поэтому казаки-фронтовики 1-го Читинского, 1-го и 2-го Верхнеудинских полков категорически отвергли ренегатские решения Первого съезда ЗКВ.

Существенная размытость генофонда Забайкальского Войска, наличие в нем, помимо бурятской, также очень значительной великорусской составляющей, предопределили нерешительность, бесконечные зигзаги забайкальцев в определении своей этнополитической судьбы. 7—19 июня 1917 г. 2-й (Учредительный) Общеказачий съезд в Петрограде по предложению делегатов от 1-й Забайкальской казачьей дивизии признал решение о ликвидации Забайкальского Войска незаконным. В августе 1917 г. в Нерчинске 2-й Областной казачий съезд отменил решение о ликвидации ЗКВ. Казалось бы, что после выхода из Войска этнических бурятов, казаки-славяне сумеют, наконец, организоваться и навсегда оставят в прошлом позорные инициативы по добровольному расказачиванию. Однако, уже 24 марта 1918 г. в Чите большинство делегатов 3-го съезда Советов Забайкалья самочинно приняли решение считать собственное

собрание «Третьим Областным казачьим съездом». Самопровозглашенный «Третий Областной съезд» вновь подтвердил ликвидацию забайкальского казачества и «слияние его со всем трудовым населением России». Одновременно была создана комиссия по ликвидации войскового имущества ЗКВ и передачи его в казну[63]. Историк Е.А. Высотина объясняет этот очередной приступ добровольной самоликвидации казачества в Забайкалье наличием здесь мощного слоя крестьянского (читай — великорусского) контингента. «У Советской власти, — подчеркивает исследователь, — не было необходимости насильственно расказачивать забайкальцев. Они это сделали самостоятельно. **Относительное спокойствие, с которым основная масса казаков отнеслась к этому решению 3-го съезда, можно объяснить тем обстоятельством, что значительная часть Забайкальского Казачьего Войска была сформирована из крестьян, и над ними не довлели сословные традиции в такой степени, как над коренными казаками** [выделено нами. — Н.Л.]»[64]. Мысль исследователя будет ясна в полной мере, если эвфемизм «коренные казаки» истолковать как «этнические казаки Дона, Терека, Кубани и Урала» — единственно возможное, как будто бы, толкование в данном контексте.

Капитуляция казацких начал в азиатской части России происходила неравномерно, а генезис этого процесса, как уже отмечалось выше, прямо зависел от степени сохраненности в конкретном казацком анклаве запорожско-донского генофонда. Небольшое алтайское казачество — одна из наиболее сохраненных в этногенетическом аспекте частей исторического Сибирского Казацкого Войска — сопротивлялось натиску «иногородних» и большевиков, наоборот, с максимальной энергией и, в определенный период, весьма эффективно. Ниже мы будем иметь возможность более подробно рассмотреть основные аспекты поистине эпического сопротивления алтайских казаков оккупационному режиму РКП(б)-ВКП(б). Пока же отметим, что одним из наиболее острых этнополитических конфликтов Гражданской войны в Сибири являлось вначале латентное противостояние, а затем и яростная вооруженная борьба на Алтае между великорусскими крестьянами (в основной массе переселенцами) и местными этническими казаками.

В начале XX века казацкая Бийская линия на Алтае представляла собой цепь поселений этнических казаков, которая протянулась на 389 верст от Усть-Каменогорска (ныне на территории Казахстана) до Бийска (Алтайский край РФ). Казаки Бийской линии составляли 6,9% казацкого населения Сибирского Войска. В 1917 году в общей структуре населения Алтайской губернии их доля была очень незначительной — 0,5%. В 20 населенных пунктах Бийской линии, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., проживало около 13 тыс. казаков. По этническому составу казаки Алтая отличались исключительной однородностью: к 1917 году на всей Бийской линии находился только 21 приписной казак — 12 казахов и 9 украинцев. Остальное войсковое население Бийской линии являлось этническими казаками, в подавляющем большинстве — выходцами с Дона и Терека, поселившимися на Алтае до 1861 года (97,4%). Сохраненная казацкая этничность, в свою очередь, предопределила приверженность алтайских казаков институту мононационального брака. Со второй половины XIX в. алтайские казаки практически не вступали в родственные отношения с

---

[63] НАРБ. Ф.483. Оп.1. Д.32. Л.58.

[64] *Высотина Е.А.* Казачество в истории России, Забайкалья и Бурятии. — Улан-Удэ: изд-во ЭКОС, 2011. — С. 88.

Занятия в казацкой школе станицы Чарышская. Алтай. 1912 г. ***(Архив В.В. Исаева)***

русскими крестьянами и представителями других народов. В результате, к началу Революции в каждом поселении Бийской линии образовались обширные казацкие кланы, включавшие семьи с едиными родовыми корнями. Так, в станице Чарышской — 41 семья (из 300) носила фамилию Серебренниковы, в станице Терской 28 семей (из 90) — Вязигины, в станице Антоньевской 26 семей — Мокины и 24 семьи — Угрюмовы (из 194). Похожей была ситуация с семейными кланами и в других казацких населенных пунктах Бийской линии.

Этнические казаки Алтая отличались высоким уровнем грамотности, особенно при сравнении с русскими переселенцами. Так, например, в возрастной группе 8 лет и старше среди мужчин-казаков грамотные составляли 63,4% (в аналогичной группе русских крестьян грамотных было 23,5%). На 100 хозяйств приходилось грамотных людей обоего пола: у казаков — 177 чел., у великорусов в два раза меньше — 90 чел. С 1910 г. решением Наказного атамана Сибирского Войска в казацких поселениях ввели практику всеобщего обязательного образования[65]. В социально-экономическом аспекте благоустройство, общественный порядок и зажиточность казацких станиц Бийской линии приблизительно в два раза превосходили аналогичные показатели местных великорусских деревень.

Во второй половине XIX—начале XX в. на Алтай устремились десятки тысяч великорусских крестьян из европейских губерний Российской империи. Обширные казацкие земли, которые не имели в тот период четкого юридического статуса (с 1747 г. земли Алтая считались собственностью царской семьи), сразу же привлекли алчное внимание переселенцев, которые самовольно, а подчас и с применением силы стали их захватывать. Историк В.В. Исаев по материалам межевой партии СКВ 1892 года составил таблицу земельных самозахватов, предпринятых русскими переселенцами на Алтае. Эта печальная статистика

[65] *Исаев В.В.* Алтайское казачество XVIII — начала XX века// Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1(41). — С. 91—92.

показывает, что к концу XIX века крестьяне-переселенцы захватили не менее трети всех казацких родовых земель[66].

Захваты казацких земель Алтая переселенцами из Великороссии (на период 1892 г.)

Табл. 1

Населенные пункты Бийской линии, пострадавшие от крестьянских захватов	Количество удобной и неудобной казачьей земли (в десятинах)	Захвачено крестьянам и десятин	**Процент самозахватов к общей площади казачьих земель**
Станица Верх-Алейская	10270	20	**0.2%**
Поселок Ключевский	5325	60	**1,1%**
Поселок Яровской	13486	4069	**30,2%**
Поселок Тулатинский	16520	3212	**19,4%**
Станица Чарышская	22984	355	**1,5%**
Поселок Сосновский	5719	328	**5,7%**
Поселок Маральевский	8985	377	**4,2%**
Поселок Слюденской	16108	327	**5,8%**
Станица Антоньевская	21829	3833	**17,6%**
Поселок Николаевский	9721	7427	**76,4%**
Станица Терская	13074	11524	**88,1%**
Поселок Смоленский	7637	7037	**92,1%**
Поселок Ануйский	14033	13943	**99,3%**
Итого:	**165691**	**53112**	**32%**

«Девятый вал» никак не регулируемой великорусской миграции на Алтай, при общем позитивном, бесспорно, характере этого процесса, привел к быстрому углублению кризиса в этнополитических взаимоотношениях местных казаков и русских переселенцев. Некоторые казацкие поселения, особенно малочисленные, под натиском чужаков в короткий срок лишились большинства родовых земель. Так, в наибольшей степени пострадали: поселок Ануйский — потеряно 99,3% всех земель, поселок Смоленский — 92,1%, станица Терская — 88,1%, поселок Николаевский — 76,4%. В начале XX века, поселок Ануйский, в результате массовой инфильтрации сюда великорусов, потерял статус казацкого поселения и превратился в обычное крестьянское село.

---

[66] *Исаев В.В.* Противостояние казачества и крестьянства на Алтае в годы Гражданской войны// Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 29–30 октября 2015 г., Тюмень.– Тюмень: «Печатник», 2015. – С. 108.

В конце XIX века, с обычным для российской государственной машины существенным опозданием Министерство внутренних земель империи создало специальную комиссию по отмежеванию казацких земель. В результате проведенного межевания из земельного фонда Кабинета Его Императорского Величества изъяли 32.852 десятины сельхозугодий, которые были переданы в войсковой запас СКВ. Одновременно казакам было отведено 160.220 десятин земли[67]. Важно подчеркнуть, что комиссия по отмежеванию фактически легализовала все крестьянские самозахваты земель казаков, причем последние не получили за эти утраты никаких компенсаций.

Имперским властям не удалось дождаться благодарности от крестьянских переселенцев за проявленную лояльность к их явочному «черному переделу» на Алтае. В революционных событиях 1905–1907 гг. русское крестьянское население однозначно встало на «красной» стороне баррикад: по всему Алтаю прокатилась волна грабежей сельских усадеб и жестоких убийств, вновь начались захваты казацких земель и массовые, действительно варварские порубки леса в казацких и кабинетских лесничествах. Только благодаря жесткой позиции алтайского казачества, которое осталось верным своей миссии и решительно поднялось на борьбу с мятежами и вандализмом в лесничествах, русское «Красное колесо» удалось повернуть вспять. В последующее время, вплоть до революционных событий 1917 г., на стыках казацких и крестьянских земель постоянно происходили острые бытовые конфликты. Взаимная неприязнь этнических казаков и русских крестьян друг к другу, копившаяся десятилетиями, неизбежно должна была привести к кровавой развязке в условиях братоубийственной Гражданской войны.

«Русская сущность» политики РКП(б) на землях Казацкого Присуда в 1918–1922 гг. Таким образом, к началу революционных событий 1917–1918 гг. практически во всех Казацких Войсках Российской империи назрел острый кризис во взаимоотношениях казаков и инонационального (преимущественно великорусского) населения. Имперская власть в пропагандистских целях утверждала, искренне или лукаво впадая в самообман, что в основе русско-казацкого кризиса лежали бытовые противоречия. Однако комплексный анализ документальных и свидетельских материалов убедительно показывает, что на самом деле развитие указанного кризиса определяли объективные экономические и этнокультурные факторы, связанные с традиционным войсковым землепользованием и противоречиями в этнических менталитетах великорусов и казаков. Обоснованно считая себя единственными подлинными хозяевами своих родовых земель, казаки категорически отвергали любые формы «черного передела», идейным инициатором и главным социальным заказчиком которого выступали «иногородние» переселенцы из Великороссии. Казаки хорошо понимали, что условиях революционного произвола «черный передел» сельскохозяйственных угодий Войск неизбежно сведется (что и произошло в реальности) к тотальному разграблению казацкого земельного фонда. Однако русское крестьянское население Присуда и восточных Войск, преимущественно его бедняцко-батраческая часть, чувствуя за своей спиной вооруженную поддержку интернациональной Советской власти, ждать и согласовывать что-либо с «народом-помещиком» категорически не хотело.

---

[67] ГАОО. Ф.67. Оп.2. Д.1721. Л5. См. также: *Исаев В.В., 2015*. Указ. соч. – С. 107–108.

Русский крестьянин-бедняк и его сыновья. Пензенская губерния. 1910 г.

Именно синергия отрицательной этнической комплиментарности с очень мощным экономическим стимулом к «черному переделу» казацких земель сформировала, на наш взгляд, жесткий этнополитический заказ «иногородних» на решительное, а при необходимости — и террористическое принуждение казаков к «расказачиванию». Большевики, и в этом проявилось их удивительное политическое чутье, сумели быстро и безошибочно определить, что их единственным надежным союзником в бывшей Российской империи могут быть только генетически чуждые казакам «иногородние» — и уверенно сделали именно на них свою главную ставку в борьбе с Белым движением. Правовед Э.Ю. Соловьев отмечает в этой связи: **«Бедняк-тунеядец, нетерпеливый и агрессивный коммунистический утопист, оказался основной массовой базой Советской власти на просторах России** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[68].

Современники революционных событий из числа этнических казаков, также, впрочем, как и их этнополитические противники, сразу же поняли «русскую сущность» политики большевистской партии на землях Казацкого Присуда. Глубоко мыслящие казацкие интеллектуалы уже в 20-30-х годах прошлого столетия решительно отвергли конспирологическую легенду о «масонских интересах еврейской партии большевиков» (очень популярную, кстати, среди эмигрантов великорусского происхождения). Казацкий народ буквально «собственной спиной» прочувствовал — в пользу какого именно этносоциума действовала на Юге России «еврейская» РКП(б)-ВКП(б). Вероятно, именно поэтому в кровавых реалиях Революции на землях Казацкого Присуда практически не было еврейских погромов, хотя бы отдаленно сопоставимых по масштабу с погромами евреев в Украине. Мираж грядущей «мировой революции» действительно туманил «кипящий возмущеньем» разум некоторых большевистских

[68] *Соловьев Э.Ю.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права// Квинтэссенция: Филос. альманах/ Сост. В.И. Мудрагей, В.И. Усанов, — М., 1990. — С. 173.

вождей еврейского происхождения[69], но в своей конкретной политике на землях Казацких Войск большевики действовали исключительно рационально — всегда и всюду (до периода коллективизации) в интересах русских «иногородних». **Советское государство, осуществляя последовательные акции геноцида на берегах казацких рек (от земельных реквизий до массовых депортаций и Голодомора), опиралось при этом, конечно же, не на членов масонских лож или еврейских торговцев, а на многомиллионного крестьянского мужика — неразвитого, озлобленного, обуреваемого завистью к «народу-помещику» и жаждой мести.**

В 1928 году окружной атаман, член Терского Войскового правительства Д.С. Писаренко с горечью вспоминал: «*Март 1917 года приносит казакам исполнение заветной мечты* [о возрождении традиционного народоправства в Войсках. — Н.Л.]. *Казачество получает возможность возродиться в чистом виде, отбросив все прилипшее, несвойственное, чужое, воскресить социальные основы и традиционные формы своей жизни. Спокойно и деловито строит оно свою жизнь, при этом, без предварительного сговора или заранее состряпанного шаблона, строит ее во всех Войсках одновременно и однообразно. <...>* ***Но пришла «всенародная» власть большевиков, и русский хам в обнимку с босяком и каторжником ввалились в казачью хату. Казак не вынес органически чуждой ему большевистской идеологии, и началась Гражданская война*** [выделено нами. — Н.Л.]» [70].

Единое мнение Сталина и Быкадорова при оценке вклада русского населения в победу режима РКП(б) в Гражданской войне. Выдающийся мыслитель, донской генерал Ис.Ф. Быкадоров в том же 1928 году высказал, по существу, аналогичное утверждение (возможно, с более жестким этнополитическим акцентом): «*Большевистскую власть без сопротивления, без какой-либо борьбы, добровольно принял единственный народ бывшей России — великорусский; он принял, как программу, как свою идеологию, и большевизм. Борьба против большевистской власти и большевизма, борьба вооруженная, начиналась там, где кончалась великорусская или начиналась этнографическая граница других народов*»[71].

В квазипатриотических и конформистских работах некоторых историков уже одна только мысль — об ответственности значительной части великорусского этносоциума за феномен укоренения антиславянского режима РКП(б)-ВКП(б) на земле России — всегда с нарочитым возмущением отвергается. Демагогически взывая к несбывшимся идеалам, популяризаторы Советского проекта неизменно подчеркивают, что огромная масса русского народа в годину Революции прекраснодушно стремились исключительно к «светлому и доброму будущему». Одновременно главный акцент ответственности за произошедший крах

---

[69] О пресловутой «мировой революции» мечтали не только еврейские интеллектуалы РКП(б), но и председатель Совнаркома Владимир Ульянов (Ленин). В 1919 году «самый человечный человек» писал: « Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, — не национальные интересы; мы утверждаем, что интересы социализма и интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства». См. подробнее: ПСС. Т. 36. — С. 341–342

[70] Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — М.: Рус. импульс, 2006. — С. 202.

[71] Казачество: мысли современников. Указ. соч. — С. 92.

национальной государственности России перекладывается на личности отдельных вождей большевизма, которые, то ли по своему неславянскому происхождению, то ли по «масонскому умыслу» допустили тягчайшие «перегибы». При таком подходе, конечно, полностью снимается необходимость изучения исторически сформировавшейся «предрасположенности» великорусского этносоциума к большевистским, подчеркнуто вненациональным формам политической самореализации. В этой связи — для объективной оценки подлинных движущих сил революции — полезно вспомнить суждение человека, которого трудно (да, пожалуй, что и невозможно) обвинить идеологическом конформизме. Мы предлагаем вспомнить мнение Иосифа Сталина — о роли великорусского населения в так называемой Великой Октябрьской социалистической революции. Мысли красного «Вождя всех народов» удивительным образом, — почти текстуально совпадают с выводами белоказаков Писаренко и Быкадорова.

«В ходе дальнейшего развития Гражданской войны, — разъяснял Сталин по важнейшей для судеб большевизма проблеме, — ***районы революции и контрреволюции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами (Москва и Петроград), с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, превратилась в базу революции. Окраины же России, главным образом — южная и восточная окраины без важных промышленных и культурных центров, с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, других мусульманских народов, с другой, — превратились в базу контрреволюции. <…> Кто же еще другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие казачество, издавна эксплуатирующее нерусские народы*** [выделено нами. — Н.Л.]»[72].

Так, в кровавом 1919 году, в разгар борьбы Белого движения за национальную государственность России (и, одновременно, как оказалось, — в апогей национальной войны казацкого народа за свое существование) Иосиф Сталин предельно доходчиво разъяснил своим партийным соратникам: кто — друг Советской власти, а кто — ее непримиримый враг.

Историк Н.Н. Великая, резюмируя свою работу о парадигмах развития казацкого и «иногороднего» населения на рубеже XX века, подчеркивает: «… Главное противоречие [*революционной эпохи на Юге России. — Н.Л.*] было не между крупными землевладельцами и безземельными (малоземельными), как это было в центре страны, а во многом шло по линии «казаки—неказаки». Поскольку накануне 1917 года численный перевес сложился в пользу так называемого иногороднего населения, исход борьбы за равноправие и землю был предрешен»[73]. Н.Н. Великая выделяет, как ей представляется, ключевой фактор победы

---

[72] *Сталин И.В.* К военному положению на юге России// Правда. 1919. 28 декабря.

[73] *Великая Н.Н.* Казачье и иногороднее население Терека: парадигмы развития (вторая половина XIX — начало XX в.)// Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 2. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. — С. 129.

большевизма на землях Присуда — численное преобладание русских «иногородних» и части союзных с ними «коренных крестьян» над казацким населением Войск. Однако, столь же роковое значение для финального успеха большевистской оккупации Дона, Кубани и Терека сыграл, по-видимому, тактический (временной) фактор — почти полугодовая потеря политической инициативы в крупнейшем Войске Донском в период атаманства генерала А.М. Каледина. Утрата шести месяцев Революции для стратегически важной задачи — идеологически подготовить казацкий народ к грядущей бескомпромиссной национальной борьбе — оказалась, к сожалению, невосполнимой.

Главная причина военно-политического разгрома Белого движения. Важнейшие военные события национальной войны казаков в 1918—1920 гг., равно как и биографические факты участвующих в них людей, по понятным причинам, останутся вне сферы нашего дальнейшего внимания. Отметим лишь, что главной причиной финального проигрыша антибольшевистских сил в Гражданской войне, как нам видится, стало упорное (в стратегическом отношении безумное) нежелание вождей Белого движения политическими методами совместить для достижения победы над Красным Драконом национальную мечту казацкого народа об автономистской государственности Присуда и героическую попытку русского офицерства по сохранению национальной России. Политическая прозорливость А.В. Колчака и А.И. Деникина оказалась под стать их талантам военных стратегов, т.е. весьма посредственной. Особо дремучее политическое ретроградство продемонстрировал в период Гражданской войны генерал Деникин. Командующий Вооруженными силами Юга России с какой-то странной сектантской истовостью руководствовался мифологемой борьбы за «Единую и неделимую Россию». При этом демонстративно игнорировалась очевидная реальность, что Российская империя еще в период царствования Николая II фактически утратила свое былое, весьма эфемерное единство.

Деникина не насторожило, что русский народ в своей абсолютной массе оказался совершенно глух к идее созидания на обломках рухнувшей империи демократического русского национального государства. Штаб ВСЮР упорно «не замечал», что только пассивность и конформизм русской элиты обеспечили большевикам все возможности для постепенного укрепления Советского режима. Столь же близорукими оказались оценки штабом Деникина «державного патриотизма» многомиллионного русского плебса, который оказался способен мыслить и действовать только в контексте немедленного удовлетворения своих самых брутальных, а подчас и низменных потребностей. В условиях глобального пароксизма Гражданской войны позиция «гордого страуса» объективно обрекла войска ВСЮР на неизбежное поражение. Не имея прочной опоры в широчайшем слое великорусского этносоциума, командующий ВСЮР сумел сделать врагами Белого движения буквально все антибольшевистские силы, начиная от Главы Польской Республики Юзефа Пилсудского и кончая политиками Кубанской Рады. Штаб Деникина поставил под ружье практически всех мужчин-казаков, способных держать в руках винтовку, но при этом ни на шаг не сдвинулся в сторону предоставления казацкому народу реальной административно-территориальной автономии, более того — четко обозначил намерение ликвидировать казацкую демократию.

Фрагментарность базовых этнополитических представлений у большинства офицеров-казаков не позволила казацкой национальной элите своевременно и внятно обозначить рамки

конструктивного взаимодействия казацкого народа с русским Белым движением. Четкая артикуляция казацких требований к послереволюционному устройству федеративной России стала бы, возможно, отрезвляющим душем для русского генералитета Добрармии и ВСЮР, пребывавшего в чаду великодержавных иллюзий. Очень неопределенно обозначенные этнополитические цели казацких военных усилий не способствовали, конечно, боевому энтузиазму национально настроенных простых станичников, которые отнюдь не горели желанием «за просто так» отвоевывать Россию для «кадетов и монархистов». После вынужденного ухода генерала Петра Краснова с поста атамана Войска Донского казацкие формирования Донской армии действительно превратились, говоря словами Льва Троцкого, — в «слепое и темное орудие» генерала Деникина. Ситуация с национально мыслящим кубанским казачеством оказалась существенно хуже: войска ВСЮР на землях Кубани перешли к кровавым репрессиям против представителей казацкой национальной элиты.

Сын крепостного крестьянина из Саратовской губернии, который неожиданно для себя самого оказался верховным вождем Белого Дела на Юге России, использовал доставшееся ему «казацкое орудие» феноменально бездарно. Грубейшие ошибки в стратегии, функциональная немощь штаба ВСЮР стали причиной вначале оперативно-тактического разгрома белых сил, а затем все более ускоряющегося всеобщего развала. Под мощными ударами миллионной Красной Армии формирования Деникина стремительно потеряли базовые для них казацкие территории, при этом бессмысленно погибли или были вынуждены эмигрировать десятки тысяч этнических казаков — героев антибольшевистского сопротивления.

Значительная часть исторической вины за разгром большевиками земель Присуда лежит, бесспорно, также и на казацкой национальной элите, не сумевшей своевременно поддержать самоотверженный порыв собственного народа к свободе столь же мощным идеологическим содержанием. **«Восстание казаков началось стихийно, очагами,** — с горечью вспоминал об ошибках казацкой элиты генерал Ис.Ф. Быкадоров, — **не офицеры или казачья интеллигенция вызывали его — восставал казачий народ. Восставал за свою честь, свободу, за свое право управлять своими делами, жить самостоятельно, за свои земли, недра, за свое историческое достояние. Подмена великой цели этого восстания идеей, что война ведется только с Советской властью и что цель, поставленная в борьбе, — освобождение Москвы и восстановление монархии, — стало извращением смысла народной войны и главной причиной поражения казачества. Это извращение народной войны реставраторской попыткой стоило дорого всему казачеству — оно лишило естественных союзников (народов, боровшихся за свое освобождение: финляндцев, эстов, латышей, украинцев, поляков, горских народов, кубанцев-черноморцев), оно убило энергию, пафос, волю к борьбе, и, вызвав «пограничную болезнь», а затем и сепаратный мир верхнедонцев, закончилось стратегическим поражением...»**[74]

[74] Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — М.: Рус. импульс, 2006. — С. 93.

Глава V

НАКАНУНЕ ГЕНОЦИДА:
роковой жребий атамана Каледина

В истоке геноцида: Закон РСФСР от 27 января 1918 г. о социализации земли. — Невнятная политическая позиция казацкой военной элиты по вопросу восстановления автономий Казацких Войск. — Старт Русской Революции на землях Присуда: первые этнополитические инициативы казацкого сообщества и натиск «иногородних». — Донской Войсковой Круг и восстановление демократической процедуры избрания Войскового атамана ВД. — «Русский путь» генерала Алексея Каледина. — «Атаман-Печаль». — Исчерпанность геополитического проекта «Национальная Россия». — Фатальная этнополитическая ошибка Донского правительства Каледина. — Иллюзорность надежд Белого движения на «неминуемое восстание русского народа против иудо-большевиков». — Потерянный шанс на создание этнополитического союза казаков с коренным крестьянством Присуда. — Политический крах «Атамана-Печаль».

24 января является скорбной датой национальной истории казаков — в этот зимний день в далеком 1919 году главари Советского режима на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) утвердили директивный документ, известный как «Циркулярное письмо Оргбюро ЦК об отношении к казакам». Конкретные формулировки документа — «массовый террор», «поголовное истребление», «переселение бедноты в широком масштабе на казачьи земли» — не оставляют сомнений: перед нами бескомпромиссная, детально прописанная директива о геноциде казацкого народа. Неслучайно и, видимо, правильно, что черная дата — 24 января — отмечается современными казаками как «День памяти жертв революционного геноцида»: на землях былых Войск проходят траурные мероприятия, в православных храмах служат заупокойную панихиду по невинно убиенным и репрессированным казакам, по варварски уничтоженным казацким семьям[1]. Вместе с тем, с точки зрения исторической фактографии, 24 января 1919 года — это далеко не первый день геноцида казаков, а скорее закономерный рубеж в генезисе предшествующей преступной политики Советского государства. В конце января 1919 г. большевики уже не считали целесообразным скрывать факт политического курса на тотальное уничтожение казацкого сообщества, именно поэтому Председатель ВЦИК (формальный лидер РСФСР) Яков Свердлов решительно отбросил маску «овцы» — и под ней яростно засверкали клыки оскаленной пасти большевистского монстра.

В истоке геноцида: Закон РСФСР от 27 января 1918 г. о социализации земли. Онтологической основой Гражданской войны в России, и в частности — политики геноцида казаков, стал большевистский Декрет о земле, точнее, его логичное продолжение — Основной закон о социализации земли. Этот закон ВЦИК утвердил 27 января (9 февраля) 1918 г. Статья 3 закона о социализации декларировала — ***«право пользования землей принадлежит***

---

[1] См.: *Шаповалов А.* Казачество реабилитировано только на бумаге// Независимая газета. 2016.01.25. — (6626).

лишь тем, кто ее обрабатывает собственным трудом». Статьи 6 и 7 определяли, что конфискации ***«без всякого выкупа»*** подлежит весь «***частновладельческий живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь»***, а также все хозяйственные постройки, включая ***«имеющиеся при них сельскохозяйственные предприятия»***. Собственники земли, инвентаря и построек должны были удовлетвориться демагогическим, даже издевательским положением закона, декларировавшим, что ***«за пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования»***[2]. Очевидно, что данный закон не оставлял камня на камне от традиционного землепользования на территориях Казацких Войск, обрекая казацкие станицы «на поток и разграбление» ордами распропагандированных крестьянских переселенцев.

Весной 1918 г., сразу после обнародования закона о социализации, крестьянское население, опираясь на помощь административно-карательного механизма Советов, начинает «черный передел» земель и другого имущества казаков. В первую очередь это происходило в тех регионах России, где казаки в этнокультурном аспекте были значительно русифицированы, а в численном отношении существенно уступали окружающему их русскому крестьянскому населению. В таких регионах (например, — в Забайкалье) Советская власть не церемонилась с казаками уже в самом начале 1918 г. Старожил бывшей станицы Желтуринской Забайкальского Войска Ф.Н. Бальчугов сообщил местным краеведам: какими методами Советская власть оказывала «общественную поддержку» забайкальским казакам, пострадавшим «от имущественного переворота» закона о социализации земли.

«Раньше их [казаков. — Н.Л.], *в 1918 году, всех позабрали... В Александровский централ — это в Иркутску тюрьму! Ни слуху, ни духу! Раньше машины никакие не ходили, радио не было. И вот, старухи тоже, но не старухи, конечно, тогда оне молоды были, собрались. <...> Ну, уехали туды, в Иркутск, доехали. Порасспрашивали, а там их* [арестованных казаков] *уже кончали. Не расстреляли, а просто чурками убили! Глаза завяжут, загонят, да и... Иркутянка одна рассказывала, как их, вот этих казаков убивали-то. Патроны не тратили»*[3].

В популярной исторической литературе можно встретить утверждение, что руководство большевиков было изначально, буквально с первых дней узурпации власти в России настроено антиказацки и, якобы, сразу же запланировало учинить на землях Казацкого Присуда массовый террор. Вряд ли это соответствует действительности. Вожди большевиков — Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин — были рационально мыслящими людьми, их политическая кровожадность всегда имела под собой прагматическую основу и, нужно признать, — их управленческая интуиция была развита весьма сильно. Иррационально кровожадным в большевистском ареопаге был, по-видимому, только Владимир Ленин — «самый человечный человек» по мысли последующих поколений русских коммунистов.

Главный организатор победы Советского режима в Гражданской войне Лев Троцкий, вскоре после прихода большевиков к власти, в инициативном порядке прибыл на заседание Казачьего комитета ВЦИК. В своей речи перед казацкими делегатами будущий нарком по

---

[2] Декреты Советской власти. Т. I. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. — С. 407—419.

[3] *Бутусин М.Я.* Политика расказачивания // Казачество в истории России и пограничья: материалы межрег. науч.-практ. конференции (Улан-Удэ, 04.12.2009). — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. — С. 119.

военным делам РСФСР с явным намеком заявил, что он сам, равно ***«как и Совет Народных Комиссаров, с полным доверием относится к трудовому казачеству, нисколько не сомневаясь в его революционности, неизбежной с казачьей свободолюбивой натурой…»***. Понимая исключительную важность дисциплины и самоорганизации, которые он наблюдал в этот период только в казацких воинских частях, Л.Д. Троцкий специально отметил, что ***«отдает полную справедливость удивительной дисциплинированности казачьих войск, их храбрости, сознательности, верности и готовности на жертвы…»***. Явно пытаясь заинтересовать казаков в установлении партнерских отношений с Советской властью, Троцкий подчеркнул, что ***«центральная Советская власть мало знакома с жизнью казачества и еще менее с его психологией, просим Казачий комитет принять на себя не только инициативу к принятию мер, служащих к улучшению жизни трудового казачества, но и оказывать со своей стороны помощь центральной Советской власти при разрешении всех возникающих казачьих дел»***[4].

Конечно, в этом выступлении Льва Троцкого присутствовала значительная доля популизма, но нужно понимать, что в условиях революционного времени «сухих» выступлений политиков не могло быть в принципе. В ноябре-декабре 1917 г. реальная власть большевиков де-факто не распространялась далее городской застройки Петрограда и отчасти Москвы. Вплоть до разгона 5(18) января 1918 г. Учредительного собрания большевики чувствовали себя в России очень неуверенно. Известный историк, член ЦК партии народных социалистов (эсэров) С.П. Мельгунов писал впоследствии, что для того, чтобы разогнать в ноябре 1917 года большевистскую свору достаточно было одного политически мотивированного полка. Вряд ли подобная возможность была упущена и в начале января 1918 г. Убежденный большевик, управляющий делами Совета Народных Комиссаров (до октября 1920 г.) Владимир Бонч-Бруевич вспоминал: в день открытия Учредительного собрания В.И. Ленин ***«волновался и был мертвенно бледен, так бледен, как никогда. <…> Он сел, сжал судорожно руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными глазами всю залу от края и до края ее»***[5]. Взволноваться Ильичу было от чего: на 175 мандатов, полученных большевиками в Учредительном собрании, приходилось 370 мандатов коалиции правых эсэров и центристов. Правые эсеры располагали поддержкой Семеновского и Преображенского полков, контролировали командование Измайловского бронедивизиона. Только политическая нерешительность и наивное заблуждение, что большевики ни при каких обстоятельствах не решатся на разрыв с революционной традицией, а значит, не решатся на силовой разгон «Учредиловки», — удержали правых эсеров от попытки силового захвата Петербурга.

Большевики создавали свою властную систему в России постепенно — подобно тому, как чужеродные раковые клетки постепенно усиливают свою летальную мощь в недавно здоровом организме. Финальный успех «завоевания большевиками России» (слова Ленина) в принципе стал возможен только благодаря коллаборационизму значительной части царского офицерства и удивительной трусости губернских и волостных начальников бывшей Российской империи. В ноябре 1917 г. Лев Троцкий (и остальные лидеры большевиков) уже четко осознавал, что русские чиновники в максимальной степени отягощены «служивым комплексом»,

---

[4] Цит. по: *Кислицин С. А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — С. 89.

[5] *Бонч-Бруевич В.Д.* Воспоминания о Ленине. — М.: Учпедгиз, 1969. — С. 114.

т.е. личным безволием и трусливой зависимостью от директив центральной власти в столице. «Служивый комплекс», вкупе с традиционным для русской этнической среды взаимным недоверием, делал «среднестатистического» чиновника бывшей империи совершенно не способным даже к минимальному политическому взаимодействию с подобными себе функционерами. Для устойчивого владычества над политически инфантильным большинством Великороссии режиму РКП(б) нужна была только военная сила — пусть небольшая, но внутренне консолидированная, надежная. Этой силой могли стать воинские формирования латышских стрелков, интернированных венгров-мадьяр, китайцев, казаков, вообще кого угодно, — кто согласился бы, по приказу большевистского центра, проявить жесткое вооруженное насилие по отношению не только к явным врагам Советского режима, но, при необходимости, к инертному русскому большинству.

Лев Троцкий, а впоследствии и другие лидеры большевиков, не скрывали этой своей позиции. ***«Нельзя, говорят, сидеть на штыках,*** — недвусмысленно заявил Троцкий 1(14) ноября 1917 года на заседании Петроградского комитета РСДРП(б). — ***Но и без штыков нельзя. Нам нужен штык там*** [на улицах Петрограда. — Н.Л.], ***чтобы сидеть здесь*** [в здании Петросовета]. <…> ***Вся эта мещанская сволочь, что сейчас не в состоянии встать ни на ту, ни на другую сторону, когда узнает, что наша власть сильна — будет с нами. Мелкобуржуазная масса*** [в данном контексте — русское большинство Петрограда. — Н.Л.] ***всегда ищет силу, которой она должна подчиниться. Кто не понимает этого — тот не понимает ничего в мире, еще меньше — в государственном аппарате»***[6].

Таким образом, в конце 1917 года руководство РСДРП(б) не исключало возможности привлечь значительную часть казацкого сообщества под свои знамена. Лев Троцкий был готов, по-видимому, на заключение политической сделки с казачеством. Сделка могла состояться на условиях участия казаков в революционных событиях в качестве консолидированной, четно осознающей свои специфические интересы этнополитической общности, способной оказать деятельную поддержку Совету Народных Комиссаров в захвате полного контроля над страной. В этом случае, казаки могли бы потребовать от руководства РСДРП(б) политический бонус — казацкую автономию Присуда, т.е. приблизительно те же автономистские преференции, которые получили, например, башкиры-националисты Ахмет-Заки Валидова, поддержавшие Советский режим[7]. На возможность подобного этнополитического решения намекало, как будто бы, и специальное Обращение СНК к трудовым казакам «О завоеваниях Октябрьской революции и борьбе с контрреволюцией».

«Жизнь и служба казака были всегда неволей и каторгой, — утверждало Обращение СНК. — ***По первому зову начальства казак обязан был садиться на коня и выступать в поход. Всю военную «справу» казак должен был создавать на свои кровные,***

---

[6] *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций. — Берлин: Изд-во «Гранит», 1932. — С. 97.

[7] Валидов Ахмет-Заки (10.12.1890 — 26.07.1970) — лидер башкирского национально-освободительного движения, историк, востоковед, доктор философии. Организатор I и II Всебашкирских съездов (июль—август 1917), член автономистского правительства Башкортостана. В начале 1919 года А.-З. Валидов организовал переход повстанческих башкирских войск на сторону Красной Армии, что в значительной мере ослабило антибольшевистский фронт Оренбургского Казачьего Войска. Впоследствии Валидов провел переговоры с правительством Советской России о признании автономии Башкирской республики. Политическим итогом этих переговоров стало подписание соглашения в марте 1919 г., между Башкирским правительством и РСФСР, о создании Автономной Башкирской Советской Республики в составе РСФСР.

трудовые средства. Казак в походах, хозяйство разоряется и падает. Справедлив ли такой порядок? Нет, он должен быть отменен навсегда. Казачество должно быть освобождено от кабалы.

Новая, народная, Советская власть готова прийти трудовому казачеству на помощь. Нужно только, чтобы сами казаки решились отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам-офицерам, помещикам, богачам, скинуть со своей шеи проклятое ярмо. Поднимайтесь, казаки! Объединяйтесь! Совет Народных Комиссаров призывает вас к новой, более свободной, более счастливой жизни»[8].

Невнятная политическая позиция казацкой военной элиты по вопросу восстановления автономии Казацких Войск. Можно предположить, что если бы до начала 1918 г. авторитетная часть интеллигенции и военной элиты казаков смогла бы политически сплотиться на основе четко артикулированной идеи восстановления политической автономии Казацкого Присуда, то возможность вступить в какие-то договорные отношения с Советской властью, по-видимому, была реальной. Однако подобная позиция национальной элиты казацкого народа была несовместима, конечно, с поддержкой «реставрационных» инициатив Колчака и Деникина. На практике же вожди казачества в конце 1917 — начале 1918 гг. попытались одновременно усидеть на двух стульях: одновременно реализовывали и курс на казацкую этнополитическую автономию, и курс на поддержку реставрационных потуг русского Белого движения. Большевики в этом смысле оказались гораздо более прагматичными: убедившись в прочной связке казацкой элиты с вождями Белого движения, руководство РСДРП(б) решительно сделало главную политическую ставку на «иногородних» Юга России. Многочисленное, денационализированное, малообразованное, жаждущее «черного передела» русско-украинское большинство стало на землях Казацкого Присуда подлинной «пятой колонной» РСДРП(б), а затем составило в революционной Красной Армии наиболее мотивированные, стойкие формирования.

Невнятная политическая позиция первого выборного атамана Войска Донского А.М. Каледина привела к потере как минимум шести месяцев (большой срок в лихорадке революции!) для мобилизации казацких сил донской части Присуда. В результате Октябрьский переворот казацкий Дон встретил примерно в том же состоянии, что и Февраль 1917 г. Немногим лучше (а часто и хуже, например, на Кубани и в Оренбуржье) распорядились первым революционным годом казаки других Войск.

Политическое затишье после Февраля 1917 некоторые народы бывшей Российской империи сумели использовать существенно эффективнее. Украинские националисты, например, подошли к Октябрьскому перевороту идеологически и организационно мобилизованными. Была выработана национальная концепция истории украинского народа, осмыслены возможные политические перспективы Украины, новый импульс развития получил украинский литературный язык. Главное, удалось достичь утверждения в народном сознании основ украинской идентичности, закрепить такие связанные с самосознанием политические понятия, как национальная государственность Украины, этнополитическая субъектность украинского народа и т.п. В таких условиях Октябрь 1917 немедленно поставил вопрос о степени

[8] Документ от 25 ноября (8 декабря) 1917 г. — См. подробнее: Декреты Советской власти. Том I (25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г.). — М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957.

суверенности национально-государственного устройства Украины, само же право украинцев на политический суверенитет (хотя бы в форме советской автономии) уже воспринималось априорно.

Масштабный революционный процесс имеет, как известно, значительную инерцию — большевики в своей политике, даже уничтожая враждебные им политические структуры украинских националистов, не могли не учитывать новую этносоциальную реальность, сложившуюся в Украине. Владимир Ленин 16 декабря 1917 г. выступил со специальным «Манифестом к украинскому народу». В нем большевики признавали право украинцев на независимость ***«тотчас же, без ограничений и безусловно»***, на ***«народную Украинскую республику»***, на возможность для Украины отделения или вступления в ***«договор с Российской республикой о федеративных отношениях»***. Документ содержал, конечно, и завуалированные угрозы в адрес Украинской Рады. Однако, и это очень важно: В.И. Ленина больше всего не устраивала позиция Украинской Рады по отношению к атаману А.М. Каледину. В частности, Председателя Совнаркома крайне беспокоила возможность перемещения белогвардейски настроенных русских войск через Украину (и с Украины) на Дон. Политическое господство над огромным по демографической массе, но этнополитически наименее конкурентоспособным великорусским населением большевики однозначно оставляли только за собой. Угроза «Манифеста» — считать Украинскую Раду объявившей ***«открытую войну против Советской власти в России и на Украине»*** — звучала как предостережение украинцам от вмешательства во внутрироссийский конфликт на стороне Белого движения[9].

В 1917 году, да и позднее, руководство Советского режима больше всего было заинтересовано в том, чтобы сторонние вооруженные силы (зарубежные или инонациональные) не вмешались в борьбу большевиков с силами русской национальной реставрации — на стороне последних. Чтобы обеспечить такое невмешательство большевики были готовы пойти на многие жертвы. И даже впоследствии, уничтожив вооруженным путем независимость Украинской Народной Республики и навязав украинцам Советскую власть, большевики оказались не в силах ликвидировать основные векторы своей предшествующей политики: в Советском Союзе была сохранена не только широкая автономия Украины, но и возможность дальнейшего, в каких-то аспектах даже ускоренного формирования украинской нации.

Казацкий народ бывшей Российской империи в силу значимых объективных и субъективных причин не смог пойти по пути создания автономной государственности в рамках вновь возникшей Советской системы. Ниже мы будем еще иметь возможность вновь вернуться к этой проблеме, однако предварительно отметим, что процесс автономизации Казацкого Присуда изначально был заторможен двумя труднопреодолимыми факторами. Во-первых, — значительной демографической массой великорусского («иногороднего») населения на казацких землях. А во-вторых, — весьма далеко зашедшей «русификацией» казацкой национальной элиты, оторвавшейся от национального мироощущения основного слоя казацкого народа. Эти два фактора, в совокупности, привели к трагическим последствиям. Посмотрим на примере Войска Донского, как развивались на Дону этнополитические события, приведшие к возникновению первой — **карательной** фазы геноцида казаков.

---

[9] *Красовицкая Т.Ю.* Гражданская война и национальный вопрос // Гражданская война в России 1917–1922. Сб. науч. ст. — М.: Изд-во Ипполитова, 2006. — С. 18.

Старт Русской Революции на землях Присуда: первые этнополитические инициативы казацкого сообщества и натиск «иногородних». Реакция казацкого народа на произошедший в феврале 1917 года государственный переворот была неоднозначной. Генерал Т.М. Стариков[10]— герой Великой войны, а затем организатор вооруженного сопротивления большевикам на Дону — вспоминал: «*Помню, как поразила нас, окопных жителей, та легкость, с которой рухнул монархический строй. Мы тогда ясно поняли, что он изжил себя. Подгнили корни, и упало могучее дерево...*»[11] . Есаул Г.П. Янов, впоследствии председатель «Круга спасения Дона» (демократического собрания казаков), восстановившего казацкую государственность Всевеликого Войска Донского, отметил в своих очерках, что после отречения Николая II в армейских казацких частях чувствовалась некая растерянность. Однако затем — «*наступило деловито-спокойное настроение <...> решили, что события в Петрограде не затронут Дон, а казакам хуже не будет*»[12].

Казаки восточных Войск без излишних эмоций, подобно братьям-донцам, восприняли известие о крахе 300-летней династии Романовых. Забайкальская 1-я казачья дивизия находилась в это время у линии фронта в районе г. Збаража (Западная Украина). 12 марта 1917 года в 11.20 забайкальцы приняли присягу Временного правительства «на верность службы Российскому государству». Казаки спокойно — без сожалений и без революционного пафоса — повторили слова присяги: «*...обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания*»[13].

Дальше от фронта и ближе к родной земле тревога казаков, напротив, усиливалась: простые станичники своим народным чутьем предчувствовали грядущую беду. Депутат Государственной Думы, кадет Аввакум Афанасьев сообщал в Министерство Внутренних дел: «*Сидящие на своих хозяйствах казаки заявили претензии, — почему их не предупредили относительно переворота* [т.е. об отречении Николая II. — Н.Л.], *и они остались как бы в стороне. При этом высказывалось недовольство переворотом и недоверие к нему, и только после продолжительных бесед с экскурсиями в историю России и именами Стеньки Разина и др. удается успокоить сердца казаков*»[14].

В конце марта 1917 г. в Петрограде состоялся Общеказачий съезд: присутствовало 300 делегатов от одиннадцати Войск бывшей империи, в основном — весьма русифицированные представители высшего офицерства. Такой подбор делегатов незамедлительно сказался на повестке дня: съезд не решился обозначить данное собрание казацких представителей как Общеказачий Круг или Раду, выразил полное доверие Временному правительству, призвал к войне с Германией до «победного конца», принял унижающую достоинство

---

[10] *Стариков Терентий Михайлович* (20.04.1880 — 11.12.1934) — яркий представитель казацкого национального сопротивления, генерал-майор Всевеликого Войска Донского. В марте-апреле 1918 г. организовал восстание казаков в станицах Екатерининской, Усть-Быстрянской и Усть-Белокалитвенской. Прошел боевой путь от командира 7-й Донской казачьей дивизии Донской армии до командира Сводного (1-го) Донского корпуса. В эмиграции посвятил свою жизнь сохранению казацкой культуры и организации национального движения казаков. Вдумчивый историк казачества, талантливый публицист. Является национальным героем казацкого народа.

[11] ГАРФ. Д.7 .Л.1.

[12] *Янов Г.П.* Революция и донские казаки// Донская летопись. Выпуск № 2. — Белград, 1923. — С. 6.

[13] *Смирнов Н.Н.* Слово о забайкальских казаках. — Волгоград, 1994. — С. 526.

[14] См. подробнее: *Козлов А.И.* На историческом повороте. — Ростов н/Д., 1977. — С. 165.

офицерства резолюцию о необходимости укрепления дисциплины в Армии. Ни одного действительно важного этнополитического вопроса, например, об автономизации внутренней политики и сферы социальной защиты Войск, о стратегии развития национального сообщества казаков, о создании национальной системы образования и т.п. рассмотрено не было. Правда, по земельной проблеме Общеказачий съезд принял необходимую, политически актуальную резолюцию. «*Все земли Казачьих Войск*, — провозглашалось в документе, — *леса, недра, рыболовные воды и прочие угодья, как историческое достояние казачества составляют неотъемлемую неприкосновенную собственность каждого Казачьего Войска*»[15].

"Земельная" резолюция оказалась, конечно же, только благопожеланием, поскольку при отсутствии реальных механизмов автономной власти (в том числе, и вооруженных сил защиты войскового правопорядка) казацкое население Войск не могло спокойно и эффективно распоряжаться ресурсами родных земель. Вопрос же автономизации, равно как и все другие острые вопросы, касающиеся обеспечения этнополитических прав казаков на землях Присуда, организаторы Общеказачьего съезда постарались, по мере возможности, обойти стороной. Следует отметить также, что часть казацких делегатов, представляющих, в основном, младшее офицерство, не согласилось с решениями Общеказачьего съезда. Эти одержимые левыми идеями делегаты покинули съезд и образовали так называемый Центральный совет казаков. Логика политического процесса неизбежно привела этих казацких коллаборантов в лагерь большевиков — в дальнейшем Центральный совет казаков являлся, по существу, служебной структурой Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Выполняя политический заказ РСДРП(б), Центральный совет казаков старался удержать фронтовые казацкие части от силового вмешательства в политические процессы в Петрограде. Для этого казацкие коллаборанты активно пропагандировали идеологему «трудового казачества» и лукавый жупел неучастия казаков в «братоубийственной войне».

В то время как высшее казацкое офицерство проводило помпезное, но политически бесполезное мероприятие, в Области Войска Донского происходил интенсивный этнополитический разогрев. При поддержке оппозиционных Временному правительству политических партий, прежде всего эсеров и меньшевиков, по всему Дону началось учреждение Советов крестьянских депутатов. Местные организации Советов создавались, в первую очередь, в тех округах Войска, в которых имелся значительный массив этнически неказацкого «иногороднего» населения — в Ростовском, Донецком и Сальском округах. Параллельно с Советами крестьянских депутатов учреждались исполкомы и земельные комитеты Крестьянского союза — организации, объединявшей усилия партий эсеров, меньшевиков и народных социалистов в части решения «земельного вопроса».

Наблюдая растерянность этнического казачества и, напротив, решительную поддержку со стороны левых политических партий «иногородние» немедленно приступили к реализации политики «черного передела» казацких земель. Исполкомы Советов крестьянских депутатов стали волевыми методами смещать окружных и станичных атаманов со своих должностей, разоружать полицию, создавать народную милицию (фактически крестьянские бандформирования), проводить конфискации хлеба, тягловых лошадей и сельскохозяйственного

[15] Труды Общеказачьего съезда 23—29 марта 1917 г. Петроград, 1917. — С. 58—60, 70 сл.

Царь отрекся - война закончилась. Донские казаки в период вынужденного фронтового безделья. Юго-Западный фронт. Апрель 1917 г. ***(Архив В.П. Мелихова)***

инвентаря в богатых казацких усадьбах. Разграблению подверглись, например, усадьбы Орловых-Денисовых, Новиковых, Ушаковых, Супруновых, Кутузовых и других крупных донских землевладельцев. Серьезно пострадали некоторые частные конные заводы, принадлежащие казакам, особенно в Сальском округе. Даже российские историографы, вообще избегающие в своих исследованиях артикулированных оценок, вынуждены признать, что первоначально стихийные действия «иногородних» очень скоро приобрели целенаправленный антиказацкий характер. Произойти это могло, конечно, только благодаря эмиссарам левых политических партий, которые по этническому происхождению всегда являлись неказаками.

Историк Р.Г. Тикиджьян отмечает:«Именно Исполкомы уже со второй половины марта 1917 года, а позднее и земельные Комитеты стали проводниками идеи земельной реформы [*фактически разграбления и конфискации родовых земель казаков. — Н.Л.*]. Стихийные, разрозненные выступления коренных и иногородних крестьян превратились в целенаправленные акции против сложившейся системы землепользования и землевладения. Это выражалось в произвольном [*т.е. принудительном. — Н.Л.*] установлении низких арендных цен на пахотные земли, угодья и сенокосы (например, 3 руб. вместо 15 руб.). <…> В отдельных имениях крестьяне и сельхозрабочие предъявляли требования к администрации, изгоняя управляющих, конфискуя хлеб и инвентарь. <…> Местами произошли запашки чужих земель, захваты лугов и пастбищ, порубки войсковых и частновладельческих лесов. Выступления крестьян и иногородних носили пока мирный характер, факты поджогов имений

и покушений на убийство помещиков были исключением. Но уже с марта по июнь 1917 г. на Дону, по неполным данным, произошло около 20 крестьянских выступлений»[16].

Напомним, что речь идет о периоде до Октябрьского переворота 1917 г., — в это время партия большевиков занимала на Дону и на остальных землях Казацкого Присуда по существу маргинальное положение. Однако объективно сформировавшийся этнополитический заказ «иногородних» на тотальное социально-экономическое и политическое умаление казацкого народа уже в этот период подстегивал разрушительную энергию всех внешних, враждебных казакам акторов. В условиях резкого обострения конфликта между казаками и «иногородними» Временное правительство (председатель князь Г.Е. Львов), побуждаемое тревожными телеграммами с Дона, решилось обратиться с официальным Воззванием (от 3 апреля 1917 г.) к населению Области Войска Донского. «*Поспешное желание самовольно решить земельный вопрос крайне опасно и вредно*, — безвольно уговаривало «иногородних» Временное правительство, — *могут произойти нежелательные столкновения как между казаками и крестьянами, так и между крестьянами и помещиками. Нужно спокойно ждать созыва Учредительного собрания*»[17].

Безвольное пустословие о «нежелательных столкновениях» (как будто могут быть «желательные столкновения» среди граждан одного государства?) не могли, конечно, ни утолить алчные вожделения «иногородних», ни успокоить обоснованные опасения казаков относительно возможных насильственных действий со стороны инонациональных соседей. Начиная с лета 1917 г., общей этносоциальной реакцией на очевидную политическую импотенцию Временного правительства стала усиленная организационная подготовка противоборствующих сторон к грядущему разрешению «земельного вопроса». Инициатива в политическом структурировании, в установлении надежных вертикальных и горизонтальных связей со своими политическими сторонниками во всех отделах Войска Донского весной 1917 г., бесспорно, принадлежала «иногородним» и их внешним покровителям во всех российских партиях. Этнические казаки не сумели обрести надежной внешней поддержки среди политических партий революционной России.

Активность «иногородних» (и часто смыкающихся с ними так называемых «коренных» крестьян) к апрелю-маю 1917 года привела к ранее немыслимой и, конечно, абсурдной ситуации, когда этнические казаки стали де-факто утрачивать административную власть в собственных станицах. К апрелю 1917 г. практически во всех крупных станицах Войска Донского возникли крестьянские Исполнительные комитеты и/или Советы крестьянских депутатов, которые демонстративно игнорировали решения казацких станичных правлений, не признавали войскового статуса донских поселений и административных полномочий станичных атаманов. Все местные политико-административные структуры «иногородних» в той или иной степени пользовались поддержкой Донского исполнительного комитета (ДИК), который возглавлял председатель Донского областного комитета Конституционно-демократической партии А.И. Петровский. ДИК признавался полномочным представительским органом Временного правительства и, соответственно, высшим органом власти в Области Войска Донского.

---

[16] *Тикиджьян Р.Г.* Казачество и крестьянство Дона в революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. Поиски консенсуса и противостояние// Казачий сборник. Выпуск 2. — Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 2000. — С. 85–86.

[17] См. подробнее: *Золотов В.А., Пронштейн А.П.* За землю, за волю… — Ростов н/Д, 1974. — С. 226–227.

Возглавлявший ДИК Андрей Петровский обладал дворянским статусом, имел репутацию литератора и, как многие кадеты, безвольного политического говоруна. Формально Петровский числился казаком по происхождению, уроженцем станицы Каменской. Однако, по своему фактическому мироощущению, это был глубоко русифицированный человек, который почти не интересовался казацкой станичной жизнью, посвящая свое время литературным и юридическим занятиям (являлся присяжным поверенным). Донской исполнительный комитет при А.И. Петровском проводил уклончивую, невнятную политику, фактически потворствовал развитию вожделений «иногородних» относительно скорого «черного передела» казацкой земли.

Таких «казаков», как Андрей Петровский, в революционные годы на Дону, особенно в Ростове и Новочеркасске, было немало. Именно они в интеллектуальном отношении, а зачастую и организационно мостили дорогу для триумфального шествия большевиков по землям Присуда. *«Язва, разъедающая современное нам интеллигентное казачество,* — нелестно характеризовала подобных деятелей войсковая газета, — *буквально та же, которою болеют и все почти русские интеллигенты-космополиты, тянущие ко всякой иногородчине: это — ложный стыд или нежелание быть самим собой. Не желают осознать, что казачество далеко не отжило еще свой век, и казачий национализм, как здоровое понятие, диктуется прямо-таки государственною точкой зрения, чуждою всякого намека на «сепаратизм», в котором недавно еще вздумали, не без лукавства, обвинять «наши депутаты-кадеты» покойного Атамана Ф.Ф. Таубе*[18] *за провозглашенный им в Войсковом Совещании экономический девиз: «Дон — для донцов»*[19] .

Донской исполнительный комитет пытался, конечно, сгладить остроту конфликта между «иногородними» и казаками, однако все вяловатые инициативы ДИКа в этом направлении упирались в стену взаимной враждебности конфликтующих сторон. Попытка создать единую для всех систему управления в Войске Донском в виде объединенных Советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов с треском провалилась — станичное казачество негативно восприняло саму идею участия «иногородних», и вообще каких-либо инонациональных чужаков в административном управлении на казацких землях. В период с марта по сентябрь 1917 г. только около десяти местных Советов на территории Войска Донского включали представителей казацкого народа.

Если создание единых с казаками органов самоуправления на Дону сразу же забуксовало, то политическая консолидация неказацкого населения шла семимильными шагами,

---

[18] *Фон Таубе Федор Федорович* (15.06.1857 — 23.02.1911) — этнический немец, из дворян Лифляндской губернии. В 1877 г. окончил Павловское военное училище. В 1884 г. завершает военное образование в Николаевской академии Генерального штаба. Боевой офицер, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., за умелое командование и тяжелое ранение в сражении у Джуранли награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Военный агент (атташе) в Бухаресте и Белграде. В 1899—1903 гг. командир 148-го пехотного Каспийского полка. Начальник штаба (с 10.06.1903 г.) Оренбургского Казачьего Войска. Губернатор и Наказной атаман Оренбургского Казачьего Войска (с 09.04.1906 г.). Наказной атаман Войска Донского (с 17.03.1909 г.). Проявил себя как убежденный сторонник развития казацкой этничности. Во вверенных Войсках Фон Таубе развивал казацкое образование, последовательно защищал экономические интересы казацкого народа. Являлся инициатором общественной дискуссии об организованном переселении «иногородних» за пределы Войска Донского. Неожиданно умер в Новочеркасске от заражения крови (23.02.1911). В казацкой среде широко распространились слухи о политическом убийстве (отравлении) Фон Таубе.

[19] *А.Г.* Казачий национализм// Голос казачества (Новочеркасск). № 35 (29.07.1912).

Барон Федор фон Таубе - один из лучших Наказных атаманов Войска Донского. Фотография начала XX века.

что в значительной степени обеспечивалось невероятной актвностью левых партий. Состоявшийся 14—24 мая 1917 г. Первый Донской областной съезд крестьян оказался весьма представительным — обсудить цели и методы радикальной земельной реформы съехались 900 делегатов от «коренных» и «иногородних» крестьян. Практически все делегаты были категорично настроены в пользу «черного передела»: в итоге главным требованием съезда стала передача войсковых казацких земель в общенародный земельный фонд Донской области (упоминание слова «Войско» делегаты-неказаки демонстратив но старались избегать). При этом все частновладельческие земли планировалось отобрать без каких-либо денежных компенсаций. Изъять надлежало, по мнению делегатов-крестьян, также все государственные земли Войска (казенные, собственно войсковые, монастырские и т.д.). Созданный, таким образом, «общенародный фонд области» предполагалось немедленно поделить в равных долях на всех граждан Российской империи волею случая оказавшихся на землях Дона, однако, в первую очередь землей наделялись те местные жители, кто фактически занимался сельским хозяйством[20].

Чтение итоговой резолюции 1-го Донского областного съезда крестьян не оставляет сомнений, — этот документ являлся одним из вариантов вековечной мечты великорусского крестьянина об уравнительном «черном переделе»[21]. Очевидно также, что казачество, ни при каких условиях, не могло согласиться с этим планом фактического разграбления земельного достояния казаков Дона. Эту простую мысль пытался донести до делегатов съезда известный казацкий общественный деятель М.П. Богаевский[22]. Профессиональный историк, поборник идеи самобытного развития казацкого народа Митрофан Богаевский от природы был мягким, интеллигентным человеком. Круг дореволюционных занятий Богаевского (директор мужской гимназии в станице Каменской) никак не мог способствовать его политической радикализации. Тем не менее, речь казацкого докладчика прозвучала весьма жестко. М.И. Богаевский недвусмысленно предупредил собравшихся, что казаки «всеми мерами

[20] *Кирченко Ю.К.* Революция и донское казачество. — Ростов н/Д, 1988. — С. 49—51..

[21] ГАРО. Донской областной крестьянский съезд 14-24 мая 1917 г. Протокол заседаний. — С. 36—37.

[22] *Богаевский Митрофан Петрович* (23.11.1881 — 14.04.1918). Этнический казак. Окончил историко-

Митрофан Петрович Богаевский - историк, выдающийся оратор, идеолог "казацкого пути". Зверски убит красными палачами в Балабановской роще Ростова-на-Дону 1(14) апреля 1918 г.

будут добиваться отстаивания своих кровных интересов» в сфере землепользования.

«Иногородние» делегаты совершенно проигнорировали, к сожалению, это предостережение. В момент проведения съезда, они, наверное, чувствовали себя вознесенными на самый гребень «девятого вала» Истории. Весь апрель 1917 г., то в одном, то в другом отделе Войска Донского вспыхивали открытые столкновения между казаками и «иногородними», причем последние подчас вели себя очень напористо. Дерзость «иногородных» подхлестывалась упорно циркулирующими в их среде слухами, что привилегированное положение казаков в сфере земельной собственности уже упразднено в столице, вместе с казацкой «сословностью». Все бóльшая радикализация Советов рабочих и крестьянских депутатов в Ростове-на-Дону и других промышленных центрах Войска Донского, в которых все сильнее чувствовалось влияние большевиков, создавала «иногородним» переселенцам дополнительную точку опоры.

Таким образом, реалистичная оценка всех внутриполитических обстоятельств, которые вели к обострению межэтнического противостояния на Дону (а также в других Казацких Войсках) весной-летом 1917 г., объективно подводит к выводу, что в этот период казаки являлись скорее обороняющейся стороной и уж совершенно точно — не желали углубления русско-казацкого конфликта. Оборонительный характер этнополитических и даже военных усилий казаков, который сохранялся и в последующее время, обусловил, в итоге, финальное поражение казацкого народа в борьбе с мощным альянсом «иногороднего» населения Присуда и административно-карательной машины Советского режима.

филологический факультет Петербургского университета. В годы учебы — председатель Донского Землячества. С 1914 г. — директор мужской классической гимназии в станице Каменской. Идеолог «казацкого пути», специалист по истории донского казачества. Председатель I Общеказачьего съезда в Петрограде (март 1917), председатель I съезда донских казаков в Новочеркасске (май 1917). Заместитель Войскового атамана, председатель Донского Войскового круга (июнь 1917 — январь 1918). Зверски убит красными палачами в Балабановской роще у Ростова. Газета «Донские ведомости», № 77 (1/14.04.1919) назвала Митрофана Богаевского «национальным героем казачества».

В историографии, посвященной событиям Гражданской войны в России, нередко приводится известная установка Льва Троцкого, якобы озвученная им на заседании Революционного Военного Совета республики (РВС) в марте 1919 года. ***«Казаки являются единственным сообществом России,*** — сказал будто бы председатель РВС, — ***способным к самоорганизации, именно поэтому они должны быть уничтожены поголовно»***. Мы не будем сейчас выяснять: излагал ли Л.Д. Троцкий мысль о необходимости уничтожения казацкого народа именно в такой формулировке. Всякий объективный историк, который возьмется за штудии событий Гражданской войны, легко убедится, что данная мысль Троцкого (в том случае, если он действительно высказал ее) основывалась на очевидных реалиях: из всех восточнославянских народов Российской империи казаки продемонстрировали в событиях революционной катастрофы наибольшую способность к этнополитической самоорганизации. И если политические вожди казачества не сумели в полной мере использовать такое выдающееся качество собственного народа — вопрос возникает об идеологической и организационной состоятельности казацкой элиты периода Революции, но никак не о слабом этнополитическом потенциале казацкого народа в целом.

Донской Войсковой Круг и восстановление демократической процедуры избрания Войскового атамана ВД. События на Дону, Кубани и Тереке после Февраля 1917 г. показывают, что, несмотря на первоначальную растерянность, охватившую казацкое население Присуда, политическая консолидация казаков эволюционировала здесь весьма быстро и, в отличие от великорусов и даже украинцев, происходила только в одном — сугубо этническом, внепартийном дискурсе. Казаки в своем абсолютном большинстве быстро преодолели идеологическое разделение на «красных» и «белых». Подобно полякам, чеченцам, башкирам и другим, этнически состоявшимся народам, широкие слои казацкого населения объединялись, прежде всего, на основе этнокорпоративного сознания. Идея защиты социально-политической независимости Казацких Войск от интернационального диктата режима РКП(б), идея защиты достоинства и достояния казаков — вот что объединяло людей, называвшихся казаками. Интернациональная идеология коммунизма была сразу же отвергнута абсолютным большинством казацкого народа. Уход в Красную Армию, сознательная помощь большевикам — навсегда выводили этнического коллаборанта «за скобки» казацкого народа, превращали в презираемого изгоя.

Степень отрицания идеологии и практики Советского режима прямо зависела от степени «русификации» того или иного Казацкого Войска. Более тесная генетическая связь казаков конкретного Войска с местным великорусским населением, наличие бóльшего синкретизма казацких и русских ментальных установок — автоматически определяли и бóльшую склонность данного Войска к позитивному восприятию идей большевизма. И, наоборот, чем меньше чувствовалось размывание традиционной культуры и «запорожско-донского» генофонда в данной географической части Казацкого Присуда — тем более жесткий и последовательный отпор получали тут большевистские агитаторы. Указанная зависимость хорошо иллюстрируется примерами Оренбургского и Уральского Казацких Войск. Оренбургское Войско, численно весьма значительное, но очень сильно русифицированное в генетическом и социальном плане, боролось с большевиками вяло, во всяком случае — непоследовательно. Генетически консолидированное Уральское Войско, напротив, продемонстрировало высочайшую степень казацкой этнополитической мобилизации. В этом Войске практически не

оказалось этнических коллаборантов — казаки Седого Яика, в широком смысле, в интернациональную колонну большевизма вообще не встали. На всех этапах Гражданской войны казаки-уральцы, невзирая на свое крайне неблагоприятное стратегическое положение, продолжали сражаться с оккупационными формированиями Красной Армии исключительно упорно.

Войско Донское, исследование этнополитических процессов в котором мы поставили (по очевидным причинам) в основу настоящей книги, занимало среднее, промежуточное положение по уровню фактической «русификации» среди других Войск. Донцы уступали, как будто бы, в развитости этнополитического чувства казакам Уральского и Кубанского Войск, но заметно превосходили в этом отношении своих побратимов из Оренбургского, Забайкальского и других русифицированных Войск азиатского Востока. По данным известного ростовского исследователя, доктора исторических наук Андрея Венкова — «в 1918 году по всей Донской области 18% боеспособных казаков ушли в Красную Армию, 82% были «в белых»[23]. Таким образом, в начальный период Гражданской войны к большевикам добровольно или принудительно (например, чтобы не быть расстрелянным после захвата в плен) перешел только каждый пятый донской казак репродуктивного возраста. Этот факт свидетельствует, бесспорно, об органичном неприятии, даже отвращении к коммунистической идеологии подавляющего большинства казаков донской части Присуда. В последующее время, в период Малой Гражданской войны (1921—1922), значительная часть «красных» казаков, окончательно убедившись в преступной, антиславянской сущности Советского режима, станет национальными повстанцами.

Этнополитическая консолидация донских казаков началась уже через две недели после Февральского переворота. В середине марта 1917 года в столице Войска были созданы Союз донских казаков и Союз донских казачьих офицеров, которые вскоре слились, образовав «Войсковой союз донских казаков». Своей основной задачей «Войсковой союз» считал восстановление традиций казацкой национальной демократии в полном объеме. Уже в первых обращениях к станичникам, активисты «Войскового союза» призывали к немедленному восстановлению исконных механизмов казацкого самоуправления — станичных, отдельских и Войскового Кругов. Одновременно шла подготовка к проведению Первого съезда донских казаков в Новочеркасске.

Это важнейшее политическое мероприятие в форме Донского Войскового Круга состоялось в период с 16 по 27 апреля 1917 г. На Войсковой Круг собралось 740 делегатов от 136 станиц, 9 округов, 8 полков и других казацких воинских формирований[24]. Эпохальное значение данного Круга ясно осознавалось казаками. «*Объявляю заседание Донского Войскового Круга, после двухсотлетнего перерыва, открытым!*» — возгласил ведущий идеолог казачества этого периода Митрофан Богаевский, — и огромная зала Войскового собрания, плотно заполненная мужчинами в казацких кителях, взорвалась восторженными криками и рукоплесканием. В обстановке общеказацкого энтузиазма было самое время, казалось бы, четко провозгласить курс на территориально-политическую автономию донских казаков в составе России, утвердить флаг и гимн Войска Донского, немедленно принять

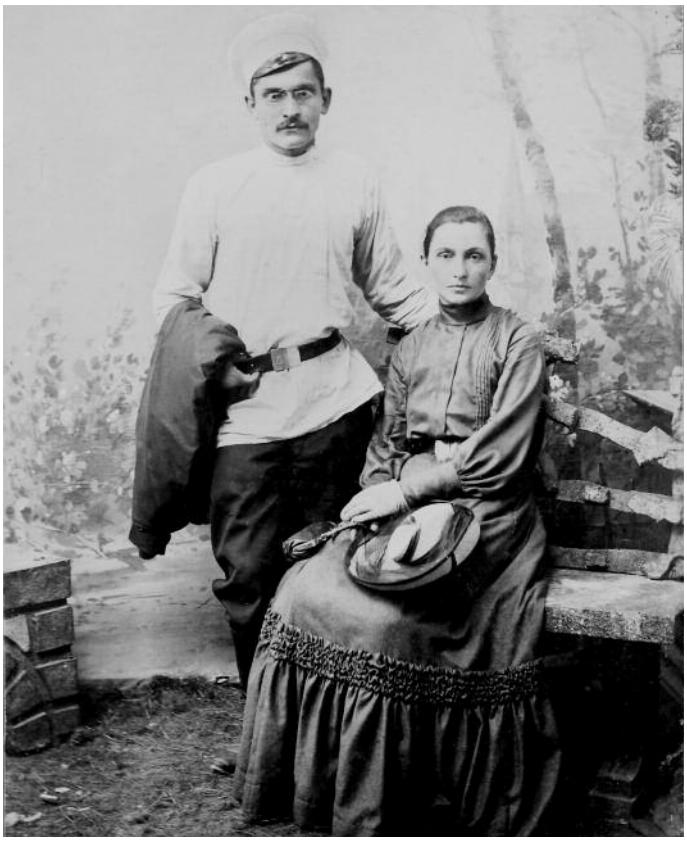
[23] *Венков А.В.* Вёшенское восстание. — М.: Вече, 2012. — С. 15.

[24] *Тикиджьян Р.Г., 2000*. Указ. соч. — С. 87.

решение о создании регулярных внутривойсковых сил самообороны. Однако, эти важнейшие решения, которые могли обеспечить Войску Донскому дополнительный, как минимум — полугодовой резерв времени для проведения необходимых структурных реформ и надлежащей подготовки к реальному суверенитету, к сожалению, так и не были приняты. Первый Круг Дона, отражая общерусское сознание значительного числа делегатов, непропорционально много времени посвятил обсуждению вопросов, которые к национальным проблемам этнических казаков «здесь и сейчас» относились лишь косвенно. В частности, происходили бурные дебаты по вопросу доверия результатам Февральского переворота, принималась «потешная» резолюция о контроле за деятельностью Временного правительства, — как будто бы казаки из Новочеркасска могли осуществлять какой-то действенный контроль в Петербурге? Круг долго, в какой-то степени изнурительно долго для делегатов обсуждал целесообразность функционирования земских учреждений на Дону, хотя для всех собравшихся являлось очевидным, что земские учреждения немедленно стали бы антагонистами для традиционных казацких форм местного самоуправления. Тем не менее, руководствуясь опять-таки общероссийским государственным сознанием, а не идеологией автономизма, — Круг выразил поддержку идее земских учреждений в Войске.

Действительно важные для донской части Присуда решения исчерпывались, по существу, двумя резолюциями. Во-первых, было принято судьбоносное структурное решение о восстановлении демократической процедуры избрания Войскового атамана и формировании Войскового Совета (Донского Войскового правительства). Во-вторых, Первый Войсковой Круг резолюцией «О пользовании землей и всеми ее угодьями» закрепил неотъемлемое и исключительное право казаков на преимущественное пользование земельными ресурсами Войска Донского. «*Юртовые и войсковые запасные земли*, — четко формулировалось в резолюции, — *составляют собственность Донской войсковой казачьей земельной общины*». Одновременно, эта же резолюция требовала отчуждения частновладельческих (т.е. не принадлежащих Войску) земель в пользу государства, с последующим равным (по норме) распределением этих земель среди малоземельных коренных крестьян и казаков. Земельные требования «иногородних» не обсуждались на Первом Войсковом Круге Дона. Делегатам-казакам, особенно приехавшим с земли — из станиц, было очевидно, что шкуру одного медведя можно разделить «на троих» только разрывом ее на три, никому не нужных лоскута. Требование нищенской земельной «чересполосицы» — привычная и даже возводимая в идеал мечта русского крестьянина — вызывала в казацких душах пароксизм ненависти и отчаяния. Ведь речь шла, в конечном счете, не о чьих-то гипотетических землях или об обезличенном государственном земельном фонде, а о пашнях, выгонах и сенокосах, которые извечно принадлежали их пращурам, дедам и отцам.

В целом деятельность и результат работы Первого Войскового Круга Дона адекватно отражали реальное мироощущение казацкого народа (и, соответственно, реальный уровень его этнополитического сознания) на период катастрофы русской государственности 1917 г. Базовые слои казацкого этноса — простые станичники мыслили зачастую более рационально и последовательно, действительно «по-казацки», нежели верхний слой донского офицерства и, особенно, гуманитарной интеллигенции. Однако, в силу понятных причин, простые станичники сформировать актуальную политическую повестку дня для Присуда, конечно, не могли. Такую задачу пыталась решить казацкая интеллигенция, но, прежде всего, — высшее



“Донской златоуст” Митрофан Богаевский вместе с супругой Надеждой Богаевской (Баклановой). 20 августа 1915 г. (*Архив В.П. Мелихова*)

офицерство, которое подчас оценивало революционные события с позиций даже бóльшей русскости, нежели сами уроженцы Великороссии. Стратегическая невнятица войсковой элиты, прошедшей основательную (200-летнюю!) прокатку имперским «великорусским катком» (Ис.Ф. Быкадоров), в итоге дорого обошлась казацкому народу.

Исторические источники периода Октябрьского переворота (официальные документы, газеты, воспоминания очевидцев и т.п.) свидетельствуют, что российское казачество в 1917–1918 гг., совершенно неожиданно для него самого, оказалось в ситуации идеологического и этнополитического разброда. Лишь очень немногие представители казацкой национальной элиты, подобно «Донскому Златоусту» — как с любовью называли Митрофана Богаевского станичники, имели убеждение, что сила и организованность казацкого народа способны преодолеть русскую анархию и большевистский произвол, надвигавшиеся с севера на земли Присуда. Однако таких людей в казацкой элите революционных лет было катастрофически мало. Главной особенностью внутренней структуры казацкого этноса в тот период являлся феномен абсолютного иерархического и мировоззренческого преобладания армейского офицерства. Политический типаж, авторитетный для большинства казаков — от простых станичников до делегатов в Учредительное собрание — обязательно должен был включать золотые погоны, как минимум войскового старшины, а лучше — генеральские. Именно высшее офицерство, как на Дону, так и в других Войсках, формировало политическую повестку дня для всего народа казаков. Воспитывалось же это офицерство в имперских военных училищах, а окончательную «шлифовку» (в своем большинстве) получало в Императорской Николаевской академии Генерального штаба. Связанный тысячами служебных, дружеских, бытовых нитей с этнически русским офицерством, казацкий генералитет постепенно отучался мыслить в национальных казацких категориях, становился «русским» не только по государственной службе, но в значительной степени — по личному менталитету. Не приходится удивляться поэтому, что политические воззрения и соответственно политические программы, которые формировались в головах генералов-казаков, весьма часто напоминали оторванные от жизни прожекты спасения великорусского народа от хаоса и разрухи, которые этот народ сам же и создал, — ввиду своей этнополитической девиантности и привычке во всем следовать за перстом актуальной власти. При этом казаки-генералы как-то не

понимали, что спасти многомиллионный, демографически мощный народ от катастрофы Революции и антирусских «кормчих» — помимо его собственных усилий, и даже в противоречии с его органичными наклонностями — заведомо невозможно. Автономия и военные гарантии самоуправления Казацкого Присуда, участие народа казаков в созидании новой федералистской России не в убогой роли «охранника великороссов», а с весомой позиции «свободного, хорошо вооруженного мужчины»[25] — эти идеи Митрофана Богаевского (разделяемые, что очень важно, большинством станичников) с огромным трудом пробивали себе дорогу в политическое сознание казацких генералов. Программа национального казацкого суверенитета была выстрадана военной элитой казаков, по существу, только под влиянием закономерного военного поражения в Гражданской войне, а свое внятное концептуальное воплощение обрела уже в среде казаков-эмигрантов.

«Русский путь» генерала Алексея Каледина. Типичным представителем казацкого генералитета Российской империи — казаком по крови и месту рождения, но глубоко русским человеком по этнополитическому сознанию являлся первый легитимно избранный после Февральского переворота Войсковой атаман Дона Алексей Максимович Каледин.

Политическая деятельность генерала Каледина получила в российской историографии противоречивые, даже полярно-противоположные оценки. Следует подчеркнуть, что справедливая оценка этнополитической составляющей в деятельности первого донского Войскового атамана периода Революции имеет, на наш взгляд, краеугольное значение. Это важно и с точки зрения установления исторической истины, и для процесса самовосстановления казачества, который, хотя крайне тяжело, но все же происходит на землях Присуда. Некоторые авторы истово, буквально по-ленински, клеймят атамана, как воплощенное контрреволюционное зло, утверждая при этом, что Каледин, ничтоже сумняшеся, — «мечтал о лаврах палача Парижской Коммуны Адольфа Тьера, планируя столь же зверски расправиться с Российской Коммуной»[26]. Другие исследователи считают А.М. Каледина своего рода «рыцарем чести», стойко исполнившим свой воинский и человеческий долг в хаосе русской Революции[27]. В казацкой эмигрантской литературе, во многих современных исследованиях и художественных произведениях, созданных пером этнических казаков, — деятельность, а особенно политический финал пребывания Каледина на посту «первого среди равных» в Войске Донском обычно показаны несколько заретушированными. Авторы-казаки хорошо знают, правильно оценивают, но явно не хотят детально обсуждать очевидные политические неудачи «Атамана-Печаль». В основе такой позиции — вызывающий, ломающий казацкие представления о достойной гибели в борьбе, факт трагического ухода атамана Каледина из жизни. Казаки любых поколений volens-nolens, но чувствуют какую-то долю своей причастности (пусть и через своих предков) к этой трагедии[28].

---

[25] Парафраз знаменитого изречения одного из отцов-основателей США, выдающегося политика и писателя Бенджамина Франклина: «Демократия — это пространство договоренности свободных, хорошо вооруженных мужчин».

[26] *Голуб П.А.* Правда и ложь о «расказачивании» казаков. — М., 2009. — С. 25.

[27] *Марченко Г.В.* Дорогой чести. Генерал Каледин. Военная и государственная деятельность А.М. Каледина (1889–1918 гг.). — М., 1996.

[28] Яркая и, одновременно, глубокая оценка деятельности А.М. Каледина дается в книге этнического казака, начальника штаба Донской армии И.А. Полякова. См. современное издание: *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками 1917–1919. — М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. — С. 624.

Объективный, хорошо выверенный в историографическом аспекте, обзор деятельности первого Войскового атамана революционного Дона сделан в книге историка С.А. Кислицына. «Казачья» концепция этого ростовского исследователя в целом предполагает, как нам видится, оправдание палаческой деятельности большевиков на землях Присуда и осторожное перенесение вины за репрессии Советского государства против казачества на самих же казаков[29]. Вместе с тем, оценка историком атаманской миссии Каледина не может вызвать возражений. «Эпистолярное наследие генерала, — размышляет С.А. Кислицын, — свидетельствует о нем, как об элитарном офицере европейского типа: мужественного, некурящего, непьющего, не сквернословящего, молчаливого и даже угрюмого, по-немецки скрупулезного и педантичного, ценителя французской литературы, при этом всю свою жизнь посвятившего исполнению воинского долга перед Российской империей. <…> Блестящий офицер Генерального штаба империи, талантливый полководец, генерал от кавалерии А.М. Каледин, несмотря на свое казачье происхождение и службу в казачьих частях в начале карьеры, после избрания в 1917 году атаманом Войска Донского, **не стал ни казачьим идеологом, ни казачьим полководцем, ни казачьим вождем. А.М. Каледин практически исчерпал свою казачью идентичность в этнополитическом смысле этого понятия и не видел военного и политического будущего старого казачества в новых условиях** [выделено нами. — Н.Л.]»[30].

Для обоснования своей весьма строгой оценки, С.А. Кислицын выдвигает аргумент, важность которого невозможно переоценить: за три года пребывания на фронтах Великой войны генерал-казак, в письмах своей жене, практически никогда не касался не только этнически казацкой, но даже вообще казацко-фронтовой тематики. Исследователь находит удивительным, что потомственный казак, который родился в станице и получил базовое образование в Усть-Медведицкой казачьей гимназии, даже в годину тяжкой боевой работы (и, соответственно, смертельной опасности) не вспоминал — «ни казачьи подразделения, ни Донское казачье войско, ни казаков вообще»[31]. При этом генерал Каледин часто очень подробно описывал ход военных действий, детали конкретных сражений и даже психологическое состояние императорской армии. В частности, будущий атаман Войска Донского с удивлением отмечал, что в русских полках «*наряду с замечательным бесстрашием и самопожертвованием, есть случаи самого позорного поведения; что странно, — и то, и другое повторяется с одной и той же частью*» [32]. Получается, таким образом, что материальное и духовное состояние русской армии в целом интересовало будущего Войскового атамана неизмеримо сильнее аналогичного состояния родных для него казацких полков.

Этнополитическую «русскость» атамана Каледина вряд ли можно считать неким особым духовным феноменом. Напротив, его русские психологические доминанты: образ мыслей «по-русски», мир чувств, даже великорусский, по сути, стереотип бытового и политического поведения — во многом идентичны таковым у большинства кадровых офицеров-казаков высшего звена императорской армии. Подспудно, весьма постепенно, но органично входящая в сознание казацкой элиты «русскость» (в ее европеизированном изводе) де-факто превращала казацкий генералитет в сочленов великорусского этносоциума,

[29] *Кислицын С.А., 2015*. Указ. соч. — С. 103–107.
[30] *Кислицын С.А., 2015*. Указ. соч. — С. 106.
[31] *Кислицын С.А., 2015*. Указ. соч.— С. 104.
[32] Генерал А.М. Каледин. Фронтовые письма 1915–1917 гг. — Ростов н/Д, 2011. — С. 90.

сообщала им очевидные достижения «русского мира» и, к сожалению, его органичные пороки. В своей практической деятельности в период Гражданской войны эти люди служили, в первую очередь, той, уже навсегда угасшей императорской России, которой они были обязаны своим личным выдвижением на служебный армейский олимп. Общерусское сознание не позволяло казацкой военной элите понять, что усилиями одного, демографически очень небольшого народа казаков спасти имперскую, несостоявшуюся Россию от России новой, советской (т.е. от самой себя), — a priori невозможно.

Представляется очевидным, что присутствие в высшем слое казацкого народа критически значимого числа людей, которые обладали не столько этнически казацким, сколько общеимперским сознанием, и предопределило, в конечном итоге, финальный проигрыш борьбы казацкого народа с подлинно «русским альянсом» — союзом «иногородних» крестьян-переселенцев и большевиков.

Все свидетели эпохи, которые когда-либо близко контактировали с Алексеем Калединым, сохраняли затем глубокое уважение к личности этого человека, подчеркивали в своих воспоминаниях — прямоту, честность, достоинство его натуры. Однако, наиболее лестных, превосходных оценок генерал Каледин удостоился не за свою военную деятельность на посту командующего 8-й армией Юго-Западного фронта и, тем более, не за атаманское служение, а за верность, искреннюю преданность российской государственной идее. Наиболее проницательные толкователи подлинного смысла служения Каледина подчеркивали, что атаманская стезя стала для генерала только средством к достижению его настоящей цели (никогда не декларируемой, но всегда желанной), которой являлось восстановление национальной русской государственности.

Генерал-майор Николай Шинкаренко, выпускавший в эмиграции свои литературные труды под псевдонимом Николай Белогорский, так характеризует сущность атаманской миссии «первого среди равных» на Тихом Дону: «*Каледин являлся носителем верховной государственной власти, правда, только на небольшом Дону, но государственная идея, которую он воплощал, была того же порядка, что и идеи самых больших государств в мире, ибо она была родственна умученной государственности русской империи. Так закрутились узлы судеб, так переплелись и спутались понятия, что Дон оказался островком, на котором собрались последние остатки России, а в кустарных теориях о казачьем государстве теплились все по тому времени надежды на сохранение Государства Российского. **Поэтому и сущность власти Каледина глубочайшим образом разнилась от той антирусской сути, которая жила в претензиях всех этих новообразований, что всплыли и лопнули как пузыри в болотной мути нашего развала. Дон же в то время заменял Россию. И потому на атаманском перначе Каледина догорали последние вечерние лучи той святости, которая сияла на императорском скипетре*** [выделено нами. — Н.Л.]»[33].

Мнение генерала Шинкаренко кажется нам не только избыточно патетическим, но, пожалуй, избыточно мифологизированным — даже по меркам привычного для эмигрантской историографии «самодержавно-идиллического» контента. Царствование последнего

---

[33] *Белогорский Н.В.* Дни Каледина// Белое дело. Летопись белой борьбы. — Берлин, 1928. Т.4. — С. 62–63.

Войсковой атаман Алексей Максимович Каледин. Новочеркасск, вторая половина 1917 г. (*Архив В.П. Мелихова*)

из Романовых никак не заслуживает ареола святости, скорее наоборот, — служит зримым пособием на тему «как нельзя управлять державой». Всего за 10 лет царь Николай II сумел ввергнуть Российскую империю в два тяжелейших военных конфликта, причем ни один из них не имел, с точки зрения русских национальных интересов, даже минимально серьезных экономических или геополитических оснований. В Русско-японской войне 1904—1905 гг. Россия стала заложницей инфантильных завоевательных прожектов незадачливого самодержца и его ближайшего окружения[34]. В кровавое месиво Первой мировой войны Россию ввергли исключительно за интересы западных союзников по Антанте: страна оплачивала кровью русских солдат кабальные займы банков Франции, на которые воссоздавали уничтоженный японцами русский флот[35]. Симптоматична также удивительная слепота генерала Шинкаренко в вопросе о якобы «антирусской сути» фактически возникшей на Дону и Кубани казацкой государственности. Поразительно, но является фактом — русский офицер, прошедший страшное горнило Гражданской войны, так и не осознал, что без реального суверенитета Казацких Войск, возникшего в итоге распада империи, русское реставрационное движение оказалось бы раздавленным большевиками уже на первоначальном этапе своего формирования. Вплоть до конца Гражданской войны эфемерность «русской правой» и почти всеобщее нежелание русского населения становиться под знамена общерусского национализма предопределяли парадоксальную ситуацию, когда за «Святую Русь» и русское Учредительное собрание вынуждены были воевать, в основном, этнические казаки.

«Атаман-Печаль». Генерал Алексей Каледин принял атаманский пернач на I-м Большом Войсковом Круге Войска Донского 18 июня (1 июля) 1917 г. Решение заступить на пост Войскового атамана давалось Каледину очень трудно — будущий атаман очень долго сомневался, неоднократно консультировался, причем, в основном, — с одними и теми же людьми, был полон пессимизма. Широкую известность получила фраза Каледина, сказанная в это время: *«Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, может быть, с*

[34] *Дискант Ю.В.* Порт-Артур, 1904: пер. с польск.— М.: АСТ, 2002; Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. — М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.

[35] См. подробнее: *Уткин А.И.* Первая мировая война. — М.: Культ. Рев., 2013.

проклятиями». Впоследствии, перманентно находясь в состоянии депрессии, немногословный, неулыбчивый Каледин получил в среде казаков негласное прозвище «Атаман-Печаль».

Кошевой атаман Запорожской Сечи, исключительный по военному дарованию полководец Иван Сирко (около 1610 — 01.08.1680 гг.) очень любил лаконичные, но с глубоким внутренним смыслом максимы. Одно из любимейших изречений, которое всегда бодрый и веселый Сирко постоянно повторял: «*Коли козак смеется — турки плачут!*» Сумрачная грусть, тягостная «осень души», комплекс Чаадаева, унылая достоевщина, — никогда не являлись составляющими этнического менталитета казаков, более того, — категорически отвергались казацким сообществом как стереотип достойного поведения. Разве мог «Атаман-Печаль» стать подлинным национальным вождем казацкого народа, особенно в такую лихую годину, когда от политического лидера вновь возникшего казацкого государства a priori требовались быстрые, нестандартные решения, энтузиазм, энергия, упрямая, дерзкая вера в собственные силы?

В нашем исследовании мы не имеем возможности, по понятным причинам, детально рассматривать (как того заслуживает, может быть, противоречивая и трагическая личность Каледина) все аспекты политической деятельности первого выборного (после 1709 г.) атамана Войска Донского. Однако, на ключевых ошибках его правления, которые предопределили не только политический крах самого Каледина, но и (в значительной мере) крах казацкой этничности, следует остановиться более подробно. Важно подчеркнуть, что когда мы говорим об «ошибках Каледина», то понимаем под этой формулировкой не столько личные политические промахи атамана, но скорее — совокупность многих социальных, этнополитических и даже ситуативных обстоятельств, преодолеть которые личная харизма Алексея Максимовича, к сожалению, не смогла.

Первое обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, — удивительная, даже на фоне общей русифицированности высшего донского офицерства, духовная зависимость А.М. Каледина от ситуации на общерусском политическом поле. Будучи уже Войсковым атаманом Дона, Алексей Каледин выступил на Государственном Совещании в Москве (13.08.1917 г.). Свою речь атаман посвятил проблемам государственного управления в России, необходимости прервать «демократические реформы» в армии, пагубной роли разного сорта Советов. Атаман сообщил также Госсовещанию о своем взгляде на возможность России «вести войну до победного конца». Ни словом не обмолвился Каледин только о том, что — с учетом его высшего административного поста в Войске Донском — должно было, по логике, представлять для него главный интерес: об этнополитических и структурных проблемах Войска Донского. Завершая речь, Войсковой атаман выразил уверенность, что Россия останется в административном отношении унитарным государством, а для этого — «*всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше*»[36]. Вольно или невольно, но этим выступлением Каледин «пролил воду» на мельницу русских унитаристов, инфантильных в плане развития этничности великорусского населения, а потому страшно опасающихся межнациональной конкуренции — неизбежной в рамках федеративной модели российской государственности. Очень странная, согласимся, политическая позиция для высшего административного лица исторически

[36] Драма истории// Родина. 1990. № 6. — С. 12.

Спешенные донские казаки в окопах Западного фронта. В разгар Великой войны Ставка императорской армии при угрозе прорыва фронта стала использовать казацкие полки в качестве "пожарных команд". Белоруссия, весна 1916 г. (*Архив В.П. Мелихова*)

возникшей казацкой автономии, интересы которой настоятельно требовали развития именно федеративных начал в новой постмонархической России. Не следовало, наверное, имея подобные взгляды, брать в руки атаманский пернач Войска Донского — символ, обязывающий, в первую очередь, к всемерному развитию казацкого автономизма.

Анализ публичных выступлений, приказов, конкретных политических действий А.М. Каледина показывает, что Войсковой атаман Дона не ставил перед собой жесткой, безальтернативной задачи — в кратчайшие сроки подготовить Войско Донское к возможному военному столкновению с революционной Россией. А такой неблагоприятный сценарий, хотя и гипотетический до поздней осени 1917 г., тем не менее, отчетливо просматривался с середины лета 1917 г. Каледин проявил в этом отношении, к сожалению, необъяснимую инертность. Возможно, что он просто не верил в способность казацкого народа устоять и победить в прямой борьбе за национальный суверенитет. Такое пессимистическое мнение (если атаман действительно так мыслил) рассматривало, по-видимому, только темные стороны общей картины казацкого мобилизационного потенциала.

Исчерпанность геополитического проекта «Национальная Россия». Известно, что за четыре года Великой войны единственные армейские формирования России, в которых практически не было дезертирства, являлись подразделениями Казацких Войск. Генерал-лейтенант Н.Н. Головин, выдвигавшийся весной 1917 г. на должность начальника Академии Генерального штаба, написал в эмиграции фундаментальное исследование «Усилия России

в мировой войне». Основываясь на объективных данных по потерям среди различных родов войск императорской армии, генерал Головин пришел к выводу, что эффективность боевого применения казацких частей являлась наивысшей, а их боевые потери (в сравнении со всеми другими армейскими формированиями) всегда наименьшими. Н.Н. Головин отметил также, что по графе «боевая стойкость по народностям» казаки снова лидировали, за ними шли украинцы, великорусы занимали третью строку рейтинга[37].

Казаки-фронтовики, сражаясь бок о бок с великорусами на фронтах Первой мировой, не знали, конечно, тех статистических данных, которые были известны генштабисту Н.Н. Головину. В целом, рядовой состав казацких полков был поражен колоссальными мобилизационными возможностями великорусского этносоциума — безбрежным морем сермяжных мужиков в солдатских шинелях, которым Российская империя заливала свой пылающий фронт с Германией и Австро-Венгрией. «Дон против всей России не выстоит!» — такое убеждение утвердилось среди рядового состава казацких формирований, вернувшихся с фронта. Эта негативная оценка, бесспорно, являлась верной, если бы речь шла о консолидированной России, обладавшей эффективным государственным аппаратом, способным ввести в жесткие военно-мобилизационные рамки инертное крестьянское большинство страны. В начальную фазу Гражданской войны режим РКП(б) таким государственным аппаратом еще не располагал. Даже в середине 1919 года советская административно-карательная машина еще не была отлажена в должной мере, а боевые качества Красной Армии даже отдаленно не соответствовали боевым возможностям армии имперской России.

В конце 1917 г. национальное Российское государство, неотъемлемой частью которого являлся Казацкий Присуд, уже не существовало. Большевистский Октябрьский переворот покончил с легитимной властью в России. Одновременно, как карточный домик, рухнула политическая надстройка великорусского этносоциума: так называемая русская элита либо в ужасе затаилась по своим кладовым, либо холопски нанялась в услужение большевикам, либо панически ринулась за границу. Лишь очень немногочисленная прослойка сохранившего честь русского офицерства и столь же немногочисленная прослойка национально настроенной русской молодежи из кадетских училищ и гимназий были готовы к осознанной волевой борьбе за национальную будущность утраченной Родины. В противовес этому, русская крестьянская масса, лишенная каких-либо осознанных мотиваций к сохранению национального единства с более высокими слоями своего народа, с невероятной степенью ожесточения принялась грабить и жечь усадьбы русских помещиков, насиловать гимназисток, убивать без разбора всех тех людей, которые имели обличие «буржуя» или «офицера». В аналогичный процесс этнополитического самоубийства активно включились русский рабочий класс и городское мещанство. Во всех крупных городах рухнувшей империи началась тотальная война русских простолюдинов с русской же историей, с национальными традициями и православной Церковью. Ощущение полной исчерпанности проекта «Национальная Россия» охватило в этот период буквально все слои русского общества — никто не верил в способность великорусов к этнической мобилизации и проявлению собственной политической воли. Русский этносоциум бессильно и безвольно ожидал прихода нового хозяина.

---

[37] В современном российском переиздании книга генерала Головина имеет другое название: *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. — М.: Вече, 2014. — С. 544.

Выдающийся философ и писатель В.В. Розанов в своей книге «Апокалипсис нашего времени» так охарактеризовал послеоктябрьский коллапс русского общества: «*Ну что же: пришла смерть, и, значит, пришло время смерти. Смерть, могила для 1/6 части земной суши. «Простое этнографическое существование для былого Русского Царства и империи», о котором уже поговаривают, читают лекции, о котором могут думать, с которым, в сущности, мирятся. Какие-то «полабские славяне», в которых преобразуется* ***былая*** *Русь* [здесь и далее выделено Розановым. — Н.Л.]. «***Былая*** *Русь»... Как это выговорить? А уже выговаривается. <...> Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три... Ничего, в сущности, не произошло. Но все рассыпалось*». Русское государственное здание без связующей стромы самодержавия оказалось, на удивление, непрочным. Однако еще более эфемерными оказались этнополитические скрепы великорусской элиты, которая за считанные месяцы распалась на яростно антагонистические по отношению друг к другу социальные слои и группировки, беспомощно барахтающиеся в органически враждебной русской государственной традиции, озлобленной крестьянской массе.

В российской историографии принято укорять Белое движение за политику «непредрешенчества» будущего России до полной победы над большевиками. Доктрина «непредрешенчества», официально принятая Колчаком, Деникиным, Юденичем и другими вождями белых, признается показателем политической инфантильности, идеологического скудоумия Белого движения, неспособного, якобы, сформулировать одну яркую, привлекательную идею для объединения в единое целое всех антибольшевистских сил. Однако, при ближайшем рассмотрении, становится очевидным, что единственной, действительно яркой мобилизующей идеей, которую Белое движение могло противопоставить в тот период социальной демагогии большевиков, была идея русского национального возрождения. Жажда ускоренного этносоциального развития собственного народа, стремительное строительство русского национального государства, — вот что, по логике, должно было объединить после Февраля всех великорусов. Такая идеология активно предлагалась некоторыми заметными участниками Белого движения, но не нашла сколько-нибудь широкой поддержки даже в среде антисоветски настроенных русских. Неказацкий контингент антибольшевистских сил отнюдь не стал собранием русских националистов. Русская часть Белого движения представляла собой, в идеологическом плане, «сборную солянку»: здесь были кадеты, октябристы, эсеры левые и правые, социалисты всех мыслимых оттенков, анархисты, ретроградные и конституционные монархисты. Собственно русские националисты занимали в этом странном собрании едва ли не последнюю строчку в рейтинге политического влияния. Антибольшевистская «солянка» удерживалась в более-менее организованных формах только доктриной «непредрешенчества», и вожди белых армий прекрасно осознавали этот прискорбный факт. «Объяви мы сейчас какую-то одну платформу, — не уставал твердить своим критикам генерал Деникин, — наша Добровольческая армия прямо сегодня разойдется по фракциям, а те начнут воевать друг с другом». Уже в среднесрочной перспективе эти опасения Деникина, к сожалению, сбылись. Как только великорусская антибольшевистская «солянка» оказалась за рубежом, в эмиграции, — так немедленно в центре Европы создалось смердящее болото политического самоедства, взаимного подсиживания и предательства, в котором с энтузиазмом достойным лучшего применения неистово бултыхались многие вчерашние соратники по «Святой Белой идее».

В ситуации, когда многомиллионный великорусский народ не имел (и, похоже, не желал иметь) внятный образ собственного национального будущего, встраивание немногочисленного казацкого народа, причем в качестве основного «пушечного мяса», в реставрационное Белое движение, руководимое русским генералитетом, являлось, бесспорно, катастрофической ошибкой.

Депутат трех созывов Государственной Думы, убежденный русский националист Василий Шульгин в одной из своих книг подробно описал механизм последовательного уничтожения большевиками военной, административной и даже интеллектуальной элиты Российской империи. Вначале была частью уничтожена, а частью изгнана императорская фамилия, затем тотальному террору подвергли высшее и среднее офицерство рухнувшей империи. Страшная «мясорубка» ВЧК последовательно «переработала» все социальные слои высшего чиновничества, дворянства, духовенства, промышленников. В финале, подчеркивает В.В. Шульгин, в расстрельные списки стали попадать «дворяне вообще, духовенство вообще, чиновники вообще, интеллигенция вообще».

«Все эти группы ставились к стенке постепенно — с горечью пишет В.В. Шульгин, *— не оказывая друг другу почти никакой помощи. Жертвы были мудро разделены, каждый думал про себя: «Бог не без милости, свинья не съест». А коммунистическая хавронья, слушая эти умные речи, методично чавкала одних за другими. Если бы всех этих обреченных осветил луч прозрения, если бы они поняли «сегодня ты, а завтра — я», может быть, картина была бы иная. Встала бы дружная громада и задавила бы методических убийц. Но этого не случилось. Почему? Да потому, что то общее, что соединяло всех этих осужденных на гибель, тщательно от них скрывалось; искуснейшим образом затемнялось. И его не увидели, хотя оно было довольно ясно. Не нашлось мальчика из сказки Андерсена, который бы крикнул: «Тятенька, тятенька, да ведь все-то они русские»*[38].

Русский националист Василий Шульгин, конечно, лукавит или искренне хочет реабилитировать собственный народ от неизбежного обвинения в этнополитической несостоятельности. Никто и ничего не смог бы «искуснейшим образом затемнить» в сознании тех тысяч русских офицеров императорской армии, которые подрядились на службу в большевистское военное ведомство Льва Троцкого. Кто был способен затемнить сознание генерала Александра Верховского, бывшего Военного министра Временного правительства, ставшего в Красной Армии начальником оперативного отдела Петроградского военного округа? Или сбить с толка бывшего Верховного главнокомандующего русской армии, генерала Алексея Брусилова? В самый переломный момент борьбы Белого движения в «Правде» появилось лукавое воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», под которым первой стояла подпись Брусилова, а затем нескольких других бывших генералов. На этот призыв этнических коллаборантов в самом точном значении этих слов, откликнулись около 14 тысяч офицеров, влившихся в Красную Армию. Разве после двух лет кровавого террора большевиков, все эти 14 тысяч взрослых мужчин, преимущественно великорусского происхождения, могли не понимать, — **каким именно интересам** в интернациональном Советском государстве они будут служить?

---

[38] *Шульгин В.В.* «Что нам в них не нравится…»: Об антисемитизме в России. — СПб.: Хорс, 1992. — С. 120.

Вскоре генерал Брусилов, по личной просьбе Льва Троцкого, вновь выступил с воззванием. На сей раз — к офицерам осажденной в Крыму армии генерала Врангеля. От имени режима РКП(б) офицерам этого последнего оплота Белого дела было обещано, что все, кто сдастся добровольно, обретут право на жизнь и свободу. Многие офицеры поверили былому авторитету видного военачальника и сдались. В результате: около 120 тысяч подлинной элиты русского воинства разделили участь баранов на заклании — на протяжении нескольких месяцев их убивали без суда всеми возможными, самыми изощренными способами. Земля и прибрежные воды Крыма стали действительно красными — от русской и казацкой крови[39]. Неужели генерал Брусилов, проявивший себя отпетым циником в политических событиях Февральского переворота, неожиданно стал настолько наивным, что искренне предположил, что Лев Троцкий и Бела Кун действительно станут примеривать на себя в Крыму постыдные для них лавры миротворцев?

Кто и что мог «тщательно скрыть» от графа А.А. Игнатьева, военного агента (атташе) Российской империи во Франции? Этот сиятельный коллаборант располагал на официальных счетах суммой в 225 миллионов франков — эти деньги переслало ему казначейство царской России на закупку вооружений[40]. В 1918—1919 гг. представители Добровольческой армии, нуждавшейся буквально во всех видах военного снаряжения, слезно молили графа А.А. Игнатьева оплатить военные расходы «добровольцев». Граф отказал наотрез, а в 1925 году сдал все финансовые средства представителю Советского правительства. И это только небольшая часть правды об омерзительной коллаборантской деятельности Алексея Игнатьева, которая у большинства профессиональных историков не вызывает разночтений. Предательскую сущность деятельности Игнатьева на посту военного агента во Франции детально показал в своей работе замечательный российский историк, доктор исторических наук А.В. Ганин. Известный исследователь истории русского офицерского корпуса обоснованно доказывает, что деятельность графа Алексея Игнатьева, ставшего впоследствии генерал-лейтенантом РККА, а также его брата Павла, была направлена исключительно на получение прибыли от колоссальных ассигнований Российской империи, регулярно пересылаемых в адрес русской военной миссии в Париже. Историк Ганин приводит убедительные факты, подтверждающие, что миллионы швейцарских франков были фактически похищены Игнатьевым и его подельниками со счетов военной миссии. Через многочисленные схемы, в том числе и через схему увеличения стоимости закупок военного снаряжения для русской армии, деньги империи перетекали в бездонный карман будущего пламенного патриота Советского режима. Любопытно, что значительные средства русского правительства (причем не только похищенные) граф Игнатьев тратил на содержание французской поданной русского происхождения, танцовщицы Наташи Трухановой[41].

---

[39] В отличие от своих русских побратимов казацкие воинские подразделения отнюдь не рассчитывали на милость красного победителя и не собирались добровольно сдаваться. Однако, по общей практике всех белых армий, командование Врангеля по остаточному принципу выделяло суда для эвакуации казацких частей из Крыма. Так, только в одной Феодосии, были оставлены на берегу (т.е. на растерзание большевикам) 1-я Кубанская казачья дивизия и Терско-Астраханская казачья бригада. Аналогичная ситуация с эвакуацией этнических казаков сложилась и в других портовых городах Крымского полуострова.

[40] По современному курсу 225 млн. франков периода 1917—1919 гг. составляют сумму около 2 миллиардов долларов.

[41] *Ганин А.В.* Любимые женщины братьев Игнатьевых. Во что они обошлись России? // Родина. 2007. № 3. — С. 64—69. Симптоматично, что в современной Росфедерации не прекращаются попытки окружить предательскую

Брусилов, Верховский, Игнатьев, Зайончковский, а с ними еще около четырехсот генералов Российской императорской армии, которые, презрев присягу солдата и национальный долг русского человека, пошли в «военные подмастерья» к интернациональной, яростно антирусской клике большевиков, конечно же, не являлись слепцами или слабоумными. В своем подавляющем большинстве все эти деятели были приспособленцами и карьеристами в самом точном значении этих слов, а их этнический коллаборационизм по отношению к многострадальному русскому народу может вызывать только чувство омерзения. Неслучайно в структурах ВЧК-ОГПУ-НКВД ко всем русским «военспецам» (пока они были нужны) всегда относились со снисходительным презрением. В 1930–1931 гг., в ходе масштабной операции ОГПУ «Весна» абсолютное большинство русских этнических коллаборантов были «изъяты» чекистами и бесследно сгинули в расстрельных подвалах Лубянки[42].

Фатальная этнополитическая ошибка Донского правительства Каледина. Глубочайший внутренний кризис великорусского этносоциума, проявившийся в стремительной деградации политической культуры революционной России, уже к середине лета 1917 г. невозможно было не заметить. В условиях полного краха исторической российской государственности адекватное Донское правительство обязано было предпринять все меры к максимально быстрому укреплению военного и экономического суверенитета Войска Донского. Вступать в открытую вооруженную борьбу с государственной машиной режима РКП(б) имело смысл только на основе четкой национальной доктрины, ясно понимая: какие именно этнополитические цели ставит перед собой казацкий народ и вновь возникшее государство этого народа.

Генерал А.М. Каледин добился бы, возможно, качественно лучших результатов в сдерживании большевиков, если бы с первых дней своего атаманства решительно и без колебаний взял курс на всемерное укрепление реального суверенитета Войска Донского. Вместо этого Войсковой атаман, психологически чувствующий себя больше русским офицером, чем этническим казаком, пытался усидеть одновременно и на изломанной табуретке общерусского патриотизма, и на скамье казацкого суверенитета, еще не вполне стянутой винтами необходимых автономистских реформ. В условиях жесточайшего революционного шторма усидеть на очень шатких, в существенных деталях никак не связанных между собой опорах, оказалось, увы, невозможно.

Решительные действия атамана Каледина по обеспечению реального суверенитета Войска Донского получили бы, несомненно, массовую поддержку казачества Присуда, в первую очередь на Дону, Тереке и Кубани. Совет Союза Казачьих Войск в Петрограде, констатируя бессилие изгнанного большевиками Временного правительства и полную апатию русского большинства столицы, призвал казачество «*не вмешиваться в начавшуюся Гражданскую войну,*

предательскую деятельность братьев Игнатьевых ореолом святости и патриотизма. Для этой цели в 2009 году сработали ханжеский, весьма унылый по режиссуре фильм «Кромовъ», где в образе патриота «любой Родины» полковника Алексея Кромова легко угадывается личина «советского графа» Алексея Игнатьева. С целью апологетики деятельности сиятельного коллаборанта регулярно пишутся «наукоемкие» статьи. См., например: Враги братьев Игнатьевых// Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. 3. Ч. 1. – М., 2001. – С. 346–354.

[42] *Ганин А.В.* В тени «Весны». Бывшие офицеры под репрессиями начала 1930-х годов// Родина. 2014. № 6. – С. 95–101; *Он же.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. – М., 2016.

Граф Алексей Игнатьев в форме комдива Красной армии, 1936 г. Обратите внимание — какая глубокая тоска и потаенный страх в потухших глазах коллаборанта…

а все силы направить на создание демократического правопорядка в родных областях». Двумя днями раньше этого заявления — 5 ноября 1917 г. — одна из центральных газет Войска Донского «Приазовский край» в редакционной статье «Ближайшая тактика казачества» четко разъяснила позицию своих читателей: «*Роль спасителей Отечества* [казакам] *не улыбается… <…> Единственное спасение казачество видит в общественной самодеятельности и организации* [суверенитета Войска. — Н.Л.]»[43]. Кажется бесспорным, что в данных заявлениях мыслящая часть казацкой национальной элиты транслировала мнение абсолютного большинства казачества. После четырех лет кровопролитной, разорительной и, как оказалось, бессмысленной войны, простые станичники больше всего опасались втянуться в очередную, теперь уже внутрироссийскую авантюру.

Фатальной политической ошибкой Каледина оказался вначале неявный, но затем все более резкий крен в сторону нивелирования этнополитических задач казацкого народа в более масштабных (но, как оказалось, эфемерных) общерусских реставрационных задачах, которые ставило перед собой руководство Добровольческой армии. Тесное сближение с антибольшевистским русским генералитетом принесло казацкому народу только вред, поскольку по рукам и ногам связало политическую инициативу немногочисленной казацкой элиты, начисто лишив ее возможности пропагандировать национальные цели казачества и целенаправленно укреплять реальный суверенитет Присуда. Одновременно с этим объединение военного потенциала казацкого сообщества с офицерским контингентом русского Белого движения вызвало самые серьезные опасения у руководства Советского государства. В итоге, руководствуясь римской максимой «нападение — есть лучшая защита», большевистская военная машина нанесла превентивный, очень мощный удар по всем Войскам Присуда.

Генерал Ис.Ф. Быкадоров весьма проницательно (правда, уже постфактум — в 1928 году) обозначил важнейшее русско-казацкое противоречие, которое в значительной степени

[43] ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д.4028. Л. 8,79. Цит. по: *Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. — М.: Вече, 2008. — С. 18.

предопределило не только военное поражение казацкого народа в борьбе с большевиками, но и возникновение политики геноцида в отношении казаков. *«В 1917 году казачество восстановило исконные формы своего существования*, — подчеркивал генерал Быкадоров. *— Войсковые Круги (Раду) и выборных атаманов; это был первый, но не конечный этап освобождения от двухвековой кабалы. <...> Союз казачества с Добрармией, принятие ее военного и политического руководства, связь с Белым движением привели к полному извращению борьбы. Цели их были совершенно различные. Борьба Добрармии была узкоклассовой (частью партийной) борьбой буржуазной интеллигенции и офицерства за власть над Россией. И Добрармия, и попавшая под ее руководство казачья интеллигенция заявляли, что война идет не с русским (великорусским) народом, а с Советской властью, и проводили это в сознание казачества. Могла ли она* [Добрармия. — Н.Л.] *заявлять иначе? Но русский (великорусский) народ не принял «освобождения» Добрармии, а поддержал противника ее силами и средствами или не оказал сопротивления для распоряжения собой и ими Советской власти. С кем же шла война?»* [44]

Генерал А.М. Каледин так и не осознал, по-видимому, что на высокий пост Войскового атамана Дона его вынесла волна искреннего стремления казацкого народа к суверенитету административного и национального бытия Казацкого Присуда. Первоначально он действовал в автономистском векторе очень нерешительно, а затем большевики решительно перехватили генеральную политическую инициативу. Атаман не воспользовался очевидной политической бездарностью Временного правительства, которое особенно ярко проявилось в конце августа 1917 г., — в дни так называемого Корниловского выступления. Только после Октябрьского переворота большевиков атаман Каледин решился заявить (26.10.1917 ст.ст.), что впредь до восстановления законной власти в России Войсковое правительство принимает на себя всю полноту власти в Области Войска Донского.

Через неделю после переворота (2 ноября ст. стиля) в Новочеркасск из Петрограда прибыл бывший Верховный главнокомандующий русской армии, генерал М.В. Алексеев, который попросил А.М. Каледина «дать приют русскому офицерству». В этой ситуации было бы логичным спросить у Алексеева — отчего многочисленное русское офицерство не предприняло мощных усилий к самоорганизации у себя дома, в Великороссии? В октябре 1917 к этому имелись все возможности, — если не в революционном Петрограде, то, несомненно, в первопрестольной Москве. Мальчишки-юнкера и кучка офицеров, не потерявших чести и мужества, с вечера 26 октября освободили от большевиков и на протяжении целой недели удерживали Кремль и центр Москвы. В этот период в военных комиссариатах Москвы было зарегистрировано около 55 тысяч русских офицеров — отпускников, курсантов, проходящих переподготовку, фронтовиков, отдыхавших после лечения в госпиталях. Хватило бы даже четвертой части этого состава, чтобы Москва превратилась в подлинную цитадель антибольшевистского сопротивления, благо самого разнообразного вооружения в первопрестольной имелось с избытком. Однако, с оружием в руках, плечом к плечу с безусыми юнкерами, оборонять русскую Москву от орды полупьяных матросов Балтфлота и латышских стрелков — встали только несколько десятков фронтовиков. А многие тысячи

[44] Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — М.: Русский импульс, 2006. — С. 93—94.

«христолюбивых русских воинов» остались сидеть по домам — поближе к печи, столу и женскому подолу[45]. Русский «Иван» привычно выжидал — какой же «барин» все же возьмет верх в очередной политической замятне?

Наивно было рассчитывать, что русское офицерство, совсем недавно с легкостью презревшее свою присягу царю Николаю II, не сумевшее или не пожелавшее сплотиться на родном севере для отпора большевикам, вдруг разом бросится под знамена генерала Алексеева именно на Дону. Предполагая, возможно, что уровень самоорганизации русских офицеров вряд ли достигнет высоких отметок, атаман Каледин попросил Алексеева «не задерживаться в Новочеркасске более одной недели». Генерал Алексеев (и в этом его трудно упрекнуть) — постарался поскорее забыть о просьбе атамана. Войсковой атаман, обуреваемый самыми тяжкими предчувствиями, напоминать о своей просьбе не стал. К исходу предоставленной недели к Алексееву так и не прибыл казацкий эскорт для почетного препровождения генерала до государственной границы Войска Донского. Позже, отбиваясь от резко усилившегося натиска большевиков, Войсковой атаман уже сам принял непосредственное участие в формировании Добровольческой армии, постепенно попадая под влияние ее руководства во все бóльшей степени — синхронно процессу умаления своего авторитета в среде этнических казаков.

Отсутствие внятной, энергично воплощаемой в жизнь автономистской программы очень скоро оставило А.М. Каледина в политическом вакууме — казацкий народ не видел ни смысла, ни логики в действиях своего атамана. *«Дон для Каледина не был целью. Он был средством. Цель — спасение России...»* — с грустью констатировал уже в эмиграции известный казацкий автономист К.П. Каклюгин[46].

Этнический казак А.М. Каледин, глубоко обрусев в бытовом и ментально-психологическом аспектах, оказался гораздо более русским человеком, нежели большинство офицеров-великорусов, заполонивших к концу 1917 года Область Войска Донского. Если бы этот частный случай относился к какому-нибудь рядовому станичнику — вряд ли стоило вновь акцентировать внимание читателя на данной метаморфозе. В истории России есть немало примеров, когда представители национальных меньшинств, не имеющие в личном геноме ни капли великорусской крови, становились глубоко русскими людьми по мироощущению — яркими представителями глобальной Русской цивилизации. Однако для исторической судьбы Казацкого Присуда «русский крен» атамана центрального по значимости Войска Донского оказался подлинно роковым. Своим альянсом с реставраторскими кругами русского офицерства Алексей Каледин ввел весь казацкий Дон в фокус пристального внимания большевистской Советской России, обеспечил Совнаркому РСФСР возможность объявить земли Присуда «русской Вандеей». Впрочем, стоит отметить, что идея «спасения России» (которая в итоге оказалась идеей спасения великорусов от великорусов) была очень укоренена в сознании казацких генералов, прошедших горнило Великой войны. Даже такой убежденный сторонник восстановления казацкого суверенитета, как Войсковой атаман Петр Краснов в одной из своих программных речей выразил убеждение: *«...Спасут Россию ее казаки!*

---

[45] См. превосходную статью: *Олтаржевский Г.* Первая кровь Гражданской войны. — moslenta.ru/article/2015/11/14/firstbloodcivilwar.

[46] *Каклюгин К.П.* Войсковой атаман А.М. Каледин и его время// Донская летопись. Белград. 1923. Выпуск 2. — С. 169

И, тогда снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего Атамана бело-сине-красный флаг — Единой и Неделимой России»[47].

Иллюзорность надежд Белого движения на «неминуемое восстание русского народа против иудо-большевиков». Всеобщее восстание великорусов против «Красного Дракона» большевизма на все лады предрекали в штабе добровольческой «Алексеевской организации» (первичное звено Добрармии). Однако, уже к концу декабря 1917 г. всем реалистичным наблюдателям стало ясно, что основная масса русского народа воевать с Советским режимом за свое национальное будущее категорически не желает, предпочитая в тиши домашних чуланов и кухонь без особого напряжения пережидать революционную бурю.

В декабре 1917 г. только в одном Ростове-на-Дону было зарегистрировано 17 тысяч русских офицеров[48]. Основная часть этих офицеров не являлась уроженцами Области Войска Донского, а убежала на казацкий Дон с территории Великороссии, спасаясь от самосуда распропагандированных большевиками русских солдат. Смертельная опасность, ежедневные издевательства разнузданной черни, засилье «красных латышей» и «жидов-комиссаров», полное обнищание, другие весьма отвратительные моменты бытия Советской России должны были, по логике, крепко подстегнуть вялое национальное чувство офицеров-великорусов, заставить их энергично сомкнуть свои ряды под флагом Добровольческой армии. Увы, значительное большинство русского офицерства, сбежавшегося на Дон, отнюдь не спешило «спасать Россию от иудо-большевизма» с оружием в руках. К 15 января 1918 г. число офицеров, добровольно записавшихся в «Алексеевскую организацию» генерала М.В. Алексеева, едва достигло смехотворной цифры — 1440 человек. С таким формированием мечтать о реальной вооруженной борьбе за «единую и неделимую» Россию мог только безумец. Через месяц, уже под прямой угрозой большевистских экзекуций, добровольческий отряд генерала Алексеева объединял в своем составе около 4-х тысяч человек, т.е. не превышал «обычной численности пехотного полка боевого состава»[49]. Удивительно, но является фактом: на протяжении всего периода Гражданской войны генетически русское офицерство оставалось самым малым по численности формированием в составе казацко-русского антибольшевистского фронта на Юге России[50].

Активный участник борьбы с большевиками, командир Лейб-Гвардии Казачьего полка, обрусевший немец И.Н. Оприц в своих военных мемуарах указывает на вопиющие этнические диспропорции в Вооруженных силах Юга России (Добрармии) в 1918—1919 гг. По сведениям генерала Оприца в формированиях ВСЮР этнически русское офицерство выглядело жалкой кучкой — огромный пласт офицерства бывшей империи сподобился выставить на поле битвы с большевиками всего около 10 тысяч добровольцев. Для сравнения — казацкая мобилизация Присуда поставила под ружье 100 тысяч казаков-донцов и 40 тысяч казаков-кубанцев (не считая терских и астраханских казацких

---

[47] Цит. по: *Трут В.П.* Истребить поголовно. Как организовать расказачивание// Родина. 2004. № 5 — С. 96—97.

[48] *Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. — М.: Вече, 2008. — С. 19.

[49] *Богаевский А.П.* 1918 г.// Белое дело. Ледяной поход. — М.: Голос, 1993. — С. 35.

[50] *Венков А.В.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе Гражданской войны. — Ростов на/Д, 1995. — С. 56—66.

Генерал Илья Николаевич Оприц, командир Лейб-гвардии Казачьего полка, герой Антибольшевистского сопротивления, военный историк. Юг России, 1919 г.
(Архив В.П. Мелихова)

формирований)[51]. Таким образом, из каждых 15 человек, сражавшихся с Красным Драконом за «спасение России», только один боец являлся подлинным представителем **русской** Белой идеи.

Совершенно скрыть эти «необъяснимые» этнополитические диспропорции в рядах борцов **русского** Белого движения не смог даже генерал Деникин, посвятивший немало страниц в своих бесконечных мемуарах сведению счетов с «казацким сепаратизмом» и перекладыванию вины за финальный проигрыш ВСЮР на казацкие войсковые формирования. По данным несостоявшегося «русского Наполеона» в январе 1920 года (т.е. накануне своего финального краха) Вооруженные силы Юга России насчитывали в своих рядах 81.506 штыков и сабель. В этом составе Добровольческие (т.е. этнически русские) части насчитывали — 30.802 бойца; казаки Донского Войска — 37.762; казаки Кубанского Войска — 8317; казаки Терского Войска — 3115; астраханские казаки — 468; формирования горских народов — 1042 бойца[52]. Нет ни малейшего сомнения, что генерал Деникин максимально приуменьшил (насколько смог) общую численность нерусских контингентов в составе ВСЮР, особенно кубанских казаков, которых главный организатор проигрыша Белого Дела ненавидел с особой пылкостью. Однако, даже по заведомо тенденциозным сведениям бывшего главкома ВСЮР — на одного этнически русского борца за «спасение России» приходилось без малого два нерусских…

Этнические пропорции на «красной» стороне фронта были совсем другими. К исходу Гражданской войны общая численность всех соединений Красной Армии превышала 5 млн. человек. Абсолютно преобладающий контингент этой вооруженной орды составляли,

---

[51] *Морозова О.М.* Под Мальтийским крестом на полях Гражданской войны в России// Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 3. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 178.

[52] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. — Минск, 2002. — С. 304.

конечно же, не «красные» латыши с мадьярами, и не евреи с китайцами[53]. Истинно великорусский мужик, одетый с буденовку с сатанинской красной звездой, с тупым энтузиазмом рубил, колол, стрелял, душил отравляющими газами таких же, как он сам, тамбовских, волжских и сибирских мужиков. В отношении казаков проводить массовые кровавые экзекуции было, с точки зрения красноармейца, несравненно легче — какая еще участь, кроме полного ограбления и мучительной смерти, могла быть уготована рабоче-крестьянской властью «народу-помещику»?! Поневоле хочется вопросить, вслед за генералом Ис.Ф. Быкадоровым: так с кем же, на самом деле, сражались в так называемой Гражданской войне этнические казаки?

Потерянный шанс на создание этнополитического союза казаков с коренным крестьянством Присуда. Непоследовательная, основанная на односторонних компромиссах со стороны казачества, политическая линия Каледина в отношении русской «офицерской правой» имела своим негативным продолжением столь же непоследовательную, запаздывающую политику в отношении коренного крестьянства Области Войска Донского. Генерал Каледин являлся, возможно, выдающимся специалистом в военном деле, однако в сфере этнической политики его знания и практический опыт были минимальными. Обладай Войсковой атаман хотя бы каким-то реальным опытом в сфере межэтнических отношений, приоритеты его политики с первых же дней атаманства выставлялись бы совершенно подругому. Вряд ли в этом случае Каледин стал бы тратить драгоценное время на поиск путей взаимодействия с бездарным Временным правительством и партией кадетов, всецело одержимой великодержавными и антиказацкими настроениями. Его первостепенной задачей стало бы, вероятно, — решительное разрешение земельных проблем коренного крестьянства (в основном украинцев по происхождению) и реальное уравнение гражданских прав донецких украинцев с этническими казаками Войска Донского. К 1917 году демографический массив коренного крестьянства на Дону включал более 980 тысяч человек и более 135 тысяч хозяйств, причем большая часть донских украинцев (около 660 тыс.) проживала в нижнедонских округах, близких к Донбассу, Таганрогу и Ростову-на-Дону. Именно на этих территориях Войска Донского особенно остро чувствовалось разрушительное влияние фронды «иногородних» и сочувствующего им русского рабочего класса. Казаки являлись в нижнедонских округах этническим меньшинством (около 122 тыс. человек), а русское городское и «иногороднее» население здесь преобладало в абсолютной степени (свыше 689 тыс. человек)[54].

Только вбив широкий клин между коренными крестьянами и «иногородними» переселенцами, очень несхожими в этнокультурном и ментальном аспектах, атаман Каледин мог рассчитывать сразу и многократно ослабить большевистскую «пятую колонну» на территории Войска Донского. Без массового «Думенко» Красная Армия вряд ли сумела бы превзойти боевой уровень Московского ополчения периода Смутного времени, а обеспечить ее боеспособность не смогли бы ни «железные комиссары», ни заградительные отряды латышских стрелков. «Оказачивание» донских украинцев на порядок усилило бы военно-

---

[53] *Губенко О.В.* Терское казачье войско в XV—XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). — Ессентуки, 2007. — С. 128; *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала и до Великой Победы. — М., 2005. — С. 380.

[54] *Тикиджьян Р.Г.*, История и культура народов Донского края и казачества. — Ростов н/Д: ООО «Донской издательский дом», 2010. — С. 380—381.

стратегический потенциал Войска Донского. Казацкий статус, о котором мечтали многие поколения украинских переселенцев на Дон, в совокупности с решительной земельной реформой в пользу донских украинцев, принес бы Войску около 100 тысяч бойцов — инициативных в наступлении, исключительно стойких в обороне, хорошо мотивированных в этнополитическом аспекте. Боевой потенциал донских украинцев-казаков многократно превзошел бы фактические боевые возможности тех 10—15 тысяч русских добровольцев, которых с трудом смогли «выцарапать» из своего стомиллионного народа генералы Алексеев и Деникин. Кажется очевидным, что при наличии прочного военно-политического союза между донским казачеством и донским украинством Совнарком Советской России, волей-неволей, но вынужден был бы пойти на стратегически значимые мирные переговоры с Войском Донским.

«Атаман-Печаль», не обладавший ни харизмой реформатора, ни потенциалом стратега, только под самый занавес своей личной политической драмы, решился на переформатирование социального и политического статуса коренного крестьянства Дона. В конце ноября 1917 г. Войсковое правительство опубликовало обращение «К коренному невойсковому населению Донской области». Документ анонсировал намеченный на 29 декабря 1917 г. (ст. ст.) съезд в Новочеркасске «*...представителей донского казачества и донского крестьянства <...> дабы по разуму и совести коренных жителей Дона разрешить вопросы об устройстве жизни на Дону*». На съезде коренных жителей Дона так же предполагалось, по-видимому, обсудить проблематику «иногородних», в частности «*право и формы участия в управлении краем пришлых элементов*».

Это важнейшее политическое решение опоздало, как минимум, на четыре месяца, к тому же принималось оно в условиях антикалединского пропагандистского наступления, которое развернули против Войскового правительства левые эсеры и большевики. Контролируемые левыми партиями Советы крестьянских депутатов практически открыто провоцировали казацко-крестьянские столкновения. Областной комиссар Временного правительства М.С. Воронцов 10 октября 1917 г. сообщал в Министерство внутренних дел: «*Руководители Совета крестьянских депутатов заняли непримиримую позицию в отношении казачества, расслаивая население Области. Земельные комитеты — источник земельной анархии. Действие этих организаций вызывает серьезную опасность дальнейшему спокойствию Области*»[55]. Примечательно, что в тот же октябрьский день, когда областной комиссар диктовал свою депешу в Петербург, в Донбассе начались массовые забастовки русских рабочих. Они требовали немедленного вывода казацких отрядов и гарнизонов из всех рабочих поселков Донецкого округа Войска. А еще через две недели — 23 октября 1917 г. — Войсковое правительство вынуждено было направить казацкие войска в Таганрогский округ: здесь начался вооруженный мятеж крестьян Амвросиевского, Степано-Крымского и других селений.

Политическая почва стремительно уходила из-под ног «Атамана-Печаль». Генерал Каледин не смог приобрести поддержку коренных крестьян, поскольку вовремя не решился жесткой рукой произвести раздел в их пользу частновладельческих и государственных невойсковых земель — хотя на Дону таких «свободных» (для обеспечения

[55] *Сергеев В.Н.* Борьба за власть Советов на Дону. Сб. документов. — Ростов н/Д., 1957. — С. 140.

реального суверенитета Войска) земель было больше, чем достаточно. Русские «иногородние» яростно ненавидели атамана, считая его главным виновником упорства «нагаечников» в земельном вопросе. Даже этнические казаки, в первую очередь — простые станичники, видя непоследовательность и судорожные метания Каледина между идеей «спасения России» и задачей крепить суверенитет Войска Донского, стали крепко сомневаться в правильности своего атаманского выбора. Общую негативную обстановку на территории Войска крайне усугубляла до последней возможности сохраняемая Калединым лояльность к своим политическим оппонентам и даже к явным врагам. Пользуясь странным добросердечием Войскового атамана, большевики и левые эсеры открыто вели враждебную антиказацкую агитацию на землях Присуда, беззастенчиво провоцировали так называемую классовую, а фактически межнациональную рознь между переселенцами из Великороссии и казаками. «*Вы, может быть, спросите,* — безвольно вопрошал Каледин на одном из совещаний в начале декабря 1917 года, — *почему же мы не покончили с большевиками одним ударом. Сделать это было нетрудно, но страшно было пролить первыми братскую кровь...*».

Эти искренние слова Войскового атамана убедительно показывают: насколько глубоко неказацким стало мироощущение этого человека. В отличие от совестливого Каледина, распропагандированная большевиками красная солдатня и мятежные банды «пролетариев» отнюдь не считали «братской» кровь своих же русских офицеров. После Октября 1917 г. на фронте и в тылу произошли сотни кровавых расправ разнузданной вооруженной черни над армейскими офицерами и интеллигенцией, — Каледин, конечно же, знал об этом. Поистине чудовищными по степени озверения были расправы «христолюбивых» крестьян над обитателями помещичьих усадеб, особенно над женщинами, — всюду по России. В таких условиях пацифистские мысли о «братской крови» более соответствовали, конечно же, менталитету институтской барышни, нежели логике действий боевого генерала и Войскового атамана Дона[56].

Политический крах «Атамана-Печаль». Лично мужественный, кристально чистый в побуждениях, остро чувствующий свою персональную ответственность за судьбу России и казацкого Дона атаман Каледин, тем не менее, все быстрее скользил в пропасть политической изоляции. Полгода колебаний, бессмысленных дискуссий, половинчатых компромиссных решений оказались для Каледина той самой «шагреневой кожей», которая все быстрее превращалась в жалкий лоскуток. Его отчасти вынужденный, но в главном — добровольный альянс с представителями русской «офицерской правой» встречал все большее противодействие и у рядовых казаков, и у членов Войскового Круга. Казацкие автономисты открыто говорили атаману, что создаваемая на Дону при его активном содействии русская Добровольческая армия враждебна большевикам только тактически, но уже в среднесрочной перспективе она станет враждебна самой идее автономии Войска Донского. Некоторые сторонники казацкого суверенитета пытались доказать Каледину, что только удаление вождей Белого движения с Дона может отвести угрозу решительного наступления со стороны большевистской России, позволит выиграть время для укрепления военных возможностей Войска. Впрочем, следует признать, что даже в среде казацких националистов отсутствовала четкая позиция по поводу целесообразности военно-политического альянса с русской

[56] Историк А.В. Венков считает, что в вопросе неприменения жестких репрессивных мер А.М. Каледин «попал под влияние донской интеллигенции».

«офицерской правой». Очевидец начала формирования на Дону русской Добровольческой армии, князь Г.Н. Трубецкой впоследствии вспоминал: «*Присутствие нарождающейся Добровольческой армии было как бы бельмом на глазу, притягивало к Дону внимание большевиков, что больше всего боялись казаки. Они пытались даже договориться с большевиками, но из этих переговоров ничего не вышло. Казаки двоились между мыслью, что без добровольцев им было бы легче договориться, и опасением, что без добровольцев им не оборониться от большевиков*»[57].

Как профессиональный военный, А.М. Каледин понимал, конечно же, что угроза развязывания большой войны на уничтожение с вооруженными силами Советской России становится день ото дня все реальнее. Осознавал атаман и прискорбный факт, что казацкий Присуд обречен фактически в одиночку противостоять большевикам — настолько численно эфемерной, идеологически разношерстной оказалась русская «офицерская правая». Генерал Деникин впоследствии вспоминал, что на одном из совещаний с русскими офицерами атаман Каледин решительно отверг прозвучавшие упреки в нерешительности. «*Я лично отдаю Родине и Дону все свои силы, не пожалею и своей жизни,* — сурово подчеркнул Войсковой атаман. — *Однако, имеем ли мы право выступить сейчас же, можем ли мы* [казаки. — Н.Л.] *рассчитывать на широкое народное движение* [в Великороссии]? *Русская общественность прячется где-то на задворках, не смея возвысить голоса против большевиков... Войсковое правительство, ставя на карту Донское казачество, обязано сделать точный учет всех сил и поступить так, как ему подсказывает чувство долга перед Доном и перед Родиной*». В итоге долгих и, конечно, очень мучительных для него раздумий взять курс на размежевание с силами русской реставрации, чтобы не спровоцировать превентивный удар по Дону вооруженных сил Советского режима, А.М. Каледин так и не решился.

Историческая наука предпочитает не применять сослагательное наклонение. Сегодня мы не можем сколько-нибудь обоснованно предполагать — как поступили бы вожди РКП(б) в том случае, если бы организационная миссия Добровольческой армии уже в начале ноября 1917 г. покинула территорию Войска Донского и переехала бы, например, в Камышин или Ставрополь (как первоначально предлагал добровольцам А.М. Каледин)? Известный донской историк В.П. Трут высказывает осторожное предположение, что на определенном этапе Войсковое правительство имело возможность, хотя бы на некоторое время, отодвинуть прямое вооруженное столкновение с Советской Россией[58]. Другой историк, С.А. Кислицын, соглашаясь с этим выводом, полагает также, что «вовлеченность основных масс казачества в антибольшевистскую борьбу не была фатально детерминирована»[59]. Если с выводом В.П. Трута можно, по-видимому, согласиться, то утверждение его ростовского коллеги, на наш взгляд, не избежало определенного идеологического схематизма. Историческим реалиям более соответствует, по-видимому, вывод противоположный: **антибольшевистская борьба казацкого народа была исторически предопределена, детерминирована многими объективными факторами.**

---

[57] *Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд. (1917–1919 гг.) // Князья Трубецкие. Россия воспрянет! — М., 1996. — С. 45.

[58] *Трут В.П.* Казачество в период Октябрьской революции и на начальном этапе Гражданской войны. — Ростов н/Д., 2005. — С. 138.

[59] *Кислицын С.А., 2005.* Указ. соч. — С. 103.

Стратегическая доктрина РКП(б) требовала силой оружия продвигать на все новые территории, прежде всего на территорию Европы, «мировую революцию». Свою негативную роль обязательно должен был сыграть экономический фактор: острый земельный дефицит на землях Присуда. Однако важнейшее, что неизбежно спровоцировало бы вооруженное столкновение Советского режима с казацким народом — наличие глубочайшего этнополитического разлома на землях Присуда. Казаки и так называемые «иногородние» не только не хотели, но, после революционных пароксизмов 1917 года, уже психологически не могли сосуществовать вместе на прежних дореволюционных основаниях. Резкое ухудшение экономической обстановки после Февраля 1917 г. послужило мощным детонатором для основного «взрывоопасного» противоречия на землях Казацкого Присуда — противоречия между казаками и «иногородними» переселенцами. Революция решительно сорвала все былые имперские скрепы, и уже сама жизнь поставила вопрос ребром: или казаки нивелируется до уровня «иногородних» (т.е. фактически исчезают как самобытный этнос), или «иногородние» уходят туда, откуда пришли, — осуществляют реэмиграцию в Великороссию. Большевики, для которых ситуация социального распада, этнической вражды, разгула самых низменных инстинктов вообще являлась питательной средой, конечно, приложили бы максимум усилий, чтобы вскрыть, с пользой для себя, этот исторически назревший «нарыв». Не большевики подготовили острый межэтнический кризис на Дону, Тереке, Кубани, в других Войсках, однако именно вожди РКП(б) стали единственными бенефициарами разразившейся здесь этнополитической битвы, — во многом благодаря тому, что открыто презирали, в отличие от Каледина и других деятелей Белого движения, склонность к морализаторству по поводу опасения «пролить братскую кровь».

Определенную роль в подталкивании Советской России к прямой вооруженной борьбе с казацким народом сыграло также глубочайшее онтологическое различие между фундаментальными основами «казацкого мира» и большевистской «рабоче-крестьянской диктатуры». Это кажется парадоксальным, но общественный менталитет, идеологический «дух» Советского режима оказался очень созвучен органично монархическому, тоталитарному мироощущению великорусских крестьян. Венценосного «Царя-Батюшку» на просторах Великороссии легко сменил безгрешный «большак Ленин».

Приписной казак, калмык по национальности, член Донского Войскового Круга Б.Н. Уланов весьма точно охарактеризовал глубочайший антагонизм между «казацким миром» и большевизмом. «*Снова столкнулись два глубоко различных мира*, — размышлял в эмиграции Бадма Уланов. — *Казачество-Демократия столкнулось с принципами диктатуры над Народом, диктатуры отдельной группы населения над всем Народом. Было безразлично, какой класс домогался этой диктатуры. Сама идея такой диктатуры противна всему общественному строю казачества, и в частности Донского, противна его общественной психологии, нетерпима. Потому и столкновение, борьба этих двух непримиримых начал была неизбежна. **Перед нами были два быта, два совершенно различных, чуждых и враждебных друг другу строя жизни*** [выделено Б.Н. Улановым. — Н.Л.]»[60].

---

[60] Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — М.: Рус. импульс, 2006. — С. 249.

Конница Донской армии принимает пастырское благословение на борьбу с большевиками. Соборная площадь Новочеркасска. Июль 1919 г.

Таким образом, фронтальная, очень жесткая борьба, в буквальном смысле — битва на уничтожение между большевистским Севером, захватившим нерастраченные военные ресурсы погибшей империи, и онтологически враждебным «рабоче-крестьянской диктатуре» казацким Югом была неизбежна. Вопрос для размышлений состоит только в том: насколько долго мог затянуться, при соответствующей политике Войскового правительства Дона, мирный тайм-аут? В реальной истории он оказался минимальным — всего около шести недель. Кажется очевидным, что организационные потуги генералов Алексеева и Корнилова объединить на Дону деморализованное русское офицерство в рядах Добрармии сократили возможную мирную передышку до крайнего предела. **Даже самая эфемерная форма казацкого суверенитета, при которой на землях Присуда мог возникнуть очаг консолидации русских национально-реставрационных сил, являлась принципиально неприемлемой для большевиков. На территории поверженной Великороссии члены Политбюро РКП(б) чувствовали себя волками, плотно охватившими со всех сторон безвольную, в панике мечущуюся «русскую отару».**

Уже через месяц после захвата власти в России — 26 ноября (9 декабря) 1917 г. — Совнарком РСФСР выступил с официальным обращением ко всему населению страны «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемого Центральной Радой». Весьма показательно, что все три фамилии главных контрреволюционеров, вынесенные в заглавие данного документа, принадлежали этническим казакам. Этим заявлением Совнарком объявил войну фактически самой идее казацкой автономии внутри федеративной России. Специальным решением Совнаркома 6 (19) декабря 1917 г. был образован «Южный революционный фронт по борьбе с контрреволюцией». Командование

красными войсками принял бывший подпоручик императорской армии, дезертир Владимир Антонов-Овсеенко[61].

К концу декабря 1917 г. войска РСФСР, включая отряды так называемой Красной Гвардии, легко преодолевая незначительное сопротивление дезориентированных казацких частей, оккупировали Донецкий округ Войска Донского. Толпы «иногородних» и примкнувших к ним коренных крестьян встречали отряды большевистских войск «хлебом-солью» — как освободителей. В некоторых деревнях и рабочих поселках Донбасса навстречу красногвардейцам выходили импровизированные «крестные ходы» с иконами и хоругвями — чем очень смущали безбожников-комиссаров, в основном еврейского, либо прибалтийского происхождения, не ожидавших такого радушного, хотя и весьма ретроградного приема.

В преддверии прихода «наших» 27 декабря 1917 (ст. ст.) в Ростове-на-Дону состоялся областной съезд Советов донских крестьян. Этнических казаков среди делегатов съезда не оказалось и поэтому не удивительно, что важнейшим решением крестьянского толковища стало требование о распространении власти Совнаркома РСФСР на всю территорию Войска Донского. Через день — 29 декабря — уже в Новочеркасске открылся съезд неказацкого населения Дона, на котором левые, революционно настроенные делегаты, представлявшие интересы «иногородних», категорически потребовали реализации на территории Дона установок Декрета о земле, а также «социализации» всего сельскохозяйственного земельного фонда, в том числе казацких наделов. Одновременно ребром был поставлен вопрос о созыве «Донского народного Совета», который, в условиях вступления оккупационных войск РСФСР на землю Войска Донского, мог бы исполнять роль выборного представительного органа, объединяющего усилия большевистских активистов и деморализованных коллаборантов из числа этнических казаков.

Один только факт, что подобные политико-экономические требования, способные вызвать яростные межэтнические столкновения, открыто прозвучали в столице Войска Донского, красноречиво свидетельствовал, что генерал Алексей Каледин де-факто утратил реальную атаманскую власть. Метроном Истории стал неумолимо отбивать последние мгновения относительно мирного бытия казацкого народа.

---

[61] *Антонов-Овсеенко Владимир Александрович* (9/21.03.1883 — 10.02.1938) — украинец по национальности, профессиональный революционер. В начале революционной деятельности меньшевик-интернационалист, в 1917 г. вступил в РСДРП(б). Подпоручик Колыванского 40-го пехотного полка, дезертировал из армии, чтобы не воевать в Русско-японской войне 1905—1907 гг. Главнокомандующий советскими войсками на Юге России (март—май 1918). Кровавый палач Тамбовского восстания крестьян. Расстрелян как участник троцкистской террористической организации 10.02.1938. Реабилитирован.

Глава VI

«УНИЧТОЖИТЬ КАЗАЧЕСТВО»: массовый демоцид казаков 1918–1922 гг.

Гаагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны. — Юрисдикция Международного военного трибунала. — Зверства Красной Гвардии на Дону: зима-весна 1918 г. — Курс РКП(б) на раскол казацкого сообщества. — Национальная война казаков на Дону. — Красный террор на Кубани в 1918 г. — Миф о «еврейской доминанте» в зверствах большевиков. — Всевеликое Войско Донское и попытка решения проблемы «иногородних». — Донбюро ЦК РКП(б), Сергей Сырцов и доктрина геноцида казачества. — Трагедия казацких этнических коллаборантов. — Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. о поголовном истреблении казачества. — Геноцид казаков в зоне оккупации войск РККА в 1919 г. — Ставка на демоцид: генеральная линия «казачьей» политики РКП(б). — Миф о «приостановке» действия январской 1919 г. директивы Оргбюро ЦК о «поголовном истреблении». — «Косметические поправки» в программе геноцида: конец 1919 — начало 1920 гг. — Официальное признание казаков «русскими» и конец иллюзий о «советской автономии казаков». — Резкое усиление демоцида на землях бывших Казацких Войск: 1920 г. — Государственный террор, система заложничества и концлагеря на Кубани: 1920-1922 гг. — Этнические казаки: основа повстанческих формирований на Юге России. — Уничтожение казацкого населения Уральского Войска. — Процессы этнополитической аннигиляции казачества в Оренбуржье и Сибири. — Геноцид славянского населения в Прибалхашье. Семиреченская земельно-водная реформа 1921-1922 гг. — Этнические чистки и депортации казаков Терского Войска: 1920-1921 гг. — Особенности демоцида казацкого населения Алтая и Восточной Сибири в период завершения Гражданской войны. — Демографическая катастрофа казаков как результат государственной политики РСФСР 1918-1922 гг.

Осенью 1907 года, в Гааге, в период со 2 (15) июня по 5 (18) октября состоялась крупнейшая на тот период в истории 2-я Гаагская мирная конференция. В ее работе участвовали представители 44 государств. Особое место на этом форуме принадлежало Российской империи, поскольку в значительной мере по инициативе российской монархии и при ведущей роли русских экспертов-международников шла подготовка основных документов 1-й (1899 г.) и 2-й Гаагских конференций. С учетом последующих массовых человеконенавистнических практик Советского государства, можно считать парадоксом истории факт, что впервые понятие «преступление против человечности» было сформулировано в Гааге именно российским юристом.

Преамбула Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 сентября 1907 года, разработанная на основе предложения профессора международного права Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Мартенса, гласила: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более точный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал

международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»[1].

Преамбула Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны была ратифицирована Российской империей, а ныне, по логике, должна быть признаваема в Российской Федерации, поскольку последняя, возникнув на развалинах Российской империи и Советского Союза, провозгласила себя правопреемницей этих государств. Если рассматривать указанную Преамбулу, получившую в практике международного права наименование «оговорки Мартенса», как юридический прецедент, становится очевидным, что уже в 1907 году возникло прецедентное основание для выделения массовых преступных действий по отношению к гражданскому населению и военнопленным в категорию преступлений против человечества. Международная конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», подписанная 9 декабря 1948 года и ратифицированная всеми странами – членами ООН, развивает, таким образом, более ранние международные правовые положения, впервые утвержденные сообществом цивилизованных стран в Гааге в 1907 г. С позиций международного права Конвенция 1948 года является документом, который детализирует основные юридические положения Гаагской конвенции 1907 г. Это относится, в первую очередь, — к основной юридической квалификации Конвенции, определившей геноцид как «одно из тягчайших преступлений против мира и безопасности человечества»[2].

Юрисдикция Международного военного трибунала. Устав Международного военного трибунала, утвержденный представителями стран антигитлеровской коалиции 8 августа 1945 года в Лондоне отнес к юрисдикции трибунала три категории преступлений: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества. Статья 6-я Устава четко определила предмет последней категории преступлений **«убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»**[3].

Очевидно, что в то время, когда представитель Советского Союза подписывал текст Устава Международного военного трибунала, партийная элита ВКП(б) в коей мере не предполагала, что когда-то возникнет прецедент международного суда над партийно-государственной системой СССР, или, по крайней мере, над теми функционерами этой системы, которые были причастны (многие из них в то время еще здравствовали) к геноциду казаков, голодомору украинцев, массовым депортациям калмыков, чеченцев, ингушей и других народов. Режим ВКП(б) с энтузиазмом был готов судить и казнить других: германских

---

[1] *Пустогаров В.В.* Оговорка Мартенса – история и юридическое содержание// Право и политика. 2000. № 3; *Лукашук И.И.* Международное право: Особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 231–313.

[2] Международное право в документах/ Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – М.: Профобразование, 2003. – С. 331–333; Сборник международных договоров. Т. 1; Ч. 2. Универсальные Договоры. ООН. – N.Y.–Jeneve, 1994.

[3] См. текст Устава Международного военного трибунала: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. – М.: 1955. – С. 165–172.

национал-социалистов, японских милитаристов, итальянских фашистов и т.п., но только не доморощенных кровавых палачей, реальные преступления которых против человечества ни в малой степени не уступали деяниям милитаристских и фашистских кругов стран Оси.

Бледный аналог подобной двуличной, аморальной практики в значительной мере сохраняется, увы, в общественно-политических реалиях современной России. В Российской Федерации приветствуется пролитие буквально «крокодиловых слез» по поводу резни армянского населения Восточной Анатолии в годы Первой мировой войны, но зато наложено строжайшее вето на объективную оценку преступления геноцида народа казаков. Страшное «Катынское дело», в ходе которого органами НКВД СССР в кратчайшие сроки было уничтожено 21.857 польских офицеров, рассматривается официальным историком Минобороны РФ «лишь как дурное обращение с военнопленными, но никак не геноцид»[4]. В такой системе «кривых зеркал» чудовищное уничтожение миллионов украинцев в период организованного сталинским Политбюро ЦК ВКП(б) летального голода 1932-1933 гг. не может, конечно же, квалифицироваться как Голодомор – геноцид украинского народа. Как силятся доказать некоторые российские историки, это всего лишь Сталин «просто наказал голодом крестьян за их нежелание добросовестно работать в колхозах»[5].

Зверства Красной Гвардии на Дону: зима—весна 1918 г. Большевистское «просто наказание» казацкого народа за его нежелание смириться с невыносимым ярмом интернациональной диктатуры началось с оккупации 23 февраля 1918 года (нов. ст.) Ростова-на-Дону, а вечером 25 февраля Новочеркасска войсками Красной Гвардии. Ростов-на-Дону еще задолго до революционных событий стал преимущественно русским по этническому составу городом. Революция 1917 г. и последующая Гражданская война продемонстрировали весьма слабую способность великорусского этносоциума к самоорганизации. Видимо, этот фактор предопределил странный и, увы, позорный факт, что большой город, переполненный демобилизованными русскими офицерами, оказалось некому защищать от красногвардейской орды. Активный участник антибольшевистского сопротивления, генерал-майор Иван Поляков[6] приводит в своих мемуарах слова командующего Добрармии, генерала Лавра

---

[4] *Батырь В.А.* (доцент Военного университета Министерства обороны РФ). Международно-правовые проблемы квалификации преступления геноцида и «Катынское дело» // Государство и право. 2008. № 5. – С. 65.

[5] *Кондрашин В.В.* Был ли голод в 1932-1933 годах в Украине геноцидом украинского народа? // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России: Сборник научных статей. Вып.2. – Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2004. – С. 134.

[6] *Поляков Иван Алексеевич* (10.08.1886—16.04.1969) – этнический казак, уроженец станицы Ново-Николаевской Таганрогского округа Войска Донского, генерал-майор Генштаба. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и два класса Академии Генштаба. Во время Великой войны был причислен к Генеральному штабу, штабс-капитан (24.03.1914). С апреля 1915 г. – помощник старшего адъютанта оперативного отделения генерал-квартирмейстера 9-й армии. Подполковник (15.08.1917). После проигрыша Россией Великой войны Иван Поляков возвращается на Дон, но не успевает присоединиться к отряду походного атамана, генерала П.Х. Попова, выступившему в Степной поход 12 февраля 1918 г. Скрывался от большевиков в Новочеркасске, а затем в станице Заплавской. Участвовал в Общедонском освободительном восстании. Начальник штаба Донской армии с производством в полковники (май 1918 г.). В июле 1918 г. произведен атаманом Всевеликого Войска Донского П.Н. Красновым в генерал-майоры за заслуги в организации Донской армии и успешные операции по очищению донской части Казацкого Присуда от большевиков. Последовательно выступал против прямого подчинения Донской армии бездарному в стратегическом аспекте штабу генерала Деникина. Со второй половины 1919 г. в эмиграции. В США с 1952 г. Похоронен на Свято-Владимирском кладбище в Нью-Джерси.

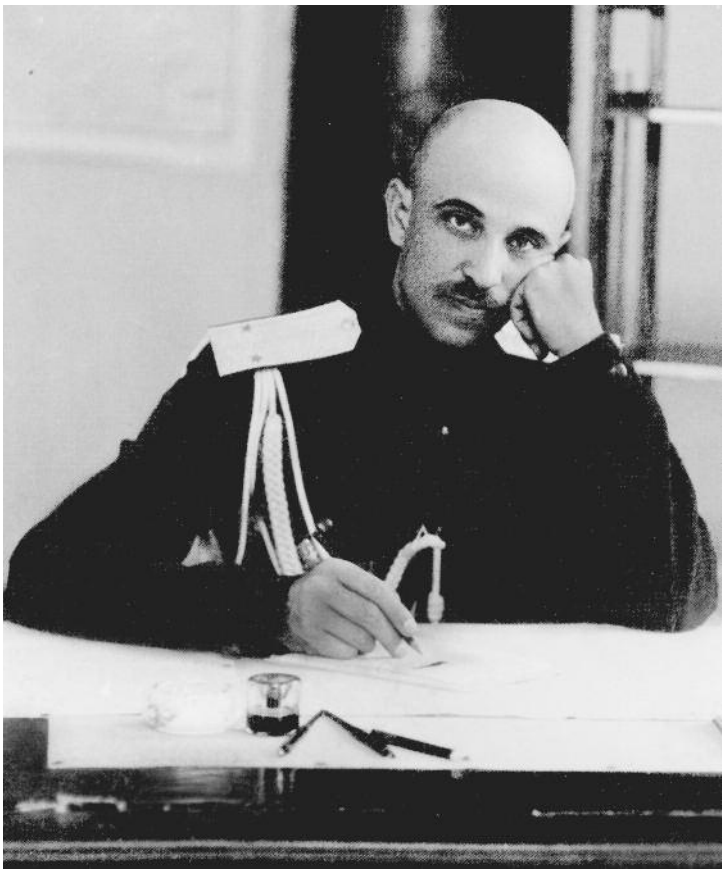
Корнилова: «*Сколько молодежи слоняется толпами по Садовой* [центральная улица Ростова. – Н.Л.]. *Если бы хоть пятая часть ее поступила в* [Добровольческую] *армию, большевики перестали бы существовать*».

В той же книге, немногими яркими мазками генерал Поляков рисует коллективный психологический портрет русского населения Ростова накануне захвата города красными войсками бывшего зауряд-прапорщика Рудольфа Сиверса. «*Русский интеллигент*, – с грустью пишет Иван Поляков, – *везде гонимый, всюду преследуемый и расстреливаемый, предпочитал служить материалом для большевистских экспериментов, нежели взяться за оружие и пополнить ряды защитников. Ярко всплывала шкурная трусость. Растерянность, охватившая высшие сферы, еще крепче засела в обывателя. Одни зайцами запрятались в погреба и, шевеля настороженными ушами над сложенными чемоданами, глубокомысленно обдумывали, – куда и как безопаснее улизнуть. Другие готовились с прежней гибкостью позвонков пресмыкаться перед новыми владыками и мечтали быстро сделать красную карьеру*»[7].

При таких психологических установках основной массы русского населения Ростова-на-Дону было, конечно, бессмысленно начинать оборону города. За несколько месяцев, в самых благоприятных условиях, созданных Войсковым правительством атамана Каледина, под знамя Добровольческой армии собралось чуть более 4000 бойцов. На противоположной стороне фронта этой горстке не потерявших национального достоинства русских людей противостояло более 25 тысяч красногвардейцев. Этнические казаки Дона, устав от ситуативных, часто противоречивых действий правительства Каледина, наивно надеялись в черте своих степных станиц сохранить казацкий «нейтралитет». Казаки-фронтовики, набравшись «интернационального духа» в окопах Первой мировой войны, не желали, подобно их Войсковому атаману, проливать «братскую» кровь озверевших от безнаказанности балтийских матросов. Здесь следует подчеркнуть, что именно русские «черные бушлаты», а также латыши 3-го Курляндского стрелкового полка под командованием Ф. Калниньша и Латышский конный отряд Я. Кршьяна составляли наиболее боеспособную часть армейской группы Рудольфа Сиверса. Захватив Ростов-на-Дону практически без сопротивления, красногвардейцы Сиверса буквально утопили город в крови. Без суда и следствия расстреливались офицеры, священники, члены семей добровольцев, которые ушли вместе с Лавром Корниловым в «Ледяной поход» на Кубань. Безжалостно убивали даже детей из семей офицеров. Кадетская форма на 14-летнем подростке означала его неминуемую гибель. Раненных офицеров, лежащих в лазаретах Ростова, выволакивали за кровоточащие бинты на улицу, добивали штыками, раскалывали им головы ударами прикладов. Никакого «Лейбы Бронштейна» или «Свердлова» при этом рядом с русской матросней не было, никакие «жидомасоны» не верховодили на улицах Ростова разнузданной чернью Великороссии, с болезненным наслаждением купавшейся в крови своих сограждан.

Город Таганрог армия Ф. Сиверса не могла захватить на протяжении четырех дней, поэтому здесь большевики зверствовали еще сильнее. В пылающую доменную печь местного металлургического завода красногвардейцы последовательно сбросили около 50 человек, в

[7] *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками: Воспоминания начальника штаба Донских армий генерал-майора И.А. Полякова. – М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. – С. 159–160.



**Генерал-майор Иван Поляков.
Начальник Войскового штаба Донской армии. 1918 г.**

основном офицеров и юнкеров, предварительно связав им руки и ноги[8]. Верного патриота России, генерала Павла Корниловича Ренненкампфа, после целого месяца тяжких издевательств, большевики вывезли ночью к одному из кладбищ, выкололи 63-летнему старику штыком глаза и расстреляли. Утром следующего дня в собственном доме была зверски убита красной солдатней 17-летняя Ольга Ренненкампф, приемная дочь несчастного генерала. После казацкого Освободительного восстания в мае 1918 года и изгнания «Социалистической армии» Сиверса из Таганрога на некоторых большевистских могильниках были произведены вскрытия и профессиональные медико-полицейские осмотры трупов. Всего было обнаружено около 100 трупов; в основном все убитые оказались офицерами, юнкерами, кадетами в возрасте 15–16 лет, среди погибших опознали одного рабочего. Обнаруженные жертвы большевистских палачей не исчерпывали, увы, долгий список загубленных жизней: убийцы стремились, по возможности, скрывать следы своих преступлений. Много человеческих тел было сожжено в заводских топках, съедено на окраинах Таганрога бродячими собаками или закопано в тщательно скрытых могильниках, которые не удалось обнаружить. По некоторым данным, красное воинство Рудольфа Сиверса[9] уничтожило в Области Войска Донского до мая 1918 года около двух тысяч одних только офицеров, не считая членов семей добровольцев и лиц из других социальных слоев.

С учетом логики действий большевиков, можно было ожидать, что наибольший кровавый террор красногвардейское воинство учинит не в русском Ростове-на-Дону, а в донской

---

[8] См. подробнее: funeral-spb.ru/necropolis/marsovo/sivers/. См. также: *Балмасов С.С.* Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. – М.: Посев, 2006; Красный террор глазами очевидцев. – М.: Айрис-пресс, 2014; Красный террор на Юге России / предисл., комментарии д.и.н. С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2013; Мельгунов С.П. Красный террор в России. – М.: Айрис-пресс, 2014.

[9] *Сиверс Рудольф Фердинандович* (11/23.11.1892–08.12.1918) – обрусевший лифляндский немец, в чине зауряд-прапорщика участвовал в Первой мировой войне. В 1917 году, после Февральского переворота, был избран в полковой комитет, в этот же период вступил в РСДРП(б). Командовал советскими военными формированиями в первый период Гражданской войны. Отличался крайним революционным фанатизмом и патологической жестокостью. 15 ноября 1918 г. был тяжело ранен в бою с казаками под деревней Желновкой (Царицынское оперативное направление), впоследствии от полученных ранений скончался.

казацкой столице — Новочеркасске. Однако, этого не случилось и, конечно, вовсе не потому, что в «гвардейцах» Сиверса неожиданно проснулась боязнь пролить «братскую кровь». Менее чем за сутки до подхода к Новочеркасску балтийских матросов и латышей, в город вошел сводный отряд казаков-фронтовиков под командованием войскового старшины Николая Голубова. Склонный к политическому авантюризму, но, одновременно, очень казацкий по мироощущению человек, войсковой старшина Н.М. Голубов буквально в последнюю минуту спас Новочеркасск от чудовищного погрома.

«Голубов сумел убедить рядовых и офицеров 10-го Донского казачьего полка, – повествует об этих событиях казацкий энциклопедист Г.В. Губарев, – *что если в Новочеркасск ворвутся первыми матросы, то они там не остановят камня на камне. После этого полк, вместе с офицерами, примкнул к его отряду, с ним вместе занял донскую столицу и, действительно, не давал разбушеваться красным, пришедшим на следующий день. Новочеркасск потерял много офицеров, расстрелянных матросами, но он потерял бы много больше, если бы жители и их дома не находили защиту у голубовцев. <...> На улицах города постоянно возникали столкновения между солдатами революции и голубовцами. Через неделю Красная гвардия, расстреляв атамана Назарова и других, передвинулась дальше, унося в душе злобу и недоверие к «революционным» казакам и их командиру»*[10].

Вялотекущий конфликт между «голубовцами» и «солдатами революции» имел в основе, бесспорно, этнический фактор: все «голубовцы» являлись этническими казаками, а подавляющее большинство красногвардейцев родилось либо в Великороссии, либо в Прибалтике. Судя по описаниям актов чудовищной жестокости, которые лично наблюдал в Новочеркасске Иван Поляков, казацкую столицу действительно ожидал кровавый Армагеддон. Переодевшись босяком, искусно выдавая себя за сочувствующего большевикам русского обывателя, будущий генерал Всевеликого Войска Донского имел тяжкую возможность воочию наблюдать некоторые зверства революционной черни.

«Особенно усердствовали в жестокостях латыши, мадьяры и матросы, – отмечает в своих мемуарах И.А. Поляков. – *Мне памятен случай, как мальчишка 15-16 лет в матросской форме, вооруженный до зубов, едва держась в седле, предводительствовал группой солдат, совершавших обыски на Базарной улице. Истерически крича, он требовал всех арестованных немедленно приканчивать на месте. Было только непонятно – за какие заслуги и почему этот юнец пользуется таким авторитетом среди здоровенных солдат. Когда один из последних, видимо, не согласился с ним относительно одного арестованного, по-видимому, еще большего юнца-ребенка, он выхватил маузер и выстрелил в несчастного мальчика сам. Но, не умея обращаться с оружием, сделал это так неудачно, что оружие выпало у него из рук. Тогда, скатившись с коня, он подхватил револьвер и, стреляя в упор, прикончил свою несчастную жертву. Даже на красногвардейцев-палачей, как я заметил, это зверское убийство произвело отвратительное впечатление».*

Ниже И.А. Поляков указывает, что несколько раз был очевидцем бессудных расстрелов в городских дворах в Новочеркасске, когда *«несчастных людей в одном белье вытаскивали*

[10] Энциклопедия казачества/ Сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов. – М.: Вече, 2007. – С. 85–86.

Красная Гвардия. Революционные «черные бушлаты» творили в городах и станицах Юга России чудовищные зверства. 1918 г.

на улицу и пристреливали здесь же на глазах жен, матерей, сестер и детей под торжествующий вой озверелой черни». Всего же, по подсчетам позднейшей администрации Всевеликого Войска Донского, в одном только Новочеркасске, в период с 12 февраля по 1-е апреля 1918 года, было расстреляно около 600 офицеров, не считая казацких повстанцев (так называемых «партизан») и других лиц[11].

Генерал Поляков отмечает, что значительное число офицеров бывшей императорской армии (в том числе казацкого происхождения) смирились с оккупацией Красной Гвардией Новочеркасска и рассчитывали мирно «пересидеть» владычество большевиков. «Примиренцев» было во много раз больше числа казацких повстанцев, которые твердо решили продолжать борьбу с Советским государством и ушли с походным атаманом П.Х. Поповым в Степной поход[12]. Судьба жестоко посмеялась над «примиренцами»: в условиях большевистской диктатуры с ее ориентированной на массовое уничтожение людей, в буквальном смысле

---

[11] *Поляков И.А., 2007*. Указ. соч. – С. 206–207, 229.

[12] *Степной поход* (12/25.02–5/18.05.1918) – первая осмысленная военная операция казацкого народа, направленная на сохранение офицерского кадрового состава будущей национальной Донской армии. Понимая всю гибельность предпринятого генералом Л.Г. Корниловым (под влиянием офицеров-неказаков) Первого Кубанского (Ледяного) похода, походный атаман Петр Попов повел донских казаков не на Кубань – через плотное кольцо большевистских войск, а к дальним зимовникам в Сальских степях, где имелось достаточно продовольствия для людей и фуража для конного состава. Попутно происходила зачистка некоторых станиц от просоветского элемента и уничтожение мародерствующих банд красногвардейцев. Степной поход привел к активному вовлечению донских

**Генерал Петр Харитонович Попов.
Атаман Степного похода донских казаков зимой 1918 г.
(*Фотография 1939 г.*)**

— сетевой административно-карательной машиной пересидеть революцию «в подвале» оказалось совершенно невозможно. Ради сохранения личной жизни гораздо целесообразнее было сражаться. За полуторамесячный период владычества Советов в Новочеркасске число офицеров и казачьих автономистов, расстрелянных красногвардейцами, во много раз превысило число убитых и раненных повстанцев почти за три месяца Степного похода.

Массовые казни и многочисленные убийства отдельных лиц, изощренные издевательства и повальный грабеж казацкого населения производились в частных домах, в лазаретах, школах и церквях, — во всех станицах и хуторах Присуда, причем, в основном, в период, предшествующий Гражданской войне или же сразу после ее окончания[13]. Таким образом, большевики применяли к казацкому населению массовый террор прежде всего в период, когда они либо **не имели представления** о возможном жестком этнополитическом ответе казачества, либо были **полностью уверены** в том, что имеющихся военных сил Красной Армии вполне достаточно, чтобы быстро залить кровью любое вновь возникшее восстание казаков.

Важно подчеркнуть и еще один значимый этнополитический аспект. Кровавые события первой советской оккупации земли Войска Донского (до лета 1918 г.) наталкивают на мысль о пропорциональной зависимости психологической способности казаков из различных социальных слоев к эффективной самозащите от степени их ментальной и бытовой «русификации». Чем в бóльшей степени этнический казак в ментальном и бытовом отношениях «русифицировался», — тем менее он оказывался способен к этнокорпоративной самоорганизации, тем слабее проявлялись его волевые качества и личное мужество в вооруженной борьбе. Постепенное окрестьянивание казацкого этноса, особенно интенсивно происходящее

калмыков в борьбу с Советской властью. За весь период Степного похода из боевого состава ополчения в 1727 штыков и сабель было потеряно чуть больше 80 бойцов. Для сравнения: в Ледяном походе только потери убитыми составили более 400 человек (и еще около 1500 раненными), погиб и сам генерал, этнический казак Лавр Корнилов, что привело, в конечном счете, к «деникинщине» и бесславному краху Белого движения.

[13] *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Красный террор на Кубани. 1918–1920 гг.// Кубанский сборник: сб. науч. ст. по истории края. – Краснодар: ООО «Книга». Том 1 (22). 2006. – С. 437.

после периода Великих реформ Александра II, принесло, как оказалось, незавидные плоды. Большинство городских, глубоко погруженных в «русскость» жителей Новочеркасска старалось, по наблюдению И.А. Полякова, ни в чем *«не скомпрометировать себя в глазах новой власти, и больше всего заботилось о сбережении своих сундуков да старого тряпья, хотя, вне всякого сомнения, никто не был уверен за свою судьбу не только завтрашнего дня, но даже и за сегодня»*. Казаки-станичники, особенно старших поколений, демонстрировали совершенно иной – исконно казацкий – стереотип поведения. Этих людей, не порвавших связи с родной землей, «никакие большевистские жестокости не могли устрашить и заставить отказаться от служения интересам казачества». Именно станичные общества, по мнению генерала Полякова, выдвигали из своей среды принципиальных, мужественных борцов, готовых *«с непоколебимой решительностью защищать всё казачье, родное, от посягательств красных»*[14].

Курс РКП(б) на раскол казацкого сообщества. Объективное рассмотрение значительной части антиказацких деяний большевиков наталкивает на мысль, что, несмотря на множественность актов кровавого террора на землях Присуда в январе-апреле 1918 года, целенаправленной геноцидальной установки Совнаркома по отношению к широким слоям казацкого народа в этот период еще не существовало. Государственный террор против казаков конца 1917—весны 1918 гг. имел скорее социальную, а не этнополитическую направленность, а решения о его проведении генерировались пока отнюдь не на высшем (столичном) этаже партийной иерархии РКП(б). Инициаторами террора в этот период выступали, в основном, региональные функционеры РКП(б), рьяно откликающиеся на революционный социальный заказ «иногородних» по насильственному принуждению казаков к «черному переделу» войсковых земель. В начале 1918 года большевистские вожди еще продолжали надеяться, по-видимому, что казацкое сообщество удастся разделить, подобно великорусскому этносоциуму, на «козлищ» и «овнов», т.е. противопоставить высший слой казацкого офицерства, интеллигенции и станичной старшины всей остальной массе так называемого «трудового казачества». Документом, отражающим курс политического руководства Советской России на внутренний разлом казацкого сообщества, является, бесспорно, Обращение Третьего Всероссийского съезда Советов к трудовому казачеству, принятое 16 (29) января 1918 г., – т.е. в разгар подготовки войск Красной Гвардии к оккупации донской и предкавказской частей Присуда.

Обращение Третьего съезда Советов начиналось с оптимистичной ноты: после произошедшего Октябрьского переворота ***«рабочие и крестьяне верили, что трудовое казачество не пойдет против трудящегося народа, а примкнет к той великой борьбе против богачей и поработителей, которую ведут трудовые классы»***. ***«Вы оправдали нашу надежду, товарищи трудовые казаки!»*** – с явным удовлетворением констатировали авторы Обращения. Творцы данного документа имели очень поверхностное представление о казацкой специфике. Трудящимся казакам предлагалось, например, дружно выступить против ***«Калединской шайки»***, поскольку в противоположном случае они рисковали, якобы, – ***«остаться без земли, без воли»***. Очевидно, что в данном случае большевистские идеологи использовали, недолго думая, привычный для них великорусский пропагандистский шаблон.

[14] *Поляков И.А., 2007*. Указ. соч. – С. 226—227, 243.

Чего-чего, но земли и воли у абсолютного большинства казаков при атаманстве Каледина было предостаточно. Основной вопрос для казачества состоял, конечно, не в том, чтобы уберечь это достояние от «шайки Каледина», а в том, чтобы отбиться от поползновений «иногородних» переселенцев к обретению всех политических прав на территории Войск, причем вместе с казацкой землей. Обращение призывало казаков к грабежу усадебного достояния помещиков (***«вместе с крестьянами берите всю власть в свои руки, берите всю помещичью землю и весь инвентарь в свои руки»***). В качестве платы за столь щедрые «пожертвования» трудящимся казакам предлагался исключительно эффективно зарекомендовавший себя по всей Великороссии алгоритм действий: ***«Сотрите с лица земли врагов народа. Выгоните Каледина и всех, кто с ним, из Новочеркасска. Очистите вашу землю от контрреволюционных банд!»*** Документ завершался демагогической здравицей, отдающей, правда, зловещим цинизмом, – если знать о последующих зверствах красной матросни на землях Присуда: ***«Да здравствует братский, нерасторжимый союз рабочих, крестьян, солдат, казаков, матросов и всех трудящихся!»***[15]

В Области Войска Донского казацкий народ, после небольшого периода некоторой растерянности, ответил на действие местных большевистских Советов и войск Красной Гвардии (а следовательно, и на вышеприведенное Обращение Третьего съезда Советов) почти повсеместным национальным восстанием. Первое зафиксированное вооруженное столкновение с Советской властью произошло 8 (21) марта 1918 года. В этот день казаки станицы Луганской отбили 34 арестованных офицера (т.е. на большевистском сленге своих «классовых врагов»), которых из станицы Каменской везли на истязания и расстрел в Луганскую ЧК[16]. «Чистки» офицеров и дикий произвол русской матросни в Новочеркасске выполнили только функцию внешнего запала для восстания. Основным же взрывным фугасом для него явился массированный натиск «иногородних» на казацкие общества по всей территории Войска. «Иногородние» восприняли оккупацию Дона войсками Антонова-Овсеенко как долгожданный приход «своих», как возможность с опорой на советскую государственную систему наконец-то поквитаться с «ермаками»[17].

Этнический казак, войсковой старшина А.В. Голубинцев, руководивший восстанием казаков в Хопёрском и Верхне-Донском округах, так охарактеризовал нетерпимую общественную атмосферу на Дону зимой—весной 1918 года: «*Мутила рвань, кучка негодяев, по большей части даже не нюхавших пороху, нестроевые, обозники, оставшиеся дома, подкупленная муть дна,* ***и особенно иногородние*** [выделено нами. – Н.Л.], *которые, видя офицеров, шипели от злости, рисуя себе картину, как они будут расправляться с ними, линчевать, убивать. Злодейства в Михайловке еще были свежи в памяти у всех*[18]. *Как никогда выявлялась теперь злоба негодяев не только по отношению к офицерам,*

---

[15] Декреты Советской власти. Том I (25 октября 1917—16 марта 1918 гг.). — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. — С. 86.

[16] *Янов Г.П.* Дон под большевиками весной 1918 года и восстание станиц на Дону// Донская летопись. Белград. 1924. № 3. – С. 20.

[17] «Ермак», «ермаковец» – презрительная кличка, которой «иногородние» пользовались в своем кругу для обозначения этнических казаков.

[18] Войсковой старшина (впоследствии генерал-майор) А.В. Голубинцев имеет ввиду зверское убийство «иногородними» русского села Михайловка 36 казаков-офицеров, совершенное 12 (25) января 1918 года.

но и ко всему казачеству. Вслед нам почти открыто говорили: «погодите, вашу...» и т.п.»[19].

Очевидец подчеркивает, что нетерпимость и злоба крестьян-переселенцев к казакам росла пропорционально уверенности первых в том, что *«за нами Советская власть»*. *«Участились митинги,* – пишет А.В. Голубинцев, – *на которых проклинались Каледин, офицеры и все прошлое, а потом, когда стало ясно, что никто не препятствует и не чинит противодействий, начали объявлять декреты, устанавливать Советы, власть на местах и т.п.»*. Определенная доля вины за нарастание взаимной напряженности между казаками и переселенцами из Великороссии лежит, к сожалению, на войсковой администрации Каледина, которая своей неоправданной толерантностью по отношению к враждебным действиям банд «иногородних» и крестьянских исполкомов только распаляла амбиции и чувство безнаказанности у сторонников «черного передела».

Другой очевидец, войсковой старшина И.А. Поляков, который мог наблюдать революционные события зимы 1917—весны 1918 года в Новочеркасске и районе станицы Заплавской, в своих мемуарах рисует практически аналогичную картину. *«Только среди иногороднего населения области,* – отмечает И.А. Поляков, – *советские мероприятия встречали живой отклик. Иногородние видели, что новая власть на их стороне, они чувствовали под собой твердую почву и уже несколько раз в разных местах порывались за старое рассчитаться с казаками»*.

К этническим чисткам распаляемые большевистской пропагандой «иногородние» не могли перейти сразу. Существовала долговременная традиция, хотя далеко не братского, но все же мирного соседского существования казаков и великорусов, притом не только в близлежащих станицах и селах, но часто — в соседних домах на одной улице. Психологически сложно было вот так сразу, совершенно неожиданно — разрядить револьвер в соседа, поджечь его сеновал, запахать вековечный казацкий выгон. Советская власть в начале 1918 года делала все возможное, чтобы как можно быстрее сломать традицию мирного сосуществования народов на территории Присуда. *«Сбросив с себя маску,* — размышляет по этому поводу Иван Поляков, — *рабоче-крестьянская власть стала неуклонно проводить в жизнь, очевидно, заранее намеченную программу. Прежде всего, началось систематическое разоружение казачества и одновременно – вооружение иногороднего элемента. Стали проводить массовый террор над зажиточным казачеством, поголовно истреблять верхи казачества, уничтожать казачьи привилегии и сравнивать казаков с иногородними и, главным образом, с крестьянской беднотой»*[20].

Национальная война казаков на Дону. Идея принудительной «русификации» на основе пролетарского интернационализма и забвения ценностей казацких национальных традиций, — ни при каких условиях не могла прельстить казацкий народ. На Дону, то в одном отделе Войска, то в другом, но все ярче стали разгораться уже давно тлевшие угли национального сопротивления казаков. Этому способствовали то и дело возникавшие, между казаками и «иногородними», сначала кулачные, а затем и кровавые столкновения. Казак Усть-Белокалитвенской станицы И.В. Пятибратов вспоминал, как в конце февраля 1918 года

---

[19] *Голубинцев А.В.* Русская Вандея// Белое дело. Избр. произв. в 16 книгах. Кн. 9: Донская Вандея. – М.: РГГУ, 2004. – С. 48.

[20] *Поляков И.А., 2007.* Указ. соч. – С. 210.

в их хутор Свинарёв вошли вооруженные «иногородние» близлежащей слободы, захватили 11 человек и расстреляли. «*Потом объясняли*, – уточняет И.В. Пятибратов, – *что убили за своих – за побитый отрядик красногвардейцев, который еще с осени собрали на станции Грачи. Одиннадцать человек – это только у нас, а таких расстрелянных и сожженных хуторов до двух десятков было только в нашей станице*»[21].

Наиболее ожесточенная этнополитическая борьба развернулась между казаками и русскими «иногородними» в Сальском округе Донской области. Первыми атаковали «иногородние»: в начале марта 1918 года в станице Платовской они устроили этническую чистку, причем пострадали, в первую очередь, приписные казаки-калмыки. С целью прекратить кровавый произвол атаман Степного похода П.Х. Попов 7-го марта занял станицу Великокняжескую, а на следующий день станица Платовская была окружена казаками, — в ней произошел встречный бой между казаками и крестьянским красным отрядом. В ходе «зачистки» Платовской было убито в бою или захвачено в плен, а потом расстреляно (по разным сведениям) от 100 до 200 крестьян[22]. Однако эта карательная акция не только не испугала «иногородних», получавших всевозможную помощь (прежде всего оружием) со стороны оккупационных структур Советов, но, наоборот, подтолкнула их стремительной этнополитической консолидации. Уже 12-го марта красный отряд Семена Буденного неожиданным ударом захватил Платовскую, — и вновь полилась человеческая кровь, только на этот раз «иногородние» уничтожали казаков. В скором времени в территориальном «треугольнике» Сальского округа: между селением Большая Орловка, станицей Платовской и слободой Мартыновкой возник фактически сплошной антиказацкий фронт, все бойцы которого по этническому происхождению являлись неказаками. Большевистский историк М.П. Жаков, отметив с подкупающей прямотой, что на начальном этапе борьбы с казаками «иногородние» были лучше вооружены, утверждает: ***«Сальские крестьяне дали Советской России лучших солдат и лучшую конницу, дали ядро будущей Конармии С.М. Буденного»***[23]. Такая оценка основывалась, конечно, на хорошем знании М.П. Жаковым этносоциального состава вооруженных формирований большевиков в регионе Дона и Поволжья.

Атаман Всевеликого Войска Донского П.Н. Краснов, которого трудно заподозрить в слабой информированности о реальных этносоциальных процессах в 1918–1920 гг., был убежден, что война в донской части Присуда с самого начала приобрела выраженный этнополитический характер. «*Война с большевиками на Дону*, — утверждал атаман, — *имела уже характер не политической или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки отстаивали свои казачьи права* ***от русских*** [выделено П.Н. Красновым]». Обе противоборствующие стороны, причем без всякого участия большевистских комиссаров или идеологов Белого дела, прекрасно осознавали: в чем конкретно состоят их национальные интересы. «*Дон раскололся в это время на два лагеря – казаки и крестьяне*, – продолжал далее Петр Краснов. – *Крестьяне за малым исключением были*

---

[21] Лихое время// Станица. 2001. № 3. – С. 26.

[22] Комиссар по народному просвещению Донецко-Криворожской советской республики (1918 г.), впоследствии историк-большевик Михаил Жаков в своем исследовании «Донская контрреволюция» упоминает об «около 360 расстрелянных крестьян».

[23] *Жаков М.П.* Донская контрреволюция// Казачий сборник. Вып. 2. — Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000. – С. 149, 152.

Войсковой атаман Петр Николаевич Краснов принимает парад Донской армии. Лето 1918 г. (*Архив В.П. Мелихова*)

большевиками. Там, где были крестьянские слободы, восстания против казаков не утихали. Весь север Войска Донского, где крестьяне преобладали над казаками, Таганрогский округ, слободы Орловка и Мартыновка 1-го Донского округа, города Ростов и Таганрог, слобода Батайск были залиты казачьей кровью в борьбе с крестьянами и рабочими. Попытки ставить крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой. Крестьяне изменяли казакам, уходили к большевикам и насильно, на муки и смерть, уводили с собой донских офицеров»[24].

В исторических опусах советских исследователей, а подчас и у некоторых современных историков, вышеприведенное мнение атамана П.Н. Краснова часто относят по ведомству пресловутого «казакоманства», считают заведомо тенденциозным, чуть ли не фашистским. Отнюдь не стремясь попасть в число пропагандистов политической проницательности атамана Всевеликого Войска Донского, отметим лишь, что традиционная историческая наука во все времена считала надежным инструментом для установления исторической истины способ перепроверки какого-либо спорного факта методом «от противного». В данном случае «казакоманское» суждение Войскового атамана целесообразно сопоставить с мнением какого-либо видного политического противника Казацкой Вандеи. Таким антиказацки настроенным, весьма информированным большевиком был, например, Семен Филиппович Васильченко.

Донской украинец, человек отважный и талантливый, прошедший многие тюрьмы и каторгу Российской империи, С.Ф. Васильченко являлся одним из признанных лидеров большевистской партии на Юге России в 1917–1918 гг. В конце марта 1917 года партийное руководство РСДРП(б) направило Васильченко в Ростов-на-Дону, где он создал и возглавил Ростово-Нахичеванский комитет партии. С июня по сентябрь 1918 года, вплоть до полного очищения территории Войска Донского от большевиков, С.Ф. Васильченко входил в состав Донского советского правительства, нашедшего приют в «столице» восставших «иногородних» Сальского округа – станице Великокняжеской. После мощных

[24] *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское// Белое дело. Дон и Добровольческая армия.–М.: Голос, 1992. – С. 54–55.

ударов казацких повстанцев Семен Васильченко бежит с территории Войска Донского в контролируемый большевиками Царицын. Здесь бывший член Донского советского правительства становится одним из главных идеологов государственного террора по отношению к казацкому населению. 28 сентября 1918 года большевистский эмиссар подает на имя председателя ВЦИК Я.М. Свердлова аналитический отчет о причинах промежуточного проигрыша большевиками борьбы за Дон. В этом документе С.Ф. Васильченко обосновывает очень схожую с мнением «казакомана» Краснова мысль о том, что основным нервом Гражданской войны на казацких землях является отнюдь не социальный (классовый) антагонизм, а вышедшее на бескомпромиссный уровень русско-казацкое межэтническое противоборство.

«Гражданская война на Дону, – подчеркивал в своем докладе Семен Васильченко, – ***носит не столько характер непосредственной классовой борьбы, сколько характер бытового антагонизма между казаками и крестьянами*** [N.B.! – Н.Л.]. ***Соответственно с этим, не в пример остальной части земледельческой России, борьба в Донской области развернулась не как борьба между кулаками и богачами, с одной стороны, и беднoты с другой, а между «братьями-казаками» и «хамами-иногородними». <…> Это заставило крестьян с небывалым упорством отстаивать свои хаты и держаться за Советскую власть. Так распространилось у казаков убеждение в необходимости истребления иногородних («Дон для донцов»), так, в свою очередь, крестьяне и советские войска стали думать о необходимости поголовного истребления казаков»***[25].

С учетом даты представления отчета С.Ф. Васильченко во ВЦИК можно предположить, что только в период лета-осени 1918 года в высшем эшелоне РКП(б) и Совнаркоме начинает осмысливаться и формироваться целенаправленный дискурс политики геноцида по отношению к казакам. Большевики были потрясены прочной этнической спайкой казаков, уникальной способностью этого народа к низовой (т.е. идущей от социального базиса народа, а не от его интеллектуальной надстройки) самоорганизации. Столкнувшись с массовым, в точном смысле — общенациональным сопротивлением казаков, вожди РКП(б) быстро приходят к убеждению, что хороших в большевистском понимании, т.е. так называемых «трудовых»[26] казаков не может быть в принципе. Отсюда следует по-своему логичный вывод, что действительно хороший для Советской власти казак – это только мертвый казак. Начиная с поздней весны 1918 года, большевики еще последовательнее, чем прежде, стараются реализовывать на землях Присуда «русскую политику», т.е. выполнять функцию идеологических вождей и военно-политических защитников «иногородних». Прочный антиказацкий альянс РКП(б) с русскими «иногородними» формировался, таким образом, на объективных основах. Экономической основой этого союза стала острая заинтересованность «иногородних» в распределении между собой реквизированных казацких земель. Организационно-политическая основа альянса «иногородних» и большевиков определялась невозможностью для режима РКП(б) установить свою власть на землях Казацкого Присуда вне прочного союза с местным, этнически неказацким населением, в первую очередь — с переселенцами

---

[25] Пролетарская революция на Дону. Сб. 1. — Ростов н/Д., 1922. – С. 70.

[26] Термины «трудовые», «трудящиеся», «сознательные» по отношению к какому-либо социальному слою, на политическом сленге большевиков означали, прежде всего, мировоззренческую и ментальную предрасположенность, потенциальную способность этого слоя проявить «самоедскую» агрессию, желать уничтожения других, социально более высоких слоев собственной этнической системы.

из Великороссии. Геноцидальная политика большевиков шла, таким образом, не от идеологии, а от реалий установления советской оккупации на Юге России. Национальную войну казаков 1918-1920 гг. на землях Казацкого Присуда невозможно расценивать в качестве «Гражданской войны», — прежде всего потому, что в ней участвовали «граждане» только с одной – северной, большевистской линии фронта. Казацкие «белые» формирования, равно как и абсолютное большинство этнических казаков, «гражданами» Советской России себя не считали. Казаки сражались, — и это с особенной конкретикой стало понятно к концу эпопеи Белого дела, — за сохранение земельного достояния и свободы Войск, а также за обретение реального национального суверенитета.

Большевистский Совнарком не сразу расстался с идеей раскола казацкого народа на «трудовых казаков» и «шайку Краснова-Деникина». Даже в конце мая 1918 года, когда казацкое национальное восстание охватило без малого 80 станиц Войска Донского, что привело к изгнанию большевиков со значительной части территории Войска, Совнарком не оставлял попыток привлечь на свою сторону казацкие социальные низы. В газете «Известия ВЦИК» 30 мая 1918 года за подписью Ленина, Троцкого, Чичерина и Сталина было опубликовано специальное «Обращение к казакам».

От Совета Народных Комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

ОБРАЩЕНИЕ К КАЗАКАМ

Трудовые казаки Дона и Кубани!

Великая опасность надвинулась на вас. Враги трудового казачества подняли головы. Бывшие помещики — дворяне и царские генералы хотят захватить на Дону и Кубани власть в свои руки и передать эти благодатные плодородные области иноземным захватчикам. Бывший генерал Краснов, который в октябре вместе с Керенским шел походом на Петроград, теперь выступает в качестве донского представителя и ведет переговоры со Скоропадским, угнетателем украинских рабочих и крестьян, и с представителями Германской империи.

Знаете ли вы об этом, казаки на Дону? Нет, предатели действуют за спиной трудового народа. Они заявляют от вашего имени, будто вы хотите отделиться от России и стать рабами помещиков и капиталистов наподобие Украины. Чтобы вернуть себе дворянское звание, помещичьи земли, генеральские чины, изменники-Красновы готовы предать чужестранным помещикам и капиталистам вашу родную Донскую землю. И вслед за Доном наступит очередь Кубани, как и других частей Советской Республики.

Мы, Совет Народных Комиссаров, заявляем, что Донская область является составной частью Российской Советской Федеративной Республики. Помещики и генералы не имеют права говорить от имени трудового казачества и торговать вашей землей, вашим хлебом и вашей кровью. Поднимитесь, трудовые казаки, как один человек, и заявите, что вы, как были, так и остаетесь в братском единении с рабочими и крестьянами всей России!

Совет Народных Комиссаров объявляет бывшего генерала Краснова и его соратников и союзников врагами народа и ставит их вне закона. Им не должно быть места на свободной земле трудового казачества. Предателям и изменникам – смерть!

Трудовые казаки Дона и Кубани! Волею рабочих, крестьян и казаков всей России Совет Народных Комиссаров приказывает вам стать немедленно под ружье для защиты вашей земли от предателей и захватчиков. На Советы казачьих депутатов Дона и Кубани мы возлагаем обязанность создания твердой и надежной армии для спасения своей земли и свободы. Каждый трудовой казак обязан по первому призыву своего Совета стать под ружье. Мы снабдим вас необходимым снаряжением и вооружением и пошлем вам на помощь братские войска.

Великая опасность надвинулась на вас, казаки Дона и Кубани. Покажите же делом, что вы не хотите быть рабами угнетателей и захватчиков. К оружию, донцы! К оружию, кубанцы! Смерть врагам народа! Гибель предателям!

Да здравствует трудовое казачество!
Да здравствует братский союз рабочих, крестьян и казаков!
Да здравствует Российская Советская Федеративная Республика!

«Обращение к казакам» является, бесспорно, яркой страницей большевистского агитпропа. Трудно сказать сразу: чего больше в этом документе – цинизма, политической ненависти или несгибаемого упорства в достижении раз заявленной цели. Нужно было обладать поистине уникальным апломбом, чтобы заявлять казацкому меньшинству Присуда (после нескольких месяцев кровавой тирании красногвардейцев!), что это, дескать, помещики и генералы хотят «торговать вашей землей, вашим хлебом и вашей кровью». Слова же о «братском союзе» рабочих и крестьян с казаками, особенно после обильных взаимных кровопусканий конца 1917 — начала 1918 гг., выглядели, как наглая издевка…

«*Казаки с каждым днем убеждались*, – вспоминал об этом периоде генерал И.А. Поляков, – *что их права беззастенчиво попираются непрошенными насильниками и что всякая попытка казачества устроить свою жизнь на исконных казачьих началах встречается вооруженной силой разного пришлого сброда. Они видели, как Советская власть постепенно их обезличивает, насилует казачьи обычаи и глумится над традициями, освященными веками. Казаки чувствовали, как их во всем урезывают: их оружием вооружают иногородних, наделяют последних одинаковыми правами с казаками и, мало того, делают иногородних равноправными даже в станичном достоянии. Не могло скрыться от казаков и то, что с первых дней господства красных на Дону во все стороны тянулись длинные обозы и поезда с увозимым казачьим добром. Не могли спокойно выносить казаки и надругательства над верой православной, излома вековых казачьих обычаев, кровавой расправы солдатских банд*»[27].

Красный террор на Кубани в 1918 г. Бессудные расстрелы, грабежи и дискриминация обрушившиеся на донских казаков зимой-весной 1918 года, являлись только бледной тенью того массового кровавого произвола, который вынуждены были претерпевать в этот же период казаки Кубани. Известный российский историк П.Н. Стрелянов (Калабухов)[28] подготовил для «Кубанского сборника» краткую (далеко неполную) сводку преступлений

[27] *Поляков И.А.*, 2007. Указ. соч. – С. 241–242.

[28] Основные работы исследователя: *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Одиссея казачьего офицера (полковник Ф.И. Елисеев). – М.: Рейтар, 2001; *Он же*. Корпус генерала Баратова. 1915-1918 гг. – М.: Рейтар, 2002; Дневники казачьих офицеров (Составление, научная редакция П.Н. Стрелянова (Калабухова). – М.: Центрполиграф, 2004; *Стрелянов (Калабухов) П.Н., Киреев Ф.С., Картагузов С.В.* Кубанские, Терские и Уральские

Невинные жертвы красных палачей. Массовые расстрелы стали «визитной карточкой» оккупационного режима РКП(б). Иркутск, декабрь 1917 г.

войск Красной Гвардии и местных «иногородних» банд против коренного казацкого населения края. На кубанском примере наиболее отчетливо просматривается изначально этноцидальный характер террора инонациональных, по отношению к казакам, красногвардейских формирований. Список П.Н. Стрелянова (Калабухова) приводится ниже со значительными сокращениями: мы опускаем все факты, которые могут быть расценены, как уголовные преступления, не имеющие отчетливо геноцидального характера (грабежи, издевательства, не сопровождающиеся тягчайшими увечьями или убийствами, «социализации» – узаконенные оккупационной властью РКП(б) массовые изнасилования женщин и т.п.). Список составлен на основе материалов Российского Государственного военного архива (РГВА) и материалов Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем ВСЮР[29].

казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 г. – М.: Рейтар, 2007; *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Казаки в Персии 1909-1918 гг. – М.: Центрполиграф, 2007.

[29] РГВА. Управление 9-й Кубанской армии Северо-Кавказского военного округа 1918–1921 гг. Ф.192. Оп.3. Д.1063. Л.28,31; Д.1064. Л.38,39; Д.1050. Л.3,5,5 об.,6.

Российская Государственная библиотека. Материалы Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем ВСЮР. Д.2,5,10,15,18,43,44,116.

См. подробнее: *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Красный террор на Кубани. 1918-1920 гг.// Кубанский сборник: сб. науч. ст. по истории края. – Краснодар: ООО «Книга». Том 1 (22). 2006. – С. 437–454.

Террор в Екатеринодаре. Вооруженные формирования Советской России вступили в Екатеринодар 1 марта 1918 г. В тот же день в городе было арестовано 83 человека, — всех задержанных зарубили или расстреляли без суда и следствия. Трупы зарыли в трех ямах в городе, в ряде случаев люди в момент закапывания оставались еще живыми, что подтвердили затем (после освобождения Екатеринодара Добровольческой Армией) свидетели и врачи-патологоанатомы. В числе убитых находились дети 14—16 лет и старики старше 65 лет. Многие жертвы большевиков претерпели чудовищные пытки: людям отрезали пальцы рук и ног, половые органы, обезображивали ударами холодного оружия и прикладов лица. Через несколько дней оккупации – 4 марта 1918 г. – была вырезана вся семья полковника Орлова: он сам, жена и четверо детей. 31 мая из Екатеринодарской тюрьмы вывели 76 казаков (жителей Новотитаровской и других станиц): все они были расстреляны из пулеметов. Часть трупов зарыли в яму, а тела жертв, не поместившиеся в яму, сбросили в реку Кубань. В окрестностях Екатеринодара преступления красных отличались такой же немотивированной жестокостью, причем жертвами этих преступлений становились не только казаки. Так, например, в ауле Абукай большевики зарубили и закололи штыками 240 черкесов.

По этнической принадлежности жертвы террора являлись, преимущественно, этническими казаками и черкесами, вместе с ними также были убиты несколько бывших царских офицеров русского и украинского происхождения. Массовые убийства казаков в Екатеринодаре производил, в основном, Днепровский полк – по этническому происхождению все красноармейцы полка являлись неказаками.

Станица Елизаветинская. 1 апреля 1918 года в станицу Елизаветинскую, после отхода из нее Добровольческой Армии, вступили отряды красных. В приспособленных под лазареты станичных училищах и школах оставались тяжелораненые добровольцы с врачами и сестрами милосердия. Незамедлительно красная солдатня учинила резню раненых в здании двухклассного станичного училища. Здесь же, среди раненных, лежал больной подросток – этнический казак, кадет 3-го класса Новочеркасского кадетского корпуса. Увидев красноармейцев, он попросил детей казаков, которые помогали сестрам милосердия, спрятать его. Однако, каким-то образом информация о больном кадете стала известна красным убийцам. Один из красногвардейцев подошел к мальчику, стоявшему среди казачат, и спросил – кадет ли он. Получив утвердительный ответ, красный палач на глазах у детей заколол мальчика штыком.

2 апреля большевики произвели полную кровавую «зачистку» в здании двухклассного училища. Свидетели, дававшие показания Особой Комиссии по расследованию преступлений большевиков ВСЮР показали, что после ухода красных изуродованные тела убитых добровольцев лежали повсюду, некоторые офицеры были страшно изуродованы – с отрубленными конечностями, с разрубленными лицами и т.д. В этот же день красными палачами были убиты две сестры милосердия: тело одной женщины бросили в Кубань, а молодую девушку, Викторию Пархоменко, ученицу 6-го класса Кубанского Мариинского института, расстреляли за кладбищем станицы.

Точное число казаков, загубленных 1—2 апреля 1918 г. в станице Елизаветинской, установить не удалось. Согласно показаниям свидетелей, принимавших участие в захоронении тел, было убито не менее 69 человек.

Станица Кавказская (Кавказский отдел ККВ). Красногвардейцы зверски убили войскового старшину И.Х. Ловягина, бросили его труп в шахту, запретив хоронить с

церковным отпеванием. В этой же станице застрелен казак И.Г. Елисеев, отец троих сыновей-офицеров. В хуторе Романовском без следствия и суда были расстреляны 6 мирных жителей – этнические казаки В. Севостьянов, И. Диденко, И. Наумов, М. Мишнев, Г. Чаплыгин.

Станица Тифлисская. Расстреляны 35 казаков, старший по званию – урядник Р. Кольцов.

Станица Ильинская. Студент, этнический казак А. Солодухин заколот штыками; на его теле оказалось 18 ран.

Станица Темижбекская. Убиты четыре казака, старший по званию – полковник Г.С. Жуков. Здесь же военного чиновника, этнического казака Т.С. Чирскова мучители убили варварским способом – раздавили накатом железнодорожного вагона.

Лабинский отдел Кубанского Казачьего Войска. В этнодемографическом отношении этот отдел ККВ отличался компактным, весьма консолидированным в этническом аспекте казацким населением. Именно поэтому кровавый террор проводился здесь с особой жестокостью и методичностью. Прежде чем приступить к террору большевики в плановом порядке разоружили казацкие станицы под угрозой применения артиллерии и пулеметов.

Армавир. До сентября 1918 года местные административно-карательные органы РКП(б) уничтожили в Армавире 1342 человека. Помимо этого 79 арестованных офицеров, переданных в распоряжение саперного батальона РККА, пропали без вести: по-видимому, были убиты и тайно захоронены. **«Более 500 мирных армавирских жителей закололи штыками, изрубили шашками и расстреляли,** – отмечает историк П.Н. Стрелянов-Калабухов. **– Их казнили на улицах, в домах, на площадях, выводя смертников партиями. Убивали отцов на глазах матерей, мужей перед женщинами, детей перед матерями. Бывшего атамана отдела Ткачева и местную учительницу вывели в поле, заставили вырыть себе могилу и в ней закололи штыками, засыпав полуживых землей. Ужасы армавирских казней довели многих женщин до полного умопомешательства»**[30].

Казацкое национальное повстанческое движение возникло на Кубани в самые первые дни большевистской оккупации, но, в отличие от своих донских побратимов, кубанским казакам не удалось организовать такое же эффективное, как на Дону, боевое взаимодействие между повстанцами. По воспоминаниям национального героя казацкого народа, генерала М.А. Фостикова в Армавире предприняли попытку организовать повстанческий координационный центр Лабинского отдела, однако эту организацию 15 июня 1918 года раскрыли и уничтожили чекисты. В этот же период казаки станицы Барсуковской попытались очистить от большевистских войск крупную станицу Невинномысскую, однако оружия и наличных сил у повстанцев оказалось недостаточно, и они потерпели неудачу. Эти события вызвали новую волну террора красных палачей в казацких станицах Кубани.

Станица Чалмыкская. Убийства казаков начались 5 июня 1918 г. После неудачного выступления против большевиков большая часть казаков ушла в горы, меньшая — вернулась в станицу. Красноармейские палачи немедленно приступили к арестам, пыткам и казням. Большевики решили сломить казацкое сопротивление не только в организационном плане, но и в духовном – методом особо изощренных, буквально сатанинских по жестокости

[30] *Стрелянов (Калабухов) П.Н., 2006*. Указ. соч. – С. 441–442.

расправ. Так, например, первую партию арестованных казаков – 38 человек – большевистские палачи вывели на майдан станицы и построили их попарно, спиной к спине, в две шеренги. Напротив каждого из обреченных на казнь оказался красноармеец с примкнутым штыком. По команде командира отряда Кроначева красные поборники «равенства и свободы» бросились кромсать казаков штыками.

12 июня 1918 года очередную партию обреченных на казнь, предварительно раздев мужчин до нижнего белья, привели к кладбищенской ограде, выстроили в ряд и перекололи штыками. Штыками же, как вилами, тела заколотых сбрасывали в могилу, некоторые казаки были еще живыми. Казак Седенко был еще жив, просил перед смертью воды, однако красноармейцы глумливо порекомендовали умиравшему человеку «попить крови из свежих ран зарубленных станичников». По данным Особой комиссии ВСЮР, всего в станице Чалмыкской с изощренной жестокостью казнили 183 казака, причем 71 жертва подверглась невероятным истязаниям: у людей заживо отрезали носы, уши, рубили им конечности. Трупы казненных людей несколько дней оставались непогребенными: бродячие собаки растаскивали по полям части тел убитых казаков…

Хутор Хлебодаровский. Здесь красноармейцы зарубили шашками учителя начальной школы В. Петрова.

Станица Еременская: 5 июня 1918 г. здесь арестовали 12 казаков. Затем их вывели в поле и расстреляли. Среди расстрелянных оказалось четыре человека тяжелораненых, а один из них – казак Карташов – смог, обливаясь кровью, уползти в пшеничное поле. Вскоре к месту казни подошла команда «чистильщиков» с лопатами. Увидев, что часть расстрелянных еще живы, красноармейцы принялись добивать раненых лопатами. Свидетель преступления слышал отчаянные крики умиравших и треск раздробленных черепов.

Станица Лабинская. Казни казаков начались 7 июня: без суда и следствия сразу же расстреляли 50 человек. Никто из казненных в попытке выбить красных из станицы Невинномысской не участвовал. Расстреляли молодого офицера, этнического казака Пахомова и его сестру. Их мать-старушка пошла в бывшее станичное правление, где находился штаб красноармейцев, с просьбой отдать тела детей для погребения. Однако красные каратели расстреляли и ее.

«8 июня убили офицера Пулина, – пишет П.Н. Стрелянов-Калабухов. – **На просьбу отца и матери отдать тело для похорон, последовал тот же ответ. Искололи штыками казака Ефремова, — умиравшего человека нашли родственники и забрали домой. Вечером, узнавшие о том большевики ворвались в дом и добили Ефремова ударом штыка в горло. Руководил арестами и казнями комиссар Данильян»**[31].

Станица Вознесенская. Первые расстрелы казаков начались в феврале 1918 года. Семьи казаков существовали под постоянной угрозой кровавых расправ — на митингах, которые почти ежедневно устраивали красноармейцы и «иногородние», громогласно озвучивались призывы: «устроить казакам варфоломеевскую ночь, вырезать их до люльки (т.е. до младенческого возраста)». В конце сентября, озлобленные натиском Добровольческой Армии, большевики в течение двух дней убили 40 казаков старших возрастов, а перед самым бегством из станицы — неожиданно расстреляли из пулемета мирных станичников, работавших в поле. По показаниям свидетелей, арестованных казаков уничтожали поодиночке и группами:

---

[31] *Стрелянов (Калабухов) П.Н., 2006*: Указ. соч. – С. 443

расстреливали, кололи штыками, рубили шашками. Казнили, как обычно, крайне жестоко: на станичном выгоне, у вырытых могил со скрученными за спиной руками ставили обреченных на казнь, — затем палачи шашками рубили головы беззащитных людей. После экзекуции трупы и полуживых, еще не умерших людей — вместе сбрасывали в ямы и засыпали землей.

Станица Упорная. Казни казаков продолжались с 7 июня 1918 г. до конца месяца. Людей убивали на улицах и в частных домах, расстреливали поодиночке и партиями на кладбище, казнили у вырытых могил. Некоторые казни проводились в подвале бывшего станичного правления, при этом по данным следователей ВСЮР собравшиеся на площади у правления «*толпы большевиков и большевички кричали «ура» и рукоплескали зверству*». Определение «большевики» и «большевички» не является этническим, более того, есть все основания сомневаться в том, что в середине 1918 года в заурядной кубанской станице неожиданно оказалось столько членов РКП(б) обоего пола, чтобы они могли создать здесь «толпы». Пресловутые «жидо-масоны», которых упорно обличают в своих опусах некоторые писатели-патриоты, в станице Упорной явно толпами не бродили. Здесь жили только этнические казаки и так называемые «иногородние». Так кто же собирался в алчной жажде казацкой крови у станичного правления, рукоплескал и кричал «ура» невероятной, не имеющей рационального объяснения жестокости красноармейцев? Очевидно, что этничность абсолютного большинства красных палачей и их искренних сторонников не имела ни малейшего отношения к «жидо-масонской», китайской или латышской…

Станица Каладжинская. Убийства казаков начались в феврале 1918 года, сразу после оккупации Лабинского отдела ККВ войсками Красной Армии. Сразу арестовали около 40 казаков – прежде всего офицеров и представителей национальной интеллигенции, а также тех станичников, с кем у местных большевиков имелись личные счеты. Из этого числа арестованных немедленно казнили 14 человек.

Следующая волна этнической чистки в Каладжинской началась 7 июня 1918 года – как реакция на попытку захвата станицы Невинномысской казаками-повстанцами. В этот день 31 казака зарубили на краю оврага шашками — трупы сбросили в овраг и засыпали навозом. Казачьи кости, которые растащили бродячие собаки, находили затем в разных концах станицы. Происходили циничные издевательства на национальной почве. Казака Кретова привязали за ноги к телеге и погнали лошадей вскачь по всей станице. Погонявший лошадей красноармеец кричал: «Сторонись, казак скачет, дай дорогу!» Изуродованного, окровавленного Кретова доволокли до церковной площади и здесь жестоко добили: один из красноармейцев воткнул умиравшему человеку острие шашки в рот и, ворочая клинок из стороны в сторону, приговаривал: «Вот тебе казачество!»

Столь варварские по форме убийства в казацких станицах имеют все признаки этнической чистки, а подчас и резни. В подавляющем большинстве случаев массовые убийства организовывали и осуществляли бойцы оккупационных войск РККА и местные красные активисты, не имеющие к казацкому этническому сообществу ни малейшего отношения, более того, – люто ненавидевшие казаков именно за национальный строй их жизни, за казацкий менталитет и особый казацкий стереотип поведения в быту. Ничем иным, кроме как застарелым антагонизмом, имеющим давние этнополитические причины, объяснить такие чудовищные, иррациональные по жестокости акты террора, по-видимому, невозможно.

Казаки 1-го Лабинского генерала Засса полка Кубанского Войска, 1904 г. В период Гражданской войны казаки-лабинцы отличались особой стойкостью в борьбе с Красной Армией

Станица Зассовская. 5 июня 1918 года большевики арестовали здесь 130 казаков. Из станицы Владимирской для проведения экзекуций прибыл специальный отряд красноармейцев. Арестованных казаков выводили поодиночке на площадь и спрашивали собравшуюся толпу – «казнить» или «оправдать»? Оправдание озверевшей толпы получила едва четвертая часть несчастных жертв красного террора. Понятно, что для жестокого судилища над этническими казаками на майдан собирались в основном те жители станицы, которые не имели ни малейшего отношения к казацкому сообществу.

Приговоренных к казни казаков раздели до сорочек и зарубили шашками здесь же на площади. Как обычно в таких случаях, оказалось много тяжелораненых, недобитых, еще живых людей. К ночи, когда вырыли, наконец, могилы на кладбище, раненные стали просить, чтобы им дали возможность умереть дома. Однако, палачи либо закалывали таких людей штыками, либо, глумясь, закапывали их заживо. Выбрались из-под засыпавшей их земли казаки Мартынов и Синельников. Последний, умирая, все просил, чтобы перевернули его лицом вверх. Казак Емельянов, весь изрубленный, подполз к ведру около могилы, выпил воды, обмыл лицо и стал вытираться бешметом. В это время один из красноармейцев добил его ударом штыка. Всего в Зассовской было убито 104 казака.

Станица Владимирская. В 1918 году самая масштабная этническая чистка казацкого населения в Лабинском отделе ККВ произошла в станице Владимирской. Уничтожение казаков началось здесь 5 июня: за несколько дней красные палачи убили 264 казака. Красноармейцы обыскивали дома, сельскохозяйственные строения, делали облавы на полях. Пойманных казаков, в основном мужчин, убивали на месте или выводили на казнь на центральный майдан станицы. В начале кровавые экзекуции происходили без суда, однако на четвертый день кровавого террора оккупационные власти озаботились камуфлированием своих преступлений, приданием террору революционной «законности». Был образован особый «трибунал», который составили «иногородние» и деклассированные босяки. «Трибунал» мог приговорить к смерти или даровать жизнь за выкуп. Мы опускаем

здесь страшные подробности нечеловеческих зверств и циничных истязаний, которые оккупационная власть РКП(б) применяла для достижения цели не только физического уничтожения, но и духовного слома казацкого населения. Достаточно сказать, что некоторые весьма многочисленные казацкие фамилии, например, Синиловых и Осеевых, были уничтожены во Владимирской вплоть до последнего человека. Всего в станице Владимирской красноармейцы РККА уничтожили около 700 казаков.

Станица Сенгилеевская. Войсковой старшина (будущий генерал-лейтенант) Михаил Фостиков, выбивший большевиков из Сенгилеевской 17 августа 1918 года, стал очевидцем — какие ужасные страдания претерпело от войск РККА казацкое население станицы. За относительно небольшое время большевистской оккупации материальное достояние семей казаков было разграблено вплоть до половиков и кухонной посуды. Много казацких куреней (домов) оккупанты просто сожгли. Зверские насилия над молодыми казачками стали во время оккупации обычным явлением. На улицах станицы лежали трупы казаков, которых большевики убили при отступлении. Общественные водосборные цистерны, в которых станичники сохраняли дождевую воду, оказались забитыми разложившимися трупами людей и застреленных домашних животных[32].

Советская оккупация Лабинского отдела ККВ в 1918 году принесла этому совсем недавно процветавшему району Кубани страшное разорение. Особая Комиссия по расследованию злодеяний большевиков, учрежденная командованием ВСЮР, в своем следственном протоколе констатировала: «*...Итоги большевистского властвования в Лабинском Отделе таковы: 49.000 домохозяйств разграблено. Имущество уничтожено и расхищено на 94.000.000 рублей*»[33].

Ейский отдел Кубанского Казачьего Войска. Город Ейск. В сравнении с другими отделами Кубанского Войска Ейский отдел оказался в 1918—1919 гг. относительно «благополучным». В самом городе Ейске чекисты весной-летом 1918 года расстреляли чуть больше 100 человек, – эта цифра в сравнении, например, с гекатомбой из 700 казацких трупов в станице Владимирской, выглядит относительно небольшой. Большевики компенсировали свою «недоработку» в Ейске чуть позже – сразу после окончания Гражданской войны и в конце 20-х годов.

Станица Ключевая. 7 марта 1918 года здесь без следствия и суда красноармейцы расстреляли 6 казаков.

Станица Раевская. Во время большевистской реквизиции имущества (т.е. попросту – грабежа) 6 августа 1918 года убит казак С.М. Кулин – за попытку протестовать.

Станица Варениковская. 17 мая 1918 года здесь были зверски убиты казаки Ф.П. Герасимов и Х.А. Руденко. Урядник, этнический казак С.М. Сергиенко убит 10 августа 1918 года прямо на пороге своего дома.

Станицы Новощербиновская и Крымская. В 1918 году эти казацкие поселения Ейского отдела пострадали больше остальных. После казацкого восстания в Ейском отделе в Новощербиновскую вошел карательный отряд РККА во главе с комиссарами Лебедевым и

---

[32] Дневники казачьих офицеров// Дневник генерала М.А. Фостикова. — М.: Центрполиграф, 2004. — С. 18, 21, 84—85, 91, 108.

[33] *Фельштинский Ю.Г.* Безумие во имя идеи. — Родина. 1990. № 10. — С. 44—45.

Убитые монахи Мгарского Спасо-Преображенского монастыря. С немотивированной жестокостью расстреляны отступающими красноармейцами. 1919 г.

Богдановым. Без суда сразу было расстреляно несколько офицеров – В. Черный, Г. Катков, Г. Сушко и другие. Еще какое-то число казацких офицеров младшего ранга было арестовано (источники называют цифры от 20 до 50). 20 мая каратели покинули станицу, пленных офицеров они увели с собой. В двух верстах от Новощербиновской казаков раздели, построили и методично расстреляли.

В станице Крымской весной 1918 года было расстреляно 67 казаков. Станичного атамана П.И. Левченко убили в караульном помещении станичного правления с особой жестокостью: атамана искололи штыками, шашкой отрубили ему руки и ноги.

В нашей книге о преступлении геноцида в отношении казацкого народа, мы намеренно не приводим многочисленные свидетельства о терроре красноармейцев и других деятелей большевизма, который был направлен на священнослужителей Православной Церкви. Произвол и террор против Православия происходил в большевистскую эпоху на территории бывшей Российской империи практически повсеместно, поэтому, во избежание обвинения в предвзятости, мы решили не акцентировать внимание наших читателей на «казацком» аспекте данной проблемы. Отметим лишь, что среди замученных, расстрелянных, зарубленных и иначе загубленных служителей Православия на землях Присуда оказалось немало этнических казаков. Применительно к территории Кубанского Казачьего Войска целесообразно, наверное, назвать те станицы, в которых эмиссары большевизма истязали или же загубили священников-казаков. Это станицы Барсуковская, Попутная, Вознесенская, Владимирская, Прочноокопская, Удобная, Усть-Лабинская, Должанская, Лабинская, Новощербиновская, Георгие-Афипская, Незамаевская, Пластуновская, Сенгилеевская, Кореновская, Поповичевская, Придорожная, Спокойная, Урупская, Ключевая, Убинская, Успенская, Некрасовская, Восточная[34].

[34] В отношении этнического происхождения некоторых священников из вышеперечисленных станиц мы допускаем возникновение ошибки из-за недостатка или фрагментарности сведений источников.

Командующий 11-й армией РККА Константин Мехоношин. Организатор массового террора на казацких землях Дона и Волги

В 1918 году кровавые зверства большевиков начались почти одновременно на всех территориях Казацкого Присуда, оккупированных Советским режимом. Согласно следственных материалов Дела № 7 Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков, учрежденной командованием ВСЮР, в Ставрополе «*...террор начался в ночь с 19 на 20 июня <...> убивали людей повсюду: около их домов, близ вокзала, в казармах, в лесу под городом и т.д.; среди зарубленных были офицеры, частные лица, старики, подростки, гимназисты; все найденные трупы оказались в нижнем белье, одежда и обувь отбирались красноармейцами; на всех трупах обнаружены многочисленные ранения и огнестрельным, и холодным оружием, преимущественно по голове, по лицу, по глазам, следы побоев, вывихов и даже удушения, у многих головы раздроблены, лица изрублены; все это свидетельствует о невероятной жестокости убийц, наносивших своим жертвам раньше, чем с ними покончить, возможно больше увечий...*»[35].

В соседней Терской области в этот же период на авансцену большевистской «живодерни» впервые выступил «Железный Геворк» — патологический садист и убийца Георгий Атарбеков (Атарбекян). В конце октября 1918 года, в качестве председателя Пятигорской ЧК Атарбеков организовал у горы Машук варварскую рубку шашками 104 заложников, среди которых находились известные генералы Рузский и Радко-Дмитриев[36]. Генерала Рузского, некогда слывшего в армейских кругах либералом, «Железный Геворк» лично зарубил кавказским кинжалом, нанеся удар престарелому, почти ослепшему человеку сначала по руке, а затем в шею.

В конце 1918 года Г.А. Атарбекова срочно перебрасывают на территорию Астраханского Войска. Здесь, в марте 1919 г., в сообществе своих ближайших помощников из ЧК — матроса Панкратова и бывшего уголовного бандита Чугунова, «Геворк» буквально залил русской и казацкой кровью Астрахань и окружающие населенные пункты. Воспользовавшись в

[35] *Губенко О.В.* Терское казачье войско в XV—XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). — Ессентуки: ООО «Издательский Дом», 2007. — С. 103—104.

[36] Кавказские Минеральные Воды. Хронология 1803—2003 годы. — Ессентуки, 2003. — С. 228.

качестве повода забастовкой рабочих металлургических заводов Астрахани, Атарбеков 10 марта 1919 г. со звериной жестокостью расстрелял из пулеметов митинг наивных русских работяг. Затем в дело вступили отряды чекистских изуверов, — в результате всего за несколько дней в Астрахани было убито несколько тысяч человек, сотни арестованных были загнаны в трюмы речных барж, которые затем затопили в Волге и Каспийском море. Расправившись с обездоленными рабочими, чекисты взялись за местных «буржуев», массовые расстрелы которых продолжались вплоть до конца апреля[37]. Одновременно по казацким станицам и поселкам бывшего Астраханского Войска отправилась в карательный рейд красноармейская конница. Персональную ответственность за все ужасы астраханской бойни в марте-апреле 1919 г., вместе с Геворком Атарбековым, должен в полной мере разделить бывший рядовой лейб-гвардии Павловского полка, командующий 11-й армией РККА Константин Мехоношин, сын русского учителя из Пермской губернии. Обращаясь с персональным воззванием к красноармейским палачам вверенных ему подразделений РККА, К.А. Мехоношин цинично заявил: ***«Вы исполнили свой революционный долг и железной рукой, не дрогнув, раздавили восстание. Революция этого не забудет. Рабочие сами виноваты, поддавшись на провокацию»***[38].

Миф о «еврейской доминанте» в зверствах большевиков. Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) представляют особую ценность для понимания подлинной этнополитической природы возникновения геноцида казаков. Эта папка следственных документов позволяет развеять миф об особой, даже исключительной роли еврейских комиссаров в непосредственном проведении карательных (геноцидальных) актов против казаков. Миф об абсолютно доминирующей роли евреев в кровавых событиях так называемой Октябрьской социалистической революции возник еще в ходе Гражданской войны по почину русского по этническому происхождению офицерства и интеллигенции. Удивительная организационная разобщенность великорусского этносоциума в годы Гражданской войны, необъяснимая инфантильность русской элиты в создании собственной этнополитической программы послереволюционного возрождения, странная лояльность, даже предрасположенность великорусов к внешнему управлению инонациональными акторами, – все эти специфические особенности «русского революционного феномена», ярко проявившие себя в период Октября и последующих событий настоятельно требовали объяснения. Не желая, по-видимому, обременять себя тяжкими, неизбежно самокритичными штудиями, русские патриоты, окончательно проигравшие большевикам битву за собственный народ на фронтах Гражданской войны, привычно прибегли к конструированию мифологемы абсолютного влияния «Вечного Агасфера»[39].

---

[37] *Симбирцев И.А.* ВЧК в ленинской России. 1917–1922. — М.: Центрполиграф, 2008. — С. 95–96.

[38] *Силин П.* Астраханские расстрелы (Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий). — http://www.hrono.ru/libris/lib_ch/ch_ka13.html

[39] Антисемитский по сути сюжет Агасфера или Вечного жида возник в Западной Европе на основе евангельских мотивов. В России этот сюжет превратился в образ постоянного и катастрофичного влияния евреев на политическую судьбу страны и незавидное этническое состояние великорусского народа. При этом всегда забывается, что сих пор остается так и не объясненным удивительный феномен — в годы Гражданской войны собственно русская национальная «повестка дня» не нашла сколько-нибудь серьезной поддержки ни в среде простолюдинов, ни в элитарных слоях великорусского этносоциума.

Первопричина политической победы большевиков на рубеже 1917—1918 гг. заключалась, конечно же, не в фактической мощи или какой-то невероятной организованности РКП(б), а в том поразительном безволии, самоедстве, скудоумии и неорганизованности, которые русская имперская элита обнаружила после Февраля 1917 г. Великорусская элита обладала, вплоть до середины 1919 года, потенциально на несколько порядков бóльшими финансовыми, организационными и человеческими ресурсами, нежели маргинальная, по сути, партия большевиков, вынужденная для слома исторической России в массовом порядке рекрутировать в свои ряды еврейские, польские, латышские, закавказские и прочие неславянские элементы. В этот период многотысячное русское офицерство, получившее своевременную поддержку в самоотверженной, массовой борьбе с большевизмом этнических казаков, располагало всеми возможностями для перехвата политической инициативы и превращения Октябрьского переворота в национальную Русскую революцию. Однако ни русское офицерство, ни в целом великорусский народ не воспользовалось с должной энергией этим «окном возможностей». В результате была потеряна тысячелетняя национальная государственность, а великорусы стали одной из наиболее массовых жертв режима ВКП(б). Таким образом, нет никаких оснований, как будто бы, для обвинений Свердлова, Троцкого, Кагановича и прочих «перелетных гусей» революционного Интернационала в том, что они не продолжили великорусскую национальную стезю российской государственности. Методы действий революционеров этой формации по определению не могли соответствовать политическим представлениям дореволюционных и современных русских националистов. Еврейскую «красную колонну», завоевавшую благодаря собственной решительности, уму и работоспособности весьма заметное место во властной иерархии Советской России, можно обвинить, пожалуй, только в том, что она не смогла или не захотела превратить РСДРП(б) в новую версию Бунда[40], а ограничилась созданием, в сущности, демонстративно интернациональной структуры РКП(б)-ВКП(б).

В последующий исторический период, когда вновь подтвердилось, что русский народ в своей массе остается совершенно глухим к собственным, казалось бы, кричащим внутриэтническим проблемам, мифологема о «еврейском засилье» значительно укрепилась. Вместо того, чтобы разбираться в действительных причинах крайне низкой этнополитической конкурентоспособности великорусов, русская патриотика принялась на все лады муссировать влияние «еврейского фактора» на события Октябрьского переворота и Гражданской войны. Всю кровь и грязь большевистского террора, в практических акциях которого из каждых десяти палачей, как минимум, восемь «Малют Скуратовых» оказывались, как ни странно, представителями аборигенной «патриотичной» национальности, стали упорно относить исключительно по «еврейскому ведомству».

---

[40] БУНД (Всеобщий еврейский рабочий союз) — еврейская социалистическая партия, действовавшая преимущественно в восточноевропейских странах (Литва, Польша, Россия) с 90-х годов XIX века по 40-е годы XX в. Идеологией Бунда стала демократическая версия марксизма. Бунд выступал за национально-культурную автономию для восточноевропейского еврейства, создание светской системы образования, развитие еврейской культуры на языке идиш. Бунд являлся антисионистской партией и последовательно выступал против эмиграции евреев в Палестину. XI конференция Бунда (март 1919 г.) провозгласила признание Советской власти. В апреле 1919 г. ЦК Бунда объявил о мобилизации членов партии в Красную Армию, призвал еврейскую общественность выступить на защиту идей революции и Советской власти. В марте 1921 г. на территории России Бунд самоликвидировался, значительная часть членов этой партии пополнила ряды РКП(б).

Огромное влияние евреев на судьбу Советской России не является, по большому счету, ни конспирологической тайной, ни даже историографической проблемой[41]. Это влияние очевидно, а в основе его лежит, по-видимому, феномен этнополитической девиантности русского общества, которое в судьбоносных для России событиях Великой войны и последующей Февральской революции оказалось не готово к эффективной политической самоорганизации для защиты собственных национальных интересов. Роковые события 1917 года, в первую очередь — слом монархической вертикали страны, немедленно превратили русские политические круги в скопище трусоватых, безыдейных, но крайне амбициозных «пауков в банке». Эти «пауки» с особой остервенелостью расправлялись, прежде всего, друг с другом, а попутно – и с политическими представителями других российских народов, особенно тех, кто слишком явно демонстрировал, что в «Единой и Неделимой России» чувствует себя неуютно.

«В добродушном русском народе, – размышлял о природе внутреннего механизма Гражданской войны русский националист Владимир Шульгин, – *разлито вместе с тем огромное количество злобы. Злоба эта – не оформленная. Это не есть нечто, имеющее определенные контуры и границы. Эта злоба имеет свои причины, но нельзя сказать, чтобы она преследовала определенные «цели». Просто – злобствование. Причем злоба сия крайне обманчива и коварна. Кажется, все хорошо, все рады, довольны и смеются. Не доверяйтесь этому. Через минуту произойдет «нечто», невидимая богиня раздора бросит на стол пирующих свое яблоко... и пошла писать губерния! И все грызутся, запустив зубы в шерсть соседа, и рвут, рвут, рвут в клочья «братское» мясо»*[42].

Депутат трех созывов Государственной Думы Российской империи нарисовал немного жутковатую картину; хотя с учетом огромного личного политического опыта В.В. Шульгина, данная оценка заслуживает, как минимум, осмысления.

Вне зависимости от тех или иных этнополитических оценок, материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков ВСЮР свидетельствуют как раз о минимальном личном участии еврейских функционеров РКП(б) в проведении актов кровавого террора в казацких станицах Кубани в период 1918—1919 гг. Например, в 1918 году, в залитом казацкой кровью Лабинском отделе ККВ из 33 организаторов красного террора в конкретных станицах, только один большевистский функционер – член исполкома станицы Упорной Ф. Биглаер являлся, возможно, евреем по национальности (или немцем). Все

---

[41] Большевики стали скрывать важнейшую роль евреев в революционном процессе и его исходе только после политических чисток Иосифа Сталина. В предисловии к сборнику «О еврейском вопросе в России» (Харьков, 1924.) В.И. Ленин – вождь русского пролетариата – писал: «Большую службу революции сослужил так же тот факт, что из-за войны значительное количество еврейской средней интеллигенции оказалось в русских городах. Они сорвали тот генеральный саботаж, с которым мы встретились сразу после Октябрьской революции и который был нам крайне опасен. Еврейские элементы, хотя далеко не все, саботировали этот саботаж и этим выручили революцию в трудный момент. <...> Овладеть государственным аппаратом нам удалось только благодаря этому резерву грамотных и более или менее толковых, трезвых новых чиновников». Так называемый «всероссийский староста», лукавый конформист М.И. Калинин свободно рассказывал всей стране: «В первые дни революции, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления» (Известия. 1926. 25 ноября.). Таким образом, очевидно, что великорусский образованный класс оказался неспособен к быстрой политической самоорганизации и эффективной борьбе за собственные национальные интересы.

[42] *Шульгин В.В.* «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. – СПб.: «Хорс», 1992. – С. 205.

остальные персоналии — в страшном списке организаторов зверских расправ над мирным казацким населением – либо великорусы, либо украинцы, один латыш, один армянин, есть даже несколько казаков – этнических коллаборантов[43]. Впоследствии, в 1919 году, когда большевистская РККА, сломив сопротивление Донской армии, вновь оккупирует земли донской части Присуда, все ужасы государственного террора, только уже в утроенном масштабе, повторятся. Казацкий коллаборант, командующий группой войск Южного фронта Ф.К. Миронов в своем очень личном и крайне наивном письме В.И. Ленину 31 июля 1919 года отмечал: ***«…Только по пути 8-й армии трибуналами во благо социальной революции было расстреляно более восьми тысяч человек, причем казаков расстреливали часто за одно лишь требование расплатиться за реквизированное зерно и лошадей»***[44]. Очевидно, что в 8-й армии РККА никогда не было столько бойцов и комиссаров еврейского происхождения, чтобы их физических возможностей могло хватить на практическое осуществление антиказацкого террора в таком широчайшем масштабе…

Всевеликое Войско Донское и попытка решения проблемы «иногородних». Освобождение земли Войска Донского силами казацких повстанческих отрядов происходило стремительно. В конце апреля 1918 года, после бегства в Царицын функционеров пресловутой Донской советской республики, вся административная власть в Войске сосредоточилась в руках сформированного казаками Временного Донского правительства. 28 апреля 1918 года общее собрание членов Донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей, проходившее в освобожденном от оккупации Новочеркасске, провозгласило создание Круга спасения Дона. 1 мая 1918 г. на Круге с докладом «О положении на Дону и перспективах будущего устройства края» выступил генерал Петр Краснов. После пережитого ужаса большевистской оккупации, делегатов Круга спасения Дона не нужно было долго убеждать в том, что Войско Донское нуждается в эффективной защите своего суверенитета. Эту мысль в присущей для него категоричной форме выразил генерал П.Н. Краснов: *«Силою исторических событий Дон оторвался от России. <…> Путь спасения Дона лежит в окончательном его отделении от матушки России. <…> Дону теперь же необходимо образовать самостоятельное государство-республику, назвав его так, как в старину: «Всевеликое Войско Донское»*[45]. Через три дня после концептуального доклада будущего Войскового атамана Петра Краснова – 4 мая 1918 года Круг утвердил «Основные законы Всевеликого Войска Донского». Так были заложены основы новой казацкой национальной государственности.

Столкнувшись с массовым национальным сопротивлением казаков, Советская власть с привычным для большевиков цинизмом стала маневрировать, пытаясь умиротворить казацкие области Юга России и, прежде всего Дон, новой политической риторикой. 1 июня 1918 года Владимир Ленин подписал декрет Совнаркома об организации Советской власти на казацких землях. Помимо общих слов о равных правах трудового казачества и возможности для казаков организовывать не только станичные и окружные, но и войсковые Советы казацких, крестьянских и рабочих депутатов, новый декрет провозглашал согласие Совнаркома на отдельный административный статус казацких территорий. ***«…1. Все казачьи***

---

[43] *Стрелянов (Калабухов) П.Н., 2006*. Указ. соч. – С. 445.

[44] РГВА. Ф.1304. Оп.4. Д.46. Л.7–17.

[45] ГАРО. Ф.861. Оп.1. Д.46. Л.4–5; 11.

области и войска, – утверждалось в тексте документа, – ***рассматриваются как отдельные административные единицы местных советских объединений (губерний)»***[46].

Практический результат нового декрета Совнаркома оказался нулевым: остановить натиск казацких повстанцев и вновь образованной Донской армии не удалось. Тыл вновь возникшего казацкого национального государства Всевеликого Войска Донского надежно прикрывали войска Германии. К началу лета 1918 года, легко ломая сопротивление войск РККА, немцы захватили на Юге России часть Воронежской и Курской губерний, часть Таманского полуострова и Области Войска Донского. В сложившихся условиях Войсковой атаман П.Н. Краснов не мог игнорировать немецкий фактор и заключил с германским командованием взаимовыгодное соглашение о военно-технической поддержке в обмен на поставки Войском Донским продовольствия для Германии. В конце июня Добровольческая Армия А.И. Деникина нанесла мощный удар по советским войскам в районе станиц Торговой и Великокняжеской и во взаимодействии с казаками разгромила красные крестьянские бандформирования под командованием Г.К. Шевкоплясова. Быстрый, хотя, как оказалось, временный разгром большевизма на Дону привел к повальному бегству «иногородних» на север – в основном в район Царицына. Советский историк М.П. Жаков утверждает в своем исследовании, что вместе с отходом из Области Войска Донского Красной Армии «снялось с мест и до 90% всего крестьянского населения». Сегодня трудно с достоверностью установить численность реэмигрантов на территорию Великороссии, однако очевидно, что таковых было очень много. Поскольку большинство «иногородних» (прежде всего мужчины) так или иначе участвовали в установлении карательного режима РКП(б) на Дону, от возрожденной государственности Войска Донского русские переселенцы не ожидали для себя ничего хорошего. Впоследствии самые надежные – наиболее мотивированные, а потому стойкие в борьбе с казаками военные формирования большевики создали именно из донских «иногородних» беглецов[47].

Активная, а подчас агрессивная поддержка русскими «иногородними» большевистской государственной машины со всей неизбежностью вела к усилению русско-казацкого противоборства на Юге России. Историк Р.Г. Тикиджьян констатирует, что на лето-осень (июнь-ноябрь) 1918 года пришелся резкий всплеск противостояния между казачеством, с одной стороны, и иногородним крестьянством, с другой. Исследователь объясняет данный факт в терминологии советской исторической школы, максимально акцентируя внимание на «масштабной картине этносословного, группового противостояния»[48]. Использование «сословной» таксономии в вышеуказанном контексте, на наш взгляд, вряд ли оправданно. «Сословий» в Советской России в период лета-осени 1918 года уже давно не существовало, а вот этническая самоидентификация великорусов, украинцев и казаков не только не исчезла, но

---

[46] Известия ВЦИК. 1918. 2 июня.

[47] «Часть крестьянской армии оказалась запертой и окруженной казаками у слободы Мартыновки, – указывает М.П. Жаков, – где она героически выдерживала осаду, а большая часть, вместе с громадным табором крестьянских семей, численностью в несколько десятков тысяч душ отступила на Куберле. Здесь, по приказу Ворошилова, крестьянские отряды были реорганизованы в Первый и Второй Крестьянские полки и Кавдивизион под командой Думенко и Буденного». См. подробнее: *Жаков М.П.* Донская контрреволюция// Казачий сборник. Вып. 2. – Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000. – С. 151.

[48] *Тикиджьян Р.Г.* Казачество и крестьянство Дона в революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. Поиски консенсуса и противостояние// Казачий сборник. Вып. 2. – Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000. – С. 112–113.

в ментальном плане существенно окрепла. Явная, непримиримая, а подчас и вооруженная борьба между казаками и «иногородними» чужаками в 1918—1920 гг. стала трагической реальностью, но развивался этот негативный процесс отнюдь не на групповой или сословной основе, а по причине очень острых этнополитических и экономических реалий.

Наиболее распространенной реакцией казацких станичных обществ на пробольшевистскую, антиказацкую активность «иногородних» стали массовые выселения последних за пределы государственных границ Всевеликого Войска Донского. По подсчетам Р.Г. Тикиджьяна эти принудительные выселения охватили более 80 станиц, хуторов и волостей, став массовым явлением. Как правило, указывает историк, сход хутора или станицы принимал решения по списку конкретных лиц, замеченных в активном содействии большевикам, общим числом от 6—10 до 50—70 человек. **Выселение «иногородних» ни в коей мере не являлось этнической чисткой, поскольку процедура утверждения конкретного решения станицы государственной властью Войска Донского затягивалась на период не менее двух-трех месяцев.** Станичный (хуторской) сход направлял свое прошение о выселении «иногородних» окружному атаману, последний передавал его со своей визой в «Особое по крестьянским делам присутствие ВВД» и в канцелярию Войскового атамана. Только после утверждения документа в двух последних инстанциях станичники могли предъявить требование к конкретным лицам, уличенным в деятельном сотрудничестве с большевиками, — навсегда покинуть землю казаков.

Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о принятии таких решений в отношении более 800 фигурантов (не считая членов их семей). В отдельных случаях предпринимались попытки массовых выселений. Например, в хуторе Власово-Аютинском было утверждено решение о выселении 60 «иногородних» с семьями, в хуторе Лиховском – 70 «иногородних», хуторе Карновском – 55 «иногородних»[49]. Р.Г. Тикиджьян считает, что в целом под выселение попало более 5—6 тысяч человек.

В столь значительные масштабы выселений верится с трудом. Реально приступить к выселениям «иногородних» административная власть Войска Донского могла никак не ранее конца июня 1918 г. Многоступенчатая бюрократическая процедура оформления решения о выселении занимала, как минимум, 2—3 месяца. Еще на срок от 2 до 4 месяцев, как отмечает сам Р.Г. Тикиджьян, затягивалось практическое осуществление данного мероприятия. По утвержденному административному положению Всевеликого Войска Донского препровождать выселяемых «иногородних» к государственной границе должны были не их разгневанные соседи-станичники, а специальный военный конвой. Таким образом, получается, что все процедуры выселения для конкретных фигурантов (тем более — для их семей) суммарно могли затянуться на период от 4 до 7 месяцев. За такой большой срок, перефразируя известное изречение Ходжи Насреддина, мог умереть и казацкий ишак, и Войсковой падишах. В условиях стремительных военно-политических пароксизмов Гражданской войны (резкое изменение линии фронта, внутренней политической ситуации, общественных настроений) у Войскового правительства Дона просто не имелось реальных возможностей, чтобы методично и последовательно выполнить хотя бы значительную часть уже принятых решений о выселении большевистской «пятой колонны». Уже в начале 1919 года процесс выселений был и вовсе остановлен новым вторжением на Дон оккупационных войск РККА.

[49] ГАРО. Ф.860. Оп.1. Д.128, 475—513, 576, 592, 597, 872, 885, 895, 903—907, 1083, 1084, 1085.

К осени 1918 года совокупное влияние различных негативных для Советского режима факторов (продвижение германских войск, восстановление суверенитета Войска Донского, укрепление Добрармии на Кубани) подвигло большевиков на немыслимое, казалось бы, для них решение. С цинизмом, которому мог бы позавидовать сам Макиавелли, Совнарком 3 сентября 1918 года декларировал учреждение нового советского «Войска Донского». После обильных «крокодиловых слез» над тем, что, дескать, «обезлюдели на Дону хутора и станицы» текст нового декрета Совнаркома провозглашал:

«…Дабы положить предел обманам и козням мятежника Краснова и его сторонников и провести в жизнь декреты центрального правительства о новом трудовом и свободном устройстве Донской земли, Совет Народных Комиссаров постановил:

Созвать походный Круг советского Войска Донского – Войсковое правительство, облеченное всей полнотой власти на Дону и составленное из представителей трудящегося донского населения, с оружием в руках защищающего законную власть Советов от мятежных банд.

В состав походного Круга советского Войска Донского входят представители донских советских полков, а также хуторов и станиц, освободившихся от офицерской и помещичьей власти.

Походному Кругу Донского советского Войска, впредь до восстановления законно избранной Советской власти на всей территории Донского Войска, предоставляются все права и прерогативы войсковых Советов, указанные в декрете Совета Народных Комиссаров от 1 июня 1918 года.

Ближайшей и непосредственной задачей походного Круга является восстановление на Донской земле советского социалистического строя и очищение территории Донского Войска от всех контрреволюционных сил. Для достижения указанной цели походному Кругу предоставляется право:

1. Призыва в ряды советских войск всего трудового населения Дона.

2. Руководства организацией донских вооруженных советских сил.

3. Согласование действий этих сил на всем Донском фронте.

Установление порядка выборов и нормы представительства, а также самый созыв походного Круга возлагается на особую комиссию, образуемую по указанию Президиума ВЦИК»[50].

Появление декрета о советском Войске Донском отражало, очевидно, смятение и неуверенность Советского правительства относительно того, как строить свою дальнейшую политику во взаимоотношениях с казацким Югом. В августе 1918 года на Южном фронте большевиков ожидала, казалось бы, неминуемая катастрофа. Красная Армия все еще оставалась полубандитским формированием, больше ориентированным на грабежи мирного населения, чем на реальные боевые действия. Русские генералы – этнические коллаборанты, наподобие генерала А.Е. Снесарева[51], получившие у большевиков полупрезрительную кличку

---

[50] ГАРФ. Ф.1235. Оп.35. Д.23–25. Л.57.

[51] *Снесарев Андрей Евгеньевич* (1/13.12.1865 – 4.12.1937), генерал-майор Российской императорской армии, русский этнический коллаборант, перешедший на службу к большевикам. Родился в семье православного священника. Окончил Московское пехотное училище (1889), Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Востоковед. В августе 1908 года А.Е. Снесарев сделал два доклада на XV Международном Конгрессе Ориенталистов

Генерал-лейтенант Константин Мамантов. Командир 4-го конного корпуса Донской армии. Отравлен контрразведкой ВСЮР в ночь на 31 января 1920 г.

«военспецы», еще только начинали свой черный труд по преобразованию преступной вооруженной орды большевиков в пра- вильно действующий армейский механизм. В Кремле никто не ожидал стремительного восстановления наступательного потенциала Войска Донского. Только стратегическая бездарность командования Добровольческой армии, в первую очередь — генерала Антона Деникина, в итоге спасла Царицын, важнейший военный форпост Советского режима в Поволжье, от захвата казаками Донской армии. Угроза захвата Царицына войсковой группой генерала К.К. Мамантова и перспектива мощного удара объединенных казацких формирований Донского и Оренбургского Войск потрясла, по-видимому, политическое воображение лидеров РКП(б), вообще весьма способных к стратегическому прогнозированию[52]. В начале сентября 1918 года было еще невозможно предугадать, что Царицын окажется в итоге той самой «гранитной скалой», о которую последовательно разобьются все волны наступательных порывов казацкой Донской армии. Испуг большевиков был серьезным,

в Копенгагене. Один из докладов имел примечательное название «Пробуждение национального самосознания в Азии». Несмотря на глубокое знание процесса укрепления национального самосознания у других народов, национальное самосознание самого Снесарева осталось, по-видимому, в зачаточном состоянии. В 1918 г. перешел на службу к большевикам. Активно участвовал в организации обороны красного Царицына. Много потрудился для победы РККА в Гражданской войне. 27 января 1930 г. получил от большевиков заслуженную награду: в ходе операции ОГПУ «Весна» был арестован и опущен в пыточные подвалы Лубянки. Дважды приговаривался к расстрелу. По личному указанию Сталина получил 10 лет лагерей. Отбывал наказание в СвирьЛАГе (с. Важины), а затем в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Досрочно освобожден как тяжело больной (27.09.1934). Умер на больничной койке в Москве.

[52] Захват Царицына открывал Донской армии выход в Поволжье и стратегическую перспективу создания единого казацкого фронта с Оренбургским Войском атамана А.И. Дутова. В конце мая 1918 г. на совещании в станице Манычской Войсковой атаман ВВД П. Краснов настоятельно предлагал Добрармии совместно наступать на Царицын. Однако генерал Деникин, не желая усиливать позиции Колчака и создавать объединенный казацкий фронт, категорически отказался от такого плана и увел Добрармию на Кубань. В результате, несмотря на героические усилия казаков генерала Мамантова, которые завязали отчаянные сражения с большевиками и красными рабочими уже в пригороде Царицына, взять эту главную цитадель РККА на Волге не удалось. Причина неудачи: острый недостаток артиллерии, а главное – пехотных частей.

но недолгим, чему убедительное подтверждение — дальнейшая судьба декрета о «советском Войске Донском», о котором в большевистском Кремле вскоре совершенно забыли.

Донбюро ЦК РКП(б), Сергей Сырцов и доктрина геноцида казачества. В том же сентябре 1918 г. для руководства подпольным большевистским движением на территории Войска Донского было создано Донское бюро ЦК РКП(б), в составе П.Г. Блохина, И.А. Дорошева, Л.С. Лукашина, И.В. Решетникова, С.И. Сырцова и А.А. Френкеля. Персональный состав Донбюро отражал основной принцип ленинской кадровой политики того времени: несколько профессиональных революционеров (часто неславянского происхождения) в качестве руководителей – в обрамлении интеллектуально серых и безвольных «кивал» из числа великорусов. В первом составе Донбюро «кивалами» являлись П.Г. Блохин, И.В. Решетников и даже Ипполит Дорошев – этнический коллаборант из казаков. К составу «кивал» можно, по-видимому, причислить и Сергея Лукашина (Саркиса Лусегеновича Срабионяна) – армянского крестьянина из села Крым Области Войска Донского.

Настоящими политическими «тяжеловесами» в Донбюро являлись двое: Арон Абрамович Френкель и Сергей Иванович Сырцов. Эффективность деятельности Донбюро при проведении политики геноцида казаков в значительной мере предопределялась личными качествами этих двух большевиков. Арон Френкель обладал политически гибким умом, умел слушать людей и эффективно использовать промахи врагов[53]. Сергей Сырцов, напротив, являлся политическим догматиком, упрямым, очень злопамятным, отличался патологической ненавистью к казакам и безграничной жестокостью. Политические амбиции Сырцова значительно превосходили уровень регионального бюро ЦК. Уроженец периферийной Екатеринославской губернии, фанатичный большевик Сырцов не имел сколько-нибудь серьезного управленческого опыта, однако мнил себя крупным специалистом по решению сложнейших этнополитических проблем.

Донбюро РКП(б) под руководством Сырцова и Френкеля изначально стояло на позиции максимально жестокого подавления любых попыток казацкого сопротивления Советской власти. К концу 1918 года, по мере того, как улучшалось военно-политическое положение РСФСР (поражение чехословаков на Восточном фронте, революция в Германии, ослабление власти Войскового атамана П.Н. Краснова на Дону), жесткость Донбюро постепенно перешла в прямое требование к руководству РКП(б) — санкционировать экономическое и этнополитическое уничтожение казачества. Осенью-зимой 1918 года Сергей Сырцов в своих письмах в ЦК РКП(б) весьма убедительно (с точки зрения «иногородних» переселенцев) обосновал необходимость «полного разрушения экономического базиса казачества». Только весьма поверхностный взгляд увидит в методичной антиказацкой деятельности председателя Донбюро некий личный комплекс «многократно отхлестанного казачьими нагайками обиженного революционера» – как утверждается в одной из популярных брошюр о так называемом

---

[53] *Френкель Арон Авраамович (Абрамович)* (1894 — 25.02.1939). Член РСДРП(б) с 1912 г. В 1914—1915 гг. студент Петербургского Неврологического института, в 1915—1917 гг. – Донского университета (Ростов-на-Дону). После Февральского переворота член Исполкома Ростово-Нахичеванского Совета. Участник мобилизационного рейда казацкого коллаборанта Федора Подтелкова. Автор пропагандистской книги о Подтелкове и Кривошлыкове «Орлы революции». Член Донского бюро ЦК РКП(б). С августа 1919 г. по июнь 1921 г. начальник политотделов 13-й, 15-й, 40-й и 42-й стрелковых дивизий РККА. В дальнейшем на партийной работе. С марта 1934 г. член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Арестован НКВД 2 ноября 1937 г. Расстрелян как участник троцкистской организации.

«расказачивании». На самом же деле мотивы антиказацкой *idee fixe* Донбюро были вполне рациональными: как практический руководитель РКП(б) на Дону Сергей Сырцов ясно видел, что на землях Присуда большевики стоят перед дилеммой выбора основной этносоциальной опоры для своего режима. Опереться можно было либо на этнических казаков, либо на «иногородних» переселенцев. Выбор Сырцова, как русского человека, в таких условиях был очевиден.

Необходимость, так или иначе, разрешить на землях Присуда острейшую русско-казацкую дилемму не являлась выдумкой или провокацией большевистского руководства. Эту проблему создала близорукая «русификаторская» политика империи Романовых, но ее мощным политическим потенциалом в полной мере удалось воспользоваться именно режиму РКП(б). Большевики вряд ли рассматривали проблему политического контроля над казацким народом как свою основную политическую цель на Юге России. Приоритетной задачей в этом отношении являлся безусловный контроль РКП(б) над великорусским этносоциумом. Огромная, но разобщенная и политически инертная масса великорусов, пробольшевистские настроения крестьян, идеологический инфантилизм русской элиты, крайне низкий уровень социальных стандартов жизни — все эти факторы в совокупности делали контроль РКП(б) над Россией не только возможным, но, в принципе, легко достижимым. В свою очередь, обладание колоссальным потенциалом российской державы позволяло большевикам ставить и решать глобальные задачи по продвижению в Европу идей мировой революции. Казаки в этом смысле невероятно мешали. Причем мешали не столько тем, что это были восточные славяне, категорически отрицающие социалистические стандарты жизни (приемлемые, как оказалось, для великорусского населения), сколько тем, что именно казаки создавали основной мобилизационный кадр для настойчивых попыток русского Белого движения вернуть себе контроль над Россией. Возникновение великорусской повстанческой «Вандеи» в собственно русских регионах: в Поволжье, в Сибири или на Тамбовщине — в стратегическом аспекте не представляло для большевиков особой опасности. Лидеры большевиков прекрасно понимали: в общероссийском масштабе подобный бунт не имел ни малейших перспектив — поскольку сама идея жертвенной войны за русское национальное государство оказалась чужда великорусскому этносоциуму. Казаки давали чахоточному русскому реставрационному движению массовую, хорошо организованную кавалерию, чем сразу же многократно поднимали ставки Колчака и, особенно, Деникина в их борьбе с узурпаторским Советским режимом.

Создание мощного очага антибольшевистского сопротивления на южных рубежах Великороссии особенно раздражало большевистских лидеров: они понимали, что без массовой поддержки казаков все «добровольческие» инициативы Алексеева, Корнилова и Деникина очень скоро претерпели бы полное фиаско. Выступая перед красноармейцами в декабре 1918 года, председатель Революционного военного совета (РВС) РСФСР Лев Троцкий недвусмысленно угрожал: ***«Преступления Краснова и его союзников ожесточили сердца рабочих и крестьян. Ненависть к Краснову нередко переносится на казаков вообще. Все чаще раздаются голоса рабочих и крестьян: нужно истребить всех казаков, тогда наступит мир и спокойствие в южной России. Это, конечно, неверно и несправедливо. Но чем дольше будут казаки оставаться слепым оружием в руках Краснова, тем суровее будет расправляться с ними Красная Армия»***[54] .

[54] *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. — М.: Политпросвет, 1926. Т. 1. – С. 359—360.

Примирительные нотки в выступлении Троцкого не должны вводить в заблуждение: лидеры ВКП(б) с первых дней захвата власти в России умело сочетали примирительные, почти пацифистские рассуждения, адресованные внешнему миру, с отдачей предельно жестоких, а часто и человеконенавистнических приказов – вниз по структуре партийной иерархии. Нарком Лев Троцкий, как высший руководитель военно-мобилизационного блока большевистской государственной машины, стремился обеспечить позитивные для большевиков изменения в стратегической обстановке на Южном фронте. Именно поэтому Троцкий, начиная с весны 1918 г., все охотнее прислушивался к коллективному этнополитическому наказу «иногородних» — обеспечить тотальный разгром казачества. Озвучивая давние чаянья «иногородних» крестьян, председатель Донбюро Сергей Сырцов в конце 1918 г. уже не убеждал руководство ВКП(б), а фактически требовал от Кремля новой, жесточайшей политики в отношении казаков. ***«…Значительная часть казаков Донской области по самой природе своей враждебна социалистической власти,*** – констатировал в одном из своих докладов Сырцов, – ***отдельные сочувствующие элементы тонут в море темной невежественной буржуазно-казачьей массы («трудовое революционное казачество» больше существует как агитационная формула, чем на самом деле), поэтому предоставить самой*** [казацкой] ***массе, однородной в экономическом отношении, строить местные органы власти было бы ошибочно»***[55]. Отметив органичную враждебность всего казацкого населения Советской власти, которую казаки считали властью оккупационной — властью русских «иногородних», председатель Донбюро, конечно, не открыл Америку. Большевистский Кремль регулярно получал сообщения от руководителей Политотдела Южного фронта о том, что не менее 80% казацкого населения относится к Советской власти враждебно, а общая обстановка на Дону чревата «постоянными восстаниями»[56].

Гораздо значимее, по-видимому, для выработки идеологии геноцида в отношении казаков стало теоретическое обоснование Сырцовым необходимости экономически иссушить казацкое население, т.е. уничтожить экономическую основу чувства этнополитического превосходства (в конечном счете — жизнестойкости) казацких семей. По мнению председателя Донбюро РКП(б), для устойчивой победы Советской власти на Дону было недостаточно лишить казаков их сословного звания и уничтожить войсковую структуру их администрации. Казаков следовало маргинализовать, уничтожить экономически, довести до общерусского крестьянского, то есть практически — до нищенского уровня. «Нищий – всегда трус, а голодный способен к бунту, но не способен к упорной борьбе!» Эту максиму древнекитайского стратега Сунь-Цзы русский большевик Сергей Сырцов вряд ли знал, однако все свои политические мероприятия на Дону проводил исключительно в русле этой стратегемы[57].

«Особенности аграрного вопроса в Донской области состоят в том, – разъяснял Центральному комитету РКП(б) лидер донских большевиков, – ***что крестьянству с его земельным голодом приходится обращать взоры не на помещичью землю (ее здесь сравнительно мало), а на казачью. Казаки, являясь меньшинством населения Донской области, владеют большей частью земли (в форме войсковой, юртовой, казачьи паи).<…> Аграрная революция на Дону должна состоять в полном разрушении***

[55] РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.20. Л.53–54.
[56] РГАСПИ. Ф.17. Оп.6. Д.35. Л.59.
[57] Сунь-Цзы. Искусство войны. – М.: Центрполиграф, 2012. – С. 155.

экономического базиса казачества, – а таковыми, наряду со всякого рода монополиями и привилегиями, являются казачьи паи. Упразднение этого «паевого землевладения», превращение войсковой земли в общегосударственную (которой будут распоряжаться общегосударственные пролетарские органы) уничтожит всякую экономическую грань между крестьянством и казаками. <…> ***Основное, принципиальное заключается в том, что Советская власть не останавливается почтительно перед казачьим землевладением, а, пользуясь результатом Гражданской войны, упраздняет экономическую основу «Русской Вандеи»***[58].

Впоследствии С.И. Сырцов неоднократно возвращался в своих письмах и докладах в ЦК к мысли о том, что успех социалистической революции в казацких областях возможен только при «стирании всякой экономической грани между крестьянами и казаками». Не испытывая никаких иллюзий по поводу неизбежного в этом случае всеобщего восстания казацкого народа, Сырцов настаивал на проведении массового, причем превентивного террора на землях бывших Казацких Войск. Социальной базой антиказацкой политики, ее главным актором должны были стать, по мысли главаря Донбюро, крайне враждебно относящиеся к казакам крестьянские переселенцы. ***«Общие условия заставляют нас,*** – утверждал Сергей Сырцов, – ***идя навстречу крестьянам, за исключением самых верхушек, сделать их своей опорой в деле ликвидации казачества».*** Руководство Донбюро настаивало на тотальном, окончательном уничтожении «казацкого мира»: предлагалось организовать массовые депортации казаков с родной земли с последующим переселением на опустевшие земли Присуда русской деревенской бедноты и рабочих. Поскольку национальная культура казаков в значительной мере основывалась на этническом архетипе «коня и всадника», С.И. Сырцов предлагал провести массовую реквизию лошадей у казацкого населения[59]. В целом, нужно признать, что антиказацкая программа Донбюро в полной мере отражала давние мечты «иногороднего» крестьянства Присуда о насильственной ликвидации казаков как этнической общности.

С гуманистической точки зрения политическую элиту РКП(б) времен Гражданской войны можно с полным основанием считать редкостным, уникальным собранием психопатологических монстров. Однако с точки зрения политической рациональности, т.е. умения видеть рациональные подходы к решению крупных военных и этнополитических проблем партийная верхушка РКП(б) являлась, бесспорно, собранием одаренных людей. При всех своих общеизвестных и, в сущности, омерзительных чертах власть Красного Дракона в 20-30-х гг. являлась властью интеллекта, властью рационального анализа, властью программного текста, ключевые положения которого неукоснительно выполнялись всеми звеньями партийной иерархии. В интеллектуализме высшего эшелона РКП(б) заключалась подлинная сила режима большевиков и, очевидно, — именно поэтому «комиссары в пыльных шлемах» в прах разметали русское реставрационное Белое движение, демонстрирующее в своем высшем эшелоне вопиющую политическую инфантильность. Обстоятельные, с большевистской точки зрения — логичные, хорошо аргументированные доклады и письма руководства Донбюро внимательно анализировались высшей руководящей триадой РКП(б) –

[58] РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.20. Л.58–59.
[59] РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.34. Л.81 об.

В.И. Лениным, Л.Д. Троцким, Я.М. Свердловым[60]. Политико-экономическая программа Донбюро стала основой долговременного курса РКП(б) на полную аннигиляцию традиционного казацкого сообщества. Этот курс претерпевал изменения: от более радикальных решений (реквизиции земли, депортации, массовые расстрелы) к более мягким, преимущественно идеологическим и административным формам (шельмование казацкой этнической культуры, административное принуждение казаков к участию в советском строительстве и т.д.). Важно подчеркнуть, что никакой иной альтернативы, за исключением курса на этнополитическую аннигиляцию в русской этносфере, интернациональная Советская власть никогда казакам, по большому счету, не предлагала.

По кровавым рецептам С.Ф. Васильченко, С.И. Сырцова и других большевиков славянского происхождения «казацкий вопрос» решался исключительно в интересах «иногородних» крестьянских переселенцев. Можно привести несколько примеров, когда именно с еврейской стороны большевистской партийной пирамиды раздавались голоса, настойчиво требовавшие обуздать разгул массового антиказацкого террора[61]. В целом же в партийной среде РКП(б) царило удивительное единодушие в отношении ответа на вопрос – следует ли проводить массовый террор по отношению к казакам? В политической практике РКП(б) на Юге и Востоке России трудно найти другую сферу деятельности, кроме антиказацкой, в которой бы партия большевиков проводила столь четко артикулированный курс в интересах великорусского переселенческого большинства. В партийных недрах Советского режима альтернатива политике этнополитической аннигиляции казаков все же возникла, но выдвинули ее не великорусские и не еврейские большевики, а большевики казацкого происхождения – те немногие этнические коллаборанты из среды казаков, которые достигли в партийной иерархии РКП(б) «степеней известных».

Трагедия казацких этнических коллаборантов. История России – в этнополитическом аспекте очень сложной страны, населенной многими народами, не свободна, к сожалению, от фактов этнического коллаборационизма. В смутные периоды российской истории

---

[60] *Свердлов Яков Михайлович* (23.05/04.06.1885 – 16.03.1919) – профессиональный революционер, член ЦК РСДРП(б), РКП(б). Председатель Всероссийского ЦИК (формальный глава правительства РСФСР) с ноября 1917 по март 1919 гг. Историк И.Ф. Плотников утверждает, что «по одним сведениям Свердлов от рождения звался Ешуа-Соломон Мовшевич, а по другим – Янкель Мираимович». Обладал исключительной памятью, организационным талантом и политической волей. В дни Октябрьского переворота являлся председателем Военно-Революционного Центра, который руководил процессом вооруженного путча. Принял важное участие в разгоне Учредительного Собрания. Вместе с Лениным принял решение об устранении «гражданина Романова» – отрекшегося от престола Николая II и его семьи. Умер, по одним источникам, от «испанки» (испанский грипп). По другой версии, – был смертельно избит антисоветски настроенными рабочими в Орле. Если последняя версия верна, это еще раз подтверждает мысль, – насколько уязвимым оставался высший эшелон большевистской партии в начальный период после захвата власти в России.

[61] Постоянным оппонентом С.И. Сырцова в отношении политики поголовного террора против казацкого населения был, например, Григорий Яковлевич Сокольников (Гирш Янкелевич Бриллиант), член ЦК РКП(б), член Реввоенсовета Южного фронта. Благодаря усилиям Г.Я. Сокольникова 16 марта 1919 г. ЦК РКП(б) официально остановил действие циркуляра от 24 января 1919 г. «О беспощадной борьбе с казачеством путем поголовного истребления». Комиссар Арон Френкель, категорически не соглашаясь с превращением политики террора против казацкого населения в «аморфную зоологическую борьбу», в июле 1919 г. демонстративно вышел из состава Донбюро РКП(б). Этот жест, в итоге, прервал партийную карьеру А. Френкеля. Подобные примеры можно продолжить.

этнический коллаборационизм становится здесь чуть ли не обыденным, широко распространенным явлением. Октябрьский переворот и Гражданская война явили примеры лабораторно чистого, если можно так выразиться, и притом массового этнического коллаборационизма. Около 400 высших офицеров Российской императорской армии — преимущественно великорусов по этническому происхождению — пошли в услужение режиму РКП(б). Невозможно представить, что эти превосходно образованные люди, обладающие значительным жизненным опытом, не осознавали антиславянскую сущность идеологии РКП(б), не понимали антирусского смысла большевистской политики. Если в течение некоторого, очень недолгого периода после Октябрьского переворота еще можно было сохранять иллюзию, что большевизм это просто другая, более радикальная форма русской национальной государственности, то спустя год «Красное Колесо» большевиков не оставило для подобных иллюзий камня на камне. «Большевизм явился, — очень точно отметил Александр Солженицын, — чтобы прикончить историческую Россию», а возникший на территориях уничтоженной русской государственности Советский Союз, по мнению великого писателя, — «мог быть соотнесен с Россией только как убийца с убитым».

Тотальная ломка всех государственных и этнополитических скреп в бывшей Российской империи затронула, конечно, и относительно небольшой казацкий народ. В лихую революционную годину, в период ожесточенных столкновений разных общественных сил и политических идеологий, объективно возникли условия для появления в среде казацкого народа своих этнических коллаборантов. С учетом доставшейся от Российской империи политической малограмотности казацкого большинства приходится удивляться не тому, что этнические коллаборанты в казацкой среде в принципе появились, а тому, что их оказалось весьма немного (в сравнении, например, с коллаборантами других восточнославянских народов). Тем не менее, некоторые казацкие этнические коллаборанты (например, войсковой старшина Филипп Миронов) внесли заметный вклад в финальную победу большевистской Красной Армии над реставрационным русским Белым движением. После смещения с должности войскового атамана Петра Краснова силы казацкого национального сопротивления оказались на положении основного поставщика личного состава для деникинских Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). Очевидно поэтому, что Филипп Миронов приложил свою руку и шашку к разгрому также военных сил собственного народа.

Обвинения в этническом коллаборационизме можно предъявить уроженцу хутора Верхне-Кундрюченский, члену Реввоенсовета Особой группы Южного фронта Валентину Андреевичу Трифонову. Подобные же претензии могут быть адресованы бывшему сотнику Лейб-Атаманского полка, каторжанину, малограмотному большевику, ставшему на короткий период председателем ЦИК Донской советской республики Виктору Семеновичу Ковалеву и еще, к сожалению, многим этническим казакам, отдавшим государственной системе РКП(б) свою энергию, здоровье, а подчас и жизнь. Справедливости ради отметим, что казацкие коллаборанты – Ф.К. Миронов, братья Валентин и Евгений Трифоновы, В.С. Ковалев, некоторые другие большевики «из казаков» по мере своих возможностей пытались облегчить положение собственного народа. Они силились доказать Центральному комитету РКП(б) вредоносность геноцида казацкого населения. В тех немногих случаях, когда им удавалось привлечь на свою сторону видных членов большевистской партии еврейского происхождения (как, например, в случае с братьями Трифоновыми и Г.Я. Сокольниковым), их усилия не

пропадали даром. В основном же голос казацких коллаборантов оказывался «гласом вопиющего в пустыне» – Центральный комитет РКП(б) отмахивался от их малограмотных, очень эмоциональных и всегда политически нерациональных предложений, как от назойливых мух.

Генеральную дилемму, которую решало руководство РКП(б) в конце 1918 года, весьма четко изложил в одном из своих писем сотрудник центрального аппарата ВЧК И.И. Скрамэ: ***«Диктатуру труда в Донской области может установить или чрезвычайно мудрая и осторожная политика (может быть), или беспощадный красный террор»***. Большевики «ленинского призыва» в принципе не любили вопросительного словосочетания «может быть?» Поэтому, уступая последовательному лоббистскому давлению Донбюро и лично Сергея Сырцова, Центральный комитет РКП(б) сделал свою основную ставку на «красное» – на беспощадный и широчайший террор казацкого населения Присуда. В таких условиях попытки казацких коллаборантов склонить руководство РКП(б) к справедливому, по их мнению, — «классовому» решению «казацкого вопроса» оказались тщетны[62].

Политическую наивность казацких коллаборантов, частью искренне поверивших в социалистическую риторику большевиков, а частью волею судьбы оторвавшихся от своего народа и уже не имеющих духовных сил отгрести от «красного берега», хорошо иллюстрируют программные тезисы Казачьего отдела ВЦИК «О политике Советской власти в отношении казачества»[63]. Эти тезисы были приняты в январе 1919 года – на фоне первых успехов РККА и прогрессирующего развала Донской армии Всевеликого Войска Донского, попавшей с уходом германской армии из Украины в стратегическое окружение и не получившей своевременной помощи от Добрармии генерала Деникина.

«1. Мы, члены Казачьего отдела ВЦИК, всецело поддерживаем политику, клонящуюся к обезвреживанию, изоляции или выселению из пределов Советской России контрреволюционных верхов казачьей и всей иной буржуазии, скрывающейся в казачьих областях.

---

[62] Эта сфера деятельности Ф.К. Миронова, В.С. Ковалева и других «казацких» большевиков, опиравшихся, так или иначе, на Казачий отдел ВЦИК, подробно показана в классической работе Р.А. Медведева и С.И. Старикова, к которой мы и отсылаем заинтересованных читателей. *Медведев Р.А., Стариков С.И.* Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. – М.: «Патриот», 1989. – 366 с.

[63] *Казачий отдел ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов*. Инициатива создания Казачьего отдела принадлежала группе казаков-фронтовиков младшего офицерского ранга, искренне воспринявших большевистскую агитацию и поддержавших лозунг «Вся власть Советам». Основой данной структуры ВЦИК стал казацкий подотдел, образованный при военном отделе ЦИК Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Первым председателем подотдела стал есаул Оренбургского Войска А.Г. Нагаев. После Октябрьского переворота на общем собрании «красных» казацких делегатов 4(17) ноября 1917 г. было принято решение «образовать революционным порядком при ВЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Казачий комитет». По предложению М.И. Калинина — с целью контроля настроений казачества и пропаганды в казацких частях — этот комитет реорганизовали 4 сентября 1918 г. в Казачий отдел ВЦИК. Значительным интеллектуальным багажом Казачий отдел ВЦИК не отличался, деятельность его была скорее пропагандистской. Отдел регулярно готовил и представлял в Совнарком и ВЦИК различные законодательные проекты, касающиеся социально-экономического регулирования на землях Присуда. Обычно все эти документы отвергались или откладывались в «долгий ящик». В феврале-марте 1920 г. Казачий отдел ВЦИК провел свое первое и последнее крупное бутафорское мероприятие – 1-й Всероссийский съезд трудящихся казаков. В условиях полной победы режима РКП(б) в Гражданской войне, а также в связи со стратегическим решением о ликвидации Казацких Войск руководство РКП(б) перестало нуждаться в услугах этого коллаборационистского органа. В январе 1921 г. Казачий отдел был упразднен специальным решением Президиума ВЦИК.

2. Настаиваем на непременном и безоговорочном привлечении казачьих бедняков и середняков к активному участию в строительстве Советской власти в казачьих областях.

3. Принимая во внимание ошибки прошлого в казачьих областях, мы пришли к твердому убеждению, что закрепить положение там Советской власти может лишь твердая административная политика, проводимая революционным казачеством совместно с остальным населением казачьих областей, и осторожная экономическая политика, резко не затрагивающая жизненных интересов темного середняка. Мы будем всеми законными доступными мерами убеждать всех товарищей, что в казачьих областях, как и во всех окраинах России, после занятия нашими войсками следует давать возможность [казакам] ***приглядеться к Советской власти и почувствовать, что Советская власть не враг их, а настоящий защитник трудовых масс.***

4. Мы приветствуем Советскую власть, клонящуюся к передаче трудовым казакам и крестьянам свободных земель, бывших во владении контрреволюционных верхов и помещиков.

5. Мы будем настаивать перед ВЦИК на амнистии и восстановлении в правах гражданства всех трудовых элементов казачества, бессознательно пошедших за буржуазией против Советской власти»[64].

Авторы этой «декларации о намерениях» явно находились вне поля принятия конкретных решений верхушкой Совнаркома и ВЦИКа. Зная по событиям 1918 года о кровавых методах большевистской «агитации» на казацких землях, совершенно оторванной от реалий выглядит рекомендация – дать возможность казакам «приглядеться к Советской власти и почувствовать, что Советская власть не враг их, а настоящий защитник». Каким «защитником» казаков является Советская власть – большинство казацких семей на личном опыте хорошо усвоили еще в 1918 году. В целом, указанные тезисы Казачьего отдела ВЦИК свидетельствовали, что казацкие коллаборанты, даже при опоре на авторитет ВЦИК, оставались только жалкими приемышами в государственной системе РСФСР. В лучшем случае – бесправными аутсайдерами партийного аппарата РКП(б), но никак не детьми большевизма. На сакраментальный вопрос Иисуса Христа: «Хорошо ли взять хлеб у детей и бросить псам?» – большевистская партия в отношении любых представителей казацкого народа могла ответить только отрицательно. Казаки-коллаборанты, подвизающиеся на третьестепенных ролях во ВЦИКе, могли только «всецело поддерживать», «приветствовать», «убеждать всеми законными мерами» и даже «настаивать». Однако более эффективно использовать свой эфемерный статус «трудовых казаков» в интересах казацкого населения бывших Войск, они были не в силах. Виктор Ковалев, братья Трифоновы и даже красный командарм Филипп Миронов не понимали, что лично они уже проиграли битву за послереволюционное переустройство Присуда, – проиграли здесь и сейчас. Сторонники атамана Петра Краснова и все несчастные казаки, которые свяжут свою личную судьбу с политическим ничтожеством Деникина, – проиграют эту борьбу завтра. А с проигравшими рациональная административно-карательная машина РКП(б) не имела ни малейшего желания вступать в договорные отношения…

Судьба практически всех казацких этнических коллаборантов в Советской России оказалась трагической. В большинстве случаев большевики расправлялись с ними без особых

[64] РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.21. Л.165.

церемоний: их вначале арестовывали, якобы для следствия и суда, а затем «пускали в расход» в тюремных двориках.

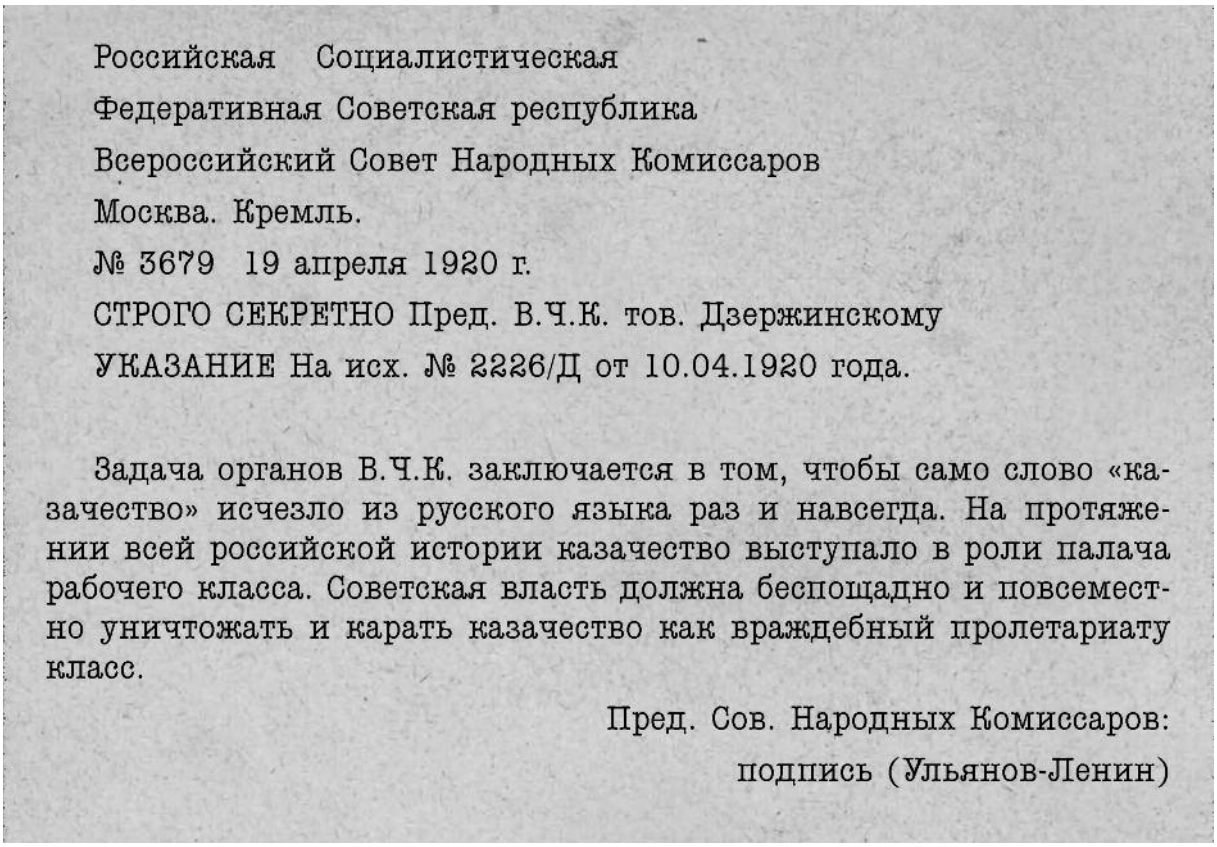
Таким незатейливым способом, одним из первых, отправили в мир иной кубанского казака станицы Петропавловской, командарма 11-й армии РККА Ивана Лукича Сорокина. Творец многих блестящих побед Красной Армии, чей военный талант отметил даже самовлюбленный Деникин, получил свои «9 грамм» во внутреннем дворике ставропольской тюрьмы 1 ноября 1918 г. Только чудо – личное заступничество члена ЦК РКП(б) Серго Орджоникидзе, да скорое смертельное заболевание тифом спасло от неизбежной чекистской «награды» этнического казака Алексея Ивановича Автономова. Успешно оборонявший Краснодар от захвата добровольцами генерала Корнилова, бывший главнокомандующий Северокавказской армией РККА Алексей Автономов тихо угас от тифа в затерянном среди гор осетинском ауле. Поздней зимой 1919 года чудом ускользнул из рук большевистских палачей кубанский казак станицы Георгиевской Иван Антонович Кочубей. ***«Не было в крае более популярной личности, чем Кочубей,*** – вспоминал позднее красный командир С.И. Каболов. – ***Его знала Красная Армия, знала Белая Армия, знало население Северного Кавказа. О нем ходили легенды, его боялись словно черта»***. Военные заслуги перед большевиками командиру 2-й бригады Особой кавдивизии 12-й армии РККА не помогли – казацкого коллаборанта органы ВЧК решили арестовать, однако Кочубей сумел бежать в степь. Скитаясь, как бешеный волк, по степным оврагам, отверженный коллаборант попался в плен к белым и вскоре ими был повешен. Трагически оборвалась жизнь другого известного коллаборанта – войскового старшины Филиппа Миронова. Командарму 2-й Конной армии большевики, по логике, должны были воздвигнуть памятник еще при жизни, – так много сделал для утверждения их господства над Россией простой станичник из Усть-Медведицкой. Однако, вместо памятника, Филипп Миронов получил «9 граммов» в затылок – во внутреннем дворике Бутырской тюрьмы 2 апреля 1921 года. Решение о ликвидации Миронова принял лично Лев Троцкий и удивляться этой жестокости не приходится. Весной 1921 г. руководство РКП(б) уже не сомневалось: ожесточенная борьба с Белым движением на Юге России завершается полной победой, а значит, по логике большевиков, пора избавляться от популярных, непредсказуемых и слишком требовательных «красных кавалеристов» казацкого происхождения.

Только очень немногие казацкие коллаборанты дожили до операции «Весна», масштабно организованной в 1930–1931 гг. Израилем Леплевским[65], одним из руководителей ОГПУ, при кураторстве зампреда ОГПУ Генриха Ягоды. И лишь единицы из этнических казаков, перешедших на красную сторону фронта в годы Революции, сумели досуществовать до 1937–1938 гг., когда всех их, подобно братьям Валентину и Евгению Трифоновым ликвидировали уже как участников «троцкистского подполья»[66].

---

[65] *Леплевский Израиль Моисеевич* (1896 – 28.08.1938). Родился в Брест-Литовске. С 1910 г. член Бунда. С 1917 г. член РСДРП(б). С января 1918 – сотрудник Самарской ЧК. В 1918-1919 гг. – зампред Екатеринославской ЧК. Нарком внутренних дел БССР (декабрь 1934 – ноябрь 1936) и УССР (июнь 1937 – январь 1938). Избавил РККА практически от всех русских, казацких и прочих «военспецов», т.е. от офицеров бывшей Российской императорской армии. Арестован как участник «фашистского заговора в НКВД» 28 апреля 1938 г. Расстрелян на полигоне «Коммунарка» по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР

[66] *Трифонов Валентин Андреевич* (27.08./8.09.1888 – 15.03.1938) – этнический казак, уроженец станицы Новочеркасская, революционер, советский военный и государственный деятель. В апреле-мае 1918 г. чрезвычайный представитель Наркомата по военным делам РСФСР на Юге России. С декабря 1918 г. член РВС



Российская Социалистическая
Федеративная Советская республика
Всероссийский Совет Народных Комиссаров
Москва. Кремль.
№ 3679 19 апреля 1920 г.
СТРОГО СЕКРЕТНО Пред. В.Ч.К. тов. Дзержинскому
УКАЗАНИЕ На исх. № 2226/Д от 10.04.1920 года.

Задача органов В.Ч.К. заключается в том, чтобы само слово «казачество» исчезло из русского языка раз и навсегда. На протяжении всей российской истории казачество выступало в роли палача рабочего класса. Советская власть должна беспощадно и повсеместно уничтожать и карать казачество как враждебный пролетариату класс.

Пред. Сов. Народных Комиссаров:
подпись (Ульянов-Ленин)

Секретная телеграмма Председателя Совнаркома В.И. Ульянова-Ленина об уничтожении казачества. Отправлена в канун безусловной победы Советского режима в Гражданской войне.
(Архив В.П. Мелихова)

Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. о поголовном истреблении казачества. В январе 1919 года окончательно завершился период поиска политической верхушкой РКП(б) целесообразной, с точки зрения большевистских лидеров, политики в отношении казачества. Кремль убедился в том, что казацкий народ «неисправим»: казацкое этническое большинство стойко сопротивлялось всем усилиям большевиков разделить станичников на антагонистические классы «богачей» и «бедняков». Внутренние этнокорпоративные скрепы казацкого сообщества оказались настолько прочны, что поставили в тупик даже волевое во всех отношениях руководство РКП(б): большевикам показалось рациональнее уничтожить казачество в целом, нежели в целом же пытаться интегрировать его в

3-й армии РККА на Урале. Комиссар Особого корпуса в Донской области в июне-июле 1919 г., член РВС Юго-Восточного фронта. Последовательно критиковал политику массового террора против казачества. В последующем занимал крупные посты в государственном аппарате СССР. Расстрелян по приговору Военной коллегии ВС СССР как троцкист.

Трифонов Евгений Андреевич – родной брат В.А. Трифонова, военный деятель, литератор. Член РСДРП(б) с 1904 г. В 1917 г. член Центральной комендатуры и Главного штаба Красной Гвардии. В 1918 году — командир и военный комиссар в ряде подразделений РККА на Юге России. Командир 9-й кавдивизии РККА, военный комиссар Донской области, зам. командира 7-й стрелковой дивизии РККА и т.д. Автор патетических стихов и литературных произведений о Гражданской войне (псевдоним Евгений Бражнев). По одним сведениям, — расстрелян в 1937 г. По другой версии: исключен в 1937 году из ВКП(б) и, очень переживая, ежечасно ожидал ареста в поселке Кратово, под Москвой. В этом же году умер от инфаркта.

новую реальность Советской России. Важнейшую роль в принятии решения о массовом демоциде казаков сыграло наличие на землях Присуда альтернативной по отношению к казачеству, глубоко враждебной к нему демографической массы «иногородних». Осознающая, вероятно, свою органическую отчужденность от великорусского большинства России политическая элита РКП(б) решила на казацких землях демонстративно стать на «русскую» — крестьянскую сторону. Так появился первый, ныне широко известный документ, подтверждающий (в числе прочих фактов) наличие события геноцида казацкого населения Советской России.

Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) об отношении к казакам

24 января 1919 г.

Циркулярно. Секретно.

Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества, путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо принять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселения, где это возможно.

4. Уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Центральный Комитет РКП(б)[67].

[67] РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.7. Л.5.; Ф.17. Оп.65. Д.35. Л.216. Машинописный экз.

Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года настолько часто комментировалась в специальной литературе, что нам вряд ли имеет смысл заниматься этим сызнова. Подчеркнем только два важнейших аспекта указанной директивы, которые имеют прямое отношение к международно-правовому определению преступного события геноцида.

Современное международное право в качестве основной, определяющей формы преступления геноцида, называет демоцид – массовые убийства определенных групп населения, осуществляемые по указанию правящей власти. Обычно подразумевается, что демоцид осуществляют для уничтожения, прежде всего, невооруженного гражданского населения. В случае с циркулярным письмом Оргбюро ЦК РКП(б) мы видим практически лабораторно точный вариант демоцида: политическое руководство Советской России призвало ***«провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»***. Попробуем понять: что именно означало на практике данное распоряжение Советской власти?

Атаман П.Н. Краснов в своих воспоминаниях указывал, что под знамена Донской армии было поставлено все мужское население Дона, способное держать в руках винтовку. Краснов, бесспорно, знал истинное положение: на основе подписанных им приказов летом-осенью 1918 года в донской части Присуда было призвано в армию абсолютное большинство взрослого мужского населения. Казаки-мужчины непризывного возраста исполняли наряды по поставке Донской армии тяглового транспорта, боеприпасов, фуража и провианта. Современные исследователи подтверждают вывод о всеобщей включенности мужской части донского казачества в оборону государства Всевеликое Войско Донское. «Все взрослое мужское население вступило в ополчение, – пишет о ситуации 1918 г. на Дону известный историк А.В. Венков, – в «армию на фронте», которая дралась на границах, давая командованию время и возможность обучить молодежь»[68].

При общенациональных масштабах казацкого сопротивления — что могло означать требование большевистской директивы о терроре «по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»? **Только одно – требование осуществить уничтожение всей мужской части казацкого народа.** Ведь, под определенным углом зрения, – подросток, который привез своему отцу на фронт теплую одежду, тоже ведь принял «косвенное участие в борьбе с Советской властью»! Очевидно, что распространяя террор на все казацкое мужское население репродуктивного возраста, большевики тем самым не только призывали к геноциду, но и осуществляли его в основной и самой преступной форме – в форме демоцида.

Другой, весьма важный аспект циркулярного письма Оргбюро ЦК от 24 января 1919 г., имеющий ярко очерченное геноцидальное содержание, провоцировал усиление самого жесткого, буквально кровавого этнополитического конфликта на землях Присуда – между этническими казаками и «иногородними» переселенцами из Великороссии. Изъятие под страхом смерти всего оружия у казаков с одновременным вооружением «иногородних» мужиков никак, конечно же, не могло способствовать «установлению полного порядка», к которому, якобы, стремилось Оргбюро ЦК РКП(б). Разоружение казаков фактически являлось циничной провокацией этнических чисток или даже резни между братскими

[68] *Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. – М.: Вече, 2008. – С. 440.

восточнославянскими народами. Это мероприятие, с учетом неприязненных, антагонистических взаимоотношений между русскими переселенцами и казаками, способно было погрузить все междуречье Дона и Волги в кровавый шторм всеобщего межнационального противоборства. Если на землях Войска Донского данное провокационное решение Оргбюро ЦК не привело к значительной эскалации русско-казацкого межэтнического насилия (ввиду значительного исхода «иногородних» весной-летом 1918 года вместе с отступающей Красной Армией), то на землях Терского Войска разоружение казаков сопровождалось жесточайшими этническими чистками казацкого населения края.

В период так называемой «перестройки» стало своего рода научно-популярной нормой списывать авторство решения о циркулярном письме Оргбюро от 24.01.1919 г. фактически на одного лишь Якова Свердлова. «Узкая группа лиц, – утверждает, например, писатель Герман Назаров, – эти несколько человек (Свердлов, Крестинский, Владимирский, Новгородцева) собирались на квартире Свердлова и Новгородцевой, где и решали все «злободневные вопросы», одним из которых был вопрос о расказачивании – поголовном уничтожении казаков»[69]. Некоторые сторонники такого упрощенного взгляда на возникновение политики геноцида казаков еще более категоричны. В их тенденциозных построениях и без того узкий круг лиц, принявших решение о массовом терроре в отношении казацкого населения Юга России, сжимается вообще до предела: внутри круга остаются только сам Свердлов и его жена, дочь русского купца Клавдия Тимофеевна Новгородцева. «Меня не покидает ощущение, – размышляет в этой связи историк Н.И. Нестеров, – что вся эта директива [*от 24.01.1919. – Н.Л.*] была чуть ли не семейным делом Свердлова. То, что это недалеко от истины, подтверждают документы той эпохи. В 1920–1930-х гг. на политической сцене России действовал своего рода «клан» – ряд свойственников и родственников Якова Свердлова»[70].

Оставляя в стороне вопрос о степени влиятельности клана «свойственников и родственников» Якова Свердлова, мы никак не можем разделить уверенность Н.И. Нестерова, что документы эпохи действительно свидетельствуют о волюнтаристском решении семейного круга председателя ВЦИК относительно геноцида казаков. Скорее наоборот – обилие и смысловое разнообразие антиказацких документов РКП(б) (узаконений, приказов, публикаций в прессе и т.д.), появившихся зимой 1918–1919 гг., убедительно доказывают, что инициатива расстрельного террора казаков согласовывалась отнюдь не в узком «семейном» клане казакофобов, а в высшем политическом руководстве Советской России, включая Совнарком и ЦК РКП(б). Директивные указания циркуляра Оргбюро ЦК от 24.01.1919 г. большевики стали решительно и энергично проводить в жизнь – сразу на всей оккупированной территории Казацкого Присуда. Вряд ли столь эффективная реализация преступного циркуляра о массовом терроре, — и притом одновременно всеми региональными звеньями государственной машины Советской власти, стала бы возможной в случае келейного решения в «семейном кругу» Я.М. Свердлова…

Примерно за месяц до циркуляра Оргбюро (24 января 1919 г.) режим РКП(б) стал готовить организационные структуры, на которые затем была возложена важная функция

---

[69] *Назаров Герман*. Дальше, дальше, дальше… К правде// Москва. 1989. № 12.

[70] *Нестеров Н.И*. Кто они, донские казаки? – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – С. 164.

Катия. 216 X.

ЦЕРКУЛЯРНО .СЕКРЕТНО

Последния события на розличных фронтах в казачих районах наши продвижения вглубь казачих поселений и разложение среди казачих войск заотовляет нас дать указания партийным работникам о хорак тере их работы при вовсоздании и укрепленииСоветской власти в ука заных районах. Необходимс ,учитовая опыт года гражданской войны с казачеством,признать единственноправельным самую безпощадную бор бу со всеми порками казачиства,путем поголовнаго их истребления. Никакие компромисы,никакая половинчатась пути недопустимы.Поэтому необходимо:

Произвести м а с с о в ы й т е р р о р против богатых казаков истре ребив их поголовно; провести безпощадный массовый террор по отноше-ниюкко всем вообще казакам, принимавшим какое либо прямое или кос-венное участиев борьбе с Советской властью.К среднему казачеству необходимо применить все те меры ,которые дают гарантию от каких ли-бо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти

2/Конфисковать хлеб и заотовлять ссыпать все излишки в указанные пун-ты ,это относится как к хлебу так и ко всем другим сельскохозяйствен ным продуктам.

3/Принять все мерн по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте организуя переселение,где это возможно.

4/Уровнять пришлых"иногородних"к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5/Провести полное разоружение, разстреливая каждаго, у кого будет обнаруженно оружие после срока сдачи.

6/Выдовать оружие только надежным элиментам из иногородних.

7/Вооруженные отряды остовлять в казачьих станицах впредь до установ ления полнаго порядка.

8/Всем комиссарам,назначеннымвв те или иные казачьи поселения предло-гается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

Ц.К. постановляет провести через соответствующие Советские Учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактическия меры по массовому наделению бедноты на козачьих земли.

Копия директивы Оргбюро ЦК РКП(б) «Об отношении к казакам», 24 января 1919г. Наиболее известный документ политики геноцида казаков в РСФСР. (Архив В.П. Мелихова)

координации карательных мероприятий против казаков. В соответствии с ранее поступившими предложениями Донбюро ЦК было решено не создавать во вновь оккупированных районах Всевеликого Войска Донского[71] никаких выборных органов Советской власти, а учредить здесь революционные комитеты (ревкомы), наделенные чрезвычайными полномочиями. Фактически речь шла о создании карательных оккупационных структур для подавления любых попыток казацкого населения реализовать хотя бы на уровне своих хуторов и станиц традиционные для казаков принципы народоправства.

Общее руководство окружными и станичными ревкомами возложили на Донбюро ЦК РКП(б) – во главе с двадцатилетним фанатиком Сергеем Сырцовым, и на Реввоенсовет Южного фронта, ключевой фигурой которого являлся Иосиф Ходоровский[72]. Во избежание дублирования или противоречий в деятельности этих двух оккупационных ведомств при РВС Южфронта создали координирующую структуру — Отдел гражданского управления (Гражданупр). Основной состав этого коллегиального органа сформировали армейские политкомиссары, а возглавил Гражданупр все тот же Сергей Сырцов. Для организации работы вновь создаваемых ревкомов привлекли местные кадры большевиков. **Персональный отбор руководителей ревкомов происходил исключительно по национальному признаку — ни одного этнического казака во главе ревкомов не оказалось.** Гражданупр испытывал, по-видимому, дефицит местных кадров – далеко не каждый селянин, путь даже сочувствующий РКП(б) и ненавидящий казаков, согласен был лично осуществлять кровавый террор. Поэтому для укрепления кадрового состава ревкомов Советская власть быстро перебросила на Дон несколько сотен комсомольцев и коммунистов из центральных губерний России, Поволжья и Донбасса. Среди этих людей также не было ни одного этнического казака. Позднее С.И. Сырцов разъяснил кадровый принцип, по которому шло формирование штатного аппарата окружных и районных ревкомов, станичных трибуналов, т.е. в целом — советской оккупационной администрации на Дону. Кадровый состав этих органов, по авторитетному свидетельству Сырцова, составили: ***«… угнетаемые в экономическом и политическом отношении иногородние, которые воспитали в себе массу неприязни и ненависти к казачеству, к его быту. По существу, это была здоровая классовая ненависть, и мы обязаны были ее использовать, – вооружив рабочих и крестьян, создать ту реальную силу, с помощью которой мы могли бы экономически обессилить казачество, раздробить его, вывезти*** [за пределы Присуда. — Н.Л.] ***наиболее опасные, непокорные элементы и распылить их»***[73].

Очевидно, что большевистский государственный аппарат РСФСР еще до выпуска циркуляра Оргбюро от 24 января 1919 г. рассматривал только один путь решения «казацкого

---

[71] Большевики называли территорию вновь возникшего демократического государства казаков – Донской областью.

[72] *Ходоровский Иосиф Исаевич* (1885 — 07.05.1938) – родился в Николаеве в еврейской семье. В 1903 г. вступил в РСДРП(б). В начале 1905 г. один из организаторов комитета РСДРП(б) в Николаеве. Участник революционных событий 1905–1907 гг. В 1917 году принимал участие в большевистском перевороте в Москве. С декабря 1918 по март 1919 гг. – начальник Политического отдела Южного фронта. С 17 января по 6 июля 1919 г. – член РВС Южного фронта. С 23 марта по 27 августа 1919 г. – член РВС 9-й армии Южфронта. В дальнейшем занимал высокие партийные и государственные посты. С середины 1934 по декабрь 1937 гг. – начальник Лечебно-санитарного управления Кремля. 2 декабря 1937 г. арестован, в мае 1938 г. расстрелян, как участник контрреволюционной террористической организации.

[73] РГВА. Ф.100. Оп.2. Д.1119.; РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.23678. Л.2.

вопроса» – **путь геноцида, т.е. разжигания ненависти к традиционной казацкой культуре, уничтожения всей экономической основы существования казацкого народа, с последующей аннигиляцией казацкого генофонда в инонациональной среде Великороссии.** Таким образом, не возникает сомнений, что административно-карательная машина, которая должна была осуществить массовый террор против казацкого населения, создавалась Советским режимом не в период **после рассылки** циркуляра Оргбюро ЦК «Об отношении к казакам», а **заблаговременно**.

Директива Оргбюро ЦК о массовом антиказацком терроре с искренним энтузиазмом была встречена членами Донбюро РКП(б). Наконец-то сбывались многолетние мечты босяцко-батрацкой переселенческой массы о полном и необратимом (ввиду решительной ликвидации оборонительного потенциала «народа-помещика») переделе в свою пользу лучших земель Казацких Войск. В этнополитическом аспекте шовинистическая, а в экономическом отношении чрезвычайно вредоносная идея «черного передела» получала на территории Присуда полную поддержку центральной государственной власти Советской России. В развитие геноцидальной идеи директивы Оргбюро ЦК «Об отношении к казакам» донские большевики немедленно подготовили собственную инструкцию.

Донбюро РКП (б)
Председателям окружных ревкомов. Для исполнения

В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний Донбюро предлагает провести через соответствующие советские учреждения следующее:

1. Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить как заложников в районный революционный трибунал. (Уточнение, согласно директиве ЦК, должны быть расстреляны).

2. При опубликовании приказа о сдаче оружия объявить, что в случае обнаружения по истечении указанного в публикации срока у кого-либо оружия будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников.

3. В состав ревкомов ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания — некоммунисты. Ответственность за нарушение указанного требования возлагается на райревкомы и организатора местного ревкома.

4. Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков (то же относится и к кулакам) и всякого, без исключения, арестовывать и направлять в районные трибуналы, где к ним должна быть применена высшая мера наказания [74].

Симптоматично, что намерение пропустить все казацкое население Присуда сквозь жернова тотального демоцида стало обретать черты важного этнополитического курса

[74] РЦХИДНИ. Ф.17 Оп.65. Д.34. Л.20–20 об. Машинописная копия.

Генерал-лейтенант Владимир Сидорин. Командующий Донской армией ВВД. Февраль 1919 г.

партийной верхушки РКП(б) как раз в тот момент, когда национальное сопротивление казаков Советскому режиму стало осязаемо ослабевать. Зима 1918–1919 гг. оказалась временем тяжких испытаний для недавно созданной Донской армии. Не получив своевременной поддержки со стороны русской Добровольческой армии генерала Деникина, казаки Донской армии не сумели захватить главную большевистскую цитадель в Поволжье – город Царицын. Стратегическая инициатива в борьбе против Красного Дракона и многообещающие перспективы создания единого антибольшевистского фронта с оренбургскими казаками атамана Дутова были бездарно (хотя и не по вине этнических казаков) и надолго потеряны. Капитуляция Германского рейха и последующий исход германской армии с Украины оборвали регулярные поставки оружия и боеприпасов, а левый фланг и даже тыл фронта Донской армии оказались оголены. Многотысячные формирования РККА получили возможность мощного, стратегически значимого ответного удара. Лукавые союзники имперской России по Антанте – англичане и французы – очень настороженно относились к атаману Всевеликого Войска Донского, генералу Петру Краснову. Его считали ставленником германского Генерального штаба и не хотели видеть в числе будущих освободителей России от большевиков. Англо-французские союзники демонстративно подчеркивали, что их основная политическая ставка сделана на генерала Антона Деникина – убежденного франкофила, кадета и, по-видимому, масона[75]. Не желая становиться препятствием для объединения антибольшевистских сил на Юге России, генерал П.Н. Краснов сложил с себя обязанности Войскового атамана ВВД и покинул Новочеркасск.

Новый командующий Донской армией, назначенный уже Деникиным, генерал Владимир Сидорин вспоминал о роковых днях весны 1919 года: «*Наша армия без всякого сопротивления, без боев, от каждого выстрела неумолимо отходила, расстраивалась все более и более. Развал был настолько велик, что когда я в первый раз после моего*

[75] *Морозов Е.Ф.* О демократии либеральной и традиционной// Донские казаки в борьбе с большевиками: Воспоминания начальника штаба Донских армий и войскового штаба Генштаба генерал-майора И.А. Полякова. – М.: Кучково поле; Гиперборея. 2007. – С. 18–19.

назначения ознакомился с положением, то картина развала даже на меня произвела удручающее впечатление. Когда я впервые столкнулся с командным составом, то уже у всех опустились руки. Даже не делалось попыток, чтобы привести воинские части в порядок и дело считалось совершенно проигранным»[76].

Некоторые донские полки, особенно сформированные в тех округах Верхнего Дона, которые в 1918 году в меньшей степени затронул большевистский террор, предпочли прекратить борьбу и оставили фронт. Покидая фронт, казаки-верхнедонцы подчас принимали демонстративно просоветские резолюции, наивно надеясь, что их публичное «раскаяние» способно вызвать у большевистского «аллигатора» слезу сочувствия. Одним из таких нестойких соединений оказался 28-й Верхнедонской казачий полк, сформированный в основном из уроженцев станицы Казанской. На митинге в родной станице 25 января 1919 года (аккурат на следующий день после утверждения «расстрельного» циркуляра ЦК), прежде чем разойтись по домам, полковые побратимы одобрили приветственный адрес-телеграмму «непреклонному борцу» В.И. Ленину. Ниже мы приводим значительный фрагмент этой резолюции. Читая документ, легко убедиться: настолько политически наивной оставалась даже в 1919 году основная масса простых станичников. Политически изощренная Советская власть могла, при определенном желании и небольших усилиях, легко превратить этих людей, если не в своих союзников, то уж точно в попутчиков. Однако, вместо этого, с хладнокровием профессиональных убийц московские и донские функционеры РКП(б) планировали осуществлять массовые убийства казацкого населения…

Резолюция собрания Казанского полка и станичников с признанием Советской власти и приветствием В.И. Ленину

<…> Советская власть показала себя при всех тяжестях положения в стране честной и боевой защитницей интересов всего трудящегося народа России: и рабочих, и крестьян, и казаков. Пусть эта власть объединит нас с остальной социалистической Россией для мирной братской трудовой жизни. На страже этой власти становимся мы с клятвой дать беспощадный отпор приспешникам русских и союзнических капиталистов, на нашей крови поставивших восстановить свое зловредное богатейское житье.

Долой белых кровопийц с нашего Дона. Мы твердо берем винтовку и говорим: «Смерть вам, предатели!»

Привет! Горячий привет тебе, Владимир Ильич, непреклонный борец за интересы трудящегося народа. Мы становимся бесповоротно под Красное знамя, находящееся в твоих руках.

Да здравствует полное осуществление идей, за которые выступил пролетариат в Октябре!

На собрании станичников и Казанского полка в количестве 5000 человек единогласно принято:

Выражаем единодушную и глубочайшую уверенность в том, что именно Советская власть объединяет всех трудящихся России и защищает их интересы. Поняв это,

---

[76] Цит. по: *Венков А.В.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919 –1920 гг. – М.: АИРО–XXI. 2014. – С. 21.

убедившись в этом, мы становимся на сторону Советской власти и требуем полного отлучения нашего родного Дона от всех сбежавшихся сюда изменников и предателей трудового народа, офицеров и капиталистов.

Долой белые предательские сотни! Да здравствует трудовое казачество в семье пролетарской социалистической России![77]

Геноцид казаков в зоне оккупации войск РККА в 1919 г. Казаки, добровольно оставившие фронт, их родственники и друзья, т.е. основной слой простых станичников вскоре убедились, что «пролетарская социалистическая Россия» на их родном Дону быстро и методично выстраивает нечто очень похожее на коллективный, хотя и неогороженный колючей проволокой концентрационный лагерь. В этом «пролетарском социалистическом концлагере» казакам отводилась, по сути, только одна социальная роль – быть ограбленными до нитки, испытать всю тяжесть насилия инонациональных чужаков над казацким менталитетом и воинскими традициями, а в случае сопротивления – быть немедленно расстрелянными. Даже сама родовая земля казаков теперь не принадлежала им: решительные «большаки» с севера уже готовились заселить ее своими соплеменниками.

Из протокола Оргбюро ЦК РКП (б)

24.01.1919

Слушали:

<…> ***3. Партийная работа на Дону.***

<…> ***6. Циркулярное письмо об отношении к казакам.***

Постановили:

<…> ***3. Донское бюро остается в прежнем составе. Тов. Сырцова освободить от всякой другой работы, с тем, чтобы он занялся организацией советской и партийной работы на Дону. Предложение об образовании Донского правительства отклоняется.***

<…> ***6. Принять текст циркулярного письма*** [«Об отношении к казакам». – Н.Л.]. ***Предложить Комиссариату земледелия разработать практические мероприятия по переселению бедноты*** [т.е. русских крестьян. – Н.Л.] ***в широком масштабе на казачьи земли»***[78].

Получив мощную поддержку в Кремле, Донбюро РКП(б), направляемое фанатичным Сергеем Сырцовым, стало буквально закликать «истинно революционные элементы» из Великороссии на земли Казацкого Присуда.

«Донское бюро РКП полагает, – разъяснял в письме во ВЦИК позицию донских коммунистов комиссар Арон Френкель, – ***что в Донском исполкоме должно быть место не «знатным и известным», а опытным, дельным, энергичным и решительным коммунистам. Поэтому этих коммунистов должно быть возможно больше – пришлых из Москвы и Петрограда*** [N.B.! – Н.Л.]***, с большим опытом и энергией – таково мнение Донского бюро РКП.***<…>

---

[77] РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.21. Л.1. См. также: Документы героических лет. 1917-1920. – Ростов н/Д.: Ростиздат, 1987. – С. 233.

[78] РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.1. Л.5. Машинописная копия.

Донское бюро РКП возражает против кандидатуры Миронова, так как он хоть и хороший боевой полководец, но в политическом отношении величина крайне неопределенная. С бывшими казачьими офицерами, пришедшими к нам, надо быть очень осторожным, так как на них (Голубов, Автономов) Советская власть уже не раз обжигалась и едва спаслась от них. Против кандидатуры т. Ковалева Донское бюро РКП тоже самым решительным образом возражает, так как т. Ковалев, будучи в Донском ЦИК в Ростове и Царицыне, своими действиями доказал свою полную неспособность к политической деятельности»[79].

Таким образом, Донбюро РКП(б) категорически не допускало во властный органы так называемой Донской области ни одного этнического казака. Единомышленники Сергея Сырцова не хотели видеть рядом с собой даже такого пожилого, малограмотного и физически больного партийца, как Виктор Ковалев, — прежде всего потому, что он был этническим казаком и, пользуясь своей репутацией старого заслуженного большевика, не скрывал личных симпатий к традициям казачества. Действительно, если на землях Присуда планировалась гекатомба казацких трупов с одновременным переселением сюда великорусской бедноты, – даже такие декоративные фигуры «из казаков», как В.С. Ковалев, могли стать помехой процессу геноцида. Позже, уже в дни полыхавшего казацкого Вёшенского восстания, член Казачьего отдела ВЦИК, этнический коллаборант В.Н. Изюмский пытался разъяснить Центральному комитету РКП(б) – к чему привело засилье этнически неказацкого элемента во властных органах советской оккупационной администрации на Дону.

«Как только станицы казачьих войск стали освобождаться от банд белогвардейцев, – отмечал В.Н. Изюмский, – ***туда стали посылаться политические работники, люди, большей частью не знакомые с психологией казаков и не знающие их бытового уклада жизни. Из этих людей, помимо Казачьего отдела ВЦИК, стала организовываться на местах новая власть; казаки же, входившие в состав власти, играли роль второстепенную, и с ними почти что не считались. <…> Оказавшиеся у власти люди, не знающие казаков, не знали, как и управлять ними, и стали править по-своему*** [видимо, по принципу «барин и холоп», привычному для крестьян Великороссии. – Н.Л.]. ***Казачье же население, в свою очередь, не могло понять этих людей и плохо слушалось их, почему создавались трения, что было принято местными властями за контрреволюционные поползновения, которые требовалось в корне задушить. И начались репрессии. Массовые аресты, контрибуции, заключения под стражу и, наконец, массовые расстрелы граждан без суда и следствия привели население к панике. <…> Население было терроризировано. Ни один гражданин не был уверен, что его ночью или завтра*** [не] ***расстреляют»***[80].

Член Казачьего отдела ВЦИК, товарищ Изюмский явно осторожничал: за общими фразами о «терроризированном населении» скрыты, бесспорно, только этнические казаки (русское «иногороднее» население на землях Присуда большевики в 1919 году рассматривали как своего важнейшего союзника). «Эзоповщиной» являются и глубокомысленные рассуждения Изюмского о наличии, якобы, взаимного «непонимания» между приезжими администраторами РКП(б) и коренным казацким населением. На самом же деле этнополитическая ситуация на Дону, равно как и на других оккупированных советскими войсками

[79] РГАСПИ. Ф.554. Оп.1. Д.4. Л.6–8. Машинописная копия.

[80] ГАРФ. Ф.1235. Сп.83. Д.8. Л.39.

землях Присуда, была гораздо проще и страшнее. Инонациональная, круто замешанная на органичной ненависти к казакам Советская власть на хуторском и станичном уровнях методично провоцировала гражданские выступления казаков в защиту своих прав — попираемых нарочито грубо, а подчас с издевательским цинизмом. В свою очередь, факт даже малейшего публичного недовольства казаков немедленно использовался как повод для включения страшного маховика террора — в полном соответствии с циркулярным письмом Оргбюро ЦК о «поголовном истреблении» казачества. Сохранилось немало воспоминаний очевидцев — как вначале постепенно, исподволь, но затем во все укрупняющемся масштабе оккупационный режим РКП(б) организовывал террор в конкретных станицах. Вот, например, свидетельство очевидца о том, как пролетарски широко местный ревком раскручивал маховик расстрельного террора в станице Казанской Верхнедонского округа. Логично предположить, что эти акты геноцида как раз и явились подлинным ответом Советской власти на приветственный адрес Владимиру Ленину, смиренно утвержденный здесь на митинге станичников 25.01.1919 года.

«Я жил тогда в станице Казанской, – вспоминал очевидец Яков Назаров. – *Большевики заняли нашу станицу в декабре 1918 года. Вначале по отношению к жителям станицы большевики не применяли никаких репрессий, никаких крутых мер. Однако так продолжалось недолго. Как только советская власть укрепилась, начался беспощадный террор. Каждую ночь отряд большевиков, расположенный в нашей станице, арестовывал многих лиц и сажал в комендантское управление. Никто оттуда не возвращался: всех расстреливали. Расстрелы производили в поле, за станицей, обыкновенно – ночью.*

Арестованные сами рыли себе ямы. Ямы были не очень глубоки, и станичные собаки грызли трупы расстрелянных. Я помню, нашел у нас в саду чью-то обглоданную руку. Ужас охватил жителей. Боялись сказать друг другу несколько слов. Однако, были люди, которые не совсем потеряли присутствие духа. Это были молодые казаки – тех самых полков, которые сдались большевикам и открыли фронт. <...> Теперь же эти казаки были недовольны создавшимся положением вещей и ждали удобного случая, чтобы поднять восстание и устроить резню комиссаров.

Террор же с каждым днем красного владычества усиливался. Раньше были одиночные расстрелы, теперь же стали расстреливать партиями по 30–40 казаков. Расстрелы эти носили организованный характер: большевики старались истребить людей мыслящих, интеллигенцию [N.B.! – Н.Л.]. *Офицеров они не могли расстрелять, так как все офицеры ушли вместе с Донской армией к Ростову. Начались повальные аресты по спискам, куда без особого разбора попадали люди, далекие от войны и политики, мелкие церковные и светские служащие, сельские интеллигенты, бывшие фронтовики, а потом вообще взрослые мужчины, состоявшие в казачьем сословии. Подвалы станичного правления уже не вмещали всех заключенных. Многие дожидались горькой участи в рядом стоявшем каменном сарае. В предрассветные часы за старым кладбищем, у оврага стучали пулеметы. Шли массовые расстрелы»*[81].

Поразительно, но является фактом: некоторые российские исследователи пытаются если не оправдать, то, по крайней мере, сочувственно объяснить кровавый террор большевиков против мирного, разоруженного казацкого населения «объективным, закономерным

---

[55] *Назаров Я.* Восстание в Верхне-Донском округе Донецкой области// Белая Гвардия. № 6. Антибольшевистское повстанческое движение. – М.: Посев, 2002. – С. 169–171.

и имманентным следствием» Гражданской войны. В современных работах по так называемому «расказачиванию» можно встретить такие, например, рассуждения: «…Красный террор, при всей своей жестокости, имел совершенно определенную политическую логику. Нельзя забывать, что в 1919 году Советская власть была если не на волоске от гибели, то, как минимум, находилась в состоянии неопределенности. Я.М. Свердлов даже тайно готовил документы и финансы на случай нового подполья или эмиграции. В таких условиях красный террор представлялся большевикам последним и жизненно необходимым средством спасения революции и самих себя. <…> И хотя Троцкий призывал судить согласно законам в рамках ревтрибуналов, на практике в годы Гражданской войны было очень трудно соблюсти требования законности, поэтому инициативный произвол со стороны большевистских руководителей был совершенно обычным делом»[82].

После прочтения подобных «наукоемких» рассуждений поневоле хочется развести руками… Какие «требования законности» могли соблюдать волюнтаристски сформированные ревтрибуналы, основная задача которых как раз и состояла в организации массового, заведомо внесудебного террора? Отчего «последним и жизненно необходимым средством спасения революции» современный историк провозглашает кровавый террор? В период Гражданской войны главные руководители режима РКП(б) сидели за высокими стенами Кремля, надежно прикрытые от своих врагов вооруженными до зубов ордами Красной Армии. Как, в таком случае, могли содействовать «спасению революции» бессудные, массовые убийства невооруженных станичников на землях Присуда, совершаемые, как минимум, за тысячу километров от Москвы?

Перед нами, как представляется, – тенденциозная, вопиюще антигуманная концепция. Подобная позиция со времен Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (1907 г.) находится по ту сторону международного права – на черной стороне идеологического горизонта, где в нерасторжимых объятиях сливаются германский фашизм и советский коммунизм. Для европейской академической историографии такие воззрения являются сегодня абсолютно неприемлемыми. В наши дни подобные построения могут возникать только в необольшевистском «Королевстве кривых зеркал», которое настойчиво пытаются воссоздать некоторые функционеры от науки на развалинах так называемой «советской исторической школы». Тоталитарная идеология этой школы допускала, как известно, оправдание оккупации и аннексии территорий чужих государств, сокрытие массовых убийств военнопленных, а жесточайший террор против мирного населения собственной страны весьма часто истолковывался как единственный и кратчайший путь к вселенскому прогрессу.

Великий писатель Михаил Шолохов в одном из писем Горькому, отвечая на обвинения в реабилитации «белогвардейщины», писал: «*…Некоторые ортодоксальные «вожди» РАППа обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание* [Вёшенское восстание казаков. – Н.Л.], *приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию; причем сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в станицах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных*

[82] *Кислицын С.А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 195.

казаков (бывшие выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение шести дней достигло солидной цифры – 400 с лишним человек. В Урюпинской число казненных доходило до 60 — 80 человек в день. Измывались. В Вёшенской старику, уличившему комиссара во лжи и жульничестве, вырезали язык, прибили к подбородку и водили по станице, пока он не умер. В Боковской комиссар расстреливал ради развлечения тех, кто обратил на себя его внимание. Клал за станицей и запрещал хоронить...»[83].

Подчеркнем, — на Верхнем Дону «расстрельные» акты геноцида казаков охватили не только те шесть станиц, о которых упомянул Михаил Шолохов в своем письме Горькому. Массовые, невероятно жестокие, во многих случаях издевательски глумливые убийства этнических казаков, проводились на землях Казацкого Присуда повсеместно, – во всей зоне оккупации советскими войсками. Одновременно шел тотальный грабеж казацкого достояния, уполномоченные функционеры РККА и местных Советов изымали всю станичную «худобу»: лошадей, скот, зерно, дело дошло даже до повсеместных реквизий кавалерийских седел – большего унижения для казацкого менталитета посланцы «социалистической Родины» не могли бы придумать...

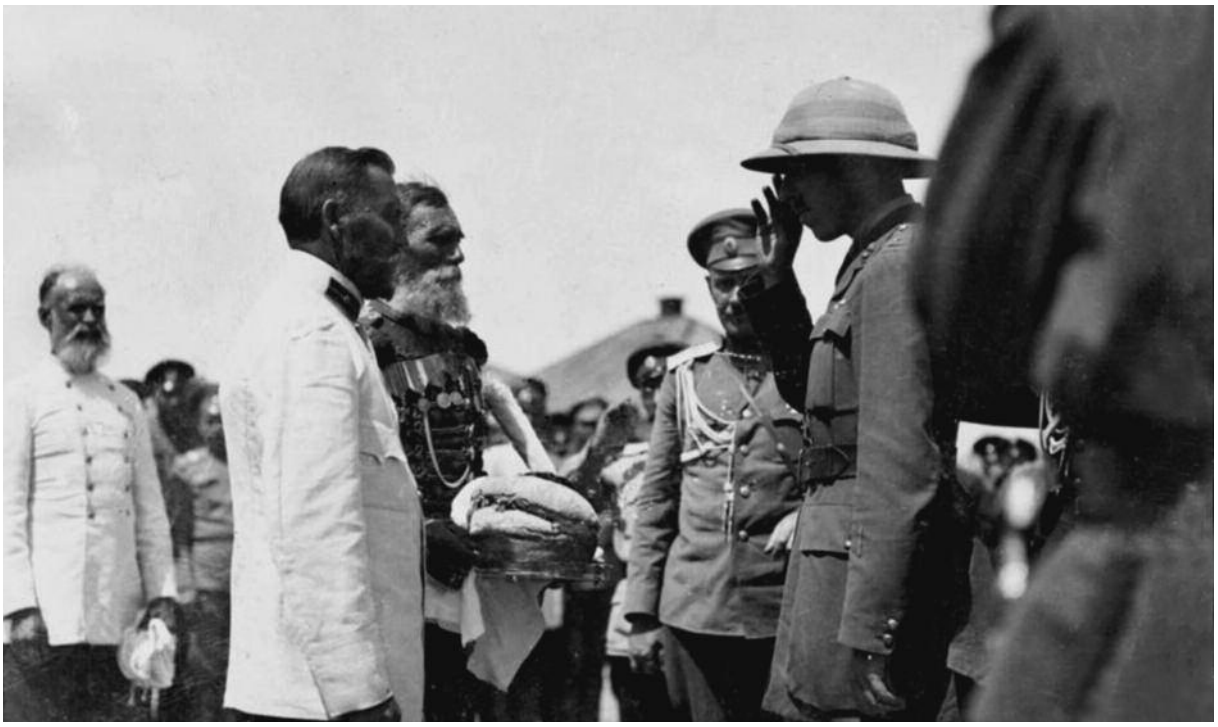
Кровавым цветом революционных гвоздик расцвели в период демоцида всевозможные психологические уроды, сексуальные маньяки, озлобленные подонки. Для всех патологических персонажей двери местных структур административно-карательной машины Советского режима оказались широко раскрытыми. В станице Морозовской, например, в начале 1919 года неистовствовал большевик с дореволюционным стажем, член экспедиционного отдела РВС 10-й армии РККА Валентин Богуславский[84]. В один из дней исполнения своего «пролетарского долга» В. Богуславский, разъяренный телеграммой Донского облревкома о слабом проведении в жизнь решений Донбюро РКП(б), лично расстрелял по списку 64 человека. В дальнейшем Богуславский, вместе с другими членами станичного ревкома – Труниным, Капустиным, Толмачевым, Васильевым, Волковым (все из «иногородних»)[85], превратил убийство арестованных казаков в своеобразный «спорт». По ночам, после обильного употребления самогона и оргий с местными селянками, палачи выводили из тюрьмы арестованных казаков и практиковались на них в стрельбе, рубке шашкой и кинжалом. Иной раз устраивали своего рода «охоту» на несчастных людей. Даже большевистские следователи,

---

[83] Из письма М.А. Шолохова А.М. Горькому 6 июня 1931 года. См. подробнее: *Шолохов М.А.* Соб. соч. в 8 тт. Т. 8. — М., 1980. – С. 31.

[84] *Богуславский В.М.* – член РСДРП(б)-РКП(б), из «иногородних» ст. Морозовской, член ЦИК Донской Советской Республики, с февраля 1919 г. заведующий экспедиционным отделом РВС 10-й армии. Возглавлял ревком ст. Морозовской. Проводил в станице жесточайший демоцид казацкого населения – фактически ежедневную резню мирных жителей. Даже сами большевики признали В. Богуславского патологическим маньяком, а его зверства по отношению к казацкому населению античеловеческими. Неслучайно, по-видимому, арест палача поручили произвести казацкому коллаборанту, члену Донбюро Ипполиту Дорошеву. По приговору трибунала 9-й армии РККА 8 мая 1919 г. Богуславский, член ревкома Трунин и управделами ревкома Капустин были расстреляны.

[85] В недавнее время усилиями квазипатриотов был выработан определенный общественно-идеологический тренд: все кровавые преступления большевизма списываются, по возможности, на преступные действия злокозненной «неруси»: евреев, латышей, мадьяр, китайцев, кавказцев и т.д. Однако, объективная этническая персонификация основных палачей режима РКП(б), проводивших массовые акты террора не только на землях Казацкого Присуда, но и на других территориях РСФСР, показывает совершенно иную этническую картину.



Цитадель антибольшевистского Вёшенского восстания — станица Казанская. Атаман станицы встречает «хлебом-солью» офицеров Британской военной миссии. Лето 1919 г.

заведомо заинтересованные «скрыть концы в воду», были шокированы масштабом и зверством совершенных расправ. Только во дворе дома Богуславского было обнаружено 65 трупов застреленных и зарубленных казаков, членов их семей. Некоторые тела своих жертв палачи растерзали до неузнаваемости. Еще около 150 убитых людей нашли наскоро прикопанными в оврагах вне станицы. Фактическое число жертв красного маньяка было, по-видимому, существенно больше.

Следует подчеркнуть одно важное обстоятельство. Карательная фаза геноцида казаков на оккупированной войсками Красной Армии территории Всевеликого Войска Донского была, с точки зрения цивилизованного общества, кровавой и антигуманной. Однако в сравнении с тем ужасом, который обрушился на земли других Казацких Войск, на Дону в 1918—1921 гг. происходила, можно сказать, только «разминка». Земли Войска Донского являлись самой западной и наиболее близкой к Москве частью Присуда, сюда часто наведывались члены Казачьего отдела ВЦИК, высокопоставленные деятели РКП(б), многие из которых имели интеллигентское прошлое, какое-то время обретались в политической эмиграции в Европе. На юге и востоке Присуда — на Кубани, Тереке, на землях Уральского Войска, в Семиречье – карательные акции большевиков изначально приобрели характер тотального зверства. Здесь, в отличие от Дона, сразу же приступили к перемалыванию не только мужского, но и женского контингента казацкого народа. Высокопоставленный эмиссары ЦК и ВЦИКа заглядывали сюда много реже, а потому страшная большевистская «азиатчина» творилась на юго-востоке Присуда широко и вольготно: никто не мог ограничить местных подонков в их стремлении воздвигнуть «Советскую Расею» на казацких костях.

Князь С.Е. Трубецкой в своих мемуарах подробно пересказал откровения арестованного комиссара, этапированного в Таганскую тюрьму с территории Уральского Войска. Какое

преступление против Советской власти совершил этот изувер — осталось неизвестным, однако о своем опыте «расказачивания» комиссар рассказывал сокамерникам с видимым удовольствием.

«Вся камера слышала его рассказ, – скорбно повествует князь Трубецкой. – *В его краях были контрреволюционные восстания казаков. «Мы эту гидру выжигали каленым железом...» Как-то раз ему, комиссару, пришлось вести в степь группу приговоренных к расстрелу казачек. Расстрелы производились в каком-то овраге. «Девки и молодки подвернулись как на подбор красавицы, – с видимым вожделением говорил комиссар. – В самом соку, значит... Прямо жаль расстреливать... Ну думаю, им все равно умирать, зачем же им перед концом ребят не утешить... Одну и самому себе выбрал. Вас, говорю, от этого не убудет... Ну, а они и слышать не хотят, кричат, ругаются, ну прямо – несознательные... Ничего не поделаешь, согласия не дают, чего, думаю, на них, контрреволюционерок, смотреть... мы уж без согласия...» – «Что же, потом вы их расстреляли?» – спросил кто-то. «А то как же? – ответил комиссар. – Все, как полагается, мы свое дело знаем. Ни одна не ушла!» <...> Поразителен был тон комиссара: он говорил совершенно без цинизма, даже как-то простодушно. Было видно, что он совершенно уверен в своей полной правоте»*[86].

Князь Трубецкой превосходно передал народную речь простого русского мужика. Очевидно, что в тюремной камере на Таганке с князем беседовал не рафинированный масон, красный мадьяр и не «уроженец Бердичева». Хладнокровно, с тупой холопской уверенностью в голосе – мол, честно «как полагается» выполнил задание партийного «барина», – рассказывал о зверском, глумливом уничтожении подлинного богатства казацкого народа простой «Иван», по-видимому, вчерашний крестьянин или рабочий. Многие аналогичные показания очевидцев убедительно свидетельствуют, что так называемая Гражданская война 1918-1920 гг., с первых дней этой страшной общероссийской трагедии, обрела для казацкого народа не столько гражданский, т.е. социально-политический, сколько национально-освободительный характер[87].

Комиссар-насильник, случайно оказавшийся в одной камере с русским князем, сотни других комиссаров Советского режима, которые тюремных нар избежали, проводили демоцид казацкого населения Присуда на основе, прежде всего, двух директивных документов. Это циркулярные инструкции Управляющего Делами Ревкома Восточного Фронта (от 05.02.1919) и Реввоенсовета Южного фронта «К проведению директивы ЦК РКП(б) о борьбе с контрреволюцией на Дону» (от 07.02.1919). Оба этих документа развивали и конкретизировали задачи по уничтожению казацкого населения, поставленные в циркулярной директиве Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года. Ниже мы публикуем полный текст этих документов геноцида.

---

[86] *Трубецкой С.Е.* Минувшее. Предисл. Н.А. Руднева. – М.: ДЭМ, 1991. – С. 248.

[87] Историк Игорь Сибирцев применительно к территории Уральского и Семиреченского Войск указывает, что здесь «при власти Советов из русских поселенцев была создана целая крестьянская армия». «Крестьянские армейцы», вооруженные режимом РКП(б), яростно боролись с формированиями белогвардейцев и этнических казаков. Позже, в период коллективизации, русские крестьяне очень сожалели, наверное, о своем былом революционном рвении, поскольку после окончательного решения «казацкого вопроса» с тем же цинизмом и беспощадностью Советский режим повел наступление на экономические интересы и национальное достоинство великорусского народа. См. подробнее: *Симбирцев И.* ВЧК в ленинской России. 1917—1922. – М.: Центрполиграф, 2008. – С. 132.

ИНСТРУКЦИЯ. 5 февраля 1919 г.

На основании приказа Командующего 4-й армией и Уральского Революционного Комитета объявляется для руководства Советов нижеследующая инструкция:

1. Все оставшиеся в рядах казачьей армии после 1 марта объявляются вне закона и подлежат истреблению.

2. Все перебежчики, перешедшие на сторону Красной Армии после 1 марта, подлежат безусловному аресту. Чрезвычайной Комиссии предлагается строжайшим образом расследовать обстоятельства их перехода.

3. Все семьи, оставшихся в рядах казачьей армии после 1 марта, объявляются арестованными и заложниками [N.B.! – Н.Л.].

4. Объявленные заложниками поступают на учет местного Совета; членам указанных семей и их имуществу производится учетная запись.

5. Выезд семьям и их членам, объявленным заложниками, безусловно, воспрещается.

6. Все члены семей, объявленных заложниками, дают во исполнение п.5 подписку.

7. В случае самовольного ухода одной из семей, объявленных заложниками, подлежат расстрелу все семьи, состоящие на учете данного Совета. [N.B.! – Н.Л.].

8. В случае самовольного ухода одного из членов семьи, объявленной заложниками, подлежат расстрелу все члены данной семьи. [N.B.! – Н.Л.].

9. Имущество расстрелянных конфискуется и распределяется среди бедняцкого населения.

10. Выполнение пунктов настоящей инструкции возлагается на сельские и волостные Советы.

11. Право наказания по п.п. 7 и 8 настоящей инструкции принадлежит Чрезвычайной Комиссии.

12. Все сражающиеся против Красной Армии с оружием в руках и перебежчики, перешедшие после 1 марта и освобожденные из-под ареста, лишаются права голоса, находясь на положении деревенской буржуазии.

13. Местным Советам предоставляется право ходатайствовать о возвращении перебежчикам избирательных прав.

С подлинным верно: Управ. Делами Ревкома.

Секретарь Каз.Отд. ВЦИК Ив. Ульянов[88].

ИНСТРУКЦИЯ РЕВВОЕНСОВЕТА ЮЖФРОНТА

«К проведению директивы ЦК РКП(б) о борьбе с контрреволюцией на Дону»

№ 1 г. Козлов 7 февраля 1919 г.

Основная задача всех создаваемых на Дону революционных органов сводится к беспощадному подавлению контрреволюции и к обеспечению Советской Республики от возможности ее повторения.

В этих видах учрежденные приказом Реввоенсовета Южфронта ревкомы и временные полковые военно-полевые трибуналы должны через посредство опроса так называемых иногородних [N.B.! – Н.Л.]***, а так же путем массовых обысков в занимаемых***

[88] ГАРФ. Ф.1235. Оп.84. Д.9. Л.526.

станицах и хуторах, вообще всяких селениях на Дону обнаруживать и немедленно расстреливать:

а) всех без исключения казаков, занимавших служебные должности по выборам или по назначению: окружных и станичных атаманов, их помощников, урядников, судей и проч.;

б) всех без исключения офицеров красновской армии;

в) вообще всех активных деятелей красновской контрреволюции;

е) всех без исключения богатых казаков;

ж) всех, у кого после объявленного срока о сдаче оружия таковое будет найдено;

з) имущество расстрелянных конфискуется и передается в распоряжение ревкомов для удовлетворения потребностей рабочих и малоимущего населения из иногородних [N.B.! – Н.Л.]*;*

и) лица и целые группы казачества, которые активно[го] *в борьбе с Советской властью участия не принимали, но которые внушают большие опасения, подлежат усиленному надзору и в случае необходимости аресту и препровождению вглубь страны по специальным указаниям Реввоенсовета Южного фронта. Имущество таких лиц не конфискуется, а передается во временное распоряжение и пользование ревкома.*

Примечание. Террор против таких групп, прежде всего против среднего казачества, не должен быть, однако, единственным средством нашей борьбы за укрепление советского режима. Одновременно среди среднего казачества должна вестись интенсивная политическая работа, имеющая своей задачей расколоть эту социальную группу и часть ее определенно привлечь на сторону Советской власти [N.B.!. – Н.Л.]*;*

к) наряду с мерами суровой расправы временные революционные органы должны преследовать цель социально-экономического обескровливания верхов и отчасти средних кругов казачества. Политика контрибуций, а также конфискации всех излишков хлеба и других сельскохозяйственных продуктов должна проводиться организованно и планомерно со всей беспощадностью [N.B.! – Н.Л.]*;*

л) переселение малоимущих иногородних на казачьи земли и в их жилища должно начаться немедленно и проводиться как мера революционная, рассчитанная на обессиление казачества и на укрепление элементов, близких Советской Республики [N.B.! – Н.Л.]*. Эта задача не программная, а задача дня, и ревкомы должны приступить к ее осуществлению, не ожидая специальных и подробных указаний, а руководствоваться годичным опытом советской политики;*

м) все перечисленные в настоящей инструкции задачи должны быть осуществляемы ревкомами. Временные полковые военно-полевые трибуналы проводят указанные меры только в момент пребывания частей в тех или иных местностях. Основная задача частей – выполнение непосредственных боевых задач. По мере продвижения вперед все дело уничтожения контрреволюции переходит полностью и целиком к ревкомам.

Революционный военный совет Южного фронта: И. Ходоровский, В. Гиттис, А. Колегаев.

Управляющий делами Реввоенсовета Южного фронта В. Плятт[89]*.*

---

[89] РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.7. Л.8, 8об. Заверенная копия с печатью Политотдела РВС Южного фронта.

Трудно определить – какой из этих документов, регламентирующих варварское уничтожение мирного казацкого населения, более страшен по содержанию. Инструкция Реввоенсовета Южфронта, подписанная еврейским революционером Ходоровским, русским этническим коллаборантом, бывшим царским полковником Гиттисом, сыном русского народовольца Колегаевым, поляком Пляттом выглядит более детальной, непримирима по тональности. Однако Инструкция Управделами Ревкома Восточного фронта обладает, по-видимому, более разрушительным, геноцидальным характером, поскольку **недвусмысленно ставит задачу полного уничтожения казацких семей, объявленных заложниками.** Вывозить казацкое население из степей Южной Сибири, ввиду неразвитости железнодорожных путей было бы слишком накладно для молодой Советской Республики, поэтому признали более рациональным уничтожать людей на месте.

Смысловое сопоставление этих двух документов позволяет выделить общие «родовые» черты, в той или иной степени присущие всем директивам режима РКП(б), преследующим цель организовать или направить в определенное русло процесс уничтожения этнических казаков. Попробуем кратко обозначить эти концептуальные положения документов геноцида, созданных правящим аппаратом Советского государства.

Ставка на демоцид: генеральная линия «казачьей» политики РКП(б). Основная «родовая» черта всех антиказацких директив Советского государства карательного периода 1918–1922 гг. – ставка на демоцид. Директивы ориентировали исполнителей, в зависимости от конкретной ситуации, — добиваться уничтожения казаков либо путем внесудебных массовых расстрелов, либо методом организации этнических чисток – когда «освобожденные» от казаков дома и хутора (в последующие стадии геноцида — уже целые станицы) передавались местным «иногородним» или советским переселенцам из Великороссии. Во многих случаях директивные документы большевиков предписывали организацию массовых депортаций казацкого населения. В геноцидальной эффективности карательных акций советской машины террора не приходится сомневаться: только в полосе ответственности 8-й армии Южфронта, как это явствует из письма председателю Совнаркома казацкого коллаборанта, командарма Ф.К. Миронова, ревтрибуналами было уничтожено не менее 8 тысяч казаков. Отметим, что сохранились документы партийной переписки большевиков, в которых **именно командование 8-й армии** порицалось председателем Донбюро Сырцовым за пассивность данного армейского формирования в содействии органам Советской власти на Дону по исполнению циркуляра Оргбюро РКП(б) о поголовном уничтожении казаков!

Масштабы демоцида казаков станут понятны, если сопоставить число расстрелянных казаков, указанное в письме Филиппа Миронова, с числом безвозвратных потерь всех казацких формирований Российской империи (убитыми и умершими от ран) в годы Великой войны 1914—1918 гг. Согласно данным Ф.К. Миронова, за срок **менее полгода,** на территории **только Войска Донского** и только считая **жертвы в полосе 8-й армии**, – погибло **около 8 тысяч человек**. При этом за срок около **четырех лет** Первой мировой войны безвозвратные потери казачества **всех одиннадцати Казацких Войск империи на всех фронтах** (Северный, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный, Кавказский, Румынский) составили в совокупности **8314 человек убитыми и умершими от ран**. За эти же годы безумной авантюры царя Николая II все казачество страны в целом потеряло на всех фронтах 6453 человека пленными и без вести пропавшими, – **т.е. существенно меньше, чем**

уничтожили красноармейцы одной только 8-й армии РККА и комиссары Донбюро за неполные полгода[90].

Второй характерной особенностью большевистских директив по организации демоцида казаков стала постоянная «забота» Советского государства о полном сокрушении традиционного социально-экономического строя «казацкого мира». Руководители РКП(б) осознавали, что только решительное нивелирование особого экономического уклада и самобытной этносферы казацкого сообщества с окружающей крестьянской средой «иногородних» способно быстро и необратимо превратить казацкий народ в часть русского этносоциума. Вышеприведенные директивы изобилуют весьма жесткими формулировками – «меры, рассчитанные на обессиливание казачества», «расколоть эту (казацкую) социальную группу», «преследовать цель социально-экономического обескровливания казачества». Однако, даже и в самых «мягких» по отношению к казакам концептуальных документах видных деятелей РКП(б) всегда «красным курсивом» выделяется главная цель: уничтожение казаков как самобытной этносоциальной общности.

«В течение первых месяцев существования Советской власти в Донской области, – рекомендовал Оргбюро ЦК казацкий коллаборант, военный комиссар В.А. Трифонов, – ***можно и нужно ограничиться переселением казаков северных округов*** [наиболее этнически русифицированных. – Н.Л.] ***на юг – с уравнением казачьих паев и наделением землей крестьян, уже живущих в донских станицах. <…> Пересадив северян на юг, мы тем самым привлечем на нашу сторону тех, кого переселяют, и те станицы, откуда переселенцы будут взяты, так как их земельный пай соответственно увеличится. Создав, таким образом, определенный кадр «советских казаков», можно будет подумать и относительно дальнейшего «расказачивания» области*** [N.B.! – Н.Л.]. ***К этому вопросу, однако, нужно подходить с должной осторожностью и большим вниманием. Не лампасы и слова «казак», «станица» сделали казака казаком, а их бытие, и нужно обратить сугубое внимание, нужно умелой пропагандой и агитацией вскрыть все темные стороны былого казачества (их очень много) и практикой советского строительства показать светлые стороны новой жизни*** [эвфемистское выражение, означающее советизацию казацкого бытия. – Н.Л.]. ***И тогда казаки перестанут быть казаками*** [N.B.! – Н.Л.]»[91].

Даже в тяжких для Советской России условиях начавшегося в мае 1919 г. наступления войск ВСЮР генерала Деникина, вожди РКП(б) призывали партийных функционеров на землях Присуда «твердо держать курс в основных вопросах» этнополитической аннигиляции казаков.

«Ревком Котельниковского района Донской области, – телеграфировал 3 июня 1919 года В.И. Ленин в РВС Южного фронта, – ***приказом 27 упраздняет название «станица», устанавливая наименование «волость», сообразно с чем делит Котельниковский район на волости. В разных районах области запрещается местной властью носить лампасы и упраздняется слово «казак». В 9-й армии Рогачевым реквизируется огульно у трудового казачества конская упряжь с телегами. Во многих местах области запрещаются местные ярмарки крестьянским обиходом. В станицах назначают комиссарами австрийских военнопленных*** [венгров-мадьяр. – Н.Л.].

---

[90] *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – С. 191.

[91] РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.34. Л.85–89. Подлинник с авторской правкой. Машинописный экземпляр.

Обращаем внимание на необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей, совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население. Держите твердо курс в основных вопросах [N.B.! – Н.Л.] ***и идите навстречу, делайте поблажки в привычных населению архаичных пережитках. Ответьте телеграфно. Предсовнаркома Ленин»***[92].

Третьим и важнейшим концептуальным принципом антиказацких директив Советской власти является постоянное наличие в этих текстах декларативных требований и фактических законоположений в пользу русского «иногороднего» населения. Документы, подписанные в период 1918–1922 гг., ходоровскими и пляттами оказывались, подчас, очень «великорусскими» по фактически заложенному в них содержанию. В них последовательно проводилась идея о принципиальной важности многократного увеличения инонационального (переселенческого) контингента на землях Казацкого Присуда. Достигнуть этой цели предлагалось не только за счет массового уничтожения казацкого населения, но, прежде всего, — за счет поголовной депортации казаков всех непримиримо настроенных станиц на север и азиатский восток России. Очищенные от этнических казаков земли Присуда должны были последовательно заселяться политически безропотным и социально нетребовательным великорусским крестьянством.

В начале февраля 1919 года, в апогее мощных ударов РККА по рухнувшему фронту Донской армии Реввоенсовет Южного фронта запрашивал политическое руководство Советской России о судьбе тысяч донских казаков, попавших в плен. Безусловный, казалось тогда, успех в борьбе с казачеством кружил головы красных командиров Южфронта, и они не столько запрашивали большевистский Центр об указаниях насчет пленных, сколько предлагали немедленно приступить к «полному изъятию» (на большевистском сленге это означало арест с последующим расстрелом или депортацией) казацкого населения Дона.

Записка по прямому проводу Реввоенсовета Южного фронта в Центр о судьбе пленных казаков

09.02.1919

№ 1241

г. Козлов

Москва, Кремль – Предреввоенсовета Республики Троцкому, Серпухов – Главкому Вацетису. Москва – Совет обороны Ленину.

Реввоенсовет Южфронта просит безотлагательно разрешить вопрос о порядке направления пленных казаков в тыл, указав пункты. По нескольку тысяч таких пленных в армиях фронта дальше содержаться не могут, грозя распространением эпидемии и требуя охраны, размещения, обмундирования. Не имея точных указаний о пунктах сосредоточения пленных в глубоком тылу, Реввоенсовет лишен возможности организовать отправления. Необходимы концентрационные лагеря с полным изъятием казачьего элемента из пределов Донской области и полосы фронта [N.B.! – Н.Л.].

Реввоенсовет Южфронта: Гиттис, Ходоровский.

Управдел В. Плятт[93].

---

[92] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.50. – С. 387.

[93] РГВА. Ф.33987. Оп.1. Д.95. Л.68. Телеграфный бланк.

Упорное стремление поскорее выселить казаков с родовых земель Присуда обнаруживали буквально все известные деятели РКП(б), за исключением, быть может, только казацких этнических коллаборантов, реальное политическое влияние которых было ничтожным. Даже такой редкий в среде высшего партийного руководства РКП(б) «голубь», каковым являлся Григорий Сокольников (Гирш Бриллиант), и тот грезил массовым выселением казаков с Дона и концлагерями для них. Пребывая на важной должности представителя ЦК партии в Реввоенсовете Южного фронта, Г.Я. Сокольников направил 10 февраля 1919 года следующую телеграмму в Кремль.

Москва, ЦК коммунистов Ленину, Свердлову.
Копия: Троцкому.
Директива ЦК [24.01.1919 о поголовном уничтожении казаков. – Н.Л.] ***нуждается дополнением, учитывающим необычайное обострение*** [между] ***стариками и молодыми*** [т.е. между более пожилой и молодой частью казацкого общества. – Н.Л.]***. Необходимо удалить*** [с территории Дона] ***старшие года – для чего провести их трудовую мобилизацию для общественных работ, примерно использовать для подмосковного угольного района, постройки железных дорог, разработки торфа, сланца.*** [Для] ***этой цели нужно приступить постройке оборудования концентрационных лагерей***[94].

Фактическая недоступность для исследователей ведомственных архивов ФСБ Росфедерации – основных документохранилищ по проблематике геноцида казаков – не позволяет детализировать с необходимой тщательностью общую картину политики геноцида казаков, которую методично осуществляло Советское государство в 1918–1933 гг. Например, непонятно – что являлось первичным в процедуре принятия геноцидальных решений руководством РКП(б): прямые наказы «иногородних», подогреваемых алчным желанием «черного передела» казацкой земли, или же упорное давление антиказацкого лобби, которое сформировалось на Юге России из фанатичных, на онтологическом уровне ненавидящих казачество партийных эмиссаров РКП(б)? Скорее всего, эти два центра стимулирования политики демоцида взаимно дополняли друг друга, создавая эффект террористической синергии в решениях большевистского руководства. Вместе с тем, в текстах некоторых сообщений Донбюро ЦК очень четко просматривается, что превентивные акты террора часто осуществлялись «иногородними» переселенцами по собственной инициативе, или даже вопреки официальной позиции Советской власти.

«Ненависть против казаков, – информировал Центральный комитет партии 21 апреля 1921 г. председатель Донбюро Сергей Сырцов, – ***на которых крестьяне привыкли смотреть как на классовых врагов, теперь только находит свое выражение. Попытки, бывшие до этого, для крестьянства оказывались печальными: казаки, поддерживаемые своим войсковым правительством, оказывались сильнее. Победы Красной Армии вдохнули уверенность в крестьян, и они начинают расправу с казачеством*** [N.B.! – Н.Л.]. ***Крестьяне прилегающих к району восстания станиц и деревень*** [речь идет о Вёшенском восстании казаков. – Н.Л.], ***зная, что в случае победы повстанцев им***

[94] РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.53. Л.54.

придется круто, в тех местах, где они составляют значительный процент по сравнению с казачеством, подымают по собственной инициативе антиказачье движение. Революционные комитеты, под влиянием требований крестьян переименовывают станицы и хутора в волости и деревни (это, может быть, на первый взгляд и мелочь, но для казачества, так дорожащего своими традициями и бытовыми особенностями, не остается иллюзий: начинается «расказачивание» казачества, – то, чего оно так боялось). Заложники- казаки прилегающих к району восстания станиц, взятые карательными отрядами [РККА. – Н.Л.] ***и переданные волостным ревкомам, крестьянами перебиты*** [N.B.! – Н.Л.]»[95].

Большевистский Кремль оперативно поддерживал все инициативы демоцида казацкого населения, которые исходили от «местного населения» Юга России и внешне никак не были связаны с административным аппаратом Советской власти. Например, уже через несколько дней после получения вышеприведенного сообщения Сырцова о жуткой резне казаков-заложников, Совнарком принял решение — резко увеличить численность «иногороднего» элемента на донской земле за счет переселенцев из Великороссии. 24 апреля 1919 г. Совнарком утвердил Постановление Народного Комиссариата Земледелия «Об организации переселения в производящие губернии и Донскую область». Ввиду исключительной важности этого документа как прямого доказательства не только политики демоцида, но осознанного этноцида казацкого народа, осуществляемого Советским государством, приведем текст данного Постановления полностью.

Постановление Народного Комиссариата Земледелия
«Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область»

В целях облегчения тяжелого продовольственного положения крестьянского и рабочего населения северных губерний Республики и организации сельского хозяйства в местностях, пострадавших от восстания белогвардейцев, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Поручить Народному Комиссару Земледелия в срочном порядке организовать перевозку наиболее нуждающегося в продовольствии крестьянского и рабочего населения северных губерний Республики в южные, производящие губернии и в Донскую область, как в целях предоставления населению временных заработков в организуемых советских хозяйствах, так и в целях его постоянного устройства в названной области.

2. Для согласования деятельности заинтересованных в планомерном осуществлении указанных в п.1 сего декрета мероприятий образовать при Народном Комиссариате Земледелия междуведомственную комиссию из представителей комиссариатов: Военного, Путей Сообщения, Высшего Совета Народного Хозяйства, Продовольствия, Здравоохранения, Внутренних Дел, Земледелия и Центральной Коллегии о пленных и беженцах.

3. Разрешить издавать Народному Комиссариату Земледелия, по соглашению с заинтересованными ведомствами, правила и инструкции, регулирующие порядок перевозки, заведывания пунктами и устройство переселенцев на местах.

---

[95] РГАСПИ. Оп.6. Д.83. Л.4.

4. Отпустить в распоряжение Народного Комиссариата Земледелия на расходы по перевозке и устройству переселенцев сверхсметный кредит в сумме десяти миллионов рублей.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).
Народный Комиссар Земледелия Середа.
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич[96].

«Переселенческий» декрет Совнаркома поражает своим цинизмом. Во-первых, в нем ничего не говорится о том, — на какие именно земли Советский режим планировал переселить «нуждающихся в продовольствии» великорусских крестьян и рабочих. Свободных земель на территории Войска Донского, как мы уже знаем, практически не было. Казаки верхнедонских округов, не говоря уже о местных «иногородних», еще в период существования Российской империи очень сильно страдали от малоземелья. Значительные земельные наделы, принадлежащие этническим казакам и донским калмыкам, имелись в южных округах Войска Донского. Однако эту землю предварительно нужно было отнять у владельцев. В апреле 1919 г. насильственные земельные реквизии в южных округах ВВД были невозможны, поскольку эта территория еще контролировалась не разгромленными Вооруженными силами Юга России генерала Деникина. **Следовательно, режим РКП(б) планировал заселить великорусской беднотой именно северные округа Войска Донского – предварительно уничтожив или согнав с этих земель коренное казацкое население.**

Ничтожная сумма в десять миллионов обесцененных инфляцией советских рублей выглядит просто издевательством над здравым смыслом – в том случае, если вести речь о планомерном, добровольном переселении крестьян за государственный счет. В обстановке революционной разрухи на столь незначительные финансовые средства было невозможно построить жилье для переселенцев, купить для них сельскохозяйственный инвентарь, посевной материал, тягловый и рогатый скот. Этих денег, наверное, могло бы хватить только на прокорм солдат переселенческих конвоев, да еще, возможно, на топливо для паровозных топок. Понятно, что весь сельскохозяйственный инвентарь, скот и семенное зерно планировалось получить на месте – за счет тотального разграбления казацких усадеб. В этих же усадьбах и планировалось, очевидно, поселить крестьянскую бедноту из северных и центральных губерний России – предварительно уничтожив или согнав в концентрационные лагеря подлинных хозяев казацких куреней. Переселенческий план Совнаркома, разработанный в целях усиления на землях Присуда этносоциальной базы режима РКП(б), в 1919 году удалось реализовать только частично – помешало мощное Вёшенское восстание казаков, вскоре поддержанное наступлением формирований ВСЮР генерала Деникина. Большевики вернулись к политике массового заселения выбитых или депортированных казацких станиц послушным любой тоталитарной власти великорусским крестьянством позднее – уже после окончательного разгрома казаков в так называемой Гражданской войне.

Однако некоторый и, видимо, в численном отношении — немалый контингент крестьянских переселенцев Народный Комиссариат Земледелия, понукаемый настойчивыми записками В.И. Ленина, все же успел перебросить из Великороссии в Область Войска

[96] Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 26 апреля 1919 г. № 88.

Донского уже весной 1919 года. Во второй половине апреля на Дон прибыла первая партия переселенцев – свыше 700 душ мужского пола (большевики считали крестьян точно так же, как ранее русские помещики, – только взрослых мужчин), вместе с семьями, из Олонецкой, Тверской и Череповецкой губерний. В конце этого месяца председатель продовольственной комиссии Южного фронта А.Л. Колегаев[97] жестко потребовал от районных ревкомов Донской области **«уплотнить казацкое население хуторов и станиц»** таким образом, чтобы **две трети** (N.B.!) земельного и жилищного фондов можно было предоставить русским переселенцам. Колегаев настаивал на максимально быстром решении вопроса с «уплотнением казаков» неслучайно. В мае 1919 г., всего за несколько дней до того, как мощный удар казацкой конницы ВСЮР прорвал фронт 9-й армии РККА, Владимир Ленин отправил очередную «побудительную» телеграмму в Гражданупр. Председатель Совнаркома предписывал принять срочные меры к расселению в казацких станицах Верхнего Дона еще 20 тысяч русских переселенцев, которые уже были посажены в эшелоны на севере.

Преступное решение — попытка организовать в завуалированной форме этническую чистку казаков — привела в итоге к самым тяжким последствиям. Об этом свидетельствует телеграмма от 7 июня 1919 года члена Реввоенсовета 9-й армии И.И. Ходоровского.

«Несмотря на трагедию, переживаемую фронтом и в частности 9-й армией, — гневно информирует секретариат ЦК Иосиф Ходоровский, — ***Гражданупр упорно направляет переселенцев в Донскую область.*** <…> ***В данный момент, когда армия отступает, сопровождаемая на своем пути толпами беженцев*** [русские «иногородние» уходили на север вместе с союзной Красной Армией. — Н.Л.] ***направлять переселенцев на Дон, — значит не только до последней степени расстраивать железные дороги, в которых так нуждается отходящая армия, но и обрекать переселенцев на поголовное истребление казаками и калмыками»***[98].

Политика этноцида в виде этнических чисток («уплотнений») казаков Дона с последующим размыванием оставшихся семей «народа-помещика» в инонациональном переселенческом потоке была, таким образом, вдвойне преступна. **Переселенческие инициативы Совнаркома являлись де-факто механизмом уничтожения коренного казацкого населения Присуда. Не менее трагичной оказалась судьба безропотных великорусских крестьян, которых загнала в переселенческие эшелоны отчаянная нужда и приклады конвоиров.** Весной 1919 г. новая донская «родина» встретила этих людей не тучной пахотой черноземов и даровыми казацкими куренями, а смертельным ударом шашки ограбленного, отчаявшегося, готового воевать со всем миром станичника.

К середине 1919 года политика уничтожения казаков как народа начинает приобретать безальтернативный характер. Определенное представление о непримиримо враждебном по отношению ко всему казацкому внутрипартийном климате РКП(б) дают некоторые

---

[97] *Колегаев Андрей Лукич* (22.03.1887 — 23.03.1937) – профессиональный революционер, член Учредительного собрания, народный комиссар земледелия РСФСР (1917-1918), член РВС Южного фронта. Родился в русской семье ссыльного народовольца. В 1906 г. поступил в Харьковский университет, из которого вскоре был исключен за политическую деятельность. После одного года тюрьмы, в 1909 г. был выслан за границу. В РКП(б) перешел из Партии левых социалистов-революционеров. В отношении казацкого населения стремился проводить крайне жесткую, антигуманную политику. В 1935 г. Колегаева арестовали, а в 1937 году расстреляли, как троцкиста. В период «оттепели» Хрущева закоренелый палач казацкого народа был реабилитирован.

[98] Цит. по: *Генис В.Л.* Расказачивание в Советской России// Вопросы истории. 1994. № 1. — С. 54.

формулировки из доклада казацкого коллаборанта, военкома Особого экспедиционного корпуса В.А. Трифонова. Этот доклад был направлен 10 июня 1919 года в Оргбюро ЦК РКП(б) и содержал принципиальную критику массового демоцида казаков, осуществляемого Донбюро Сергея Сырцова.

Отметим, что Валентин Трифонов не являлся, конечно же, ни казацким националистом, ни, по большому счету, патриотом Донской области. Длительное, с юношеских лет, пребывание в русской рабочей среде, а затем профессиональная революционная деятельность превратили этнического казака В.А. Трифонова в подлинного интернационалиста. Страшное революционное лихолетье, растоптавшее древнюю культуру казаков, он воспринимал как несомненное благо, как необходимый этап на пути к «светлому будущему» для всех трудящихся. Вместе с тем, даже в обстановке тотального революционного произвола этот старый большевик не превратился в зверя в человеческом образе, подобно Сергею Сырцову или Алексею Белобородову. Из анализа эпистолярного наследия Валентина Трифонова можно сделать вывод, что он искренне разделял социалистические идеи, стремился быть профессиональным и даже гуманным посланцем партии. Тем примечательнее, что в своем докладе в Оргбюро ЦК В.А. Трифонов с различной степенью остроты расставляет акценты, характеризующие человеческие жертвы русского и казацкого народов. Например, упоминая о брошенных 9-й армией РККА на произвол судьбы русских переселенцах, которых затем «казаки просто вырезали», военный комиссар Трифонов неподдельно негодует, справедливо считая страшный результат переселенческой авантюры ***«величайшим преступлением»***. В этом же документе гибель казаков, уничтоженных в соответствии с печально знаменитой январской директивой Оргбюро ЦК, характеризуется Трифоновым весьма сдержанно, едва ли не саркастически.

«Насколько действителен был террор [против казаков. — Н.Л.], — подчеркивает военком Особого корпуса, — ***видно из доклада Сырцова, где он сообщает, что в Вешенском районе были расстреляны 600 человек. Если к этому прибавить, что остальные ревкомы*** [Верхнего Дона] ***нисколько не отставали от Вешенского и что в помещении Морозовского ревкома были обнаружены 65 <u>изуродованных</u>*** [подчеркнуто В.А. Трифоновым. — Н.Л.] ***казачьих трупов — не успели похоронить, — то картина террора, проводимого в области партийным бюро и Граждупром, получится импозантная, во всяком случае*** [N.B.! — Н.Л.]***»***[99] .

Итак, если речь идет о загубленных русских переселенцах, то это, по мнению старого большевика Трифонова, — «величайшее преступление», а если упоминаются сотни безвинно уничтоженных на своей же земле казаков, это — «импозантная картина». К сожалению, подобная античеловеческая, двойная «мораль», возникшая в годы Гражданской войны, далеко не полностью изжита даже в современной российской историографии.

Некоторые современные адвокаты большевизма от науки стараются, из книги в книгу, представить политику Советского государства на землях Казацкого Присуда как ситуационный, вынужденный революционной обстановкой эксцесс. Утверждается, ничтоже сумняшеся, что в России после Февральского переворота вообще не имелось никакого реалистичного социально-экономического проекта. Поэтому, ввиду полного интеллектуального

[99] РГАПСИ. Ф.17. Оп.65. Д.34. Л.85–89. Подлинник с авторской правкой. Машинописный экземпляр.

инфантилизма постимперской элиты, все лучшие силы страны сплотились под красным знаменем Интернационала, древко которого крепко удерживал непогрешимый Ленин.

«Исход Гражданской войны, как и ее начало, — утверждает последовательный апологет большевизма С.Г. Кара-Мурза, — предопределили объективные, «массивные» факторы, которые даже воспринимались современниками как **стихийные** [*выделено автором. — Н.Л.*]. Советский проект был в главных своих чертах выработан в сознании крестьянства за время после реформы 1861 года и совершенно определенно изложен во всех его главных срезах в наказах и приговорах 1905–1907 гг. Затем он был дополнен «сознательными рабочими», сохранившими общинное мироощущение, и четко выявился в период между Февралем и Октябрем 1917 г. в деятельности Советов и рабочего самоуправления. Научный социализм, развитый в приложении к России интеллигенцией самых разных политических оттенков, привнес в Советский проект идею модернизации и развития. В этом проекте вполне ясно просматривались главные черты будущего жизнеустройства»[100].

Представим на мгновение, что данное суждение Сергея Кара-Мурзы полностью соответствует исторической истине, и что, действительно, ничего по-настоящему «доброго—вечного» на землях Великороссии после Февраля 1917 года, кроме большевистской теории и практики, не нашлось. В конечном счете, — кто может возражать, чтобы страна великорусского народа строила свое «светлое будущее», применяя для успеха Советского проекта услуги «интеллигенции самых разных политических оттенков»? Однако какое отношение поиски панацеи Советского проекта имеют к казацкому народу, к его традиционному мировоззрению, к его национальной культуре и общественной морали?

Казацкий народ не участвовал в реформе «освобождения крестьян» 1861 г., хотя за счет массового переселения на земли Присуда обездоленной этой реформой великорусской и украинской бедноты, фактически стал основной жертвой крестьянской политики Александра II. Казацкие делегаты не принимали участия в составлении «наказов и приговоров» крестьян в 1905–1907 гг., а традиционное мироустройство казацкого сообщества до поры счастливо избежало массированного интернационалистского прессинга «сознательных рабочих, сохранивших общинное мироощущение». Какое же моральное право имел, в таком случае, режим РКП(б) нести специфический, признаваемый как благо только великорусскими крестьянами и рабочими Советский проект на штыках красноармейцев (т.е. все тех же отмобилизованных рабочих и крестьян Великороссии), — на земли совершенно иного в генетическом и культурном отношении народа?

Вряд ли следует специально доказывать, что непременным условием для успеха интернационального Советского проекта на землях Казацких Войск могла стать только длительная оккупация Присуда вооруженными силами Советского государства. Также очевидно, что оккупация и восстание против оккупантов проявляются в истории человечества как единый, в историософском и этнополитическом смыслах, процесс. Именно объективный фактор — оккупация и неизбежная национально-освободительная борьба с ней предопределили появление второго, обязательного элемента Советской системы на землях Присуда: жестокого и широчайшего (т.е. распространяемого на все слои казацкого сообщества), весьма часто — превентивного государственного террора. Командующий войсками Южного фронта РККА

[100] *Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война в России. — М.: Алгоритм, 2014. — С. 297.

(с октября 1919 г.) А.Е. Егоров в своем военном трактате так характеризовал отношение казаков к пребыванию на их землях Красной Армии: ***«Положение красных в Донской области было вполне аналогично нахождению во вражеской неприятельской стране: чем дальше шло продвижение, тем большую озлобленность и отпор вызывало оно со стороны казачества»***[101]. Нетрудно догадаться, что практические действия красноармейцев по принуждению ненавидящего их коренного казацкого населения к проявлению внешней лояльности полностью отвечали ситуации пребывания РККА во «вражеской неприятельской стране»…

Подобную же оценку казакам, как народу органически чуждому и враждебному Советскому проекту, давал и еврейский интеллектуал, помощник начальника Политического отдела Южного фронта Исаак Рейнгольд[102]. В обстоятельном письме В.И. Ленину (июль 1919 г.), предлагая свою программу действий против казаков, И.И. Рейнгольд отмечал: ***«Бесспорно, принципиальный взгляд на казаков, как на элемент чуждый коммунизму и советской идее, правильный. Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо рано или поздно уничтожить, просто истребить физически*** [N.B.! – Н.Л.]***, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и всякое заигрывание с казачеством; ни на минуту нельзя забывать, упускать из виду того обстоятельства, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица — вооруженный лагерь, каждый хутор — крепость»***[103].

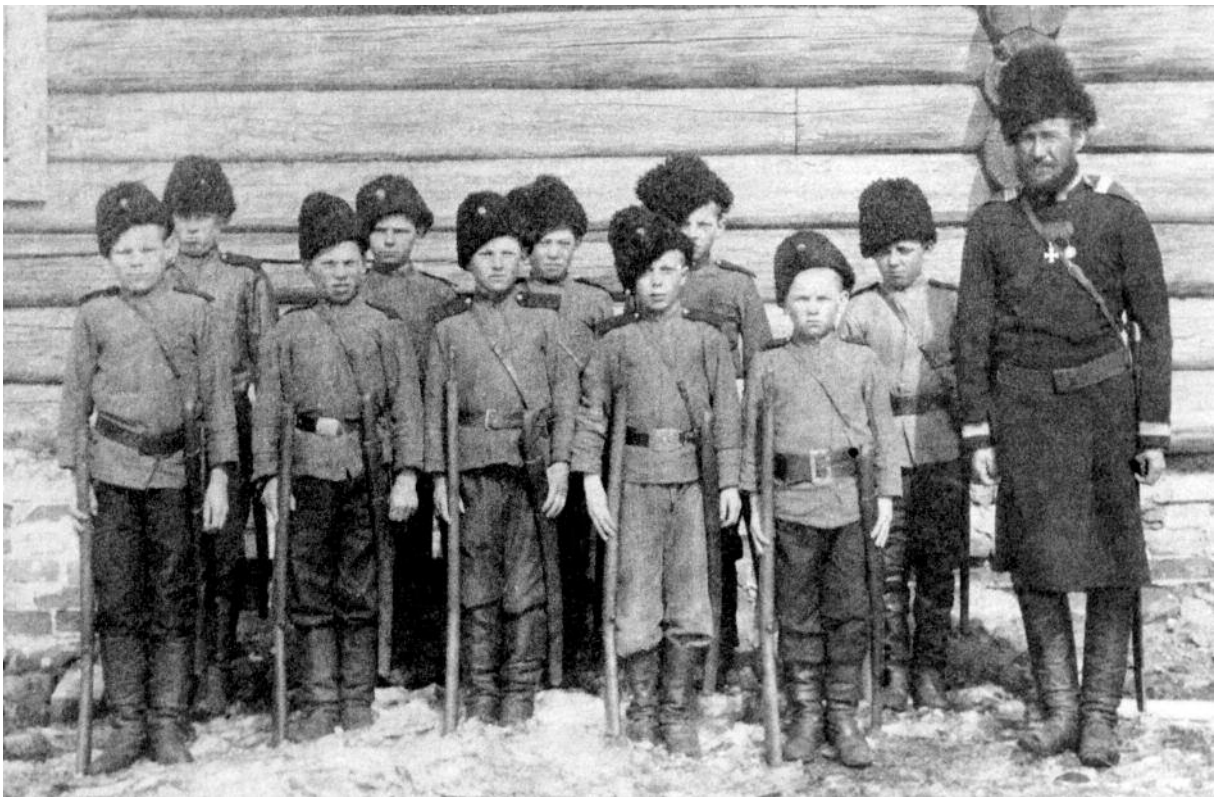
В отличие от своих фанатичных партийных соратников, типа Сергея Сырцова или Алексея Белобородова, изощренный, стратегически мыслящий Исаак Рейнгольд предвидел значительный ущерб для Советского государства при попытке разом втащить все казацкое сообщество в «мясорубку» советской карательной машины. И.И. Рейнгольд с полным основанием полагал, что ***«политика массового истребления без всякого разбора приведет к тому, что мы с Доном никогда не справимся, а если справимся, то после кровавой и упорной борьбы»***. Идеолог Политотдела Южного фронта взамен лобовой схватки с казачеством предлагал более изощренную, до поры завуалированную политику. Разумеется, это было вынужденным, тактическим «миролюбием». Решение «казацкого вопроса» по Рейнгольду должно было завершиться единственно приемлемым для режима РКП(б) этноцидальным результатом — полным уничтожением казацкого этнополитического фактора на Юге России. Важно подчеркнуть, что поскольку указанное письмо адресовалось лично В.И. Ленину и не предполагалось, что оно будет когда-то озвучено в широкой аудитории, Исаак Рейнгольд решительно отбрасывает в своем послании маскировочные ссылки на «казачью сословность», «трудовое казачество» и прочие пропагандистские штампы. Везде по тексту

---

[101] *Егоров А.И.* Разгром Деникина 1919 г. — М.: АСТ; СПб: Terra Fantastika. 2003. — С. 53.

[102] *Рейнгольд Исаак Исаевич (Иссеевич)*, (1895 – 25.08.1936). Родился в еврейской семье в местечке Грозово, Слуцкого уезда Минской губернии. Проходил обучение в Петербургском университете (до 1917 г.), затем окончил 2 курса Донского университета. Член РСДРП(б) с марта 1917 г. Член Центрального бюро КП(б) Белоруссии — с декабря 1918 г. Один из инициаторов проекта создания Белорусско-Еврейской республики. С 1919 г. член Донского областного ревкома, по совместительству — помощник начальника Политотдела Южного фронта. В 1920 г. — помощник начальника Политотдела Западного фронта. До 1924 г. — заместитель председателя Правления Всероссийского угольного синдиката (курировал каменноугольный район Донбасса). Впоследствии занимал видные хозяйственные должности. Арестован в апреле 1936 г., в августе 1936 г. расстрелян, как троцкист.

[103] РГАСПИ. Ф.5. Оп.2. Д.106. Л.75.



Строевые занятия казачат-школьников. Сибирское Казачье Войско. 1910 г. ***(Архив В.В. Исаева)***

— прямо и четко — большевистский идеолог называет казаков народом, а все свои предложения ориентирует на разрушение именно этнической основы казацкого народа.

Не имеет смысла, по-видимому, детально обсуждать конкретные этнополитические и структурные инициативы, которые предлагал Рейнгольд, чтобы разрушить «старый казачий быт руками самих казаков». Существенно важнее, в данном случае, осознать, что и «мягкая» форма аннигиляции казацкого народа в великорусской крестьянской среде, предлагаемая И.И. Рейнгольдом и А.А. Френкелем, и массовый кровавый террор, осуществляемый на практике палачами С.И. Сырцовым и А.Г. Белобородовым, фактически преследовали одну и ту же цель. Антиславянский режим РКП(б) ставил перед своими функционерами единственную задачу — добиться ликвидации этнополитической и экономической субъектности казаков. Программа постепенного этноцида казаков, разработанная Политотделом Южного фронта, отличалась от программы прямого демоцида сырцовского Донбюро только перечнем конкретных мероприятий и сроками достижения главной цели. Однако итоговый результат этих программ оставался тождественным во всех деталях — не только казацкий народ, но и казачество, как более широкий этносоциальный феномен, должны были исчезнуть с политической карты Советской России навсегда.

Данный вывод не является, конечно же, неким откровением для специалистов-историков: даже при минимальном ознакомлении с историческими источниками по проблеме так называемого «расказачивания» прийти к иному умозаключению просто невозможно. С научной точки зрения необъяснимой выглядит позиция некоторых исследователей, которые на основе единичных, вырванных из исторического контекста документов пытаются доказать, что политику «расказачивания» большевики остановили, якобы, на «грани геноцида», а

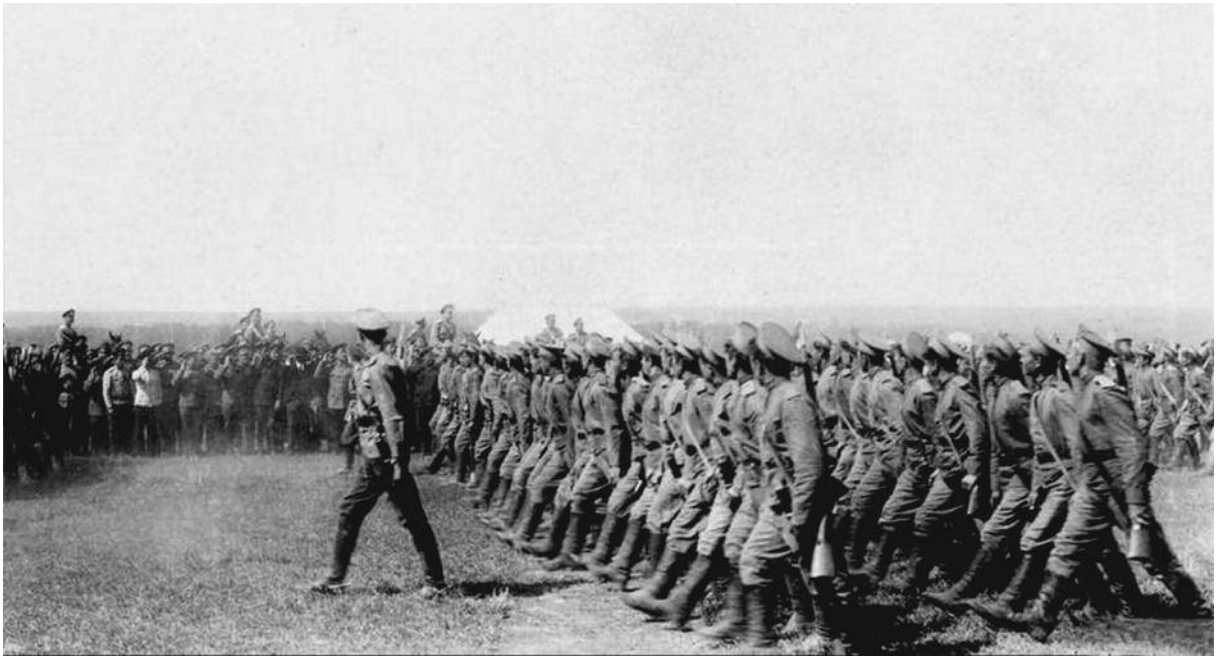
потому самого события геноцида не произошло. Например, ростовский исследователь С.А. Кислицын — апологет деятельности Сергея Сырцова — разъясняет на этот счет так: «Политика террористического расказачивания была официально приостановлена через два месяца и уничтожения большей части «мирного» казачества как субэтноса ни на Дону, ни на Урале, ни в других местах не произошло». При этом историк отчего-то забывает: **оккупационный режим РКП(б) только в 1918 году (т.е. еще до выхода циркуляра Оргбюро ЦК от 24.01.1919) на землях одного лишь Уральского Войска полностью уничтожил одиннадцать казацких станиц.** Массовый жесточайший демоцид казацкого населения, осуществленный административно-карательной машиной Советского режима в 1918—1922 гг. повсеместно на землях Войск, невозможно расценить как «остановку на грани геноцида»…

Миф о «приостановке» действия январской 1919 г. директивы Оргбюро ЦК о «поголовном истреблении». Для доказательства неожиданно проснувшегося гуманизма политической верхушки РКП(б) часто используется решение Пленума ЦК большевиков от 16 марта 1919 года — о приостановке действия циркуляра Оргбюро ЦК в части массового террора против казачества. Действительно, Пленум ЦК отменил наиболее одиозные, частные решения ВЦИК и Донбюро: полковые ревтрибуналы, конфискацию у казаков кавалерийских седел, безвозмездную конфискацию для нужд крестьянских переселенцев и РККА лошадей, конных повозок и т.п. Считается, что данное «миролюбивое» решение Пленум принял после доклада эмиссара ЦК на Юге России Григория Сокольникова, который в отношении политики террора на общем фоне кремешников, подобных Алексею Белобородову, выглядел, бесспорно, «голубем». Однако, подлинный мотив неожиданной умеренности политической верхушки РКП(б) лежит совершенно в иной плоскости: лидеры Советского режима были шокированы успехом всеобщего национального восстания казаков на Верхнем Дону. Весьма симптоматично, что Пленум ЦК не осудил и не отменил, а именно «приостановил» действие террористического циркуляра Оргбюро ЦК от 24.01.1919 г. Здесь мы можем наблюдать, конечно, убедительную иллюстрацию «оговорки по Фрейду» — большевикам очень хотелось бы **продолжить** политику демоцида, но, увы, неодолимая сила внешних обстоятельств вынуждала государственный террор временно **приостановить**.

«Приостановить» геноцид пришлось, поскольку огнем яростного, беззаветного восстания — победить или умереть — в начале марта 1919 года полыхнул весь Верхний Дон. Очевидец этих событий, уроженец станицы Казанской Яков Назаров позднее вспоминал: *«После расправы с большевиками* [в станицах Мигулинской, Казанской и Еланской. — Н.Л.] *была объявлена мобилизация. Все казаки в возрасте от 15 до 70 лет должны были стать под ружье. Все способные носить оружие, как один, пришли на мобилизацию. Началось формирование сотен. Были сотни пешие и конные. Пеших сотен было вдвое больше, чем конных. Общая численность всех восставших доходила до 3500 человек. У большинства не было никакого оружия»*[104].

Отчего безусые юноши и седобородые старики в едином порыве фактически без оружия вставали в строй, не является секретом. За неполные два месяца оккупационного режима Советского государства жизнь на родной земле стала для верхнедонских казаков сущим

[104] *Назаров Я.* Восстание в Верхне-Донском округе Донской области// Белая Гвардия. № 6. Антибольшевистское повстанческое движение. — М.: Посев, 2002. — С. 174.



Ответом на зверства «красного террора» стала всеобщая мобилизация мужчин-казаков Войска Донского. Казацкая пехота Донской армии. Май 1919 г.

адом. Методы, которые использовали большевики для воплощения Советского проекта на оккупированных землях казаков, ужасают. По масштабу кровавой гекатомбы жертв мирного населения с катастрофой казацкого народа можно сопоставить, наверное, только Холокост евреев на оккупированных нацистами территориях Восточной Европы. Полуночные обыски, официальные реквизии РККА, бандитские налеты пьяных ревкомовцев, изнасилования казачек, публичные издевательства над стариками, постоянное расширение списков тех, кого наметили арестовать, а значит расстрелять, — такого адского калейдоскопа не видел Казацкий Присуд со времен карательного рейда войск князя Долгорукого (1708 г.).

Невозможно без душевного содрогания читать письмо председателя Казанского станичного Совета[105] А.Ф. Сытина, написанное весной 1919 года и адресованное казакам нижнедонских станиц, еще не оккупированных Красной Армией.

«*Дорогие братья, спешите к нам!* — отчаянно взывал о военной помощи атаман Сытин. — *Просите своих командиров, Большой Окружной Круг, отца атамана — пусть снабдят нас боевыми средствами. Прорвите фронт предателей — вампиров — грабителей большевиков и бегите к нам на помощь! Спасите нас. Мы оборванные, холодные, голодные влачим свое несчастное существование по оврагам, буеракам, на островах Донского поля. Коммунисты забрали у нас все — хлеб, птицу, скот. Сожгли наши хутора* [N.B.! — Н.Л.]. *Мы задыхаемся в дыму, который застилает наши поля, к тому же тиф свирепствует вовсю и добивает нас окончательно. Спешите же, не то многих, многих своих родных не досчитаетесь вы. К примеру, скажу, в хутору Варваринском осталось 9 дворов, остальные сожжены. Сожжены также все 46 хуторов нашей станицы, лежащие на правом берегу Дона. Кланяются вам ваши отцы и матери, жены и*

[105] Так пришлось станичникам Казанской, в угоду большевикам, исковеркать традиционное наименование выборной административной должности «станичный атаман».

дети, но, к прискорбию, не все — многие из них зарублены, расстреляны или заперты в домах и сожжены».

Существовала и еще одна важная причина для решения Пленума ЦК РКП(б) о формальной «приостановке» применения террористического циркуляра Оргбюро ЦК от 24 января 1919 года. Дело в том, что в связи с Вёшенским восстанием казаков стало физически невозможно осуществлять акции демоцида ограниченными силами станичных, окружных и даже полковых ревтрибуналов. Для проведения даже локальных акций государственного террора volens-nolens приходилось применять вооруженные формирования РККА, причем в самых широких масштабах. Национальное восстание верхнедонских казаков сделало неактуальной для режима РКП(б) циничную «мелочевку»: реквизии кавалерийских седел и повозок, переименование станиц в волости, а хуторов в деревни. Верхний Дон полыхал в огне массовой национальной войны, и речь шла уже не о мелочах, а о важнейшей стратегической задаче — сохранении военно-политического присутствия Советского государства на Юге России. Обеспечить такое присутствие для большевистского Кремля могла лишь Красная Армия, и вряд ли является простым совпадением одновременное (в один и тот же день — 16 марта 1919 г.) появление двух, внешне взаимоисключающих решений по «казацкому вопросу». В этот день Пленум ЦК РКП(б) «приостановил» действие карательного циркуляра Оргбюро ЦК, а Реввоенсовет Южного фронта, напротив, издал более чем варварскую, демонстративно карательную директиву — «О мерах по подавлению восстания».

Директива Реввоенсовета Южного фронта о мерах по подавлению восстания
16. 03. 1919 г. 1 час 35 мин.
Весьма секретно
Реввоенсоветам 8-й, 9-й, 10-й армий
Предлагаю к неуклонному исполнению следующее: напрячь все усилия к быстрейшей ликвидации возникших беспорядков путем сосредоточения максимума сил для подавления восстания и путем применения самых суровых мер по отношению к зачинщикам-хуторам:

а) сожжение восставших хуторов;

б) беспощадные расстрелы всех без исключения лиц, принимавших прямое или косвенное участие в восстании;

в) расстрелы через 5 или 10 человек взрослого мужского населения восставших хуторов;

г) массовое взятие заложников из соседних к восставшим хуторам [N.B.! – Н.Л.]***;***

д) широкое оповещение населения хуторов, станиц и т.д. о том, что все станицы и хутора, замеченные в оказании помощи восставшим, будут подвергаться беспощадному истреблению всего взрослого мужского населения и предаваться сожжению при первом случае обнаружения помощи; примерное проведение карательных мер с широким о том оповещением населения.

О всех принятых и принимаемых мерах точно информировать Реввоенсовет Южфронта.

Член реввоенсовета А. Колегаев[106]***.***

[106] РГВА. Ф.100. Оп.3. Д.100 Л.17–18. Телеграфная лента.

Если сравнить текст директивы Реввоенсовета Южфронта с террористическим циркуляром Оргбюро от 24.01.1919 г. легко убедиться, что это, по смыслу, один и тот же документ. **Директивная сущность его — организация широчайшего по размаху, причем внесудебного уничтожения казаков.** Отметим, что лидеры режима РКП(б) обладали, в отличие от инфантильных ретроградов штаба Деникина, широким политическим кругозором, умело и с удовольствием организовывали пропагандистские импровизации. Это может показаться парадоксальным, но именно Вёшенское восстание казаков позволило вождям РКП(б) с пафосом продемонстрировать собственное «миролюбие». В некоторых аспектах пропагандистский трюк с отменой расстрельного циркуляра Оргбюро ЦК, бесспорно, имел смысл. Решение апрельского Пленума ЦК, якобы остановившее «поголовное уничтожение казаков», могло произвести благоприятное впечатление на уставших от бесконечной вооруженной борьбы станичников — фронтовиков Первой мировой, увлечь за большевиками какую-то часть казацких низов. Кроме того, в боевых частях РККА, в Казачьем отделе ВЦИК обреталась хотя и относительно небольшая, но в военном аспекте очень ценная для Советского режима когорта казацких этнических коллаборантов. «*Эти изменники*, — отмечалось в белогвардейской газете, — *представляют собою лучшие боевые части красных*»[107]. Вплоть до завершения «горячей» фазы борьбы с Белым движением, лидеры РКП(б), в особенности — Лев Троцкий, очень внимательно отслеживали любые изменения политических настроений в среде казаков-коллаборантов. Отметим также, что демонстративно пропагандистское решение апрельского 1919 года Пленума ничего не стоило большевикам, поскольку все главные аспекты политики демоцида в отношении казаков не претерпели ни малейших изменений. **В условиях прямых военных действий против казацких повстанцев карательные функции ревтрибуналов с гораздо бóльшей эффективностью стали выполнять вооруженные формирования Красной Армии.**

На следующий день после общей директивы Реввоенсовета Южного фронта, подписанной А. Колегаевым, Реввоенсовет 8-й армии РККА выпустил собственную, аналогичную по содержанию директиву. В этом циркулярном приказе в более беллетризованной, понятной для малограмотных красноармейцев форме давались конкретные указания по применению методов террора не только против повстанцев, но и против мирного казацкого населения («не останавливаясь перед процентным уничтожением населения станиц»).

«Приказывается пройти огнем и мечом местность»
(Директива Реввоенсовета 8-й армии о борьбе с восставшими казаками)

№ 1522

17 марта 1919 г.

Реввоенсовет 8-й армии приказывает в наикратчайший срок подавить восстание предателей, воспользовавшихся доверием красных войск и поднявших мятеж в тылу. Предатели-донцы еще раз обнаружили в себе вековых врагов трудового народа. Все казаки, поднявшие оружие в тылу красных войск, должны быть поголовно уничтожены, уничтожены должны быть и все те, кто имеет какое-либо отношение к восстанию и к противосоветской агитации, не останавливаясь перед процентным

[107] Новая донская жизнь. 1918. 12 (25) ноября.

уничтожением населения станиц. Сжечь хутора и станицы, поднявшие оружие против нас в тылу [N.B.! – Н.Л.].

Нет жалости к предателям! Всем частям, действующим против восставших, приказывается пройти огнем и мечом местность, объятую мятежом, дабы у других станиц не было бы и помысла о том, что путем предательского восстания можно вернуть красновский генеральско-царский режим. В момент, когда очевидная близость победы пролетарской революции вдохновляет на мощные карающие удары Красную Армию и все международные отряды ее братьев по труду, мы, разбив в открытом бою разлагающуюся и смердящую гидру красновских золотопогонников, терпим и отогреваем у себя на груди змею измены и предательства вековых царских холопов — казаков. Будем же решительны, будем беспощадны в своей борьбе, красные воины революции, еще несколько мощных ударов меча революции и счастливая рабочая республика, успокоенная смертью врагов и предателей, зацветет, осуществляя великие цели коммунизма![108]

Реввоенсовет 8-й [армии] ***И. Якир***[109]***, Я. Вестник***

Важно отметить, что преступная практика массового уничтожения казацкого населения, которую осуществляли на Юге России армейские военачальники РККА (подобные Ионе Якиру) и региональные партработники (подобные Сергею Сырцову), находила свое идеологическое обоснование в высших партийных кругах РКП(б). Ненависть к казачеству являлась одной из немногих идеологических мотиваций, которую разделяли в Москве все большевистские «пауки в банке». Известно, например, что Иосиф Сталин яро ненавидел Льва Троцкого, в свою очередь «железный нарком» вряд ли испытывал более теплые чувства к хитроумному «Кобе». Однако, в отношении «казацкого вопроса» оба главных антагониста большевистской элиты были едины как «сиамские близнецы». По авторитетному свидетельству Сергея Сырцова, опубликованному вскоре после Гражданской войны в сборнике «Пролетарская революция на Дону», еще в декабре 1917 года в телефонном разговоре со Сталином по прямому проводу председатель Донбюро ЦК получил от «Кобы» полную поддержку своей жесткой линии по отношению к казакам[110] . Сталин и Сырцов пришли к единому мнению, что с казаками следует не договариваться, а применять к ним неумолимую военную силу. В дальнейшем, судя по выступлениям и политическим публикациям Иосифа Сталина, полное взаимопонимание этих двух палачей по «казацкому вопросу» сохранялось[111].

---

[108] РГВА. Ф.24380. Оп.7. Д.168. Л.213–213 об. Заверенная копия.

[109] *Якир Иона Эммануилович* (3/15.08.1896–12.06.1937) – советский военный деятель, командарм 1-го ранга. Родился в еврейской семье в Кишиневе. Считается, что Якир обучался в Базельском университете (1914) и Харьковском технологическом институте (1915). Член РСДРП(б) с 1917 г. В возрасте 22 лет (с января 1918) командовал красным отрядом в боях с румынскими войсками. В октябре 1918 – июне 1919 г. член РВС 8-й армии, затем командовал группой войск. По отношению к казацкому населению проявлял крайнюю жестокость. После Гражданской войны занимал высокие посты в системе РККА. С 1934 года – член Центрального комитета ВКП(б). Взят под арест с должности командующего Ленинградским военным округом 28.05.1937 г. В застенках Лубянки к Якиру методично применяли «специальные меры воздействия». Расстрелян по решению Верховного суда СССР.

[110] Пролетарская революция на Дону. Материалы Донбюро Истпарта. Вып. 4. – Ростов н/Д, 1924. – С. 137.

[111] *Сталин И.В.* К военному положению на юге России// Правда. 1919, 28 декабря.

«Железный нарком» Лев Троцкий беседует с русскими офицерами-коллаборантами. Курсы красных командиров, Рязань. 1920 г.

Председатель Революционного Военного Совета Республики Лев Троцкий в значительной мере разделял антиказацкие взгляды своего главного конкурента за влияние в РКП(б)-ВКП(б). В общем приказе по РККА — «Конец подлому Донскому восстанию» (25.05.1919) — в присущем ему хлестком, язвительном стиле, «отец Красной Армии»[112] предписывал: ***«Вся рабоче-крестьянская Россия с отвращением и ненавистью глядит на мигулинские, вешенские, еланские банды, которые, подняв обломанный красный флаг, помогают черносотенным помещикам — Деникину и Колчаку! <…> Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены!»***

[112] *Лев Троцкий* был не единственной, но, бесспорно, центральной фигурой при создании боеспособных формирований РККА. Железная воля, невероятная работоспособность, умение быстро видеть и вычленять главное, ненависть к любой канцелярщине выгодно отличали Троцкого от генерала Деникина — сектанта и догматика по мироощущению, склонного к сибаритству и крайнему бюрократизму. В РККА Троцкий стал инициатором создания заградотрядов, беспощадно расстреливавших отступавших красноармейцев. Можно утверждать, что Л.Д. Троцкий глубоко постиг национальный менталитет русского крестьянина, одетого в буденовку: для красноармейцев он стал суровым, но справедливым «барином». В отличие от бездарных деятелей ближнего круга генерала Деникина, Лев Троцкий понимал огромное значение пропаганды в революционной войне и прилагал огромные личные усилия в этом векторе. Агитационные материалы доставлялись на красный фронт Гражданской войны буквально эшелонами. Наконец, ранее всех других вождей большевиков Троцкий решил воспользоваться «служивым комплексом» царского офицерства: только в течение одного месяца (с 15.12.1918 по 15.01.1919) в Красную Армию было призвано более 4300 офицеров и 7600 унтер-офицеров бывшей армии Российской империи. Большинство этих русских офицеров верой и правдой служили Красному Интернационалу, а затем их организованно «изъяли» органы ВЧК-ОГПУ и расстреляли, как потенциально опасный для большевиков человеческий материал.

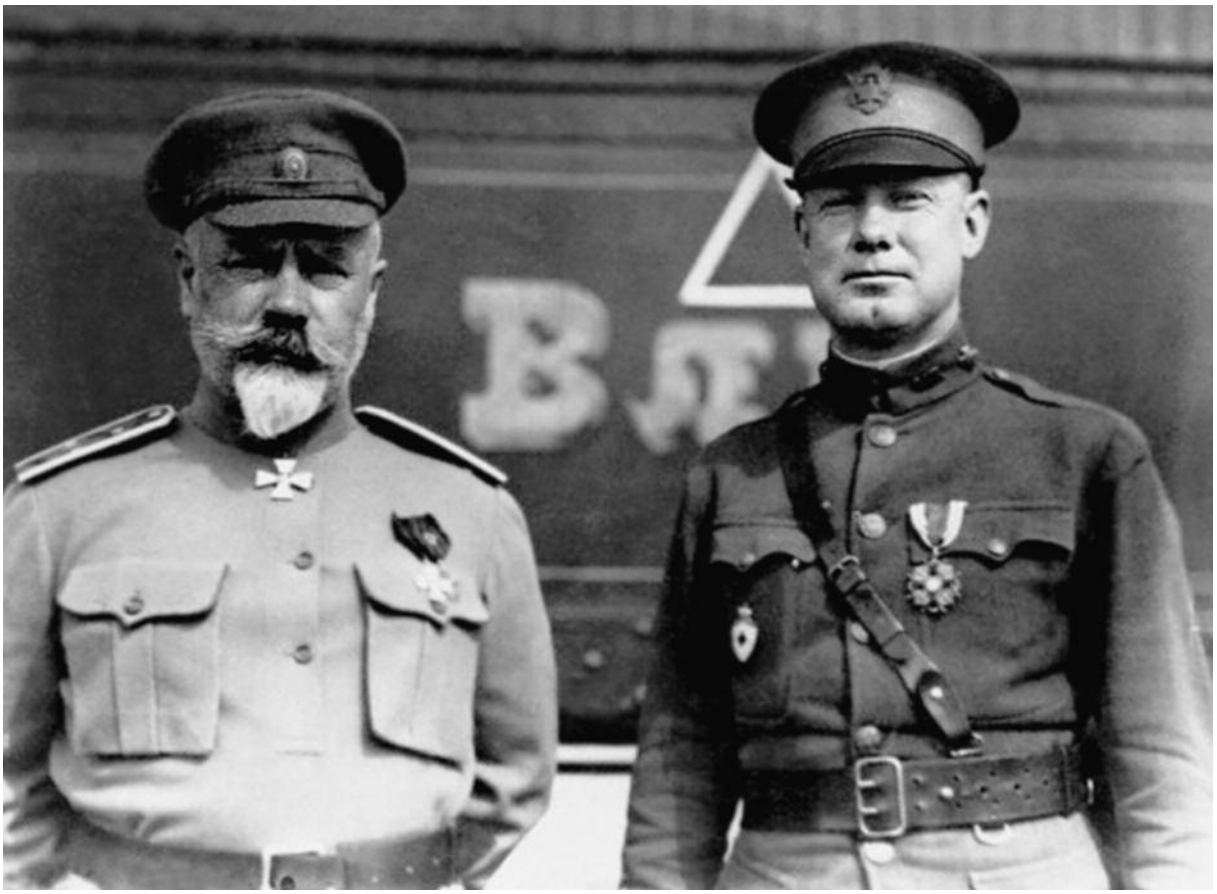
В другом политическом обращении к бойцам Красной Армии Лев Троцкий уже прямо использовал приемы национал-дарвинизма, противопоставляя нравственный потенциал русского пролетариата «зоологической среде» казаков и приказывая беспощадно уничтожать последних. Знания генерала А.И.Деникина в области этнической политики, возможно, чуть-чуть увеличились, если бы он внимательно, с карандашом в руке, читал приказы председателя Революционного Военного Совета РСФСР. За два года борьбы с режимом РКП(б) Антон Деникин так и не понял, что единственной массовой демографической основой армейских подразделений Белого движения являются отнюдь не представители многотысячного русского офицерства и, тем более, не многомиллионное русское крестьянство, а всячески дискриминируемое высшим генералитетом ВСЮР так называемое «казацкое сословие».

«Южный фронт — казачий фронт, — бросал отточенные фразы в своем приказе Лев Троцкий, — ***Дон — очаг контрреволюции. При самодержавии казачество служило орудием произвола и насилия <…> сословная казацкая связь тружеников с паразитами*** [т.е. этническое единство казацкого народа. — Н.Л.] ***составляет основу донской контрреволюции. <…> Вот почему на Дону восстание*** [против Советской власти] ***вспыхивало за восстанием. Дело идет не о Доне, а обо всей Советской России. Казачество — это только слепое и темное орудие в руках монархистов-помещиков. Это своего рода зоологическая среда, и не более того. Стомиллионный русский пролетариат даже с точки зрения нравственности не имеет здесь права на какое-то великодушие. Очистительное пламя должно пройти по всему Дону, и на всех них*** [казаков. — Н.Л.] ***навести страх и почти религиозный ужас. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции! Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море…»***[113].

Первоначально Белое движение имело, как будто бы, неплохие шансы умертвить Красного Дракона в его московско-петроградском логове. Стратегическое положение войск ВСЮР летом 1919 года казалось вполне устойчивым. Хотя штаб генерала Деникина оказался неспособен наладить четкое функционирование тыловых служб, подразделения Белой Армии имели высокий боевой дух, хорошую военную подготовку, были неплохо вооружены. Казалось, что на военно-политическом горизонте четко просматривалось финальное поражение сил РККА и последующий развал большевистской системы. Однако генерал Антон Деникин умел воевать, только забрасывая противника трупами своих солдат и постепенно вытесняя его с занимаемых территорий линией сплошного, в идеале линейного фронта. Командующий войсками ВСЮР с трудом понимал, по-видимому, что означает комплекс оперативно-тактических мероприятий для подготовки мощного стратегического прорыва с заранее занятых войсками оперативных плацдармов. Стратегические представления о том, как следует добивать большевиков, имел генерал Петр Врангель, однако сын крепостного Деникин видел в обрусевшем немецком бароне своего личного врага, а поэтому, разумеется, никак не мог воспользоваться его дельными советами. В результате, имея острейшие проблемы с мобилизацией великорусских призывных контингентов, не подготовив плацдармы и разбросав по разным оперативным направлениям и без того весьма ограниченные силы ВСЮР, генерал Деникин, тем не менее, начал фронтальный натиск на Москву.

---

[113] См. подробнее: *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. — М.; 1926. Т. 2. Кн. 1. — С. 173 сл.



Генерал Антон Деникин — политический догматик и доверенное лицо Антанты (слева). Рядом — офицер Британской военной миссии. 1919 г.

«***Показателем нереальности намерений Деникина являлась обширность театра*** [военных действий. — Н.Л.], — отмечал в своем военном трактате командующий войсками Южного фронта РККА А.И. Егоров. — ***Директива*** [Деникина о наступлении на Москву. — Н.Л.] ***охватывала своими задачами огромные пространства примерно в 800.000 кв. км. Рассчитывать в таких условиях на достижение конечной цели можно было бы только при условии поголовного втягивания всего населения в борьбу против Советской власти или совершенного разложения армий красных как боевой силы. <…> Из трех основных элементов предпринимаемой операции — силы, пространство и противник — ничто не находилось в соответствии с предположениями директивы штаба белых. С другой стороны, пренебрежение к важности промежуточных целей, и среди них, в первую очередь, — к занятию и обеспечению исходного положения*** [т.е. оперативных плацдармов для наступления. — Н.Л.], ***обрекло намеченную Деникиным операцию на гибель»***[114].

Лев Троцкий оказался, увы, политическим провидцем. Вёшенское восстание казаков, борьба атамана Никифора Григорьева в Украине и обреченное на провал наступление армейских формирований ВСЮР на Москву сумели только отдалить финальный акт общенациональной трагедии казацкого народа. В конечном счете, генерал Деникин действительно

[114] *Егоров А.И., 2003.* Указ. соч. — С. 67.

привел казаков, говоря словами Троцкого, — к «сбросу в Черное море» — к чудовищной (преступной со стороны штаба ВСЮР) трагедии Новороссийской катастрофы[115].

Для казацкого народа повторное возвращение на земли Присуда красноармейской орды, распаленной ненавистью и жаждой отмщения, означала новый этап кровавого демоцида и депортаций, направленных, в конечном итоге, на необратимое разрушение казацкой этносферы. Насколько непримиримым, в точном смысле — кровожадным был в 1919 году психологический настрой региональных военных и партийных функционеров Советского государства свидетельствуют телеграфные переговоры между членом Реввоенсовета 8-й армии И.Э. Якиром и начальником Отдела гражданского управления (Гражданупр) С.И. Сырцовым. Вот, в частности, одна из наиболее характерных бесед этих молодых строителей «светлого будущего».

Разговор по прямому проводу между И.Э. Якиром и С.И.Сырцовым
18.03.1919

[Якир]: ***У аппар***[ата] ***т. Якир.***

Тов. Сырцов, только что от комбрига Богданова получена телеграмма следующего содержания: «17 марта 1919 г., 7 час, из Верхняковского [хутора. — Н.Л.]. ***Вчера вечером от хуторов Мешковского, Калмыковского и Назаровского были делегаты. На сегодня в Мешковском должен*** [быть] ***сход и гарнизон***[ный] ***митинг для решения вопроса о сдаче оружия. На митинги едет делегация от колонны. От тов. Молоховского получено сообщение, что он занимает Глубокий, Монастырщину и Сухой Донец конной заставой с пулеметами…».***

Дальше [в телеграмме комбрига Богданова] ***ничего нового. Думаю, что сейчас никаких переговоров с восставшими быть не должно, все же решил вызвать Вас. Каково Ваше мнение?***

[Сырцов]:

Ревсовет на этот счет [о судьбе казаков, готовых сдаться] ***придерживается такого мнения. Никаких гарантий восставшим не может даваться, — безразлично сдадутся ли они добровольно или будут к этому принуждены. Неуклонно должна быть проведена решительная расправа*** [N.B.! — Н.Л.]. ***Сдачу можно принять без всяких условий с нашей стороны, чтобы сохранить жизнь тех пленных, которые у них находятся, но повторяю: никаких гарантий им не давать и требовать, безусловно, сдачи оружия, выдачи офицеров и главарей, и предоставления себя на суд революционного трибунала. Все***[116].

В полном противоречии с Гаагской конвенцией 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны большевистские функционеры Иона Якир и Сергей Сырцов заранее наметили массовое уничтожение военнопленных-казаков, а также всех сочувствующих повстанцам мирных жителей в хуторах Мешковском, Калмыковском и Назаровском. Осталось неизвестным — состоялась ли капитуляция (разоружение) казаков этих хуторов или, возможно, повстанцы

---

[115] *Венков А.В.* Новороссийская катастрофа. Гибель Донской армии// Донские казаки в борьбе с большевиками (альманах). Вып. № 3. 2010. — С. 67—77. См. также: Дробязко С.И. Эвакуация войск ВСЮР с Кавказского побережья (январь—май 1920 г.)// Донские казаки в борьбе с большевиками (альманах). Вып. № 4. — С. 20—52; Вып. № 5 (продолжение). — С. 31—52.

[116] РГВА. Ф.24380. Оп.7. Д.168. Л.229, 234, 235. Телеграфная лента.

решили продолжить борьбу. Однако, если хуторские казаки все-таки сдались, то их дальнейшая участь уже была предрешена: формальное судилище ревтрибунала, конвоирование в ближайший овраг, выстрел в затылок. Подобные полностью «зачищенные» от мужской части казацкого населения хутора и станицы к окончанию Гражданской войны насчитывались на Дону десятками, а в целом по всем землям Казацкого Присуда — сотнями.

Основной целью политики демоцида на землях Казацких Войск, как уже отмечалось, стала методичная «зачистка» от казацкого населения огромных, исторически принадлежащих казакам, территорий. Уже в феврале 1919 года разведка Южного фронта РККА докладывала: ***«Все казачье население с приближением наших войск покидает — от старого до малого — свои хутора и станицы, оказывая совместно с регулярными казачьими частями отчаянное сопротивление»***[117]. Опустевшие казацкие хутора и станицы массово заселяли «иногородние» крестьяне, влачащиеся в обозе Красной Армии и вооруженные трофейным оружием. Здесь же размещались плановые переселенцы из центральных районов Великороссии, а также демобилизованные красноармейцы. Возвратиться в родные дома и при этом сохранить свою жизнь становилось для этнических казаков заведомо невыполнимой, крайне опасной задачей.

Хронически голодные и хронически простуженные, постоянно ночующие в повозках казацкие ребятишки гибли тысячами — их маленькие, безвременно угасшие жизни, в соответствии с многовековой российской традицией, никто не считал. Следствием постоянного недоедания, антисанитарии, непрекращающегося психологического стресса стала массовая эпидемия сыпного и возвратного тифа: люди умирали в домах и на улицах, трупы складывали штабелями — обессиленные станичники не имели физических сил достойно похоронить своих близких. Эрих Людендорф, начальник штаба германского Восточного фронта в годы Первой мировой войны, со скорбью отмечал: «Тифозная вошь оказалась для немецкой армии более грозным противником, чем вооруженные винтовками бесчисленные полчища славян». Если в условиях образцового немецкого порядка, при высочайшем уровне организации тыловых служб вермахта эпидемия тифа представляла, тем не менее, реальную угрозу для современной германской армии, то насколько же более катастрофичной по последствиям оказалась вспышка этого заболевания в условиях российской разрухи, полного отсутствия профессионального медицинского обеспечения и всеобщего ожесточения Гражданской войны?!

Командование 14-й дивизии РККА докладывало о своем продвижении в 1919 году по донской земле так: ***«Что ни дом — то лазарет, что ни амбар — то горы трупов. Страшный сыпной и возвратный тиф косил остатки Донской армии, заражая и наши части…»***[118].

Достоверная статистика по гибели людей от эпидемических болезней на Дону, равно как и на других территориях Присуда, фактически отсутствует. Всеобщая разруха Гражданской войны, массовые вынужденные перемещения гражданского населения делают подсчеты демографических потерь для периода 1919–1920 гг. только приблизительными. По разным методикам подсчета убыль казацкого населения от эпидемических болезней в годы Гражданской войны составляла от 4:1 до 7:1 — к уровню боевых потерь (т.е. к числу убитых в боях с красными или умерших от ран казаков). В любом случае, для численно небольшого казацкого народа массовая смертность от эпидемических болезней стала новым, подлинно

[117] РГВА. Ф.100. Оп.3. Д.346. Л.141–142.

[118] Цит. по: *Венков А.В., 2012*. Указ.соч. — С. 80

катастрофическим по значению фактором общенациональной трагедии. О весьма значительной убыли гражданского, в том числе и казацкого, населения на Дону свидетельствуют косвенные данные Земельного отдела облисполкома Донской области (Донземотдела) за май 1920 г. По сравнительным данным Донземотдела, — в 1910 г. в Донской области было засеяно 5,96 млн. десятин, а в 1920 году посевные площади снизились здесь до 1,84 млн. десятин, т.е. больше, чем в 3,5 раза. Одна из самых существенных причин столь резкого уменьшения посевных площадей — убыль гражданского населения, элементарная нехватка мужских рук. Очевидно, что если бы не карательная политика демоцида, развязанная против казацкого народа большевиками, то не возникло бы причин ни для всеобщего восстания казаков, ни для яростного пароксизма вооруженной борьбы Казацкого Юга с большевистской Москвой, ни условий для возникновения свирепой эпидемии тифа.

«Косметические поправки» в программе геноцида: конец 1919 — начало 1920 гг. Повсеместная по Казацкому Присуду, — то массовая и открытая, то индивидуальная и подспудная — на уровне отдельных семей и хуторов, но поистине общенациональная борьба казаков с большевизмом подвигла, наконец, политическую верхушку РКП(б) на внесение косметических изменений, ориентированных в основном на пропагандистский контент, в свою «казацкую» политику. Следует подчеркнуть, что при этом общая направленность политической программы большевиков на землях Присуда ни на йоту не потеряла своего геноцидального характера.

В рамках курса на внесение в «казацкую» политику внешних, преследующих пропагандистскую цель корректив, журнал «Известия ЦК РКП(б)» 30 сентября 1919 г. опубликовал тезисы Л.Д. Троцкого «О работе на Дону»[119]. Новый концептуальный документ «отца Красной Армии» ориентировался на решение, в основном, двух задач. Первая, пропагандистская, заключалась в усилении внутрипартийной изоляции казацкого коллаборанта Ф.К. Миронова, а также в дискредитации проводимого им курса на постепенную, бережную советизацию казацкого населения (по типу отношения Советской власти к другим национальным меньшинствам РСФСР). Вторая задача преследовала цель расколоть казацкое сообщество по социальному (имущественному) признаку, существенно подорвать мировоззренческое единство казаков. В зависимости от отношения «определенных элементов» казачества к Советской власти и Красной Армии планировалось либо безжалостно истреблять те слои казацкого сообщества, которые «будут прямо или косвенно оказывать поддержку врагу», либо предоставить возможность уставшим от борьбы и духовно надломленным станицам войти в Советский проект на условиях красного победителя. Современные апологеты большевизма пытаются представить данную концепцию как некое принципиально новое слово РКП(б), обращенное к казакам, демагогически утверждая, что эти тезисы Льва Троцкого будто бы «сыграли огромную роль в упорядочении новой казачьей политики партии и прекращении эксцессов, озлоблявших казачество»[120]. Однако поверить в подлинную новизну

---

[119] Тезисы Л.Д. Троцкого «О работе на Дону» развивали идеи его предыдущей директивы «Руководящие начала ближайшей политики на Дону», а также двух «филиппик» против командарма Ф.К. Миронова: «Полковник Миронов» и «Урок Мироновщины». См. подробнее: *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. — М., 1926. Т. 2. Кн. 1. — С. 299 сл.

[120] *Кислицын С.А.* Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов: Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920–1930-е годы. Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — С. 73.

ленинско-троцкистской политики на землях Присуда, которая началась, якобы, с момента опубликования тезисов «О работе на Дону» весьма затруднительно. Никакого принципиально иного курса Лев Троцкий в своей «новой» директиве не обозначил, а единственная «новизна» заключалась в декларировании отказа большевиков (при соблюдении казачеством определенных, весьма жестких условий Советской власти) от пунктуального исполнения январского циркуляра Оргбюро ЦК о «поголовном уничтожении казаков».

В отсутствии в указанный период «новой казачьей политики партии» легко убедиться, ознакомившись, например, с местной директивой Донского областного комитета РКП(б) от 21 декабря 1919 г. Текст этой директивы, который почти буквально следует смыслу тезисов Льва Троцкого, готовил, по-видимому, Сергей Сырцов: ***«… Мы ничего не забываем, но за прошлое не мстим. Наши дальнейшие взаимоотношения определяются поведением различных групп казачества. Мы будем покровительствовать тем слоям казачества, которые пойдут нам навстречу, и будем беспощадно истреблять все те элементы, которые прямо или косвенно будут помогать врагу»***[121].

Какой существенно новый или, хотя бы, обновленный курс РКП(б) по отношению к казакам, терпящим поражение в своей национально-освободительной борьбе, можно усмотреть в этих словах? Было отнюдь не в «свычаях и обычаях» большевиков что-то компромиссное предлагать гибнущему врагу. В тезисах Троцкого и в обращении Доноблкомитета РКП(б) — все те же известные еще по 1918 году угрозы «беспощадно истреблять» и политически беспредметные, ни к чему не обязывающие обещания «покровительства» для смирившихся и капитулировавших станичников. В максимально полном варианте вышеуказанные документы Советской власти можно рассматривать только как обещание не расстреливать всех казаков поголовно лишь за одну этносоциальную принадлежность к казачеству, — никаких иных смыслов в текстах Троцкого, Сырцова и других видных деятелей РКП(б) в период 1919—1921 гг. нет. Однако, обещание **не расстреливать всех подряд** отнюдь не означало обещания **не расстреливать через одного** — все современники Троцкого, в том числе, разумеется, и казаки, прекрасно понимали эту реальность. «Возрождение большевиками социально-дифференцированного курса в отношении казачества, — отмечают в этой связи российские историки А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, — отнюдь не означало, что произошел отказ от политики расказачивания. Большевики не собирались снимать вопрос расказачивания с повестки дня и были твердо намерены продолжать этот стратегический курс и на исходе Гражданской войны, и по ее окончании. <…> Причем, и это следует подчеркнуть, новая власть не делала из своих намерений продолжить расказачивание (и на Дону, и в других казачьих регионах России) никакой тайны»[122].

Цинизм лидеров РКП(б), их негативное умение поглумиться над поверженным противником хорошо проиллюстрированы историей большевизма в России. Поэтому не приходится удивляться тому, что чем четче обозначался финальный проигрыш казаков в их национально-освободительной войне с Советским государством, тем все более внятно и открыто декларировались — и безальтернативная цель этнической аннигиляции казаков, и жестокие методы достижения этой цели. По мере того, как все яснее становилась неспособность

---

[121] ЦДНИРО. Ф.4 Оп.1. Д.1. Л.6.

[122] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. — С. 35—36.

формирований ВСЮР к решительной победе над Красной Армией, а военный механизм последней, наоборот, работал все более эффективно — большевики все последовательнее и тверже проводили курс на этническое и социальное растворение казаков в окружающей их великорусской крестьянской массе. На рубеже 1919—1920 гг. лидеры РКП(б) уже не сомневались, что их грядущая, уже ясно наметившаяся победа в борьбе с Белым движением позволит большевикам, в итоге, окончательно снять проблему казацкого присутствия во внутрироссийской политике. Зачистить этносоциальное «поле» РСФСР от казацких «сорняков» решено было не только на административном и этнополитическом уровне, но даже в части политической терминологии.

В административном плане большевики ликвидировали все Казацкие Войска как особые административно-территориальные образования. Даже кургузые, двусмысленные наименования, бытовавшие в имперскую эпоху, типа «Области Войска Донского» — исчезли с топографической карты РСФСР. Не ограничившись этим, красный победитель решил все территории бывших Войск перекроить, в административном отношении, на новый лад. **В сознании новых поколений этнических казаков не должно было остаться никаких воспоминаний о былом единстве казацких территорий.** Прежнюю Область Войска Донского разделили, например, на три части. Центральная часть бывшей ОВД стала Донской областью. На западе значительные территории Войска Донского отошли в состав Советской Украины (Таганрогский округ, часть Черкасского, Донецкого и 1-го Донского округов). На северо-востоке былого ВВД большевики также отрезали значительные территории: были ликвидированы и присоединены к Царицынской губернии Усть-Медведицкий, Хоперский и 2-й Донской округа. Впоследствии в состав Донской области включили отрезанные от территории Кубанского Войска Ейский, Кущевский и Староминский районы.

Значительно более преступной по отношению к казацкой истории, открыто уничтожающей чувство былого войскового единства, оказалась административно-территориальная «перекройка» Кубанского Войска. С весны 1920 г. и все последующие восемь (!) лет Советская власть кроила и перекраивала национальную территорию кубанских казаков по принципу «семь раз отрежь — один раз отмерь». 29 марта 1920 г. большевики учредили Кубано-Черноморский революционный комитет, продекларировав тем самым слияние послереволюционных Кубанской области и Черноморской губернии. Однако, как отмечают специалисты, никаких официальных документов на этот счет принято не было. Некоторое время на Кубани происходило хаотическое дробление административных единиц — в соответствии с сиюминутными пожеланиями советских управленческих структур в регионе. Отдельные советские ведомства, руководствуясь оккупационной логикой, для большего удобства выполнения своих отраслевых задач стали делить территории былых отделов Кубанского Войска на подведомственные районы (военные, милицейские, продовольственные и другие). Территориальные границы этих волюнтаристски очерченных районов не совпадали, что создавало, конечно же, значительные трудности для местного населения. В мае 1920 г. Кубано-Черноморский ревком переименовал Черноморскую губернию в округ, а с ноября началось произвольное дробление былых войсковых отделов ККВ. Например, вместо Таманского отдела появилось три новых (Темрюкский, Тимашевский, Славянский). Менее чем через полтора года началась новая перетряска: Темрюкский отдел был ликвидирован и присоединен к Славянскому, а в январе 1923 г. Тимашевский отдел был волюнтаристски разделен между соседними отделами.

В ноябре 1920 г. прославленный Лабинский отдел былого Кубанского Войска переименовали в Армавирский, а 7 декабря этого же года, в связи с переименованием города Екатеринодара в Краснодар, соответственно было изменено название и Екатеринодарского отдела. В целях размывания казацкого национального сознания на территории Кубани стали появляться «волости» — этот традиционный великорусский термин крайне болезненно воспринимался этническим сознанием казаков и постепенно был отменен.

С особым цинизмом оккупационный режим РКП(б) перекраивал земли так называемой Черноморской губернии. Со времен царствования Екатерины Великой здесь сохранялись живыми вольные традиции Запорожской Сечи, а казаки-черноморцы являлись, бесспорно, одним из наиболее генетически консолидированных сообществ казацкого народа. В мае 1920 года Черноморская губерния стала округом Кубано-Черноморской области, а на ее территории, вместо прежних округов Кубанского Войска (Новороссийского, Туапсинского и Сочинского), возникло восемь «волостей». Вскоре, так называемая Гагринская волость была передана Сухумскому округу Грузии, который, в свою очередь, 4 марта 1921 года превратился в Абхазскую ССР. Такое территориальное «кровопускание» из казацких вен славянской Кубани показалось большевикам недостаточным и 31 декабря 1928 г. к Абхазии отошло еще 4 сельских совета Сочинского района.

В горской части Кубани, также как и на землях Терского Войска, все территориальные запросы неславянских горских народов решались исключительно за счет казацкого земельного фонда. В начале 1921 г. большевики создают Горскую АССР и немедленно прирезают в состав этой автономии южную часть былого Баталпашинского отдела Кубанского Войска. В следующем, 1922 году, Кубано-Черноморский ревком, не считаясь с мнением местных казаков, передал вновь образованной Карачаево-Черкесской автономной области семь казацких станиц и около двух десятков хуторов того же отдела, включая основной казацкий центр горной Кубани — станицу Баталпашинскую (нынешний Черкесск). 27 июля 1922 г. на левом берегу Кубани путем перекройки земель бывших Краснодарского и Майкопского отделов ККВ была создана Черкесская (Адыгейская) автономная область, нынешняя Республика Адыгея.

Стоит заметить, что вышеуказанным насильственным перекроем территориальных отделов упраздненного Кубанского Казацкого Войска большевики отнюдь не завершили свой преступный оккупационный марафон. Административно-структурные метаморфозы с отчетливым антиказацким этноцидальным смыслом возобновились на Кубани в 50-х годах. В 1957 году станицу Поповичевскую, унаследовавшую свое название от одноименного коша Запорожской Сечи, волюнтаристски переименовали в станицу Калининскую. Другая древняя станица, основанная запорожцами, — Екатериновская — после демонстративного введения на ее территорию подразделений Внутренних Войск МВД СССР превратилась в Крыловскую. Скорбный список произвольных и хамских, всегда антиказацких по смыслу переименований на земле Кубани можно, кажется, продолжать до бесконечности[123].

Административно-территориальные перелицовки родовых земель казацкого народа всюду на территории Казацкого Присуда происходили под угрозой штыков Красной Армии. С особой жестокостью были разорваны, растоптаны сапогами красной солдатни, а затем

[123] См. подробнее: *Авраменко А.М.* Административно-территориальное деление Кубани и Причерноморья. — www. slavaKubani.ru/content/detail.php?ID=2300

формально упразднены Уральское и Терское Войска. Вообще за пределами нынешней Российской Федерации осталось бывшее Семиреченское Войско. Основная часть территории исторического Уральского (Яицкого) Войска оказалась на территории ныне суверенного Казахстана. Российско-казахстанская граница также разрезала по живому земли оренбургских и сибирских казаков. На Алтае, в Забайкалье и на Дальнем Востоке большевики попросту переименовали казацкие станицы в деревни и вообще отказались учитывать казацкую специфику местных жителей.

Официальное признание казаков «русскими» и конец иллюзий о «советской автономии казаков». В январе 1920 года, почти одновременно с началом административно-территориальной вивисекции земель Казацкого Присуда, вожди РКП(б) решили избавиться от изрядно надоевшего им, по-видимому, Казачьего отдела ВЦИК. Армия генерала Деникина, а вместе с ней и военные формирования казаков, неудержимо катилась к историческому обрыву. В этой ситуации Казачий отдел ВЦИК, орган казацких коллаборантов — когда-то очень ценный для пропагандистских усилий РКП(б) и четко исполнявший роль «троянского коня» в среде казачества — становился уже обузой. Использование каких-либо лексем, производных от этнонима «казак», становилось ненужным для актуального политического процесса в Советском государстве. Напротив, демонстративная ликвидация Казачьего отдела ВЦИК могла подвести финальную, более чем понятную по смыслу черту под остаточными автономистскими надеждами казаков. Поэтому отработавших свое казацких коллаборантов режим РКП(б) «слил» без всяких разъяснений и обоснований. 20 января 1920 г. Президиум ВЦИК буквально в несколько строк обозначил свое решение «упразднить» Казачий Отдел ВЦИК до 1 марта 1920 года (протокол № 4). Членам ликвидированного отдела предложили поскорее убраться из столицы Советской России на Дон и Кубань — «для культурно-просветительской работы среди казачьего населения»[124].

Это можно расценить как своего рода политическую издевку, но последним «казачьим» мероприятием коллаборантов из уже ликвидированного Казачьего отдела ВЦИК стало проведение в Москве 29 февраля 1920 г. Первого Всероссийского съезда трудового казачества. Поскольку уже на следующий день после съезда Казачий отдел ВЦИК считался упраздненным, всем присутствующим на этом постановочном мероприятии было ясно, что этот первый съезд «трудового казачества» является в то же время и последним. Значимых общественно-политических фигур, авторитетных в этнической среде казацкого народа, среди делегатов этого пропагандистского спектакля оказаться, по определению, не могло. В итоге, Первый съезд трудового казачества стал унылым «междусобойчиком» остающихся не у дел коллаборантов из упраздняемого Казачьего отдела ВЦИК и денационализированной станичной бедноты.

Основной задачей съезда «трудовых казаков», как это совершенно недвусмысленно следует из принятых делегатами решений, являлось провозглашение курса на политическую и этносоциальную аннигиляцию казацкого народа в окружающей великорусской этносфере. Советский агитпроп очень любил, как известно, постановочные мероприятия, на которых, например, изнемогающий в любви к Советской власти «рабочий класс» просил обложить зарплаты рабочих новыми дополнительными налогами или выдать

[124] ГАРФ. Ф.1235. Оп.85. Д.19. Л.2.

«трудящимся» существенную часть зарплаты отнюдь не звонкой монетой, но полуфиктивными облигациями «внутреннего займа». По аналогичной методике организовывался и Первый съезд трудового казачества: призвать Советскую власть к окончательной ликвидации в России казацкого этнополитического феномена должны были, разумеется, сами казаки.

Казацкие коллаборанты, готовясь к «прощальному аккорду» своего пребывания в столице, буквально лезли вон из кожи, чтобы доказать неразвитой казацкой бедноте в Присуде, что национальная автономия «советским» казакам совершенно не нужна, поскольку это, дескать, пережиток прошлого. Известный коллаборант, выходец с Кубани, член Казачьего Отдела ВЦИК Я.В. Полуян[125] за неделю до съезда писал в одном из пропагандистских листков: ***«Стремление к автономии — это попытка вновь закрепить то обособленное положение казачества, в каком оно находилось при царском режиме. Однако, долой эту обособленность! С призывами к автономии как явно контрреволюционными, льющими воду на мельницу генеральско-буржуазно-помещичьей своры, сознательное трудовое казачество не имеет ничего общего и будет беспощадно бороться»***[126].

На фоне впечатляющих успехов в борьбе с Белым движением лидеры РКП(б) поспешили провозгласить казацкое население Присуда неотъемлемой частью русского этносоциума, а заодно пообещали «трудовым казакам» резко ускорить пресловутое «расказачивание». Агитация за «русскость» в среде казаков приобретала в начале 1920-х годов подчас гротескный характер. ***«Вот, смотрите, у него*** [у казака-станичника. — Н.Л.] ***такая же борода, как и у меня,*** — с энтузиазмом юродивого вещал на встрече с донскими казаками «всероссийский староста» Михаил Калинин. — ***Да вы и есть наши же тверские мужики*** [незаслуженное оскорбление для этнического казака. — Н.Л.]. ***Ваши предки бежали от старых помещиков — они не могли ужиться с этими помещиками, и бежали на вольный Дон и здесь селились. А теперь вы говорите, что мы — казаки, какие-то особенные. Какие же вы особенные — от нас же сбежали, вот только что завели лампасы, но разве они дорого стоят?»***[127].

Над таким полуиздевательским, в стиле дешевой клоунады, набором аргументов за «русскость» казаков можно было бы искренне посмеяться, если бы не яростно антиказацкий контекст большевистского «промывания мозгов» в 1920-х годах. Причем формировали этот этноцидальный контекст не только и не столько балаганные речения «всероссийского старосты», но прежде всего — лаконичные, очень четкие по смыслу директивы административно-карательного механизма Советского государства.

---

[125] *Полуян Ян Васильевич* (09.10.1891 – 08.10.1937) — казацкий этнический коллаборант, активный участник Гражданской войны на стороне РККА, советский государственный деятель. Родился на Кубани в русифицированной семье этнического казака. Генофонд отца — единственное, что как-то связывало этого отщепенца с казаками. В казацких войсковых формированиях Я.В. Полуян не служил, казацкую самобытность ненавидел. В 1912 г. вступил в РСДРП. За революционную деятельность отбывал 5 лет каторги. В 1918–1920 гг. занимал должности председателя Кубанского областного ревкома и облисполкома, председателя Совнаркома Кубано-Черноморской советской республики. Являлся председателем Реввоенсовета 11-й и членом РВС 9-й армии РККА. В 1918–1922 гг. лично организовывал демоцид и этноцид казацкого народа на Кубани и Тереке. Впоследствии находился на высоких партийных и советских должностях. Расстрелян в 1937 г., в том же году органы НКВД ликвидировали родного брата коллаборанта — Дмитрия Полуяна.

[126] Советское строительство в казачьих областях// Голос трудового казачества. 1920. 20 февраля.

[127] По красному Дону: Беседа тов. М.И. Калинина с донцами// Голос трудового казачества. 1920. 20 февраля.

Всероссийский съезд трудового казачества, открывшийся 29 февраля 1920 года в Москве, можно было с полным основанием назвать ликвидационным — причем как для идеи этнической самобытности казаков, так и для последних надежд казацкого сообщества на обретение собственной национально-государственной автономии в составе РСФСР. Ростовские исследователи А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян отмечают весьма сомнительную легитимность этого постановочного форума — даже по меркам циничных пропагандистких технологий режима РКП(б). В частности, исследователи приводят мнение делегатов Донской областной конференции РКП(б), состоявшейся в начале июня 1920 года, которые открыто заявляли, что ***«казачий съезд никакого значения не имеет»***. Соавторы подчеркивают, что материалы государственного архива Ростовской области свидетельствуют, что часть отобранных для участия в съезде казацких делегатов в Москву вообще не поехала. В частности, представитель Донецкого округа, этнический казак Черепащенко, на мнение которого ссылаются исследователи, позднее утверждал: ***«О Всероссийском Казачьем Съезде решительно ничего не слышно. Никаких резолюций и постановлений к нам этого съезда не было прислано, и говорить о значении и влиянии этого съезда*** [в казацкой среде. — Н.Л.] ***не приходится»***[128].

Лидеров РКП(б) не слишком заботило, по-видимому, негативное восприятие итогов съезда «трудовых казаков» в среде простых станичников. Они отлично осознавали важность и позитивный потенциал данного политического события для продвижения интернационального Советского проекта в России. Неслучайно с главным концептуальным докладом на съезде выступил сам председатель Совнаркома Владимир Ленин. «Красный царь» посвятил свою речь, в основном, твердой постановке знака равенства между понятиями «трудовой казак» и «крестьянин»; ни о каких казацких этнокультурных особенностях Ленин даже не заикнулся. При этом вождь большевиков специально подчеркнул, что, по его мнению, так называемое трудовое казачество и русское крестьянство к исходу Гражданской войны стали едины в своей принципиальной поддержке Советской власти. ***«…Если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу,*** — акцентировал внимание съезда Ленин, — ***так это то, что в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу»***[129].

Всероссийский староста М.И. Калинин, который обладал редким талантом мгновенно перекладывать личные «паруса» под ситуативные изменения политического ветра, выступал на съезде трудовых казаков с напутственным словом. В Москве «тверской казак» уже не рисковал пускаться в олигофренические рассуждения о бородах и лампасах как этнических признаках казаков, а тем паче предаваться сравнениям крестьян с казаками. Михаил Калинин прямо заявил с трибуны съезда, что ***«Советская власть нравственно обязана расказачить казачество и она будет*** [его] ***расказачивать»***[130]. После такого напутствия уже не

---

[128] См. подробнее: *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. — Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. — С. 28.

[129] *Ленин В.И.* Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков// Полное собрание сочинений. Т. 40. — С. 183.

[130] Речь тов. М.И. Калинина [на первом заседании Всероссийского съезда трудового казачества. 29 февраля 1920 г.]// Голос трудового казачества. 1920. 15 марта.

приходилось удивляться тому, что все, без исключения, решения съезда имели отчетливо антиказацкий характер.

Основная резолюция съезда демонстративно провозглашала, как очевидное достижение, полную этническую аннигиляцию казаков в великорусской среде. ***«Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией,*** — декларировалось в итоговом документе этнических коллаборантов, — ***а составляет неотъемлемую часть русского народа. Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, тесно спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи»***[131]. Для реализации на практике такой этноцидальной установки, Всероссийский съезд трудовых казаков специальным решением ликвидировал административные статусы всех бывших Казацких Войск, упразднил казацкие чины, звания, награды и знаки отличия. Создавалось впечатление, что большевистский Кремль поставил перед коллаборантами задачу декларативной самоликвидации казачества буквально во всех мыслимых аспектах, даже в тех, которые на период 1920 года давно уже стали достоянием истории. Иначе трудно объяснить причину появления в повестке работы съезда странной резолюции об упразднении казачества как особого сословия, — казалось бы, после соответствующего декрета Временного правительства (1917 г.), в такой явно запоздалой резолюции уже не было никакой необходимости. С каким-то патологическим самоуничижением «трудовые казаки» утвердили решение, что «никаких отдельных советов казачьих депутатов не должно быть создаваемо»[132]. Эта инициатива прямо противоречила интересам широких слоев казацкого сообщества, однако, бесспорно, имела внутреннюю логику — в свете январского постановления Президиума ВЦИК об упразднении Казачьего Отдела ВЦИК.

Решения I Всероссийского съезда трудового казачества не имели, конечно же, к подлинной воле казацкого народа никакого отношения. Фактически этот съезд стал собранием частью запуганных, частью прикормленных с большевистской кормушки национал-предателей. Ни одного решения, имеющего для этнических казаков действительную важность, съезд не принял. Даже широко озвученное советским агитпропом ходатайство съезда об амнистии к рядовым казакам, воевавшим на стороне Белого движения, было выдержано в безвольном, капитулянтском тоне. Вместе с тем, с точки зрения оккупационной логики Советского режима, съезд казацких коллаборантов обеспечил «народную поддержку» — «узаконил» уже состоявшиеся решения Совнаркома об упразднении административного самоуправления исторических Казацких Войск. Удар огромной силы наносился также по традиционной системе воспитания молодого поколения казаков. Исторически сложившиеся воинские традиции казаков теперь были поставлены, по существу, вне закона, а это уже в среднесрочной перспективе закономерно вело к прогрессирующему разрушению основных этнических доминант казацкого сообщества. Таким образом, главным бенефициаром постановочного съезда казацких коллаборантов оказалась Советская власть. Теперь антиславянский режим РКП(б) обрел демагогическое право утверждать, что все предшествующие съезду антиказацкие решения Советской власти подтверждены в полном объеме самими казаками. Появилась также возможность представить фактическое уничтожение всех Казацких Войск, совпавшее по времени с проведением новых границ советских губерний, как актуальную инициативу прогрессивной части казачества.

---

[131] ГАРФ. Ф.1235. Оп.84. Д.31. Л.52.

[132] ГАРФ. Ф.Р-1775. Оп.1. Д.181. Л.2, 4.

Резкое усиление демоцида на землях бывших Казацких Войск: 1920 г. Проведение в Москве съезда трудового казачества с демонстративно ликвидационной программой (согласованной, бесспорно, с Оргбюро ЦК) отнюдь не означало, что в начале 1920 года Советское государство остановило или существенно ослабило свой карательный прессинг на широкие слои казацкого народа. Член Оргбюро ЦК РКП(б) Алексей Рыков, лично ознакомившийся в июне 1920 года с этнополитическим положением на Дону, вынужден был признать, — ***«власть Советов и нашей партии в значительной части*** [Донской] ***области держится в порядке военной оккупации*** [N.B.! — Н.Л.][133].

Военная оккупация, как известно, подразумевает как норму — применение карательных мер воздействия на враждебное население завоеванных территорий. Оккупационная логика предопределяла возможность очень быстрого возврата большевиков к привычной для них политике антиказацкого демоцида, — как только разгром армий ВСЮР и ликвидация принципиальной возможности реванша белых на других фронтах создадут для этого новое «окно возможностей». Важно подчеркнуть, что на территории всех бывших Казацких Войск в период конца 1919—1922 гг. применялась по сути одна и та же методика геноцида: массовые «изъятия» казаков-мужчин (аресты, расстрелы, депортации) вкупе с тотальным экономическим ограблением абсолютного большинства казацких семей. Эта принципиальная схема осуществления советского государственного террора была неизменной на землях Присуда фактически до конца 1930-х гг.: менялись только фигуры главных палачей, осуществлявших террор, а также приоритетность, интенсивность и масштаб конкретных преступных актов.

«Сейчас казаки почти что совершенно изолированы, подорваны, разорены, — докладывали в Кремль в конце 1919 года члены Бюро Комитета РКП(б) из города Уральска, — ***а с наступлением холодов будут принуждены сдаться на нашу милость, иначе все бежавшее*** [от Красной Армии. — Н.Л.] ***население, оставшееся без крова и продовольствия, ждет полная гибель. Раз враг находится в таком безвыходном положении, ясно, что мы должны стремиться не только к скорейшей ликвидации фронта, но и создать определенный твердый режим, исключающий возможность новых восстаний*** [N.B.! — Н.Л.] <…>

В Уральской области мы предлагаем проводить политику полного социального расказачивания путем лишения всех льгот и преимуществ казаков, т.е. уравнения их со всем остальным населением области. Было бы полным безумием и извращением самых элементарных основ Советской власти сохранение за казаками еще каких-то преимуществ в этот момент, когда мы строим самостоятельную Киргизскую республику и когда в борьбе с казаками стремимся опираться на них [т.е. на киргиз-кайсакское население. — Н.Л.][134] ***и, главным образом, — на переселенцев*** [русских крестьян. — Н.Л.], ***отдавших нам все.*** <…>

---

[133] ГАРО. Ф.4. Оп.1. Д.4. Л.31, 32.

[134] Речь идет о Киргизской (Казахской) Автономной Советской Социалистической Республике (КАССР), созданной 26 августа 1920 г. специальным декретом Совнаркома. Автономия создавалась как квазигосударственность (на начальном этапе) для киргиз-кайсаков, — так называли в то время казахов. Антиславянская сущность Советской власти ярко проявилась в этой инициативе. Советская Россия последовательно уничтожила все административные автономии Казацких Войск, некоторые из которых исторически имели собственную административную традицию и существовали несколько веков. Наряду с этим, всегда на обломках Войск, искусственно

Ликвидация Уральского фронта еще не означает окончания борьбы в этом районе. С Оренбургского фронта через Урал и Джембеты (Джамбейты) к уральским казакам бежали наиболее непримиримые кадры оренбургского казачества, буржуазии, офицерства и, несомненно, что в широких и необъятных степях после ликвидации нашего фронта они найдут достаточно места, чтобы оттуда беспокоить нас, и много труда потребуется на их излавливание. Необходимо лишить их всякой опоры в [Уральской] ***области путем выселения наиболее контрреволюционных семей и казаков. До полной ликвидации фронта всех боеспособных мужчин*** [казаков] ***мы держим в концентрационных лагерях, организуя из них рабочие артели*** [N.B.! – Н.Л.]»[135].

Сравнение вышеприведенного отчета уральских большевиков с аналогичными документами Донбюро ЦК РКП(б) обнаруживает полную смысловую идентичность этих документов. На территории бывшего Уральского Войска эмиссары РКП(б) практикуют в период 1919–1922 гг. точно такие же методы демоцида, что и в кавказской части Присуда: расстрелы и депортации «контрреволюционных элементов» (т.е. уничтожение элиты казацкого народа), заключение казаков-мужчин репродуктивного возраста в концентрационные лагеря, экономическое разграбление казацких усадеб, массовое вооружение «иногородних» переселенцев, провоцирование кровавых этнических чисток, которые с целью грабежа казацкого достояния под защитой штыков Красной Армии охотно устраивали вчерашние «иородцы» или же «иногородние» переселенцы.

«Мобилизация иногороднего населения, объявленная [белыми] ***еще в январе, успеха не имела и лишь взбудоражила рабочих и крестьян,*** – подчеркивал в своем докладе в ЦК РКП(б) председатель Донбюро Сергей Сырцов. – ***Массы дезертиров*** [из иногородних] ***дают карательным отрядам*** [белых] ***много работы. По деревням часто устраивают облавы.*** <…> **Победы Красной Армии вдохнули уверенность в крестьян, и они начинают расправу с казачеством.** <...> **В целом ряде станиц и хуторов выводится из обихода слово «казак». «Теперь нет казаков и иногородних – есть только крестьяне», – говорят** [русские] ***мужики и жестоко мстят своим недавним угнетателям. Станицы в Миллеровском районе (они составляют ничтожное количество по отношению к крестьянским волостям: 4 станицы на 24 волости) обезлюдели: казаки с семьями и кое-каким имуществом ушли с отступающей*** [Белой] ***армией, зная, что оставшихся ждет крутая расправа*** [N.B.! – Н.Л.]. ***Крестьяне ближайших к станицам Луганской и Митякинской волостей сейчас же, после занятия станиц нашими войсками, приехали на подводах организованным путем забирать*** [т.е. под прикрытием штыков РККА безнаказанно грабить. – Н.Л.] ***оставшееся имущество, видя в нем законную компенсацию за те грабежи, какие казаки систематически проводили по отношению к крестьянам.*** <…>

создавалась государственность неславянских народов, – причем сплошь и рядом руками этнически русских большевиков. Это кажется странным этнополитическим казусом, но в Центральной Азии и на Кавказе при реализации агрессивной антиславянской политики режим РКП(б) практически всегда опирался на местный контингент великорусских переселенцев, – обычно индифферентных или, во всяком случае, малочувствительных к защите собственных этнополитических интересов.

[135] Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. – М. – Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 1999. – С. 109. См. также: РГАСПИ. Ф.14. Оп.12. Д.259. Л.145–147 об.

Общие условия заставляют нас [большевиков], ***идя навстречу крестьянам (за исключением самых верхушек), сделать их своей опорой в деле ликвидации казачества*** [N.B.! – Н.Л.], ***тем более что крестьянство (я не говорю уже о рабочих, тех шахтерах, которых должна в ближайшее время освободить наша армия) стихийно толкается на этот путь»***[136].

Некоторые современные российские исследователи, взявшие на себя неблаговидную миссию «адвокатов дьявола», часто указывают на факт отсутствия в доступных для исследователей архивах Рсфедерации детализированной программы Советского государства по проведению геноцида казаков. Однако, как мы знаем по событиям мировой и, в особенности, отечественной истории, сам по себе факт наличия каких-либо программ отнюдь не означает их безусловного исполнения. В России даже масштабные программы могут долгое время существовать только «на бумаге». Во все исторические эпохи российское политическое бытие отличало свойство «византийщины»: декларировалось одно, а фактически совершалось иное, по смыслу подчас противоположное. Высшая степень лукавой «византийщины» была взращена на российской ниве как раз в советскую эпоху. Официальные документы государственной власти, публикации в прессе, высказывания политических лидеров СССР свидетельствовали, как минимум, о подлинном расцвете в стране демократических ценностей и прямого народовластия, — однако в реальности все обстояло с точностью наоборот. Процветали тоталитаризм, засилье только одной, причем по сути ненавистнической идеологии, осуществлялся тяжкий прессинг на общество карательного механизма ВЧК-ОГПУ-НКВД, активно функционировала «переработка» всех инакомыслящих людей в концлагерной системе массового ГУЛАГа.

Для реалистичной оценки действительного вектора антиказацкой политики Советского государства весьма важно понять актуальный психологический климат большевизма — общий мотивационный настрой лидеров и значимых функционеров РКП(б) в отношении народа казаков и ценностей традиционной казацкой культуры. Многие десятки официальных документов РКП(б): статьи в советской прессе, докладные записки, тексты выступлений видных большевиков свидетельствуют о существовании в Советской России в период 1918—1933 гг. господствующего геноцидального общественного настроя против казаков. Подобный общественный настрой (общегосударственная психологическая мотивация) культивировался среди белых американцев середины XIX века в отношении индейского населения. «Хорош только мертвый индеец!» — этот жуткий лозунг на определенном отрезке истории стал общепризнанным девизом белых переселенцев на Диком Западе. Ярчайшим образчиком подобной же массовой геноцидальной психологии, проникшей в 30-х годах XX века во все социальные страты немецкого общества Германии, являлся воинствующий антисемитизм.

Логичным следствием господствующих в среде высших функционеров РКП(б) антиказацких настроений стал весьма специфический подбор большевистских кадров на значимые должности в те регионы Советской России, в которых сохранялась значительная доля казацкого населения. Люди, вышедшие из сообщества этнических казаков, подобные Филиппу Миронову или Ивану Ружейникову, даже при условии их безусловной, многократно подтвержденной лояльности большевизму, практически не имели шанса для личного карьерного

[136] РГАСПИ. Ф.17 Оп.6. Д.83. Л.1—4об., 7об—10. Автограф.

Цареубийцы позируют в реквизированных шинелях царского парадного конвоя. Слева направо: Николай Толмачев, Александр Белобородов, Георгий Сафаров (стоит), Шая Голощекин. 1918 г.

роста в казацких областях. И, наоборот, — чуждые казацкому национальному архетипу, яростные фанатики РКП(б), чье непримиримое отношение к казачеству органично сочеталось с их генетически неказацким происхождением, сразу получали «зеленую карту» на руководство важнейшими партийно-административными секторами на территориях бывших Войск.

Одним из таких эмиссаров РКП(б) на землях Дона и Кубани, возможно наиболее кровавым палачом казацкого населения в истории стал уроженец Пермской губернии Александр Георгиевич Белобородов[137]. Даже современные российские историографы, стоящие на позиции примиренчества с преступлениями режима РКП(б)-ВКП(б), крайне негативно характеризуют деятельность этого большевистского фанатика. **«Белобородов, с его церковно-приходским образованием, программ и объяснительных записок не писал,** — констатирует ростовский исследователь Сергей Кислицын, — **а просто конкретно направлял террористическое расказачивание, не стесняясь приводить приговоры в действие. С маузером он никогда не расставался. <…> Это был самый настоящий каратель на Дону, а с осени 1919 г. — и на Кубани, без каких-либо оговорок и рассуждений. Решения этого московского эмиссара обеспечивали проведение массового террора без всяких колебаний, оговорок,**

[137] *Белобородов Александр Георгиевич* (14/26.10.1881 — 10.02.1938). Родился в семье русского рабочего в поселении Александровский завод Соликамского уезда Пермской губернии. Образовательный уровень — начальное ремесленное училище. Работал электриком. Член РСДРП с 1907 г. В 1917 г. — член Уральского областного комитета РКП(б) в Екатеринбурге. С января 1918 г. — председатель исполкома Уральского областного Совета. 12 июля 1918 г. подписал решение Уралоблсовета о расстреле «гражданина Романова» — бывшего царя Николая II и его семьи. С апреля 1919 г. уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны по подавлению Вешенского восстания казаков. В дальнейшем руководил массовым демоцидом казацкого населения Дона и Кубани. Пользовался особым доверием Ленина, разделял взгляды Троцкого, назвавшего Белобородова в автобиографической книге «Моя жизнь» своим другом. Расстрелян НКВД (как троцкист) на полигоне «Коммунарка». Поразительно, но является фактом, что «доброе имя» этого патологического убийцы и нравственного урода в 1958 г. было официально реабилитировано в СССР.

разбирательств, объяснений, совещаний и, конечно, — без судов [*выделено нами. — Н.Л.*]»[138].

Неслучайно, по-видимому, что именно весной 1919 года ЦК РКП(б) присылает на Дон представителя Оргбюро ЦК Александра Белобородова, пользовавшегося личным покровительством Троцкого и особым доверием Ленина. Командирование на Юг России этого страшного идейного палача — «машины убийства» в человеческом образе — для кураторства карательными операциями против казаков является убедительным свидетельством новых усилий Центрального комитета РКП(б) по систематизации демоцида. Для членов РКП(б) на Юге России это назначение стало ярким партийным маркером, четкой директивой о том, что государственный террор против казаков будет проводиться с методичной целеустремленностью и в прежнем широком масштабе. Уже в качестве члена Кавбюро ЦК РКП(б) А.Г. Белобородов не уставал доказывать, что для обеспечения политического господства режима РКП(б) на казацких землях Северного Кавказа неотложной мерой ***«является оккупация»***[139].

Новая оккупация войсками РККА казацких земель во второй половине 1919 г. принесла на штыках красноармейцев все те же методы массового расстрельного террора, которые были детально отработаны большевиками на землях Присуда годом ранее. Вновь стали учреждаться специальные комиссии по изъятию оружия у казаков; по-прежнему в массовом порядке вооружались изъятым оружием крестьянские бандформирования «иногородних»[140]. Вновь регулярно проводились мероприятия по обязательной регистрации всех «политически неблагонадежных» граждан при станичных и волостных исполкомах — в эту категорию снова попали практически все казаки-мужчины дееспособного возраста. Игнорирование обязательной регистрации автоматически влекло за собой тюремное заключение от одного до трех месяцев или высылку в концентрационный лагерь. Отметим, что «народная» Советская власть в кратчайший срок подняла организацию «концлагерного дела» на невероятную высоту. Можно без преувеличения констатировать, что РСФСР осталась в мировой истории как страна редкого палаческого таланта уничтожать в массовых масштабах в концентрационных лагерях собственное, в принципе лояльное, даже запуганное население.

Еще более жуткой, в буквальном смысле сатанинской затеей Советского режима стали так называемые «фильтрационные лагеря» для депортируемых на север и восток страны казацких семей. Эти чудовищные по античеловеческой жестокости узилища стоили бюджету Советского государства буквально копейки, поскольку представляли собой вырытые самими заключенными, тесные землянки, крытые соломой или камышом, обнесенные по периметру лагеря колючей проволокой, зачастую вообще без каких-либо средств обогрева и санитарии. Это были подлинные «лагеря смерти». В зиму, под предлогом санитарного карантина перед депортацией, «контрреволюционные» семьи казаков, включая детей, женщин, стариков, под дулами винтовок красноармейцев выгоняли в степь. Здесь на опутанной колючей проволокой территории лагеря «фильтруемые» рыли себе землянки, в которых до весны, впроголодь и без медицинской помощи, дожидались своей депортации. Как правило, к весне 2/3 несчастных

---

[138] *Кислицын С.А.* Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов: Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920–1930-е годы. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — С. 64–65.

[139] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Д.182. Л.87.

[140] ГАРО. Ф.9. Оп.1. Д.1. Л.47.

Научные сотрудники Еланского Мемориал-Музея у фрагмента рва фильтрационного лагеря для депортируемых казацких семей. Этот советский «лагерь смерти» (один из многих) находился у хутора Андроповский станицы Еланской. Верхний Дон. 2013 г.

людей в этом рукотворном аду погибало, а оставшихся гнали к железнодорожным пикетам и осуществляли высылку. Погибали в основном дети, старики, пожилые женщины, более сильные мужчины и молодые женщины выживали — они-то и использовались в качестве даровой рабочей силы на советских «стройках века»[141]. «И только ты, страна полей, предпочитаешь сдуру, делам своих богатырей — их содранную шкуру!» — напишет впоследствии замечательный поэт Николай Панченко.

С территории бывшего Всевеликого Войска Донского казаков ссылали в крупные концентрационные лагеря, расположенные в Царицынской губернии. История зло потешалась над донскими казаками: трижды пытались, да так и не сумели они уничтожить крупнейший форпост большевизма в Царицыне. И вот теперь гнали их по степи ударами прикладов в царицынские лагерные вертепы — на верную смерть от истощения, тифа и пули конвоира. Советская административно-карательная машина отработала методику уничтожения людей в мельчайших деталях: в Царицынской губернии арестантов ожидало два типа лагерей — для принудительных работ и для военнопленных[142]. Общее управление лагерями осуществлялось губотделом принудительных работ. Прибывающие этапы казаков тщательно фильтровались:

[141] Экспедиция Еланского Мемориал-Музея «Донские казаки в борьбе с большевиками» обследовала местоположение двух таких «фильтрационных» лагерей на территории Верхнего Дона — около хуторов Дударевский и Андроповский станицы Еланской. По расчетам экспертов, один такой лагерь (из множества существовавших) вмещал до 2–3 тысяч человек и охранялся регулярными частями РККА, спецотрядами ВЧК-ОГПУ. См. подробнее: Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». Вып. № 4. 2010. — С. 2 сл.

[142] ГАРО. Ф.443. Оп.2. Д.1. Л.116; Д.4. Л.115.

в лагерь принудительных работ направлялись представители станичной бедноты, т.е. в основном дебоширы, алкоголики, чем-то проштрафившиеся перед оккупационной властью коллаборанты. Эта категория заключенных, в своем большинстве, через некоторое время возвращалась по своим домам. Все остальные арестанты, т.е. нормальные, состоявшиеся люди — станичная казацкая старшина, передавались в лагеря для военнопленных. Согласно специальной инструкции от 31 августа 1920 г. такой лагерь состоял из двух отделений — общего (для «изъятых» лиц, еще не прошедших этнополитическую идентификацию) и собственно концентрационного («для врагов Советской власти»). Возврат людей к свободной жизни из концентрационного отделения практически был исключен.

Под общим руководством А.Г. Белобородова машина советского государственного террора на Дону и Кубани не слишком утруждала себя процедурными вопросами. Можно считать, что тем казакам, которые, будучи арестованными, сумели избежать попадания в концентрационные отделения лагерей для военнопленных, — сказочно повезло. В одном из писем народному комиссару финансов РСФСР Николаю Крестинскому, Александр Белобородов четко обозначил свое кредо для исполнения большевистского «правосудия» на Юге России: ***«Необходимо организовать Чрезвычайки и как можно скорее покончить с трибунальным словоизвержением*** [ревтрибуналов. — Н.Л.]. <…> ***Основное правило при расправе с контрреволюционерами: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу*** [N.B.! — Н.Л.], ***я настаиваю на этом самым решительным образом!»***[143]

Отметим, что в целом административно-карательный механизм Советов, причем на всех уровнях — от станичных ревкомов до реввоенсоветов оккупационных формирований РККА — полностью соответствовал доктринальной установке «екатеринбургского мясника» на массовые, внесудебные расправы. Верхне-Донской исполком, например, в приказе от 17 декабря 1920 года предписывал расстреливать на месте всех лиц, задержанных с оружием в руках, в хуторах брать заложников, а казацкие станицы, поднявшие восстания, «беспощадно сжигать». Командарм 1-й Конной армии Семен Буденный в интервью газете «Советский Юг» щедро делился с партийцами своим личным опытом по организации демоцида в казацких станицах. Ниже приводим небольшой фрагмент этой публикации.

«Необходимо уничтожить почву [т.е. традиционную станичную этносферу. — Н.Л.], ***на которую опираются бандиты и порвать связь банд*** [казацких повстанцев. — Н.Л.] ***с сочувствующим населением. Для этого необходимо изъять мужской пол от 18—50 лет в причастных к бандитизму семействах, а семьи главарей выселить и имущество конфисковать*** [N.B.! — Н.Л.].

Для проведения этих мер во всех зараженных бандитизмом станицах вводятся комендатуры, водворяющие революционный порядок и проводящие в кратчайший срок выполнение продналога [т.е. разграбление продуктовых запасов семей казаков. — Н.Л.]. ***Революционный порядок должен соблюдаться неукоснительно: в станицах и близлежащих хуторах действуют экспедиционные отряды и чрезвычайные политические комиссии*** [те самые «чрезвычайки», учредить которые требовал цареубийца Белобородов. — Н.Л.], ***в составе представителя ВЧК, ревтрибунала, военного начальника и представителя парткома. Указанные меры также проводятся и в Терской области*** [территория бывшего Терского Войска].

---

[143] Цит. по: *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. — М.: Республика, 1992. — С. 316.

Для примера приведу Бугустанскую станицу. В этой ст[анице] ***мы взяли заложников, причастных к бандитизму*** [очевидно — членов семей повстанцев], ***в количестве семи человек и расстреляли их. После расстрела заложников население немедленно взяло на себя обязательство возвратить бандитов из Бугустанского леса. В течение 24 часов было привезено 60 бандитов во главе с предводителем. Полагаю, что только такими методами борьбы мы сможем покончить в кратчайший срок с бандитизмом на Северном Кавказе»***[144].

Жесточайший государственный террор, обрушенный на казаков Войска Донского во второй половине 1920 г. подразделениями Красной Армии и спецотрядами ВЧК, оставлял на месте казацких хуторов и станиц пустыню. ***«Каждый раз от затеянной контрреволюционерами гражданской войны страдало рядовое казачество,*** — размышлял в сентябре 1920 года Лев Троцкий. — ***Дон обезлюдел. А если бы Кубань решила идти по пути Дона, то есть по пути новых и новых восстаний, ее постигла бы та же участь»***[145]. Председатель Реввоенсовета РСФСР, в данном случае, с особым цинизмом — искренне и весело — издевался над неизбывным горем славянского большинства покоренной большевиками России. Уж кто-кто, а Лев Троцкий был прекрасно осведомлен, что казацкая Кубань пострадала от людоедской политики демоцида ничуть не в меньшей степени, чем казацкий Дон. Выше мы уже рассматривали акты массового террора и этнических чисток, которые методично осуществляли в начале 1920-х гг. подразделения РККА и органы ВЧК в горной Кубани (Баталпашинский и смежные отделы ККВ). Однако, и на остальной территории бывшего Кубанского Войска политика уничтожения казацкого народа осуществлялась в таких же широчайших масштабах. «По мере того, как силы Врангеля в Крыму слабели, — отмечает в этой связи Н.В. Кратова, — Советская власть, наоборот, укрепляла свои позиции на Северном Кавказе, приступая ко все более активным действиям, направленным против казачества»[146]. Историк подчеркивает, что в конце Гражданской войны директива «окончательного решения» по ликвидации казацкого этнополитического фактора исходила из большевистского Кремля, а практические мероприятия по организации государственного террора координировались как региональными, так и центральными органами Советской власти.

Государственный террор, система заложничества и концлагеря на Кубани: 1920–1922 гг. Оккупационная логика действий режима ВКП(б) на Кубани хорошо просматривается в региональной кадровой политике большевиков. В первую «тройку» партийно-политического руководства Кубано-Черноморского обкома не вошло ни одного казака по этническому происхождению, хотя среди региональной партийной верхушки ВКП(б) находились весьма заметные казацкие коллаборанты. Ведущими функционерами Советской власти на Кубани стали в эти годы великорус В.Н. Касаткин[147],

---

[144] Советский Юг. 1921. 18 октября.

[145] Голос трудового казака. 1920. 29 сентября.

[146] *Кратова Н.В.* К вопросу о причинах повстанческого движения на Кубани в начале 1920-х гг.// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 97.

[147] *Касаткин Василий Николаевич* (06.12.1981 – 1961) — активный участник Гражданской войны, советский политический и административный деятель. Происходил из семьи русских крестьян Чухломского уезда (ныне Солигаличский район) Костромской области. Окончил Петербургский педагогический институт в 1912 г. Член

евреи М.С. Эпштейн[148] и И.И. Гольдман. С марта 1920 г., сразу же после оккупации Красной Армией большей части Кубани, «екатеринбургский мясник», член Оргбюро ЦК РКП(б) Александр Белобородов был назначен секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), т.е. стал осуществлять высшее руководство всеми парторганизациями Северного Кавказа. Результатом этого назначения стали потоки крови казацкого населения кавказской части Присуда.

Официальные документы Советской власти: доклад члена коллегии ВЧК М.И. Лациса и отчет особоуполномоченного ВЧК К.И. Ландера (декабрь 1920 г.) убедительно показывают, что уже в первой половине 1920 г. на Дону и Кубани большевики создали жесточайший военно-оккупационный режим[149]. Донские и кубанские районы Присуда были поделены на оперативные сектора, секции и подсекции. В каждой подсекции действовали «особые тройки», созданные чекистами, задачей которых стало «выявление врагов Советской власти», поголовное разоружение казацкого населения и массовый внесудебный террор. Чекистские «тройки» творили невероятные по жестокости зверства, а кровавые методики демоцида при кураторстве А.Г. Белобородова стали основным языком коммуникации «народной» Советской власти с ограбленным, запуганным, нравственно истязаемым казацким населением. Офицеров-казаков даже нижних чинов, например, урядников, поголовно обязывали регистрироваться, а затем арестовывали и под конвоем чекистов отправляли на север, в Великороссию. На пересыльных этапах многих казаков бессудно расстреливали при отделах ВЧК-ОГПУ или на железнодорожных станциях. По прибытию на Русский Север всех их ожидали концлагеря и, в большинстве случае, смерть от пуль конвоиров и расстрельных команд. Та же участь постигла казацкую национальную интеллигенцию и священнослужителей. У оставшихся станичников большевики взяли на учет буквально все: товарный хлеб, кормовое зерно и сено, лошадей, рогатый скот, свиней, овец, домашнюю птицу, даже пчелиные семьи. Большевистские мытари определили норму расходов для каждой казацкой

РСДРП с 1912 г. В 1919–1920 гг. входил в военно-политическое руководство 3-й армии Восточного фронта и 9-й армии РККА Юго-Восточного фронта. В 1920–1924 гг. – секретарь Азово-Черноморского крайкома РКП(б) в Екатеринодаре, начальник Политуправления Кавказского фронта, секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Отличался крайним конформизмом, в период работы в Кубано-Черноморской области являлся «бледной тенью» Моисея Эпштейна, выполняя с неподдельным энтузиазмом все указания последнего. Вовремя сменил деятельность в сфере партийного строительства ВКП(б) на карьеру организатора педагогического процесса. Ввиду своей полной политической беззубости уцелел во время сталинских чисток 1937–1938 гг. Умер в Москве.

[148] *Эпштейн Моисей Соломонович* (1890 – 03.09.1938) – активный функционер политического руководства Красной Армии в годы Гражданской войны, советский партийный и административный деятель. Родился в ортодоксальной еврейской семье в местечке Ружаны Гродненской губернии. Политическую деятельность начал в качестве члена еврейской организации «Бунд». Член РКП(б) с 1919 г. В 1920–1921 гг. член РВС 9-й армии Кавказского фронта. Вместе с командующим 9-й армией М.К. Левандовским и начальником Особого отдела ВЧК Кавказского фронта К.И. Ландером, координировал кровавый демоцид казацкого народа на Кубани. По образному свидетельству Буденного, в административной работе на Кубани в 1921–1922 гг. держал при себе В.Н. Касаткина в качестве «собачонки». В эти годы являлся ответственным секретарем Кубано-Черноморского обкома РКП(б). В 1929–1937 гг. заместитель наркома просвещения РСФСР. Арестован 15 октября 1937 г. Через год, испытав в подвалах Лубянки все ужасы допросов «с пристрастием», расстрелян.

[149] *Сталин И.В.* О политическом положении Республики// Сочинения. Т.4. – М.: Политиздат, 1951. – С. 380–381; Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. – Ростов н/Д., 1921. – С. 47–48.

Почетный казацкий караул у могилы генерала Врангеля в Белграде. Слева направо: генерал В.К. Венков, генерал М.А. Фостиков (в белой папахе), генерал Д.В. Репников, генерал Т.И. Остроух, полковник Ф.Е. Головко. 1929 г.

усадьбы, а на использование продуктов питания и сельскохозяйственного сырья сверх нормы наложили строжайший запрет. «В станицах процветал сыск, — со скорбью пишет историк П.Н. Стрелянов-Кулабухов, — у казаков отбирали строевых лошадей, седла и обмундирование (оружие сдано раньше). В конце апреля 1920 г. приступили к насильственным реквизиям хлеба и рогатого скота. Большевистская милиция грабила, убивала, расстреливала, многих казаков выдавали местные бездомные [*доносчиками являлись «иногородние», а цель доносов — вселение в опустевшие дома депортированных семей. — Н.Л.*]»[150].

Ненависть к большевикам подвигла на яростное, но заведомо обреченное сопротивление всю казацкую Горную Кубань, прежде всего — Баталпашинский отдел ККВ (станицы Баталпашинская, Кардоникская, Зеленчукская, Передовая, Сторожевая, Преградная, Удобная, более 50 хуторов). К концу июня 1920 г. казацкое национальное восстание уже охватило Майкопский и равнинный Лабинский отделы Кубани. Повстанческая «Армия возрождения России», под командованием национального героя казацкого народа, генерал-майора М.А. Фостикова летом-осенью 1920 г. очистила от оккупационных войск РККА значительную часть Горной Кубани. В станицах восстанавливались традиционные казацкие формы правления, выбирались атаманы и Советы стариков. В отместку, в июле 1920 г., чекисты зверски убили родственников Михаила Фостикова, — всех, кого только сумели арестовать: ветхую, уже слепую бабушку генерала, его престарелого отца, старшую сестру-вдову с шестью

[150] *Стрелянов-Кулабухов П.Н.* Красный террор на Кубани. 1918–1920 гг.// Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края. — Краснодар: ООО «Книга». Том 1 (22). 2006. — С. 449.

детьми, еще несколько дальних родственников. Практику бессудных расстрелов родственников известных вождей повстанцев органы ВЧК применяли в 20-х гг. весьма широко. В этом же 1920 году были расстреляны, как заложники, родители и двоюродные братья известного кубанского командира повстанцев, полковника М.Н. Жукова, отряд которого дислоцировался в Приазовских плавнях[151]. Чуть позже чекисты расстреляли отца и мать другого известного повстанческого атамана, хорунжего В.Ф. Рябоконя[152].

Долгое время сдерживать натиск Красной Армии, многократно превосходящей их в силах и средствах, боевые побратимы М.А. Фостикова, испытывающие острый дефицит боеприпасов и фактически не имеющие ствольной артиллерии, конечно же, не могли. В сентябре 1920 г. повстанческие отряды «Армии возрождения России» были вытеснены красными в район Адлер — Сочи, а затем эвакуированы в Крым кораблями генерала Врангеля. А во всех казацких станицах так называемой Кубанско-Черноморской области на полную мощь заработала страшная машина государственного террора Советского режима. Представление о четкой спланированности, внесудебности и, как следствие, чрезвычайной кровопролитности этих актов демоцида может дать публикуемый ниже документ 9-й армии РККА (орфография и пунктуация документа сохранена).

Сведения о применении репрессий к населению станиц, которые были заняты бандами белых, и их результаты с 1-го по 20-е сентября 1920 г.

Совершенно секретно. Переписка оперативного характера.

1. Какие и в каких станицах были применены репрессии с 1-го по 20-е сентября 1920 года, в чем они выразились, количество разстрелянных.

2. Отношение населения станиц к Советвласти до наступления и применения репрессий, во время наступления и прим. репрессий в настоящее время.

3. Количество добровольно вернувшихся бандитов[153] с оружием и без оружия.

4. Что еще желательно было бы сделать для окончательного нашего закрепления на Кубани.

100-я бригада:

1. Ст. Кужорская — все семьи бандитов выселены в Майкоп. Разстреляно 18 бандитов.

Ст. Махошевская — конфисковано имущество бежавших к бандитам и разстрелян 1 человек.

Ст. Костромская — разстреляно 6.

Ст. Ярославская — конфискация имущества бежавших, разстреляно 5 человек.

---

[151] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: В 4 томах. Т. 1. 1918—1922 гг. — М., 2000. — С. 789.

[152] Там же. — С. 803.

[153] Слово «бандиты» в документах 9-й армии РККА (равно, как и в других документах Советской власти 20-х гг.), в большинстве случаев, означало восставших против режима ВКП(б) этнических казаков. В начале 1930-х гг., в период коллективизации, этот термин распространили вообще на всех повстанцев, вне зависимости от их национальности, которые выступали с оружием в руках против Советского государства.

2. До наступления [РККА. – Н.Л.] ***и применения репрессий отношение казачества к Советской власти было враждебное, а среди иногородних сочувствующее. После репрессий настроение казачества покорное, а иногородних — сочувствующее.***

3.Ст. Кужорская. Вернувшихся без оружия 9 человек. С оружием — ни одного.

Ст. Махошевская. Вернувшихся без оружия — 228. С оружием — 5 человек.

Ст. Ярославская. Вернувшихся без оружия 60 человек. С оружием — ни одного.

101-я бригада:

1.Ст. Хадыженская — обстреляна артогнем.

Ст. Кабардинская — обстреляна артогнем, сожжено 8 домов, разстр[еляно] ***2 человека.***

Хутор Кубанский — обстрелян артогнем.

Ст. Гурийская — обстр. артогнем, взяты заложники.

Ст. Черниговская — обстреляна артогнем, сожжено 3 дома.

Ст. Пшехская — обстреляна артогнем, взяты заложники.

Ст. Бжедуховская — сожжены 60 домов.

Ст. Мартанская — сожжено 9 домов.

Ст. Апшеронская и хутор Куринка обстреляны артогнем, при чем в последнем сожжен — дом атамана.

2. До применения репрессий население станиц к Советвласти было настроено враждебно, во время же применения репрессий и после таковых дало обещание всецело поддерживать Советвласть. За исключением ст. Бжедуховская, Мартанская и Черниговская, которые до сего времени настроены враждебно и контрреволюционно к Советвласти.

3. Добровольно вернулось без оружия 29 и с оружием 25 человек.

Лаб[инская] ***группа:***

1. Ст. Чамлыкская — разстреляно 23 челов.

Ст. Родниковская — разстреляно 11 челов.

Ст. Лабинская — разстреляно 42 чел.

Ст. Мостовая и Зассовская — 8 человек [расстрелянных].

Ст. Каладжинская — 12 человек.

Ст. Псебайская — 48 человек.

Ст. Андроновская — 16 человек.

Кроме того, разстреляны полками при занятии станиц, которым [жертвам красных карателей] ***учета не велось***[154]***.***

---

[154] В данной сводке в число «разстреляных» внесены лишь те повстанцы, которых уничтожили в ходе карательных мероприятий уже после фактической оккупации станиц войсками РККА. Ликвидация производилась, по-видимому, по решению полковых трибуналов РККА или органов ВЧК. Потери повстанцев и число жертв среди мирного населения во время обстрела станиц из артиллерийских орудий не учитывались. Анализ аналогичных исторических событий позволяет предположить, что именно первичный штурм красноармейцами восставших станиц сопровождался наибольшим кровопролитием — причем не столько с целью покарать повстанцев (большинство которых скрывалось в горах и плавнях задолго до захвата селений), сколько с целью сокрытия фактов разнузданного грабежа и насилий над женщинами.

2. Отношение населения станиц до применения репрессий было антибольшевицкое, вследствие чего явился поголовный уход жителей в горы со всем имуществом. После применения репрессий жители понемногу начали возвращаться в станицы и относиться к Советвласти безразлично покорно, как побежденные.

3. Вернулось без оружия в ст. Владимирская — 108 человек.

[Неразборчиво] ***группа:***

1. Ст. Тульская — конфисковано имущество и произведены аресты.

Ст. Ханская — разстреляно 100 человек, конфисковано имущество и семьи бандитов отправляются в глубь России.

2. Отношение населения станиц до применения репрессий было враждебное к Советвласти, в настоящее время население понемногу принялось за работу.

3. Вернулось 38 человек, из которых один с оружием. Вернулся 1 бандит.

4. Общий вывод: желательно проведение в жизнь самых крутых репрессий и ПОГОЛОВНОГО ТЕРРОРА на контр-революционные станицы [выделено карателями 9-й армии РККА. — Н.Л.] [155].

Исходная инициатива, главная директивная установка на уничтожение казацкого народа, бесспорно, принадлежала центральным структурам ВКП(б). В казацкие регионы эта установка передавалась, по-видимому, сразу по нескольким каналам, причем реакция административно-карательного механизма ВКП(б) зачастую запаздывала по отношению к соответствующей реакции большевистской прессы. С конца июля 1920 г. на территории Кубанского Войска быстро начинает раскручиваться маховик массового государственного террора. Подготавливая общественную атмосферу всеобщего страха перед жесточайшим насилием специальных отрядов РККА и ВЧК, красная пресса начинает открытым текстом запугивать казацкое население. Так, например, 1 августа 1920 г. в статье «От слов к делу» газета «Баталпашинская правда», пропагандистский рупор Ревкома РКП(б) Баталпашинского отдела, предупреждала местных казаков:

«…Приказ № 18 указывает всему населению [Кубани]***, что Советская власть разгромила во всех концах своих многочисленных врагов, указывает на непобедимую силу Советской власти и вместе с этим говорит о той бессмысленной авантюре, которую повсюду на Кубани затевают оставшиеся агенты Деникина в лице различных палачей, офицеров и казаков*** [судя из контекста слово «палач» являлось у большевиков синонимом слов «офицер» и «казак». — Н.Л.].

На территории нашего отдела тоже затевается глупейшая авантюра гражданской войны [речь идет о повстанческой борьбе казаков. — Н.Л.]. **Эта авантюра вне всякого сомнения будет ликвидирована — силою указанных мер в приказе и силою Красной армии бандиты и их пособники будут уничтожены. Вплоть до превращения в пепел станиц** [N.B. — Н.Л.] ***Советская власть будет беспощадно вытравливать корешки и хвостики деникинской затеи.***

---

[155] РГВА. Управление 9-й Кубанской армии Северо-Кавказского военного округа 1918—1921 гг. Ф.192 Оп.3. Д.1063. Л.28, 31; Д.1064. Л.38—39; Д.1050 Л.3, 5, 5 об, 6.

Колеблющимся и тайным пособникам бандитов следует трижды прочесть приказ № 18 и в предоставленный им последний час выбрать определенно — или рука об руку с Советской властью или открыто против нее.

Мы переходим от слов к делу»[156].

К жуткому, кровавому делу массовых внесудебных расстрелов казацкого населения в оккупированных Красной Армией районах Кубани и Черноморья большевики перешли весьма оперативно. С маниакальным цинизмом (вспомним аналогичные публикации в листовках нацистских оккупационных властей), начиная с августа 1920 г., большевики стали публиковать в своих газетах сведения не только о фактах состоявшихся расстрелов, но и длинные списки фамилий и имен уничтоженных ими людей. Практически каждый выпуск кубанских газет в этот период имеет раздел с сообщением о произведенных расстрелах «бело-зеленых» казаков и офицеров. Уже 4 августа «Баталпашинская правда» опубликовала списки первых 20 расстрелянных повстанцев[157]. Центральные региональные издания РКП(б) в деле нагнетания в сердца людей чувства ужаса и безысходности не отставали от районных листков агитпропа. Например, 5 августа 1920 г. газета «Красное знамя», издаваемая большевиками в Екатеринодаре, с особым кликушеским пафосом сообщала:

«Враги Советской власти делают попытку восстания на Кубани.

Они хотят восстановить самодержавный царский режим.

Они хотят отнять у трудящихся землю и вернуть ее кулакам и помещикам.

Они хотят утопить в крови все завоевания трудящихся.

Но этому не бывать! Советская власть окрепла и уничтожит все происки богачей.

Российскую советскую Республику поддерживают рабочие и крестьяне всего мира.

Всякое сопротивление кулаков бессмысленно, потому что они будут беспощадно раздавлены Красной армией и сознательными рабочими.

Все, кто дерзнет поднять руку на Красную армию, будут беспощадно расстреляны.

СПИСОК

расстрелянных за вооруженное выступление против Советских войск в ст. Григорополисской:

1. Кривенцов Яков. 2. Татков Иван. 3. Котлов Семен. 4. Соколов Александр. 5. Тиханов Александр. 6. Котлов Михаил. 7. Орлов Сергей. 8. Хрусталев Филипп. 9. Разниченко Иван. 10. Корольков Яков. 11. Костякин Дмитрий. 12. Головинский Василий. 13. Менервин Филипп. 14. Золотов Клементий. 15. Кленка Валентина. 16. Кленк Александр. 17. Филимонов Василий. 18. Агледзе Георгий. 19. Шершнев Яков. 20. Паньков Василий. 21. Шелинкин Иван. 22. Рожновкин Никита. 23. Колесников Михаил. 24. Корнеева Анна. 25. Овечников Федор. 26. Чернявский Валентин. 27. Зотов Иван. 28. Корнев Петр. 29. Сосов Аникей. 30. Шебаршин Федор»[158].

---

[156] Редакционная передовица «От слов к делу» // Баталпашинская правда. 1920. 1 августа. В статье озвучивается приказ командарма 9-й Кубанской армии М.К. Левандовского от 22 июля 1920 г. с перечислением мер тотального террора против казацких станиц, в окрестностях которых действовали «бело-зеленые» повстанцы. См. подробнее: РГВА. Ф.192. Оп.1 Д.96. Л.22, 22-об.

[157] Баталпашинская правда. 1920. 4 августа.

[158] Красное знамя (Екатеринодар). 1920. 5 августа.

18 августа «Красное знамя» сообщает о расстреле очередной группы кубанских повстанцев — 84 «контрреволюционера» были отправлены палачами ВЧК «в ставку Духонина» по обвинению в антисоветской деятельности. 21 августа 1920 г. эта же газета сообщила, что 15 августа Кубано-Черноморская ЧК вынесла расстрельный приговор 18 «бело-зеленым», который уже приведен в исполнение. 22 августа «Красное знамя» вновь публикует длинный список расстрелянных казаков, на этот раз «народная» Советская власть уничтожила 88 человек[159]. По подсчетам историков А.А. Черкасова и О.Ю. Чекереса только в течении августа 1920 г. (согласно информации в красной прессе) карательный механизм Советского государства уничтожил на Кубани не менее 240 человек. Исследователи специально подчеркивают, — «разумеется, это далеко не полные цифры жертв красного террора»[160].

С небольшим опозданием по отношению к развернувшейся агитпроповской кампании по запугиванию казацкого населения, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия 10 августа 1920 г. обнародовала свою специальную телеграмму, адресованную ***«населению Кубанской и Терской областей, Ставропольской губернии и Черноморского побережья»***, т.е., прежде всего, этническим казакам. В этом документе чекисты констатировали, что Советская власть столкнулась на Северном Кавказе с массовым «бело-зеленым бандитизмом» (читай — казацким и горским национально-освободительным движением), с захватом «бандитами» оружия и даже целых станиц, с повсеместным истреблением советских и партийных работников. К борьбе с повстанцами ВЧК призвало все «трудовое население Кубани и Черноморья», под которым, хорошо зная эвфемистский сленг большевиков, современники легко угадывали «иногороднюю» переселенческую массу, всегда готовую поддержать Советскую власть в ее борьбе с «народом-помещиком» и горцами. Одновременно, в этом же документе, чекисты перечислили методы «беспощадной расправы», которые будут обрушены на казацкое население Северного Кавказа в случае дальнейшей поддержки станичниками «бело-зеленых» повстанцев. Станицы и аулы, предупреждали чекисты, которые укрывают «бело-зеленых», будут уничтожены, а все взрослое население в них — расстреляно. Все лица, оказывающие то или иное содействие повстанцам, — будут расстреляны. Родственники повстанцев, взятые на учет структурами местной ЧК, в случае продолжения антисоветской борьбы в окрестностях их станиц, должны быть арестованы и расстреляны. В случае массовых антисоветских выступлений станиц и городов Северного Кавказа ВЧК угрожала красным классовым террором — ***«уничтожением за каждого убитого красноармейца или советского работника сотен лиц, принадлежащих к буржуазным слоям»***[161].

Немедленно после оккупации Кубани и Черноморья подразделениями РККА, Советская власть озаботилась устройством здесь (как ранее на Дону) концентрационных лагерей. Во второй половине 1920 г. основную функцию по «переработке» намеченного к уничтожению мирного населения выполнял Краснодарский концентрационный лагерь, а также огромная тюрьма-концлагерь в станице Славянской. Вскоре, в связи с массовыми «изъятиями»

---

[159] Там же. 1920. 18, 21, 22 августа.

[160] *Черкасов А.А., Чекерес О.Ю.* К вопросу о красном терроре на территории Кубани и Черноморья в 1920-1922 гг.// История и историки в контексте времени: Сб. науч. тр. — Краснодар: Изд-во Куб. ГУ. Вып. 2. 2003. — С. 58.

[161] Государственный архив города Сочи (ГАГС). Ф.Р-116. Оп.1. Д.10. Л. 11–12.

заложников и необходимостью обеспечить их планомерный «расход», этих «мощностей» стало явно не хватать. Тогда, 16 января 1921 г. большевики организовали еще два концентрационных лагеря — в Новороссийске и Армавире[162]. Здесь, как отмечают специалисты, также осуществлялись массовые казни повстанцев и заложников, — число уничтоженных людей исчислялось многими сотнями[163].

В июне-июле 1920 г. на территории Кубанско-Черноморской области большевики перешли к практике ареста заложников в тех станицах, которые внушали им опасения своей антисоветской настроенностью. Право на захват заложников в среде «народа-помещика» явочным порядком присвоили буквально все структуры административно-карательной машины Советского режима. «До марта 1921 г. взятие в заложники на Кубани и Черноморье происходило самочинным путем, — констатируют А.А. Черкасов и О.Ю. Чекерес. — Право на взятие имели все советские органы, включая местные станичные ревкомы. Заложников, если в населенном пункте не имелось арестного дома, отправляли в Краснодарский концентрационный лагерь»[164]. Когда же чекисты убедились, что даже превентивные расстрелы не способны остановить развитие повстанческого движения в казацких районах Юга России, местные оккупационные структуры РККА и ВЧК получили установку перейти к массовым арестам и расстрелам заложников буквально по разнарядкам и площадям[165].

9 марта 1921 г. член Реввоенсовета 9-й Кубанской армии Моисей Эпштейн санкционировал первую централизованную операцию по аресту заложников в 20 населенных пунктах Кубани. В приказе, завизированном Эпштейном и вышедшем под совместным грифом РВС 9-й Кубанской армии и Кубано-Черноморского Облисполкома, предписывалось:

«1. Немедленно по получении сего приказа на местах взять в качестве заложников, в числе от 5-ти до 10-ти человек, лиц из кулацких элементов и вообще враждебно настроенных против Советской власти в следующих городах и станицах:

Ново-Нижестеблиевской, Старо-Джерелиевской, Степной и Ивановской — Славянского отдела; гор. Ейска, Албанской, Новоминской и Староминской — Ейского отдела, Кубанской и гор. Майкопа — Майкопского отдела; гор. Баталпашинска и Темнолесской — Баталпашинского отдела; Усть-Лабинской и Тихорецкой — Кавказского отдела; Эриванской, Баканской, Ключевой, Мартанской, Бжедуховской и Кущевки — Краснодарского отдела.

2. Заложников содержать в отделениях особого отдела армии на местах или в местных отдельских чрезвычайных комиссиях, где указанных отделений не имеется.

3. О каждом вынесенном смертном приговоре и о причинах его вызвавших немедленно, по выяснении, доносить телеграфом в Реввоенсовет армии и Кубчерисполком.

4. Приговор должен приводиться в исполнение через 48 часов после его вынесения, если за это время не последует особого распоряжения Реввоенсовета армии и Облисполкома о его приостановлении»[166].

---

[162] ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.117. Л.3–4 об.

[163] *Черкасов А.А., Чекерес О.Ю., 2003*. Указ. соч. — С. 64.

[164] Там же. — С. 63.

[165] См. подробнее: *Черкасов А.А.* Институт заложничества на Кубани и в Черноморье в 1920-1922 гг. // Вопросы истории. 2004. № 10. — С. 106–114.

[166] Архивный отдел администрации города Новороссийска (АОГН). Ф.Р-9. Оп.1. Д.47. Л.64–64 об.

Через несколько дней эта людоедская инициатива М.С. Эпштейна, санкционированная, очевидно, в Кремле, получила дальнейшее развитие в секретном циркулярном приказе Реввоенсовета (РВС) 9-й Кубанской армии и Кубанско-Черноморского Областного исполкома (КЧО ИКС) № 393 от 15 марта 1921 г. В данной директиве, заверенной подписями врид командующего 9-й Кубанской армией Чернышева, члена РВС Эпштейна, зампредседателя Облисполкома Галактионова, временно исполняющего дела начальника Штаба СКВО Кондратьева, в частности, отмечалось:

«…Некоторые элементы из кулацкого населения [советский эвфемизм, обозначающий казацкое население. — Н.Л.] ***в своих мечтах о возврате помещика и капиталиста к власти вместо того, чтобы заниматься мирным созидательным трудом, сознательно поддерживают бело-зеленых бандитов, нападающих на мирные станицы и на одиночно следующих красноармейцев и советских работников.***

Эта поддержка путем снабжения бандитов продовольствием, предоставлением убежища, поддержанием связи способствует размножению банд, успешности их к разрушительной работе.

РВС и КЧО ИКС приказывает:

1) начдивам и военкомдивам и командиру Кубанской отдельной стрелковой бригады (в пределах их районов) и отдельским исполкомам, по взаимному соглашению, немедленно взять из станиц, хуторов и аулов, оказывающих поддержку бело-зеленым бандитам, заложников из кулацких элементов;

2) широко оповестить население станиц и хуторов, что в случае убийств или ограбления красноармейцев и советских работников будет расстреляна часть заложников станиц, хуторов и аулов, в районе которых произошло преступление;

3) расстрел заложников производить по совместному единогласному решению начдивов, военкомдивов или комбрига Кубанской и отдельских Предисполкомов.

В случае разногласия этим лицам обращаться в Реввоенсовет 9 и Облисполком для получения окончательного решения;

4) о каждом случае расстрела заложников и причин, вызвавших это, широко извещать население, немедленно донося Реввоенсовету 9 и Облисполкому.

Приказ ввести в действие по телеграфу»[167].

В тот же день, 15 марта 1921 г., приказ № 393 получил дальнейшую детализацию в секретной директиве № 394, которая вышла под совместным грифом РВС 9-й Кубанской армии и Кубанско-Черноморского Облисполкома и фактически дословно повторяла первоначальную установку М.С. Эпштейна от 9 марта. Приказы № 393 и 394 толкнули новую волну государственного террора Советской России против казаков. Так, несмотря на то, что в Кавказском отделе бывшего Кубанского Войска в марте 1921 г. практически не регистрировалось действий казаков-повстанцев, тем не менее, здесь — в станицах Тифлисской, Казанской, Кавказской, Новобекешевской, Тихорецкой, Новопокровской и Темижбекской отряды ВЧК взяли заложников.

Заглушить национально-освободительную борьбу казаков даже такими чрезвычайными мерами, как арест родственников повстанцев с последующим доведением безвинных

[167] АОГН. Ф.Р-9. Оп.1. Д.47. Л.63–63 об.

**Казаки станицы Северской Кубанского Войска с домочадцами. 1909 г.
Справа — урядник Сергей Овчаренко, слева — братья Лозинские — Михаил, Василий, Константин.
Кровавый молох Революции уничтожил десятки тысяч казацких семей**

людей до гибели в концентрационных лагерях, тем не менее, не удалось. С приходом весны и, соответственно, с возвратом зеленой листвы, скрывающей походные лагеря и тропы повстанцев, атаки не смирившихся с поражением в Гражданской войне казаков на опорные пункты и коммуникации красных оккупантов резко активизировались. В ответ режим РКП(б), не ведающий иных решений, кроме жесточайшего террора, немедленно распространил античеловеческую практику заложничества на женщин и детей казаков.

Следует подчеркнуть, что в третьем десятилетии XX века систематическое государственное насилие над детьми и женщинами в целях обеспечения административного или военного контроля на каких-либо территориях однозначно осуждалось (и не допускалось!) во всех цивилизованных странах мира даже при ведении боевых действий против внешнего врага. Впоследствии, после Второй мировой войны, подобные деяния были юридически расценены мировым сообществом как квалифицирующий признак события геноцида — преступления против человечества.

Большевики, как со знанием дела пояснял их вождь Владимир Ленин, и в вопросах общечеловеческой морали предпочитали «идти своим путем» — заведомо преступным. Новый совместный приказ Реввоенсовета 9-й армии и Кубано-Черноморского облисполкома № 693 от 7 мая 1921 г. четко и недвусмысленно предписывал «в нужных целях» захватывать в заложники семьи так называемых «бандитов»: ***«…Наглость бандитов не прекращается.***

Решив раз и навсегда положить конец бандитизму и вывести окончательно эту заразу, в выполнение и развитие ранее отданных приказов (№ 393, 394 и 675/1131/оп) Революционный Военный Совет IX армии и Кубанско-Черноморский Областной Исполнительный Комитет Советов приказывают:

Кроме заложников из кулацкого элемента и враждебно настроенного против Советской власти населения, в нужных целях применять репрессии к семьям бандитов, предоставив полномочия для применения таковых лицам, указанным в пункте 1 приказа 675/1131/оп.

Приказ ввести в действие по телеграфу»[168].

После вышеприведенной директивы о захвате в заложники семей повстанцев число заключенных в концентрационные лагеря Кубани быстро достигает огромных масштабов. Одновременно растет число жертв внесудебных расстрелов — по оперативным приговорам, вынесенным начдивами и военкомдивами. По подсчетам историков А.А. Черкасова и О.Ю. Чекереса только за три месяца, с ноября 1920 г. по январь (включительно) 1921 г., и только в Краснодарском концлагере большевистские палачи расстреляли 720 заключенных, большую часть которых, по-видимому, составляли этнические казаки[169]. Не злокозненные агенты Антанты или презираемые красным ареопагом РКП(б) пацифисты, а сами палачи-чекисты из ВЧК признавали в своих донесениях, что ***«кулачество терроризировано в связи с массовыми расстрелами заложников»***[170]. Убедительным подтверждением того, что под эвфемизмом «кулачество» сотрудники совесткой «охранки» понимали, прежде всего, казацкое население, служит факт резкого увеличения повстанческой активности кубанских казаков весной 1921 г. Циничные издевательства, неприкрытый грабеж, гибель в кровавых застенках близких людей заставляли даже самых миролюбивых, предельно уставших от бесконечной войны станичников выкапывать из заветных тайников старенькие винтовки, чтобы мстить и мстить, вплоть до своего смертного часа, безжалостным оккупантам.

В свою очередь режим РКП(б) демонстрировал непреклонную решимость «вычистить железной рукой» любые ростки казацкой национальной инициативы, любые напоминания о былом этнополитическом значении казачества на Юге России. 12 января 1921 г. Центральный комитет РКП(б) создал две специальные комиссии с целью «спешно подготовить меры военной ликвидации бандитизма». Аналогичные партийные структуры для оперативного применения регулярных войск РККА против антисоветски настроенного гражданского населения создавались и на региональном уровне[171]. Новое дыхание получила давняя тактика большевиков по стравливанию этнических казаков с местными диаспорами братских славянских народов. Так, например, участники закрытого заседания партийного руководства Кубанско-Черноморской области 13 марта 1921 г. просили Кавбюро ЦК РКП(б) (т.е. фактически товарища Белобородова) создать для борьбы с казацкими «бандитами» боевые отряды из «бывших красных партизан» (т.е. из русских «иногородних»), а также заменить

---

[168] АОГН. Ф.Р-9. Оп.1. Д.47. Л.64.

[169] *Черкасов А.А., Чекерес О.Ю., 2003*. Указ. соч. — С. 64.

[170] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: В 4 томах. Т. 1. 1918—1922 гг. — М., 2000. — С. 432.

[171] ЦДНИРО. Ф.4. Оп.1. Д.85. Л.154; ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.138. Л.24 об, 25; Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р-1316. Оп.1 Д.8. Л.20—23.

сочувствующих казакам милиционеров (из числа коренных жителей региона) выходцами из центральных областей Великороссии. Провокационная политика большевиков, прикрытая пустозвонными речами об интернационализме, а на деле сталкивающая народы в фактическом противоборстве, приводила порой к страшным результатам. 9 июня 1924 г. на хуторе Червонном Армавирского отдела отряд атамана Шершнева, при полном одобрении местных казаков, жестоко казнил 24 коммунара-переселенца. В конечном итоге, этот варварский акт бессмысленной мести только ослабил позиции местного казацкого населения, — по решению кубанского обкома РКП(б) карательные отряды ЧОН осуществили в Армавирском отделе массовые «внесудебные расправы», т.е. расстрелы всех неблагонадежных станичников, когда-либо попадавших «на карандаш» ОГПУ[172].

Нечеловеческая, необъяснимая с позиций православного в своей основе казацкого менталитета жестокость большевиков вызвала новую вспышку повстанческого движения. Несмотря на массовые захваты заложников и столь же массовые расстрелы их, численность казацких повстанцев на Кубани и Тереке продолжала быстро расти, достигнув своего максимума летом-осенью 1921 г. В первой декаде мая, по сведениям ВЧК, численность повстанцев, действовавших только в одном равнинном Лабинском районе Армавирского отдела Кубани, достигла 1 тыс. сабель. В более благоприятном для партизанских действий, горном Баталпашинском отделе численность повстанцев в этот период достигла 2 тыс. бойцов[173]. Региональные структуры РКП(б) на Северном Кавказе признавали, что весной 1921 г. на Кубани и Тереке ***«сформировались целые повстанческие армии из сохранившихся бандитских кадров»***[174]. Штаб СКВО Красной Армии 5 июня 1921 г. в своем докладе Реввоенсовету Республики констатировал, что оперативная обстановка на территории округа стала критической: ***«Южная и юго-западная часть Кубано-Черноморской области представляют собой почти непрерывный фронт борьбы шаек, причем Ейский, Краснодарский, Майкопский и Баталпашинский отделы наиболее опасны по характеру и степени развития бандитизма и требуют максимального напряжения…»***[175]. Потери красноармейцев в боевых действиях на Кавказе приближались в этот период к уровню потерь в полномасштабной войне. По данным Статистического управления Красной Армии, в 1921 г. безвозвратные потери регулярных частей РККА в боях против «контрреволюционных и антисоветских выступлений» на Северном Кавказе составили 9338 человек, не считая раненных и без вести пропавших солдат[176]. Низовой, очень упорный характер борьбы казацкого народа с Советским режимом в 1920—1921 гг. убедительно показывает — насколько бездарным в этнополитическом аспекте оказалось 1918—1919 гг. руководство Белого движения и лично генерал Антон Деникин, бессмысленно растратившие на прожект «единой и неделимой России» все козыри мощной казацкой интифады.

Как уже отмечалось выше, «Малая Гражданская» неистово полыхала в 1920—1922 годы не только в горной части Северного Кавказа. На равнинной приморской территории Кубанского Войска, в частности в Ейском отделе, национальное сопротивление казаков также приобрело массовые формы. В этом отделе у станиц Копанской, Привольной и Каневской

---

[172] Красное знамя [Краснодар]. 1924. 11 июля. ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.372. Л.35—36.

[173] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Т. 1. Указ соч. — С. 423—424.

[174] РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.453. Л.18.

[175] РГВА. Ф.25896. Оп.3. Д.13. Л.231.

[176] Гриф секретности снят. — М., 1992. — С. 48—50.

успешно действовал повстанческий отряд войскового старшины Ольшанского, в районе станицы Ясенской рубили красных оккупантов бойцы есаула Бадрака, под Должанской — повстанцы подхорунжего Степаненко, в Каневской — вахмистра Иванько, в Шкуринской — вахмистра Редько, в Кущевской — атамана станицы Лубенца и урядника Дюка, в Староминской — сотников Дрофы и Гриценко, в Крыловской — сотников Дубины и Бандурко, в Уманской — Пацюка.

В районе станицы Старощербиновской решительно, порой даже безрассудно дерзко сражался повстанческий отряд вахмистра Григория Герасимовича Сидельника. Небольшой отряд этого атамана порой наносил войскам РККА очень чувствительные удары. Советский генерал Иван Хижняк, командовавший в начале 1920-х годов в Ейском отделе карательным подразделением ЧОН 9-й армии, так вспоминал об одном из боев Григория Сидельника: ***«…Стрелковое подразделение в составе 120 бойцов при трех пулеметах шло из Ейска походным маршем в Старощербиновскую. Бойцы остановились на привал в районе Кузубовой балки, забыв выставить охранение. Группа Сидельника из 15 всадников внезапно, среди бела дня, напала на отдыхающих и всю роту изрубила в капусту, оставив в живых лишь одного фельдшера»***[177].

Смерть миновала героя-казака в открытом бою: Григорий Сидельник погиб от предательского выстрела в спину, который сделал из винтовки секретарь местной ячейки ВКП(б), специально притаившийся в одном из палисадников станицы Новощербиновской. Даже после своей смерти атаман вызывал лютую ненависть большевистских палачей. Кубанские чекисты, понукаемые из Политуправления РККА, через некоторое время сумели разыскать могилу Г.Г. Сидельника на старом кладбище одного из хуторов. Чоновцы выкопали почерневший труп атамана и привезли его в родную ему Старощербиновскую на всеобщее обозрение. Затем тело верного сына казацкого народа нарочито медленно, глумливо сжигали на майдане станицы — красные каратели надеялись, что эта омерзительная средневековая акция шокирует, запугает местных казаков.

Пик разграбления казацких станиц Кубани пришелся на вторую половину 1921 г. Уполномоченный комиссар Наркомпрода Моисей Фрумкин[178] обязан был обеспечить ежемесячный вывоз с Кубани в промышленные города Великороссии не менее шести миллионов пудов хлеба, включая изымаемый у казаков семенной фонд. В сутки в центральные губернии Советской России предполагалось отправлять в среднем 200 вагонов с реквизированным хлебом[179]. С первого дня продовольственных реквизий большевики столкнулись на Кубани с массовым сопротивлением казацкого и горского населения. В отличие от крестьян центральной

---

[177] *Хижняк И.Л., Иншаков П.К.* Годы боевые. — Краснодар: Краснодарское книж. изд-во, 1957. — С. 82.

[178] *Фрумкин Моисей Ильич* (1878 — 28.07.1938) — из большевиков «ленинского призыва», советский государственный деятель. Родился в Гомеле в семье еврейского торговца. Член РСДРП с 1898 г. В 1909 г. — председатель Центрального бюро профсоюзов Москвы. В 1918-1922 гг. — член коллегии Наркомпрода, заместитель Наркомпрода РСФСР, член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). В 1928–1930 гг. энергично протестовал против политики всеобщей коллективизации. В июне 1928 г. направил в Политбюро ЦК ВКП(б) личное письмо, в котором детально обосновал ошибочность курса на всеобщее превращение частных хлеборобов в колхозников. В 1932–1935 гг. — заместитель наркома внешней торговли СССР. С 1936 г. — на хозяйственной работе. Арестован 23 октября 1937 г. по стандартному обвинению «участие в контрреволюционной террористической организации». Расстрелян на полигоне Коммунарка.

[179] *Кратова Н.В., 2010*. Указ. соч. — С. 98.

Казаки-побратимы станицы Старощербиновской ККВ перед отправкой на фронт. Слева направо: Сидельник, Голик, Кистрица, Малышевский. 1915 г. Впоследствии вахмистр Григорий Герасимович Сидельник станет героем повстанческой войны на Кубани против Советского режима. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

России, нигде на землях Присуда казаки и горцы не сдавали хлеб добровольно — зерно увозили в горы, прятали на отдаленных заимках, сборщики продналога при малейшей возможности истреблялись. Началась подлинно народная — яростная, обреченная на проигрыш из-за неравенства сил, но повсеместная война. Вскоре продовольственные реквизии стали производиться исключительно методом захвата станиц карательными отрядами ЧОН. «Станицы, осмелившиеся оказать хоть какое-то сопротивление, — отмечает историк Н.В. Кратова, — подвергались беспощадным репрессиям, весь скот, все зерно и вообще весь живой и мертвый инвентарь реквизировались, а часть жителей увозили в Екатеринодар, где их передавали в распоряжение областной ЧК. Ввиду этого озлобление против коммунистов достигло крайних пределов и началось стихийное восстание в целом ряде местностей Кубанской области».

Главным методом подавления национальной воли этнических казаков большевики вновь избрали беспощадный кровавый террор. Лев Троцкий — ключевая фигура в военном руководстве РСФСР — без обиняков предупредил станичников, что ***«красный каток истребит контрреволюционные гнезда»***[180]. 30 мая 1921 г. Юго-Восточное бюро РКП(б)

[180] ГАКК. Ф.Р-649. Оп.1. Д.53. Л.232. См. также: История революционного движения на Тереке. — Пятигорск, 1924. Ч. I. — С. 214–216.

направило обкомам и губкомам партии циркулярное письмо, в котором констатировалось, что ***«ликвидация бандитизма и создание прочных основ существования рабоче-крестьянской власти в Донской, Кубано-Черноморской областях, Терской и Ставропольской губерниях является в данный момент основной боевой задачей».*** Директива прямо и недвусмысленно предписывала ***«в отношении станиц и деревень, упорно, активно содействующих бандам и неисправимо контрреволюционным <…> применять меры карательные, вплоть до полного уничтожения станицы (или села) и массовых расстрелов*** [N.B.! – Н.Л.]»[181].

Следует отметить, что в данной директиве кавказские структуры административно-карательного механизма РСФСР, по большему счету, не нуждались, поскольку еще с периода активной фазы Гражданской войны, были максимальной степени одержимы идеей «утопить казаков и золотопогонников в их собственной крови». В «особо зараженных бандитизмом» районах стремительно учреждались военно-полевые комендатуры РККА, наделенные правом вершить внесудебные расстрелы. Для организации массовых расправ в мятежные казацкие станицы направлялись выездные сессии Революционного трубунала СКВО и чекистские «тройки». Все казаки-мужчины обязаны были пройти поголовную проверку в карательных «органах» — на этом этапе красные палачи осуществляли превентивное «изъятие» в заложники тех станичников, которые по какой-либо причине вызывали подозрение[182]. К смерти приговаривали за «сословную принадлежность» к казачеству, за бытовые негативные высказывания в адрес Советской власти, молодых казачек отправляли «в расход» с формулировкой, которая никогда не применялась даже в нацистской Германии, — ***«за сожительство с бандитом»***[183]. Особую ненависть красных палачей вызывали казацкие старики, которые даже у смертного порога не гнулись и дерзко демонстрировали свое презрение к «хамам». Таких людей могли отправить на расстрел с циничной, изуверской формулировкой: ***«вообще элемент бандитский 68 лет»***[184].

Для создания «благовидного» предлога к организации массовых расстрелов казацкого населения преступный режим РКП(б) часто использовал процедуру так называемой «добровольной сдачи» оружия. Поскольку было совершенно неясно — сколько единиц оружия имели на руках жители той или другой станицы, всегда можно было обвинить станичников в том, что они сдали оружие не той номенклатуры и не в желаемом для оккупантов объеме. Вслед за лукавым вердиктом «оружие сдано не полностью», со всей неизбежностью следовали «внесудебные оргмеры»: массовые расстрелы заложников и новые аресты. Так, например, 22 сентября 1921 г. Военсовещание Кубано-Черноморской области дало неделю на добровольную сдачу оружия в станицах, после чего в масштабе региона «политбандиты» и «пособники» были расстреляны, а их семьи высланы в Архангельскую губернию с конфискацией имущества. Политкомиссии одной только 22-й

---

[181] *Чернопицкий П.Г.* Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920-1922 гг.// Известия ВУЗ Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — Ростов н/Д, 1998. № 3. — С. 8; ГАКК. Ф.Р-382. Оп.1. Д.378. Л.6–7.

[182] *Чернопицкий П.Г., 1998*. Указ. соч. — С. 10.

[183] *Баранов А.В.* Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.)// Альманах «Белая гвардия», № 8. Казачество России в Белом движении. — М.: Посев, 2005. — С. 124–125.

[184] ГАКК. Ф.Р-382. Оп.1. Д.288. Л.504–514.

дивизии РККА в период с 20 сентября по 1 ноября 1921 г. расстреляли 3112 человек (по неполным данным)[185].

4 октября 1921 г. в отместку за формирование есаулом А.В. Беззубовым повстанческого отряда, у хутора Холодный Родник чекисты расстреляли 67 заложников-стариков, отцов ушедших в горы героев. Столь дикая, без преувеличения средневековая расправа не сломила волю атамана Беззубова, и он продолжил борьбу. Тогда, весной 1922 г. чекисты захватили новых заложников — матерей, жен, сестер и дочерей повстанцев. В ответ на это, спустя полтора месяца, повстанцам удалось захватить около двадцати жен большевистских активистов и даже сотрудников местной ЧК. Красные каратели немедленно приступили к переговорам об освобождении своих женщин. В станице Ново-Марьевской чекисты держали в тюрьме около 780 заложниц. Понимая, что никаким иным образом освободить своих родственников не удастся, повстанцы потребовали обменять двадцать большевичек на всех арестованных казачек. После некоторого препирательства красные согласились с этими условиями. Якобы во исполнение договоренности, чекисты освободили двух казачек, имеющих грудных детей, и отправили их в горы к повстанцам с запиской, в которой говорилось об освобождении всех заложниц. Повстанцы поверили и немедленно отпустили большевичек домой. В ту же ночь близ станицы Ново-Марьевской, на скотомогильнике, сотрудники ВЧК партиями по 25 женщин расстреляли поголовно всех заложниц — казачек. **«Родственникам под страхом смерти не разрешали подходить к убитым,** — комментирует этот чудовищный акт демоцида известный исследователь П.Н. Стрелянов-Калабухов. — **Жаркий июль, вокруг жертв невыносимый запах. И только через два месяца, когда невозможно было узнать ни трупа, ни одежды на нем, Советская власть «разрешила» похоронить расстрелянных. Общая могила была вырыта там же** [среди костей и останков павших животных! — Н.Л.], **где невинные жертвы кровавого большевизма были расстреляны»**[186].

Этнические казаки — основа повстанческих формирований на Юге России. Повстанчество на Кубани, равно как и на остальных землях Казацкого Присуда, имело ярко выраженный этнополитический характер, т.е. восставали и наиболее последовательно боролись с Советской властью, прежде всех иных групп населения, именно этнические казаки. В свою очередь основу казацких повстанцев Присуда составляло демократическое движение «самостийников», которые сражались за ту или иную степень отмежевания от пораженной «бациллой большевизма» (У. Черчилль) Советской России. «И большевики, и эсеры сходились в оценке течения «самостийников» как жизненного и глубоко укоренившегося в массовых настроениях, — подчеркивает историк А.В. Баранов. — Основная часть рядовых повстанцев, в отличие от вожаков, отмежевывалась от России поневоле, желая избавить хотя бы свой край от «коммуны»[187]. В феврале 1922 г. члены Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) вынуждены были признать, что феномен долгого и ожесточенного сопротивления большевизму на Северном Кавказе объясняется ***«наличием в крае большого процента казачьего населения, все еще не смирившегося с фактом существования Советской***

---

[185] Красное знамя [Краснодар]. 1921. 22 сентября. См. также: *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. — Краснодар, 1990. — С. 395–396.

[186] *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Красный террор на Кубани. 1918–1920 гг.// Кубанский сборник: сб. науч. ст. по истории края. — Краснодар: ООО «Книга». Том 1 (22). 2006. — С. 450.

[187] *Баранов А.В., 2005.* Указ. соч. — С. 120–121.

власти»[188]. Усилия этнических казаков в борьбе с господством красного Интернационала в значительной мере разделяли калмыки (на Дону), карачаевцы и адыги (на Кубани), отчасти осетины и чеченцы (на территории бывшего Терского Войска). «Иногородние» переселенцы из центральных областей России, напротив, с первых дней установления на Дону, Кубани и Тереке оккупационного режима ВКП(б) всемерно поддерживали социально-экономический курс и национальную политику «Красного Дракона» РКП(б).

Военно-политическое руководство повстанцами осуществляли в абсолютном большинстве «бело-зеленых» отрядов также этнические казаки, как правило — младшие офицеры. К концу 1920 г. казацкие офицеры старших рангов, активно проявившие себя в антибольшевистской борьбе в 1918—1919 гг., были уже либо убиты, либо оказались в эмиграции. Казацкие офицеры младшего и среднего состава, притом в значительном числе, пришли им на смену. Например, только в одной Кубано-Черноморской области, в тылу оккупационной 9-й армии РККА на начало мая 1921 г. действовало около 50 казацких повстанческих отрядов. Их общая численность составляла немалые 1756 штыков, 2774 сабли, на вооружении находился 51 пулемет. Эти расчеты Разведотдела штаба 9-й Кубанской армии РККА основывались только на достоверных сведениях о повстанческих отрядах численностью более 15 человек . Командование чуть более двадцатью отрядами (21) осуществляли офицеры младшего и среднего комсостава (вахмистры, сотники, подхорунжие, хорунжие). Казацкие офицеры старших рангов (есаулы, войсковые старшины, полковники) командовали 13 отрядами. Состав командования еще 16 отрядами остался неизвестен разведке РККА. Средняя численность повстанческого отряда на Кубани составляла на тот период около 100 бойцов, на вооружении имелся, как минимум, один пулемет[190].

В целом, можно констатировать, что события «Малой Гражданской» войны 1920—1922 гг. на Северном Кавказе вновь подтвердили давний тезис большевиков о «неисправимости» казацкого населения — в части органичного вовлечения большинства станичников в Советский проект. В середине лета 1921 г. даже на обескровленном казацком Тереке, по сведениям разведки РККА, общие силы «бело-зеленых» повстанцев насчитывали до 3520 сабель и 365 штыков[191]. На донском театре военных действий, вообще неблагоприятном для партизан ввиду отсутствия горного рельефа и крайней скудости лесов, в 1921 году, тем не менее, тоже сражались «белобандиты». Общее число повстанцев на Нижнем Дону (по разным оценкам) составляло в этот период от 900 до 1500 человек[192]. На Верхнем Дону антисоветские настроения казацкого населения были еще сильнее. Численность повстанцев Верхнего Дона весной 1921 г. достигла 4600 бойцов в отрядах атаманов Колесникова, Попова, Рыжкова и других[193]. По сообщениям Верхнедонского окружного комитета РКП(б), номинальная власть большевиков сохранялась только в крупных станицах, а отдаленные хутора в этот период перешли под контроль «белобандитов». Советские политработники могли

---

[188] РГАСПИ. Ф.17. Оп.267. Д.66. Л. 23, 343.

[190] *Черкасов А.А.* Казачье повстанческое движение на Кубани в период «Малой» Гражданской войны (1920—1922 гг.) и его характерные черты// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всерос. науч. конф. — Ростов-н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 100.

[191] История революционного движения на Тереке. — Пятигорск, 1924. Ч. I. — С. 132.

[192] *Чернопицкий П.Г., 1998*. Указ.соч. — С. 8.

[193] РГВА. Ф.28087. Оп.5. Д.59. Л.15; Д.140. Л.140—148, 174; Ф.Р-1174. Оп.1. Д.214. Л.42.

безопасно передвигаться по округу только лишь в сопровождении вооруженной силы РККА. Председатель Донской ЧК Михаил Буров 10 марта 1921 г. весьма пессимистично отметил в своем отчете: ***«Донская область является одной из баз контрреволюции.*** *<…>* ***Нужно вычистить*** [ее] ***железной рукой. Армия разложена, и в случае восстания Советская власть на Дону — да, пожалуй, и во всем*** [Северо-Кавказском] ***крае, — не будет иметь достаточной надежной вооруженной силы, что и подтверждают факты перехода к бандам целых войсковых частей»***[194]. К концу 1921 г. крайне негативное отношение казацкого населения Присуда к антиславянскому режиму РСФСР не претерпело никаких изменений. Не помогло в этом смысле даже широкое анонсирование большевиками нового курса НЭПа. Аналитический вестник РКП(б) «Обзор парторганизаций РСФСР к 5 октября 1921 г.» зафиксировал следующую оценку казачеством советских реалий: ***«Отношение большинства казаков к Коммунистической партии резко отрицательное.*** *<…>* ***К новой экономической политике казачество относится недоверчиво»***[195].

Современные адвокаты большевизма силятся отыскать сколько-нибудь осязаемые факты уменьшения прессинга демоцида на казацкое население России после мартовского 1919 г. Пленума РКП(б), который некоторыми пропагандистами от науки порой рекламируется как «миротворческий». Эти попытки практически всегда имеют декларативный характер, поскольку вплоть до периода реального НЭПа (конец 1922 г.) единичны даже «миротворческие» жесты руководства РКП(б) в сторону казачества. При этом нужно иметь в виду, что звериная сущность большевизма в наибольшей степени проявлялась отнюдь не за стенами Кремля, а вне их — и тем сильнее, чем дальше от Москвы происходили события государственного террора. «Массовые казни и отдельные многочисленные убийства, — подчеркивает в этой связи историк П.Н. Стрелянов-Калабухов, — издевательства и грабежи мирного населения происходили не на полях сражений, а в станичных домах, лазаретах, школах и церквах, — в основном **до** развернувшейся полным ходом на Кубани Гражданской войны и **после** ее окончания [*выделено автором. — Н.Л.*]»[196].

Действительно, страшная задача геноцида: покончить с казацким народом методами экономического удушения, демоцида и этнических чисток стала наиболее последовательно осуществляться как раз в период завершения «армейской» фазы борьбы РККА с централизованным Белым движением. Гражданская война, ввиду постоянного перемещения линии красно-белых фронтов и периодического освобождения значительных территорий Присуда от войск красных, стала для режима ВКП(б) вынужденной паузой в реализации стратегической задачи — ускоренными темпами провести аннигиляцию казаков в сочувствующей большевикам среде великорусского этносоциума. Неслучайно — как раз в 1921 году на Кубань, так же как и на Дон, под предлогом разгрузки голодающих северных губерний от лишних ртов, потянулись все новые и новые железнодорожные эшелоны с крестьянскими переселенцами.

Одновременно продолжилось систематическое экономическое удушение казацких хозяйств. В начале сентября 1921 г. Донской обком РКП(б) запретил хлеборобам, сдавшим меньше 1/2 продналога, торговать зерном и одобрил конфискацию товаров из таких хозяйств

---

[194] ЦДНИРО. Ф.12. Оп.5. Д.155. Л.2.

[195] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.1180. Л.11.

[196] *Стрелянов (Калабухов)П.Н., 2006.* Указ. соч. — С. 437

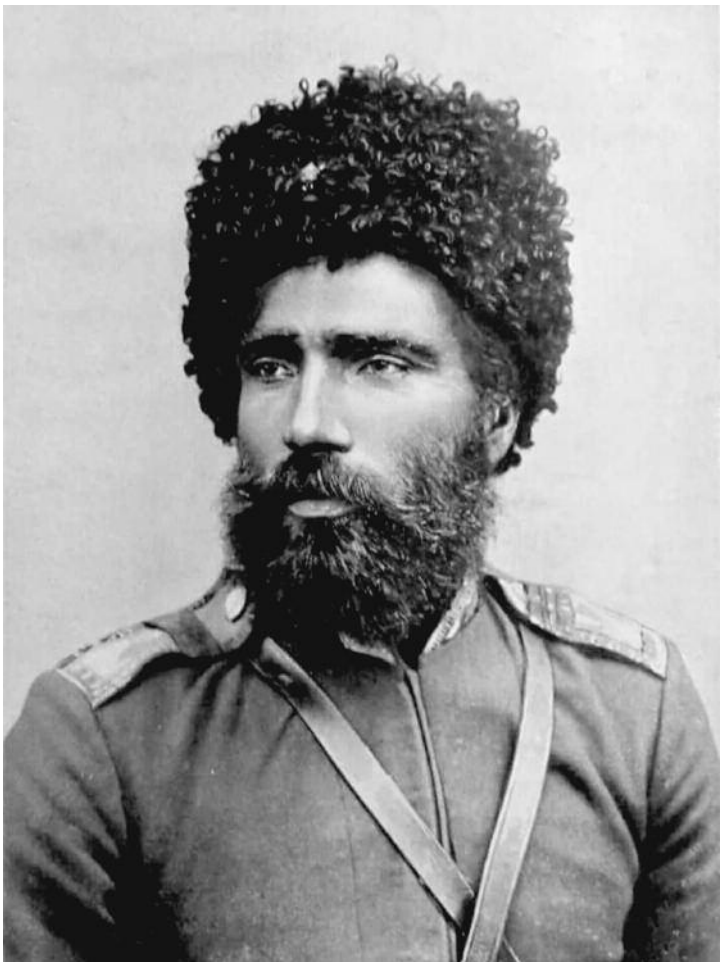
в случае появления на рынке. На Ставрополье, под страхом полной конфискации продукции, большевики запретили товарообмен между уездами. 15 сентября Кубано-Черноморский обком РКП(б) признал неотложной мерой ***«оккупацию воинскими частями станиц»***, которые не выполнили норматив продналога. При этом все мужчины из семей повстанцев старше 18 лет подлежали аресту, а семьи командиров «банд» высылались на Соловки. Местные исполкомы станиц, сформированные практически из одних «иногородних», получили право выносить смертные приговоры[197]. **Таким образом, грабежи и расстрелы, открытые и завуалированные этнические чистки, массовые депортации — вот подлинное содержание пресловутой «ленинской национальной политики» по отношению к казакам на протяжении более трех лет — с 1919 по 1922 гг. Такие действия государственной машины террора РКП(б), по всем квалифицирующим признакам, являлись преступлением демоцида.**

Административные мероприятия режима РКП(б) по максимально быстрой и полной аннигиляции этнополитического потенциала казаков на Юге России не отставали от работы военно-карательного механизма Советской власти. 18 ноября 1920 г. вышел декрет ВЦИК и СНК РСФСР об упразднении казачьих областей и уравнительном переделе земель «нетрудового фонда», т.е. основного массива казацких родовых земель. Под защитой штыков победившей Красной Армии свершилась-таки вековая мечта великорусского крестьянина о «черном переделе» земельного достояния «народа-помещика». Одновременно этнические казаки были вытеснены из административных органов управления на всех территориях бывших Казацких Войск. Эту административную «зачистку» большевики осуществили в период выборов городских, станичных, хуторских, аульских советов и исполкомов, которые прошли на территории Юга России в декабре 1920 г. в обрамлении штыков подразделений РККА. В результате, на территории Кубани, например, на Первом областном съезде Советов Кубано-Черноморской области в январе 1921 г. казацкое сообщество представляла едва лишь пятая часть делегатов, причем в своем абсолютном большинстве эти делегаты являлись этническими коллаборантами, заслужившими доверие Советского режима активным соучастием в терроре и войне красных против казацкого народа.

Стоит отметить, что после победы режима РКП(б) в Гражданской войне казацкая Кубань счастливо избежала кровавой эскалации латентных межнациональных противоречий с горским населением края. Неумолимое нашествие с севера Красного Дракона заставило казаков и горцев забыть былую вражду, десятилетиями искусственно разогреваемую администраторами Российской империи. Все провокации большевиков, старавшихся столкнуть в яростной межнациональной схватке казацкое население Кубани с карачаевцами, кабардинцами и адыгами оказались, по большому счету, тщетными. Однако в других регионах Казацкого Присуда, например, на землях Уральского, Семиреченского и Терского Войск большевикам удалось дополнить хорошо отработанные ими практики государственного террора спровоцированной этнической резней.

---

[197] ЦДНИРО. Ф.4. Оп.1. Д.73. Л.20–20 об.; ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.92. Л.59; ГАСК. Ф.Р-163. Оп.1. Д.138. Л.33 об. Симптоматично, что в начале 1920-х гг. партийные и военные структуры РКП(б) на Юге России очень широко использовали в своих документах слово «оккупация», подчеркивая тем самым, что на территории Присуда войска РККА должны не умиротворять «белобандитский» край, а методично и беспощадно уничтожать казацкое население, как внешнего врага.



Урядник Лейб-гвардии Уральской казачьей сотни Сводно-Казачьего полка ЕВ. Начало XX в. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

Уничтожение казацкого населения Уральского Войска. Кампания геноцида Советского государства 1918—1922 гг. против казаков восточных Казацких Войск, различаясь в региональных деталях, едина в главном результате: этнополитической аннигиляции казаков Уральского, Оренбургского и Семиреченского Войск большевикам удалось добиться существенно быстрее, нежели это произошло на Дону, Кубани и Тереке. Этот негативный результат объясняется многими факторами, из которых мы выделяем три главных: бездарное в стратегическом аспекте, изобилующее грубейшими ошибками в сфере организации фронта и тыла правление адмирала Колчака; военное поражение в борьбе с РККА казаков Уральского Войска; существенная русификация Оренбургского и Семиреченского Войск[198]. Основная задача нашего исследования исключает возможность для сколько-нибудь значительного углубления в анализ роковых военно-политических и административных решений Омского правительства адмирала Колчака, — эта проблематика требует, конечно же, отдельных серьезных штудий. Однако, хотя бы в основных чертах, нам необходимо рассмотреть два других фактора, поскольку они имеют прямое отношение к политике геноцида Советского государства в отношении казаков.

Так сложились исторические и географические обстоятельства, что казацкое население Уральского Войска в этногенетическом отношении оказалось наиболее целостным,

[198] Уровень военной стратегии и политического таланта Верховного правителя России хорошо иллюстрирует следующий факт. В июне 1919 г. кратно превосходящие в силах и средствах войска РККА выбили армию Колчака из Уфы и мощно повели дальнейшее наступление на восток. В ситуации реально происходящей стратегической катастрофы адмирал Колчак категорически отклонил настойчивое предложение регента Финляндии К.Г. Маннергейма двинуть на красный Петроград 100-тысячную финскую армию — в обмен на безусловное признание государственной независимости Финляндии. Будучи таким же догматиком, как и Антон Деникин, адмирал Колчак заявил, что «не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды идеей великой и неделимой России». Даже в условиях массированного наступления РККА адмирал Колчак так и не понял, что Карл-Густав Маннергейм предлагал отнюдь не «минутную выгоду», а единственно возможное решение, которое могло спасти белые армии Восточного фронта и обеспечить стратегическую инициативу для разгрома РККА согласованными ударами армий Маннергейма, Колчака и ВСЮР.

консолидированным в смысле сохранения исходного запорожско-донского генома, среди всех иных восточных Войск Российской империи. Как мы уже отмечали выше, степень упорства, массовости и, в конечном счете, жертвенности казаков разных Войск в борьбе с большевистским фантомом оказалась прямо пропорциональна степени сохранности в конкретном сообществе исходного запорожско-донского генофонда. В этом отношении казаки Уральского (Яицкого) Войска являлись уникальным сообществом — уникальной же, в смысле последовательности, стойкости, упорства, преданности «казацкой идее» стала и борьба уральцев с антиславянским режимом РКП(б). Как единодушно отмечают все исследователи, с самых первых дней Октябрьского переворота, уральцы проявили удивительную этнополитическую спайку, настоящую самоотверженность — в их сообществе этнические коллаборанты исчислялись не сотнями, как, например, в Оренбургском и Амурском Войсках, а жалкими единицами. Не имея достаточных запасов оружия, патронов, амуниции и медикаментов, находясь практически постоянно вне сферы основных военных планов Колчака и Деникина, уральцы, тем не менее, оттягивали на себя очень значительные силы РККА. Большую часть своих потребностей в оружии и военном снаряжении они удовлетворяли за счет разгромленных советских войск и захваченных арсеналов Красной Армии. Ту военную помощь, которая поступала от Колчака и Деникина, можно считать символической. Тем не менее, казаки-уральцы сражались долго, упорно и мужественно — до полного исчерпания всего ресурсного потенциала своего Войска. **Уральское Войско осталось в мировой истории одним из очень немногих этнических сообществ, которое, подобно дакам царя Децебала, предпочло смирению под вражеской оккупацией — гибель в борьбе с врагом.** «Уральцы держались до последнего человека, — подчеркивает историк С.С. Балмасов. — Если бы все казаки [*других Войск*] и представители антибольшевицких сил сражались так же, кто знает, как завершилась бы Гражданская война»[199].

Финал борьбы Уральской Отдельной армии оказался невероятно трагичным — даже на фоне жуткой катастрофы казацких формирований ВСЮР под Новороссийском, фактически брошенных на произвол судьбы генералом Деникиным и его штабом. К ноябрю 1919 г. полки казаков-уральцев уменьшились до размеров сотен: в казацкой армии свирепствовала эпидемия тифа, а помощь медикаментами, о которой уральцы многократно просили Деникина, практически не поступала. Уральская армия быстро теряла боеспособность, а ее остатки к концу 1919 г. откатывались к Гурьеву — в стратегическую западню. Командование РККА предъявило ультиматум командующему Уральской армией, генералу В.С. Толстову. Большевики требовали поголовной сдачи в плен личного состава казацких формирований, лукаво обещая в этом случае сохранить жизни уральцев. Подлинная цена обещаний большевиков была хорошо известна казакам, поэтому ультиматум РККА единодушно отклонили. После взятия красными Гурьева в январе 1920 г., остаткам Уральской армии во главе с Толстовым не оставалось ничего иного, кроме как совершить тяжелейший переход по безлюдной снежной степи в Форт-Александровский. Генерал Деникин обещал, что оттуда мужественных уральцев на судах переправят на кавказский берег для соединения с частями ВСЮР. Зимний поход в ледяной пустыне привел к тому, что из около 17 тысяч казаков, включая много-

[199] *Балмасов* С.С. Антибольшевистское движение в Уральском Войске. Краткий исторический очерк// Альманах «Белая гвардия». Вып. № 8. Казачество в Белом движении. — М.: Посев, 2005. — С. 152.

Казаки Уральской Отдельной армии закрепляются на боевых позициях. Лето 1919 г.
(*Архив В.П. Мелихова*)

численных гражданских беженцев, к Форту-Александровскому вышли лишь 2—3 тысяч обмороженных, едва живых людей. Остальные погибли во время снежных буранов, от предательских нападений киргиз-кайсаков (казахов), от лютых морозов и голода. Очевидец этого беспримерного, героического, но ужасного по своим последствиям рейда писал: «*Как ты пустынна и голодна, степь! Сколько ты поела молодых жизней! Из тысяч, вошедших в твою пасть, вышли только десятки. Эти лучшие люди казачества, столько сражавшиеся за вековую славу своего Войска, принесли свои головы сюда для того, чтобы закопать их под твоими снегами и не видеть опозоренной родины. Да пребудет с вами вечный покой и вечная слава, рыцари!*».

Многие из выживших казаков получили тяжелейшие обморожения конечностей и нуждались в хирургических ампутациях. Из-за полного безволия и бардака в штабе Деникина эвакуировать удалось лишь небольшую часть уральцев, преимущественно раненных и обмороженных. В военном аспекте этот героический переход утратил, увы, какой-либо смысл, поскольку уже и на Юге России вооруженные силы Белого движения переживали агонию. Небольшой отряд, около 300 человек, во главе с атаманом Уральского Войска Владимиром Толстовым пошел 4 апреля 1920 г. дальше, уже за рубеж — в Персию, а Уральская армия прекратила своё существование. Остальные казаки, деморализованные страшным итогом зимнего рейда, отказались следовать за своим атаманом и сдались частям РККА. Военное командование Красной Армии включило уральцев в свои кавалерийские части и перебросило их на Западный фронт — для наступления на Варшаву. Об этом опрометчивом решении

красные командармы вскоре жестоко пожалели, поскольку в том же 1920 году практически все уральцы перешли на сторону поляков и уже в их рядах продолжили свою борьбу с «красной нечистью». На территории бывшего Яицкого Войска отдельные повстанческие отряды продолжали действовать против режима РКП(б) вплоть до середины 1921 г. Однако, как справедливо отмечают некоторые исследователи, военно-политических перспектив эта борьба уже не имела[200]. **Длительная военная эпопея, массовый исход и гибель беженцев, тягчайшая эпидемия тифа, поголовные аресты и уничтожение в концлагерях казаков-мужчин сократили численность этнических казаков на территории бывшего Уральского Войска до 2,5% от прежнего состава войскового населения**[201]. Сражаться с Красным Драконом на землях Седого Яика стало некому и не за кого.

Процессы этнополитической аннигиляции казацкого сообщества в Оренбуржье и Сибири. Сходные процессы этнополитической дезинтеграции происходили на территории Оренбургского и Семиреченского Войск, с той, правда, существенной разницей, что разрушение режимом РКП(б) сообществ оренбургских, сибирских и семиреченских казаков существенно облегчалось их глубокой, еще предреволюционной русификацией. Имперская русификация не носила на востоке России принудительного, административного характера (как в случае с сообществами казаков Украины и Северного Кавказа), но была предопределена самой историей азиатских Войск, создававшихся имперской властью при минимальном участии носителей запорожско-донских традиций и генофонда. Например, первичным этногенетическим модусом Оренбургского Войска, причем численно очень небольшим, стали несколько сотен малороссийских и донских казаков, переселенных на формирующуюся укрепленную линию ОКВ в первой половине XVIII в. На этом приток носителей исконного, запорожско-донского генома в Оренбургское Войско по существу закончился, поскольку в дальнейшем состав данного Войска формировали из так называемых «городовых казаков» Самары и Уфы, а также дворян, детей боярских и рейтаров. Как последние, так и первые категории этих «казаков» генетически не имели к запорожско-донскому казачеству ни малейшего отношения, все это были представители великорусского этносоциума[202].

Известная нестойкость оренбургских казаков к искушению большевизма, ярко проявившаяся в годы Гражданской войны в их восприимчивости к советской идеологии и сравнительно широком участии в формированиях РККА, была очень схожей, увы, с аналогичными этнополитическими устремлениями великорусского крестьянства. Можно предположить, что означенная склонность к большевизму являлась следствием весьма сильного бытового окрестьянивания казацкого населения ОКВ, глубокой общности оренбургских казаков с крестьянами-великорусами не только в исходном генофонде и деревенской культуре, но и в приобретенных ментально-бытовых привычках. Читая некоторые описания Оренбургского

---

[200] *Фокин Н.И.* Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке. – М., 1996. – С. 110–112.; *Иванов А.В.* Уральское казачество в Гражданской войне // Материалы научно-практической конференции «Гражданская война на Урале» (к 90-летию окончания Гражданской войны в России) 1–2 ноября 2012 г., Верхотурье. – Екатеринбург, 2012; *Падерин А.А.* Особенности участия Уральского казачества в Гражданской войне // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). – С. 24–25.

[201] *Балмасов С.С., 2005.* Указ.соч. – С. 151–152.

[202] *Глущенко В.В.* Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуры российской государственности.– М., 2006. – С. 139.

Последний атаман Уральского Войска, генерал-лейтенант Владимир Сергеевич Толстов с супругой Елизаветой Толстовой (Болдыревой). Гурьев. 1916 г.

Войска, сделанные дореволюционными наблюдателями, трудно избавиться от ощущения, что перед нами отнюдь не описания исконно станичного казацкого быта, известные по очеркам, например, Михаила Харузина или Льва Толстого, а именно зарисовки русского крестьянского мира.

Вот как охарактеризовал в 1885 г. весьма распространенные пороки казаков-оренбуржцев их современник: «...*Уклонение от отбывания разного рода общественных и земских повинностей, неплатеж долгов, нарушение наемного договора <...> разврат, распутство, буйство, бесстыдство, разные виды обид, нравственное насилие, самоуправство, мелкие кражи, мошенничество, обманы и т.д. Но самая вредная деятельность означенных лиц* [казаков, имеющих явно неказацкую ментальность. — Н.Л.] *проявляется в ростовщичестве, кулачестве, писании ни на чем не основанных ябеднических и кляузных прошений...*»[203]. Семь лет спустя, в 1892 году, военный министр П.С. Ванновский также констатировал явно неказацкое поведение уроженцев Оренбургского Войска: «*В среде населения* [ОКВ] *вообще, а молодежи особенно, быстро развиваются такие несвойственные казачьему сословию наклонности и воззрения, как, например, отсутствие в семье или домашнем быте уважения к старшим, в службе — к нарушениям дисциплины и, наконец, недостаточное радение к исправному выходу на очередную службу*»[204]. Еще через 12 лет, в 1905 г., этнограф Дмитрий Зеленин во время своей

[203] ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.260. Л.18 об.

[204] Цит. по: *Абрамовский А., Кобзов В., Кузнецов В.* Сквозь призму веков. Из прошлого оренбургского казачества. — Челябинск, 2002. — С. 148.

экспедиции по землям ОКВ был неприятно поражен неприветливостью, заносчивой грубостью местных казаков, переходившей при первой возможности в откровенное хамство. Исследователь записал свои впечатления так: *«Ничего святого; все дозволено», — вот, кажется, жизненные принципы здешних казаков, особенно молодежи. — «Хищные» типы, с вечным,* ***жадным*** [подчеркнуто Зелениным. — Н.Л.] *стремлением захватить все, что только можно, преобладают»*[205]. Чем не лаконичная, гениально краткая характеристика архетипа крестьянина-большевика?..

Затухание генетического следа запорожско-донского генома, глубокая вовлеченность в русскую крестьянскую традицию казаков Оренбургского, Сибирского и других восточных Войск закономерно вела к образованию в этих социумах общих с остальным великорусским населением социальных пороков. Самым страшным из которых во все времена оставалось пьянство. За несколько лет до начала Великой войны начальник военного отдела Сибирского Войска Владимир Путинцев с негодованием отмечал, например, что *«пьянство, лень и праздность царят в казачьей среде, разъедая ее в корне, так как теперь пьют меньше старики, а больше молодежь. Пьют малолетки, пьют и девушки-подростки, а о казачках-матерях я и не говорю. Теперь пьют не так, как пили раньше деды и отцы в дни храмовых и войсковых праздников или по случаю каких-либо военных игр, скачек и других общественных забав; ныне пьют, пользуясь каждым удобным и неудобным случаем, начиная с покупки коня или коровы и кончая именинами. <...> Благодаря такому пьянству, в наших станицах* [Сибирского Войска] *в праздничные дни господствует бесшабашный разгул, приправленный бранью, пьяными скабрезными песнями, дракой между молодежью, уличным развратом и, в лучшем случае, шумными спорами и какими-нибудь пошлыми бреднями. Во время этого разгула молодежи почтенному казаку, старушке, священнику, учительнице лучше и не появляться на улице в местах сборищ пьяных головорезов, ибо того и гляди, что, ни за что ни про что, каждый может получить незаслуженное оскорбление...»*[206].

Историк А.В. Ганин в своей основательной работе, посвященной состоянию оренбургского казачества накануне революции 1917 г., подчеркивает, что «уже во второй половине XIX в. [*у казаков ОКВ. — Н.Л.*] наблюдается постепенное разрушение традиционного семейного уклада, снижение авторитета старших, проявлявшееся не только в оскорблении родителей, но и в нанесении им побоев». Исследователь обращает внимание, что официальная проверка Оренбургского Войска, организованная в 1902 г. Главным управлением казачьих войск Генштаба, выявило в среде казачьей молодежи ОКВ ранее совершенно нехарактерные для «казацкого стандарта» явления: упадок дисциплины, рост непонимания и проявление неуважения к старикам, апатия в отношении военной службы. Особенно тревожным

---

[205] *Зеленин Дм.* У Оренбургских казаков. Отд. отт. из вып. LXVII «Этнографическое обозрение». — М., 1906. — С. 19.

[206] *Путинцев В.* Истинно наше преступление // Военный сборник. 1911. № 4. — С. 73. Известный этнолог Ф.М. Ибятов, комментируя это печальное наблюдение войскового начальника, специально подчеркивает, что «сцены, подобные описанной атаманом Путинцевым, были в этот исторический период ***просто немыслимы*** в области Войска Донского, не говоря уже про казачьи станицы Терека и Кубани, где молодые люди в присутствии старика без его разрешения не могли даже присесть, а за публичную площадную брань публично же пороли нагайками». См. подробнее: *Ибятов Ф.М.* О казачестве без пристрастий и мифов // Вопросы национализма. 2012. Вып. № 11. — С. 142.

симптомом стало массовое распространение алкоголизма среди казаков ОКВ — ничуть не меньшее по масштабам распространения этого порока в среде великорусского населения Урала и Сибири. А.В. Ганин приводит, в этой связи, мнение начальника ГУКВ П.О. Щербова-Нефедовича, который в своем секретном докладе указывал, что *«серьезным недостатком Оренбургских казаков, могущим влиять неблагоприятно на их материальное благосостояние, является довольно большая склонность к крепким напиткам»*[207].

Разумеется, далеко не все (и даже не большинство) казаков азиатских Войск Российской империи имели склонность к алкоголизму, хищничеству и комплексу «крестьянского хама». Глубинный разлом Революции 1917 г. развалил надвое все социальные страты казацких сообществ России, поставил буквально каждого казака перед необходимостью выбора между добром и злом, достоинством и преступлением, между защитой казацкой традиции и полным превращением в красного «голема», цинично глумящегося над национальными идеалами и культурой своих предков. В этом нелегком выборе большинство оренбурских, сибирских, семиреченских и других восточных казаков осталось на «белой» стороне революционного фронта: они до последней возможности сражались за достоинство и свободу казацкого народа с антиславянским Советским государством. Невозможно забыть про мужество казаков I-го Оренбургского казачьего корпуса, которые в полной мере разделили с казаками-уральцами катастрофу зимнего рейда Отдельной Уральской армии к Форту Александровскому[208]. Оренбургские казаки, верные атаману А.И. Дутову, упорно боролись с «бациллой большевизма» за казацкие национальные идеалы в Семиречье, Монголии и на Дальнем Востоке, сохранили честь имени Оренбургского Войска в эмиграции. Вместе с тем, нельзя отрицать, что в целом значительная фактическая русификация восточных Казацких Войск очень облегчила исполнение генеральной задачи режима РКП(б) по уничтожению не только демографического потенциала, но даже этнонима «казаки» в азиатской части России.

В этом смысле очень показательна этнополитическая судьба казаков Семиреченского Войска, которые были уничтожены Советским режимом, как консолидированная этнокультурная группа, в кратчайший срок — фактически до конца 1922 г., разделив в этом отношении страшную судьбу казаков Уральского Войска.

Геноцид славянского населения в Прибалхашье. Семиреченская земельно-водная реформа 1921—1922 гг. Общая численность казаков в Семиречье, как и всюду в азиатской части России существенно уступала демографической массе русских переселенцев. В Семиречье, также как и на Дальнем Востоке, наименование «русское население» являлось объединяющим термином, поскольку в азиатской части России переселенцы с Украины очень скоро теряли специфические черты украинской национальной культуры и в своих практических действиях выглядели подчас более «русскими», нежели индифферентные к своему этническому статусу великорусы. В 1917 г. удельный вес казаков в общем составе населения Семиречья не превышал 3,5—4%, а среди так называемого русского населения края их доля составляла около 12,4%.

---

[207] *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX—XX в. (1891—1917 гг.) — М.: Центрполиграф, 2008. — С. 90—93.

[208] *Ганин А.В.* Поход на форт Александровский: судьба оренбургских казачьих частей Южной армии// Международная науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2001», МГУ. — www.hist.msu/Science/Conf/lomweb01/ganin.htm

В генетическом отношении семиреченские казаки представляли собой микст этнических казаков Сибири (потомков казацких переселенцев с Дона) с великорусским старожильческим населением, приписанном в войсковое сословие во второй половине XIX в. Сегодня уже вряд ли возможно определить точно — какой именно геном превалировал у казаков-семиреков? Во всяком случае, русская генетика в общем генофонде данного Войска была, бесспорно, весьма заметной. Казацкая колонизация Семиречья началась в 1847 году, а уже через 10 лет из Западной Сибири в край хлынули большие переселенческие партии томских и тобольских крестьян, которых на новом месте поголовно приписывали к казачеству. По состоянию на июль 1867 г. из 14.648 семиреченских казаков — 1610 чел. (10,9%) являлись потомственными крестьянами с Тобола и Томи. По мнению историка А.Ю. Ушакова, отдельные семиреченские станицы были образованы исключительно сибирским крестьянским контингентом[209]. Социальный срез семиреченского казацкого общества не слишком отличался от такового в Войсках Северного Кавказа. По состоянию на декабрь 1918 г. в Семиречье числилось до 13 тысяч казацких хозяйств с населением до 50 тысяч чел. Средний по благосостоянию слой казаков-семиреков («середняков») составлял в этот период чуть более 60%, порядка 25% казацких хозяйств относилась к категории бедных, а около 13—15% хозяйств были действительно состоятельными.

Гражданская война в Средней Азии оказалась слепком с картины борьбы Советского государства с Белым движением на Юге России. В Семиречье основными противоборствующими силами, также как на Дону, Кубани и Тереке, стали казацкие формирования с одной стороны, и оккупационные войска РККА, опирающиеся на массовую поддержку русского крестьянского населения — с другой. Вялая, непродуманная, непоследовательная политика колонизации, которую вела Российская империя в Средней Азии, привела к тому, что в этом регионе страны накопились тягчайшие земельные и этнические противоречия. Управляющий делами Верховного правителя России Г.К. Гинс, уже находясь в эмиграции, вспоминал: «*Семиречье — арена борьбы за землю и воду (для орошения). Киргизы озлоблены против казаков и крестьян. Крестьяне ненавидят казаков, которые занимают лучшие земли и истоки рек. Казаки не удовлетворены своими наделами и требуют огромных прирезок*»[210]. Такие умонастроения местного населения определили характер Гражданской войны в крае, которая очень скоро стала соответствовать принципу «борьба всех против всех». Главным бенефициаром безудержного разлива взаимной ненависти, десятилетиями копившейся в Семиречье, стал интернациональный Советский режим, который в наиболее тяжкий период борьбы с белогвардейцами и казаками эффективно воспользовался массовой поддержкой русских крестьян-переселенцев.

Война семиреченских казаков против Советской России стала неизбежной в середине лета 1918 г., — после того, как в течение одного месяца Советская власть последовательно приняла пакет ликвидационных документов, которые потенциально уничтожали не только административные структуры местного Войска, но и фактическое благосостояние семиреков. 3 июня 1918 г. Семиреченский облисполком принял Декрет № 1 об «аннулировании казачьего сословия, войсковых учреждений и должностей в области навсегда». Через три

---

[209] *Ушаков А.Ю.* Завет атамана Ионова: о казачьей областной автономии в Семиречье // Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». 2011. Вып. № 5. — С. 53.

[210] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918—1920 гг. Т. I. Часть I. — Пекин, 1921. — С. 218.

дня, 6 июня 1918 г., большевики принимают следующий антиказацкий декрет — о конфискации пенсионных казацких земель. Это решение разоряло буквально всех офицеров и чиновников Семиреченского Войска. Завершающим (на этом этапе) ударом красного законотворчества стал Приказ № 164 (от 03.07.1918 г.) командующего войсками РККА в Семиреченской области «Об упразднении всех органов казачьего управления и конфискации имущества, дел и денежных средств, принадлежащих Войсковому Правлению».

История вооруженной борьбы семиреченских казаков с режимом РКП(б) и революционной Красной Армии подробно описана в ряде публикаций[211]. В военном аспекте эта борьба завершилась полным разгромом белых армий. В некоторых работах российские историки ставят знак равенства между этим военным проигрышем и этнополитическим крахом семиреченского казачества, которое будто бы покинуло территорию Семиречья чуть ли не в полном составе. Такой вывод не соответствует историческим реалиям: полный этнополитический крах и последующая аннигиляция казаков-семиреков действительно произошли, однако эти явления наступили не столько в результате военного поражения и последующего исхода казаков с территории Семиречья в 1920 г., сколько в результате мощной кампании геноцида, проведенной режимом РКП(б) против гражданского казацкого населения позднее — в 1921–1922 гг. Попробуем произвести некоторые расчеты.

В декабре 1919 г. адмирал Колчак отдает приказ о сведении всех войск, действующих на Семиреченском фронте в Отдельную Семиреченскую армию, командующим которой назначается генерал-майор Борис Анненков. С захватом Семипалатинска частями РККА в конце декабря, Семиреченская армия оказалась отрезанной от основных сил армии Колчака. Несколько ранее через Атбасар, Акмолинск и Каркаралинск на соединение с армией Анненкова подошли остатки Оренбургской армии под командованием Войскового атамана ОКВ, генерал-лейтенанта А.И. Дутова. Проделав труднейший поход в сильные морозы через Голодную степь, непрерывно атакуемые частями РККА и красными партизанами, казаки-оренбуржцы в двадцатых числах декабря сумели прорваться в Семиречье. Это были уже жалкие остатки былой армии — деморализованные толпы голодных, обмороженных, больных тифом людей. За исключением нескольких подразделений, реальной боевой силы формирования Дутова уже не представляли. Общее число оренбуржцев, попавших на территорию Семиречья, оценивается историками приблизительно в 25 тыс. человек[212].

Теперь посмотрим на исход казацких и белогвардейских контингентов за рубеж — в Китай, а также оценим наиболее массовые, достоверно известные потери антибольшевистских сил.

---

[211] Только очень небольшая часть библиографии: *Серебренников И.И.* Великий отход. Рассеяние по Азии Белых русских армий. 1919–1923. — Харбин, 1936; Алма-Ата в период Октября и в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). Летопись событий. /Под общей редакцией С. Джусупбекова. — Алма-Ата, 1949; *Елагин А.С.* Из истории героической борьбы партизан Семиречья. — Алма-Ата, 1957; *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. — М., 2006; *Ивлев М.Н.* Атаман Борис Анненков// Станица. 2009. № 1 (52). — С. 22–24; *Он же.* Борьба семиреченского казачества с большевизмом в 1917–1922 гг.// Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». 2009. Вып. 1. — С. 151–168; *Гольцев В.А.* Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. — М.: Вече, 2009; *Василенко С.Ю.* Уральские казаки на Арале и Аму-Дарье в 1917–1920 гг. и создание Аму-Дарьинского казачьего войска. — Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». 2010. Вып. 3. — С. 53–63.

[212] *Ивлев М.Н.* Борьба семиреченского казачества с большевизмом в 1917–1922 гг.// Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». 2009. Вып. 1. — С. 160.

В конце марта 1920 г. на хорошем организационном уровне был организован уход в Китай Оренбургского отряда генерала А.С. Бакича — свыше 10 тыс. бойцов, не считая многочисленных гражданских беженцев, (которых вряд ли могло быть более 5 тыс. чел.). В потоке беженцев, не желая оставаться под оккупацией Красной Армии, в Тарбагатайский округ Синьцзяна перешла значительная часть казаков-семиреков из Сергиопольской и Урджарской станиц СмКВ. В середине мая 1920 г., разорвав свои отношения с командованием атамана Анненкова, в Китай прорвался 1-й Оренбургский казачий полк в числе около 500 бойцов. Последней из Семиречья ушла Центральная группа Семиреченской армии под командованием самого атамана Анненкова. 27 мая 1920 г. атаман пересек китайскую границу во главе отряда 4200 бойцов и нескольких сот гражданских лиц. Накануне пересечения границы Анненков разоружил и отпустил обратно на советскую территорию около 1500–2000 своих бойцов (по разным данным) — всех, кто по личному свободному волеизъявлению не желал более продолжать борьбу с Советами. Абсолютное большинство этих несчастных людей, уже смирившихся со своим поражением, погибли — их варварски уничтожили красноармейцы в горном урочище Ан-Агач (около 900 чел.) и близ озера Алаколь (около 600 убитых)[213]. По мнению военных историков, на территории Семиречья из белых формирований генералов Б.В. Анненкова, А.С. Бакича и Н.П. Щербакова войскам РККА сдалось около 6 тысяч бойцов[214]. Наконец, осенью 1920 г. в процессе разгрома повстанческой организации войскового старшины С.Е. Бойко чекисты репрессировали около 1800 казаков, большая часть которых была, по-видимому, расстреляна[215].

Мы перечислили здесь основные, достоверно известные небоевые потери (убыль) антибольшевистских сил Семиречья, которые в сумме (если включить в число потерь все белые контингенты, попавшие в плен) не превышают, вероятно, 24–25 тыс. человек. С учетом возможных боевых потерь (которые априори не могут быть установлены достоверно), а также неучтенного исхода из Семиречья жителей некоторых станиц, общую убыль населения края вряд ли можно оценивать более чем в 35 тыс. человек. Очевидно, что бóльшую часть совокупной убыли народонаселения края составили те 25 тыс. оренбургских казаков, а также русских и казацких беженцев, которые пришли на территорию Семиречья в декабре 1919 г. вместе с Войсковым атаманом А.И. Дутовым. Именно казаки-оренбуржцы, уже потерявшие свое имущество в оккупированных станицах ОКВ, не знающие местных условий Семиречья, становились, в первую очередь, и жертвами натиска РККА, и обездоленным «перекати-полем», отчаянно стремящимся в Китай. Таким образом, к середине 1920 г. демографическая убыль казаков-семиреков в результате событий Гражданской войны не достигла критических величин. Очевидно, что при более-менее сносных условиях бытия, местное казацкое население, отличающееся неприхотливостью и трудолюбием, быстро восстановило бы и свою предреволюционную численность, и витальный потенциал.

Однако, в планы «народной» Советской власти не входило обеспечение славянам Семиречья каких-либо условий для восстановления достойной, мирной жизни. Начиная с

---

[213] *Ивлев М.Н., 2009*. Указ. соч. — С. 162; *Гольцов В.А*. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. — М.: Вече, 2009. — С. 284–290.

[214] *Огаров О*. Агония белых в Синцзянской провинции// Военная мысль [Ташкент]. 1921. № 2. — С. 327–328: *Покровский С.И*. Победа Советской власти в Семиречье. — Алма-Ата, 1961. — С. 109–110.

[215] *Ивлев М.Н., 2009*. Указ. соч. — С. 163.

периода первого восстания казаков-семиреков против Советской власти в апреле 1918 г., местное казацкое население подвергалось все более усиливающемуся прессингу государственного террора: повальные реквизии имущества, внесудебные аресты и массовые расстрелы, конфискация войсковых и станичных земель, лишение избирательных прав. Эти оккупационные действия Советского режима существенно ослабили войсковое население, но, тем не менее, даже в середине 1920 г. казаки-семиреки продолжали оставаться значимой частью славянского этносоциума Прибалхашья, четко осознающей коренные интересы своего сообщества. Однако, не прошло и двух лет, как этнополитическая ситуация в Семиречье изменилась коренным образом: семиреченское казачество рухнуло в историческое небытие, а русское население края было пропущено через механизм массовых этнических чисток, ограблено до нитки, превращено в людей «второго сорта» — в лузеров, окончательно проигравших в межэтнической конкуренции.

Во второй половине 1920 г. Советский режим инициировал проведение в Семиречье масштабного этнополитического эксперимента, действительное значение которого для исторической судьбы славянства на территории бывшей Российской империи еще ожидает, по-видимому, самого тщательного изучения. Впервые с периода Смутного времени актуальное государство, существующее на территории исторического расселения русского народа, поставило своей целью тотальное разграбление и пауперизацию широчайшего слоя великорусов (и анклавов других славян, признанных «русскими»), а также насильственное приведение русских в положение народа-изгоя на их собственной земле. На тех землях, где великорусы соседствовали со значительными анклавами неславян, процесс пауперизации сопровождался демонстративным унижением русского национального достоинства, его насильственным «покаянием» перед враждебным неславянским населением. Подлинной «изюминкой» проделанной режимом РКП(б) антирусской этнополитической «вивисекции» стало широчайшее использование в процессе реализации этой геноцидальной политики сил и средств самих же великорусов, использование витальных ресурсов русского населения для его же самоосколпления. **Важно подчеркнуть, что впервые в истории оккупационного Советского режима масштабные преступные задачи против русского крестьянства были поставлены и с особым цинизмом, с редкой жестокостью решены большевиками именно на территории Семиречья. Антиславянская политика в Прибалхашье стала своего рода антирусским «пилотным проектом» режима РКП(б), а его успешная, с точки зрения большевиков, реализация показала интернациональной элите большевистской партии, что великорусы Российской империи обескровлены Революцией и Гражданской войной до такой степени, что практически потеряли статус этнически субъектного народа, превратившись в политически дезориентированный, погруженный в неизбывную нужду, утративший внутреннюю харизму этносоциум.**

Политика «уничтожения национального гнета в советском Туркестане», *de facto* ставшая политикой деславянизации Семиречья и других регионов Средней Азии, стартовала 29 июня 1920 г. Именно в этот день Политбюро ЦК РКП(б) специальным решением поставило перед партийными структурами Туркестана и Семиречья задачу ***«ликвидации неравноправных отношений, сложившихся в Туркестане между пришлым населением киргизских районов и коренными народами»***. В качестве первоочередной меры предписывалось срочно реквизировать у славянского населения и предать ***«в фонд наделения***

киргизских обществ, артелей и отдельных лиц <…> ***все земли, запроектированные переселенческим Управлением*** [Российской империи] ***или самовольно отобранные переселенцами у киргиз, оставляя переселенцам участки в размере трудового надела»***. Большевистский ареопаг обоснованно предполагал, что инициированное Советским режимом тотальное ограбление славянского населения Туркестана вызовет вооруженный отпор, в первую очередь, со стороны семиреченского казачества. Поэтому в той же директиве местным организациям РКП(б) предлагалось ***«с неуклонной твердостью беспощадно подавить всякое сопротивление»***. Одновременно оккупационный режим РКП(б) предписывал организовать в крае массовые чистки по этническому принципу, с последующей депортацией славянского населения в концентрационные лагеря. Хотя в документе не использовались термины «этническая чистка» и «депортация», лукаво замененные более обтекаемой формулировкой ***«широко применить систему реэмиграции»***, административные сатрапы РКП(б) в Семиречье прекрасно понимали — **что именно требует от них Кремль**.

Административно-карательный механизм РКП(б) в 1920-х гг. представлял собой поистине уникальную, возможную только в русской этнополитической среде, государственную машину, с помощью которой интернациональное руководство партии имело полную возможность направлять усилия великорусского партийного большинства для исполнения агрессивно антирусских, подчас даже демонстративно геноцидальных по отношению к несчастному «народу-богоносцу» задач. Действительную природу этого удивительного этнополитического феномена еще предстоит выяснить специалистам. Эта страшная особенность «родной» партии была непонятна подавляющему большинству этнически русских членов РКП(б) — малограмотным, девиантным в части национального самосознания «шариковым». Тем не менее, в 1920-х гг. кремлевская верхушка Советского режима весьма опасалась возникновения «русской фронды» внутри РКП(б). Намеченное преступление деславянизации Семиречья могло вызвать соответствующую негативную реакцию краевых партийных структур, еще не до конца пропитанных трупным ядом советского интернационализма. С целью подавить в зародыше всякое проявление русских этнополитических мотивов внутри РКП(б), Политбюро выдвинуло в своем постановлении жесткое требование — ***«откомандировать в распоряжение ЦК РКП(б) всех туркестанских коммунистов, зараженных колониаторством и великорусским шовинизмом»***[216].

Антиславянскую директиву Политбюро ЦК немедленно приняли к исполнению региональные структуры РКП(б) в Туркестане. В начале сентября 1920 г. V съезд КП Туркестана и IX съезд Советов Туркреспублики, исходя из указаний Кремля, признали основной первоочередной задачей Советской власти уравнение в правах на землю и воду киргизского и русского крестьянства, ***«освобождение аульной бедноты от эксплуатации переселенческим кулачеством»***. В соответствии с этими задачами был намечен практический план земельной реформы. Предполагалось, что принудительный земельный передел нанесет ***«сокрушительный удар по колонизаторским элементам»***, т.е. по славянским землевладельцам, якобы ущемлявшим права и интересы «аульной бедноты». В отчёте ЦК КП Туркестана красной линией подчеркивалось: ***«Пока существует семиреченское кулачество, беспощадно эксплуатирующее киргизское трудовое население, не допуская его к земле***

[216] Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. — С. 118.

и воде, превращая его в батраков, нельзя вообще говорить об уничтожении национального гнёта в советском Туркестане». «Кулачество Семиречья», под которым в этот период понималось уже не только казацкое население края, но и русские крестьяне-переселенцы, было объявлено ***«самой смердящей язвой на теле советского Туркестана»***. Немедленно вслед за принятием вышеуказанных постановлений партийно-государственных съездов Туркестана региональный аппарат РКП(б) приступил к подготовке масштабной кампании этноцида русского и казацкого населения Семиречья.

Важнейшим вопросом проведения кампании по деславянизации Семиречья стал вопрос о том, — кто возьмет на себя персональную ответственность за более чем негативные последствия этой массовой этнической чистки. Выбор пал на известного большевика, члена ближнего круга В.И. Ленина — «пламенного интернационалиста» Георгия Сафарова[217]. Обладатель патологической, деструктивной энергетики, явный шизофреник, патологический русофоб, человек-нарцисс Сафаров, как нельзя лучше соответствовал тем геноцидальным задачам, которые ЦК РКП(б) планировал решить в Семиречье. Адольф Иоффе, один из тех немногих функционеров высшего звена РКП(б), которые не расстались с понятием «совесть», впоследствии так охарактеризовал преступную деятельность Сафарова в Туркестане: ***«Сафаров — истерик, не могущий владеть собой и даже не готовый дисциплинированно проводить коллегиальное решение, не могущий сдержать себя и действующий, как его левая нога хочет. Его поездки по районам*** [Семиречья] ***являются сплошным погромом и разгромом, ибо при своем властолюбии и несдержанности он иначе как по-держимордовски действовать не может»***[218].

В самом начале февраля 1921 г. Семиреченский Облревком опубликовал Приказ № 87 о проведении земельно-водной реформы, который предусматривал проведение в течение двух лет полномасштабных экономических преобразований в земельных отношениях области, а в первую очередь — тотальную реквизию земельных и водных ресурсов у славянского

---

[217] *Сафаров Георгий Иванович* (1891 – 27.07.1942) — плод интернационального брака армянина с женщиной неясного этнического происхождения (с польскими, русскими, возможно, еврейскими корнями), партийный функционер РСДРП-РКП(б), осведомитель и провокатор НКВД. Являлся «старым большевиком» — вступил в РСДРП в 1908 г. Вплоть до периода Великой войны занимался профессиональной революционной деятельностью. Анемичным репрессивным аппаратом Российской империи «за антивоенную пропаганду» в годы ПМВ выдворен за пределы страны. Вернулся обратно после Февраля 1917 г., вместе с В. Лениным и Г. Зиновьевым — в так называемом «пломбированном вагоне». В 1918 г., в качестве члена Президиума Уральского обкома РКП(б), принимал решение о расстреле царской семьи. Пользовался особым благорасположением Владимира Ленина — «самый человечный человек» высоко ценил Сафарова за фонтанирующую энергетику и зоологическую ненависть ко всему русскому. В середине 1920 г. стал членом Туркбюро РКП(б). Фактически руководил масштабной кампанией по деславянизации Семиречья. Лично участвовал в пытках и арестах казаков, русских крестьян, признанных «захватчиками» и «колонизаторами» киргизских земель Туркестана. В марте 1921 г. Сафаров являлся содокладчиком Иосифа Сталина в политическом докладе X съезду РКП(б) «Очередные задачи партии в национальном вопросе». С 1926 г. принадлежал к «объединенной оппозиции» Троцкого-Зиновьева. 25 декабря 1934 г., после убийства Сергея Кирова, арестован. 16 января 1935 г. осужден на 2 года ссылки по делу «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». Прошел в сталинском ГУЛАГе все круги ада, был полностью сломан как личность. Под влиянием специальных методов дознания НКВД, Сафаров очень скоро превратился в заурядного провокатора, который за «выдачу ему дополнительного питания и денег» мог оговорить любого человека. Когда в руководстве НКВД поняли, что Сафаров «отжат полностью», чекистские палачи расстреляли любимца Ленина в тюрьме Саратова.

[218] РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2156. Л.17–20.

населения и передачу этих ресурсов киргиз-кайсакам (казахам) и другим тюркским народам Семиречья. В указанном документе славянское население Семиреченской области открыто провозглашалось «захватчиками» и «колонизаторами», а репрессивные действия в отношении «захватчиков» объявлялись «восстановлением справедливости». Текст Приказа № 87 был выдержан большевиками в самых жестких формулировках, которые фактически легитимировали всеобщую по Семиреченской области этническую чистку русского и казацкого населения. В частности, в течение 1921–1922 гг. предписывалось:

«…1) Возвратить киргизскому, дунганскому, таранчинскому трудовому населению все захваченные и отчуждённые у них земли за период 1916–1921, как самовольно, так по мандатам и отводам существовавших в это время правительственных органов.

2) По отношению ко всем захватчикам [эвфемизм, обозначающий славян Прибалхашья. – Н.Л.] ***применить меру вселения их обратно в свои первоначальные места*** [т.е. поголовную депортацию. – Н.Л.] ***или расселения по старожильческим, казачьим и переселенческим посёлкам, образованным до 1916 г.***

3) Сроком освобождения самовольно захваченных земель определить начало полевых работ весны 1921 <…> Весь излишек инвентаря трудовых и полутрудовых хозяйств отчуждается по твёрдым ценам и поступает в фонд для оказания помощи беженцам (киргизам), на землях которых возник самовольческий посёлок. Эта мера не распространяется на хозяйства крупнокулацкого и особо злостного типа, по отношению к которым персонально применяется полная конфискация всего имущества и выселения из пределов области и края.

4) Захватчики из состава бывших городских мещан и новых переселенцев вселяются либо в города, либо в старожильческие, переселенческие и казачьи посёлки и станицы.

5) Захватчики, получившие предложение переселиться к началу полевых работ в указанные для этого места и не исполнившие этого, подвергаются в карательном порядке конфискации всего имущества и выселению из пределов области.

6) Посёлки, станицы и города, выделившие самовольцев в период 1916–1921 гг., обязаны принять их обратно и устроить на землях, отведённых посёлкам до 1916 года. *<…>*

7) Принимая во внимание массовые разрушения зимовок киргизов в 1916–1918 гг., изъять все постройки и посевы захватчиков [т.е. русских и казаков. – Н.Л.] ***и передать беженцам-киргизам.*** *<…>*

10) Произвести учёт всех крупнокулацких хозяйств в старожильческих, переселенческих и казачьих посёлках и применить к ним персонально конфискацию всего живого и мёртвого инвентаря, а самих кулаков выселить из пределов Туркестана; причём необходимость применения в каждом отдельном случае, как конфискации, так и выселения решается Облземотделом по представлению уездной комиссии по землеустройству»[219].

---

[219] Цит. по: *Ушаков А.Ю.* Русский Ульстер: семиреченская земельно-водная реформа 1921–1922 гг.// Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». 2009. Вып. 1. – С. 173.

Замышляя проведение тотальной антиславянской чистки в Семиречье, большевики исходили из факта, что Советский режим является идеологической и даже онтологической противоположностью Российской империи, т.е. историософским отрицанием 300-летнего опыта русского самодержавия. ***«Политика царизма,*** — отмечалось в итоговой резолюции X съезда РКП(б), — ***состояла в том, чтобы насадить в этих районах*** [Центральной Азии] ***побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надёжную опору великодержавных стремлений»***[220]. Из этого утверждения следовал дальнейший вывод, что чем более глубоко и жестоко будет проведена «зачистка» Семиречья от русско-казацкого элемента в пользу так называемой «аульной киргизской бедноты» — тем более крепкими станут позиции Советской власти в этом регионе Центральной Азии. Логичным шагом большевиков в этом направлении стал приказ Семиреченского облисполкома, за подписью казахского большевика Ураза Джандосова, согласно которому г. Верный (бывшая казацкая станица Верная) переименовали в г. Алма-Ата. Провокационный, жестоко уязвляющий русское национальное чувство приказ Ураза Джандосова стал законом для Семиречья 14 марта 1921 г. Именно в этот день приказ Джандосова был утвержден декретом Центрального Исполнительного Комитета Туркестана и скреплен подписью председателя ТуркЦИКа, товарища Санджара Асфендиарова. После этого действительно судьбоносного решения искоренение русской топонимики в Семиречье пошло по гиперболе. Под «мудрым руководством» товарища Сафарова распоясавшаяся «аульная беднота» стала переименовывать на казахский лад даже те населенные пункты, в которых вообще никогда не проживали казахи. Так, например, 2 апреля 1921 г. старейшее русское старожильческое село Гавриловское одним росчерком пера все того же Асфендиарова превратилось в Талды-Курган.

Большевистская «зачистка» Семиречья (и других районов Центральной Азии) от этнических казаков и русского населения в самом механизме этого процесса не имела ничего нового, своеобычного. Весьма показательны, в этом смысле, директивные указания, которые весной 1921 г. озвучил в своем докладе на областном совещании чекистов, председатель Семиреченской ЧК, завполитбюро Владимир Андреев: ***«Генеральная задача: немедленно и решительно положить конец великороссийскому семиреченскому колонизаторству — вот первая основная задача социальной революции на Востоке.*** <…> ***В настоящее время подавление кулацко-колонизаторского элемента*** [т.е. славянского населения региона. — Н.Л.] ***проводится Семиреченской областной Чрезвычайной Комиссией путём применения самых беспощадных репрессий»***[221].

Разум отказывается в это верить, но в Семиречье (точно так же, как на Дону, Кубани и Тереке) ограбление мирных селян, расстрелы, массовые депортации славянского населения осуществляли «айнзац-группы» ВЧК и регулярные части Красной Армии, которые более чем на 90% состояли из этнических великорусов. Не иудо-масоны, евреи и латыши, и даже не полубандитские отряды казахских националистов (которые вмиг превратились в «убежденных» большевиков), а именно русские красноармейцы, призванные в РККА из деревень

[220] Решения X съезда РКП(б) [брошюра]. Резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», 15.03.1921, № 78.

[221] *Ушаков А.Ю.* Русский Ульстер: семиреченская земельно-водная реформа 1921–1922 гг.// Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». 2009. Вып. 1. — С. 175.

Агитационная листовка Вооруженных сил Юга России.
Православная архаика и демонический образ «иуды» Льва Троцкого не смогли подвигнуть «народ-богоносец» к решительной борьбе за идеалы русского Белого Дела

и городов Великороссии, Урала и Сибири, являлись главными исполнителями преступных решений оголтелого антиславянского режима РКП(б). **Русский феномен Революции 1917 года — во многих аспектах еще не объясненный глобальный процесс, в котором многомиллионный великорусский народ осуществил собственное этнополитическое самоубийство (или, по крайней мере, активно способствовал этому), еще подлежит самому тщательному изучению.** Частная картина ликвидации в Семиречье и в других районах Средней Азии демографического массива казацких «захватчиков» и русских «колонизаторов» получила, хотя и далеко не полное, но все-таки, в историографическом аспекте, весьма подробное освещение в специальной литературе[222]. Это обстоятельство позволяет нам сразу же перейти к анализу этнополитических итогов семиреченской «ленинианы».

В апреле 1921 г. Совнарком РСФСР издал специальный декрет «О возвращении трудящимся киргизам земель, переданных царизмом Сибирскому, Уральскому и Семиреченскому

[222] *Козловский Е.* Красная Армия в Средней Азии. Военно-исторический очерк. — Ташкент, 1928; Гражданская война в Казахстане: летопись событий. — Алма-Ата, 1974; *Погорельский И.В.* История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917—1924 гг. — Л., 1984; *Генис В.Л.* Депортация русских из Туркестана в 1921 году. «Дело Сафарова»// Вопросы истории. 1998. № 1. — С. 44—58; *Толстов В.С.* От красных лап в неизвестную даль. Поход уральцев. — Уральск, 2007; *Ушаков А.Ю.* Русский Ульстер: семиреченская земельно-водная реформа 1921—1922 гг.// Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». 2009. Вып. 1. — С. 170—178.

казачьим войскам». Этот документ легализовал насильственную конфискацию в пользу так называемого коренного населения Туркестана около 845 тыс. десятин казацких сельскохозяйственных земель. Во исполнение этого геноцидального решения административно-карательный механизм РКП(б) в 1921 г. ликвидировал в Семиречье 127 «кулацких» хозяйств (т.е. принадлежащих казакам и русским переселенцам). В процентном отношении большевики ликвидировали 82,7% славянских хозяйств в Пишпекском уезде; 7,9% — в Лепсинском; 6,3% — в Верненском; 3,1% — в Каракольском уезде Семиреченской области. Одновременно было ликвидировано и расселено 15 русских переселенческих посёлков, в том числе, в Каракольском уезде — 7, в Нарынском — 8.

В следующем 1922 г. темпы деславянизации Семиречья были резко ускорены. В этом году оккупационная власть большевиков ликвидировала уже 1341 славянское хозяйство, из них: в Лепсинском уезде — 61,1%, в Джаркентском — 27,6%, в Алма-Атинском — 7%, в Талды-Курганском — 4,2%. Специальные бригады ВЧК, при поддержке регулярных частей РККА, ликвидировали и, якобы, расселили (фактически — либо заключили людей в концлагеря, либо просто изгнали из Семиреческой области) 54 славянских поселения. В том числе, в Лепсинском уезде было уничтожено 20 славянских селений, Талды-Курганском — 19, Джаркентском — 6, Пишпекском — 5, Алма-Атинском — 4. **В общей сложности, из 785.891 десятин войсковых земель (858.979 га) оккупационный Советский режим методами государственного террора только в 1921 г. изъял у казаков Семиречья — 277.419 десятин (303.219,6 га), или 35,3% (более одной трети!) всех сельскохозяйственных земель. Всего же для землеустройства киргизского (казахского) населения Советский режим передал свыше 1 млн. десятин сельхоз. угодий, причем около половины этого земельного фонда (около 460 тыс. десятин) было насильственно изъято у славянского населения Прибалхашья**[223].

В результате политики «сафаровщины» некогда зажиточная Семиреческая область превратилась в библейскую «мерзость запустения». По всей области брели толпы изможденных, ограбленных до нитки великорусов и казаков — тех, кому удалось избежать принудительной депортации и концлагеря. Конные разъезды «аульной бедноты», вооруженные до зубов, внимательно осматривали уходящие к северу скопища славянских «колонизаторов», а при удобном случае нагло выхватывали из рук деморализованных «урусов» приглянувшиеся баулы с домашним скарбом. Не брезговали и молодыми женщинами[224]. По авторитетному признанию партийного эмиссара РКП(б) в Туркестане Адольфа Иоффе[225], местные структуры Советской власти поощряли ***«методы дикого террора с демонстратив-***

[223] *Ушаков А.Ю.* Русский Ульстер: семиреченская земельно-водная реформа 1921–1922 гг. // Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». 2009. Вып. 1. – С. 177.

[224] Родная бабушка автора настоящего исследования, оренбургская казачка Екатерина Федоровна Ташкина (в девичестве) не знала худшего презрительного выражения, чем слово «кыргыз». Умнейшая женщина, прожившая долгую, тяжелую жизнь на самой границе северного Казахстана, поведала автору немало жутких историй о том, КАКИЕ глумления, а подчас и зверские насилия пережили от «аульной бедноты» несчастные семиречки, подруги ее юности, которым в начале 20-х гг. пришлось пройти «крестным путем» из Прибалхашья до границы Челябинской области.

[225] *Иоффе Адольф Абрамович* (10/22.10.1883 – 17.11.1927) — профессиональный революционер, партийный деятель РСДРП-ВКП(б), советский дипломат. Сын симферопольского купца-миллионера. Получил академическое образование в Берлинском, Цюрихском и Венском университетах. На IV (Стокгольмском) съезде РСДРП

ными кошмарными избиениями русских в присутствии киргиз, и приказами последним бить первых»[226]. Председатель Туркестанской комиссии ВЦИК, латыш Ян Рудзутак с негодованием сообщал в Кремль: ***«Чтобы обеспечить себе опору в туземном населении,*** [Туркбюро ЦК РКП(б)] ***велась зачастую демагогически-националистическая пропаганда, в результате чего неоднократно прозвучали угрозы со стороны киргиз вырезать русское население. Землеустроительные «тройки» творили по*** [славянским] ***поселкам невиданные бесчинства. Предписывали сельским и волостным ревкомам кормить их поросятами, «молодыми и жирными утками», требовали для себя «молодых женщин или девиц для стирки белья» (документы мною переданы в Контрольную комиссию). Легко себе представить, какое разложение это внесло среди населения и красноармейских частей, расквартированных по поселкам»***[227].

Казаки-семиреки понимали, что им бессмысленно обращаться за защитой от дикого произвола клики Георгия Сафарова к «доброму царю», т.е. к Ленину или в ЦК. Русские крестьяне-переселенцы, так много сделавшие для победы «большаков» в годы Гражданской войны, напротив, — по своей стародавней «крепостной» привычке засыпали Кремль жалобами. ***«25 млн. жителей*** [РСФСР] ***голодают,*** — отчаянно взывали к милости большевиков сельские тугодумы, — ***и нужно заботиться, чтобы каждый засеял возможно больше, а нас лишают уже засеянного урожая и, таким образом, только увеличивают число голодающих. <…> Нас, 24 семьи, обрекают на голодную смерть. Да не только нас, а и семьи наших детей, которые служат в Красной Армии. А за что? Что мы сделали, темные хлеборобы, копавшие вечно в земле?»***[228].

Массового вооруженного сопротивления политике славянского этноцида в Семиречье, проводимой Туркбюро ЦК РКП(б), по большому счету, не возникло: этот феномен объясняется, по-видимому, критическим истончением, размытостью в здешнем казацком этносоциуме исходного «запорожско-донского» генофонда. Русифицированные казаки Средней Азии, также как и их великорусские побратимы, яркому и гневному сполоху вооруженной борьбы предпочитали унылое бормотание бесконечных и бессмысленных жалоб

стал членом Заграничного бюро ЦК РСДРП (1906–1907). Успешно сочетал учебу и организационную работу по линии РСДРП за границей. Активно занимался революционной деятельностью в России. В 1912 г. был арестован в Одессе и сослан в Тобольскую губернию. В 1913 г. вновь осужден на вечную ссылку в Сибирь с лишением всех прав состояния. Освобожден по амнистии после Февральского переворота 1917 г. Председатель (а затем сотрудник) советской делегации на переговорах о мире с Германией в Брест-Литовске. Полпред РСФСР в Германии (1918). В 1919–1920 гг. — член Совета обороны и нарком госконтроля УССР. В 1921 г. председатель Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, член Туркбюро ЦК РКП(б). На этих постах настойчиво пытался ограничить размах этноцида славянского населения Туркестана, требовал немедленной отставки Георгия Сафарова с поста члена Туркбюро ЦК и отзыва этого любимца Ленина из Семиречья. Впоследствии на руководящих дипломатических постах в Китае, Японии и Австрии. Преподавал в МГУ, профессор факультета советского права (1927). В политическом плане являлся последовательным сторонником Л.Д. Троцкого, но при этом остался в истории одним из немногих большевиков, чьи руки не оказались по плечи обагрены человеческой кровью. Тяжко страдал в последние годы жизни от полиневрита, нашел в себе мужество прервать свои страдания выстрелом из револьвера. Предсмертное письмо Льву Троцкому, которое А.А. Иоффе написал в день самоубийства, демонстрирует невероятную силу духа этого человека.

[226] РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2156. Л.51.

[227] РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.20724. Л.1.

[228] РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.20724. Л.2.

«по начальству». Отдельные акты решительного воздаяния оккупантам за творимые ими преступления, конечно же, имели место, однако кровавая месть большевикам не носила в Семиречье такого организованного и действительно массового характера, как это происходило в тот же период (1921–1922 гг.) на Кубани, Тереке и Дону. В своем абсолютном большинстве русские люди Прибалхашья, точно также, как и их далекие предки несколько веков назад, выражали свой этнополитический протест «ногами», унося в заплечных котомках свое неизбывное смирение и этнополитическое безволие с плодородной земли солнечного Семиречья на нищие подзолы сырой Русской Равнины.

При анализе партийных документов РКП(б) периода «сафаровщины» трудно избавиться от ощущения, что ленинское Политбюро существенно больше пресловутого «русского бунта» опасалось вооруженного восстания «туземцев» Туркестана, а потому заранее обеспечивало лояльность «киргизского волка» за счет самого решительного сдирания шкуры с безгласной «русской овцы». Например, в марте 1921 г. Владимир Ленин решительно опротестовал проект постановления Оргбюро ЦК, которое, реагируя на бесконечный поток жалоб из Семиречья, предложило направить в Туркбюро директиву о том, чтобы «исполнение решения ЦК РКП об отобрании земель у семиреченского кулачества временно приостановить». Кумир русских коммунистов в своей резолюции с негодованием отверг саму возможность отсрочки деславянизации Туркестана: ***«Не приостанавливать, а, напротив, определить сроки, приступив к выполнению этой же весной (по отношению к десяткам злейших кулаков)»***. Далее председатель Совнаркома специально подчеркнул, что ***«семиреченского*** [т.е. казацко-русского. – Н.Л.] ***восстания еще нет, а Ферганское (сарты) уже есть»***[229].

Организованного восстания славянского населения Семиречья не произошло и на следующий год, когда кампания этноцида местных казаков и русских, подстегнутая указанием Ленина, развернулась с максимальным размахом. Эмиссар ЦК РКП(б) А.А. Иоффе, комментируя предупреждения ВЧК о якобы назревшем «русском бунте», 15 февраля 1922 г. писал Ленину: ***«По чекистским донесениям, в Семиречье нынешней весной нужно ожидать крестьянских волнений. Я этого не думаю, ибо полагаю, что русское крестьянство настолько ущемлено*** [N.B.! – Н.Л.], ***что на восстание не пойдет и ограничится пассивным протестом в виде обратного переселения на старую родину (что уже имеет место и теперь)»***[230].

Адольф Иоффе, отправленный в Туркестан по инициативе некоторых влиятельных членов ЦК и ЦКК РКП(б) для сдерживания деструктивной энергии Тюркбюро и лично Георгия Сафарова, был буквально шокирован увиденным в Семиречье. ***«Положение тех территорий, которые я лично видел и изучил, можно охарактеризовать двумя словами: мерзость запустения. Благословенный край, некогда Эдем человечества, лежит во прахе, и всеобщее разрушение идет крещендо. <…> Я видел собственными глазами, что отобранная у русских крестьян, ранее засевавшаяся ими земля стоит ныне никем***

[229] РГАСПИ. Ф.2. Оп.1. Д.24621. Л.5; Д.17691. Л.1. См. также: Ленинский сб. XXXIX. – С. 274. Председатель Совнаркома напоминал, несомненно, о Ферганском восстании тюркских народностей Средней Азии в 1916 г. См. подробнее: *Артемов И.В.* Бунт туземцев. Резня русских в Туркестане в 1916 году. – www.livejournal.com/media/468411.html.

[230] РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2157. Л.15.

не засеянная и не вспаханная, во всей своей девственной неприкосновенности. *<…>* ***Я видел заброшенные русские избы и заброшенные при этих избах русские огороды — то и другое, переданное киргизским артелям, живущим рядом в юртах и забросившим все это только потому, что они не знают, как обращаться с русской печью и как ухаживать за русским огородом.***

Стремление мстить, разрушать для того, чтобы одних проучить, а других научить, доводит до того, что все пчеловодство в районе разрушено только во имя разрушения. *<…>* ***Что касается самих киргиз*** [казахов. — Н.Л.], ***то вселенные в русские поселки, но не привыкшие к русским условиям хозяйства и оставленные без всякого руководства и инструктирования, они сплошь и рядом запускают хозяйства и огороды, и по-прежнему умирают с голода»***[231].

Результатом деятельности клики Сафарова, отмечал далее Адольф Иоффе, стало катастрофическое разрушение экономики Семиречья: если в 1915 году в области было засеяно около 640 тыс. десятин, а у населения имелось около 9,2 млн. голов скота, то уже в 1920 г. эти показатели уменьшились соответственно до 300 тыс. десятин и 2,6 млн. голов. Итоговый вывод своих наблюдений А.А. Иоффе формулировал очень четко: ***«Скотоводство и земледелие — основу благосостояния Семиречья — невозможно восстановить методами бесшабашного террора, опустошения и разрушения»***[232].

Важно отметить, что с особым пристрастием оккупационный режим РКП(б) уничтожал в Прибалхашье славянские топонимические указатели. Ничто не должно было напоминать о многих десятилетиях проживания в этом регионе Центральной Азии сообщества семиреченских казаков. 25 апреля 1922 г. Семиреченская область была переименована в Джетысуйскую область. Это подчеркнуто «киргизское» наименование Русского Семиречья продержалось на советских географических картах очень недолго. Уже в конце 1924 г. всегда единое в административном отношении Семиречье волюнтаристски разделили на две части — между Киргизской АССР (Джетысуйская губерния) и Кара-Киргизской Автономной Областью (Пишпекский, Каракольский, Чуйский и Нарынский кантоны). В этот период о существовании семиреченских казаков даже региональные структуры Советского режима вспоминали все реже. Если в 1919 г. в Семиречье имелось 13 тыс. индивидуальных казацких хозяйств и 37 собственно казацких поселений, то после проведения в ноябре 1927 г. VI Всеказахстанской краевой конференции ВКП(б) официальная статистика вообще перестала упоминать семиреченское казачество, как отдельную категорию местного населения советской Средней Азии[233].

Таким образом, в результате целенаправленной политики антиславянского геноцида, получившей в советской исторической литературе эвфемистское наименование «Семиреченской земельно-водной реформы 1921–1922 гг.», в уникально короткий (даже по меркам политической истории) срок режим РКП(б) безжалостно уничтожил самобытную этнокультурную группу казаков-семиреков и многократно ослабил этносоциальный потенциал русского населения Прибалхашья. «Сафаровщина» в Семиречье стала прологом к дальнейшему ослаблению витальных сил славянского

---

[231] РГАСПИ. Ф.5 Оп.1. Д.2156. Л. 34, 36, 50–51.

[232] РГАСПИ. Ф.5 Оп.1. Д.2156. Л. 42.

[233] *Ушаков А.Ю., 2009*. Указ. соч. — С. 177–178.

населения Центральной Азии, что привело в исходе XX века к практически полному усыханию здесь первоначально хорошо укоренившегося и потенциально очень мощного «русского древа».

Этнические чистки и депортации казаков Терского Войска: 1920–1921 гг. Тяжкому преступлению большевизма в Терской области — террористической депортации около 35 тысяч терских казаков, сопровождавшейся кровавой резней и этническими чистками, посвящена значительная научная литература[234]. Основательная подборка документов, связанных с уничтожением около 1/6 казацкого населения Терского Войска (по другим данным — до четверти всего казацкого населения ТКВ), имеется в сборнике исторических материалов профессоров Н.Ф. Бугая и А.М. Гонова[235]. В начале 2000-х журнал «Отечественная история» опубликовал обобщающую работу историка Йоркского университета (Великобритания) Шейна О'Рурка, которая в настоящее время является, по-видимому, наиболее глубоким осмыслением страшного акта геноцида, осуществленного Советским государством на Северном Кавказе осенью-зимой 1920 года[236].

Наличие значительной историографии по проблеме массовой депортации терских казаков позволяет нам остановиться в нашем исследовании только на тех исторических обстоятельствах, — предшествующих, способствующих или составляющих часть события данного преступления большевиков, которые, по тем или иным причинам, не нашли должного отражения в более ранних работах. В этом контексте следует сразу же указать на принципиальную ошибку, которую допускают, к сожалению, некоторые историки, противопоставляющие в своих выводах о трагедии 1920 г. на Кавказе, «некоренной» статус терских казаков «коренному» статусу горских народов. Даже лучшая на сегодняшний день работа О'Рурка не избежала этого досадного упрощения проблемы этнополитического взаимодействия терских казаков с горскими народами.

Значительный корпус нарративных источников и материалов археологии убедительно показывает: терские казаки являются коренным (исторически очень давним) населением Кавказского Пятигорья, Кубани, нижнего и среднего течения реки Терек. Предки терцев впервые появились на берегах этой легендарной реки во времена позднего средневековья — не позднее второй половины XV века. В исследовании Александра Ригельмана «История, или повествование о Донских казаках», впервые изданном в 1778 г., приводятся исторические предания терско-гребенских казаков, из которых следует, что предки терцев переселились с Дона в «кумыкскую землю», а затем на Терек на рубеже XV–XVI вв. Выводы Ригельмана о значительной древности казацких поселений на Тереке впоследствии нашли поддержку в трудах известных историков Семена Броневского, Иосифа Дебу,

---

[234] См. подробнее: *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). — М., 1998. — С. 81–88; *Бугай Н.Ф.* Казачество России: Отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). — М., 2000. — С. 25–36; *Дзидзоев В.Д.* Национальная политика: уроки опыта. — Владикавказ: Алания, 1994. — С. 133–138; *Он же.* Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 годы. — Владикавказ, 2000. — С. 123–124; *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923–1939. — N.Y., 2001. — P. 60–63.

[235] Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1920 гг./ Под редакцией Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова. — М., Нальчик: Изд. центр «Эль-фа», 1999. — С. 141–166.

[236] *О'Рурк Шейн.* Как отрабатывался механизм репрессий: высылка терских казаков в 1920 году// Отечественная история. 2008. № 5. — С. 83–96.

Ивана Попко[237]. Впоследствии, уже в советское время, вышел обобщающий академический труд Л.В. Заседателевой «Терские казаки: Историко-этнографические очерки». Автор книги, дополняя основные выводы своих предшественников, ввела в научный оборот несколько неизвестных ранее документов из государственных архивов. Эти архивные материалы показывают, что казацкое население Терека нельзя связывать с единовременной, сразу же прекратившейся миграционной волной восточных славян. Казацкий этнос расселялся по этой реке в течение длительного времени, постоянно получая демографическую «подпитку» со стороны западных областей Присуда. «На рубеже XVI века, — констатирует Л.В. Заседателева, — казачье население на Тереке не было изолированным славянским анклавом, но поддерживало самые широкие связи как с Войском Донским, так и с юго-восточными окраинами Русского государства»[238].

Документы XVII в., имеющиеся в государственных архивах, позволяют установить былое расположение позднесредневековых казацких городков на Тереке и Сунже. В низовьях Терека исторически точно установлена локализация (месторасположение) передовых к югу городков атамана Семенка «на Кизляре» и атамана Гаврилы Пана «на Быстрой близ Терки». Отсюда вверх по Тереку шла долгая цепь старинных казацких городков: в былой формулировке — «по Терку от Царева Броду и до урочища Моздока». К казацким поселениям левобережья Терека, основанным, очевидно, еще в конце XV века, можно отнести городки атамана Досая, атамана Парамонова, Верхний и Нижний Червленые, Наурский, Ищерский, Оскин, Шевелев и многие другие. На правом берегу Терека археологи установили локализацию позднесредневековых казацких городков Сарафанникова, Щадрина, Степана Москаля, Овдакима Мещеряка, Медвежий и др.

Важно подчеркнуть, что в период позднего Средневековья этнические контакты терских казаков с неславянскими народами Кавказа, включая наиболее воинственных вайнахов, не выходили за обычный формат межэтнических взаимоотношений народов «скифо-аланского круга». Терские казаки воспринимались теми же вайнахами, по существу, как один из прочих горских народов Кавказа. Отношения между казаками и горцами развивались, вплоть до начала XIX века, в привычной для всех горцев парадигме «аланской набеговой системы». Эта парадигма непротиворечиво включала, как конструктивные (торговые связи, куначество, ситуационные этнополитические союзы), так и негативные аспекты (набеговые рейды, кровная месть, акции устрашения). Единственно, чего точно не было в межэтнических казацко-горских взаимоотношениях XV—XVIII вв., так это взаимного осознанного стремления к тотальной войне, которое появилось, как неизбежный результат упорного противоборства на Кавказе Российской и Османской империй.

Эпоха Кавказских войн (1817—1864 гг.) проложила между казаками и большинством неславянских народов Кавказа до сих пор не сросшийся рубец взаимного антагонизма. Неблаговидную «заслугу» по взращиванию взаимной казацко-горской нетерпимости следует

---

[237] См. подробнее: *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. — М., 1823; Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. — СПб., 1829; Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Вып. I: Гребенское войско. — СПб., 1880.

[238] *Заседателева Л.В.* Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Историко-этнографические очерки. — М., 1974. — С. 179.

**Большая семья гребенских казаков станицы Червленая Терского Войска. 1910 г.
В начале XX в. на Тереке в среде этнических казаков многочисленные семейные кланы были обычным, массовым явлением**

всецело отнести на счет сановников Турции и России, которые для обеспечения влияния своих государств на Кавказе не брезговали методичным стравливанием между собой кавказских народов. В частности, административный аппарат Российской империи очень скоро осознал, что по своим ментально-психологическим качествам великорусский крестьянин, пусть даже одетый в солдатскую шинель и вооруженный винтовкой, не способен составить реальную этнополитическую конкуренцию горским народам Кавказа. Полное отсутствие боевых традиций, ментальная установка на постоянную координацию своих действий с «волей барина», социальная инертность, отсутствие навыков этнической корпоративности делали русского простолюдина легчайшей добычей для кавказских абреков. Российская кадровая армия для стратегически долгого удержания завоеванных территорий на Кавказе оказалась также бесполезной: для защиты от горцев у каждой избы русских переселенцев невозможно было разместить на постоянной основе потребное число «штыков» и «сабель».

«Соломоновым решением» возникшей коллизии в Петербурге посчитали идею превращения Кавказа в «русский край» с помощью максимально глубокого внедрения казацких этнических поселений на родовые земли горских неславянских народов. В этнополитическом аспекте этот план можно расценить как изначально преступный. Во-первых, для размещения казацких станиц на горских землях необходимо было либо уничтожить, либо согнать с этих земель их подлинных владельцев. А во-вторых, этот план превращал всегда сложные, однако вполне стандартные для Кавказа казацко-горские отношения в перманентную этническую войну на взаимное истребление. Важно отметить также, что самостоятельно, т.е. без помощи

регулярной армии Российской империи, победить горцев в этой этнической войне терские казаки были не в состоянии. Боевой потенциал вайнахских народов, по меньшей мере, не уступал терско-казацкому воинскому потенциалу, а следовательно, война на взаимное уничтожение могла вестись (и реально велась) до бесконечности.

Идея «русифицировать» Кавказ путем переселения казаков на горские земли была порочна и в этнокультурном аспекте. Этнокультурные особенности терских казаков соответствовали, в своих главных деталях, именно горской цивилизационной культуре, а в бытовом плане горцы были гораздо ближе и понятнее казакам, чем великорусы любого социального ранга. Программа «русификации» Кавказа с помощью заведомо нерусского (в генетическом и этнокультурном аспектах) казацкого народа была, таким образом, заранее обречена на провал. Проницательный Лев Толстой, весьма скептически оценивая имперскую политику России, на основе личных наблюдений за казацко-русскими взаимоотношениями на Кавказе, констатировал: ***«Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него*** [в хате. — Н.Л.], ***чтобы защищать его станицу»***[239]. Современный этнолог Т. Барет (T. Barrett) вполне разделяет мнение русского классика, отмечая при этом, «что казаки показали себя весьма неэффективным проводником русского влияния, поскольку сами оказались восприимчивы к культурам коренных народов Северного Кавказа»[240].

После Октябрьского переворота политика царизма на Кавказе — в стратегическом аспекте тупиковая, подчас геноцидальная по отношению к горскому населению, — логично пришла к своему краху. Горцы-вайнахи, согнанные еще во времена Кавказской войны с плодородных земель речных долин, жаждали этнополитического реванша. Экономическая основа реваншистских настроений была очевидна: в 1913 г. на одну душу мужского пола в казацких отделах Терского Войска приходилось по 13,6 десятины удобной земли, а в горских аулах — по 6,1 десятины. По другим данным, на территории ТКВ на душу горца-мужчины (также, впрочем, как и на душу русского «иногороднего» переселенца) приходилось лишь по 2,5 десятины земли. Этнические казаки, в отличие от горского населения и русских переселенцев, обладали значительным земельным фондом, часть которого на регулярной основе сдавалась в аренду, в том числе вайнахам. По образному выражению депутата Государственной Думы Российской империи от Терской области А.П. Маслова (1906 г.): у чеченца земли столько — «сколько помещается под его буркой»[241]. Можно только представить всю глубину ненависти к такому положению воинственных вайнахов, вынужденных арендовать у казаков свою же родовую землю, некогда принадлежащую их предкам!

Существовала и еще одна сторона медленно, но неудержимо разгорающегося межэтнического конфликта в Терской области — многочисленное, в массе радикально настроенное в пользу большевиков «иногороднее» население. К 1914 году в Терской области оказалось 521.240 «иногородних», большая часть которых переселилась из Великороссии . На территории Терского Войска казацкое население (около 255 тыс. человек) оказалось в значительном меньшинстве: численность казаков уступала «иногородним» более чем в два раза.

---

[239] *Толстой Л.Н.* Казаки. Повести и рассказы. — М., 1981. — С. 158.

[240] Цит. по: *Шляпников А.Г.* За хлебом и нефтью// Вопросы истории. 2003. № 2. — С. 128.

[241] Цит. по: *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919 гг. — М.: Центрполиграф, 2011. — С. 152.

**Подъесаул Михаил Караулов.
1-й Кизляро-Гребенский полк Терского Войска.
В будущем — Войсковой атаман ТКВ. 1905 г.**

Октябрьский переворот гальванизировал вековечную мечту обездоленного крестьянства о «черном переделе». Сонмы русских переселенцев на Северном Кавказе стали буквально одержимы идеей улучшить свое материальное положение за счет земельного достояния «народа-помещика». Военный историк А.Ю. Безугольный отмечает: **«Среду для распространения революционных идей создавали иногородние — пришлое крестьянское население, арендовавшее землю у казаков. Хотя земли в собственности они не имели и в войсковых делах участия не принимали, однако и ни к каким повинностям, кроме военной (по жребию), не привлекались. Многие из них казаками становиться и не желали. С этой удобной позиции, позволявшей многим иногородним существовать безбедно, они в то же время готовы были начать атаку на казачество — инертное и политически индифферентное в своей массе** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[243].

Мнение А.Ю. Безугольного о политическом инфантилизме терских казаков, к сожалению, соответствует исторической действительности. Казаки Терского Войска, в сравнении со своими донскими, кубанскими и уральскими побратимами, проявили существенно бóльшую политическую всеядность и невысокую способность к жесткой этнической консолидации. Впрочем, в период Революции и Гражданской войны казаки всех без исключения Войск стали невольной жертвой собственной «русификации», — над этим, более двухсот лет, методично трудилась так называемая «национальная политика» Российской империи. Трагическая, произошедшая в переломный период декабря 1917 года, гибель Войскового атамана М.А. Караулова[244] существенно ослабила этнополитические позиции терцев, лишившихся, причем в самый ответственный момент, признанного национального вождя.

---

[243] *Безугольный А.Ю., 2011.* Указ. соч. — С. 153–154.

[244] *Караулов Михаил Александрович* (1878 – 13/26.12.1917) — национальный герой казацкого народа, автор фундаментального исследования «Терское казачество в прошлом и настоящем», Войсковой атаман ТКВ, депутат Государственной Думы Российской империи II и IV созывов от Терской области. Родился в станице Тарская Сунженского отдела Терской области. Окончил филологический факультет Петербургского университета, получил

По понятным причинам мы не можем более основательно рассматривать причины и последствия трагических межэтнических столкновений, произошедших в 1918—1919 гг. в Терской области между казаками и вайнахами. Главный интерес нашего исследования также находится в стороне от непосредственного изучения событий военной борьбы режима РКП(б) с Белым движением на Тереке. В контексте событий Революции и Гражданской войны для нас очевидны, к сожалению, непоследовательные, даже хаотичные, весьма далекие от четкого осознания собственных этнополитических интересов действия казаков ТКВ в решительной схватке красных и белых. Терские казаки, давно лишенные в имперской России даже тени традиционных институтов казацкой демократии, утратившие живое чувство собственной правосубъектности, оказались неспособны проявить в решительный час свое главное ментальное свойство, некогда так резко отличавшее их от великорусов, — неукротимую волю к эффективной самоорганизации. В годину Революции этнические казаки Терека, расслабленные военными подпорками имперской России, оказались на порядок менее жизнестойкими в этнополитическом аспекте, нежели их ингушские или чеченские противники[245]. В марте 1918 г. представитель руководства Терского Войска Г.Ф. Фальчиков так формулировал политические представления терцев о желательной системе власти: «*Для казака неважно, какая это будет власть. Он говорит: поставьте хоть черта, но лишь бы он умел разумно управлять, чтобы власть его дала бы гарантии для мирной трудовой жизни*»[246]. Несмотря на кажущуюся «рациональность» этой тирады, трудно представить в революционном лихолетье более инфантильную, заведомо проигрышную позицию! Стоит ли удивляться тому, что когда «черт», в образе главного эмиссара РКП(б) на Кавказе Серго Орджоникидзе[247], взял под свой полный контроль Терскую область, он отказался давать кому-либо «гарантии для мирной трудовой жизни», но обеспечил все гарантии для организации демоцида и этнических чисток в казацких станицах?

военное образование в Николаевском кавалерийском училище. Активно участвовал в создании «Общества любителей казачьей старины», издавал научно-просветительский журнал «Казачья неделя». 27 марта (9 апреля) 1917 г. был избран Войсковым Кругом атаманом Терского Войска. Последовательно защищал этнополитические интересы казацкого населения ТКВ. В августе 1917 г. съезд «иногородних» Терской области ходатайствовал перед Временным правительством об отзыве М.А. Караулова с поста атамана ТКВ, поскольку он, якобы, — «своей политикой непримиримости казаков с остальным населением возбуждает крайне тревожное настроение и недовольство». Убит 13(26) декабря 1917 г. на станции Прохладная во время возвращения во Владикавказ из Пятигорска. Революционная солдатня 106-го Уфимского пехотного полка во главе с неким Зотовым расстреляла атамана в его вагоне. Сотня терцев, отправленная на выручку атамана, опоздала к трагической развязке, однако сумела изловить и уничтожить нескольких подонков. Не ушел от возмездия и главный подстрекатель убийства Зотов. Убийца был арестован донскими казаками на ж/д станции Новочеркасска и повешен.

[245] Генерал А.И. Деникин отмечал в своих «Очерках русской смуты»: «Ингуши стали ландскнехтами Советской власти, ее опорой, не допуская, однако же, проявления ее в своем крае. <…> Они грабили всех соседей: казаков и осетин во имя «исправления исторических ошибок», своего малоземелья и чересполосицы; большевиков — в уплату за свои труды и службу; кабардинцев — просто по привычке, а владикавказских граждан [*т.е. русских. — Н.Л.*] — за их беспомощность и непротивление». Оценка суровая, однако, следует заметить и другое — ингуши проявили в революционном хаосе исключительное политическое чутье и высокий мобилизационный потенциал.

[246] Цит. по: *Шляпников А.Г., 2003*. Указ.соч. — С. 77.

[247] *Орджоникидзе Григорий (Серго) Константинович* (12/24.10.1886 — 18.02.1937) — профессиональный революционер, советский партийный и государственный деятель. Этнический грузин. Член РСДРП с 1903 г. Особо опасный государственный преступник в Российской империи, однако, в связи с бездарностью репрессивного аппарата империи регулярно получал все возможности для продолжения подрывной работы. Фанатично ненавидел казаков, поскольку свой первый реальный тюремный срок в Сухумской тюрьме получил после ареста казацким патрулем. В годы Гражданской войны занимал ряд высоких постов: чрезвычайного комиссара Юга

**Первый (после крушения самодержавия) Круг Терского Войска.
В центре с атаманской насекой в руках Войсковой атаман терцев Михаил Александрович Караулов.
Март 1917 г. (*Архив Э.В. Бурда*)**

В большинстве исследований, посвященных событиям депортаций казацких станиц из Терской области в апреле 1920 — январе 1921 гг., значительное внимание уделяется персональной роли в этом акте геноцида Григория Орджоникидзе, председателя Северо-Кавказского ревкома РКП(б). Известный исследователь межнациональных взаимоотношений на Кавказе В.Д. Дзидзоев размышляет, например, так: «Орджоникидзе в 1918–1920 годах вбил мощный клин во взаимоотношения ингушей и казаков. По его воле и распоряжению казаки, как известно, подверглись репрессиям, последствия которых пагубно сказываются до сих пор»[248]. Действительно, персональная вина «товарища Серго» в массовом уничтожении казацкого населения на Тереке исключительно велика. Однако, возникает другой вопрос: насколько именно Серго Орджоникидзе повинен в возникновении «мощного клина» взаимной казацко-ингушской вражды?

России, председателя Совета обороны Северного Кавказа, председателя Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе, руководителя Кавказского бюро ЦК РКП(б). Остался в истории как один из самых кровавых палачей на службе Советского режима. С его санкции на Юге России были уничтожены тысячи людей, признанных «националистическим антисоветским элементом» — русские и казацкие офицеры, промышленники, интеллигенция, зажиточные крестьяне. В Терской области «товарищ Серго» организовал систематический геноцид казаков. С января 1932 г. находился на должности наркома тяжелой промышленности СССР. На Орджоникидзе лежит персональная ответственность за тяжкие издержки «социалистической индустриализации», в т.ч. за использование рабского труда славянского населения СССР. Опасаясь неизбежного ареста НКВД из-за конфликта с Иосифом Сталиным, застрелился.

[248] *Дзидзоев В.Д.* Национальная политика: уроки опыта. Изд. второе. — Владикавказ: Алания, 1994. — С. 138.

Очевидно, что в самом факте возникновения перманентной казацко-ингушской конфронтации в столь же значительной мере повинны военные эмиссары Российской империи XIX в., которые осуществляли на Кавказе экспансионистскую, часто геноцидальную политику по отношению к горцам. Экспансионистская политика России на Кавказе, важнейшим действующим актором которой стали терские казаки, по большому счету, ничего не дала казацкому народу. Империя регулярно и беззастенчиво отжимала все жизненные соки казацкого этнического сообщества, щедро расплачивалась казацкой кровью за свои геополитические авантюры на Кавказе, в Северном Причерноморье и на Балканах. «Мощный клин» между казаками и вайнахами на протяжении целого столетия вбивал именно царский Петербург. Серго Орджоникидзе принял лишь ситуативное, в наибольшей степени отвечающее интересам антиславянского режима РКП(б) решение: в какую именно этническую сторону казацко-вайнахского конфликта следует вгонять «мощный клин» регулярных частей Красной Армии. Противоречивая, во многих аспектах не столько собственно казацкая, сколько «русско-имперская» позиция, которую заняло высшее офицерство ТКВ, подтолкнула Советский режим к логичной идее — за счет материальных ресурсов этнических казаков превратить воинственных вайнахов в главных союзников РСФСР на Кавказе[249].

В начале 1918 г., задолго до начала массовых депортаций казацких станиц с Терека, большевик Сергей Кавтарадзе писал: ***«Терская область представляет собой оригинальнейшее явление. Здесь национальная борьба почти совпадает с классовой. Ингуш борется с казаком не потому, что он казак, а потому, что ингуш безземелен, обездолен, а казак владеет землей. И правильна политика Советской власти, если она опирается на ингушей и чеченцев. В этом не виноват ни ингуш, ни казак. Это — последствие проклятой царской политики, которая из казаков устраивала здесь свои баррикады»***[250]. Член Кавказского краевого комитета РКП(б), интеллектуал, а в будущем советский дипломат С.И. Кавтарадзе остался в истории одним из наименее кровавых большевиков, почти что «голубем». Он не испытывал особых симпатий ни к казакам, ни к ингушам, однако, как человек, выросший на Кавказе, четко видел, что наиболее короткий путь для прочного закрепления Советского режима в Терской области лежал через установление временного военно-политического союза большевиков с вайнахами. Таким образом, антиказацкие действия Советского государства на Тереке были предопределены необходимостью обеспечить закрепление победы антиславянского режима РКП(б) над исторической Российской государственностью. В этом смысле депортация и этнические чистки казаков с использованием вайнахских бандитских формирований рассматривались большевиками как абсолютно «революционная», а значит оправданная мера — логичный путь к установлению прочной диктатуры Советской власти на Северном Кавказе.

Серго Орджоникидзе, ввиду его диктаторских полномочий на Северном Кавказе, несет, конечно же, персональную ответственность за этнические чистки и депортации терских

---

[249] Вайнахи, в отличие от казаков, сумели очень быстро распознать органичную антиславянскую сущность Советской власти. Ингушская делегация без обиняков заявила в 1918 г. советским эмиссарам: «Мы, ингуши селения Экаджиева, и почти вся Ингушетия стоим на платформе центральной Советской власти; мы, ингуши не только селения Экаджиева, но и вся Ингушетия будем защищать Советскую власть до последней капли крови». См. подробнее: РГАСПИ. Ф.64. Оп.1. Д.247. Л.3–4.

[250] Цит по: *Безугольный А.Ю., 2011.* Указ. соч. — С. 152.

казаков. Однако, вряд ли можно сомневаться в том, что его преступление — это преступление исполнителя деяния геноцида. Верховным же заказчиком уничтожения терских казаков выступало Советское государство, в лице его полномочных административно-партийных органов — Совнаркома и Центрального комитета РКП(б). Четкая вертикальная соподчиненность всех региональных структур РКП(б) исключала возможность длительных действий эмиссаров высшего партийного звена «на свой страх и риск». Поэтому невозможно представить, что Г.К. Орджоникидзе, организуя массовый геноцид терцев, действовал без согласования с высшим партийным ареопагом в Кремле. О наличии постоянной четкой координации между Владикавказом и Москвой свидетельствует телеграмма председателя Совнаркома В.И. Ленина, отправленная Орджоникидзе весной 1920 г., т.е. задолго до проведения наиболее массовых депортаций казаков в октябре-ноябре 1920 г. ***«По вопросу о земельных отношениях,*** — телеграфировал на Кавказ Ленин, — ***можете действовать самостоятельно, сообщая, однако, о принимаемых вами мероприятиях в этой области»***[251].

Идеологическая база для террористических депортаций казаков с Терека также готовилась заранее, причем Серго Орджоникидзе и не помышлял скрывать — за счет какого именно народа режим РКП(б) намерен разрешить острый земельный кризис в Терской области. «[В Терской области], ***с одной стороны, многоземельное, зажиточное, в прошлом пользовавшееся всеми правами казачество,*** — констатировал в своем отчете Орджоникидзе в начале 1920 года, — ***если можно так выразиться, «народ-помещиков». С другой стороны, иногороднее население*** [русские крестьяне-переселенцы. — Н.Л.] ***и горцы, безземельные и бесправные в прошлом. Все неказачье население на Северном Кавказе в прошлом находилось в полном политическом подчинении у казачьего сословия, и это несмотря на то, что казачество составляло не более одной пятой всего населения Северного Кавказа»***[252].

На Кавказе, как и всюду на землях Казацкого Присуда, казаки исполнили миссию главного мобилизационного ресурса Белого движения. Невероятная по бездарности деятельность штаба ВСЮР генерала А.И. Деникина закономерно привела к успешному прорыву войск РККА в январе 1920 г. на Кавказском фронте. К началу апреля Терская область и Дагестан оказались оккупированы победоносной Красной Армией. Так завершилась заведомо бесперспективная миссия казачества, попавшего ввиду инфантилизма казацкой военной элиты, в «коренники» рассыпающейся на ходу «русской тройки». Прямой вызов Советскому государству, с позиций большевистской логики, навечно превращал казаков в «сословие контрреволюционеров», за счет материальных средств и земель которых теперь должны были решаться все первоочередные задачи по укреплению режима РКП(б) на Юге и Востоке страны. На Тереке несостоявшимся «спасителям России от самой России» (слова Ис.Ф. Быкадорова) русские крестьяне-переселенцы и все прочие ранее «обездоленные» стали вчинять непомерно раздутые этнополитические иски уже в 1920 году.

В апреле 1920 г., сразу же после окончательного очищения Терской области от регулярных войск ВСЮР, формирования РККА провели террористическую депортацию казацкого населения из трех станиц — Сунженской, Воронцово-Дашковской (Аки-Юртовской) и Тарской, расположенных в непосредственной близости к нагорным территориям ин-

---

[251] *Ленин В.И.* ПСС. Т.51. — С. 178.

[252] *Орджоникидзе Г.К.* Избранные статьи и речи. — Грозный, 1962. — С. 60—61.

гушей. Еще весной-летом 1918 г. большевики обнаружили намерение очистить эти станицы от казаков и передать их земельный фонд ингушам. 22 мая 1918 г на организованном большевиками 3-м съезде трудовых народов Терека было принято решение — ***«в целях устранения чересполосицы с ингушскими и чеченскими землями переселить станицы Сунженскую, Аки-Юртовскую, Тарскую и Фельдмаршальскую»***[253]. Представители казаков на этом съезде оказались в меньшинстве, а принятие «исторического решения» большевики протащили голосами русских «иногородних» делегатов, которые практически единогласно поддержали данное требование ингушской и чеченской делегаций.

Ликвидация Тарской — родовой станицы погибшего Войскового атамана Михаила Караулова — стала, бесспорно, своего рода «духовной Голгофой» терского казачества. Этнополитический смысл этого преступного решения, направленного, прежде всего, на духовный надлом казаков, был хорошо понятен современникам: если можно уничтожить Тарскую, отчего же нельзя уничтожить и все прочие станицы бывшего Терского Войска? Следует отметить, что уничтожение Тарской, Сунженской и Аки-Юртовской станиц стало отнюдь не первой ступенью в крестном пути терцев на историческую Голгофу. Между ноябрем 1917 г. и весной 1918 г. ингушские боевики сожгли три казацкие станицы — Фельдмаршальскую, Хахановскую и Ильинскую. Резни не произошло, поскольку казаки сумели отбить нападение, однако без крова осталось свыше 4 тыс. человек. Степень самоорганизации казаков-терцев оказалась на столь низком уровне, что они позволили своим побратимам разойтись «с голодной сумой» по городам и весям Юга России. Славянское население уже никогда не вернулось на земли, которые ранее принадлежали этим трем станицам.

Из Тарской, Сунженской и Аки-Юртовской красноармейцы депортировали без малого 9 тыс. душ казацкого населения (8871 чел.)[254]. Депортации производились по хорошо продуманной методике, которая обеспечивала практически поголовное уничтожение станичной старшины, изоляцию (с последующим уничтожением) большинства мужчин репродуктивного возраста, тотальное ограбление всех, без исключения, казацких семей, высочайшую смертность среди детей и подростков. В начале, под угрозой расстрела, все мужское население депортируемых станиц принуждали к регистрации, одновременно проводя поголовное разоружение и арест всех известных, уважаемых станичников. Затем депортации подвергалось вообще все мужское население репродуктивного возраста. В последнюю очередь выселяли из родных куреней стариков, женщин и детей, а для того, чтобы люди быстрее и без особого скарба покидали свои дома, на них натравливали вооруженные до зубов вайнахские банды[255]. При демонстративном невмешательстве красноармейцев (воинские контингенты

---

[253] Труды 3-й сессии Терского областного съезда. — Грозный, 1918. — С. 87.

[254] РГАСПИ. Ф.64. Оп.1. Д.247. Л.104–106.

[255] Автор специально подчеркивает, что упоминая об участии в преступных депортациях казаков ТКВ вооруженных банд вайнахов, он имеет ввиду именно **банды грабителей и насильников вайнахского происхождения**. Оккупационным режим РКП(б) рекрутировал в свои союзники прежде всего бандитов, но никак не ингушский или чеченский народы. Государственная система РСФСР (СССР), глубоко антиславянская в своей основе, с легкостью копировала самые дикие колонизаторские схемы «буржуазного Запада» XVIII–XIX вв. Большевики не гнушались противопоставлять и даже открыто стравливать между собой разные народы бывшей Российской империи. В очень скором времени вайнахи разделят с казаками кровавый опыт массовых депортаций и проследуют тем же страшным путем — в вагонах для скота на азиатский восток СССР. Память о пережитой трагедии массовых депортаций должна в наше время не разделять, а объединять все народы Северного Кавказа.

Уроженцы станицы Тарской, младшие офицеры Сунженско-Владикавказского полка ТКВ с семьями. 1913 г. Не пройдет и десяти лет — и все эти люди будут либо убиты красными палачами, либо навсегда изгнаны с родной земли. (*Архив Э.В. Бурда*)

РККА состояли, в основном, из уроженцев центральных и северных губерний России) распоясавшиеся абреки грабили, насиловали женщин, при малейшем сопротивлении беспощадно убивали стариков и подростков. Сельскохозяйственный инвентарь, скот и лошади изымались карателями — наибольшую поживу получал тот, кто успевал первым ворваться в онемевшие от ужаса и горя казацкие курени. Голодных, ограбленных до нитки детей, женщин и стариков красноармейские «братушки» ударами прикладов загоняли в вагоны для скота и вывозили в голую степь в бывшем Пятигорском отделе ТКВ. В целом, схема депортаций терских казаков в малейших деталях копировала методику сгона индейцев США в резервации в середине XIX века, с той лишь разницей, что последних не рубили шашками и не расстреливали в пути их этнические конкуренты. Еще одно отличие состояло в том, что среди руководства РКП(б) не нашлось совестливого человека, подобного военному министру США Джону Келхауну[256].

[256] *Келхаун (Calhoun) Джон* (18.03.1782, Южная Каролина — 31.09.1850, Вашингтон, округ Колумбия) — государственный деятель США. Родился в семье фермера. В 1804 г. окончил Йельский колледж. Член палаты представителей Южной Каролины (1808–1809), член конгресса США (1811–1817). В 1817–1825 гг. государственный секретарь по военным вопросам (военный министр) в администрации президента Дж. Монро. Постоянно противодействовал антииндейским усилиям белых поселенцев пограничных районов, блокировал их лоббистские усилия в Конгрессе. Будучи вынужден по долгу службы осуществлять перемещение индейцев в резервации Д. Келхаун старался, насколько возможно, максимально оттянуть практическое осуществление депортаций, а когда это стало невозможно, отдал войскам приказ проявлять максимальную гуманность. В 1824 г. организовал Ведомство по делам индейцев, проводившее при Д. Келхауне просвещенную и гуманную политику.

Впоследствии, в специальном докладе инспекционной комиссии ВЦИК под руководством старого большевика В.Н. Невского были подведены, причем весьма объективно, итоги апрельских депортаций 1920 г. ***«Из станицы Тарской,*** — отмечалось в докладе, — ***выселено 6 т***[ыс]***. душ. Земля им отведена в Пятигорск***[ом] ***отделе. Инвентаря нет, все было разграблено при выселении. В Пятигорском отделе голый участок, жилищ нет, дети мрут, как мухи, не говоря уже о том, что при выселении ингушами было убито 57 мужчин и 11 женщин»***[257].

Комиссия ВЦИК вряд ли была заинтересована, чтобы в официальный отчет попали цифры о подлинном числе жертв террористической депортации весны 1920 г. По воспоминаниям очевидцев этого преступления — масштаб бессудных убийств мужчин-казаков был, как минимум, на порядок крупнее. В целом, за весь 1920 год, по самым осторожным подсчетам, вайнахские бандиты убили не менее 108 этнических казаков, ранили — 14, угнали в горы для рабского труда — 11 чел. Угон (присвоение) казацкого скота и лошадей исчислялся тысячами голов[258].

27 марта 1920 г. казацкое население Аки-Юртовской, Тарской и Сунженской станиц подогнали к железнодорожному разъезду Далаково. Конвоирование осуществляли регулярные части РККА с полностью боеготовым оружием и расчехленными пулеметами на тачанках. Всех казаков, кто оказывал малейшее сопротивление (хотя бы вступал в пререкания с красными «братушками»), был не способен идти самостоятельно, либо пытался бежать — убивали на месте. Трупы грузили на подводы, сопровождавшие конвой. Неподалеку от разъезда тела убитых сбросили в специально отрытую яму. При погрузке в вагон выяснилось, что подвижного состава на всех согнанных людей не хватает. Тогда тех, кто не поместился в вагоны, сгруппировали вокруг ямы с трупами, и расстреляли из пулемета[259].

За два года до этой страшной трагедии, в июне 1918 г. на Казачье-Крестьянском съезде в Моздоке делегат Александр Семенов, пораженный жестокостью первой попытки сгона казаков Сунженской линии объединенными силами красноармейцев и вайнахских бандформирований, произнес яркую, в какой-то мере пророческую речь.

«Чтобы прекратить влияние русской культуры, — с искренней горячностью убеждал съезд делегат Семенов, — *нужно выселить города, и вы видите, как начинается гибель городов. Посмотрите на Грозный — там нет ни одного целого дома, посмотрите на Владикавказ — это мертвый город. Молоканская, Курская слободки — эти очаги большевизма* [русские переселенческие анклавы. — Н.Л.], *с уходом тарцев и сунженцев* [т.е. этнических казаков] *увидели, что и им придется уйти и теперь думают думу: где то место — куда уходить. Перед нами стоят ингуши и чеченцы, но за ними стоит Турция. <...> Сейчас все, кто может, должен бороться с большевиками. Мы все — братья сунженцев. До них докатилась беда раньше, до нас докатится позже. Когда тарцы проходили через весь город* [вытесненные из Тарской красноармейцами и ингушами. — Н.Л.], то *от Шалдона до Молоканской слободки шпалерами стояли горожане,*

---

[257] ГАРФ. Ф.1235. Оп.95. Д.517. Л.249.

[258] *Бугай Н.Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–1990-е годы). — М., 2000. — С. 33–40; *Губенко О.В.* Терское казачье войско XV–XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). — Ессентуки, 2007. — С. 117.

[259] См. подробнее: Дон. 1990. № 7. — С. 68.

**Маленькие казачата со своей бабушкой. Станица Тарская ТКВ. 1916 г.
В апреле 1920 г. все эти дети будут насильственно депортированы из родной станицы оккупационными войсками РККА и, с высокой вероятностью, погибнут от истощения и болезней.
(*Архив Л.А. Прокопенко*)**

которые видели и чувствовали, что это идут не трусы, а страдальцы. Сунжу выселили не потому, что плоскостная Ингушетия страдает от малоземья. Это не верно. Возьмите цифры и вы увидите, что если кто страдает от малоземья, то это плоскостная Осетия. Причиной было то, что Ингушетия хотела округлить свою территорию, мечтая создать самостоятельное государство, не связанное с Россией. И вот вы посмотрите, с каким умом маленькая 60-тысячная национальность дурачит 250-тысячное казачество и 300-тысячное [русское] *крестьянство. Когда они* [ингуши] *их* [казаков] *выселяют, впереди идут красноармейцы-большевики и уничтожают своих*»[260].

Речь депутата Семенова, а он представлял на съезде переселенческое крестьянство, весьма показательна. В этом «крике души» честного русского человека кристаллизованы буквально все доминирующие идеологические иллюзии Белого движения, мечтающего «спасти Россию от большевизма», т.е., по большому счету, от самой себя. Русифицированная верхушка терского казачества (равно как и вся казацкая элита в целом) органично впитала подобные мифологемы и, тем самым, обрекла свой народ на стратегический проигрыш. Делегат Семенов увидел в этнополитической энергии и целеустремленности вайнахов исключительно козни далекого, но могущественного врага — Турции. В соответствии с традиционной концепцией «русоцентричности» мира, по мнению делегата, этнические казаки

[260] ГАРФ. Ф.5351. Оп.1. Д.26. Л.29–33.

должны, прежде всего, спасать не свои станицы и семьи, а «русскую культуру». При этом подлинные (этнические) представители «русской культуры», как это ясно уже самому Семенову, помышляют вовсе не о борьбе с мощным альянсом большевиков и вайнахских бандитов, а исключительно о бегстве: «где то место — куда уходить». (Заметим, что «беглый» стереотип этнического поведения великорусское сообщество в полной мере сохранило, к сожалению, вплоть до начала XXI века — чему ярким свидетельством является повальное бегство русских из бывших «братских» республик СССР и внутренних автономий ранней Рсфедерации). Искреннее удивление Семенова — отчего же русские красноармейцы идут впереди ингушей при выселении казаков из родных станиц — очень симптоматично для русского патриота образца 1918 г. Семенов так и не понял, что для этнически девиантных борцов за «черный передел» казаки являлись, прежде всего, «народом-помещиком» — существенно более враждебным, чем малоземельные ингуши…

Анализ первопричин ярко обрисованного делегатом Семеновым этнополитического кризиса в Терской области не входит в задачу нашего исследования, хотя, безусловно, представляет огромный интерес. Нам приходится лишь констатировать результат произошедшего исторического события: попытки 250-тысячного терского казачества учесть интересы политически разобщенного русского 300-тысячного большинства, настойчивые попытки терцев как-то опереться на гипотетические силы этого большинства в жесточайшем конфликте с режимом РКП(б) — ни к чему не привели. Этнополитическая разобщенность великорусов опустилась в революционные годы, говоря словами британского дипломата, — «ниже презрения». Русский простолюдин априорно не мог считать казацкое население «своим» — хотя бы уже потому, что не считал в эти годы «своими» храмы своих предков и достоинство великого русского имени. Мужицкая Россия в эпоху Революции превратилась в страну трусливых толпарей, которые с энтузиазмом выполняли любой приказ верховной власти, — в том случае, если власть проявляла способность хотя и скудно, но регулярно их кормить. И дозволяла, при этом, безнаказанно грабить «бывших». С интернациональной диктатурой РКП(б) можно было построить диалог только с позиции хорошо организованной, вооруженной силы. Союзники-толпари из «иногородних» в этом смысле были совершенно бесполезным балластом. Большевики, в отличие от мягкотелых русских генералов имперской выделки, сентиментальностью не страдали. «Подставь правую щеку при ударе в левую» — идея, которую веками вдалбливала в головы славян Православная церковь, вызывала в сознании настоящего большевика лишь презрение. Если бы в ответ на террористическую ликвидацию Тарской, Сунженской и Воронцово-Дашковской станиц во всей Терской области полыхнуло бы массовое яростное восстание казаков — последующие действия красных палачей вряд ли стали бы столь безоглядно людоедскими. К сожалению, подобного общенационального «дня гнева» на Тереке не произошло…

Успешная, даже стремительная депортация Тарской, Сунженской и Воронцово-Дашковской станиц, «страусиная» реакция большинства терцев на этот вопиющий акт геноцида утвердили Орджоникидзе и его ближайшее окружение в мысли, что с терским казачеством можно делать все, что угодно. «Насилие и хаос, сопровождавшие апрельские депортации, — дипломатично констатирует Шейн О′Рурк, — не привели к сколько-нибудь заметным изменениям в советской политике. Можно предположить, что высылка казачьего населения фактически стала рассматриваться властями как вполне адекватное решение проблем,

Красный палач Иван Врачев, военный комиссар карательной 40-й Богучарской дивизии РККА. 1919 г. Организатор геноцида казаков Терского Войска

с которыми Советская власть столкнулась на территории бывшего Терского казачьего войска. Весьма высокопоставленные деятели начали призывать к проведению более целенаправленной и радикальной политики»[261]. Далее О'Рурк ссылается на соответствующий доклад в ЦК РКП(б), в котором обосновывалась целесообразность еще более жесткой антиказацкой линии РКП(б) на Северном Кавказе. Этот доклад летом 1920 г. подготовил Анастас Микоян — в то время верный соратник Серго Орджоникидзе[262]. Здесь важно подчеркнуть, что в соответствии с оккупационной логикой действий Советской власти на землях Присуда решение судеб казацкого населения Терской области было отдано на «добрую волю» партийных кадров исключительно неказацкого происхождения. Жить или умереть казакам решали грузины Г.К. Орджоникидзе и В.М. Квирикелия, армянин А.И. Микоян, поляк С.В. Косиор (позже, в 1932—1933 гг., устроивший Голодомор в Украине), великорусы С.М. Киров и И.Я. Врачев[263].

Летом 1920 г. по указанию из Москвы была резко ускорена работа по фактическому учреждению Горской Автономной Советской Социалистической Республики (провозглашена на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г. во Владикавказе). Сама логика создания этого квазигосударственного образования, ориентированного на решение задач ускоренного этнополитического и социально-

---

[261] *О'Рурк Ш., 2008*. Указ. соч. — С. 90.

[262] «Советская власть, — красной линией подчеркивал в своем докладе А.И. Микоян, — должна проводить старую политику наделения землей, в достаточной мере, безземельных и земельных горцев за счет казаков». См. подробнее: ГАРФ. Ф.1235. Оп.95. Д.150. Л.173.

[263] *Врачев Иван Яковлевич* (14.04.1898 — 1997?) — советский партийно-государственный деятель, член Президиума ВЦИК, один из подписантов Договора об образовании СССР. Родился в Екатеринодаре в русской семье кочегара и прачки. С 11 лет работал «на подхвате» разнорабочим. Уровень образования — три класса церковно-приходской школы. По большевистской пропагандистской легенде не смог получить образования из-за «низкого происхождения», и это в то время, когда сотни его сверстников такого же происхождения успешно получали ремесленное, гимназическое и даже университетское образование. Сделал партийную карьеру в качестве серого, бесталанного «кивалы» при крупных партийных бонзах РКП(б)-ВКП(б). Не воспринимался всерьез даже органами ОГПУ-НКВД, несмотря на то, что числился троцкистом. В эпоху Сталина несколько раз был репрессирован, но в связи с очевидной бесполезностью в качестве «яркого оппозиционера» получал легкие наказания в виде ссылки, исключения из партии и т.п. Являлся основным подручным палачом при Орджоникидзе в период осуществлении массовых депортаций терских казаков. В конце жизни впал в маразм и стал активно рекламировать себя как главного борца с культом Сталина в ВКП(б). В конце 1980-х — начале 1990-х гг. по проекту английской актрисы Ванессы Редгрейв совершил несколько поездок на Запад, где принимал участие в качестве говорящего экспоната большевизма в лекциях об ужасах сталинизма. Точная дата смерти этого красного «голема» осталась неизвестной даже бывшим партийным соратникам.

экономического развития горских народов, предполагала пропорциональное уменьшение социальной роли и демографической массы казацкого населения в Терской области. Идея учреждения Горской АССР активно обсуждалась в большевистской прессе, провоцируя усиление захватнических аппетитов вайнахов и повстанческие настроения у терских казаков.

В начале сентября 1920 г. Кавбюро ЦК РКП(б) издало постановление, предписывающее проведение депортации казаков и экспроприации их земель в пользу вайнахов. С учетом имеющихся документов можно предположить, что геноцидальная кампания по выселению казаков предполагала проведение этой преступной акции в несколько этапов. В качестве первого, уже реализованного этапа рассматривалась апрельская депортация Сунженской, Тарской и Воронцово-Дашковской (Аки-Юртовской) станиц. Затем предполагалось выселение в общей сложности еще 18 станиц. В бывшие казацкие станицы Самашкинскую, Михайловскую, Кахановскую, Грозненскую, Закан-Юртовскую, Ильинскую и Ермоловскую планировалось переселить до 20 тыс. чеченцев. В их распоряжение передавалось 98.775 десятин казацкой земли. Депортированные станицы Тарская, Воронцово-Дашковская (Аки-Юртовская), Фельдмаршальская и Сунженская, согласно плану, заселялись более 10 тыс. ингушей, им передавалось около 79 тыс. десятин земли. В станицы Архонскую, Ардонскую, Николаевскую, Змейскую и на хутор Ардонский, на 53 тыс. десятин земли переводились на расселение до 20 тыс. осетин[264]. В финале план Кавбюро предусматривал, по-видимому, полное очищение всех территорий, отходящих к создаваемой Горской АССР, от терского казацкого населения.

Проект постановления Кавбюро ЦК РКП(б), который правильнее было бы назвать планом «государственной политики геноцида в отношении терских казаков», прошел обсуждение и был утвержден на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 17 сентября 1920 г. Верховный ареопаг большевистской партии принял внешне уклончивое, но, в целом, одобряющее план Кавбюро решение: ***«Подтвердить постановление Кавбюро ЦК о наделении чеченцев землею за счет казачьих станиц и признать необходимым проведение самых решительных мер для свободной деятельности горцев»***. В целях быстрой и беспощадной ликвидации возможных протестных выступлений казаков на Кавказ командировался Иосиф Сталин, хорошо знакомый со спецификой региона[265].

Сегодня трудно определить точно: насколько восстание казаков, охватившее в сентябре 1920 года пять станиц Сунженской линии, было спровоцировано появившейся информацией, что Москва окончательно приняла решение о выселении всех казаков с Сунжи. «Депортация не была лишь ответом на восстание, — указывает в этой связи историк Ш. О'Рурк, — которое стало удобным для властей предлогом для начала массовых репрессий в отношении казачьего населения»[266]. В любом случае, это восстание стало последним сражением обреченных — ни малейших шансов на победу сунженские казаки, помещенные между наковальней вооруженных формирований вайнахов и молотом регулярных войск РККА, не имели. Боевые результаты этого выступления казаков со всей очевидностью показывают, что данная акция

---

[264] *Агафонов О.В.* Казачьи войска России во втором тысячелетии. — М., 2002. — С. 289–290; *Губенко О.В., 2007*. Указ. соч. — С. 116.

[265] РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.93. Л.30.

[266] *О'Рурк Ш., 2008*. Указ. соч. — С. 87.

национального сопротивления не готовилась заранее, а была лишь спонтанным жестом отчаявшихся людей. Повстанцы обстреляли несколько проходящих по территории Терской области поездов, взорвали несколько мостов, расстреляли около десятка случайно подвернувшихся под руку советских функционеров. Восставшие не смогли создать (и, по-видимому, даже не планировали это) территориальный очаг обороны. Для удержания на сколько-нибудь продолжительное время гипотетического рубежа обороны у своих станиц у них не было необходимых боевых средств. Вооруженное выступление сунженцев по результативности напоминало последний рейд вождя апачей Ульзаны — была стрельба, с десяток трупов оккупантов, некоторая общественная сумятица и, по большому счету, отрицательный этнополитический результат.

Реакция Кавказского бюро ЦК РКП(б) на выступление казаков Сунженской линии оказалась предельно жесткой. Приказ Г.К. Орджоникидзе от 23 октября 1920 г. № 01721 невозможно расценить иначе, кроме как прямую директиву для административно-карательной машины Советского режима на проведение демоцида и депортации казаков бывшего Терского Войска.

«Казаки Теробласти — Терской и Сунженской линии неоднократно устраивали восстания против Соввласти, предательски нападая на отдельные части Красной Армии, обстреливая пассажирские поезда, порты, желдорогу, мосты и т.д. Подавляя вооруженной рукой эти восстания, представители Соввласти на Тереке были весьма гуманны даже по отношению к восставшим станицам. События последних дней — восстание станиц Калиновской на Тереке, Ермоловской, Закан-Юрт (Романовской), Самашкинской и Михайловской на Сунже — переполнили чашу миролюбивого долготерпения Соввласти.

Член Реввоенсовета Кавфронта тов. Орджоникидзе Приказал:

Первое: ст[аницу] ***Калиновскую сжечь;***

Второе: станицы Ермоловскую, Закан-Юрт (Романовскую), Самашкинскую и Михайловскую — отдать беднейшему безземельному населению и, в первую очередь, всегда бывшим преданным Соввласти нагорным чеченцам: для чего все мужское население вышеозначенных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем отправить на Север для тяжелых принудительных работ; стариков, женщин и детей выселить из станиц, разрешив им переселиться в хутора или станицы на Север; лошадей, коров, овец и прочий скот, а также пригодное для военцели имущество передать Кавтрудармии — ее соответствующим органам, причем лошадей распределить по указаниям Штаба фронта»[267].

Приказ № 01721, составленный по указанию Орджоникидзе и подписанный врио командующего Кавтрудармии А. Медведевым, оставляет тяжелейшее впечатление. По степени жестокости, беззаконности, циничного презрения к человеческому достоинству и жизни этот документ можно сопоставить только с соответствующими документами карательных ведомств Третьего Рейха. Уже через неделю после выхода данного приказа Иосиф Сталин

[267] РГАСПИ. Ф.85. Оп.11. Д.131. Л.12–13. См. также: Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1920. — М., 1999. — С.150–152.

информировал ЦК РКП(б) в специальной телеграмме «О положении на Северном Кавказе» о том, как прошла депортация:

ЦК РКП(б). В.И. Ленину. Из Владикавказа.
30 октября 1920 г.
О положении на Северном Кавказе.

Первое. Выселено [в] ***военном порядке*** [N.B.! – Н.Л.] ***пять станиц. Недавнее восстание казаков дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев. Положение на Северном Кавказе можно считать, несомненно, устойчивым.***

Второе. Еще собранные мной материалы говорят о том, что казачество необходимо выделить из состава Терской области в отдельную губернию, ибо сожительство казаков и горцев оказалось вредным, опасным. Самих горцев придется объединить в одну административную единицу в виде автономной Терской республики на началах башкирской автономии (чеченцы, кабардинцы, осетины, ингуши, балкарцы…). <…> ***Не сомневаюсь, что эта затея окончательно очистит атмосферу на Северном Кавказе.***

И. Сталин[268]***.***

Нарочито лаконичная сталинская телеграмма дает, тем не менее, ясное представление о том, — **как именно** проходила депортация огромного числа людей из пяти приговоренных к уничтожению станиц Терского Войска. **Действительно, только «в военном порядке» можно было обеспечить насильственное перемещение всего за неделю более 22 тысяч человек, проживавших в Калиновской, Ермоловской, Романовской, Самашинской и Михайловской станицах.** Можно только представить — какие физические и моральные муки пришлось пережить отверженным, в своем абсолютном большинстве ни в чем невиновным, мирным людям! Посредственные способности российской государственной машины (при всех ее формациях — от самодержавной до советской) к продуманному, методичному планированию хорошо известны историкам. Военная история российской армии, например, свидетельствует, что даже в условиях победоносного наступления весьма часто случалось так, что солдаты перемещались в один географический пункт, патроны и снаряды для них — в другой, а палатки и полевые кухни ударными темпами доставлялись в третий.

«В приказе Орджоникидзе, — отмечает в этой связи Ш. О'Рурк, — предписывалось экспроприировать имущество казаков, а их самих подвергнуть выселению и высылке, но не указывалось, — каким образом все это должно осуществляться. Официальные лица, проводившие депортацию населения, были вынуждены импровизировать по ходу дела, и потому не удивительно, что почти с самого начала все пошло наперекосяк. Связь между различными ведомствами и управлениями полностью отсутствовала, вследствие чего ближайшие сотрудники Орджоникидзе — С.М. Киров, В.М. Квирикелия и И.В. Косиор — оказались в полном неведении относительно происходившего на местах»[269].

Представляется весьма сомнительным, что все вышеуказанные руководители Кавбюро РКП(б) действительно ничего не ведали о том кровавом аде, который был устроен

---

[268] РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.93. Л.35.

[269] *О'Рурк Ш., 2008*. Указ. соч. – С. 87–88.

Казаки станицы Самашкинской Терского Войска в 1895 г. В период Революции все эти люди выступят с оружием в руках за свободу Казацкого Присуда и, вероятно, будут уничтожены машиной государственного террора РСФСР. (*Архив Э.В. Бурда*)

красноармейцами и отрядами горских бандитов в депортируемых казацких станицах. Бесспорно, что и Орджоникидзе постоянно имел детальные сведения: как готовилось и как происходило это преступление геноцида. Дело в том, что основное руководство операцией РККА по выселению казаков осуществляло жалкое, тщедушное существо, которое на Кавказе никогда не предпринимало ни одного серьезного действия без предварительного согласования с «товарищем Серго». Маленького роста, тощий недокормыш с землистым цветом лица — Иван Врачев — переживал на Тереке подлинно «лебединую песнь» своей мерзопакостной, холуйской судьбы. Формировавшийся в затхлых задних дворах Екатеринбурга сын кочегара и прачки, Врачев с детства испытывал патологическую зависть к физически здоровой, сытой, дерзкой, всегда готовой подраться казацкой молодежи. Уже введенные в научный оборот архивные материалы свидетельствуют, что именно Врачев, причем небескорыстно, обеспечивал необходимые организационные условия для тотального ограбления и резни депортируемого казацкого населения[270].

Методика организации резни планировалась Иваном Врачевым, вкупе с другими подручными палачами Орджоникидзе, с четкостью средневековой пыточной машины. Подразделения РККА окружали намеченные к депортации станицы плотным кольцом вооруженных кордонов, не выпуская из станиц ни одного человека. На следующем этапе красные «братушки» полностью разоружали казацкие усадьбы — вплоть до изъятия холодного оружия и

[270] РГАСПИ. Ф.64. Оп.1. Д.247. Л.16.

топоров, а затем арестовывали и под дулами винтовок угоняли к эшелонам всех мужчин-казаков в возрасте от 18 до 50 лет. После этого красноармейцы выводились за пределы селений и на оставшихся безоружными женщин, стариков и детей набрасывались вооруженные банды горцев. Над депортируемыми станицами стоял сплошной, неумолчный человеческий вой — происходил повальный, жесточайший грабеж, попутно насиловались молодые женщины, беспощадно рубились шашками старики и подростки — с голыми руками вступавшие в схватку с озверелыми бандитами.

Волна насилия в течение каких-то 10—15 дней охватила всю Терскую область. Вайнахские бандиты восприняли возможность грабежа и насилий в выселяемых станицах как четкий сигнал Советской власти к физическому уничтожению всех казаков вообще. А полная свобода безнаказанно убивать депортируемых казаков была понята горскими бандитами как возможность в принципе грабить всех славян подряд, не исключая русских «иногородних» и даже работников советских учреждений.

Массовая этническая преступность была неизбежна в условиях перманентной межнациональной войны, которую ни горцы, ни казаки не прерывали ни на минуту, начиная с Февраля 1917 года, а, возможно, и ранее. Как иначе могли вести себя по отношению к давнему врагу в большинстве неграмотные горцы-мусульмане, когда «русский начальник» Иван Врачев, после чудовищного разбоя в первых пяти депортированных станицах, лично пообещал бандитам скорое продолжение кровавой и прибыльной экзекуции? 30 октября 1920 г., выступая перед объединенной чеченско-ингушской делегацией, большевистский палач весьма прозрачно намекнул на близкую возможность продолжить кровавые зачистки и грабеж казацких станиц. ***«Я не знаю всех предначертаний центральной власти,*** — с апломбом заявил вайнахам Врачев, — ***которые она ставит себе в дальнейшем для удовлетворения нужд беднейшего трудового горского народа, но думаю, что настоящая мера*** [уничтожение первых пяти станиц ТКВ. — Н.Л.] **является только началом, и что в будущем еще много будет сделано хорошего для улучшения жизни трудового народа Кавказа** [выделено нами. — Н.Л.]»[271].

Несомненно, что в момент этой речи кровавый палач с глубоким удовлетворением понимал, что столь желанное «улучшение жизни» для него самого уже наступило. И дело заключалось не только в полном удовлетворении патологической мстительности тщедушного выродка, давно алчущего лично узреть всеобщее унижение ненавидимых им казаков, но и в возможности крепко «погреть руки» на разграбленном казацком добре. Координация преступных действий между членом Реввоенсовета Кавтрудармии Иваном Врачевым и вайнахскими боевиками была, по-видимому, самая тесная. Сохранилась телеграмма Врачева от 1 ноября 1920 г., адресованная одновременно Г.К. Орджоникидзе и И.В. Сталину: ***«Выселение станиц идет успешно.*** <…> ***Сегодня у меня происходило совещание с чеченцами — представителями аулов. Настроение чеченцев превосходное, они рады до бесконечности и заявляют, что наш акт для них великое историческое событие»***. Особая личная заинтересованность Врачева в отстаивании интересов «трудового горского народа», в конечном счете, стала раздражать тех членов Кавбюро ЦК, которые еще не расстались с иллюзией о справедливости Советской власти. Чуть позже, на одном из совещаний в комиссии Кавбюро ЦК В.М. Квирикелия весьма прозрачно

[271] РГВА. Ф.217. Оп.5. Д.1. Л.5.

намекнул, что Врачев находится в прямом сговоре с вайнахскими бандитами, поскольку ***«члены его*** [Врачева] ***рабочей группы сами грабят»*** выселяемых казаков. ***«Надо ударить палкой по спине этих людей!»*** — непривычно жестко для большевистских реалий партийной «круговой поруки» потребовал возмущенный грузинский большевик[272].

Страшная машина геноцида не делала пауз, не просила передышки. Следующий этап депортаций должен был охватить еще пять станиц — Слепцовскую, Нестеровскую, Троицкую, Карабулакскую и Ассиновскую. В штабе Орджоникидзе решили начать с Ассиновской, как наиболее крупной. 30 ноября 1920 г. два грузина — Сталин и Орджоникидзе — особым приказом санкционировали депортацию казацкого населения Ассиновской[273]. Снежная промозглая погода, ледяной ветер с гор не остановили преступную акцию. Единственным деятелем в региональном большевистском руководстве, который не потерял чувства человеческого сострадания, оказался руководитель Терского межевого комитета Михаил Дергачев. Он пытался предостеречь палачей из окружения Орджоникидзе, что семнадцать верст пешего марша до железнодорожных платформ по снегу и в мороз окажутся смертельными для женщин, детей и стариков. Однако на такие «мелочи» в Кавбюро ЦК РКП(б) никто, конечно же, не обратил внимания.

«Мы вышли из хаты с пустыми руками, — вспоминала, много лет спустя, свой крестный путь из Ассиновской казачка Мария Гура. — Абрек, который стоял на пороге, предупредил, что сразу отрубит руки, если в них что-то будет, кроме детей. Младшая сестра, ей было 12 лет, вцепилась в меня, а я держала на руках «грудничка» — сыну еще не было года. Нас выгнали на середину улицы и сказали стоять. Горцы вывели на улицу наших быков и стали вязать овец. Стояли мы так очень долго — я не помню сколько — пока не сформировали колонну. Потом весь вечер и всю ночь мы шли к разъезду. Часто останавливались. Ветра не было, но был сильный мороз.

Колонна растянулась и сзади стали стрелять в отставших — чтобы другие быстрее шли. Красноармейцы подъезжали к нам на лошадях и говорили, что очень замерзли и им проще «порубать вас здесь же», чем мучиться с этим конвоем. От холода я не чувствовала рук и почти не чувствовала ног, ничего не понимала — где я, что со мной. Малыш мой вначале постоянно кричал, а потом затих. Когда мы дошли до разъезда и нас стали загонять в теплушку, он был уже мертвый. Конвоиры приказали положить его в снег рядом с вагоном, обещали похоронить. Нас повезли сначала в Прохладную, там отсортировали стариков, а тех, что помоложе, и я среди них, отвезли в Донбасс, в шахтерский поселок. Там нас разместили в бараке, длинном таком, как баржа, нары — в три яруса. Говорили, что раньше там был концлагерь для деникинцев. Работали мы от зари до зари на очистке старых выработок, а тех, кто посильнее, ставили на сортировку антрацита. Сестра моя постоянно болела и умерла через полгода. Муж в это время находился в госпитале в Белоруссии, он служил у Буденного и был ранен в Польше. Он смог найти меня только через полтора года. Домой, в станицу, мы не пытались возвращаться. Все там стало для меня проклятым»[274].

---

[272] РГВА. Ф.1235. Оп.95. Д.517. Л.200.

[273] РГВА. Ф.217. Оп.5. Д.2. Л.39.

[274] Терновый венец терского казачества: Воспоминания очевидцев расказачивания на Северном Кавказе. — Ставрополь: Поход, 1996. — С. 83–84.

Историк Шейн О'Рурк в своей работе упоминает о пояснении командующего Кавтрудармии Иосифа Косиора к приказу о депортации казаков Ассиновской. Командование Кавтрудармии запретило, якобы, красноармейцам конфисковывать имущество депортируемых семей («кроме явных контрреволюционеров»), ввиду того, что Ассиновская не восставала против Советской власти, а, следовательно, депортация этой станицы являлась, по логике большевиков, не карательной мерой, а простым перемещением казацкого населения в другой район проживания. Эта информация противоречит воспоминаниям Марии Гуры, жены казака-красноармейца, многочисленным сообщениям других очевидцев уничтожения этой станицы. Очевидно, что агрессивный волюнтаризм оккупационного режима РКП(б) на Северном Кавказе, алчность местных красных палачей, подобных Ивану Врачеву, бандитизм горских абреков, — все эти факторы в совокупности раскрутили в Терской области к концу ноября 1920 г. столь чудовищный маховик демоцида, что контроль над «работой» этого чудовищного механизма уничтожения мирных людей был потерян даже на уровне руководства Кавтрудармией.

Формально все мероприятия по депортации организовывала специальная Комиссия по переселению казаков, которую возглавил комиссар Перельман[275]. Однако подлинным «злым гением» страшной драмы геноцида терцев, как уже указывалось, стал заместитель командующего Кавказской трудовой армией по политчасти, сын екатеринодарской прачки Иван Врачев. Одержимый патологической ненавистью к казакам комиссар Врачев сразу же придал всем мероприятиям по депортации казацких станиц особо изощренный, издевательский, унизительный для человеческого достоинства характер. Казакам депортируемых станиц отказали в их просьбе убрать уже посеянные озимые хлеба, хозяевами которых становились торжествующие горцы. Большевистские оккупанты решительно «зачистили» даже топонимику Терской области, тщательно стирая все топонимические указатели на пребывание казацкого населения на этой земле. Казацкие округа ТКВ — Сунженский, Казачий, Зеленчукский и Ардонский — были ликвидированы как административные единицы. Депортированным станицам присваивался статус аула, и давалось новое название. Так, например, станица Сунженская стала именоваться аулом Аки-Юрт, Воронцовско-Дашковскую станицу переименовали в Таузен-Юрт, станицу Тарскую — в Ангушт, Тарский хутор — в Шолхи, станица Фельдмаршальская стала Алхасте. Станица Михайловская превратилась в аул Асланбек, Романовская стала Закан-Юртом, Ермоловская — Алхан-Юртом, некогда богатейшая Самашкинская станица стала именоваться просто Самашками.

Современный исследователь очень негативно характеризует персональную роль комиссара Ивана Врачева: «Врачевская комиссия не потрудилась даже подсчитать число депортируемых и в некоторых случаях просто погружала их в поезда, не имея ни малейшего представления о том, куда они вывозятся[276]. <…> Хаос, который при других обстоятельствах

---

[275] РГВА. Ф.320. Оп.1. Д.18. Л.40.

[276] Терских казаков депортировали в район шахтных разработок Донбасса (в качестве, по сути, промышленных рабов) и на север Великороссии (в большинстве — на территорию Архангельской области). На Русский Север вывозили лишь мужчин и женщин в возрасте от 18 до 50 лет, беспощадно разрывая при этом семьи и обрекая остающихся стариков и малолетних казачат либо на голодную смерть, либо на рабство у горцев. Официально считалось, что малолетних и стариков депортировали позже и сравнительно недалеко — в хутора и станицы в радиусе не более 50 км от прежнего места проживания. В реальности же этими категориями казацкого населения никто

выглядел бы просто фарсом, имел по-настоящему трагические последствия для высылаемых. Задержки с отправкой депортируемых казаков облегчали сведение с ними счетов, чем не преминули воспользоваться их соседи-горцы, **особенно когда стало ясно, что Врачев, вместо того, чтобы предотвращать эксцессы, сам поощряет нападения на казаков** [*выделено нами. — Н.Л.*]. Многочисленные банды чеченцев, ингушей и осетин обрушились на беззащитные теперь станицы, чтобы грабить, захватывать пленников и убивать»[277].

Невероятный размах насилий и бандитизма в Терской области вскоре стал тревожить тех деятелей большевистской администрации, которые не растеряли остатков совести и человеческого сострадания. М.В. Дергачев, глава Терского межевого комитета, в конце ноября 1920 года направил в ЦК РКП(б) специальную депешу, в которой подверг резкой критике геноцидальную политику Серго Орджоникидзе и его местных клевретов. ***«Со всех сторон идут сведения,*** — отмечал Михаил Дергачев, — ***что по станицам — как выселенным, так и не подвергшимся еще переселению, — царят грабежи, убийства. Местные жители*** [славянского происхождения. — Н.Л.] ***терроризированы»***[278]. Другой большевистский функционер из Владикавказа с ужасом констатировал в своем отчете: ***«Переселение представляет собой страшный и ужасный кошмар. Людей заставляют грузиться с молниеносной быстротой; вагонов же для погрузки отпускают в таком количестве, что погрузить переселяемым нет возможности даже самого насущно им необходимого, приводим как факт. Для погрузки 200 семейств отпускается только 25—30 вагонов. Масса продуктов, инструмент и даже одежда бросаются на произвол судьбы»***[279].

После выселения первых пяти казацких станиц Сунженской линии Орджоникидзе горделиво заявил на партийной конференции в Тифлисе, что эта акция Советской власти ***«произвела на казаков ошеломляющее впечатление»***[280]. Однако не менее «ошеломляющее впечатление» геноцид славян, осуществленный войсками славян же, произвел, правда, несколько в ином аспекте, также и на вайнахов. Ингуши и чеченцы, которые не видели особых этнических различий между казаками и русскими красноармейцами, вынесли из событий этнических чисток и депортации казацкого населения стойкое презрение к «урусам» вообще, распространяя это презрение также и на представителей терских структур РКП(б) славянского происхождения. Следует отметить, что подавляющему большинству местных членов РКП(б), особенно прикомандированных из Великороссии, развитое этническое самосознание, а также деятельность в системе осознаваемых этнополитических приоритетов вообще не были свойственны. Поэтому функционеры РКП(б) с трудом осознавали феномен восприятия в вайнахской среде массового и жесточайшего унижения казаков государственным аппаратом Советской власти. Для мироощущения любого горца, а тем более гордого вайнаха, насильственное изгнание мужчины с места жительства его семьи, от могил его пращуров являлось худшей формой позора. И если одни русские (красноармейцы) обрекали на подобный

особенно не интересовался, поскольку было очевидно, что дети, подростки и старики не представляли никакой угрозы для Советской власти. Судьба оставшихся казаков в итоге оказывалась страшной: старики гибли под ударами шашек распаленных местью горских бандитов, малолетние дети гибли от болезней и истощения, а подростки становились «кавказскими пленниками» и в большинстве тоже погибали.

277 *О'Ѓурк Ш., 2008*, Указ. соч. — С. 88.

278 ГАРФ. Ф.1235. Оп.95. Д.517. Л.200.

279 РГВА. Ф.217. Оп.5. Д.2. Л.18.

280 *Орджоникидзе Г.К.* Избранные статьи и речи. Грозный, 1962. — С. 112.

позор других «русских» (казаков) — то разве те и другие, в совокупности, заслуживали чего-либо иного, кроме самого циничного презрения и самого жесточайшего насилия?! Так размышляли вайнахские абреки и, по большому счету, с точки зрения приоритетов набеговой системы, они были совершенно правы. **«Русское солнце Кавказа» закатилось навсегда — с уходом этнических казаков из предгорий Главного Кавказского хребта. Вместе с массовыми выселениями терских казаков славянская община Северного Кавказа навсегда «депортировала» из этого стратегически важного для России региона свой авторитет и возможность равновесных, паритетных взаимоотношений с чечено-ингушским сообществом.**

Одновременно с разоружением и изгнанием казаков из Терской области, местная община великорусов и русифицированных украинцев, неконкурентоспособная в жестком этнополитическом противостоянии с горцами, в панике стала все быстрее «паковать чемоданы» и готовиться к массовому исходу. К этому решению русских переселенцев подталкивали и административные реформы Советской власти — упразднение статуса Терской области и образование на былых казацких землях Горской АССР. Захватив в процессе депортаций земли, достояние, оружие казаков, получив из кровавых рук РКП(б) национальную квазигосударственность, горские абреки решили не останавливаться на достигнутом. Терский край захлестнула волна массового, практически открытого насилия горцев над запуганным, дезориентированным славянским населением. ***«Наглость налетов доходит до такой степени,*** — докладывал во ВЦИК высокопоставленный партийный эмиссар В.И. Невский, — ***что во Владикавказе ограбили целую улицу, а в Грозном увели лошадей из Исполкома. Вторая причина этих ужасных явлений — покровительство, которое имеют от властей грабители в Горской Республике»***[281]. В другой части этого же доклада В.И. Невский[282] констатировал, что русское население Горской АССР самостоятельно не способно защитить себя от насилий многочисленных банд, а ***«единственной правильной мерой для Северного***

[281] ГАРФ. Ф.1235. Оп.95. Д.517. Л.252.

[282] *Невский Владимир Иванович* (2/14.05.1876 – 26.05.1937) — профессиональный революционер, историк революционного движения в России, советский государственный деятель. Родился в Ростове-на-Дону в семье русского купца. Подлинное имя — Феодосий Иванович Кривобоков (возможно — Кривобок). Был одним из немногих демократически настроенных деятелей в РКП(б)-ВКП(б). Прошел серьезную школу нелегальной революционной работы. Не запятнан преступлениями РКП(б) периода Гражданской войны, поскольку с июля 1918 по март 1919 гг. являлся Наркомом путей сообщения РСФСР, а с лета 1919 по 1921 гг. занимал должность ректора Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова в Москве. В конце января 1921 года возглавлял специальную комиссию ВЦИК для инспекции социально-политической обстановки на территории Горской АССР. Накануне командировки на Кавказ В.И. Невскому было предложено дать заключение о необходимости «уплотнения казаков или [их] выселения, и о количестве подлежащих выселению казачьих станиц, если выселение будет признано неизбежным». 14 апреля 1921 г. доклад Невского был заслушан на заседании Политбюро ЦК РКП(б). В этом документе волюнтаристские решения Серго Орджоникидзе подверглись всесторонней, хорошо аргументированной критике. Фактически комиссия В.И. Невского признала, что политика массовых депортаций терских казаков оказалась крайне вредоносной по социально-экономическим последствиям и преступной по форме осуществления. В среде большевиков «ленинско-троцкистского» и «сталинского» замесов, залитых по макушку человеческой кровью, Владимир Невский всегда выглядел «белой вороной», а потому методично задвигался на нижние этажи партийной иерархии. Он оказался весьма продуктивным историком — более пятисот научных работ по истории народничества и социал-демократического движения в России. Расстрелян 26 мая 1937 г. как создатель «террористической организации правых».

Кавказа вообще и, в частности, для Горской Республики является оккупация этого района советскими войсками»[283].

После инспекционной поездки Владимира Невского по территории Горской АССР и его доклада на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в середине апреля 1921 года большевистское руководство приняло решение прекратить дальнейшие депортации казаков с Терека. Итоговое решение Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу депортаций гласило: ***«Доклад тов. Невского принять к сведению. Казачьи станицы не выселять. Земельную нужду горцев удовлетворить путем уплотнения казачьих станиц Горской Республики в порядке соглашения между казачьим исполкомом и исполкомом ингушей, чеченцев и осетин»***[284].

Означало ли это решение, что Советская власть прекращала политику демоцида, депортаций и этнических чисток в отношении терского казачества? В известной степени, да. Эпоха Революции и прямого вооруженного противоборства с Белым движением уходила в прошлое, и Советскому государству для достижения цели этнокультурной аннигиляции «неудобного» казацкого народа террористические методы геноцида представлялись уже не только чрезмерно кровопролитными, излишне ярко демонстрирующими антиславянскую сущность режима РКП(б), но прежде всего — экономически разорительными. Неслучайно В.И. Невский в своем докладе кремлевскому ареопагу РКП(б) специально заострил внимание на вредоносных, в экономическом плане, последствиях депортаций терских казаков. Владимир Невский специально подчеркнул, что посетил все выселенные казацкие станицы и не увидел в них процветающих хозяйств вайнахов. Разрушенные, разграбленные дома казаков, сожженные сельскохозяйственные строения и заброшенные поля, на которых догнивали остатки прошлогоднего урожая — такая страшная картина открылась взору партийного эмиссара на Сунже и Тереке[285].

Приостановка массовых депортаций терских казаков в январе 1921 г., а затем (в апреле этого же года) официальное свертывание политики демоцида и этнических чисток в казацких станицах бывшего ТКВ не означало, к сожалению, что Советская власть решительно отказывалась от планов тотального уничтожения казачества. Не означало это и намерений большевиков обеспечить для казацкого народа хотя бы относительно равные с другими этносами Северного Кавказа условия существования в «братской семье советских народов». Хронологический период 1921 — первой половины 1922 гг. стал временем постепенного перехода к следующему (после карательного) этапу геноцида казаков — этапу этноцида. В фазу этноцида Советское государство старалось не применять против казацкого населения массовые (поголовные) акции государственного террора — в рамках стратегии НЭПа акции тотального устрашения стали бы, конечно, необъяснимыми. Главная ставка в политике аннигиляции казаков делается в этот период на экономическое расслоение и этнокультурную деградацию казацкого сообщества, на шельмование традиционных социальных отношений в станицах как пережитка варварской старины — «проклятого царского прошлого». В период этноцида (1922—1928 гг.) молодое поколение казаков посредством методичной государственной пропаганды приучают к мысли, что казацкое сообщество является, хотя и специфической, но все же неотъемлемой частью русского этносоциума.

---

[283] ГАРФ. Ф.1235. Оп.95. Д.517. Л.233.
[284] РГАСПИ. Ф.64. Оп.1. Д.247. Л.7.
[285] ГАРФ. Ф.1235. Оп.95. Д.315. Л.251.

Навязанная казакам «русскость» предопределяла неизбежность, даже обязательность умаления, униженности казацкого сообщества при взаимоотношениях с другими, неславянскими народами Советской России и СССР. В настоящее время уже имеется обширная историография, сформированная трудами современных историков и этнологов, в которой убедительно показан весьма незавидный статус этнополитического аутсайдера, который после Гражданской войны стал уделом великорусского народа в системе межнациональных отношений в Советском Союзе[286]. Согласие (или принуждение) «стать русскими» означало для казаков автоматическое зачисление в разряд «безгосударственного», объективно «вторичного», самого «тяглового» этнического сообщества национальной системы СССР. Казаки, бесспорно, отлично понимали эту реальность, и вряд ли их радовали перспективы быть зачисленными по «русскому ведомству». Даже в ретроспективе имперского прошлого, как было показано выше, «стать русским» означало для любого казака акт малопочетный, предосудительный с точки зрения общеказацкой национальной морали. Поэтому навязанное Советской властью «верстание в русских» происходило в казацкой среде чрезвычайно сложно, медленно, обретая ускорение только в результате очередной волны демоцида, депортаций и этнических чисток. Неудивительно поэтому, что принудительная «русификация» казацкого населения долго буксовала на Дону и Кубани (т.е. в тех регионах Присуда, где большевикам было сложно разжечь массовые этнические конфликты казаков и неказацкого славянского населения). И, напротив, этническую аннигиляцию казаков удалось резко форсировать на Тереке, Урале и в Семиречье, т.е. там, где немногочисленные казацкие анклавы находились в окружении антиславянски настроенного аборигенного населения.

Иллюстрацией сказанному может служить приводимый ниже документ, который показывает — в каком страшном положении оказались терские казаки на Кавказе в октябре 1921 г., невзирая на формально прекращенную политику террористических депортаций. В наивной надежде получить хотя бы какие-то гарантии безопасности для своих семей терские казаки назойливо подчеркивают свою «русскость» в коллективной жалобе в Наркомат по делам национальностей РСФСР.

«Жизнь русского населения всех станиц, кроме находящихся в Кабарде, стала невыносима и идет к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики:

1. Полное экономическое разорение края несут постоянные ежедневные грабежи и насилия над русским населением со стороны чеченцев, ингушей и даже осетин. Выезд на полевые работы даже за 2-3 версты от станиц сопряжен с опасностью лишиться лошадей с упряжью, фургонами и хозяйственным инвентарем, быть раздетыми донага и ограбленными, а зачастую и убитыми или угнанными в плен и обращенными в рабов. Выпас скота невозможен на предгорьях, где пустуют лучшие пастбища, и скот должен

---

[286] См. подробнее: *Чеботарева В.Г.* Россия: донор или метрополия? // Материалы международного симпозиума «Куда идет Россия?» — М., 1995; *Терри Мартин*. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923-1939. — М., 2011; *Хоскинг Джеффри*. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. — М., 2012; *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. — М., 2013; *Кильдюшов О.В.* Неудобное большинство. Этнополитический статус русских в СССР // Вопросы национализма. 2013. № 2(14). — С. 161–172.

топтаться на выгоне близ станиц, отнимая от земледелия плодородную землю. Оросительные работы, увеличение площади обработанных и засеянных земель невозможно, ибо если и удалось бы посеять, то нельзя будет собрать, и посевы будут потоптаны горскими табунами и скотом. *<…>* ***Можно собрать и подсчитать данные о грабежах по всем станицам и картина будет еще более мрачная.***

2. Причиной такого положения служит якобы национальная и религиозная вражда горцев к русским и малоземелье, заставляющее вытеснять русское население, но обе эти причины не являются основными *<…>*.

3. Русское население обезоружено [спецотрядами ВЧК и РККА. – Н.Л.] ***и к физическому отпору и самосохранению бессильно. Аулы, наоборот, переполнены оружием, каждый житель в них, даже подростки 12–13 лет вооружены с ног до головы, имея и револьверы, и винтовки. Таким образом, получается, что в Советской России две части населения поставлены в разные условия – в ущерб одна другой, что явно несправедливо для общих интересов*** [N.B.! – Н.Л.][287].

4. Местные власти, вплоть до окружных национальных исполкомов в ГорЦИК, зная все это ненормальное положение, не принимают никаких мер против этого. Наоборот, такое положение усугубляется еще открытой пропагандой поголовного выселения русских из пределов Горской республики, как это неоднократно звучало на съездах, например, Учредительном Горской Республики, чеченском и др. Это открыто печатается в газетах, таких, как «Горская правда», «Трудовая Чечня». Таким образом, практика жизни подкрепляется принципиальным бездействием власти, уверенностью в безнаказанности и официальным признанием неравенства разных групп населения [N.B.! – Н.Л.]. ***Станицы, причисленные к национальным округам, находятся в состоянии завоеванных и порабощенных местностей, и совершенно непропорционально с горским населением обременены повинностями – продовольственной, подводной и прочими*** [N.B.! – Н.Л.]. ***Всякие обращения и жалобы русских Сунженского округа, кипы протоколов об убийствах и ограблениях остаются без последствий, как их и не было.***

5. Отношение местной власти и даже ГорЦИК к постановлениям высшей власти – ВЦИК недопустимое, ибо постановления [ВЦИК] ***остаются на бумаге, на деле же царит описанный выше произвол…»***[288].

Наивная попытка терских казаков найти – по примеру своих русских побратимов – в большевистской Москве «доброго царя», ни к каким позитивным для них результатам, конечно же, не привела. Советская власть в РСФСР оказалась на несколько порядков более

---

[287] Эта часть письма служит ярким образчиком политического инфантилизма, в который в конце Гражданской войны начинает все более стремительно погружаться разгромленное казацкое сообщество, потерявшее за годы борьбы с Советской Россией не только всю военно-политическую элиту, но даже авторитетных станичных старейшин. Действительно, с учетом опыта советского нациестроительства, могут вызвать только грустную улыбку наивные рассуждения, что Советская власть имела, якобы, намерение действовать в сфере национальной политики – в общих интересах всех народов страны?!

[288] Цит. по: *Агафонов О.В.* Казачьи войска России во втором тысячелетии. – М., 2002. – С. 290. См. также: *Бурда Э.В.* Терское казачество в период революций и Гражданской войны 1917–1921 гг.// www.apn.ru/publications/article23367.htm

враждебна казакам, нежели былая «русско-немецкая» администрация Российской империи. Не только в 1921 году, но в дальнейшем, при конфликте интересов горской и казацкой общин, официальные представители Советского государства на Северном Кавказе неизменно — прямо или косвенно — поддерживали притязания горцев, решали их материально-имущественные проблемы за счет земельного фонда и других ресурсов быстро теряющих славянское население казацких станиц. Когда же грабительские похождения вайнахских бандитов приобретали особо дерзкий характер, высокопоставленные функционеры РКП(б) обычно брали на себя несвойственную им роль «беззубых» статистов, или же, в крайнем случае, ограничивались почти отеческими предостережениями. Например, один из «железных наркомов» А.И. Микоян в своем письме в ЦК РКП(б) от 25 января 1923 г. совершенно спокойно, в дежурной тональности сообщает, что ***«со стороны Чечни и Ингушетии отмечены частые нападения их*** [чеченцев и ингушей. — Н.Л.] ***на станицы и аулы Кабарды, Терской губернии и Дагестана, и массовые угоны скота. На этой почве две станицы Терской губернии, потеряв весь скот, выселились»***[289]. Весьма показательно, что никаких решительных, карательных оргвыводов (на которые, в отношении казаков, всегда были столь щедры члены Оргбюро ЦК) по информации письма А.И. Микояна принято не было.

Мгновенную жесткую реакцию Центральный комитет РКП(б) обнаруживал только в тех случаях, когда казацкое сообщество, уже почти раздробленное административно-карательной машиной Советского государства, неожиданно проявляло способность к этнополитическому сопротивлению. Например, в феврале 1924 года в постановлении Комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) о результатах обследования советской работы в Горской АССР указывалось: ***«Поручить ГорЦИКу рассмотреть жалобы ингушей на действия вселившихся во Владикавказ казаков, выселенных из сунженских станиц и переселить их*** [N.B.! — Н.Л.] ***в такие районы, где исключается возможность трений»***[290]. Цинизм этого «будничного» решения кажется просто невероятным — центральная власть Советской России предписывает своим северокавказским сатрапам **еще раз депортировать обездоленных казаков** (совсем недавно безжалостно изгнанных из родных станиц) — только теперь уже из интернационального, советского Владикавказа!..

Особенности демоцида казацкого населения Алтая и Восточной Сибири в период завершения Гражданской войны. Карательный период геноцида казаков имел свои характерные особенности в азиатской части России, на территории сибирских и дальневосточных Войск. В значительной мере эти особенности были предопределены весьма сложной генетической основой восточного казачества. Некоторые Войска, например, Забайкальское, Сибирское и Амурское к началу Революции в России были в значительной степени русифицированы, причем как в культурном, так и в генетическом отношении. В некоторых станицах этих Войск, особенно исторически давних, основанных в XVI—XVII вв., исконная запорожско-донская генетическая субстанция к рубежу 1917 года практически исчезла, растворившись в великорусском геноме. С другой стороны, во второй половине XIX—начале XX вв. на территорию Бийской линии СКВ, в некоторые станицы Амурского Войска и

[289] РГАСПИ. Ф.17. Оп.4. Д.20. Л.53—54.
[290] РГАСПИ. Ф.65. Оп.1. Д.34. Л.1.

массово на земли Уссурийского Войска в плановом порядке стали переселяться семьи этнических казаков Донского, Кубанского, Терского и Оренбургского Войск. Небольшой переселенческий поток шел в этот период с территории Забайкалья на земли Амурского Войска.

Переселенческая активность этнических казаков, преимущественно на Дальний Восток, существенно возросла к рубежу XX века. Так, например, с 1895 по 1899 гг. на Дальний Восток (в основном на земли УКВ) прибыли 5419 переселенцев из Донского, Оренбургского и Забайкальского Войск, причем в этом составе этнические казаки с Дона абсолютно преобладали. В 1900 г. скаредная Российская империя не нашла в своем бюджете средств на переселение казаков. В 1901–1902 гг. формирование казацкого контингента на Дальнем Востоке возобновилось, теперь в нем, помимо донцов, участвовали этнические казаки Кубани, Терека и Урала. Общее число казаков-переселенцев составило за этот период 1649 чел. Русско-японская война и первая русская революция 1905 г. прервала переселенческое движение казаков западных Войск на восточные рубежи империи. Затем, в 1907 г., переселение возобновилось и продолжалось еще несколько лет, вплоть до безумной авантюры кабинета Николая II скрестить мечи в войне с Германией. Только за 1907–1909 гг. в Уссурийское Войско, например, было зачислено 1800 семей этнических казаков с Юга России, преимущественно из Войска Донского[291].

Неравномерность, мозаичность распределения по землям Сибири и Дальнего Востока казацкого населения, имеющего (или сохранившего) запорожско-донской геном, традиционную воинскую культуру казачества, во многом предопределила мозаичность, а также интенсивность казацкого сопротивления красному Интернационалу. Русифицированные казацкие станицы Забайкалья и Амура, населенные «казаками» по названию, зачастую без особого давления со стороны местных структур РКП(б), массово разоружались, в инициативном порядке сами «расказачивались». В дальнейшем их антисоветизм был тесно связан с господствующими настроениями на этот счет великорусских крестьян, населяющих окрестные деревни. В других же уголках восточной казацкой ойкумены, где фундамент казацкой культуры Сечи, Дона и Терека, остался в основном сохраненным, казацкое население оказало активнейшее сопротивление установлению Советского режима. Здесь же обильно пролились потоки казацкой крови, а исход этнических казаков из родных станиц под угрозой беспощадной резни «партизанскими отрядами» русских крестьян приобрел даже бóльшие масштабы, нежели на Дону, Тереке или Кубани.

Следует подчеркнуть, что вина за ожесточенное противоборство восточного казачества и местных русских крестьян и, соответственно, за потоки пролитой братской славянской крови лежит не только на интернациональной клике РКП(б), но и, в значительной степени, на Омском правительстве Колчака. Адмирал Колчак был замечателен для функций ученого-гидрографа, весьма неярок в роли флотоводца и, увы, совершенно бездарен, как сухопутный военный тактик и администратор. Подобно генералу Деникину, Верховный правитель вовремя не осознал, что в стране, населенной на 80% русским крестьянством, невозможно победить Революцию не заручившись предварительно благожелательным (как минимум) нейтралитетом крестьянского большинства. Политическое безумие адмирала во

[291] *Сергеев О.И.* Казачье переселение с Дона на Дальний Восток в конце XIX–начале XX вв. // Казачество Дальнего Востока в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 3. – Хабаровск: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2011. – С. 42–43.

многом превысило, к сожалению, очевидные «таланты» в этом отношении его сухопутного визави Деникина. Едва изгнав большевиков из Сибири, Временное Сибирское правительство, располагавшее половиной золотого запаса Российской империи, не нашло ничего более актуального в политическом смысле, кроме как существенно увеличить бремя налогов, возложенных на крестьян. Кроме того, бездарные экономисты в правительстве Колчака решили взыскать со свободолюбивых сибирских крестьян налоговые недоимки за 1914–1917 гг. (sic!). Вывернув крестьянский карман, адмирал немедленно озаботился массовым самогоноварением в деревнях, которое в годы Великой войны позволяло русским крестьянам как-то сводить концы с концами. Адмирал решил «самогонный» порок немедленно ликвидировать, — причем с применением массовой порки крестьян силами специальных казачьих команд. В результате этих и некоторых других, столь же безумных административных решений, в момент решающих сражений с Красной Армией на Восточном фронте, Верховный правитель получил второй «партизанский» фронт, пожалуй, не менее грозный, у себя в тылу — в Сибири и на Алтае. Подавить это крестьянский фронт Колчак попытался опять-таки с применением казацких воинских формирований. Генерал-лейтенант Розанов, ответственный за полицейские функции Омского режима, предписал «покончить с восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их»[292]. Русский офицер Розанов решил покончить с русским же крестьянством руками сибирских казаков…

Военно-административное «реформаторство» правительства Колчака, вкупе с искусной массовой антиказацкой пропагандой большевиков, разожгли до невероятного накала взаимную неприязнь казаков и русских крестьян азиатской России, которая копилась годами. Неизбежной стала кровавая развязка многолетней этнополитической тяжбы, главными бенефициарами которой в итоге оказались торжествующие войска РККА. Крестьянские «партизаны» с энтузиазмом выполняли за красноармейцев самую грязную, кровавую работу по организации этнических чисток и даже резни в казацких станицах. «Открыв боевые действия, — характеризует начавшуюся братоубийственную бойню историк А.П. Шекшеев, — воюющие стороны действовали с крайней жестокостью. При пленении казаки и партизаны, как правило, расстреливали друг друга. Более того, и те, и другие не щадили и мирное население. Крайние формы жестокости в виде сжигания большого количества домов и казни путем отрубания голов были присущи обеим сторонам. Взаимные карательные действия отличались лишь масштабностью содеянного. <…> **Свирепость крестьян была обусловлена их ментальностью, порождающей крайности поведения, наличием в сибирской деревенской среде уголовных элементов и общей давней неприязнью к казакам** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[293].

К осени 1919 г. ясно обозначился глубокий кризис правительства Колчака в Сибири. Постоянные поражения на фронте с РККА, угрожающий рост партизанского движения русских крестьян в тылу, неспособность Колчака к организации тылового обеспечения войск четко сигнализировали, что финальная катастрофа Белого движения на востоке России уже близка. В этот период крестьянские «партизаны» Сибири развернули массированное

---

[292] Партизанское движение в Сибири. Т.1. Приенисейский край. — М.-Л., 1925. — С. 133.

[293] *Шекшеев А.П.* Енисейское казачество: антисоветская борьба и трагический исход// Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. Выпуск V. — Абакан, 2001. — С. 145.

**Накануне геноцида. Штаб 4-го Сибирского казачьего полка.
Во втором ряду в центре — старший урядник Федор Потанин. 1 октября 1916 г.**

наступление на немногочисленные казацкие станицы — вся ненависть к безумной колчаковской администрации была выплеснута теперь на мирных жителей казацких станиц. Казаки, совместно с белогвардейскими подразделениями, пытались сдерживать натиск партизан, однако развал Восточного фронта и бесславная сдача Верховным правителем Омска предрешили исход этой борьбы и вызвали невиданную по ожесточенности волну демоцида.

В Горном Алтае, например, началась массовая зачистка, фактически резня казацкого населения, которая по масштабу и жестокости значительно превзошла бесчинства вайнахских бандитов в разоруженных станицах Терского Войска. Газета «Алтайские губернские ведомости» в октябрьской передовице 1919 г. сообщала: « *Из 338 казаков станицы Чарышской, Сосновки и Маральих Рожек* [захваченных в плен партизанами. — Н.Л.] *110 человек зарублены в Сибирячихе. Вторая партия, 228 человек, посажена в артельную лавку, где к утру 50 человек задохнулось...*»[294]. Жестокость крестьян-переселенцев, ставших «красными партизанами», по отношению к казакам не знала предела. Протокол партийной комиссии РКП(б), в котором красные победители пытались зафиксировать ущерб от событий Гражданской войны в алтайской станице Чарышской, свидетельствует о тотальном развале здесь казацкой этносферы: ***«У всех жителей станицы*** [казаков. — Н.Л.] ***имущество частью разграблено, частью сломано, скот наполовину угнан в соседние села, хлеб, сено, сельхозмашины почти полностью вывезены туда же. <...> Стоявший в Чарышской,***

[294] Алтайские губернские ведомости. 1919. 9 октября.

Тулате, хуторе Яровском партизанский полк стравил остатки хлеба и сена, устраивал самочинные аресты, порки, насиловал женщин и девушек…»[295].

Этнические чистки казаков происходили практически по всей Сибири, включая исконные казацкие земли в бассейне Енисея и Забайкалье. Под натиском крестьян-партизан из своих родовых станиц уходило «в отступ» часто все войсковое население. В некоторых случаях отчаявшиеся станичники сами поджигали свои дома, чтобы они не достались ненавистным победителям. Так, например, казаки полностью очистили, а затем подожгли станицы Бузуновскую и Каратуз Енисейского Войска. Здесь же, на левобережье Енисея, при приближении партизан опустели станицы Нижний Суэтук и Арбаты[296]. Опасаясь поголовных насилий над женщинами и массовых убийств озверелыми «партизанами», казацкое население, огрызаясь контрударами станичников, массово уходило на запад — на соединение с наступающими войсками РККА, во всех случаях предпочитая сдаваться в плен кадровым красноармейским частям. Волна дикого крестьянского террора — повальных грабежей, насилий и кровавых самосудов — катилась по Сибири подчас далеко впереди боевых порядков Красной Армии.

Историк В.В. Исаев подчеркивает, что, как это ни странно, казаков Бийской линии СКВ от поголовного уничтожения «спасли распоряжения Алтайского губернского ревкома остановившего волну насилия над политическими противниками Советской власти в связи с завершением Гражданской войны в губернии»[297]. Аналогичные действия местных структур РКП(б) на территории Забайкалья фиксирует А.П. Шекшеев[298]. Впрочем, эти распоряжения были сделаны большевиками только в начале весны 1920 г., когда демографический слой казачества на просторах Сибири истончился до минимального предела, а с экономической независимостью уцелевших казацких станиц здесь было покончено навсегда. Сибирским большевикам, возможно, льстил факт того, что в период Гражданской войны для решительного слома этнополитического потенциала местного казачества им не потребовались ни специальные директивы Оргбюро ЦК, ни услуги вездесущих чекистов. В конце февраля 1920 года газета «Алтайский коммунист» с циничной отстраненностью констатировала, что с казацкой Бийской линией в Горном Алтае фактически покончено: ***«Казачьи села опустели еще в ноябре 1919 г. За вооруженными казаками в горы Алтая бежало почти все работоспособное население. Остались только дряхлые старики, женщины и дети. Так, в станице Антоньевской, некогда славившейся богатством хлеба и скота, осталось до 700 душ обоего пола, причем скота насчитывается по одной лошади и одной корове на пять душ. Остальное частью реквизировано партизанами, частью увезено казаками в горы, но главным образом расхищено крестьянами соседних поселков: Михайловского, Ключей и др. До сих пор за десятки верст к казачьим поселкам тянутся крестьянские подводы. Забирается домашняя утварь в пустующих домах, изгородь около домов,***

---

[295] Цит. по: *Гришаев В.Ф.* «За отсутствием состава преступления…». О репрессиях сибирского казачества на Алтае. — Барнаул: Изд-во «Полинком», 2009. — С. 8—9.

[296] Центральный государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф.674. Оп.1а. Д.П-5473. Л.21. См. также: Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде. — Абакан, 1957. — С. 57—58.

[297] *Исаев В.В.* Противостояние казачества и крестьянства на Алтае в годы Гражданской войны// Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Материалы Всерос. науч.-практ. конф.— Тюмень: Изд-во ТГУ, 2015. — С. 115.

[298] *Шекшеев А.П.*, 2001. Указ. соч. — С. 146—147.

необмолоченный хлеб, выламываются полы, рамы, косяки и т.д.»[299]. Как видим, административно-карательной машине Советской власти в отношении, по крайней мере, казаков Алтая никаких репрессивных усилий предпринимать было уже не нужно. Впрочем, это не означало, что ситуация во всех бывших Казацких Войсках востока России обстояла именно так…

В 2005 году газета-журнал «Станица» опубликовала любопытнейшую информацию о материалах регионального архива ФСБ в Читинской области, связанных с «трудами» прямых предшественников этой почтенной организации по уничтожению казаков Забайкальского Войска. «Познакомьтесь с этим архивом, — приглашает журналист «Станицы», — (если вас еще допустят до него — сегодня вновь намертво закрыты многие архивы, особенно МВД и ФСБ, начиная с Центрального архива ФСБ РФ, и кончая архивами ФСБ в каждом из регионов) — **в нем хранятся сорок тысяч архивно-следственных дел репрессированных, в основном забайкальских казаков** [*выделено нами. — Н.Л.*]**. И в каждом — списки на расстрел по несколько человек! Только в одном «деле» 1-го Отдела Забайкальского Казачьего Войска, по которому некогда «судили» моего крестного, числится 160 человек. Масштабы содеянного вас не потрясают?»**[300]

В качестве резюме вышеприведенного материала попытаемся понять: насколько тяжелыми оказались последствия карательного периода геноцида для демографического состояния казацкого народа?

Демографическая катастрофа казацкого народа как результат государственной политики РСФСР 1918–1922 гг. Требование известной латинской максимы «Все познавай в сравнении» лишь с большим трудом можно исполнить применительно к оценке страшного демографического провала, в который погрузился казацкий народ в финальной фазе карательного периода геноцида (демоцида), т.е. в конце 1922 года.

Во-первых, как уже отмечалось выше, по периоду Гражданской войны в России практически отсутствует сколько-нибудь систематическая демографическая статистика. Хаотическое, вынужденное перемещение больших групп населения, повальные эпидемии инфекционных заболеваний, выкосившие десятки тысяч человеческих судеб, спровоцированный продразверстками массовый летальный голод 1921-1922 гг., — все эти факторы революционного излома, вместе взятые, придают эмпирический характер даже самым взвешенным оценкам демографических процессов на территории Советской России в период 1918-1922 годов. Некоторые цифры демографических потерь казаков известны для этого периода с высокой достоверностью, однако в целом картина демографического умаления казацкого народа выглядит, к сожалению, мозаичной. Известный специалист по социально-экономическим и демографическим проблемам Северного Кавказа 20–30-х годов XX века А.В. Баранов признает «невозможность выяснить при данной источниковой основе раздельные потери казачьего и невойскового населения за 1918–1922 гг.»[301].

Во-вторых, и это тоже немаловажно, — демографический разгром казачества, произошедший в ходе навязанной казакам Гражданской войны, попросту не с чем сравнивать.

---

[299] По казачьей линии// Алтайский коммунист. 1920, 25 февраля.

[300] Историческая «наука» на службе у необольшевизма// Станица. Вып. 44. Март 2005.

[301] *Баранов А.В.* География расселения казачества на юге России в 1920-х гг.// Донской юридический институт. Ученые записки. Памяти Е.И. Осколкова (К 75-летию со дня рождения). Т. 16. — Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2001. — С. 128.

В длительной национальной истории казаков мы не можем назвать ни одной катастрофической полосы, в период которой на землях Присуда воздвиглась бы гекатомба казацких трупов, — хотя бы отдаленно сравнимая с той, что нагромоздил здесь 1918-1922 гг. оккупационный режим РКП(б).

Наиболее тяжким и наиболее кровавым испытанием казацкого народа до начала советского демоцида стало, бесспорно, участие в Первой мировой войне 1914—1918 гг. Самая протяженная по времени, самая бессмысленная по причинам и самая катастрофическая по результатам военная авантюра Российской империи очень дорого обошлась казакам. К концу 1917 г. общие невосполнимые потери казацкого народа (суммарно по всем Войскам) составили 8314 человек убитыми и умершими от ран. Если прибавить к этому 6453 казаков, которые попали в плен или без вести пропали (предположим, что никто из них в родные станицы не вернулся), получим итоговое число общих невосполнимых потерь по всем Казацким Войскам империи — 14.767 человек[302].

С точки зрения нормальной человеческой морали потеря 14.767 молодых мужчин, погибших в расцвете сил, навсегда потерянных для своих семей и своего народа, выглядит очень значительной, нетерпимо большой. Однако, такая утрата покажется неестественно малой (событиями советской истории мы приучены к потокам крови соотечественников), если вспомнить, **что вышеозначенная цифра потерь отражает общие потери всех одиннадцати Казацких Войск империи за 4 года непрерывного боевого участия казаков в глобальном общеевропейском конфликте**. И уже как совершенно незначительное можно расценить это роковое число, если сопоставить его с достоверно известными цифрами огромных демографических утрат казаков, которые понес этот народ в своей героической национально-освободительной борьбе с антиславянским оккупационным режимом РКП(б).

Известный казацкий коллаборант, командир 2-й конной армии РККА Филипп Миронов 31 июля 1919 г. в личном письме председателю Совнаркома Владимиру Ленину отметил, что на Дону, ***«по пути 8-й армии трибуналами «во благо социальной революции» расстреляно более 8 тыс. человек»***[303]. Высокий политический статус адресата послания, бесспорная информированность Ленина о важных событиях на Южфронте свидетельствуют в пользу объективности «расстрельных» оценок командарма. Подчеркнем также, что ревтрибуналы 8-й армии расстреляли более восьми тысяч казаков отнюдь не за долгие 3,5 года (время реального участия имперской армии в Великой войне), а всего лишь за несколько весенне-летних месяцев 1919 года[304].

---

[302] Число без вести пропавших и находившихся во вражеском плену казаков несколько разнится в различных источниках. Диапазон расхождений невелик: по одним данным таковых насчитывалось 6453, по другим — 6753 чел. См. подробнее: *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — С. 191.

[303] РГВА. Ф.24406. Оп.3. Д.1. Л.63—73 об. Машинописный экземпляр; ЦА ФСБ РФ. С/д Н-217. Т.5. Л.32—42.

[304] В письме председателю Совнаркома Ф.К. Миронов приводит факты произвола, грабежей, насилий, бессудных расстрелов, которые учиняли на Дону комиссары и красноармейцы РККА. В частности, командарм подробно описывает факт зверского уничтожения Богучарским полком РККА хутора Сетраков Мигулинской станицы. Из 500 хуторян, согнанных якобы для проведения митинга, красные палачи расстреляли 400 человек. Миронов упоминает имеющийся у него список 28 казаков станицы Боковской, которых расстреляли без всякой реальной причины. «Сшибают лбами казака и крестьянина, казака и рабочего, — с горечью констатирует Миронов.

Приведем другой пример достоверно известного массового уничтожения казацкого населения Советским государством. В августе 1920 г. штаб генерала П.Н. Врангеля в Крыму попытался вернуть себе инициативу в борьбе с большевиками. Для этого был организован так называемый «Улагаевский десант» на Кубань. Невероятная, в каких-то аспектах даже запредельная бездарность кадровых решений Врангеля (в части формирования штаба этого десанта) привела к тому, что генерал С.Г. Улагай быстро утратил все оперативные возможности, не выполнил возложенных на него задач и был эвакуирован обратно в Крым. Внимательно рассмотрев итоги «Улагаевского десанта», руководство РКП(б) решило резко понизить военно-демографический потенциал кубанских казаков — на случай новых подобных инициатив Русской армии Врангеля. Для этого всем офицерам, юнкерам и военным чиновникам Кубанской Войсковой Рады приказали пройти личную перерегистрацию в соответствующих комиссариатах Екатеринодара. Прибывших на регистрацию из станиц края казаков (более 6 тысяч человек) оцепили бойцы подразделений ВЧК и немедленно погнали на погрузку в специально подготовленные эшелоны. Тех, кто пытался протестовать, — расстреливали на месте. В «эшелоны смерти», помимо младших офицерских чинов, попали многие старшие офицеры. Например, начальник Кубанского Алексеевского военного училища, генерал А.М. Диденко, командир Корниловского конного полка, полковник Е.И. Ермоленко, есаул Леонтий Вербицкий, есаул Кубанского конного учебного дивизиона Е.В. Демяник и многие другие представители кубанской военной элиты.

Полковник Федор Елисеев, уроженец станицы Кавказской ККВ, оставил проникнутое глубокой болью описание своей последней встречи с земляками в одном из этих «эшелонов смерти», сделавшем техническую остановку в Москве на пути в концлагеря ВЧК на Северной Двине (Архангельская область).

«Мои станичники, — повествует Ф.И. Елисеев, — *сотники Вася Боярский, Гриня Белоусов, братья Сотниковы, просят навестить их «станичный вагон». В нем глубокие старики, бывшие в отставке уже 20 лет тому назад: войсковой старшина Ламанов, соратник генерала Скобелева и наш полковой историк; военный чиновник Слепухин — оба дряхлые старики, не могущие ни выйти, ни влезть в свой вагон... Тут же еще бодрый телом Г.Г. Булдыгин, вахмистр Конвоя Императора Александра II, долгий атаман станицы.*

— Надо было драться до конца! — строго сказал он мне, старейший казак нашей станицы; мне от его слов стало стыдно.

В углу, у окна на верхних нарах, как запуганный кролик, сидит сын фельдшера Недай-Каши, очень красивый и стройный мальчик в станице, младше меня лет на пять.

— А тебя, почему сюда загнали? — *удивленно спросил его.*

— Не знаю-у, — тихо, мягко отвечает мне этот черноглазый 22-летний казак, похожий на мальчика. — Я был старшим писарем в отделе, а потом произвели в военные

— Боятся, чтобы эти люди не столковались и не примирились, что не в интересах тех, кто наметил адский план уничтожения казачества, план, который теперь так грубо обнаружил свой скелет: им нужно туда-сюда пройти по казачьим областям и под видом усмирения искусственно вызываемых восстаний обезлюдить казачьи области, опролетарить, разорить остатки населения и, поселив потом безземельных, начать строительство «коммунистического рая». Очевидно, что Филипп Миронов уже в середине 1919 г. прекрасно понимал — как именно будет происходить геноцид казаков, прозорливо предвидел командарм и подлинную цель этого процесса.

Кубанская казацкая диаспора на молебне в честь Войскового праздника. В черкесских, справа налево: генерал-майор О.И. Лебедев, полковник Ф.И. Елисеев. Нью-Йорк, 1960 г.

чиновники [в системе ВСЮР. — Н.Л.], *ну так за это, — печально добавил он, старший сын очень бедных родителей.*

Судьба их ужасна. Все эти шесть тысяч Кубанской Войсковой чиновной среды, в этом же году, погибнут на Северной Двине. Это была кровавая дань Войска Кубанского за неудачный десант из Крыма. Плачь, Кубань, о сынах своих!

Никто не описал, — какова была расправа красных по станицам, по уходе десанта? Но вот эти 6 тысяч офицеров и военных чиновников Кубанского Войска, с которыми мы встретились в Москве, — расстрелянных в том же году на Северной Двине, являлись первыми жертвами.

*Кубань, наше Кубанское казачье Войско, захлестнулось и еще слезами шести тысяч вдов!.. **А сколько, после них, осталось сирот — мы теперь и НЕ УЗНАЕМ*** [выделено Федором Елисеевым. — Н.Л.]»[305].

Итак, 8 тысяч убитых донцов в полосе оккупации только одной 8-й армии РККА и 6 тысяч кубанцев, расстрелянных на Северной Двине «айнзацгруппами» ВЧК в ходе только одной массовой этнической чистки 1920 года — в сумме это вновь роковые 14 тысяч погибших — лучших представителей казацкого народа. Отметим, что темпы нарастания казацких потерь в годы Первой мировой войны и стремительная динамика уничтожения мирного казацкого населения карательными войсками Советского государства разительно не сопоставимы! 14 тысяч сгинувших в период Великой войны казаков набирались в скорбный

[305] *Елисеев Ф.И.* Лабинцы. Побег из красной России. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — С. 357–358.

статистический список на протяжении нескольких лет — в результате фронтальных схваток казацких формирований с лучшими армиями Центральных держав Европы. А те же 14 тысяч казаков, в списках Ф. Миронова и Ф. Елисеева, сгинули под пулями оккупационных войск РККА, даже по меркам военной истории, почти мгновенно...

Вплоть до настоящего времени отсутствует единое мнение исследователей по поводу общего числа терских казаков, депортированных из своих станиц осенью 1920 — зимой 1921 гг. Британский историк Шейн О'Рурк склонен считать, что число выселенных «во чисто поле» или в концлагеря Архангельской области терцев составило не менее 35 тысяч человек (вместе с жителями станицы Ассиновской, последней подвергшейся депортации). Исследователь полагает, что вместе с казаками, депортированными с Сунженской линии весной 1920 года, общее число выселенных терцев достигло 43.871 человек[306]. Приблизительно такое же число депортированных — 45 тысяч казаков — указывают в своей работе отечественные исследователи Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов[307]. Однако, известный исследователь репрессивной политики Советского государства в отношении народов Кавказа С.У. Алиева приводит другую цифру: 70 тысяч казаков, депортированных из своих станиц (до периода НЭПа) в северные регионы России и в Казахстан[308].

Определение действительного числа не только безвинно умерщвленных, но и насильственно выселенных из своих родовых усадеб казаков имеет важнейшее значение. В отношении депортированных терцев очевидно, например, что даже при нижнем пределе депортированного населения (т.е. около 45 тыс. человек) смертность среди стариков, женщин и детей должна быть чрезвычайно высокой. Здесь нет преувеличения — морозными осенними и зимними ночами людей гнали по степи к железнодорожным полустанкам, затем везли в вагонах для скота и выгружали, в лучшем случае, в заиндевелые бараки! Гибель казаков-мужчин репродуктивного возраста (18—50 лет), которых отдельными эшелонами вывозили из Терской области в концлагеря на Северной Двине, приближалась, по-видимому, к 100%. Нет оснований считать, что на стылых берегах Северной Двины участь терцев могла принципиально отличаться в лучшую сторону от трагической судьбы казаков-кубанцев, которых тем же путем провезли на Русский Север в «эшелонах смерти» двумя-тремя месяцами ранее. Таким образом, и на территории Терского Войска прямые летальные потери казацкого населения — в результате только одного, но массового преступления этнической чистки (депортации и резня) — достигли в 1920—1921 гг., по-видимому, огромной гекатомбы в 8—10 тыс. человек.

Масштабы массового уничтожения восточных славян, в том числе и этнических казаков, в государственной системе РСФСР и СССР не могут оставить равнодушными ни одного человека с нормальной психикой. Тем удивительнее парадокс, что официальная наука Российской Федерации, т.е. страны, преодолевающей, как будто бы, страшное наследие большевизма, весьма инфантильно занимается установлением исторической истины об общих и частных демографических потерях российских народов в чудовищной «мясорубке» Страны Советов. Оценки общих потерь казацкого населения Советской России в период Революции и Гражданской войны недопустимо широко разнятся. Некоторые исследователи, опирающиеся, в основном, на советский опыт осмысления демографической динамики,

---

[306] *О'Рурк Ш., 2008*. Указ. соч. — С.90, 95—96.

[307] *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). — М., 1998. — С. 86—103.

[308] Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919—1952 годы: в 3-х т. Т. 1. — М.: Инсан, 1993. — С. 27.

определяют нижний предел безвозвратных потерь казацкого населения на Юге России в период 1918–1922 гг. в 200 тыс. чел[309]. Однако, существуют и совершенно иные подсчеты убыли казацкого населения в указанный период от террора, голода и болезней. Историк и социолог А.В. Баранов склоняется к цифре невосполнимой утраты в демографическом статусе казаков – до 500 тыс. чел[310]. Известный этнолог зарубежья И.А. Билый определяет общие потери казачества России до 1922 года – в 980 тыс. чел[311]. По подсчетам кубанского краеведа Анатолия Орлова только в первый период так называемого «расказачивания», совпавшего с окончанием Гражданской войны, режим РКП(б) уничтожил около миллиона двухсот пятидесяти тысяч казаков[312]. Наконец, существует аргументация, свидетельствующая об уничтожении в ходе Гражданской войны (включая ее повстанческий этап 1921–1922 гг.) около 50% казацкого населения страны (до 2-х млн. чел.)[313]. Известная латинская максима советует, в случае значительной разницы в оценках, признать достоверной ту, что находится посередине. **Таким образом, предварительная оценка общей безвозвратной убыли демографического потенциала казацкого народа в период советского демоцида 1918–1922 гг. должна составлять более одного миллиона человек. Такие крупные потери казацкого населения РСФСР вызваны совокупным воздействием массового государственного террора Советского режима, эпидемических болезней, летального голода и вынужденной эмиграции.**

По каждому из одиннадцати бывших Казацких Войск Российской империи, ставших добычей большевистского Красного Дракона, можно составить (и необходимо составить!) отдельный мартиролог. До конца 1922 г., более тысячи тысяч – более миллиона! – казацких жизней переработала в тлен и прах страшная машина государственного террора РСФСР. Крепкие мужчины – волевые борцы за свободу национального развития казаков, малолетние дети и восторженные подростки, ветхие старики, с трудом способные подняться в вагон «эшелона смерти», угрюмые старухи и веселые молодайки, которым не повезло родиться в «казачьем сословии», – никто из этнических казаков в 1918–1922 гг. не мог бы поручиться за личную безопасность. После проигранной Гражданской войны никто из казаков не мог поручиться и за грядущую мирную жизнь своих родных людей, если только они вовремя не отплыли на кораблях генерала Врангеля, оставив далеко за кормой сплошь залитую славянской кровью территорию советской «Родины».

---

[309] *Кожанов А.П.* К демографической характеристике казачьего населения Северного Кавказа накануне сплошной коллективизации// Изв. Сев.-Кав. Науч. центра высш. шк. Обществ. Науки. – Ростов н/Д., 1986, № 3. – С. 109–115; *Макаренко М.Ю.* Население Кубани в 1920–1926 гг. Дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 1997. – С. 86–89.

[310] *Баранов А.В., 2001.* Указ соч. – С. 128.

[311] *Билый И.А.* Казачьи земли: Территория и народонаселение. – Прага, 1928. – С. 7, 13, 19.

[312] В качестве только одного эпизода массового демоцида на Кубани исследователь приводит страшную резню казаков в конце сентября 1920 г. в станице Апшеронской. Здесь, всего за несколько дней, «айнзацгруппа» РККА бессудно казнила 118 этнических казаков, включая молодых женщин. См. подробнее: *Орлов А.Ф.* Это было в Апшеронской// Станица. Выпуск 48. Декабрь 2008.

[313] См.: *Белоусов И.В.* Казачий сепаратизм в России (1917–1920 гг.). Автореф дис. канд. ист. наук. – М., 1998. – С. 20; *Brovkin V.N.* Behind the Front Lines of the Civil War. – Princeton, 1994. – P. 355.

Глава VII

«НАЦИОНАЛЬНОСТЬ МЕШАЕТ СОВЕТИЗАЦИИ»: этноцид казацкого народа 1922–1928 гг.

Отрицательная «селекция» демоцида Советского режима и витальная усталость казаков в результате поражений и потерь в Гражданской войне. — Курс на этнокультурную аннигиляцию казаков: переход Советского режима к политике этноцида в казацких районах Юга и Востока России. — Идеологическая подготовка режима РКП(б) к использованию методик этноцида для уничтожения традиционных ценностей «казацкого мира». — Специальная комиссия ЦК РКП(б) для изучения положения казачества: попытка Советского режима объективно оценить состояние казацкой этнокорпоративной системы. — Органичные антисоветские настроения казаков. Демографическое и этнополитическое положение казацкого населения Юга России на рубеже 1925 г. — Формула «казацкого наказа» для установления лояльного отношения казаков к Советскому режиму. — Иллюзорность казацких надежд на обретение равных с другими народами СССР политических прав и условий для этнического развития. — Военная служба в рядах РККА как эффективный механизм этнокультурной аннигиляции казацкой молодежи в русско-советской среде. — Советские амнистии для «белоказаков» — изощренная методика режима РКП(б) по максимально полному ослаблению генофонда казацкого народа. — Уничтожение всех основ традиционной казацкой культуры: важная этнополитическая задача Советского режима на Юге России во второй половине 1920-х гг. — Крах усилий советского агитпропа по провоцированию внутреннего раскола в казацком сообществе. — Отказ казацкого населения от «ценностей» интернационального советского пролеткульта. — Этнополитические меры Советского режима по подготовке преступления Голодомора в основных хлебородных регионах России и Украины. — Нищета, унижение и безысходность: страшное бытие казаков в «интернациональном гетто» Страны Советов. — На старте «великого перелома»: новый этап повстанческой борьбы казаков с оккупационным режимом ВКП(б) на рубеже 1930-х гг.

Важнейшим следствием карательной фазы геноцида казаков стали не только значительные (по некоторым данным до 40–50% от численности войскового населения Присуда на 1917 г.) демографические утраты, но и резкое снижение этнополитического потенциала (витальной силы) казацкого народа. Этот негативный фактор явился неизбежным следствием массовой отрицательной «селекции» практически всего казацкого населения страны, осуществленной силами и средствами административно-карательной машины Советской России, прежде всего структурами ВЧК-ОГПУ и ревтрибуналами Красной Армии. Значительная часть казацких пассионариев героически, но в стратегическом отношении, увы, напрасно сложила свои головы в битвах так называемой Гражданской войны. В результате

массового государственного террора, потерь в Гражданской войне и вынужденной эмиграции казацкий народ на землях Присуда почти полностью лишился национальной интеллигенции, а также высшего офицерства. Командный состав казацкого повстанческого движения в период финальной оккупации земель Присуда соединениями РККА (1920–1922 гг.) убедительно свидетельствует о фактической исчерпанности казацкого высшего офицерства. Повстанческие отряды в этот период практически повсеместно возглавляют офицеры среднего и младшего командного состава, а также бывшие «красные» казаки, запоздало осознавшие преступность и антиславянскую сущность Советской власти[1].

Отрицательная «селекция» демоцида Советского режима и витальная усталость казацкого народа в результате поражений и потерь в Гражданской войне. Еще в разгар Гражданской войны — к середине 1919 года в казацком сообществе стал остро ощущаться недостаток представителей национальной интеллигенции и высшей офицерской элиты. Историк А.В. Венков в одной из своих работ представил любопытный анализ социального статуса выборных делегатов на Второй съезд представителей станиц и воинских частей восставшего Верхнего Дона (территория знаменитого Вёшенского восстания). Из 41 представителя повстанческих формирований исследователю удалось идентифицировать только 9 делегатов съезда, что само по себе ясно характеризует общий, весьма невысокий социальный статус делегатов. Старших офицеров на упомянутом съезде оказалось всего двое: Благородов Федор Павлович, подъесаул 28-го Верхне-Донского полка Донской армии и Макушкин Павел Петрович, подъесаул, уволенный атаманом Красновым из Донской армии по несоответствию (приказ № 636 от 28.07.1918). Среди делегатов были два представителя среднего комсостава (хорунжий и подхорунжий) и два младших офицера. А.В. Венкову удалось установить личности еще двух делегатов. Они оказались рядовыми казаками: Песковатский Федор Васильевич, казак 32-го Вешенского полка Донской армии и Батальщиков Михаил Ефимович, казак 46-го Донского полка. Итоговый вывод исследователя говорит сам за себя: «Остальные 32 представителя [*на съезд. — Н.Л.*] фронтовых повстанческих частей, судя по всему, рядовые казаки, ничем себя до указанного момента не проявившие, «серая масса»[2].

Не лучше обстояли дела с присутствием на Втором съезде представителей восставших станиц Верхнего Дона выборных делегатов от национальной интеллигенции. Таких делегатов оказалось только двое: Суяров Илья Андреевич, учитель Даниловского волостного сельского училища, и Майданников Михаил Иванович, школьный учитель из станицы Вёшенской. Неслучайно, по-видимому, что именно эти два делегата, как наиболее подготовленные в интеллектуальном плане организаторы, исполняли значимые, даже ключевые функции в Верхне-Донском (Вёшенском) восстании. И.А. Суяров являлся основным идеологом восстания, а М.И. Майданников руководил карательно-розыскной службой повстанческой армии. Столь незначительная степень участия старшего офицерства и станичной интеллигенции в

---

[1] См. подробнее: *Черкасов А.А.* Казачье повстанческое движение на Кубани в период «малой» Гражданской войны (1920–1922 гг.) и его характерные черты; *Грищенко А.Н.* Казаки в донском антибольшевистском повстанческом движении (1920–1922 гг.)// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всерос. научн. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов н/Д). — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 99–106.

[2] *Венков А.В.* Вешенское восстание. — М.: Вече, 2012. — С. 220–222.

**Терские казачки станицы Галюгаевской. 1916 г.
При оккупации Северного Кавказа войсками РККА
молодые красивые женщины часто становились жертвами
циничных домогательств озлобленной красной солдатни.
(*Архив Э.В. Бурда*)**

управлении областью Верхне-Донского восстания объясняется отнюдь не политической инфантильностью этих слоев казачества, а последствиями демоцида — людей высоких социальных рангов в области Верхнего Дона уже к середине 1919 г. практически не осталось.

Потеряв ярких интеллектуалов, подобных Митрофану Богаевскому, схоронив неукротимых борцов, подобных Константину Мамантову, лишившись значительного большинства людей, способных к методичной вооруженной борьбе, казацкий народ как единое этническое целое потерял возможность к быстрой эффективной самоорганизации. Духовная национальная субстанция казаков также оказалась в определенной мере надломленной.

Современный исследователь Д.Д. Пеньковский отмечает, что казацкое сообщество до событий Гражданской войны «было свободолюбивым, обладало нравственным максимализмом, сильным чувством собственного достоинства, обостренной справедливостью»[3]. С этой оценкой трудно не согласиться. Конечно, ни одна социальная или этническая группа не может сплошь состоять из одних героев. Однако в казацком сообществе — точно так же, как некогда в сообществе спартанцев по отношению к другим полисам Древней Греции — людей, склонных к героическому образу действий, способных к ярким, мотивированным реакциям, было существенно больше, чем среди других этносоциальных групп бывшей Российской империи. Впрочем, при том широчайшем размахе государственного карательного террора (демоцида), который осуществил в 1918–1922 гг. на казацких

[3] *Пеньковский Д.Д.* Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и ее последствия (1920–1945 гг.) – М.: Национальный институт бизнеса, 2002. – С. 10.

землях интернациональный режим РКП(б), ни одному, даже самому воинственному этническому сообществу не хватило бы героев для незамедлительных актов возмездия карателям — при всех случаях массовых убийств мирных жителей, грабежей, циничных насилий над женщинами.

В депешах военного летчика ВСЮР, поручика Веселовского, осуществлявшего регулярную авиационную связь между повстанцами Верхнего Дона и командованием Белой Армии, отражены невероятные по жестокости и цинизму зверства бойцов РККА над мирным населением верхнедонских станиц[4]. Военлета Веселовского, по этническому происхождению русского человека, трудно заподозрить в какой-либо пристрастности к подчеркиванию страданий казаков. Среди многих фактов террора (описание которых ввиду их омерзительной жестокости мы намеренно опускаем) поручик Веселовский специально отметил изнасилование красноармейцами около 1000 молодых казачек Вёшенской станицы. С учетом предреволюционной численности жителей этого населенного пункта можно предположить, что практически каждая вторая молодая женщина в Вёшенской подверглась насилию со стороны красных «братушек». Весомым, хотя и косвенным подтверждением правдивости данной информации военлета Веселовского может служить факт выпуска командованием 8-й армии РККА особого приказа № 10 (от 06.05.1919 г.)[5]. В нарочито грозных формулировках советские военачальники предупреждали своих распоясавшихся армейских «товарищей», что будут «расстреливать на месте за изнасилования». Однако, «ворон ворону глаз не выклюет» — гласит народная мудрость. Военные архивы Российской Федерации пока умалчивают о каких-либо эпизодах действительно состоявшихся расстрелов красноармейцев за посягательство на честь казацких женщин.

Можно только предполагать — насколько сильно исковеркали духовно-психологический склад казацкого народа тысячи бессудных расправ, множество циничных издевательств и насилий оккупационных войск РККА над достоинством станичников и их близких. Известно, что только само по себе ежедневное, ежечасное ожидание жестокого произвола способно вызвать самые серьезные нарушения как в психической субстанции конкретного человека, как и в коллективном психологическом базисе угнетаемого населения. Чужеродные, враждебные этническим казакам изменения социально-экономической обстановки на землях Присуда, немыслимые здесь без штыков красноармейцев РККА, неизбежно повлекли деградацию всех традиционных основ жизни казацких станиц. Понять «обыденную» катастрофичность, даже обреченность жизни так называемого «советского» казачества может помочь зарисовка дореволюционной казацкой жизни, сделанная по своим донским впечатлениям сторонним инонациональным наблюдателем.

Весной 1910 г. Густав фон Кальбитц, немецкий инженер завода «Вулкан» в Штеттине, посетил по делам российского кораблестроительного заказа Ростов-на-Дону. На земле Войска Донского немцу представился случай близко познакомиться с бытом и обликом донских казаков.

«*После долгих, но в итоге бесплодных переговоров в Ростове*, — отмечает в своем путевом дневнике Густав фон Кальбитц, — *местный представитель русского военного министерства уговорил нас совершить экскурсию в Новочеркасск и местные придонские*

[4] Вольная Кубань. 1919. 10(23) мая.
[5] РГВА. Ф. 1398. Оп.1. Д.718. Л.6.

Казачка подает воду проезжающему через станицу уряднику. Станица Мариинская ВД. 1913 г. До катастрофы Революции отношения людей в казацкой этнической среде отличались открытостью, прямодушием, особой человеческой теплотой

селения. По русскому обычаю — техническую неподготовленность ростовских заводских цехов и, соответственно, бессмысленность нашего вояжа из Петербурга в Ростов, предполагалось скрасить обильным застольем и выпивкой. <...>

Новочеркасск — столица донских казаков, воинственного народа и превосходных наездников, дерзость атак которых некогда потрясла воображение самого Наполеона. <...> Этот городок [Новочеркасск. — Н.Л.] *встретил нас милыми коричневыми и темно-зелеными крышами, утопающими в белом цветении огромных фруктовых садов. Меня поразила удивительная чистота улиц и добротность домов этого относительно небольшого городка. Весь облик Новочеркасска, опрятные, несуетливые жители, сытые, розовощекие, чисто одетые дети на улицах — все это живо напоминало мне городки нашей дорогой Саксонии, в которой я не был, кажется, уже целую вечность. <...>*

Казаки Новочеркасска, которые показали нам свой конный завод и организовали лодочную прогулку по Дону, оказались весьма приветливыми, но немногословными, с большим достоинством умеющими вести разговор людьми. Умение отвечать четко и внятно в огромной степени отличало их от так надоевших нам болтунов из заводоуправлений Ростова. ***Этот внешне очень крепкий, осанистый народ разительно не похож на жителей центральных губерний России*** [выделено нами — Н.Л.]. *В Новочеркасске и в двух придонских селениях, которые мы посетили, мне ни разу не пришлось*

увидеть одутловатые, землистые, испитые лица с бегающими плутоватыми глазами, которых полным-полно на улицах русской столицы. Меня удивила особая манера казаков общаться друг с другом, вообще не свойственная русским. Сопровождавший нас простой казак громко и открыто, с видимым внутренним достоинством, как равный с равными разговаривал с гауптманами тех селений, которые мы посетили. Любопытно, что именно так, по-немецки, казаки называют своих местных начальников. [Кальбитц исказил на немецкий лад слово «атаман». — Н.Л.].<...>

Казачки отличаются небольшим ростом и крепким сложением, правильными чертами лица, волосы их всегда заколоты и укрыты под платок. Мне говорили, что всякая казачка, исключая пожилых женщин, встретив в своем селении незнакомого мужчину, обязательно перейдет, не сближаясь с ним, на другую сторону улицы»[6].

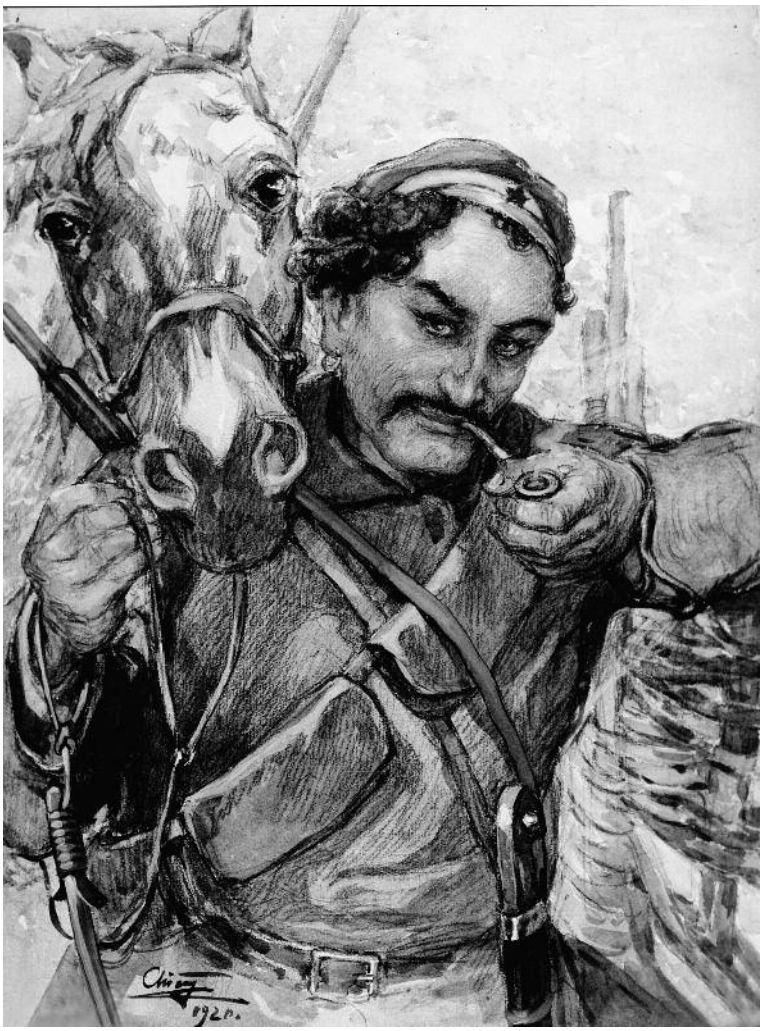
Даже последовательные, непримиримые враги казацкого народа испытывали невольное уважение, своеобразный «пиетет врага» по отношению к внутренне цельной, разумно организованной, четко осознающей свои интересы казацкой этносфере. В середине 1919 г. член Донбюро ЦК РКП(б) Исаак Рейнгольд отмечал редкую в российских реалиях способность казаков к быстрой самоорганизации: ***«...В связи с успешным продвижением Красной Армии к Ростову и Новочеркасску у нас закружилась от успехов голова и, почувствовав себя победителями, мы бросили вызов казакам, начав массовое их физическое истребление*** [N.B.! — Н.Л.]***. Это называлось расказачиванием; этим мы надеялись оздоровить Дон, сделать его если не Советским, то покорным и послушным Советской власти. И это в то время, когда Дон был далеко еще не в наших руках, когда ни у одного Советского органа на Дону еще не было реальных сил, не было гарнизонов достаточно сильных, чтобы чувствовать себя в состоянии справиться с казаками и подавить то массовое брожение и жестокое сопротивление, которое неизбежно должны были оказать свободолюбивые казаки.*** <...> ***Политика массового их*** [казаков] ***истребления без всякого разбора приведет к тому, что мы с Доном никогда не справимся, а если и справимся, то после долгой, кровавой и упорной борьбы. Опыт Вешенского восстания показал, что казаки чрезвычайно чутки к проводимой по отношению к ним политике и, раз загоревшись, пожар восстания быстро охватывает десятки тысяч казаков»***[7].

Вожди большевизма, в отличие от идейных догматиков в штабе генерала Деникина, очень быстро поняли действительное значение «казацкого фактора» для успеха Белого движения. Агитационные материалы РКП(б) за 1918—1920 гг. свидетельствуют, что большевистский агитпроп в идеологическом плане против Вооруженных сил Юга России практически не боролся — спорить с белыми о сущности их политической программы не приходилось, ввиду ее отсутствия. Генералы Колчак и Деникин, их штабное окружение не сподобились объяснить российскому обществу, — каким видят постреволюционное социально-экономическое бытие страны русские генералы. Деникинские мантры о «единой и неделимой России», как оказалось, широкие слои русского этносоциума совершенно не заинтересовали. Большевистская пропаганда — буквально в «чистом (идеологическом) поле»

---

[6] Россия и Германия накануне Великой войны: Воспоминания очевидцев. — СПб.: Северный рубеж, 1997. — С. 119—121.

[7] РГАСПИ. Ф.5. Оп.2. Д.106. Л.75.



После разгрома белых. Красный казак курит люльку. Фрагмент агитационного плаката РККА. 1920 г. (*Архив В.П. Мелихова*)

— методично внедряла в общественное сознание русских людей свою программу переустройства экономики и общества, талантливо агитировала за коммунистическую трансформацию бывшей Российской Империи в Советскую Россию. В Белом движении большевистских идеологов интересовали преимущественно казаки — в период Гражданской войны в основном политика в отношении «казацкого фактора» вызывала напряженные внутрипартийные споры в РКП(б). В идеологическом аспекте открыто презирая белых генералов, лидеры большевиков только за позицию казацкого населения готовы были вести идеологические баталии с руководством ВСЮР.

Начиная с весны 1918 г., политические структуры РКП(б), как в Центре, так и на Юге России, очень внимательно отслеживали, в точном смысле — изучали все политические, организационные и даже ментально-психологические изменения, происходившие в казацкой среде. Ключевые партийные фигуры большевиков — Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин и другие члены ЦК партии — лично не втягиваясь в региональные дискуссии по «казацкому вопросу», тем не менее постоянно стремились найти наиболее рациональный вектор (с точки зрения сохранения контроля РКП(б) на землях Присуда) в отношении казачества. Фактический развал Южного фронта красных весной 1919 года, предопределенный, в значительной мере, национальным восстанием казаков Верхнего Дона, окончательно убедил большевистский Кремль в необходимости существенной ревизии политического курса в «казацком вопросе». В.И. Ленин и другие вожди РКП(б) признали справедливость мнения «умеренных» деятелей Южфронта (Сокольникова, Трифонова, Рейнгольда и других), что ***«не лампасы и слова «казак», «станица» сделали казака казаком, а казачье бытие»***[8]. Не меняя ни на йоту своей стратегической установки на полную аннигиляцию казацкого народа в среде преобладающего русского

[8] Формулировка из доклада военкома Южфронта В.А. Трифонова в Оргбюро ЦК РКП(б) «Об ошибках в политике Донбюро в отношении казачества», 10.07.1919.

населения, — большевистский Кремль решил сделать свой этнополитический курс в отношении казачества более сбалансированным. Для ликвидации самобытного казацкого феномена теперь предполагалось использовать не только экономическое разграбление и массовый террор, но и вновь появившиеся в результате Гражданской войны негативные для казаков этнодемографические факторы.

Одним из таких факторов, по-видимому, важнейшим, являлась витальная усталость казацкого народа к исходу Гражданской войны. Эта усталость стала формироваться в результате четырехлетней бессмыслицы Первой мировой войны, которая не принесла казакам ничего, кроме гибели лучших воинов, глубокой русификации казацких фронтовых частей и экономического разорения станиц в Присуде. В последующей отчаянной борьбе с Советской Россией казацкое население понесло, без преувеличения, — колоссальные демографические и экономические утраты, опять не получив никаких позитивных результатов от своего участия в военных авантюрах Колчака и Деникина. В Кремле, надо полагать, с удовольствием вчитывались в доклады эмиссаров РКП(б) на Южном фронте, в том числе основательно изучались подробные депеши партийного ветерана М.В. Нестерова.

«…Расстрелы там [на Дону. — Н.Л.] ***были ужасные,*** — с внутренним содроганием писал в ЦК совестливый старый большевик Нестеров. — ***Ревтрибунал расстреливал стариков-казаков, иногда без суда, по донесению местного комиссара или по наговору соседей. Расстреливались безграмотные старухи и старики, которые еле волочили ноги, расстреливались казачьи урядники, не говоря уже, конечно, об офицерстве, все это, по словам местных властей, — по инструкции Центра. Иногда в день расстреливали партиями по 50-60 человек. Руководящим принципом служило — «чем больше вырежем казачья, тем скорее утвердится Советская власть на Дону». Не было ни одной попытки подойти к казаку деловым образом, договориться мирным путем, а подход был один — винтовка, штык.***

Можно было почти каждый день наблюдать дикую картину, когда из тюрьмы вели партию на расстрел, здоровые несли больных, конвой с винтовками, револьверами разгонял с улиц по пути шествия прохожих. Все знали, что это обреченные на смерть».

М.В. Нестеров констатировал, что закономерным результатом методичных расстрелов мирного станичного населения стал тяжелейший надлом общественного менталитета казаков: ***«Зная казаков раньше, еще при царском режиме, свободолюбивыми, имеющими уже в то время свою выборную гражданскую власть, привыкших к коллективизму в работе (там и сейчас*** [середина 1919 г. — Н.Л.] ***можно встретить семьи человек по 25—30, работающих на коммунистических началах, без наемной рабочей силы, и обрабатывающих большие участки земли), теперь я встретил забитого казака, затеррористического, боящегося незнакомому человеку сказать лишнее слово, враждебно относящегося к советским порядкам и местной власти, сидящего по хуторам и боящегося показываться в окружной станице, а то чего доброго отберут лошадь, да и расстреляют*** [N.B. — Н.Л.]»[9].

Через год после инспекционной поездки М.В. Нестерова на Дон психологическое состояние казацкого населения еще более ухудшилось. Этот факт вызывал оторопь даже у тех

[9] ЦА ФСБ РФ. С/д Н-217. Т.4. С. 149—153. Заверенная в Казачьем отделе ВЦИК копия.

местных большевиков, кто не до конца променял разум и совесть на «классовое чутье». Делегаты из Верхне-Донского округа Донской области, прибывшие на первую областную конференцию РКП(б) 2–5 июня 1920 г., заявили, что после прохода частей Красной Армии по станицам округа — ***«Население*** [казацкое. — Н.Л.] ***было запугано, забито. Оно боялось даже слова «коммунист». И нашим товарищам сознательно приходилось не упоминать этого слова»***[10].

Понятно, что в такой обстановке не мог ставиться вопрос о возможности казакам хотя бы открыто озвучивать, а тем более — добиваться решения своих экономических и этнополитических проблем. Любое публичное обозначение собственно казацкой политической позиции грозило обвинением в потакании «бандитизму»[11]. Ликвидация подразделениями ВЧК-ОГПУ и спецотрядами РККА повстанческого казацкого движения на землях Присуда шла рука об руку с ликвидацией вообще каких-либо политических и социальных прав казацкого населения[12].

Современный, весьма лояльный к большевизму историк, которого трудно упрекнуть в позитивной пристрастности к казачеству, вынужден, тем не менее, отметить: «По некоторым данным, к 1920 г. из 4-х миллионов населения Области Войска Донского погибло, умерло от всех возможных причин, включая потери в мировую войну, Гражданскую войну, эпидемии, голод, эмиграцию и проч. приблизительно 50%, **причем на казачество приходилось около 1 миллиона человек** [*выделено нами. — Н.Л.*]. <…> Оставшиеся на Дону казаки и их семьи были в основном деморализованы, подавлены психологически. За исключением относительно небольшой группы красных казаков, казачество в целом ощущало себя проигравшим в схватке с большевизмом и чужим не только в новой системе власти, но и в Советской России вообще»[13].

Курс на этнокультурную аннигиляцию казаков: переход Советского режима к политике этноцида в казацких районах Юга и Востока России. Руководство РКП(б), весьма чутко прислушивающееся к ритму дыхания уничтожаемого казацкого сообщества, решило воспользоваться благоприятным для него умалением ментально-психологического потенциала казаков, их нарастающим неверием в собственные военно-организационные возможности. Немалое значение в решении Кремля о постепенном переходе от демоцида к политике этноцида в отношении казацкого народа сыграла, бесспорно, катастрофическая убыль в казацкой среде национальной интеллигенции. Большевистские лидеры, в принципе высоко оценивающие значение интеллигенции в национально-освободительной борьбе, пришли к заключению, что в результате Гражданской войны общее состояние казацкого общества

---

[10] ЦДНИРО. Ф.4. Оп.1. Д.4. Л.25.

[11] После победы режима РКП(б) в Гражданской войне термин «бандитизм» стал выполнять на Юге России, прежде всего в казацких районах, функцию советского эвфемизма, означающего повстанческую деятельность казацкого населения.

[12] Большевики открыто бравировали, что с организованным этнополитическим сопротивлением казачества покончено на Дону (также и в других регионах Присуда) раз и навсегда. В июле 1922 г. в газете «Трудовой Дон» заведующий отделом местного отделения ОГПУ по борьбе с бандитизмом горделиво сообщил: «Вопрос о бандитизме в Донобласти можно считать решенным. Банд, как известных группировок с политической окраской, на территории Донобласти в настоящее время не имеется». См. подробнее: Трудовой Дон. 1922, 27 июля.

[13] *Кислицын С.А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — С. 265.

стало, в существенно большей мере, соответствовать традиционному состоянию великорусского крестьянства. По мнению кремлевских идеологов, широкие слои станичников приобрели сомнительные качества психологически пессимистической, апатичной к изменению окружающей социальной реальности, инфантильной в политическом отношении массы.

Другим, весьма важным фактором, который способствовал принятию Кремлем решения о постепенном переходе в отношении казаков от геноцидальной методики государственного террора (демоцида) к геноцидальной же методике этноцида (культуроцида), стало массовое и притом все более усиливающееся переселение русских крестьян на земли Присуда. Здесь важно подчеркнуть, что это переселение великорусов на казацкие родовые земли зачастую являлось для них вынужденной миграцией, осуществлявшейся под дулами винтовок красноармейцев или специально организованных конвойных бригад рабочих-коммунистов.

Мысль о желательности возможно более глубокой русификации казаков, при которой казаки стали бы не просто некой этнографически обособленной частью великорусов, но полностью и безвозвратно растворились в русском переселенческом потоке, стала обуревать лидеров РКП(б) и эмиссаров ЦК партии на Дону уже во второй половине 1918 г. Предполагалось, что в противном случае устойчивость реализации Советского проекта на Юге России всегда будет находиться под вопросом. С весны 1919 г. идея этнокультурного разложения казачества путем социального, экономического и даже психологического превращения казаков в великорусских крестьян стала стратегическим, никогда не подвергавшимся ревизии политическим курсом РКП(б)-ВКП(б).

Теоретическое обоснование методичной политики этноцида казаков заложил большевистский тандем Сергея Сырцова и Владимира Ленина, причем очень трудно кому-то одному из этих двух весьма заметных большевиков вручить «пальму первенства». Скорее всего, идею насильственного превращения казаков в русских предложил все же С.И. Сырцов, поскольку по основному региону своей партийной деятельности он знал казацкую этносферу более основательно. Однако «самый человечный человек», любимыми словами которого являлись — «беспощадно» и «расстрелять», идею председателя Донбюро ЦК РКП(б) быстро перехватил и творчески развил до состояния выверенной в деталях политики уничтожения казацкого народа.

22 апреля 1919 года ЦК РКП(б) рассмотрел доклад С.И. Сырцова о положении на Дону и утвердил привезенную им резолюцию Донбюро «Об основных принципах отношения к казачеству». «Отныне резолюция Донбюро стала документом, — подчеркивает историк А.В. Венков, — определяющим политику партии и правительства по отношению к казачеству. Фактически это и была пресловутая политика «расказачивания»[14].

Присоединяясь к этой оценке, отметим, что в данной, утвержденной высшим ареопагом РКП(б) резолюции Донбюро имеется специально выделенный раздел, имеющий особое название — **«Переселение»**. Вряд ли появление особого смыслового раздела в концептуально едином, очень логичном политическом документе является случайным. Логика построения текста резолюции свидетельствует что «переселение», по плану Донбюро, должно было стать финальным актом этноцида казаков. Другими этапами этого преступного процесса являлись: «репрессии», «массовый террор», «обезземление казачества», «упразднение войсковой собственности», «конфискация имущества», «наложение контрибуций», «чрезвычайный

[14] *Венков А.В., 2012*. Указ. соч. — С. 184.

налог». Данную резолюцию Донбюро, являющуюся документальной (архивной), официально утвержденной РКП(б) **программой геноцида казаков**, можно рекомендовать для внимательного прочтения всем современным апологетам большевизма. Ввиду чрезвычайной значимости этого документа приводим его полностью.

Решение Донского бюро РКП(б) об основных принципах отношения к казачеству

[*не позднее 21 апреля 1919 г.*]

Донское бюро Российской коммунистической партии, обсудив вопрос об отношении к казачеству (директива ЦК), пришло к следующему.

Политика центральных и местных (донских) органов власти должна определяться положениями:

1. Существование донского казачества с его экономическим укладом жизни, остатками экономических привилегий, прочно укрепившимися реакционными традициями, воспоминаниями о политических привилегиях, пережитками патриархального строя, с доминирующим бытовым и политическим влиянием более богатых стариков и тесно сплоченной группы офицерства и чиновничества, стоит перед пролетарской властью неизменной угрозой контрреволюционных выступлений.

Эти выступления тем более опасны, что военная организация казачества входила неотъемлемой частью даже в его будничную мирную жизнь. Вообще, обучение военному искусству, которое делает каждого казака от 18 лет до возраста полной физической старости искусным воином, дает контрреволюции готовый кадр солдат (до 300 тыс. человек), которые очень быстро могут мобилизоваться (примеры всех бывших восстаний) и вооружиться (запрятанным с величайшей хитростью оружием).

Положению Советской власти, угроза успешного наступления на которую иностранного империализма далеко еще не устранена, наличность этого кадра живой силы контрреволюции грозит величайшей опасностью.

Все это ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром и решительном уничтожении казачества как особой бытовой экономической группы, разрушении его хозяйственных устоев, физическом уничтожении казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, активно контрреволюционных, распылении и обезврежении рядового казачества и о формальной ликвидации казачества [N.B! Прямое, четкое формулирование цели геноцида! — Н.Л.].

2. Практическое проведение этой задачи в настоящий момент должно сообразоваться со стратегическим положением фронта, дабы не вызвать немедленными внутренними выступлениями осложнений для фронта и дабы неосмотрительными демонстративными репрессиями не приостановить разложения среди казаков, еще остающихся в рядах противника.

Применение репрессий, массового террора должно носить характер обоснованной кары за поведение отдельных лиц, хуторов, станиц (попытки восстания, противодействие Со[ветской] ***власти, шпионаж и т.п.).***

По отношению к южному, наиболее контрреволюционному, казачеству должен быть проведен экономический террор (экономическое обескровление казачества). Мерами такого порядка должны явиться:

1. Обезземление многоземельного черкасского казачества, обезземление наиболее контрреволюционных групп других округов.

2. Упразднение войсковой собственности на землю (уничтожение войсковых, юртовых земель), наделение этой землей малоземельных местных крестьян и переселенцев с соблюдением, по возможности, форм коллективного землепользования.

3. Конфискация рыболовного имущества у казаков по Дону (владение которыми обусловливало одну из существующих привилегий казачества) и передача его рыболовным артелям и крестьянам-рыбакам.

4. Наложение контрибуций на отдельные станицы.

5. Проведение чрезвычайного налога с таким расчетом, чтобы он главной своей тяжестью, наряду с крупной буржуазией, лег на казачество.

Переселение.

Поскольку позволят общие условия — должно быть широко проведено переселение крестьянских элементов из Центральной России.

Необходимо широко провести вывод казаков за пределы области [N.B.! – Н.Л.], ***для этого должна быть разработана система частных мобилизаций, по которым призванные казаки направляются в рабочие батальоны (военно-инженер., строительн.) и на принудительные работы всякого рода.***

[*Помета Н.Н. Крестинского*] ***Утверждено 0***[*рг.*] ***б***[*юро*] ***ЦК 22/IV-19*** [*г.*] ***с добавлением, что крестьяне, живущие на Дону, должны быть вооружены, также и переселенцы***[15].

Размышляя о новой фазе геноцидальной политики Советского режима — периоде этноцида казацкого народа 1922—1928 гг. — мы нередко приводим документы, хронологически относящиеся к предшествующей, карательной фазе геноцида. В этом, как нам представляется, нет методологического противоречия: политика этнокультурного уничтожения казаков, осуществленная Советским государством, в исторической ретроспективе являлась стратегически выверенным, комплексным процессом. **Последующие этапы геноцида основывались на предшествующих фазах этого преступного деяния, а сама возможность нового фазового перехода в политике уничтожения казацкого народа определялась более-менее полным решением ранее поставленных преступных задач.** Невозможно представить, например, что большевики решились бы на организацию сплошного Голодомора в юго-западной части Казацкого Присуда и в Украине, если бы первоначально они не сумели резко ослабить мерами карательного характера протестный потенциал казацкого и украинского населения. Известный исследователь казачества П.Н. Стрелянов-Калабухов, сумевший ввести в отечественный научный оборот значительный пласт мемуарной литературы Казацкого Зарубежья, в беседе с автором настоящего исследования предостерег от опасности выставления слишком четких хронологических реперов при осмыслении процесса геноцида казаков. По мнению П.Н. Стрелянова-Калабухова, все основные геноцидальные практики большевиков (террор, депортации, этнические чистки, культуроцид, экономическое

[15] РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.34. Л.163—164. Машинописный экз. Автограф Н.Н. Крестинского чернилами.

удушение) в тех или иных пропорциях присутствовали в политике РКП(б)-ВКП(б) в отношении казацкого населения всегда, — начиная с середины 1918 г. и вплоть до начала Великой Отечественной войны. В зависимости от конкретной политической ситуации в Советской России менялось только удельное соотношение вышеозначенных методов осуществления геноцида казацкого сообщества.

Такая оценка общего процесса преступления геноцида казаков в полной мере разделяется нами. Действительно, от времени окончания Гражданской войны и вплоть до периода подготовки СССР к войне с нацистской Германией изменение типологических характеристик антиказацкого геноцида происходило весьма постепенно. В этом нет ничего удивительного, поскольку, как мы неоднократно отмечали выше, геноцид казаков является целостным, в известном плане — неделимым преступным деянием. Вместе с тем, в интересах более глубокого постижения преступности события геноцида представляется важным выделить (понимая всю условность хронологических реперов) некоторые основные характеристики конкретных практик геноцида — фазовые особенности единого преступного процесса уничтожения казаков. Позитивный эффект от нашей попытки «систематизации» антиказацкого геноцида Советского государства на определенные локальные этапы, в любом случае, будет достигнут: дискретность осмысления преступных действий Советского режима будет способствовать точной квалификации геноцида казаков в системе международного права.

Возвратимся к уже означенным выше «русско-переселенческим» практикам большевиков при реализации политики этноцида казаков на землях бывших Войск.

Подкрепляя принятую ЦК РКП(б) фактическую программу геноцида казаков — резолюцию Донбюро «Об основных принципах отношения к казачеству» В.И. Ленин, несмотря на свою огромную занятость в качестве председателя Совнаркома, буквально «взорвался» переселенческими директивами. Лидер большевиков потребовал всемерно увеличить масштаб переселения великорусских крестьян на земли Присуда. Впрочем, «вождь мирового пролетариата» хорошо понимал, что русские крестьяне, инертные и неконкурентоспособные в этнополитическом плане, вряд ли сумеют ускоренно «русифицировать» казачий Дон. Поэтому программа Донбюро о «массовом переселении крестьянских элементов из Центральной России» была председателем Совнаркома творчески дополнена пролетарским содержанием.

В середине апреля 1919 г. В.И. Ленин отправляет следующую телеграмму (фактически директиву) в городскую организацию РКП(б) Петрограда:

«Следующие меры я обсудил с Троцким:

1. На Дон отправить тысячи 3 питерских рабочих, негодных к войне и невооруженных. Цель — наладить дела, обессилить казаков, внутри разложить их [N.B. — Н.Л.]***, поселиться среди них, создать группы по деревням»***[16].

В отличие от «белых вождей» Колчака и Деникина — полных профанов в области этнополитики, Владимир Ленин воспринимал этнополитику как систему объективных знаний о принципах взаимоотношения этносов. Громогласные мантры о пролетарском интернационализме отнюдь не мешали лидерам РКП(б) эффективно применять этносоциальные и даже этнокультурные рычаги для регулирования политических процессов в России в выгодном

[16] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. — С. 295–296.

для Советского режима русле. Поэтому идея впустить в казацкое сообщество Дона «волков в овечьих шкурах» с целью постепенной подмены национальных казацких этнокорпоративных мотиваций на «казацко-великорусские», а затем и на «русско-пролетарские», появилась у председателя Совнаркома РСФСР, конечно же, не случайно. Однако, как показали последующие события Гражданской войны, «негодные к войне и невооруженные» русские рабочие стали на Дону только бесполезным балластом для Донбюро. Без методичной «работы» административно-карательной машины ВЧК и ревтрибуналов РККА сломить этнополитическую харизму казацкого народа оказалось безнадежным делом. «Русско-пролетарский» менталитет и мифологема интернационализма оказались, даже в совокупности, явно слабоваты для того, чтобы «обессилить», а затем «внутри разложить» этнически консолидированное казацкое сообщество Войска Донского.

Рабочих-рекрутантов из красного Питера постигла на Дону незавидная участь: большинство эмиссаров РКП(б) были попросту перебиты казацкими повстанцами. Однако некоторые уцелевшие рекрутанты, после финальной оккупации Присуда войсками Красной Армии, сумели на рубеже 30-х годов сделать на донской земле неплохую личную карьеру — на советской работе или даже в органах ВЧК-ОГПУ.

14 апреля 1919 г. (нов. ст.) В.И. Ленин вновь пытается пробудить интерес Льва Троцкого к процессу вовлечения русских крестьян в вооруженную борьбу с казаками. Главному организатору борьбы Красной Армии с формированиями ВСЮР на Юге России предлагается более энергично вовлекать великорусских крестьян в сражения с казацкими повстанцами:

«Я сейчас выяснил, — телеграфирует Ленин Троцкому, — ***что Смилга дал за апрель 170 коммунистов востоку*** [на борьбу с Колчаком. — Н.Л.] ***и 41 югу*** [против казацких повстанцев и Донской армии. — Н.Л.]. ***За двенадцать дней мая 105 востоку и 173 югу.*** <…> ***Идет ли мобилизация крестьян к югу от*** [Вёшенского] ***восстания?»***[17].

Уже на следующий день, 15 мая 1919 г., председатель Совнаркома телеграфирует наркому Луначарскому подобное же указание:

«Двиньте энергичнее массовое переселение [русских рабочих и крестьян] ***на Дон. Снеситесь с Середою»***[18].

Через два дня лидер Советского государства вновь обращается к переселенческой тематике: теперь Ленин старается пробудить в этом отношении энергию Реввоенсовета Южного фронта. Ключевым фигурам Реввоенсовета Южного фронта Сокольникову и Колегаеву отправляется специальная телеграмма:

«Белобородов [кровавый палач РКП(б) на землях Присуда. — Н.Л.] ***давным-давно на месте и много раз мне телеграфировал из Морозовской. Удивляюсь бездеятельности и неосведомленности Южфронта. Не понимаю, — почему не выписываете больше рабочих и переселенцев на Дон. Сообщайте два раза в неделю, — насколько энергично идет призыв переселенцев*** [N.B.! — Н.Л.] ***и подавление восстания. Предсовнаркома Ленин»***[19].

---

[17] Ленинский сборник. XXXVIII. — С. 260.
[18] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. — С. 312–313.
[19] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. — С. 314.

Этноцидальный замысел коммунистического лидера Советской России очевиден, и ему не откажешь в рациональности. Переселенцы из центральных районов Великороссии массово вселяются в дома зачищенных РККА от казацкого населения хуторов и станиц, а затем — в качестве разумной оплаты этого «дара» Советского государства — призываются в ряды Красной Армии для борьбы с казачеством. Крестьянские рекрутанты, неожиданно оказавшиеся под железными крышами просторных куреней, вспоминали, видимо, свои оставленные на севере убогие избы, крытые осиновой дранкой и гнилой соломой, как страшный сон. Понятно, что за вновь обретенное, благодаря большевикам, материальное достояние они были готовы истово сражаться в рядах РККА.

К 1922 году демографические «ножницы» Революции — стремительная убыль казаков и прогрессирующее увеличение потока переселенцев с севера — сошлись своими остро отточенными концами на шее обескровленного казацкого народа. Практически во всех районах Казацкого Присуда, даже там, где до революции казацкое население существенно преобладало над «иногородними», казаки оказались в меньшинстве. Новые этнодемографические пропорции на бывших казацких землях существенно облегчали Советской власти проведение здесь более изощренной, уже не столь тотально террористической политики. Теперь уже не требовалось ускорять массовыми расстрелами и депортациями демографическое растворение казаков в русском переселенческом потоке. В Кремле более простым и, во всяком случае, не чреватым очередными восстаниями способом «русификации» виделось вовлечение казаков, особенно молодого поколения, в процесс так называемого «советского строительства». В известном смысле новый этноцидальный курс Кремля, направленный на противопоставление «трудового» казачества (т.е. малоимущих людей) остальной части казацкого этноса, повторял аналогичную политику Л.Д. Троцкого, предпринятую в конце 1917 г.

Существовала также фундаментальная, внутригосударственная причина, жестко принуждавшая большевиков к общему снижению уровня террора в стране. В конце 1920 г., несмотря на успешный разгром Белого движения, выживание режима РКП(б) целиком зависело от того, удастся ли ему восстановить полностью разрушенное народное хозяйство России и быстро решить острейшую продовольственную проблему. В год окончания Гражданской войны северные и центральные города Великороссии, не исключая даже столиц — особенно Петроград, голодали в прямом смысле этого понятия. Советник посольства Германии в Москве Густав Хильгер оставил очень характерную зарисовку социальной обстановки в северной столице России летом 1920 г.

«По пути в Москву, — пишет в своей книге Г. Хильгер, *— я вновь увидел Петроград, но уже впервые после большевистской революции. Этот пышный, величественный город сейчас представлял собой унылое зрелище. На лицах жителей лежала печать голода, нищеты и отчаяния вне зависимости, были ли они жалкими остатками классов, лишенных собственности, или представителями победоносного пролетариата. У всех была одна мысль: добыть корку хлеба. Продукты, раздававшиеся по карточкам, означали явную голодную смерть* [N.B.! — Н.Л.]. *Все магазины были закрыты, не работали никакие общественные средства транспорта, а значительная часть знаменитых когда-то деревянных тротуаров исчезла: народ использовал дерево как топливо для печек»*[20].

[20] *Хильгер Г., Мейер А.* Россия и Германия. Союзники или враги? — М.: Центрполиграф, 2008. — С. 46.

Только органично присущая русскому этносоциуму тех лет политическая инфантильность и жесточайший превентивный террор ВЧК-ОГПУ спасали узурпаторский, антиславянский режим РКП(б) от «топора» всеобщей народной ненависти.

«Кто будет кормить армию, рабочих?» — искренне сокрушался весной 1921 г. старый большевик, эмиссар ВЦИК на Кавказе В.И. Невский, наблюдая — каким высоким бурьяном зарастают поля депортированных терских станиц на Сунже. Казацкие усадьбы являлись единственным во вновь образованной Горской АССР источником товарного зерна — теперь так называемые «излишки хлеба», основной объект большевистских реквизий продовольствия, исчезли здесь вместе с казаками. Аналогичная ситуация складывалась на Дону, Кубани, Нижнем Поволжье и Южном Урале, т.е. практически во всех основных хлеборобных регионах России, где после Гражданской войны сохранился значительный пласт казацкого населения. Окончательно ликвидировать казаков поднаторевшие в организации массовых убийств мирного населения профессиональные палачи из ВЧК-ОГПУ, конечно же, могли, но тогда немедленно возникал вопрос: за счет какой категории сельского населения, взамен казаков, можно было бы обеспечить продовольственное снабжение вооруженных сил Советской России?

НЭП и связанная с ним мягкая политическая линия большевиков «лицом к деревне», появились, таким образом, отнюдь не вследствие либерализации и «русификации» антиславянского режима РКП(б), как это в чаду инфантильного патриотизма виделось некоторым эмигрантским деятелям Русского Зарубежья. НЭП стал только временным зигзагом генерального курса РКП(б) на построение всемирной «пролетарской коммуны», который не имел ничего общего с подлинными национальными интересами славянских народов бывшей Российской империи. НЭП позволял большевикам политически выжить — сохранить свою власть над народами огромной, потенциально очень богатой ресурсами страны. «Экономика — не Колчак, — проницательно обозначил причину возникновения НЭПа один из героев Михаила Булгакова, — ее к стенке не поставишь!»

Идеологическая подготовка режима РКП(б) к использованию методик этноцида для уничтожения традиционных ценностей «казацкого мира». Хронологический отсчет фазы этноцида казаков следует начинать, по-видимому, с середины 1922 г., когда после периода «малой Гражданской войны», т.е. периода жесточайшего подавления органами ВЧК-ОГПУ множества локальных восстаний казацких повстанцев, ситуативный политический курс РКП(б) «лицом к деревне» стал реально осуществляться также и в казацких станицах. Отметим, что идеологическое анонсирование изменений в антиказацкой политике РКП(б) от тотального террора к расколу казацкого сообщества и его последующей аннигиляции в массе русских переселенцев произошло существенно раньше — в феврале-марте 1920 г.

Первого февраля 1920 г. в «Голосе трудового казачества», главном рупоре казацких этнических коллаборантов, неожиданно появилась подборка статей видных деятелей РКП(б), ранее демонстрировавших крайнюю личную непримиримость в «казачьем вопросе». Так, например, начальник всех военных комиссаров РККА Ивар Смилга[21], лично

[21] *Смилга Ивар Тенисович* (19.11/02.12.1892 – 10.01.1937) — профессиональный революционер, советский партийный и государственный деятель. Из семьи латышского национал-демократа, расстрелянного в 1906 г. (по одной из версий казаками) за участие в революционных событиях 1905 г. в Латвии. В возрасте 14 лет вступил в

курирующий массовое переселение русских крестьян на земли Присуда, в статье «Мир трудовому казачеству!» в несвойственном ему примиренческом тоне признал: ***«…Советские работники вначале не разобрались в обстановке. Много ошибок*** [по отношению к казачеству. — Н.Л.] ***совершено и ими. Не всегда в знойной атмосфере гражданской войны руководители Советов на Дону оказывались на высоте»***. Завершая статью, И.Т. Смилга призвал: ***«Не надо мстить казачеству за прошлое. Оно и так уже захлебнулось кровью своею и чужою»***[22].

В этом же выпуске газета «Голос трудового казачества» опубликовала программную статью второго (после В.И. Ленина) человека в Советской России — Льва Троцкого. В отличие от Смилги, военный вождь Страны Советов, чьи руки были по плечи обагрены казацкой кровью, не стал посыпать головы советских работников пеплом запоздалого покаяния за допущенные «ошибки». В свойственном ему стиле наглого превосходства Лев Троцкий заявил о безусловной победе Красной Армии в Гражданской войне. Это суровое для противников большевизма обстоятельство, по мнению Троцкого, должно особо учитываться казаками, — ***«Если бы какая-либо группа казачества отказалась теперь от протянутой руки Советской власти, эта группа была бы стерта в порошок».*** В финальной части статьи военный нарком солидаризовался со Смилгой и сообщил, что ***«Советская власть открывает казачеству широкие ворота»***[23].

Примирительно-предупреждающий тон статей был избран Львом Троцким и его подручным палачом Смилгой, разумеется, неслучайно. Центральный орган казацких коллаборантов — Казачий отдел ВЦИК готовил в это время свою «лебединую песнь» — Всероссийский съезд трудового казачества. В том, что данный съезд будет иметь глубоко символическое значение, не сомневался никто из участников предстоящего политического действа. О подлинном смысле проведения съезда члены Казачьего отдела ВЦИК, наверное, только догадывались (хотя бы потому, что 20 января Президиум ВЦИК принял решение с 1 марта 1920 г. Казачий отдел полностью ликвидировать). Однако Троцкий и Смилга были, несомненно, детально осведомлены о тех ликвидационных решениях в отношении этнополитической субъектности казацкого сообщества, которые будут вынесены режимом РКП(б) на предстоящий форум «трудовых казаков»[24].

РСДРП. В апреле 1917 г. в возрасте 24 лет был избран в ЦК РСДРП. С 1918 по 1921 гг. — член Реввоенсовета последовательно Западного, Южного и Крымского фронтов. 31 мая 1919 г. возглавил Политуправление РВСР, руководившее деятельностью всех военных комиссаров РККА. Находился на этом важнейшем посту до января 1921 г. (т.е. фактически до конца Гражданской войны). Принимал активное руководящее участие в боях с белыми армиями на Юге России. Проявлял особую ненависть к казакам. В 1919–1920 гг. лично руководил политикой демоцида казацкого населения Кавказа, Урала и Сибири. Являлся главным «режиссером» судилища над Борисом Думенко — инициатором создания 1-й Конной армии. Убежденный троцкист. Арестован НКВД в январе 1935 г. Расстрелян за «участие в троцкистской контрреволюционной террористической организации» 10 января 1937 г. Реабилитирован в правовом поле Советского государства, с восстановлением членства в КПСС, 3 апреля 1987 г.

[22] *Смилга И.* Мир трудовому казачеству!// Голос трудового казачества. 1920. 1 февраля.

[23] *Троцкий Л.* Казаки, в Советскую колонну стройся! По поводу предстоящего казачьего съезда// Голос трудового казачества. 1920. 1 февраля.

[24] В исторической литературе зачастую с преувеличенным вниманием рассматривается роль так называемого Всероссийского старосты М.И. Калинина в формировании «казачьей» политики РКП(б) в 20-е годы. Как нам представляется, Михаил Калинин относился к тем немногим представителям большевистской элиты этнически русского происхождения, которым дозволялось играть в высшем партийном эшелоне РКП(б)-ВКП(б)

Закономерный поворот на рубеже 1922 г. в «казачьей политике» Советского государства от практики массового демоцида к методам этнокультурной и демографической аннигиляции казаков проходил в условиях становления НЭПа как безальтернативного способа обеспечить выживание режима РКП(б)-ВКП(б). Не было бы НЭПа — не было бы, по-видимому, и некоторого умягчения всеобъемлющего прессинга советской административно-карательной машины на казацкий народ. По точному определению историка А.П. Кожанова такая замена «привела в конечном итоге к расказачиванию донской станицы, но другими методами, не похожими на приемы гражданской войны»[25].

Специальная комиссия ЦК РКП(б) для изучения положения казачества: попытка Советского режима объективно оценить состояние казацкой этнокорпоративной системы. Необходимость увеличить товарный объем сельскохозяйственной продукции (нефти и газа как основных ресурсов внешней торговли СССР тогда еще не было) стимулировала разработку в 1923–1924 гг. в недрах РКП(б) социально-экономического курса «лицом к деревне». Учитывая, что реализовать этот курс на Юге России, совершенно игнорируя интересы оставшегося здесь казацкого населения, было невозможно, октябрьский 1924 г. Пленум ЦК РКП(б) принял решение о создании специальной комиссии для изучения положения казачества и подготовки рекомендаций в этой сфере. «Казачью» комиссию учредили как структурное подразделение при Всесоюзном совещании по работе в деревне.

Персональный состав «казачьей» комиссии утвердили 21 декабря 1924 г. Оценить современное состояние казацкого сообщества должны были Аболин, Асаульченко, Власов, Дорошев, Квиринг, Ларин, Лацис, Мошкаров, Ружейников, Сырцов, Черный. Возглавил комиссию небезызвестный Сергей Сырцов, признаваемый Центральным Комитетом РКП(б) крупным специалистом по проблематике казачества. Этнический состав комиссии, которая должна была выработать рекомендации относительно дальнейших действий большевиков по отношению к казакам, отражал этнополитические реалии властной элиты Советского режима. Видным членом «казачьей» комиссии стал, например, Юрий Ларин (Иехиэль-Михоэл Залманович Лурье). Этому большевику удивительным образом удавалось совмещать в своей деятельности идеологию пролетарского интернационализма с активнейшим лоббированием интересов еврейской диаспоры в Советской России. Не чурался Юрий Ларин и борьбы с антисемитизмом, а также плодотворно изучал этнические проблемы еврейского населения[26]. Другими заметными «экспертами» по проблеме казачества в комиссии Сырцова

специфически русскую роль юродивых. Стоит отметить, что Михаил Калинин исполнял эту роль с неподражаемым талантом. «Всероссийскому старосте» никогда не поручались действительно крупные дела, сравнимые по масштабу с задачами, которые решали Троцкий, Сокольников, Смилга, Сырцов, Киров и т.п. Обладающий почти узаконенной безответственностью, всегда готовый озвучить и поддержать буквально любое мнение большевистского ЦК Михаил Калинин мог позволить себе время от времени «увлекаться». Так, например, с энтузиазмом играя роль «свадебного генерала» в ходе подготовки I Всероссийского съезда трудового казачества, Калинин провозгласил, ничтоже сумняшеся, — «желательность оказачивания всей России». В устах Сергея Сырцова или Филиппа Миронова столь примечательная реплика была бы, конечно, расценена Оргбюро ЦК как прямая идеологическая диверсия. См. подробнее: В поезде Красного Старосты. (Путевые впечатления)// Голос трудового казачества. 1920. 20 февраля.

[25] *Кожанов А.П.* Донское казачество в 20-х гг. XX века. — Ростов н/Д., 2004. — С. 196.

[26] В 1923 г. Юрий Ларин выступил инициатором проекта по созданию еврейских земледельческих поселений в Крыму, в Украине и Белоруссии. Для реализации этого проекта было создано Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) в помощь КомЗЕТу (Государственному комитету по земельному устройству еврейских

неожиданно оказались поволжский немец Эммануил Квиринг и сын латышского батрака Анс Аболин. Последний, впрочем, в этот период занимал пост ответственного секретаря Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б).

Важно отметить, что относительное «потепление» эпохи НЭПа позволило включить в состав комиссии сразу нескольких казацких коллаборантов — Асаульченко, Дорошева, Мошкарова, Ружейникова. Присутствие этнических казаков в составе комиссии С.И. Сырцова позволяет предположить, что на данном этапе Советский режим стремился получить реалистичную картину процессов, происходящих в среде казачества, — разгромленного в Гражданской войне, но в условиях НЭПа постепенно восстанавливающего свой демографический потенциал.

Тезисы, которые сформулировали на заседаниях комиссии докладчики, хорошо представляющие положение в казацких регионах (или же члены комиссии, являющиеся по происхождению казаками) отражали реалистичную картину бытия станичников на Юге и Востоке России середины 1920-х гг.

1. Невзирая на военный разгром в ходе Гражданской войны и последовательный государственный террор казацкое этническое сообщество сохранило внутреннюю монолитность. Целенаправленная политика большевиков по стравливанию так называемых «трудовых казаков» с другими социальными стратами казацкого общества оказалась тщетной. ***«Среди казачества нет классовой борьбы, все казачество выступает как единое целое <…> зная, что совместными усилиями скорее сумеют отвоевать землю»*** — Ю. Ларин.

2. Казачество сохранило крепкие экономические позиции в сельской местности, — прежде всего потому, что даже в годы всеобщей разрухи Гражданской войны сумело сберечь исторически сформированные традиции этнокорпоративной взаимопомощи. При этом, невзирая на отрицательную генетическую селекцию государственного террора Советской власти, казачество также сохранило свои исконные представления о справедливости и, в отличие от других этнических групп российской периферии, сохранило волевой потенциал к защите своих интересов. ***«Казачество ярче и резче реагирует на существующие ненормальности»*** — А. Аболин.

3. Казаки в абсолютном большинстве сохранили психологию ***«бывшей привилегированной военной касты, а потому их идеологическое перерождение (советизация) идет медленнее, чем в крестьянстве»*** — И. Ружейников[27].

трудящихся при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР). Последнюю структуру в ранге председателя возглавил сам Ларин. Во второй половине 20-х годов Ларин стал одним из организаторов кампании борьбы с антисемитизмом в СССР. В партийной элите ВКП(б) он проявлял в этом отношении наибольшую активность. Кроме многих статей, Ларин опубликовал книги "Социальная структура еврейского населения" (1928), "Территориальная перегруппировка еврейского населения" (1928), "Евреи и антисемитизм в СССР" (1929). Последняя монография, с научной точки зрения, столь обстоятельна, что вполне может считаться актуальной и в наши дни. Ларин написал предисловие к брошюре помощника адвоката С. Шварцбарда, французского писателя Б. Лекаша "Когда Израиль умирает" (1928). Лекаш в своей книжке изложил материалы, собранные во время поездки по местам погромов евреев в период Гражданской войны в Украине. В сборнике "Против антисемитизма" (1930) перу Ларина принадлежит статья "Интеллигентский и буржуазный антисемитизм в СССР". См. подробнее: *Найман А.* Еврейский деятель в партии большевиков. — http://www.jewukr.org/observer/jo18_37/p0103_r.html

[27] *И.С. Ружейников*, по происхождению этнический казак, не только выступил со своей оценкой на заседании комиссии С.И. Сырцова, но даже подготовил с использованием материалов ОГПУ по Казахской ССР отдельный доклад о положении урало-оренбургского казачества.

4. Казаки сохранили способность к эффективной этнической конкуренции. Казацкое сообщество демонстрирует устойчивое национальное чувство, противопоставляя себя как великорусам (иногородние, крестьянство), так и коренным неславянским народам (национальностям). ***«В казачьей среде наблюдается шовинизм; социальное расслоение медленно развивается; сохранился мощный слой зажиточных; сословно-национальная борьба мешает советизации казачества»*** — И. Ружейников.

5. Земельный фонд казачества в результате Гражданской войны резко сократился. В результате политики НЭПа, господствующее общественное настроение казаков изменилось от ненависти к Советской власти к душевному равновесию. ***«Казаки Северо-Кавказского края в новых условиях хотят: свободы выборов в местные Советы; равенства граждан перед законом; полной амнистии*** [участникам борьбы на стороне Белого движения]; ***возвращения казачьей военной службы; предоставления автономии казачьим областям»*** — П. Асаульченко.

Симптоматичен эвфемистский «эзопов язык» на котором озвучивали свои мысли члены «казачьей» комиссии. Поскольку, в результате победы режима РКП(б) в Гражданской войне, русскому народу было фактически отказано в праве демонстрировать наличие собственных национальных интересов, собственной этничности, — при обсуждениях на заседании «казачьей» комиссии идентификация русского народа всегда скрывалась за социальными терминами: крестьяне, иногородние, рабочие, пролетарский класс и т.п. Все неславянские народы, напротив, право на демонстрацию своей этничности и даже на ее активную защиту сохранили в полном объеме. Поэтому, при обсуждении на заседаниях комиссии, кавказские и азиатские народы всегда открыто именовались «национальностями». Поскольку казаки, в отличие от великорусов, были склонны свою национальную идентичность подчеркивать, а свои этнокорпоративные интересы открыто защищать, члены партийной комиссии для четкого обозначения предмета обсуждения вынуждены были изобретать эвфемистские конструкции — типа «сословно-национальной борьбы»[28]. Данное обстоятельство делает чтение материалов партийных комиссий по проблемам казацких регионов весьма увлекательным делом. Партийные эксперты свободно оперируют термином «национальность» — пока и поскольку речь идет об этнической конкуренции казаков с неславянскими народами. Однако, как только речь заходит о межэтнических коллизиях между казаками и великорусами так немедленно, как будто по мановению волшебной палочки, докладчик вспоминает о пресловутой «сословности»…

В целом, всесторонний анализ реального состояния казачества, проведенный членами партийной комиссии Сергея Сырцова, подтверждал высокую этнополитическую конкурентоспособность казацкого народа: даже после массовых кровопусканий советского демоцида этнические казаки сохраняли потенциал жизнеспособной этнокорпоративной

[28] Создателем эвфемистской «сословно-национальной» понятийной конструкции был, по-видимому, Сергей Сырцов. В мае 1920 г. в своем открытом письме к коммунистам созываемого съезда Советов Дона этот убежденный борец с казачеством подчеркивал: «Главным препятствием на пути советского и коммунистического строительства стояли казачьи сословные националистические предрассудки». При этом Сырцова не смущало, что в семантическом отношении термины «сословие» и «национальность» никак не совпадали. Понятно также, что в условиях донской специфики С.И. Сырцов под «сословными националистическими предрассудками» мог понимать только коллизии конфликта казаков с «хохлами» — т.е. с великорусами и русифицированными украинцами.

системы. Выступления докладчиков от казацких регионов России убедительно показывали — к середине 20-х годов положение широкого слоя казацкого населения оставалось хотя и очень тревожным, но уже не катастрофическим. Казаки не только осознавали себя отдельным этнокультурным сообществом — народом, но и фактически являлись таковым, четко противопоставляя себя и русско-советскому населению, и неславянским народам Кавказа и Азии. Потеряв, по некоторым данным, до 40—50% от предреволюционного демографического состава, понеся колоссальные утраты в генетическом фонде в результате демоцида Советской системы, казаки сохраняли, тем не менее, значительный демографический и этнокультурный потенциал для национального самовосстановления. Если бы социалистическая «Родина» каким-то чудесным образом вдруг забыла о существовании казаков и, не оказывая на них ни угнетающего, ни стимулирующего влияния, просто дала возможность казацкому сообществу спокойно жить в своих станицах — казацкий народ, несомненно, очень быстро восстановил бы и прежнюю численность, и прежнюю этническую энергию.

Важно подчеркнуть, что казаки не требовали от Советского государства, по существу, никаких особых преференций, понимая, по-видимому, органичную антиславянскую сущность режима РКП(б) и традиционно надеясь только на внутренние силы своего сообщества. В качестве единственной «милости» от Советской власти казаки были готовы принять только полную амнистию для рядовых участников казацких формирований, сражавшихся на стороне Белого движения. Трагическая актуальность этой общенациональной надежды понятна: практически в каждой казацкой семье имелись «белоказаки» — если не на территории Советской России, то в эмиграции. Все остальные социально-политические требования казацкого сообщества касались либо обеспечения политического равенства казаков с другими народами РСФСР, либо возвращения тех социально-административных страт (военная служба, автономия), которыми казацкий народ обладал на протяжении нескольких столетий до катастрофы Революции.

Органичные антисоветские настроения казаков. Демографическое и этнополитическое положение казацкого населения Юга России на рубеже 1925 г. Ужасы карательной фазы геноцида не смогли выжечь чувство собственного достоинства в казацком народе, не смогли заронить в души станичников безотчетный страх. Казаки хорошо помнили все «прелести» оккупации земель Присуда войсками РККА. Советские администраторы на Дону, например, в конце 1924 г. признавали, что ***«в массе казачество настроено выжидательно, подчас скрыто враждебно»***[29]. А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян отмечают в этой связи, что в ряде докладов, поступивших в ЦК РКП(б) с казацких территорий накануне апрельского пленума 1925 г., также содержались весьма тревожные оценки отношения казаков к Советской власти. В марте 1925 г. информотдел ЦК большевистской партии подготовил сводку сообщений с мест о положении в некоторых регионах Юга России под названием «О казачестве». В этом документе этнополитическое настроение казаков ***«характеризуется как враждебное и недоверчивое по отношению к советской власти и партии»***. Аналитики информотдела ЦК подчеркивали, что казаки ощущают себя ***«пасынками власти советов»***, а в случае ***«первых серьезных испытаний для советской власти <…> не исключена угроза превращения «матерых» казацких гнезд в русскую «Вандею»***[30].

---

[29] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.15. Л.41а.

[30] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. — Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010.— С. 92—93.

Вывод о глубинной антисоветской настроенности казаков подтверждает аналитический доклад ОГПУ «О политическом состоянии казачьих районов СССР», который 3 января 1925 г. был заслушан на заседании «казачьей» комиссии С.И. Сырцова. Бдительные представители советской охранки констатировали, что казачество по-прежнему остается контрреволюционной силой, потенциально готовой нанести Советской власти удар в спину. Чекисты отмечали также, что в целом казачество относится к советской «Родине» крайне недружелюбно, фактически враждебно. Этнополитический потенциал казацкого населения ОГПУ считало далеко не исчерпанным, а потому чекисты предлагали продолжить репрессивное давление на казацкую общность, придав ему в период НЭПа бóльшую избирательность.

К середине 20-х годов стали отчетливо видны все прорехи «Тришкиного кафтана» так называемой «ленинской национальной политики» на землях Казацкого Присуда. Догматическая, грубо ломающая исторически сложившиеся реалии, этноцидальная по сути конструкция большевиков, волюнтаристски признавших казаков «русскими», в период относительной свободы НЭПа немедленно стала трещать по всем швам. Хотя с момента законодательного уничтожения сословий уже прошло без малого восемь лет, и около четырех лет минуло с момента грабительской экспроприации родовых казацких земель, поступивших во владение переселенцев из Великороссии, пресловутая «сословная» рознь все еще отравляла жизнь казаков и великорусов на территориях бывших Войск. Фиаско казацко-русского межэтнического замирения был вынужден признать даже создатель «сословно-национального» идеологического фантома С.И. Сырцов. В своем специальном докладе о состоянии казачества, прозвучавшем на апрельском 1925 г. Пленуме ЦК РКП(б), Сырцов констатировал, что после победы Советского режима в Гражданской войне так называемые «сословные» (фактически, конечно, межнациональные) противоречия между казаками и русскими «иногородними» не только не угасли, но разгорелись еще сильнее.

«Победу Советской власти [казаки. — Н.Л.] ***восприняли как победу иногородних,*** — констатировал ведущий идеолог геноцида казацкого народа, — ***и совершенно естественно, что при такой перемене*** [системы власти] ***иногородние восприняли перемену положения в таком смысле, что с казачьей властью покончено, что теперь власть наша*** [большевиков], ***власть иногородних*** [т.е. русских мигрантов] ***и в этих*** [казацких] ***районах получилось такое положение, что иногородние во многих местах стали проявлять тенденцию к тому, чтобы превратиться во зло, стремящееся поставить казачество в такое же бесправное положение, в которое иногороднее население было поставлено до этого времени казачеством*** [N.B.! — Н.Л.]»[31].

Налицо, как мы видим, обычный национальный конфликт, развивающийся по типу конфликтов в примитивных, социально неразвитых полиэтнических обществах: некогда угнетенный этнос, несмотря на уже произошедшее уничтожение реального неравенства и всех привилегий своего этнического противника, безотчетно стремится занять место своего былого «угнетателя». «Иногородние» из Великороссии крупно ошиблись, конечно же, относительно того, что Советская власть «от роду наша, русская» — как в порыве холопского велеречия поспешил провозгласить в начале 20-х годов известный пролетарский писатель. Очень скоро, в годину «великого перелома» коллективизации и Голодомора русский крестьянин-

[31] РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.172. Л.92.

переселенец сумел, наконец-то, понять всю глубину своих иллюзий относительно «русскости» оккупационного режима РКП(б)-ВКП(б).

Межнациональные трения между великорусским крестьянством (иногородними) и этническими казаками проявлялись даже в мелочах. Так, например, демонстративно игнорируя давний постулат имперского (впоследствии уже сталинского) агитпропа о том, что прославленный донской атаман Ермак был героем «русского освоения Сибири», русские «иногородние» с неприязнью именовали донских казаков — Ермаками, ермаковцами. Ответная реакция казаков также была разрушительна: в середине 20-х годов во многих станицах Юга России на собраниях станичников можно было слышать заявления о необходимости «выселения иногородних из казачьих районов». Раздавались гневные реплики, что «Дон и Кубань для казаков», что «власть хохлов кончилась, скоро придут наши» — то есть, вернутся казаки-эмигранты. «Белоказаки», как того трепетно ожидали в станицах, пересекут границу «Совдепии» вместе с победоносными войсками западных интервентов[32]. Информация о массовых «реваншистских» настроениях этнических казаков очень тревожила региональные партийные структуры ВКП(б). Так, в 1925 году представители Кагальницкой парторганизации сообщали в вышестоящие партийные органы, что в их населенном пункте имеется ***«скрытая сословная рознь, которая могла быть замечена в процессе проведения внутрисельского землеустройства, когда она*** [рознь] ***выражалась на почве мордобития»***[33].

Трудно считать, конечно, акции «мордобития» проявлением «скрытой сословной розни». Причем, как в части «скрытности» (что более «открыто» — стрельба, убийства?), так и в части «сословности», поскольку к 1925 г. прошло уже 8 лет, как на территории России были ликвидированы все государственные статусы сословий. Однако, «из песни слова не выбросишь» — местные руководители РКП(б) вынуждены были твердить официозные мантры про «сословность», коль скоро ЦК партии признал этнических казаков частью русского народа и утвердил их мифическую «сословность» в качестве обязательного термина советского агитпропа.

Представление о подлинном отношении казаков-станичников к «иногородним» переселенцам с севера можно составить на основе рассказа некоего Езолки, представителя Манычской организации партии, озвученном на совещании секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа. Из рассказа Езолки следует, что в начале 1926 г. в станице Манычской было организовано просветительское мероприятие для станичников, на котором с докладом по истории казачества должен был выступить историк М. Донсков, подвизающийся на ниве советского агитпропа[34].

Михаил Донсков, как явствует из рассказа Езолки, сам был уроженцем Манычской, а потому поначалу дружески принят местными казаками. «Миша, скоро ли к нам приплывет Тихий Дон?» — таким вопросом, буквально с порога, станичники озадачили докладчика. На недоуменный вопрос М. Донскова последовало разъяснение: «Да скоро ли мы этих хамов

---

[32] ЦДНИРО. Ф.118. Оп.1. Д.69. Л.23.

[33] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.70. Л.46.

[34] Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. полагают, что в данном случае речь идет о Михаиле Донецком, авторе выдержанных в советском духе очерков по истории донского казачества. Книга М. Донецкого имела серьезную протекцию «свыше», поскольку обширное предисловие к ней написал первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян.

выгоним?!» Под «хамами» разумелись, конечно же, русские переселенцы на донские земли. Доклад агитатора, выдержанный в духе «ленинской национальной политики», вызвал всеобщее негодование казаков. ***«Когда же он*** [Донсков] ***повел линию, как партиец,*** — скорбно констатировал Езолка, — ***они*** [казаки] ***чуть ли не всем собранием в целом начали кричать: «Эй, ты, долой, чего ты начал защищать хамов?!» И это на собрании сельского совета, это при районной нашей головке!»***

Финал незамысловатого повествования Езолки оставляет, увы, тягостное впечатление. Один из «иногородних», пытаясь, по-видимому, поддержать докладчика, обозвал казаков «дураками, не понимающими линии Советской власти и партии». В отместку, после завершения лекции, казаки столь недружественно сопроводили «хама» при спуске с лестницы (лекция происходила на втором этаже здания), что этот «иногородний» сломал себе ногу[35].

Межэтнические противоречия между казаками и переселенцами из Великороссии в середине 20-х гг. приобретали порой столь недопустимые формы, что в целом общественно-политическая обстановка в некоторых районах Юга России начинала соответствовать периоду резкого обострения казацко-великорусских отношений 1918—1919 гг. В ряде округов и районов Северо-Кавказского края, в том числе на Дону, в 1925—1926 гг. наблюдались попытки выселения станичными казацкими обществами «иногородних» крестьян. Нередкими стали инициативы казаков по лишению «иногородних» права пользования земельным фондом станичных обществ. В одной из станиц Маньково-Березовского района Шахтинского округа СКК казаки на станичном сходе постановили выселить «иногородних», а за использование ими станичной земли наложили штраф до 10 рублей с головы крупного рогатого скота и по 2 рубля с мелкого[36].

Через год после этого события — в августе 1926 г. крестьяне-переселенцы Тарасовского района Донского округа вынуждены были жаловаться в «Крестьянскую газету», поскольку собрание казацкого большинства в хуторе Прогнойском официально приняло решение «*нет ни вершка земли хохлу на казачьей земле*» и отобрало у местных «иногородних» их земельные наделы[37]. В целом, можно отметить, что межнациональные отношения в Северо-Кавказском крае отличались неблагополучием именно там, где наблюдалась этническая «чересполосица». Подспудная, а подчас и открытая вражда отличала общественный климат тех станиц и сел, где соседствовали значительные по численности группы казацкого и великорусского крестьянского населения.

Архивные материалы середины 1920-х годов дают основание считать, что казацкий народ — как символ и главный этнополитический актор сопротивления тотальной большевизации — фактически перестал существовать. С рубежа 1922 г. казаки вынужденно присутствуют внутри границ враждебного Советского государства — как политически бесправное этническое сообщество, крайне обособленное в этнополитическом аспекте, а в духовном плане — резко антагонистичное коммунистическому Советскому проекту. Если на уровне своих станиц казаки сохраняли некоторые, хотя и весьма эфемерные рычаги влияния на социально-экономическую ситуацию, то выход за пределы станичного управления им был категорически воспрещен. От классического статуса «индейца резервации» казака-станичника

---

[35] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.70. Л.168—169.
[36] ЦДНИРО. Ф.118. Оп.1. Д.69. Л.10.
[37] РГАЭ. Ф.396. Оп.5. Д.58. Л.61.

отделяло лишь отсутствие внешней, законодательно закрепленной границы казацкой «резервации», что, впрочем, отнюдь не улучшало, а наоборот, — существенно ухудшало реальное социально-экономическое положение казацкого населения.

Для иллюстрации этого негативного факта достаточно упомянуть, например, что на состоявшемся в феврале 1925 г. Первом Северо-Кавказском краевом съезде Советов — делегатов от казацкого населения фактически не было. В состав избранного по итогам работы съезда краевого Комитета Советов вошел 31 крестьянин (т.е. это либо русские, либо русифицированные украинцы) и только один этнический казак. Комментируя ситуацию, сложившуюся к середине 20-х гг. в административно-управленческой сфере казацких регионов, донские историки констатируют, что реальные рычаги власти находились в руках отнюдь не казаков, но большевиков или верных им беспартийных иногородних активистов. Даже в «казачьем (по сословной принадлежности большинства членов) станичном совете председателем, как правило, становился не казак, а иногородний, зачастую, — коммунист»[38].

В середине 20-х гг. в некоторых районах Присуда казаки все еще составляли весьма значительную долю в общем демографическом составе населения. Например, в Донецком, Донском и Шахтинско-Донецком округах Северо-Кавказского края казаки составляли от 34,7 до 55% всех сельских жителей, а в целом по бывшей Области Войска Донского этнические казаки составляли около 33% населения. Однако, невзирая на такие этнодемографические пропорции, низовой советский аппарат формировался преимущественно из «иногородних» переселенцев — 9/10 станичных и окружных управленцев в прошлом являлись активными участниками Гражданской войны на стороне РККА[39].

Ни одной другой этнополитической задачи, за исключением выведения казаков за скобки советского административно-политического бытия, Советская власть к середине 20-х годов на землях Присуда решить не смогла. Казаки не были уничтожены ни поголовно, ни в этнокультурном плане, — как в людоедских грезах кое-кому в Оргбюро ЦК РКП(б), несомненно, мечталось. Даже самые жестокие репрессии Советской власти не смогли заставить казаков цинично или наплевательски относиться к национальной памяти своих предков, к воинским традициям и символам славы казацкого народа. Факт сознательной, упорной приверженности казаков к своим многовековым национальным традициям неоднократно подтверждали в дискуссиях с однопартийцами высокопоставленные функционеры РКП(б)-ВКП(б). ***«Казачество как самобытная, социальная, сословная*** [читаем — этническая. — Н.Л.] ***группа искусственно*** [каким образом? — Н.Л.] ***все еще продолжает сохраняться»***, — признал на апрельском 1925 г. Пленуме ЦК РКП(б) последовательный ненавистник казацкого образа жизни Сергей Сырцов[40]. На том же партийном форуме более мягко настроенный по отношению к казакам первый секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микоян констатировал: ***«У казаков до сих пор имеются военные традиции, которые могут быть использованы*** [Советской властью], ***и мы должны будем эти традиции сохранить, влив в них наше советское содержание»***[41]. Влить в этнических казаков «советское содержание» оказалось, на поверку, непростым делом…

---

[38] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ. соч. — С. 111.

[59] *Кислицын С.А., 2014*. Указ. соч. — С. 278–279.

[40] РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.172. Л.93–94.

[41] РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.174. Л.52–53.

Взрослые мужчины казацкого происхождения, в отличие от своих «иногородних» русских визави, отнюдь не стремились пополнить ряды РКП(б)-ВКП(б). Даже после апрельского (1925 г.) Пленума ЦК РКП(б), когда препоны на принятие казаков в члены партии существенно ослабели, этнические казаки в абсолютном большинстве не горели желанием поскорее обрести красный партбилет. В составе парторганизации огромного Северо-Кавказского края к июлю 1928 г. насчитывалось всего 3042 казака, что составляло только 3,7% от общей численности коммунистов в СКК[42]. Нежелание казаков вступать в ряды большевистской партии определялось как живой памятью о кровавых преступлениях бойцов РККА в казацких станицах, так и демонстративно интернационалистской идеологией РКП(б)-ВКП(б), которая была отвратительна этническим казакам уже на ментально-психологическом уровне.

Казацкая молодежь, следуя примеру отцов, в свою очередь не стремилась руководствоваться призывом пролетарского поэта — «задрав штаны, бежать за комсомолом». Динамика принятия молодых казаков в члены комсомола в период НЭПа была чахоточной, демонстрируя подчас прямой регресс. Так, например, Донской окружной комитет ВКП(б), курирующий работу с коммунистической молодежью, осенью 1927 г. самокритично констатировал «ослабление внимания к работе среди казачьей молодежи». Основания для критики были весомые: если на 1 января 1926 г. по всему Дону в комсомоле состояло 947 казаков, то через полтора года — к 1 июля 1927 г. таких «задравших штаны» среди казацкой молодежи осталось 648 человек[43].

Частью разграбив, а частью перераспределив в пользу «иногородних» земельное, коннозаводческое и другое значимое достояние казацкого народа, Советское государство не сумело сделать Юг России процветающим краем. Южная часть Присуда не стала в советских условиях ни преуспевающей житницей страны (хотя бы в дореволюционном масштабе), ни успешным поставщиком ремонтных лошадей для кавалерии РККА. Последнее обстоятельство для предельно милитаризированной советской системы казалось особенно нетерпимым. Однако за все преступные социально-политические эксперименты приходится рано или поздно платить. До Октябрьского переворота основное конское поголовье Российской империи, направлявшееся на ремонт армейских кавалерийских подразделений, выращивалось на государственных и частных конных заводах Юга России. Эти конные заводы, в основном, принадлежали этническим казакам. После лихолетья Гражданской войны разгром коннозаводческой отрасли в Присуде так и не удалось преодолеть. В 1927 г. советский журнал «Новая деревня», ссылаясь на мнение казака Новочеркасского района Донского округа СКК, сообщал, — ***«в довоенное время только четыре станицы района: Кривянская, Грушевская, Заплавская и Бессергеневская имели казачьих строевых и рабочих лошадей до 10 тысяч, а теперь весь район насчитывает 3100 лошадей»***[44]. Аналогичное положение наблюдалось по всему Северо-Кавказскому краю: в середине 20-х годов около 35—40% индивидуальных хозяйств края вообще не имели лошадей[45]. Такое положение в Российской империи невозможно даже представить!

Уничтожив частные коннозаводческие предприятия и не сумев, как следует, наладить функционирование государственных конюшен, большевики оказались в ситуации массового

---

[42] ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.754 Л.151.

[43] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.141. Л.61а—62.

[44] *Михаил Ф.* Организация подворно-табунного коневодства// Новая деревня. 1927. № 13. — С. 30.

[45] Стенографический отчет [Северо-Кавказского] краевого совещания маломощных крестьян, казаков и горцев. — Ростов н/Д., 1926. — С. 3. Цит. по: *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ. соч. — С. 161.

вынужденного спешивания кавалерийских частей. В октябре 1924 г. Семен Буденный докладывал в Реввоенсовет СССР о весьма значительном некомплекте лошадей в советских кавалерийских частях — до штатного числа не хватало более 26 тыс. голов[46]. Несколько месяцев спустя, в январе 1925 г., заместитель председателя РВС СССР М.В. Фрунзе информировал руководство страны, что ***«на штатное число потребных для всей конницы 49.880 верховых лошадей фактическое число их не превышает 17.558»***. Такой огромный дефицит конского состава, по мнению Фрунзе, грозил всей системе обороноспособности СССР «катастрофическими последствиями»[47].

Формула «казацкого наказа» для установления лояльного отношения казаков к Советскому режиму. Осознание экономической неэффективности, неизбывной конфликтности советской политики на казацких землях, совпавшее по времени с периодом НЭПа, вызвало в антиказацкой политике режима РКП(б)-ВКП(б) ситуационный, в историческом аспекте мимолетный (не более полутора лет) зигзаг. Данный ситуационный крен, документально оформленный резолюцией апрельского (1925 г.) Пленума ЦК РКП(б) «По вопросу о казачестве», некоторые российские историки готовы расценивать как целостную политику «лицом к казачеству», как некий, якобы принципиально новый «проказачий» курс Советского государства. Утверждается, в частности, что режим РКП(б) искренне пытался, но, увы, не смог достичь приемлемого компромисса с казачеством, что и определило вскорости возврат к новому витку еще более жестоких репрессий. Искомый результат таких построений понятен: с большевистской системы снимается значительная часть вины за целенаправленное продолжение геноцида казаков. При этом существенная часть исторической ответственности за продолжение политики геноцида переносится уже на самих казаков, которые оказались, дескать, не настолько гибкими и лояльными, как этого хотелось бы оккупационному режиму РКП(б)[48]. Некоторые исследователи идут еще дальше и, отмечая в создании «проказачьего курса» особую заслугу С.И. Сырцова, утверждают, ничтоже сумняшеся, что этот страшный палач казачества тем самым «в известной степени искупил свою вину»[49].

---

[46] Доклад Инспекции кавалерии РККА в РВС СССР о состоянии кавалерийских частей и школ и необходимости их улучшения. 1 октября 1924 г.// Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: В 2-х кн. Кн. 1. — М., СПб., 2006 — С. 245.

[47] Доклад зам. Председателя РВС СССР М.В. Фрунзе о состоянии РККА и Флота и мерах по усилению мобилизационной готовности. 16 января 1925 г.// Реформа в Красной Армии. Кн. 1. Указ. соч. — С. 314.

[48] Авторы обстоятельной, в фактографическом аспекте ценной монографии о периоде 20-х гг. на Дону, попадая в странное «большевизированное» поле представлений о «проказачьем курсе» РКП(б), неожиданно констатируют, что «ненависть иногородних к казакам была исторически оправданна [sic! — Н.Л.]». Разъясняя свою, мягко говоря, сомнительную точку зрения на оправдание этнополитической ненависти авторы пишут: «…Иногородние имели все основания мстить [sic!] казакам за долгие десятилетия собственного бесправного существования в границах казачьих войск, будь то на Дону, Кубани, Урале или других местностях». Подобную аргументацию иначе, как «необольшевистской», назвать трудно. Российская империя являлась относительно свободной страной, — во всяком случае, никто из казаков не удерживал силой «иногородних» переселенцев на землях Присуда. Никто из казаков не применял лукавых обещаний или насилие, чтобы побудить чужаков переселиться из их обездоленных северных деревень на родовые земли казачества. Так за что же, в таком случае, было ненавидеть и мстить? И, вообще, — может ли иметь «все основания» какая-либо форма ненависти и мщения по соотношению к соотечественникам? См. подробнее: *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ. соч. — С. 97.

[49] *Кислицын С.А.* Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов: Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920–1930-е годы. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — С. 101.

Попробуем проанализировать содержательную часть так называемого «проказачьего курса» РКП(б). Прежде всего, — попытаемся соотнести лукавые словеса красного агитпропа о повороте «лицом к казачеству» с реально поставленными задачами в интересах казачества, а главное — с практическими результатами данного курса. Однако, прежде чем приступить к этой работе, напомним нашему читателю — какие требования (скорее — пожелания) высказывало казацкое сообщество в адрес Советской власти. Выше, размышляя о деятельности «сырцовской» комиссии по казачеству, мы уже перечисляли эти пожелания, однако будет не лишним вновь «огласить список».

Итак, казацкое этническое сообщество надеялось, что Советское государство по соображениям экономической выгоды и обеспечения политической стабильности на Юге России, в конечном счете, положительно разрешит следующие, весьма важные для казаков проблемы.

1. Казакам будет обеспечено равенство (наряду с остальными народами и группами населения) перед Законом Советского государства.

2. Станичное казачество получит возможность свободно выдвигать и избирать своих представителей в местные Советы; этнические казаки получат реальную возможность занимать административные должности в своих хуторах и станицах.

3. Состоится полная амнистия для казаков — участников борьбы с большевиками в рядах Белой Армии.

4. Советский режим возвратит институт традиционной военной службы казаков.

5. В соответствии с федеративным принципом государственного устройства Советской России этническим казакам будет предоставлена возможность образовать свои автономии на территориях бывших Войск.

Сразу отметим, что первое и пятое требование «казацкого наказа» в тоталитарной антиславянской системе Советского государства были принципиально невыполнимы, поскольку являлись потенциально опасными для сохранения узурпаторского режима РКП(б).

Иллюзорность казацких надежд на обретение равных с другими народами СССР политических прав и условий для этнического развития. Надежды казаков на перспективу обретения равных этнополитических прав при Советском режиме, например, с русскими «иногородними» или вайнахами Горской АССР, являлись, конечно же, иллюзорными. Большевики не могли, хотя бы из соображений политического самосохранения, отказаться на Юге России от поддержки тех этнополитических групп, которые всемерно способствовали победе интернационального режима РКП(б) над русским Белым движением и казаками. Партийные эмиссары на Юге России отлично понимали, что практически все неказацкое население Присуда крайне враждебно настроено к самой идее нормализации отношений Советского государства с казаками. «Резко негативно политику «лицом к казачеству» расценила масса иногородних крестьян, — отмечают, в этой связи, историки А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, — особенно бывшие красноармейцы и «красные партизаны», т.е. те, кто в период Гражданской войны отстаивал с оружием в руках крестьянские интересы и сражался с казаками. Иногородние возмущались: «Советская власть делает неправильно, оказывая внимание казакам — нашим врагам». Далее исследователи специально подчеркивают, что идея нормализации взаимоотношений с казацким населением также воспринималась в штыки

большинством местных партийно-советских функционеров во всех казачьих областях и районах Советской России[50].

Столь же иллюзорными оказались надежды казаков на обретение ими национальной территориальной автономии в составе РСФСР. Председатель Совнаркома В.И. Ленин неоднократно заявлял о том, что большевики «завоевали Россию». С равным основанием он мог бы, по-видимому, продекларировать «завоевание» большевиками великорусского этносоциума[51]. Индифферентное отношение русского большинства к защите своих общенациональных интересов в период Революции, безропотное выполнение русским крестьянством функции «пушечного мяса» РККА в Гражданской войне завершились закономерным итогом: режим РКП(б) лишил великорусов всех основных суверенных прав народа даже на территории РСФСР. На всей территории новой советской «Родины» русские люди стали основным «оккупированным», т.е. в этнополитическом плане полностью бесправным большинством.

В этом контексте становится понятной логика действий Советского режима и по отношению к казацкому населению страны. **В результате разгрома в Гражданской войне этнические казаки были провозглашены Советским режимом в качестве «русских», что априорно лишало казацкое население каких-либо прав на создание национальных автономий любого уровня на территории РСФСР и других советских республик.** Одновременно были до крайности стеснены возможности публичного обсуждения каких-либо особых этнокультурных казацких интересов, а уж требовать административно-бюджетного обеспечения этих интересов стало и вовсе немыслимым.

Итак, из пяти пунктов «казацкого наказа», установленного комиссией Сергея Сырцова, режим РКП(б) по соображениям принципиального, органичного для сохранения советской системы характера, не мог приступить к разрешению двух, причем важнейших для казацкого народа вопросов. В рамках ли политики «лицом к казачеству» или без оной, но в середине 20-х гг. предоставлять казакам возможность создания национальной автономии или фактически уравнивать их перед советским Законом с опорными для Советского режима группами населения большевики даже не помышляли.

Обеспечение свободы выдвижения и избрания казацких представителей в местные Советы (следующий пункт «казацкого наказа») большевиками рассматривалось. Эта позиция представляла определенную важность для казачества. Действительно, наличие своих представителей в местных Советах (тем более — на руководящих постах) могло позволить казакам в определенной мере нивелировать, смягчать «драконовскую» политику большевиков в сельском хозяйстве. После апрельского (1925 г.) Пленума РКП(б) региональные структуры режима на Юге России существенно понизили барьеры для выдвижения казаков в местные Советы, в том числе в состав руководства. Казацкое население немедленно откликнулось на эту позитивную инициативу Советской власти резкой активизацией своего участия в выборах органов местного самоуправления. В кратчайший срок в некоторых районах Присуда участие казаков в избирательном процессе достигло 100%[52].

---

[50] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ. соч. — С.104—105.

[51] Этой проблеме посвящают свои труды известные ученые. См., например: *Вдовин А.И*. Подлинная история русских. XX век. — М.: Алгоритм, 2010.

[52] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.33 Л.3.

Однако, вскоре выяснилось, что местные станичники, в отличие от региональных эмиссаров РКП(б), плохо представляли себе действительные механизмы формирования местных Советов в новых этнополитических условиях, созданных Гражданской войной. В период 1918–1922 гг. этнодемографические пропорции в составе населения земель Присуда необратимо изменились, — причем не в пользу коренного казацкого населения. Как бы активно ни участвовали казаки в выборах — практически всюду, кроме отдельных хуторов и станиц, их представители неизменно оказывались в меньшинстве. Например, в 1924 г., по всем округам и районам бывшего Войска Донского этнические казаки составляли в сельских и станичных Советах (по разным данным) от 27,8 до 29,7%, а русские крестьяне — соответственно 63–70,3%. В 1925 г., после вступления в силу определенных послаблений для казаков в практике избирательного процесса, удельный вес избранных представителей от казачества несколько возрос — до 32,1–37,6% (по разным округам). Однако, степень влияния на решения местных Советов русского (русско-советского) большинства вряд ли уменьшилась, поскольку представители этого большинства по-прежнему численно доминировали в составе Советов — 62,4%[53].

Таким образом, ликвидация или, вернее, уменьшение числа «рогаток» для участия казацкого населения в выборах местных Советов, по большому счету, никак не изменило административно-управленческую ситуацию в большинстве казацких районов. В 1925–1926 гг. (частично даже в 1927 году) на уровне отдельных станиц Дона и Кубани наблюдались позитивные изменения в части реального обеспечения казацкого самоуправления, однако такие случаи являлись, в лучшем случае, лишь эпизодами, не нарушающими общего негативного правила. **Правилом же оставалась суровая реальность (итог Гражданской войны) — казаки утратили даже видимость суверенных прав коренного народа на своей собственной земле.** И, конечно же, некоторое смягчение избирательных процедур для казаков при выборах в местные Советы невозможно признать «проказачьим курсом», как это утверждается некоторыми российскими историками.

В ситуации тотального демографического обвала, для ликвидации последствий демоцида 1918–1921 гг., казацкий народ остро нуждался в собственной национально-территориальной автономии, по типу тех национально-административных образований, которые были предоставлены горским народам Кавказа. Только предоставление казакам реальных возможностей для восстановления значимого этнополитического статуса на землях Казацкого Присуда можно было бы признать фактически состоявшимся «проказачьим курсом» внутренней политики СССР. Однако такое решение принципиально не могло состояться, поскольку категорически противоречило не только всей предшествующей истории революционной борьбы большевиков за политическое господство над Россией, но и онтологической антиславянской сущности режима РКП(б)-ВКП(б).

Военная служба в рядах РККА как эффективный механизм этнокультурной аннигиляции казацкой молодежи в русско-советской среде. Следующим, четвертым пунктом «казацкого наказа», неоднократно озвученным в выступлениях казацких коллаборантов на заседаниях комиссии Сырцова, стало пожелание казаков вновь возобновить государственную военную службу. Это пожелание основывалось на реальной ситуации, которая

[53] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.141 Л.61а.

**Донские казаки второй очереди мобилизации перед отправкой на фронт. 1915 г.
После советской оккупации Присуда имперская система формирования казацких конных полков была полностью разрушена**

сложилась в Советской России после Гражданской войны, в области формирования кавалерийских подразделений РККА.

Вскоре после победы режима РКП(б) в Гражданской войне, в связи со скудным государственным бюджетом, вооруженные силы Советской России подверглись реформированию[54]. В составе РККА были выделены кадровые части постоянной готовности, прикрывающие государственную границу, и территориально-милиционные подразделения, которые дислоцировались в основном на территории тех регионов, откуда в них осуществляли набор призывников. Одной из важных задач территориальных войск являлась военная подготовка основной массы призывного контингента. Последний в этот период формировался, как некогда в Российской империи, преимущественно призывниками из сельской местности[55]. Главным нормативным документом, на основании которого функционировала

[54] См.: *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Красной Армии в 20-е–30-е годы XX в.// Кубанское казачество: Три века исторического пути. Материалы Междунар.науч. конф., ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. – Краснодар, 1996; *Воскобойников Г.Л., Батыров А.Д.* Советская власть и казачество (1921 – июнь 1941). – М., 2003; Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: В 2 кн. Кн.1. – М.-СПб., 2006; *Тархова Н.С.* Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933 гг. Дис. докт. ист. наук. – Саратов, 2006.

[55] *Тархова Н.С., 2006.* Указ соч. – С. 108

территориально-милиционная система СССР, стал декрет «Об организации территориальных частей и проведении военной подготовки трудящихся»[56]. Данный декрет впервые опубликовали 8 августа 1923 г., т.е. почти за два года до апрельского (1925 г.) Пленума ЦК, решения которого некоторые историки с пафосом именуют программой «лицом к казачеству».

Уже первоначальный замысел создания территориальных войск учитывал возможность вовлечения в них казацкой молодежи, особенно в кавалерийские части. Однако в целом идеология формирования тервойск основывалась на общегражданском принципе, и никто в руководстве РККА не собирался создавать в системе территориальных войск особых подразделений, укомплектованных этническими казаками, — как это было в уничтоженной большевиками Российской империи. Принцип укомплектования советских территориальных частей не имел ничего общего с «имперским» принципом формирования казацких конных полков[57]. Ни одна вновь сформированная по декрету ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 г. терчасть не получила наименование «казачьей». На апрельском (1925 г.) Пленуме ЦК, во время дебатов по вопросу о призыве казацкого контингента в территориальные формирования РККА, Сергей Сырцов категорически потребовал, чтобы в территориальных частях «с казацким участием» было не менее 35—40% «иногородних» (т.е. великорусов). Одновременно председатель «казачьей» комиссии настаивал, чтобы именно из «иногородних» призывников формировались командно-политические кадры терчастей[58].

Как можно соотнести подобное дискриминационное требование, свидетельствующее о неизбывном причислении казаков к гражданам СССР второго (даже третьего — после великорусов) сорта, с утверждением некоторых историков о якобы возникшем в середине 20-х годов «проказачьем курсе» РКП(б)? У большевиков, как известно, деятельность региональных или отраслевых стуктур партии никогда не расходилась с принципиальными установками высших партийных форумов. Г.Л. Воскобойников, анализируя этнические и социальные пропорции в частях РККА переменного состава, отмечает, что даже в условиях Северо-Кавказского военного округа в территориальных кавалерийских дивизиях доля казаков не превышала 70%. Все остальные кавалеристы являлись выходцами из крестьянской и рабочей среды, т.е. были преимущественно великорусами[59].

Привлечение этнических казаков на службу в территориальные формирования РККА не имело ничего общего с идеей сохранения казачеством своей военно-сословной (если воспользоваться советской мифологемой о казацкой «сословности») самоидентификации. Основным мотивом большевистских вождей в этом вопросе являлось, конечно же, желание иметь в составе РККА кавалерийские части приличного уровня подготовки, т.е. отвечающие европейскому военному стандарту. Сформировать такие кавалерийские подразделения на основе лишь русского («иногороднего») контингента не представлялось возможным. Русское крестьянство, по большому счету, никогда не имело органичной тяги к профессиональному военному ремеслу, не отличалось воинственностью и бойцовским менталитетом. Командование РККА

---

[56] Декрет ЦИК и СНК СССР «Об организации территориальных частей и проведении военной подготовки трудящихся». 8 августа 1923 г.

[57] См. подробнее о формировании казацких войск до 1917 г.: *Трут В.И., 2007*. Указ соч. — С. 10 сл.

[58] РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.174. Л.54.

[59] *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Красной Армии в 20-е — 30-е годы XX в.// Кубанское казачество: Три века исторического пути. Материалы Междунар. науч. конф. — Краснодар, 1996. — С. 51—52.

ценило в крестьянине долготерпение и послушливость, однако слепая покорность «начальству» не могла заменить полного отсутствия в русских деревнях опыта подготовки верховой лошади к боевому применению[60]. Призывник прибывал на службу в территориальные войска СССР на собственных лошадях (в идеале — основной боевой конь и подменная лошадь). Поэтому призыв в РККА только лишь «иногородних» и пролетариата немедленно превратил бы советские кавдивизии в сборище «былинников речистых» на затрапезных крестьянских клячах.

Адекватная оценка всех вышеуказанных факторов подвигла командование РККА к решению формировать кавалерийские подразделения переменного состава во всех казацких округах Северо-Кавказского края: в Шахтинско-Донецком, Донском, Сальском, Ставропольском, Терском, Майкопском, Кубанском и Армавирском. Таким образом, призыв казацкого этнического контингента в советскую кавалерию охватывал территории бывших Донского, Кубанского и Терского Войск[61].

Что ожидало казацких призывников в территориальных кавдивизиях Красной Армии? Если принять «наукоемкие» фантазии о «проказачьем курсе» за чистую монету, можно ожидать развития, вернее оттачивания казацкой воинской культуры, усиления казацкой самоидентификации, культивирования в молодых казаках гордости за великую историю и военные достижения своих предков.

На деле же, с первого дня пребывания в казармах РККА, казацкие призывники с головой погружались в советское идеологическое болото. Казацкая воинская культура «обмирщалась» до механистического заучивания приемов владения холодным и огнестрельным оружием. Одновременно политкомиссары настойчиво вдалбливали в молодые умы мифологемы «всемирного интернационала», а многочисленные агитаторы (все неказацкого происхождения) на лекциях перед личным составом подразделений цинично глумились над «вековечной темнотой» и «черносотенством» дореволюционного казачества.

В Красной Армии не ставилась (и не могла ставиться) задача укрепить в молодом казаке казацкую самоидентификацию, поскольку такая задача прямо противоречила директивным установкам партийного ареопага РКП(б). На апрельском (1925 г.) Пленуме ЦК, при обсуждении вопроса о призыве казацкого контингента в терчасти РККА С.И. Сырцов так сформулировал принципиальную задачу советского агитпропа — превратить красную кавалерию ***«в известного рода политическую школу, школу по обработке казачьей молодежи»***[62]. С какой стороны следовало «обрабатывать» казаков в этой школе, Сергей Сырцов не уточнил, но, очевидно, что глубочайшему срезу должна была подвергнуться именно казацкая самоидентификация призывника. Более подробно на эту тему высказался на III

---

[60] «Крестьянское население Юга России, — отмечают в этой связи А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, — в отличие от казаков, не очень-то горело желанием отправляться на службу в кавалерийские части». Исследователи подчеркивают, что казаков-призывников выгодно отличало от «иногороднего» контингента отсутствие «пьяных и рекрутских замашек». Впрочем, неумеренное потребление алкоголя с неизбежными пьяными выходками (в форме взаимного мордобоя, сквернословия и взятия штурмом винных лавок) даже во времена Российской империи составляло неотъемлемую часть великорусского призывного ритуала. *См. подробнее: А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, 2010*. Указ. соч. — С. 143. См. также: *Рошнов А.Ю.* «Казарма хуже тюрьмы» // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. — С. 263.

[61] ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.760. Л.651.

[62] РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.174. Л.55.

пленуме Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микоян, первый секретарь Севкавкрайкома: ***«Наша основная задача по отношению к казачеству — это вовлечение казаков-бедняков и середняков в советскую общественность. Несомненно, эта задача очень трудная. Дело придется иметь с укоренившимися в течении многих десятилетий специфическими бытовыми и психологическими чертами, искусственно взращивавшимися царизмом. Нужно эти черты побороть и вырастить новые, наши советские. Из казака нужно сделать советского общественника…»***[63].

В соответствии с установкой центральных органов РКП(б) на превращение великорусского населения во вненациональный плебс, в «советских людей», казаков также следовало придавить прессом тотального коммунистического агитпропа — поскольку они безусловно были признаны режимом РКП(б) «русскими». Получившихся в результате этого процесса славянских «советоидов» с вненациональным сознанием предполагалось затем использовать, строго по В.И. Ленину, для лепки «нового советского человека» уже в масштабе всей страны. Уже упоминаемый нами Анастас Микоян предложил оригинальный метод, как этого можно добиться, используя территориальные части РККА: ***«Необходимо создать*** [в Северо-Кавказском крае] ***три кавалерийские дивизии: одну преимущественно в казацком районе, но туда входят и иногородние; другую преимущественно в иногороднем районе, но*** [там] ***часть будет и казаков; и третью — горскую национальную дивизию. Букет будет великолепный»***[64].

Имеет смысл обратить внимание, что в этом случае, как и в тысяче аналогичных прецедентов, один из ведущих большевистских эмиссаров на Юге России адресует слово «национальный» исключительно народам неславянского происхождения. Горцам дозволено сформировать национальную дивизию, однако этническим казакам такое же военно-организационное действие категорически запрещено. Их удел — ускоренная этнокультурная аннигиляция в великорусской «иногородней» среде.

Таким образом, создание территориальных кавалерийских частей РККА не стало новой (советской) формой реализации казаками своей исторической миссии на фронтире Советского Союза. Этноцидальная сущность советской системы формирования и функционирования кавалерийских дивизий РККА несомненна. **Организация службы молодых казаков в территориальных частях РККА стала удобной, очень полезной Советскому государству формой культуроцида в отношении казацкого сообщества.** Это массовое мероприятие, охватившее тысячи казаков-призывников, внешне соответствовало, как будто, значимому положению «казацкого наказа» о восстановлении военной службы казачества. Однако на самом деле служба в Красной Армии являлась для казаков симулякром, даже антагонистом их традиционного, освященного многовековой историей «воинского пути».

Советские амнистии для «белоказаков» — изощренная методика режима РКП(б) по максимально полному ослаблению генофонда казацкого народа. Единственный пункт из «казачьего наказа» к Советской власти, установленный в начале 1925 года комиссией Сергея Сырцова, который режим РКП(б) в юридическом аспекте исполнил в полном объеме, касался амнистии для казаков — участников борьбы с Советской Россией в рядах Белой Армии. Амнистирование так называемых белоказаков стало для казацкого населения

---

[63] Материалы III пленума Северо-Кавказского крайкома РКП(б). — Ростов н/Д., 1925. — С. 18.

[64] РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.174. Л.52.

важнейшей по значимости проблемой, поскольку речь шла о воссоединении мужей с женами и детьми, сыновей с родителями практически во всех семьях этнических казаков. «*Нельзя забывать*, — напоминал о подлинно всенародной борьбе казаков с большевизмом генерал Иван Поляков, — *что в то время, когда из многомиллионной массы русского народа только тысячи героев стали на защиту поруганной родины, а остальные покорно несли ярмо интернационала, мирясь с унижениями и оскорблениями, когда, наконец, в освобожденных от большевиков краях от неказачьего населения бралось* [по мобилизации. — Н.Л.] *в ряды войск* [Белой Армии], *и то с трудом, 4—6, реже 8 возрастов, донские казаки дали под ружье 36 возрастов* — **иначе говоря, все мужское население от 18 до 54 лет, способное носить оружие** [выделено нами. — Н.Л.]»[65]. В некоторых других Войсках (например, в Уральском, Кубанском и Терском) степень мобилизации казаков-мужчин на борьбу с Красным Драконом оказалась на таком же высочайшем уровне.

В разгромном для белых финале Гражданской войны значительная часть казацких борцов с Советами, стремясь сохранить свои жизни, спасти своих жен и детей от поругания красной солдатней, вынуждены были эмигрировать. Самые крупные эмиграционные исходы этнических казаков состоялись в 1920—1922 гг. из портов Черноморского побережья России в Турцию и страны Западной Европы, а также из Приуралья, Забайкалья, Приамурья и Приморья в Китай, Монголию и страны Азиатско-Тихоокеанского Региона. Счет казаков-эмигрантов шел на сотни тысяч человек: только донского казацкого населения ушло за пределы Советской России более ста тысяч[66]. Историк Д.Д. Пеньковский подчеркивает, что точную численность всех волн эмиграции казаков установить невозможно, однако даже самый приблизительный подсчет показывает, что из советского ада вынужденно эмигрировало «несколько сотен тысяч казаков, вместе с женами, детьми и членами семей»[67]. Только с войсками Врангеля из Крыма, указывает исследователь, «эвакуировалось до 22 тысяч донцов — воинских чинов и 6515 гражданских беженцев». В работе Д.Д. Пеньковского детально показано, как дипломатические круги Великобритании и Франции — вчерашние союзники злосчастного императора Николая II в Великой войне, действуя рука об руку с дипломатией Советской России, энергично пытались вытолкнуть казацких беженцев обратно — под пули красных палачей. Если действия западных союзников Российской империи еще как-то логически объяснимы (зачем нужны Европе многотысячные толпы обездоленных, отчаявшихся чужаков?), то сатанинское — в буквальном смысле — «доброхотство» Советской власти в отношении казацких беженцев рационально объяснить невозможно.

В середине 20-х годов Советское государство с помощью своих дипломатов и эмиссаров Иностранного отдела ОГПУ прилагало значительные усилия, чтобы убедить казацкую диаспору Балканских стран, Турции и Франции в том, что казаков-реэмигрантов, возвратившихся в пределы «Советской Родины», ожидает только лишь спокойная жизнь и мирный труд. Исключительно тяжелые, подчас невыносимые условия жизни в чужих странах заставили многих казацких изгнанников поверить в эту незатейливую, от начала и до конца

---

[65] *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. Воспоминания начальника штаба Донских армий, генерал-майора И.А. Полякова — М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. — С. 25—26.

[66] Российское казачество: Научно-справочное издание. — М., 2003. — С. 73

[67] *Пеньковский Д.Д.* Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и ее последствия (1920—1945 гг.). — М.: Национальный институт бизнеса, 2009. — С. 96, 117.

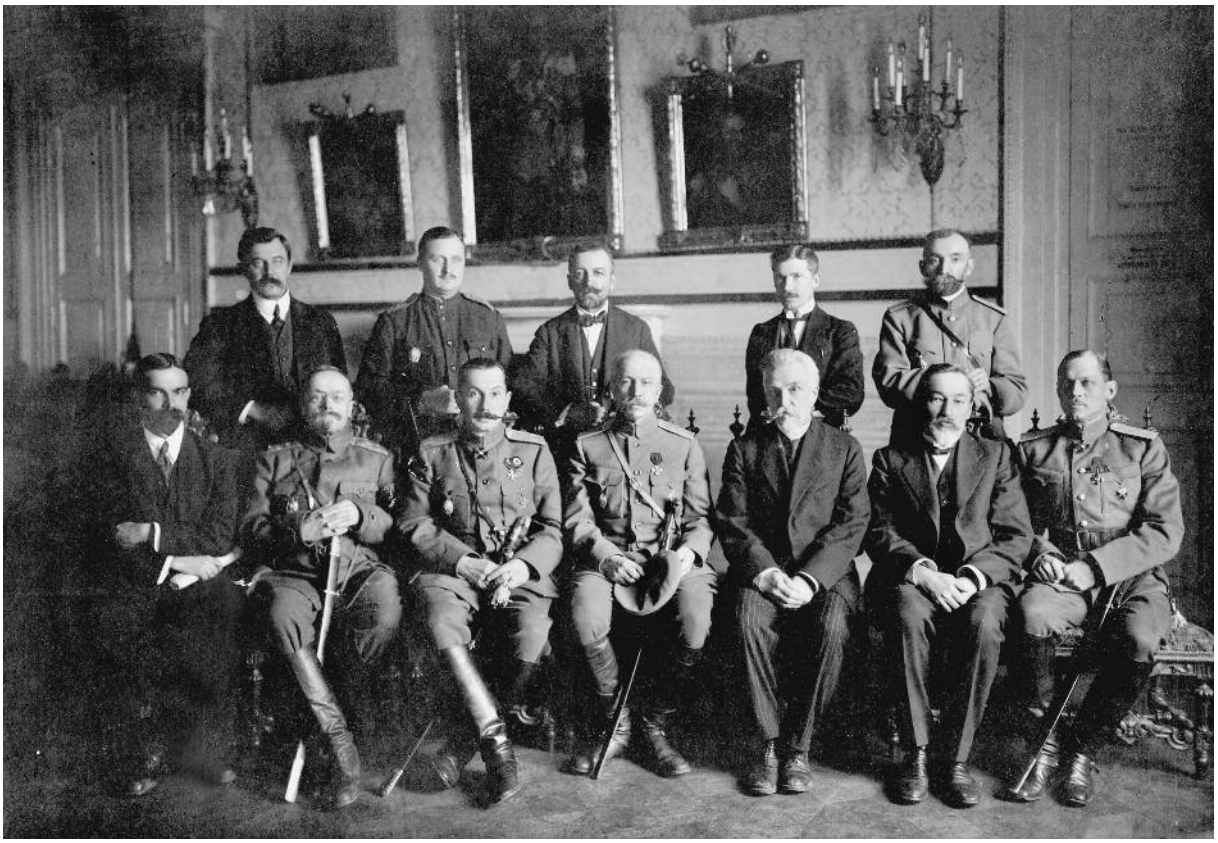
лживую пропаганду. **В действительности, абсолютное большинство казаков-реэмигрантов на территории Советской России ожидала только одна перспектива — смерть. Смерть могла настигнуть возвратившихся быстро — в лице опергруппы ОГПУ, прибывшей в станицу для проведения «массовой операции», или медленно — от изнурительной чахотки и хронического голода в бараке ГУЛАГа, но она неизбежно, и, в сущности, очень скоро, — до середины 1930-х годов, пресекла земное существование практически всех казаков-реэмигрантов.**

Зачем Советской власти потребовалось так энергично, так настойчиво зазывать обратно в свой «коммунистический рай» некогда самых упорных, но уже разгромленных и покинувших страну врагов? Вряд ли можно было испытывать иллюзии относительно того, что эти обездоленные, пережившие тягчайшие невзгоды люди, вернувшись в Советскую Россию, втайне останутся по-прежнему глубоко враждебными идеям коммунизма и пролетарского интернационализма. Очевидно, что ни в экономическом, ни в оборонном аспектах казаки-реэмигранты ничего особо ценного, с точки зрения упрочения советской государственности, не представляли. Гораздо более ценным приобретением для Советской власти могли бы стать, например, русские технические специалисты — инженеры оборонного комплекса, железнодорожники, корабелы и т.п., бежавшие от ужаса красного террора на Запад и осевшие преимущественно во Франции. Советские резиденты в Европе пытались, конечно, зазывать русских технарей для участия в созидании «светлого советского завтра». Однако и масштабы, и настойчивость усилий по возврату технических специалистов в Совдепию были несопоставимы со шквалом реэмигрантской пропаганды, которая была обрушена на вырвавшихся из рук красных палачей этнических казаков. При попытке осмыслить этот феномен, невольно возникает мысль, что казаков так настойчиво зазывали на территорию Советской «Родины» только с одной целью — физически уничтожить.

26 января 1925 года, как бы откликаясь на выводы «казачьей» комиссии С.И. Сырцова, Президиум ВЦИК принял Постановление «Об амнистии по поводу I-го краевого съезда Советов Северного Кавказа». Помимо прочего, в постановлении декларировалось восстановление ***«в избирательных правах возвратившихся до сего времени в пределы Северо-Кавказского края репатриантов-врангелевцев, высказавших свое честное, лояльное отношение к советской власти».*** 3 февраля 1925 г. данное Постановление ВЦИК было опубликовано в газете «Молот» и стало директивным документом для региональных большевистских властей по вовлечению в «мирную жизнь» тысяч казаков-репатриантов, возвращающихся на свои пепелища. Амнистия «по поводу I-го краевого съезда» преследовала исключительно агитационные цели — для инициирования массового возвращения в советскую «живодерню» всех легковерных. Если бы большевики действительно хотели амнистировать бывших «белоказаков», то в Постановлении ВЦИК от 26 января 1925 г. не было никакой необходимости. Еще три года назад — 3 ноября 1921 г. была провозглашена аналогичная «полная» амнистия, решение о которой, в строгом соответствии с советскими законами, принял ВЦИК[68].

---

[68] В честь четырехлетней годовщины Великой Октябрьской революции Президиум ВЦИК 3 ноября 1921 г. установил: «1. Объявить полную амнистию лицам, участвовавшим в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Балаховского, Перемыкина и Юденича в качестве рядовых солдат, путем обмана или насильственно втянутым в борьбу против Советской России; 2. Предоставить им возможность вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на Родину военнопленными…».



Донское Войсковое правительство. В первом ряду: третий слева — генерал А.П. Богаевский, в центре — Войсковой атаман П.Н. Краснов. 1918 г. (*Архив В.П. Мелихова*)

Атаман Всевеликого Войска Донского А.П. Богаевский, ознакомившись с текстом этой советской амнистии, немедленно выступил в эмигрантской печати с предупреждением. Атаман предостерегал своих побратимов и всех военнослужащих Русской Армии генерала Врангеля, что большевики, несомненно, задумали очередную политическую провокацию, а всех возвращенцев ожидает «трагическая участь»[69]. Заявление атамана Богаевского внимательно, буквально с карандашом в руках прочитали чекисты. За фронтиром Советской России была немедленно развернута массовая агитационная кампания, которая долженствовала показать — каким злостным врагом казачества является «золотопогонник» Богаевский и как широко простерла свои объятия перед реэмигрантами советская «Родина-мать». Главное Политуправление Красной Армии, явно по указке чекистов, неожиданно озаботилось материальным положением и условиями жизни своих недавних врагов — уже доверившихся большевикам и вернувшихся в РСФСР этнических казаков. Для этой цели во всех военных округах, включавших казацкие земли, спешно организовали специальные комиссии. Благостные отчеты этих комиссий РККА, представлявшие РСФСР чуть ли не райским островом для реэмигрантов, массовыми тиражами печатались в советских газетах. Там же регулярно публиковались гневные резолюции якобы состоявшихся казацких митингов, на которых счастливые станичники-реэмигранты клеймили позором «лживые измышления врага трудового народа» Богаевского.

[69] *Воскобойников Г.А., Прилепский Д.К.* Казачество и социализм. — Ростов н/Д., 1986. — С. 88.

В начале мая 1922 г. в болгарской Софии представителями русской эмиграции, при активнейшем закулисном участии зарубежной резидентуры ОГПУ, был образован «Союз возвращения на Родину». Сокращенное название этой организации — «Совнарод» — красноречиво свидетельствовало об идеологическом векторе этого объединения. Деятельность «Совнарода» в кратчайшие сроки чекисты развернули очень широко, причем с традиционной российской спецификой: в лучших европейских ресторанах «совнародники» демонстрировали всю знаменитую «широту русской души», что на фоне страшной нищеты основной массы русских и казацких эмигрантов выглядело, безусловно, как «пир во время чумы». Центральное бюро «Совнарода» было до крайности озабочено ускорением и облегчением процедуры репатриации эмигрантов в Советскую Россию. Ходатайство об этом «Совнарод» направил не только в дипломатические представительства РСФСР в Вене и Константинополе, но даже в Лигу Наций — курьезно взывая к помощи демократических стран для быстрейшего возврата своих адептов на территорию страны массовых концлагерей и внесудебных расстрелов.

В июле 1922 г. Совнарком, выдержав для приличия небольшую паузу, одобрил все предложенные «Совнародом» ускорительные процедуры. В начале осени этого же года, с прибытием в Софию миссии советского Красного Креста толпы распропагандированных, одураченных русских офицеров, мещан, интеллигентов, а с ними значительная часть этнических казаков хлынули в болгарских портах на палубы турецких судов для отправки в «матушку-Россию». Для подавляющего большинства репатриантов это роковое событие стало первой ступенькой для спуска в расстрельный подвал ОГПУ или первым этапом на пути в ГУЛАГ. В последующем такие же волны реэмиграции были организованы в Югославии, Греции и Чехословакии. Психоз репатриации в «советский концлагерь» охватил не только малограмотных русских простолюдинов и простых станичников. Более двух тысяч анкет офицеров, ходатайствующих о скорейшем возвращении, направила в советский ВЦИК офицерская секция «Совнарода». Не отставали и представители казачества: зимой 1922 г. в Москву выехала делегация съезда, созванного Казачьим земледельческим союзом, для выражения благодарности советскому правительству за «амнистию» и с просьбой ускорить репатриацию казаков[70].

Как реально встретила «Родина» казацких репатриантов, принявших за чистую монету изуверскую ложь советского агитпропа, свидетельствует надпись, обнаруженная в Турции в трюме парохода «Решид-паша». Этот турецкий сухогруз был зафрахтован французскими властями для перевозки российских реэмигрантов в порты РСФСР. «*Товарищи!* — вырезал на стене нижнего трюма парохода малограмотный станичник. — *Мы приехали в Одес* [Одессу. — Н.Л.]. *3500 казаков, ис коих было 500 растреляно. Астальных по тюрьмам и по военным лагер. И на принудительн работы. Я козак Мороз ст. 11 Гнутов со мною не знаю, что будет*»[71].

Машина советского государственного террора не знала пощады: треть репатриантов, прибывших в РСФСР в феврале-апреле 1921 г. через порты Новороссийск и Одессу, была расстреляна немедленно после схода на берег. Остальные жертвы чекистской спецоперации

---

[70] Крестная ноша: Трагедия казачества. Часть I. — Ростов н/Д.: Изд-во НПК «Гефест», 1994. — С. 284.

[71] Цит. по: *Пеньковский Д.Д., 2007*. Указ. соч. — С. 179.

были заключены в огромный концлагерь близ Новороссийска, а затем отправлены на принудительные работы на Русский Север или нефтепромыслы Баку[72].

Судьба тех реэмигрантов, которым удалось «просочиться» сквозь чекистские фильтры ОГПУ в морских портах, почти в 100% случаев сложилась трагично. Многим из них было попросту некуда возвращаться — в их куренях и хатах в станицах уже прочно обжились «братушки» с севера, которые искренне считали захваченное казацкое жилье законной компенсацией от Советской власти за свое участие в борьбе с «контрой». Поскольку все большевистские «амнистии» в отношении казаков являлись только лишь пропагандистскими акциями и не предусматривали для репатриантов ни «подъемных», ни компенсационных выплат за утраченное имущество, казаки-возвращенцы приходили к порогу своих обжитых чужаками куреней в буквальном смысле как голь-перекатная. Обида и отчаянная нищета нередко толкали обездоленных людей на попытки самостоятельно вернуть былое родовое имущество. Однако любые публичные протесты, а тем более силовые действия сразу же превращали репатриантов, в глазах советских администраторов и демобилизованных красноармейцев, — в белогвардейских «недобитков». Такое определение позволяло немедленно передавать репатриантов в когтистые лапы ОГПУ или даже творить над ними «революционный» самосуд. Так погиб (в числе многих сотен убитых у собственных домов возвращенцев) Иван Операй — известный казацкий певец, знаменитый джигит, уроженец станицы Березанской ККВ. В 1930 г. этот ветеран Великой и Гражданской войн имел несчастье вернуться на «Родину», приехал в родовую станицу и попытался войти в свой родовой курень. Однако казака здесь не ждали. Удобно обжившийся в захваченном казацком доме красноармеец посчитал имущественные притязания Ивана Операя наглым вызовом «недобитой контры», а потому без долгих выяснений выхватил револьвер и убил безоружного казака наповал[73].

«*Возвращенцам живется ужасно плохо,* — писал кубанский казак в 1929 г. своему родственнику-эмигранту, — *по приезде они сразу же попадают под опросы* [ОГПУ. — Н.Л.] *и на черную доску. Работы им никакой не дают и никто из знакомых не имеет права* [их] *рекомендовать*»[74].

Убийственные последствия пропагандистского трюка большевиков с «амнистией» вынуждены признавать даже те современные исследователи, которых невозможно заподозрить в каких-либо симпатиях к казакам. «В этот период [1937—1938 гг.] было завершено репрессирование основной массы казаков-реэмигрантов, вернувшихся в 1920—1925 гг. из Болгарии, Югославии и других стран, — констатирует историк Сергей Кислицын. — **Первая волна уничтожения белоказаков, побывавших в эмиграции на Западе, пришлась на конец 1920-х гг., вторая — на период «борьбы с кулацким саботажем хлебозаготовок» 1932—1933 гг., наконец, в середине 1930-х гг. окончательно сбылось предсказание атамана А. Богаевского о будущей «трагической участи» реэмигрантов** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[75].

---

[72] Акция Нансена. Сводка сведений об отношении Советской власти к реэмиграции. — Родина. 1990. № 10. — С. 57.

[73] Джигитовка казаков по Белу Свету/ Составление, научная редакция и комментарий П.Н. Стрелянова-Калабухова. — М.: Центрполиграф, 2006. — С. 64—65.

[74] С Кубани (подборка писем)// Вольное казачество. 1929. № 35. — С. 29.

[75] *Кислицын С.А., 2015.* Указ. соч. — С. 313.

Демографические потери казацкого народа в результате спецоперации ОГПУ по возвращению казаков-беженцев из-за рубежа оказались весьма значительными. Счет цинично заманенных на территорию «Советской Родины», а затем жестоко погубленных людей идет, по-видимому, на десятки тысяч. Д.Д. Пеньковский, ссылаясь на открытые архивные материалы, полагает, что за 10 лет, начиная с 1921 года, в Советскую Россию вернулось чуть более 181 тыс. человек, некогда симпатизировавших или участвовавших в Белом движении. Этнические казаки, считает исследователь, составили более 10% от этого числа, т.е. около 18–20 тыс. человек[76]. Подсчеты Пеньковского являются, на наш взгляд, существенно заниженными. Для гораздо более пессимистических оценок, увы, имеются основания.

В 1925 г. красный командарм Семен Буденный, выступая в прениях по докладу Северо-Кавказского крайкома РКП(б) на III-й сессии ВЦИК, заявил следующее: ***«…40 тысяч эмигрантов вернулось в 1923 г. с разрешения нашего правительства*** [в Северо-Кавказский край. – Н.Л.], ***и распущен был по краю элемент, который попал в эмиграцию как бы в виде слепого орудия. После этого здесь*** [в СКК] ***была проделана громаднейшая политическая работа. Я имею в виду образование Северо-Кавказского края, краевого исполкома, приезд т. Рыкова в этот край, объявившего на I-м краевом съезде Советов амнистию всем тем, которые вернулись и были распущены по домам по краю, но оставлены под надзором»***[77].

Историк В.С. Сидоров, комментируя эти высказывания командарма Буденного, отмечает, что цифру в 40 тыс. реэмигрантов (причем не за 10 лет, а уже к 1923 г.) подтверждает официальная печать Северо-Кавказского края. В частности, в заметке «К возвращению 40 тысяч врангелевцев» редакция газеты «Советский юг» информировала своих читателей, что ***«…прибывающие получают дальнейшее назначение: на Ростов в количестве 36 тыс. чел., и на Царицын – 4 тысячи»***[78]. Логично предположить, указывает исследователь, что из партии в 36 тыс. возвращенцев в Ростов-на-Дону значительную часть, возможно большинство, составляли казаки. Подлинное число казацких и русских жертв мстительной большевистской государственной машины можно будет установить только после полного рассекречивания архивов ФСБ, а также существенной части ведомственных архивов МВД Росфедерации, связанных с так называемой «исправительной системой».

Уничтожение всех основ традиционной казацкой культуры: важная этнополитическая задача Советского режима на Юге России во второй половине 1920-х гг. Итак, как мы смогли убедиться, ни один из ключевых 5-ти пунктов «казацкого наказа», установленного спецкомиссией С.И. Сырцова в начале 1925 г., не был в позитивном аспекте урегулирован Советским государством. Конечно, было бы наивным ожидать, что интернациональная большевистская клика, понимающая и признающая только «право силы», победив на полях сражений казацкий народ, вдруг искренне озадачится исполнением в полном объеме этнополитических пожеланий своих врагов. Однако, если бы в Советском государстве действительно имел место политический курс «лицом к казачеству» (как это силятся доказать

---

[76] *Пеньковский Д.Д., 2009*. Указ. соч. – С. 179. См. также: ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.144. Л.123; РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.362. Л.197.

[77] Доклад Северо-Кавказского краевого комитета на III сессии ВЦИК. Изд-во крайисполкома. – Ростов н/Д., 1927. – С. 53.

[78] К возвращению 40 тысяч врангелевцев// Советский юг. 28 октября 1922 г.

некоторые российские историки), тогда, несомненно, хотя бы некоторая часть казацких ожиданий была бы учтена и воплощена в конкретных позитивных действиях Советской власти. Этого, увы, не произошло.

Пресловутый «проказачий курс» Советского государства в 1925—1927 гг. был ориентирован исключительно на процесс дальнейшей, еще более углубленной аннигиляции казацкого народа в среде великорусов и других неказаков, которые во все большем количестве переселялись во второй половине 1920-х годов на земли Казацкого Присуда. **«Проказачий курс» на деле оказался политикой этноцида, преследующий цель уничтожить не только социально-политическую самобытность народа казаков, но полностью искоренить исторически сформировавшуюся культуру (и даже этнопсихологию) казачества — превратить народ воинов в сообщество безвольных холопов.** Историк А.П. Кожанов в этой связи справедливо замечает, что политика большевизма в середине 20-х годов по-прежнему вела «к расказачиванию донской станицы, но другими методами, — не похожими на приемы Гражданской войны»[79].

Мы далеки от желания видеть в построениях иных российских историков нарочитую тенденциозность. Вместе с тем, нельзя не заметить весьма странную настойчивость, с которой в общественное сознание внедряется мысль о будто бы имевшемся в середине 20-х гг. XX века «проказачьем» курсе Советского государства[80]. Никаких реальных «поисков согласия» между господствующим режимом РКП(б) и казацким населением Присуда, по большому счету, не происходило: не в правилах большевиков было искать компромиссы с побежденными. В объективной реальности имелись несбывшиеся надежды казаков и четко заявленный курс большевиков на уничтожение традиционного казацкого сообщества «другими методами, не похожими на приемы Гражданской войны». При этом высокопоставленные функционеры ВКП(б), ответственные за проведение так называемой «казачьей» политики, даже не пытались скрывать на партийных толковищах разного уровня своих геноцидальных планов относительно казацкого населения.

Нельзя, конечно же, счесть легковесными заявления такого крупного организатора геноцида казацкого населения, каковым являлся влиятельный деятель РКП(б) Сергей Сырцов. Выступая в конце апреля 1925 г. на Пленуме ЦК РКП(б) со специальным докладом «О положении казачества», Сырцов доходчиво разъяснил партийцам, что приоритетной задачей ВКП(б) в бывших казачьих областях является организация ***«натиска на землю*** [станичных казацких обществ. — Н.Л.] ***со стороны казачьей бедноты, со стороны малоземельного иногороднего и крестьянского населения»***. Цель такого натиска не скрывалась — распределение земли между «иногородними», т.е. между неказаками. Отчего землю, основу благосостояния хлеборобов, нужно распределить именно так — Сырцов тоже разъяснил. Это необходимо потому, что ***«крестьянское и иногороднее население встало дружно на защиту Советской власти и жестоко мстило казачеству»***. Процесс перераспределения земельного фонда станиц, по понятным причинам, неизбежно стал бы очень болезненным, интересы разных по материальному положению слоев казацкого общества неизбежно должны были столкнуться. Это «ценное» обстоятельство, по мнению Сырцова,

---

[79] *Кожанов А.П.* Донское казачество в 20-х гг. XX века. — Ростов н/Д., 2004. — С. 196.

[80] Наиболее полная версия этих построений: *Перехов А.Я.* Власть и казачество: поиск согласия. 1920—1926. — Ростов н/Д., 1992.

давало в руки режима ВКП(б) новые возможности ***«для расслоения казачества»***, а также для ***«усиления вмешательства сверху*** [в процесс развала казачьего сообщества. — Н.Л.] ***со стороны партийных и советских органов»***[81].

Сергей Сырцов, являясь фанатичным большевиком, испытывал органичную неприязнь к «национальному фактору» вообще: широкую известность получил его постулат, что всякая «национальность мешает советизации». С этой стороны он ожидал и наибольших осложнений при реализации предложенной им этноцидальной программы в отношении казацкого народа. Возможно поэтому в своем докладе, буквально как тибетскую мантру, Сырцов постоянно повторяет мысль о необходимости прекратить деление на «казаков» и «не казаков», неоднократно предупреждает партийцев об опасности подмены классовой борьбы «отголосками сословной борьбы между казаками и иногородними». В зажиточных казаках и в мелкобуржуазных элементах в среде казачества С.И. Сырцов видел основных противников в деле превращения казацкого сообщества в безликую массу «советских сельских тружеников», — вероятно, в связи с тем, что эти группы населения в наибольшей степени имели возможность сохранять казацкие национальные традиции. Конечно, в сравнении с письмами и отчетами, которые Сырцов направлял в ЦК партии большевиков в 1919—1920 гг., его выступление на апрельском (1925 г.) Пленуме ЦК являлось образцом большевистского «гуманизма». За казаками, по крайней мере, признавалось право на жизнь. Для советизирующейся казацкой молодежи С.И. Сырцов готов был открыть двери в комсомол, в ряды РКП(б), в советские учебные заведения, предоставить право служить, наравне с великорусами, в территориальных частях РККА.

Главной целью Советского государства в середине 1920-х годов на территориях бывшего Казацкого Присуда должно было стать, используя чекистский сленг, — уже не «изъятие» благосостояния и свободы у максимально большего числа этнических казаков. Даже «изъятие» остатков казацкого земельного фонда объективно становилось, хотя и важной, но все же отнюдь не стратегической целью большевиков в отношении казацкого этнического сообщества. Внутренний раскол станичных обществ, размывание традиционного мироощущения казацкой молодежи в догматике «коммунистического интернационала», а в финале — полное уничтожение всех глубинных основ традиционной казацкой культуры — вот что *de facto* провозглашалось в докладе Сырцова главной ближайшей задачей Советской власти на Юге России. ***«Этими мероприятиями*** [политики этноцида. — Н.Л.] ***мы идем по линии уничтожения этого казачьего сословия,*** — настойчиво убеждал партийный ареопаг Сергей Сырцов. — ***Потому что, ничто так не стимулирует*** [единство казаков], ***как игнорирование бытовых особенностей казачества и, идя по линии*** <...> ***вмешательства в его*** [казачества] ***бытовую жизнь, мы не уменьшаем те старые сословные настроения, которые в казачестве в сильной мере имеются...»***[82]. Завершая свой концептуальный доклад, Сырцов красной линией подчеркнул, что, в случае реализации предлагаемой им программы, — «трудовые казаки» неизбежно объединятся с «иногородними» против казацких кулацких верхов, а само казачество будет уничтожено ***«как единая спаянная группа»***.

Важно отметить, что текст итогового постановления апрельского (1925 г.) Пленума ЦК партии подтверждал все основные положения доклада С.И. Сырцова — только уже в

---

[81] РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.179. Л.56.

[82] РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.174. Л.55.

качестве директивных указаний Центра местным партийным органам во всех «казацких» областях РСФСР. **Этноцидальная линия Сырцова стала, таким образом, не просто частным мнением влиятельного большевика, а согласованной, детально осмысленной позицией политического руководства Советского государства.**

Нужно обладать весьма развитой фантазией, чтобы, вслед за Л.И. Переховым, Г.Л. Воскобойниковым и другими, близкими к ним по взглядам специалистами, усмотреть в итоговом постановлении апрельского (1925 г.) Пленума некий поворот Советского режима «лицом к казачеству», «поиски согласия» и другие элементы якобы вновь учрежденного «проказачьего» курса режима РКП(б). Фактических оснований для подобного вывода, увы, не имеется. Советская система, вплоть до конца эпохи Сталина, была последовательна в методичных усилиях по удушению своих реальных и мнимых врагов. Советская власть, подобно огромному спруту, могла менять точки охвата жертвы своими щупальцами, но соглашалась выпустить противника из своих смертельных объятий только при реальной угрозе неприемлемого, тяжкого ущерба для себя. Казацкий народ после разгрома в Гражданской войне и карательной фазы геноцида 1918–1922 гг. создать такую угрозу мощной государственной системе РКП(б) уже не мог. Однако, и Советское государство, в свою очередь, не смогло достичь тех этноцидальных целей, которые наметил в своем докладе «О положении казачества» С.И. Сырцов и утвердил в качестве безусловной директивы Пленум ЦК РКП(б).

Крах усилий советского агитпропа по провоцированию внутреннего раскола в казацком сообществе. Анализ фактического результата советской политики этноцида казаков убеждает: в период 1925–1928 гг. Советский режим не смог разложить на антагонистические слои казацкое этнические сообщество. Большевистский агитпроп не сумел убедить широкие слои станичников в органичной «русскости» казацкой культуры, привить казакам чувство стыда за «проклятое прошлое», ненависть к национальным традициям и вере предков.

Мировоззрение пролетарского интернационализма — мировоззрение этнического саморазрушения, добровольного этнокультурного самооскопления, которое легко привилось после Октября 1917 в среде великорусского этносоциума, оказалось глубоко чуждым подавляющему большинству казаков. В период НЭПа казацкая этносфера последовательно отторгала все попытки навязать казакам классовое, вненациональное, чуждое их собственной традиции мировоззрение. Превратить казаков в южный подвид так называемого «советского человека» не получалось. Великорусским, еврейским, латышским и всем прочим инонациональным агитаторам нельзя было даже надеяться на благосклонное внимание широкой казацкой аудитории к их речениям: ораторское красноречие инонациональных чужаков казаки слушали, в лучшем случае, с презрительной улыбкой. Чужаку по этническому происхождению очень сложно было подобрать «ключи» для доверительного доступа в общественное сознание казаков. С другой стороны, этнический казак, агитирующий за идеалы, которые являлись органично чуждыми ментально-психологическому сознанию казацкого большинства, сразу же воспринимался в среде станичников как аномальная, патологическая личность, которой вряд ли стоило доверять. Фактор прочной этнопсихологической константности казацкого сообщества объясняет полную неудачу с коммунистической агитацией в среде этнических казаков — эффективную агитацию в станицах вести было некому, а неэффективная была не нужна, прежде всего, самим большевикам.

Русские по происхождению члены Донского окружкома ВКП(б), органично усвоившие интернациональную систему взглядов и не умеющие иначе объяснить себе специфику казацкой этничности, пытались приписать стереотипу общественного поведения казаков некую «угрюмость». Эта «угрюмость» предопределяла, якобы, демонстративное самоустранение казаков от участия в культурной жизни Страны Советов, от радостного восприятия ими новых советских реалий, побуждала казаков избегать рекрутирования в процесс «социалистического строительства». Представитель Донского окружкома РКП(б) Патрикеев в 1925 г. так характеризовал проявление казацкой «угрюмости»: ***«…Пару лет тому назад казаки вообще с нами*** [т.е. с коммунистами, неказаками. — Н.Л.] ***не разговаривали. Когда мы в первый раз с партийной инспекцией были в Константиновском районе и разговаривали с казаками в Нижне-Кундрючке, то на нас эти разговоры произвели удручающее впечатление. Не было общего языка. Сидит полный зал, слушает внимательно, ни слова не говорят, ни за, ни против, ничего не говорят*** [N.B.! — Н.Л.]. ***Послушали, разошлись»***[83]. Секретарь Шахтинского окружного РКП(б) в январе 1924 г. информировал вышестоящие партийные инспекции, что ***«казачество по-прежнему остается в своей скорлупе»***[84].

В таком общественном климате советским и партийным функционерам трудно было рассчитывать на осязаемую результативность своих агитационных усилий. Существенно позднее — осенью 1928 г. краевые партийные структуры Северо-Кавказского края признавали «особое неблагополучие» с коммунистической агитацией в Кубанском, Донском, Армавирском и Терском округах края. Негативное отношение к «слову партии» региональные эмиссары РКП(б) прямо связывали с наличием в этих округах значительного массива казацкого населения, среди которого трудно было реализовать масштабные пропагандистские планы[85].

Подобным же фиаско заканчивались упорные попытки большевиков столкнуть лбами разные по имущественному положению социальные слои казацкого сообщества. Казацкие «бедняки» упорно не желали, по примеру своих русских соседей, бросаться с вилами на казацких «кулаков» или люто ненавидеть своего соседа только за то, что у него оказалось на две овцы больше. В отличие от великорусских крестьян, для которых их собственная этническая культура не представляла, по большому счету, сколько-нибудь значимой общественной ценности, казацкое население видело главное достоинство человека как раз в его казацкой этнокультурной цельности. **Богатство приходит и уходит — считали казаки, внешние обстоятельства легко сдвигают границу достатка в ту или иную сторону, а вот твердое, неуклонное следование традиции «казацкого пути» навсегда сохраняет высокое достоинство человека.**

В феврале 1926 г. на втором пленуме Донского окружкома ВКП(б), скорбно объясняя своим русским коллегам эту особенность казацкого менталитета, делегаты констатировали: ***«…Есть казачество и традиции казацкие, это до некоторой степени сглаживает рознь*** [вот уж как обидно большевикам! — Н.Л.] **между имущими казаками и беднотой казацкой. Заблуждаясь, беднота иногда забывает свои материальные интересы классовые,**

---

[83] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.33. Л.4–4а.
[84] ЦДНИРО. Ф.118. Оп.1. Д.55. Л.8.
[85] РГАСПИ. Ф.78. Оп.1. Д.296. Л.146–147 об.

увлекаясь *так сказать «ура-казачеством», увлекаясь теми традициями, теми завоеваниями, которые* [у казаков] ***существуют»***[86].

Для большевистских агитаторов стало подлинным открытием, что даже самые малообеспеченные казацкие семьи в своем абсолютном большинстве категорически отказывались признавать свой бедняцкий статус, воспринимая адресованное им определение «бедняки» как прямое оскорбление. Если в великорусской деревне чуть ли не каждая вторая семья с готовностью, даже с энтузиазмом публично рассуждала о своей неизбывной «бедности», была готова соперничать со своими односельчанами за обретение статуса «бедноты», то в казацкой этнической среде подобные рассуждения считались в высшей степени постыдными. Исследователи отмечают, что делегаты региональных партийных форумов ВКП(б) с разочарованием подчеркивали: ***«какой-либо казак бедняк совсем, а говорит, что он не бедняк»; «казак-бедняк не назовет себя бедняком <…> я казак, какой же я бедняк!»***[87].

Региональных активистов ВКП(б) очень раздражала атмосфера побратимства, искренней этнической взаимосвязи, соседской взаимопомощи, которая царила в казацких хуторах и станицах. **Здесь высоко ценили чувство человеческого достоинства.** Привыкшие к совсем иной атмосфере великорусской деревни с ее вековечным противопоставлением нищего «мира» и богатых «мироедов», всеобщей завистливостью, бесконечными склоками соседей, забитостью, заискиванием перед любой властью и т.п., большевистские агитаторы испытывали психологический шок от встречи с повседневной реальностью казацких станичных и хуторских обществ. Агитаторы были поражены тем немыслимым для всех великорусских простолюдинов обстоятельством, что этнические казаки превосходно помнили родословные своих фамилий на много поколений назад и наотрез отказывались ***«выступать против своего братишки по 12–13 поколению, голосовать против своего братишки»***[88].

Большевики с прискорбием убедились, что мир простых станичников обладал стойким иммунитетом к инонациональному, разрушительному для казацкой этносферы фактору. В отличие от многих казацких высших офицеров, которые подчас искренне считали себя «русскими», рядовые казаки, младшие урядники и вахмистры отнюдь не спешили отождествлять себя с «Русью». Среди «широкой кости» казацкого народа почти не работали испытанные «красные» методики разжигания социальной ненависти, стравливания богатых с бедными, отцов с сыновьями, рядовых воинов с офицерами, малограмотных с интеллигенцией. Казацкое общество на уровне всеобщего стереотипа национального идеала отрицало зависть, презрение к народным традициям, неуважение к казацкой истории, непочтительность к старшим поколениям, желание обогатиться за счет грабежа или предательства соплеменников. ***«Агитация в казачьих станицах значительно трудней, чем работа с крестьянской беднотой,*** — объясняли местные активисты свой неуспех Донскому окружкому ВКП(б). — ***Может быть потому, что влияет бывшее привилегированное положение, бывшая обеспеченность казачества, наконец, влияют родственные отношения: там все кумовья, сваты, браты и там*** [у казаков] ***практикуется помощь друг другу, которая дается без процентов***

[86] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.45. Л.86а–87.

[87] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. — Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. — С. 195.

[88] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.51. Л.4.

за оказание услуг в дальнейшем. <…> ***Казачья беднота и иногородняя*** [т.е. великорусская. — Н.Л.] ***имеют различные тенденции»***[89].

Распекаемые краевыми партийными инстанциями за провалы в агитационной работе среди казацкого населения, местные партработники, презрев догмы марксизма, проникались подчас такой неприязнью к «классово близкой» казацкой бедноте, что готовы были расценивать умонастроения этой бедноты, как наиболее антисоветские. Например, в феврале 1926 г. на втором пленуме Донского окружкома ВКП(б) окружной партработник Гвоздевский детально растолковал партийцам — отчего он считает «реакционным» казака-бедняка. ***«Кто из нас не знает Александровки*** [русское село Донского округа. — Н.Л.], ***которая в 1918 году дала еще две бригады в Красную Гвардию, да и сейчас, если можно пересчитать то, видимо, можно прекрасную бригаду организовать из старых красноармейцев.*** <…> ***Но вы попробуйте организовать*** [бригаду для РККА] ***в станице Манычской, Богаевской. (Елизаветинской! — голос с места). И Елизаветинской, совершенно верно. Это совершенно другая беднота*** [у казаков], ***и совершенно иначе нужно с ней разговаривать — это хуже чем всякий, может быть, в среднем середняк-казак или даже кулак.*** <…> ***Конечно, крестьянская*** [русская. — Н.Л.] ***беднота совершенно другая»***[90].

Развитое этнокорпоративное чувство казаков было хотя и главным, но, разумеется, не единственным в числе тех факторов, которые сдерживали административное и идеологическое наступление большевиков на традиционные основы казацкого сообщества. Вторым, весьма важным фактором являлась сохраняющаяся даже после карательной фазы геноцида, бóльшая, в сравнении с великорусскими селами, зажиточность казацких станиц. Экономическая самодостаточность казацких хозяйств до поры до времени демпфировала, облегчала прессинг антиказацкого социально-экономического волюнтаризма Советской власти. До разгрома казацкого национального сопротивления в годы Гражданской войны хозяйственная активность в станицах и хуторах Присуда достигала высочайшего уровня и, конечно, разом уничтожить в семьях казаков материальный достаток, накопленный многими поколениями, было не по силам даже оккупационному режиму большевиков. Вот описание социально-экономического бытия на рубеже 1918 г. обычной, «средней» станицы Кубанского Войска оставленное очевидцем, этническим казаком Гавриилом Солодухиным.

«Станица Ильинская находится в 37 верстах от реки Кубань, к северу от нее, на хорошей, ровной, плодородной и свободной казачьей земле. Наша станица была большая, богатая хлебом, скотом, птицей. Все было свое. Чисто казачьего населения в станице, мужчин и женщин, было до 19 тысяч, а иногородних — до 5 тысяч.

Иногородние не имели права голоса в станичном самоуправлении. И как бы они ни были богаты и образованны, будь ты кто угодно — доктор, учитель ли, офицер ли, даже миллионер, — раз он не казак, то казаки, коренные жители станицы, называли их «мужиками».

В станице были две большие церкви, с двумя священниками в каждой и необходимым причтом: дьяконами, псаломщиками, хорами певчих своей станицы.

Была прогимназия. Имелись два двуклассных училища с пятилетним сроком обучения. Все, без исключения, дети казаков учились бесплатно, как и получали бесплатно все учебники. <…>

---

[89] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.145 Л.130.

[90] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.45 Л.124.

Казаки-побратимы в Финляндии. Во втором ряду: третий слева — полковник Федор Елисеев. Второй справа — Гавриил Солодухин. 1926 г.

Имелась большая больница с фруктовой усадьбой, под которую отведено было около двух десятин станичной земли. Казачье население лечилось и получало лекарства бесплатно, то есть все это принадлежало станице, было куплено и построено на казачьи общественные деньги.

В станице находилось немало частных предприятий, как то: две дизельные мукомольные мельницы, несколько водяных мельниц и довольно много «ветряков». На последних мололи только ячмень для корма лошадям, под названием «дерти». <...>

Был в станице частный кинематограф и небольшие заводы: кирпичный, дубильный, шерстобитный и кожевенный.

Дома у казаков крыты большей частью оцинкованным листовым железом, и только у немногих — камышом и соломой. Амбары крыты только железом: это был признак достатка и менее опасно в случае пожара. Два-три амбара полных зерном было не редкость у многих казаков. Конюшни и подъездные сараи для всей снасти (машин, ходов и пр.) крылись черепицей»[91].

Читатели, которые на личном опыте знают бытие преуспевающей советской деревни времен «застоя» (т.е. в эпоху Л.И. Брежнева), смогут подтвердить, вероятно, мнение автора данной книги: **«средняя» советская деревня никогда не достигла уровня развития вполне обычной станицы Ильинской ККВ начала XX века.** Существовали отдельные, «образцово-показательные» хозяйства и обслуживающие их рабочие поселки (так называемые ПГТ — поселения городского типа), которые в момент максимального взлета «развитого

[91] *Солодухин Г.А.* Жизнь и судьба одного казака// Джигитовка казаков по Белу Свету/ Составление, научный комментарий П.Н. Стрелянова-Калабухова. — М.: Центрполиграф, 2006. — С. 150–151.

социализма» только приближались к уровню развития станицы Ильинской. В целом же по РСФСР, «среднестатистическая» русская деревня, в сравнении с дореволюционной Ильинской, представляла собой руину.

К концу 1920-х гг. былое благоденствие казацких усадеб постепенно уходило в прошлое: административно-хозяйственная система РСФСР, как чудовищный, присосавшийся к шее народа упырь, вытягивала из казацких станиц все живые соки. Уже к середине 1921 г. в целом по Северо-Кавказскому краю, объединившему основные округа бывших Кубанского и Донского Войск, средний земельный надел на одно казацкое хозяйство понизился более чем в три раза: с 23 десятин пахотной земли до 7 десятин. Малоимущий казак В.И. Зерщиков из хутора Арпачин Багаевского района Северо-Кавказского края в конце 1925 г. гневно писал в редакцию «Крестьянской газеты»: «*Говорят, <...> что казачеству дана демократия. Возвращены какие-то старые привилегии. Казачья форма, даже холодное оружие. Что толку с этого. А средства к существованию отняли. Нас-то, казаков, выгнали* [с родовых земель], *дали по 1 д*[есятине] *земли, а иным и этого не попадает. Царское правительство отнимало у казаков землю, но всю не успело отнять, так советское правительство постаралось отнять*».

Однако, даже после тотального ограбления 1918—1922 гг., казацкие станицы на территории Присуда оставались богаче «иногородних» (т.е. русских) поселений, а корпоративная взаимовыручка казаков позволяла станичникам гораздо эффективнее, чем русским переселенцам, демпфировать бестолковые, подчас преступные экономические новины советских управленцев. По выборочным «гнездовым» обследованиям 1927 г. в структуре хлеборобов Северо-Кавказского края батраки и беднота составляли, в целом, немалые 39,9%. Однако в казацких станичных обществах удельный вес этих малоимущих групп достигал только 10—12%. При этом казацкая этносфера существенно превосходила «иногороднюю» (русскую) по удельному весу тех социальных групп населения, которые отличались более высоким материальным достатком. Если в массе южнороссийского крестьянства середняцкая группа составляла 55%, то у казаков — 73-75% (в общей структуре общества). Зажиточные люди (кулаки) составляли у «иногородних» переселенцев — 6,1%, а в казацких обществах — 10-12%[92].

Сохраняющаяся экономическая самодостаточность значительного большинства казацких семей внушала постоянную тревогу партийным эмиссарам ВКП(б) на Юге России, а в особенности представителям большевистской «охранки». Полномочный представитель ОГПУ в Северо-Кавказском крае Е.Г. Евдокимов в 1928 г. на одном из региональных совещаний партийных бонз признал, что целенаправленные агитационные мероприятия по стравливанию казаков-бедняков с казацкими «кулаками» оказались практически безрезультатными. Объяснение этому прискорбному для Советской власти факту малограмотный палач Евдокимов усматривал в том, что ***«наши кулаки грамотны, большинство из них бывшие командиры и в свое время в казачьих областях они являлись общественными работниками, вождями»***[93].

---

[92] *Баранов А.В.* Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921—1929 гг.) — СПб., 1996 — С. 275.

[93] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д.851. Л.117.

Существо по имени "Смерть"– Ефим Евдокимов. Один из самых кровавых палачей ВЧК-ОГПУ на Южном фронте. 1920 г.

Точно такое же фиаско, как и в ситуации с «классово-дифференцированным» подходом к казачеству, ожидало режим ВКП(б) на землях Присуда и в сфере национальной политики. Дружественных или хотя бы нейтральных взаимоотношений между переселенческим русским большинством и казацким коренным меньшинством никак не выстраивалось. Казаки втайне лелеяли военно-политический реванш над «русскими» (распространяя это определение не только на «иногородних», но и действующих в их интересах большевистских руководителей), при всяком удобном случае грозили «иногородним» поголовным выселением. В ответ «иногородние» открыто угрожали «добить ермаковцев», неустанно побуждали региональные структуры ВКП(б) к максимальному, вплоть до террора, ужесточению политики в отношении казаков. На землях Присуда не проходило ни одного собрания советского партхозактива, на котором бы не звучали требования «иногородних» об окончательном превращении казачества в экономического и этнополитического изгоя. «Иногороднее крестьянство, рядовые члены РКП(б), руководители низовых партийных ячеек и органов власти на местах, — констатируют историки А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, — **считали всех казаков (а не только зажиточных и «кулаков») врагами Советской власти, хотя и побежденными, но не заслуживающими ни снисхождения, ни доверия** [*выделено нами. — Н.Л.*]. У донских радикалов-казакофобов уже не было возможности обрушить на казаков массовые репрессии, но они в полной мере сохранили враждебность по отношению к казачеству, существенно тормозившую интеграцию казаков в советское общество»[94].

Отказ казацкого населения Юга России от «ценностей» интернационального советского пролеткульта. Важнейшим показателем краха этноцидальных установок ВКП(б) на землях Присуда в период НЭПа стало не ослабление и разрушение этнической

[94] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ. соч. — С. 237. В целом разделяя данную оценку исследователей, мы хотели бы подчеркнуть, что этнические казаки, как было показано выше, и сами не слишком-то стремились стать частью советского общества. Казацкое население справедливо считало Советский режим главным виновником своего социального бесправия, прогрессирующего обнищания и этнополитического унижения.

субъектности казачества, а, наоборот, существенное усиление тяги широких слоев казацкого народа к своей этнической культуре — к бытовым традициям, казацким песням и даже внешним символам (папахи, ремни, лампасы и т.п.). В широчайшем, базисном слое великорусского этносоциума большевикам с легкостью удалось вызвать отторжение, нигилизм, и даже инстинкты вандалов по отношению к русскому историческому наследию. Однако «угрюмое» казацкое сообщество категорически отказывалось менять свою этническую культуру на интернациональный советский пролеткульт. После 1925 г. большевистские идеологи, подобные С.И. Сырцову, испытали, по-видимому, жесточайшее разочарование, когда убедились, что этнические казаки отнюдь не горят желанием использовать смягчение политики режима ВКП(б) для лихорадочного поиска компромисса с Советской властью. Укрепление традиционных этнокорпоративных связей внутри казацкого сообщества, широкий шаг к восстановлению былой казацкой этносферы — к таким неожиданным для большевиков результатам привели этноцидальные установки апрельского (1925 г.) Пленума ВКП(б). Этнические казаки открыто и внятно давали понять, что не хотят становиться ни «советскими казаками», ни, тем более, «советскими людьми».

Владимир Ставский, по совместительству соглядатай Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и спецкор газеты «Молот», в зимне-весенний период 1928 года объехал около трех десятков станиц Дона, Кубани и Терека[95]. Свои наблюдения, собранные в основном на Кубани, Ставский опубликовал в виде отдельной книги путевых очерков. Неглупый, наблюдательный, тесно связанный с региональными структурами ВКП(б) журналист составил любопытное описание бытия «среднестатистической» кубанской станицы конца 20-х гг.

«В станице Вальяновской 2200 дворов, 11 тысяч жителей (60% казаков). Большинство станицы — до тысячи пятисот дворов — середняки. Не тамбовские или воронежские середняки — у кубанского пара-другая лошадей, коровы две, а то и три, десятин семь-восемь посева, бахча, огород, сад. Хлеба своего не только до нови — до третьей нови хватало.

Бедноты в станице около 500 дворов, кулаков — свыше 200. Да каких кулаков! У кубанского кулака не редкость паровая молотилка. В Вальяновской таких молотилок — сорок! У некоторых казаков — маслобойные заводы, дертянки, мельнички».

Напомним, что это описание именно «среднестатистической» кубанской станицы, сделанное в 1928 году, т.е. за полтора года до начала целенаправленного курса Советского государства на организацию самого чудовищного акта геноцида в мировой истории —

---

[95] *Ставский (Кирпичников) Владимир Петрович* (12/25. 08. 1900 – 14.11.1943) – советский писатель, генеральный секретарь СП СССР в 1936–1941 гг. Родился в великорусской рабочей семье. В 1915 г. окончил пять классов Пензенского реального училища. В 1918 г. вступил в ряды РКП(б). Активный участник Гражданской войны в рядах РККА, был ранен, Реввоенсовет Кавказского фронта наградил его именными золотыми часами. В 1919 г. являлся сотрудником Особого отдела ВЧК на Юге России. С 1924 г. редактор ростовской газеты «Молот». С 1926 г. секретарь Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей (СКАПП). С 1927 г. главный редактор ростовского журнала «На подъёме». В 1928 г. принимал участие в хлебозаготовках на Кубани. В 1932 г. по поручению ЦК ВКП(б) участвовал в организации Союза писателей СССР. В 1936 году стал генеральным секретарем СП СССР. Депутат ВС СССР 1-го созыва. После встречи с Михаилом Шолоховым 16 сентября 1937 г. написал донос на имя Сталина, в котором свидетельствовал о «грубых политических ошибках» создателя «Тихого Дона». В конце июня 1941 г. стал военным корреспондентом «Правды» на Западном и Калининском фронтах. Погиб под Невелем.

Голодомора. Характеристика Вальяновской, как видим, не слишком разнится с вышеприведенным описанием бытия кубанской станицы Ильинской на рубеже Революции.

Какие же общественные настроения обуревают казаков Вальяновской? Может быть, они слагают саги про военный гений Ворошилова и жертвенное народолюбие Ильича? Вспоминают подвиги Буденного и Щаденко? Поют песни про то, как «след кровавый тянется по седой траве» героя-большевика Щорса?

К разочарованию Владимира Ставского, казаки Кубани играли совершенно другие песни. По вечерам под окнами общественной квартиры (гостиницы), где проживал советский журналист, казацкая молодежь проходила с явно «белогвардейской» песней:

Наихалы вражи силы,
Руйнують станици,
Добро наше забырають,
Бьють нас из рушныци...

«Расспрашиваю местных работников, — повествует удивленный спецкор, — ***что это за песня? Председатель Темнов вскидывается:***

— Как, как? Да ведь это же «Пугач», ее в двадцать первом году пела контрреволюционная организация, как свой пароль».

После 1921 г. прошло семь лет: казаки пережили разгром в Гражданской войне, ужасы демоцида, «малую Гражданскую» казацких героев-повстанцев, бесчисленные экспроприации, контрактации, массовые «изъятия» мужского населения спецотрядами ВЧК-ОГПУ. Ознакомились с новым курсом ВКП(б) «лицом к казачеству». И вот итог пресловутого «советского строительства» на землях Присуда: контрреволюционный «Пугач» массово поют не белоказаки-возвращенцы, а подрастающая станичная молодежь. Причем свой казацкий «пароль» молодежь поет открыто, даже нарочито смело — буквально под окном главного крайкомовского «стукача». Позже Владимиру Ставскому довелось еще раз услышать эту контрреволюционную песню…

Ой, колысь мы панувалы,
А теперь не будем,
Того счастья, тии доли
По вик не забудем!
Ой, доки ж мы, браты мили,
Ой, будемо спаты?
Чи ны чуите, як плаче
Ридна Кубань-маты!..

Пронырливому корреспонденту «Молота» удалось подслушать в Вальяновской и такие разговоры станичников, которые явно не предназначались для ушей посторонних:

«Голоса примолкли. Кто-то тихо сказал:

— Тогда надо было воевать, когда наши [ВСЮР генерала Деникина. — Н.Л.] ***рядом были, а то все попрятались — не пойдем, не пойдем. Вот теперь и мучайся… Сейчас самим начинать — ничего не выйдет. Надо ждать, когда придут*** [войска противников СССР]*...* <…>

За Кубанью-рекой рвут динамитом, корчуют деревья, а по станицам — эхо:

— Наши идут. На Черноморском береге высаживаются. В Краснодаре Госбанк эвакуируется».

Однако самое сильное, без преувеличения — ошеломляющее впечатление произвел на корреспондента «Молота» казацкий национальный праздник в станице «советской» Кубани.

«В праздник выряжаются кубанцы в алые, малиновые, синие бешметы, — со смешанным чувством восхищения и досады пишет Ставский. ***— Узкие талии крепко стянуты поясами, сверкают серебряные — ажурной работы — газыри и наборы на поясках. Старики ходят в высоких бараньих шапках, а молодые в кубанках; жинки и девчата — в ярчайших кофточках и платьях. <…> В станичной деревянной церкви на весняного Николу — когда-то это был царский день — собралось больше двух тысяч взрослого населения.***

Весняный Никола празднуется станицей торжественно и пышно. В промежутке между ранней и поздней обедней в церковной ограде верующие обедали — по старинному казацкому обычаю. Котлы были принесены еще с вечера, а варка началась с рассвета, под густой зеленью акаций и раин. В прошлые годы для такого казацкого обеда резали целого быка, купленного на станичные деньги.

Под звон [колоколов] ***высыпала из церкви казацкая толпа — разряженная, цветная. Бывший станичный атаман Петро Христусь проплыл мимо стансовета в ярчайшем малиновом чекмене добротного сукна и в серой каракулевой папахе»***[96].

В конце 1926 г. высшее руководство ВКП(б) в полной мере осознало, что антиславянская Советская система стоит перед чрезвычайной по важности дилеммой. Сохраняя Россию в качестве преимущественно крестьянской страны, режим ВКП(б) неминуемо должен был разделить власть с теми политическими силами, которые отражали интересы крестьянского населения, прежде всего, — с разгромленными эсерами. В противовес этому интересы интернациональной «диктатуры пролетариата» (т.е. тоталитарного режима коммунистической партии) настойчиво диктовали совершенно иной политический курс — превращение страны в пролетарскую, денационализированную «промзону». В последнем случае этнических казаков, украинских селян, а местами и южнорусских крестьян, окрепших за годы НЭПа на отобранной казацкой земле, — всех вместе нужно было сокрушить экономически, а также максимально ослабить в этнополитическом аспекте самым разрушительным для этих этнических сообществ методом. Таким чудовищным методом резкого умаления, фактически уничтожения славянского земледельческого населения СССР стал рукотворный, специально выращенный в ретортах кремлевских алхимиков Голодомор — самое страшное бедствие, которое когда-либо в истории постигало славянское население Казацкого Присуда и Украины.

Экономические меры Советского режима по подготовке преступления Голодомора в основных хлебородных регионах России и Украины. Голодомор, как и всякая действительно глобальная катастрофа, не обрушился на казацкие станицы и украинские слободы вдруг, неожиданно. Сталинское Политбюро готовило это тягчайшее преступление коммунистического режима заранее и основательно.

Первые шаги к Голодомору были сделаны уже в 1926 г. Большевистский Кремль в этот год ужесточил законодательство о выборах в местные и региональные Советы. Одновременно на Юге России и в Украине, Советская власть ввела прогрессирующие налоги на

---

[96] *Ставский В.* Станица. Кубанские очерки. — М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1930. — С. 37 сл.

сельхозпроизводителей: чем больше зерна вырастил хлебороб — тем большую мзду он должен был заплатить Стране Советов. Общественный продукт СССР, ради ускоренной индустриализации, с помощью жесточайших методик перераспределялся в пользу государственной промышленности. «Экономика по-советски» привела к резко завышенным ценам на промышленные изделия, волюнтаристски заниженным ценам на сельскохозяйственные товары, а также к вытеснению частных и кооперативных производителей с рынка.

Повсеместно на территории славянских республик СССР были внедрены так называемые «ножницы цен» — между государственными закупочными ценами на сельхозпродукцию и государственными же отпускными ценами на промышленные изделия сельскохозяйственного назначения (плуги, веялки, сенокосилки и т.д.). Частная машиностроительная промышленность в Советской России приказала долго жить, сколько-нибудь крупную частную торговлю большевики также ликвидировали. Поэтому любой хлебороб, чтобы купить, например, веялку, должен был идти в магазин советской потребкооперации — только там по фиксированной государственной цене он мог приобрести нужное изделие.

Незатейливое, в сущности, волюнтаристское решение о «ножницах цен» позволило Советскому государству легально грабить сельского труженика в беспрецедентных масштабах. В 1913 г., при «антинародном» самодержавии Романовых, крестьянин, чтобы купить плуг, должен был продать 10 пудов ржи. Через десять лет, в 1923 г., ему для этой цели требовалось продать уже 36 пудов — фактические финансовые потери хлебороба возросли почти на 300%. В 1913 году веялка покупалась на доходы от продажи 60—70 пудов ржи (в зависимости от региона), через десять лет такая покупка стала эквивалентна стоимости 200—280 пудов. Ценовой эквивалент сенокосилки в 1913 г. составлял 208 пудов ржи, в советском 1923 году — фактически недоступные даже для середняка 816 пудов. «Ножницы цен» быстро обесценивали скудные сбережения казаков, украинцев, трудолюбивых русских крестьян, — накопленные рачительными селянами за недолгий период НЭПа[97].

После 1926 г. на землях Присуда, с целью быстрейшей аннигиляции казацких обществ в русской переселенческой массе, вновь стало практиковаться ускоренное землеустройство новых переселенческих и бедняцких хозяйств. За счет дальнейшего дробления и реквизий казацкой земли — теперь уже из фонда «трудовых» наделов этнических казаков — большевики стремились резко повысить численность генетически неказацкого населения на землях Войск. Новый этап циничного разграбления родовых земель закономерно вызвал резкую активизацию протестной энергии казаков. Историк А.В. Баранов отмечает, что уже в 1927 г. казацкое население существенно сократило свое участие в работе местных Советов, вообще во всех общественных инициативах Советской власти[98]. Казаки настойчиво требовали от региональных структур ВКП(б) свободных цен на зерно и права для частных производителей на экспорт хлеба, замены прямых налогов косвенными, снижения зарплат госслужащих и удлинения рабочего дня горожан до 12 часов. В казацких станицах вновь набирала массовую популярность идея создания автономной республики казаков на Северном Кавказе. Одновременно казаки требовали переизбрания краевых Советов «без иногородних и

[97] Крестная ноша: Трагедия казачества. Часть I. 1924-1934. — Ростов н/Д.: НПК «Гефест», 1994. — С. 251 сл.

[98] *Баранов А.В.* Политическая власть и сознание казачества на Северном Кавказе в 1926—1929 гг.// Казачий сборник. Выпуск 2. — Ростов н/Д.: ДЮИ, 2000. — С. 155.

коммунистов»; данное требование фактически означало перераспределение реальной власти в Северо-Кавказском крае в пользу этнических казаков и, соответственно, умаление политического веса инонациональных переселенцев из Великороссии.

В ответ окружные отделения ОГПУ Северо-Кавказского края при поддержке местных организаций ВКП(б) и активистов из «иногородних» перешли к организации масштабных репрессий против казачества. «Мягкая» политика этноцида стала неуклонно скатываться в привычное для большевиков кровавое русло массового демоцида. Уже в 1927 г. на территории Кубани подразделения ОГПУ осуществили многочисленные превентивные аресты местных казацких лидеров, — всех станичников, кто ввиду своей социальной активности имел несчастье попасть в поле зрения чекистских «органов». В отчете Ейского райкома ВКП(б) сообщалось, например, что ***«проведенные аресты контрреволюционных элементов на местах привели к тому, что казачество в значительной мере притихло и в отдельных случаях антисоветский элемент ушел в подполье*** [т.е. избежавшие ареста казаки перешли к повстанческой борьбе. — Н.Л.]». Секретарь Ейского района, «иногородний» Петр Горюнов в предельно циничной, издевательской манере заявил на одном из краевых партийных совещаний, что если раньше казаки ***«кричали повсюду против Сов***[етской] ***власти»***, то после волны арестов ***«они стали бояться не только говорить, но даже днем при людях думать*** [негативное о коммунистах. — Н.Л.], ***а думают*** [об этом] ***лишь только ночью, когда не спится»***[99].

В целом по Северо-Кавказскому краю большевистский режим перешел к методам решительного, жестокого подавления любых попыток самоорганизации казацкого населения[100]. В отдельных районах Северного Кавказа, начиная с весны 1927 г., органы ОГПУ перешли к внесудебному террору против «антисоветского элемента»[101]. Новый пароксизм большевистского террора против казаков получил безоговорочную поддержку неказацкого, переселенческого элемента, не на шутку встревоженного «мягкой» линией Советского государства в отношении «белогвардейских недобитков». Соответственно, в глазах этнических казаков кровавая тирания ВКП(б) в очередной раз подтвердила свою репутацию «власти русских». Остроте пароксизма взаимной нетерпимости весьма способствовала напряженная общественная атмосфера ожидания близкой войны со странами Запада, с неизбежной в этом случае интервенцией иностранных армий и возвращением распаленных местью казаков-эмигрантов.

В российской историографии имеется несколько версий о причине возникновения «военной тревоги 1927 г.»[102]. Нам представляется очевидным, что вне зависимости от источника возникновения этих военных ожиданий, нередко приобретавших форму общественной истерии, главным бенефициаром, получившим прямую выгоду от распространения слухов о близкой войне с Западом, стала Советская власть. Накануне решительного наступления на экономически независимое сельское население Юга России и Украины режим ВКП(б)

---

[99] ЦДНИРО. Ф.5. Оп.1. Д.141. Л.13а.

[100] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ. соч. — С. 234.

[101] *Баранов А.В, 2000*. Указ. соч. — С. 155.

[102] Основательный анализ проблемы: *Баранов А.В*. «Военная тревога 1927 г.» как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России)// Человек на исторических поворотах XX века. [Сб. ст.]. — Краснодар, 2006.

активировал органичные для великорусского этнического сознания архетипы внешней угрозы — «близость алчных захватчиков» и «жизнь в осажденной крепости». Тем самым сталинское Политбюро вновь сумело сплотить вокруг ВКП(б) значительное число великорусов — свою основную этнополитическую опору в России и в СССР. Жителям голодающих русских деревень и недоедающих городов РСФСР доходчиво объяснили «очевидную» причину, из-за которой многотерпеливым русским людям вновь необходимо было затянуть свои пояса.

«Награду» за свое поразительное, в каких-то аспектах девиантное долготерпение великорусский люд получал незамедлительно. Иностранных наблюдателей буквально шокировала разность в социальных стандартах жизни в Великороссии и в так называемых национальных республиках СССР. Советник посольства Германии Густав Хильгер так резюмирует свои впечатления от посещения промышленных центров СССР в конце 1920-х гг.: «Строительство жилья для рабочих [*в русских городах. — Н.Л.*] очень сильно отставало от даже минимальных потребностей. Поэтому заводским рабочим, мужчинам и женщинам, которые хотели найти жилье вокруг Сталинграда, Магнитогорска или Кузнецка, приходилось жить в пещерах [*землянках*], которые они выкапывали в окрестных холмах. Если люди и могли существовать и выполнять полезную работу в таких жилищных условиях и при огромной нехватке продовольствия и товаров первой необходимости, то это можно объяснить общеизвестным фактом, что русский народ не привык к чему-то другому, кроме страданий и нехватки. <…> В противоположность тем страшным условиям, которые мы обнаружили на Урале и в Сибири, Закавказье представило куда более приятную картину. Особенно в Баку, с которым я познакомился задолго до Первой мировой войны, я был удивлен прогрессом, достигнутым в строительстве жилья для рабочих. Такие города, как Тифлис и Батум, также, похоже, не разделяли крайне низкий уровень жизни населения других [*славянских. — Н.Л.*] частей Советского Союза»[103].

Население Юга России по-разному воспринимало упорно циркулирующие слухи о близкой войне с державами Запада. Русское «иногороднее» большинство (особенно станичная беднота) всецело поддерживало Советскую власть, требовало выдать оружие для отпора интервентам. Многие ветераны борьбы с Белым движением намеревались создать «союзы красных партизан», ширились слухи, что известный красный командир Д.П. Жлоба начал уже создавать народное ополчение. Бывший красноармеец из станицы Воронежской на Дону публично призывал: ***«Первым долгом перед войной надо выбить заядлых казаков, чтобы в тылу не было разбоя и банд»***. В целом по Северо-Кавказскому краю, «иногороднее» большинство не усматривало для себя никаких преимуществ — в случае иностранной интервенции. Русские переселенцы были согласны поддерживать режим ВКП(б) даже путем выплаты бóльших налогов из своего собственного кармана[104].

Этнические казаки, напротив, совершенно не горели желанием защищать с оружием в руках «социалистическую Родину», а все свои позитивные надежды связывали с приходом армий интервентов, в составе которых (как наивно надеялись станичники) вернулись бы на земли Присуда отряды казацких освободителей-белоэмигрантов. Органы ОГПУ по всему Северо-Кавказскому краю отмечали желание многих казаков во время будущей войны, не

[103] *Хильгер Г., Мейер А.* Россия и Германия. Союзники или враги? — М.: Центрполиграф, 2008. — С. 298–299.

[104] *Баранов А.В, 2000*. Указ. соч. — С. 156.

дожидаясь разгрома Красной Армии внешними силами, самостоятельно «разделаться с этой сворой», «повернуть оружие на коммунистов»[105]. На землях Войска Донского, например, такие настроения проявлялись особенно ярко в Сальском и Шахтинско-Донецком округах, где после Гражданской войны наблюдалось мощное повстанческое антибольшевистское движение. Здесь некоторые казаки, настроенные наиболее решительно, заранее готовили для себя необходимый боезапас, скупая с этой целью у населения винтовочные патроны по 20—25 копеек за штуку. В условиях общеказацкого имущественного разорения такую цену можно считать достаточно высокой[106]. Подобные ожидания скорой и теперь уже истребительной схватки с большевиками были характерны также для этнических казаков Терека и Кубани.

Массовые протесты против аграрной политики ВКП(б), подогреваемые слухами о неизбежной войне, охватили осенью 1927 года многие кубанские станицы. Хотя основные требования протестующих касались мер хозяйственного и налогового регулирования, часть станиц выдвинула к «иногородним» переселенцам весьма жесткие, ультимативные претензии. Кое-где казаки от слов перешли к прямой конфронтации. Так, например, казаки станицы Старокорсунской сорвали засев 70% реквизированных у них и переданных крестьянам земель, разломали их сельхозинвентарь, поджигали дома «иногородних», избивали сопротивлявшихся[107]. Краевой аппарат ВКП(б), ознакомленный, конечно же, с рекомендациями Сергея Сырцова об использовании конфликтных ситуаций с казачеством для «вмешательства Центра», немедленно ввел в Старокорсунскую опергруппу ОГПУ, которая провела массовые «изъятия» этнических казаков в концентрационные лагеря.

Нищета, унижение и безысходность: страшное бытие этнических казаков в «интернациональном гетто» Страны Советов. В начале 1928 г. — последнего года перед «великим переломом» всего славянского земледельческого населения СССР — Советское государство резко усилило экономический и репрессивный прессинг на казацкий народ. Фаза «мягкого» этноцида казаков, не принесшая ее инициаторам ни чаемых результатов, ни партийных лавров, завершилась. Начиналась подготовка к следующему, со всей очевидностью — финальному этапу уничтожения казацкого этнического сообщества. Вновь основным методом «разговора» режима ВКП(б) с коренным казацким населением Присуда стали концентрационные лагеря, депортации в заведомо нежилые, гиблые местности, внесудебные расстрелы.

1928 год в этом контексте — это первая ступенька в Голодомор, первый этап подготовки беспрецедентного в мировой истории преступного деяния: организации Советским режимом массового вымирания мирного сельского населения России и Украины. В 1928 г. административно-карательная машина ВКП(б) вновь вернулась к политике продразверстки, т.е. к насильственному, *de facto* беззаконному изъятию зерна у свободных хлеборобов, к сдавливанию их хозяйственной инициативы в тисках прогрессирующих налогов, к методичным распродажам за бесценок конфискованного за хлебные недоимки имущества селян. С фактическим завершением периода НЭПа ситуация с прямым и косвенным ограблением

---

[105] ЦДНИРО. Ф.97. Оп.1. Д.76. Л. 2—4; 28—32; 51—52; 81—82; 102.

[106] Из информационной сводки ОГПУ по Северо-Кавказскому краю о ходе хлебозаготовок. 19 февраля 1928 г. // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД в 4-х томах./ Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 2. — М., 2000. — С. 706.

[107] ГАКК. Ф. Р-383. Оп.1. Д.41. Л.263.

сельского труженика Советским государством ухудшилась многократно. Советская «народная экономика» буквально выпивала живую кровь казаков, украинского, великорусского и белорусского крестьянства. Антология писем простых казаков и казачек, собранная историком В.С. Сидоровым, открывает поразительную, исключительную по достоверности картину усугубляющейся нищеты и безысходности практически всех казацких семей, все еще остающихся в 1928 году на родовых землях Присуда.

Письмо с Дона, Усть-Медведицкий округ:

«...Жизнь подошла невыносимая. Налоги непосильные, хлеба нет, муку, сахар, чай — дают по карточкам, и то не достанешь. Частная торговля не существует, а в кооперативах всего нельзя достать. Доставили мануфактуру и дают исключительно за хлеб. Вообще, если будет в этом году неурожай, то погибло все!»

С Кубани; письмо молодой казачки брату-эмигранту:

«Ты пишешь, чтобы я не выходила замуж за мужика [т.е. за великоруса. — Н.Л.], *а ведь не знаешь, что ребят-то казаков у нас нет. Раньше их было много, сейчас же — нет. Да за казака я и не собираюсь выходить. Выходить из-за того, что он казак? Так я скажу, что здесь* [на Кубани] *казачество ничто уже, но самый бедный и самый грязный человек. В старое время они* [казаки] *действительно выделялись и жили хорошо, но здесь — хуже иногородних».*

С Терека; письмо пожилого казака:

«Из нашей станицы выслали 11 человек, а из ст. Змейской — четырех, в том числе сотника А.А. Игнатенко, вернувшегося из Поти [Турция]. *Он было обучал молодых красных казаков, но оказался не по нутру. Веха выслали в Забайкальскую область. Двух казаков, вернувшихся тогда из Поти вместе с Игнатенко, тогда же расстреляли».*

С Кубани, Лабинский отдел; письмо другу-эмигранту:

«Теперича я опишу тебе свою жизнь. У нас все движется к коммунизму: выполняем хлебозаготовку, забирают хлеб, т.е. пшеницу —добровольно под метелку, так что и самим нечего кушать. Хлеб продают печеный в кооперации, становиться надо в затылок [в очередь. — Н.Л.] *— тогда купишь, и не столько, сколько хочешь, а сколько дадут. Задавили нас* [казаков], *как мух, разными налогами, жить дальше невозможно. Не знаем мы, что будет с нами дальше, очень плохо нам».*

С Терека; письмо казака-середняка:

«В 25 году был хороший урожай, и машиной [имеется в виду, вероятно, паровая молотилка. — Н.Л.] *очень хорошо можно было заработать, и каждый старался купить машину, пока власть не касалась до них, а теперь им* [машинам] *и не рады. Если есть лишняя садилка, букарь, борона, если два предмета — из них за одну плати, которая стоит. Теперь и за свинью заплати, и за курицу, и за корову, и за быка, и за постройку, и за десятину, что бы ты ни сеял, так что в этом году будем сеять только шесть десятин».*

С Кубани; письмо казака-интеллигента другу в эмиграцию:

«Найти на Кубани место писаря или счетовода, или конторщика нашему брату-казаку совершенно невозможно. Все места, все дырки заполнены пришлым элементом, партийными коммунистами. Вы можете встретить в стансовете, в кооперативах жидов, грузин, латышей, москвичей, некоторые из них и по-русски говорить не умеют,

но казаков, если и найдется 1–2%, то это много. Вы интересуетесь нашими станичными коммунистами П., К. и другими. Укусили бы они теперь себя за локоть, да не достанут [намек на досаду «красных» казаков за свое участие в Гражданской войне на стороне РККА. – Н.Л.]. *Такие же потрепанные и они, как все остальные казаки*»[108].

Существует значительный пласт документальных и свидетельских материалов, убедительно показывающих, как большевики, еще до официального старта коллективизации, обрушили тяжкий пресс налогов и хлебных реквизий на все славянские народы СССР. Положение этнических казаков оказалось наиболее невыносимым. Этнические казаки не имели, в отличие от белорусов и украинцев, собственной республиканской автономии, к тому же устойчивое реноме «недобитых ермаковцев» до предела ограничивало, даже для лояльных станичников, возможности их социального выживания в Советской системе. Накануне коллективизации режим Советской власти на территориях Казацкого Присуда оставался фактически оккупационным: для активной части казацкого народа большевики целенаправленно создавали невыносимые для нормальной жизни условия. Казацкая молодежь, не обремененные детьми семьи, все здоровые, социально активные люди казацкого происхождения настойчиво подталкивались режимом ВКП(б) к нелегкому выбору: либо переходить к повстанческой борьбе с Советской властью, либо навсегда покинуть родные земли Присуда, затеряться от бдительного ока чекистов где-то на просторах Советского Союза и там, выдавая себя за «русских», начать строить новую жизнь. Память о страшном кровопускании, устроенном большевиками в годы так называемой Гражданской войны, предопределяла выбор казацкого этнического большинства: с каждым месяцем все большее число станичников либо покидало земли Присуда, либо готовилось это сделать.

Таким образом, в конце 1920-х гг. на родовой казацкой земле режим ВКП(б) реализовал наиболее циничную, изощренную технологию этноцида: создание столь чудовищных социально-экономических условий, при которых намеченный к уничтожению этнос начинает проявлять решимость к добровольной аннигиляции в среде чуждых ему народов.

Первыми стали упаковывать походные баулы казаки-репатрианты: эти люди, имевшие возможность сравнить условия жизни на Западе и в РСФСР, теперь страшно жалели о своем возвращении в живодерню, которую приготовила им советская «Родина-мать». Пытались выехать за рубеж казаки-некрасовцы, а также этнические немцы, проживавшие в Тарасовском и Миллеровском районах бывшего Войска Донского[109]. Выезд за рубеж удался только единицам. Основная же масса людей, пожелавших расстаться со Страной Советов, вскоре тоже покинула земли Присуда, правда, выезжали эти люди уже в вагонах для перевозки скота, и не на запад, а на восток.

Органы ОГПУ на Кубани в мае 1928 г. докладывали партийному руководству: ***«В некоторых станицах Армавирского округа число желающих переселиться*** [достигает] ***до 800 душ (ст. Темнолесская). В ст. Воронцово-Николаевской имеется стремление переселиться в Уругвай. Ясно, что такой настрой возник, прежде всего, у репатриантов-***

[108] Выдержки из писем 1928 года. См. подробнее: Трагедия казачества. Часть I. 1924–1934 гг. – Ростов н/Д.: НПК «Гефест», 1994. – С. 82–94.

[109] ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.797. Л.23; Ф.75. Оп.1. Д.96. Л.59.

лишенцев»[110]. Аналогичные устремления ОГПУ отмечало у терских и донских казаков: ***«Усиливаются переселенческие тенденции, особенно по Ставропольскому и Сальскому округам. Среди населения агитация за поголовное переселение»***[111]. В ноябре 1928 г. из Госплана РСФСР на имя Иосифа Сталина поступил доклад, в котором указывалось, что на Северном Кавказе тысячи семейств сельских жителей отказываются от права владеть землей. ***«Сильная тяга к переселению,*** — констатировал сотрудник Госплана, — ***наблюдается у казаков: едут в Уссурийский край, Минусинские степи и на Сахалин»***[112]. Создавалось впечатление, что казацкое население в принципе было готово переселиться куда угодно — лишь бы покинуть тот рукотворный ад, который методично создал оккупационный режим ВКП(б) на недавно таких благодатных землях Казацкого Присуда[113].

На старте «великого перелома»: новый этап повстанческой борьбы казаков с оккупационным режимом ВКП(б) в конце 1920-х гг. В 1928 году, одновременно с намерением эмигрировать из родных мест, в казацком народе усилились повстанческие настроения. Историк А.В. Баранов отмечает, что если в 1926 г. чекисты раскрыли в Северо-Кавказском крае 91 антисоветскую группу с 416 участниками, то в 1927 г. — уже 243 группы, общей численностью 1293 повстанцев. Протест станичников усиливался, несмотря на массовые превентивные аресты.

В 1928 г. советская «охранка» констатировала разгром уже 273 «антисоветских» и 133 «контрреволюционных» групп общей численностью 1643 участника[114]. Только за первый квартал 1928 г. в Северо-Кавказском крае органы ОГПУ зафиксировали 32 террористических акта, а всего за этот год наследники Дзержинского открыли следственные дела на 3196 человек. Поскольку земли Присуда после 10 лет советской оккупации фактически стали «страной вдов», протестные акции в Северо-Кавказском крае приобрели отчетливо женское лицо — только за май 1928 г. полпредство ОГПУ зарегистрировало участие в «бабьих бунтах» около 10 тысяч женщин.

Ведомственная статистика ОГПУ, проанализированная доктором исторических наук А.В. Барановым, свидетельствует, что в 1928—1929 гг. именно казацкое население являлось в Северо-Кавказском крае этнополитическим локомотивом протестных акций. Чекисты

---

[110] ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.801. Л.122.

[111] ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.803. Л.34.

[112] ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.797. Л.21, 26.

[113] В 1928 г. минуло только около десяти лет с того дня, как генерал Петр Врангель, следуя проездом из Сочи в Екатеринодар, посетил по пути станицы Лабинского отдела ККВ: Петропавловскую, Михайловскую, Курганную, Константиновскую, Чамлыкскую. Вот путевые наблюдения генерала на период апреля 1919 г.: «Тепло и сердечно встретили меня казаки. Подолгу беседовал я со станичными атаманами. Обедал со стариками в станичном правлении. Осматривал школы, училища и лечебные заведения. Пронесшаяся над краем гроза, казалось, не оставила никакого следа. Жизнь вошла в обычный уклад, и огромные богатые станицы успели оправиться. Все дышало довольством и благоденствием. Казаки очень интересовались общим нашим положением, подробно меня обо всем расспрашивали. <…> Я лишний раз убедился — насколько общий умственный уровень кубанских казаков сравнительно высок». См. подробнее: *Врангель П.Н.* Записки: В 2 ч.// Белое дело: Летопись белой борьбы. [Сб. ст.]. — Берлин, 1928. Т.5. — С. 117.

[114] Здесь и далее статистические данные по национально-освободительной борьбе казацкого народа и действиям ОГПУ заимствованы из работы: *Баранов А.В.* Политическая активность и сознание казачества на Северном Кавказе в 1926—1929 гг.// Казачий сборник. Вып. 2. — Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000. — С. 154—173.

отмечали «особое неблагополучие» в Кубанском, Донском, Армавирском и Терском округах СКК, т.е. на территориях, где казаки все еще продолжали оставаться значительной частью местного населения. «Иногородние» разделяли общий негативный настрой хлеборобов края относительно хлебозаготовок, принудительных займов и самообложения по своему обыкновению — пассивно, без воинственности, с инфантильной надеждой на «милость» властей.

В целом, по Северо-Кавказскому краю в 1928 г. казаки являлись инициаторами 289 антисоветских выступлений (из общего числа 396 акций), казацкие представители высказывали 58 из 77 повстанческих призывов, распространяли 58 из 86 негативных для Советской власти слухов. На фоне такой статистики ОГПУ потребовало от региональных властей края немедленной санкции на проведение масштабных антиказацких репрессий. 22 июня 1928 г. Советское государство вновь нанесло мощный упреждающий удар по казацкому населению: единовременно во многих станицах края чекисты «изъяли» несколько сотен казацких активистов. Семьи арестованных были обречены на насильственную депортацию. Имея представление о крайней жестокости сталинского режима в борьбе с политическим инакомыслием, логично предположить, что в советских застенках участь всех арестованных казаков оказалась трагической.

Зимне-весенний период 1929 г. — роковой рубеж начала сталинской коллективизации. В казацкие станицы пришла первая волна голода, вызванная резким уменьшением запашки и недородом зерновых в 1928 г. Начавшийся голод и неуклонное ужесточение прессинга Советского государства на свободных хлеборобов вызвали новый виток противоборства казацкого населения и органов ОГПУ. В трех округах Северо-Кавказского края с наибольшим процентом казацкого населения чекисты только за декабрь 1928 — январь 1929 гг. зафиксировали 57 подпольных собраний. Ширился масштаб арестов: в 160 вновь образованных колхозах края чекисты «изъяли» 186 кулаков, 25 бывших офицеров, 48 торговцев, 15 бывших помещиков, 20 атаманов, 66 реэмигрантов, 31 бывшего полицейского. Значительное большинство арестованных являлись, по-видимому, этническими казаками. В начале января 1929 г. началось восстание терских казаков в станицах Зольской и Горячеводской. Закрытые архивы ФСБ не позволяют установить точное число повстанцев, а также подлинные масштабы террора ОГПУ при подавлении восстания. По циничному сообщению первого секретаря краевого комитета ВКП(б) Анастаса Микояна только в станице Зольской ***«человек 100 изъяли: 24 чел. расстреляли, человек 30 в Соловки сослали; теперь они*** [станичники] ***смирные»***[115]. По другим данным, — общее число арестованных казаков составило около 200 человек, причем какая-то часть станичников Горячеводской и Зольской, успев захватить оружие, смогла уйти в горы для продолжения вооруженной борьбы с Советской властью[116].

В течение 1929 г. борьба антиславянского режима ВКП(б) и загоняемых в гетто коллективизации свободных сельских тружеников приобретала все большую остроту. Тотальная официальная пропаганда Кремля на все лады расписывала ожидаемые блага от обобществления земли, сельскохозяйственного инвентаря, лошадей и скота. Казаки, уже наученные

---

[115] Поскольку Соловецкий лагерь фактически являлся «лагерем смерти» — советским аналогом Освенцима и Майданека — нет никаких сомнений в том, что все сосланные туда казаки были, в конечном счете, физически уничтожены. См.: ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.967. Л.242.

[116] Трагедия казачества. Часть I. 1924—1934 гг. Указ. соч. — С. 112.

жизнью в «соцтрудлагере», стали понимать, что столь массированная обработка сознания ведется неспроста, а впереди — не просто временный зигзаг «красного» насилия, но создание нового, античеловеческого, абсолютно не похожего на их прежнюю жизнь коммунистического бытия. Осознание этого факта погружало некоторых станичников на самое дно социальной апатии и безразличия ко всему. Другие казаки, которых после десятилетия геноцида оставалось уже немного, поднимались на самую яростную, бескомпромиссную борьбу с «иногородне-коммунистическим» режимом.

Репрессивные органы Советского государства заранее предупреждали руководство СССР и партийные власти Северо-Кавказского края о неизбежном обострении политической обстановки, вплоть до начала открытого вооруженного противоборства. Полпред ОГПУ в Северо-Кавказском крае Ефим Евдокимов 30 ноября 1928 г. информировал бюро крайкома ВКП(б), что ***«антисоветские кулацко-казачьи группировки переходят к прямой контрреволюции, скатываются к подполью и террору»***. Главный палач ОГПУ на Северном Кавказе, для противодействия «бандитам», предложил вновь вернуться к эффективному методу, давно освоенному его подручными, — ***«надо расстреливать больше и без печати»*** (т.е. негласно)[117].

Современные наследники Феликса Дзержинского по-прежнему неусыпно, как пес Мордор[118], охраняют свое «царство мертвых» — ведомственные архивы ВЧК-ОГПУ-НКВД. Поэтому пока невозможно установить — насколько результативным по факту оказалась данное людоедское предложение Евдокимова. Однако, имея представление о репрессивной практике режима Иосифа Сталина, можно с уверенностью предположить, что накануне и в период коллективизации спецотряды ОГПУ использовали внесудебные расстрелы подозреваемых в широчайших масштабах — особенно в удаленных хуторах и станицах края. Достоверно известные факты государственного террора свидетельствуют, что большевистская «охранка» старалась работать с размахом — на устрашение. Так, например, в селе Белая Глина СКК после убийства местного коммуниста «органы» арестовали сразу 40 человек[119]. Тем не менее, затушить в казацких районах накал ненависти обездоленного народа не удавалось: только за первый квартал (январь—март) 1929 г. ОГПУ зафиксировало почти четырехкратное увеличение актов политического террора, в сравнении с аналогичным периодом 1928 г. (116 против 32).

В дальнейшем Северо-Кавказский край охватила, без преувеличения, новая «малая Гражданская война»: согласно отчетам ОГПУ только за два месяца (май-июнь) в крае произошло 1047 протестных выступлений и было совершено 183 террористических акта против функционеров Советского режима[120]. За 10 месяцев 1928 г. так называемые «акты террора»

---

[117] ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.703. Л.111–112.

[118] В древнегреческой мифологии пес Мордор — змееголовый монстр, охраняющий переправу через подземную реку, за которой начинается Царство мертвых. Мордор никогда не знает сна, а пищей ему служат души неродившихся младенцев, погибшие в утробе своих убитых матерей.

[119] Трагедия казачества. Часть I. 1924–1934 гг. Указ. соч. — С. 137.

[120] Характеризуя происходившую в Северо-Кавказском крае повстанческую борьбу как «террористические акты» мы, к сожалению, volens-nolens используем ведомственную лексику чекистов. Важно понимать, что даже самые жесткие действия повстанцев — вплоть до убийств сотрудников ОГПУ и хлебозаготовителей — являлись вынужденной, спровоцированной грабительской политикой Советского режима мерой самообороны. В отношении казацкой повстанческой борьбы правильнее, по-видимому, использовать термин «акт самозащиты» или

участились — с 144 эпизодов во всем крае до 409 (причем последняя цифра отражает статистику повстанческого террора исключительно в зерновых округах СКК).

В ответ на отчаянное сопротивление казацкого народа ширился масштаб карательной активности ОГПУ: только за май-июнь в чекистские застенки попали 453 человека, из которых 420 проходили по документам следствия как «кулаки». В начале осени 1929 г. краевые органы ВКП(б) рапортовали главному диктатору страны Иосифу Сталину уже о 1176 арестованных и 1569 подследственных. Всего же до конца 1929 г. ОГПУ раскрыло на Северном Кавказе 370 подпольных групп с участием в антисоветской деятельности 3736 человек. Арестовали чекисты, исполняя главный завет Вождя «лес рубят — щепки летят», значительно больше: около 4200 чел. По подсчетам Е.Н. Осколкова, только в хлеборобских районах Северо-Кавказского края за 1929 г. произошло 409 терактов против советских активистов и членов ВКП(б)[121]. Реальную картину антисоветского сопротивления хлеборобов (включая национально-освободительную борьбу казаков) можно будет реконструировать только после полного рассекречивания и введения в научный оборот архивов ОГПУ-НКВД.

Историк А.В. Баранов отмечает, что, судя по сообщениям о реабилитации жертв коллективизации, осенью 1929 г. органы ОГПУ провели превентивную операцию по массовому раскулачиванию в Северо-Кавказском крае. «Первый удар пришелся, — подчеркивает исследователь, — на зажиточные и образованные слои, связанные до 1920 г. с управленческим трудом, — на бывших атаманов, членов станичных правлений и писарей, учителей, агрономов. **«Изъятию» подлежали повстанцы и репатрианты, «антисоветские элементы» и члены их семей. Ярко проявилась антиказачья направленность репрессий** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[122]. Весьма показательно, что в 1929 году, как и во все прошлое лихолетье после установления в России большевистской диктатуры, — машина государственного террора ВКП(б) наносила свой наиболее сильный удар именно по образованному слою казацкого народа. **Логика этноцида закономерно подталкивала Советское государство к уничтожению в казацком сообществе, в первую очередь, мыслящих, систематически образованных людей. Планомерно «изымались» все этнические казаки, — кто потенциально оказывался способным к адекватному анализу сложившейся политической обстановки и осмыслению долгосрочных общенациональных задач.** В конце 1920-х, в среде запуганного и дезориентированного казацкого населения, инициативных людей, способных к решительным действиям против оккупационного режима, оставалось уже совсем немного.

Биографические сведения о реабилитированных в 1989—1991 гг. казаках позволяют создать усредненное резюме казацкого повстанца начального периода коллективизации.

«вооруженный акт национальной самообороны». Симптоматично, что самим казачеством именно в таком смысле — как самозащита — воспринималась в эти годы вооруженная борьба против преступной антиславянской политики ВКП(б). Так, в станице Петропавловской Армавирского округа Кубани ОГПУ разгромила группу «Самозащита казачества» во главе с казаком-реэмигрантом П.Е. Малаховым. Группа готовилась к вооруженному восстанию против режима ВКП(б), которое планировала начать в момент интервенции западных держав. Мысль о таком вторжении лелеяло в эти годы подавляющее большинство казацкого населения Северного Кавказа. См.: Самозащита казачества// Кубанские новости. 1922. 22 июля.

[121] *Осколков Е.Н.* Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. — Ростов н/Д., 1973. — С. 143—144.

[122] *Баранов А.В., 2000*. Указ. соч. — С. 167.

Палачи хоронят палача. Почетный караул чекистов у гроба сотрудника ОГПУ тов. Деревяникина, погибшего в бою с повстанцами. Юг России. 1929 г.

Этот человек не состоял в рядах ВКП(б), его возраст мог варьировать от 23 до 53 лет, имеющееся образование, в лучшем случае, было начальным. Даже в краткосрочной перспективе подобные «антисоветские элементы» не могли создать сколько-нибудь серьезную угрозу Советской системе, располагавшей самыми жестокими и самыми многочисленными в мировой истории карательными органами. Лидеры ВКП(б) и эмиссары партии на Кавказе были прекрасно осведомлены о чрезвычайном оскудении интеллектуального слоя казацкого населения, который к началу 1930-х годов попросту вырезали поголовно. Возможно, поэтому ОГПУ решило с помпой доложить всему составу Политбюро ЦК о неожиданно обнаруженной в Херсонском округе СКК повстанческой организации, руководство которой составляли чудом уцелевшие казацкие офицеры. Персональный состав руководства повстанцев сразу же сказался на декларируемых целях нелегальной организации. В случае успеха своей борьбы казацкие повстанцы рассчитывали добиться созыва Учредительного собрания и обеспечить реальную национальную автономию Войска Донского. Вердикт Политбюро ЦК по докладу ОГПУ легко предсказуем: 50 руководителей «эсеровско-повстанческой организации», в основном казацкие офицеры и репатрианты, были расстреляны[123].

[123] Власть и оппозиция. — М., 1995. — С. 144–145.

Обобщая вышеприведенный материал об этноциде казацкого народа в период 1922–1928 гг., подчеркнем, что в условиях экономического либерализма НЭПа режим ВКП(б) не смог добиться намеченных на самом высоком партийно-государственном уровне этноцидальных целей в отношении казаков. Центральная идея Сергея Сырцова и других фигур в большевистском руководстве — о возможности политического стравливания разных слоев казацкого сообщества, разделенных по признаку имущественного благосостояния, — оказалась умозрительной, ложной, хотя и была основана на безусловно успешной для ВКП(б) «великорусской» модели. **Казацкий народ проявил исключительную приверженность к сохранению прочных этнокорпоративных связей, — как в среде казацкого социума в целом, так и в границах отдельных станичных обществ.**

Большевики потерпели позорное фиаско и в другом важном аспекте своей этноцидальной политики: несмотря на значительные усилия большевистских агитаторов, подкрепленных всей мощью тоталитарного аппарата ВКП(б), в среде казацкой молодежи не удалось вызвать негативизм, презрение, чувство отторжения от казацкой национальной культуры и воинских традиций предков. Напротив, — чем большее давление советского «пролеткульта» на свои национальные традиции испытывал казацкий народ, тем большее уважение и приверженность этим ценностям демонстрировали молодые казаки. Вырезав казацкое население Юга России до половины от его предреволюционной численности, большевики не сумели, тем не менее, поставить этнических казаков на колени. Тысячекратно озвученная угроза большевиков — превратить казаков в этнополитических и экономических лузеров по отношению к численно преобладающему, в значительной мере советизированному «иногороднему» элементу, — претерпела позорный крах. Вплоть до новой, массовой кампании государственного террора в самом конце 1920-х гг. казацкие станичные общества Присуда оставались в этнополитическом плане весьма конкурентоспособными, способными, при благоприятных внешних обстоятельствах, нанести «иногородно-коммунистическому» режиму ВКП(б) на Северном Кавказе весьма чувствительный удар.

Политическое руководство СССР отдавало себе отчет в том, что вся предыдущая политика ВКП(б) создала на территориях бывших Казацких Войск и Украины постоянную, глубоко враждебную идее коммунизма, всегда готовую к национальному сопротивлению «пятую колонну». Демографический масштаб этой славянской «пятой колонны» (с учетом населения Украины) исчислялся миллионами людей. С началом всеобщей коллективизации в основных хлебородных регионах СССР совокупный этнополитический потенциал казацкого, украинского и даже частично южнорусского населения стал представлять для узурпаторского, антиславянского режима ВКП(б) потенциально самую опасную угрозу. Осознание этого крайне тревожного для Советской власти факта сыграло, на наш взгляд, определяющую роль в идейном обосновании и последующем неуклонном осуществлении нового этапа геноцида казаков и украинцев, получившего в мировой истории леденящее душу наименование — Голодомор.

Глава VIII

УБИЙСТВО ГОЛОДОМ:
Голодомор казаков 1932–1933 гг.

Голодание, голод, Голодомор: смыслы и критерии применения терминов. — Этнополитическая специфика Голодомора 1932-1933 гг. — Миф о непредумышленном, ситуационно возникшем летальном голоде. — Превентивный удар Советского режима по казацкому и украинскому сопротивлению коллективизации. — 1928-1929 гг.: период окончательной ликвидации состоятельного слоя казацкого народа. — 1930-1931 гг.: период «массовых операций» административно-карательной машины СССР против казаков-середняков. — Процесс разрушения казацкой этносферы накануне Голодомора. — Начало Голодомора: полное разграбление продовольственных запасов селян Северного Кавказа и Украины. — «Скотская работа» казацкого населения Кубани и Дона. — Оккупационно-колонизаторская политика Советского режима в Украине и на Юге России. — «Сталинский апостол» Лазарь Каганович. — Государственный террор комиссии Кагановича и ОГПУ на Северном Кавказе. — Тихорецкое восстание: последнее массовое вооруженное сопротивление казаков Кубани. — Система «черных досок»: технология изощренного геноцида. — Массовые этнические чистки в казацких станицах Северного Кавказа. — Массовые депортации казаков как преступление геноцида. — Дискриминация казацкого населения на землях Присуда в период Голодомора. — Декабрь 1931 г.: системно организованный старт Голодомора на Юге России. — Специальные меры Советского режима по усилению летального эффекта системы Голодомора. — Людоедство и трупоедство на Кубани в 1932-1933 гг. — Детская смертность на Юге России в период Голодомора. — Демографические потери населения Северного Кавказа в 1932-1933 гг. — Уничтожение народа казаков: основная этнополитическая задача системы Голодомора на Юге России. — Код смерти: целенаправленное уничтожение Советским режимом трех поколений казацкого населения Дона, Кубани и Терека. Всеобщее разрушение казацкой этносферы.

Научная литература, повествующая о процессах возникновения голодного мора в СССР в 1931–1933 гг. поистине безбрежна. Далеко не полный обзор основных научных работ по данной проблеме уже насчитывает несколько сотен наименований, суммарное же число всех публикаций приближается, по-видимому, к цифре с четырьмя нолями. Исследовательский интерес к причинам, процессу и последствиям Голодомора 1930-х годов в Советском Союзе, который проявляют ученые всех ведущих государств мира, легко объясним: **в 1932–1933 гг., в мирное время, в станицах, хуторах, селах и аулах СССР погибло в два раза больше людей, чем потеряли за четыре года Первой мировой войны 1914–1918 гг. российская, германская и французская армии вместе взятые**[1]. По понятным причинам мы не имеем возможности в настоящей работе дать пусть даже самую краткую характеристику основным трудам по проблеме Голодомора — это неизбежно сделало бы

[1] См. сведения о безвозвратных потерях Великой войны: *Волков С.В.* Забытая война// Персональный сайт доктора исторических наук С.В. Волкова: www.swolkov.org/publ/27.htm.

объем нашего исследования совершенно «неподъемным». Заинтересованному читателю можно рекомендовать обстоятельные историографические обзоры по данной проблеме, выполненные в России и в Украине В.В. Кондрашиным и А.Т. Капустяном[2].

Голодание, голод, Голодомор: смыслы и критерии применения терминов. В контексте нашего исследования первостепенную важность имеет точное определение терминологии: в частности основных терминов, характеризующих стадии голодного террора, организованного Советским государством для приведения в полную покорность собственных граждан в стратегически важных регионах страны. Предварительное уяснение терминов «голодание», «голод» и «Голодомор» поможет читателю более точно оценить картину трагических, без всякого преувеличения — катастрофических событий, произошедших в значительном большинстве казацких станиц Юга и Юга-Востока России в 1931–1933 гг.

В отечественной историографии первое, наиболее комплексное осмысление теоретических дефиниций, связанных с голоданием, выполнил Питирим Сорокин, ставший впоследствии ученым-социологом с мировым именем. К написанию труда «Голод как фактор» П.А. Сорокина подвигли события страшного голода 1921–1922 гг. Эта крупнейшая, после периода Средневековья, социальная катастрофа в истории Европы стала закономерным следствием тотальных грабительских «продразверсток» большевиков, тяжкие последствия которых были резко усилены в 1921 году жестокой засухой. Голод 1921–1922 гг. охватил значительные территории Советской России — Поволжье, Южный Урал, частично Юг Украины, Казахстан, Западную Сибирь. Даже по советским официальным, заведомо заниженным сведениям, безвозвратная убыль населения Советской России составила за период 1920–1922 гг. около 5,1 млн. человек. В указанной работе П.А. Сорокин рассмотрел формы голода, описал влияние этого негативного процесса на поведение людей и социальную организацию общества[3]. П.А. Сорокин впервые ввел в научный оборот понятия качественного и количественного голодания. Нехватка в принимаемой пище необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека веществ определялась исследователем как «качественное», а недостаточное поступление потребных объемов пищи в организм — как «количественное» голодание.

На основе концептуальных определений П.А. Сорокина основывается современное медицинское осмысление термина «голодание». **Голодание — это длительное физиологическое состояние, которое формируется в результате недостаточного поступления в организм питательных веществ, необходимых для нормального течения обмена веществ и покрытия энергетических затрат жизнедеятельности человека.** Очевидно, что в период голодного мора 1932–1933 гг. жители охваченных этой катастрофой регионов Юга России и Украины испытывали как количественное (катастрофический недостаток вообще какой-либо пищи), так и качественное голодание (питание пищевыми суррогатами или испорченным, непригодным для питания биоматериалом).

---

[2] *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов в российской деревне. — Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2003. — С. 9–24; *Капустян А.Т.* Украинская историография постсоветского периода проблемы голода 1932–1933 гг.// Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 72–106.

[3] *Сорокин П.А.* Голод как фактор. — Петроград, 1922. См. современное переиздание труда: *Он же.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. — М.: Academia & LVS, 2003.

Непогребенные, замершие трупы людей на кладбище Бузулука. Граница Оренбургского Войска. 1921 г. Страшным итогом победы режима РКП(б) в Гражданской войне стала смерть более 5 млн человек, погибших от глубокого голода в Поволжье, на Дону, в казацких степях Южного Урала

Голодание отнюдь не тождественно понятию «голод». Профессор Джорджтаунского университета, администратор агентства США по международному развитию (АМР) Эндрю Нэтсиос в ряде публикаций предостерегал от «упрощенного взгляда» на проблему голода. Подлинный голод, подчеркивал американский исследователь, чреват реальным ущербом для физиологического здоровья конкретной человеческой популяции, может иметь летальные последствия, в то время как «обычное недоедание» — хроническое голодание невысокой интенсивности не имеет и не может иметь столь пагубных последствий[4].

Мировое научное сообщество сформировало несколько точек зрения на методологию определения понятия «голод». Вряд ли целесообразно обозначать здесь все эти концепции. Нам представляется очевидным, что понятийный смысл термина «голод» наиболее емко и непротиворечиво определила Амрита Рангасами, директор Социологического центра Индии, известный исследователь социально-демографических кризисов в развивающихся странах. **«Голод это процесс,** — утверждает индийский социолог, — **во время которого внешнее давление или сила (экономическая, военная, политическая, социальная, психологическая) влияет на общество-жертву, постепенно усиливаясь до тех пор, пока пораженные им индивидуумы не лишаются всего, что только имеют, включая способность работать»**[5].

---

[4] Цит. по: *John Sorenson*. Imagining Ethiopia: Struggles for History and Identity in the Horn of Africa. — New Brunswick, 1993. — P. 80. См. также: «Ending Hunger in Developing Countries», Contemporary Sociology: A Journal of Reviews, 29, № I (Jan. 2000). — P. 22.

[5] *Rangasami A*. Failure of Exchange Entitlements. Theory of Famine: A Response// Economic and Political Weekly XX, № 41 (12 October 1985). — P. 1748—1750.

Страшный опыт казацкого населения Юга России в 1932—1933 гг. в малейших деталях подтверждает объективность предложенной А. Рангасами таксономии. Действительно, внешняя враждебная сила оккупационных государственных структур Советского режима усиливала свое уничтожающее давление на казацкий народ последовательно и постепенно. Вначале казаки подверглись жесточайшему военному прессингу (карательный период геноцида), затем политической дискриминации (были фактически лишены избирательных прав). Следующим этапом стало невероятное по жестокости социально-культурологическое давление (демонизация казацкой этнокультурной традиции, подрыв исконной культуры казацких обществ), которое на рубеже 1928—1929 гг. было целенаправленно усилено тотальным разграблением казацкого национального достояния, причем как на уровне станичных обществ, так и отдельных семей. Финальным этапом уничтожения казацкого народа стал Голодомор, приведший не только к невосполнимым демографическим потерям, но и к психологическому краху казацкого сообщества (слом большинства внутриэтнических ментальных скреп, повсеместная деградация казацкого стереотипа поведения).

Амрита Рангасами, размышляя о последовательности периодов развития голода, выделяет три основных стадии этого процесса. Первая стадия голода связана с прогрессирующей нехваткой продуктов питания — у голодающих людей вначале почти незаметно, а затем все более быстро убывают физические и моральные силы, однако в сознании еще теплится надежда «вернуться в состояние своей привычной бедности». Следующий этап голода связан с все более усиливающейся угрозой голодной смерти, при этом возможность для социального протеста оказывается практически утраченной, поскольку голодающие люди все свои помыслы и остатки сил направляют на поиск суррогатных продуктов питания, — в первую очередь для поддержания жизни своих стремительно угасающих детей. Финальная стадия голода характеризуется «потерей всего, что есть у жертвы» — умирающий человек готов отдать за краюху хлеба любой объем материальных ценностей, происходит деградация морали, нарушается, вплоть до безумия, адекватность сознания, затем наступает смерть. Концепция А. Рангасами относительно возникновения и последующей психофизиологической трансформации голода разделяется ныне большинством авторитетных специалистов в этой области[6]. Резюмируя вышеуказанное, имеет смысл подчеркнуть, что понятия «голодание» и «голод» при некоторых различиях в трактовке отдельных нюансов разными исследователями, в принципе являются априорными, базовыми, не вызывающими разночтений таксонами голодового процесса.

Совершенно иной характер имеет понятие «Голодомор», применение которого в научной практике, на наш взгляд, совершенно оправданно, более того, — необходимо. Впервые термин «Голодомор» стали применять украинские исследователи голодного мора 1932—1933 гг., и, к сожалению, с «легкой руки» их российских оппонентов, за данным понятием закрепилось некое «сугубо украинское» содержание. Ниже мы еще вернемся к краткому обзору той странной, бесперспективной и бессмысленной борьбы, которую ведет против понятия «Голодомор» российский историографический официоз. Пока же подчеркнем красной линией: понятие «Голодомор», конечно же, не является сугубо украинским таксоном голода, а

[6] См. напр.: *Кондрашин В.В.* Голод 1932—1933 годов в российской деревне. — Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2003. — С. 27; *Watts Michael.* Heart of Darkness: Reflections on Famine and Starvation in Africa// Jhe Political Economy of African Famine, ed. Downs et al. — Amsterdam, 1991. — P. 23—68.

Путь в «светлое Советское будущее». Опухшая от глубокого голода русская крестьянка пытается накормить грудного ребенка. Поволжье. 1921—1922 гг.

сам этот термин, хотя и обозначает, в частности, трагические события украинской национальной истории 1930-х гг., имеет универсальный характер[7].

Голодомор в самой краткой формулировке можно определить как государственный террор голодом, т.е. целенаправленное создание с помощью государственной административно-карательной машины такой социально-экономической обстановки, которая со всей неизбежностью приводит конкретные сообщества людей вначале к

[7] В Украине термин «Голодомор» используется и в сугубо локальном, собственно украинском сегменте историографии, и (весьма часто) в универсальном контексте. Например, государственный портал «История Украины» дает следующее определение: «Голодомор — политика официальных властей, направленная на создание искусственного голода. Как социально-хозяйственное явление Голодомор проявляется в лишении населения минимума необходимых продуктов питания, что приводит к вымиранию, губительному изменению демографической и социальной структуры населения регионов, а иногда и целых стран». Как видим, никакой националистической акцентации на украинских событиях 1932—1933 гг. в этом определении нет. См.: www.uhistory.ru/history/novvtnvy-hour/61-golodomor-1932-1933-gg.html.

голоданию, а затем к голоду, вплоть до его глубокой летальной стадии. Принципиальное отличие «Голодомора» от «голода» хорошо видно при сопоставлении голода 1921—1922 гг. и внешне аналогичной трагедии 1932—1933 гг.

Голод 1921—1922 гг. возник спонтанно, неожиданно — в результате наложения социально-экономической катастрофы (разруха, вызванная Гражданской войной) на негативный пароксизм природно-климатического свойства (засуха, причем одна из самых сильных за всю историю России). Голод 1932—1933 гг. ожидали в казачьих станицах приблизительно за 6—9 месяцев до того рубежа, как трагедия стала приобретать реальные очертания. «*В голоде* [1932—1933 гг.] *не было ничего случайного, непредвиденного, стихийного. Все было решено, предусмотрено и тщательно спланировано заранее*», — писал очевидец Петр Долина, сам переживший Голодомор и опросивший в лагере для перемещенных лиц в Западной Германии в 1946—1947 гг. многих свидетелей катастрофы[8].

Голод 1921—1922 гг. возник в условиях острейшего дефицита зернового хлеба как в целом по стране, так и в конкретных голодающих регионах. Голодомор 30-х годов разразился при вполне достаточном, обычном урожае зерновых и происходил в условиях, когда СССР устойчиво поставлял значительные объемы товарного зерна за рубеж[9]. В 1921—1922 гг. Совет народных комиссаров РСФСР признал факт голодной катастрофы в стране, закупил за рубежом значительные объемы пищевых ресурсов для голодающих, призвал страны Запада к широкомасштабной помощи и получил ее. В период Голодомора сталинское Политбюро и ЦК ВКП(б) действовали противоположным образом: факт катастрофического голода в СССР категорически отрицался, закупки продовольствия для голодающих не производились, предложения западных стран о продовольственной помощи были категорически отвергнуты. В 1921—1922 гг. спецподразделения ВЧК и части РККА не перекрывали наглухо выход голодающих людей из районов бедствия. В период Голодомора обессиливших людей, пытающихся спастись от голода в более благополучных регионах страны, специальные войска Советской державы штыками гнали обратно — на верную смерть. Этот антонимический ряд можно продолжить, однако, даже приведенных сопоставлений более чем достаточно, чтобы сделать вывод: **без деятельного регулирующего участия Советского государства голодная катастрофа 1932—1933 гг., по-видимому, не возникла бы вовсе, а если бы и возникла, то, бесспорно, никогда бы не приняла форму Голодомора — массового, охватившего многие миллионы людей, летального поветрия**.

Таким образом, Голодомор 1932—1933 гг. существенно отличался от массового летального голода 1921—1922 гг. по механизму возникновения, по масштабу демографического

---

[8] Famine as Political Weapon// Jhe Black Deeds of the Kremlin: A White Book, ed. S.O. Pidhainy. — Detroit, 1955. — P. 113.

[9] В октябре 1932 г. (т.е. в разгар Голодомора) Политбюро ЦК ВКП(б) направило указание Комитету резервов при СНК СССР — предоставить в распоряжение Наркомата внешней торговли 10 млн. пудов зерна для вывоза за границу через южные порты. В этом же месяце был утвержден план экспорта хлеба урожая 1932 г.: 150 млн. пудов. 8 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило окончательный объем вывоза зерна до конца года — 100 млн. пудов. При этом отмечалось, что на 1 декабря фактический вывоз зерна составил 75 млн. пудов. На 1933 год (в апогей Голодомора, когда в Украине и на Юге России погибли от голода миллионы людей) план вывоза был определен также в 100 млн. пудов. См. подробнее: *Гинцберг Л.И.* Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов. По материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б)// Вопросы истории. 1999. № 10. — С. 124—126.

охвата, а в первую очередь — по характеру действий Советского режима в периоды этих бедствий. Вместе с тем, обе эти демографические катастрофы объединяет удивительное единство во внешних признаках произошедших трагедий. В 1921—1922 гг. и в 1932—1933 гг. внешний наблюдатель мог видеть фактически одну и ту же картину леденящего ужаса: скорченные тела умерших людей, которые открыто лежали на улицах и площадях; мрачные «труповозы» — огромные телеги, в которые методично собирали трупы погибших; несчастные дети-сироты, более похожие на двигающиеся мумии; похоронные рвы, в которые, как сухой хворост, сбрасывали иссохшиеся тела жертв летального голода. Поэт Максимилиан Волошин поразительно ярко описал картину торжествующей Смерти, которая на земле бывшей Российской империи стала, по существу, *Alter ego* «народной» Советской власти.

Землю тошнило трупами, — лежали
На улицах, смердели у мертвецких,
В разверстых ямах гнили на кладбищах.
В оврагах и по свалкам костяки
С обрезанною мякотью валялись.
Глодали псы отгрызанные руки
И головы. На рынке торговали
Дешевым студнем, тошной колбасой…

Сталинский режим сделал все возможное, чтобы не только внутренняя, причинно-следственная сущность Голодомора осталась навсегда преданной забвению, но чтобы даже внешняя картина произошедшей, искусственно смоделированной страшной трагедии миллионов людей осталась неизвестной как гражданам СССР, там и зарубежным наблюдателям. Для этого воинскими спецподразделениями ОГПУ и советской милиции в 1932—1933 гг. все области летального голода были надежно блокированы, а доступ на эти территории не только иностранных журналистов, но и вообще граждан иностранных государств был категорически запрещен. Фактор полной изоляции зоны Голодомора сыграл свою роль: в сравнении с периодом 1921—1922 гг., трагедия массовой гибели людей начала 1930-х годов поразительно мало представлена в фотоматериалах указанного времени. Историки и демографы, пишущие сегодня о преступлении Голодомора, пытаясь показать своим читателям «как все было», зачастую используют для иллюстрации этой трагедии фотоматериалы 1921—1922 гг. Этой печальной «традиции» вынуждены последовать и мы. Ниже для иллюстрирования процесса террора голодом в 1932—1933 гг., мы будем использовать не только аутентичные фотоснимки указанного периода (в основном, из архива советника по международным вопросам Великобритании Гарета Джонса), но и фотоматериалы летального голода начала 1920-х годов (прежде всего, снимки известного херсонского фотографа Гавриила Раппепорта).

Факт инициирования (запуска) и последующего регулирования Советским государством процесса Голодомора придал этой страшной трагедии две весьма характерные, возможно даже уникальные особенности.

Первая заключается в том, что катастрофа всеобщего глубокого голода возникла преимущественно на территориях, которые в исторической ретроспективе вообще не знали

голодных бедствий. Например, из двадцати районов Кубани, включенных Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) в феврале 1933 года в список голодающих территорий, практически все являлись районами, в которых ежегодно собирались богатейшие урожаи, а голодные моры здесь вообще никогда не фиксировались[10]. «В предыдущие неурожайные годы российские крестьяне обычно бежали на Юг, особенно на Кубань, — отмечает в этой связи известный исследователь голода В.В. Кондрашин. — То же самое можно сказать и об Украине, оказавшейся в 1932—1933 годах в аналогичной ситуации. Происходили невиданные вещи! Летом 1932 года соседняя Белоруссия была заполнена голодающими сельскими жителями с Украины! Изумленные белорусские рабочие писали в «Правду» и высшему руководству страны, что они не помнят, чтобы — «когда бы то ни было Белоруссия кормила Украину!»[11].

Второй уникальной особенностью Голодомора 1932—1933 гг. стал факт особой отчужденности, можно сказать — онтологической враждебности центральной власти Советского государства по отношению к коренному населению собственной страны. Официальная идеология СССР основывалась на доктрине «пролетарского интернационализма», согласно которой магистральный путь к «светлому будущему» лежал через насилие над эксплуататорскими классами всех стран. Это не отменяло, однако же, советских реалий и, призывая к «построению на данном этапе социализма в отдельно взятой стране», власть ВКП(б) должна была, по логике, опираться на так называемый «советский народ», т.е. на все коренные народы СССР в совокупности. На деле же оказалось, что в событии Голодомора Советский режим действовал как оккупационная власть, как власть колонизаторов — опирался, прежде всего, на военную силу, использовал против покоренного населения идеологически безальтернативные, почти всегда крайне жестокие методы принуждения. Складывается впечатление, что продовольственная безопасность других стран волновала Политбюро ЦК ВКП(б) существенно сильнее, нежели массовый голодный мор внутри собственной страны. В ноябре 1932 года, когда на улицах казацких станиц и украинских сел ежедневно умирали тысячи людей, Политбюро приняло решение о поставке в Монголию 148 тыс. тонн хлеба. Этот дружественный жест Советского режима нельзя считать даже валютной операцией, поскольку наивно было бы ожидать, что крайне бедная в этот период Монголия расплатится за советские хлебные поставки твердой валютой[12].

Большинство российских историков, видимо по привычке, сформированной советской школой историографии, старательно избегают акцентировать свое внимание на фактически оккупационных методах администрирования Советского режима в казацких районах Юга России и в Украине. В стремлении доказать, что режим ВКП(б) далеко не уникален в своей звериной жестокости по отношению к вымирающему от голода населению собственной страны, некоторые специалисты прямолинейно сопоставляют Голодомор 30-х годов XX века с Великим голодом в Ирландии (1845—1849 гг.), а также с массовым голодом в Индии 1876—1878 гг. «И в России, и в Индии, и в Ирландии, — указывает, например, историк

---

[10] *Осколков Е.Н.* Голод 1932—1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932—1933 рр. в Україні. — Київ, 1995. — С. 116.

[11] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 9.

[12] *Гинцберг Л.И., 1999*. Указ. соч. — С. 124. Даже в конце 70-х годов XX столетия Монголия предпочитала рассчитываться за поставки любых товаров из СССР только натуральным продуктом: мясом скота и кожевенным сырьем.

В.В. Кондрашин, — действовала примерно одна и та же «стратегия выживания», а власть решала примерно сходные по своей сути проблемы. Например, нет ничего «исключительно русского» в случаях каннибализма во время голода 1933 года. Во время каждого крупного голода с древнейших времен [*N.B.! — Н.Л.*] имели место факты детоубийства, продажи или отказа от детей. Поэтому сталинский режим не обладал монополией на эти акты бесчеловечности. Соединенные Штаты, например, несут ответственность за убийства и выселения коренных американцев — индейцев, жестокую эксплуатацию миллионов афро-американских рабов, репрессии в отношении «цветного населения» в 1960-е годы»[13].

Странно, что крупный отечественный специалист в области изучения голода не усматривает явной противоречивости, даже тенденциозности указанных сопоставлений. Методология исторической науки не допускает, конечно, таких произвольных пропозиций. События голодных бедствий «древнейших времен» вряд ли можно корректно сравнивать с ситуацией Голодомора в европейской стране середины XX века. Работорговля, полицейские акции и голодный мор — явления типологически разного порядка — причем не только с точки зрения элементарной методологии исторического познания, но даже по соображениям формальной логики. Гибель многих миллионов людей от голода в огромном государстве, обладающим в этот период всеми необходимыми ресурсами, чтобы не допустить катастрофы глубокого голода, — есть закономерное следствие уникального, чудовищного по жестокости эксперимента по превращению всей массы свободных хлеборобов России и Украины в абсолютно бесправных, прикрепленных к земле пролетариев. В этом смысле трудно не признать правоту украинского историка С.В. Кульчицкого, убежденного в том, что «**Голодомор — это чисто советское убийство** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[14].

Российские исследователи, сопоставляющие в одном понятийном ряду советский Голодомор с Великим голодом в Ирландии и с его аналогом в Индии, *volens-nolens* упускают из вида одно весьма характерное обстоятельство: Ирландия и Индия середины XIX века являлись оккупированными территориями, а официальный статус колоний Британской империи никак не отменял, а только лишь упорядочивал де-факто существующий в этих странах оккупационный режим. Таким образом, российская историография *verbatim et literatim* констатирует, что жестокость британских оккупантов по отношению к ирландцам и индусам принципиально ничем не отличалась от жестокости административно-карательной машины Советского режима по отношению к украинскому и казацкому населению.

Однако, принципиально иными, как нам кажется, были декларируемые идеологические позиции вышеозначенных оккупантов. Британские «томми» рассматривали ирландцев и индусов как чуждые, враждебные народы, и, соответственно, действовали на ирландских и индийских землях как неумолимые, жестокие завоеватели. В Советском Союзе на официальном

---

[13] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 28—29. Далее исследователь, не замечая тенденциозной эклектики в своих сопоставлениях, очень эмоционально обличает «белую правящую элиту США», которая, якобы, — «усердно гонит от себя мысль о том, чтобы извиниться за рабство». Затем В.В. Кондрашин приводит статистику убийств «среди афроамериканских мужчин в возрасте от 15 до 24 лет», отмечает передовые позиции США в части «наивысшего показателя в мире по количеству заключенных в тюрьмах». Какое отношение все эти любопытные сведения имеют к проблематике Голодомора на Юге России и в Украине — остается только догадываться?..

[14] *Кульчицкий С.В.* Украинский Голодомор как геноцид// Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 109.

уровне декларировалось радостное единение всех народов страны под мудрым руководством «ленинской партии» ВКП(б). Речи об оккупационных методах советской администрации и РККА, которые частенько срывались из уст высокопоставленных большевиков в годы Гражданской войны, к началу 30-х годов остались в прошлом. Однако, пропагандистские декларации и фактические действия, как говорят в Одессе, — суть две большие разницы. И если фактические действия чекистов, карательных отрядов РККА, комсодов (комиссий по содействию хлебозаготовкам) в 1932—1933 гг. типологически точно (подчас даже с перехлестом) соответствовали действиям британских колонизаторов на оккупированных территориях, то логично, по-видимому, считать режим ВКП(б) также оккупационным?..

Этнополитическая специфика Голодомора 1932—1933 гг. Голодомор как преступная политика геноцида имеет и еще одно измерение — национальное. В российском научном сообществе длительное время искусственно насаждается мнение о том, что государственный террор Советского режима не имел, якобы, национальной направленности. Ложность этого постулата, взращенного по инициативе актуальных государственных структур Российской Федерации, ярко высвечивается всякий раз при столкновении с реальными фактами так называемой «ленинской национальной политики» в СССР. Справедливо, по-видимому, совершенно иное утверждение: всякий раз, когда какая-либо политическая программа режима ВКП(б) осуществлялась на территориях, где русский этносоциум не составлял значительного большинства, эта политика немедленно приобретала национальную составляющую[15]. При всем своем искреннем желании большевики не могли совершенно игнорировать «национальный фактор» при реализации своего политического курса в крупных, хорошо развитых в этнополитическом отношении нерусских сообществах.

В событиях Голодомора национальная составляющая отчетливо видна невооруженным глазом: методика убийства голодом была реализована, прежде всего, на территориях, населенных украинцами и казаками. Только на более позднем этапе Голодомора, когда масштабы и темпы наступления летального голода вышли из-под контроля соответствующих структур Советского режима, в страшную зону тотальной голодной смерти были также вовлечены смежные с Казацким Присудом и Украиной территории РСФСР и Казахстана[16]. Однако это был как раз тот случай, который точно определила максима Иосифа Сталина: «Лес рубят — щепки летят!» Цифры общепризнанной в научном сообществе демографической статистики убедительно показывают — **против каких именно этнических сообществ был, в первую очередь, направлен большевистский террор голодом.** Избегая крайних точек зрения на общее число жертв Голодомора, можно утверждать, что в 1932—1933 гг. число

---

[15] Нетрудно, по-видимому, понять — отчего национальная политика в СССР приобрела именно такое негативное свойство. В годы Революции, среди всех народов бывшей Российской империи, только великорусы обнаружили значительную индифферентность в части защиты своей национальной культуры. Одновременно с этим, русские люди в своей абсолютной массе проявили поразительную предрасположенность к органичному усваиванию совершенно чуждой им, тоталитарной (по внутреннему смыслу) идеологии о «пролетарском интернационализме».

[16] Государственная Дума Российской Федерации, которую трудно заподозрить в антибольшевизме, в специальном Заявлении «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР» от 2 апреля 2008 г. вынуждена была признать, что «от голода и болезней, связанных с недоеданием, в 1932—1933 годах погибло около 7 млн. человек». См. подробнее: https://ru.wikisourse.org/wiki/Заявление_ГД_РФ_«Памяти_жертв_голода_30-х_годов_на_территории_СССР».

погибших от голода людей составило, в целом по СССР, — не менее 7—8 млн. человек. Из этого числа жертв летального голода — не менее 5 млн. человек погибло в сельских районах Украины. С учетом факта, что сельское население Украины составляли в указанный период именно этнические украинцы, можно сделать обоснованный вывод, что и погибали в результате политики Голодомора преимущественно представители этого народа.

Известный исследователь Голодомора С.В. Кульчицкий, комментируя эту страшную статистику, отмечает, что на территории российского Поволжья (приблизительно равного Украине по площади) число жертв голода оказалось несоизмеримо меньшим — около 300 тыс. человек[17]. Российский историк И.Е. Зеленин, независимо от своего украинского коллеги, также пришел к выводу, что крестьяне Нижней Волги в значительно меньшей степени пострадали от голода, чем население Украины и Северного Кавказа (Дон, Кубань). По его мнению, это связано с существенно более мягкой позицией поволжской комиссии ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок, возглавлявшейся секретарем ЦК Павлом Постышевым. Действия Постышева на Нижней Волге, подчеркивает исследователь, носили «несколько иной характер по сравнению с тем, что осуществляли Каганович и Молотов на Северном Кавказе и Украине»[18]. Симптоматично, что когда в начале 1933 года П.П. Постышев был откомандирован в Харьковскую область на должность второго секретаря ЦК КП(б) Украины, его действия в части хлебозаготовок немедленно лишились «иного характера» и приобрели всю необходимую для украинской территории степень озверения. Сегодня в официальной истории украинского государства П.П. Постышев поименован как один из основных организаторов Голодомора.

Помимо 5 млн. человек, погибших в период 1932—1933 гг. на земле Украины, более 1 млн. жертв голода пришлось на относительно небольшую, равнинную территорию Северного Кавказа (Кубань, частично Дон) и около 1 млн. человек на все другие регионы РСФСР и Казахстана, попавшие в зону летального голода. При изучении на географической карте России этих «других регионов» с удивлением убеждаешься, что все эти территории на период 1930-х годов имели значительное, а местами и преобладающее казацкое население (Нижняя Волга, Южный Урал, северная часть Казахстана).

Весьма специфическое национальное «районирование» террора голодом отметили как зарубежные[19], так и отечественные исследователи. Например, в диссертационной работе А.А. Савочкина приводятся сведения о принудительной депортации к началу 1933 года **именно из казацких станиц** Северо-Кавказского края — не менее 63,5 тыс. жителей. В конце 1933 г. общее сокращение населения на Северном Кавказе достигло 20,4%: Голодомор уничтожил 1/5 часть славянского населения края — более миллиона человек, причем, подчеркивает А.А. Савочкин, 80% летальных исходов пришлось на районы, населенные казаками[20]. **Таким**

---

[17] Родина. 2007. № 8. — С. 83—85.

[18] *Зеленин И.Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации// История СССР. 1989. № 2. — С. 16—17.

[19] См. подробнее: *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. (Пер. с англ. И. Коэн, Н. Май.). — Лондон, 1988. — С. 445.

[20] *Савочкин А.А.* Массовые репрессии 30—40-х гг. XX в. на Северном Кавказе как способ утверждения и поддержания исключительной самостоятельности государства. Автореф. дисс. канд. юр. наук. — Владимир, 2008. — С. 20.

образом, вопреки мнению некоторых российских историков, Голодомор 1932–1933 гг. имел отчетливо выраженную казацко-украинскую направленность.

Закономерен вопрос — о причине именно такой заостренности политики Голодомора. Ответ на данный вопрос, как нам представляется, может дать сопоставление стратегической задачи, которую, начиная всеобщую коллективизацию, ставил перед собой режим ВКП(б), с тем этнополитическим опытом, который приобрели большевики по итогам прошедшей Гражданской войны. Проще говоря, нужно понять: какие именно народы СССР могли оказать наибольшее открытое сопротивление амбициозным планам режима ВКП(б) по всеобщей коллективизации хозяйств сельских хлеборобов?

Российская империя на рубеже 1917 года была преимущественно крестьянской страной — около 80% населения империи составляли крестьяне. Поэтому практически сразу после так называемого «триумфального шествия Советской власти» лидеры РКП(б) попытались уяснить для самих себя — какое же место оставляют они частновладельческому крестьянскому хозяйству в коммунистической перспективе. Уже весной 1918 г. вышли в свет программные работы идеологов большевизма, в частности директивная статья В.И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» и брошюра Н.И. Бухарина «Программа коммунистов (большевиков)». В статье Ленина провозглашалась задача немедленной коммунистической перестройки рухнувшего наследия Дома Романовых. Речь шла об обращении всего крупного частного производства в общенародную (государственную) собственность, о фактическом огосударствлении мелкого производства, а главное — о ликвидации товарно-денежных отношений и создании на руинах былой рыночной экономики централизованного планового хозяйства[21]. Николай Бухарин творчески развивал мысль вождя чеканной формулировкой: ***«Политическая диктатура рабочего класса должна неизбежно быть и его экономической диктатурой»***[22].

Из этих и других директивных документов большевиков становилось ясно, что одной из основных задач коммунистических преобразований в бывшей империи Романовых, помимо ликвидации частной собственности на средства производства, станет изменение социальной природы многомиллионного российского крестьянства. Добиться этой цели, как показал политический опыт РКП(б)-ВКП(б), можно было только путем сплошной коллективизации сельского хозяйства. «Крестьянину-собственнику не было места в государстве-коммуне, — отмечает в этой связи историк С.В. Кульчицкий. — Руководителям партии требовалась индустриально развитая страна, способная вооружить Красную Армию совершенным оружием. Но прежде всего им [*большевикам. — Н.Л.*] требовалась послушная страна, каждый гражданин которой должен был находиться в зависимости от государства»[23]. Таким образом, уже в 1918 году грядущая судьба крестьянского населения бывшей Российской империи была режимом РКП(б)-ВКП(б) идеологически предрешена.

В 1918 году в основном безграмотные, в лучшем случае — малограмотные великорусские, белорусские и украинские крестьяне об этих роковых для них планах большевиков ничего не знали. С искренним упоением они «воплощали в жизнь» эсеровский по интеллектуальному происхождению, но впервые подписанный В.И. Лениным «Декрет о земле», —

---

[21] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. — С. 378.

[22] *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. — М., 1988. — С. 20.

[23] *Кульчицкий С.В., 2011.* Указ. соч. — С. 115.

осуществляли «черный передел» в свою пользу помещичьего и крупного частного землевладения, не гнушаясь при удобном случае ограбить и сжечь помещичьи усадьбы. В январе 1918 года, например, эмиссары РСДРП(б) в Смоленской губернии информировали ЦК партии: ***«…В Духовщинском уезде «Декрет о земле» проводится неправильно:*** <…> ***нередки случаи убийств, диких насилий над личностью, даже ни в чем не повинной интеллигенции»***[24]. Аналогично кровавой была ситуация в Белоруссии и даже на востоке Украины. В городе Глухове Сумского уезда, например, в том же 1918 г., местные крестьяне в одну ночь убили до 500 человек, главным образом из числа интеллигенции, а затем подчистую разграбили имущество несчастных жертв самосуда[25]. Единственным относительно спокойным и гуманным уголком восточнославянского мира, где соблюдались неотъемлемые права человека на свободу и собственность, оставались в начальный период Советской эпохи только земли Казацкого Присуда. Здесь этническим казакам, хотя и с трудом, но удавалось некоторое время сдерживать алчные поползновения «иногородних» переселенцев к «черному переделу» земель «народа-помещика».

Следует признать, что только героическая борьба казацкого народа против большевизма, которая перешла в открытую, вооруженную фазу уже ранней весной 1918 года, на время отдалила сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств всех остальных славянских народов России. Казацкий народ, фактически в одиночку взвалив на свои плечи тяжкое бремя борьбы с «пролетарским Интернационалом», не позволил режиму ВКП(б) немедленно приступить к практической реализации подготовленного Совнаркомом в конце 1918 года декрета «О социалистическом землеустройстве и о мероприятиях по переходу к социалистическому землевладению».

Для обсуждения основных положений данного декрета Совнарком созвал в Москве Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и сельхозкоммун. Съезд рассмотрел и утвердил текст декрета, в котором, в частности, содержался весьма жесткий приговор относительно частного крестьянского землевладения: ***«На все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящие и отживающие»***. 14 февраля 1919 года декрет «О социалистическом землеустройстве» одобрил Всероссийский съезд советов, а месяцем позднее на его основе была сформирована сельскохозяйственная часть второй партийной программы РКП(б), в которой предусматривались только две формы хозяйствования на земле — совхозы и коммуны[26]. Впрочем, практическую реализацию и декрета, и земельной программы РКП(б) большевикам пришлось отложить, поскольку в это время армия Деникина, нещадно эксплуатируя боевой дух и национальные силы казацкого народа, наконец-то решила выдвинуться в свой стратегически безумный поход на Москву. События «горячей» фазы Гражданской войны и последующая героическая борьба казацких повстанцев в 1920—1922 гг. утвердили партийное руководство РКП(б)-ВКП(б) в мысли, что в случае принудительной коллективизации на Юге России казацкое население окажет этому процессу самое жесткое сопротивление.

Настороженность сталинского руководства подогревало также очевидное обстоятельство, что этноцидальная политическая линия 1924—1925 гг. «лицом к казачеству», если и

---

[24] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.2. Л.1.

[25] Наш век [Киев]. 1918. 3 (16) марта.

[26] *Кульчицкий С.В., 2011.* Указ. соч. — С. 115—116.

дала какие-то результаты, то явно противоположные задумкам кремлевских идеологов. Эффективность «классово-дифференцированного» подхода к казацкому этническому сообществу оказалась минимальной — при всех титанических усилиях партийных агитаторов казаки так и не разделились внутри своего этнического сообщества на антагонистические слои «кулаков» и «бедняков». Традиционные этнокорпоративные скрепы «казацкого мира», глубочайшее уважение к казацким национальным обычаям — по-прежнему оставались основой мироощущения казацкого этнического большинства, пусть даже и лишенного за годы Гражданской войны национальной интеллигенции и высшего офицерства. Казаки по-прежнему отказывались считать себя «русскими» и даже под массированным административно-репрессивным прессом Советской власти отказывались растворяться в окружающей их великорусской крестьянской массе.

«Политика «лицом к казачеству» оказалась временной уступкой казачеству, — отмечают в этой связи ростовские исследователи А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, — социальное большинство [*точнее, видимо, инонациональное большинство. — Н.Л.*] взяло верх и продолжило низвергать казачество с общественного пьедестала. **Иногороднее крестьянство жаждало исторического реванша и превращения казачества в социального антигероя. Наступление велось по всему фронту общественной жизни. В этих целях казаков стремились превратить в политического лузера, в экономически зависимую и угнетенную группу населения, а в идеале — в социальную химеру** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[27].

Совершенно неожиданно для большевиков, привыкших к этнополитической амбивалентности русского населения, казаки не стали использовать примиренческую паузу режима ВКП(б) в 1924–1925 гг. для «почетной капитуляции» и компромиссного встраивания в формирующееся общество «советских людей». Напротив, в рамках ситуационного тренда «лицом к казачеству» казаки восстановили и даже укрепили свое этническое единство, более того, — предприняли своего рода контрнаступление на фактические привилегии «иногородних» чужаков, полученные ими в результате победы режима РКП(б) в Гражданской войне. Наиболее сильное противодействие сплотившегося казацкого сообщества отмечалось на Кубани. 26 августа 1925 г. Северо-Кавказский крайисполком, уступая настойчивым требованиям кубанских казаков, постановлением № 111 разрешил жителям казацких станиц края беспрепятственно вводить в школах преподавание на украинском языке (диалект казацкой балачки), а также использовать украинский язык одновременно с русским в работе местных советов[28]. Значение этого решения трудно переоценить — впервые со времени коллаборантского I Всероссийского съезда трудовых казаков (1920 г.), признавшего под давлением Кремля казаков «неотъемлемой от остальной советской России частью русского народа», заметная региональная структура советской властной вертикали признала **фактическую нерусскость казацкого населения Юга России, а также право казаков на свободное развитие родного диалекта.**

Сталинское Политбюро было очень встревожено, по-видимому, и той быстротой, с которой этнические казаки, пользуясь относительно благоприятными условиями НЭПа,

---

[27] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. — С. 242

[28] ГАРО. Ф.Р.-1485. Оп.1. Д.241. Л.2.

восстанавливали свою этнополитическую конкурентоспособность и, в частности, былой демографический потенциал. Отметим, что до событий Гражданской войны земли Казацкого Присуда отличались высочайшей демографической динамикой. По расчетам В.М. Кабузана, в 1911—1916 гг. Северный Кавказ давал наивысший в Российской империи прирост населения — 2% в год. При этом земли Кубанского Войска лидировали даже в масштабе северокавказского региона, обеспечивая 2,13% прироста населения в год[29].

Взвалив на свои плечи основное бремя военной борьбы с Советским режимом, опиравшимся на промышленный потенциал и безграничные демографические ресурсы центральных губерний Великороссии, этнические казаки понесли значительные демографические утраты. Если на территории Северо-Кавказского края общая убыль населения по итогам Гражданской войны составила 17,4% по отношению к довоенной численности (в целом по Советской России — 9,5%), то в сельских округах края, населенных преимущественно казаками, эта убыль достигла 34,4%[30]. Проще говоря, — в период Гражданской войны каждый третий этнический казак либо погиб от пули красных карателей (от тягот вынужденного бегства и эпидемических болезней), либо вынужден был покинуть земли Присуда. Особо тяжелые потери понесли донские казаки Донецкого и Шахтинско-Донецкого округов, т.е. казацкое население тех территорий, которые в годы Гражданской войны служили основной ареной красно-белого противоборства[31]. Однако, даже в менее затронутой военными действиями Кубано-Черноморской области в 1920 году в возрастной категории казацкого населения от 20 до 29 лет на 1000 мужчин приходилось 1897 женщин, а в возрастной категории 30—39 лет — 1397 женщин[32]. Отрицательная динамика естественного прироста сохранялась по всему Казацкому Присуду вплоть до 1923 г.

Экономическая передышка НЭПа, резкое снижение репрессивного прессинга на казацкое население в период 1924—1926 гг. способствовали быстрой нормализации демографической ситуации в казацких станицах. Перепись 1926 года зафиксировала в границах Северо-Кавказского края 2 млн. 301,9 тыс. казаков. Еще около 700 тыс. казаков, по подсчетам А.П. Кожанова, проживали на территории Царицынской губернии[33]. Сразу после Гражданской войны большевики, с целью разорвать этнический ареал казацкого народа, передали Хоперский, 2-й Донской и Усть-Медведицкий округа Войска Донского в состав Царицынской губернии. Однако, к досадному разочарованию кремлевского ареопага, это волюнтаристское решение ничуть не ускорило этническую аннигиляцию казаков в чуждой им этносоциальной среде великорусов. Существенное усиление демографических позиций казацкого населения убедительно показала перепись 1926 г. Согласно историко-социологическим исследованиям А.В. Баранова в период 1923—1926 гг. довоенная численность казаков в Северо-Кавказском регионе (около 3,0 — 3,1 млн. чел.)

---

[29] *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. — СПб., 1996. — С. 102—103.

[30] Статистический справочник Юго-Востока России. Вып. 2. — Ростов н/Д, 1923. — С. 10—17.

[31] *Хмелевский К.А.* Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918—март 1919 года). — Ростов н/Д, 1965. — С. 89—93.

[32] Население и хозяйство Кубанско-Черноморской области. Ч.1. — Краснодар, 1924. — С. 71, 146.

[33] *Кожанов А.П.* К демографической характеристике казачьего населения Северного Кавказа накануне сплошной коллективизации// Изв. Сев-Кав. науч. центра высшей школы. Общественные науки. — Ростов н/Д, 1986, № 3. — С. 109—115.

практически восстановилась[34]. Этот вывод исследователя, на наш взгляд, является избыточно оптимистичным. Однако, в целом не возникает сомнений, что к рубежу «великого перелома» (1929 г.) казацкий народ сумел, в определенной мере, преодолеть негативные последствия карательной фазы советского геноцида. Вряд ли можно усомниться и в том, что очевидная тенденция к быстрому самовосстановлению былого потенциала казацкого этнического сообщества могла вызвать у политического руководства ВКП(б) лишь неприязнь и желание поскорее найти новые, более эффективные методы принуждения казаков к этнической аннигиляции в великорусской среде. Возможно, что именно последний фактор лежал в основе вероятного решения центрального аппарата ВКП(б) о придании процессу Голодомора специальной антиказацкой составляющей.

Украина также считалась сталинским руководством крайне неблагополучным в этнополитическом отношении регионом СССР. Причем наиболее опасной для политики ВКП(б) оказалась не та «русско-имперская» Украина, которая в период Гражданской войны была представлена предельно русифицированным населением таких крупных городов, как Киев, Екатеринослав, Харьков и Одесса. После разгрома Деникина «русско-имперская» Украина была утоплена большевиками в крови, что с печалью зафиксировал в ряде своих произведений посол и глашатай этой Украины, монархист Владимир Шульгин[35]. Сталин и его креатура в ВКП(б) опасались совершенно иной Украины — той, что веками подспудно вызревала в украинском национальном селе и не усматривала никаких преимуществ в своем пребывании в едином государстве с «москалями». Если «русско-имперская» Украина продемонстрировала в годы Гражданской войны свое поразительное безволие, идеологическую заскорузлость и отсутствие сколько-нибудь массового боевого энтузиазма, то Украина украинских националистов проявила себя совершенно иначе. В кратчайший срок украинские националисты сумели сформировать идеологию украинского суверенитета и создали прообраз будущей национальной государственности — Украинскую Народную Республику (УНР). В отличие от станиц Присуда, где идеи казацкого национального суверенитета с трудом пробивали себе дорогу к сознанию казацкой войсковой старшины (т.е. интеллигенции и офицерства), — в сельской Украине подобные идеи разворачивались в форму подлинно «триумфального шествия» националистов.

В годы Гражданской войны именно сельская, национальная Украина породила многотысячные воинские формирования, лидеры которых — Симон Петлюра, Нестор Махно, атаман Никифор Григорьев, атаман Зеленый — черпали свою духовную и материальную силу в органичном национализме украинского села. После оккупации в 1920 году территории УНР войсками Красной Армии, украинские повстанцы, возмущенные грабежами и насилиями продотрядов, немедленно развернули яростную борьбу с частями РККА, которые также принимали непосредственное участие в продовольственных реквизиях. «Кулацкий бандитизм», как именовали большевики новую вспышку борьбы этнических украинцев за национальный суверенитет, широкой волной разлился по всей Украине. После ликвидации Советами польского и крымского фронтов, эта борьба лучшей части украинского народа

[34] *Баранов А.В.* География расселения казачества на Юге России в 1920-х гг.// Донской юридический институт. Ученые записки. Памяти Е.И. Осколкова (К 75-летию со дня рожд.) Т. 16. — Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 2001. — С. 130.

[35] *Шульгин В.В.* «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. — СПб.: Хорс, 1992.

была обречена на поражение, поскольку силы и средства отмобилизованной, огромной по численности Красной Армии и плохо вооруженных формирований украинских националистов были несоизмеримы. Тем не менее, чтобы удержать украинское село под своим контролем, Кремлю пришлось создать на Украине квазинациональную государственность УССР, а также разместить здесь на постоянной основе почти миллионную армию, которая состояла из красноармейцев, мобилизованных преимущественно в Центральной России.

Таким образом, Иосиф Сталин и в целом подконтрольное ему Политбюро ЦК ВКП(б) имели все основания всерьез опасаться новой мощной вспышки борьбы украинцев за национальную государственность — в связи с намеченной всеобщей коллективизацией сельских крестьянских хозяйств. Взрыв национальной борьбы в УССР — крупнейшей национальной республике, расположенной на границе с Европой — мог стать детонатором для столь же мощного этнополитического порыва дискриминируемого, экономически обездоленного казацкого населения, в первую очередь на Кубани. Сталинское Политбюро, конечно же, учитывало, что украиноязычность и сохранившиеся традиции Запорожской Сечи априорно делали кубанских казаков естественными союзниками украинских националистов. Экстраполируя этот вывод на последующие события начала 30-х годов, можно отметить, что подобного рода опасения не были беспочвенными.

По сведениям ОГПУ, на территории граничившего с Украиной Северо-Кавказского края, только за январь-март 1929 года чекисты зарегистрировали 116 актов политического террора, совершенных в большинстве случаев этническими казаками[36]. За 10 месяцев 1929 г. интенсивность повстанческого террора на Северном Кавказе быстро нарастала: со 116 акций в целом по краю — до 409 акций, причем только лишь по статистике зерновых районов. За эти же 10 месяцев ОГПУ раскрыло в крае 370 подпольных групп с участием в них 3736 человек и произвело аресты около 4200 человек, преимущественно из среды казачества[37]. В примыкавших к Кубани районах Дона и в казацком Нижнем Поволжье, в этот период также стал разгораться огонь сопротивления. В следующем, 1930 году, на территории самой Украины, по данным Линн Виола, советские органы зарегистрировали 4098 крестьянских выступлений. За этот же хронологический отрезок времени на Северном Кавказе произошло 1061 открытых выступлений против политики Советской власти, на Нижней Волге (по-видимому, в основном в казацких районах) — 1003 акции протеста. Таким образом, в границах проживания казацкого и украинского населения в год, предшествующий началу политики Голодомора (1930 г.), произошло 6162 антисоветских выступления.

В тот же период, в границах весьма значительной по площади Центрально-Черноземной области РСФСР, населенной преимущественно великорусами, советские органы зафиксировали только 1373 крестьянских волнений, т.е. почти в 6 раз меньше[38].

Вышеприведенные цифры являются своего рода этнополитическим индикатором. Сопоставление показателей политической активности генетически разнородного населения Великороссии, Украины и Присуда должно было, по логике, ясно дать понять товарищу

---

[36] ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.848. Л.216.

[37] Там же: Д.848. Л.216, 221; Д.940. Л.32. См. также: *Осколков Е.Н.* Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. — Ростов н/Д., 1973. — С. 143—144.

[38] *Viola L.* Peasant rebels under Stalin. Collectivisation and the Culture of Peasant Resistance. — New York, Oxford, 1996. — P. 138—139.

Сталину — против каких именно народов должна быть направлена, в первую очередь, политика террора голодом. Предпринять в отношении казаков и украинцев самые жесткие действия, «наказать» эти народы так, чтобы надолго вселить в их коллективное национальное сознание безотчетный ужас от одной только мысли о возможном противоборстве с Советской властью, — к этому побуждали Сталина и объективные экономические обстоятельства.

В границах Советского Союза Украина и Северный Кавказ (Дон и Кубань) являлись основными регионами, где производился товарный хлеб. Из этих же регионов почти монопольно поставлялся за рубеж хлеб экспортных кондиций. Весьма значителен был здесь и валовой сбор зерна более низкой сортности. В 1931 году, как раз накануне Голодомора, Совнарком СССР определил совокупный объем хлебозаготовок в Украине и Северо-Кавказском крае в 710 млн. пудов, что составляло почти половину объема общесоюзного плана хлебозаготовок (1486 млн. пудов)[39]. Зерновой фактор предопределял необходимость установления жесткого политического и экономического контроля режима ВКП(б) над землями Казацкого Присуда и Украины. Он же подталкивал сталинских эмиссаров в этих регионах (В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Е.Г. Евдокимова, В.А. Балицкого и др.) к постоянному ужесточению репрессивного террора против экономически самодостаточных казацких и украинских хлеборобов.

Режиму ВКП(б) не нужны были свободные, инициативные земледельцы-собственники, тем более неприемлемо было их наличие на стратегически важном в зерновом отношении Юге страны. Советское государство стремилось коренным образом изменить социальный климат в сельских поселениях Украины и Казацкого Присуда. Теперь хлеборобы открыто принуждались не продавать, а безропотно сдавать произведенный ими хлеб Советскому государству, — причем в произвольном, волюнтаристски установленном количестве. Комментируя эти действия режима ВКП(б) украинский исследователь Голодомора С.В. Кульчицкий пишет: «Логика заготовителей была примитивной: выполнили план сдачи хлеба в первый раз, когда нажали, выполните и во второй раз. <…> Государство могло и доказало это, собирая с селян хлеб урожая 1930 г., присваивать столько колхозной продукции, сколько считало нужным»[40].

Казаки и украинские крестьяне не могли, в силу своего этнического менталитета и демократической общественной традиции, длительное время безропотно мириться с позорной, обрекающей их на нищету, но узаконенной оккупационным режимом ВКП(б) формой государственного грабежа. Политика Голодомора стала, как представляется, превентивным ответом Политбюро ЦК ВКП(б) на неизбежный этнополитический вызов казацко-украинского сообщества, не способного длительное время сохранять лояльность чуждому, навязанному исключительно военной силой интернациональному государству.

Миф о непредумышленном, ситуационно возникшем летальном голоде. Некоторые исследователи, отрицающие регулируемый Советской властью характер Голодомора и активно отстаивающие мнение, что голод 1932–1933 гг. был вызван набором объективно возникших, непредугаданных обстоятельств, в качестве основного аргумента ссылаются на вопиющую невыгодность организации голода, прежде всего для самого Советского Союза.

---

[39] Командири великого голоду. Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 гг. — Киев, 2000. — С. 222.

[40] *Кульчицкий С.В., 2011.* Указ. соч. — С. 142.

**Они привели в действие механизм Голодомора на Юге России и в Украине.
Слева направо: Каганович, Сталин, Постышев, Ворошилов. 1934 г.
В этой компании не хватает еще трех палачей: С. Косиора, В. Молотова и Г. Ягоды**

Подкрепляющим аргументом в этом случае служит факт отсутствия директивных документов Политбюро ЦК ВКП(б) и соответствующих советских ведомств, в которых был бы сформулирован приказ или хотя бы замысел на проведение массового террора голодом. Немецкий исследователь Штефан Мерль, произведения которого особенно охотно цитируют российские историки, задается, в частности, таким вопросом: зачем режиму ВКП(б) специально организовывать голод, который в зоне бедствия обязательно коснется не только врагов социалистического общества, но и его адептов — крестьян-бедняков, колхозников-ударников, бывших «красных партизан», «иногородних» и т.д.?[41]

В данном случае, немецкий историк начисто забыл, по-видимому, знаменитый сталинский принцип: «Лес рубят — щепки летят!» История коммунистического режима в России изобилует примерами, — с какой легкостью кремлевский ареопаг отправлял «в ставку Духонина» не только безымянных для них партийных попутчиков, но и своих недавних ближайших соратников по легендарным событиям Революции и пребыванию в ЦК партии. Многие из этих «щепок» до своего последнего земного часа оставались искренними приверженцами не только политического курса ВКП(б), но и лично «товарища Сталина».

[41] *Merl S.* Entfachte Stalin die Hugersnot von 1932–1933 zur Auslöschung des ukrainischen Nationalismus? — Jahrbücher für Geschichte Ostenropas. № 37. 1989. — P. 575–576; *Он же.* Голод 1932–1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. — С. 49–61.

Одной из таких «щепок» оказался, например, некогда доверенный соратник Сталина — Павел Петрович Постышев, организатор Голодомора в Украине и Поволжье. Великорус по национальности, сын потомственного ткача из Иваново-Вознесенска П.П. Постышев прославился в сталинском Политбюро ЦК своей демонстративной лояльностью вождю, доходившей подчас до абсурда, почти до шутовства. Командированный курировать хлебозаготовки в Украине, заняв там должность второго секретаря ЦК КПУ, Постышев приложил немало усилий, чтобы очистить хаты распухших от голода украинских крестьян от любых пищевых продуктов, вплоть до последнего зернышка. Впоследствии, уже на должности секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) Постышев истово занимался поисками «врагов народа», придав этой чудовищной кампании действительно массовый, в буквальном смысле — «всенародный» характер. Казалось, что ни один волосок не может упасть с головы «без лести преданного» сталинского клеврета. Однако, в определенный момент Сталину потребовался, видимо, «козел отпущения» за миллионы жертв Голодомора в Украине. И, невзирая на былые заслуги перед Вождем, — 26 февраля 1939 года Постышев был расстрелян «за организацию и руководство диверсионно-вредительской работой на Украине», а также как агент японской разведки.

В контексте аргументации о «необнаруженной директиве» Голодомора нельзя признать исчерпывающим резюме итогового отчета Международной комиссии по расследованию голода в Украине 1932—1933 гг. В 1990 году эта экспертная коллегия пришла к выводу, что «не в состоянии подтвердить наличие преднамеренного плана организации голода на Украине с целью обеспечения успеха политики Москвы»[42]. Международную комиссию невозможно упрекнуть в просоветской тенденциозности. Разумеется, этот коллегиальный юридический орган не мог игнорировать сегодняшнее процессуальное *status quo* — отсутствие обнаруженных документальных свидетельств о конкретных приказах убийства голодом. Вместе с тем, комиссия не констатировала, что подобных приказов никогда не отдавалось в принципе, равно как и не исключила возможность обнаружения таких документов в будущем. Международные эксперты, конечно, понимали, что основной массив документации о деятельности репрессивных органов СССР до сих пор скрыт от внимания науки и общественности в ведомственных архивах КГБ-ФСБ. Если эти документы под тем или иным предлогом не будут тайно уничтожены, то неизбежно рано или поздно, но наступит день, когда с тайных папок чекистов будет стерт гриф «Совершенно секретно». Только тогда — в случае отсутствия во всех рассекреченных архивах директивных документов об убийстве голодом — мы сможем с полной ответственностью утверждать об отсутствии документальных свидетельств о геноцидальных замыслах партийной верхушки ВКП(б). Пока же профессор Ш. Мерль и его единомышленники явно торопятся с библейским выводом о «неведающих, что творят». **Следует подчеркнуть и еще одно весьма важное обстоятельство: отсутствие документальных свидетельств о замысле преступления геноцида — в случае, если данное преступное деяние было совершено *de facto* — не предполагает освобождения от ответственности за содеянное.**

---

[42] Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932—1933 гг. Итоговый отчет 1990 г. (Перевод с английского). — Киев, 1992. — С. 57.; См. также: Итоговый отчет международной комиссии по расследованию голода 1932—1933 гг. на Украине// Голод 1932—1933 годов. — М., 1995. — С. 11.

Как может квалифицироваться реально состоявшееся умерщвление в мирное время, в огромной стране, располагавшей в избытке всеми необходимыми продовольственными ресурсами, как минимум, — восьми миллионов человек? Неужели, как досадная случайность в результате «преступно допущенного, хотя и без умысла, голода»?[43]

Международное право не требует обязательного наличия директивных письменных документов с проектом или приказом к осуществлению геноцида — в качестве основного квалифицирующего признака совершения этого преступного деяния. **Фактическое преступление — убийство членов исторически сложившейся культурно-этнической группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы (пытки); предумышленное создание таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение данной группы; меры, предотвращающие деторождение в среде такой группы; насильственное перемещение детей из одной человеческой группы в другую — вот признанные международным правом квалифицирующие признаки геноцида**[44]. По всем вышеуказанным критериям — подчеркнем это красной линией — действия Советского правительства в 1932—1933 гг. в отношении казацкого и украинского народов со всей определенностью должны квалифицироваться как геноцид (Голодомор). Возможно также, что политика Голодомора должна рассматриваться как геноцид значительной части русского этносоциума, немцев Поволжья и казахов.

Убедительным примером, что не директивные письменные документы, а фактические преступления с соответствующими квалифицирующими признаками становятся основой для международного обвинения в геноциде, является международное расследование варварского уничтожения народности тутси в Руанде. **Геноцид против тутси** — так современное международное право определяет массовое убийство людей народности тутси воинскими и этническими группировками народа хуту в 1994 г. Военизированные формирования хуту не рассылали теоретических обоснований и директивных указаний по уничтожению тутси, однако жесточайшие убийства, изощренные пытки и дикие насилия над женщинами являлись повседневной реальностью на территории Руанды около 100 дней[45]. Признавая это преступление против человечества, Генеральная Ассамблея ООН 23 декабря 2003 г. установила Международный день памяти о геноциде в Руанде — скорбная дата отмечается 7 апреля, начиная с 2004 года[46].

---

[43] *Мерль Ш., 1995*. Указ. соч. — С. 49.

[44] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260(III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. См.подробнее: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml. См. также: *Рогожкин А.В.* Проблемы квалификации преступления геноцида и ее имплементации в международном праве. — www.prosa.ru/2016/09/03/1589.

[45] *Kagire E.* Genocide against the Tutsi// The East African. 1 February 2014. — См. электронная версия: www.theestafrican.co.ke/news/UN-decides-it-is-officially-genocide-against-Tutsi/-/2558/2169334/-/2q2s7cz/-/index.html.

[47] В 2010 году Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в своем очередном послании специально подчеркнул значение свидетельств выживших в Руанде людей в процессе установления деяния геноцида: «Мы храним память о более чем 800.000 невинных людей, потерявших жизнь. Наши мысли также с теми, кто пережил эту трагедию, чьи незабываемые свидетельства позволили нам осознать в полной мере масштабы трагедии, которую вполне можно было бы предотвратить». Об отсутствии обнаруженных письменных директив хуту, якобы необходимых для установления события геноцида народа тутси, Генеральный секретарь ООН не сказал ни слова.

Штефан Мерль, равно как и некоторые его российские коллеги, совершенно напрасно — используем эту образную русскую поговорку — «ломится в открытую дверь», доказывая, что голод 1932—1933 гг. затронул, кроме украинцев, также русское население, казахов, другие российские народы Кавказа и Поволжья. Страшный факт, что в Советском Союзе прямыми и опосредованными жертвами Голодомора стало не менее 60 млн. человек, включая десятки миллионов не родившихся или умерших в самом раннем младенчестве детей, а также людей старших поколений, необратимо потерявших здоровье вследствие глубокого голода, — не подлежит сомнению. Не требует нарочитой аргументации и другая трагическая реальность совершенного Советским режимом преступления — среди жертв Голодомора, действительно, оказались не только украинцы и казаки, но и великорусы, немцы, казахи, представители других неславянских народов. Кто в XXI столетии проявит безумную решимость утверждать, что погибший во время Голодомора украинский или казацкий ребенок ценнее своих, тоже погибших от террора голодом, русского или немецкого сверстников?

Этнический шовинизм безумен, отвратителен и деструктивен во всех своих проявлениях — вне зависимости от того, представители какого именно народа его выражают. Приходится сожалеть в этой связи, что значительное большинство российских историков, вплоть до самого недавнего времени, фактически отставляли вне поля своего исследовательского внимания весьма значимый этнический аспект Голодомора, связанный с демографическими потерями в великорусской этнической среде. В Российской Федерации отчего-то не актуален очень важный этнополитический вопрос: насколько серьезно в демографическом плане пострадало от политики Голодомора именно русское население СССР? Вместо ответа на этот вопрос, значительная часть российских историков из года в год отчаянно «ломает копья», силясь доказать своим украинским коллегам, что голод 1932—1933 гг. был вызван случайным стечением обстоятельств и не имел признаков преступления геноцида против украинцев[47].

Здравый смысл отказывается понимать — зачем нужно истово доказывать украинцам, что Голодомора в Украине не было, что массовый летальный голод 1932—1933 гг., ставший трагедией практически для каждой украинской семьи, не является, оказывается, геноцидом украинского народа? Авторитетные представители украинской академической науки никогда не ставили под сомнение факт трагических последствий Голодомора еще для целого ряда народов Советского Союза (кроме украинцев), — прежде всего для русских, немцев Поволжья и казахов. Однако признавать Голодомор катастрофой для всего сообщества народов бывшего СССР вовсе не означает отказа от признания этого преступления геноцидом украинцев[48]. А ведь именно к такому парадоксальному решению призывают, к сожалению,

---

[47] См. напр.: *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и «демографической катастрофе» 30-х—40-х годов в СССР // Вопросы истории, 1988. № 3. — С. 116—121; *Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А. и др.* О голоде 1932—1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история, 1994. № 6. — С. 256—262; *Кондрашин В.В.* Был ли голод 1932—1933 гг. в Украине геноцидом украинского народа? // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. Вып. 2. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2004. — С. 126—137.

[48] Весьма разумную позицию в оценке событий Голодомора 1932—1933 гг. в целом по СССР и, в частности, в Украине занимает, например, С.В. Кульчицкий — известный украинский исследователь этой проблемы. Еще в 1988 году С.В. Кульчицкий, признавая факт Голодомора (убийства голодом) миллионов украинцев, в своем докладе для специальной комиссии Конгресса США по вопросу о голоде на Украине особо подчеркивал недопустимость «всех попыток выделить страдания украинского народа путем затушевывания или преуменьшения тягот,

украинских коллег многие российские историки. Очевидно, что усилия в этом направлении иррациональны, и ни к какому консенсусу они привести не могут — память о пяти миллионах украинцев, трагически погибавших в течении полутора лет в мирной, невоюющей стране, навсегда останется сильнейшим аргументом. По крайней мере, для украинцев и Украины.

Превентивный удар Советского режима по казацкому и украинскому сопротивлению коллективизации. Российские и зарубежные исследователи едины во мнении, что политика Советского государства в 1930-е годы имела выраженный антикрестьянский характер, а ее стратегической задачей являлась тотальная эксплуатация ресурсов славянского села — ради форсированной индустриальной модернизации СССР[49]. Селяне виделись властелинам Кремля людьми «третьего сорта» — политически аморфным, социально консервативным, неспособным к самоорганизации человеческим материалом, пригодным разве что для тяжкого труда во имя «светлого коммунистического завтра».

Русское крестьянское население европейской части России, как показали события Гражданской войны, предоставило, увы, достаточно оснований для подобных оценок. Известный историк голода В.В. Кондрашин, комментируя совершенно разное отношение казаков и русских крестьян к Советской власти, подчеркивает: «Значительное число казаков было негативно настроено к Советской власти. Среди крестьян преобладали другие настроения. Поскольку в результате Революции они оказались в выигрыше от земельного передела, то большинство из них привлекала идея рабоче-крестьянского (или лучше крестьянско-рабочего) государства. Крестьяне, которые с оружием в руках сражались за большевиков в годы Гражданской войны, верили, что они не зря рисковали своими жизнями»[50]. Совершенно иной, как мы уже показывали выше, была ситуация на землях Казацкого Присуда и Украины.

Руководство ВКП(б), как это видно из контекста некоторых документов конца 1920-х гг., прекрасно осознавало, что политические ожидания и этнический менталитет казацкого и украинского населения коренным образом отличаются от таковых у крестьян Великороссии. На землях Присуда и Украины большевики предвидели совершенно иную — на несколько порядков более жесткую, массовую реакцию на идею превращения частных сельских владельцев в прикрепленных к колхозам и совхозам сельскохозяйственных рабочих. Следует признать, что руководство ВКП(б) не ошибалось в этих прогнозах. Выше мы уже приводили

выпавших на долю других наций». В своей недавней работе «Украинский Голодомор как геноцид», опубликованной в Росфедерации, исследователь фактически повторил этот тезис. См. подробнее: Investigation of the Ukrainian Famine 1932–1933. Report to Congress. — Washington D. Comission on the Ukrainian Famine, 1988. — P. 66; *Кульчицкий С.В., 2011.* Указ. соч. — С. 191–194.

[49] См. напр.: *Davies R.W., Wheatcroft S.T.* The Years of Hunger. Soviet Agriculture, 1931–1933. — Palgrave Macmillan, 2004; *Кульчицький С.В.* Голод 1932–1933 рр. в Україні як геноцид: мовою документів, очима свідків. — Киев., 2008; *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов в СССР. — М., 2009.

[50] Ниже В.В. Кондрашин специально акцентирует внимание на «тяжелейших установлениях военного коммунизма», среди которых самым ненавистным для сельских тружеников Великороссии являлась продразверстка. Однако, отмечает исследователь, несмотря на «военный коммунизм», русское крестьянство в решающие моменты противостояния красных и белых армий неизменно поддерживало большевиков. «Так было в 1918 году с армией Краснова, — указывает историк, — в 1919 году с армиями Деникина и Колчака. К моменту их подхода к границам Центральной России в прифронтовых районах прекращалось активное крестьянское движение против большевиков — крестьяне массово шли в Красную Армию». См. подробнее: *Кондрашин В.В., 2003.* Указ. соч. — С. 304, 329 (примечание 88).

статистические данные, свидетельствующие, что в 1929–1930 гг. масштаб сопротивления принудительной коллективизации в казацких и украинских землях почти в 6 раз превышал уровень аналогичных акций протеста в центральных областях РСФСР. По данным Терри Мартина только на пограничном украинском Правобережье и только за один март-месяц 1930 года в антисоветских волнениях приняло участие до 100 тыс. крестьян[51]. По мнению историка Людмилы Гриневич наиболее распространенным лозунгом украинских повстанцев в период Голодомора был призыв к восстановлению национальной государственности Украинской Народной Республики (УНР)[52].

В 1986 году Конгресс США учредил специальную комиссию по вопросу о голоде на Украине в 1932–1933 гг. Комиссию возглавил доктор Джеймс Мейс, высокая научная репутация которого признана ныне даже его непримиримыми оппонентами. В апреле 1988 г. комиссия Д. Мейса обнародовала объемный доклад, в котором искусственно вызванный голод в Украине и Северном Кавказе был впервые квалифицирован как геноцид. К докладу прилагалось несколько томов, составленных из свидетельств очевидцев, переживших Голодомор. В данном документе нас интересует следующее, хорошо аргументированное размышление об этнополитической специфике советского метода убийства голодом непокорных. Важность этого положения доклада Джеймса Мейса требует объемной цитаты.

«Если мы зададим себе вопрос — кого можно с определенностью назвать наибольшей помехой на пути создания СССР, этого государства нового типа: административно-централизованного, русоцентричного, вооруженного идеологией русского национализма (хотя и называвшегося советским патриотизмом), — мы можем с определенностью ответить следующим образом: это украинцы, которые упорно боролись за свою независимость и которые настояли на создании относительно автономного территориального образования даже в рамках СССР; это казаки Северного Кавказа, которые вначале сформировали собственное правительство, а позднее послужили основой вооруженного движения против большевиков во время Гражданской войны; а также немцы [*Поволжья. — Н.Л.*], **которые в 1918 году приветствовали германскую оккупацию Украины с распростертыми объятиями. Именно эти народы с их территориями стали жертвами искусственно вызванного голода** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[53].

Таким образом, объективный анализ этнополитической специфики Голодомора не оставляет сомнений: мертвящей лапой голода Иосиф Сталин и его ближайшее окружение

---

[51] *Martin T.* The 1932–1933 Ukrainian Terror: New Documentation on Surveillance and Thought Process of Stalin// Famine-Genocide in Ukraine. 1932–1933. Western archives, testimonies and new research. — Toronto, 2003. — P. 104.

[52] *Гриневич Л.В.* Виявлення національної ідентичності українського селянства в роки коллективізації// Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. — Киев, 2003. — С. 421–425.

[53] Цит. по: *Mace J.* The Man-Made Famine of 1933 in Soviet Ukraine// Famine in Ukraine 1932–1933/ Ed. by R. Serbyn and B. Krawchenko. — Edmonton, 1986. — P. 11–12.

Доклад комиссии Д. Мейса повторил, к сожалению, давнее заблуждение американской (и, в целом, западной) политологии, прямолинейно выставляющей знак равенства между советским империализмом и методично уничтожаемым в СССР русским национализмом. Для вдумчивых исследователей указанной дилеммы очевидно, что идеология русского национализма методично уничтожалась в СССР, вместе со своими живыми носителями, — с самых первых дней существования советской империи и до ее бесславного краха в 90-е годы XX столетия. В процессе построения Советского Союза русский этносоциум стал самой массовой жертвой так называемой «ленинской национальной политики».

Беженцы в фильтрационном лагере на границе зоны бедствия, охваченной Голодомором. Отсюда большинство обессиленных страдальцев будут отправлены чекистами — «обратно к местам жительства» — на верную смерть. Юг России. 1932 г.

рассчитывали превентивно нейтрализовать сопротивление «великому перелому» коллективизации, — прежде всего в украинской и казацкой этнических средах. Политика удушения голодом позволяла (именно так оказалось и в реальности) постепенно, но эффективно купировать неизбежный массовый протест против грабительской коллективизации в приграничной, не забывшей о самостийности Украине и в органично антисоветском казацком Юге. Ужас Голодомора, кроме того, позволил бы (и это тоже, к сожалению, стало явью) продемонстрировать великорусской крестьянской массе — какое именно наказание ожидает ее в случае краха идеологии «неразрывного союза рабочих и крестьян в стране Советов».

Существуют ли документы, вышедшие из недр ВКП(б), которые могли бы проиллюстрировать вышеприведенное, весьма ответственное утверждение? Таких документов немного, но, тем не менее, они есть. Необходимо отметить в этой связи, что диктаторские режимы в принятии и реализации своих решений являются на несколько порядков более оперативными, нежели демократические системы, априорно основанные на множестве согласительных процедур. Оставляя в стороне вопрос о качестве и стратегической значимости

принимаемых решений, можно утверждать, что управленческая эффективность диктатуры (на определенном отрезке времени) всегда будет превалировать над аналогичным свойством демократической системы. Сталинское Политбюро ЦК ВКП(б), в значительной мере сформированное из людей, имевших богатейший опыт нелегальной деятельности, только в самой незначительной степени нуждалось в бюрократических согласованиях и соответствующем обмене документами. Судьбоносные для Советского государства решения, как это явствует из воспоминаний немногочисленных очевидцев, зачастую совершенно не протоколировались, поскольку принимались в самом узком кругу единомышленников Сталина. Полная бюрократизация советского административного аппарата состоялась значительно позднее начала 1930-х годов, достигнув своего апогея уже в период власти Кириенко и Горбачева.

В 2007 году Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) и Гуверовский институт войны, революции и мира в совместном издании опубликовали две версии стенограммы объединенного заседания Политбюро ЦК и Президиума ЦИК ВКП(б), состоявшегося 27 ноября 1932 г. Сравнение обоих текстов стенограмм дает четкое представление о том, на каких именно этнополитических врагов вождь ВКП(б) нацеливал политическую элиту большевиков. Существенное смысловое различие версий одного и того же выступления Иосифа Сталина показывает также — насколько хорошо камуфлировалась подлинная направленность политики Голодомора.

В общедоступном тексте стенограммы, разосланном из Кремля региональным партКомам, Иосиф Сталин призывал партийцев нанести ***«сокрушительный удар по отдельным колхозникам и колхозам»***, которые систематически не выполняют конкретные, означенные для регионов планы хлебозаготовок. В «закрытом», фактически секретном варианте стенограммы, т.е. в подлинном выступлении вождя большевиков, которое выслушала в Кремле и приняла как директиву для исполнения партийная верхушка, «сокрушительный удар» призывался на головы вполне конкретных врагов, а именно — ***«белогвардейцев и петлюровцев»***[54]. Идеологически базисная, можно сказать — фундаментальная традиция РСДРП(б)-ВКП(б) была основана на доктрине интернационализма, а потому требовала от своих адептов не упоминать всуе конкретные наименования народов, особенно в негативном контексте. Строго следуя этой традиции, Иосиф Сталин применил эвфемизм «белогвардейцы и петлюровцы». **Для руководящего слоя ВКП(б), детально искушенного во внутрипартийном «адате», толковый словарь для расшифровки партийных эвфемизмов не требовался. Членам Политбюро ЦК было более чем понятно, что вождь именовал «петлюровцами» — этнических украинцев, а «белогвардейцами» — этнических казаков.**

Еще одним документом, конкретизирующим применение механизма Голодомора сугубо для территорий казацкой Кубани и Украины, является циркулярная секретная телеграмма ЦК ВКП(б) и СНК СССР, направленная 22 января 1933 г. в соседние с Северо-Кавказским краем и Украиной регионы СССР. История России, до узурпации власти в этой стране большевиками, знала немало случаев голодных бедствий, однако Голодомор 1932–1933 гг. является совершенно уникальным явлением в их ряду. Только в Голодомор центральная власть страны строжайше запретила погибающим от глубокого голода людям покидать

[54] Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) 1923–1938 гг. Т. 3. 1928–1938 гг. – М., 2007. – С. 589, 657–658.

районы голодного бедствия и собирать для спасения своей жизни милостыню. 22 января 1933 года в соседние с казацкими и украинскими землями регионы ушла шифровка.

«До ЦК ВКП(б) и Совнаркома дошли сведения, что на Кубани и Украине начался массовый выезд крестьян «за хлебом» в ЦЧО, на Волгу, Московскую обл., Западную область, Белоруссию. ЦК ВКП(б) и Совнарком не сомневаются, что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации «через крестьян» в северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти».

Далее в этой директиве, подписанной Сталиным и Молотовым, предписывалось органам ОГПУ Московской, Западной и Центрально-Черноземной областей, Белоруссии и других регионов ***«немедленно арестовывать пробравшихся на север «крестьян» Украины и Северного Кавказа и, после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, выдворять остальных на места их жительства»***[55]. Симптоматично, что в результативной части секретной телеграммы слово «крестьяне» поставлено в кавычки — для Сталина и Молотова умиравшие от голода казаки и украинцы были, конечно же, не крестьянами, а «белогвардейцами» и «петлюровцами».

Страшные чекистские жернова ОГПУ, после получения вышеприведенной директивы, немедленно закрутились, дробя и размалывая жизни не только мифического «контрреволюционного элемента», но и простых, уже безучастных ко всему от состояния глубокого голода, несчастных селян. К началу марта 1933 г. патрулями ОГПУ и советской милиции на границе зоны Голодомора было задержано 219.460 человек. **Из них 186.588 несчастных беглецов было возвращено на Северный Кавказ и Украину в зону сплошного голода, а остальные осуждены «самым гуманным судом в мире» на ссылку или заключение в ГУЛАГ[56]. Трудно сказать, кто из арестованных пережил в итоге бóльшую трагедию: осужденные люди, если их немедленно не расстреляли, хотя бы получали лагерную «баланду», возвращаемые же в зону сплошного голода гарантированно обрекались на смерть.**

О целенаправленном, масштабном регулировании Голодомора в казацком Юге России и в Украине свидетельствует «методом от противного» также объем государственной помощи, оказанной голодающим регионам СССР с февраля по июль 1933 года, т.е. в период, когда механизм убийства голодом уже прошел точку апогея, а этнополитические цели Голодомора были в основном достигнуты. Британский специалист по истории СССР Роберт Дэвис и его австралийский коллега, профессор Стивен Уиткрофт обобщили, по данным советских архивов, весь объем государственной помощи пострадавшим от голода регионам за вышеуказанный период. Оказалось, что Северо-Кавказский край и УССР получили для питания голодающих и организации сева в пять раз больше хлеба, чем все другие голодающие регионы страны вместе взятые[57]. Цифра пятикратного увеличения помощи зерном свидетельствует, конечно же, отнюдь не о «доброте» Советской власти к недобитым «белогвардейцам» и

---

[55] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 3. Конец 1930–1933. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 634–635.

[56] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М.: Интерпракс, 1994. – С. 204.

[57] *Davies R.W., Wheatcroft St.* The Years of Hunder. Soviet Agriculture, 1931–1933. – Palgrave Macmillan, 2004. – P. 418–484.

«петлюровцам», а о циничной рациональности большевистского режима. Скорее это свидетельство о наивысших по всей зоне летального голода уровнях смертности — именно на казацких и украинских землях, о тотальном разрушении на Кубани, Дону и Украине всей социальной основы сельского хозяйства. Выделяя зерно немногочисленным оставшимся в живых селянам, большевики ничем не рисковали: в феврале 1933 года основная задача Голодомора — вымершие, полностью деморализованные казацкие станицы и украинские села — была в целом достигнута.

1928–1929 гг.: период окончательной ликвидации состоятельного слоя казацкого народа. Рассмотрим хронологию политики «сокрушительного удара» голодом, которая была смоделирована Советским государством как превентивная мера против угрозы новой мощной вспышки казацкого сепаратизма и украинского национализма.

Предварительно отметим, что, будучи крупнейшей акцией государственного террора, одновременно перемоловшей в своих жерновах демографически крупные бунтарские этносы и всю сельскую экономику огромного региона, Голодомор не мог возникнуть спонтанно, неожиданно (т.е. сам по себе) или мгновенно, по приказу свыше (например, по негласному указанию Сталина). Механизм убийства голодом миллионов селян мог быть создан только постепенно, этапами, в прямом смысле — методом «от простого к сложному». Если в данном случае уместно образное сравнение, то еще в 1929 году Голодомор был небольшим детенышем лютого зверя, которого сталинская машина террора интенсивно откармливала человеческими жертвами до состояния чудовищного монстра. Откармливала для того, чтобы в зимние месяцы 1932 года выпустить, наконец, из клетки. До рубежа 1932–1933 гг. монстр Голодомора еще мог быть удержан в своей клетке методами директивного советского администрирования; после этого рубежа, а особенно к весне 1933 г., когда в казацких станицах и украинских селах люди ежемесячно умирали сотнями тысяч, — загнать зверя обратно в его узилище стало невозможным. Весной 1933 года Голодомор как массовая, уже нерегулируемая административными рычагами социально-экономическая катастрофа вырвался за пределы изначально очерченных для него сталинским Политбюро казацко-украинских границ, захватил значительные территории, населенные другими народами СССР, превратился из регионального (хотя и очень масштабного) бедствия в глобальную катастрофу общегосударственного масштаба.

Первый этап подготовки «сокрушительного удара по белогвардейцам и петлюровцам», т.е. по населению казацких районов Юга России и Украины, пришелся на 1928–1929 гг. Этот этап можно назвать периодом физической ликвидации состоятельного слоя селян (кулаков) и тотального разграбления экономического достояния середняцкого слоя (середняков). В период 1928–1929 гг. Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталин вряд ли еще осознавали необходимость проведения политики удушения голодом потенциально взрывоопасных регионов страны. Режим ВКП(б) пока взял курс на энергичное свертывание НЭПа. Логика этого курса со всей неизбежностью вела к принудительным хлебозаготовкам, кабальным «займам» и репрессивно выдавленным из уже обобранных селян «самообложениям». В этот же период произошло резкое усиление карательного прессинга на такие слои сельских жителей, которые располагали хотя бы какими-то материальными средствами к организации борьбы с Советским режимом, т.е. на кулаков и середняков. Своего рода резюме политики ВКП(б) в казацких регионах Юга России может считаться высказывание

полпреда ОГПУ в Северо-Кавказском крае Ефима Евдокимова[58], озвученное этим палачом казацкого народа на заседании крайкома ВКП(б) 30 ноября 1928 г. ***«Антисоветские кулацко-казачьи группировки переходят к прямой контрреволюции,*** — заявил членам крайкома Евдокимов, — ***скатываются к подполью и террору.*** <…> ***Надо расстреливать больше и без печати, это прекратит разгул кулачества»***[59].

Важно отметить, что в период 1928—1929 гг., да и в последующее время, отнюдь не Ефим Евдокимов и подобные ему палачи регионального уровня принимали стратегические решения о резком увеличении объема хлебозаготовок (т.е. фактически об узаконенном ограблении селян). В позднесоветское время неоднократно предпринимались попытки снять ответственность за антикрестьянский террор с центральных органов Советского государства и переложить ее на руководителей районного уровня, которые, дескать, не поняли в целом гуманистической позиции ВКП(б) и допустили на местах досадные «перегибы». На самом же деле инициатива тотального разграбления достояния селян, равно как и террор против них, всегда санкционировались на самой вершине коммунистической властной пирамиды. Вот, например, какое директивное указание направил Иосиф Сталин В.М. Молотову 10 августа 1929 г., ознакомившись с проектом постановления Политбюро ЦК партии о хлебозаготовках.

«Читал постановление ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках. При всех его достоинствах оно, по-моему, <u>совершенно недостаточно</u> [здесь и далее подчеркнуто Сталиным. — Н.Л.]. <…> ***Мой совет:***

1. дать <u>немедля</u> директиву органам ГПУ открыть <u>немедля</u> репрессии [далее следует указание, кого именно следует репрессировать. — Н.Л.];

2. дать <u>немедля</u> директиву руководящим верхушкам кооперации, Союзхлеба, ОГПУ и судебных органов выявлять и <u>немедля</u> предавать суду [следует указание, кого нужно осудить];

3. установить наблюдение за колхозами (через КХЦ, парторганизации, ОГПУ) с тем, чтобы уличенных в задержке хлебных излишков или продаже их на сторону

---

[58] *Евдокимов Ефим Георгиевич* (1891 — 02.02.1940) — советский партийный и государственный деятель, сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД. Член Центральной контрольной комиссии ВКП(б) (1930—1934). Член ЦК ВКП(б) (1934—1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1939). Родился в великорусской семье путевого обходчика. Систематического образования не получил (официально имел неполное среднее). В одной из своих анкет Евдокимов написал, явно с гордостью, что имеет «низшее образование». Чекист так называемого «дзержинского призыва». Отличался звериной жестокостью, особенно по отношению к офицерам и казакам. После оккупации частями РККА Крымского полуострова 21 ноября 1920 г. был назначен начальником карательной «Крымской ударной группы», занимавшейся массовым уничтожением оставшихся в Крыму офицеров и солдат Русской армии генерала Врангеля. Командующий Южным фронтом М.В. Фрунзе в своем рапорте сообщал, что Евдокимов в Крыму «в общем, уничтожил до 12.000 белого элемента». Позднее, в качестве полпреда ОГПУ зверствовал в Украине, а с 1923 г. в Северо-Кавказском крае. Проводил депортации и массовые кровавые «изъятия» в казацких станицах. Фанатично ненавидел М.А. Шолохова, на встречах со Сталиным дважды требовал санкции на арест великого писателя. В ноябре 1938 г. был арестован. В родном для него лубянском подвале в процессе допросов «третьей степени» (т.е. с невероятно жестоким мордобоем) признался в работе на разведки четырех зарубежных государств. 2 февраля 1940 г. этого чудовищного палача, залитого по макушку казацкой, украинской и русской кровью, наконец, расстреляли. В 1956 г. Евдокимова посмертно реабилитировали и восстановили в коммунистической партии.

[59] ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.703. Л.111—112.

руководителей колхозов немедля отрешить от должности и предавать суду за обман государства и вредительство.

Я думаю, что без этих и подобных им мер дело у нас не выйдет. В противном случае у нас получится одна лишь агитация и никаких конкретных мер по хлебозаготовкам»[60].

Данное указание Сталина было ускоренным порядком утверждено высшим руководящим органом партии. 15 августа 1929 г., т.е. всего через пять дней после направления В.М. Молотову послания вождя, ЦК ВКП(б) принял постановление о террористических методах хлебозаготовок. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) направило директиву ОГПУ «О проведении решительных мер репрессий в отношении спекулянтов хлебными продуктами». Это постановление было сформулировано таким образом, что под понятие «спекулянт» можно было подверстать в принципе любого селянина — от казака-реэмигранта до председателя колхоза.

Хлебозаготовки в казацких станицах всегда проводили специальные бригады смешанного состава: сельские активисты (иногородние и «красная» беднота), партийные и комсомольские работники, представители заготовительных организаций, сотрудники ОГПУ и милиции, при угрозе массового сопротивления — отряды войск ОГПУ. На землях Присуда все хлебозаготовительные бригады по этническому составу формировались почти исключительно из неказаков, в основном из числа местных «иногородних» и прикомандированных уроженцев Центральной России. Хотя это покажется странным, но особенно лютовали при разграблении и уничтожении родовых казацких усадеб вовсе не сотрудники ОГПУ в форме и с наганом, а именно «иногородние» активисты. Даже современные российские историки, стремящиеся во всех случаях умалчивать об исторически сложившихся межэтнических противоречиях, при описании событий хлебозаготовок и так называемого раскулачивания начала 1930-х гг. вынуждены констатировать массовое ожесточение «иногородних» против казаков. А также особое пристрастие переселенцев к активному личному участию государственном терроре в казацких станицах. **«Особенностью Северо-Кавказского края,** — указывает, например, историк В.В. Кондрашин, — **было наличие там особой сельской категории населения — иногородних. Именно из них, как правило, были укомплектованы кадры местных ОГПУ, партийных органов. В большинстве своем они предвзято относились к казачеству, помня старые обиды, свое неравноправное положение в дореволюционный период** [*выделено нами. — Н.Л.*]».

В.В. Кондрашин приводит несколько скорбных примеров, наглядно демонстрирующих насколько отчужденно, даже с неприкрытой ненавистью относились переселенцы с севера к приютившим их на своей земле этническим казакам. Например, некто «иногородний» Югаров на состоявшейся в 1928 году конференции сельских активистов Кубани при обсуждении «казацкого вопроса» прямо заявил: ***«Если бы это зависело от меня, то я бы отправил их всех*** [казаков. — Н.Л.] ***как бесполезных элементов, в Мурманск. Иначе они будут продолжать дальше осложнять нашу работу»***. В конце 1920-х гг. все люди, жившие на землях Казацкого Присуда, хорошо знали, что означала на самом деле ссылка так называемого контрреволюционного элемента «в Мурманск». В лучшем случае несчастных

---

[60] Цит. по: *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928—1933 гг.). — М.: Институт российской истории РАН, 2000. — С. 57—58.

Колхозные активисты слушают по радио выступление товарища Молотова. 1935 г. Русские крестьяне оказались чрезвычайно восприимчивы к напористой большевистской пропаганде

«контрреволюционеров» ожидал концлагерь, а чаще всего расстрел или утопление в трюмах сухогрузных барж в Баренцевом море. Как же люто нужно было ненавидеть своих казацких земляков, чтобы мечтать об отправлении «их всех» на чудовищные страдания и смерть?

В другом случае, отмечает В.В. Кондрашин, активисты из «иногородних» были крайне недовольны назначенными казакам наказаниями за невыполнение государственных налоговых обязательств. Эти наказания показались «иногородним» слишком мягкими, а один из них предложил альтернативу: ***«Очень жаль, что не вызвали меня свидетелем. Я бы предложил тогда дать им*** [казакам] ***не менее пяти лет*** [лагерей]. ***Некоторых из них следовало бы расстрелять, чтобы и духу их не было в нашей станице»***. Отметим, что переселенец ведет речь о «нашей станице» на Кубани, т.е. о казацком национальном селении, находящемся на исконной территории расселения казацкого народа.

Подобные нетерпимые настроения среди неказацкого населения Юга Росси были на рубеже 1930-х гг., по-видимому, массовыми. Секретарь сельской партячейки Кубанского района (административной территории с преимущественно казацким населением), обобщая отклики коммунистов-неказаков на темпы коллективизации, решительно заявил: ***«Мы не для того боролись*** [с казаками] ***семь лет, чтобы сдаться теперь»***[61]. В годы «великого перелома» межэтническая напряженность, а подчас открытое противоборство между казацким

[61] *Кондрашин В.В., Пеннер Д.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). – Самара-Пенза, 2002. – С. 182–184.

и неказацким (преимущественно русским) населением Присуда, к сожалению, только усиливалась. Этот негативный процесс активировался провокационными действиями региональных структур ВКП(б), методично работавших над задачей превращения казацкого народа «в политического лузера, в экономически зависимую и угнетенную группу населения, а в идеале — в социальную химеру»[62].

Для полного контроля над процессом форсированной коллективизации в основных зерновых районах страны (Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, Украина), в том числе и для ускорения процесса этнополитической аннигиляции казачества Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г. приняло решение о «двадцатипятитысячниках». Так называли «передовых» городских рабочих, преимущественно великорусского происхождения, которых в числе чуть более 25 тыс. человек в инициативном порядке набрали на крупных промышленных предприятиях Москвы, Ленинграда, Нижнего Новгорода[63]. В основном малограмотные люди, одержимые идеей яростной классовой борьбы, но при этом не умеющие отличить вола от быка, а пшеницу от ржи, 25-тысячники были призваны стать руководителями вновь образованных колхозов и совхозов на Юге России и в Украине. Яркий образ такого «передового» рабочего запечатлен Михаилом Шолоховым в «Поднятой целине». Ленинградский рабочий Семен Давыдов вдохновенно пьет самогон, имеет выбитый «по пьяному делу зуб» и крайне неприличную татуировку на животе. Этим, собственно, и ограничиваются все таланты Давыдова как руководителя колхоза в Гремячем Логу. Идеологически зашоренные, способные бестрепетно выполнить любой, даже самый преступный приказ партийного руководства 25-тысячники внесли свой заметный вклад не только в окончательный развал сельскохозяйственного производства на землях Присуда, но и в организацию методичного государственного террора в отношении коренного казацкого населения.

Было бы явным упрощением считать, что неприязненные, в какой-то мере даже непримиримые противоречия, которые сталкивали в бессмысленной борьбе казаков и великорусских «иногородних» имели только межэтническую основу. На самом же деле эта межнациональная рознь разогревалась, в значительной мере, разным имущественным статусом казаков и «иногородних». Казаки, даже потеряв в годы Гражданской войны значительную, возможно, основную часть своего национального достояния, оставались в массе своей более зажиточными, чем русские крестьяне-переселенцы. На рубеже «великого перелома» в общем социальном слое хлеборобов Северо-Кавказского края батраки и беднота составляли весьма значительный процент населения — 39,9%. Однако, среди этнических казаков бедняцко-батраческая прослойка была почти в четыре раза тоньше — около 10—12%, формируясь в основном из тех семей, в которых взрослые мужчины погибли в борьбе с большевиками, либо ушли в эмиграцию. «Середняки» в массе хлеборобов Юга России составляли около 55%. В тот же период в этническом казачестве этот слой в социально-экономическом аспекте являлся устойчиво доминирующим: 73—75% от общего числа всех индивидуальных казацких хозяйств. Процент зажиточных богатых

---

[62] Это образное и, вместе с тем, очень точное определение принадлежит ростовским исследователям А.П. Скорику и Р.Г. Тикиджьяну. См.: *Они же*. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. — Ростов н/Д., 2010. — С. 242.

[63] См. подробнее: *Розенфельд В.Я*. Двадцатипятитысячники. — М., 1957; *Борисов Ю.С*. 25-тысячники. — М., 1959.

селян (на русском крестьянском сленге — «кулаков») достигал в казацких обществах 12%, а в среде «иногородних» переселенцев был ровно наполовину меньше — 6,1%[64].

Такие имущественные диспропорции вызывали у малограмотных, озлобленных, распаленных большевистской агитацией «иногородних» алчную жажду нового этапа «черного передела» еще остающейся в руках казаков войсковой земли. В обстановке абсолютного господства «классовой идеологии» большевиков еще не поделенное чужое достояние разжигало зависть, ненависть, другие низменные чувства. Казакам ставили в вину даже их существенно бóльшую, в сравнении с «иногородними» переселенцами, грамотность. Серийный убийца с «низшим образованием» (по собственному признанию в партийной анкете), полномочный представитель ОГПУ в Северо-Кавказском крае Ефим Евдокимов, на партийной конференции в конце 1928 года, перечисляя все «вины» казачества, со злобой констатировал: ***«…Кроме того, наши кулаки-казаки грамотны, большинство из них бывшие командиры и в свое время в казачьих областях они являлись общественными работниками, вождями»***[65].

Отметим еще один, возможно, важнейший аспект «казацкого вопроса» на период начала форсированной коллективизации в основных зерновых районах Советской России. В период 1929—1930 гг., по данным основательного социологического анализа, так называемые «кулаки» и «середняки» суммарно составляли 83—87% от общего числа всех индивидуальных хозяйств казаков Северо-Кавказского края[66]. Эти цифры красноречиво показывают — насколько высоким этнополитическим потенциалом обладал традиционный казацкий уклад жизни. Даже огромные демографические потери, всеобщее разграбление красным воинством казацких усадеб, административный хаос и голод 1921—1922 гг. — не смогли выбить казацкий народ с позиции безусловного этнополитического лидера на землях Присуда. Неслучайно поэтому практически все историки периода «великого перелома» и последующего Голодомора, так или иначе, отмечают «авангардную роль казачества в сопротивлении давлению властей»[67]. **Хорошо понимало эту «авангардную роль» и Советское правительство, именно поэтому развязанная ОГПУ с середины 1929 года методичная «борьба с кулачеством» стала фактически войной на полное уничтожение казацкого народа.**

Как известно, Советский режим вел борьбу с «кулачеством» вплоть до 1937 г. С каким казацким «кулаком» мог бороться все восемь лет огромный, превосходно отлаженный механизм советского государственного террора, учитывая факт относительно небольшой прослойки «кулачества» (до 12%) в казацком этническом сообществе на период 1928—1929 гг.? Кажется очевидным, что сам термин «раскулачивание» применительно к периоду после февраля 1930 г. неправомерен, поскольку кулака в славянских населенных пунктах Северного Кавказа после массовой чистки 1930 года уже не было не только как класса, но и как социального явления. В 1931 году «раскулачивали» и ликвидировали, как правило, зажиточных крестьян и середняков, даже некоторых бедняков, заподозренных в сочувствии кулакам и противодействии Советской власти, а потому получивших ярлык «подкулачников»[68].

---

[64] *Баранов А.В.* Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921—1929 гг.). — СПб., 1996. — С. 274.

[65] ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.704. Л.75.

[66] *Баранов А.В., 1996*. Указ. соч. — С. 275.

[67] *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г., 2010*. Указ. соч. — С. 215.

[68] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 65.

В принципе любую, даже самую малоимущую казацкую семью большевикам очень легко было провести по ведомости «подкулачников». Известно, что малоимущие казацкие семьи, несмотря на все выгоды попасть с помощью карандаша советской администрации в «крестьянско-бедняцкий класс», политически господствующий на землях Присуда после Гражданской войны, в реальной жизни категорически отказывались признавать себя бедняками. ***«Какой-либо казак бедняк совсем, а говорит, что он не бедняк»***, **«**[казак-бедняк] ***не назовет себя бедняком — я казак, какой же я бедняк?»*** — так характеризовали партийные функционеры ВКП(б) этнополитическое самосознание малоимущих казацких семей накануне коллективизации[69]. Учитывая факт отсутствия «бедняков» в казацком сообществе (разумеется, не в экономическом, а только в этнопсихологическом аспекте), а также абсолютно преобладающее положение в нем «середняков» (до 75% хозяйств) можно с полным основанием утверждать, что административно-карательная машина Советской России, начиная с середины 1929 года, практически перешла к задаче полного уничтожения казацкого народа, т.е. стала *de facto* осуществлять преступление геноцида.

Советское государство, демагогически утверждая, что уничтожает «как класс» исключительно «кулачество», на деле стремилось уничтожить в основных зерновых районах страны как можно больше казацкого населения в целом. Жупел «кулачества» оказался, применительно к населению казацких станиц, вот уж действительно «резиновым»: по мере уничтожения первой очереди хозяйств, признанных «кулацкими», — все новые и новые семьи казаков верстались в эту гибельную категорию. **Идеологи «великого перелома» справедливо полагали, что с этнокультурной и демографической аннигиляцией казаков навсегда исчезнет так крепко намозолившая им глаза войсковая конструкция традиционного казацкого общества, неразделимая с волевым индивидуализмом, демократическими идеалами и национальным мироощущением. Только после окончательного разрушения казацкой этносферы большевики могли всерьез рассчитывать, что на оккупированных ими землях Присуда приживется и будет развиваться принципиально другое этнополитическое сообщество, способное, в отличие от казаков, безропотно смириться с административным коллективизмом, хозяйственным диктатом и воинствующим интернационализмом советской конструкции**[70].

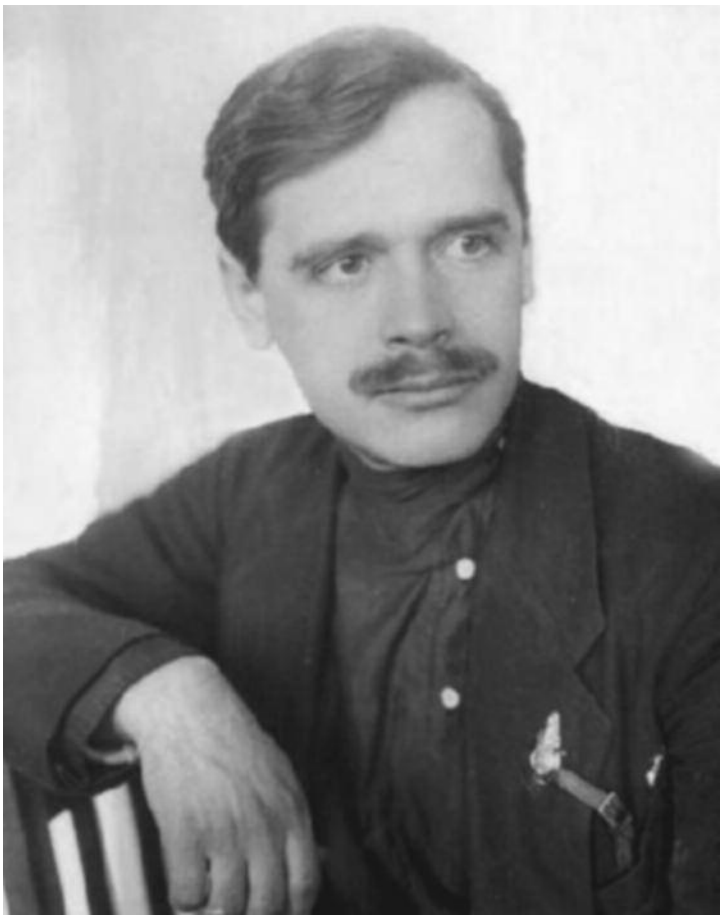
Вернемся к обзору последовательных действий Советского государства, приведших к Голодомору.

После принятия августовских постановлений Политбюро и ЦК ВКП(б) государственный террор на землях Казацкого Присуда в целом по СССР, и особенно на территории Северо-Кавказского края резко усилился. 9 сентября 1929 года ОГПУ сообщило в Политбюро ЦК, что к 7 сентября структурами этой спецслужбы арестовано в связи с хлебозаготовками 1187 человек, в том числе: в Северо-Кавказском крае — 317 и в Украине — 472. Эти цифры вряд ли являются точными, и, во всяком случае, не отражают действительного

---

[69] ГАРО. Ф.5. Оп.1. Д.70. Л.76,136.

[70] В.В. Кондрашин в одной из своих работ задается риторическим вопросом: «Почему Краснодарский край [в 1932–1933 гг. эпицентр Голодомора] является на сегодняшний день оплотом «красных», а КПРФ пользуется там поддержкой в сельской местности?» Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, очевиден: на Кубани произошло коренное изменение этнической архитектуры общества — в результате политики Голодомора этнические казаки оказались здесь в убывающем меньшинстве.



Большевик Андрей Андреев в годы Гражданской войны. Этот организатор геноцида казаков на Северном Кавказе сумел благополучно пережить все сталинские чистки

размаха государственного террора против «кулаков»[71]. Эмиссары ЦК ВКП(б) на Северном Кавказе, секретари крайкома А.А. Андреев[72] и В.И. Иванов[73] сообщали в Кремль совершенно другие сведения по арестованным людям, причем в некоторых существенных позициях их донесения не совпадали. Например, Андреев и Иванов сообщали, что только органами ОГПУ к середине сентября в одном только Северо-Кавказском крае арестовано 1176 человек, т.е. почти в 4 раза больше, чем было означено в официальном отчете ОГПУ. При этом А.А. Андреев информировал ЦК, что одновременно по линии советской прокуратуры в рамках расследований по раскулачиванию возбуждены дела еще против 1569 человек (надо полагать, как было принято в то время, — с немедленным арестом). В.И. Иванов в собственном отчете указывает по линии арестов прокуратуры существенно бóльшие цифры

[71] *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.) – М.: Институт российской истории РАН, 2000. – С. 61.

[72] *Андреев Андрей Андреевич* (30.10.1895 – 05.12.1971) – член РСДРП(б) с 1914 г.; член Политбюро ЦК ВКП(б): 1932–1952 гг. Родился в семье великорусского крестьянина на Смоленщине. Систематическое образование: два года в сельской школе, затем рабочие курсы. С 1916 г. на нелегальном положении, с 1917 г. член Петроградского комитета РСДРП(б). Участник встречи В.И. Ленина на Финляндском вокзале 3 апреля 1917 г. С января 1928 г. по декабрь 1930 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома партии. Один из главных организаторов уничтожения социальной верхушки станичного казачества. На заре «перестройки» даже газета «Правда» вынуждена была признать, что «раскулачивание», которое организовывал на Юге России А.А. Андреев «все больше принимало характер репрессий». (Правда. «Коллективизация: как это было». 1988. 16 сентября). Отличался невероятной изворотливостью. В 1921 г. во время внутрипартийной дискуссии о профсоюзах поддерживал платформу Л.Д. Троцкого и Н.И. Бухарина. Формальный троцкист А.А. Андреев сумел, тем не менее, успешно пережить все сталинские чистки. Умер в Москве в статусе персонального пенсионера КПСС.

[73] *Иванов Владимир Иванович* (11.03.1893 – 15.03.1938). Родился в великорусской семье тульского кузнеца. Один из немногих высокопоставленных большевиков русского происхождения, которые имели систематическое высшее образование (в 1918 году окончил Медицинский факультет Московского университета). Член РСДРП(б) с 1915 г. С августа 1918 по сентябрь 1919 гг. председатель ЧК в Камышине. С октября 1924 г. – секретарь Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1927–1931 гг. – второй секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Рука об руку с Андреевым организовывал уничтожение социальной верхушки станичного казачества. 1 ноября 1937 г. был арестован по делу «Антисоветского правотроцкистского блока». Расстрелян 15 марта 1938 г. Ныне реабилитирован.

— 2192 арестанта. Разнобой в цифровых показателях о проведенных арестах свидетельствует, по-видимому, что уже на первом этапе нового витка государственного террора против индивидуальных сельских владельцев волна арестов достигла значительной высоты. Многочисленные советские репрессивные органы «изымали» не только тех, кто казался им действительно неблагонадежным, но и всех состоятельных селян, кто имел несчастье просто подвернуться под руку.

Масштаб разграбления и террора селян административно-карательной машиной Советского режима секретари крайкома ВКП(б) не только не пытались скрыть, но, кажется, даже бравировали этим. Например, В.И. Иванов в своей телеграмме в Москву 14 сентября 1929 года подчеркивал, что ***«трудно сейчас учесть, но в данное время редко встретишь сельсовет, где кулака не продали за несдачу им товарных излишков»***. На партийном сленге «продать кулака» означало конфискацию земли, усадьбы, хозяйственных построек, средств механизации у состоятельного селянина с последующей продажей по бросовым ценам бедноте или с передачей на баланс местного колхоза. Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома А.А. Андреев в своем донесении от 18 сентября того же года давал более развернутую картину насилия: ***«Ход хлебозаготовок в крае все еще внушает серьезные опасения за исполнение плана. Не говоря уже о бешеном сопротивлении кулака, одной из причин медлительности*** [хлебозаготовок. — Н.Л.] ***является то, что середняк, не чувствуя прямого обязательства, придерживает хлеб и не торопится продавать нам. <…> В связи с этим мы решили крепко ударить по всем видам подпольного рынка, не щадя ни середняка, ни бедняка…»***[74].

Результат тотального разграбления казацких усадеб и неизбежного обнищания буквально всех слоев станичных казацких обществ зафиксировал в своем письме ветерану РСДРП-ВКП(б) Е.Г. Левицкой писатель Михаил Шолохов.

«Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу по боку!), — в подавленном настроении писал Шолохов 18 июня 1929 г., — *и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой». <…> Вы бы поглядели, что творится у нас* [район верхнедонских станиц Вешенской, Мигулинской, Еланской и др. — Н.Л.] *и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество* [конфискованное советскими органами. — Н.Л.], *вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже малоимущего. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд…*

Мне не хочется приводить примеров. Как проводили хлебозаготовки в Хоперском округе, как хозяйничали там районные власти. Важно то, что им (незаконно обложенным) не давали документов на выезд в край или Москву, запретили почте принимать [их] *телеграммы во ВЦИК. <…> Один парень — казак хутора Скуляндского, ушедший в 1919 году добровольцем в Красную Армию, прослуживший в ней 6 лет, красный командир — два года до 1927 года работал председателем сельсовета. У него* [конфисковали

[74] Цит. по: *Ивницкий Н.А., 2000*. Указ. соч. — С. 61–62.

и] *продали все — вплоть до семенного хлеба и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома...»*[75].

Примечателен весьма прозрачный намек Шолохова о том, что краевая Советская власть путем «умело проведенного нажима» сама провоцирует обездоленное, совершенно разоренное казацкое население на повстанческую борьбу. Шолохов знал, конечно, что система ВЧК-ОГПУ культивировала метод провокаций как одну из основных методик своей работы[76]. Возможно также, что писатель предвидел логику дальнейших действий ОГПУ — наличием факта политического повстанчества оправдать развертывание государственного террора в станицах в широчайшем масштабе. Если именно таким было тревожное предвидение М.А. Шолохова, то оно, бесспорно, оправдалось.

В начале октября 1929 года ЦК ВКП(б), констатируя резкое усиление антисоветской борьбы на Северном Кавказе (Дон и Кубань), направил органам ОГПУ, Наркомата юстиции РСФСР и Украины директиву, в которой, в частности, предписывалось: ***«Принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления. <...> Проводя соответствующие меры, как правило, через судебные органы, в отдельных случаях, когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ. Соответствующие меры ОГПУ принимают по согласованию с областкомами ВКП(б), а в более важных случаях по согласованию с ЦК ВКП(б)»***[77].

Этой директивой высшая партийная инстанция Советского режима возвращала преступную практику внесудебных расстрелов людей в системе ВЧК-ОГПУ, т.е. фактически возвращала оккупационные методы устрашения ограбленного, политически порабощенного населения, характерные для периода Гражданской войны. Функция «стыдливой» оговорки о том, что расстрелы «как правило» должны санкционироваться советскими судами, не могла ввести в заблуждение никого, а уж тем более поднаторевших в партийных эвфемизмах карателей из ОГПУ. Цель этой оговорки — сохранить видимость законности, продемонстрировать, прежде всего рядовым членам ВКП(б), что партия неизменно «сохраняет лицо», а если кое-где порой отдельные сотрудники вынуждены «карать через ГПУ», то в этом виноваты не сотрудники и не партия, а исключительно невероятная дерзость террористического подполья.

Логика исследования преступления Голодомора требует, казалось бы, более углубленного обзора идеологии, экономической политики и практических результатов форсированной коллективизации сельского хозяйства СССР, предпринятой режимом ВКП(б) в 1929—1930 гг. С другой стороны, очевидно, что к сегодняшнему дню в научном обороте имеются, как минимум, более трех десятков действительно крупных научных работ, в которых, если не исчерпывающе, то, по крайней мере, с весьма основательной детализацией исследованы все основные социально-экономические аспекты и негативные, стратегически неисправимые

---

[75] См. подробнее: «Скорблю душой» // Московские новости. 1987. 12 июля. Ветеран партии Евгения Левицкая (состояла в рядах РСДРП уже в 1903 г.) жила в одном доме со Сталиным и сумела передать ему письмо Шолохова. Никаких позитивных последствий для донских станичников этот отчаянный жест писателя не возымел.

[76] *Симбирцев И.Л.* ВЧК в ленинской России. 1917—1922. — М.: Центрполиграф, 2008. — С. 103 сл.

[77] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. В 5-ти тт./ Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. — М.: РОССПЭН, 1999. — С. 714.

уже последствия коллективизации. В целом же, научная литература о периоде коллективизации в СССР, как нам представляется, практически неисчерпаема[78]. Указанное обстоятельство позволяет нам всецело сосредоточиться на тех демографических, этнокультурных и этнополитических аспектах коллективизации и Голодомора, которые оказали непосредственное влияние на историческую судьбу казацкого народа. Здесь важно подчеркнуть, что как раз этнополитические аспекты Голодомора сегодня в наименьшей степени изучены российской исторической наукой.

Отрадно, что некоторые российские исследователи Голодомора уже не стремятся «дальней стороной» обходить страшные антиказацкие реалии советской политики, открывающиеся в процессе изучения документов и свидетельств эпохи. Так, например, известный историк В.В. Кондрашин, на мнение которого по многим важнейшим дискурсам сталинской эпохи мы уже неоднократно ссылались, констатирует в своих трудах особую антиказацкую заостренность советской политики «раскулачивания». Исследователь подчеркивает: «Помня об активном участии большинства кубанских, донских и терских казаков в Белом движении в годы Гражданской войны, **сталинское руководство усматривало в казачьих станицах гнезда «кулацко-казачьей контрреволюции», прямо отождествляя казачество с кулачеством** [*здесь и далее выделено нами. — Н.Л.*]. Таким образом, в ходе хлебозаготовок на Северном Кавказе удар направлялся в целом против крестьянства, **но прежде всего против казачества»**[79].

Ознакомление с письмом первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева, отправленного в Кремль 22 декабря 1929 года, позволяет представить: насколько уничтожающим оказался анонсированный Сталиным «сокрушительный удар» по наиболее политически инициативной и экономически обеспеченной части казацкого населения. Андреев сообщал, что в крае все силы партийных органов брошены на завершение хлебозаготовок (т.е. фактически на насильственное изъятие у населения выращенного и собранного хлеба). В частности, первый секретарь СКК информировал Кремль, что на разграбление казацких усадеб ***«послано в станицы более 5 тысяч работников краевого и окружных аппаратов»***. Общее число оштрафованных и в значительной степени «проданных» (т.е. конфискованных, а затем проданных с молотка) хозяйств составляет 30—35 тысяч усадеб; отдано под суд около 20 тыс. человек; расстреляно около 600 человек. В завершении письма Андреев подчеркивал, что, невзирая на все усилия, выполнить план хлебозаготовок на Северном Кавказе не удастся, ибо ***«планом нас переобложили»***.

Что стоит за цифрами, обозначенными первым секретарем Северо-Кавказского крайкома? 30—35 тысяч «проданных» хозяйств — много это или мало? Если мы предположим, что в каждом из 35 тысяч хозяйств было лишь по 4 человека (отец, мать, один ребенок, дед

---

[78] Комплексное осмысление процесса коллективизации основательно представлено, в частности, в следующих работах: *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). — М.: Интерпракт, 1994; *Кульчицкий С.В.* Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине // История СССР. 1989. № 5. — С. 33 сл.; *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1917—1941. — М.: РОССПЭН, 1997; *Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У.* Кризис в советском сельском хозяйстве (1931—1933 гг.): Доклад и его обсуждение на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. 1998. № 6. — С. 95 сл.

[79] *Кондрашин В.В., 2003.* Указ. соч. — С. 133—134.

Борис Бак, комиссар госбезопасности 3-го ранга. Один из тысяч «винтиков» в колоссальной машине государственного террора СССР. Весна 1937 г.

или бабушка) — ситуация совершенно неестественная для многодетных казацких семейств того времени — то уже получим 140 тыс. ограбленных до нитки, хронически недоедающих людей. Прибавим к этому числу 600 расстрелянных и 20 тысяч осужденных к высылке и лагерям (в 1930-е годы в СССР число арестованных к числу осужденных обычно составляло пропорцию 1:1). В итоге получаем около 160 тысяч искореженных советской государственной машиной человеческих судеб — население трех современных российских города масштаба Ростова Великого плюс население Вязьмы, легендарного города Смоленщины. Это очень приблизительное сопоставление (поскольку очевидно, что в указанный период среднее число домочадцев в казацких и русских крестьянских семьях далеко превышало цифру 4) является, тем не менее, весьма наглядным, чтобы представить себе страшные масштабы уничтожения экономически независимых семей в казацких станичных обществах.

В специальной литературе по проблеме коллективизации утвердилось положение, что так называемые «изъятия кулаков» по линии ОГПУ шли строго по утвержденным свыше процентным разнарядкам, чем и объясняется широкий размах репрессий. Это мнение, на наш взгляд, существенно упрощает картину реального государственного террора, поскольку отводит ОГПУ несвойственную для этой спецслужбы роль простого «серого» исполнителя, строящего свою деятельность исключительно на основе директивных указаний партии. Советская реальность была, увы, иной. ОГПУ, сверяясь в своей деятельности с директивами ЦК ВКП(б), тем не менее строила свою деятельность с учетом собственных представлений о необходимом масштабе государственного террора. Иными словами, руководство ОГПУ сталинского времени не являлось собранием халтурщиков-держиморд — в тренде бездарного генералитета полиции эпохи Николая II, но представляло собой страшное сообщество мыслящих палачей, сознательных убийц. Палачей — не по директиве и не за собственное материальное обеспечение, но во имя ясно осознаваемой идеологической цели. Это внутренне свойство ОГПУ-НКВД сближает, на наш взгляд, эту советскую спецслужбу с соответствующими структурами полиции безопасности и СД гитлеровской Германии.

Особая роль спецслужбы ОГПУ в проведении геноцидальной политики Советского государства в отношении казацкого народа легко устанавливается при анализе ведомственных

документов этой организации, в первую очередь — переписки полпредов ОГПУ на Юге России с руководящими деятелями своего главка и ЦК ВКП(б). Таких документов известно в настоящее время уже немало, а рассекречивание ведомственных архивов ФСБ вообще способно, по-видимому, обрушить на историков «документопад» свидетельств о событии геноцида. Приведем один из наиболее характерных документов — письмо полпреда ОГПУ по Средне-Волжскому краю Б.А. Бака[80] (от 6 октября 1929 г.) председателю ОГПУ СССР Вячеславу Менжинскому.

«По линии ОГПУ, — докладывал Борис Бак, — ***нами проводятся по области аресты кулаков, злостных несдатчиков хлеба, что дает примерно 400—500 человек*** [в месяц. — Н.Л.]. <…> ***Мобилизовали всех работников и сейчас проводим вторичную массовую операцию***[81] ***по изъятию контрреволюционных элементов. Предполагаем, что цифра, подлежащих аресту, превысит намеченную ранее в 1200 чел. и далеко перешагнет за 1500.*** [N.B.! — Н.Л.] <…> ***Недопустимо, что дела на арестованных маринуются в судебных органах и не могут быть рассмотрены лишь потому, что находятся на рассмотрении политкомиссии ЦК. Это вызывает задержку*** [в расстреле или в отправке в лагеря. — Н.Л.] ***минимум на два месяца в то время, как надо действовать немедленно, проводя быстрейшим порядком судебные процессы с вынесением судебных приговоров вплоть до расстрела*** [N.B.! — Н.Л.]***»***[82]. Далее Борис Бак настаивал на упрощенном порядке делопроизводства по арестованным кулакам, с явно спекулятивным акцентом заявляя, что от этого ***«в значительной мере зависит успех хлебозаготовок»***. Остается только гадать — каким образом расстрел или ссылка в концлагерь того или иного «кулака» способны увеличить количество уже конфискованного у этого селянина зерна?

К рубежу 1930-х годов репрессивные органы Советского государства накопили поистине колоссальный опыт необъявленной войны с порабощенным интернациональной диктатурой славянским населением. Наличие хорошо отработанных методик массового государственного террора объясняет возможность успеха коллективизации по Сталину, когда

---

[80] *Бак Борис Аркадьевич* (май 1897 — 16.06.1938) — сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Родился в еврейской семье политического ссыльного на Ленских приисках в Иркутской области. Окончил Иркутское ремесленное механико-техническое училище (1912—1916) и Иркутскую школу прапорщиков (август 1917). В РСДРП(б) вступил накануне Октябрьского переворота, занимал в этот период должность помощника командира взвода 6-го саперного батальона в Петербурге. В декабре 1919 г. назначен заместителем председателя Томской уездной ЧК. Состоял в доверительных отношениях с Матвеем Берманом — одним из создателей системы ГУЛАГа. Судя по многим указателям, был таким же зверем в человеческом облике, как и М.Д. Берман. В основном работал в органах ВЧК-ГПУ в Сибири, где пролил потоки человеческой крови. С июня 1928 г. — полпред ОГПУ по Средне-Волжскому краю. В марте 1935 г. со Средней Волги переведен на должность 1-го заместителя начальника управления НКВД Московской области. Член ЦИК СССР в 1935—1937 гг. В августе 1937 г. арестован. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 16 июня 1938 г. В этот же год НКВД арестовал родного брата Б.А. Бака — майора государственной безопасности Соломона Аркадьевича Бака (расстрелян в 1940 г.). Кровавый палач ВЧК-ОГПУ Борис Бак полностью реабилитирован юстицией СССР 2 апреля 1957 г.

[81] Историк А.Г. Тепляков дает следующее определение этому чекистскому эвфемизму: «Массовые операции — чекистский термин для обозначения наиболее крупных репрессивных кампаний, жертвы которых в основном подлежали осуждению внесудебными органами». См. подробнее: *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. — М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. — С. 574.

[82] Трагедия советской деревни. Т. 1. Указ. соч. — С. 728—729.

— меньше чем за два года! — большевикам удалось до основания разрушить многовековую систему крестьянского землепользования, с уникальной инерциальной мощью которой вынужденно мирились даже такие крупные реформаторы, как П.А. Столыпин. **Успех Иосифа Сталина прост, как все гениальное: любое структурное изменение на селе, затрагивающее жизненно важные стороны бытия селянина, происходило только после предварительных «изъятий» органами ОГПУ всех (или почти всех) людей, которые могли осознанно и действенно противостоять этим изменениям.** «Процедурная» цепочка действий административно-карательной машины Советского режима несложна: предварительное «изъятие» всех энергичных, экономически независимых, с чувством собственного достоинства людей — «судьбоносное решение» ЦК ВКП(б) — жесточайшие методы реализации этого «судьбоносного решения» местными структурами партаппарата и ОГПУ — завершающее «изъятие» всех тех, кто каким-то образом сумел проявить свое недовольство и попал «на карандаш» чекистам. Вот незамысловатая, но очень эффективная схема, по которой осуществлялось большинство структурных реформ в Советском Союзе в эпоху Сталина.

1930 — 1931 гг.: период «массовых операций» административно-карательной машины СССР против казаков-середняков. Поздней осенью 1929 г. Сталин и его ближайшее окружение в Политбюро пришли к выводу, что маховик коллективизации успешно завершил первый цикл (массовые операции ОГПУ по предварительным «изъятиям») и есть все основания рассчитывать, что и следующий, второй цикл работы административно-карательной машины будет столь же успешным.

Горделивой манифестацией этого факта стала знаменитая статья Сталина «Год великого перелома. К XII годовщине Октября», опубликованная 7 ноября в «Правде»[83]. После выхода в свет этой концептуальной работы Вождя ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) по итогам обсуждения доклада председателя Колхозцентра Г.Н. Каминского принял постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства». Практически одновременно (5 декабря 1929 г.) решением Политбюро ЦК ВКП(б) для разработки конкретного плана проведения сплошной коллективизации создается специальная комиссия во главе с Я.А. Яковлевым[84], вскоре назначенным на пост наркома земледелия СССР. Как одно из ведущих подразделений этого нового органа по планированию коллективизации, уже с 8 декабря 1929 г. начала свою работу подкомиссия «о политике по отношению

[83] Правда. 1929. 7 ноября. № 259. См. также: *Сталин И.В.* Сочинения. — М., 1955. — С. 118—135.

[84] *Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич* (09.06.1896 — 29.07.1938) — активный функционер большевизма, государственный деятель СССР. По определению «Биографического энциклопедического словаря» К.А. Залесского — «наиболее одиозная личность среди сталинского руководства». Родился в еврейской семье провинциального учителя. Систематического образования не получил. В 1913 г. вступил в РСДРП, большевик. Один из организаторов большевистского восстания в Харькове (январь 1919). В октябре-ноябре 1919 г. — председатель Владимирского губисполкома. В 1922—1924 гг. работал в аппарате ЦК РКП(б) на должности заведующего Подотделом печати Агитпропотдела. Личный опыт Я.А. Яковлева в сельском хозяйстве исчерпывался его редакторством в «Крестьянской газете» (1923—1929) и в газете «Беднота» (1924—1928). Историк К.А. Залесский характеризует Яковлева как «верного сторонника И.В. Сталина, инициативного и беспринципного». Упорно проводил коллективизацию, один из инициаторов политики Голодомора. 12 октября 1937 года «изъят» органами НКВД с должности 1-го секретаря ЦК КП(б) Белоруссии. Ликвидирован чекистами после девяти месяцев пребывания в подвалах Лубянки. В период хрущевской «оттепели», как «жертва сталинизма», полностью реабилитирован.

к кулаку». Эту партийную структуру по идеологической подготовке нового витка террора против селян возглавил Карл Янович Бауман — еще более одиозная личность, чем Яков Яковлев-Эпштейн.

Выходец из латышской крестьянской среды Карл Бауман оказался одним из самых жестоких, даже маниакальных сторонников коллективизации любыми средствами. Маниакальность К.Я. Баумана и привлеченных им для работы сотрудников видна уже из текста самого первого документа, сработанного подкомиссией.

«Жизнь ставит перед нами вопрос о ликвидации, уничтожении капиталистических элементов в кратчайший исторический срок, — декларировала подкомиссия Карла Баумана в своих рекомендациях. — ***Как новая форма борьбы ставится вопрос о «раскулачивании» в новых условиях. Не размежевание классов, а их уничтожение — такова наша установка*** [N.B.! — Н.Л.]. <…> ***Без каких бы то ни было иллюзий насчет врастания кулака в социализм, но в полной убежденности, что в порядке классовой борьбы мы в кратчайший срок сокрушим главный оплот враждебных классовых сил — кулачество, уничтожим остатки капитализма в нашей стране, выкорчуем корни капитализма, уничтожим классы, — мы должны развертывать могучим темпом колхозное строительство»***[85].

Нарочитая патетика рекомендаций подкомиссии Карла Баумана не понравилась Сталину, однако все важнейшие концептуальные установки документов подкомиссии были им одобрены и даже получили еще более жесткие, непримиримые формулировки при обсуждении в Политбюро ЦК. 30 января 1930 г., после внесения ужесточающих поправок и дополнений, Политбюро ЦК утвердило постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»[86]. Учитывая факт, что к февралю 1930 г. все действительно сильные «кулацкие» хозяйства на Юге России уже были уничтожены, становится понятным, что данная новая директива ориентировала карательные органы Советского государства, прежде всего, — на борьбу с «середняком». Как обычно, ОГПУ постаралось и в этом случае не дожидаться выхода из аппарата ЦК ВКП(б) «неожиданных» для себя директивных установок. Карательная спецслужба, внимательно оценивая обстановку в Политбюро и своевременно получая оттуда соответствующие сигналы, почти всегда старалась упреждать ход событий. Методом предварительного террора чекисты создавали такую ситуацию в подконтрольных регионах (или в социальных сферах), которая гарантировала воплощение в жизнь новых установок Кремля с минимальным напряжением, т.е. с возможно слабейшим сопротивлением со стороны предельно запуганного населения. Анализируя этот аспект деятельности ОГПУ-НКВД можно вновь убедиться в удивительном сходстве между характером и конкретными методами работы этой основной советской спецслужбы и аналогичных по назначению организаций Третьего Рейха.

11 января 1930 года фактический руководитель ОГПУ (в связи с хронической болезнью В.Р. Менжинского) Генрих Ягода[87] направил ведущим сотрудникам центрального

---

[85] РГАЭ. Ф.7486. Оп.37. Д.40. Л.56–58.

[86] Исторический архив. 1994. № 4. — С. 147–152.

[87] *Ягода Генрих Григорьевич (Иегуда Енох Гершевич)* — (7/19.11.1891 — 15.03.1938) — генеральный комиссар государственной безопасности СССР, один из главных руководителей ВЧК-ОГПУ-НКВД. Родился в Рыбинске в семье еврейского ремесленника. Семья Ягоды была связана родственными отношениями с семьей

Прочная дружба связывала «русского буревестника» Максима Горького с Генрихом Ягодой — главным инквизитором Страны Советов начала 1930-х. 1935 г.

аппарата ОГПУ С.А. Мессингу, Е.Г. Евдокимову, Г.Е. Прокофьеву, Г.И. Бокию директивную установку. В документе четко формулировалась основная задача:

«…Немедленно наметить целый ряд мер в отношении сплошной очистки деревни от кулацкого элемента. <…> Если мы быстрым, решительным ударом, как во время хлебозаготовок, не нанесем удара, мы к моменту весенней посевной кампании будем иметь ряд сплошных восстаний и срыв кампании. Нам необходимо до марта-апреля расправиться с кулаком и раз навсегда сломать ему хребет»[88]. Далее Ягода требовал в

Свердловых и имела собственную «традицию» революционной борьбы. Отец Ягоды, Гершон Фишелевич, приходился двоюродным братом Михаилу Израилевичу Свердлову, отцу Якова Свердлова. Впоследствии Генрих Ягода женился на своей троюродной племяннице Иде Леонидовне Авербах — дочери родной сестры Якова Свердлова Софьи Михайловны. Старший брат Генриха — Михаил Иегуда погиб в 1905 году на рабочих баррикадах в Сормове. Брата Льва расстреляли на фронте в 1916 г. — по приговору военно-полевого суда за организацию бунта в полку. Генрих Ягода служил в действующей армии Российской империи удачнее — дослужился до ефрейтора 20 стрелкового полка 5-го армейского корпуса и получил демобилизацию по ранению. С 1918 г. Генрих Ягода начал карьеру в Петроградской ЧК. С конца 1919 г. по конец 1920 г. — управляющий делами Особого отдела ВЧК. Вся последующая деятельность связана с органами советской госбезопасности. Первым в истории советских спецслужб получил звание «Генеральный комиссар госбезопасности» (1935), эквивалентное званию маршала. В сентябре 1936 г. снят с должности наркома НКВД и назначен наркомом связи. Арестован НКВД 28 марта 1937 г. По сведениям американского историка Ричарда Спенса, Генрих Ягода сумел наладить нелегальные поставки леса из северных лагерей ГУЛАГа в Канаду, деньги от сделок поступали на его швейцарский счет, остающийся невостребованным по настоящее время. Расстрелян 15 марта 1938 г., по существу, на своем бывшем рабочем месте — в Лубянской тюрьме НКВД.

[88] ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.9. Д.21. Л.393.

первоочередном порядке разработать ***«меры репрессивно-административного характера»***. В частности, Секретно-оперативное управление ОГПУ должно было определить ***«наиболее опасные, в смысле активности районы, откуда надо немедленно выселить, арестовать, заключить в лагерь кулачье»***. Одновременно требовалось наметить общее количество семей, подлежащих депортации и места их ссылки (районы Крайнего Севера, пустынные земли Казахстана и т.п.).

Ровно через неделю, 18 января, после консультаций с вышеозначенными сотрудниками ОГПУ, Генрих Ягода разослал по системе спецслужбы две директивы. Одна (№ 775) адресовалась всем полномочным представителям ОГПУ в регионах. Другая директива (№ 776) конкретизировала поставленные задачи для полпредов ОГПУ на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге, в Украине и Белоруссии, в Центрально-Черноземной области (ЦЧО). Директивы предписывали, в связи ***«с предстоящим массовым выселением кулацко-белогвардейских элементов»*** привести органы ОГПУ в состояние мобилизационной готовности. Ниже следовали конкретные приказы: ***«Решительно пресекать всякую попытку организованного сопротивления»; «Без всякой затяжки ликвидировать все действующие разработки активной контрреволюции»; «Все возникающие разработки, а также следствия вести ускоренным темпом в целях разгрузки аппарата и мест заключения»***[89].

Таким образом, в директивах № 775 и 776, подписанных Генрихом Ягодой речь шла о проведении в основных хлебородных регионах Советского Союза так называемых «массовых операций» — уникального человеконенавистнического изобретения Советского государства, исторических аналогов которому не знает летопись человечества. Само собою приходящее на ум в этой связи сопоставление с нацистской Германией, в данном случае, не может быть принято, поскольку нацисты проводили свои массовые кампании геноцида против безусловно чужих народов, чье существование признавалось для этнических немцев онтологически вредоносным, или против граждан чужих, враждебных Третьему Рейху государств. Советский Союз в этом смысле представил уникальный опыт самоуничтожения: декларируемый лидер всемирного братства народов — с кровожадностью лютого маньяка — на своей собственной территории уничтожал сотнями тысяч своих собственных мирных граждан. Известный исследователь советской машины государственного террора А.Г. Тепляков считает, что целью «массовых операций» было физическое уничтожение, изоляция и ограбление целых слоев гражданского населения СССР, которые, с точки зрения режима ВКП(б), подлежали постоянным чисткам. «Массовые операции задавались верхами, — подчеркивает А.Г. Тепляков, — отличались определенными временными рамками, утвержденными сверху лимитами на число подлежавших репрессиям, быстрым осуждением огромного количества людей в упрощенном порядке с помощью внесудебных органов — Коллегии ОГПУ, Особого совещания при НКВД СССР, Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР, «троек» ОГПУ-НКВД»[90]. Исследователь подчеркивает, что так называемые «законные» судебные инстанции — спецколлегии областных судов, окружные и районные суды, линейные транспортные суды, Военная коллегия Верховного суда СССР и военные

---

[89] ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.9. Д.219. Л.20.

[90] *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. — М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. — С. 329.

трибуналы округов — также вносили «ударной работой» свою немалую лепту в возможно более быстрое осуждение массового количества арестованных советских граждан.

В Украине и на Северном Кавказе для надлежащего исполнения установок руководства ОГПУ для проведения операций «по изъятию кулаков» (фактически это были, конечно же, «середняки») в срочном порядке создали целые чекистские «армии». В Украине для проведения «изъятий» отмобилизовали 23.939 человек, среди них 2296 чекистов, 9296 коммунистов, 8328 комсомольцев, 4019 работников милиции. Всем этим борцам с «кулачеством» было выдано боевое оружие. Одновременно в Украину было введено 3578 кадровых бойцов войск ОГПУ. На Северном Кавказе из опасения повсеместного восстания казацкого населения масштаб мобилизационной готовности ОГПУ оказался существенно выше. Сюда стянули надежные соединения регулярных частей Красной Армии и спецвойска ОГПУ. Кроме того, по округам Северо-Кавказского края для проведения раскулачивания и ареста «кулаков» были мобилизованы 48,5 тыс. коммунистов и комсомольцев[91]. **Следует подчеркнуть, что все задействованные в операциях ОГПУ на Северном Кавказе воинские части и отряды были сформированы исключительно из неказацкого по этническому происхождению контингента.**

В итоге необъявленной войны ОГПУ в казацких регионах Юга России к марту 1930 года (т.е. к началу посевной кампании) только на Северном Кавказе (Дон, Кубань, Терек) было раскулачено около 40 тыс. хозяйств. На Нижней Волге (к маю 1930 г.) раскулачили 39,5 тыс. хозяйств — практически все хозяйства, числившиеся в сводках ОГПУ как «кулацкие». В Средне-Волжском крае уровень раскулачивания (по-видимому, в связи с преимущественно великорусским составом населения) был существенно ниже — около 28 тыс. хозяйств. Весь следующий 1931 год раскулачивание и депортации людей продолжались на Юге России с прежним размахом. В частности, из Северо-Кавказского края чекисты депортировали 27.809 семей (120.356 человек), с Нижней Волги — 23.002 семей (112.098 человек), со Средней Волги — 17.133 семьи (88.876 чел.)[92].

Казаки пытались сопротивляться государственному террору. Несмотря на последовательные волны превентивных «изъятий» всех людей, имевших реальный авторитет в казацких станичных обществах, особенно тех станичников, кто был связан в прошлом с военной сферой, уровень низового сопротивления в Северо-Кавказском крае оказался довольно высоким. Только за январь-май 1930 года на Северном Кавказе органами ОГПУ было ликвидировано 508 контрреволюционных организаций с 5167 повстанцами[93]. Всех этих людей расстреляли или отправили в лагеря ГУЛАГа, а их семьи и родственники, зачастую до третьего колена, были насильственно депортированы из родных мест.

Процесс разрушения казацкой этносферы накануне Голодомора. В результате действий советского административного аппарата, органов ОГПУ и их подручных из числа «иногороднего» комсомольско-коммунистического актива огромный, совсем недавно цветущий казацкий край от Дона до Терека погрузился в хаос, разруху, стал ареной братоубийственных межэтнических распрей, неудержимо стал терять свой неповторимый казацкий

[91] ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.8. Д.213. Л.12; Д.232. Л.482–483.

[92] ГАРФ. Ф.374. Оп.28. Д.4055. Л.47.

[93] *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. — М.: Наука, 1972. — С. 251–252.

облик. Представление о социально-экономическом развале в Северо-Кавказском крае накануне Голодомора (1930–1931 гг.) можно составить на основании информации из писем этнических казаков, отправленных в этот период родственникам в эмиграцию. Эти скорбные, зачастую прощальные весточки уничтожаемых казаков историк В.С. Сидоров собрал в уникальную по информативности антологию «Крестная ноша: Трагедия казачества». Приведем ниже краткие выдержки из этих писем, отправленных за рубеж с Дона, Кубани и Терека.

С Кубани (Лабинский отдел ККВ):

«День и ночь хлеб отправляется на элеватор в Лабинскую, а казаков многих повыселяли с семьями еще в феврале за Урал, в Сибирь, откуда пишут, что многие из них поумирали, а других позаедали несметные насекомые [речь идет о «гнусе» — мириадах комаров и мошки. — Н.Л.]. *А сейчас разносят повестки и списки, — кого наметили к выселке в первую, вторую и третью группы. Творится такое, что описать нельзя. Большинство из казаков поразграбили, повыгоняли из домов, забрали мебель, скот. <...>*

Вот на днях будут выселять многих, и в том числе твоего крестного отца, неизвестно куда. Из наших [станичников] *несколько сидели в Майкопской тюрьме, оттуда угнали их неизвестно куда и побили* [т.е. убили. — Н.Л.]. *На днях ездили туда наши бабы, где им дали читать бумагу с перечислением убитых, и некоторые привезли одежду убитых. Так вот теперь семьи убитых тоже все выселяются.*

Нашим станичникам за границей передай, что выслали их семьи: Певнева Матвея Тр. с семьей за Урал, где он корчует лес, Труфанова, что был с тобою, Соню Ковалеву и многих других отцов и матерей, так и детей. Многие поумирали там с голоду и холоду».

Письмо из станицы бывшего Терского Войска:

«Такое царит насилие, какого не было ни при одном правлении. Окулачивают примерных, хороших хлеборобов, конфискуют имущество, а самих с семьями высылают на дальний север. Горские племена восстают, благодаря чему образовался боевой фронт. Много аулов снесено, жители бегут в горы. По тюрьмам идут массовые расстрелы, чем подливают масла в огонь. Чего будет, Бог его знает. Весь народ как на углях, работа на ум не идет, да и работать не знают как. Строятся колхозы, затем разбегаются. Жить нечем, службы и работы нет, все обносились, ходим, что называется в отрепьях, купить не за что, да и не всегда достанешь».

Письмо с Урала сыну-эмигранту от депортированного отца-кубанца:

«В 12 часов ночи меня, твоего родителя, власть советская арестовала в хати. В сундуках и яки узелки — все перетрусили, все шукали золото и ничего не нашли. Досвита меня взяли в ГПУ и посадило в дипо, но не одного меня именно, а нас со станицы 5 человек, и продержали нас 19 суток в холодном сарае под строгим арестом. А через 19 суток привезли семейства, посадили в вагоны и повезли под строгим караулом.

Возили нас 9 суток, а на десятые сутки выгрузили за Уралом. Пожили 7 суток — нас послали в лес да в горы за 62 версты, а семьи остались в селе. Нас заставили строить бараки для себя. Вот мы построили бараки, через 29 суток привезли нам семейства и теперь живем в бараках. Бараки у нас такие — по 8 метров длины и 5 с половиной ширины, одни двери да 2 окна, помещается по 3–4 семейства в одном бараке.

И сейчас работаем [строим] *тоже бараки. Получаем по 4 килограмма муки житной, полкило соленой рыбы и полкило овсяной муки. Эта порция на 6 суток. Со мной нашего семейства твоя мама и сестра. Мама твоя тоже получает порцию 15 фунтов муки, 1/2 крупы, 25 грамм постного масла. Это на один месяц. Бараки наши такие — крыши нет, одна горица* [потолок. — Н.Л.], *землею насыпано».*

С Дона, письмо родителей сыновьям-эмигрантам:

«Дорогие наши чада, мы прогневили нашего Творца Всемогущего Бога, и он карает нас. Забрано у нас все достояние: взяли последнюю лошаденку и коровенку, но это все нажитое нами — поболим душой да поплачем, но потом и позабудем. Но самый главный гнев Божий и незабвенный — взяли нашего Петю. Арестовали и угнали в Сальский округ, и до сегодня нет никакого известия, жив ли он или уже нет. Нету письма. Ездили наши кой-кто к своим, но не видели, потому что масса [арестованных. — Н.Л.] *сидит в клубах и подвалах».*

С Кубани, письмо казака-повстанца другу в эмиграцию:

«Дорогой куманек, счастливый ты, шо пишов туда [эмигрировал с армией Врангеля. — Н.Л.] *и живешь там спокойно, а мы тут воюем. Ты, дорогой куманек, ошибаешься, шо пышеш, шо мы тут ничого не робым, и кажеш, шо мы тут павсрались. Э, ни, куманек, мы тут ны спымо, а бьемось на живот и на смерть, и хочемо нам Край спасты и одстоять костями и кровью, як Бог нам поможе. Всякый день наше Вийско прибавляеця, приходят до нас Козаки, черкесы и городовикы* [горожане из казаков], *и таки попрыходылы, шо булы* [ранее] *у красной армии, приходылы, як ти собакы быти* [битые] *— хвосты попрыжымалы... Ну мы их тут хотилы у куль та у воду, — воны начали просыця. Мы подывылыся, посовитувались: шо зробыш? Тоже наши козакы, — простылы. Ну, думаем, у этому году шось изробым: или вси погыбнем или ослоборим нашу Кубань от красной сволоты. Все бы було уже давно ришено, но у нас тут дуже богато организаций, и одна другой мишалы, а теперь прыйшлы у одно — спасты Край, выгнать отих Ванькив* [переселенцев из Великороссии]».

Письмо казаков с Дона:

«Бедноте и батракам [т.е. «иногородним» переселенцам. — Н.Л.] *дали власть такую: что они постановят, то и должно быть. Постановят смертный приговор — и должны расстрелять, постановят на ссылку или к заключению в тюрьму — и приведут в исполнение. Каждый* [казак] *трясется и ждет какой-то перемены, а ее ниоткуда нет. Каждый лихорадочно выполняет* [нормативы по хлебосдаче. — Н.Л.], *убивая все свои силы, лишь бы остаться не расцененным* [с наложенным штрафом и угрозой конфискации имущества и усадьбы. — Н.Л.] *и не сосланным в далекий край, как это и делается до сих пор».*

С Дона, письмо стариков-родителей сыну-эмигранту:

«У нас положительный голод в острой форме. Муки, зерна, печеного хлеба достать совершенно негде ни за какую цену. Существуем — благодаря выдаваемого пайка Общества Потребителей. Дают, вернее — продают по три четверти житного хлеба на сутки на душу. И только. Нет ни пшена, ни крупов. Последнего дела — мяса — и то нет нигде. Жиров абсолютно никаких. Рыбешка — дрянь, которую только продает колхоз, — 30—50 коп. фунт. Базары совершенно исчезают ввиду отсутствия продуктов

питания. <...> Сейчас мы едим житный [ржаной] *хлеб и квас, рассол помидорный. Картофеля нет, а купить не на что. Очень дорого. Чай совершенно не пьем, чистый кипяток безо всего. Конфет мы лично не кушаем вот уже 12 лет».*

С Кубани, письмо молодой казачки, выселяемой из станицы Ейского отдела:

«...Подлежу выселению я с мамой, и все наши родственники до третьего колена, так что вам писать теперь будет некому. В партию выселяемых попадают в большинстве все молодые [казаки], *которых* [большевики] *рассчитывали перевоспитать в своем духе. Выселяют нас не очень далеко, — в Ставропольскую губернию и в Сальский округ, а на место нам присылают красных партизан и батраков* [из центральных областей России. — Н.Л.], *которые сейчас же вступают в здешние колхозы».*

С Кубани, письмо казака-повстанца другу в эмиграцию:

«Я сегодня с друзьями пришел к тебе в станицу и узнал, что твоя мать получила от тебя письмо. Я зашел к ней, а друзей [бойцов повстанческого отряда] *оставил в станичном Правлении и на почте, где режут и бьют* [убивают] *кровопийцев-москалей. Нас всего 380 человек казаков, — бьем всех неказаков, не спрашивая, кто они, — раз приезжие, — давай сюда, ибо все они такие, без пощады. Так вот, дорогой, спешите к нам поскорей, мы принимаем всех казаков, где бы они ни были. Все* [станичные] *комиссары, которые приезжают из Москвы, ни один не возвращается обратно — всех ветер уносит на воздух. Но верь, что если наше дело не поправится, то нам еще придется сидеть в лесах* [горной Кубани], *а думаю, что если поможете нам, то не забудет вас родная Кубань»*[94].

С Дона, письмо родственникам в эмиграцию:

«Жизнь у нас ужасная. Папу, несмотря на то, что он ни в чем не замешан, сослали в Сибирь, где, пишут, он умер, вернее — замучили.

Забрали положительно все: хлеб, скот, — и выдают по карточкам 500 грамм муки тем, которые состоят в партии, а тем, у которых забрали и старики сосланы в Сибирь, не дают ничего, живи — как хочешь. Таким образом, мы обречены на голодную смерть.

Ссылки в Сибирь с каждым днем увеличивают, из станицы почти всех хозяев [т.е. состоятельных казаков. — Н.Л.] *уже сослали. Мяса, масла, сахара давно и в помине нет».*

С Дона (2-й Донской округ):

«Готовят на хуторе раскулачивать еще 4 семьи, записали и меня. Хуторяне [очевидно, из числа переселенцев. — Н.Л.] *смотрят на нас, как на каких-то каторжан, насмехаются над нами, разоряют, грабят наше достояние. Заразились люди грабить. Ну, пусть грабят до своего часа, а тогда нехай не плачут.*

Урожай плохой. На степи все суслики вышли [из нор от бескормицы. — Н.Л.]. *Предвидится голод».*

Письмо с Кубани о внесудебных расправах над казаками:

«Террор и выселение казаков продолжаются очень большим темпом. В станице Упорной расстреляны казаки Андрей Топко, Алексей Тимофеев, Иван Рощупкин, Василий Бражников, Петр Скориков, Филипп Скориков, Максим Ильинов, Василий Кираль и еще

---

[94] Казацкое население оккупированного большевиками Присуда очень долго лелеяло наивную, в чем-то трогательную надежду на возвращение из эмиграции вооруженных отрядов казаков и связанное с этим резкое усиление организованной борьбы с Советским режимом.

8 человек, фамилии которых я забыл. В станице Отрадной расстрелян старик 63 лет Моисей Тимофеевич Шопин. Все эти казаки когда-то возвратились на Родину из-за границы.

Выселены казаки с семействами и совершенно голыми. Из ст. Лабинской 183 семейства, имущество отобрано, дома и вся утварь переданы в коллектив [т.е. в колхоз. — Н.Л.]. *Из ст. Усть-Лабинской высланы 175 семей казаков, имущество, хлеб и скот переданы в коллектив. Из ст. Унир*[овской] *— 24 семейства, также голые и голодные. Из ст. Мед*[ведовской] *Екатеринодарского отдела, выслано 43 семьи, голые и голодные, с имуществом их неизвестно, дома и дворы со скотом оставлены. Думаю, что все это будет растащено и разогнано по коллективам. Перечислить все станицы, которые уже пострадали, нет никакой возможности, да я думаю, что вам уже об этом в точности известно, что у нас творится.*

Еще в конце марта и начале апреля казаки, которые предвидели, что с ними может быть, начали уходить из родных станиц, кто куда, а большинство — в горы и в леса. Когда наступило тепло, ожили камыши, но ведь эта мера — не выход из создавшегося положения».

С Кубани, территория бывшего Баталпашинского отдела ККВ:

«Кубанское ГПУ расстреляло 7 казаков Баталпашинской станицы. Расстреляны они без суда и не как обвиняемые, а как заложники, взятые от станицы после того, как в ее районе неизвестными была истреблена группа большевиков-ударников, разыскивавшая спрятанное казаками зерно.

В Краснодаре расстреляны католический епископ монсиньер Рот и Новороссийский ксендз Вольф. В Ростове — также без суда — расстреляны кооператоры Ващенко, Мошкин и Селезнев, арестованные за «срыв продовольственных заготовок». Арестовано и много других кооператоров».

С Терека, письмо казаков родственникам-эмигрантам:

«...Такого террора, такого насилия мир не видал. И что ужасно, никто за границей не знает всей правды, так как приезжают [оттуда] *только коммунисты, которым втирают очки, развозят, закармливают, показывают все, что есть хорошего, да еще субсидируют, чтобы они агитировали за границей. Даже в санаториях откармливают за наш счет больных рабочих-германцев. Но* [советские] *служащие изнемогают, не получая жалования, но зато регулярно — вычеты на бесконечные займы в размере месячного жалования, на пай в кооперативе, тоже в размере месячного жалованья. Все это не принудительно, а добровольно, а собственное желание такое, что если не подпишешься, то ты — антисоветский элемент, и при случае и места лишишься, и угодишь черту в зубы. Затем вычеты идут на все, что только придумают, — на оборону, на дирижабли, на строительство и т.д. <...> Люди развращаются умышленно, даже дети, начиная со школы, приучаются следить друг за другом и доносить. Это какой-то ужас. Дети у нас не слышат слов: «Это нехорошо, не сплетничай на товарища», — а наоборот. Дети развращены нравственно и физически».*

С Кубани, письмо сына отцу-эмигранту:

«Я два года работал в колхозе и ничего не заработал, так как ничего не платили, работали за кило хлеба. Насчет того, кто дома и кого нет, то сообщаю: Р. высланы,

Б.П. в тюрьме, Ф.А. и Г.Ч. высланы, В.Б. в тюрьме, Ф.Ю. в тюрьме, Г.М. выслан, Т.Д. сбежал со всей семьей, Н.Т. сбежал, Ф.-сын выслан, К. помер, Т.Г. помер, К.Л. помер <...>.

Атамана на нас нет, а есть председатель, да и тот прислан из Москвы, ибо у нас своих людей нет. Вот до чего мы дожились. Кто этому виноват, кто населил москалей меж казаками?.. Они жизнь нам разорили и из хаты повыгоняли. Недаром, папаня, и в песне певалось:

Ой, вселився та вражий москаль і вигнав нас з хаты,

Забрав серебра і злато ще й воскові свічі!..

Оце за то, що не послухали дідів. Наверное, и нашим дедам бывало, что сейчас с нами, и они ту песню составили, щоб ми не забули, що з ними було. Ну, теперь, если живы останемся, то в казачьих станицах ни одного москаля не будет...

Написал вам, батяня, на-отчай и такое, что и меня могут выслать, ну, все равно. Потеряли и живое, и мертвое, и движимое, и недвижимое, а смерть нам не страшна. Хуже не будет, как есть»[95].

Сегодня, с позиций исторической ретроспективы, мы можем объективно оценивать период 1929–1931 гг., который по этнополитическим и экономическим результатам действий репрессивной машины СССР можно с полным основанием назвать **преддверием Голодомора.** К началу 1932 года в основных зернопроизводящих регионах СССР коллективизация в основном была завершена. Вряд ли является случайным, что наивысшего по стране уровня обобществления индивидуальных хозяйств селян Советская власть упорно добивалась именно в тех регионах, где состав населения был преимущественно казацким, украинским и немецким. Уже к концу 1930 года Республика немцев Поволжья (АССРНП) – первой в Советском Союзе – завершила практически сплошную коллективизацию. В Северо-Кавказском крае, с его значительным казацким населением, к началу 1932 года коллективизировали 81,5% хозяйств. Уровень коллективизации на Нижней Волге, где имелись большие анклавы казацкого населения, достиг рекордных 84,7%. Аналогичный показатель в Украине – 72%. На Средней Волге – регионе в зерновом отношении столь же важном, смежном с Нижней Волгой, но не имеющим казацко-украинского или немецкого населения, процесс коллективизации большевики остановили на существенно более низкой отметке – 64,4%[96].

Социально-экономические последствия сплошной коллективизации оказались противоречивы. В 1930 году Советское государство буквально «вспухло» от избытка товарного зерна, награбленного у населения Юга России и в Украине. Однако, в этот же год уже не в риторическом, а в прямом смысле стали опухать от голода кубанские казаки Черноморья[97].

В российской историографии применительно к периоду коллективизации и Голодомора бытует стыдливый термин «государственные заготовки зерна». Этот терминологический оборот достался науке в наследство от советской эпохи, он неточен и, по существу, лжив, –

---

[95] Крестная ноша: Трагедия казачества. Часть I. Составитель В.С. Сидоров. – Ростов н/Д.: Изд-во НПК «Гефест», 1994. – С. 149 сл.

[96] История советского крестьянства. Т. 2. – М., 1986. – С. 196.

[97] *Новиков С.Г.* Голод 1930 г. в Черноморье: «генеральная репетиция» трагедии 1932–1933 гг.// Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы научно-практической конференции – Краснодар: Изд-во «Традиция», 2002. – С. 72–79.

поскольку Советское государство в лице отрядов ОГПУ и бригад Комсода заготовками зерна не занималось (заготовки, по определению, означают добровольность процесса для всех участников). **Советское государство занималось террористическими реквизиями зерна, т.е. открытым, беззастенчивым, фактически оккупационным грабежом. В тех случаях, когда реквизии сопровождались угрозами применить оружие или расстрелами, процесс ограбления индивидуальных хозяйств селян правильнее, по-видимому, именовать государственным разбоем.**

Оккупационный характер действий административно-карательной машины Советского режима обеспечил в течение одного года потрясающую «эффективность» советского сельского хозяйства. В 1930 году, при существенном сокращении в целом по стране посевных площадей, «государственные заготовки зерна», по сравнению с 1928 годом (формально последний год НЭПа), выросли в 2 раза! У сельских тружеников было отобрано рекордное за все годы Советского режима количество товарного зерна — 221,4 млн. центнеров. В наиболее разграбляемом Северо-Кавказском крае в счет так называемых «хлебозаготовок» было изъято 22,9 млн. центнеров зерна; в сравнении с 10,7 млн. центнеров в 1928 году, это составило 107% прироста хлебозаготовок. Таким образом, административно-карательная машина СССР в 1930 году потрудилась на Северном Кавказе, можно сказать, ударно: был выполнен не только первоначальный план хлебозаготовок, но и дополнительный, сверхнормативный. В закрома Советского Молоха было засыпано не только товарное зерно, но и фуражное, и продовольственное, а также часть посевного запаса на следующий год[98]. В результате некоторые районы Северо-Кавказского края весной 1931 г. фактически голодали, посевной материал для новообразованных колхозов пришлось частью завозить, а в Кубанской Черномории на почве голода произошли массовые выступления отчаявшегося населения[99].

К концу 1931 г. режим ВКП(б) развалил на Юге России и в Украине буквально все, что только можно было развалить: экономику, социальную сферу, межнациональные и семейные взаимоотношения, традиционную народную нравственность. Единственно, что оставалось, говоря сленгом большевиков, «на высоте момента» — это оккупационная эффективность административно-карательного механизма, созданного в результате объединения усилий региональных аппаратов ВКП(б), структур ОГПУ и низовых комиссий красных активистов. В этот период на Юге России достойное существование обеспечивалось только для функционеров, представлявших или обслуживающих административно-карательную машину; относительно сносно (по советским меркам) чувствовал себя рабочий класс. Все другие социальные слои и, прежде всего, — селяне (т.е. народ в прямом и точном значении этого слова), жили очень бедно и питались крайне скудно. В.В. Кондрашин, характеризуя уровень питания колхозников в 1931 году, приводит следующие, весьма характерные цифры по Нижне-Волжскому краю. По официальным отчетам колхозов Нижне-Волжского края, составлявших 65% от общего их числа в крае, в 1931 г. на одно хозяйство колхозников было выдано 450 кг хлеба. Всего в колхозах края в 1931

[98] *Данилов В.П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. — С. 7—30; *Он же*. Вопросы истории. 1994. № 10. — С. 41 сл.; *Ивницкий Н.А.* Голод 1932—1933 годов: кто виноват? // Голод 1932—1933 годов: Сб. науч. ст. — М., 1995. — С. 44 сл.

[99] *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. — Ростов н/д.: Изд-во РГУ, 1991. — С. 13—16; *Новиков С.Г., 2009*. Указ. соч. — С. 75—76.

году, по данным сельскохозяйственного налога, насчитывалось 605.409 хозяйств с населением 2698,2 тыс. человек. Если рассчитать на все колхозное население Нижней Волги общее количество хлеба, выданного людям в 1931 году за работу в колхозах, исходя из отчетных данных 65% колхозов края, то окажется, что на одного селянина могло быть выдано не более 101 кг зерна. Это означает, подчеркивает В.В. Кондрашин, что до следующего урожая каждый член колхозной семьи мог употребить в сутки всего 280 гр. хлеба[100]. Достаточным или даже скудным такой уровень питания назвать нельзя, фактически колхозная норма хлебообеспечения являлась пособием по полуголодному выживанию — арестантской «пайкой» общенародного советского концлагеря.

Имеет смысл сравнить, как питались, например, семьи кубанских казаков до оккупации земель Кубани войсками Красной Армии. Наемных рабочих, вспоминает уроженец станицы Ильинской Гавриил Солодухин, казаки кормили три раза в день, специально приготавливая для них завтрак, обед и ужин. Для этой цели «четыре или пять женщин, обыкновенно члены семьи казака, в больших котлах варили борщ с мясом». По торжественным случаям своих побратимов-станичников «угощали казаки очень щедро». «*Обыкновенно подавали на стол,* — вспоминает Солодухин, — *на первое блюдо холодец с хреном; на второе — жирный борщ из бараньего мяса и к нему большие круглые «наряженные» пироги, то есть начиненные рубленой печенкой, мясом и легкими; на третье — вареное баранье мясо; на четвертое — густая лапша с гусятиной или утятиной; на пятое — тушеное мясо, или утки, или гуси, или зажаренные поросята. На сладкое подавали «узвар» из сушеных фруктов или кисель, а под конец — большие круглые сладкие пироги, наряженные, начиненные фруктами. Всего подавалось много — ешь-пей, сколько твоя душа пожелает!*»[101] Разумеется, в обычные, будние дни казаки питались гораздо проще, без особых изысков. Однако, продуктовый набор даже в самые «среднестатистические» дни был разнообразен, достаточен для полноценного питания, как в качественном, так и в количественном отношении. До периода советской оккупации казак просто бы не понял — о чем идет речь, если бы ему сказали про советскую суточную «пайку» хлеба в 280 грамм!..

К осени 1931 г. даже русские крестьяне основных зерновых районов Юга России, так упорно поддерживавшие в 1918—1921 гг. большевиков, стали, наконец, понимать — чем же, в конечном итоге, обернулось для них установление политического господства РКП(б)-ВКП(б). В привычной для них манере жалоб «доброму царю», русские сельские труженики пытались образумить «народную власть». «*Тов. Сталин, я прошу Вас посмотреть, как в колхозе живут колхозники,* — писал в Кремль крестьянин из Татищевского района Нижне-Волжского края. — *У нас в Николаевском колхозе колхозники голодают. Хлеба не дают, а заставляют колхозников работать. Несмотря на голод, колхозники все же идут на работу. На общих собраниях нельзя говорить* [о голоде. — Н.Л.], *если станешь говорить, то скажут, что ты — оппортунист*»[102].

Аналогичные письма обманутых, обездоленных русских крестьян широким потоком текли в Москву, адресованные, помимо «товарища Сталина», Председателю Совнаркома

---

[100] *Кондрашин В.В., 2003.* Указ. соч. — С. 76.

[101] См. подробнее: *Солодухин Г.А.* Жизнь и судьба одного казака// Джигитовка казаков по Белу Свету. Составление и науч. редакция П.Н. Стрелянова-Калабухова. — М.: Центрполиграф, 2006. — С. 151—152.

[102] РГАЭ. «Особая папка» Колхозцентра.

«Первый хлеб государству!» Агитационная фотография красного агитпропа Советской Украины. 1930 г. Сюжет снимка не отражал советской реальности, поскольку не только первое, но и последнее зерно — вплоть до объема лукошка — реквизировалось у селян Советским режимом

СССР Вячеславу Молотову и «всероссийскому старосте» Михаилу Калинину. Вот, например, как крестьяне Екатериновского сельского Совета Приволжского района Средне-Волжского края пытались добиться помощи у «всероссийского старосты»: «*Под 1931 год была земля вся запахана и весной засеяна, и урожай был ничего, хороший. Пришла уборка хлеба, колхозники урожай сняли благополучно <...>, но стали возить государству и вывезли весь хлеб. И в настоящее время колхозники с малыми детьми пропадают с голода <...>. Народ стал пухнуть с голоду. Колхозники с большим трудом добывают денег, бросают семьи и малых ребят и сами скрываются. И весь мужской пол разъехался, несмотря на то, что в скором будущем весенний посев. Конная сила почти вся пала, на 360 домохозяев осталось 80 лошадей, и те, нынче-завтра, смотрят в могилу. И колхозники, не нынче-завтра, ожидают гибели от голода*»[103].

В другом письме на имя М.И. Калинина, подписанном 62 колхозниками колхоза имени Блюхера Каменского сельского Совета Самойловского района Нижне-Волжского края сообщалось: «*Колхоз не имеет семенного материала ни одного килограмма, на питание не имеется ни зерна, питание колхозников заключается в следующем: корнеплоды, то есть картофель и свекла. И такое питание* [имеется] *не у каждого <...>. Некоторые питаются от голода падалью лошадей и свиней, несмотря на то, от какой боли животное погибло* [отметим, это только конец 1931 года! — Н.Л.]. *Несколько раз*

[103] РГАСПИ. Ф.631. Оп.5. Д.71. Л.12.

было предупреждено колхозникам, чтобы падаль не ели, но [они] *отвечали: «Все равно нам помирать от голода, а употреблять падаль будем, хотя бы и заразная скотина. Или же нас расстреливайте, нам жизнь не нужна». На каждом заседании просим правление ходатайствовать о питании, хотя бы по 100 граммов* [зерна] *на едока в день, у кого имеется большое количество трудодней. Но правление посмеется, а особенно председатель с жандармским криком отвечает: «Спасайся, кто может! Хотя бы померли несколько человек, от этого социализм не пострадает!»*[104]

История партии большевиков, ставшая на определенном этапе историей Советской России, изобилует примерами того, как РКП(б)-ВКП(б) цинично, совершенно бестрепетно «кидала», предавала, а при необходимости жестоко уничтожала своих вчерашних друзей — политически «отжатых» и более уже не нужных. **В этом смысле незавидная судьба великорусских крестьян — основных союзников Советского режима в период Гражданской войны — стала расплатой за их политическую наивность, за отсутствие общерусского национального чувства, за сиюминутный частнособственнический эгоизм**. Однако, для нас, в контексте казацкой этнополитики, важнее осознать другое: если большевики так жесточайше поступали со своими верными политическими партнерами, то насколько более «сокрушительный удар» (используя слова Сталина) режим ВКП(б) был готов нанести своим всегдашним внутренним врагам: «народу-помещику», «белогвардейцам» (т.е. казакам) и «петлюровцам» (т.е. украинцам)?!

Начало Голодомора: полное разграбление продовольственных запасов селян Северного Кавказа и Украины. В конце 1931 — начале 1932 гг. Украина — крупнейшая житница страны — быстрыми темпами стала втягиваться в страшный водоворот Голодомора. Даже искренние сторонники курса ВКП(б) среди украинцев не могли рационально объяснить самим себе и селянам — что же происходит на такой щедрой «на плоды земные» украинской земле? Комсомольский вожак из села Полонистое Бабанского района УССР М.М. Пастушенко в личном письме Сталину 13 января 1932 года с горечью восклицал: *«Вот такое выслушайте, товарищ Сталин, без заискивания и чинопочитания. Село* [Полонистое] *насчитывает 317 дворов. Коллективизация выполнена на 100%. И что тут, думаете, — Советская власть? Нет, не советская, а чисто буржуйский строй. Вспомните крепостное право: шесть дней работа панам. Так и сейчас, каждый день работают в артели. <...> Обобществлено все, еще хлебозаготовку дай. Не в колхоз идти по хлеб, а сам* [бесплатно] *пудов 45 с трех десятин поля на государственный элеватор вывози. Колхоз вывез весь хлеб до фунта. Нет ни зернышка <...>. И предвидится, что на протяжении двух месяцев погибнет весь скот. Начинают умирать с голоду и люди. Уже пухнут. Только и просят: «Хлеба, хлеба!» Население босое, голодное и холодное. Дети не посещают школу. В селе ни керосина нет осветить, ни мыла, а о жирах и вспоминать нечего»*[105].

Аналогичная голодная катастрофа к началу 1932 г. назревала и в казацком Северо-Кавказском крае. Между тем, осенью 1931 года край буквально утопал в зерне любой сортности: с полей собрали в избытке товарный, продовольственный и фуражный хлеб.

---

[104] РГАСПИ. Ф.631. Оп.5. Д.74. Л.36–36 об.

[105] РГАЭ. «Особая папка» Колхозцентра.

Типичное состояние колхозной лошади начального периода коллективизации 1929-1930 гг. Лихолетье Голодомора эти несчастные животные просто не пережили

Специалисты отмечают, что, по итогам урожая 1931 года, выход зерна с одного гектара поля побил на Дону и Кубани все рекорды урожайности за период Советской власти. Валовый урожай составил около 69,7 млн. центнеров. Из них Советскому государству было сдано 30,6 млн. центнеров, что составило порядка 43% и в три раза превысило показатель 1928 года[106]. Несмотря на уникальный объем урожая, обеспеченный особо благоприятными погодными условиями, заготовительные бригады активистов и спецчасти ОГПУ продолжали неутомимо «изымать» из станиц все новых и новых «кулаков», не забывая при этом дочиста выгребать зерно из закромов оцепеневших от ужаса селян. В результате тотального ограбления села к началу посевной 1932 года Дон и Кубань голодали в самом прямом смысле, — на почве голода документально зафиксированы многочисленные случаи заболеваний колхозников, особенно детей[107].

Полное опустошение сельских закромов — с изъятием заготовительными отрядами подчистую не только продовольственного, но и фуражного зерна, обобществление лошадей, быков и тягловых волов с последующим варварским отношением к «колхозным» животным привели к невероятному, немыслимому в царской России падежу рабочего скота. Зимой 1931/1932 гг. произошло самое резкое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота с начала коллективизации. Только лошадей, в целом по стране, пало 6,6 млн. голов —

---

[106] *Кондрашин В.В., Пеннер Д.* Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (по материалам Поволжья, Дона и Кубани). — Самара-Пенза, 2002. — С. 124.

[107] РГАСПИ. Ф.78. Оп.1. Д.419. Л.63.

четвертая часть из еще остающегося тяглового поголовья. Общее поголовье рабочих лошадей и быков сократилось в Стране Советов почти на 10 млн. голов — с 27,4 млн. в 1928 г. до 17,9 млн. в 1932 году[108]. В результате геноцидальной политики Политбюро ЦК, усугубляемой безграмотностью и тупой исполнительностью региональных «сатрапов» от ВКП(б), станицы и села Юга России оказались в буквальном смысле спешенными — не на чем стало пахать землю. К началу посевной кампании 1932 г. стал очевиден невосполнимый урон, который понесло животноводство в результате коллективизации. Селяне потеряли половину поголовья рабочего и продуктивного скота, страна не получила около 50% продукции животноводства (от теоретически возможного выхода продукции, если бы коллективизация вообще не проводилась). Только через несколько десятков лет — в 1958 году в Советском Союзе был превышен уровень 1928 года по численности поголовья основных видов сельскохозяйственных животных[109].

Катастрофичная ситуация рубежа 1931—1932 гг. — всеобщий развал социально-экономической сферы села, массовый падеж скота, резкое сокращение пахотной запашки и очевидное приближение массового голодного мора — не остались вне поля зрения руководства ВКП(б). Инфильтрация всей социальной сферы страны агентурой ОГПУ полностью исключала для Сталина, Молотова, Яковлева, Ягоды и прочих высокопоставленных обитателей Кремля и Лубянки возможность возникновения даже подобия информационного вакуума. Сегодня в научный оборот введены многие десятки документов, недвусмысленно свидетельствующие о том, что руководители Советского государства в полной мере располагали сведениями — насколько катастрофическими оказались для российского и украинского села последствия «великого перелома».

Одним из многочисленных свидетельств превосходной информированности режима ВКП(б) о создавшейся на селе гибельной обстановке является постановление № 1551 принятое 9 октября 1932 г. Совнаркомом СССР. Этим постановлением Совнарком засекречивал реальные данные о размерах посевных площадей, которые в результате коллективизации и начавшегося Голодомора резко сократились. Центральному управлению народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) и Наркомзему СССР предписывалось ***«прекратить дискуссию о размерах посевных площадей 1931 и 1932, публикуя в качестве официальных данных о посевных площадях цифры, показанные в посевных сводках НКЗема СССР»***[110]. Вплоть до января-февраля 1933 г. режим ВКП(б), проводивший на Юге России и в Украине фактически оккупационную политику, располагал всеми возможностями для того, чтобы с сохранением своего «политического лица» ослабить реквизиционный нажим на основные зерновые регионы страны и тем самым не допустить перерастания хронического голодания селян в уничтожающий голодный мор. Вместо этого, невзирая на всеобщее обнищание сельских жителей и уже начавшееся массовое голодное поветрие, Советское государство существенно увеличило объем зерновых реквизий у населения и продолжило практику массированного хлебного экспорта за рубеж. Например, для пораженных засухой Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев план хлебозаготовок **был увеличен почти на 50%**

[108] *Мерль Ш., 1995*. Указ. соч. — С. 50.
[109] Отечественная история. 1993. № 3. — С. 85.
[110] РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.370. Л.56—58.

и составил в 1931 году соответственно 145 млн. пудов и 125 млн. пудов (в 1930 году объемы плановых реквизий равнялись 100,8 млн. пудов и 88,6 млн. пудов)[111].

Разграбление хлебного достояния селян Северо-Кавказского края и Украины было таким же устрашающим. Например, для Северо-Кавказского края план зерновых реквизий (хлебозаготовок) на 1932 год утвердили в размере 31,9 млн. центнеров (около 195 млн. пудов)[112]. **Этот колоссальный объем запланированного разграбления превышал весь объем фактически «заготовленного» (т.е. награбленного) зерна в 1930 году на 39,3%!** В тот самый период (конец 1931 г.), когда русские крестьяне на Нижней Волге питались трупами погибших лошадей, а комсомольский вожак М. Пастушенко с отчаянием наблюдал, как пухнут от хронического голода и умирают маленькие украинцы, — в этот самый год Советское государство поставило на экспорт 47,9 млн. центнеров зерна[113]. По расчетам специалистов — уже 1/4 части этого весьма значительного объема хлеба (т.е. около 10,6 млн. центнеров зерна) было бы вполне достаточно, «чтобы не допустить продовольственных трудностей и голода в деревне в начале 1932 г.»[114].

Однако избавление сельского населения Юга России и Украины от ужаса хронического недоедания явно не рассматривалось Политбюро ЦК ВКП(б) как первоочередная или просто важная задача. Наоборот, именно в конце 1931 г., после нескольких волн «изъятий» казацких «белогвардейцев» и украинских «петлюровцев», в ситуации полного экономического обнищания сельского населения Политбюро ЦК решило «дожать подкулачников». Под страшный удар машины государственного террора теперь попадало основное, уже поголовно бедняцкое население казацких станиц и украинских сел[115]. 5 декабря 1931 г. Сталин и Молотов направили крайкомам и обкомам партии директиву, в которой предлагалось применять новые жесточайшие меры по обеспечению безусловного выполнения плана хлебозаготовок. В частности, у колхозов, не выполнивших план хлебосдачи, должны были досрочно взыскиваться все кредиты, машинно-тракторные станции (МТС) прекращали обрабатывать их поля, все имеющееся в таких хозяйствах зерно, включая семенной фонд, в принудительном порядке изымали. Директива двух главных лиц Советского государства требовала применять аналогичные меры также в индивидуальном порядке, т.е. к «контрреволюционно настроенным» колхозникам и единоличникам[116].

Бюро Северо-Кавказского крайкома партии отреагировало на очередную жесточайшую директиву из Кремля весьма оперативно. Уже через четыре дня — 9 декабря 1931 года — за невыполнение плана хлебозаготовок были распущены кубанские колхозы «Червонный прапор» (станица Полтавская Славянского района), «Имени Ленина» (станица Темиргоевская Курганенского района), «Красный казак» (станица Урупская Армавирского района). Руководителей этих колхозов немедленно арестовали, а хлебные фонды всех хозяйств

---

[111] РГАЭ. Ф.8040. Оп.3. Д.111а. Л.6,7,11,12.

[112] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.897. Л.19. См. также: *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. — Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1991. — С. 17.

[113] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930—1933. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 860—861.

[114] *Кондрашин В.В., 2003.* Указ. соч. — С. 80.

[115] В 1930-е годы, обсуждая в самом узком кругу свое невеселое бытие, сельские острословы расшифровывали аббревиатуру ВКП(б) как «Второе Крепостное Право(большевиков)».

[116] РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.2513. Л.174—175; ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.1142. Л.17.

«должников» были полностью изъяты. С несчастных, полуголодных казаков-колхозников досрочно взыскали все платежи по их обязательствам, причем даже по более высоким ставкам, чем те, которые устанавливались для единоличников[117]. По всему краю прокатилась новая волна арестов, обысков, конфискаций имущества «подкулачников».

Ростовский исследователь Е.Н. Осколков в своей монографии периода 1990-х гг. специально подчеркивал, что зимой 1931 г. по отношению к хлеборобам были «впервые применены суровые карательные санкции», которые в итоге позволили реквизировать в станицах и селах Северо-Кавказского края «прежде невиданное количество зерна — 30,6 млн. центнеров (187,1 млн. пудов)»[118]. Сегодняшнее состояние источниковой базы позволяет утверждать, что административно-карательные меры 1931 года являлись далеко не первым и, к сожалению, не последним пароксизмом геноцидальной политики Советского режима в отношении казаков и других селян Юга России. Начиная с 1929 г., силами ОГПУ и спецотрядами «иногородних» активистов против казацкого народа велась хорошо организованная, практически непрерывная «массовая операция». Из всех казацких станичных обществ поэтапно — слой за слоем — изымались наиболее хозяйственные, политически развитые люди, которых вне зависимости от их реального материального состояния (это могли быть «середняки» и даже малоимущие, но авторитетные в казацкой среде станичники) провозглашали «кулаками». Обвинения в «кулачестве» оказывалось вполне достаточно, чтобы несчастный «кулак», совместно с семьей (а подчас и со всеми родственниками до третьего колена), оказался в концлагере, а затем в ссылке. «Суровые карательные санкции» 1931 года, о которых пишет Е.Н. Осколков, стали только очередным, причем далеко не самым сильным ударом административно-карательной машины режима ВКП(б) по казацкому населению Присуда. Взрыв повстанческой борьбы казаков в 1929—1931 гг. стал бы, по-видимому, многократно сильнее, если бы не превентивные, буквально послойные «зачистки» всех, без исключения, станичных казацких обществ, которые ОГПУ самым решительным образом осуществляло, начиная с рубежа 1927—1928 гг.

Казацкий народ навсегда останется в мировой истории как наиболее последовательная, упорная и мужественная часть человечества, вступившая в бескомпромиссную борьбу с большевизмом. Без всякого преувеличения можно утверждать, что этнические казаки боролись с большевизмом всегда: в строевых порядках Белой Армии, с дедовским обрезом и отцовским наганом на дорожных разъездах в зоне оккупации РККА, в станичных Советах, отстаивая интересы своих побратимов, и даже на колхозном поле, якобы «работая» на продовольственный план Советского режима. Все народы бывшего Советского Союза, а особенно те из них, которые по итогам геополитического распада этого интернационального монстра сумели обрести национальную независимость, должны быть благодарными казакам за их подвиг антибольшевистской борьбы. Разгрызая на протяжении более десяти лет жесткую, крепкую выю народа-воина коммунистический зверь до такой степени затупил и даже искрошил свои зубы, что уже с сомнением стал оценивать свои шансы на победу в случае фронтальной схватки на уничтожение с более многочисленными, чем казаки, народами.

---

[117] ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.1142. Л.13.

[118] *Осколков Е.Н., 1991.* Указ. соч. — С. 19.

Молодые урядники Войска Донского со своими наставниками в 1912 г. Эти офицеры — практически все! — сгибнут в кровавом хаосе Революции или навсегда покинут родную землю Казацкого Присуда. (*Архив В.П. Мелихова*)

«Скотская работа» казацкого населения Кубани и Дона. В начале 1932 года борьба казаков с режимом ВКП(б) вступила в принципиально новую стадию — в стадию тихого, внешне незаметного, но всеобщего сопротивления. Вновь ограбленные до нитки в ходе осенне-зимних реквизий зерна (хлебозаготовок) 1931 г., казаки с началом нового сельскохозяйственного цикла попросту отказались работать на советского «дядю». Совсем не работать в советской системе было невозможно: административно-карательный механизм ВКП(б) имел возможность физически принудить людей к чему угодно — для этого у режима имелись специальные военные части РККА, мощный карательный аппарат ОГПУ и, что немаловажно, — соответствующая идеология. Поэтому с весны 1932 г. казаки стали «работать» так, чтобы эта «работа» становилась постоянной «картиной позора» для самих устроителей колхозно-коммунистической системы.

Важно отметить, что к началу 1930-х годов казаки стали в полной мере сельским, станичным народом: Советский режим последовательно уничтожил в казацкой этносфере высшее и среднее офицерство, немногочисленную национальную интеллигенцию, принудил «городовиков» (казацкое городское население) максимально быстро мимикрировать под «русских». С 1929 года, синхронно со свертыванием НЭПа, семимильными шагами пошла вперед «русификация» казачества. Как мы уже отмечали выше, эта «русификация» отнюдь не означала обретения казаками каких-то основ великорусской этнической культуры; она была направлена сугубо на «советизацию» казацкого населения Присуда. Молодое поколение

казаков, вслед за их великорусскими сверстниками, энергично превращали во вненациональное быдло — в «новую советскую общность», которая, как известно, — была «родом из Октября». Совмещение двух губительных этнополитических процессов: уничтожение национальной элиты казачества плюс «советское бытие» (т.е. фактическое закрепощение Советским государством) — подталкивало станичников к использованию исторически несвойственных для казацкого народа форм этнополитической борьбы.

«Для казаков чувство собственного достоинства было важнее его материального положения» — справедливо отмечает известный российский исследователь Голодомора. Достоинство человека — главная психологическая доминанта казацкого национального менталитета опиралась на два исторически сложившихся фактора: свободу личного бытия казака и постоянный, подчас весьма высокий достаток в казацких семьях. Нищий раб по определению не может обладать чувством собственного достоинства. «В марте 1932 года закончился в кубанских станицах и хуторах хлеб, — размышляет в этой связи историк В.В. Кондрашин, — что было необычным явлением для этого района и для самих казаков. **Это был настоящий позор для гордых казаков, привыкших к достатку и сохранению чувства собственного достоинства в любом положении. Собирать милостыню было недостойным казака занятием. Поэтому в доколхозный период побирающийся казак — это то же самое, что и «плачущий большевик». Фактически этого явления не существовало в казачьих станицах** [*выделено нами. — Н.Л.*]. В крестьянских же селениях, особенно в Поволжье, данное явление считалось обычным и не вызывало таких эмоций, как в казачьей среде»[119].

Коллективизация под дулами винтовок войск ОГПУ в ничтожно короткий по историческим меркам срок насильственно вбросила казаков в качественно иное состояние — в состояние крепостного люда, в положение государственного раба. Общее с великорусами бытие предопределило возникновение в казацких станицах «великорусской» формы этнополитической борьбы, которую сами казаки именовали «скотской работой». Небрежная работа — «спустя рукава», волокита, симулирование болезней, воровство «что под руку попадет», мнимое неведение о губительных для урожая природных явлениях (пусть помещик сам разбирается), ненависть к трудолюбию соседа, «нечаянные» поджоги, саботаж распоряжений начальства — все эти способы повседневного сопротивления русских крестьян системе крепостничества были совершенно неизвестны казакам[120]. Даже психологические мотивации к подобным «хамским» поступкам были несвойственны традиционному казацкому сообществу, категорически отрицались в казацкой среде. Однако, как очень точно отметил

---

[119] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 128.

[120] См. подробнее: *Скотт Дж.* Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение// Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992. — С. 285 сл. В западной историографии утвердилось тенденциозное, в какой-то степени русофобское мнение о поведенческом стереотипе великорусских крестьян. Им приписывается неизбывная отсталость, вялость, безволие, аполитичность. При этом западные историки не замечают отчего-то, что все эти негативные качества, возможно в каких-то исторических коллизиях действительно проявляющиеся, отнюдь не являются органичными свойствами русского менталитета. Инфантильность русских крестьян является, по-видимому, неизбежным следствием многовекового крепостного состояния русского этносоциума с его полным бесправием низов и демонстративным, даже нарочито хамским произволом верхов. См. например: *Graziozi Andrea*. The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1917–1933. — Ukrainian Research Institute, Harvard University, 1996.

в свое время атаман Сирко: «Нужда закон меняет»: летом и осенью 1932 года все казацкие станичные общества, как по команде, стали использовать крестьянский метод политического протеста — работать «спустя рукава», притворяться заболевшими, вместо прополки полей от сорняков «валять дурака», демонстративно не замечать, как в колхозных полях на корню сгнивает хлеб[121]. Симуляция «работы в колхозе», а фактически безделье, побуждаемое у всех казаков глубочайшей ненавистью к Советскому режиму, — мгновенно охватила все казацкие земли Юга России. Режиму ВКП(б) привычными административно-карательными методами бороться с такой формой протеста было крайне сложно — массовость явления не позволяла применять испытанный чекистский метод послойных изъятий. И тогда из бездонного окровавленного рукава Политбюро ЦК Иосиф Сталин достал чудовищный «козырь» террора голодом — систему Голодомора.

Большевики считали казацкий саботаж разновидностью так называемой «итальянки» — специфической формы забастовки, впервые возникшей в Италии в начале XX века. Михаил Шолохов в одном из своих писем Иосифу Сталину дал краткое, но образное описание казацкой «итальянки»: «*Воровали* [зерно] *на покосе, на гумнах, всюду! И не только воровали, но и плохо работали. В августе* [1932 г.] *в течение трех недель шли дожди. Они погубили десятки тысяч центнеров хлеба. В один из таких дней я ехал верхом через поля Чукаринского колхоза. Дождь прошел утром. Грело солнце. Копны, испятнившие всю степь, надо было раскидывать и сушить, но бригады все были не в поле, а на станах. Подъехал к одному стану. Человек 50 мужчин и женщин лежат под арбами, спят, вполголоса поют, словом, празднуют. Обозленный, я спрашиваю: «Почему не растрясаете копны? Вы что, приехали в поле искаться да под арбами лежать?» И, при сочувственном молчании остальных, одна из бабенок мне объяснила: «План в нонешнем году дюже чижолый. Хлеб наш, как видно, весь за границу уплывет. Через то мы с ленцой и работаем, не спешим копны сушить. Нехай пшеничка трошки подопреет. Прелая-то она заграницe не нужна, а мы и такую поедим!»*[122].

Бытие, бесспорно, определяет сознание. Неприглядная сцена, подробно описанная М.А. Шолоховым, принципиально не могла произойти в среде этнических казаков еще в 1927–1928 гг. До периода коллективизации невозможно представить этнических казаков, которые целенаправленно стремились бы «подгноить» зерно — лишь бы, пусть даже в таком испорченном состоянии, оно досталось бы семьям станичников, а не «народному» Советскому государству. С другой стороны, разговор Шолохова на колхозном стане — хрестоматийная картина разговора крепостных крестьян с управляющим помещичьей усадьбы в Великороссии. Именно так, — крестьянские пахари на Русской равнине, скрываясь за спинами своих бойких бабенок, приниженно и молчаливо «ломали шапки» при встрече с «высоким начальством».

---

[121] Существует множество описаний — как слаженно, даже самозабвенно работали казаки на полях, когда их родовые земли находились в собственности Войска. Вот только одно из них: «Молотьба была всегда очень горячей работой — и хозяина молотилки и казака-хозяина. Они боялись пропустить каждый час работы, так как она была больше, чем сезонной. Каждый хозяин стремился как можно скорее отмолотиться и приняться за пахоту. Поэтому нередко молотили и по ночам, при свете фонарей. <…> Почти все казаки жили богато и были трудолюбивы. Работали очень много, особенно летом при уборке и молотьбе хлеба». См. подробнее: *Солодухин Г.А., 2006*. Указ. соч. — С. 150–151.

[122] Шолохов и Сталин. Переписка начала 30-х годов// Вопросы истории. 1994. № 3. — С. 10.

Результат казацко-крестьянской «итальянки» в 1932 году превзошел самые худшие опасения Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП(б). Плановые осенние полевые работы в Северо-Кавказском крае были полностью сорваны. В сентябре 1932 г. под весенний сев удалось вспахать только 11,5% зяби, а к 20 октября — всего 8,6% (от месячного плана). Сентябрьский план озимого сева был выполнен на 22,5%, а к 20 октября удалось засеять только 52,1% пахотных земель — от объема предусмотренного планом[123]. Столь же тяжелой оказалась ситуация с реквизициями зерна (хлебозаготовками). В августе 1932 г. план хлебозаготовок был выполнен едва на 32%. В сентябре, с применением по сути террористического прессинга, ОГПУ и заготовительным бригадам Комсода с трудом удалось выбить из хлеборобов 65% плана. Однако в следующем месяце хлебозаготовки вновь упали до минимума — все закрома в казацких станицах и русских селах Северо-Кавказского края уже были опустошены до последнего зернышка.

Поздней осенью 1932 г. даже самые жесточайшие репрессии уже не могли обеспечить поступление хлеба в государственные закрома СССР — зерна просто физически не было. Огромные объемы зерновых погибли в полях «на корню» — от сорняков (с которыми никто из казаков толком не боролся), а тот хлеб, что все-таки уродился, был в значительной мере потерян в результате вялой, спустя рукава, уборки. О возможности такого негативного сценария еще в июле 1932 года К.Е. Ворошилов предупреждал Сталина: ***«Северный Кавказ переживает величайшее бедствие: я смею утверждать, что из-за безобразной засоренности хлебов, в этом году только по С.К. сорняки сожрали у нас не меньше 120–150 млн. пудов*** [зерна], ***если не все 200! Климатические (метеорологические) условия текущей весны и лета на С.К. были исключительно благоприятны. Мы должны были получить превосходный урожай, а получаем в лучшем случае средний, если не хуже»***[124]. Аналогичную «мерзость запустения» красный маршал усмотрел и на полях Украины. Только после пересечения украинской границы, на полях Центрально-Черноземной области, обработанных привыкшими к внешнему диктату русскими крестьянами, Ворошилов сразу же заметил ***«несколько иную, лучшую картину», «разумный, хозяйский подход к делу»***.

Тихий, внешне не бросающийся в глаза, но очень болезненный для политического престижа и экономических интересов Советского режима казацко-украинский протест «итальянкой» вызывал в Кремле реакцию бешенства. Сталин прекрасно понимал: **какие именно народы** на Юге страны являлись последовательными врагами Советской власти и едва терпели административно-командный произвол и узаконенное Москвой экономическое разграбление. Особую неприязнь Сталина, еще со времен Гражданской войны, вызывал казацкий народ. Казаки, со своей стороны, тоже не имели иллюзий относительно того, как относится к ним «рабоче-крестьянская» Советская власть. Жители Ново-Аннинского района Волгоградской области, этнические казаки О.Е. Бирюков и А.Е. Бирюкова сообщили при опросе исследователей: «*Сталин особенно казачество ненавидел. Поэтому свирепствовали. Раскулачивание и голод организовали*»[125]. Объясняя непримиримое ожесточение Советского режима против казацкого населения Юга России, историк В.В. Кондрашин

[123] Молот [газета]. 1932. 31 августа; 3, 23 октября.

[124] РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.37. Л.54.

[125] Материал собран историком Голодомора В.В. Кондрашиным. См. подробнее: *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 143.

пишет: **«К 1932 году казаки подорвали кредит доверия у сталинского руководства своей «итальянкой». Казаки надеялись, что одной грандиозной стачки 1932 года будет достаточно, чтобы колхозная система потерпела крах** [*выделено нами. — Н.Л.*]».

Казацкая этнокорпоративная спайка, сохранившая свою силу даже под методичным прессингом коммунистического агитпропа и ОГПУ, создавала у этнических казаков иллюзию, что Советская власть обязательно дрогнет и отступит — при условии дружной, общекраевой стачки хлеборобов. Однако, в Северо-Кавказском крае «иногороднее» русское крестьянство в своем значительном большинстве продолжало относиться к этническим казакам враждебно, а потому великорусы не присоединились к казацко-украинскому протесту «итальянкой». Тем более не вызвали в русской среде ни малейшего энтузиазма настойчивые призывы казаков дружно взяться за оружие против ненавистных Советов. «Иногородние» крестьяне привычно питали инфантильную надежду на «доброго Сталина» и итоговую «справедливость» в Москве, а потому активно трудились над составлением коллективных петиций и жалоб в ЦК ВКП(б) и редакции коммунистических газет. **«Даже в период кульминации голода,** — подчеркивает в этой связи В.В. Кондрашин, — **призывы казаков к проживающим с ними по соседству крестьянам объединиться и поднять совместное вооруженное восстание оказались не услышанными. И в этом проявилась историческая традиция: на Северном Кавказе для подавляющего большинства крестьян и иногородних казачий выбор никогда не был принят близко к сердцу, как свой собственный** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[126].

Сталин неоднократно — и в открытой печати, и в частной переписке — высказывал свою личную неприязнь к казацкому населению. В мае 1933 года, когда Голодомор ежедневно вырывал из жизни тысячи людей, Сталин с неприкрытой язвительностью писал Шолохову о своем отношении к голодной катастрофе в Вёшенском районе Дона: ***«Я поблагодарил Вас за письма*** [в которых Шолохов сообщал вождю о голодной катастрофе на Дону. — Н.Л.], ***так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я ВО ВСЕМ согласен с Вами. Вы видите ОДНУ сторону, видите не плохо. Но это только ОДНА сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваше письмо — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и ДРУГУЮ сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов…*** <…> ***Ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали»***[127].

Сталин с подчеркнутой язвительностью — раз за разом — повторяет выражение «уважаемые хлеборобы»: чтобы у Шолохова не осталось ни малейших сомнений — насколько в действительности неприязненно относится лидер ВКП(б) к неуступчивым, способным к

[126] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 309, 312.

[127] Шолохов и Сталин. 1994. Указ. соч. — С. 22.

борьбе за свои права этническим казакам. В целом, содержание сталинского письма выглядит циничным: лукавая оговорка, что «наши работники иногда бьют нечаянно» — может вызвать только саркастическую улыбку. Сталин не лукавит только тогда, когда упоминает о «врагах» и о «войне», которую, правда, отнюдь не хлеборобы Присуда развязали против рабочих, а интернациональная «диктатура пролетариата», в лице ВКП(б), против свободолюбивых этнических сообществ России и Украины.

Оккупационно-колонизаторская политика Советского режима в Украине и на Юге России. В зарубежной историографии по проблеме Голодомора, свободной в оценках и не озабоченной тенденциозной «адвокатской миссией», прочно утвердился взгляд на политику ВКП(б) в советской деревне как на политику колонизаторскую. Действительно, оккупационные методы воздействия административно-карательной машины СССР на сельское население страны — по своему масштабу, жестокости и цинизму полностью соответствуют, а подчас и превосходят аналогичные методы, например, британского колониализма. Восточнославянское сельское население стало в СССР социальным слоем, в лучшем случае, третьего сорта. Предназначением славянской деревни, с точки зрения руководителей ВКП(б), должно было стать обеспечение Советского государства людскими и материальными ресурсами для построения государства «диктатуры пролетариата», а в дальнейшем — мировой социалистической системы.

Канадский исследователь Голодомора Линн Виола определяет коллективизацию в Советском Союзе **как процесс принудительного насаждения «господства и разорения» — краеугольный принцип любой оккупационно-колонизаторской системы**. Промежуточной целью этого процесса, по мнению исследователя, являлась внутренняя колонизация крестьянства (т.е. сельского населения СССР), его полное подчинение диктату государства и максимальная экономическая эксплуатация. **Конечной целью процесса «господства и разорения» в Советском Союзе являлось уничтожение «крестьянства как культуры», т.е. уничтожение самобытного славянского этнокультурного феномена, который на протяжении многих столетий определял социально-культурный облик России**[128]. В этой связи представляется очевидным, что политика режима ВКП(б) являлась, по существу, глобальной диверсией против исторической традиции России и, особенно, — против всех восточнославянских народов, населяющих эту страну.

Выше мы уже отмечали, что режим ВКП(б) усматривал основную угрозу процессу коллективизации на Юге России и в Украине в этнополитической активности казацкого и украинского населения. При этом «украинская угроза» рассматривалась Кремлем, по-видимому, в качестве приоритетной: потенциальный протестный потенциал многомиллионного украинского народа был, конечно же, не сопоставим по мощи с аналогичным потенциалом трех миллионов казаков Юга России, истерзанных политикой геноцида предшествующих лет. Выдающийся украинский мыслитель Иван Лысяк-Рудницкий, в этой связи, справедливо отмечал: «Массовое сопротивление украинского крестьянства коллективизации угрожало срывом амбициозных хозяйственных планов Сталина. Этим можно объяснить особую злость и мстительность Сталина по отношению к Украине. С этим совпадали и чувства обиды

[128] *Lynne V.* Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. — N.-Y.: Oxford, 1996. — P. 3–14, 29, 232–235. См. также: *Линн В.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. — М.: РОССПЭН, 2010.

Основные модераторы преступления Голодомора на трибуне Мавзолея. Слева направо: нарком внутренних дел Генрих Ягода, нарком сельского хозяйства Яков Яковлев (Эпштейн), секретари ЦК ВКП(б) Никита Хрущев, Иосиф Сталин, Андрей Андреев. Справа от микрофона в военной форме — Лазарь Каганович

у российских чиновников, возмущенных украинской наглостью. Сталин и возглавлявшаяся им советская бюрократия решили «научить хохлов уму-разуму». Жертвы, которые понесла Украина вследствие сталинской политики, были ужасные»[129].

Обоснованность данной оценки Лысяк-Рудницкого подтверждает фактография Голодомора: механизм убийства голодом впервые был запущен именно в Украине, — на 6—8 месяцев раньше, чем на землях Юга России. В середине 1932 года голод в Украине уже приобрел характер общенациональной катастрофы, т.е. у Советского правительства существовал как минимум полугодовой запас времени, чтобы не допустить возникновения голодного мора на территории Северо-Кавказского края. Однако, как мы знаем, в этот период для купирования угрозы голода в казацких регионах РСФСР ровным счетом ничего не предпринималось. На 21 июня 1932 г., по сведениям ЦК КП(б)У, по меньшей мере четыре области Украины были охвачены летальным (глубоким) голодом. В Кремль бесконечным потоком поступали из Украины отчаянные призывы о помощи.

Спецкор газеты «За пищевую индустрию» в середине июня 1932 г. информировал наркома земледелия Я.А. Яковлева о голодной катастрофе в Винницкой области: «*...В исключительно тяжелом положении находятся два района — Уманский и Бабанский. Села и деревни пусты. Нельзя услышать даже собачьего лая, ибо собаки уничтожены — съедены. <...> На этой почве* [голода] *нередки убийства: за два пуда муки зарезали*

[129] *Лысяк-Рудницкий И.П.* Между историей и политикой./ Ред. Я. Грицак, Д. Фурман. — М.—СПб.: Летний сад, 2007. — С. 568—569.

сторожа; чтобы утащить курицу, убили 13-летнего парнишку; за овцу вырезали семью и т.д. Дошло до того, что один колхозник убил своего двухлетнего ребенка, сварил и съел его. <...> От голода умирали и умирают ежедневно в большом количестве: например, в Городнице ежедневно умирает 12 человек голодной смертью. В Умани за май умерло 400 человек, т.е. столько, сколько за весь прошлый год. Ежедневно на улицах Умани по утрам поднимают трупы умерших от голода, пришедших из деревни крестьян. Опухло от голода свыше трети населения на селе»[130]. Аналогичным образом голодная катастрофа развивалась и в других областях Украины.

Украинская фаза Голодомора — если допустить, что режим ВКП(б) был непричастен к возникновению летального голода — давала отличную возможность административному аппарату Советского государства продемонстрировать гражданам СССР и всему миру свое «народолюбие» и эффективность. Для этого необходимо было в кратчайшие сроки организовать массированную продовольственную помощь Украине и не допустить перехода стадии хронического голодания в голодный мор на территориях Северо-Кавказского края, Южного Урала и Северного Казахстана. Как мы показывали выше — все необходимые зерновые ресурсы у советского правительства имелись в изобилии, причем не только на элеваторах Центральной России, но и непосредственно на территориях фактической и потенциальной зоны голодного бедствия[131]. Однако никаких своевременных эффективных мер сталинское Политбюро и ЦК ВКП(б) не приняли и, кажется, в высшем эшелоне власти в Кремле вообще не слишком интересовались обвалом летального голода в Украине. Вырвавшегося из административных подвалов Советского режима зверя Голодомора старались до поры не замечать.

Сталин и его ближайшие партийные соратники были озадачены совершенно иным — прогрессирующей неэффективностью зерновых реквизий (хлебозаготовок), ввиду фактического развала всего сельскохозяйственного сектора страны. В течение лета-осени 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрабатывало и санкционировало все более жесткие, беспощадные, античеловеческие меры для выполнения изначально завышенного, абсолютно нереального плана зерновых реквизий. Для решительного перелома провальной ситуации с хлебозаготовками, исходя из опыта Гражданской войны, в Украину и на Северный Кавказ решено было направить полномочные комиссии во главе с самыми доверенными на этот момент «волкодавами Сталина» — В.М. Молотовым и Л.М. Кагановичем. 22 октября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) командировало председателя Совета Народных Комиссаров СССР Вячеслава Молотова в Украину, а первого секретаря Московского городского комитета ВКП(б) Лазаря Кагановича — в Северо-Кавказский край. Они направлялись туда отнюдь не для прекращения или предотвращения голодного мора — о такой «странной» для Политбюро задаче вообще не упоминалось; функция высокопоставленных эмиссаров партии формулировалась иначе — «в целях усиления хлебозаготовок»[132].

---

[130] РГАЭ. Ф.7486. Оп.37. Д.309. Л.51–53. См. подробнее: Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1931–1933. Т. 3. — М., 2001. — С. 388–390.

[131] Житель Самарской области А.А. Галяшин сообщил при опросе: «В 1933 году элеваторы были полны хлеба, но хлеб этот не давали [голодающим]. Сталин запретил давать хлеб, и люди умерли от голода. Надо было Сталину проучить мужиков за то, что они не работали [как следует в колхозах]». Материал В.В. Кондрашина. Аналогичная информация имеется и по другим регионам СССР.

[132] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.904. Л.11.

Некоторые российские политологи пытаются уверить патриотический электорат Рос-федерации, что и кадровая политика внутри ВКП(б), и подбор кадров для административной деятельности в регионах страны при И.В. Сталине не имели национальной (этнической) составляющей. Отчасти, это действительно так и было. В том смысле, что Иосиф Сталин мог с легкостью заменить любого эмиссара партии в любом национальном регионе СССР — без всякой оглядки на его титульную национальность и отношение титульного народа данной республики к сталинскому решению. Однако, при назначении конкретного лица на значимую должность в какой-либо национальной республике этническая принадлежность этого эмиссара, бесспорно, учитывалась Сталиным. В этой связи трудно избавиться от ощущения, что Сталин имел какие-то особые, только ему ведомые мотивы, направляя великоруса Молотова вершить самое жесточайшее насилие против украинских крестьян УССР, а еврея Кагановича командируя с той же целью в казацкий Северо-Кавказский край. Известно, что эффективность сталинской администрации основывалась не столько на продуманной в деталях стратегии и оптимальных структурных решениях, сколько на всеобщем — снизу и доверху — страхе жестокого, а подчас и смертельного наказания.

Симптоматичен в этом смысле эпизод, произошедший в конце 1944 года на банкете, данном в Кремле в честь французской делегации во главе с Шарлем де Голлем. Сталин, находясь явно в приподнятом состоянии, произнес тост в честь тогдашнего наркома путей сообщения СССР: «За Кагановича! Каганович — храбрый человек, он знает, что, если поезда не будут приходить вовремя, его расстреляют!»[133]. Сталин, конечно, шутил, но все сидящие в это время в банкетном зале понимали, что сталинская шутка, при определенных условиях, вполне может стать реальностью. Направляя этнических чужаков: Молотова — в Украину, а Кагановича — в казацкую «Вандею», Сталин, очевидно, хотел еще раз подчеркнуть, что протестующим против «хлебозаготовок» казакам и украинцам пощады не будет — эмиссары Советской власти подобраны таким образом, что всякое снисхождение в принципе исключается.

«Сталинский апостол» Лазарь Каганович. Фигура сталинского «апостола» Лазаря Кагановича в настоящее время настолько демонизирована в квазипатриотической печати, что за мифологемным образом «верховного раввина еврейского кагала в СССР» совершенно теряются подлинные черты этого большевика — наиболее русифицированного и наиболее нееврейского среди многочисленного в те годы еврейского «красного призыва» РКП(б)-ВКП(б). Весьма точную характеристику личному менталитету Л.М. Кагановича дал в своих воспоминаниях бывший секретарь Политбюро ЦК Борис Бажанов, разочаровавшийся в идеях коммунизма и сумевший тайно покинуть территорию СССР. «Лазарь Моисеевич Каганович замечателен тем, что был одним из двух-трех евреев, продолжавших оставаться у власти во все время сталинщины, — пишет Б.Г. Бажанов. — При сталинском антисемитизме это было возможно только благодаря полному отречению Кагановича от всех своих родных, друзей и приятелей. Известен, например, факт, что когда сталинские чекисты подняли перед Сталиным дело о брате Кагановича, Михаиле Моисеевиче, министре авиационной промышленности, и Сталин спросил Лазаря Кагановича, что он об этом думает, то Лазарь Каганович, прекрасно знавший, что готовится чистое убийство без малейшего основания, ответил,

[133] *Медведев Р.А.* Окружение Сталина. — М.: Молодая гвардия, 2010. — С. 319

что это дело следственных органов и его не касается. Накануне неминуемого ареста Михаил Каганович застрелился»[134].

Некоторые исследователи ставят под сомнение объективность оценок Б.Г. Бажанова, намекая, что бывший секретарь Сталина был «на крючке» западных спецслужб и, якобы, исполнял их заказ по демонизации своего бывшего патрона и его ближайшего окружения. Известна, однако, реакция Лазаря Кагановича на смещение с поста генерального комиссара НКВД еврея Генриха Ягоды и назначение на его место великоруса Николая Ежова, организовавшего впоследствии чистку партийной (в значительной степени — этнически еврейской) «ленинской гвардии». ***«Главная наша последняя новость — это назначение Ежова,*** — в конце сентября 1936 года писал Лазарь Каганович в личном письме. ***— Это замечательное, мудрое решение нашего родителя*** [т.е. Сталина. — Н.Л.] ***назрело и встретило прекрасное отношение в партии и стране.*** <…> ***У Ежова наверняка дела пойдут хорошо. По моим сведениям, и в среде чекистов, за небольшим исключением, встретили смену руководства хорошо»***[135].

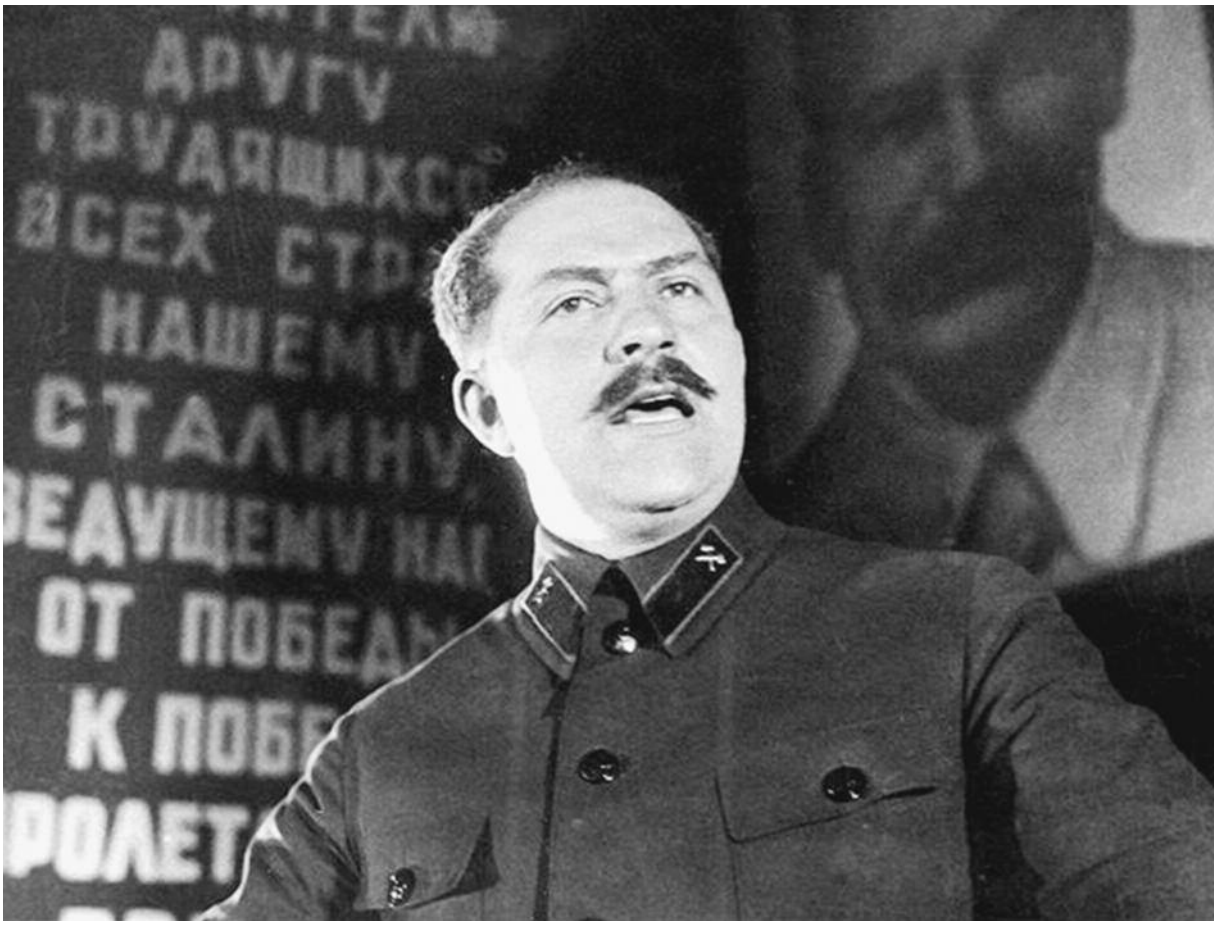
Лазарь Моисеевич Каганович[136] не являлся, по-видимому, теневым главой еврейского этнического сообщества Советского Союза и, конечно же, не злоумышлял в альянсе с «международным еврейством» извести со света героический русский народ, — как это следует из шовинистических построений квазипатриотов. Этот убежденный большевик оказался бы, вероятно, в крайнем изумлении, если бы неожиданно некий тайный «кагал» вдруг предложил ему возглавить столь масштабный антирусский проект. И, скорее всего, Каганович немедленно позвонил бы в ОГПУ-НКВД — прежде всего потому, что в своей повседневной работе постоянно и во все возрастающих масштабах опирался на великорусских партийных

---

[134] *Бажанов Б.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. — СПб.: «Всемирное слово», 1992. — С. 138.

[135] РГАСПИ. Ф.85. Оп.27. Д.93. Л.11. См. также: *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. — М., 1992. — С. 213.

[136] *Каганович Лазарь Моисеевич* (10/22.11.1893 — 25.07.1991) — российский революционер, советский государственный деятель. Родился в деревне Кабаны Радомысльского уезда Киевской губернии в еврейской семье зажиточного торговца скотом. Образование — двухклассная народная школа. С 14 лет, в связи с разорением отца, начал работать в Киеве на разных заводах, обувных фабриках и сапожных мастерских. В конце 1911 г. вступил в РСДРП(б). Активный участник революционных событий и Гражданской войны. В сентябре 1919 г. командирован в должности комиссара на воронежский участок Южного фронта. Сражался стойко. Именно таких большевиков поэт Булат Окуджава впоследствии называл «комиссарами в пыльных шлемах». После оккупации Воронежа частями РККА возглавил Воронежский губревком, а затем губисполком. С 1924 г. член ЦК ВКП(б). С июля 1930 г. по 29 июня 1957 г. — член Политбюро ЦК. В 30—40-х годах был одним из наиболее близких к Сталину высших функционеров партии. Занимал должности Генерального секретаря ЦК КП(б) Украины (1925/28); Первого секретаря Московского городского комитета ВКП(б) (1931/34); Наркома путей сообщения (1935/37; 1939/42; 1943/44); Наркома тяжелой промышленности (1937/39); Наркома нефтяной промышленности СССР (1939/40), еще ряд значимых должностей. Историк Дмитрий Волкогонов обратил внимание, что И. Сталин ценил Кагановича за отсутствие интереса к решению стратегических политических вопросов. Вместе с тем, Каганович был, бесспорно, волевым функционером, способным к методичным долговременным усилиям, отличался нечеловеческой работоспособностью, исключительной напористостью в достижении поставленных задач. Некоторые исследователи отмечают малограмотность и ограниченный кругозор Кагановича. В таком случае, однако, возникает вопрос: как малограмотный, ограниченный человек мог эффективно, притом в кратчайшие сроки организовывать ритмичную работу сложнейших производств? 13 января 2010 г. Апелляционный суд Киева признал Кагановича, Косиора, Хатаевича, Чубаря, Молотова и Сталина виновными в геноциде народа Украины в 1932/1933 гг. (ст. 442 ч. 1 Уголовного кодекса Украины — «Геноцид»).



Волкодав Сталина. Лазарь Каганович выступает с трибуны Колонного зала Дома Союзов. 14 мая 1935 г.

соратников — таких же, как и он сам, денационализированных, идеологически оголтелых, фанатично преданных делу ВКП(б).

Деятельность Лазаря Кагановича на партийных и государственных постах в целом соответствовала интернациональному стереотипу поведения «большевика-ленинца», — по крайней мере, не имеется никаких документальных свидетельств его участия в явном или тайном лоббировании еврейских национальных интересов. Невероятная жестокость Кагановича по отношению к казацкому населению Юга России точно соответствовала общему вектору антиказацкой политической линии ВКП(б). Геноцид казацкого народа в самых жесточайших формах этого преступления (массовые расстрелы, этнические чистки, депортации) был, на определенном историческом отрезке, одним из основных инструментов политики ВКП(б) на Юге России. Грузин Серго Орджоникидзе, латыш Карл Ландер, русский Ефим Евдокимов с энтузиазмом проливали кровь мирного казацкого населения, ничуть не уступая в масштабе своих преступных деяний «волкодаву Сталина». А зверства над казацким населением таких великорусских «братишек» как Иван Врачев, Иван Малкин[137] и

[137] *Малкин Иван Павлович* (1899 – 2.03. 1939) – серийный убийца, сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД, майор государственной безопасности, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Родился в русской семье деревенского плотника (с. Кузьминское, Рязанская обл.). Образование – три класса церковно-приходской школы. По призыву Троцкого в октябре 1918 г. мобилизован в РККА. Руководил карательным отрядом ВЧК-РККА

**Комиссар Ванька-Зверь.
Он же — Малкин Иван Павлович.
Функционер машины террора ОГПУ-НКВД.
Организатор преступления Голодомора
на Юге России**

Александр Белобородов[138] выглядят, с точки зрения человеческой морали, вообще запредельно чудовищными и вполне могут быть сопоставимы со зверствами рейхскомиссара Украины Эриха Коха и коменданта Освенцима Рудольфа Хесса. Когда на Нюрнбергском процессе оберштурмбанфюрера Р. Хесса спросили — почему в лагерях смерти убивали миллионы невинных людей, серийный убийца простодушно ответил: «Прежде всего, мы должны были слушать фюрера, а не философствовать». Если заменить в этом ответе слово «фюрер» на слово «Сталин» мы получим универсальный ключ к постижению исковерканной кровавым хаосом Революции, патологической психологии практически всех высокопоставленных большевиков, в том числе и Лазаря Кагановича. «Красные волкодавы» большевизма предпочитали «не философствовать», а методично и беспощадно осуществлять практические задания Политбюро ЦК ВКП(б) в рамках целевой программы уничтожения казацкого народа.

22 октября 1932 года, одновременно с назначением Л.М. Кагановича главой спецкомиссии по хлебозаготовкам в Северо-Кавказском крае, решением Политбюро ЦК был установлен персональный состав этой комиссии. Нетрудно догадаться, что ни одного этнического казака в новом органе, созданном для тотального уничтожения казацких станичных обществ, не оказалось. В состав своего рода большевистской «инквизиции», которая должна была завершить уничтожение станичного «казацкого мира» на Юге России, вошли люди, не

при подавлении Вешенского восстания казаков. В оккупированных казацких станицах за невероятную, запредельную даже для палача-чекиста, жестокость получил кличку «Ванька-Зверь». Впоследствии занимал ответственные посты в системе ОГПУ-НКВД. В качестве начальника УНКВД по Краснодарскому краю организовывал демоцид и массовые депортации казацкого населения. Один из главных модераторов преступления Голодомора на Кубани. Арестован собственными подручными 2 декабря 1938 г. Через три месяца расстрелян.

[138] Патологический садист и убийца, член РВС 9-й армии РККА Александр Белобородов разъяснял в начале 1920 года своим партийным соратникам — как следует поступать с казаками, попавшими в плен к красноармейцам: «…Величайшая наивность, преступление, что борьба с донской казачьей контрреволюцией велась посредством революционных трибуналов. Трибуналы эти судили захваченных нами перебежчиков и явных контрреволюционеров, часть из них (весьма малую!) расстреливали, часть отправляли на принудительные работы (наказание — подумаешь!), а часть, и, кажется, значительную, вообще освобождали. Необходимо понять, что основное правило при расправе с контрреволюционерами: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу. <…> Я на этом настаиваю самым решительным образом». См. подробнее: *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. — М.: Республика, 1992. — С. 316 сл.

СЕКРЕТАРЮ ПАРТКОМА

Лично тов. _____

Уполномоченному райкома ВКП(б) _____

Передаем решение Крайкома ВКП(б) для руководства и исполнения. Информируйте райком ВКП(б) каждые 3 дня специнформацией.

Секретарь РК ВКП(б) ЛЯШЕНКО.

РАССЕКРЕЧЕНО **СТРОГО СЕКРЕТНО**

О ХОДЕ ХЛЕБОЗАГОТОВОК И СЕВА ПО РАЙОНАМ КУБАНИ

(Решение бюро Крайкома совместно с представителями ЦК от 13-го ноября)

Ряд парторганизаций Кубани недооценили огромного политического значения решения о ходе хлебозаготовок и сева в районах Кубани, а парторганизации других районов края не сделали вывода из этого решения в своей работе. Вместо действительного слома саботажа, организованного кулачеством, парторганизациями продолжается разъяснительная работа, агитация, не подкрепленная организацией актива, оперативным проведением в жизнь мероприятий, указанных этим решением и поэтому не дающее решительного перелома в настроении единоличников и колхозников.

Вследствие этого хлебозаготовки остаются второую пятидневку ноября на прежнем уровне, а темпы сева дали снижение.

Считая основной задачей организации проведение на деле решений о Кубани, Крайком дает следующие практические указания об организации работ в станице и колхозе.

б) В стансовете и станпарткоме не увязать работу различных организаций, дающих хозяйственные задания (уборка кукурузы, обмолот, вывоз хлеба, посев и т. д.) колхозам и единоличникам, а также организациями, проводящих массовую работу, организующих актив и применяющих репрессии.

в) Прикрепить к решающим станицам (стансовет) всех членов бюро РК (в том числе секретаря райкома и пред РИК'а) и уполномоченных Крайкома для организации работ по станице. Предупредить всех уполномоченных прикрепленных к станице, (стансовет), что они несут партийную ответственность вплоть до исключения из партии за не обеспечение немедленного перелома выполнения станицей плановых заданий по севу и хлебу.

2. Каждый уполномоченный станицы вместе со станичными организациями обязан немедленно:

а) Обеспечить в 3-х дневный срок вывоз из амбаров колхозами, не выполнившими этих культур, к срыву плана и требует выполнения годового плана по этим культурам в течение 10—15 дней. Исходя из этого, каждому председателю колхоза должны быть даны конкретные задания, выполнение которых должно ежедневно проверяться уполномоченными.

Председатели колхозов, секретари колхозных ячеек, не выполняющих этого задания, должны привлекаться к партийно-судебной ответственности.

Запретить впредь до выполнения плана хлебозаготовок выдачу в счет натуральной части дохода колхозникам, как пшеницы, кукурузы, так и подсолнуха (за исключением масла, поступающего за сдаваемый подсолнух).

В суточный срок сообщить Крайкому о количестве работающих колхозников по обмолоту колосовых и маслянки, количестве выделенных подвод для вывоза колосовых, маслянки и кукурузы и количестве людей, рабо-

Фрагмент секретного циркуляра Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 13 ноября 1932 г. Эта преступная директива — о сломе «саботажа единоличников» в станицах Кубани — дала старт процессу самого губительного голодного мора в истории России

имеющие в генетическом плане никакого отношения к казакам: Л.М. Каганович (председатель, член Политбюро), Я.Б. Гамарник (политуправление РККА), А.В. Косарев (ЦК ВЛКСМ), А.И. Микоян (наркомат снабжения), М.А. Чернов (комитет заготовок), Т.А. Юркин (наркомат совхозов), М.Ф. Шкирятов (представитель ЦК партии), Г.Г. Ягода (ОГПУ)[139].

Сразу же после своего образования комиссия Кагановича развернула активную деятельность. Уже 2 ноября 1932 года в Ростове-на-Дону при участии всех членов комиссии было созвано краевое совещание секретарей сельских райкомов ВКП(б). Еще через два дня, 4 ноября, члены комиссии провели расширенное совещание членов комиссии с директорами совхозов Северо-Кавказского края. На первом же совещании 2 ноября 1932 г. Лазарь Каганович четко разъяснил — против кого, в первую очередь, должны быть направлены удары краевого административно-карательного механизма.

«Надо, чтобы все кубанские казаки знали, — с угрозой заявил сталинский эмиссар, ***— как в 1921 году терских казаков переселяли, которые сопротивлялись Советской власти. Так и сейчас — мы не можем*** [допустить], ***чтобы кубанские земли, земли золотые, чтобы они не засевались, засорялись, чтобы на них плевали, чтобы с ними не считались. Есть края, где малоземелье, где земля паршивая*** [Каганович говорит, конечно, о северных областях Великороссии. — Н.Л.]. ***Люди*** [переселенные с севера на Кубань] ***будут работать, как звери, на этой земле. Вот мы им и отдадим*** [Кубань]. ***А вам*** [казакам] ***не нравится здесь работать, мы переселим вас. Могут сказать, как же это переселите, — это беззаконность. Нет, это законность. Если ты против Советской власти, не хочешь засевать*** [землю], ***так Советская власть законно борется за это»***[140].

Вплоть до конца жизни Каганович был убежден, что именно этнические казаки являлись становым хребтом общего казацко-крестьянского сопротивления коллективизации и хлебозаготовкам на Юге России. Ненависть Кагановича к казакам доходила до невероятного, можно сказать, сатанинского накала. Даже массовые, многотысячные жертвы Голодомора, по мнению Кагановича, были вызваны не тотальными реквизициями зерна и всех пищевых продуктов у кубанских селян, а кознями казаков. В дневниковой записи, сделанной по итогам очередной командировки на Северный Кавказ в январе 1933 года, сталинский палач утверждает, что ***«острое недоедание»*** (так цинично назван в дневнике ежедневный голодный мор сотен людей) являлось, оказывается, — ***«частью казацкой кампании по свержению Советской власти и ослаблению колхозной системы»***[141]. Уже в глубокой старости, стоя на верхней ступеньке лестницы, ведущей в ад, Лазарь Каганович, тем не менее, продолжал твердить о несомненной пользе разгрома «казацкого антисоветского кулачества». ***«Если бы мы не уничтожили эту казацкую пятую колонну,*** — фанатично убеждал Каганович писателя Феликса Чуева, — ***мы были бы разбиты немцами в пух и прах»***[142]. Не

---

[139] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.904. Л.11; Д.905. Л.12; Оп.21. Д.3663. Л.129.

[140] Примечательно, что Лазарь Каганович, угрожая казакам, привычно пытается представить Советский режим единственным настоящим союзником великорусского крестьянства, которое прозябает, дескать, на «земле паршивой». Так, цинично противопоставляя друг другу разные славянские народы, стравливая их в борьбе за ограниченные земельные ресурсы Юга России, большевики до поры весьма успешно разыгрывали роль неких «апостолов» этнополитической справедливости. См.: ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.1286. Л.89.

[141] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. — С. 627.

[142] *Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. — М.: «Отечество», 1992 — С. 36.

Активисты Комсода обнаружили зерно, спрятанное в подполе сеновала голодающей семьей колхозника. Юг России. 1931 г.

требует разъяснения — какие страшные людоедские мотивации внедрял в 1932—1933 гг. в сознание своих безропотных подчиненных этот «сталинский апостол», оказавшийся в реальности «красным волкодавом».

Государственный террор комиссии Кагановича и ОГПУ на Северном Кавказе. После ноябрьских совещаний с партхозактивом Северного Кавказа краевой административно-карательный механизм ВКП(б), работавший и до этого с высокой интенсивностью, был переведен на форсированный режим. «По зерновым районам края, — пишет об этом периоде историк Е.Н. Осколков, — пронесся буквально шквал массовых обысков домов и дворов крестьян-колхозников и единоличников, общественных построек колхозов с целью выявления спрятанного хлеба».

По станицам, хуторам и селам двинулись отряды «комиссий содействия хлебозаготовкам» (комсодов), формировавшиеся почти исключительно из «иногородних» крестьян, с обязательным включением в этот состав озлобленных, полностью зависимых от советской администрации казачек-вдов и асоциальных казаков-изгоев, отвергнутых казацкими станичными обществами. «Комсоды» агитировали за сдачу зерна, терроризировали семьи казаков-единоличников, проводили жесточайшие изуверские обыски в тех казацких усадьбах, на которые имелись доносы от колхозных активистов. Специально изготовленными железными щупами комсодовцы пробивали стены, полы, даже печи казацких куреней, истыкивали землю во дворах и на огородах, в хлевах и амбарах с целью обнаружения и изъятия спрятанного зерна.

В начале кампании очередной «великий почин» Советского режима действительно приносил свои страшные результаты: в ноябре 1932 г. только в Армавирском, Краснодарском

и Тихорецком районах Кубани было обнаружено более 1000 потайных ям, в которых несчастные, с 1929 года хронически голодные казацкие семьи пытались спрятать хотя бы небольшое количество зерна для собственного питания. Как указывает Е.Н. Осколков, в декабре 1932 г. масштаб террористического разграбления зерновых запасов казацких семей еще более расширился. В этом месяце только в трех районах Кубани (Павловском, Краснодарском и Ейском) было обнаружено более 3100 потайных ям с зерном. Историк отмечает, что в среднем содержимое одной такой ямы было в весовом отношении незначительным — утаивалось от силы 3—4 центнера зерна, т.е. такое количество хлеба, которое можно было использовать только на весьма скромные внутрихозяйственные нужды[143]. Подобные же попытки утаивания собственного, выращенного личным трудом зерна, с целью не дать обречь свои семьи на полное голодание, в зимне-весенний период 1932—1933 гг. предпринимались казаками также на Дону, Тереке, Южном Урале.

В конце 1932 — начале 1933 гг., если судить по масштабу и жестокости государственного террора, именно Кубань рассматривалась сталинским Политбюро как эпицентр казацкого национального сопротивления политике коллективизации. После ухода в 1920 году основной массы станичников Уральского Войска в эмиграцию, после методичного разрушения казацкого мироустройства на Дону и Тереке в 1919—1922 гг., только казаки бывшего Кубанского Войска составляли более-менее сохранившийся монолитный анклав этнического казачества на Юге России. Именно на Кубани казацкое сопротивление Советской власти приобрело наиболее системный характер, причем активные участники антибольшевистской борьбы являлись выходцами из «белоказацких» семей. Современный исследователь подчеркивает, что «Кубань была как бы показательным полигоном, где испытывалась на прочность Советская власть»[144]. Поэтому вовсе не случайно комиссия Кагановича, в принципе ориентированная на борьбу с казацкой контрреволюцией по всему Северному Кавказу, уделяла первостепенное внимание усилению государственного террора против этнических казаков на именно Кубани.

С первых же дней работы комиссии краевой административно-карательный механизм Советской власти был нацелен на массовые депортации казаков с родной земли. Например, в одной только станице Темиргоевской и только за один ноябрь месяц 1932 года было осуждено 200 человек, а 50 семей выслано с территории Северо-Кавказского края в административном порядке. Аналогичным, а подчас и более сильным был масштаб антиказацких репрессий и в других станицах края. В поисках кнута, который заставил бы казаков и других селян выполнить непомерно раздутый план хлебозаготовок, 8 ноября 1932 г. крайком ВКП(б) принял решение выселить из станиц Кубани 2 тысячи единоличных хозяйств, будто бы ответственных за срыв хлебозаготовок и сева озимых[145]. По предложению Б.П. Шеболдаева и Л.М. Кагановича для участия в мероприятиях по хлебозаготовкам Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило план мобилизации по Северному Кавказу. Краевой административно-карательный механизм пополнили 1 тыс. коммунистов, 3 тыс. комсомольцев, 3 тыс. осоавиахимовцев, 3 тыс. рабочих из городов края. Дополнительно в ведение комиссии Кагановича было откомандировано 1 тыс. командиров РККА[146].

---

[143] *Осколков Е.Н., 1991.* Указ. соч. — С. 46.

[144] См. подробнее: *Кондрашин В.В., 2003.* Указ. соч. — С. 133.

[145] ГАРО. Ф.78. Оп.1. Д.37. Л.61—66.

[146] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.906. Л.12.

Одновременно было принято решение резко активизировать деятельность ОГПУ в Северо-Кавказском крае. Для этого в середине ноября 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) освободило от обязанностей полпреда ОГПУ на Северном Кавказе Р.А. Пилляра. Хорошо образованный остзейский немец из рода баронов Пиллар фон Пильхау, курировавший в системе ВЧК-ГПУ в основном иностранную разведку, Роман Пилляр показался «волкодаву» Кагановичу слишком рассудительным и мягкотелым. Новым полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе был назначен Ефим Евдокимов — чекист с «низшим образованием», но, бесспорно, с высшим талантом бестрепетного палача.

Следует подчеркнуть, что и до назначения на должность главного палача края Ефима Евдокимова маховик государственного террора по линии ОГПУ вращался на Северном Кавказе весьма интенсивно. «В подвалах тюрем, в рощицах и оврагах за пределами населенных пунктов, над Кубанью и Доном гремели выстрелы, — пишет историк Е.Н. Осколков. — Уничтожали тех, кто мешал выполнению плана хлебозаготовок»[147]. Все расстрелянные проходили по «безразмерной» 58-й статье УК РСФСР — «контрреволюционная деятельность». В краевой газете «Молот», начиная с 8 ноября 1932 г., почти ежедневно публиковались сводки об осуждении рядовых станичников, единоличников, бригадиров, кладовщиков, прочих деятелей колхозного звена, которые приговаривались, в лучшем случае, к 10 годам заключения, нередко к расстрелу. Так, 8 ноября «Молот» сообщал о расстреле 19 человек, 9 ноября — 7 человек, 10 ноября — 13 человек и т.д. Однако, после того как Ефим Евдокимов стал полпредом ОГПУ в Северо-Кавказском крае, государственный террор здесь резко усилился, стал массовым без всяких оговорок. Только на территории Кубани в ходе зерновых реквизиций (хлебозаготовок) 1932 г. было арестовано органами ОГПУ 16 тысяч человек. На остальной территории края из 36 тыс. станичников, состоявших на учете в ОГПУ в качестве контрреволюционных элементов, за два последних месяца 1932 года чекистами было «изъято» 12.680 человек, — из них 8219 чел. были осуждены по статье 58 УК РСФСР к длительным срокам заключения и расстрелу.

В дальнейшем маховик государственного террора затронул практически каждую казацкую семью на Северном Кавказе. Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Борис Шеболдаев[148] 24 января 1933 г. телеграфировал в ЦК ВКП(б), что, начиная с ноября 1932 г., т.е. за два месяца и двадцать дней, в крае было арестовано около 100 тыс.

---

[147] *Осколков Е.Н., 1991.* Указ. соч. — С. 50.

[148] *Шеболдаев Борис Петрович* (15/27 мая 1895 — 30.10.1937) партийный деятель РСДРП(б)-ВКП(б). Родился в Париже в семье врача. Русский. Член РСДРП с 1914 г. Участник Гражданской войны на Кавказе, в частности, являлся уполномоченным РВС 12-й армии РККА. С 1930 по 1937 гг. — член ЦК ВКП(б). В 1928—1930 гг. — секретарь Нижне-Волжского крайкома партии. Крайне жестоко руководил сплошной коллективизацией на Нижней Волге. В январе 1931 г. сменил А.А. Андреева на посту первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В своей практической деятельности на этом посту старался неукоснительно выполнять указания И. Сталина и Л. Кагановича. Проводил в крае агрессивную антиказацкую политику, горячо поддержал идею Кагановича о массовой депортации «чернодосочных» казацких станиц. В период Голодомора четко следовал всем преступным указаниям Кремля. По мнению историка Роя Медведева, — Шеболдаев старался копировать Сталина, демонстрируя вождю, что является «жестким функционером, для которого любые средства принуждения были хороши, чтобы осуществить поставленные задачи». «Он создал также культ личности местного масштаба, — пишет Р. Медведев. — Местные газеты захлебывались от похвал этому маленькому Сталину». Арестован 10 июня 1937 г., расстрелян 30 октября т.г. В 1956 г. реабилитирован как «жертва сталинизма» и посмертно восстановлен в КПСС.

человек. Из них на этот период 26 тысяч «контрреволюционного элемента» были уже осуждены и депортированы из края, а 70 тыс. человек ожидали своей трагической участи в тюрьмах и концентрационных лагерях. ***«Места заключения перегружены, наблюдаются вспышки эпидемий***, — сообщал в Кремль Б.П. Шеболдаев. — ***Возникли трудности с охраной заключенных»***[149]. Даже одиннадцать тысяч «добровольных сотрудников», мобилизованных из военизированных структур, многочисленные подразделения ОГПУ и приданные спецвойска РККА не справлялись с «переработкой» огромного числа арестованных людей. Существованию более-менее целостных, этнически однородных казацких обществ на Юге России наступал конец.

Существует множество воспоминаний очевидцев, которые сумели выжить в чудовищной «мясорубке» ОГПУ, энергично раскрученной в 1932—1933 гг. Советским государством под предлогом защиты хлебозаготовок от поползновений контрреволюции. Привести хотя бы существенную часть этих автобиографических материалов в небольшом объеме специальной главы монографии не представляется возможным. Поэтому ограничимся только одним «среднестатистическим» свидетельством — воспоминаниями казака Ивана Михайловича Кокунько, записанными в конце 70-х годов XX века, но впервые опубликованных спустя более 20 лет. Скупыми, безыскусными мазками рисует Иван Кокунько скорбную картину гибельного развала казацкой станичной жизни на Кубани в самый канун Голодомора.

«...Наша семья была 10 человек. В глинобитной хате в поселке Верхне-Баканском жили мой отец — Кокунько Михаил Аксентьевич, 1868 года рождения, мама — Ефросинья Евдокимовна, мои братья Трофим, Степан, Александр, Григорий, Михаил, сестры Мария, Евдокия и Нина.

Когда старший брат Трофим женился, то отделился с женой и меня взял жить к себе — мне было 7 лет. Как-то со школы я забежал к родителям и остался у них ночевать — уложили они меня рядом с собой — то слышал я их перешептывание:

— Ой, Мыхайло... Той ночью арестовали Махно, Усенко, Терещенко, с других станиц пожилых казаков... Стороженко с Натухаевки... Що будэ, що будэ...

— Подержат — отпустят. Они же хлеборобы, без них нельзя — кто Россию кормить будет?..

Через неделю узнали — всех арестованных расстреляли, посыльные Совета принесли их вещи в семьи. Расстреливали, по слухам, в Новороссийске на косе, где камни возвышаются над морем. Трупы потом волнами смывались.

Главе большой семьи Терещенко удалось сбежать, но его словили и, как «нарушителя закона», убили уже на виду у всей станицы на горе у каменоломни.

Расстрелянных я знал хорошо. Как все окрестные мальчишки мы ватагой бегали на рыночную площадь, куда съезжались с окрестных станиц казаки, чтобы в рабочем поселке, где работали три цементных завода, продать продукты и выращенную живность. Ярмарки эти были с каруселями, качелям, приезжал цирк «шапито».

Расстреляли тогда дядю Гришу из станицы Раевской — он привозил на базар огромные арбузы и дыни. <...> Расстреляли и Усенко, державшего лавку при базаре.

---

[149] *Осколков Е.Н., 1991.* Указ. соч. — С. 51.

**Казацкий род Гудзей. Старейшина рода Михаил Петрович Гудзь – справа, с внуком на руках.
На таких мощных семейных кланах веками основывалось достоинство и благосостояние казацкого народа.
Хутор Девятисотый станицы Павловской Кубанского Войска. Весна 1914 г.
(*Архив Л.А. Прокопенко*)**

Здесь в любое время суток можно было купить керосин, деготь, хомуты, детали упряжи, разные хозяйственные мелочи — все на копейку дороже государственных цен. После гибели отца, дочь Усенко, 18-летняя красавица, боясь высылки по этапу, повесилась на воротах подворья, а остальные члены семьи разбежались. Лавку объединили с госмагазином, где купить вскоре стало нечего — ни сбруи, ни мыла, ни молотка...

Имущество и живность расстрелянных передавались в колхозы, но больше просто расхищались приезжей голытьбой. Аресты все продолжались. Прекратились ярмарки, исчезли карусели — а вместе с ними гуси, куры, мука, арбузы. <...>

Как-то на рассвете прибежал к нам мамин брат из Раевской — Емельян Загорулько. Запыхавшись, долго не мог сказать что-то важное. Наконец, выкрикнул:

— Шо робыться!.. Выйдите с дому — побачьте...

Верхне-Баканский расположен на горе, а наш дом стоял на перекрестке дорог из Новороссийска в Анапу через станицы Раевская, Анапская и Натухаевская. И вот из этих станиц сплошным потоком двигались подводы с людьми — стариками, детьми, с груженым скарбом. По сторонам шли солдаты с винтовками со штыками. А за подводами, понурив головы, брели казаки. Вся эта масса людей двигалась к железнодорожным эшелонам, впрессовывалась в товарные вагоны. Вагоны захлопывались, и эшелон за эшелоном уходили в неизвестность.

Исчез в этой неизвестности вскоре и мой дядя Загорулько со своей семьей. А было у него 7 дочерей и 2 сына, добротное хозяйство, где трудились они от зари до темна. <...> Два сына Загорулько сбежали от выселения. Через несколько лет случайно мы узнали, что одного из парней вскоре убили, а второй затерялся среди рабочего люда цементных заводов Новороссийска. А Емельян Евдокимович, после 10-ти лет лагерей в Караганде, на старости лет приезжал в Раевскую — попить водицы из вырытой еще его дедом крыницы. Но был тут снова арестован и вновь попал в Караганду, где умер от истощения. Одна из его дочерей, после 10 лет заключения в лагере на Урале, — пешком четыре месяца, побираясь, шагала оттуда домой. Переплакав у порушенного родного куреня, она устроилась работать на каменоломню цементного завода «Гайдук» в пригороде Новороссийска. Там и погибла на работе...

Таких многодетных семей уничтожено было тысячи. Цвет казачества штыком был согнан с родных мест, лишен земли и имущества, выслан на север, за Урал, в Казахстан. А в опустевших после высылки хлеборобов станицах ошалело бродили немногие оставшиеся... По околицам бродили и выли ставшие вдруг бездомными собаки, на выгонах так же бродили лошади, коровы, волы. Уже потом, словно опомнившись, колхозники начали ловить скотину, привязывать, доить — забывая порой кормить и поить. Помню, один колхозник поймал двух волов, свел в Новороссийск и продал за 41 рубль на мясо. Купил сыну пальто на свадьбу. И тут же оба, отец и сын-жених, получили по 10 лет — «за хищение социалистической собственности»!

Вина в то время в Анапе было предостаточно, и вот те, кто раскулачивал земледельцев, голытьба эта — пили и гуляли, дармового добра было навалом. А подошла зима — выяснилось, что скот без кормов, начался падеж. Привязанные к стойлам лошади от голода грызли деревянные столбы. А в одну из ночей большой сарай с лошадьми

просто сгорел. Раздирать обгорелые туши сбегались собаки, а по ночам и волки из ущелий, со всех окрестностей слеталось воронье...»[150].

Свидетельства очевидцев и рассекреченные документы административно-карательной машины Советского режима убеждают — массовые депортации казацкого населения из родных мест на Юге России начались задолго до эпопеи так называемых «чернодосочных» станиц (осень 1932 — весна 1933 гг.). В массовом порядке казаков стали выселять с территории Дона и Кубани уже во второй половине 1929 г., а своего пика этот этап депортаций достиг к рубежу 1931—1932 гг. Кубанский краевед П.С. Макаренко сообщает, что на период 9 марта 1931 года (т.е. почти за два года до депортаций «чернодосочных» станиц), только из районов Кубани и Черноморья, по официальным данным, было выселено около 10 тысяч хозяйств. «Трудно сейчас сказать, сколько это человек, — пишет П.С. Макаренко. — Для райкомовских статистиков не существовало стариков, женщин, детей. Например, бюро другого — Северного крайкома ВКП(б), куда входили нынешние Архангельская и Вологодская области, на внеочередном закрытом заседании весной 1931 года приняло план расселения в крае 70.000 семей раскулаченных (в основном выходцев с Украины и Кубани)»[151]. Таким образом, задолго до широко известных депортаций периода «черных досок» Советское государство приступило к целенаправленному уничтожению самобытного «казацкого мира», реализуя эту политику, прежде всего, методом массовых этнических чисток.

Причина возникновения этой преступной политики очевидна. Казацкий народ, хотя и разгромленный военной мощью Советского государства, сохранил в своей народной душе глубокую ненависть к фактически оккупационной системе Советской власти, которую воспринимал как торжествующего, неумолимого врага. Этническая спайка, высокая этнополитическая конкурентоспособность казаков, быстрое восстановление в период НЭПа демографического потенциала казацкого населения, наивные, но повсеместно распространяемые в среде казачества слухи о скором победоносном возвращении «сынов Дона, Кубани и Терека» с оружием в руках из эмиграции — все эти факторы не на шутку встревожили большевистский Кремль. Полное фиаско политической линии 1924—1925 гг. «лицом к казачеству» убедительно показало Советскому правительству, что казаки отрицают «советизацию» своего сообщества уже на психологическом уровне. Кремль также окончательно убедился, что антагонистическая социальная дифференциация в традиционном казачьем обществе невозможна — без разрушения традиционной казацкой этносферы советскому агитпропу не удастся разделить станичные общества на взаимно враждебные слои «кулаков» и «трудовых казаков-бедняков».

Таким образом, путь к ликвидации потенциальной угрозы со стороны казачества, в соответствии с интернациональной доктриной ВКП(б), был только один: уничтожением особенностей казацкого самосознания, культуры и быта — ликвидировать этнокультурную основу казацкого общества, т.е. фактически ликвидировать сам казацкий народ[152]. В этом

---

[150] *Кокунько И.М.* Страшные годы// Станица. Общеказачья газета. № 4 (30). Июль 1999 г. — С. 26—27.

[151] *Макаренко П.С.* 33-й год: Кубань… Голод… — Краснодар: Традиция, 2012. — С. 24.

[152] К подобному выводу приходит сегодня большинство исследователей. См. например: *Гарбузова Е.Н.* Политика «расказачивания» как политика изменения традиционных представлений казаков//Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 гг. Материалы научно-практической конференции. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 66—71; *Скорик А.П.* Депортация населения «чернодосочных» станиц как антиказачья акция: причины и последствия//*Там же*. — С. 57—65.

смысле массовые, многотысячные депортации казацкого населения из традиционных мест проживания стали наиболее эффективным средством для нивелирования самобытных черт казацкого народа. Эти мероприятия геноцида резко ускорили ассимиляцию казаков в психологически и культурно чуждом для них в великорусском крестьянском окружении[153]. Поскольку на место депортированных казацких семей Советское государство в плановом и массовом порядке завозило с севера лояльных Советам русских и белорусских переселенцев, казацкие депортации 1929—1933 гг. нужно рассматривать как этнические чистки — основной квалифицирующий признак преступления геноцида.

Тихорецкое восстание: последнее массовое вооруженное сопротивление казаков Кубани. В конце ноября 1932 г. произошло мощное вооруженное восстание казаков станицы Тихорецкой и примыкающих к ней других станиц Кубани. Об этом восстании достаточно широко сообщала печать европейских стран — французская газета «L'Ami du Peuple», чешская «Lidova Politika», польская «Życie Katolickie» и другие издания. Подробную информацию о восстании опубликовала газета этнических казаков-эмигрантов «Вольное казачество».

Восстание началось с концентрации отмобилизованных по условному казацкому сигналу «Сполох!» повстанцев в 14 верстах от станицы Тихорецкой. Все казаки, способные носить оружие, откликнулись на призыв еще не репрессированных кадровых казацких офицеров и явились на сборные пункты. В кратчайший срок — и в этом проявилась уникальная способность казацкого народа к самоорганизации — было сформировано девять вооруженных отрядов, охвативших в зону восстания территориальную полосу примерно в 300 километров. Оружие удалось получить путем захвата трех оружейных складов РККА, причем в руки повстанцев, помимо винтовок, попали пулеметы и даже минометы. Вместе с тем, орудий полевой артиллерии повстанцы поначалу не имели вообще, что, бесспорно, существенно ускорило разгром восстания советскими войсками.

Первоначально восстание развивалось успешно: не ожидавшие удара территориальные войска ОГПУ и РККА были либо уничтожены, либо отступили к Ростову-на-Дону. Почти неделю очищенные от большевиков районы Кубани находились под контролем повстанцев. Отправленные краевыми властями на подавление восстания спецподразделения ЧОН были разбиты наголову: повстанцы захватили 4 полевых орудия, 11 пулеметов, несколько сот винтовок с патронами, большое количество перевязочных средств.

Режим ВКП(б) осознав, что ситуация начинает выходить из-под контроля, перебросил к Тихорецкой имеющиеся на Кавказе кадровые части РККА, вооруженные всеми основными видами сухопутного вооружения (артиллерия, танки, авиация, химическое оружие). С севера дополнительно были переброшены две школы красных курсантов, — по-видимому, из Ростова-на-Дону и Сталинграда. Казаки оказали отчаянное сопротивление — каждая пядь земли защищалась ими с необычайным упорством. Первые пять дней атаки войск РККА на Тихорецкую не принесли большевикам никаких результатов. С шестого дня наступления карательных войск, в сражении стал обозначаться перелом, чему способствовало массированное применение красными артиллерии, танков и даже отравляющих средств.

---

[153] *Лысенко Н.Н.* Депортации народов Северного Кавказа 30—40-х гг. XX века: репрессии или геноцид? // 25 лет Республике Ингушетия. Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф (Магас, 22—24.05.2017).— Магас, 2017. — С. 123—132.

Казацкая сотня развернулась в атакующую лаву. Фотография периода Гражданской войны. (*Архив В.П. Мелихова*)

Повстанцы испытывали острый недостаток боеприпасов и продовольствия. Численность казацких формирований вряд ли превышала 6—7 тысяч бойцов и, конечно, серьезно уступала силам и средствам регулярных войск РККА и ОГПУ. Тем не менее, подавление восстания растянулось на 12 дней, и только на тринадцатый день сопротивление казаков было утоплено в крови. Газета «Вольное казачество» подробно рассказала о произошедшей трагедии. «*Расправа началась в первый же день после отступления от Тихорецкой повстанцев. Расстреляны были все без исключения раненные и пленные, захваченные в боях. Повсюду вокруг Тихорецкой валялись человеческие трупы, т.к. пленных убивали по приказу красного командования на месте, где они сдавались, даже не приводя в штабы. Как только власть перешла вновь от военных к ГПУ, началась расправа уже с мирным населением. Расстреливали днем и ночью всех, против кого были малейшие подозрения в симпатии к восставшим. Не было пощады никому, ни детям, ни старикам, ни женщинам, ни даже тяжело больным*»[154].

Очевидцы, сумевшие пережить «кровавую баню» в Тихорецкой и окружающих станицах, сообщают о невероятном по жестокости терроре ОГПУ. Только в самой Тихорецкой

[154] Вольное казачество. 1933. № 120. — С. 28. См. также комментарий к материалу: Крестная ноша: Трагедия казачества. Часть I./ Составитель В.С. Сидоров. — Ростов н/Д., 1994. — С. 466—467.

на станичном майдане чекистские палачи за три дня расстреляли около 600 пожилых казаков, которых, хотя бы по их возрасту, можно было подозревать в сочувствии повстанцам[155].

После проведенной кампании расстрельного террора, краевые власти Северо-Кавказского края, бесспорно при одобрении Политбюро ЦК, приняли решение о массовой депортации казацкого населения из района восстания. По утверждению европейской прессы из Тихорецкой и других восставших станиц силами армейских подразделений было этапировано к железнодорожным платформам, а затем вывезено на Русский Север около 18 тыс. человек. Эта депортация начала декабря 1932 г. открыла трагическую череду последующих, уже «чекистских» по форме депортаций казаков, которые начались поголовным выселением казаков станицы Полтавской во второй половине декабря 1932 г.

Некоторые современные российские исследователи, живущие в самой несоциалистической из европейских стран, но озабоченные, тем не менее, сохранением сомнительной преемственности Российской Федерации от антиславянского монстра СССР, отказываются признавать факт Тихорецкого восстания казаков. В недавнем переиздании известной книги С.А. Кислицына утверждается, что это историческое событие «не подтверждено источниками ОГПУ», а документы по данной проблеме «не удалось обнаружить в советских архивах»[156]. Аргументацию С.А. Кислицына невозможно принять всерьез. Действительно, трудно ожидать подтверждения факта Тихорецкого восстания «источниками ОГПУ», когда сами эти «источники» остаются практически недоступными для независимых от современной российской «охранки» исследователей, поскольку являются частью засекреченных ведомственных архивов ФСБ.

О Тихорецком восстании казаков существует, тем не менее, несколько важных и, по-видимому, достоверных свидетельств. Одно из этих указаний можно смело отнести к разряду «источников ОГПУ», а его историографическое значение трудно переоценить. Это воспоминание о событиях на Кубани Александра Орлова — Лейбы Лазаревича Фельдбина, кадрового советского разведчика, старшего майора НКВД, значившегося в отделе кадров этой спецслужбы под именем Лев Лазаревич Никольский[157].

---

[155] *Дейневич А.* Преступлениям нет прощения! // Станица. Общеказачья газета. 1(34). Январь 2001. — С. 29.

[156] *Кислицын С.А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — С. 306–307.

[157] *Никольский Лев Лазаревич* — он же Орлов Александр Михайлович — он же Фельдбин Лейба Лазаревич (21.08.1895 — 25.03.1973). Кадровый сотрудник госбезопасности СССР. Нелегальный резидент ОГПУ во Франции, Австрии, Италии (1933–1937), резидент НКВД и советник Республиканского правительства по безопасности в Испании (1937–1938). Родился в Бобруйске, в ортодоксальной еврейской семье. С началом Гражданской войны вступил в РККА. В 1920–1921 гг. — сотрудник Архангельской ЧК, служил в качестве начальника следственно-розыскной части, особо уполномоченным по фильтрации белых офицеров, ссылаемых в концлагеря на Русский Север. По роду деятельности в этот период выполнял функции чекистского палача — организатора массовых убийств заключенных. В 1926 г. перешел на работу в Иностранный отдел ОГПУ. В дальнейшем являлся креатурой главы ИНО НКВД Абрама Слуцкого. В связи с тотальными чистками в НКВД, организованными наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым, решил не возвращаться в СССР. Из Испании через Францию и Канаду выехал в США. В дальнейшем Никольский-Орлов-Фельдбин проживал в США, где сотрудничал с ФБР и ЦРУ. Под псевдонимом Александр Орлов опубликовал в США книгу воспоминаний «Тайная история сталинских преступлений» (1953) и специальное руководство «Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны» (1962). Умер в Кливленде, штат Огайо.

В своей книге «Тайная история сталинских преступлений» Александр Орлов пишет: «Сопротивление крестьянства коллективизации поставило страну на грань экономической катастрофы. Сталин ответил массовыми репрессиями, которые, в свою очередь, вызвали в ряде областей настоящие восстания сельского населения. На Северном Кавказе и в некоторых областях Украины в их подавлении участвовали вооруженные силы, вплоть до военной авиации. <…> На том же Северном Кавказе одна из авиационных эскадрилий отказалась вылететь на подавление восставших казачьих станиц. Она была немедленно расформирована, а половина ее личного состава расстреляна. **Один из сталинских приспешников, Акулов, назначенный заместителем начальника ОГПУ, был вскоре снят, как не обеспечивший своевременной помощи со стороны ОГПУ одному из полков, попавшему в окружение: восставшее казацкое население расправилось с этим полком, не оставив в живых ни одного человека** [*выделено нами. — Н.Л.*]. Фриновский, начальник погранвойск ОГПУ, отвечавший за подавление восстаний и проведение карательных операций, докладывал на заседании Политбюро, что в реках Северного Кавказа плывут по течению сотни трупов — так велики были потери воинских подразделений»[158].

Сегодня уже невозможно установить достоверно: чьи именно трупы в массе плыли вниз по течению северокавказских рек? Были ли это трупы «героев-красноармейцев» из состава оккупационных войск ОГПУ? Или же, что более вероятно, — это были тела убитых в борьбе за национальную свободу казаков, тела расстрелянных советскими карателями станичников, их жен и детей. Осатаневшие от крови чекисты могли в этот период внесудебным порядком, с формулировкой «пособник контрреволюции», приговорить к расстрелу в принципе любого человека. Пока только одно кажется бесспорным: ожесточение боев под Тихорецкой было столь велико, что ни одна из противоборствующих сторон не брала врагов в плен живыми.

Примечательны и еще несколько совпадений, которые вряд ли могут быть случайными. Состав трофейного вооружения, отбитого у советских войск повстанцами Тихорецкой (по информации газеты «Вольное казачество»), — приблизительно соответствует составу вооружения одного полка ЧОН войск ОГПУ, об уничтожении которого пишет Орлов-Фельдбин. События на далекой казацкой периферии Советского Союза не являлись, конечно же, информационным мейнстримом для европейской прессы. Тем не менее, в разных государствах Европы, причем в разных, никак не связанных между собой изданиях почти одновременно появилась подробная информация о массовом восстании казацкого населения Тихорецкой и окружающих ее станиц Кубани. В свете указанных совпадений трудно согласиться с мнением С.А. Кислицына о том, что информация о Тихорецком восстании казаков является легендарной, сработанной за рубежом «оппозиционерами и эмигрантами».

Казацкое повстанческое стихотворение тех лет, которое никак не могло быть написано «эмигрантами», — боевое, внутренне оптимистическое, по-казацки дерзкое, — хорошо отражает духовную мотивацию казаков-повстанцев, твердо решивших, что лучше умереть свободными, чем жить рабами оккупационного Советского режима.

---

[158] *Орлов А.М.* Тайная история сталинских преступлений. — М.: Всемирное слово, 1991. Цит. по журн. публикации: Огонек. 1989. № 47. — С. 18. Слова Орлова-Фельдбина о множестве трупов в водах северокавказских рек подтверждает, по-видимому, специальная нота турецкого правительства, заявившего протест СССР по поводу загрязнения разлагающимися трупами пограничных с Турцией акваторий Черного моря. См. подробнее: *Заворотный С., Положевец П.* Операция ГОЛОД// Комсомольская правда. 1990. 3 февраля.

Гады презренные — красные черти,
Нас не смутите вы призраком смерти!
Местью и гневом пылают сердца,
Будем вести мы борьбу до конца!

Нас не пугают ни штык и ни пули,
Ни перед кем головы мы не гнули.
Созданы мы для борьбы и для боя,
Мы не выносим трусливого воя.

В наших рядах не заводится ссора,
Дружно идем мы под флагом террора.
В схватке кровавой полечь все мы рады
И у врагов мы не спросим пощады!

Нет такой силы на свете прекрасном,
Что показаться могла б нам ужасной.
Бодро шагай, веселее иди!
Оком в грядущее смело гляди!

Система «черных досок»: технология изощренного геноцида. В практических действиях ВКП(б) по принудительной аннигиляции казацкого народа особую роль выполнила система «черных досок» — комплекс изощренных, геноцидальных мероприятий административно-карательной машины СССР, направленный против казацкого населения.

Большевистский термин «черная доска» возник, по-видимому, в начале 1920-х годов, когда казацкие станицы, богатые украинские и великорусские села, а в Украине даже целые волости, население которых не выполняло продразверстку и сопротивлялось продотрядам, объявлялись «чернодосочными». В такие населенные пункты направлялись карательные отряды ВЧК и Красной Армии, оттуда брали заложников, а в некоторых случаях им объявлялась продовольственная блокада. В период Голодомора 1932—1933 гг. выражение «занести на черную доску» приобрело более общее репрессивное значение: фактически это означало потенциальную возможность применения к «чернодосочному» населенному пункту любых, даже самых жестоких репрессивно-террористических мер. На Юге России система «черных досок» применялась почти исключительно в отношении казацких станиц Кубани и Дона. Объявленная «чернодосочной» станица подвергалась блокаде войсками ОГПУ, из нее вывозились все продовольственные и промышленные товары, насильственными методами станичников принуждали немедленно выплатить все долги государству и потребкооперации, все жители станицы предупреждались о перспективе принудительного выселения за пределы Северо-Кавказского края.

Первыми на «черную доску» административно-карательного механизма ВКП(б) с подачи Лазаря Кагановича были занесены в начале ноября 1932 г. кубанские станицы Медведовская (Тимашевского района), Темиргоевская (Курганинского района) и Новорождественская (Тихорецкого района). Вряд ли когда-нибудь удастся однозначно ответить на вопрос: кто на самом деле — Каганович или Сталин — являлся автором идеи массового выселения

Бойцы войск ОГПУ конвоируют прибывшую партию «раскулаченных» спецпереселенцев в лагерь ГУЛАГа. Северный край (совр. Архангельская обл.). 1931 г.

казаков с родовых земель Присуда под предлогом «саботажа» хлебозаготовок. Известна, по крайней мере, личная резолюция Сталина, начертанная лидером ВКП(б) в конце октября 1932 г. на проекте решения о ликвидации «саботажа» хлебозаготовок: ***«Предупредить жителей станиц, занесенных на черную доску, о выселении»***[159]. В условиях абсолютной диктатуры Сталина, одной такой резолюции было более чем достаточно, чтобы идея о депортации казаков с Северного Кавказа немедленно перешла в плоскость практической реализации.

Расширение террористического масштаба «черной доски» происходило весь ноябрь и декабрь 1932 г.: 24 ноября бюро Северо-Кавказского крайкома, в заседании которого лично участвовал Л.М. Каганович, определило на «черную доску» еще две кубанские станицы — Полтавскую (Славянского района) и Незамаевскую (Павловского района). Уже через месяц, 26 декабря 1932 г., на «черную доску» попали еще шесть кубанских станиц и одна донская: Уманская (Павловского района), Урупская (Армавирского), Ладожская (Усть-Лабинского), Старо-Деревянковская (Каневского), Старо-Корсунская (Краснодарского), Ново-Деревянковская (Старо-Минского) и Мешковская (Верхне-Донского района). В канун Нового года — 31 декабря — большевистский Дед Мороз сделал казацкому народу

[159] *Осколков Е.Н., 1991.* Указ. соч. — С. 53.

еще один «подарок»: в число «чернодосочных» определили две кубанские станицы — Старо-Щербиновскую (Ейского района) и Платнировскую (Кореновского), а также одну из старейших верхнедонских станиц — Боковскую (Вёшенского раойона). **Таким образом, всего за два месяца работы комиссии Лазаря Кагановича вне закона были поставлены 15 крупнейших станиц с абсолютно преобладающим казацким населением (13 кубанских и 2 донских)**[160].

Депортацию казаков с Кубани краевая Советская власть и комиссия Кагановича начали со станицы Полтавской — одной из крупнейших и богатейших (до Гражданской войны) станиц бывшего Кубанского Войска. Вряд ли выбор именно этой станицы для старта широкомасштабного государственного террора против казацкого населения Кубани был случаен. Полтавская считалась у краевых властей «самой тяжелой, самой контрреволюционной». Именно такими словами, 2 ноября 1932 года, местные большевики охарактеризовали это казацкое поселение на первом краевом совещании комиссии Кагановича[161]. Как уже отмечалось выше, 24 ноября Полтавскую занесли на «черную доску». Однако путем запугивания станичников увеличить объем зерновых реквизий так и не удалось — к концу ноября план хлебозаготовок в Полтавской был выполнен только на 39,6%[162]. В то же время за ноябрь 1932 г. активисты Комсода нашли в станице около 250 потайных ям, из которых извлекли более 4000 пудов зерна.

К числу «преступных деяний» станичников краевые власти относили и факт отсутствия здесь пресловутой классовой борьбы: Полтавская была, по существу, моноэтничным казацким поселением и здесь никак не удавалось стравить «колхозников» с «единоличниками», или беспартийных колхозников с колхозниками-коммунистами — все станичники, в конечном счете, оставались казаками[163]. На решение о депортации казаков повлияла, бесспорно, и славная история этого населенного пункта. Полтавское куренное селение, основанное в 1794 г., являлось одним из первых сорока поселений запорожских казаков на Кубани, а его название было перенесено с одноименного куреня Запорожской Сечи. **Ликвидировать Полтавскую означало нанести глубочайшую психологическую рану всему казацкому народу, а особенно кубанским казакам — унизить их, запятнать их национальное достоинство несмываемым пятном.** Можно предположить, что и краевые власти, и лично Лазарь Каганович вполне отдавали себе отчет в том, что они делают…

14 декабря 1932 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР совместным решением приняли постановление «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». Постановление оказалось настолько жестким, даже по людоедским большевистским стандартам, что его не решились публиковать в открытой печати. В этой директиве, в частности, предписывалось ***«выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской (Северный Кавказ), как наиболее контрреволюционной, всех жителей, за исключением действительно преданных Советской власти…»***[164].

---

[160] Молот [газета, Ростов н/Д.]. 1932, 27 ноября, 27 декабря; 1933, 1 января.

[161] ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.1286. Л.89.

[162] Молот. 1932, 4 декабря.

[163] *Радин А., Шаумян Л.* За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в Северные края. (Брошюра Агитпропа). — Ростов н/Д., 1932. — С. 4–9.

[164] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.911. Л.42 об.

Нетрудно догадаться, что на административной территории Полтавской «действительно преданными» Советской власти оказались исключительно переселенческие коммуны, образованные прибывшими с севера демобилизованными красноармейцами и местными «иногородними» — коммуны «Имени Фрунзе», «Имени XI Октября» и сельхозартель «Имени 13 Жовтня». Поскольку станичный совет Полтавской был ликвидирован, а все его члены либо арестованы, либо депортированы за пределы Северо-Кавказского края, можно предположить, что ни один этнический казак в число «преданных Соввласти», по-видимому, не попал.

Практическое выполнение решения ЦК и Совнаркома о депортации казаков станицы Полтавской было возложено на Г.Г. Ягоду, Я.Б. Гамарника, Б.П. Шеболдаева и Е.Г. Евдокимова. В ведение последнего были переданы части внутренних войск и подразделения РККА, кроме того, для проведения данной «массовой операции» задействовали ведомственные подразделения ОГПУ на Северном Кавказе. Непосредственное руководство этой акцией геноцида осуществлял комендант Кабаев (судя по фамилии, — фигура явно неказацкого и даже неславянского происхождения). Ниже мы публикуем полный текст первого приказа этого палача.

ПРИКАЗ

коменданта станицы Полтавской Славянского района СКК

§ 1

Президиум Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета Совета 17-го декабря 1932 г. Постановил:

вследствие того, что станица Полтавская, занесенная на черную доску, несмотря на все принятые меры, продолжает злостно саботировать все хозяйственные мероприятия Советской власти и явно идет на поводу у кулаков —

Выслать всех жителей станицы Полтавской (единоличников и колхозников) из пределов края, за исключением граждан, доказавших на деле свою преданность Советской власти в гражданской войне и в борьбе с кулачеством.

За явное потакание кулацкому саботажу в севе и хлебозаготовках распустить совет станицы Полтавской.

Для проведения выселения, установления твердого революционного порядка в станице, обеспечивающего нормальный ход выселения, сохранения имущества, оставляемых построек, насаждений и средств производства — организовать комендатуру, руководящуюся в своих действиях особым положением. Комендантом станицы Полтавской назначен я.

Во исполнение настоящего постановления Президиума Крайисполкома и на основании предоставленных мне особых прав и полномочий:

ВОСПРЕЩАЕТСЯ:

а) ношение и хранение населением станицы всякого рода оружия, как огнестрельного, так и холодного, боеприпасов и предметов военного снаряжения без специального на то разрешения комендатуры. Все имеющееся и хранящееся во всех без исключения местах (в том числе спрятанное, зарытое и т. д.) оружие, боеприпасы и средства военного снаряжения сдать в 24-х часовой срок с момента объявления приказа в управление комендатуры;

б) всякий выезд из станицы не только коренным жителям станицы Полтавской, но и всем гражданам, находящимся на ее территории к моменту издания приказа, без особого на то разрешения комендатуры;

в) всякое движение на территории станицы с момента наступления темноты и до рассвета без особых на то пропусков, выдаваемых комендатурой;

г) всевозможные зрелища и собрания, как на улицах, так и в домах без особого на то разрешения комендатуры;

д) всякая торговля, как на базарах, улицах и площадках, так и в отдельных хозяйствах, шинкарствах и т. д.;

е) какая бы то ни была поломка, разбор и уничтожение всякого рода строений жилых и надворных, средств производства, насаждений и т. д.

§ 2

Предупреждаю население станицы, что к нарушителям настоящего приказа, а особенно к лицам, замеченным в антисоветской агитации, распространении провокационных слухов, сеянии паники, поломках и уничтожении имущества и средств производства, будут применены строжайшие меры взыскания как административного, так и судебного порядка вплоть до применения высшей меры социальной защиты — расстрела.

§ 3

Предупреждаю: семья, члены которой скрылись, будут выселены за пределы края вне зависимости явки или поимки их и главы семьи.

Главам семейств, скрывшимся из станицы до издания настоящего приказа, предлагается явиться в станицу в трехдневный срок, в противном случае они будут рассматриваться как враги Советской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

§ 4

Всех честных, преданных Советской власти рабочих, колхозников, коммунистов и комсомольцев, красных партизан, терчастей и красноармейские семьи призываю выполнять все указания Комендатуры в деле выполнения возложенных на нее задач.

«Комендант Кабаев»[165]

Массовые этнические чистки в казацких станицах Северного Кавказа. Через два дня после обнародования приказа коменданта Кабаева, 20 декабря 1932 г. Реввоенсовет Союза ССР за подписью заместителя наркома обороны М.Н. Тухачевского принял секретную директиву № 97299 о порядке вербовки, отбора и отправки демобилизуемых из РККА красноармейцев в Полтавскую и другие станицы, намеченные к депортации[166]. В этнополитическом аспекте директива № 97299 была специально ориентирована на заселение опустевших казацких станиц именно инонациональным, этнически неказацким контингентом: **в тексте документа четко указывалось, что уроженцы Северного Кавказа и Украины вербовке не подлежали.** По происхождению будущие переселенцы должны были происходить

---

[165] Цит. по: *Алексеенко И.И.* Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. — Краснодар, 1993. — С. 41—42.

[166] РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.613. Л.80—80 об.

из семей ***«добросовестных колхозников, хозяйства которых находятся на неудобных землях и в условиях малоземелья»***. Данному критерию со всей очевидностью соответствовали только уроженцы северных великорусских и белорусских деревень. В составе завербованных должно было быть не менее 40% «тщательно проверенных» членов и кандидатов в члены ВКП(б) и 20% комсомольцев.

В результате проведенной в РККА массовой вербовки необходимый контингент красноармейцев для заселения очищенных от казаков кубанских и ставропольских станиц был подготовлен и в централизованном порядке перевезен на Юг России. В частности, Московский военный округ (МВО) направил в регион Северного Кавказа — 4720 семейств переселенцев, Белорусский военный округ (БВО) выделил — 4714 семейств, Ленинградский (ЛВО) — 2486, Приволжский (ПриВО) — 1850. Не отставали в этом отношении и другие военные округа и территориальные формирования РККА, в частности, даже Среднеазиатский военный округ (САВО) отправил в далекую Кубань на казацкие земли — 905 семей переселенцев[167].

После поголовной депортации этнических казаков Полтавской, мятежную станицу переименовали в Красноармейскую. В принципе новое название отражало сущность произошедших здесь этнодемографических перемен — Красноармейская стала обычным русским поселком, переселенческий контингент которого по этническому происхождению не имел ни малейшего отношения к этническим казакам. Уже в начале января 1933 г. опустевшие казацкие курени бывшей Полтавской стали обживать прибывшие сюда переселенцы-колхозники и демобилизованные красноармейцы из Великороссии. Из Ленинградской и Московской областей, из Центрально-Черноземной области и Урала в станицу прибыло 1125 переселенцев[168]. К концу января 1933 г. их число достигло 2000[169]. Следует подчеркнуть, что в это время повсюду на Кубани, прежде всего среди казацкого населения, свирепствовал Голодомор — число ежедневно погибавших от глубокого голода людей исчислялось сотнями. Погибавшим коренным жителям Казацкого Присуда «народное» Советское государство категорически отказывалось помогать. **Однако, исключительные по уровню организации административные меры были предприняты Советским режимом для синхронного замещения вымирающего казацкого населения инонациональными переселенцами из Великороссии.**

Специальными эшелонами демобилизуемые красноармейцы свозились в уничтожаемую Полтавскую и в другие казацкие станицы буквально из всех уголков Русской равнины и даже с Урала. В одной из сводок Главного управления РККА указывалось, что в Полтавскую намечалось к отправке с территории ЛВО — 150 семей; в том числе, из Вятки — 78, из Вологды — 26. Белорусский военный округ (БВО) отправлял из Брянска 49 семей. С территории Приволжского военного округа к отправке в Полтавскую готовили 218 семей, для чего Казань и Пенза выделяли по 2 вагона, Сызрань — 4 вагона, Свердловск — 5, Балашов — 6. По МВО число завербованных семей русских переселенцев достигло цифры 380. Формировались также эшелоны в Саратове, Смоленске, в Бологое. В одном рапорте политуправления МВО указывалось, что большинство завербованных красноармейцев — выходцы из Центрально-

[167] *Ракачев В.Н.* Компенсационные миграции 1930-х гг. на Кубани и в Ставрополье// Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 2(12). — С. 61.

[168] Молот [газета, Ростов н/Д.]. 1933; 4, 6 января.

[169] ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.1305. Л.157.

Черноземной области, Московской и Уральской областей с семейным положением два и более членов семейств[170]. Н.С. Тархова в своей весьма информативной статье, написанной по материалам РГВА, сообщает, что к весне 1933 г. (т.е. в пиковый по уровню летальности период Голодомора!) в бывшей Полтавской находилось уже 2300 вновь образованных красноармейских хозяйств (семейств)[171]. Причем, подчеркивает исследователь, — «среди красноармейцев были и такие, которые перетащили сюда до 12 членов семьи»[172].

Напомним, что на рубеже 1932—1933 гг., несмотря на все более сильный голод в казацких станицах Дона и Кубани, административно-карательная машина Советского режима с прежней последовательностью и с невероятной, немыслимой ни в одном цивилизованном государстве XX века жестокостью продолжала так называемые «хлебозаготовки». Озверевшие чекисты и комсодовцы вырывали, подчас в буквальном смысле, последние зернышки хлеба из рук высохших, более похожих на ходячие трупики казацких ребятишек. На этом страшном фоне выглядело невероятным цинизмом — **как именно был организован переезд завербованных красноармейцев к будущему месту жительства в депортированных и вымерших казацких станицах.** Это перемещение лояльного большевикам этнополитического контингента Советский режим обеспечивал, по большевистским меркам, не просто хорошо, а даже изобильно.

Все вопросы, связанные с материальным снабжением переселяемых семейств, были на постоянном контроле у территориальных органов военного ведомства и ОГПУ. Семьям завербованных разрешалось везти с собой домашний скот, продукты, зерно, картофель, домашнюю утварь. Правда, большинству переселяющихся везти с собой было, по существу, нечего — уезжала на Кубань, в основном, крестьянская голытьба из нищих северорусских деревень. «Большинство едущих, — указывает Н.С. Тархова, — были малообеспеченные, неимущие, что предусматривалось условиями вербовки».

Красноармейская голытьба ехала на кубанский Юг, целенаправленно очищаемый Голодомором от коренных жителей, можно сказать, шикарно. В дороге на средства военного ведомства для красноармейцев-переселенцев было организовано бесплатное питание, а для их семей на узловых станциях по специальным (удешевленным) ценам готовились горячие обеды: «из 2-х блюд с мясным», «щи на мясном бульоне, шницель». (Н.С. Тархова отмечает, что такой обед стоил для переселенцев, например, на станции Бологое — 35 коп.; в Москве, за аналогичный набор блюд, нужно было заплатить — 1 руб. 35 коп.). «Советские дети» на узловых станциях получали манный суп и манную кашу на молоке со сливочным маслом. Советское государство, вымаривая на территории Присуда до смерти детей-казачат, одновременно отнюдь не скупилось на снабжение детей переселенцев. В пути детям красноармейцев выдавалось: 1 кг конфет, 100 г масла животного, 1 кг печенья, 1 кг белого хлеба, 1 литр молока[173]. Мясные щи, шницель, молочная каша с маслом, конфеты — эти

---

[170] РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.613. Л.9, 21, 25, 31.

[171] Докладная записка начальника Политуправления СКВО С.И. Кожевникова начальнику ПУ РККА Я.Б. Гамарнику о настроениях и работе красноармейцев-переселенцев [Текст]// Родная Кубань. 2002. № 3. — С. 118.

[172] *Тархова Н.С.* Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932/1933 г. (по материалам РГВА)// Голос минувшего: кубанский исторический журнал. — http://journal.hist.kubsu.ru/2009/01/27/uchastie-krasnojj-armii-v-zaselenii.html.

[173] РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.613. Л.29, 87.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Красноармейская ЗВЕЗДА

Выездная редакция красноармейской газеты партбюро ВКП(б) №-ского полка
СТ. ПОЛТАВСКАЯ
Красная 69.

2 января 1933 года № 1

В ПОЗОРНОЙ СТАНИЦЕ СОЗДАТЬ большевистские, урожайные КОЛХОЗЫ

Ломая саботаж, организованный врагами, превратить Полтавскую, в станиц цветущего социалистического земледелия.

Земля на кубани—сама ро-
дит. При удовлетворительной
обработке, с гектара земли,
озимая пшеница даст урожай
120—150 пудов. Кукуруза—
180—240 пудов.
Но в станице Полтавской,
на плодородном черноземе, в
прошлом году погибли, заро-
сли бурьянами, три тысячи

пор" за явный саботаж сева и
за злостное не выполнение
обязательств перед государ-
ством. В 1932 году, 24 ноября,
станицу Полтавскую занесли
на черную доску сделав ей по-
следнее предупреждение. Из
станицы вывезли товары.
—„Мы прямо опубликовали,
—говорил секретарь Сев.-Кав.

Теперь колхозы станицы ра
пущены. Саботажники, пара
зиты высланы из Полтавской
Сегодня плодородная, чер
ноземная земля передана кол
хозникам — демобилизованны
красноармейцам. Сегодня он
хозяева станицы. И сегодня
они должны начать большев
истскую работу по созданию

«В позорной станице создать большевистские, урожайные колхозы!» Агитационный листок выездной редакции газеты «Красноармейская Звезда». 2 января 1933 г.

продукты даже во сне не могли увидеть умирающие казацкие ребятишки! Несколько лет подряд их методично приучали «хлебозаготовками» только к краюхе из кукурузного суррогата и «чаю» из свекольной ботвы…

Переселенцы принесли с собой на родовые земли казацкого народа совершенно иное этнополитическое мировоззрение, другие традиции, культуру, бытовые привычки. Те элементы этнической и бытовой традиции, которые представляли для этнических казаков безусловную ценность, не имели ровным счетом никакого значения для денационализированных советских «манкуртов», задаром присвоивших достояние многих поколений народа-воина. Небольшая выдержка из письма переселенца из Великороссии убедительно показывает, **что именно представляло для этой категории людей подлинную ценность** в обживаемых ими казацких усадьбах: ***«Квартира хорошая, огород большой, очень хорошие сады. В избе*** [казацкий курень по-русски назван избой. — Н.Л.] ***у нас есть русская печь, топим дубовыми дровами.*** <…> ***В нашем доме было оставлено 3 стола, кровать деревянная, комод для белья, шкафчик для посуды,*** <…> ***хорошая собака, кошка, скамеек 4 штуки — не такие, как у нас, а лучше много раз. А богов и икон так много*** [оставлено], ***что теперь печки топим*** [N.B.! — Н.Л.]»[174].

Вербованные красноармейцы вели себя в депортированных и вымирающих казацких станицах как неумолимые победители, демонстрируя максимальную степень ненависти и

[174] РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.613. Л.47.

пренебрежения к «казацкому кулачью». В письмах на родной север они не скрывали желания ***«помочь Советской власти окончательно рассчитаться с белозелеными недобитками»*** на Северном Кавказе. ***«Нам рассказали, что кулаки разложили колхозы,*** — писал родственникам в начале 1933 года один из переселенцев. — ***Мы будем зорко глядеть, там еще кое-где в дырках засели кулаки — всех повытравим»; «Мы знаем колхозную работу. До Красной армии тоже в колхозе были. Знаем поганую работу кулака. Нас не возьмешь просто, мы кое-чему научились еще и в Красной армии…»***[175]. Обживая под охраной войск ОГПУ родовые гнезда этнических казаков, красноармейцы на новом месте сразу же стали устанавливать исключительно советские порядки, с вызовом демонстрируя все свое презрение к исконным казацким традициям. Так, например, в нарочито хамоватой манере вербованные потребовали ***«немедленно закрыть все церкви в бывшей станице Полтавской»***. Одновременно, понукаемые к этому краевыми структурами ВКП(б), они подали ожидаемое властями ходатайство о переименовании станицы ***«в село Красноармейское»***[176].

Историк И.М. Федина характеризуя негативное влияние вербованных переселенцев на казацкую этнокультурную традицию Кубани подчеркивает: «Переселение красноармейцев стало важным рычагом администрирования в репрессивной политике Советской власти против казачества. Красноармейцы исполнили роль культуртрегеров в социальном преобразовании казачьего уклада кубанских станиц, насильственно распространяли советскую культуру [*псевдокультуру? — Н.Л.*], коммунистическое мировоззрение, в результате чего произошла «сшибка» с казачеством, завершившаяся, увы, не в пользу последнего»[177].

«Иногородние» эпохи СССР с готовностью усматривали «доброго царя» в мрачной фигуре непобедимого и, конечно, безгрешного товарища Сталина, а за даровое приобретение плодородной казацкой земли и добротных домов они с охотой были готовы ***«доказывать на деле свою преданность Советской власти»***. В архиве РГВА сохранилось письмо красноармейца, который, судя по тексту документа, прибыл в Полтавскую в числе первой партии переселенцев и успел принять посильное участие в репрессивных акциях против коренных жителей станицы. ***«Сейчас станицу никак не отличишь от 17–18 годов — аресты, ссылки, обыски,*** — со знанием дела писал родственникам переселенец. — ***Это началось с того, что казачество, большинство зажиточное, из этой станицы во время революции было оплотом белозеленых банд, и они, т.е. кулачье, взяли в свои лапы власть Советов и партийную организацию, объявили бойкот Советской власти — все виды заготовок выполнены на 7%. Пшеница, которую сняли для того, чтобы не сдавать, ссыпали в колодцы, зарывали в землю. В общем, полная контрреволюция. Вот партия нас послала, как коммунистов, для ликвидации и устранения этого саботажа. Мы за несколько дней нашли 475 ям с пшеницей, отобрали 1280 сабель, 50 пик, около 200 винтовок, 700 наганов и десятки ящиков патронов различных систем. За это станицу выслали на Соловки — 2250 семей, или 12.500 чел., порядочное количество казаков уже расстреляли, и много еще подлежит расстрелу…»***[178].

---

[175] РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.613. Л.12.

[176] ЦДНИКК. Ф.1863. Оп.1. Д.92. Л.7–8.

[177] *Федина И.М.* Красноармейцы-переселенцы как культуртрегеры в кубанских станицах 1930-х годов// Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Восьмой Кубанско-Терской научно-практической конференции/ Под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. — Армавир: ИП Шурыгин, 2012. См. электронная версия: http://kubankazak.livejornal.com/40737.html.

[178] РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.613. Л.46.

«Бей точно в цель!» Фрагмент агитационного ведомственного плаката ОГПУ. Начало 1930-х

В письме обращает на себя внимание глубокая убежденность новоявленного «иногороднего» в целесообразности политики террора против коренного казацкого населения Кубани — очевидно, что армейские комиссары и политруки с энтузиазмом занимались «промывкой мозгов» переселенческому контингенту. Переселенцы, прибыв на территорию Северного Кавказа, в обязательном порядке должны были ознакомиться с шовинистической, открыто разжигающей ненависть к казакам брошюрой А. Радина и Л. Шаумяна «За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в Северные края». Со страниц этого незатейливого образчика советского агитпропа режим ВКП(б) недвусмысленно грозил казацкому населению края дальнейшими карами: ***«Районы Кубани позорно отстали в хлебозаготовках. <…> А в станице Полтавской мы имеем, по существу, контрреволюционное выступление против советской власти. <…> Вот причины, которые привели к тому, что жители Полтавской сурово наказаны советской властью — выселяются с кубанского черноземa за пределы края. Над этими причинами обязаны призадуматься жители и ряда других районов и станиц Северо-Кавказского края. <…> Кубань должна быть очищена от контрреволюционного кулачья и его пособников. Кубань должна быть и будет очагом цветущего социалистического земледелия. Кто не пожелает этого — будет убран с дороги»***[179].

В период Голодомора в местной партийной печати Северо-Кавказского края в смысловом ключе «кто не с нами, тот против нас» выходило множество публикаций. Газеты пестрели заголовками, обличающими орудующие в станицах «контрреволюционные элементы», которыми, как было понятно каждому современнику, являлись поголовно все казаки: «В станице Медведовской орудовал враг», «Лишить паразитов приусадебных земель», «Кулаки, белогвардейцы, лодыри — вот кто хозяйничал в Старокорсунской», «Добьем врага» и др[180].

Чекисты ОГПУ, в отличие от советских журналистов, «добивали врага» не фигурально, «красным словцом», а, говоря их ведомственным сленгом, — «чисто конкретно», т.е. средствами боевого поражения. Краевед С.М. Сынча на основе архивных материалов ЗАГС по Кореновскому району Краснодарского края установила, что, при проведении

[179] *Радин А., Шаумян Л.* За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в Северные края. (Брошюра Агитпропа). — Ростов н/Д., 1932. — С. 4–9.

[180] *Ракачев В.Н., 2012*. Указ соч. — С. 61.

«массовой операции» ОГПУ по депортации казаков «чернодосочных» станиц, только в одной станице Платнировской в конце марта 1933 года по Постановлению КПТ (крайполиттройка) были расстреляны «за контрреволюционную деятельность» 25 казаков. Согласно справкам о смерти, найденным С.М. Сынчой, 31 марта 1933 г. в Платнировской от рук чекистских палачей погибли:

Белаш Иван Терентьевич,
Вовк Андрей Климович,
Гарькуша Михаил Михайлович,
Господинько Василий Петрович,
Гострый Григорий Андреевич,
Дужак Василий Павлович,
Кисиль Иван Иванович,
Козицкий Сергей Илларионович,
Кононенко Николай Фомич,
Матирный Прокофий Аксенович,
Моренко Федор Емельянович,
Павлоградский Исаак Федорович,
Пархоменко Иван Павлович,
Руденко Андрей Васильевич,
Садиловский Карп Константинович,
Сайко Вакул Афиногенович,
Сало Иван Степанович,
Стовба Андрей Павлович,
Стороженко Иван Михайлович,
Талаш Иван Михайлович,
Талаш Стефан Михайлович,
Трофименко Кузьма Елизарович,
Шагай Петр Семенович,
Шпак Никита Лукьянович,
Ярошенко Лука Иванович.

Приблизительно в этот же период 1933 года на хуторе Казаче-Малеванном были расстреляны этнические казаки:

Воропай Антон Никифорович, 34 лет
Зозуля Сергей Иванович, 57 лет
Титаренко Иван Константинович, 39 лет.

В качестве комментария к приведенному выше страшному списку расстрелянных казаков, С.М. Сынча пишет: «Роща в станице Платнировской была превращена в концлагерь. В этом месте от чудовищного содержания и нечеловеческого обращения многие из арестованных приняли свою кончину, не дождавшись высылки. Приговоренных к расстрелу платнировцев расстреливали в балке по дороге в сторону станицы Кореновской. Нет полных данных о количестве умерших и депортированных во время голода и геноцида на Кубани. Никогда мы не узнаем точного количества кубанцев, отправленных в ссылки

Иван Гутор, полный Георгиевский кавалер, вахмистр 2-го Уманского полка 1-й Кубанской казачьей дивизии, уроженец станицы Незамаевской Ейского отдела ККВ. 1915 г. Советский режим депортировал все казацкое население Незамаевской в северные регионы России. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

и не вернувшихся оттуда, расстрелянных на месте в своих станицах и умерших в разных тюрьмах в 20—37-е годы»[181].

Казаки станицы Полтавской поднялись на большевистскую Голгофу первыми. За ними скоро последовали казацкие побратимы из других станиц Кубани, Дона и даже Ставрополья. В конце декабря 1932 г. краевыми властями, с одобрения ЦК ВКП(б), было принято решение о депортации другого «рассадника контрреволюции» — станицы Медведовской Тимашевского района СКК. Сюда, чтобы лично поглумиться над горем станичников, приезжал сам Лазарь Каганович. По свидетельству очевидцев, старики-станичники, плюясь через левое плечо, решили встретить Кагановича хлебом-солью. Сталинский палач — любитель хамского артистизма — с перекошенным от злобы лицом подошел к делегации стариков, грубо оттолкнул поднесенный ему хлеб и завопил: «Саботажники!»[182] Вслед за этой дешевой сценой произошло блокирование Медведовской войсками ОГПУ, с последующей массовой депортацией казацкого населения станицы. Всего из Медведовской было выселено 888 хозяйств (семейств) или 4018 этнических казаков (всех половозрастных групп). Сохранились списки, в которых большевистские каратели подробно расписали социальный состав выселяемых жертв «народного» Советского государства. В числе депортированных оказались 714 кулаков, 170 середняков и 4 бедняка. Весьма четко, демонстрируя невероятный уровень злобной фантазии, инонациональные каратели расписали политическое прошлое (т.е. неизбывную «вину» перед Советским режимом) выселяемых казаков. Среди них оказалось: белых офицеров — 2 человека; «палачей» — 17 чел.; «белобандитов» — 60; родственников репрессированных — 387; родственников белогвардейцев — 100; репатриантов (вот и встретила, наконец, «родина»!) — 8 человек; «карателей» — 30; имеющих родственников за границей — 28; служивших у белых — 256 чел.

---

[181] *Сынча (Форсова) С.М.* Уроки невыдуманной истории. Голод 1932–1933 гг. Списки жертв голода 1932–1933 годов по Кореновскому району Краснодарского края. — Краснодар: Экоинвест, 2009. — С. 7, 9.

[182] *Алексеенко И.И., 1993.* Указ. соч. — С. 43.

Одновременно с массовой депортацией мирного казацкого населения, органы ОГПУ с ноября 1932 по март 1933 г. «изъяли» (арестовали) в Медведовской 1013 казаков. Из этих арестованных краевая «политтройка» и сессия крайсуда приговорили к высшей мере (расстрелу) 158 казаков; остальные арестованные получили, в основном, — по 10 лет концлагерей, т.е. были приговорены, по большому счету, к смертной казни «в рассрочку». По социальному положению и политическому прошлому советские палачи распределили арестованных жителей Медведовской так: кулаки — 621 чел.; середняки — 190 чел.; бедняки — 15; служащие — 33; интеллигенты — 6; белые офицеры — 8; репатрианты — 8; «палачи» — 25; «каратели» — 87; «бандиты» — 142; имеющие родственников за границей — 35; родственники репрессированных — 283; служившие у белых — 277 человек[183].

7 января 1933 г. крайком ВКП(б) решил выселить всех жителей станицы Урупской (Армавирский район), распустить здесь парторганизацию и станичный совет. 10 января последовало решение о депортации 1200 хозяйств (более 6 тыс. человек) единоличников и колхозников станицы Уманской (Павловский район). Чудом сохранившийся в Ростовском партийном архиве ВКП(б)-КПСС документ позволил установить, что массовые депортации казаков были произведены также из станиц Незамаевской, Ново-Рождественской, Платнировской, Бейсугской и Пластуновской (было выселено не менее 10 тыс. человек)[184]. Из вышеуказанных населенных пунктов этнические казаки были депортированы практически поголовно. Значительные выборочные выселения коснулись, по-видимому, всех кубанских станиц (в первую очередь, «чернодосочных») — из них «изымались» наиболее состоятельные и активные, уважаемые среди станичников казацкие семейства. Наиболее массово депортировались этнические казаки из Воронежской, Гривенской, Бесскорбной, а также из большинства станиц горной части Кубани, несмотря на то, что официально система «черных досок» эти населенные пункты миновала. Кубанский историк И.И. Алексеенко подчеркивает, что спецвойсками ОГПУ при массовых депортациях изымалось, прежде всего, казацкое население — «менее послушное и более независимое»[185].

К середине февраля 1933 г., в одних только в «чернодосочных» станицах во владение насильственно изъятым у депортированных казаков имуществом (дома, тягловый и молочный скот, сельхозинвентарь, бытовая утварь) вступило не менее 50 тысяч переселенцев, прибывших на Северный Кавказ из других регионов РСФСР и Белоруссии, в том числе около 20 тыс. демобилизованных красноармейцев с семьями[186].

Известный исследователь Голодомора Е.Н. Осколков обратил внимание на примечательную деталь в организации депортаций «чернодосочных» станиц на Кубани. Выбор этих коллективных жертв политики геноцида вряд ли был случаен, считает исследователь. Депортированные станицы образовывали на территории Кубани своего рода «треугольник террора», который рассекал как центр, так и фланги казацких земель бывшего Кубанского Войска, причем вершина этого «треугольника» указывала на север — направление, по которому

---

[183] РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.613. Л.143.

[184] ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.1249. Л.8; Молот [газета, Ростов н/Д.]. 1933, 8, 13 января. См. также: *Осколков Е.Н., 1991.* Указ. соч. — С. 55–56.

[185] *Алексеенко И.И., 1993.* Указ. соч. — С. 44.

[186] ГАРО. Ф.7. Оп.1. Д.1307. Л.106. См также: *Шеболдаев Б.П.* Доклад на Первой краевой Азово-Черноморской партконференции 19 января 1934. — Ростов н/Д., 1934. — С. 11.

вывозились на невероятные страдания, каторжную работу и смерть десятки тысяч семей этнических казаков. Е.Н. Осколков, в частности, пишет: «Глядя на карту Краснодарского края, невольно обращаешь внимание на то, что станицы, население которых было выслано в конце 1932—начале 1933 г., расположены в весьма определенном порядке: Красноармейская (Полтавская) в центре западных районов края, Медведовскую окружают районы, расположенные в центральной части края, к Ленинградской (Уманской) примыкает группа северных районов, а к Советской (Урупской) — юго-восточные районы края. И возникают вопросы: **действительно ли эти станицы были наиболее «злостно саботирующими» хлебозаготовки? Не было ли выселение населения этих станиц акциями устрашения колхозников и единоличников прилегавших районов? Не стремились ли организаторы массового переселения жителей казачьих станиц показать таким образом — к чему приводит неповиновение Советской власти?** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[187]

Специфический выбор «чернодосочных» станиц для показательных тотальных депортаций — это, разумеется, не случайность. В первой половине 1930-х гг. одной из важнейших целей большевиков на землях Присуда стал жестокий надлом витальных сил остающегося в крае казацкого населения, своего рода духовная «кастрация» этнопсихологического менталитета казаков. Страшная эффективность преступной антиказацкой политики лидеров ВКП(б) во многом основывалась на их способности рационально использовать в борьбе с нелояльным населением не только грубую вооруженную силу, но и средства идеологического, психологического террора.

Полные сведения о числе депортированных казаков Северного Кавказа еще предстоит выяснить. Сделать это корректно, на приемлемом научном уровне можно будет только после полного рассекречивания соответствующих материалов Центрального архива ФСБ и региональных архивов этой же организации, — в том случае, если документы геноцида не были (или не будут) тайно уничтожены. **По предварительным подсчетам профессора Е.Н. Осколкова из станиц Полтавской, Медведовской, Урупской, Уманской, Ново-Рождественской, Платнировской, Бейсугской и Пластуновской только за два месяца (декабрь 1932 — январь 1933) было депортировано не менее 63,5 тыс. человек. В целом же по Северо-Кавказскому краю общее число депортированных составило на конец января 1933 года, по-видимому, не менее 100 тыс. человек.** Именно о таком числе арестованных станичников, томящихся в тюрьмах и концлагерях края, сообщал в своей телеграмме в ЦК ВКП(б) 24 января 1933 г. первый секретарь крайкома Борис Шеболдаев[188].

Подчеркнем красной линией: с позиций квалификационных критериев международного права — одновременный процесс массовой депортации репрессируемого населения из родных мест с компенсационным перемещением на освободившуюся от «изгоев» территорию инонационального элемента, полностью лояльного данной государственной системе, — является аксиоматически точным признаком массовой этнической чистки, т.е. события геноцида. Ниже, рассматривая катастрофические демографические последствия Голодомора, мы будем еще иметь возможность для более

[187] См. подробнее: *Осколков Е.Н., 1991.* Указ. соч. — С. 56—57.

[188] *Осколков Е.Н., 1991.* Указ. соч. — С. 51. Телеграмму обнаружил в одном из советских архивов историк Ю.А. Мошков.

Сотрудник ОГПУ (в центре, в кожаном пальто) и активисты Комсода наблюдают за погрузкой на телеги домашнего скарба выселяемых из своего дома «кулаков». Верхний Дон. 1928 г.

детальной оценки преступной «массовой операции» Советского режима по насильственному замещению коренного казацкого населения Северного Кавказа.

Массовые депортации казаков как преступление геноцида. Депортация казаков с родовых земель их пращуров осуществлялась самыми жестокими и циничными, в буквальном смысле — зверскими методами, для обозначения которых даже словосочетание «методы оккупантов» кажется слишком мягким. Сохранились сотни воспоминаний очевидцев о том, как сатанински беспощадно действовала по отношению к мирному казацкому населению административно-карательная машина Советского государства.

Вот, например, как запомнились страшные события рубежа 1932—1933 гг. этническому казаку Фоменко Николаю Ивановичу:

«Я сын репрессированных казаков. Жили мы в станице Кореновской, и однажды пришла в наш дом беда. Приехали какие-то люди на телеге, забрали все, что было в доме: посуду, швейную машинку мамы и даже мои детские игрушки. Родителей арестовали, посадили на ту же телегу и увезли.

Мне было тогда лет пять. Я не понимал, что происходит. Телега ехала по улице, а я бежал за ней и кричал: «Балалаечку отдайте, отдайте балалаечку». Это была новая игрушка, которую купили мне родители, она мне очень нравилась. Я бежал за телегой, наверное, целый квартал, потом споткнулся и упал прямо в землю лицом. Телега скрылась за углом, и больше никогда в жизни я не увидел своих родителей.

Я ищу их всю жизнь. Пишу во все архивы, но отовсюду один ответ: «Нет сведений». Мне хотя бы знать — где они похоронены, куда их увезли»[189].

[189] Рассказ Н.И. Фоменко записан кубанским краеведом С.М. Сынча (Форсовой). См. подробнее: *Сынча (Форсова) С.М., 2009*. Указ. соч. — С. 14.

Сельскому учителю кубанской станицы Новодеревянковской Петру Андрюнкину (1913 г.р.) в период Голодомора шел уже 21-й год, поэтому его рассказ о том, как Советский режим целенаправленно уничтожал казацкое население Кубани, содержит гораздо больше подробностей:

«...Объявили, что в Новодеревянковской зреет контрреволюция, занесли станицу на «черную доску». Был поднят Ейский полк: оцепили всю станицу, — ни въехать, ни выехать. Зерно из станицы вывезли все подчистую — прямо в поле, на ток, и пшеницу, и кукурузу. Оно потом все так в кучах и погибло на земле.

По дворам ходили солдаты, всех сгоняли, якобы на работу в колхоз — зимой, прямо в чем попало, не разрешали одеваться. А специальная комиссия из актива в это время ходила по дворам, отбирала у казаков все съестное — гарбузы, буряки, даже пшеничку из стаканчика, куда свечку ставили, выливали даже масло из лампадок перед иконами. Варенья, соленья выносили во двор, разбивали и разливали — там все и замерзало. Отбирали даже узелки с горохом и фасолью, что были отложены на весеннюю посадку.

И не дай Бог, найдут у кого старые фотографии с казаками — сразу забирали того человека. Ага, говорят, так ты ждешь казачью власть, атаманы чтоб вернулись; тебе не нравится Советская власть! Так бабушка наши все фотографии семейные из сундука взяла и закопала где-то в саду. А потом от голода и умерла. Другие старики велели родным хоронить себя вместе с дорогими фотографиями на груди...

Люди мерли как мухи. Команда ходила, собирала трупы — кого в рядюжке, кого так свозили в яму, засыпали землей. А кто своих прямо во дворах хоронил. <...> Около двадцати тысяч было в станице. Осталось в живых — меньше восьми»[190].

В квазипатриотической литературе зачастую можно обнаружить утверждение, что чудовищную жестокость по отношению к казацкому населению Юга России практически повсеместно проявляли советские функционеры еврейского, латышского, мадьярского, даже китайского происхождения. Действительно, на первый взгляд, среди армейских начальников, среди видных партийных эмиссаров, а особенно среди сотрудников аппарата ВЧК-ОГПУ, — функционеры с еврейскими, латышскими и другими неславянскими фамилиями в 1920-1930-е годы были обычным явлением. Однако, при ближайшем рассмотрении, в этих списках «зверей в человеческом образе» на несколько порядков больше оказывается аксиоматично славянских фамилий. Агрессивные, денационализированные, почти всегда малограмотные, страшно озлобленные на казаков, очень исполнительные «холопы» товарища Сталина — они всегда были готовы выполнить любой, самый преступный приказ нового «доброго царя».

Вот, в качестве иллюстрации этого скорбного факта, фрагмент воспоминаний комсомольского вожака станицы Старо-Щербиновской, этнического казака Ильи Вариводы (1908 г.р.):

«С 1932 года я руководил бюро комсомольской ячейки. 12 секретарей у меня было колхозных и 415 комсомольцев.

В 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о создании при МТС политотделов. А все такие постановления мы прорабатывали. Вот собрались в нардоме, вдруг

---

[190] *Андрюнкин П.М.* Люди мерли, как мухи... // Станица. Общеказачья газета. № 1(34). Январь 2001. — С. 29.

открывается дверь и входят четыре человека. Представительный мужчина в зелёной английского сукна шинели с каракулевым воротником и в серой высокой каракулевой шапке, как генерал, другой просто в шинели и фуражке, третий — низенький в чекистской форме и фуражке НКВД, а четвёртый — молодой парень в чёрном пальтишке и кепочке.

«Генерал» обратился ко мне: «Так, чем занимаетесь?» Я ответил, что изучаем партийное постановление. Он поднял палец: «Во! То, что нужно. Так вот, я — начальник политотдела Зайцев, а это мои заместители: майор Никипелов — зам. по партийной линии, оперуполномоченный Прокофьев и Герасимов Александр — зам. по комсомольской линии. С завтрашнего дня начинаем ломать саботаж!» <...>

А какой саботаж? План хлебозаготовок был выполнен, всё сдали! За день поисков нашли в скирде один мешок пшеницы. Нашли! Вот это Зайцеву и было надо. Станица была объявлена вне закона, сельсовет распущен, всем руководил комендант. Окружили кавалерией — ни зайти, ни выйти, а в самой станице на углах пехотинцы: кто выходил после 9 часов вечера — тех стреляли без разговору.

Закрыли все магазины, из них всё вывезли, до последнего гвоздя. Для политотдела был особый магазин, там они получали сахар, вино, крупы, колбасу. Три раза на день их кормили в столовой с белым хлебом. А таких, как я, активистов, тоже три раза на день кормили, но хлеб давали не белый, а пополам с макухой. Хлеба давали 500 г., я ещё матери носил.

Люди приходили к столовой, тут же падали, умирали, лежат опухшие. А политотдельцы проходят и не обращают внимания, как будто это скот, а не человек.

Варивода Овдий был назначен старшим по сбору трупов. Дали 10 арб, коров [массовый падеж лошадей и быков заставлял использовать коров, как тягловую силу. — Н.Л.]. *И он собирал; ехал всегда по улице Ленина и непременно останавливался у дома политотдела, будто что поломалось, чтоб Зайцев посмотрел, и у здания сельского совета, чтобы подоить коров. Такую картину я ежедневно наблюдал из окна кабинета коменданта станицы.*

Трудно описать, как мы реагировали на этих «врагов народа». До нитки голые, как попало набросанные на арбы — кто висел через драбины головой вниз, у кого руки висели до земли, кто одну или обе ноги задрал вверх — окоченелые, они совершали последний путь на цэгэльню, на Бакай.

Там был раньше кирпичный завод, и глину брали из карьера. Бросали всех в эту братскую могилу. Возраст их был от младенцев, знавших только соску, до бородачей. Мужчин было больше. Бросали людей и живых ещё, но таких, что уже всё равно дойдут, умрут.

Ночью Зайцев вызывал к себе председателей колхозов. Меня всегда выгонял из комнаты, говорил: «Иди лучше девок пощупай!» А я был любопытный, молодой тогда — под окно, да подслушиваю, — не понимал, что он мог меня запросто застрелить. Вызовет Зайцев председателей колхозов и спрашивает:

— У тебя сегодня сколько сдохло?

— 70 человек.

— Мало! А у тебя?

Огромная арба, заполненная до верха телами погибших от голода людей. На заднем плане, в папахе — станичный «трупповоз». Царицынская губерния (территория бывшего Войска Донского). Осень 1921 г.

— 50 человек.

— Мало!!

Слушаю за окном и не могу поверить. Волосы дыбом встают! <...>

В 34-м году Зайцева забрали. Оказался и он «врагом народа». А в станице из 18 тысяч осталось пять с половиной или шесть с половиной тысяч людей. Остальные — больше 10 тысяч — вымерли. Сейчас рассказываю, — так не верят. Бывает, кто постарше, ещё говорят: так то ж были враги народа. А как может быть врагом народа ребёнок? Зайдёшь в хату, а там лежат человек пятнадцать детей — пухлые, мёртвые — семьи тогда были большие...»[191].

Ветеран А.А. Губенко, впоследствии строитель «Ростсельмаша», а в 1932—1933 гг. военнослужащий, сообщил историку И.И. Алексеенко о том, каким невероятно жестоким способом, явно рассчитанном на значительные летальные потери среди выселяемых, осуществлялась депортация казацкого населения кубанской станицы Незамаевской. А.А. Губенко был непосредственным участником этих событий.

Семьи выселяемых казаков привозили на подводах на станцию Ровную. Уже на этом этапе некоторые люди умерли. Затем всех казаков — мужчин, женщин, детей, стариков — погрузили в три эшелона, набивая людей в товарные вагоны «как дрова» — вплотную друг

[191] *Варивода И.Д.* И я мог стать «врагом народа» // Станица. Общеказачья газета. № 1(34). Январь 2001. — С. 30.

к другу. Двери вагонов плотно закрыли, поэтому, когда довезли казаков до узловой станции Батайск (уже на территории бывшего Войска Донского) — скученность людей, духота и антисанитарные условия сделали свое дело: в «скотских вагонах» живые люди перемешались с мертвыми. В Батайске трупы умерших людей куда-то вывезли, а оставшихся в живых дезинфицировали химическими реагентами.

Неожиданно в одном из вагонов казаки, прощаясь с родной землей, во весь голос запели гимн Кубанского Войска: «Ты Кубань, ты наша Родина!» Песню немедленно подхватили в других вагонах этого эшелона. Среди сотрудников ОГПУ, ехавших с эшелонами в отряде сопровождения, песня казаков вызвала яростную реакцию. Под угрозой применить пулеметы чекисты потребовали прекратить пение. Однако, среди конвоя оказалось шесть человек родом с Кубани, казаков по происхождению. Они выразили сочувствие землякам и свое возмущение относительно попытки расстрела депортируемых. Возникла сумятица — все стороны возникшего конфликта не знали, как следует поступить. Об инциденте сообщили по телефону Лазарю Кагановичу. Ответ поступил мгновенно: расстрелять всех возмущавшихся, включая красноармейцев-казаков, всех оставшихся в эшелонах направить на север Западной Сибири, в район Тобольска[192].

Зимние холода, заледеневшие со сквозняками товарные вагоны, скученность, отсутствие элементарных санитарных условий, полное отсутствие минимально необходимого питания, издевательские дезинфекции, когда ослабленных от хронического голодания, замерзших людей обливали на морозе дезинфицирующими растворами — все эти факторы превращали эшелоны с депортируемыми казаками в настоящие «фабрики смерти». **По масштабам уничтожения ослабленных голодом выселенцев, в первую очередь — пожилых людей и малолетних детей, сталинские эшелоны смерти вполне могут быть сопоставимы с нацистскими Gaswagen — автомобилями-душегубками**[193].

Историк С.В. Наумов в исследовательском очерке, посвященном Голодомору, приводит воспоминания железнодорожника, работавшего в начале 30-х годов на железнодорожных ветках, по которым с Кубани и Дона вывозились депортированные казацкие семьи. *«...Много раз из проходящих вагонов нам выбрасывали свертки*, — с неизбывным ужасом сообщал путеец. — *В них были детские трупы. Мы разворачивали их, доставали записки, очень схожие по содержанию: «Ради Бога, предайте земле раба божьего...» и имя. И мы хоронили вдоль железнодорожного полотна этих самых «кулаков», «рабов божьих»: Мишек, Дашек, Иванов — грудных и годовалых, русых и чернявых...»*[194].

Уже упомянутый нами старший майор госбезопасности Александр Орлов (Лейба Фельдбин) так описывает в своих воспоминаниях ужасную судьбу «детей коллективизации»: *«По стране бродили сотни тысяч бездомных детей и подростков, чьи родители умерли с голоду, были расстреляны или сосланы. Уделом детей стали попрошайничество и воровство. Для контроля за перемещениями взрослого населения была срочно введена пас-*

---

[192] *Алексеенко И.И., 1993*. Указ. соч. — С. 44.

[193] Газваген (нем. Gaswagen; Sonder-Wagen; Entlausungswagen) — мобильная газовая камера на автомобильном шасси, применявшаяся нацистами в 1940-х гг. для массового уничтожения советских военнопленных и нежелательного для нацистов гражданского населения оккупированных территорий Восточной Европы.

[194] См. подробнее: *Наумов С.В.* Голод 1933 года: палачи и жертвы// Молодая гвардия. 1990, № 2. — С. 142.

Беспризорные дети пытаются согреться, прижимаясь друг к другу. Им некуда и не к кому идти. Родители этих юных страдальцев погибли в результате оккупационной политики режима РКП(б). Фотография периода Малой Гражданской войны 1921–1922 гг.

портная система. <...> Милиция выбивалась из сил, вылавливая бездомных детей, хватая их на улицах и отправляя в тюремные камеры»[195].

Помимо полных казацких семей, когда в товарных вагонах на север и восток Великороссии «айнзацгруппы» ОГПУ увозили старика-деда, его престарелую супругу, их сыновей с женами, совершеннолетних и малолетних детей, — гораздо чаще, буквально в массовом порядке, преступный режим ВКП(б) вырывал из казацких семей мужчину-кормильца. Мы никогда не сможем, по-видимому, до конца понять — сколько казацких семей, в точном числе, изувечила, искорежила оккупационная Советская власть. Оставшиеся одни казацкие вдовы при вроде бы живых, но неизвестно куда сосланных мужьях пытались поддерживать хозяйство, растить оставшихся с ними детей, выходили вновь замуж за «иногородних» переселенцев — чтобы хоть таким позорным путем стереть штамп казацкой «неблагонадежности» с самих себя и со своих горемычных казацких детей.

Этническая казачка, замечательная поэтесса Мария Волкова посвятила горькой доле многих тысяч казацких «вдов» свое пронизанное тоской стихотворение, написанное в страшном для казаков 1930 году.

---

[195] *Орлов А.М., 1989*. Указ. соч. — С. 18–19.

КАЗАЧКА

Горько сжаты поблекшие губы.
Мутен взгляд много плакавших глаз.
Руки темные сухи и грубы
И бесстрастно лицо — напоказ…

Целый день — маета и работа,
Чтобы дом и детей поддержать,
А печальные думы — без счета
Не дают по ночам отдыхать.

Ломит голову, будто в горячке,
Снятся жуткие, вещие сны…
Скорбна, тягостна доля казачки —
Не вдовы, а безмужней жены!

Тошно ей: опустела станица,
Выжег Сталин родной островок.
Злобно смотрят враждебные лица,
Слышен часто ехидный намек!

Письма издали кратки и редки,
И тревоге ее нет конца.
Год за годом проходят — уж детки
Плохо помнят родного отца…

Но она не забудет скитальца!
Жутко ей, словно в темном гробу…
И дрожащие женские пальцы
В крестном знаменье жмутся ко лбу.

И молитва звучит, как рыданье:
«Боже! Милость Твоя велика, —
Пощади моего казака,
Сократи ему время изгнанья!»[196]

---

[196] *Волкова Мария Вячеславовна* (2/15.10.1902 – 07.02.1983) — казацкая поэтесса. Родилась в семье офицера Сибирского Войска Вячеслава Ивановича Волкова. Мать М.В. Волковой происходила из старинного рода уральской казацкой старшины Толстовых. Зимой 1919–1920 гг. Мария Волкова, вместе со своим мужем, офицером 7-го Сибирского полка Александром Эйхельбергером, отправилась Ледяной Сибирский поход. В этом страшном походе-отступлении войсковых частей СКВ по заснеженной Сибири М.В. Волкова потеряла своего первенца — дочь. В феврале 1920 г., в лесу под Иркутском, отказавшись сдаться большевикам, выстрелом из револьвера в себя закончил жизнь ее отец, доблестный казацкий генерал Волков. Вскоре от тифа умерла мать поэтессы. Марии Волковой удалось выжить Сибирском походе, который впоследствии она воспела в своих стихах. Атаман Войска Донского Петр Краснов назвал Марию Волкову «певцом казачьей доблести, скорби и неизбывного горя». М.В. Волкова всегда остро чувствовала свою казацкую этническую принадлежность. В эмиграции входила в парижский «Кружок казаков-литераторов», хотя до конца жизни жила на родине предков мужа — в Голштинии. Верная жена и любящая мать своих детей, Мария Волкова оставила после себя замечательные образцы казацкой национальной поэзии.

В местах ссылки казаков ожидал рукотворный ад. Региональным большевистским сатрапам выселенные казаки, демонизированные советской прессой как «кулаки», «саботажники», «контрреволюционеры», были, по большому счету, совершенно не нужны — местные власти не ждали от их прибытия ничего, кроме лишних хлопот. Если «сверху» не поступала вовремя жесткая централизованная команда на расселение казаков в данном конкретном месте, региональные партийные комитеты ВКП(б) делали все от них зависящее, чтобы поскорее отправить выселенцев куда подальше. Если, напротив, конкретный приказ расселить «здесь и сейчас» существовал — несчастных людей могли выгрузить у какого-нибудь заброшенного полустанка буквально в «первозданную» тайгу или степь. Обычно же, в условиях традиционного для России командно-административного бардака казаков-выселенцев перебрасывали под охраной конвоев из края в край необъятной страны, словно бы специально дожидаясь, чтобы люди вымерли в «товарняках» от истощения и болезней. В значительной мере так и происходило — малолетние дети и ослабленные от голодовки пожилые люди погибали в «скотных вагонах» очень быстро. Казаки и казачки, пережившие процесс депортации, если им удавалось выжить на лесоповале или в голой казахстанской степи, в конечном счете, закреплялись на какой-нибудь советской индустриальной стройке на Урале, в Сибири или Казахстане. Сохранившись в личном качестве, депортированные казаки, в абсолютном большинстве, были навсегда потеряны для казацкого этнического сообщества, поскольку и в этнополитическом, и в социокультурном аспектах становились частью так называемого советского народа.

Старейший казак станицы Гиагинской Иван Антонович Прохода, ныне уже покойный, в своих мемуарах, надиктованных московскому исследователю А.И. Филькину (Загуменному), подробно описал злоключения своей выселенной семьи:

«У нас было мелкое хозяйство, — две лошади, корова, десяток баранов, куры, утки. Отец после ранения мог работать только одной рукой. Я был единственный помощник. С 9-ти лет с понедельника до субботы дневал и ночевал с отцом в поле. <...>

Потом всех казаков, кто не успел вовремя уехать, раскулачили. Выселяли всех разбора, без всякого суда — «тройка» была. Сначала брали поодиночке — хозяев семейств, а после целыми семьями. Никто ничего не знал: куда, за что? Потеряли связь всякую. Случайно узнавали: кто, где и как. А уж слово «казак» нельзя было и говорить.

В 30-м году в числе других выселили и нас. 24 часа дали на сборы, трех курей разрешили зарубить с собой, и все! Дом, постройки, баня, сарай, кони — куда все девалось?..

Погрузили в вагоны по 40 человек, старых и малых, двери-окна закрыли. Раз в сутки подавали на всех ведро воды. Привезли в Ставрополье, в Ипатовский район — ближе к астраханским степям. Там держали под комендатурой. Через полгода снова в вагоны — и на Свердловск. Сутки постояли там, вернули в Челябинск. Из Челябинска — в Новосибирск. На разъезде Потанино строились два кирпичных завода — там и сгрузили. Мы там были до августа 1933 года. Нас, гиагинцев, было 22 семьи. С продуктами очень плохо было, люди от голода умирали. Мой дядька и жена его там умерли, и сын их младший, остался один старший — с ним и сговорились бежать оттуда»[197].

[197] Из воспоминаний старейшего казака Кубани// Станица. Общеказачья газета. № 1(39). Март 2003 г. — С. 29.

Так, в грязных холодных бараках, тщетно пытаясь скрыться от чувства голода в болезненном забытьи, постепенно теряли силы, а затем умирали целые семьи спецпереселенцев. Север России. 1931 г.

Ивану Антоновичу Прохода выпал «счастливый билет»: он не только сумел сбежать из ссылки, но и, благодаря стечению ряда действительно удачных обстоятельств, сумел спасти от голодной смерти своих родителей, жену с малолетним сынишкой, своего племянника. Главную роль в этом чудесном спасении целой казацкой семьи, сумевшей, в конечном счете, вернуться на родную Кубань, сыграли личные качества Ивана Проходы: смекалистость, молодость, несокрушимое здоровье, глубокая приверженность к национальной казацкой спайке. Другим казакам, в подобных обстоятельствах, переиграть в «русскую рулетку» административно-карательную машину Страны Советов удавалось далеко не всегда.

Вот как описывал свое страшное детство в письме известному русскому литератору Василию Белову этнический казак станицы Медведовской бывшего Кубанского Войска Василий Васильевич Водяной:

«За работу в колхозе в 1932 г. на трудодни нашей семье ничего не дали. Мы уже начали голодать. 25 декабря 1932 г. арестовали отца. К нам пришли трое мужчин и одна женщина-учительница и объявили, чтобы мы собирались на высылку, с собой разрешили взять одежду, постель и посуду. Они ушли, прихватив с собой нашу корову — последний источник существования семьи.

На второй день подъехала гарба с повозчиком. Скидали наш багаж, завязанный в два рядна. С горючими слезами и причитаниями мать выводила нас троих из хаты и усаживала на гарбу. В станице выли собаки. Мои волосы поднимали шапку на голове. В это время в станице был тов. Л.М. Каганович. Это было 31 декабря 1932 года. На Кубани тогда только что выпал снег.

Режим РКП(б)—ВКП(б) оставил круглыми сиротами сотни тысяч детей. Славянские ребятишки роются в мусорном ящике в надежде найти там остатки выброшенной пищи. Поволжье. 1921 г.

А в поселке № 8 Вожегодского района Вологодской области, куда нас выслали, стояли трескучие морозы. Мы все в худеньких сапожках. В секции барака стояли нары справа, нары слева, между ними проход в полметра, в углу секции небольшая плитка в две конфорки.

Нары слева заняли:

1. Еременко Григорий Иванович

2. его жена Агрипина Дмитриевна

3. дочь Евдокия

4. дочь Елена

5. дочь Надежда

6. дочь Агрипина

Нары справа занимала наша семья:

1. Водяной Василий Леонтьевич 34 года

2. его жена Мария Ивановна 32 года

3. сын Василий 13 лет

4. дочь Агрипина 11 лет

5. дочь Вера 7 лет

Скоро начался сильный голод. <...> До мая 1933 г. голод унес отца, моих сестер Груню и Веру. Умерли они тихо, опухшие, голодные. Мы с матерью перешли в другую секцию барака. Детей, у которых умерли родители, куда-то отправляли. У меня была жива мать, и на отправку рассчитывать не приходилось.

Жить в таких голодных страданиях было невыносимо! Тяжело было носить опухшие ноги, руки, все тело. Утром невозможно было открыть опухшие глаза. Страшно! Чувство голода не покидало и сонного. <...>

Как-то я заглянул в соседнюю секцию, где раньше мы помещались с Еременко Г.И. Сам Еременко, спустив ноги с нар, лежал мертвый. Возле него в разных позах мертвыми лежали его две младшие дочери. Вонь! Куда девались жена и две старшие дочери, не знаю».

Василий Водяной, не желая умирать, по совету матери сбежал из барака. Побираясь по деревням, копая по ночам на полях вологодских крестьян картошку, четырнадцатилетний подросток добрался до крупной железнодорожной станции Харовская.

«За время скитания по Вологодчине, — продолжает В.В. Водяной, — *на станции Харовская заходил в районный отдел НКВД, просил, чтобы меня куда-нибудь отправили. Меня выгнали, сказав: «Иди, куда хочешь». В Вологде я просился в детдом, но мне отказали, сказав, что нет мест. «Поезжай в Ленинград или в Архангельск!» — «На что я поеду?» — «А ты на подножке». — «Пойду в милицию, скажу, что я беглец с выселения, заберите меня». — «Ты не беглец, ты шпаненок, много вас тут шляется, только заразу разносите. Мотай отсюда, чтобы я тебя больше не видел».*

Василия Водяного спасли от гибели крестьяне маленькой великорусской деревни Акинфовица Грязовецкого района Вологодской области, куда казацкий хлопец случайно забрел в своих бесконечных скитаниях. Стоящая вдали от других населенных пунктов, нищая деревушка не имела материальных средств для найма взрослого мужчины-пастуха. Василий Водяной с радостью согласился пасти личный скот колхозников за «хлеб-соль», тем и спасся от неминуемой, казалось бы, голодной смерти. Многие годы спустя, так и не вернувшись в родную Кубань, В.В. Водяной не переставал удивляться — как стремительно, буквально за считанные месяцы Советское государство уничтожило его обычную, по казацким меркам даже малоимущую семью. *«Хлопотать о своем спасении,* — со скорбью вспоминал старый казак, — *в то время ни перспектив, ни сил у меня больше не осталось. Ноги начали опухать. Часто ночевал в сеновалах. Надежд никаких! А ведь тогда еще и года не прошло, как у меня была семья, были отец, мать, сестры, хата и родина!»*[198]

Советское государство целенаправленно уничтожало казацкий народ голодом, массовыми депортациями, провоцированием тотальной смертности детей и пожилых людей, созданием таких невыносимо тяжелых условий быта, при которых возможность нормального репродуктивного деторождения практически исключалась. Одновременно с мерами физического уничтожения, в сообществе этнических казаков методично выкорчевывались малейшие ростки казацкой национальной культуры.

Традиционные воинские и бытовые обычаи, особенности национального менталитета и даже сам этноним «казак» подвергались изощренному шельмованию в советской прессе.

---

[198] Письма Василию Белову// Наш современник. 1989. № 11. — С. 122—124.

Одновременно государственная пропаганда СССР возносила до небес хвалебные оды пресловутой «ленинской национальной политике», которая на деле отличалась цинизмом, последовательным удушением органичных национальных начал в культуре всех восточнославянских народов, неприкрытой, даже выставляемой на показ русофобией. В собственно великорусских областях СССР всячески затушевывалась, дробилась, перелицовывалась в советские формы подлинная сущность русской национальной культуры; партийные функционеры ВКП(б) на коренных землях Великороссии с трудом выговаривали слово «русский»[199]. Однако на землях Казацкого Присуда псевдорусскость советского извода, напротив, всячески насаждалась. Современные этнологи отмечают, что в 1930-е годы «в казачьих областях образовывался новый, чуждый природе казака мир, широким шагом наступала ассимиляция, т.е. крестьянизация молодого поколения»[200].

С особенной неумолимостью казакофобская политика проводилась в этот период на Кубани. Как сообщал в 1927 году выходивший в Краснодаре журнал «Новым шляхом» — на Кубани в этот период 80% населения разговаривало на украиноязычной казацкой «балачке». А в таких районах Северо-Кавказского края, как Брюховецкий, Темрюкский, Староминской, Краснодарский, Павловский число жителей, говоривших на этом казацком диалекте, достигало 90% численности всего населения. Тем не менее, когда в декабре 1932 года постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома в Советском Союзе была введена паспортная система, все жители Кубани славянского происхождения в графе паспорта «национальность» получили имя прилагательное — «русский»[201].

Советское государство, проливая потоки «крокодиловых слез» по поводу неизбывной, якобы, вражды народов в капиталистическом мире, внутри собственной страны — по отношению к казакам — делало все возможное, чтобы разжечь к ним презрение и даже ненависть со стороны других народов. Особой обработке в этом смысле подвергалось великорусское население, причем как на территории Казацкого Присуда, так и в тех областях Великороссии, куда депортировались несчастные казацкие выселенцы. В тридцатых годах вначале в среде депортированных казаков, а затем вообще в среде всех спецпереселенцев и обитателей ГУЛАГа получила распространение невеселая поговорка про «вологодский конвой», который «разговоры не ведет и шуток не любит: из строя шаг влево, шаг вправо — расстрел на месте…». Указание на «вологодское» происхождение жестоких до бесчеловечности конвоиров появилось, разумеется, неслучайно. Именно из уроженцев самых глухих деревень русского Северо-Запада советская административная машина целенаправленно создавала «без лести преданных» манкуртов режима ВКП(б). Малограмотные молодые крестьяне, в душе презиравшие и даже страшащиеся своего нищенского крестьянского бытия в затерянных в лесах

---

[199] Старший научный сотрудник НИИ антропологии МГУ Денис Пежемский так прокомментировал этот странный феномен: «Национальная политика Советского государства была, в общем, неоднозначной. <…> Первые 25 лет (то есть, четверть века!) зачеркивалось и вытравлялось любое упоминание о предшествующем периоде, о той почве, на которой стояло государство, а это — русские, государствообразующий народ, то есть более 90% населения. Подчеркивалась любая этничность, кроме русской. Слово «русский» было заменено на «советский». Первые 25 лет она [русская этничность. — Н.Л.] просто уничтожалась умышленно, причем, — руками самого же русского народа». См. подробнее: http://tsargrad.tv/app.php/article/2016/11/15/rossijskaja-nacija-sovetskij-narod-20.

[200] *Гарбузова Е.Н., 2009*. Указ. соч. — С. 69.

[201] *Макаренко П.С.* 33-й год: Кубань… Голод… — Краснодар: Традиция, 2012. — С. 41.

деревушках, легко теряли всякую связь со своими национальными, историческими корнями. Русские «Иваны родства не помнящие» оказались идеальным материалом для создания нового «советского человека», одетого в форму внутренних войск ОГПУ-НКВД. Персональный состав «вологодских» конвоев обоснованно видел в депортированных казаках свою полную этнокультурную и ментальную противоположность, а потому относился к несчастным выселенцам с исключительной, нечеловеческой жестокостью.

Немногим лучше конвоиров войск ОГПУ относились к казацким спецпереселенцам местные уроженцы русских деревень. Постоянно обремененные комплексом «забитости» русские крестьяне неожиданно получили возможность творить над депортированными казаками самый настоящий произвол. Подспудно, а зачастую и открыто поощряемые к таким действиям местными властями крестьяне избивали и арестовывали депортированных казаков, разбирали их по деревням в качестве бесправных рабов. Кубанский историк П.С. Макаренко, характеризуя творимое над депортированными казаками насилие, пишет: «Развращенные вседозволенностью, упиваясь сиюминутной властью, крестьяне — жители вологодских и архангельских деревень — захватывали силой рабов и гнали их на лесоразработки, засчитывая себе добытые людским потом и кровью кубометры»[202].

Депортированный казак станицы Пашковской бывшего Кубанского Войска А.П. Турукало впоследствии вспоминал: *«Власти расклеили везде листовки, которые обрушивались изысканной клеветой на несчастные жертвы. Эти листовки давали право местным жителям задерживать, арестовывать и даже сажать в свои подвалы (а у них подвалы большие под каждым домом, как они их называют «колбис»). Вот в этот «колбис» каждый местный житель имел право посадить спецпереселенца или отправить в комендатуру, или использовать на работе в лесу: заставлять пилить лес или заготавливать дрова, — и работу писать себе, ибо местному населению и всем вольным хорошо платили в то время. Давали отоваривание белой мукой, сахаром, другими ценными продуктами питания и мануфактурой. Так что ходить свободно нам, высланным, было риском для жизни — сразу «прибирали к рукам» северяне»*. Аналогичные сведения о враждебном отношении жителей северных областей России к казакам-выселенцам сообщает Т.А. Вакуленко, депортированная в 1930 году из станицы Полтавской вместе с родителями: *««Врагам народа» больше трех месяцев на одном месте жить не разрешали. У местных жителей вырабатывалось презрение к «спецам». В нас могли плевать, кидать камнями, не пускать в дом обогреться в сорокаградусный мороз, короче — к животным так не относились»*[203].

Беспрестанное переселение с места на место депортированных казаков имело целью, очевидно, ограничение и без того чрезвычайно низкой рождаемости в среде выселенцев. С другой стороны чудовищные по жестокости способы конвоирования в «эшелонах смерти» способствовали преждевременной гибели малолетних детей или же провоцировали родителей так или иначе избавляться от своих деток в надежде, что вне казацкой «спецпереселенческой» среды у них будет больше шансов выжить. Селезнева Зоя Степановна, родившаяся в семье русских «иногородних» станицы Полтавской, вспоминала: *«Сразу после высылки* [казаков] *появилось много бездомных детей. Люди, увидев колючую проволоку на «телячьих вагонах» и охрану*

---

[202] *Макаренко П.С., 2012*. Указ. соч. — С. 26.

[203] *Макаренко П.С., 2012*. Указ. соч. — С. 27–28.

с винтовками, решались на крайние меры — старались оставить детей. Были случаи, что грудных младенцев находили вдоль железной дороги, их выбрасывали из вагонов, пока поезд не набрал скорость, в надежде, что на родине они выживут вернее, чем в тех далеких краях, куда везли высылаемых. Власти были вынуждены организовать детский дом [для ставших сиротами казачат], *который просуществовал несколько лет, до конца 30-х годов»*[204]. Степан Орехов, красноармеец из Ленинградской области, который по предложению политотдела ЛВО переселился на Кубань, подтверждает, что, во время переезда на новое местожительство, встретил в Ростове-на- Дону вагоны с высылаемыми казаками и видел *«как бедствуют маленькие дети, их матери, но помощи им никто не оказывал — кулаки, враги».*

Своего рода эпитафией к страшной судьбе десятков тысяч этнических казаков, которые всегда без предсмертного причастия, а зачастую и без креста над могилой легли в стылую землю северной России может служить письмо казачки станицы Полтавской Татьяны Вакуленко. Ниже, с небольшими сокращениями, мы приводим это трагическое свидетельство очевидца.

«Бессудные высылки сотен, тысяч людей из станицы Полтавской начались в 1929 году. В этом году отправили на Урал в числе других и семью маминого брата Завгороднего Егора Михайловича. В основном выселяли за то, что не хотели вступать в колхозы, не сдали до последнего зернышка хлеб (по продразверстке, по налогу, по твердому обложению и еще по многим названиям налогов) и за то, что был поднят мятеж женщин в 1930 году против насилия. <...>

Утром (не помню точной даты, но, по-моему, весной) женщины бегали и стучали в окна каждой хаты, чтобы выходили с рогачами (ухват), кочергами, будут выступать против приехавшего агитатора за колхоз. Дикая «битва» состоялась, за что на этой же неделе были высланы почти все жители без суда и следствия[205]*. Все были многосемейные: от трех до восьми детей — мал мала меньше. У нашей матери, Вакуленко Евдокии Михайловны, было четверо детей. Что могла взять с собою в дорогу эта мать, кроме детей? На станции посадили в вагоны для скота и повезли на Урал. Ехали долго. В Свердловске рассортировали: кого в Серов, Надеждинск, Березняки, Алапаевский район, мы попали в болота Верхотурского района. Привезли в барак без окон, без дверей, сырость, гнус заедал, все семьи кучками расположились у стен. <...>*

Нас перебрасывали из одного болота в другое больше трех месяцев, а затем больше трех месяцев на одном месте жить не разрешали «врагам народа». У местных жителей вырабатывалось презрение к «спецам». В нас могли плевать, кидать камнями, не пускать в дом обогреться в сорокаградусный мороз, короче — к животным так не относились. Голод, болезни, вши делали свое черное дело. Мать была на лесоповале, лесосплаве (в холодной весенней воде гоняли плоты по пояс в воде), а мы, дети, находились в каких-то общественных учреждениях.

---

[204] Здесь и далее (если не дается специальная ссылка) приведены свидетельства очевидцев периода Голодомора, собранные в книге кубанского историка и краеведа П.С. Макаренко. См. подробнее: *Он же, 2012*. Указ. соч. — С. 82 сл.

[205] Речь идет, очевидно, о конкретных «восставших» казацких семьях, выставивших против мощной административно-карательной машины Советской власти «бойцов» в юбках и с ухватами. Полностью очистить от казацкого населения станицу Полтавскую большевикам удалось позднее — в декабре 1932 г.

В 1934 году брату надо было идти в первый класс, а он ходил по деревням и просил милостыню. Шел он как-то мимо школы с конской ногой с подковой (от колена до подковы) на плечах, его учитель так и завел в класс, а он хотел есть. Жили мы в деревнях Пурегова, Молва, в Сосьву ходили за милостыней (все это в Н.-Салдинском районе Свердловской области). <...> Я помню, как однажды (1934) мама принесла мне горсть горошка с червями зелеными, и какая это была для меня радость!

В 1936 году нас ночью привезли на станцию Пролетарская Верхотурского района. Работала [там] *мама на лесопильном заводе, таскала тес (сортировала). Две семьи жили в одной комнате. Голод, холод, вши — наши ежедневные спутники. Брат заболел трахомой,* [от воспаления] *скосило ему глаза, потом заболел менингитом и разбил его паралич. О том, чтобы его лечить, не было и речи. И так с 1937-го он стал инвалидом, к тому же прицепилась «пляска святого Витта», по-народному — припадки. Пропал человек. <...> В 1936 году сестры мои Галя и Уля пошли в другую часть поселка, где жили вольные, местные, при переходе через железнодорожное полотно их закидали камнями мальчишки из местных. Галя побежала обратно домой по дороге, а Уля — по полотну, и ее зарезал поезд (отрезал голову). Она не смогла подняться* [от подходящего поезда] *на насыпь, не было сил. Никому в вину* [гибель Ульяны] *не поставили: «так и надо этим спецам». И я в старости задаю себе вопрос: в чем же виноват тот семилетний ребенок и перед кем? А Галя от страха была немая целый месяц. Старшая сестра с семи лет ходила по людям, как нянька, — зарабатывала себе кусок хлеба. <...>*

В 1938 году забрали отца в тюрьму, осудили на десять лет как пособника Ежова, о котором он услыхал только в тюрьме, когда заставляли подписывать протокол под [угрозой] *штыками (об этом нам рассказал Федоров Н., сидевший вместе с моим отцом, который был отпущен, просидев три года). Отец сидел в тюрьме Нижнего Тагила, затем строил металлургический завод, затем Кандалакшский, Беломоро-Балтийский каналы. Война его застала под Воркутой: прокладывали железную дорогу к Москве для доставки бурого угля. Умер он в 1944 году в лазарете, от голода. <...>*

Все наши женщины были великие работяги, у них в бараках ждали их дети, как голодные галчата смотрели в глаза матерей, а те приходили с работы сами голодные, что они могли дать? И прежде всего, начинали кипятить воду, чтобы голод детей обмануть горячей водой. Я была «рахит»: большой живот от воды и кривые ноги. Летом мы паслись как козы: ели всю траву подряд, а вот зимой, «кроме снега и мороза», ничего. <...>

В 1970 году я решила съездить посмотреть свою станицу, где я родилась. Проехала поворот на Красноармейскую, походила по Славянску-на-Кубани, побыла на рынке, о котором рассказывала мама, она часто там продавала до 30-го года свою сельскохозяйственную продукцию — ничего меня не волновало и не трогало за душу... А потом я поняла, что все вытравлено в душе у меня. У меня нет чувства любви к тому месту, где я родилась — была слишком мала, когда меня увезли отсюда, а любить те места, где мы гнили в болотах, где нас заедал гнус, где мы пухли от голода, где смерть постоянно смотрела нам в глаза, где вшей из-за пазухи доставали горстями, где ели траву (а однажды мама поймала ворону и мы ее съели)?! Где у соседей мать замесила последние сто граммов муки с сухими листьями липы, испекла лепешки, дала семерым

Опухшие от голода славянские дети демонстрируют в приюте свои отечные, почерневшие ноги. Юг России. 1932 г.

детям, а ночью повесилась, потому что не могла больше видеть эти голодные глаза своих детей и не могла им завтра ничего дать? Где мой брат стал инвалидом и закончил свою жизнь в лазарете? <...> Зачем же, во имя чего было обрекать нас, невинных, на бессмысленную, мученическую жизнь, превращать во врагов своего Отечества?».

Свидетельства Т.А. Вакуленко, З.С. Селезневой, А.П. Турукало, В.В. Водяного, П.М. Андрюнкина, И.Д. Вариводы, И.М. Кокунько и сотен других очевидцев преддверия Голодомора убедительно показывают как очень последовательно, методично, с широчайшим охватом всех социальных слоев казацкого общества Советское государство готовило процесс убийства голодом одного из самых свободолюбивых народов Европы. Административно-карательная машина ВКП(б), начиная с середины 1929 года, стала проводить целенаправленную кампанию массового социального запугивания и тотального ограбления станичного казачества — основы казацкой этносоциальной общности. Заключительной частью этой государственной «массовой операции» по уничтожению казацкого народа стал Голодомор.

«Массовая операция» этнических чисток с последующим замещением депортированного казацкого населения инонациональным элементом захватила, к сожалению, не только одну лишь территорию бывшего Кубанского Войска. Значительные депортации этнических казаков с их родовых земель происходили буквально во всех географических пунктах казацкой ойкумены. Особо масштабными стали депортации казацкого населения с территории бывшего Всевеликого Войска Донского.

После победы режима ВКП(б) в Гражданской войне территория Войска Донского — с целью ускорить этническую аннигиляцию казаков в численно преобладающем неказацком населении — была разделена между несколькими административными субъектами СССР. Вряд ли является случайным, что именно этим административным субъектам: Северо-Кавказскому краю, Донецкой области УССР и Нижне-Волжскому краю — принадлежит трагическое первенство по числу людей, ставших жертвами государственного террора летальным голодом[206]. В период предшествующий Голодомору этнические чистки казацкого населения

[206] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России: 1927–1957. – М., 1998. – С. 4.

происходили во всех вышеперечисленных административных новообразованиях. Особенно масштабными они оказались в Нижне-Волжском крае, в состав которого была передана территория Хоперского, Усть-Медведицкого и восточной половины Второго Донского округа Войска Донского. С октября 1931 г. по начало декабря 1932 г. в Нижне-Волжском крае чекистские «органы» депортировали из родных селений 9386 человек. Пока нет сведений — какая часть из этого количества репрессированных принадлежала к этническому казачеству, но, можно предполагать, что очень немалая. С декабря 1932 года представления о масштабе именно антиказацких этнических чисток на Нижней Волге обретают более ясные очертания. В этом месяце именно из станиц Нижне-Волжского края депортировали «на север» 400 семей «единоличников» (все или почти все они были, конечно же, этническими казаками). До конца февраля 1933 года в ссылку и концлагеря было отправлено еще 2000 семей, а в марте 1933 г. — еще 3000 семей[207]. Эти демографические утраты существенно ослабили витальный потенциал казацкого населения междуречья Дона и Волги.

На рубеже 1930-х гг. машина государственного террора Советского режима обрушилась не только на казаков Кубани, Дона, Терека и Яика (Урала), хотя по общей численности уничтоженного казацкого населения именно эти Войска, бесспорно, обладают кровавой «пальмой первенства». Советская власть сумела добраться до самых дальних уголков евразийской казацкой ойкумены — в Забайкалье, в верховья Енисея, на Амур и в Приморье — чтобы и здесь, на этих широчайших и, по существу, малонаселенных территориях туго затянуть на шеях местных казацких обществ свою кровавую удавку.

Вот, например, как происходило уничтожение казацкого общества станицы Монокской Минусинского уезда Енисейской губернии (сегодня — село Большой Монок Республики Хакасия) по свидетельству старейшей местной казачки Анастасии Егоровны Байкаловой.

В 1929 году в Монокскую в качестве председателя местного Совета была направлена крайкомом ВКП(б) некая Анна Шумилова. Под ее руководством в станице был создан так называемый «комитет бедноты», в который вошли бывшие ссыльные поселенцы царского режима из числа великорусов, а также местные лодыри и пьяницы, отторгнутые монокским казацким обществом. Уничтожение казацких усадеб происходило следующим образом. По решению комбеда в усадьбу, которую заранее выбирали для экспроприации (т.е. для разграбления), направлялась группа активистов, которые несли над головами транспарант: «Смерть кулакам-мироедам!» Хозяину усадьбы зачитывалось постановление комбеда о лишении его «избирательных прав». Затем производилась опись всего имущества данного казацкого семейства. Скот, лошади, сельскохозяйственный инвентарь немедленно изымались в пользу монокского колхоза. Всем членам семьи казака-лишенца запрещалось посещать собрания граждан, лавку потребкооперации; детям, кроме того, запрещались посещения советской школы.

На следующем этапе «раскулачивания» в дело вступало местное отделение ОГПУ. Семьи раскулаченных направлялись, согласно разнарядкам ОГПУ с юга Запсибкрая в глухие, необжитые места Туруханского края, в Ольховскую комендатуру (ныне — Артемовский рудник Красноярского края), на разработку убийственных для здоровья человека

---

[207] *Власкина Т.Ю.* Голод на Дону по устным свидетельствам // Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 гг. Материалы научно-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 157.

Сотник Байкалов Сибирского Казачьего Войска. Имя-отчество не установлено. Начало XX в.

слюдяных месторождений под Иркутском. Казацкое население станицы Монокской, как и на других казацких территориях, «изымалось» послойно — вначале были уничтожены действительно зажиточные семейства, затем подошла очередь так называемых «середняков».

Финальная волна депортаций охватила уже малоимущие семьи казаков — прежде всего те фамилии, которые пытались отстаивать традиционные ценности и нормы станичной жизни. По одному только уголовному делу № 7542-П-15661, открытому 02.04. 1930 г. по приговору Особого Совещания ОГПУ по Запсибкраю, в концентрационные лагеря, тюрьмы и ссылки Сибири был отправлен практически весь мужской состав старейшего казацкого рода Байкаловых: Егор Алексеевич, Егор Спиридонович, Егор Ильич, Егор Николаевич, Михаил Федорович, Никифор Пименович, Петр Иванович, Иван Ильич, Иван Петрович. Сотрудники ОГПУ застрелили во дворе собственного дома старейшего мужчину этого рода — Никиту Меркуловича Байкалова, которому шел 106-й год. Богатырского сложения старый казак оказал сопротивление чекистским палачам при задержании. Фронтовой офицер, георгиевский кавалер Иван Петрович Байкалов, назначенный чекистами «организатором и идейным вдохновителем заговора» в Монокской, был расстрелян в «особом порядке» — сразу после ареста. Вместе с Байкаловыми страшный водоворот сталинского ГУЛАГа затянул в свои тюремные недра казацкий род Терских — Алексея Никитича, Федора Алексеевича, Иннокентия Алексеевича (отец и два сына), их близких сродников — Упелицына Николая Георгиевича и Воротникова Михаила Никитича. По подсчетам сибирского краеведа Сергея Байкалова (внука репрессированного Михаила Федоровича Байкалова) всего за 1930-е годы из станицы Монокской в лагеря ГУЛАГа было отправлено около ста казаков. После смерти Иосифа Сталина вернуться к родному порогу удалось только четверым…[208]

[208] *Байкалов* С. И не утихнет боль… // Станица. Общеказачья газета. № 1(37). Январь 2002. — С. 6—7.

Дискриминация казацкого населения на землях Присуда в период Голодомора. Трагичной оказалась судьба тех казаков и казачек, которые под дулами винтовок спецвойск ОГПУ-НКВД загонялись в «телячьи вагоны» и вывозились то ли на смерть, то ли на вечное прозябание в неблагоприятные по климату, во всем враждебные для них северные регионы РСФСР. Однако не менее страшная участь ожидала и ту часть этнических казаков, которые не были депортированы оккупационным режимом с родных земель Присуда. На родовой земле своих пращуров они стали бесправными приживалами, сельскохозяйственными рабами, насильственно прикрепленными к советским колхозам и совхозам, которыми руководили вчерашние «иногородние» или бывшие красноармейцы, переселенные из центральных областей России. С лихвой, через край, хватили все казацкие семьи, оставшиеся на землях Присуда, и национального унижения.

Уроженец кубанского хутора Албаши, этнический казак Павел Пантелеевич Литовка (1917 г.р.) оставил весьма примечательные в этнополитическом аспекте, хотя и очень тяжкие по фактографии воспоминания. Скупыми штрихами, не в лоб, используя «эзопов язык», старый казак ясно дает понять своим читателям, что наиболее жестокие и циничные действия по отношению к коренному населению станиц проводили люди, которые по своему происхождению не имели с «казацким миром» ничего общего. Воспоминания П.П. Литовки убедительно раскрывают всю глубину этнического унижения, которую сам очевидец и его казацкие побратимы вынуждены были испытать в далекие 1930-е годы от инонациональных чужаков. Читая эти кровью и слезами начертанные строки, нужно понимать, что писались они Павлом Пантелеевичем в позднесоветское время, когда за одно лишь публичное утверждение о наличии этнической дискриминации в Стране Советов — можно было получить вполне реальный тюремный срок.

«При въезде в хутор Албаши и в соседние казачьи станицы вблизи наезженной дороги глубоко вкопаны столбы. Осмолили их дегтем и смолою и поперек от столба к столбу прибили трафарет с надписью, сделанной небрежной рукой: «Въезд и выезд ЗАПРЕЩЕН! Карается сурово — по закону. Здесь — САБОТАЖ!»

Хутор на осадном положении — ни въехать, ни выехать нельзя — кругом стоят посты, заставы. Круглосуточно дежурство нес хуторской особый актив. На конях дежурят объездчики полей, жестокие и с видом злобным, а также коммунисты, комсомольцы и комсод [комиссия содействия хлебозаготовкам. — Н.Л.]. *В косынках красных, с видом бравым, высоко подстриженные волосы — активистки-амазонки, делегатки. На груди у них отличительные знаки и повязки черные на рукавах. Как смерть с косою, возникали они нежданно. Оружие заряжено и наготове: курковые ружья, наганы и берданки, за поясом гранаты и к ним особые запалы.*

— За что вы нас? Кто вы такие? — хотели знать хуторские старики, но прежде времени легли в могилы [здесь и далее выделено нами. — Н.Л.].

Тщательно готовилась расправа тюрьмой, голодом, убийством. Попробуй выбраться со двора, уехать из родной отцовской хаты, бежать за ту черту, отмеченную столбами, — убьют и ночью бросят в давно готовый длинный ров у хуторского кладбища.

У власти кто был в крае Азово-Черноморском? Ларин, Евдокимов, Шеболдаев сменяли друг друга. От них в наш Староминской район шли совершенно секретные

циркуляры — лишать казаков жизни[209]***. Хуторские власти в своих руках держали кладовые и амбары зер*новые и, явно радуясь смерти людей, ключами бряцали.**

Весной 1933 года одни подростки-дети в поле трудились от зари до зари под неусыпным глазом бригадира. Нас 35 [человек] *было в звене полеводческой бригады. От голода и непосильного труда мы падали на пахотные глыбы и умирали на работе, возле дома, — все меньше, меньше оставалось нас. У многих и родных уже не было в живых. <...>*

...Ждем, как Бога, высокое районное начальство. Приехали на взмыленных конях в таврической двухрессорной линейке. <...> Подходит важный господин — один из них. На вид особый — с рыжей сумкой полевой в руке. Окинув недовольным взглядом поля, рукой взмахнул, закрыл глаза — солнце палило нестерпимо, — крикнул:

— Как дела, казачки, работяги-симулянты?

Молчим, лежим еле живые.

— Норму боронования — четыре гектара — [выполнили] *на 75 процентов. Трудодня не дают, — жалуется наш бригадир Демьяненко Андрей Петрович.*

Тот [обращаясь] *к работнику политотдела МТС Чернеге:*

*— Ну что же, пусть пеняют на себя. Хотели в поле их кормить, чтоб на работе не подохли... **Теперь питание им я отменяю! Зачем таких кормить? Отцы, весь их род — враги народа! Их не переделаешь в людей — такая казачья порода!***

Другой к нам подошел. Широк в плечах, высок, в фуражке белой, в очках цветных и в золотой оправе. Я не забыл его, товарища Кимлаева:

— Почему бычки стоят и сорняком все бороны забиты?

— Мы не в силах их поднять, — отвечаем, — есть хотим, мы давно не ели хлеба!

*— Запаздывает сев, — продолжает он свое, — подсолнухов, кукурузы, конопли и клещевины. **Придется вам за это отвечать. Это саботаж! Вы кулаки, казачьи мерзавцы!***

Не стали мы на оскорбления молчать:

— На наши посмотрите руки, ноги и глаза — они от голода опухли и заплыли. А вы кричите... Мы ходим с бычками у бороны, а дома наши семьи вымирают. Трудодней в семьях полно, но в хлебе правление колхоза отказало! Где правда? <...>

---

[209] П.П. Литовка намекает, что краевой государственный аппарат на исконно казацких землях постоянно возглавляли люди инонационального происхождения.

Ларин Виталий Филиппович (29.04.1885 – 19.12.1937) — советский государственный и партийный деятель. Родился в слободе Тростянка Области Войска Донского (ныне Волгоградская область) в семье русских «иногородних». Окончил Усть-Медведицкое реальное училище (1912). Член РСДРП(б) с 1914 г. Активно вел пропагандистскую «пораженческую» кампанию в годы участия России в Великой войне. С 1916 г. член ЦИК Донской советской республики. В годы Гражданской войны член окрпарткома, комиссар Хоперского округа, член окружного ревтрибунала. Активный проводник политики геноцида казацкого народа, постоянно поддерживал наиболее одиозные предложения председателя Донбюро РКП(б) Сергея Сырцова. В 1929–1931 гг. председатель Северо-Кавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б). В 1931–1932 гг. 2-й секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В 1932–1934 гг. председатель Исполкома Северо-Кавказского крайсовета. В 1934–1937 гг. председатель Исполкома Азово-Черноморского крайсовета. Арестован НКВД 11.06.1937, расстрелян как активный троцкист (19.12.1937). Ныне реабилитирован, несмотря на потоки пролитой им казацкой крови и активное участие в политике Голодомора на Юге России.

Чтоб на работе не умереть, мы собирали зерно, не заделанное сеялками в поле, когда отсутствует начальство и злой хуторской актив. На листе железа жарили. А как появится актив — едим зерно сырое.

В трех километрах хутор. Но идти домой нельзя. Нас бьет актив. До синяков и крови. Находят везде — в поле, в кустах терновника, в скирдах гнилой соломы, где в забытьи, во сне мы видим хлеб! Активисты голодным, сонным на спине колесной мазью черной пишут: «Кощей», «Скелет», «Симулянт», «Доходяга».

Проснется на заре «скелет», стряхнет труху соломы, не знает о черной той отметине. Актив уж тут как тут, пришел смотреть на свое искусство — на доходяг, скелетов, работяг, не выполняющих дневную норму. Берут в кольцо подростков, кричат, свистят, готовы и побить. Смотрят на расписанные спины и лица, пухлые от голода, — и все до одного до слез хохочут.

Не мы — они из кладовых колхозных продукты ежедневно получают. *По возрасту годятся нам в отцы, да и детей таких, как мы, имеют.* ***Только говор различает нас***[210]*, да то безделье, от которого страдают они в такое время посевное!* ***Мы на своей земле живем, подростки-дети из другого клана***[211].

Не все тогда умерли. ***Сопротивлялись казаки, как могли, этой власти. При атаманах мы имели все — и родителей, и семьи, и хозяйство.*** *А теперь отцов забрали в тюрьмы, нет их в живых. В домах и во дворах все конфисковали без санкций прокурора и суда. В подвалах, погребах, на чердаках забрали все съестное. Оружие искали.* ***Для актива лакомством было казачье сало — даже рыжее, старое, борщевое.*** *Коров казачьих со дворов свели, увеличив на колхозной ферме поголовье»*[212].

Вплоть до начала 1940-х краевые партийные структуры ВКП(б) практически открыто проводили политику сегрегации в отношении оставшегося на территории Азово-Черноморского края казацкого населения[213]. Например, все жители казацких хуторов из округи депортированной станицы Полтавской были переселены в принудительном порядке на одну улицу этого населенного пункта. Всех их объединили в один колхоз имени Шеболдаева.

---

[210] П.П. Литовка подчеркивает разницу в разговорном языке, которым пользовались этнические казаки (украинская казацкая «балачка») и переселенцы-иногородние (русский язык).

[211] Кубанский историк П.С. Макаренко, характеризуя преступную политику противопоставления казаков братским восточнославянским народам, с горечью пишет: «Из западных и центральных военных округов СССР, под бдительным надзором Политического управления РККА, на Кубань хлынул вал переселенцев. Многие из них никогда раньше не видели, как растет виноград, грецкие орехи и помидоры, не знали, как выращивать пшеницу, кукурузу и подсолнечник. Жителей белорусских и новгородских лесов, воронежских неудобий и ленинградских болот, никогда не видевших турлучных и саманных строений, большевистская пропаганда вновь толкнула на очередную подлость: отнять последнее у таких же бедолаг — казаков-«саботажников» — и присвоить себе. Варварски переименовывались названия старейших станиц: Уманская — в Ленинградскую, Полтавская — в Красноармейскую, Царская — в Новосвободную. Новым колхозам присваивались имена палачей: Бела Куна, Радека, Кагановича, Андреева, Шеболдаева». См. подробнее: *Макаренко П.С., 2012*. Указ. соч. — С. 65–66.

[212] П.П. Литовка вновь недвусмысленно показывает этническое различие между казаками и русским переселенческим «активом», для которого соленое сало, вполне обычное для казацкого стола, казалось каким-то экзотическим, редкостным лакомством. См. подробнее: *Литовка П.П.* «Саботаж» // Станица. Общеказачья газета. № 1(34). Январь 2001. — С. 30–31.

[213] 10 января 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на две части: западную — *Азово-Черноморский край* и восточную — собственно *Северо-Кавказский край*, административным центром которого стал Пятигорск.

Голодные дети руками «перекапывают» убранное картофельное поле в надежде найти случайно оставленные клубни. Одному мальчугану (второй слева) повезло - он радостно улыбается. Село Удачное. Донецкая область УССР (территория бывшего Войска Донского). Осень 1933 г.

Только одна бригада в этом казацком по этническому составу колхозе была сформирована из неказаков — демобилизованных красноармейцев. Цель этого инонационального включения не скрывалась: «для пригляда за казачьим кулачьем» — так говорили сами красноармейцы. Помимо колхоза имени Шеболдаева в станице Красноармейской (бывшая Полтавская) организовали еще пять колхозов, состав которых формировался исключительно из переселенцев неказацкого происхождения: им. Балецкого, им. Ворошилова, им. Дзержинского, «Московский пролетарий», им. XVII партсъезда. Распределение оплаты за произведенную работу во всех вышеперечисленных хозяйствах различалось весьма значительно. Например, осенью 1937 года собрали хороший урожай — и во всех «переселенческих» (русских по этническому составу) колхозах работники получили на один трудодень по 10—12 кг зерна. В то же самое время казацким «недобиткам» в колхозе им. Шеболдаева выдали на трудодень только по 3 кг хлеба[214]. Подобные отвратительные факты циничной несправедливости в казацких районах Северного Кавказа на некоторое время стали правилом. Вплоть до периода интенсивной подготовки к военному столкновению с нацистской Германией (вторая половина 1930-х гг.) Советское государство дискриминировало казацкий народ не только в этнополитическом, но и в экономическом аспектах.

[214] *Макаренко П.С., 2012*. Указ. соч. — С. 81.

Декабрь 1931 г.: системно организованный старт Голодомора на Юге России. Российская историография, в соответствии с традицией первых отечественных исследований Голодомора (90-е годы прошлого столетия), обычно начинает хронологию этой катастрофы с поздней осени 1932 г. Однако, в свете новейших штудий данной проблемы отчетливо видно, что начало летальной фазы Голодомора нужно отнести, по крайней мере, на год раньше — к декабрю 1931 г.

Известный ростовский исследователь Т.Ю. Власкина, в этой связи, констатирует: **««Продзатруднения» с самыми тяжкими последствиями уже с декабря 1931 года испытывали более 1230 семей в хоперских и медведицких станицах Нижне-Волжского края. С апреля 1932 года голод охватил Вёшенский, Верхнедонской, Константиновский, Миллеровский, Тарасовский районы Северо-Кавказского края»** [*выделено нами. — Н.Л.*][215]. Приблизительно в это же время зверь Голодомора стал вырываться из большевистского лепрозория и на Кубани. К началу деятельности комиссии Лазаря Кагановича (конец октября 1932 г.) глубокий голод в большинстве станиц Северо-Кавказского края стал повседневным явлением. Однако, катастрофа набирающего все бóльшие масштабы голодного мора оказалась на периферии внимания центральных и региональных властей Советского режима. Организация все более жестоких и массовых реквизий остатков продовольствия у голодающего населения — вот что, в основном, заботило краевые и центральные структуры ВКП(б). Опыт жесточайшего государственного террора, предпринятого Л.М. Кагановичем на Кубани против населения непокорных казацких станиц, не только не был решительно осужден, но, напротив, получил горячее одобрение партийной верхушки ВКП(б). Более того, Кремль принял решение перенести страшные методы продовольственных и этнических чисток «по Кагановичу» в другие казацкие регионы Юга России.

В начале ноября 1932 года руководство Нижне-Волжского края получило директивную телеграмму ЦК ВКП(б) за подписью Сталина-Молотова, в которой подробно излагались действия на Кубани комиссии ЦК партии, возглавляемой секретарем ЦК Лазарем Кагановичем. В документе, в частности, говорилось: ***«ЦК и СНК предупреждают крайком, что ссылки на цифры об урожайности, как причину невыполнения установленного плана, не могут быть приняты во внимание, так как эти цифры явно преуменьшены и рассчитаны на обман государства. <…> Если в кратчайший срок не будет организован в крае действительный перелом в хлебосдаче, ЦК и СНК будут вынуждены прибегнуть к мерам репрессий, аналогичным репрессиям на Северном Кавказе»***. В телеграмме особо подчеркивалось требование безусловного выполнения плана «хлебозаготовок» по пшенице. Руководители отстающих по хлебозаготовкам районов Нижне-Волжского края, фамилии которых были сообщены Центральному комитету ВКП(б), решением крайкома партии от 26 октября 1932 года, предупреждались о персональной ответственности и возможности их исключения из партии. Аналогичная по содержанию директива была в этот же период (ноябрь 1932 г.) направлена и в Средне-Волжский крайком ВКП(б)[216].

---

[215] *Власкина Т.Ю., 2009*. Указ. соч. — С. 158. Поскольку в «народной» Стране Советов никакого голодного мора, конечно же, в принципе возникнуть не могло, конкретные факты глубокого и даже летального голода на большевистском сленге именовались «продзатруднениями». Трудно вспомнить пример более античеловеческого, изощренного цинизма!

[216] См. подробнее: ЦДНИОО. Ф.18. Оп.1. Д.338. Л.85; ЦДНИСар.О. Ф.470. Оп.5. Д.10. Л.43.

Партийное руководство Нижне-Волжского края (равно как и на Средней Волге) немедленно отреагировало на директиву «сверху» выпуском еще более жесткого циркуляра, в котором потенциальные угрозы ЦК партии были переведены в практическую плоскость. 10 ноября 1932 г. бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) приняло специальное постановление «О ходе хлебозаготовок». В нем отмечалось, что «ввиду позорного срыва выполнения планов», Нижне-Чирскому, Клетскому, Мало-Сердобинскому районам объявлялся экономический бойкот. В эти районы полностью прекращался завоз товаров, а их руководство было объявлено «чуждыми и вредными элементами» — со всеми вытекающими партийными и репрессивными последствиями. Во все районы Нижне-Волжского края, «для ускорения выполнения плана хлебозаготовок» (фактически — для полного опустошения продовольственных запасов хлеборобов) направлялось 38 спецуполномоченных крайкома и крайисполкома. Сомневаться в наличии у таких функционеров волюнтаристских и даже садистских наклонностей, а также соответствующего «революционного» опыта, увы, не приходилось[217].

Партийные аппараты ВКП(б) в административных краях Юга России не могли не знать, что у местного населения сельских районов, после уже проведенных «хлебозаготовок», никаких зерновых запасов практически не осталось, а следовательно, — нечего было уже «изымать». Большевизм действительно добился полного равенства сельских тружеников, вне зависимости от национальности конкретных людей, — равенства в нищете, страхе и безысходности. Начиная с середины 1929 года, на Юге России и в Украине происходил ни на мгновение не останавливаемый процесс последовательного разграбления и без того скудного достояния сельского населения. К ноябрю 1932 г. метла хлебных реквизий («хлебозаготовок») вымела амбары, зерновые лари и даже продовольственные тайники несчастных селян буквально начисто. «К этому времени, — пишет о ноябре 1932 года профессор Е.Н. Осколков, — из закромов дворов колхозников и единоличников было изъято все зерно, а зачастую и все продовольствие. Ничего съедобного нельзя было найти и в вымороженных полях и рощицах. Голод охватил станицы, хутора и села Дона, Кубани и Ставрополья»[218].

По мнению директора Научно-исследовательского центра ГНТУ «Кубанский казачий хор», профессора Н.И. Бондаря, голод 1932—1933 гг. относился к категории «рукотворных», «искусственных». «Складывается такое впечатление, — констатирует Н.И. Бондарь, — что голод спланирован и осуществлен сознательно и, так же как и коллективизация, высылка/депортация, являлся продолжением Гражданской войны». Далее исследователь отмечает, что в период Голодомора большевики не скрывали, что целью их политики является окончательное сокрушение протестного потенциала казачества[219].

В этом отношении очень показательно выступление Л.М. Кагановича на расширенном заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в ходе которого, в частности, «сталинский апостол» подчеркнул красной линией: ***«На селе, особенно на Кубани, еще остались представители кулачества. Они нами разбиты, потрепаны, потеряли прежнюю мощь, но еще живы»***[220]. Вряд ли может возникнуть вопрос: кого именно подразумевал

---

[217] Борьба [газета]. 1932. 10, 17 ноября.

[218] *Осколков Е.Н., 1991.* Указ. соч. — С. 71.

[219] *Бондарь Н.И.* Код смерти (голод на Кубани 1932—1933 гг.)// Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 гг. Материалы науч.-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 142.

[220] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930—1933. — М., 2001. — С. 549—553.

Каганович под эвфемизмом «кулачество»? В казацких регионах Юга России это шельмующее определение с конца 1920-х гг. применялось Советским режимом, практически исключительно, — для негативной характеристики этнических казаков. Таким образом, не какой-нибудь местный партийный активист, но член Центрального комитета партии, спецпосланник Политбюро ЦК в Северо-Кавказском крае прямо и недвусмысленно призвал к физическому уничтожению казацкого населения. Российский исследователь Голодомора В.В. Кондрашин в одной из своих работ специально отметил: **«Необычайная жестокость, которую Советская власть проявила зимой 1932/1933 года на Северном Кавказе, в значительной мере результат открытого столкновения, лицом к лицу, Кагановича и казачества»** [*выделено нами. — Н.Л.*][221].

В тяжких социально-политических условиях «великого перелома» начала 1930-х годов для массового уничтожения казацкого населения Юга России уже не нужны были многотысячные армейские подразделения или хотя бы спецотряды ОГПУ с пулеметными командами. Имущественное достояние и продовольственные запасы селян Кубани, Дона, Нижней Волги, Южного Урала были разграблены большевиками настолько основательно, буквально дотла, что основная масса тружеников станиц, хуторов и сел уже в середине 1932 г. оказалась вообще без каких-либо продуктов питания, отложенных «на черный день». Нужен был только легкий толчок, чтобы методично создаваемый режимом ВКП(б) механизм убийства голодом заработал на полную мощь. Таким внешним толчком, сорвавшим лавину летального Голодомора, стали санкционированные краевыми властями и проводившиеся активистами «комсодов» тотальные изъятия всех и всяческих продуктов питания еще остававшихся у хронически голодавших, опухавших от длительного недоедания селян.

Этнический казак И.И. Ермаков, проживавший в период Голодомора в станице Успенской Белоглинского района Кубани, вспоминает:

«В первый колхозный год расчет годовой был прост. Выдали в конце 1929 года по 9 пудов — 144 кг зерна на едока. Это на год, до следующего урожая, было явно недостаточно. Считалось нормальным иметь 300 кг зерна в год на каждого члена семьи. На второй год (на трудодень) выдали и того меньше. А уж на третий колхозный [1931 г. — Н.Л.] *наша семья, 9 человек, получила всего 4 мешка ржи, это около 300 кг, т.е. такое количество зерна, что в норме надо иметь на одного человека. В 1932 г. наша семья получила за целый год работы в колхозе всего лишь 1 мешок (40 кг) кукурузы в початках. Народ оставили без хлеба совершенно.*

А сверху, из Москвы, шли приказы за приказами в район, в колхозы: «Хлеб, хлеб, хлеб, немедленно и весь». Разумеется, с угрозами, за невыполнение — суд, расстрел. И пошли по дворам комиссии содействия, т.е. комсоды, во главе с представителями райкома, крайкома, политотдела МТС. Грабили все подряд: фасоль, горох, коноплю, тыквенные, огуречные, дынные семечки. Все, что можно было подогнать под рубрику «зерно»[222].

Это и многие сотни аналогичных свидетельств очевидцев о целенаправленном урезании и без того минимального, фактически издевательского (в сравнении с чудовищными норма-

---

[221] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 309.

[222] ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.1225. Л.34—39. (Собрание воспоминаний-откликов на статью И.И. Алексеенко).

тивами выработки на один трудодень) зернового довольствия селян накануне летальной фазы Голодомора подтверждаются ныне объективными цифрами исследований. **Северо-Кавказский край, являясь одним из основных поставщиков товарного хлеба в Советской России, накануне Голодомора вошел в число регионов с НАИМЕНЬШИМ количеством зерна, выданного колхозникам на трудодни.** В 1931 году в колхозах края на один трудодень было выдано по 2,5 кг зерна, а в 1932 г. — только 1,4 кг[223]. Следует отметить, что это округленная (средняя) цифра по краю и часть колхозов (особенно в казацких станицах Кубани) не получили зерна вообще. В свете этих данных представляются удивительными, логически необъяснимыми (чтобы не использовать более жесткие эпитеты) категоричные заявления некоторых влиятельных функционеров от исторической науки Росфедерации о том, что им не известны, якобы, исторические факты в пользу концепции «голодомор-геноцид»[224].

Кубанский исследователь В.Н. Ракачев констатирует, в связи с этим, что государственная политика хлебозаготовок осуществлялась в 1932—1933 гг. в Северо-Кавказском крае «под страшным прессом репрессий». В целом по краю к 15 января 1933 г. было заготовлено 18,3 млн. центнеров хлеба. Для этого, подчеркивает историк, пришлось изъять из колхозов 2/3 валового урожая зерновых, включая и весь семенной фонд[225]. Это, однако, не спасло станицы и хутора края от дальнейшего разграбления административно-карательной машиной Советского государства. Уже 20 января 1933 г. крайком ВКП(б) своим постановлением обязал районы СКК, не выполнившие плана хлебозаготовок, продолжить реквизии зерна. Одновременно началась кампания по принудительному изъятию у колхозников семенного зерна для весеннего сева. Специалисты отмечают, что из практически пустых амбаров сельских жителей необходимый Советскому государству хлеб «удалось выгрести вплоть «до последнего зерна» и тем самым сделать неизбежным наступление голода в основных житницах страны»[226]. **Фактически хлебозаготовки на Юге России продолжились вплоть до весны 1933 г., т.е. отряды активистов «комсода» хищнически орудовали в станицах, хуторах и селах в тот самый период, когда там ежедневно умирали от голода многие десятки и сотни людей.** Даже сведения официальной советской статистики, заведомо ориентированные на затушевывание, преуменьшение террористического разграбления продовольственных запасов селян, четко показывают, что к началу летальной фазы Голодомора в Северо-Кавказском крае существовала резкая диспропорция между валовым производством зерна и так называемыми «хлебозаготовками». Оставшийся у селян хлеб (в основном — не в амбарах, а в советских учетных ведомостях) составлял в 1932 году лишь 48,6% их минимальной (прожиточной) потребности в зерне.

---

[223] *Белозеров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. — М., 2005. — С. 67.

[224] Например, о таком поразительном «неведении» сравнительно недавно поведал председатель Архивного совета РАН, чл.-корреспондент В.П. Козлов. См. подробнее: Голод в СССР. 1930—1934. Сб. документов. — М., 2009. — С. 7.

[225] *Ракачев В.Н.* Государственная политика хлебозаготовок 1932—1933 гг. на Кубани и ее демографические последствия// Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 гг. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 129.

[226] *Кондрашин В.В., 2003.* Указ. соч. — С. 146.

Валовое производство, заготовки и внутридеревенский остаток зерна в Северо-Кавказском крае 1928-1932 гг., (млн. центнеров)[227] *Табл. 2*

Год	Валовое производство		Заготовки; в процентах к валовому производству		Внутридеревенский остаток; в процентах к минимальному прожиточному уровню	
	млн. ц.	%	млн. ц.	%	млн. ц.	%
1928	**49,3**	100	**10,7**	21,7	**38,6**	78,3
1929	**52,5**	100	**17,6**	33,5	**34,9**	66,5
1930	**60,1**	100	**22,9**	38,1	**37,2**	61,9
1931	**69,7**	100	**30,6**	43,9	**39,1**	56,1
1932	**35,6**	100	**18,3**	51,4	**17,3**	48,6

Доктор исторических наук А.Ю. Рожков собрал антологию кратких выдержек из воспоминаний людей, лично переживших зиму 1932–1933 гг. на Кубани. В результате получилась хотя и небольшая, но детально прорисованная картина Голодомора, которая способна повергнуть в смятение душу пусть даже самого зачерствелого человека. Трудно смириться с мыслью, что эта страшная мозаика тотального триумфа смерти возникла на исторической территории уничтоженной большевиками Российской империи, — еще в середине второго десятилетия XX века одного из самых гуманистических государств Европы.

«В станице умерло 60% населения, и были случаи — мать съела ребенка, или взрослый сын — мать. <...> Не было ни кошек, ни собак, не летали даже птицы».

«Я ходила на площадку (садик), нам — каждому ребенку — давали 50 г хлеба в день <...> дети лазили под столами, собирали крошки, которые трудно было отыскать».

«Парнишка вез на паре лошадей горючее для тракторов. Одна лошадь пала <...> не прошло и часа, как эта дохлая лошадь была разрублена на части пришедшими женщинами. Эти куски не понесли, а просто поволокли — у людей не осталось никаких сил».

«На улицах Краснодара не успевали подбирать мертвые тела. Не стало слышно лая собак. Из-за опасения попасть в аркан люди боялись выходить по вечерам на улицу».

«Умирали целыми семьями. Ели собак, собирали дохлых ворон вдоль дорог, лазили по мерзлым полям в поисках колосков или кочанов капусты. Ели дохлых курей. Были случаи и людоедства».

«Каждую ночь на подводы грузили детские трупы и вывозили на городское кладбище в общую яму. Работники детприемника организовали преступную группу. Умышленно

[227] Расчеты приведены по: *Ракачев В.Н., 2009*. Указ. соч. — С. 130.

Маленькие мученики Голодомора. Нижняя Волга.
Типичная картина массового летального голода: вывоз в похоронные рвы детских трупов

умерщвляли детей. Об их смерти заявляли только на третий день, хотя пайку хлеба они исправно получали на каждого ребенка и делили между собой».

«Я сам был свидетелем, как одну старушку тянули с печки, а она еще живая была и очень просила не трогать ее, и все же ее отвезли и бросили в яму. Одного парня <...> еще живого бросили в лесу прямо на трупы. Он очнулся, и ему удалось вылезть из ямы, и он до сих пор живой».

«Собирали мертвых и вывозили на кладбище, а там была выкопана траншея и стояла палка [мерный шест? – Н.Л.] *<...> Если траншея заполнялась* [трупами], *эту палку переносили к другой траншее».*

«Лошади дохли с голоду, и мы их ели, свиньи дохли – тоже ели, собак, кошек, ежей, лягушек. Вот такой у нас террор был. Были такие случаи – людей ели. Жили всегда в страхе <...> Мне уже пошел 80-й год. Сейчас бы жить да радоваться, а годы кончились»[228].

---

[228] Свидетельства последовательно: Ф.Г. Проценко (Армавир); А.В. Барданова (Кропоткин); К.А. Соколова (Славянск-на-Кубани); И.С. Куль (Краснодар); И.И. Ермаков (ст. Кущевская); Л.В. Белов (пос. Яблоновский); Г.И. Алексапольский (с. Гришковское); Д.И. Шень (ст. Платнировская); А.С. Смирнов (Апшеронск). Собраны в ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.1225. Л.2, 4, 9, 20, 23, 27, 40, 44–45, 59. Цит. по: *Рожков А.Ю.* «Мыши съели людей...»: память о голоде 1932–1933 годов в откликах на публикации И.И. Алексеенко// Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы науч.-практ. конф. – Краснодар: Традиция, 2009. – С. 52.

Оккупационный режим ВКП(б) не знал жалости и сострадания к трагедии восточнославянского населения: из черноморских портов, невзирая на гекатомбу трупов казаков, украинских и русских крестьян, регулярно выходили в море транспорты, вывозившие за рубеж отобранное у погибавших людей зерно. В 1932 году, несмотря на массовый голодный мор на Юге России и в Украине, из Советского Союза было экспортировано 1,8 млн. тонн (18 млн. центнеров) зерна[229]. По имеющимся расчетам этого количества хлеба было достаточно, чтобы обеспечить минимально необходимое питание, а следовательно — выживание 7 миллионов человек[230]. В первой половине 1933 г. за рубеж было отправлено 354 тыс. тонн зерна. По разным подсчетам это количество зерна могло сохранить жизни от 2 до 4 миллионов селян[231]. Как было показано выше, массовый голод в Украине, на Нижней Волге и Дону впервые стал приобретать летальный характер уже в декабре 1931 — январе 1932 гг.[232]. Режим ВКП(б) имел, таким образом, целый год для соответствующей реакции государственной системы на известия о начавшемся голодном море и для отказа от поставок зерна за рубеж. **Однако Советское государство не только не предприняло каких-либо действий по своевременному купированию начавшегося наступления голода в самых хлебородных регионах страны, но, напротив, резко усилило в этих регионах налогообложение, продовольственные реквизиции и государственный террор.**

Современные апологеты режима Сталина для оправдания преступления Голодомора приводят, в основном, два аргумента. Прекращение зернового экспорта в 1932—1933 гг. (ввиду отправки экспортного зерна для спасения голодающих) якобы самым катастрофическим образом отразилось бы на темпах индустриализации СССР. Данный тезис подкрепляется «априорным» вторым аргументом о том, что «великий вождь» прозорливо предвидел, ничтоже сумняшеся, — резкое усиление военной мощи Германии после прихода к власти НСДАП Адольфа Гитлера. Мифическая «прозорливость» И.В. Сталина будто бы всячески подхлестывала индустриализацию страны, в первую очередь, в секторе тяжелой промышленности. Итоговый вывод этих тенденциозных построений несложен: Голодомор стал исторически неизбежной расплатой за резко форсированные темпы индустриализации, при этом у Советского режима не было никакой иной альтернативы для того, чтобы встретить неизбежное наступление нацистов во всеоружии.

При внимательном, объективном рассмотрении эта аргументация «адвокатов дьявола» не выдерживает критики. Вплоть до начала 1933 г. взаимоотношения СССР с Германией неизменно развивались по восходящей амплитуде, а после краткого охлаждения в 1933—1934 гг. вновь, и уже до конца 1940 г., прогрессировали. Так, например, в первой половине 1932 года (т.е. уже в период Голодомора) СССР закупил 50% чугуна и стали, поставленных Германией на экспорт, 60% всего землеройного оборудования и динамо-машин, проданных немцами за рубеж, 70% всех металлообрабатывающих машин, 80% немецкого листового металла, 80% строительных и технологических кранов, 90% всех паровых и газовых турбин,

---

[229] *Ивницкий Н.А.* Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. — М., 1996. — С. 61.

[230] *Ракачев В.Н., 2009*. Указ. соч. — С. 250—251.

[231] *Tauger M.B.* The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // Slavic Review 50, №.1 Spring 1991. — P. 70—89; *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 250—251.

[232] РГАСПИ. Ф.631. Оп.5. Д.71. Л.12; Ф.78. Оп.1. Д.419. Л.63.

Обобщенный символ большевизма: трупы умерщвленных тем или иным способом людей, небрежно сваленные во рвы. Украина. (*Фотоархив Гавриила Раппепорта*)

паровых кузнечно-прессовых машин, поставленных на экспорт Германией. О самом тесном сотрудничестве Москвы и Берлина в период 1932—1933 гг. свидетельствует советник немецкого посольства в Москве Густав Хильгер: «Сотни и даже тысячи немецких инженеров и техников, не имевших работы, либо оказавшихся под угрозой безработицы [*в Германии. — Н.Л.*] были наняты советским правительством как специалисты, чтобы помочь индустриализации страны. Их количество было столь велико, что германскому посольству пришлось организовать школу для их детей в Москве, и оно было вынуждено столкнуться с различными проблемами вроде тех, что возникают при смешанных браках немецкого технического персонала с советскими женщинами»[233].

Таким образом, идея запуска механизма Голодомора в 1930 году возникла в недрах сталинского Политбюро отнюдь не под влиянием «прозорливой» мысли Вождя о скором, неизбежном военном столкновении с Германией, — для таких мыслей в этот период не было ни малейших оснований. Подлинная причина инициирования политики террора голодом состояла, очевидно, совершенно в другом. В апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) вынужден был разослать региональным отделам партии закрытый циркуляр «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии». В этом закрытом письме констатировалось, что страна стоит фактически на пороге новой Гражданской войны — ввиду «ошибок и искривлений», допущенных, якобы, местными функционерами ВКП(б), вопреки в целом «правильной линии» партии, т.е. сталинского Политбюро. Партработники открытым текстом информировались, что в феврале 1930 г. на Юге России, в Украине, в Сибири и Казахстане возникла угроза ***«широкой волны повстанческих***

[233] *Хильгер Г., Мейер А.* Россия и Германия. Союзники или враги?/ Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.: Центрполиграф, 2008. — С. 293.

крестьянских выступлений, [во время которых] ***добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»***[234].

Данный циркуляр ЦК позволяет понять, что весной 1930 года отнюдь не гипотетический приход партии Адольфа Гитлера к власти и еще более гипотетическое военное столкновение с Германией заботили Центральный комитет ВКП(б). **Главной проблемой (и, соответственно, задачей) политического руководства ВКП(б) стала ликвидация потенциальной угрозы возникновения единого казацко-украинского повстанческого фронта, выходящего своими тылами на юго-западные и западные границы СССР.**

Даже много позднее — в 1932 г., когда Голодомор на Юге России и в Украине стал состоявшимся фактом и стремительно приобретал катастрофический размах, потенциальная опасность НСДАП вряд ли могла насторожить кремлевский ареопаг. На выборах 5 ноября 1932 года национал-социалисты потеряли более 2 млн. голосов избирателей, а их властные перспективы выглядели весьма туманными. В этот период военная машина Германии лежала в развалинах, немецкая тяжелая промышленность пережила тотальную конверсию и пребывала в кризисе, германский рейхсвер насчитывал смехотворные по советским меркам 100 тысяч сухопутных войск и фактически не располагал тяжелой артиллерией, танками, боевыми самолетами и т.п. Потенциальная угроза гитлеровской Германии в полной мере не осознавалась партийной элитой ВКП(б), по-видимому, даже в 1935 г. Формальный глава Советского государства, председатель Совнаркома СССР Вячеслав Молотов, выступая 28 января 1935 года на VII Всесоюзном съезде Советов, уверенно заявил, что нацистская доктрина не является препятствием для взаимовыгодных, плодотворных отношений Советского Союза и Германии[235].

Стратегическое мышление И.В. Сталина может считаться образцовым только в постсоветском «королевстве кривых зеркал». В результате стратегического решения сталинского Политбюро о коллективизации — только прямые потери Советского Союза в народонаселении составили около 10 млн. человек. Сельское хозяйство страны по уровню развития откатилось на несколько десятилетий назад, а объем зернового экспорта СССР смог вновь достичь уровня внешних поставок доколхозной советской деревни только к 1940 году. Военная катастрофа 22 июня 1941 г. стала зримым результатом сталинской «гениальной стратегии» в оборонной сфере.

Плановая экономика Советского государства самой технологией принятия решений скорее подталкивала к детальным расчетам, а не к их отсутствию. В этом смысле сталинское руководство СССР можно назвать «правительством скаредных бухгалтеров», поскольку по его поручениям, например, в сфере сельского хозяйства детально подсчитывались не только лошади, но и число (и даже тип) телег, число хомутов, седельных комплектов и т.п. Поэтому невозможно представить ситуацию, что И.В. Сталин не знал, что в целом весь зерновой экспорт 1933 г. принес экономике страны существенно меньше иностранной валюты, чем продажа за границу за тот же период советской пушнины. Аналогичной была

---

[234] Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. — М., 1989. — С. 390.

[235] *Хильгер Г., Мейер М., 2008*. Указ. соч. — С. 327.

Семья умирает от глубокого голода. Отчаявшаяся мать продолжает просить милостыню, но ее дети уже обречены. Голодомор. Кубань

ситуация и в предыдущие годы. Кроме того, «великий Вождь», конечно же, был информирован, что в 1933 году, в условиях резкого падения мировых цен на пшеницу, экспортные поставки зерна увеличили внешнеэкономическую прибыль СССР всего на 7%. Действительной ценой этой «прибыли» стало убийство голодом не менее 7 миллионов селян (от 7 до 10 млн. по разным оценкам). **В 1932–1933 гг., когда летальный голод выкашивал почти начисто казацкие станицы и украинские села, совокупный финансовый объем экспорта зерна составил всего 369 млн. рублей. В этот же период доходы государства от экспорта советских лесоматериалов и нефтепродуктов оценивались в пять раз бóльшей цифрой – 1570 млн. рублей**[236].

И.В. Сталин, В.М. Молотов, другие высокопоставленные деятели ВКП(б), ответственные за финансово-экономический блок Советского государства, уже по роду своей деятельности были информированы о вышеприведенных экономических показателях. Прекращение экспорта зерна во второй половине 1932 г. сроком на 1,5–2 года, перераспределение экспортного зернового фонда на помощь голодающим регионам и на усиление экономического базиса колхозов, по большому счету, никак не повлияли бы на темпы индустриального строительства в СССР. Более того, сохранение утраченного демографического потенциала страны в 7–10 млн. человек позволило бы усилить дополнительными

[236] *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. – М.: Изд-во МГОУ, 1993. – С. 125–126. См. также: История СССР. 1990. № 4. – С. 17–18.

трудовыми ресурсами, как процесс индустриализации, так и процесс формирования новой массовой армии Страны Советов. **Поскольку Советским правительством не были приняты самоочевидные меры по ликвидации массового голода на Юге России и в Украине, а напротив, политика Голодомора во второй половине 1932 г. еще более ужесточилась, логично предположить, что в основе принятия правительственных решений по этой проблеме лежали отнюдь не финансово-экономические или военно-стратегические соображения.**

Авторы фундаментального академического сборника «Голод 1932–1933 годов в Украине: причины и последствия», изучив обширный пласт документов партийных и советских структур ВКП(б), а также многочисленные свидетельства непосредственных очевидцев террора голодом в Украине, пришли к заключению, что Голодомор 1932–1933 гг. характеризуется всеми квалифицирующими признаками преступления геноцида, целенаправленно спланированного и осуществленного Советским государством. Историк Л. Гриневич в этой связи подчеркивает: «Непостижимая для человеческого разума бездеятельность Советской власти в условиях Голодомора, особенно — на фоне инициированной «сверху» информационной блокады этой трагедии, повергла в шоковое состояние украинское общество, породив в его части твердое убеждение, что людомор 1933 г. — это не просто «ошибка в хозяйственных расчетах», а целенаправленная акция коммунистической власти против украинцев, закономерное последствие колониального статуса Украины»[237]. Аналогичной, резко негативной характеристики заслуживает преступная деятельность Центрального комитета ВКП(б) и его эмиссаров по организации летального голода казацкого населения на Юге России.

Специальные меры Советского режима по усилению летального эффекта системы Голодомора. Документы и многочисленные свидетельства очевидцев не оставляют сомнений: в 1931–1933 гг. Советское государство по уровню жестокости, проявленной к массово вымиравшему от голода населению Юга России и Украины, сумело превзойти даже колонизаторов Британской империи[238].

В 1877–1878 гг., для ослабления голодного мора среди коренного населения Индии, британская колониальная администрация оплатила из государственной казны покупку нескольких миллионов тонн риса в Бирме и за государственный счет доставила его голодающим[239]. Ничего подобного в период Голодомора 1932–1933 гг. Советское государство не сделало и не собиралось делать. Известный российский исследователь Голодомора, в этой связи, констатирует: **«Советское государство критически относилось к идее импорта в страну не только продовольствия, но и любых средств, способных хоть как-то ослабить**

---

[237] Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. — К.: Наукова думка, 2003. — С. 429.

[238] Французский морской офицер, писатель Пьер Лоти оставил поразительные по яркости описания летального голода в Британской Индии в конце XIX века. П. Лоти с искренним негодованием описывает, как из внутренних районов Индии британские колонизаторы отправляли железнодорожные составы, плотно загруженные индийской пшеницей и рисом. Эти составы по пути их следования к морским портам осаждали толпы умирающих индийских детей «со сморщенными животами и протянутыми высохшими ручками, которые дрожащими голосами пели песню о голоде». Разве можно усмотреть принципиальные различия между этой страшной картиной и тем ужасом, что ежедневно происходил на землях Казацкого Присуда и в Украине в период Голодомора? См. подробнее: *Loti Pierre*. India, trans. George Inman. — London, 1995. — P. 171–172.

[239] *Davis M*. Late Victorian Holocausts: El Nifio Famines and the Making of the Third World. — London and N.Y., 2001. — P. 142.

страдания голодных людей. В частности, оно ничего не сделало для закупки за рубежом необходимых лекарственных средств [*выделено нами. — Н.Л.*]»[240].

В 1933 году голодающие районы Кубани и Нижнего Дона были охвачены массовой эпидемией малярии. Заболеть малярией для истощенного, длительно голодавшего человека означало гарантированную смерть. Вероятно, именно этот фактор стал причиной «странной» нерасторопности системы здравоохранения Советского Союза: за весь период Голодомора Советское правительство не сделало никаких шагов для закупки за рубежом лекарственного хинина. Вследствие полного отсутствия хинина и недостатка врачей смертность от малярии в казацких районах Северо-Кавказского края вплотную приблизилась к уровню смертности от глубокого голодания[241].

Циничным проявлением бездушия и нечеловеческой жестокости сталинского руководства стало резкое усиление налогового бремени, которое вряд ли случайно достигло своего пика именно в период 1931—1933 гг. Даже в трагическом 1933 году, т.е. в самый пик Голодомора, функционеры государственной машины СССР продолжали сбор налогов с умирающего (в буквальном смысле этого слова!) населения казацких станиц и крестьянских сел Северо-Кавказского края. **Неукоснительная выплата налогов рассматривалось оккупационным режимом ВКП(б) как символическая акция смирения казачества, безусловного подчинения казацкого населения воле Советского государства.** Идеологический фактор подстегивал дерзость и жестокость советских мытарей при практическом «потрошении» казацких станиц. Процесс сбора налогов с казацкого населения приобретал провокационный, а временами и нарочито издевательский, унижающий человеческое достоинство характер. В ответ казацкие станичные общества, отдельные семьи казаков в 1920-е и даже в начале 1930-х годов упорно старались не платить налоги ненавистному режиму большевиков. Казаки не понимали: отчего Советское государство, лишив казаков всех войсковых привилегий и даже родовых земель, тем не менее, требует с них еще и дополнительных налоговых выплат?

Уклонение казаков от уплаты налогов Советскому государству стало своего рода национальной казацкой формой сопротивления режиму ВКП(б). «Данное обстоятельство, — объясняет реакцию краевых властей на этот феномен В.В. Кондрашин, — наложило свой отпечаток и на характер действий организаторов хлебозаготовок и налоговых сборов в казачьих селениях Северо-Кавказского края в 1932—1933 годах. Они [*большевистские мытари. — Н.Л.*] хорошо понимали — с кем имеют дело, а потому действовали решительно, — как от них это требовал сталинский эмиссар Каганович. Необходимо было окончательно сломить сопротивление казаков»[242].

Системным воздействием многих насильственных факторов: государственным террором (расстрелы, концлагеря, депортации), убийством голодом, непомерными налогами, искусственно спровоцированными эпидемиями — сопротивление казацкого народа оккупационному режиму ВКП(б) было, действительно, сломлено. Ранее цветущий, подчеркнуто маскулинный, уверенный в себе, жизнерадостный казацкий

---

[240] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 256.

[241] *Кондрашин В.В., Пеннер Д.* Голод: 1932—1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). — Самара-Пенза, 2002. — С. 325

[242] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 248.

народ превратился в свою противоположность. Вместе с духом и сущностью казачества рухнуло, истончилось, обратилось в прах достоинство и достояние казацкого края — земель Присуда Казацкого. Многочисленные очевидцы зафиксировали в своих свидетельствах: как происходил процесс уничтожения «казацкого мира», и результаты состоявшейся катастрофы.

Зенина Ефросинья Дмитриевна (станица Темижбекская, Гулькевический район, Кубань):

«Спасаясь от голода, наш отец копал корни «мышиной кукурузы», молол их. Из такой «муки» мы делали баланду и ели. Но «советские представители» приходили и выливали баланду, если мы ее не успевали съесть. Людей специально морили голодом. Это делалось, чтобы станица вымерла от голода. В станице умерли почти все. Остались в живых только те, кто сумел бежать в Грузию. Или кто работал с Советской властью. А остальные умерли. Забирали все у всех».

Сидоренко Сергей Владимирович (хутор Гречаная балка, Калининский район, Кубань):

«В 1933 году был голод. Ходили [активисты] *по дворам и все забирали. Спрашивают про ячмень, пшеницу — на подводу и забирают. Приходили через каждые две недели. К концу 1932 г. отобрали даже горох, арбузные и тыквенные семечки. Забрали у нас даже сумочку с сушеными овощами. Поэтому весной 1933 г. нечем было сеять, и нечего было есть. Немного* [зерна] *было только у колхоза, у людей — ничего. <...> Некоторые люди успели вывезти в степь продовольствие и спрятать его там. Во дворах прятать было бесполезно. Все находили. Весной 1933 года люди были больные, пухлые. Многие умерли. Голод устроили, чтобы уничтожить казаков. Продукты отбирали по приказу приезжего начальства местные комсомольцы. Активисты. Среди актива тоже было много приезжих».*

Беда Петр Иванович (станица Челбасская, Каневский район, Кубань):

«Голод устроила власть. Приходили и отбирали все. Ничего [из продуктов] *не оставляли. Ходил забирать актив. Уполномоченный* [по реквизициям] *был не местный, а остальные все — местные. Из батраков. Искали спрятанное зерно железными щупами. Отбирали в основном у единоличников. Умирало много людей. Ездили трехколки и собирали мертвых. Умирали целыми семьями. Семья Богатирей вымерла вся. А в этой семье было много детей. Потому что забирали все, что есть. Не оставляли ничего».*

Логвин Мария Ефимовна (станица Дядьковская, Кореновский район, Кубань):

«Я прекрасно помню — какой был «саботаж». Это голод называли «саботажем». Знаете сколько людей поумирало! Раньше были большие русские печи. И семьи были большие: детей по 8, по 11 душ. И умирали дети с голоду прямо на той печке. Топить нечем, люди ослабли. И по хатам ездили [специальные команды] *— мертвых собирали. Сделали такие длинные палки с крючками, и стягивали этими крючками людей с печи, сразу по пять, по шесть человек. А около двора стояла телега, и в нее закидывали трупы как снопы. И на кладбище у нас могила была, куда их всех скидывали. По-человечески похоронить было некому. А кто был* [оставался живым], *у того не осталось никаких сил».*

Двойникова Ефросинья Дмитриевна (станица Губская, Мостовской район, Кубань):

«В 33-м году был голод. Люди по улице мерли, валялись. В тридцать третьем у меня братишка и сестренка с голоду померли. Остались только я и старшая сестра,

Трупы жертв голодного мора. Эти люди погибли в собственном доме в результате длительного глубокого голода. Херсон, Украина. (*Фотоархив Г. Раппепорта*)

мама раньше умерла. Забирали все. Мы, чтобы себе хоть что-то оставить, смешивали смолотую кукурузу с мусором, с песком, а потом на потолок хаты высыпали. А потом, по чуть-чуть выбирали из этого мусора крупу и ели. Потому что комиссия [комсода] *выгребала все — даже семена огурцов, помидоров, дыни, кавунов. Все выметали».*

Суханов Павел Ермолаевич (станица Ильинская, Новопокровский район, Кубань):

«Большевики создали «комсоды». Они ходили и отбирали у людей все. Это было в 1932 году. Пришли к нам брать хлеб. Отец говорит им: «Ну, какой хлеб! Ничего ж нету!» «Ну, мы будем искать». «Ищите!» <...> На столе у нас стояла четверть [большая глиняная бутыль]. *В ней сверху была простокваша, а внизу мать спрятала муку. Комсодовец сунул туда палку и нашел муку. Мать объяснила, что ей нечем кормить детей. Но он все равно забрал четверть. <...> Я однажды шел с сестрой копать норки* [сусликов — в поисках зерна]. *Увидели еще живого станичника, лежащего в луже. Хотели его вытащить. Нам прохожие отсоветовали: «Дети, вы его не вытащите, а сами умрете». Мы, действительно, его поднять-то не могли. Обратно идем, а он уже лежит мертвый. В станице умерло от голода много больше половины жителей. Из восемнадцати тысяч населения осталось четыре. На моего деда уполномоченный, двадцатипятитысячник, наставил пистолет — требовал зерно. Деду стало плохо с сердцем, и он умер».*

Петренко Алексей Николаевич (станица Надежная, Отрадненский район, Кубань):

«Мои родители наверное чувствовали, что будет голод. И перестраивали печку рускаю. Ну, значит, когда ее строят, там засыпают фундамент камнем или чем. А

Погибшие и умирающие люди на улице Донецка. Голодомор, 1932–1933 гг. (*Фотоархив Гарета Джонса*)

они [родители], *значит, сделали как пустое там. И туда* [в печную пустоту, в тайник] *насыпали кукурузы и позамазали. <...> В какой-то день я в школу пошел. Прихожу — мать голосит, пришли* [активисты], *эту досточку ударили и кукуруза посыпалась. Забрали все, все* [продукты] *забрали. И нас четверо детей осталося* [без всяких продуктов]. *И папашу тогда взяли, коней забрали. Десять лет моему отцу дали. И семья повалилась. У нас в семье в тридцать третьем трое детей в один день поумирали с голоду. Этот, самый маленький, как просил бедненький ладичко* [оладушку] *— на коленях. Так мне в память зашло...».*

Солодовникова Александра Стефановна (станица Некрасовская, Усть-Лабинский район, Кубань):

«А мы чего ели? То лебеды этой натолкуть, листьев этих намнуть и ели. И у меня еще был в 32-м году братик Коля, полтора года. И сажали колхозники картошку в поле. А у мамы косы были большие, и она в косы замотала две картошины и принесла. И сварила. А постелей у нас не было — все «комсодовцы» позабирали. Вот кровать деревянная, а на ней палки и камыш лежали. И мама с папой на кровати, а мне постелили камыш на полу, я на камыше спала. И мама меня поставила на койку, чтобы я Колю держала, чтобы он не упал. А он просит, ручки тянет: «Мама, йисть!» Она сварила эту картошку и дает ему: «Коля нехай ест, а ты большая». И Коле дала. И Коля взял эту картошечку двумя ручками и ест, а я стою — Колю охраняю. Коля потом лег и картошечка у него во рту. Лежит навзничь. А я: «Мама, а Коля картошечку не йисть!» Мы до Коли, а Коля мертвый...»

Умирающий от глубокого голода славянский мальчик просит хлеба. Поволжье. 1921–1922 гг.

Коплин Леонтий Митрофанович (станица Новорождественская, Тихорецкий район, Кубань):

Тут [в Новорождественской] *казаков если есть, то осталась сотая* [часть]. *Их не высылали, а просто они померли в голод много. Второе, когда коллективизация началася — они не идут в колхоз, их расстреливали.* [Расстреливали] *за станицей. Там расстреляли и моего отца. <...> Сюда присылали* [переселенцев] *с России, с Воронежской области. Много прислали. Были которые и сами приезжали. Были — прямо из армии. Говорят ему — ну, куда* [тебе поехать]? *Давай, на Кубань. Там людей нету* [после голода]. *Ну, говорят, там люди такие нехорошие — не хотят работать, а там* [на Кубани] *надо работать, надо землю пахать. Так им говорили там. Ну, они и приезжают. Вот казаков выслали, а дома стояли. Вот это твой дом — занимай и живи».*

Безгин Иван Иванович (станица Фастовская, Тихорецкий район, Кубань):

«В тридцать третьем весной, я помню, голод был страшный. Пухлые люди, погибали. Я вот в школу ходил далеко, три километра от дома. Идем оттуда, иду с товарищем. Заходим к нему, а у него отец и мать готовы — умерли. Страшно... <...>

Сколько погибло в голод я точно не знаю, но знаю, что наша станица была четырнадцать тысяч [жителей] *примерно, а после голода, если одна треть осталась, то это хорошо. И несколько улиц вообще их не стало. <...> И начали так называемые переселенцы сюда ехать, обыкновенные русские люди. И они в эти* [казацкие] *пустые хаты — их заселили и все»*[243].

[243] Выборка из воспоминаний очевидцев Голодомора, см. подробнее: Голод на Кубани: 1932–1933 гг. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор» // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 348–349, 351, 353, 355, 374, 379, 382, 410–413.

Веками спасительной традицией великорусских крестьян был уход во время голода из зоны бедствия. В условиях значительного недорода или при возникновении голодного поветрия трудоспособные крестьяне стремились уйти из своих деревень до начала уборочной страды, чтобы успеть наняться на сельхозработы в благополучных, урожайных областях страны. Русские простолюдины вербовались также на заработки в города, на дорожное строительство, на работу в заводских предприятиях. Казацкий народ не имел подобного опыта выживания — до советской оккупации земли Казацкого Присуда не знали голодных моров, повального воровства, массового доносительства, брошенных на произвол судьбы стариков и детей, здесь никогда не случалось безумие людоедства.

Советская власть, методично добиваясь полной аннигиляции казацкого этноса в русской этносоциальной среде, очень скоро научила казаков несвойственным для них крестьянским способам выживания. Специалисты отмечают, что в зимне-весенний период 1931–1932 гг. массовой голодной смертности на Дону и Кубани, на Нижней и Средней Волге удалось избежать, прежде всего, потому, что сельское население этих регионов имело возможность фактически беспрепятственно уйти из станиц и деревень на заработки и нищенское побирательство в промышленные центры России. Такая возможность открывалась в основном для молодых и малосемейных людей и была совершенно исключена для наиболее беззащитных слоев населения — для детей, стариков, многодетных матерей, пожилых женщин. Тем не менее, селяне Юга России, и казаки в том числе, спасались, как могли. Именно поэтому 1932 г. стал годом самого активного за период первой пятилетки ухода сельского населения из родных мест в города. Например, в Нижне-Волжском крае убыль сельского населения в 1932 году составила почти полмиллиона человек (476 тысяч). Для сравнения: в 1931 году эта убыль равнялась 227,7 тыс., а в 1930 г. (второй год коллективизации) всего 55,7 тыс. человек. В Средне-Волжском крае цифры убыли населения соответственно — 165 тыс. человек (в 1931 г. — 74,1 тыс. человек; в 1930 г. — 22,7 тыс. человек)[244]. Приблизительно в тех же масштабах происходил в 1932 году уход казацкого населения и русских крестьян из зоны Голодомора в Северо-Кавказском крае. Существенно бóльшим, можно сказать, массовым стал отток из родных сел украинцев — наиболее социально пластичных из всех восточнославянских народов.

Очевидцы Голодомора свидетельствуют, что на начальной стадии голодной катастрофы, когда у людей еще оставались физические и духовные силы, исход казаков из станиц Кубани был весьма значительным. Например, станицу Бейсугскую в последнюю декаду 1932 года покинуло более 320 станичников. Учитывая этнический состав этой станицы, можно предполагать, что это были в основном казаки. Практически из каждой станицы каждую ночь пыталось выехать по несколько семей. С 15 ноября по 10 декабря 1932 г. на Кубани органами ОГПУ были учтены полторы тысячи бежавших единоличников. Этническая принадлежность этих людей вряд ли может вызвать вопросы, поскольку именно этнические казаки, вплоть до самого пика Голодомора, стремились сохранить свою экономическую независимость в единоличных хозяйствах. Среди бежавших из зоны летального голода, как уже отмечалось выше, преобладали холостые или малосемейные мужчины. В начальный период Голодомора этнические казаки старались бежать не в Великороссию и Белоруссию, а

[244] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 205.

Беженцы из зоны Голодомора в поисках милостыни.
Судя по добротной одежде мужчины — совсем недавно он был вполне обеспеченным человеком

на юг — в основном в Закавказье, а также на Черноморское побережье, в Абхазию, на территорию национальных северо-кавказских республик[245].

Новый 1933 год не принес селянам Юга России и Украины ни радости, ни облегчения. Размеры продовольственных ссуд голодающим оказались ничтожны, да и те распределялись, в основном, среди демобилизованных красноармейцев, активно переселяемых в этот период в депортированные и вымирающие казацкие станицы. Спастись от голодного мора можно было только одним способом — уйти в те регионы страны, где голода не было, где сердобольные люди могли без угрозы для собственной жизни пожертвовать умирающим согражданам кочан капусты, или лукошко картофеля, отдать краюшку позавчерашнего хлеба. Понимая это, десятки тысяч казаков, украинцев, и даже русских «иногородних», которые оказались в зоне Голодомора, двинулись по замершим, завьюженным дорогам страны на север и северо-запад — в центральные районы РСФСР и в Белоруссию. Истощенные до крайности люди, одетые в рубище, зачастую держащие на руках умирающих детей, более похожих на маленьких иссохшихся старичков, — несчастные беженцы самим своим видом выносили приговор Советскому режиму ВКП(б) — самому страшному, беспощадному врагу восточного славянства во всей его многовековой истории.

Советская административно-карательная машина в лице органов ОГПУ, милиции, партийных контролирующих органов не могла, разумеется, оставить без внимания вопиющий, недопустимый, с точки зрения Политбюро ВКП(б), факт самовольного ухода селян от своего крепостного ярма в советских колхозах. Массовое спасение казаков и украинцев —

[245] *Васильев И.Ю., Зудин А.И.* «Голодомор» на Кубани 1932—1933 гг. в памяти очевидцев: обзорный очерк // Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 гг. Материалы науч.-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 189.

неисправимых, с точки зрения Сталина и Кагановича, возмутителей советского «концлагерного» единодушия в колхозах — также не входило, по-видимому, в планы сталинского Политбюро. Реакция советского государственного аппарата, санкционированная лично Иосифом Сталиным, последовала незамедлительно.

22 января 1933 года Центральный комитет ВКП(б) и Совнарком СССР разослали в соседние с Северо-Кавказским краем и Украиной регионы секретную директиву. В документе, в числе прочего, давалась организационная установка: ***«До ЦК ВКП(б) и Совнаркома дошли сведения, что на Кубани и Украине начался массовый выезд крестьян «за хлебом» в ЦЧО*** [Центрально-Черноземная область. — Н.Л.], ***на Волгу, Московскую область, Западную область, Белоруссию. ЦК ВКП(б) и Совнарком не сомневаются, что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации «через крестьян» в северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти».*** Директива предписывала органам ОГПУ ***«немедленно арестовывать пробравшихся на север «крестьян»*** [поставлено в кавычки самим Сталиным. — Н.Л.] ***Украины и Северного Кавказа и после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, выдворять остальных на места их жительства»***[246].

В кратчайшие сроки Советское государство предприняло ряд дополнительных мер, которые фактически закрепощали селянина, делая невероятно затруднительным, а в большинстве случаев — невозможным его уход из опостылевшего колхоза в другую местность или в город на заработки. В зерновых районах страны были учреждены дополнительные чрезвычайные органы контроля за селом — политотделы МТС, резко ужесточены правила законного отходничества (уход в города на заработки), введена паспортная система — предельно регламентированная и, вероятно, самая дискриминационная в мире.

Чекисты, специальные войска и советская милиция со всей энергией включились в исполнение очередной геноцидальной установки «великого вождя». Уже к началу марта 1933 г. административно-карательными органами Страны Советов было задержано 219.460 несчастных беглецов из зоны Голодомора. После соответствующей фильтрации 186.588 человек было принудительно возвращено обратно в их станицы, хутора и села — на верную гибель от голода[247]. Остальные уехали «эшелонами смерти» в ссылку или в концлагеря. Трудно сказать — кому из «профильтрованных» полутрупов повезло больше. В советских тюрьмах и концлагерях заключенным полагалась, по крайней мере, баланда. Высаженные из вагонов в зоне Голодомора, в основном на заброшенных полустанках, предельно истощенные люди могли рассчитывать только на духовную пищу — в раю, после своей гибели. **В истории человечества, до периода Голодомора 1932—1933 гг. в СССР, не было примера использования**

---

[246] Редактор третьего тома сборника документов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание», профессор И.Е. Зеленин отметил, что данную директиву Иосиф Сталин написал собственноручно (рукописный вариант сохранился) и только в машинописном экземпляре документа под ним появилась подпись В.М. Молотова. Этот факт дополнительный раз свидетельствует — как далеки от исторических реалий современные российские «патриоты», силящиеся обелить кровавый образ «великого вождя» и списать все преступления режима ВКП(б) против восточных славян исключительно на Троцкого, Свердлова, Ягоду и других большевиков еврейского происхождения. См. подробнее: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930—1933. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 32, 635.

[247] История СССР. 1989. № 3. — С. 46; Отечественная история. 1994. № 6. — С. 259.

Труп мужчины умершего от голода. В период Голодомора на Кубани и в Украине трупы погибших людей на улицах стали обычным явлением. Харьков. 1933 г. (*Фотоархив Г. Джонса*)

каким-либо государством административно-полицейских мероприятий для целенаправленного усиления летального эффекта массового голодного мора в среде собственного населения.

Можно спорить о том — являлся ли Советский Союз при Леониде Брежневе и Юрии Андропове «империей зла» (как именовал в этот период СССР президент США Рональд Рейган)? Однако, бесспорен факт, что с первых дней своего учреждения и вплоть до периода «перестройки» Страна Советов являлась уникальной в своем роде «империей лжи». В январе 1933 г., выступая на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), Иосиф Сталин с нечеловеческим цинизмом заявил, что «колхозники забыли о разорении и голоде», более того — «поднялись на положение людей обеспеченных». С явной угрозой для тех членов партии, кто мог бы усомниться в истинности этих постулатов, «великий вождь» пояснил: ***«Мы, несомненно, добились того, что материальное положение рабочих и крестьян улучшается у нас из года в год. В этом могут сомневаться разве только заклятые враги Советской власти»***[248]. В зале заседания объединенного Пленума сомневающихся в процветании советских селян, конечно же, не оказалось.

Через несколько недель, 19 февраля 1933 года, выступая на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников Сталин вновь повторил свой постулат об «улучшении материального положения» крестьян. ***«Мы добились того,*** — с апломбом вещал лидер Советского режима, — ***что миллионные массы бедняков, жившие раньше впроголодь, стали теперь в колхозах середняками, стали людьми обеспеченными.*** *<…>* ***Не менее 20 млн.***

[248] Правда. 1933. 10 января.

Смерть настигала людей повсюду. Женщина поднималась по лестнице на откос, упала и умерла. Восточная Украина. 1933 г. (*Фотоархив Г. Джонса*)

крестьянского населения, не менее 20 млн. бедняков мы спасли от нищеты и разорения, спасли от кулацкой кабалы и превратили их, благодаря колхозам, в обеспеченных людей». В конце выступления, сознавая, что совершенно скрыть информацию о голодном море на Юге России и в Украине не удастся, Иосиф Сталин дал четкую установку на полное забвение произошедшей катастрофы. ***«Главные трудности уже пройдены,*** — подытожил Сталин, — ***а те трудности, которые стоят перед вами*** [колхозниками. — Н.Л.], ***не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них»***[249]. В те же самые минуты, когда колхозники благоговейно слушали речь «вождя», — и Сталин об этом, конечно же, знал, — на Юге России, в Украине и в Казахстане погибали от глубокого голода сотни тысяч ни в чем не повинных селян…

«Соловей революции» Н.И. Бухарин в марте 1933 года в частном разговоре, явно пребывая в смятенном состоянии духа, вынужденно признал: ***«Даже 1919 год несравним с тем, что случилось между 1930 и 1932 годами. В 1919 году мы сражались за нашу жизнь. Мы казнили людей, но в это время мы рисковали и своими жизнями. В последующие периоды, однако, мы проводили массовое уничтожение абсолютно беззащитных людей — вместе с их женами и детьми»***[250].

Бухарин, бесспорно, прекрасно понимал, о чем говорил. Вся партийная верхушка ВКП(б) обширнейшими связями с которой располагал Николай Бухарин была детально осведомлена о происходящей в Украине, на Дону и Кубани, в Северном Казахстане голодной катастрофе. Вездесущие органы ОГПУ в охваченных голодом регионах регулярно предоставляли Кремлю самую подробную, даже скрупулезно собранную информацию.

---

[249] *Сталин И.В.* Сочинения. Том 13. — М.: Госполитиздат, 1951. — С. 241—243.

[250] Цит. по: *Александров К.* Коллективизация и Голодомор 1932—1933 годов: причины, механизм и последствия. — Посев. 2008. № 12. — С. 37.

Информация Секретно-политического отдела ОГПУ о голоде в районах Северо-Кавказского края

7 марта 1933 г.

Совершенно секретно

Тов. Менжинскому: Ягоде, Прокофьеву, Агранову

В отдельных населённых пунктах целого ряда районов СКК отмечается обострение продзатруднений.

Факты продзатруднений в районах: Курганском [Курганинском. — Н.Л.]***, Армавирском, Ново-Александровском, Лабинском, Невинномысском, Моздокском, Ессентукском, Крымском, Анапском, Ейском, Старо-Минском, Кущевском, Тихорецком, Медвеженском, Ново-Покровском, Каневском, Краснодарском, Павловском, Кореновском, Майкопском, Вешенском, Калмыцком, Константиновском и Тимошевском.***

По далеко неполным данным в этих районах учтено:

Опухших от голода 1742 чел.

Заболевших от голода 898.

Умерших от голода 740.

Случаев людоедства и трупоедства 10.

В голодающих населённых пунктах имеют место случаи употребления в пищу различных суррогатов: мясо павших животных (в том числе сапных лошадей), убитых кошек, собак, крыс и т.п.

Курганский район. ***Наблюдается массовый выход в поле населения с лопатами, топорами для копки мёрзлого картофеля и бурака. На одном из участков поля станицы Курганной обнаружено до 3 тыс. чел. мужчин, женщин и детей, собиравших оставшиеся неубранными овощи. В станице появилась вспышка брюшного тифа.***

Ново-Александровский район. ***Ст. Воздвиженская. Единоличница Щеглова, имея двух детей, питалась мясом собак. Обследованием квартиры найдены две собачьи головы, приготовленные для изготовления холодца.***

Ейский район. ***Ст. Ново-Щербинская. Колхозница Голояд, имеющая до 500 трудодней, питается древесными опилками. Единоличник Довженко питается собачьим мясом и крысами, семья его в 6 чел. (жена и дети) умерли от голода.***

Ново-Покровский район. ***Ст. Калнеболотская. Население в массовых размерах употребляет в пищу мясо кошек, собак и крыс. За последние две недели учтено около 100 смертных случаев.***

Лабинский район. ***Ст. Родниковская. 20 февраля заместитель начальника ПО МТС ночью обнаружил толпу в 30 чел., которые откапывали убитую сапную лошадь, намереваясь разобрать ее мясо.***

На почве голода в некоторых станицах Ейского, Старо-Минского, Тихорецкого, Невинномысского, Кущевского и Армавирского районов имели место случаи людоедства и трупоедства.

Ейский район. ***Ст. Должанская. 22 февраля комиссия по оказанию помощи продовольствием, производя обследование, установила, что гражданка Герасименко употребила в пищу труп своей умершей сестры. На допросе Герасименко заявила, что на***

протяжении месяца она питалась различными отбросами, не имея даже овощей, и что употребление в пищу человеческого трупа было вызвано голодом.

В той же станице установлено, что гражданин Дорошенко, оставшись после смерти отца и матери с малолетними сестрами и братьями, питался мясом умерших от голода братьев и сестёр. Оказана помощь выдачей хлеба.

Ст. Ново-Щербиновская. ***В 3-й бригаде колхоза жена кулака Елисеенко зарубила и съела своего 3-летнего ребёнка, семья Елисеенко состоит из 8 чел., которые питаются различными суррогатами (сурепа, силос и пр.) и мясом кошек и собак.***

На кладбище обнаружено до 30 трупов, выброшенных за ночь, часть трупов изгрызена собаками. Труп колхозника Резника был перерезан пополам, без ног, там же обнаружено несколько гробов, из которых трупы исчезли.

В 3-й бригаде жена осужденного Сергиенко таскает с кладбища трупы детей и употребляет в пищу. Обыском квартиры и допросом детей Сергиенко установлено, что с кладбища взято несколько трупов для питания. На квартире обнаружен труп девочки с отрезанными ногами и найдено варёное мясо.

Тихорецкий район. ***Ст. Ирклиевская. На кладбище задержан 14-летний сын единоличницы Анистрафенко, который вырыл труп ребёнка, намереваясь употребить его в пищу, труп отобран.***

Кушевский район. ***Ст. Ново-Пашковская. В семье единоличника середняка Ревы Петра от продолжительной голодовки умерли: слава семьи Рева П., сын Михаил 14 лет и сын Григорий 9 лет. Жена Ревы Надежда перенесла трупы умерших в погреб, забросав снегом.***

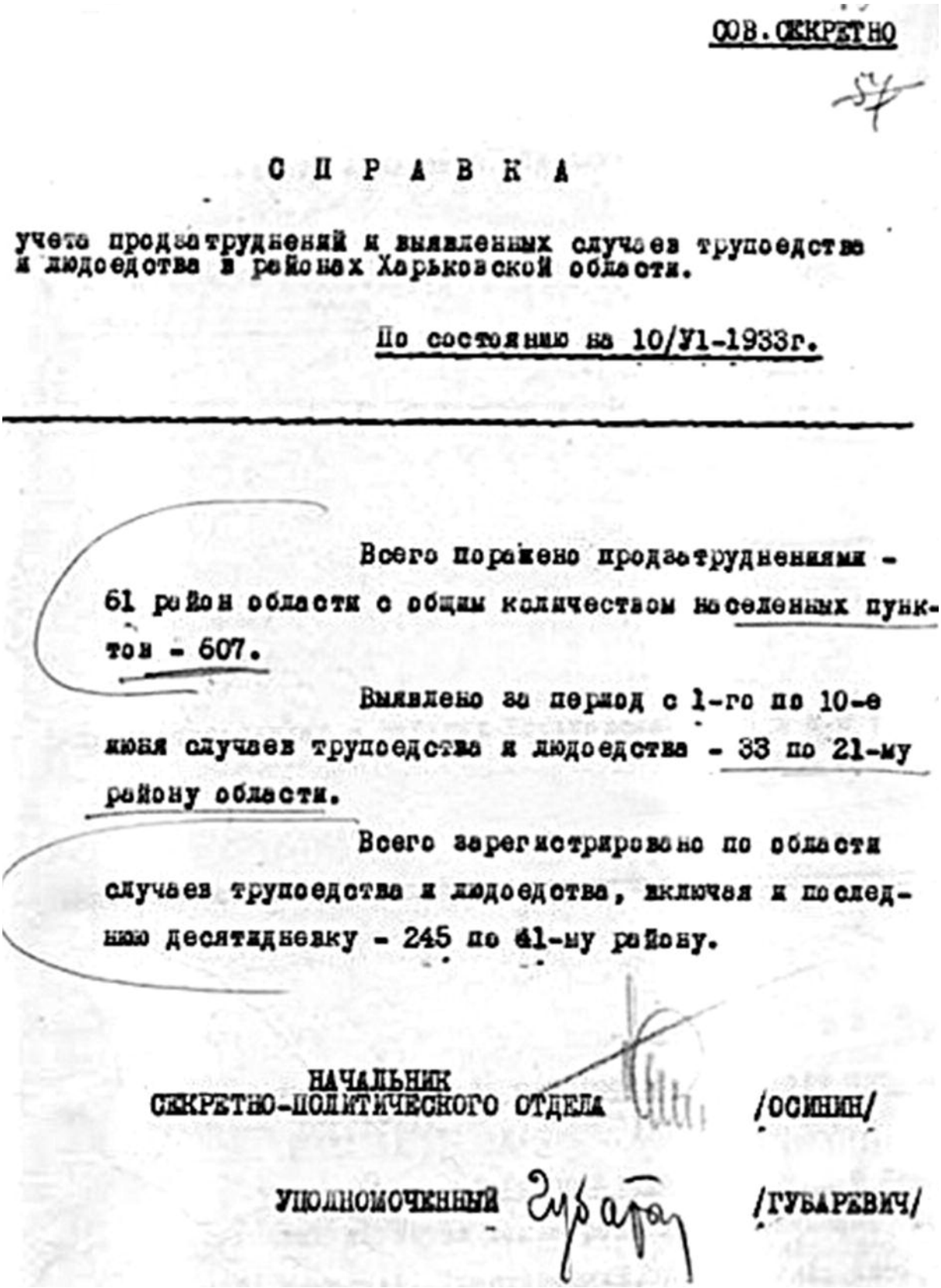
26 февраля член сельсовета Архипенко А. увидела Реву Надежду, выходящую из погреба со следами крови на платье. Об этом Архипенко сообщила председателю сельсовета. Проверкой факта установлено, что Рева Надежда вырезала у трупа сына Михаила мясо с бедер обоих ног. На вопрос, зачем это сделала. Рева ответила: «Это не ваше дело, я резала мясо со своего ребёнка, но его еще не ела».

О фактах продзатруднений информированы соответствующие районные и краевые совпарторганизации, через которых принимаются меры к заброске в эти районы продовольствия, медикаментов и медперсонала.

Начальник СПО ОГПУ Г. Молчанов
Начальник 2 отделения СПО ОГПУ Люшков[251]

В соответствии с тысячелетней традицией российского холопства высказанная в общих выражениях ложь «великого вождя» (большевистский вариант русского «доброго царя») мгновенно спустилась вниз по лестнице партийной иерархии и там, внизу, обрела особо омерзительный оттенок. Краевые структуры ВКП(б), подобно рептилиям — кожей ощущая «ледяной климат» Политбюро в вопросе Голодомора, дружно поднялись на борьбу с «вдохновителями пускания слушков о голоде». В.В. Кондрашин приводит весьма характерный пример действий властей в одном из районов Нижне-Волжского края со значительной демографической долей казацкого населения. В феврале 1933 г. на собрании районного актива

[251] ЦА ФСБ РФ. Ф.4. Оп.11. Д.42. Л.62–64.



ООВ. СЕКРЕТНО

57

С П Р А В К А

учета продзатруднений и выявленных случаев трупоедства и людоедства в районах Харьковской области.

По состоянию на 10/VI-1933г.

Всего поражено продзатруднениями - 61 район области с общим количеством населенных пунктов - 607.

Выявлено за период с 1-го по 10-е июня случаев трупоедства и людоедства - 33 по 21-му району области.

Всего зарегистрировано по области случаев трупоедства и людоедства, включая и последнюю десятидневку - 245 по 41-му району.

НАЧАЛЬНИК
СЕКРЕТНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА /ОСИНИН/

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ /ГУБАРЕВИЧ/

Сводка ОГПУ о фактах глубокого голода, трупоедства и людоедства в Харьковской области Украины. 10 июня 1933 г. (*Фотография подлинника*)

ВКП(б) Тамалинского района Нижне-Волжского края вышестоящее партийное руководство без обиняков заявило: ***«Не надо верить тому, что хлеба нет. Фактов, что с голоду пухнут, у нас нет. Нам втирают очки».*** Исследователь подчеркивает, что в действительности ситуация с голодным мором была противоположной. Только по сведениям начальника политотдела Тамалинской МТС, с января по май 1933 года в районе было зафиксировано 1028 фактов опухания колхозников от голода и 725 фактов смерти по причине длительного голодания[252].

Вскоре после выступления И.В. Сталина на съезде колхозников-ударников органам ЗАГС было запрещено регистрировать голодную смерть в регионах, охваченных Голодомором. Объяснялось данное распоряжение тем обстоятельством, что «контрреволюционные элементы», проникшие в статистические органы Советского государства, несомненно, попытаются «всякий случай смерти мотивировать голодом» с провокационной целью «сгущения красок для определенных антисоветских кругов». Поскольку отменить запись о смерти от голода было возможно, но сам факт смерти отменить было нельзя, последовало негласное распоряжение об изобретении новых, ранее неизвестных причин повышенной смертности. В 1933 году в актовых записях о смерти впервые в огромном количестве, по сравнению с предшествующими годами, появились такие диагнозы причин смертности населения, как «умер по неизвестным причинам», «от слабости», «от истощения желудка», «задохнулся» и т.п. «Трудно себе представить, — комментирует факт «государственной лжи» В.В. Кондрашин, — чтобы вдруг сразу же сельские врачи и фельдшера перестали понимать — от чего и как умирают в их селениях десятки и сотни крестьян, с которыми они совместно проживали многие годы! Это же относится и к работникам сельских Советов, которые непосредственно вели учет фактов гражданского состояния на территории Совета. **Поэтому появление в 1933 году в актовых записях о смерти указаний на смерть колхозников по неизвестным причинам было результатом выполнения работниками органов учета спущенной сверху установки на замалчивание голода** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[253]. Важно подчеркнуть, что государственная система Советского Союза, с фарисейским энтузиазмом заклеймившая сталинизм во время хрущевской «оттепели», тем не менее, продолжала упорно отрицать факт Голодомора, а также наличие многомиллионных жертв голода в этот период. Вплоть до 25 декабря 1987 года идеологические наследники большевиков вообще не признавали событие Голодомора 1932–1933 гг. на территории СССР.

Полное изъятие продуктов питания у сельского населения Дона, Кубани, Украины, в северных районах Казахстана и Поволжье стало основным (хотя и не единственным) методом режима ВКП(б) по запуску процесса убийства голодом. Блокирование войсками ОГПУ всех дорог, ведущих в зону голодной катастрофы, насильственное возвращение беглецов в погибающие станицы и хутора, запрет на информацию о голоде, административные препоны торговле продовольствием на селе[254] — эти дополнительные действия административно-

---

[252] *Кондрашин В.В., 2003.* Указ. Соч. — С. 238.

[253] *Кондрашин В.В., 2003.* Указ. соч. — С. 239–240.

[254] Советское государство репрессивными методами обеспечило приоритет для оптово-розничной торговли на селе (впрочем, и в городах тоже) только одной торговой организации — сети магазинов Всесоюзного объединения «Торговля с иностранцами». Фактически «Торгсин» являлся государственной сетью для узаконенного разграбления имевшихся у населения «валютных ценностей» (серебра, золота, драгоценных камней, предметов старины,

карательной машины ВКП(б) резко усиливали летальный эффект повсеместного изъятия продовольствия у селян, придавали Голодомору действительно тотальный характер. Конфискация всего продовольственного запаса (часто — даже самых жалких пищевых отходов) немедленно превращала давно живших впроголодь, изнуренных людей в инертную, неспособную даже к малейшему сопротивлению социальную массу. Фактор постепенного физиологического угасания, бесспорно, лежал в основе геноцидального замысла по поэтапному втягиванию многомиллионных регионов, населенных антисоветски настроенным населением, в смертоносные жернова Голодомора. Иллюстрацией этого процесса может служить донесение секретаря Сталиндорфского райкома партии, направленное в марте 1933 года в Днепропетровский обком КП(б) Украины: ***«…Отчаяние колхозников дошло до крайнего предела: люди перестали просить помощь, лежат в холодных неотапливаемых избах и ждут смерти»***[255].

Людоедство и трупоедство на Кубани в 1932—1933 гг. Многовековая история казацкого народа знает немало тяжких бедствий — изнурительные войны с кочевниками Великой Степи, нашествия армий Оттоманской Порты, Польши и Российской империи, преступный волюнтаризм имперских чиновников и наказных атаманов, не имевших в этническом аспекте к казакам ни малейшего отношения. Однако не было в казацкой национальной истории — до советской оккупации — такого страшного времени, когда обезумевшие от голода станичники подкарауливали бы в ночной темноте путников, чтобы их зарубить и съесть. В самом тягостном кошмарном сне, в самом жутком болезненном бреду не мог увидеть казак, как сошедшая с ума от страданий и безысходности казацкая женщина отрезает мякоть с ноги своего умершего ребенка, чтобы его почерневшей, опухшей плотью поддержать неумолимо уходящую из иссохших тел других ее детей жизнь. Оккупационный режим ВКП(б) открыл перед народом казаков и эту кромешную бездну. Горестные воспоминания очевидцев убедительно доказывают — в период Голодомора безумие людоедства стало если и не повсеместным, то, во всяком случае, весьма распространенным явлением.

Вивчарь Ефросинья Васильевна (станица Березанская, Выселовский район, Кубань):

«У моей свекрови пацан пишов до сусидкы, а она его взяла да заризала. Голову отризала… Потом она [соседка] *умэрла. Дитэй було двое у нее. Диты умэрли, и она умэрла»*[256].

Шрам Пелагея Григорьевна (станица Динская, Динский район, Кубань):

наличной валюты), которые в дооктябрьский период и во время НЭПа сумело накопить (сохранить) население СССР. За иностранную валюту, золотые и серебряные «царские» рубли, украшения из драгметаллов «Торгсины» продавали всем желающим любое продовольствие. Цены на все предлагаемые «Торгсином» товары, а особенно на продовольствие, были многократно завышенными, по существу, — грабительскими. В 1936 г., ввиду исчерпания каких-либо золотовалютных запасов у населения, сеть «Торгсин» ликвидировали. За 5 лет функционирования торговая сеть «Торгсин» принесла режиму ВКП(б) баснословный доход: 287 млн. золотых рублей (по другим данным — 270 млн.). Для сравнения: стоимость оборудования Челябинского тракторного завода составляла в эти годы 23 млн. руб., а все технологическое оснащение Горьковского автозавода обошлось советскому бюджету в 43,2 млн. рублей. Советские острословы читали аббревиатуру Торгсин так: «Товарищи! Опомнитесь! Россия гибнет! Сталин истребляет народ!»

[255] Голодомор 1932—1933 років в Україні. Документи і матеріали. — К., 2007. — С. 699.

[256] Запись этого и других аналогичных по тексту свидетельств сделана на кубанской казацкой «балачке».

«Двух моих сестер выслали, папу расстреляли, нас оставили [в станице]. *Было страшное время. Даже днем было страшно по улице ходить. Люди умирали целыми семьями. Ездили «санитары», грабили. Ломали двери, мертвых голых бросали друг на дружку и увозили в общие ямы, бросали их туда как чурки, а сундуки опустошали. <...> Убивали людей и люди людей ели. Продавали на базаре холодец. Милиционер проверял этот холодец и находил в нем детские пальчики. Расстреляли этих людей* [торговцев человеческим холодцом]».

Денисенко Марфа Никифоровна (станица Новодеревянковская, Каневский район, Кубань):

«Ото ж ловылы дитэй. Значить йшов мальчик, его послав батько: «Пиды до конзавода у лавку, купы табаку». Там дав ему шось. Сынок завэрнув [в улицу], *а вин* [чужой мужчина] *махнув ему рукою, показав шо дасть конфет, чи шо: «Иды сюда». Хлопыць же ны знав, пидишов, тот ево цап-царап. Голову долой, на горище, а ево... Оны дэсять дитэй так заризалы. Пойилы, зъилы. А було такэ, шо ты ще хороший* [т.е. еще не умирающий], *а я уже мэртва пошты. Я умэрла, ты обризаиш* [мякоть с тела], *и варыш йисты».*

Недбайло Иван Иванович (станица Новоминская, Каневский район, Кубань):

«В 1932-1933 годах был голод и повальный мор. Подъезжает бричка. Смотрю, а там руки-ноги [из нее] *торчат. Мать вышла. Кричат ей: «Есть мертвые?» Мать: «Слава Богу, живы покамисть».*

Одна женщина зарубила топором девочку. Разрубила ее на куски и наелась. Сама была пухлая».

Небавский Иван Гаврилович (станица Старонижестеблиевская, Красноармейский район, Кубань):

«Голод — это такое страшное. Началося все весной 33-го года. Доходыло до того, шо матеря дитэй резали своих. Л.., була така, значит мальчика пятилетнего собственного [сына] *зарезала. Наложила мяса в чугунок и пошла до стога соломы набрать. Набрала и отак на том месте застыла* [умерла]. *А другая мать, одна вжэ, Т.., та мальчика лет 11 зарезала и съела. Весной это было* [1933], *тогда со станицы никого никуда не выпускали, только в Славинску* [ст. Славянская]. *Морили людей, не выпускали. Так там* [в Торгсине], *за сэрэбряни кинжалы, там давали муки кукурузной тока, представляешь»*[257].

Поздней весной 1933 г. жернова массовой голодной катастрофы стали все шире захватывать те регионы СССР, в которых казаков и украинцев — основных этнополитических жертв политики Голодомора — практически не было[258]. Массово распухали от голода крестьяне

---

[257] Голод на Кубани: 1932–1933 гг. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции НИЦ ГНТУ «Кубанский казачий хор» // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 344, 349, 352–353, 365.

[258] Наиболее глубокий, летальный голод охватил те русские регионы, которые находились в непосредственной близости к землям Присуда или Украины. Жительница поселка Ртищево Саратовской области вспоминает о страшном голодном море в Среднем Поволжье: «Что самое страшное было в жизни? Это когда голод был. Люди падали, как инкубаторские цыплаки. Мы однажды с отцом купили на базаре холодец, а он, когда дома решили поесть, оказался из человеческого мяса, — ноготь от пальца нашли в нем. Моя бабушка почти весь голодный год пролежала без движения. Каждый день ждали, что вот-вот отойдет. А когда зернеца дали понемногу, принесли

**Типичная клиническая картина глубокого голода.
Молодая женщина, истощенная до состояния «мумии». (*Фотоархив Г. Раппепорта*)**

русских сел Поволжья, чья пробольшевистская позиция в годы Гражданской войны не позволила Донской армии атамана П.Н. Краснова захватить красный Царицын и соединиться с Колчаком. На севере Казахстана голодный мор перекинулся из вымирающих станиц бывшего Сибирского Войска в селения и аулы киргиз-кайсаков (казахов). В этот период Политбюро ЦК ВКП(б) постепенно стало осознавать, что Голодомор, замышлявшийся как локальная, ориентированная только на несколько непримиримых к процессу коллективизации казацко-украинских регионов, становится глобальной общегосударственной катастрофой, способной не только уронить международный престиж Советского Союза, но и существенно ослабить его военно-мобилизационный потенциал. С другой стороны, для «великого вождя» и его ближайшего окружения стало очевидно, что этнополитические цели Голодомора в полной мере достигнуты, т.е., употребляя терминологию Иосифа Сталина, — «петлюровцы» (украинцы) и «белогвардейцы» (казаки) настолько ослаблены и обескровлены, что в обозримом будущем уже никогда не смогут создать для политического режима ВКП(б) заметных проблем.

Отражая новые, сформированные Голодомором этнополитические реалии на Юге России и в Украине, 8 мая 1933 года в административные субъекты СССР была разослана секретная директива, в которой давалась установка на постепенное прекращение массового

ей махонький ломтик плюшки: «Вот, бабуля, встанешь теперь». А она этот ломтик взяла, прижала к губам и отвернулась. Поначалу мы и не поняли, а как повернули ей голову-то, а бабушка мертвая. Только на щеке слезу видно было». Цит. по: *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. Воспоминания Ксении Васильевны Филипповой. — С. 171.

государственного террора против селян. Терминология этого документа, например, указание — ***«прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий»*** — четко указывает на антиказацкую направленность (для территории РСФСР) политики убийства голодом. Как известно, режим ВКП(б) практиковал массовые депортации и «острые формы репрессий» (большевистский эвфемизм, означающий расстрельный террор), прежде всего, — в отношении казацкого населения. Иосиф Сталин, подписав вместе с Молотовым эту резолюцию, по существу признавал не только факт состоявшегося этнополитического разгрома казацкого и украинского народов, но и факт запланированного использования «острых форм террора» и убийства голодом для решения этнополитических задач Голодомора (геноцида). ***«Три года борьбы,*** — утверждали лидеры Советского государства, — ***привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне.*** <…> ***Наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников»***[259]. Сомневаться в искренности лидеров режима ВКП(б) не приходилось: действительно, к концу весны 1933 года депортированные, в значительной степени вымершие, а затем заселенные инонациональным элементом казацкие станицы навсегда утратили свой взрывоопасный для Советского государства этнополитический потенциал.

Таким образом, не требует специальных доказательств очевидный факт, что Политбюро ЦК ВКП(б) очень внимательно следило за возникновением и постепенным усилением голодного мора на Юге России и в Украине. Региональные комитеты ВКП(б), а также органы ОГПУ регулярно и весьма подробно информировали Кремль о происходящем. Следует отметить, что сообщения ОГПУ не свидетельствуют, по-видимому, о стремлении чекистов камуфлировать картину голодной катастрофы или выгораживать перед Центром региональные партийные власти. Тем не менее, директивной установки Кремля — немедленно остановить раскрутку маховика Голодомора — вплоть до конца февраля 1933 года не поступало. Только 23 февраля 1933 г., когда по улицам донских, кубанских и ставропольских станиц стали по несколько раз в день ездить «повозки смерти», подбиравшие окоченевшие трупы сотен умерших, бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) буквально «сквозь зубы» вынуждено было признать факт широчайшего распространения голодного мора в крае. По сведениям ОГПУ в этот период голод охватил подавляющее большинство сельских районов края. Голодали 21 из 34 кубанских, 14 из 23 донских, 12 из 18 ставропольских районов Северо-Кавказского края. В общем расчете, к весне 1933 года из 75 зерновых районов края Голодомор охватил 47 районов, или 63% территории края и имел тенденцию к расширению.

По степени глубины голода крайком ВКП(б) разделил районы края на три категории: «особо неблагополучные», «неблагополучные» и «прочие». К «особо неблагополучным» были отнесены 13 районов, в том числе 12 районов наиболее летально голодавшей Кубани: Армавирский, Ейский, Каневский, Краснодарский, Курганенский, Ново-Александровский, Ново-Покровский, Павловский, Староминской, Тимашевский, Шовгеновский и один район Ставрополья — Курсавский. К «неблагополучным» было отнесено 20 районов, в том числе на Кубани — 6, на Дону — 7, в Ставрополье — 7. В категорию «прочих» попали все остальные районы Северо-Кавказского края[260].

---

[259] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. — С. 746–750.

[260] *Кондрашин В.В., Пеннер Д., 2002*. Указ. соч. — С. 216.

Повозки с телами несчастных жертв Голодомора. В зоне летального голода «труповозы» каждый день объезжали станицы с целью вывоза вновь умерших людей в похоронные рвы. Нижняя Волга

«Особо неблагополучные районы» являлись территорией сплошного летального голода. Люди вымирали здесь целыми улицами, кварталами, хуторами. Социальный слой так называемых «единоличников», сформированный почти на 100% казацким населением и лишенный какой-либо продовольственной помощи со стороны советских органов власти, вымер здесь полностью. Обычным явлением в этой зоне стали случаи потери рассудка на почве голода, сопряженные с убийствами с целью овладеть продуктами питания, людоедством и трупоедством.

Воспоминания очевидцев страшной трагедии позволяют понять: до какой степени расчеловечивания, буквально озверения сумело довести всегда совестливых, даже богобоязненных станичников «народное» Советское государство.

С.В. Никифоров, выходец из русской рабочей среды Ростова-на-Дону, направленный в 1933 году по партийной разнарядке в кубанскую станицу Староплатнировскую вспоминает: «*На следующий день, накануне отъезда* [из станицы. — Н.Л.] *я получил большую булку хлеба на дорогу. Пришел в контору к счетоводу колхоза и стал укладываться. Счетовод жадно смотрел на хлеб. Он был уже пухлый* [от голода]. *Он вышел в коридор, а я подумал и решил отдать ему хлеб. У него и дети были пухлые. Я позвал его в комнату и говорю, что уезжаю в район, потом в Ростов, так что я буду скоро дома, поэтому столько хлеба мне не нужно. Я отрезал кусочек, а остальное отдал ему. Он вдруг весь задрожал и упал на колени, стал целовать мои сапоги и говорить: «Простите меня, простите меня, пожалуйста, я хотел вас зарезать, зарубить топором и забрать хлеб, простите меня!»*[261].

[261] Воспоминания Сергея Васильевича Никифорова// Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3. — С. 101.

Воспоминания простого русского человека, сумевшего даже в жутких условиях тотальной большевизации общественного сознания, сохранить человечность, отзывчивость к чужим страданиям, убедительнее любых квазинаучных построений современных апологетов сталинизма. Действительно, если даже советский служащий, счетовод колхоза (sic!) был доведен практически до грани безумия сознанием неотвратимости гибели от голода своих детей, — то в каком же психологическом и физическом состоянии находились в этот период простые селяне станицы Староплатнировской?!

Этнический казак Гордиенко Илья Филатович, житель кубанской станицы Старовеличковской, с неизбывным ужасом рассказывал исследователю из Краснодара: «*Уже весной* [1933 г.] *станица наша — ни одной улицы не було, шоб можно було пройти — все позарастали* [бурьяном]. *Потом началы уже некоторые люды людэй исты. Ловилы пацанив, ризалы, илы. Даже у нас там, хутор Курганы называлыся, там тетка, ее обнаружылы, шо она дитэй лове. Идуть же дети в школу, а она пиймает. А потом ее хотилы забрать* [арестовать]. *Но она закрылась* [в своем доме] *и спалила хату. И сама там сгорела, в тий хате*»[262].

В архивных, все еще не рассекреченных недрах ОГПУ-НКВД, жуткие тайники которых ревниво оберегают современные преемники Феликса Дзержинского, в период «перестройки» дотошные исследователи сумели «выловить» весьма характерный для рассматриваемого периода документ. В спецсообщении ОГПУ показывается положение в некоторых, просто «неблагополучных» по голоду районах Северо-Кавказского края. Здесь, по существу, все та же картина голодной катастрофы, как и в «особо неблагополучных» районах края: массовая гибель от голода простых селян, включая даже активистов колхозного движения, массовые отравления оголодавших до полубезумия колхозников, употребивших в пищу протравленный ядами посевной материал.

Спецсообщение
Секретно-политического отдела ОГПУ
о фактах смертности от голода
в Северо-Кавказском крае

7 апреля 1933 г.

По данным на 26 марта 1933 г. ***Совершенно секретно***

Шахтинский район. ***21 марта 30 подвод колхоза им. Ленина Владимирского сельсовета получили зерно с элеватора станции Зверево. После употребления в пищу картофеля и хлебных пышек, выданных колхозом, 15 подводчиков почувствовали отравление и с некоторыми начались галлюцинации, расширение зрачков, рвота и проч. Такое состояние у некоторых продолжалось в течение 5—18 час. Больные были помещены в больницу. Часть заболевших, бросив подводы, в пути разбежалась.***

[262] ПМ КФЭЭ—2000. Ст. Старовеличковская Калининского района Краснодарского края. А/К № 2102. Инф. Гордиенко Илья Филатович, 1918 г.р. Цит. по: *Матвеев О.В.* Методологические аспекты устной истории голода 1932—1933 гг. на Кубани// Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 гг. — Краснодар, 2009. — С. 23.

Приняты меры к выявлению причин отравления пищи. Полученное с элеватора зерно доставлено по назначению в сохранности.

Невинномысский район. ***В колхозе «Победа социализма» отравилось хлебом 8 колхозников. Отравление проявилось в легкой форме и на производственных работах не отразилось. Имеется подозрение в умышленном отравлении муки.***

Образец муки выслан для анализа в лабораторию г. Армавира. Следствие ведет заместитель начальника политотдела МТС.

Кущевский район. ***Ст. Шкуринская. На почве продзатруднений имели место факты смертности. 10 марта умер от голода колхозник Тригуб, активист, имеет 175 трудодней. Он неоднократно обращался в правление колхоза за выдачей продовольствия, но помощи не получил.***

По этой же причине умерли конюх Щербина, имеет 185 трудодней, и плотник Вольвач, активист колхоза № 3.

Вследствие значительной смертности трупы населением выбрасываются на кладбище, во дворы, сараи и пр. На кладбище скопилось до 100 человеческих трупов, лежащих на поверхности земли. Часть трупов зарыта в землю на глубину до 1 аршина.

Умирают в большинстве дети и мужчины.

Значительно увеличилось количество опухших, среди которых есть примерные колхозники, особенно в колхозах № 4 и № 5.

В числе опухших: Богачев — бригадир 4-го колхоза, Сергиенко — бригадир колхоза № 5 и ряд других лиц.

Начальник СПО ОГПУ Г. Молчанов
Начальник 2 отделения СПО ОГПУ Люшков[263]

Заключение информаторов ОГПУ о том, что катастрофа Голодомора уничтожала в казацких станицах, прежде всего, мужской генофонд подтверждается и другими источниками, никак не связанными с чекистской «охранкой». Например, в отчетном донесении начальника политотдела Новопластуновской МТС товарища Гатина, датированном 3 декабря 1933 г., читаем:

«Посевную кампанию [весны 1933 г.] ***пришлось проводить в труднейших условиях. Лошади падали в борозде, то и дело приходилось их поднимать, а в лучшем случае они каждые пять-десять метров становились.*** <…>

Станицы были как вымершие. Тишина. Ни песен, ни смеху. Запустенье. Под влиянием чуть ли не ежедневных смертей от истощения сильно было [у колхозников] ***такое настроение — «все подохнем»…***

Бригады полуразвалились. Правления колхозов ежедневно были осаждены колхозниками, которые просили о выдаче «хоть чего-нибудь, что можно было есть». И правления колхозов скупо выдавали на два-три дня то, что они имели: кислую капусту, березку и куколь[264]***, заменявшие хлеб. Значительная часть колхозников, от длительного***

---

[263] Документ хранится в ЦА ФСБ РФ. Цит. по: *Макаренко П.С.* 33-й год: Кубань… Голод… — Краснодар: Традиция, 2012. — С. 95—97.

[264] Куколь обыкновенный (Agrostemma githago L.) — однолетнее растение. Семена почти черные, 2,5—3,5 мм в диаметре, обладают снотворным, расслабляющим эффектом. В период Голодомора куколь широко использовался селянами Юга России для выпечки «хлебного» суррогата.

Обессиленные, умирающие от глубокого голода женщины у железнодорожных путей станицы Тимашевская. Кубань. 1933 г.

недоедания и питания суррогатом была пухлая. 1300 человек по району деятельности МТС [административный район станицы Новопластуновская. — Н.Л.] ***в эти предвесенние месяцы и первые весенние (март—апрель) вымерли. Причем большей частью взрослые мужчины и старики*** [выделено нами. — Н.Л.]. ***Женщины оказались выносливее»***[265].

Масштабы гибели людей в результате политики террора голодом 1932—1933 гг. в целом по СССР, а особенно на землях бывших Казацких Войск и в Украине, можно сопоставить только с потерями населения воюющих держав в мировых войнах. Даже совокупные безвозвратные потери обоих противников в таком крупном, очень кровопролитном военном конфликте как Русско-японская война 1904—1905 гг. на несколько порядков уступают в цифровом отношении колоссальному числу жертв Голодомора. На сегодняшний день не существует, к сожалению, единства мнений историков в оценке как уровня смертности в период Голодомора, так и в определении общего числа людей, уничтоженных в Советском Союзе механизмом искусственно созданного голода[266]. Это печальное обстоятельство предопределено, во многом, тенденциозной позицией российского историографического официоза. Многие представители официозного дискурса Росфедерации, причем весьма известные в сообществе профессиональных историков, длительное время были озабочены не столько

[265] ЦДНИКК. Ф.8069. Оп.1. Д.4. Л.6, 11, 16.

[266] Статистике жертв Голодомора посвящено немало работ исследователей. Вот некоторые из них: *Араловец Н.А.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: Проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии// Отечественная история. 1995. № 1. — С. 137—141; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. — Новосибирск, 2000; *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их было? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР)// История СССР. 1991. № 5. — С. 18—26; *Цаплин В.В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы// Вопросы истории. 1989. № 4 — С. 175—181; *Conguest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. — London, 1986. — P. 306.

выяснением действительных причин возникновения Голодомора и роковых для России и русского народа последствий этого преступления, сколько начетническими хлопотами вокруг обоснованности применения термина «геноцид» при квалификации этого преступления. «Общим местом» российской историографии были (и остаются) попытки лукавого ретуширования и преуменьшения вины режима ВКП(б) за развязывание политики террора голодом. Отдельные российские историки, силясь доказать, что прямые потери населения СССР от летального голода 1932—1933 гг. не превышали 4,8 млн. человек, сочли для себя морально возможным поставить выражение «демографическая катастрофа» (применительно к периоду Голодомора) в кавычки[267].

Любая ложь, включая, если можно так выразиться, — государственно заказанную, имеет свойство когда-то претерпевать позорное фиаско. Сегодня, под давлением неопровержимых доказательств объективной науки, даже такой «несгибаемый» представитель российского историографического официоза, политолог, член Общественной палаты Росфедерации Сергей Марков вынужден признать массовый голод 1932—1933 гг. «чудовищной катастрофой», в которой, по его мнению, «погибло более 10 млн. человек»[268].

Казацкое этническое сообщество под совокупным воздействием государственного террора периода коллективизации 1929—1931 гг. и последующего Голодомора 1932—1933 гг. подверглось глубочайшим, кардинальным этнокультурным и демографическим изменениям. Со скорбью приходится констатировать, что после 1933 года казацкий народ (в дореволюционном этнополитическом смысле этого определения) прекратил свое существование. Колоссальными оказались демографические потери казацкого населения, особенно на Кубани. Кубанский краевед, этническая казачка по происхождению, Светлана Сынча (Форсова) с горечью констатирует: «Нет полных данных о количестве умерших и депортированных казаков во время голода и геноцида на Кубани. Никогда мы не узнаем точного количества кубанцев, отправленных в ссылки и не вернувшихся оттуда, расстрелянных на месте в своих станицах или умерших в разных тюрьмах в 20—37-е годы. Только за годы голода в 1932—1933 гг., и только в Кореновском районе, по собранным мною данным ЗАГСа, умерло более 6,5 тыс. человек. Речь идет только о тех, чьи документы о смерти сохранились до наших дней». Мартиролог мучеников Голодомора в Кореновском районе Кубани, собранный С.М. Сынча (Форсовой), — с именами и фамилиями, возрастом и датами смерти селян, уничтоженных посредством глубокого голода, — поражает. В принципе, одного этого траурного свода, в котором поименовано 6394 жертвы Голодомора в одном только, причем не самом крупном районе Кубани, уже достаточно, чтобы предъявить всем членам Политбюро ВКП(б) периода 1929—1933 гг. (вместе с ними — и административно-карательной машине СССР) обоснованное обвинение в организации геноцида казацкого населения Юга России[269].

---

[267] См. например: *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и «демографической катастрофе» 30—40-х годов в СССР// Вопросы истории. 1988. № 3. — С. 116—121.

[268] По меркам исторической науки прошло совсем немного времени с того периода (конец XX столетия.), когда английский историк Роберт Конквест подвергался методичному шельмованию в российских научных изданиях за его якобы «тенденциозное» преувеличение жертв Голодомора: около 7 млн. человек. См. признание С.А. Маркова в материале интернет-портала газеты «Взгляд»: vz.ru/opinions/2016/11/27/846027.html

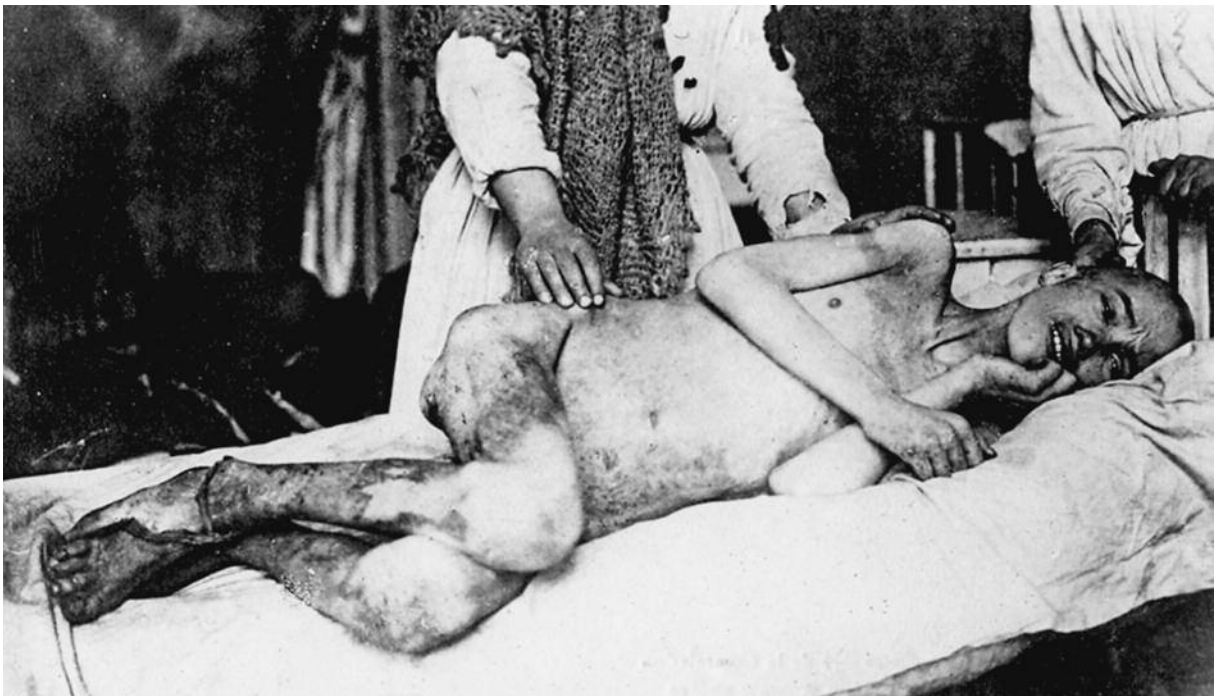
[269] *Сынча (Форсова) С.М.* Уроки невыдуманной истории. Голод 1932—1933 гг. Списки жертв голода 1932—1933 гг. по Кореновскому району Краснодарского края. — Краснодар: Экоинвест, 2009.

Детская смертность на Юге России в период Голодомора. Наиболее отвратительным преступлением сталинского режима в период 1932—1933 гг. стала невероятно высокая, немыслимая в европейских странах первой половины XX века детская смертность. В условиях хронического недостатка (а то и полного отсутствия) элементарных продуктов питания, казацкие, украинские, русские матери не имели никаких шансов спасти от голода и болезней, связанных с хроническим недоеданием, своих физически неокрепших детей, а тем более, — только что родившихся малышей. «В многодетных семьях, — отмечает В.В. Кондрашин, — наблюдались случаи, когда родители были вынуждены специально не кормить часть детей, чтобы спасти жизни остальных. Их [*обреченных на смерть. — Н.Л.*] запирали в чуланы, погреба, амбары. Около мельниц и элеваторов, где рабочие употребляли в пищу зерно, голодные дети собирали человеческий кал, извлекали из него зерна и употребляли их в пищу»[270].

Советское государство уничтожило в 1932—1933 гг. фактически целое поколение молодых казаков. В страшном 1932 году в сельских (в значительной мере казацких по составу населения) районах Нижне-Волжского края смертность младенцев до одного года достигла высочайшей отметки — 111,6 тысяч человек. Еще более высокой была смертность детей и подростков на Кубани. Казалось бы, что такой, в прямом смысле, — убийственный показатель детской смертности должен был вызвать немедленную, с использованием буквально всех доступных государственных ресурсов, реакцию Советского режима по спасению детей от ужасов голодного мора. Политбюро ВКП(б), как мы могли убедиться, предприняло прямо противоположные действия, подтолкнув «комсоды» на Юге России и в Украине вообще к полному изъятию каких-либо продуктов питания в семьях голодающих селян. Чудовищный итог этого очередного преступления большевиков, применительно к региону Нижней Волги, — 183,2 тысячи младенцев-годовичков, погибших до конца 1933 года[271]. **В Северо-Кавказском крае, где ОГПУ и «комсоды» проявляли еще бóльшую, буквально сатанинскую жестокость, младенцы и маленькие дети, особенно в семьях казаков-единоличников, вообще были лишены какого-либо шанса выжить.**

Помощь Советского государства детям голодающих регионов Юга России и Украины, — там, где она вообще осуществлялась, зачастую носила откровенно издевательский характер. В то время, как практически ежедневно в черноморских портах СССР загружались реквизированным зерном зарубежные транспорты, колхоз села Калмантай Вольского района Нижне-Волжского края выделял детскому саду из 40 детей в день 100—200 граммов муки. **Эти 100—200 граммов муки (из которых изготавливалась так называемая «затирка») являлись единственным продуктом питания для сорока ребятишек в течение всего дня!** В селе Лебежайка Хвалынского района Нижней Волги на содержание 150 детей колхозников правление колхоза ежедневно выделяло 150 граммов кукурузной муки и 150 граммов молока. **В эти цифры с трудом можно поверить: 1 грамм муки и 1 грамм молока в день на одного ребенка! Смерть детей при таком уровне питания была гарантирована.** Заведомо умерщвляя славянское будущее страны, местные структуры Советской власти подчас не хотели обременять себя захоронением несчастных маленьких страдальцев. Так в детском саду Еловатовского колхоза «Завет Ильича» Самойловского района Нижне-Волжского

[270] *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 214.
[271] РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.16. Л.77.



Типичная картина Голодомора: жизнь быстро угасает в этом славянском подростке. В летальной фазе голода, даже при условии специального питания, могли вернуться к жизни только единицы из сотен тысяч маленьких страдальцев. Запорожье. 1933 г.

края истощенных умирающих детей «перед смертью» передавали «к родителям». Аналогичная, а в некоторых случаях еще более жуткая картина наблюдалась в Украине, на Дону и Кубани, в землях бывшего Оренбургского Войска на Южном Урале[272].

Смерть или арест родителей со всей неизбежностью обрекали оставшихся сиротами казацких детей на медленную, мучительную смерть — какая семья в жутких условиях Голодомора согласилась бы принять детей из семьи «кулаков», «белогвардейцев»? Впрочем, такая же страшная участь ожидала и украинских, и великорусских детишек — славянские дети в интернациональном, антиславянском монстре СССР являлись излишним балластом! Впервые и всерьез о них, славянах, в Кремле задумались только в 1941 году, когда под мощными ударами германского вермахта тоталитарный режим ВКП(б) закачался на тонком волоске над бездной…

Переживший трагедию Голодомора Л.В. Белов из поселка Яблоновский под Краснодаром вспоминает:

«Дети бродили как бездомные собаки по улицам, базарам и вокзалам в поисках пищи. Обессилев от голода, они падали под заборами. Милиция ездила на подводах, подбирала полуживые тела и отправляла в детприемник г. Краснодара. Назывался он «тысячник». Там должны были их отпаивать и откармливать хотя бы до состояния самостоятельно двигаться, потом из них формировались группы и отправляли по детдомам. <…> Ежедневно в детприемник привозили сотни полуживых трупов. Их обрабатывали [дезинфицирующими составами. — Н.Л.], *помещали в изоляторы, но в группу*

[272] РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.78. Л.26; Ф.112. Оп.32. Д.45. Л.20–20об. ЦДНИВО. Ф.18. Оп.1. Д.19. Л.24–27.

выздоравливающих попадали единицы. Остальные умирали. <...> Было страшно смотреть на эти изможденные скелеты, они с трудом подавали слабые голоса. Но было уже поздно их кормить. Несчастные дети умирали один за другим. Каждую ночь на подводы грузили трупы и вывозили на городское кладбище в общую могилу»[273].

Демографические потери населения Северного Кавказа в 1932–1933 гг. Политика Голодомора привела к первому, действительно глобальному демографическому слому в СССР: в 1933 году в стране не оказалось естественного прироста населения. В Северо-Кавказском крае, в период 1932–1933 гг. смертность втрое превысила рождаемость (в 1933 году здесь родилось 138.861 человек, умерло 416.664 чел.). Избыточная смертность в крае за этот же период составила 350 тыс. человек[274]. **Регионы, в значительной степени населенные этническими казаками — Нижне-Волжский и Северо-Кавказский край — дали наибольшую убыль сельского населения по европейской части РСФСР. При этом, на долю «казацкого» Северного Кавказа пришлось более 50% от общей убыли населения в Советской России**[275].

Следует отметить, что основные статистические данные по Северо-Кавказскому краю являются обобщенными и показывают соотношение смертности/рождаемости в целом по краю, включая такие крупные промышленные города, как Ростов-на-Дону и Краснодар, в которых казацкое население практически отсутствовало, а массового летального голода в среде рабочих не отмечалось. Реальная смертность в сельской местности, в казацких станицах и хуторах была, таким образом, на несколько порядков выше. Профессор И.И. Алексеенко предполагает, что в станицах «особо неблагоприятных» по голоду районов Кубани число умерших от голода достигало 40–60% от общего состава населения, а в отдельных населенных пунктах и более этого. **Исследователь отмечает также, что 80% гибели людей от голода на Северном Кавказе пришлось на районы, население которых использовало в быту украинский язык, на котором здесь говорили исключительно этнические казаки**[276].

Принято считать, что пиковые значения голодного мора в Северо-Кавказском крае пришлись на весну 1933 г. Однако имеются неопровержимые свидетельства, что даже в середине лета 1933 года зверь Голодомора все еще не выпускал из своих когтей несчастных селян Юга России. Во многом аналогичной была ситуация и в Украине.

Например, 27 июня 1933 г. начальник Армавирского оперативного сектора (оперсектора) ОГПУ Петров докладывал руководству Северо-Кавказского края, что на подконтрольной ему территории голодный мор свирепствует в полную мощь. Армавирский оперсектор охватывал значительное число районов проживания кубанских казаков: Армавирский, Апшеронский, Белореченский, Курганинский, Лабинский, Майкопский, Ново-Александровский,

---

[273] ПАКК. Ф.1774-Р. Вторая открытая опись. Ед. хр.1221. Л.45. Цит. по: *Алексеенко И.И.* Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. — Краснодар, 1993. — С. 47.

[274] *Осколков Е.Н.* Трагедия «чернодосочных станиц»: документы и факты// Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. — С. 3сл.

[275] Современные демографические расчеты строятся, к сожалению, на заведомо неполных, а впоследствии целенаправленно «приглаженных» (с целью сокрытия подлинного масштаба катастрофы Голодомора) сведениях советской статистики. См.: о ситуации с демографией в СКК — *Ракачев В.Н., 2009*. Указ. соч. — С. 129–140.

[276] Имеются ввиду казаки исторического Черноморского Войска, потомки которых и сегодня говорят на кубанской казацкой балачке. См.: *Алексеенко И.И., 1993*. Указ. соч. — С. 50.

Массовый летальный голод стал «визитной карточкой» оккупационной системы ВКП(б). Эти славянские дети погибли в Нижнем Поволжье в 1921 г. Уже через десять лет — в начале 1930-х — еще более масштабная трагедия Голодомора вновь охватила все регионы Юга России

Невинномысский, Отрадненский. Чекист Петров докладывал, в частности, что в Курганинском районе за шесть дней (с 15 по 20 июня 1933 г.) — только по колхозам Ново-Алексеевской МТС — умерло 122 человека. За этот же срок по колхозам Петропавловской МТС от глубокого голода погибло 181 человек (то есть умирало, в среднем, не менее 25—30 чел. в сутки). В Лабинском районе «на почве истощения» ежедневно умирало около 150 станичников. В Ново-Александровском районе, «по грубым подсчетам» (слова чекиста), — в сутки умирало до 100 человек[277].

В специальной исторической литературе весьма часто можно встретить утверждение, что с окончанием 1933 года закончился и летальный голод в РСФСР и Украине. Современные апологеты сталинизма, ответственные за появление этого мифа, таким незамысловатым способом силятся доказать, что убийство голодом в 1932—1933 гг. около 10 млн. мирных, ни в чем не повинных людей — это не более чем стечение ряда объективных, трагических, но никак не моделированных из Москвы обстоятельств. Как только в озабоченном «подготовкой Запада к агрессии против СССР» сталинском Кремле в полной мере осознали весь ужас происходящего на Юге России и в Украине, то незамедлительно предприняли все возможные шаги к исправлению очередного «перегиба», в результате чего, якобы уже к концу 1933 года голодный мор прекратился.

В противовес этим лукавым построениям, объективная историческая наука располагает сегодня немалым корпусом документов и свидетельств очевидцев, которые четко показывают, что голодный мор на Юге России продолжался, как минимум, до конца 1934 года.

---

[277] ГАРО. Ф.166. Оп.1. Д.21. Л.105—106. Цит. по: *Скорик А.П., Бондарев В.А., 2009*. Указ. соч. — С. 123.

Антиславянский, ориентированный на глобальную цель распространения «мировой революции», государственный механизм Страны Советов демонстрировал невероятную инерционность, даже заржавленность в тех случаях, когда требовалось активно предпринимать какие-то системные действия в интересах славянского большинства страны. Массовое вымирание казацко-украинского населения с его этнополитической традицией народоправства и неискоренимой тягой к индивидуальному хозяйствованию на земле вряд ли считалось в Кремле экстраординарным, совершенно нетерпимым событием.

Средняя норма выдачи зерна колхозникам на трудодни составила в 1934 году всего лишь 2,4 кг зерна на трудодень, что лишь на один килограмм с небольшим превысило уровень выдачи зерна в страшном 1933 году[278]. При этом бóльшая часть зерновой продукции, которую выработали в 1934 г. изможденные, едва пережившие голодный мор предыдущего года селяне, была вновь у них изъята так называемыми «хлебозаготовками», а также ушла на оплату работ, произведенных в колхозах машинно-тракторными станциями[279]. Не удивительно поэтому, что «продовольственные затруднения» (лукавый эвфемизм большевиков, означающий глубокий голод) зимой 1934–1935 гг. вновь получили в Северо-Кавказском крае широчайшее распространение. Угроза новой волны массового летального голода была в этот период столь велика, что подвигла Политбюро ЦК ВКП(б) принять в марте 1935 г. решение об отпуске Азово-Черноморскому краю 1 млн. пудов зерна для продовольственной помощи колхозам. Поскольку Иосиф Сталин, по его собственным словам, был «добрым, но отнюдь не добреньким» данная продовольственная помощь подлежала возврату «народному» Советскому государству, причем с большими процентами. Все зерно продовольственной помощи подлежало возврату государству из урожая 1935 г. с начислением 10% процентов — 10 пудов на каждые 100 пудов вспомоществования[280].

Известный кубанский историк Георгий Кокунько в одной из своих статей приводит свидетельство своего дальнего родственника, И.М. Кокунько, который в 1934 году был учащимся краснодарского ФЗУ. Весна 1934 года, когда голодный мор, по мнению некоторых российских историков, окончательно остался в недавнем прошлом, запомнилась Ивану Кокунько такой:

«Ранней весной 1934 года нас, учащихся ФЗУ, отправили в станицу Полтавскую, откуда были высланы все жители, на обработку заброшенных полей, а также в станицу Славянскую и Джерелиевскую. По дороге в Краснодаре мы увидели страшное: люди с вздутыми животами падали прямо на улицах, их мгновенно раздевали, а тела грузили на подводы и увозили к железнодорожному полотну, укладывали на платформы. После мы узнали — трупы сбрасывали с моста в [реку] *Кубань. Хоронить сил не было. По реке тогда плыли и плыли трупы...»*[281].

---

[278] Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Документы и материалы. — Краснодар, 1972. — С. 615.

[279] *Скорик А.П., Бондарев В.А., 2009*. Указ. соч. — С. 125.

[280] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 4. 1934–1936. — М., 2002. — С. 412.

[281] *Кокунько Г.В.* «Черные доски» // Кубанский сборник: научные статьи по истории края. Т. 1(22). — Краснодар: «Книга», 2006. — С. 222–223.

Существует немало аналогичных свидетельств очевидцев, сумевших пережить Голодомор на Юге России, которые показывают, что, по крайней мере, в 1934 г. вымирание славянского населения на землях бывших Казацких Войск продолжалось. Сегодня жертвы летального голода 1934 года не учитываются по спискам жертв Голодомора, что противоречит, конечно, и объективной картине произошедшей катастрофы, и соображениям элементарной справедливости. В советский период региональные власти Юга России пытались уничтожить даже память о целенаправленно убитых голодом людях. Места братских захоронений не обозначались, а при возможности пускались под промышленную и даже жилую застройку. Книги учета рождений и смерти в региональных ЗАГСах уничтожались, а попытки совестливых людей сохранить память о жертвах Голодомора пресекались самым жесточайшим образом.

Завершая горестное, тяжкое для нормальной психики человека повествование о величайшей трагедии, пережитой восточным славянством в XX веке — о Голодоморе 1930-х годов, попытаемся обобщить вышеизложенный фактический материал.

Уничтожение народа казаков: основная этнополитическая задача системы Голодомора на Юге России. Комплексная оценка вовлеченного в научный оборот историографического, документального и свидетельского материала о Голодоморе настойчиво подводит исследователя к осознанию факта, что основной причиной побудившей Советское государство к осуществлению этого преступления геноцида был этнополитический фактор. Вне контекста борьбы режима ВКП(б) с исторически сформированными традициями народоправства, свободолюбия и экономического индивидуализма казацкого и украинского народов понять подлинную причину возникновения политики террора голодом, как представляется нам, вообще невозможно.

Идея коллективизации возникла в сталинском Политбюро ЦК ВКП(б) отнюдь не случайно: Сталин и его окружение пришли к верной, в сущности, мысли, что только благодаря колхозам у антинационального, экономически противоестественного государства может появиться реальная возможность постоянного и неограниченного вмешательства в экономический уклад модернизированной на советский лад крестьянской общины. Колхозный строй стал своего рода абсолютом, реализацией до максимально возможного апогея многовековой мечты великорусского крестьянина о «черном переделе». Единственное принципиальное отличие идеи русского «черного передела» об абсолютной уравнительности всех крестьян общины (в обладании землей и плодами труда на ней) от идеи советской коллективизации заключается в том, что коллективизация на советский лад подразумевала не только уравнительность в земле и произведенном продукте, но и насильственную реквизию последнего в неограниченном размере. Под давлением мощной административно-карательной машины Советского государства великорусская община замкнула круг своей многовековой борьбы за уравнительность и, превратившись в колхоз, привычно признала господство над собой советского чиновника, как ранее признавала господство помещика.

Культуролог Н.Л. Лопатина провела анализ углубленных интервью 149 бывших колхозников преклонного возраста из Кемеровской области. Основной вывод исследователя потрясает: невзирая на произвол коллективизации, русские крестьяне не подвергали сомнению право Советской власти вершить над ними насилие. «За единичными исключениями, — констатирует Н.Л. Лопатина, — все крестьяне описывали трагедию коллективизации и

раскулачивания, нищету колхозников, их принудительный труд. Но как только речь заходила о прямолинейных оценках власти, происходило как бы внутреннее «переключение», и люди переходили на комплиментарные высказывания». В качестве типичного образца такого мышления исследователь приводит мнение колхозницы А.Г. Быковой: *«Против коллективизации бунтовать из наших никто не бунтовал. И даже не думал об этом. Ведь власть-то не наша была. Власть была тех, кто нас раскулачивал»*[282]. Любопытная мысль, весьма характерная для русского крестьянского мироощущения! Следовательно, если бы власть была не тех, «кто нас раскулачивал» (т.е. внешнего, враждебного актора), а «наша» (т.е. лояльная крестьянству), — то «бунтовать» было бы можно?

Органичность идеологии колхоза для мироощущения среднестатистического крестьянина Русской равнины осознавалась, по-видимому, сталинским Политбюро. Режим ВКП(б) не ожидал мощного бунта в крестьянских областях Великороссии и Белоруссии (где также имелась давняя традиция помещичье-крестьянского землевладения). На севере и северо-западе СССР было невозможным, уже по причинам этнопсихологического характера, всеобщее восстание крестьян против коллективизации и антиславянской «диктатуры пролетариата».

Совершенно иные, крайне нежелательные для себя перспективы мог усматривать режим ВКП(б), обернувшись к южным и юго-западным границам Страны Советов. Казацкое и украинское население, которое исторически формировалось в совершенно иных этнополитических условиях, чем великорусы, имело укорененные традиции народоправства и защиты человеческого достоинства, другой менталитет, другое отношение к социальным отношениям в сфере хозяйствования на земле. Этнолог Юрий Брязгунов высказал, в этой связи, эпатажное по форме, но, бесспорно, справедливое замечание: «этноцид [*Голодомор. — Н.Л.*] был направлен, прежде всего, против более динамичной, трудолюбивой, интеллектуально расчетливой, а значит — более конкурентоспособной и зажиточной нации, цивилизованность которой угрожала «единому сообществу — советский народ»[283].

Современная российская историческая наука, по крайней мере, ее доминирующий официозный блок, категорически отказывается изучать Голодомор в этнополитическом разрезе. Через много лет после бесславного развала Советского Союза, в современной Росфедерации продолжают упорно повторять обветшалые, взятые из советского прошлого, интернациональные мантры о том, что «1932 и 1933-й годы стали трагедией всей страны, а не отдельно взятых народов»[284]. Человеку, который не расстался с элементарной логикой, очень трудно понять: отчего катастрофа, ставшая «трагедией всей страны», не является при этом катастрофой «отдельно взятых народов», объединенных когда-то границами этой самой страны?

Отдельные российские политологи, например, известный украинофоб С.А. Марков демагогически утверждают, что память о массовом голоде 1932—1933 гг. должна «объединять наши народы». Справедливость данного утверждения априорна, однако, учитывая

---

[282] См. подробнее: *Лопатина Н.Л.* Коллективизация и репрессии как национальная катастрофа // Российский исторический журнал. 2004. № 2(35). — С. 13—14.

[283] *Брязгунов Ю.* Голод 1930-х років у Центральному Чорноземі та на Кубані: антиукраїнське спрямування // Три голодомори в Україні в XX ст.: погляд із сьогодення. Матеріали міжнародної наукової конференції 02.11.2002 р. — Кипв, 2003. — С. 138.

[284] Мнение депутата Законодательного собрания Краснодарского края В.А. Бекетова.

специфическую антиукраинскую позицию С.А. Маркова и ему подобных, возникают неизбежные вопросы. Например, — как можно достичь столь чаемого на словах «единения в трагедии», если Голодомор признан украинским народом как геноцид, а в Росфедерации очевидная геноцидальная сущность этого события категорически отрицается? Или, как может объединить «наши народы» память о Голодоморе, если даже сам этот термин, уже давно используемый научной общественностью во всем мире, признается С.А. Марковым «идеологически окрашенным, антирусским, частично антисемитским»?[285]

Кажется очевидным, что на реальное «единение народов» бывшего СССР трудно рассчитывать в условиях, когда этнополитическая память великорусов, крупнейшего восточнославянского народа, — усилиями таких «патриотов», как Сергей Марков, десятилетиями не развивается, микшируется, забивается интернационалистской шелухой. Вне просоветского, фактически сталинистского дискурса, ставшего негласной государственной линией в Росфедерации, невозможно объяснить: отчего собственно великорусская составляющая катастрофы Голодомора совершенно не интересует, по-видимому, российских историков? За многие годы в Росфедерации так и не появилось ни одной солидной научной работы, в которой целевым образом изучалось бы влияние механизма убийства голодом на демографический потенциал и этнополитические перспективы конкретно русского народа. В этой связи кажется несомненным, что вовсе не «объединение наших народов» заботит С.А. Маркова и ему подобных околонаучных деятелей, годами истово сражающихся за непризнание Голодомора 1932—1933 гг. геноцидом восточнославянских народов. Очевидно, что сфера действительного интереса подобных функционеров лежит совершенно в иной плоскости, не имеющей ничего общего с подлинными национальными интересами великорусского большинства современной России.

Таким образом, Голодомор, как глобальная по этнодемографическим последствиям акция, организованная государственной системой СССР, был ориентирован на Юге России, прежде всего, — на убийство голодом свободолюбивого, антибольшевистски настроенного казацкого населения. Даже в Российской Федерации все крупные исследователи голода 1932—1933 гг. признают ныне доминирующий антиказацкий вектор в организации искусственного голода[286]. В основе этого признания нет ни малейшего неожиданного интеллектуального озарения, равно как и нет никаких неизвестных ранее исторической науке документальных находок. Еще в 1918 году председатель Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов Г.Е. Зиновьев весьма четко постулировал, что какую-то часть славянского населения Российской империи будет невозможно затащить в «светлое будущее» Страны Советов без применения тотального государственного террора. ***«Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию,*** — открыто декларировал главную этнополитическую задачу Советского режима Григорий Зиновьев. — ***С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить»***[287].

Опыт Гражданской войны убедил большевиков, что даже чудовищных размеров карательный механизм в виде синергии следственного аппарата ВЧК и карательных войск

---

[285] *Марков С.А.* Для растравливания ненависти/vz.ru/opinions/2016/11/27/846027.html

[286] См. напр.: *Алексеенко И.И., 1993*. Указ. соч. — С. 43 сл.; *Бондарь Н.И., 2009*. Указ. соч. — С. 142 сл.; *Кондрашин В.В., 2003*. Указ. соч. — С. 134 сл.; *Савочкин А.А., 2008*. Указ. соч. — С. 19—20. См. также: *Черников В.В.* Без срока давности: Геноцид казаков в СССР. — М.: Форма-Т, 2007. — С. 79 сл.

[287] Северная Коммуна. 1918. 19 сентября.

РККА не в состоянии справиться с уничтожением этнополитического потенциала многомиллионного украинского народа. Так родилась идея украинской советской квазигосударственности УССР, дополненная идеей организации Голодомора в тот период, когда возникла угроза всеобщей повстанческой войны украинцев против коллективизации.

Уничтожить этнополитический потенциал казацкого народа, общая численность которого к исходу Гражданской войны вряд ли превышала 3,5 млн. человек, ресурсами административно-карательной машины Советского государства — так казалось лидерам РКП(б)-ВКП(б) — представлялось возможным. Однако казацкий народ оказался более «крепким орешком», чем это виделось из Кремля, и к концу НЭПа лидеры большевизма с удивлением смогли убедиться, что духовный и демографический потенциал «казацкой Вандеи» не только не уничтожен, но демонстрирует весьма явную тенденцию к усилению. Ответом большевиков на жизнестойкость и этническую спайку казаков, демонстративно не желавших становиться «советскими русскими», стала политика подготовки (1930—1931 гг.), а затем и запуска системы террора голодом (1932—1934 гг.), названная впоследствии Голодомором. Действительный смысл этой политики был вполне очевиден уже современникам. «*Голод и недоедание*, — писал в 1933 году русский писатель-эмигрант А.М. Федоров, — *дали в руки кровавой комвласти новое и страшное оружие для ее политической борьбы с неугодными или опасными частями населения. И власть человекообразных использует его беспощадно. Ясно видно направление ударов голодом со стороны организаторов голода. **Это — казачье население Северного Кавказа, это — «социально-опасные» группы во всем населении России.** <…> **Их обрекают на скорую и верную голодную смерть в тюрьмах, концентрационных лагерях, ссылках, во время долгих этапных путей*** [выделено нами. — Н.Л.]»[288].

Российский историографический официоз из публикации в публикацию пытается уверить своих сограждан, что голодный мор 1932—1933 гг. не имел национальной специфики. В противовес этому свидетельства очевидцев, переживших катастрофу Голодомора, утверждают обратное: на Кубани, например, чтобы выйти из зоны летального голода, достаточно было зайти в адыгейский аул или уйти, через горные перевалы, на территорию компактного проживания любого из неславянских кавказских народов. Жители кубанской станицы Некрасовской, например, навсегда запомнили, что «*в Адыгее голода не было, можно было спастись — буквально перейти только мост через Лабу*»[289]. **Чисто советское убийство: массовый летальный голод в казацких станицах на одном берегу реки, и более-менее устойчивый уровень жизни в адыгейских аулах на другом берегу той же реки!**

Этот «парадокс» объясняется просто — казацкие станицы и хутора подвергались тотальному разграблению, в усадьбах этнических казаков советские каратели изымали, под дулами винтовок, **буквально все продовольствие**, — вплоть до последнего зернышка, последней луковицы, последнего лукошка картофеля. Адыгейские, карачаевские, чеченские и прочие аулы избежали, к счастью, подобной ужасной участи. «Большевики сознательно предъявляли наиболее высокие нормы сдачи хлеба именно казачьим районам и станицам, — констатируют в этой связи историки А.П. Скорик и В.А. Бондарев. — Они полагали, что

---

[288] *Федоров А.М.* Голод — знамя России. — Прага, 1933. — С. 3—4.

[289] *Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В.* Станица на берегу Лабы. (Исторический очерк станицы Некрасовской) // Кубанский сборник: научные статьи по истории края. Т.1 (22). — Краснодар: «Книга», 2006. — С. 116.

казачьи колхозы, колхозники и единоличники, в массе своей более крепкие и зажиточные, чем иногородние крестьяне или горцы, смогут эти планы выполнить (а если это и вызовет голод, то так «контрреволюционному» казачеству и надо)»[290].

Код смерти: целенаправленное уничтожение Советским режимом трех поколений казацкого населения Дона, Кубани, Терека и Урала. Всеобщее разрушение казацкой этносферы. К середине 1933 года полное разрушение традиционной этносоциальной структуры казацкого сообщества стало свершившимся фактом. «Голод 1932–1933 гг. вызвал не просто массовую, а тотальную смерть, — со скорбью пишет о Голодоморе профессор Н.И. Бондарь. — Печать смерти теперь лежала не только на человеке, людях, но, практически на всем, что можно было отнести к обществу и его культуре»[291].

Действительно, в отличие от кровавых испытаний «большой» (Белого движения) и «малой» (повстанческой) Гражданских войн, из которых казацкий народ вышел хотя и чрезвычайно ослабленным, но живым (в этнокультурном и социальном аспектах), — Голодомор подверг полному разрушению, буквально уничтожил все традиционные скрепы казацкого сообщества. **После коллективизации, массовых расстрелов, этнических чисток, депортаций, а главное — после тотального террора голодом в казацком этническом сообществе не осталось ни одного этносоциального стержня, который не был бы сломан и раздроблен. Речь идет буквально обо всех существенных элементах казацкой этносферы — о станичных обществах, о казацкой семье, о казацких воинских обычаях, песнях, национальной одежде — обо всем, что только носило печать казацкой национальной культуры и менталитета.**

Наиболее катастрофическим, невосполнимым разрушением в традиционном «казацком мире» стало уничтожение, приведение к «коду смерти» казацкой семьи. Глубокий голод и всеобщая картина массовой гибели людей катастрофически ослабляли, даже убивали родительские и сыновьи чувства, лишали полумертвых, теряющих рассудок людей чувства сострадания, сопереживания ближнему — родственнику, односуму, станичнику, которое было столь характерно для этнического менталитета казаков. Голодомор разрушил, казалось бы, нерушимое — казацкую этнокорпоративную спайку — поистине бесценное свойство менталитета казаков, удержавшее казацкое этносоциальное сообщество от полного краха в период демоцида 1918–1922 гг. Голод надолго нарушил репродуктивную функцию казацких семей: по многим свидетельствам современников — женщины-казачки начали снова рожать малышей только с рубежа 1935–1936 гг. **С помощью искусственно вызванного голодного мора Советское государство добилось невероятно высокой, фактически абсолютной детской смертности в казацких семьях, лишив, таким образом, казацкий народ целого поколения.**

Гражданская война, массовая эмиграция казаков-воинов Белой Армии за рубеж, карательные акции Советского государства в период 1918–1922 гг. нарушили демографическую структуру казацкого этнического сообщества: число женщин репродуктивного возраста стало существенно превышать число молодых, относительно молодых и просто здоровых, не искалеченных ранениями мужчин. Государственный террор, сопровождавший процесс коллективизации, в ходе которого происходили массовые «изъятия» мужской части казацкого

---

[290] См. подробнее: *Скорик А.П., Бондарев В.А., 2009*. Указ. соч. — С. 124.

[291] *Бондарь Н.И.* Код смерти (голод на Кубани 1932–1933 гг.) // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. — Краснодар, 2009. — С. 142.

Голодомор разорвал основную связь, по которой веками передавались культура и традиции казацкого народа, — связь между дедами и внуками. На фотографии: дед и внук Зимины из станицы Старопавловской Терского Войска в 1891 г. Маленький Михаил Зимин стал войсковым старшиной, был награжден Георгиевским оружием. В 1918-1920 гг. упорно сражался с большевиками в составе формирований ТКВ. В 1945 году был арестован сотрудниками СМЕРШ и бесследно сгинул в советских концлагерях. (*Архив Л.А. Прокопенко*)

сообщества, последующий летальный голод привели к тому, что рубеж 1935 года казацкий народ встретил с катастрофической диспропорцией между женской и мужской частями социума. Документы ОГПУ и воспоминания очевидцев свидетельству-ют, что в условиях летального голода в казацких станицах в первую очередь погибали совсем маленькие дети, а затем взрослые мужчины и старики. Человек с врожденным менталитетом воина, глава семьи, старший представитель рода — в любой своей ипостаси мужчина-казак, в период глубокого голода, садился к столу последним, а вставал первым, стремясь сберечь жалкие крохи пищи для своих меньших, для детей.

Катастрофическая убыль мужчин в казацком народе привела к крушению личных судеб очень многих казачек — в станицах образовалось целое «сообщество вдов». В это «сообщество» неизбежно попадали многочисленные вдовы, жены депортированных казаков, молодые женщины, которые, ввиду отсутствия мужчин-казаков, вообще не смогли выйти замуж[292]. Некоторая часть женщин, вопреки давней казацкой традиции моноэтнического брака (т.е. брака внутри своего этноса), вынуждены были искать свое семейное счастье в брачных союзах с представителями других народов, в том числе, с русскими. Болдыри (дети смешанных браков казачек и русских мужчин), в условиях государственного шельмования всего казацкого, — в абсолютном большинстве пополнили состав великорусского этносоциума, т.е. безвозвратно, органически русифицировались и стали, вместе с великорусами, наиболее денационализированной и бесправной частью пресловутого «советского народа».

---

[292] *Васильев И.Ю., Зудин А.И.* «Голодомор» на Кубани 1932—1933 гг. в исторической памяти очевидцев: обзорный очерк// Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 гг. Материалы науч.-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 187.

Таким образом, в результате политики Голодомора, казацкий народ лишился не только самого младшего, детского поколения, но и, в значительной мере, — поколения, обладавшего наибольшей маскулинностью, — поколения взрослых мужчин. Одновременно, в этот же период было окончательно добито, практически полностью вымерло самое старшее поколение — поколение стариков, которое испокон века являлось у казаков основным средоточием национальных традиций. С потерей двух старших, причем именно мужских поколений, казацкий народ навсегда утратил преемственность многих национальных воинских обычаев, утраты же в области этнопсихологической ментальности оказались вообще невосполнимыми. Вряд ли будет преувеличением считать, что к концу 1934 года казаки были целенаправленно превращены в народ женщин и подростков.

Эффективно используя механизм Голодомора Советское государство уничтожило не только собственно социальный, но и этнокультурный код казацкого народа — другую важнейшую составляющую казацкого образа жизни. В условиях массового летального голода катастрофической деструкции подверглись практически все блоки, все значимые компоненты казацкой национальной культуры: воинские и семейные обычаи, ритуально-обрядовая практика, традиционная одежда, песенная культура, пища, даже окружающая станичная среда. Казацкие хутора и станицы до 1932 года, как свидетельствуют многочисленные наблюдатели, включая иностранцев, буквально утопали в зеленой кипени фруктовых садов. В 1932—1933 гг. значительная часть казацких садов пошла под топор: яблоневые, абрикосовые, черешневые и другие плодовые деревья истово рубили на отопление вновь обживаемых домов переселенцы с севера — никогда не видевшие в своей жизни, как цветет и плодоносит черешня и абрикос. Казацкое население, а это были в абсолютном большинстве женщины и подростки, не отставали от чужаков в деле уничтожения традиционной станичной среды — изможденным, полуживым, постоянно находящимся в голодномознобе людям катастрофически не хватало внешнего тепла, а сил на заготовку и подвоз обычного топлива ни у кого не было.

Советское государство костлявой рукой голода перемешало мир живых и мир мертвых. В казацких станицах стало твориться такое, что не могло прийти на ум нормальному человеку даже в самом болезненном, горячечном бреду. Этнические казаки не могли, например, представить себе такую ситуацию, что им придется держать домашнюю скотину в светлых горницах куреней и ежеминутно ее охранять, прятать с глаз иконы и фотографии своих казацких пращуров, закапывать в тайники собственным трудом выращенное зерно. В самом диком ночном кошмаре этнический казак не мог увидеть картину, что он собственноручно хоронит родителей и детей в своем огороде, а затем равнодушно наблюдает, как станичный храм Божий, в котором венчались его родители и крестили его самого, уродуется хамоватыми чужаками под мастерскую МТС или клуб политпросвета…

«Окультуренное, человеческое пространство, — отмечает в этой связи профессор Н.И. Бондарь, — мир живых характеризуется рядом признаков. Четкой структурой и наличием границ между его различными частями, в т.ч. между кладбищем, как частью мира мертвых, и различными частями пространства мира живых. Большевики разрушили традиционную внутреннюю структуру [*станичного. — Н.Л.*] пространства, четкие и обязательные границы между жилыми и хозяйственными, сакральными и профанными его частями, миром живых

и мертвых. <…> Смерть настигала людей везде. Они умирали в тех частях пространства, которые традиционным сознанием редко связываются с понятием «правильная смерть», — правильная по месту, времени, причинам. Умирали в полях во время поисков мышиных норок с зерном, которое нередко оказывалось травленным. Умирали во время работы. Некоторые сами приходили на кладбище и там умирали. Но больше всего людей умирало на улице, на дороге, в придорожных канавах, кюветах»[293].

Люди, пережившие Голодомор, вряд ли смогли восстановить, по-видимому, свое психическое здоровье в полной мере. Им пришлось наблюдать такие картины торжествующей смерти, пред ужасом которых меркнут самые чудовищные предсказания Апокалипсиса.

«Они идут, бедные, и деток на руках несут, и падет где на дороге, и умирает». «Девочку прямо в люльке в огороде закопали». «Одного маленького мальчика положили в корыто и похоронили в огороде». «Бурьяны такие [в станице] *стояли! В них люди валялись, гнили. Воняло кругом». «Выйдешь на улицу, глянешь: то там лежит* [мертвый], *то там. Идешь по улице среди мертвых… Страсть была! А вонь какая была невыносимая!». «В школу ходыла. Идем, — по дорози валяются люды. Там умырае ще живый, там уже готовый. Пидийдым, побачим — поплачим, пишлы дальше». «Забирали все, даже из кастрюль. Бабы плачуть, а воны* [палачи из «комсода»] *смеются. Я иногда вспомню… я плачу… Я так боюся голоду, шо я ны можу тоби передать». «Это такое зверство было, знаете, — не заснешь, не проснешься… Все у мене в глазах. Все што было… Ото ж молишь Бога, — Господи, да хоть бы как-нибудь забыть! Нет, никак. Никак!»*[294].

Голодомор в значительной мере поломал, исковеркал этническую психологию казацкого народа, во всяком случае, психологию тех поколений казаков, которые сумели пережить эту рукотворную катастрофу. В жизнеутверждающем, оптимистичном, очень бодром, подчас дерзком менталитете казаков поселился всеобъемлющий страх. Это не был страх смерти — после пережитого ужаса Голодомора люди перестали, по большому счету, бояться факта смерти; они привыкли к смерти как к чему-то обыденному, рутинному, повседневному. **Страх мертвящей нечеловечности, сатанинского глума, обреченности усилий, бессмысленности жизни, безрадостности бытия — такое, слитое воедино из многих подсознательных переживаний, невероятно тягостное чувство прочно овладело душами потомков народа-воина**[295].

В 1935 году Голодомор в казацких районах Дона, Кубани, Ставрополья, Южного Урала, Южной Сибири (Казахстана) действительно закончился. Вместе с ним закончился, исчерпался, по крайней мере, как значимый этнополитический фактор, и сам казацкий народ.

---

[293] *Бондарь Н.И., 2009*. Указ. соч. — С. 147–148.

[294] Выдержки из воспоминаний очевидцев Голодомора. Аудиокассеты №№ 1541; 3562; 906; 1289; 3562; 556; 3078; 1933. — Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»//Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. — Краснодар, 2009. — С. 148, 336 сл.

[295] Известный кубанский этнолог Н.И. Бондарь высказал любопытное, весьма проницательное мнение о феномене психоделической миссии Голодомора. «Искусственный голод 1932–1933 гг., — констатирует исследователь, — был применен как идеологический инструмент для своеобразной големизации населения. Голем — каббалистический мифологический персонаж, живая послушная вещь, находящаяся на грани живого и неживого мира, в какой-то степени «живой мертвец». См. подробнее: *Бондарь Н.И., 2009*. Указ. соч. — С. 152–153.

Апофеоз преступления Голодомора. Слегка прикопанные гробы с растерзанными человеческими костяками. Обессиленные от голода, погибающие люди физически не могли достойно похоронить своих родных. (*Фотоархив Г. Раппепорта*)

История последовавшей после Голодомора Всесоюзной переписи населения 1937 г. знает много любопытных и даже кровавых коллизий. Перепись показала, что реальная численность населения Страны Советов (156 миллионов человек), как минимум на 10 миллионов человек ниже той численности осчастливленного большевиками «советского народа», которая ожидалась в Политбюро ЦК ВКП(б) по предварительным данным Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ). Так, например, на 1 января 1933 года ЦУНХУ оценивало общую численность советских «крепостных» в 165,7 млн. человек. Именно эта цифра и служила, по-видимому, исходным пунктом для демографических ожиданий Иосифа Сталина.

В советской «Империи Лжи» манкировать ожиданиями «великого вождя» было, разумеется, никак нельзя. К тому же являлось очевидным, что чудовищный недобор советского населения обеспечен отнюдь не повышенной смертностью грузин, якутов или узбеков, но исключительно высокими темпами демографической деградации в 1930-е годы главных «рабов» Страны Советов — восточных славян. Поэтому итоги переписи 1937 года немедленно засекретили и, после недолгого информационного шока, объявили «вредительскими». Главный модератор переписи — начальник ЦУНХУ, кавалер Ордена Ленина, латышский большевик Иван Краваль был объявлен «троцкистско-бухаринским агентом» и вскоре расстрелян.

Об этом обычном для сталинизма пароксизме государственного террора вряд ли стоило упоминать, если бы не одно обстоятельство. Доктор экономических наук И.А. Краваль не являлся, конечно же, тайным агентом Льва Троцкого и вряд ли когда-либо тесно общался с Николаем Бухариным, это был хорошо подготовленный специалист в области экономики

труда и статистики. Всесоюзная перепись 1937 года, на самом деле, готовилась очень тщательно и была одной из самых масштабных по числу привлеченных сотрудников учета в истории Российской империи и СССР. **Однако, и этот факт очень симптоматичен, — перепись 1937 года, при всей ее образцово-показательной детальности, не имела такой графы учета, как «казаки» («казацкое население», «казацкое сословие» и т.п.)**[296].

Такое явное игнорирование режимом ВКП(б) весьма грозного в прошлом «казацкого фактора» обозначилось, конечно же, неслучайно. Например, в 1926 году сталинское Политбюро ЦК ВКП(б) было крайне раздосадовано быстрым восстановлением казацкого этнополитического потенциала. Стратегия этноцида (ускоренной аннигиляции казаков в толще русского социума), которую Советская власть пыталась представить как новую политику «лицом к казачеству», в этот период со всей очевидностью выдохлась, показала свою неэффективность и даже противоположный желаемому результат. Как результат явной озабоченности режима ВКП(б), в период Всесоюзной переписи 1926 г., — и казацкий демографический потенциал, и региональное районирование казацкого населения советские органы государственного учета определяли со всей возможной тщательностью[297].

В 1937 году большевистский ареопаг Союза ССР был убежден, по-видимому, что «казацкий вопрос» уже принадлежит истории — поскольку, как целостный, саморегулирующийся этнополитический феномен казацкий народ de facto перестал существовать. Следствием этого печального, но, увы, реального факта стало полное отсутствие какого-либо интереса статистических органов Советского Союза — к выяснению динамики численности угасающего казацкого этноса. Не появился подобный интерес и в дальнейшем — при проведении Всесоюзной переписи 1939 г. В этот период Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнарком обозначили для Центрального статистического управления Госплана СССР совершенно иную установку: заретушировать, с помощью массовых фальсификаций «исправить» страшные итоги Голодомора — осознанного убийства голодом миллионов восточных славян в 1932—1933 гг.

---

[296] Перепись 1937 г. исчисляла текущее состояние даже таких весьма далеких, казалось бы, от демографии характеристик, как «религиозная принадлежность». См. подробнее: *Жиромская В.Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов // История СССР. 1990. № 3. — С. 84—104; *Она же.* Религиозность народа в 1937 году. (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 1(5). См. также: *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. — М., 1996.

[297] *Михайловский В.Г.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. — М., 1926; *Воробьев Н.Я.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. — М., Госстатиздат, 1957.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной материал данной книги представляет попытку обзора и комплексного анализа сложного, многовекторного, но всегда целенаправленного курса Советского государства в период 1918—1933 гг. на уничтожение казаков как экономически независимого, этнически развитого, в высокой степени конкурентоспособного сообщества. Однако, проблематика геноцида казацкого народа только историографической составляющей, по-видимому, не ограничивается. Не менее важны и два других аспекта события данного преступления: международно-правовой и гуманистический.

Международно-правовая актуальность установления события геноцида казаков в Советской России очевидна: современное человечество сталкивается с неуклонным ростом в мире разнообразных социально-политических, экономических и культурологических практик, которые по своей целевой направленности могут быть квалифицированы как практики геноцида. По мнению некоторых специалистов весьма опасной чертой современного этапа развития человеческого общества становится тенденция трансформации прямого геноцида в косвенный[1]. На казацком народе режим РКП(б)-ВКП(б) последовательно «отработал» буквально все известные человечеству геноцидальные практики: от массовых расстрелов, этнических чисток, террористических депортаций и различного типа концлагерей до создания псевдоказацких войсковых симулякров в Красной Армии на рубеже 1940-х гг. В этой связи изучение многообразных методик прямого и косвенного геноцида режима РКП(б)-ВКП(б) в отношении казацкого этнического сообщества может дать в распоряжение международно-правовых инстанций весьма целостный, хотя и страшный «эталон» — для юридической квалификации события геноцида как международно-наказуемого преступления.

Очень важным, с точки зрения международного права, является и определение конкретной уголовной ответственности как за отдельные акты государственного террора против казацкого населения Советской России, так и за реализацию режимом РКП(б)-ВКП(б) политики уничтожения казацкого сообщества в целом. В 1998 году дипломатической конференцией в Риме был принят Статут Международного уголовного суда, подготовленный Комиссией международного права ООН и открытый для подписания государствами-субъектами международного права. **Специальным решением конференции было еще раз подтверждено, что установление события геноцида и уголовная ответственность за это преступное деяние не имеют срока давности.** Принятие Римского статута Международного уголовного суда отражает тенденцию к расширению универсальной международной уголовной юрисдикции в отношении такого тягчайшего преступления, как геноцид, а, следовательно, и к процедурам уголовного возмездия за квалифицированный факт данного преступления[2].

---

[1] *Косвенный геноцид* — направленное воздействие (умышленное бездействие) на какую-либо определенную группу человеческого сообщества путем изменения культурно-исторической среды, биологических и экономических факторов, природных условий и т.п., приводящее к созданию для данной группы таких жизненных условий, которые закономерно ведут эту группу к полному или частичному физическому уничтожению.

[2] *Scharf, Michael P.* Results of the Rome Conference for an International Criminal Court// ASIL Insights. The American Society of International Law (August 1998).

В современных условиях невозможно, конечно же, применить меры непосредственного уголовного возмездия к наиболее одиозным палачам казацкого населения Советской России. По аналогии с Международным трибуналом в Нюрнберге невозможно увидеть на скамье подсудимых Иосифа Сталина, Лазаря Кагановича, Сергея Сырцова, Александра Белобородова, Ефима Евдокимова, а также немалый сонм более мелких большевистских «бесов», на кровавом счету которых жизни миллионов восточных славян, в том числе — беспощадно загубленных в период Голодомора. История России распорядилась так, что многие палачи казацкого народа, возможно даже, что большинство из них, были уничтожены руками своих более «верноподданных» Сталину большевистских подельников. Однако затем — и это событие постоянно взывает к совести всех подлинных патриотов России — имена большинства казненных в конце 1930-х годов кровавых палачей, совершив традиционный мировоззренческий цикл русской истории «из грязи — в князи», обрели в 90-е годы XX века полную юридическую реабилитацию. Важно понимать, что и свое низвержение с вершины большевистской номенклатурной вертикали, и последующую так называемую реабилитацию «доброго имени» видные деятели режима ВКП(б) и структур государственного террора ВЧК-ОГПУ-НКВД, подобные С.И. Сырцову или И.И. Скрамэ, получили отнюдь не за свою преступную деятельность против мирного казацкого населения. **Методичное уничтожение сотен тысяч этнических казаков, тяжкое сиротство сотен тысяч казацких детей, десятки тысяч разломанных сапогом большевистского оккупанта казацких семей, в целом навсегда «поруганный кров» казацкого народа — так и остались, по большему счету, неотомщенными.**

Как в международно-правовом аспекте, так и с точки зрения гуманистической морали человечества такое положение является нетерпимым. Жертвы методичного, неумолимого террора, тем более террора государственного, т.е. тотального, обеспеченного огромными возможностями государственной машины, — не могут, не должны остаться забытыми. И коль скоро не забыты жертвы, то не могут оставаться в забвении и их палачи. **При невозможности прямого уголовного возмездия палачам всеобщему остракизму человечества должна подвергнуться их память, их черные, отмеченные сатанинским клеймом имена!** Специалисты в области общемировых правовых и этических мер по предотвращению преступлений геноцида специально подчеркивают, что только неотвратимость планетарного остракизма со стороны всего человечества (включая неизбежное уголовное возмездие для физически здравствующих преступников) за совершенные или даже замышляемые акты геноцида является наиболее эффективным средством сдерживания вселенского ожесточения. Международная ответственность за геноцид является, таким образом, — единственно возможной превентивной защитой человечества от потенциальной опасности войны «всех против всех»[3].

Автор настоящего исследования не является специалистом в области международного уголовного права, поэтому здесь не могут быть означены конкретные юридические формулировки, которые можно было бы выдвинуть в качестве предположительной меры уголовной

[3] Известный российский историк и правозащитник Михаил Гефтер подчеркивал: «Нет геноцида против кого-то, геноцид всегда против всех». См. подробнее: *Гефтер М.Я.* Эхо Холокоста. — М.: Российская библиотека Холокоста, 1995. — С. 274. См. также: *Бородин С.В.* Преступления против жизни. — М., 1999; *Вартанян В.М.* Уголовная ответственность за геноцид. — Ставрополь, 2000.

ответственности за преступление геноцида казаков для таких деятелей ВКП(б) и ВЧК-ОГПУ, как, например, Сергей Сырцов и Ефим Евдокимов. Сделать это могут, конечно же, только специалисты соответствующего профиля. Вместе с тем, для нас очевидно, что изощренность и масштаб государственного террора (конкретных методик геноцида) режима РКП(б)-ВКП(б) против казаков настоятельно требуют для объективного анализа и международно-правовой квалификации этих чудовищных преступлений наличие соответствующей интеллектуально-организационной базы. **Нам видится, что такую правовую и структурную базу для отправления международного правосудия мог бы создать Международный трибунал для суда над преступниками большевизма — аналог Нюрнбергского международного трибунала для суда над главными нацистскими преступниками**[4].

В созыве Международного трибунала по преступлениям большевизма должна быть заинтересована, в первую очередь, Российская Федерация — в том случае, если эта государственная система действительно хочет наследовать гуманистические традиции поздней Российской империи, а не ложь, цинизм и преступные практики государственной машины террора СССР. **Созвать такой трибунал было бы целесообразно, как нам представляется, в столице исторического Всевеликого Войска Донского — городе Новочеркасске. Этот символический акт стал бы проявлением заслуженного уважения международного сообщества к казакам — небольшому героическому народу, который отдал на алтарь борьбы с большевизмом буквально все имеющиеся у него человеческие и материальные ресурсы.** Трагический Новочеркасский расстрел[5] — последний эпизод массового террора режима ВКП(б)-КПСС против славянского населения России — также является важным обстоятельством для выбора именно Новочеркасска в качестве символического центра для проведения международного процесса над главными большевистскими преступниками.

Деятельность Новочеркасского международного трибунала могла бы быть ориентирована не только на определение масштаба преступления геноцида и степень виновности главных палачей РКП(б)-ВКП(б) и советской «охранки» в последовательном уничтожении народа казаков, но и на расследование аналогичных прецедентов государственного террора Советского режима в отношении русского, украинского и белорусского народов. Осознание глобального масштаба человеческих потерь всех восточных славян, искренние усилия Российской Федерации по полному очищению российской идеологии и государственного бытия от всех смердящих отложений идеологии большевизма — эти и другие очевидные аспекты

---

[4] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. I—VII. — М., 1956—1957.

[5] Новочеркасский расстрел — масштабный акт государственного террора в Новочеркасске Ростовской области, совершенный 1—2 июня 1962 года по приказу центрального руководства КПСС формированиями Советской армии и КГБ. Цель акции — демонстративное (в целях всеобщего устрашения) подавление забастовки рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода и других горожан. По официальным, заведомо заниженным данным, при разгоне демонстрации рабочих Новочеркасска было убито 26 человек, ещё 87 получили ранения. Семерым из «зачинщиков» были вынесены смертные приговоры, и они были расстреляны, остальные получили длительные сроки лишения свободы. Многие документы из архивного фонда КГБ, посвященные Новочеркасскому расстрелу, остаются до сих пор под грифом «совершенно секретно». Уникальные фотографии из уголовных дел, использовавшиеся для опознания «инакомыслящих» и пролежавшие почти тридцать лет в секретных папках, бесследно исчезли. В 1990 году, после пересылки восьми томов «Новочеркасского дела» из Главной военной прокуратуры в Прокуратуру СССР, эти фотографии не были обнаружены.

деятельности Новочеркасского процесса могли бы, по логике, стать новой основой для сплочения сообщества восточных славян. Восстановление стратегической солидарности восточных славян на основе единых ценностей национальной памяти видится гораздо более реалистичным и надежным процессом, нежели неуклюжие попытки поиграть «неоимперскими мышцами» под выхолощенные, бессмысленные заявления о якобы существующем «русском мире».

Демагогические заявления официальных кругов Росфедерации о наличии этнополитического «русского мира» могут вызывать, к сожалению, только грустную улыбку. В конце второго десятилетия XXI века современная Россия оказалась единственной постсоветской страной, которая начисто лишена даже подобия национальной идеологии. Страна «россиян» представляет собой квази-СССР, с существенным, правда, отличием от Советского Союза в части резкого умаления мобилизационных возможностей экономики и потенциала научной мысли. Российская держава, чье народонаселение более чем на 80% состоит из славян, до сих пор не может преодолеть в сфере идеологии и, соответственно, в образовательной сфере всех последствий былых мифологем советского интернационализма — фактически антирусских и антиславянских. В числе недавних правительственных инициатив по ретушированию реального образа режима РКП(б)-ВКП(б), наиболее вопиющей стала фактическая установка Министерства образования и науки России на изъятие из новых школьных учебников всех сколько-нибудь значимых сведений о массовых, кровавых преступлениях большевизма. В результате, по данным Левада-Центра, примерно половина граждан России демонстрирует терпимое отношение к истории террористического произвола советских органов госбезопасности, наряду с полным равнодушием вообще к трагическим страницам истории Отечества, связанным с деятельностью режима РКП(б)-ВКП(б). При этом четверть опрошенных респондентов считают государственный террор в СССР исторически оправданным событием[6].

«В российском обществе, — констатирует в этой связи кубанский историк А.Ю. Рожков, — до сих пор публично не осуждена политика государственного террора и массовых репрессий, в частности, инициаторов и исполнителей Голодомора. **Забвение советской разновидности «маккартизма» грозит нашему обществу устойчивым манкуртизмом, в результате чего мы рискуем надолго остаться народом со спутанной коллективной и национальной идентичностью** [*выделено нами. — Н.Л.*]»[7].

Известный историк Д.А. Волкогонов в одной из своих работ очень точно отметил, что «большевистское явление, наиболее полным олицетворением которого стал Ленин, сокрушило в России все». Одним из наиболее страшных последствий господства режима РКП(б)-ВКП(б) исследователь считает «оскопленную национальную духовность»[8]. Как известно, вождь большевиков страстно мечтал создать в России «нового человека». Режим ВКП(б), уже после смерти Ленина, сумел в полной мере реализовать эту мечту — на просторах «страны полей» прочно обосновался инфантильный в политических вопросах, но немотивированно

---

[6] *Мухаметшина Е.* Злонамеренное безразличие // Ведомости. № 4326 от 23.05.2017. См. также: электронная версия https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/05/23/690964-rossiyane-otnositsya-repressiyam.

[7] *Рожков А.Ю.* «Мыши съели людей…»: память о голоде 1932—1933 годов в откликах на публикации И.И. Алексеенко // Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 г. Материалы науч.-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009. — С. 54—55.

[7] *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. Книга II. — М.: Новости, 1994. — С. 129.

агрессивный к любой яркой этнической культуре, денационализированный социум. Внутренняя потребность в «указующей руке» большевизма, которую и на сознательном, и на бессознательном уровне чувствуют миллионы «россиян», — стала, на наш взгляд, одной из основных причин установившегося в новой Рсфедерации «режима одного президента». Авторитарный стиль абсолютного доминирования одного человека (и очень узкой «боярской думы» рядом с ним) возник в Кремле не только в связи с приходом во власть подполковника КГБ, но прежде всего — благодаря органичным ментально-психологическим доминантам российского этносоциума. С учетом этого органичного свойства российского общества, вряд ли возможно дать однозначный ответ на вопрос: кому в постсоветской РФ — власти или народу — нужно адресовать претензии за неизбежный, глубоко проникший во все поры социальной стромы России необольшевизм?

В контексте проблемы признания геноцида казацкого народа современный необольшевизм проявляет себя двояко. Во-первых, априорно отрицается самобытная этничность казаков. Для российской историографической традиции такая позиция не является чем-то новым, необычным. Однако историки и публицисты Рсфедерации, размышляя по шаблонам былой советской методологии, подчас оставляют далеко за спиной самых непримиримо антиказацких идеологов Российской империи. Историографы Дома Романовых — в своем абсолютном большинстве — старались, во всяком случае, избегать агрессивной, демонстративной тенденциозности в сложных вопросах этнической идентификации восточнославянских народов, и в частности — казаков.

В современной же России под пером некоторых историков-пропагандистов народ казаков превращается в искусственно созданного социального «гомункулуса» — в странное, болезненное детище имперской политики. «Большое значение для формирования казачьих субэтносов, — утверждает, в частности, Н. Федосов, — имело российское законодательство, государственная политика. Тем более, что громадное количество казаков происходило отнюдь не от казаков. <…> Государству порой приходилось буквально делать казаков казаками, применяя иногда жесткие меры»[9]. Другие российские авторы, еще в меньшей степени обремененные «национальной духовностью» (об уничтожении которой большевиками размышлял Д.А. Волкогонов), вообще готовы провозгласить исторически возникшее сообщество этнических казаков — сбродом тунеядцев, разбойной предательской ордой. Полагаем, что Лев Троцкий и Александр Белобородов безоговорочно могли бы подписаться под следующей тирадой: «Уже только профессиональные историки и любители истории помнят, что казаки были обыкновенными разбойниками с большой дороги, сбежавшими от жесткого порядка государства и гнета помещиков. Жили они только разбоем и воровством — причем не только богатых помещиков и торговцев, но и простых крестьян». В комментарии эта циничная, антиисторическая ложь, по-видимому, не нуждается. Правда, стоит отметить, что публикация такой оскорбительной для казацкого сообщества лжи состоялась относительно недавно в массовом российском СМИ[10].

Другое проявление необольшевистского подхода в вопросе признания геноцида казацкого народа отличается еще большим аморализмом, поскольку полностью противоречит

---

[9] *Федосов Н.* Казачество и ненаучная фантастика// Вопросы национализма. Выпуск 13. — С. 234.

[7] *Биров Э.* Майданная сечь. Казаки 21 века// Взгляд. Деловая газета. — www.vz.uu/opinions/2014/3/21/678369.html.

нравственно-этической традиции человечества. Убийство невиновного, безоружного, отчаявшегося человека — всегда аморально. Однако, вдвойне аморальнее, по-видимому, отрицать сам факт такого убийства, выдавая сознательный жесточайший произвол за эксцесс вынужденной самообороны, досадную оплошность или же вынужденную развалом экономики необходимость. Именно таким «наведением тени на плетень» занимаются *volens-nolens* многие современные российские историки при осмыслении, как отдельных эпизодов геноцида казаков, так и всей геноцидальной практики Советского государства в комплексе.

«Ахилессовой пятой» российского методологического подхода к осмыслению античеловеческих, преступных деяний Советского режима является так называемый «национальный вопрос». Российские ученые и журналисты никак не могут уяснить себе, что все постсоветские государства, образовавшиеся на развалинах СССР, вот уже более двадцати лет живут в иной, чем Росфедерация, политико-идеологической реальности — в реальности национальных государств. В своих идеологических и политических практиках все постсоветские государства, кроме России, давно уже руководствуются внятными этнополитическими критериями, стремятся осмыслить исторический путь своих политических наций на основе национальной (этнополитической) методологии.

На этом фоне российская историческая наука с ее интернационалистскими, *de facto* советскими методологическими приемами выглядит подчас неким историографическим зомби — навсегда умершим, но все еще опасным в своей искусственной псевдоимперской гальванизации. Указанная особенность в работах российских служителей богини Клио весьма резко проявляется в публикациях о геноцидальных преступлениях Советского режима. Российские исследователи с особой тщательностью стараются избегать каких-либо этнических указателей, предпочитая, например, обобщенно рассуждать о «голоде 1932–1933 гг. в советской деревне», но ни в коем случае не упоминать при этом о фактически организованном режимом ВКП(б) геноциде (Голодоморе) казаков и украинцев. Создается впечатление, что основной задачей российской историографии в вопросе о геноцидальной практике режима ВКП(б) является отрицание событий (фактов) геноцида тех или иных народов, организованных «диктатурой пролетариата» ВКП(б). **Невольно возникает риторический вопрос: кому в большей степени служат в своих трудах российские историки — исторической истине, своим народам или же мрачному призраку режима ВКП(б)?**

Следует отметить, что само по себе отрицание (или нарочитое забвение) событий геноцида со стороны государств и обществ, обвиняемых в этом тягчайшем преступлении, отнюдь не является каким-то уникальным, из ряда вон выходящим явлением в мировой практике.

Современные Соединенные Штаты на официальном уровне предпочитают стыдливо умалчивать о фактически реализованном в XIX столетии, в сущности геноцидальном социально-экономическом курсе в отношении североамериканских индейцев. При этом правда, государственная система США постоянно осуществляет значительные в финансовом выражении программы по фактической компенсации за геноцид тем индейским общинам, которые сохранились в резервациях. Индонезия старается забыть о геноциде населения Восточного Тимора, который, по объективным подсчетам, привел к вымиранию не менее 45% коренного населения. Германия утратила память о геноциде народа гереро в начале XX века на территории нынешней Намибии, который некогда осуществляли немецкие колонисты. Иран и

Турция предпочитают не комментировать уничтожение около 80% ассирийцев. Список специфически «забывчивых» стран и народов, увы, не так уж мал…

Уникальность отечественной ситуации с геноцидом казацкого населения Советской России состоит, таким образом, не в самом факте замалчивания этого катастрофического и постыдного события, а в том последовательном, подчас даже издевательском цинизме, с которым геноцид казаков отрицается практически на всех политико-интеллектуальных этажах современного российского общества. Общественная организация «Национальный Совет донских казаков» осуществила в 2001—2004 гг. беспрецедентную кампанию по привлечению внимания официальных властных инстанций России к проблеме признания самобытного этнического статуса казацкого населения страны. В течение трех лет в канцелярию Президента РФ, в Правительство, в Президиум РАН было направлено более 30 детально мотивированных посланий с предложением обратить внимание на факт существования этнически субъектного казацкого народа. Эксперты-историки и общественные деятели методично призывали правящие сферы Российской Федерации перейти, наконец, от квазипатриотической демагогии — к реальной административной и экономической реабилитации казацкого сообщества[11]. Надо ли говорить, что все эти разумные предложения оказались, в конечном итоге, — «гласом вопиющего в пустыне»?

Современное казацкое этническое сообщество — разрозненные, корпускулярно разбросанные по огромной территории России малые анклавы этнических казаков — не располагает собственной республиканской автономией, подобно ингушам, чеченцам, калмыкам и другим народам страны, некогда подвергнутым страшному прессингу геноцида. Соответственно, казаки лишены возможности создавать республиканские этносоциальные и научные структуры, иные автономистские учреждения, правом создания которых наделены некоторые другие народы бывшей РСФСР, получившие не демагогическую, а реальную этнополитическую реабилитацию. Современным казакам очень сложно доказать кому-то в авторитарной по общественному менталитету стране, что санкционированная актуальным государством политика отрицания геноцида казацкого населения в годы диктатуры режима РКП(б)-ВКП(б) деструктивна сама по себе. Укрепляет ли курс на общественное забвение демоцида и этноцида казаков, Голодомора на Юге России и в Украине современную, политически развитую государственность Российской Федерации? Весьма сомнительно, что укрепляет. Ложь и цинизм, глумливое отрицание былых чудовищных преступлений Советского режима против всех восточнославянских народов не могут, по логике, служить не только средствами цементирования государственного фундамента, но даже и сиюминутными подпорками России — преимущественно славянской страны по составу народонаселения. Вряд ли в столь отвратительных подпорках нуждается и актуальная правительственная власть Росфедерации — если только ее административный аппарат действительно намерен сохранять достоинство и целостность Российской державы…

[11] Национальный Совет донских казаков. Материалы IV научно-практической конференции «Восстановление в правах казацкого народа» (30.10.2004 г., ст. Гниловская). — Ростов н/Д.: Изд. дом «Птица», 2005. — С. 5—128.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОГН	— Архивный отдел администрации города Новороссийска (Краснодарский край).
Архив ИРГО	— Архив Императорского Русского географического общества.
Архив КЧНИИ	— Архив Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы.
АССРНП	— Автономная Советская социалистическая республика немцев Поволжья.
БВО	— Белорусский военный округ.
ВВД	— Всевеликое Войско Донское (Донская республика), государство этнических казаков, провозглашенное Кругом Спасения Дона 18.05.1918 г. на территории Области Войска Донского бывшей Российской империи.
ВКП(б)	— Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ВСНХ	— Высший Совет Народного Хозяйства.
ВСЮР	— Вооруженные силы Юга России.
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный комитет, высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти в РСФСР (до 1937 г.).
ВЧК	— Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР.
ГАГС	— Государственный архив города Сочи (Краснодарский край).
ГАКК	— Государственный архив Краснодарского края.
ГАОО	— Государственный архив Омской области; ныне — «Исторический архив Омской области» (КУ ИсА).
ГАРО	— Государственный архив Ростовской области (ГКУ РО «ГАРО»).
ГАСО	— Государственный архив Саратовской области.
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации.
ГАСК	— Государственный архив Ставропольского края.
ГАЧО	— Государственный архив Читинской Области.
ГУГБ НКВД	— Главное управление государственной безопасности, структурное подразделение НКВД СССР, образованное 10.07.1934 г. на базе ОГПУ.
ГУЛАГ	— Главное управление исправительно-трудовых лагерей.
ДВК	— Дальне-Восточный край.
ЗабВО	— Забайкальский военный округ.
ИНО	— иностранный отдел.
ИТК	— исправительно-трудовая колония.
ИТЛ	— исправительно-трудовой лагерь.

ИТР — исправительно-трудовая работа.

ИТУ — исправительно-трудовое учреждение.

КГБ — Комитет государственной безопасности.

КК — Контрольная комиссия.

ККВ — Кубанское Казацкое Войско.

Комсоды — Комиссии по содействию хлебозаготовкам при сельских советах (Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 09.09.1929).

КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины.

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза.

крайисполком — краевой исполнительный комитет.

крайком — краевой комитет.

ЛВО — Ленинградский военный округ.

МВД — Министерство внутренних дел.

МВО — Московский военный округ.

МГБ — Министерство государственной безопасности.

МНР — Монгольская Народная республика.

МТС — машинно-тракторная станция.

НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия; ныне — ГАУК «Государственный архив Республики Бурятия».

Наркомзем — Народный комиссариат земледелия СССР.

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР.

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности.

НСК — Общественная организация «Национальный Совет донских казаков» (Ростов-на-Дону).

обком — Областной комитет.

облисполком — Областной исполнительный комитет.

ОГА — отраслевой государственный архив.

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР.

ОИТК — отдел исправительно-трудовых колоний.

ОКВ — Оренбургское Казацкое Войско.

оперод — оперативный отдел.

ОСП — отдел по спецпереселенцам.

ОТП — отдел трудпоселений.

ПриВО — Приволжский военный округ.

РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей (1925—1932 гг.).

РВС — Революционный военный совет Республики, высший коллегиальный орган управления и политического руководства РККА.

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РГАЭ — Российский государственный архив экономики.

РГВА — Российский государственный военный архив.

РИК, райисполком — районный исполнительный комитет.

РК — районный комитет, райком.

РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция.

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков).

РОВС — Русский Общевоинский Союз.

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

САВО — Среднеазиатский военный округ.

СибВО — Сибирский военный округ.

Сибкрайком — Сибирский краевой комитет ВКП(б).

Сиблаг — Сибирский исправительно-трудовой лагерь.

СКВ — Сибирское Казацкое Войско.

СКИК, Сибкрайисполком — Сибирский крайисполком.

СКК — Северо-Кавказский край.

СмКВ — Семиреченское Казацкое Войско.

Совнарком (СНК) — Совет народных комиссаров РСФСР (или СССР).

СКНЦ ВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы (Ростов-на-Дону).

СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

ТКВ — Терское Казацкое Войско.

ТОЦДНИ — Тюменский областной центр документации новейшей истории.

УНКВД — Управление Народного комиссариата внутренних дел.

УНР — Украинская Народная Республика (1917—1920).

УССР — Украинская Советская Социалистическая республика.

ФСБ — Федеральная служба безопасности.

ХОЗО — хозяйственный отдел.

ЦА — центральный архив.

ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ.

ЦГАРХ — Центральный государственный архив Республики Хакасия.

ЦДНИКК — ГКУ КК «Центр документации новейшей истории Краснодарского края».

ЦДНИОО — Центр документации новейшей истории Иркутской области.

ЦДНИРО — ГКУ РО «Центр документации новейшей истории Ростовской области».

ЦДОДП КчР — Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики.

ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет.

ЦК — Центральный Комитет.

ЦУНХУ — Центральное управление народнохозяйственного учета СССР.

ЦХАФАК — Центр хранения архивных фондов Алтайского края.

ЦХИДНИКК — Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края.

ЦЧО — Центрально-Черноземная область.

ЧОН; отряды ЧОН — военно-партийные отряды при городских и региональных структурах РКП(б), ВЧК-ОГПУ, выполнявшие карательные функции против гражданского населения СССР; расформированы в 1924–1925 гг.

ЮНЦ РАН — Южный научный центр Российской Академии наук (Ростов-на-Дону).

ЮФУ — Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. — Челябинск: изд-во ЧГУ, 1999.

Абрамовский А., Кобзов В., Кузнецов В. Сквозь призму веков. Из прошлого оренбургского казачества. — Челябинск, 2002.

Абушик В.В. Деятельность монархических организаций Центральной России в период буржуазно-демократических революций (1905—1907гг.). — М., 1995.

Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908—1909 гг.) //Исторические записки. Т. 53. — М., 1955.

Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. — М., 1968.

Аврех А.Я. Царизм и IV Дума: 1912—1914 гг. — М., 1981.

Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. — М., 1985.

Агафонов О.В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. — М., 2002.

Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе. 30-е годы XX века. — Краснодар, 1993.

Алиев И.И. Этнические репрессии. — М.: «Радиософт», 2008.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001.

Астапенко М.А., Астапенко Е.М. История Донского края. — Ростов н/Д, 2005.

Артемов И.В. Бунт туземцев. Резня русских в Туркестане в 1916 году. — www.live-journal.com/ media/468411.html.

Ауский С. Казаки. Особое сословие. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, СПб.: Издательский дом «Нева», 2002.

Балмасов С.С. Антибольшевистское движение в Уральском Войске. Краткий исторический очерк// Альманах «Белая гвардия». Вып. № 8. Казачество в Белом движении. — М.: Посев, 2005.

Балмасов С.С., сост. Красный террор на востоке России в 1918—1922 гг. — М.: Посев, 2006.

Баранов А.В. «Военная тревога 1927 г.» как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России)// Человек на исторических поворотах XX века. [Сб. ст.]. — Краснодар, 2006.

Баранов А.В. География расселения казачества на юге России в 1920-х гг.// Донской юридический институт. Ученые записки. Памяти Е.И. Осколкова (К 75-летию со дня рождения). Т. 16. — Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2001.

Баранов А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920—1924 гг.)// Альманах «Белая гвардия», № 8. Казачество России в Белом движении. — М.: Посев, 2005.

Баранов А.В. Политическая власть и сознание казачества на Северном Кавказе в 1926—1929 гг.// Казачий сборник. Выпуск 2. — Ростов н/Д.: ДЮИ, 2000.

Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921—1929). — СПб.,1996.

Барышная Н.А. Нациестроительство как способ формирования межэтнических отношений// Власть. Вып.3. 2014.

Батырь В.А. Международно-правовые проблемы квалификации преступления геноцида и «Катынское дело»// Государство и право. 2008. № 5.

Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917—1919 гг. — М.: Центрполиграф, 2011.

Беликов А.В. Взаимоотношения казаков и иногородних Кубанской области во второй половине XIX в.// Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 4. — Майкоп: Полиграф-Юг, 2009.

Белогорский Н.В. Дни Каледина// Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 4. — Берлин, 1928.

Белое дело: избранные произведения в 16 книгах. Дон и Добровольческая армия. — М., 1992.

Белоусов И.В. Казачий сепаратизм в России (1917—1920 гг.). Автореф дис. канд. ист. наук. — М., 1998.

Билый И.А. Казачьи земли: Территория и народонаселение. — Прага, 1928.

Богаевский А.П. 1918 г.// Белое дело. Ледяной поход. — М.: Голос, 1993.

Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. — Новочеркасск: Типография Управления Артиллерии ВВД, 1919.

Бондарь И.Ю. Архивные документы о голоде на Кубани 1932—1933 гг.// Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933гг. Материалы науч.-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009.

Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального сознания (1931—1956). — СПб.: ДНК, 2006.

Бугай Н.Ф. Депортации с юга России в 40-е гг. Причины, ход, последствия. — М., 1995.

Бугай Н.Ф. Казачество России: Отторжение, признание, возрождение (1917—90-е годы). — М., 2000.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы). — М., 1998.

Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации Сибири. 1905—1917. — Томск, 2000.

Бурда Э. В. Терское казачество в период революций и Гражданской войны 1917—1921 гг. // www.apn.ru/publications/article23367.htm

Бурда Э. В. Терское казачье восстание. 1918 год. — Нальчик, 2016.

Бутусин М.Я. Политика расказачивания// Казачество в истории России и пограничья: материалы межрег. науч.-практ. конференции (Улан-Удэ, 04.12.2009). — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010.

Быкадоров Ис.Ф. История казачества. Кн. I. — Прага: Библиотека вольного казачества — вільного козацтва, 1930.

Василенко С.Ю. Уральские казаки на Арале и Аму-Дарье в 1917—1920 гг. и создание Аму-Дарьинского казачьего войска. — Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». Вып. 3. 2010.

Вдовин А.И. Подлинная история русских. XX век. — М.: Алгоритм, 2010.

Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. — М., 2013.

Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII—XIX вв. — Ростов н/Д., 2001.

Великая Н.Н. Казаки и иногороднее население Терека: парадигмы развития (вторая половина XIX — начало XX в.)// Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 2. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАИ, 2008.

Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе Гражданской войны. — Ростов на/Д, 1995.

Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. — М.: Вече, 2008.

Венков А.В. Новороссийская катастрофа. Гибель Донской армии// Донские казаки в борьбе с большевиками (альманах). Вып. № 3. 2010.

Венков А.В. Вёшенское восстание. — М.: Вече, 2012.

Возрождение казачества: история и современность. Материалы к V Всероссийской (международной) научной конференции (сборник научных статей). — Новочеркасск, 1994.

Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. — Ростов н/Д., 1995.

Возрождение казачества: надежды и опасения. — М., 1998.

Волвенко А.А. Восстановление донского земства: упущенные возможности (1882—1917) //Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 4. — С.51—59.

Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать… Официальный заказ, историк и местная администрация (1902—1912 гг.) //Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. — СПб., 2006. — С. 115—125.

Волвенко А.А. Формирование и эволюция правительственного курса в отношении казачьих войск Юга России в конце 50-х— нач. 70 гг. XIX века //Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государсвенности. — Волгоград, 2007. — С. 26—29.

Волвенко А.А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864—1882 гг.) //Казачество России: прошлое и настоящее. — Ростов н/Д., 2008. — С. 196—213.

Волков С.В. Почему РФ — еще не Россия. Невостребованное наследие империи. — М.: Вече, 2010.

Воскобойников Г.Л. Казачество в Красной Армии в 20-е—30-е годы XX в.// Кубанское казачество: Три века исторического пути. Материалы Междунар.науч. конф., ст. Полтавская Краснодарского края, 23—27 сентября 1996 г. — Краснодар, 1996.

Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне 1914—1918. — М.: Изд-во Российской киновидеокомпании, 1994.

Воскобойников Г.Л., Батыров А.Д. Советская власть и казачество (1921 — июнь 1941). — М., 2003.

Воскобойников Г.А., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. — Ростов н/Д., 1986.

Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде. — Абакан, 1957.

Врангель П.Н. Записки: В 2 ч.// Белое дело: Летопись белой борьбы. [Сб. ст.]. — Берлин, 1928.

Высотина Е.А. Казачество в истории России, Забайкалья и Бурятии. — Улан-Удэ: ЭКОС, 2011.

Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. — М., 2006.

Ганин А.В. В тени «Весны». Бывшие офицеры под репрессиями начала 1930-х годов// Родина. № 6. 2014.

Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX—XX в. (1891—1917 гг.) — М.: Центрполиграф, 2008.

Ганин А.В. Поход на форт Александровский: судьба оренбургских казачьих частей Южной армии// Международная науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2001», МГУ. — www.hist.msu /Science/Conf/lomweb01/ganin.htm.

Геллнер Э. Нации и национализм. — М.,1991.

Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 55. Яновы и другие /сост. *Корягин С.В.* — М., 2005.

Генерал А.М. Каледин. Фронтовые письма 1915—1917 гг. — Ростов н/Д, 2011.

Генис В.Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году. «Дело Сафарова»// Вопросы истории. № 1. 1998.

Генис В.Л. Расказачивание в Советской России// Вопросы истории. № 1. 1994.

Геноцид и массовые репрессии: истребление по национальным и религиозным мотивам/ Под ред. Т.И. Ревяко, Н.В. Труе. — Мн.: Литература, 1996.

Геноцид. Материалы IV науч.-практ. конф. «Восстановление в правах казачьего народа» (Станица Гниловская, 30.10.2004). — Ростов н/Д.: Изд. дом «Птица», 2005.

Герберштейн С. Записки о Московии. — М.: Изд-во МГУ, 1988.

Герман О.Б. Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861—1920 гг. — Ростов н/Д., 2003.

Герман О.Б. Экономика казачьих и крестьянских хозяйств Дона во второй половине XIX — начале XX века //Казачество: прошлое и настоящее: Сб. науч. тр. — Волгоград, 2000. С. 164—184.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918—1920 гг. Т. I. Часть I. — Пекин, 1921.

Гирц К. Интерпретация культур. — М., 2004.

Глущенко В.В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуры российской государственности. — М., 2006.

Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. — М.: Вече, 2014.

Головин С.А., Шиндялов Н.А. Трагедия амурского казачества// Россия и АТР. Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). № 4(26).

Голуб И.А. Правда и ложь о «расказачивании» казаков. — М., 2009.

Голубинцев А.В. Казачья Вандея: (современное переиздание). — М.: Вече, 2012.

Гольцев В.А. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. — М.: Вече, 2009.

Гонов А.М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20—90-е годы XX века). — Нальчик, 1998.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1983.

Гражданская война в Казахстане: летопись событий. — Алма-Ата, 1974.

Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Грозный, 1972.

Грищенко А.Н. Казаки в донском антибольшевистском повстанческом движении (1920–1922 гг.)// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всерос. научн. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов н/Д). – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Гришаев В.Ф. «За отсутствием состава преступления…». О репрессиях сибирского казачества на Алтае. – Барнаул: Изд-во «Полинком», 2009.

Губенко О.В. Терское казачье войско в XV–XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). – Ессентуки: ООО «Издательский Дом», 2007.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Собр. соч. Т. III. – М.: Евразия, 1997.

Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. – СПб., 1829.

Декреты Советской власти. Т. I. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ: Алания, 2007.

Дзидзоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 годы. – Владикавказ, 2000.

Дневники казачьих офицеров (Составление, научная редакция П.Н. Стрелянова-Калабухова). – М.: Центрполиграф, 2004.

Долбилов М.Д. «Западные окраины Российской империи» и проблема сравнительного изучения окраин /Ab Imperio. 2008. № 4. – С. 390–404.

Донские казаки в прошлом и настоящем. Сб. науч. ст. – Ростов н/Д., 1998.

Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб., 2001.

Дробязко С.И. Эвакуация войск ВСЮР с Кавказского побережья (январь–май 1920 г.)// Донские казаки в борьбе с большевиками (альманах). Вып. № 4. – С. 20–52; Вып. № 5 (продолжение). – С. 31–52.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914-1917). – Л., 1967.

Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л., 1978.

Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьеиюньской системы. – Л.,1988.

Егоров А.И. Разгром Деникина 1919 г. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastika. 2003.

Елагин А.С. Из истории героической борьбы партизан Семиречья. – Алма-Ата, 1957.

Елисеев Ф.И. Лабинцы. Побег из красной России. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.

Енина И.А. Исследователь Донской старины// Донской временник 2004. – Ростов н/Д., 2003. – С. 108–111.

Жаков М.П. Донская контрреволюция// Казачий сборник. Вып. 2. – Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000.

Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г.// Вопросы истории. 2002. № 1.

Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993.

Законы о воинской повинности казачьих войск. — СПб., 1901.

Залежский В. Монархисты. — Харьков, 1930.

Записка по вопросу предстоящих реформ в войске Донском, представленная бывшему войсковому Атаману этого войска Барону Таубе Коллежским Советником В.С. Ивановым. Б.м., [191-?].

Заседателева Л.В. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Историко-этнографические очерки. — М., 1974.

Зеленая книга. История крестьянского движения Черноморской губернии. Сборник материалов и документов, собранных Н. Вороновичем. — Прага, 1921.

Зеленин Дм. У Оренбургских казаков. Отд. отт. из вып. LXVII «Этнографическое обозрение». — М., 1906.

Золотов В.А., Пронштейн А.П. За землю, за волю… — Ростов н/Д, 1974.

Ибятов Ф.М. О казачестве без пристрастий и мифов// Вопросы национализма. 2012. № 11. — С. 135—144.

Иванов А.В. Уральское казачество в Гражданской войне// Материалы научно-практической конференции «Гражданская война на Урале» (к 90-летию окончания Гражданской войны в России) 1-2 ноября 2012 г., Верхотурье. — Екатеринбург, 2012.

Ивлев М.Н. Атаман Борис Анненков// Станица. № 1 (52). 2009.

Ивлев М.Н. Борьба семиреченского казачества с большевизмом в 1917—1922 гг.// Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». Вып. 1. 2009.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД в 4-х томах./ Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 2. — М., 2000.

Исаев В.В. Алтайское казачество XVIII — начала XX века// Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1(41).

Исаев В.В. Противостояние казачества и крестьянства на Алтае в годы Гражданской войны// Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Материалы науч.-практ. конф. — Тюмень: «Печатник», 2015.

История казачества Азиатской России : в 3-х томах. Т. 3. XX век. — Екатеринбург, 1998.

История революционного движения на Тереке. — Пятигорск, 1924.

Казаки: геноцид казацкого народа. (Автор-составитель *М.М. Болдырев*). — М., 2008.

Казаки: мы хотим выжить — и жить как народ. (Материалы НСК). — М., 2009.

Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — М.: «Русский импульс», 2006.

Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917—1940 гг. — М.— Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 1999.

Казачество. Энциклопедия (издание 2-е). — М., 2008.

Казачий Дон. Очерки истории. Ч.II. — Ростов н/Д.,1995.

Каклюгин К.П. Войсковой атаман А.М. Каледин и его время// Донская летопись. — Белград. Выпуск 2. 1923.

Каманин И.М. К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого. — Киев, 1894.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. — Калуга, 1993.

Кара-Мурза С.Г. Гражданская война в России. — М.: Алгоритм, 2014.

Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. — М.: Алгоритм, Научный эксперт, 2014.

Касьянов А.А. Казацкий народ (краткая история). — Ростов н/Д., 2010.

Кильдюшов О.В. Неудобное большинство. Этнополитический статус русских в СССР// Вопросы национализма. № 2(14). 2013. — С. 161—172.

Кирченко Ю.К. Революция и донское казачество. — Ростов н/Д, 1988.

Кислицын С.А. К вопросу о понятиях: геноцид казачества или антиказачий террор на грани геноцида// Казачий сборник. Выпуск 2. — Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000.

Кислицын С.А. О мифе «геноцида казачества» в историографии донского казачества// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской научной конференции. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Кислицын С.А. Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов: Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920-1930-е годы. Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2014.

Кислицын С.А Указ и шашка: политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. — М.: ЛЕНАНД, 2015.

Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. — М., 2001.

Кожанов А.П. Донское казачество в 20-х гг. XX века. — Ростов н/Д., 2004.

Кожанов А.П. К демографической характеристике казачьего населения Северного Кавказа накануне сплошной коллективизации// Изв. Сев.-Кав. Науч. центра высш. шк. Обществ. Науки. — Ростов н/Д., № 3. 1986.

Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). — Ростов н/Д.,1996.

Козлов А.И. На историческом повороте. — Ростов н/Д., 1977.

Козлов В.А. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности// ОНС, 2003. № 4.

Козловский Е. Красная Армия в Средней Азии. Военно-исторический очерк. — Ташкент, 1928.

Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. — Калинин, 1970.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г.// Международное право в документах/Сост. Н.Т. Блатова, Г.Н. Мелков. — М.: Проф. образование, 2003.

Кондрашин В.В. Был ли голод в 1932—1933 годах в Украине геноцидом украинского народа?// Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России: Сборник научных статей. Вып. 2. — Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2004.

Корниенко Б.С. Идеология казачьего национализма в начале XX века: анализ программы «группы Холмского» //Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10. — Ставрополь, Пятигорск, 2008. — С. 105—123.

Корниенко Б.С. Донской атаман Ф.Ф. Таубе: превращение имперского чиновника в икону казачьего национализма // Ab Imperio. 2009. № 1. — С. 227 — 257.

Корниенко Б.С. Участие националистов Донской области в парламентских выборах 1912 года //Исторические записки /Отделение историко-филологических наук РАН. — М., 2010. Вып. 13 (131) /сост. и отв. ред. Б.В. Ананьич. — С. 205—224.

Корниенко Б.С. Русское казачество или казачья нация? Проблема самоопределения в идеологии казачьего национализма начала XX века //Клио. 2011. № 1(52). — С. 3—11.

Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеологий национализма (1909—1914). — СПб., 2013.

Королев В.Н. Старые Вешки. Ростов н/Д., 1991.

Кортунов А.И. Особенности формирования полиэтничной казачьей общины на Южном Урале в XVI — XIX веках// Сибирское казачество: история и современность: сб. науч. ст. — Омск: Изд. дом «Наука», 2011. — С. 89—98.

Кортунов А.И. К вопросу о многонациональности и поликонфессиональности казачества// Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. — Тюмень: Изд-во ТГУ, 2012. — С. 127—132.

Котек Ж., Ригуло И. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний/Пер. с фр. — М., 2003.

Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. — М., 2001.

Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское// Белое дело. Дон и Добровольческая армия. — М.: Голос, 1992.

Красный террор глазами очевидцев. — М.: Айрис-пресс, 2014.

Красный террор на Юге России / предисл., комментарии д.и.н. С.В. Волкова. — М.: Айрис-пресс, 2013.

Красовицкая Т.Ю. Гражданская война и национальный вопрос// Гражданская война в России 1917—1922. Сб. науч. ст. — М.: Изд-во Ипполитова, 2006.

Кратова Н.В. К вопросу о причинах повстанческого движения на Кубани в начале 1920-х гг.// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28—29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). — Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Крестная ноша: Трагедия казачества. Часть I. — Ростов н/Д.: Изд-во НПК «Гефест», 1994.

Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922г.: Документы и материалы. — М., 2002.

Курлов П.Г. Гибель императорской России: Воспоминания. — М., 2002.

Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.Л. и друг. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. — М., 2001.

Куценко И.Я. Кубанское казачество. — Краснодар, 1990.

Лебедик Н.И. Кризис аграрной политики царизма в казачьих районах (на материалах Кубанского войска)// Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне. — Материалы Всесоюзной научной конференции. — Черкесск: изд-во Карач.-Черк. НИИ истории, филологии и экономики, 1984.

Левицкий В. Правые партии //Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. — СПб., 1914. — С. 247—469.

Лукашук И.И. Международное право: Особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: «Волтерс Клувер», 2005.

Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907—1914. — Пермь, 2001.

Лысенко Н.Н. Нация или субэтнос? Размышления об этногенетической природе казачества// Вопросы национализма. 2012. Вып. 11. — С. 111—134.

Лысенко Н.Н. Современное казачество России: этносоциальный облик, основные проблемы и задачи// Казачество России от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (Тюмень, 25—28.10.2012). — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. — С. 142—152.

Лысенко Н.Н. Депортации народов Северного Кавказа 30—40-х гг. XX века: репрессии или геноцид?// 25 лет Республике Ингушетия. Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф (Магас, 22—24.05.2017).— Магас, 2017. — С. 123—132.

Лысенко Н.Н. Красный террор режима РКП(б) на Кубани в период Малой Гражданской войны 1920-1922 годов// Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всероссийской научно-практ. конф.: Тюмень, 26—28 октября 2017 г. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2017. — С. 137—152.

Лысенко Н.Н. Необольшевизм: опасность дискурса по реабилитации государственного террора режима РКП(б)-ВКП(б)// Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всероссийской научно-практ. конф.: Тюмень, 26—28 октября 2017 г. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2017. — С. 152—164.

Лысенко Н.Н. Основные понятия казаковедения: термины и смыслы// Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: материалы Всероссийской научно-практ. конф.: Тюмень, 26—28 октября 2017 г. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2017. — С. 164—177.

Любавский М.К. Начальная история малорусского казачества// Журнал Министерства народного просвещения. 1895, № 7.

Макаренко М.Ю. Население Кубани в 1920—1926 гг. Дис. канд. ист. наук. — Краснодар, 1997.

Маркедонов С.М. Зарождение и эволюция казачьего национализма //Межнациональные отношения сегодня. — Ростов н/Д., Тбилиси, 1996. — С.76—83.

Маркедонов С.М. Донское казачество и Российская империя //Общественные науки и современность. 1998. № 1. — С. 103—111.

Маркедонов С.М. Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казацких сообществ) //Общественные науки и современность. 2005. № 1. — С. 95—108.

Марченко Г.В. Дорогой чести. Генерал Каледин. Военная и государственная деятельность А.М. Каледина (1889—1918 гг.). — М., 1996.

Маццзато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу //Новая имперская история постсоветского пространства /Ред. и сост. : Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. — Казань, 2004. — С. 427—458.

Медведев Р.А., Стариков С.И. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. — М.: «Патриот». 1989.

Международное право в документах/Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. — М.: Профобразование, 2003.

Мельгунов С.П. Красный террор в России. — М.: Айрис-пресс, 2008.

Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области// Кубанский сборник. Т. VI. — Екатеринодар, 1900.

Мининков Н.А. Павел Петрович Сахаров — историк донского казачества //Казачий сборник. Вып. 3. — Ростов н/Д., 2002. С. 216—320.

Миронов Б.И. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2-х томах. 3-е изд. Т.1. — М., 2003.

Могильнер М. Homo imperii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX вв.). — М., 2008.

Морозов Е.Ф. О демократии либеральной и традиционной// Донские казаки в борьбе с большевиками: Воспоминания начальника штаба Донских армий и войскового штаба Генштаба генерал-майора И.А. Полякова. — М.: Кучково поле; Гиперборея. 2007.

Морозова О.М. О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в.— 1920г.)// Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 2. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

Морозова О.М. Под Мальтийским крестом на полях Гражданской войны в России// Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 3. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры… Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Назаров Герман. Дальше, дальше, дальше… К правде// — Москва. № 12. 1989.

Назаров Я. Восстание в Верхне-Донском округе Донецкой области// Белая Гвардия. № 6. Антибольшевистское повстанческое движение. — М.: Посев, 2002.

Неймарк Норман М. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. — М.: АИРО-XX; — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005.

Необходимые условия и пути сохранения казацкого народа в исторической перспективе: Сб. науч. трудов V Юбилейной международной научно-практ. конф. (Выпуск II). — Ростов н/Д., 2006

Непролетарские партии России. Урок истории. — М., 1984.

Непролетарские партии в трех революциях. — М., 1989.

Нестеров Н.И. Кто они, донские казаки? — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008.

Никитин В.Ф. Казачество: нация или сословие? — М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Оганесян С.С. Об истоках правового нигилизма нашего народа// Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2011. № 5-6. — С. 14—21.

Оганесян С.С. Современное значение понятия «толерантность» как отражение новой ментальной цивилизации// Ценности и смыслы. 2016, № 1. — С. 118—128.

Оганесян С.С. О мировоззренческих ценностях священных писаний, подпадающих под действие уголовного кодекса РФ// Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 1 (152). — С. 1—7.

Огаров О. Агония белых в Синцзянской провинции// Военная мысль [Ташкент]. 1921.

Олтаржевский Г. Первая кровь Гражданской войны. — moslenta.ru/article/2015/11/14/firstbloodcivilwar.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. — Вашингтон, 1981.

Омельянчук И.В. Черносотенное движение на территории Украины (1904—1914 гг.). — Киев, 2000.

Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. — Ростов н/Д., 1973.

Офицеры российской гвардии в Белой борьбе /Сост. С.В. Волков. — М., 2002.

Падерин А.А. Особенности участия Уральского казачества в Гражданской войне// Вестник МГИМО-Университета. № 6 (27). 2012.

Панарин А.С. Искушение глобализмом. — М.: ЭКСМО-пресс, 2002.

Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. — М.-Л., 1925.

Певнев А.П. Кубанские казаки. Пособие для учеников станичных школ. — Екатеринодар, 1911.

Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и ее последствия (1920—1945 гг.) — М.: Национальный институт бизнеса, 2002.

Перехов А.Я. Власть и казачество: поиск согласия. 1920—1926. — Ростов н/Д., 1992.

Перехов Я.А. О расказачивании и геноциде (некоторые дискуссионные вопросы)// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всерос. научн. конф. —Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий: опыт историко-правового анализа. — М., 2005.

Погорельский И.В. История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917-1924 гг. — Л., 1984.

Пожидаева Г.В. Разложение казачьей общины накануне 1917 года. (По материалам Южного Урала)// Вопросы аграрной политики Урала и Западной Сибири. — Курган: Изд-во КГПИ, 1971.

Покровский С.И. Победа Советской власти в Семиречье. — Алма-Ата, 1961.

Полищук И.С. О русском менталитете// КЛИО. Журнал для ученых. № 1(28). 2005.

Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками 1917—1919. — М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007.

Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. Гребенское войско. (Репринтное издание). — Нальчик, 2001.

Попов Х.И. Краткий очерк прошлого Донского казачества //Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 7. — Новочеркасск, 1907.

Правые партии: Документы и материалы. — М., 1998.

Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. — М., 1995.

Пролетарская революция на Дону. Материалы Донбюро Истпарта. Вып. 4. — Ростов н/Д, 1924.

Пустогаров В.В. Оговорка Мартенса – история и юридическое содержание// Право и политика. № 3. 2000.

Путинцев В. Истинно наше преступление// Военный сборник. № 4. 1911.

Ремнев А., Суворова Н. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // Ab Imperio. 2008. №2. С. 157—222.

Ригельман А.И. История или повествование о донских казаках. — М., 1848.

Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. — Киев: Либідь, 1994.

Рогожкин А.В. Проблемы квалификации преступления геноцида и его имплементации в международном праве. — www.proza.ru/2016/09/03/1589

Рожков А.Ю. «Мыши съели людей...»: память о голоде 1932-1933 годов в откликах на публикации И.И. Алексеенко// Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 г. Материалы науч.-практ. конф. — Краснодар: Традиция, 2009.

Российское казачество: Научно-справочное издание. — М., 2003.

Россия и Германия накануне Великой войны: Воспоминания очевидцев. — СПб.: Северный рубеж, 1997.

Рошнов А.Ю. «Казарма хуже тюрьмы»// Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006.

Рукосуев Е.Ю. Казачество — права и обязанности сословия. //Вопросы истории. 1998. № 5. С. 138—142.

Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов// Этнографическое обозрение. 2000. № 5.

Рыбаков С.Е. Этнос и этничность// Этнографическое обозрение. 2003. № 3.

Рыблова М.А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях// Этнографическое обозрение. 2010. № 6.

Рыжкова Н.В. Гражданское состояние Области войска Донского в 1914—1917 гг. (по архивным источникам) //Проблемы источниковедения и отечественной истории (памяти А.П. Пронштейна). — Ростов н/Д., 1999. — С. 175—195.

С Кубани (подборка писем)/ Вольное казачество. № 35. 1929.

Савельев Е.П. Кто был Ермак и его сподвижники. — Новочеркасск, 1904.

Савельев Е.П. Казак. Сборник песен и стихотворений о боевой жизни казаков. — Новочеркасск, 1905.

Савельев Е.П. Войсковой круг на Дону. Исторический очерк. — Новочеркасск, 1908.

Савельев Е.П. Как нужно писать историю вообще, а донского казачества в частности.// Донские областные ведомости. 12.10.1908. № 219.

Савельев Е.П. Типы донских казаков и особенности их говора. — Новочеркасск, 1908.

Савельев Е.П. Гибель Чернобога. — Новочеркасск, 1917.

Савельев Е.П. История казачества. Ч. I—III (репринт). — Ростов н/Д., «Памятники отечества», «Книжные редкости Дона», 1990.

Савельев Е.П. Древняя история казачества. — М.: Вече, 2008.

Савочкин А.А. Массовые репрессии 30-40-х гг. XX в. на Северном Кавказе как способ утверждения и поддержания исключительной самостоятельности государства. Автореф. дис. канд. юр. наук. — Владимир, 2008.

Самарина Н.В. Реформы 60-70-х годов XIX в. на Дону и казачество //Юго-Восток России в XIX — нач. XXв. — Ростов н/Д., 1994.

Сахаров П.П. Происхождение вольного Донского казачества и первые службы донцов России. — Новочеркасск, 1914.

Сахаров П.П. Происхождение донского казачества. — Ростов н/Д., 1914.

Сборник международных договоров. Т. 1. Ч. 2. Универсальные Договоры. ООН. — N.Y.–Jeneve, 1994.

Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549—1917). Исследования по истории государственного и административного права и политических движений. — Белград, 1924.

Сведения о казачьих общинах на Дону: Материалы по обычному праву, собранные Михаилом Харузиным. — Ростов н/Д.: ООО «Издательство Артель», 2010.

Семенов Ю.И. Социально-исторические организмы, этносы, нации// Этнографическое обозрение. 1996. № 3. — С. 11.

Сербин Р. Осмысление проблемы голода на Украине в свете конвенции ООН по вопросам геноцида и анализа трудов Рафаэля Лемкина// Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР. Сб. науч. ст. — М.: РОССПЭН, 2011.

Сергеев В.Н. Борьба за власть Советов на Дону. Сб. документов. — Ростов н/Д., 1957.

Сергеев О.И. Казачье переселение с Дона на Дальний Восток в конце XIX—начале XX вв.// Казачество Дальнего Востока в XVII-XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 3. — Хабаровск: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2011.

Сергеев С.М. «Хозяева» против «наемников»: Русско-немецкое противостояние в императорской России// Вопросы национализма. Выпуск № 3. 2010.

Сергеев С.М. Столетняя война с «воскресающими мертвецами»: Польский вопрос и русский национализм в XIX — начале XX в.// Вопросы национализма. Выпуск № 6. 2011.

Серебренников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии Белых русских армий. 1919—1923. — Харбин, 1936.

Силин П. Астраханские расстрелы (Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий). — http://www.hrono.ru/libris/lib_ch/ch_ka13.html

Симбирцев И.А. ВЧК в ленинской России. 1917—1922. — М.: Центрполиграф, 2008.

Скорик А.П., Бондарев В.А. Коллективизация и расказачивание на Юге России в 1930-х гг. Основные проблемы и перспективы исследования// Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 2. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. — Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010.

Скрынников Р.Г. Царство террора. — СПб., 1992.

Смилга И. Мир трудовому казачеству!// Голос трудового казачества. 1920. 1 февраля.

Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках. — Волгоград, 1994.

Смит Э. Национализм и модернизм. — М., 2004.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: В 4 томах. Т. 1. 1918—1922 гг. — М., 2000.

Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. — М.: Русский миръ, 2008.

Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. — М.: Феория, 2009.

Солодухин Г.А. Жизнь и судьба одного казака// Джигитовка казаков по Белу Свету/ Составление, предисловие, научная редакция П.Н. Стрелянова-Калабухова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.

Сохранение и развития казацкого народа. Программа НСК. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. НСК (03.05.2008, Ростов н/Д.). — Ростов н/Д., 2008.

Социально-экономическая и духовная жизнь уральской казачьей общины в XIX-XX вв. (По материалам «Уральских Войсковых Ведомостей)./Сост. Е.И. Коротин. — СПб.: Реноме, 2011.

Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). — М., 1977.

Ставский В. Станица. Кубанские очерки. — М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1930.

Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.) — М.,1992.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Одиссея казачьего офицера (полковник Ф.И. Елисеев). — М.: Рейтар, 2001.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Корпус генерала Баратова. 1915—1918 гг. — М.: Рейтар, 2002.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии 1909—1918 гг. – М.: Центрполиграф, 2007.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Красный террор на Кубани. 1918—1920 гг.// Кубанский сборник: сб. науч. ст. по истории края. — Краснодар: ООО «Книга». Том 1 (22). 2006.

Стрелянов (Калабухов) П.Н., Киреев Ф.С., Картагузов С.В. Кубанские, Терские и Уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 г. — М.: Рейтар, 2007.

Суворин А.С. В ожидании века XX. Маленькие письма (1889—1903). — М., 2005.

Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919—1952 годы: в 3-х т. Т.1. — М.: Инсан, 1993.

Татищев В.Н. Лексикон Российский исторический, этнографический и политический// Избранные произведения. — Л., 1979.

Тархова Н.С. Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928—1933 гг. Дис. докт. ист. наук. — Саратов, 2006.

Терновый венец терского казачества: Воспоминания очевидцев расказачивания на Северном Кавказе. — Ставрополь: Поход, 1996.

Терри М. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923-1939. — М., 2011.

Тикиджьян Р.Г. Казачество и крестьянство Дона в революции и Гражданской войне 1917—1920 гг. Поиски консенсуса и противостояние// Казачий сборник. Выпуск 2. — Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 2000.

Тикиджьян Р.Г. История и культура народов Донского края и казачества. — Ростов н/Д: ООО «Донской издательский дом», 2010.

Тикиджьян Р.Г. Расказачивание как понятие, процесс и государственная политика: актуальные проблемы изучения// Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып. 3. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Толочко А.П. Черносотенцы в Сибири (1905 — февраль 1917 г.). — Омск, 1999.

Толстов В.С. От красных лап в неизвестную даль. Поход уральцев. — Уральск, 2007.

Топчий А.Т. Буржуазные реформы 60-80-х гг. XIX в. и проблемы казачества России //Проблемы истории казачества XVI-XX вв. — Ростов н/Д., 1995.

Трагедия казачества. Часть I. 1924-1934 гг. — Ростов н/Д.: НПК «Гефест», 1994.

Троцкий Л.Д. Казаки, в Советскую колонну стройся! По поводу предстоящего казачьего съезда// Голос трудового казачества. 1920. 1 февраля.

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 1—2. — М., 1926.

Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. — Берлин: Изд-во «Гранит», 1932.

Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд. (1917—1919 гг.)// Князья Трубецкие. Россия воспрянет! — М., 1996.

Трубецкой С.Е. Минувшее. Предисл. Н.А. Руднева. — М.: ДЭМ, 1991.

Трут В.П. Казачий излом (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). — Ростов н/Д, 1997.

Трут В.П. Истребить поголовно. Как организовать расказачивание// Родина. 2004.

Трут В.П. Казачество в период Октябрьской революции и на начальном этапе Гражданской войны. — Ростов н/Д., 2005.

Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. — М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Уйманов В.Н. Массовые репрессии в Западной Сибири в конце 20-х — начале 50-х гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. — Томск, 1995.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. — М.: Изд-во «Индрик», 1996.

Устав Международного военного трибунала: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. — М.: 1955.

Уткин А.И. Первая мировая война. — М.: «Культурная Революция», 2013.

Ушаков А.Ю. Русский Ульстер: семиреченская земельно-водная реформа 1921—1922 гг.// Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». Вып. 1. 2009.

Фельштинский Ю.Г. Безумие во имя идеи. — Родина. 1990. № 10.

Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Красный террор в годы Гражданской войны. — М.: Книговек, 2013.

Фокин Н.И. Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке. — М., 1996.

Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России //Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. — Самара, 2000.

Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. — Оренбург: ДИМУР, 1998.

Хижняк И.Л., Иншаков П.К. Годы боевые. — Краснодар: Краснодарское книж. изд-во, 1957.

Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? — М.: Центрполиграф, 2008.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб., 1998.

Хобсбаум Э. Век Империи. 1875—1914. — Ростов н/Д., 1999.

Холмский С.А. Сборник казачьих песен. — Курск, 1910.

Холмский С.А. Казачьи Думы. — Новочеркасск, 1911.

Холмский С.А. Как ведется хозяйство Новочеркасской станицы Донской области. — Новочеркасск, 1912.

Холмский С.А. Юбилейный сборник казачьей поэзии. 1812—1912. — Новочеркасск, 1912.

Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552—1917). — Смоленск. 2000.

Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. — М., 2012.

Цимбаев Н.И. Россия и русские: Национальный вопрос в Российской империи// Русский народ: историческая судьба в XX веке. — М., 1993.

Час скорби. Хронология казачьего геноцида. Сб. науч. ст. — Ростов н/Д., 2004.

Черкасов А.А. Институт заложничества на Кубани и в Черноморье в 1920—1922 гг.// Вопросы истории. № 10. 2004.

Черкасов А.А. Казачье повстанческое движение на Кубани в период «малой» Гражданской войны (1920—1922 гг.) и его характерные черты// Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всерос. науч. конф. — Ростов-н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Черкасов А.А., Чекерес О.Ю. К вопросу о красном терроре на территории Кубани и Черноморья в 1920—1922 гг.// История и историки в контексте времени: Сб. науч. тр. — Краснодар: Изд-во Куб. ГУ. Вып. 2. 2003.

Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. — М.,1976.

Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. — М., 1999.

Черновицкая Ю.В. Геноцид в условиях глобализации — от прямого к косвенному// Философские исследования. № 1. — М., 2006.

Черновицкая Ю.В. Геноцид — как явление политики (социально-философский аспект). Автореф. дис. канд. фил. наук. — Москва, 2006.

Черновицкая Ю.В. Глобальные проблемы и социальное насилие// Универсальный эволюционизм и глобализация. — М., 2006.

Черновицкая Ю.В. «Косвенный геноцид» в современном обществе (социально-философские аспекты)// Вопросы философии. 2008. № 10.

Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920-1922 гг.// Известия ВУЗ Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — Ростов н/Д, №3. 1998.

Шамбаров В.Е. Казачество: путь воинов Христовых. — М.: Алгоритм, 2013.

Шаповалов А. Казачество реабилитировано только на бумаге// Независимая газета. 2016.01.25. — (6626).

Шейн О' Рурк. Как отрабатывался механизм репрессий: высылка терских казаков в 1920 году// Отечественная история. 2008. № 5.

Шекшеев А.П. Енисейское казачество: антисоветская борьба и трагический исход// Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. Выпуск V. — Абакан, 2001.

Шкваров А.Г. Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям»казачьим. — СПб.: RME Group Oy: Алетейя, 2012.

Шкваров А.Г. Петр I и казаки. — СПб.: Алетейя, 2010.

Шлемин П.И. Национальные отношения и права человека в России (Диалоги с М.О.

Меньшиковым. 1906—1908). — М., 1993.

Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х т. (Репринтное издание). — Екатеринодар, б/и., 1910—1913.

Щетнев В.Е. Была ли сплошная коллективизация заключительным этапом расказачивания? // Казачество России: история и современность. Тезисы межд. научн.конф., Геленджик (8—11 октября 2002г.). — Краснодар, 2002.

Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: от Петра Великого до смерти Николая I. — М., 2002.

Усенко А.Н. Массовые политические репрессии 1930-х годов на Дону. Автореферат дис. канд. ист. наук. — Ростов н/Д., 2006.

Ушаков А.Ю. Завет атамана Ионова: о казачьей областной автономии в Семиречье // Альманах «Донские казаки в борьбе с большевиками». Вып. № 5. 2011.

Энциклопедия казачества/ Сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов. — М.: Вече, 2007.

Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»? // Свободная мысль — XXI. 2003. № 9.

50 лет без Сталина. Материалы «круглого стола» // Отечественная история. 2004. № 1.

Янов Г.П. Революция и донские казаки // Донская летопись. Выпуск № 2. — Белград, 1923.

Янов Г.П. Дон под большевиками весной 1918 года и восстание станиц на Дону // Донская летопись. № 3. — Белград, 1924.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. — London, 1983.

Ausky S.A. Kozaki. — Praha: Academia, 1999.

Armstrong J. Nations before Nationalism. — Chapel Hill, 1982.

Boeck J. Brian. Imperial Boundaries: Cossacks Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge University Press. — New York, 2009.

Brass P. Ethnicity and Nationalism. — London, 1991.

Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War. — Princeton, 1994.

Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, — London, 2004.

Churchill W. A Little Matter of Genocide. Holocaust and Denial in the Americas 1492 to the Present. — San Francisco: City lights, 1997.

Connor W. When is a Nation? //Ethnic and Racial Studies. 1990. № 1.

Connor W. Ethno-Nationalism: The Quest for Understanding. — Princeton, 1994.

Davis M. Late Victorian Holocausts: El Nino Famines and the Making of the Third World. — London: Verso, 2001.

Fishman J. Language and Nationalism: Two Integrative Essays. — Rowley, 1972.

Fishman J. Social Theory and Ethnography: Neglected Perspectives on Language and Ethnicity in Eastern Europe // Ethnic Diversity and Conflict in Eastern Europe/ Santa Barbara, 1980.

Gellately R., Kieman B. The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective. — Cambridge, VK: Cambridge University Press, 2003.

Gellner E. Nations and Nationalism. — Oxford, 1983.

Heshter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966. — London, 1975.

Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. — Cambridge, 1990.

Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. — Cambridge, 1995.

Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. — London, 1987.

Kedourie E. Nationalism. — London, 1960.

Kohn H. The Idea of Nationalism. — N.Y., 1967.

Lemkin Raphael. Axis Rule in Occupied Europe:Laws of Occupation? Analysis of Government, Proposals for Redress. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923—1939. — N.Y., 2001.

Moerman M. Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue? // American Anthropologist. 1965. Vol. 67.

Nora P. Les Lieux de Mémoire. — Paris, 1984, 1986. Vol. I—II.

Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Ghange Ethnicity// Ethnicity: Theory and Experience. — N.Y., 1998.

Russian Nationalism, Past and Present /Ed. by Geoffrey Hosking and Robert Service. — London, NY, 1998.

Staub E. The Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence. — Cambridge, VK: Cambridge University Press, 2001.

Van den Berge P. Ethnicity and the Sociobiology Debate. Theories of Ethnic and Race Relations. — Cambridge, 1988.

Van den Berge P. Does Race Matter? // Nations and Nationalism. 1995. № 3.

Научное издание

Лысенко Николай Николаевич
Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг.
Опыт этнополитического исследования

Авторская редакция

Художественное оформление В.С. Лещев
Компьютерная верстка И.А. Латунова
Корректор А.Ф. Насырова

Подписано в печать 14.11.2017 г.
Формат 60х90/8. Тираж 500 экз.
Заказ № 1154.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»
Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55
Тел.: 8-958-544-59-27; 8 (863) 219-84-55
E-mail: oooaltair_office@mail.ru
www.altair-rostov.ru